

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

0-23

Образование

1898г. №7-9

№4324 ж. о.

UC-NRLF

B 2 984 343

1959

Отдѣлъ XIII
№ инвентаря 2523
шкафъ Д полка 6
№ на полкѣ 63

Y
Y
OF
IA

18

Фр. Фр.

Киев Киев. Ун-т

05

0-23

ОБРАЗОВАНИЕ

Д. Сид.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И № 2523.

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 7—8.

ЮЛЬ—АВГУСТЪ.

1898.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Пл. Лассаля, д. 3.

N4324 ж/ф.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

11111 1888

1111

1111

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Июля 1898 г.

451
035
v. 7: 7-9

Что намъ нужно?

По поводу книги Э. Левассера—«Первоначальное образование въ цивилизованныхъ странахъ»).

„Давайте же учиться, дорогіе сограждане, давайте просвѣщать другъ друга. Распространяйте сокровища науки щедрою рукою. Свѣта, побольше свѣта! говорилъ Гете на своемъ смертномъ одрѣ. Я также зову свѣтъ страстнымъ призывомъ, я жажду свѣта для моей родины, для ея покоя, мощи, величія! Я говорю пламеннымъ демократамъ, равно какъ и упорнѣйшимъ рестроgrадамъ: только въ развитіи интеллектуальности страна наша найдетъ опору для соціального мира, найдетъ одновременно порядокъ и прогрессъ“.

Изъ рѣчи Гамбетты, произнесенной на конгрессѣ „Лиги Народнаго Образованія“, 21 апрѣля 1881 г.

Академикъ Э. Левассеръ представилъ на всемірной выставкѣ 1873 г. въ Вѣнѣ докладъ о первоначальномъ образованіи въ разныхъ странахъ. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать пять лѣтъ и все это время Левассеръ проработалъ надъ заинтересовавшимъ его вопросомъ. Результатомъ его двадцатипялѣтняго труда является недавно вышедшая книга: *L'Enseignement primaire dans les pays civilisés*. Эта замѣчательная книга безспорно заслуживаетъ вниманія не только педагоговъ, но и всѣхъ тѣхъ, кому дорого дѣло народнаго образованія.

Необходимость народнаго просвѣщенія не есть въ настоящее время пунктъ той или иной политической программы, не есть задача того или иного культурнаго теченія, философской школы. Могли существовать, и дѣйствительно существовали, съ одной стороны защитники и съ другой—противники образованія въ прошедшихъ вѣкахъ, когда вопросъ этотъ не выходилъ изъ области идеалистическихъ воззрѣній или филантропическихъ программъ. XIX вѣкъ, съ его всемірной конкуренціей народовъ и необычайнымъ ростомъ культуры, съ его гигантскими шагами въ области науки и техники устранилъ безповоротно всякое сомнѣніе въ необходимости свѣта знанія

для всей націи, показали, что для каждаго государства это есть вопросъ о — *быть или не быть*. «Въ настоящее время, говоритъ Левассеръ, вопросъ заключается уже не въ томъ, нужно ли просвѣщать народъ, а въ томъ, какимъ образомъ можно этого достигнуть наилучшимъ образомъ».

Народное просвѣщеніе является несомнѣнно однимъ изъ самыхъ значительныхъ и самыхъ плодотворныхъ приобрѣтеній XIX столѣтія. Нѣтъ ни одной страны, которая бы не издала за послѣдніе годы специальныхъ законовъ, не приняла бы тѣхъ или иныхъ мѣръ, имѣющихъ въ виду народное образованіе. Во многихъ странахъ законъ предписываетъ обязательность первоначальнаго образованія, объявляетъ его даровымъ и свѣтскимъ. «Слѣдующія страны признали обязательнымъ посѣщеніе школы дѣтьми: *Шотландія* (отъ 5—13 лѣтъ), *Франція* (ученіе продолжается отъ 6—13 лѣтн. возраста), *Пруссія* (отъ 6—14 л.), *Баденское вел. герц.* (отъ 6—14 л.), *Баварское королев.* (отъ 6—13 л., съ дополнительнымъ курсомъ отъ 13—16 л.) *Саксонія* (отъ 7—15 л., съ доп. к. отъ 14—17 лѣтъ), *Вюртембергъ* (отъ 6—13, съ доп. кур. отъ 14—18 лѣтъ), *Гессенъ* (6—14 л.), *Бруншвицъ* (5—14 л.), *Эльзасъ-Лотарингія и нѣмецкія герцогства* (6—14 л.), *Швейцарія* (Цюрихъ отъ 6—16 л., Бернъ отъ 6—15 л.), *Астрія* (отъ 6—14 л.), *Венрія* (отъ 6—12 л. и доп. кур. отъ 12—15 л.), *Испанія, Португалія* (отъ 6—9 л.), *Италія* (отъ 7—9 л.), *Румынія* (отъ 7—14 л.), *Швеція* (7—14 лѣтъ), *Норвегія* (7—13 л.), *Японія* (6—14 л.), *Новая Зеландія* (7—13 л.), *Соединенные Штаты* (въ большинствѣ штатовъ отъ 8—14 лѣтъ, въ остальныхъ отъ 6—16 л.), сверхъ того нѣкоторыя провинціи *Мексики, Аргентинской республики, Сальвадоръ* и др. мелкія государства». Въ *Даніи* уже въ 1721 г. былъ изданъ законъ, которымъ устанавливалась обязательность первоначальнаго обученія; наоборотъ, въ Англіи лишь въ 1870 г. законъ вмѣшивается въ дѣло народнаго обученія и разрѣшаетъ школьнымъ совѣтамъ (*school board*) предписывать обязательное посѣщеніе школы дѣтьми даннаго школьнаго округа. Нѣкоторыя нѣмецкія государства предписываютъ окончившимъ первоначальную школу посѣщать еще вечерніе или воскресные курсы.

Было бы, однако, большимъ заблужденіемъ думать, что стоитъ только издать законъ, и просвѣщеніе становится всеобщимъ. *Турція* еще въ 1847 г. постановила, чтобы всѣ дѣти посѣщали школу, однако тамъ, двадцать лѣтъ спустя едва насчитывали 1 ученика на 100 жителей. Въ 1869 г. тамъ изданъ былъ новый законъ, но и онъ остался мертвой буквой. Въ Греціи, Испаніи, Португаліи также признано закономъ обязательное обученіе, и тѣмъ не менѣе большинство населенія остается тамъ до сихъ поръ безграмотнымъ. Законъ, конечно, нуженъ, но еще необходимѣе твердая рѣшимость провести этотъ законъ въ жизнь; нужно, прежде всего, чтобы правительство и населеніе считали расходы на народное образованіе не менѣе производительными и обязательными, чѣмъ расходы на армію и флотъ, чтобы они сознали, что культивированіе народнаго ума

служить не меньшей охраной внутреннему миру и внѣшней безопасности, чѣмъ солдаты.

Всеобщее образование становится достояніемъ лишь тѣхъ націй, которыя не останавливаются ни передъ какими жертвами, ни передъ какими издержками. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты выступили наиболѣе рѣшительно на этотъ путь. Они тратятъ ежегодно на народное образованіе 884 мил. франковъ; почти во всѣхъ штатахъ расходъ на народное образованіе составляетъ главную статью бюджетныхъ издержекъ, во многихъ онъ даже превосходитъ сумму всѣхъ остальныхъ статей бюджета. И если Соединенные Штаты приносятъ большія жертвы народному просвѣщенію, чѣмъ какая либо другая страна, они также и достигли наибольшихъ результатовъ. Въ нихъ насчитывалось въ 1892—3 г. въ частныхъ и общественныхъ школахъ — 14.500,000 учащихся (на 68.275,000 населенія); для обученія этихъ милліоновъ дѣтей страна эта построила 237,000 школьныхъ зданій, въ которыхъ преподаютъ 388,000 учителей и учительницъ. «Если эта страна сдѣлалась тѣмъ, что она есть, она этимъ буквально обязана своей школѣ», заявилъ F. Vuisson на Филадельфійской выставкѣ въ своемъ докладѣ о первоначальномъ образованіи.

За Соединенными Штатами слѣдуютъ въ Европѣ Англія, Германія, Норвегія, Франція, Швеція; въ послѣднихъ рядахъ стоятъ Італія, Румынія, Испанія, Португалія и, наконецъ, Россія. Въ Англіи на каждые 100 жителей приходится 18,1 учащихся, въ Пруссіи—17,9, въ Норвегіи—15,2, во Франціи—14,5, въ Швеціи—14,1, въ Італіи—8,2, въ Румыніи, Португаліи—4,7; наконецъ, въ Россіи—меньше 3 учащихся. Мы видимъ, такимъ образомъ, что наше отечество до сихъ поръ еще находится въ хвостѣ *народной* цивилизаціи, не смотря на всѣ усилія, какия она сдѣлала за послѣднія десятилѣтія, чтобы выбиться изъ этого незавиднаго и опаснаго положенія; правда, что она до сихъ поръ тратитъ, *пропорціонально* числу жителей, на дѣло народнаго образованія меньше всякой другой страны. Она тратитъ, сравнительно, втрое меньше, чѣмъ Португалія, которая послѣ Россіи является самой отсталой страной.

Вопросъ о введеніи всеобщаго обученія сталъ у насъ въ послѣднее время злобой дня, и разрѣшеніе его въ благопріятномъ смыслѣ представляется, повидимому, задачей самого недалекаго будущаго. Вопросъ этотъ дебагируется на земскихъ собраніяхъ, заполняетъ столбцы газетъ и страницы журналовъ, занимаетъ правительственныя сферы. Однако, такъ ли ужъ близокъ желанный моментъ, когда всеобщее обязательное образованіе, такое, каковымъ его понимаютъ въ передовыхъ странахъ, войдетъ въ обиходъ русской жизни? Дѣйствительно-ли исполнится скоро завѣтная мечта Некрасова, и уже не далеко время,

Когда мужикъ не Блюхера
И не Милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?

Чтобы напомнить, какія трудности намъ еще нужно преодолѣть, мы приведемъ, пользуясь Левассеромъ, вкратцѣ исторію народнаго образованія во Франціи XIX ст.

«Правительство Консулата и Имперія Наполеона I, учредившее гимназіи и университеты, ничего не сдѣлало для первоначальной школы.. Наполеонъ очень слабо интересовался первоначальнымъ обученіемъ, и объ этомъ вопросѣ очень рѣдко упоминается въ его правительственныхъ актахъ». Въ 1811 г. онъ предписываетъ народнымъ учителямъ ограничиваться преподаваніемъ исключительно чтенія, письма и первыхъ правилъ ариѳметики. Инымъ языкомъ заговорилъ онъ во время *Ста дней*, когда симпатіи націи ему были такъ необходимы: «Принимая во вниманіе важное значеніе первоначальнаго образованія для общественнаго блага, желая поднять наши народныя школы на высоту требованій нашего просвѣщеннаго вѣка»... Въ 1815 г. двѣ трети новобранцевъ были безграмотны, т. е. 80 лѣтъ тому назадъ Франція стояла уже приблизительно на той ступени народной грамотности, какой Россія достигла теперь.

Правительство Реставраціи, охраняемое иностранными штыками, интересовалось народнымъ просвѣщеніемъ не многимъ болѣе, чѣмъ Первая Имперія. Людовикъ XVIII, правда, предписываетъ коммунамъ обучать дѣтей, но не принимаетъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы его предписаніе могло быть осуществлено. Въ 1824 г. онъ издаетъ указъ, которымъ народное образованіе отдавалось въ руки духовенства. Къ концу его правленія отмѣняются тѣ незначительныя субсидіи, какія получали «Ecoles mutuelles» и «болѣе 700 школъ закрываются». Къ этому времени, въ 1829 г., во Франціи числилось 30,536 школъ съ 1,357,934 учащихся (969,340 мальчиковъ и 388,594 дѣвочекъ), т. е. въ школахъ обучалось около $\frac{1}{4}$ части всѣхъ дѣтей 5—15 лѣт. возраста. Обученіе ограничивалось одной только грамотой и начатками численія. «До 1830 г. во Франціи существовали лишь первые контуры системы народнаго образованія».

Благотворный поворотъ наступаетъ съ восшествіемъ на престолъ Луи Филиппа, этого буржуазнаго короля, обязаннаго революціи своимъ трономъ. Правительство принялось энергично за дѣло народнаго образованія. По инициативѣ Гизо былъ обнародованъ въ 1833 г. первый важный въ исторіи Франціи школьный законъ. Всеобщая ревизія обнаружала самое жалкое состояніе большинства школъ. Школьныя зданія были плохи, учителя не стояли на высотѣ своего призванія, програмы преподаванія оставались тѣми же, какія были указаны Наполеономъ I. Законъ 28 Іюня 1833 г. далъ сильный толчекъ народному образованію. По этому закону каждая коммуна обязывалась имѣть свою школу (разрѣшалось, впрочемъ, имѣть одну школу на нѣсколько смежныхъ коммунахъ); каждое поселеніе, имѣющее болѣе 6,000 жителей, должно было содержать высшее народное училище и, наконецъ, каждый департаментъ обязанъ былъ учредить учительскій институтъ (*école normale*). Министерскій циркуляръ, разосланный всѣмъ учителямъ и инспекторамъ народныхъ школъ, выяснилъ имъ точку зрѣнія правительства: «Всеобщее народное обра-

зование является одною изъ гарантій порядка и соціальной устойчивости... При помощи вашихъ совокупныхъ усилій я надѣюсь вести успѣшно впередъ наше общее дѣло: не сомнѣвайтесь никогда въ томъ, что правительство будетъ вамъ оказывать поддержку, что оно постоянно и энергично будетъ заботиться объ исполненіи важной задачи, которая на васъ возложена. Всеобщность первоначальнаго образования представляетъ въ нашихъ глазахъ одну изъ самыхъ великихъ и наиболѣе неотложныхъ потребностей народа; поторопимся же ее удовлетворить» (см. *Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France. I. IV, ch. V.*). Число школъ быстро возросло, и вмѣстѣ съ тѣмъ число учащихся, дѣвочекъ и мальчиковъ. Въ 1847 г. во Франціи числилось уже около $3\frac{1}{2}$ миллионъ учащихся, т. е. около 10 на 100 жителей. Образование сдѣлалось свѣтскимъ въ значительной мѣрѣ. Для взрослыхъ были открыты вечерніе курсы и воскресныя школы и положены были первыя начала техническому и профессиональному образованію.

Законъ 1833 г. имѣлъ важные недостатки: онъ совершенно упускалъ изъ виду женское образованіе; сверхъ того, онъ взваливалъ издержки обученія главнымъ образомъ на родителей учащихся и на коммуну. Лишь въ крайнемъ случаѣ государство оказывало съ своей стороны денежную помощь. Не смотря однако на эти недостатки, благодаря просвѣтительной дѣятельности правленія Луи Филиппа, число школъ возросло до 80,000 и число безграмотныхъ новобранцевъ было низведено до $\frac{1}{4}$ (1847 г.). Революція 1848 г. должна была, казалось, окончательно разбить тяжелыя цѣпи невѣжества, сковывавшія народныя массы. Правительство Второй Республики выработало законопроектъ, установившій всеобщее обязательное и даровое первоначальное обученіе. Но проектъ этотъ «былъ снятъ съ очереди черезъ мѣсяць послѣ избранія принца Наполеона въ президенты республики, не удостоившись даже обсужденія въ палатѣ депутатовъ» (*Levasseur. L'Enseignement primaire, p. 53—54.*)

Вторая Имперія была временемъ испытаній для народныхъ школъ и народныхъ учителей. Наполеонъ III видѣлъ въ клерикализмѣ надежнѣйшую опору для своего трона. Этотъ императоръ, власть котораго имѣла своимъ источникомъ *coup d'état*, величавшій себя избранникомъ народной воли», считалъ однако народъ своимъ самымъ лютымъ врагомъ и всячески старался задержать и фальсифицировать народное просвѣщеніе, начавшееся при Луи Филиппѣ. Еще во время своего президентства Наполеону удалось провести законъ, который дѣлалъ вліяніе духовенства на народное образованіе преобладающимъ; о высшихъ народныхъ школахъ въ этомъ законѣ не упоминается, а жалованье народныхъ учителей было низведено до 500 и даже до 400 фр. въ годъ. Число учительскихъ институтовъ было ограничено 82. Этимъ такъ называемымъ закономъ *de Falloux* начинается періодъ реакціи въ дѣлѣ народнаго образованія. Воскресные и вечерніе курсы для взрослыхъ, благодаря разнаго рода стѣсненіямъ, исчезаютъ; высшія народныя школы уничтожаются; дешевая пресса, вошедшая въ народный обиходъ въ періодъ Второй Республики, из-

гоняется при помощи налога въ 6 сантимовъ на каждый экземпляръ газеты. Низшія школы поставлены въ условія существованія, не отвѣчавшія ни требованіямъ гігіены, ни запросамъ времени. Вліяніе клерикализма сдѣлалось господствующимъ.

Эта политика мракобѣсія не могла долго продолжаться, сколь бы она ни была любезна сердцу Наполеона и его сподвижниковъ. Гоненіе на образованіе шло въ разрѣзъ съ быстро растущей крупной промышленностью, нуждающейся въ развитыхъ рабочихъ; оно шло въ разрѣзъ съ требованіями земледѣлія, гдѣ приложеніе науки становилось все болѣе необходимымъ. Оппозиціонныя силы росли съ каждымъ годомъ; начиная съ войны въ Италіи отношенія между Наполеономъ III и клерикалами становятся все холоднѣе, и онъ все болѣе склоняется въ сторону либеральной политики. И, наконецъ, въ 1867 г. заканчивается періодъ гоненія на народное просвѣщеніе. Въ этомъ году министръ Дюрюи даетъ мощный толчекъ первоначальному обученію; онъ реорганизуеетъ учительскіе институты, поощряетъ курсы для взрослыхъ, расширяетъ программы низшихъ школъ внесеніемъ въ нихъ курса географіи и исторіи, увеличиваетъ число школъ. Но было уже слишкомъ поздно. Политика обскурантизма увѣнчалась позорнымъ паденіемъ и плѣномъ Наполеона III, пораженіемъ императорской арміи. *Прусскій школьный учитель* побѣдилъ деморализованную Францію.

Свѣжимъ воздухомъ повѣяло съ началомъ Третьей Республики. Нація поняла, что въ XIX столѣтіи всякая страна стоитъ передъ роковой дилеммой: просвѣщеніе или исчезновеніе. Правительство, опиравшееся на всеобщее избирательное право, приняло энергично просвѣщать своихъ избирателей. «Съ 1877 г. происходятъ важныя перемѣны въ законодательствѣ и организаціи первоначальнаго обученія». Каковы же были эти перемѣны? Въ сущности, *приходилось создавать почти все заново*, не смотря на то, что уже тогда Франція стояла много выше по своему народному образованію, чѣмъ нынѣшняя Россія *).

«Въ 1877 г. коммуны владѣли 41,401 школьными зданіями; но многія изъ этихъ зданій находились въ плохомъ состояніи, и многія коммуны совѣмъ не имѣли собственнаго школьнаго зданія». Между тѣмъ, просторное, удобное и опрятное зданіе имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ преподаванія и воспитанія: оно не только необходимо для того, чтобы занятія шли регулярно и не приносили бы вреда здоровью дѣтей и преподавателей, но оно также рождаетъ въ дѣтяхъ привычку къ чистотѣ и аккуратности, вселяетъ въ нихъ извѣстную привязанность къ самой школѣ. «Законъ 1 іюня 1878 г. обязывалъ всякую коммуну имѣть собственное школьное зданіе; для этой цѣли государство ассигновало 60 милліоновъ для раздачи коммунамъ въ видѣ субсидіи и другіе 60 милліоновъ для раздачи имъ въ

*) Въ 1872 г. во Франціи числилось 4.722,754 учащихся, т. е. при населеніи *втрое менше*, въ ней посѣщало школы *одное больше* дѣтей, чѣмъ нынѣ въ Россіи.

видѣ займа». Этихъ суммъ оказалось недостаточно для постройки во всей Франціи хорошихъ школьныхъ зданій, снабженныхъ надлежащими учебными пособиями. Новыми законами были ассигнованы дальнѣйшія суммы, и къ 1885 г. правительство изстратило (за 7 лѣтъ) для этой цѣли 358.283,322 фр., частью въ видѣ субсидій, частью въ видѣ займа коммуналь; коммуны, съ своей стороны, также истратили за это время 65 милл. Въ общемъ же Франція потратила съ 1878 г. на школьныя постройки болѣе 650 милл. фр., не считая Парижа, издержавшаго на этотъ предметъ въ свою очередь не менѣе 110 милл.

Закономъ 9 августа 1879 г. каждый департаментъ обязывается имѣть женскій учительскій институтъ (*école normale*), рядомъ съ мужскимъ, имѣвшимся уже раньше во всѣхъ департаментахъ. Въ то же время улучшается и расширяется программа этихъ институтовъ.

11 дек. 1880 г. организуются закономъ повсемѣстно ремесленныя школы.

Наконецъ, послѣ многолѣтнихъ дебатовъ, издаются три органическихъ закона 1881, 1882 и 1886 гг., которыми народное просвѣщеніе рѣшительно включается въ число государственныхъ задачъ первостепенной важности, и расходы на него возлагаются на государственную казну, а не на коммуны, какъ это было раньше. Этими тремя законами устанавливается *всеобщее, даровое и свѣтское первоначальное обученіе, обязательное для всѣхъ дѣтей отъ 6—13-лѣтняго возраста*. Программа школы, которую дѣти должны посѣщать въ продолженіе *семи лѣтъ*, включаетъ: чтеніе и письмо, французскую грамматику, арифметику, исторію и географію—главнымъ образомъ Франціи, начала естественной исторіи, рисованіе, пѣніе, ручную работу и гимнастическія и военныя упражненія. Одновременно приняты были мѣры къ улучшенію высшей народной школы, къ распространенію воскресныхъ и вечернихъ курсовъ для взрослыхъ, популярныхъ лекцій и бесѣдъ. Два специальныхъ закона 1889 и 1893 гг. занялись улучшеніемъ положенія народныхъ учителей. По этимъ законамъ народный учитель, начиная съ перваго же года, получаетъ *не менѣе 900 фр.* въ годъ; жалованье это постепенно увеличивается съ годами службы. Сверхъ того, учителямъ полагаются квартира при школѣ или квартирныя деньги. Насколько важны заботы о положеніи народнаго учителя, намъ легко понять, если мы вспомнимъ многочисленные факты, у насъ въ Россіи, бѣгства учителей изъ школы въ кабакъ, гдѣ мѣсто казеннаго сидѣльца оплачивается лучше и гораздо независимѣе и спокойнѣе, чѣмъ мѣсто учителя. Пока трудъ народнаго учителя оплачивается хуже, чѣмъ это необходимо для сколько-нибудь сносной культурной жизни, *пока занятія въ народной школѣ являются своего рода подвижничествомъ*, дѣло народнаго образованія стоитъ на шаткой почвѣ, подвержено всякимъ случайностямъ.

Проведеніе всеобщаго образованія въ жизнь требуетъ большихъ денежныхъ затратъ, и французское правительство не испугалось этихъ издержекъ. Казна тратила на одно первоначальное обученіе въ 1855 г.—5 мил. и въ 1875 г.—16 мил., она тратитъ въ 1892 г. уже 126 мил.,

Эти траты достигают своей цѣли. Въ 1895 г. было 171 мужскихъ и женскихъ учительскихъ института; 83242 народныхъ школы, въ которыхъ обучалось у 150,913 учителей и учительницъ 5,540,095 дѣтей (на половину мальчиковъ, на половину дѣвочекъ); сверхъ того 270,500 взрослыхъ посѣщало 15,538 воскресныхъ и вечернихъ школъ; наконецъ было прочитано 60,000 популярныхъ лекцій для народа. Школы снабжены библиотеками, съ которыми нѣтъ возможности сравнить наши народные грошовойя библиотеки.

Популярныя лекціи касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Пройдитесь по улицамъ крупнаго французскаго города и вы увидите множество объявленій о даровыхъ популярныхъ лекціяхъ, читаемыхъ то въ народныхъ библиотекахъ, то въ городской мэриі, то въ помѣщеніи частныхъ обществъ. Вы встрѣтите здѣсь объявленія о лекціяхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ: здѣсь фигурируютъ «Японія и японцы», «Море и пѣвцы моря», «Бюджетъ», «Швейцарія и ея учрежденія», «Рабочій и его значеніе въ европейской цивилизаціи», «Законъ о страхованіи противъ несчастныхъ случаевъ передъ парламентомъ», «Рембрандтъ и исторія искусства», «Театръ со времени Великой Революціи», «Искусство обжигать глиняную посуду», «Церковь и государство» и т. д. и т. д.

Въ русской литературѣ давно уже высказывалось мнѣніе, что низкій экономическій уровень народа является главѣйшимъ тормазомъ развитія просвѣщенія. Это мнѣніе одно время было такъ распространено, что всѣ энергичные общественные дѣятели забросили народное просвѣщеніе и направили всѣ свои усилія на поднятіе социального и экономическаго положенія крестьянъ, видя въ этомъ необходимое условіе возможности просвѣтительной дѣятельности. Еще въ самое послѣднее время было доказано съ статистическими данными въ рукахъ, что бѣдность крестьянскаго населенія является основной причиной: поздняго начала ученія, совпадающаго съ наступленіемъ зимы; слишкомъ ранняго конца его, наступающаго съ началомъ весны; неаккуратнаго посѣщенія школы учащимися, происходящаго нерѣдко вслѣдствіе недостатка теплаго платья и обуви; посылки дѣтей въ школу въ слишкомъ раннемъ возрастѣ, когда они не нужны дома какъ работники; невозможности удержать въ школѣ («никакими мѣрами») оканчивающихъ курсъ до пріѣзда экзаминатора и пр. и пр.

Французы, которые хотя и въ меньшей степени, но все же чувствуютъ вліяніе бѣдности на народное просвѣщеніе, нашли средство обойти это препятствіе. Въ послѣднее время все большее распространеніе получаютъ «*cantines scolaires*» (т. е. школьные ресторанички) и, на ряду съ ними, раздача одежды и обуви школьникамъ. Возьмемъ для примѣра городъ Рубэ (Roubaix). Съ 1892 г. городское самоуправленіе, попавшее въ руки рабочихъ, устроило при 23 городскихъ школахъ даровые обѣды для ребятъ. «Если не всѣ школы имѣютъ свою собственную организацію обѣдовъ, это объясняется тѣмъ, что нѣкоторые школьныя зданія недостаточно просторны для

устройства въ нихъ столовой, а санитарная коммиссія не позволяетъ, чтобы классныя комнаты служили также и столовыми» (*Quatre ans de gestion municipale ouvrière (1892—96), par Gustave Siauwe, p. 23*).

Въ Рубэ	было	роздано	за	189 ² / ₁	школьный	годъ	161,132	обѣда,
»	»	»	»	»	189 ³ / ₄	»	»	239,691
»	»	»	»	»	189 ⁴ / ₁	»	»	283,041

Люди, видѣвшіе своими глазами эти столовыя, гдѣ десятки дѣтей весело наполняютъ свои голодные желудки сытной и свѣжей пищей, выносятъ самое отрадное впечатлѣніе. Столовыя содержатся въ образцовой чистотѣ, между дѣтьми нѣтъ ни зависти, ни ссоръ. Хотя среди обѣдающихъ есть и платныя (*даромъ* обѣдъ дается дѣтямъ немущихъ родителей), но дѣти получаютъ одинаковыя билетки на право обѣда, и разницы между ними никакой не дѣлается. Платныхъ обѣдовъ немного: въ 189²/₁г.—1,451, въ 189³/₄—2329. По понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ дѣти получаютъ: супъ, мясо, картофель, хлѣбъ, и пиво; по вторникамъ и по пятницамъ вмѣсто супа дается бульонъ или молочный супъ, вмѣсто варенаго мяса—жаркое или яичница, вмѣсто картошки—горохъ или бобы. Такой обѣдъ обходится городу въ 17—19 сантимовъ, т. е. въ 6¹/₂—7¹/₂ копекъ; количество пищи вполне достаточное. При каждой столовой имѣется, конечно, особая кухарка.

Даровая раздача одежды и обуви также практикуется въ Рубэ. Въ 1895 году роздано было школьникамъ на 22,780 фр. штановъ, фуфаякъ, чулокъ, рубахъ, обуви и т. д.

Рабочій муниципалитетъ г. Рубэ руководится соображеніемъ, что «ребенокъ безусловно долженъ имѣть прежде всего здоровое и укрѣпляющее питаніе для тѣла, чтобы онъ могъ успѣшно переваривать умственную пищу. Давать хлѣбъ голоднымъ дѣтямъ, что можетъ быть болѣе справедливо и болѣе необходимо?» (*ibid. p. 22*).

Таковы усилія французской націи и плоды этихъ усилій въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣднія 20 лѣтъ. Однако, было бы ошибкой думать, что Франція можетъ уже теперь почитать на лаврахъ. «Прусскій народный учитель» также не стоялъ на одномъ мѣстѣ за эти годы, и средній уровень просвѣщенія германскаго народа все таки стоитъ выше образовательнаго уровня французскаго народа. Всемирная конкуренція народовъ имѣетъ такую же силу въ области народнаго образованія, какъ и въ сферѣ промышленности.

На примѣрѣ Франціи мы хотѣли показать, какое разстояніе насъ отдѣляетъ отъ передовыхъ цивилизованныхъ націй; мы хотѣли напомнить, что нужно намъ сдѣлать, чтобы Россія перестала быть послѣдней въ послѣднихъ рядахъ культурныхъ странъ. Мы хотѣли, наконецъ, выяснитъ, что необходимо прямое и дѣятельное вмѣшательство государственной власти для того, чтобы русскій народъ получилъ тѣ начатки просвѣщенія, въ которыхъ онъ такъ нуждается. Общественная самодѣятельность безспорно

приносила и принесетъ еще массу пользы въ этомъ отношеніи, не смотря на всѣ препятствія, на какія она наталкивается. Но она не въ состояніи найти тѣ десятки и сотни милліоновъ, которые необходимы, чтобы замѣнить наши курныя избушки удобными школьными зданіями, чтобы насадить школы повсюду и снабдить ихъ учебными пособиями, чтобы улучшить положеніе учителей, чтобы учредить достаточное количество хорошо поставленныхъ учительскихъ институтовъ, чтобы организовать повсемѣстно воскресные и вечерніе классы, создать народныя бібліотеки и т. д. и т. д.

«Распространеніе народнаго образованія измѣнило духовную фізіономію міра», заявляетъ Левассеръ. Какія же именно перемѣны внесло первоначальное образованіе въ духовный обликъ человѣчества? Какія преобразованія въ общественной жизни народовъ вызваны поднятіемъ ихъ интеллектуальности? Отвѣтить на этотъ вопросъ пока врядь ли возможно, такъ какъ характеръ общественной жизни опредѣляется не одной какой-либо силой, а равнодѣйствующей множества переплетающихся силъ. Однако статистика и исторія позволяютъ намъ сдѣлать нѣкоторые выводы.

Народное образованіе не уничтожило преступности: послѣдняя зависитъ отъ причинъ не только индивидуальнаго, но и соціальнаго характера. Но, во всякомъ случаѣ, статистика намъ показываетъ, что «безграмотные доставляютъ наибольшій процентъ преступленій противъ личности и собственности» (Levasseur, I. с. р. 496).

Народное образованіе не разрѣшило также соціальнаго вопроса, не устранило антагонизма классовыхъ интересовъ, не излѣчило человѣчества отъ недуга нищеты. Но оно способствовало, съ одной стороны, быстрому росту крупной промышленности и капиталовъ, которымъ нуженъ интеллигентный рабочій, и съ другой—возвысило заработную плату, за высоту которой просвѣщенный рабочій борется гораздо успѣшнѣе, чѣмъ неграмотный.

Наконецъ, что, бытъ можетъ, важнѣ всего, народное образованіе смягчило характеръ политической и общественной борьбы. Нельзя конечно установить строгаго соотвѣтствія между болѣе или менѣе бурнымъ характеромъ политической и соціальной жизни той или другой націи и степенью интеллектуальнаго развитія этихъ націй. Можно, однако, замѣтить, что, не смотря на различіе условій экономической и общественной жизни, нравовъ и обычаевъ, страны со всеобщимъ образованіемъ являются въ то же время странами, гдѣ эволюція совершается наиболѣе энергично и идетъ наиболѣе *мирнымъ* путемъ. Швеція и Норвегія, Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты, Германія и Швейцарія—всѣ эти страны не знаютъ болѣе общественныхъ катаклизмовъ, такъ какъ народъ благодаря первоначальному образованію научился въ нихъ отстаивать свои права на законной почвѣ. И эти страны отличаются не только политической

устойчивостью, но и мирнымъ характеромъ борьбы классовъ: для примѣра вспомнимъ послѣднюю стачку механиковъ въ Англіи.

Франція представляетъ, повидимому, исключеніе. Эта страна всеобщаго образованія является въ то же время родиной всякаго рода общественныхъ какашлизовъ. Но это только *повидимому*. На дѣлѣ же на ней наиболѣе ярко подтверждается фактъ смягчающаго вліянія всеобщаго образованія. Франція второй половины этого вѣка представляетъ гораздо болѣе мирную картину развитія, чѣмъ Франція первой половины XIX ст. И во второй половинѣ первая четверть еще дала трагическія сцены ожесточенной гражданской войны; вторая четверть является уже эпохой вполнѣ мирнаго развитія. Эта же четверть вѣка является и временемъ, когда первоначальное образованіе сдѣлалось всеобщимъ во Франціи.

П. Д.

Генрикъ Ибсенъ.

Въ Христіаніи, въ павильонѣ одной извѣстной кофейной, каждое утро лѣтомъ можно видѣть старика средняго роста, съ крупными энергичными чертами лица, рѣзко сдвинутыми бровями, съ суровымъ, сосредоточеннымъ взглядомъ. Упрямо торчащая вверхъ густая шапка волосъ гармонируетъ съ общимъ складомъ лица: оно дышетъ энергіей, своеобразной силой, не поддающейся никакому постороннему давленію.

Неподвижно сидя за кружкой пива, старикъ, повидимому, не замѣчаетъ устремленныхъ на него любопытныхъ глазъ. И если кто изъ сосѣдей рѣшится съ нимъ заговорить, онъ отвѣчаетъ неохотно, односложно: онъ скептически относится къ людямъ, не вѣряя имъ, быть можетъ, потому, что прежде слишкомъ довѣрялъ имъ.

Старикъ этотъ—знаменитый норвежскій драматургъ Генрикъ Ибсенъ.

Не много найдется въ наше время писателей, вызвавшихъ столько горячихъ преній, противорѣчивыхъ отзывовъ, какъ Генрикъ Ибсенъ. Произведенія его за послѣднія 10 лѣтъ облетѣли почти всю Европу. Такъ называемыя социальныя его драмы вызвали нескончаемыя оваціи и протесты какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ. Что же собственно привлекло къ Ибсену вниманіе публики, еще недавно почти игнорировавшей норвежскую литературу?

Прежде всего произведенія Ибсена носят печать таланта самобытнаго и оригинальнаго, чутко отзывающагося на всё жизненнаго явленія. Ни одна сторона современной жизни не осталась ему чужда; ни одна живая мысль, плодотворная идея не ускользнула отъ его умственнаго взора. Жизнь во всѣхъ ея разнообразныхъ формахъ и проявленіяхъ страстно привлекаетъ Ибсена; онъ относится къ ней не какъ безпристрастный лѣтописецъ, отмѣчающій извѣстные факты и заносящій ихъ на страницы исторіи: переживая всѣ муки современнаго человѣчества, онъ стремится открыть источникъ зла, чтобъ тѣмъ самымъ его уничтожить.

Въ тѣсной связи съ послѣдней чертой другое свойство Ибсена, повольно насъ къ нему притягивающее. Отрицательно относясь къ общественной жизни, онъ, въ то же время, дитя своего вѣка. XIX столѣтіе наложило на него печать сомнѣнія и скорби. Ибсенъ съ грустнымъ скептицизмомъ слѣдитъ за прогрессомъ исторіи: прогрессъ этотъ не удовлетворяетъ его идеаль — онъ стремится къ большому и къ лучшему.

Чтобъ понять и оцѣнить литературную дѣятельность Ибсена, необходимо бросить взглядъ на условія, въ которыхъ развились и сложились его дарованія.

Ибсенъ принадлежитъ къ старинной семьѣ датскаго происхожденія, съ примѣсью германской и шотландской національностей. Отсюда космополитизмъ, представляющій отличительную черту Ибсена; отсюда же его стремленіе къ идеализму и пуританству — характерныя черты шотландской націи. Германскій элементъ отразился въ его наклонности къ отвлеченному, строго-логическому мышленію.

Уже съ ранняго дѣтства Генрикъ Ибсенъ выдѣлялся среди окружающихъ его сверстниковъ. Сосредоточенный и вдумчивый, онъ чуждался дѣтскихъ игръ и забавъ. Нерѣдко убѣгалъ онъ отъ сестеръ, братьевъ и запирался въ маленькой комнатѣ, гдѣ хранились старинныя книги: чтеніе было его страстью. «Онъ никогда не былъ намъ веселымъ товарищемъ», рассказываетъ о немъ его сестра, «и чтобъ заставить его играть съ нами, мы старались мѣшать ему — бросали камнями или снѣжками въ его стѣну; когда мы слишкомъ ему надоѣдали, онъ выбѣгалъ и прогонялъ насъ».

Окружающая обстановка не способствовала развитію жизнерадостнаго, веселаго характера. Маленькій городокъ Скіенъ, гдѣ прошло первое дѣтство Ибсена, представлялъ тѣсный, мрачный уголокъ міра. Изъ дома на площадь рынка, гдѣ жили родители Ибсена, видѣлась церковь, рядомъ съ ней позорный столбъ — остатокъ средневѣковыхъ учрежденій, и ратуша съ мѣстомъ заключенія для сумасшедшихъ и тюрьмой, изъ рѣшетчатыхъ оконъ которой выглядывали блѣдныя, мрачныя лица». Далѣе тянулася длинная вереница однообразныхъ городскихъ зданій: нигдѣ зелени, нигдѣ просвѣта. А вдали раздавался шумъ двухъ каскадовъ — Лангефосъ и Клостерфосъ; и среди рва водопадовъ доносился

производительный голосъ—какъ бы крикъ, плачь и вздохи стонущей женщины...

Когда Ибсену было 8 лѣтъ, отецъ его, занимавшійся торговыми оборотами, потерпѣлъ неудачу въ дѣлахъ, и разоренная семья принуждена была переселиться въ небольшое полуразрушенное помѣстье близъ Скёна. Рѣзкій переходъ отъ довольства къ бѣдности отразился на отношеніи общества къ семьѣ Ибсенъ: почти всѣ друзья отъ нихъ отшатнулись, и имъ горькимъ опытомъ пришлось извѣдать всю непрочность и суетность человѣческихъ отношеній.

Такъ, одно за другимъ, ложились тяжелыя впечатлѣнія на дѣтской душѣ Ибсена, преждевременно поселяя въ ней недоувѣріе къ людямъ и къ жизни.

Не мало испытаній выпало на его долю и въ отроческіе годы. При страстной жаждѣ знанія, Ибсенъ получилъ лишь элементарное образованіе въ начальномъ училищѣ; бѣдность закрыла ему двери въ высшія учебныя заведенія и принудила отказаться отъ любимаго занятія живописью.

Шестнадцати лѣтъ Ибсенъ покинулъ семью и поступилъ ученикомъ къ аптекарю въ городѣ Гримстадѣ. Тяжелымъ гнетомъ легли на немъ пять лѣтъ, проведенныхъ за работой, такъ мало соотвѣтствовавшей его призванію, въ душной атмосферѣ провинціального городка. Не было кругомъ живой души, съ которой юноша могъ бы подѣлиться своими стремленіями и мечтами. Каждый здѣсь заботился лишь о хлѣбѣ насущномъ, поклоняясь золотому тельцу, съ презрѣніемъ относясь ко всякимъ отвлеченнымъ мудрствованіямъ. Обычай, традиціи, изъ вѣка въ вѣкъ передававшіеся отъ отца къ сыну, деспотически здѣсь властвовали, вытѣсняя всякое проявленіе индивидуальной самобытности. Юноша задыхался въ этомъ провинциальномъ муравейникѣ, всецѣло погруженномъ въ мелкіе, будничные интересы. Между тѣмъ какъ судьба приковала его къ аптекарской лавкѣ, онъ чувствовалъ призваніе къ художеству, къ поэзіи.

Въ свободныя минуты онъ писалъ стихи, изучалъ медицинскія науки, пополнялъ свое образованіе. Но минуты эти не могли вознаграждать за весь строй жизни. Душа его жаждала живыхъ впечатлѣній, рвалась на просторъ и свободу. Въ такомъ настроеніи застала Ибсена февральская революція 1848 года. Послѣдовавшія за ней возстанія Венгріи и Шлезвигская война отразились на его судьбѣ. Юноша напряженно слѣдилъ за развитіемъ событій, съ энтузіазмомъ присоединяясь къ тѣмъ, кто во имя свободы боролся противъ притѣснителей. Настроеніе это выразилось въ его первыхъ поэтическихъ произведеніяхъ—въ страстныхъ эпиграммахъ и сонетахъ. «Время было бурное», говоритъ Ибсенъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ, — «февральская революція, венгерское возстаніе, шлезвигская война—глубоко отозвались въ моей душѣ. Я писалъ громовыя посланія мадьярамъ, въ интересахъ свободы и человѣческихъ правъ убѣждая

ихъ продолжать бой съ тиранами; я писалъ сонеты, обращенные къ королю Оскару, заклиная его... спѣшить на помощь братьямъ на границѣ Шлезвига. Я былъ увѣренъ, что эти пламенные воззванія помогутъ дѣлу національнаго возрожденія мадьяръ и скандинавовъ... То было время, когда я лишь оцупью старался отыскать свой настоящій путь».

Можно себѣ представить переполохъ, вызванный поведеніемъ Ибсена среди его согражданъ. Юноша безъ положенія, безъ средствъ—простой аптекарскій ученикъ—осмѣливался не только свое мнѣніе имѣть, но открыто выступать съ словомъ протеста!—Цѣлый потокъ негодованія привѣтствовалъ первые его поэтическіе опыты. Ибсенъ принялъ брошенный ему вызовъ. Возмущеніе противъ общества, стремящагося поработить личность, подавить всякое проявленіе самостоятельности, побѣдило природную его застѣнчивость, изъ оборонительнаго положенія онъ вскорѣ перешелъ къ наступательному.

Первое его драматическое произведеніе «Катилина»—представляетъ страстное обличеніе всей соціальной жизни, основанной на несправедливости и всеобщей тиранніи: тираннія властителей, тираннія традицій и общественнаго мнѣнія.

Раннее столкновеніе съ отрицательными сторонами жизни отразилось на всемъ складѣ міросозерцанія Ибсена. Его первые поэтическія произведенія носятъ характеръ элегическій, иногда съ оттѣнкомъ сентиментальности.

Одинокій и потерянный среди шумнаго свѣта, 20-ти-лѣтній поэтъ удаляется въ міръ грезъ и мечтаній. Реальная жизнь не имѣетъ для него цѣны; дѣйствительности онъ предпочитаетъ идею—воспоминаніе вызвавшему его факту. Въ природѣ его привлекаютъ печальныя, мрачныя ея стороны, гармонирующія съ его настроеніемъ: унылый осенній вечеръ, темная ночь на кладбищѣ, буря въ лѣсу—таковы любимыя темы его стихотвореній. Мысли его чаще всего останавливаются на печаляхъ человѣческой жизни.

Въ одномъ изъ своихъ юношескихъ стихотвореній поэтъ описываетъ балъ. Наблюдая изъ уединеннаго угла веселія лица танцующихъ, онъ спрашиваетъ себя—что ихъ оживляетъ? Привело ли ихъ сюда ожиданіе радости и счастья? Нашли ли они, что искали, или этотъ праздничный залъ даетъ истинное понятіе о трагедіи человѣческой жизни?...—И въ чемъ смыслъ послѣдней?...—«Стремиться, надѣяться и разочароваться,—въ этихъ трехъ словахъ», говоритъ поэтъ, «выражается вся человѣческая жизнь».

Такой же мечтательно-пессимистическій характеръ носятъ и эротическія стихотворенія Ибсена этой эпохи. Въ стихотвореніи «Воспоминаніе бала» поэтъ встрѣчаетъ на балу прекрасную женщину, на мгновеніе воплощающую его отвлеченный идеалъ. Сердце его проникается любовью, онъ чувствуетъ себя безконечно счастливымъ. Но онъ не поддается соблазну. «Судьба, возьми отъ меня избытокъ счастья», говоритъ поэтъ. «Пусть не осквернится

этотъ часъ. Я нашелъ ее. Что остается мнѣ желать?» Поэтъ, въ 20 лѣтъ отрицавшій счастье и радости любви, всю жизнь обреченъ былъ занимать изолированное положеніе въ мірѣ. И дѣйствительно, даже впоследствии, когда крайній пессимизмъ смѣнился болѣе трезвымъ отношеніемъ къ жизни, онъ всегда оставался зрителемъ, слѣдящимъ за жизнью извнѣ, какъ бы съ высоты птичьяго полета. Отсюда отвлеченность и разсудочность многихъ послѣдующихъ драматическихъ произведеній.

Несмотря на холодное отношеніе общества къ первымъ литературнымъ опытамъ Ибсена, внутреннее чутье подсказывало ему, что здѣсь—истинное его призваніе.

Но чтобъ писать—необходимо знаніе, полученное же имъ образованіе было самое поверхностное. — Въ мартѣ 1850 года Ибсенъ покинулъ Гримштадтъ и, переселившись въ Христианію, сталъ подготовляться къ университетскому экзамену. Здѣсь жизнь его приняла новое направленіе.

Впродолженіе 1850-го года мы находимъ его то принимающимъ участіе въ рабочемъ движеніи, поднятомъ Маркомъ Трэнъ, то бросающимся въ политическія демонстраціи, то вмѣстѣ съ Бьернсономъ, сотрудникомъ небольшой еженедѣльной газеты «Monden», издававшейся двумя образованными писателями, Ганзеномъ и Винье.

Въ то же время, онъ занимался самообразованіемъ, писалъ поэмы и драматическіе наброски: избытокъ жизненныхъ силъ всюду искалъ выхода, но матеріальная нужда сковывала поэта. Первые драматическія произведенія Ибсена не имѣли успѣха. Драма «Катилина», обнаружившая несомнѣнныя дарованія автора, разошлась всего въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, при чемъ главнымъ покупателемъ явился лавочникъ, нуждавшійся въ оберточной бумагѣ. Литературнаго заработка не хватало на удовлетвореніе первыхъ жизненныхъ потребностей.

При такихъ обстоятельствахъ предложенное ему въ 1851 году мѣсто режиссера театра въ Бергенѣ явилось для него манной небесной.

Жалованье режиссера было небольшое, но все же не приходилось теперь заботиться о кускѣ хлѣба; съ другой стороны, новая дѣятельность доставила Ибсену необходимое для драматурга практическое знакомство со сценой.

Мы не будемъ останавливаться на различныхъ литературныхъ теченіяхъ: національномъ, романтическомъ и классическомъ, оказавшихъ вліяніе на творчество Ибсена въ періодъ его пятилѣтняго пребыванія въ Бергенѣ; не будемъ разбирать и драматическія произведенія этого періода, такъ же какъ слѣдующихъ семи лѣтъ, проведенныхъ въ Христианіи, гдѣ въ 1857 году онъ получилъ мѣсто директора норвежскаго театра.

«Фру Ингэръ изъ Эстрота», «Праздникъ въ Сольгаугѣ», «Викинги Гельголанда», «Комедія любви», «Претенденты на корону»— всѣ эти драмы чрезвычайно интересны какъ въ литературномъ,

такъ и въ художественномъ отношеніи; но разборъ ихъ увлекъ бы насъ слишкомъ далеко. При томъ произведенія эти, при всей красотѣ формы и богатствѣ содержанія, не обнаруживаютъ еще руки великаго мастера *). Тормазомъ въ развитіи таланта Ибсена служила окружающая атмосфера—холодная, подчасъ враждебная.

Общество въ Христианіи, равнодушное къ интересамъ искусства и литературы, не выносило направленной противъ себя критики. «Комедія любви», осмѣивавшая мѣщанскіе идеалы любви и брака, вызвала въ публикѣ взрывъ негодованія. Не много болѣе успѣха имѣли и остальные пьесы Ибсена: по прежнему онъ оставался одинокимъ, непризнаннымъ толпой. И дѣйствительно, что могло быть общаго между молодымъ поэтомъ, полнымъ идеальныхъ стремленій, жадно искавшимъ правды въ искусствѣ и въ жизни, и тѣмъ обществомъ, изображеніе котораго мы находимъ въ «Комедіи любви» и послѣдующихъ драмахъ Ибсена?

Горькое чувство изолированности, отчужденности отъ соотечественниковъ усилилось событіями датско-германской войны 1864 года. Правительство Швеціи и Норвегіи, обѣщавшее поддержать Данію, въ минуту бѣдствія отступило отъ своего слова: принять участіе въ опасной борьбѣ казалось безумнымъ Донъ-Кихотствомъ; осторожность ввела верхъ, и Данію предоставили ей судьбѣ. Такой поступокъ въ глазахъ Ибсена налагалъ несмываемое пятно на честь его родины. Въ немъ наглядно выразилось то отсутствіе силы духа, способности къ возвышенному, самоотверженному порыву, которое онъ видѣлъ въ окружающемъ обществѣ. Дальнѣйшая жизнь на родинѣ стала для него невозможной. Въ 1864 году Ибсенъ, получивъ скудное правительственное вспомоществованіе на поѣздку за границу, порвалъ со всѣмъ своимъ прошлымъ и покинулъ отечество, внушавшее ему глубокое презрѣніе. Съ этой минуты начинаются долгіе годы скитальческой жизни поэта. Изъ Норвегіи Ибсенъ отправился черезъ Триестъ въ Венецію и затѣмъ въ Римъ. Новая сильная впечатлѣнія дали толчокъ какъ общему, такъ и художественному его развитію, придали новый колоритъ его таланту, болѣе яркій, живой, мощный. Но среди остатковъ древней римской цивилизаціи и среди чудной, жизнерадостной итальянской природы Ибсенъ продолжалъ ощущать тѣсную, неразрывную связь свою съ отечествомъ: мысли его не могли оторваться отъ страны, съ которой связаны были первыя впечатлѣнія его жизни и всѣ перенесенныя имъ нравственныя муки. Настроеніе его въ этотъ періодъ литературной дѣятельности выражается въ драматическихъ поэмкахъ «Пасторъ Брандъ» и «Пееръ Гинтъ»—первыхъ написанныхъ на чужбинѣ произведеніяхъ, представляющихъ горячій протестъ противъ общественной трусости и лжи. Обѣ поэмы, не смотря на заключаю-

---

*) Исключеніе составляетъ, по нашему мнѣнію, драма «Викинги Гельголандъ», отразившая на себѣ вліяніе Шекспира и обнаруживающая несомнѣнный талантъ автора.

щуюся въ нихъ ѣдку сатиру, имѣли огромный успѣхъ. Но слѣдующая пьеса «Союзъ молодежи», въ отрицательномъ свѣтѣ представляющая представителей политическихъ партій въ Норвегіи, вызвала новый взрывъ негодованія.

Комедіи придали значеніе памфлета—нападеніе на извѣстныхъ политическихъ дѣятелей, и первое представленіе пьесы въ Христианіи, въ октябрѣ 1869 года, прошло среди дикаго шума свистковъ и аплодисментовъ. Ибсенъ, по прежнему, оставался непризнаннымъ пророкомъ въ отечествѣ: по прежнему соотечественники извращали его литературныя произведенія, придавая имъ характеръ личныхъ счетовъ. Между тѣмъ, Ибсенъ далеко былъ отъ мысли нападать на частныя лица или отдѣльныя партіи: весь строй общественной жизни представлялся ему основаннымъ на гниломъ фундаментѣ лжи и фальши; подобно Бранду, герою его поэмы, онъ мечталъ о полномъ, радикальномъ общественномъ переворотѣ. Поэтическая его фантазія минутами рисовала этотъ переворотъ въ грандіозномъ образѣ потопа, который поглотитъ весь міръ съ его устарѣвшими понятіями и формами *); тогда, на очищенной планетѣ возродится новая жизнь, на новыхъ началахъ правды и добра. Современная эпоха представлялась поэту сходной съ эпохой паденія древняго Египта, а также подобной послѣднимъ вѣкамъ Римской Имперіи, когда на развалинахъ старины возрождался новый міръ: въ томъ и другомъ историческомъ фактѣ онъ усматривалъ нравственное паденіе индивидуальности, повлекшее за собою паденіе общества и государства.

Была одна минута въ наше время, когда преобразовательныя мечты Ибсена, казалось, приблизились къ осуществленію. Это было въ эпоху франко-прусской войны 1870 года. Народное бѣдствіе являлось въ глазахъ Ибсена горниломъ, изъ котораго человѣкъ выйдетъ очищеннымъ отъ слабостей и пороковъ. Нравственное торжество онъ видѣлъ, поэтому, на сторонѣ не побѣдителей, а побѣжденныхъ. «Какой цѣной», спрашиваетъ онъ въ письмѣ къ Брандесу, «куплено національное величіе Пруссіи? Превращеніемъ личности въ политическую и географическую формулу... Ибсенъ предсказывалъ, что слава Пруссіи эфемерна и исчезнетъ безслѣдно, подобно величію древняго Египта. Въ стихотвореніи, извѣстномъ подъ названіемъ «Письмо съ воздушнаго шара», онъ излагаетъ свой общій взглядъ на исторію народовъ. «Въ медленномъ ходѣ цивилизаціи», говоритъ онъ, «... оазисы смѣняются пустынями; путь безконеченъ, исходъ скрытъ отъ нашего взора. Вѣчно тѣ же надежды, тѣ же стремленія... Личность исчезаетъ въ массѣ безличностей... имѣющихъ лишь количественное значеніе»...

И указывая на полчища варваровъ, осаждающихъ Парижъ, поэтъ спрашиваетъ: «Кому достанется пальма побѣды?»

«Кто изъ нихъ предстанетъ передъ нами, освѣщенный всемір-

*) Стихотвореніе Ибсена «Моему другу, революціонному оратору».

N 4324 эк. ф.

ной славой? Но въ побѣдѣ заключаются гибель; сабля Пруссіи станетъ ея бичомъ».

Человѣчество, по мнѣнію Ибсена, не созрѣло еще для полного освобожденія; но настанетъ минута — исчезнутъ всѣ традиціи и предрасудки, всѣ отжившія учрежденія, и тогда на первый планъ выдвинется личность, независимая и сильная.

Великій переворотъ въ духовномъ существѣ человѣка, по взглядамъ Ибсена, не можетъ быть купленъ слишкомъ дорогой цѣной; всѣ жертвы ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что приобрѣтаетъ человѣкъ, очищаясь черезъ страданіе. «Старая призрачная Франція разбита», писалъ онъ Брандесу 20 декабря 1870 года, «еслибъ разбилась теперь и новая, реальная Пруссія, мы бы сразу перевесились въ новую эру. О, какъ заволновались бы вокругъ насъ мысли! И давно порал...» «Понятія прошлаго столѣтія», пишетъ онъ далѣе, требуютъ новаго матеріала и новаго истолкованія. Свобода, равенство и братство не имѣютъ уже того значенія, какъ въ эпоху гильотины. Вотъ чего не хотятъ видѣть наши современные политики. Они стремятся лишь къ вѣшнымъ, частнымъ преобразованіямъ.

Событія Парижской коммуны разсѣяли надежды Ибсена на измѣненіе человѣческой жизни посредствомъ великаго социальнаго переворота. «Парижская коммуна», писалъ онъ Брандесу 18 мая 1871 года — «исказила мою прекрасную теорію о государствѣ. Теперь идея погублена на долгое время.

Отнынѣ политическіе вопросы отходятъ для Ибсена на послѣдній планъ, и онъ обращается къ изученію симптомовъ той нравственной болѣзни, которой заражено, по его убѣжденію, все современное общество Европы. Теперь періодъ исторической и полемической драмы кончился, и главный интересъ Ибсена сосредоточился на драмѣ изъ обыденной жизни. Онъ чувствовалъ, что стоитъ на поворотномъ пунктѣ въ своей литературной дѣятельности.

Но, чтобъ создать живые образцы настоящаго, необходимо было еще разъ побывать въ Норвегіи, вдохнуть въ себя воздухъ родной страны. И не одни литературные интересы побуждали его рѣшиться на этотъ шагъ: по мѣрѣ того, какъ уходили годы, онъ все сильнѣе ощущалъ стремленіе еще разъ увидѣть отечество. И когда въ 1874 г. онъ прислалъ въ Норвегію стихотвореніе по поводу тысячелѣтія оа объединенія, оно начиналось слѣдующими примирительными словами:

«Тебѣ, моему народу, который подаль мнѣ въ глубокой чашѣ цѣлбно-горькій, подкрѣпляющій напитокъ, вселилъ въ поэта, уже близкаго къ могилѣ, силу сражаться при лучахъ заходящаго солнца; тебѣ, моему народу, который снабдилъ меня сандаліями тоски, котомкой заботъ, посохомъ изгнанія, вооружилъ меня настойчивостью въ борьбѣ—тебѣ шлю я издалека мой привѣтъ».

Когда лѣтомъ 1874 года Ибсенъ пріѣхалъ въ Норвегію, онъ

былъ принять съ многочисленными выраженіями почета и уваженія: слава, прибрѣтенная имъ за границей, одержала верхъ надъ прежними недоразумѣніями.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на общее признаніе его заслугъ, не свободно дышалось Ибсену въ родной странѣ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вновь ее покинулъ и возвратился въ чужіе края.

Впродолженіе послѣднихъ 20 лѣтъ Ибсенъ, по прежнему, живетъ въ добровольномъ изгнаніи. Ни въ одной странѣ нѣтъ у него постоянного крова, постоянного мѣстожителства. Въ своихъ скитаніяхъ по Европѣ онъ не посѣщаетъ никакихъ общественныхъ круговъ и не завязываетъ дружескихъ сношеній. «Я живу самъ по себѣ», говоритъ онъ, — «безъ друзей. Друзья—дорогая роскошь; подобно политическимъ партіямъ, они налагаютъ обязательство говорить или молчать, судя по обстоятельствамъ. Я не вѣрю въ подобнаго рода обязательства. Я не принадлежу и не желаю принадлежать ни къ одной партіи и не пожертвую своими убѣжденіями ради притязаній какой либо организованной массы, будетъ ли эта масса называться партіей, или обществомъ»...

Съ 1875 года начинается новый періодъ въ литературной дѣятельности Ибсена. Оставляя въ сторонѣ политическіе факторы, онъ сосредоточивается на вопросахъ нравственного свойства. Онъ съ горечью отмѣчаетъ въ современномъ человѣкѣ паденіе всѣхъ высшихъ нравственныхъ качествъ: честь, правда, справедливость, альтруизмъ — всѣ эти качества существуютъ лишь въ видѣ пустыхъ звуковъ, красивыхъ фразъ. И кто же виновникъ паденія нравственности? Общество, поработившее человѣка, подчинившее его своей условной морали, основанной на лжи и компромиссѣ, лишившее его всякой личной инициативы, обществу, стадное большинство, — это первый врагъ индивидуальной личности. Отсюда выводъ: «самый сильный человѣкъ въ мірѣ», говоритъ докторъ Штокманъ (герой драмы «Врагъ народа») — «тотъ, который остается одинокимъ».

Въ этихъ горячихъ филиппикахъ Ибсена слышится какъ бы отзвукъ ученія Ж. Ж. Руссо. Подобно послѣднему, онъ на общество возлагаетъ всю отвѣтственность за наши пороки и слабости; и подобно Руссо, оправдывая человѣка, онъ глубоко вѣритъ въ его природныя добрыя свойства и въ конечное торжество добра надъ зломъ. Но если оба мыслителя сходятся, идеализируя человѣка, то взгляды ихъ на способъ искорененія зла диаметрально противоположны. Между тѣмъ какъ Руссо, проповѣдуя возвращеніе къ первобытной природѣ, съ ненавистью относится къ цивилизаціи и въ ней видитъ корень зла, Ибсенъ горячій ея приверженецъ. Взгляды его на этотъ вопросъ ярко подчеркиваются въ философскихъ и соціальныхъ его драмахъ. Большинство положительныхъ типовъ его современныхъ драмъ — люди съ серьезнымъ образованіемъ и многостороннимъ развитіемъ, примѣняющіе знаніе къ истинной филантропіи. Самые симпатич-

ные изъ женскихъ образовъ, созданныхъ Ибсеномъ—школьница учительницы, посвящающія свою жизнь распространенію народнаго образованія. Просвѣщеніе, въ воззрѣніяхъ Ибсена, заключается не въ одномъ усвоеніи знаній,—оно тѣсно связано съ вопросами нравственности. Главная его задача—въ выясненіи понятія о добрѣ и объ обязанностяхъ человѣка къ обществу, семьѣ и къ самому себѣ. Вторая задача просвѣщенія, не менѣе важная—въ томъ, чтобъ выработать характеры, сильные и твердые, способные воздѣйствовать на общество и постепенно преобразовать его. Современный человѣкъ утратилъ свою цѣльность и самобытность, разбѣялся на мелочи.

Жизнь его, честная и общественная, основана на компромиссѣ: компромиссъ въ нравственныхъ вопросахъ, компромиссъ въ религіи, компромиссъ въ соціальныхъ законахъ и обычаяхъ.

Въ этомъ, по мнѣнію Ибсена, главная язва, разъѣдающая общество XIX вѣка; и въ борьбѣ противъ этого зла заключается главная задача современной цивилизаціи.

Ибсенъ глубоко вѣрилъ, что настанетъ время, когда просвѣщеніе, въ концѣ концовъ, достигнетъ своей цѣли, и когда въ мѣрѣ вопарится полная гармонія—истина, справедливость и братская любовь.

II.

Въ произведеніяхъ Ибсена какъ въ зеркалѣ отражаются различные фазисы пережитой имъ умственной и нравственной эволюціи; читая его драмы, мы ясно видимъ постепенное развитіе его мысли.—Вопросы этическіе—вотъ что стояло для него на первомъ планѣ. Разрѣшенія ихъ онъ искалъ сначала въ древней исторіи, также въ средневѣковыхъ мифахъ и легендахъ Скандинавіи. Затѣмъ онъ обращается къ изученію тѣхъ же вопросовъ въ современной обыденной жизни. Какъ бы переходъ къ второму періоду творчества представляютъ двѣ драмы, относящіяся къ первой эпохѣ переселенія Ибсена за границу: это драматическія поэмы «Пасторъ Брандъ» и «Пееръ Гинтъ». Мы остановимся на разборѣ этихъ двухъ произведеній, оригинальныхъ столько же по формѣ, какъ и по содержанию, и положившихъ начало европейской славѣ Ибсена.

Дѣйствіе поэмы «Пасторъ Брандъ» происходитъ на берегу Норвежскаго фіорда, въ скалистыхъ горахъ съ снѣжными вершинами. Дикая суровая природа наложила тяжелую печать на мѣстныхъ жителей. Народъ здѣсь необразованъ и грубъ, исключительно преданъ заботамъ о трудно добываемыхъ средствахъ къ жизни. Отрѣзанный отъ остальнаго міра, лишенный всякой духовной пищи, онъ погрязъ въ тинѣ мелкихъ будничныхъ интересовъ. Религія его сводится на исполненіе внѣшнихъ обрядовъ; изъ молитвы Господней онъ твердо помнитъ лишь одни слова: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». — Этимъ

состояніемъ народа пользуются мѣстныя власти, чтобъ подчинить себѣ необразованную массу и направить ее согласно собственнымъ интересамъ. Интересы же ихъ весьма заурядные: выслужиться, получить орденъ, блеснуть передъ начальствомъ чиновничьей исполнительностью,

Типическій представитель этой среды старшина—ловкій опортунистъ, умѣющій подлаживаться и со всѣми ладить. На устахъ его постоянно слова «добродѣтель», «благо народа», «просвѣщеніе»; но онъ ничѣмъ никогда не поступился ради этихъ идей: идеи эти—внѣшнее украшеніе, которое легко сбрасывается, когда вѣтеръ подуетъ въ другую сторону. При томъ у него всегда оправданіе—семья, дѣти, ради которыхъ онъ обязанъ дѣлать извѣстныя уступки. «Не могу же я жертвовать своимъ благосостояніемъ», говоритъ онъ пастору Бранду, упрекающему его за двуличіе и лицемеріе,—«не могу я все думать о другихъ. У меня жена, много дочерей,—о нихъ долженъ я прежде всего позаботиться. Идея не утолить жажды и никого не насытить при такой семьѣ какъ моя. Если ктонибудь со мной не согласится, я скажу: онъ дурной отецъ». (IV актъ).

Сообразоваться съ обстоятельствами, плыть по теченію, соблюдая умѣренность и осторожность—таковъ девизъ старшины. Родственный ему типъ представляетъ архидіаконъ—сухой педантъ, сводящій религію на исполненіе однихъ внѣшнихъ обрядовъ.

Чиновникъ до мозга костей, онъ стремится все подвести подъ извѣстные законы и регламентаціи, все подчинить мертвому единообразію.—«Во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, говоритъ онъ, мы усматриваемъ единый, равно именуемый законъ. Въ художествѣ мы называемъ это школой, въ военномъ дѣлѣ—дисциплиной: всѣ маршируютъ въ ногу... Къ этому и стремится государство. Шагъ каждаго пусть будетъ одной мѣры».

Стремиться къ идеалу, по его мнѣнію, не только бесполезно, но и предсудительно: «не потому ли произошло Вавилонское столпотвореніе, что люди возмечтали подняться къ небесамъ?»—Вообще, какъ для религіи, такъ и для идеала, необходимо опредѣленное время, опредѣленныя рамки,

«Пусть человѣкъ работаетъ 6 дней, а 7-й посвящаетъ духовнымъ нуждамъ» говоритъ онъ. «Подумайте, еслибъ церковь стояла открытой всю недѣлю—какая была бы польза въ днѣ воскресномъ?»—Стремясь къ дисциплинѣ, къ строго военной выправкѣ, архидіаконъ простираетъ свою заботливость и на будущую жизнь. «Въ наше время и въ нашей странѣ,» говоритъ онъ, «идеальный вождь—капраль. Какъ онъ ведетъ въ церковь свою роту, такъ пасторъ долженъ въ рай вводить приходъ».

Мы намѣренно остановились на характеристикѣ двухъ вышеприведенныхъ лицъ,—типическихъ представителей того общества, среди котораго прошли юность и молодость Ибсена.

Этимъ лицамъ соотвѣтствуетъ окружающая ихъ атмосфера:

каковъ пастырь, таковы и овцы. Проповѣдь священнослужителя, такъ же какъ его свѣтскаго содѣятеля, падаетъ на благодарную почву: народъ, пришибленный нуждой, не въ силахъ безъ руководителя найти путь къ истинному свѣту.

Но вотъ на сѣромъ фонѣ его однообразной печальной жизни внезапно появляется человѣкъ иного закала, съ непреклонной волей, съ твердыми, возвышенными взглядами: это Брандъ, священникъ-проповѣдникъ, который поселяется среди убогихъ хижинокъ на берегу фюрда и дѣлается пасторомъ народа, утратившаго образъ и подобіе Божіе. Брандъ ставитъ себѣ цѣлью поднять этихъ жалкихъ людей, прозябающихъ въ невѣжествѣ и мракѣ, и направить ихъ къ высшему идеалу. Но на пути къ преобразованію, онъ сталкивается съ малодушіемъ и трусостью, съ противодействіемъ мѣстной администраціи, преслѣдующей своекорыстныя цѣли. Нигдѣ не находитъ онъ силы духа: каждый, по ученію архидіакона, вступаетъ въ сдѣлки съ совѣстью, подчиняетъ нравственные принципы узко-практическимъ расчетамъ. Двойственность эта болѣе всего возмущаетъ Бранда. «Если вы не можете стать тѣмъ, для чего создалъ васъ Творецъ», говоритъ онъ, когда ему доказываютъ, что требованія его чужды мѣрны, — «такъ будьте ужъ всецѣло чѣмъ можете — людьми праха... Отвернитесь отъ надгорнаго свѣта; не коситесь лѣвымъ глазомъ на небо, а правымъ на землю, надъ которой, согнувъ спину, вы впряглись въ ярмо». — Въ глазахъ Бранда единственное спасеніе для человѣка — въ страданіи; поэтому онъ не печалится, а радуется, когда бѣдствіе постигаетъ страну. — «Господь явилъ вамъ свое милосердіе», говоритъ Брандъ народу, когда сотни людей гибнутъ жертвой голода. «Онъ караетъ васъ бичомъ смертельной нужды.... Помогать здѣсь было бы грѣшно. Господу угодно извлечь васъ изъ болота, въ которомъ вы погрязли. Народъ, какъ онъ ни слабъ, но если не утратилъ искру жизни, почерпнетъ силу изъ нужды и горя; взоръ его взлетаетъ вверхъ какъ кречеть».

Брандъ — фанатикъ, суровый къ людямъ, безпощадный къ самому себѣ. Въ противоположность себялюбивому, малодушному старшинѣ, девизъ его — «все или ничего». — Онъ требуетъ, чтобы люди уяснили себѣ свой долгъ къ ближнимъ и къ Богу и, зная его, исполняли неуклонно, до полного забвенія самихъ себя. Преслѣдуя этотъ принципъ, Брандъ доходитъ до жестокости. Такъ онъ требуетъ, чтобы мать его, старая и больная, искупила свои грѣхи и владѣвшую ею всю жизнь алчностью, отказавшись отъ всѣхъ своихъ богатствъ. Мать не въ силахъ разстаться съ своими сокровищами; но умирая, она умоляетъ сына причастить ее и соглашается отдать половину своего имущества. Брандъ отказывается ей: «священникъ не придетъ къ ней и не причаститъ, если она не отдастъ всего». Несчастная, охваченная страхомъ смерти, соглашается отдать почти все — $\frac{9}{10}$ своего имущества: отдать же *все* — слишкомъ тяжело для ея души, прико-

важной къ земнымъ благамъ. Но Брандъ, разрываемый жалостью къ матери, неумолимъ, и она умираетъ безъ покаянія.

Безпощадный къ ближнимъ, Брандъ и къ себѣ предъявлялъ такія же требованія. Онъ всего себя приносилъ въ жертву для того, что считаетъ своимъ призваніемъ. Въ ненастье и бурю, риску жизнью, онъ не колеблясь отправляется въ лодкѣ черезъ бушующій фіордъ—подать слово утѣшенія умирающему грѣшнику.—«Если ты отдашь все, но не отдашь жизни», говоритъ онъ окружающимъ, изумленнымъ его безстрашіемъ,—«ты ничего не отдашь».—Но жизнь въ глазахъ такого человѣка—вещь второстепенная. Брандъ приноситъ въ жертву долгу то, что дороже ему всего на свѣтѣ, ребенка, погибающаго въ холодной, суровой мѣстности, гдѣ онъ поселился, чтобъ спасти народъ; онъ жертвуетъ Агнесой, страстно любимой женой, раздѣлявшей всѣ его невзгоды и труды; потерявъ ребенка, она умираетъ, убитая горемъ, измученная предъявляемыми къ ней Брандомъ неумолимыми требованіями.

И вотъ Брандъ остается одинъ съ своей непреклонной волей. Ученіе его не по разуму его паствѣ; но толпа инстинктивно чувствуетъ въ немъ нравственную силу, далеко возвышающую его надъ остальными; проповѣдь его производитъ глубокое впечатлѣніе. Самъ старшина, въ концѣ концовъ, принужденъ считаться съ импонирующимъ авторитетомъ пастора. Но Брандъ не удовлетворяется медленнымъ прогрессомъ. Онъ мечтаетъ возродить измелъчавшее человѣчество, «воскресить въ немъ новаго Адама, юнаго и мощнаго».—И вотъ однажды, когда народъ собрался на открытіе воздвигнутаго имъ величественнаго храма, Брандъ обращается съ проповѣдью къ толпѣ. Онъ увѣщаетъ паству покаяться и, въ порывѣ фантастическаго экстаза, увлекаетъ ее за собой черезъ скалистую гору въ дикую степь. Воодушевленный страстной рѣчью пастора, народъ слѣдуетъ за нимъ, покидая свои поля и хижины, пренебрегая угрозами административныхъ властей. Но путь Бранда тернистъ и труденъ. Толпа скоро падаетъ духомъ и начинаетъ роптать; усталая, мучимая жаждой и голодомъ, она требуетъ отъ Бранда, чтобъ онъ сотворилъ чудо. Когда же Брандъ въ отвѣтъ призываетъ паству покаяться и очиститься отъ грѣха, толпа бросаетъ въ него камнями и уходитъ, оставляя его одного въ степи, истомленного и измученнаго. Въ невыразимой тоскѣ, видя бесплодность всѣхъ принесенныхъ жертвъ, Брандъ предается мучительнымъ сомнѣніямъ: не тяжелое ли сновидѣніе—вся его жизнь? Не заблуждался ли онъ, считая человѣчество способнымъ на высокій подвигъ?

И въ отвѣтъ ему звучатъ слова хора невидимыхъ духовъ, олицетворяющихъ трагическую иронію судьбы: «Никогда, жалкій червь, не уподобишься ты Создателю; ибо несовершенство—твой удѣлъ... Ты созданъ не для неба, а для земли».—Отчаяніе охватываетъ душу Бранда. Смутное сознание подсказываетъ ему, что, ослѣпленный гордыней, онъ избралъ невѣрный путь. Но гдѣ же

истина? Вопросъ разрѣшается въ послѣднюю минуту жизни Бранда. Погибая подъ скатившейся на него снѣжной лавиной, онъ въ послѣдній разъ пытается найти отвѣтъ на свои сомнѣнія.—«Въ смертный часъ, о Боже!»... восклицаетъ онъ,—«дай мнѣ отвѣтъ: неужели нѣтъ спасенія въ непреклонной силѣ воли?»—И среди перекаатовъ грома раздаются знаменательныя слова: «Богъ есть—*deus caritatis*—Богъ любви».

Драма «Пасторъ Брандъ» съ перваго своего появленія доставила автору громкую извѣстность. Не мало поднялось споровъ относительно личности самого Бранда: одни видѣли въ немъ выраженіе высокаго идеала, другіе—ограниченнаго, узкаго фанатика. Мы думаемъ, что въ томъ и другомъ мнѣніи заключается крайность. Изображая человѣка самоотверженнаго, непреклоннаго, поставившаго себѣ задачей преобразовать и спасти людей, поэтъ провидѣлъ тѣ заблужденія и крайности, которыя лежатъ на пути фанатика идеи; и несмотря на глубокую внутреннюю симпатію къ герою поэмы, какъ воплощенію великой нравственной силы, онъ изобразилъ его живымъ лицомъ, со свойственными человѣку недостатками и заблужденіями.

Полный контрастъ съ Брандомъ представляетъ Пееръ Гинтъ, герой поэмы того же названія, появившейся въ слѣдующемъ 1867 году. Пееръ Гинтъ олицетворяетъ собой тотъ духъ лжи и компромисса, который въ предшествовавшей поэмѣ предъявленъ массою и ея вождями. Личность Пееръ Гинта и различные характеризующіе его эпизоды заимствованы частью изъ норвежскихъ легендъ, частью созданы воображеніемъ автора. Сынъ зажиточнаго крестьянина, Пееръ Гинтъ одаренъ необузданной фантазіей—характерная черта норвежскаго народа,—черта, развитая грандіозной, дикою природою страны. Фантазія постоянно уноситъ его изъ реальнаго міра въ міръ призрачный и легендарный. Пееръ Гинтъ мысленно совершаетъ далекія и трудныя путешествія. Ухватившись за рога дикаго оленя, скачетъ онъ по крутымъ отвѣснымъ горамъ, стремглавъ летитъ въ пропасть и чудеснымъ образомъ спасается отъ смерти. На фантастическомъ своемъ конѣ ѣдетъ онъ въ сказочный замокъ и, попадая дорогою къ преддверію рая, вступаетъ въ пререканіе съ апостоломъ Петромъ. И во всѣхъ этихъ мнѣическихъ странствіяхъ онъ, Пееръ Гинтъ, является героемъ,—совершаетъ подвиги, вступаетъ въ единоборство, всѣхъ побѣждаетъ. «Царь Саулъ», говоритъ онъ, «убилъ сотни, Пееръ Гинтъ—тысячи». Но есть у него одна завѣтная мечта, болѣе всѣхъ манящая его фантазію, которую онъ лелѣетъ всю жизнь. Пееръ Гинтъ воображаетъ себя королемъ, повелителемъ и властелиномъ міра. Онъ видитъ себя на чудномъ конѣ, разукрашенномъ серебромъ и золотомъ. Весь народъ, преклоняясь, глядитъ на него въ нѣмомъ восторгѣ; а онъ, король Пееръ Гинтъ, направо и налѣво расточаетъ золото и серебро.

На дѣлѣ всѣ подвиги его сводятся къ дракамъ съ сосѣдами,

къ попойкамъ и кутежамъ. Въ началѣ его карьеры мы застаемъ его молодымъ человѣкомъ въ расцвѣтѣ физическихъ силъ; силы духовныя въ немъ дремлютъ, и онъ всячески способствуетъ ихъ усыпленію.

Товарищи подсмѣиваются надъ его вымышленными подвигами; люди пожилые, покачивая головой, исчисляють всё его грѣхи и проказы; старушка-мать называетъ его лгуномъ, забіякой, лѣнтяемъ и заранѣ оплакиваетъ его погибшую душу. Но, въ то же время, она его обожаетъ: самая его слабости — похвальба, самомнѣніе, ложь — близки ей и сродны; она ихъ воспитала, съ раннихъ лѣтъ развивая болѣзненное воображеніе сына. питая его фантастическими сказками и легендами. Мать внушила Пееръ Гинту и другое свойство, характеризующее норвежское крестьянство и противоположное фантази: узко-практическое направленіе, мелочную расчетливость, переходящую въ скарденность.

Но свойство это пока не приноситъ практическихъ результатовъ: завѣщанные отцомъ остатки прежняго богатства Пееръ Гинтъ растрчиваетъ въ кутежахъ и кончаетъ тѣмъ, что, напившись на свадьбѣ сосѣда, похищаетъ и соблазняетъ его невѣсту. Односельчане грозятъ убить его; спасшись бѣгствомъ, Пееръ Гинтъ принужденъ скитаться изгнанникомъ. Но, при всѣхъ неудачахъ, Пееръ Гинтъ — баловень судьбы. Молодая дѣвушка изъ его края, Сольвейгъ, болѣе всѣхъ ему нравившаяся, рѣшается все покинуть—родной домъ и семью, чтобъ послѣдовать за нимъ въ изгнаніе: она его любитъ и всѣмъ готова для него пожертвовать. Нравственная чистота молодой дѣвушки привлекаетъ Пееръ Гинта и трогаетъ его: лучшія его чувства пробуждаются при встрѣчѣ съ Сольвейгъ. Но между нимъ и ею стоитъ вся прежняя его жизнь, беспорядочная и развратная. У него нѣтъ силъ порвать съ прошедшимъ; онъ бросаетъ Сольвейгъ и вновь отправляется скитаться по свѣту. Благодаря свойственной ему практической расчетливости ему удается нажить въ Новомъ Свѣтѣ громадное состояніе. При этомъ и здѣсь проявляется основная черта его характера — компромиссъ между принципами и жизнью: приобрѣтая богатства торговлей неграми и продажей идоловъ въ Китаѣ, онъ стремится въ то же время, уравновѣсивъ добро и зло, спасти свою душу, проложить ей путь на небо; съ этой цѣлью онъ, вмѣстѣ съ идолами, посылаетъ въ Китай миссіонеровъ.

Оба предпріятія процвѣтають, какъ вдругъ Пееръ Гинта постигаетъ несчастіе: друзья-прихлебатели, обманувшіе его лестью, похищаютъ корабль со всѣми его богатствами, и онъ остается одинъ на берегу Марокко, безъ гроша и всѣми покинутый.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими перипетіями бурной карьеры нашего героя. Авторъ показываетъ намъ его далѣе въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: то разыгрывающимъ роль пророка среди арабскаго племени; то случайно попавшимъ въ

домъ душевно-больныхъ, гдѣ сумасшедшіе провозглашаютъ его своимъ императоромъ; наконецъ — старикомъ, возвращающимся въ Норвегію съ вновь нажитымъ состояніемъ, которое идетъ ко дну и гибнетъ въ морскую бурю.

Всѣ эти стадіи въ жизни Пееръ Гинта отмѣчены постепеннымъ его нравственнымъ паденіемъ.

Минутами, правда, онъ съ грустью вспоминаетъ о Сольвейгъ, оставшейся вѣрной своей первой любви, и раскаивается въ своей жизни; но эти проблески сознанія чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлаются рѣже. Онъ вступаетъ въ сдѣлки съ людьми, съ собственной совѣстью, съ Богомъ. Всѣ чувства его измелъчали и опошлились. Любовь для него — удовлетвореніе каприза и страсти. Религія — ссудная касса, въ которую онъ обращается въ критическую минуту за поддержкой. — Къ старости эгоизмъ Пееръ Гинта принимаетъ чудовищные размѣры: онъ не только равнодушенъ къ ближнимъ; но не выноситъ мысли о чужомъ счастьѣ. Такъ когда на обратномъ пути въ Норвегію подымается буря, Пееръ Гинтъ подумываетъ о томъ, чтобъ задобрить Создателя великодушнымъ поступкомъ, онъ рѣшается раздать денегъ матросамъ. Но узнавъ, что всѣ они имѣютъ семью, съ нетерпѣніемъ ожидающую ихъ возвращенія, онъ приходитъ въ ярость, сравнивая ихъ судьбу съ своей одинокой долей стараго холостяка. И вотъ у него является блестящая мысль: онъ напоитъ пьяными матросовъ, чтобъ возвращеніе ихъ было не радостью, а горемъ. Когда же корабль идетъ ко дну, и Пееръ Гинтъ съ другимъ пассажиромъ спасается, ухватившись за край лодки, онъ сталкиваетъ въ воду своего спутника, боясь, что лодка не выдержитъ двоихъ. И такъ жизнь Пееръ Гинта отмѣчается постепеннымъ прогрессомъ на пути зла. Таковъ неизбѣжный законъ природы — ничто не остается *statu quo*: кто не двигается впередъ, тотъ обреченъ идти назадъ. А чтобъ идти впередъ, необходима твердая воля, преодолевающая всѣ препятствія и соблазны жизненнаго пути. Пееръ Гинтъ — олицетвореніе малодушія, трусости, безволія. Жить для него — значить, плыть по теченію, т. е. всякій вопросъ разрѣшить компромиссомъ; безповоротное рѣшеніе претитъ его натурѣ. «Желать, чтобъ дѣло сдѣлалось — понятно мнѣ», говоритъ онъ. «Но рѣшившись — сдѣлать дѣло — нѣтъ, это свыше моей силы!»

Чѣмъ далѣе подвигается онъ въ жизни, тѣмъ болѣе отрицательныя черты характера вытѣсняють въ немъ все хорошее. Въ концѣ концовъ, запутавшись во лжи, разбѣившись на мѣдные гроши, Пееръ Гинтъ утрачиваетъ всякую индивидуальность, всякое человѣческое достоинство. Онъ заживо похоронилъ себя и умеръ задолго до своей смерти. Душа его, какъ предсказываетъ одно дѣйствующее лицо поэмы, — не будетъ низвергнута въ адъ: онъ не великій грѣшникъ, для грѣха нужна сила и настойчивость. Пееръ Гинтъ — воплощеніе слабости, безволія, эгоизма; поэтому душа его — негодный, испортившійся матеріалъ, — «будетъ перепахлена, пока не сольется съ общей массой».

Поэма «Пееръ Гинтъ», какъ уже было сказано, является олицетвореніемъ характерныхъ недостатковъ норвежскаго народа. Но въ то же время она имѣетъ значеніе и общечеловѣческое. Пееръ Гинтъ — представитель того стаднаго большинства, которое не имѣетъ ни самостоятельныхъ убѣжденій, ни твердой воли для выполненія своего назначенія въ жизни,—того большинства, которое вызывало глубокое негодованіе автора.

III.

Въ началѣ 70-хъ годовъ въ литературной дѣятельности Ибсена наступаетъ новый періодъ творчества. Подъ вліяніемъ реалистическаго направленія, распространеннаго въ Западной Европѣ Тэномъ и Стюартомъ Миллемъ и др., въ Скандинавіи — Брандесомъ,—онъ усваиваетъ новые приемы, при чемъ отъ стихотворной формы переходитъ къ прозаической.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ критиковъ, Эдмунду Госсэ, Ибсенъ такъ объясняетъ этотъ переворотъ во внѣшней формѣ своихъ произведеній. «Я хочу произвести на читателя впечатлѣніе самой истины», пишетъ онъ,—«какъ будто бы то, что онъ читаетъ, дѣйствительно происходитъ передъ его глазами. Стихотворная форма явилась бы препятствіемъ къ достиженію этой цѣли. Разнообразіе заурядныхъ характеровъ, которые я намѣрено ввелъ въ мою драму «Столпы Общества», утратилось бы, еслибъ я заставилъ ихъ говорить стихами. Мы не живемъ въ эпоху Шекспира, и даже среди скульпторовъ поднимается вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли раскрашивать статуи живыми красками. Многое можетъ быть сказано за и противъ этого. Признаюсь, я не желалъ бы видѣть раскрашенную Венеру Милосскую, но я предпочелъ бы, чтобъ голова негра была высѣчена изъ чернаго вмѣсто бѣлаго мрамора... Въ общемъ, мнѣ представляется, что литературная форма должна быть въ соотношеніи со степенью идеальности, заключающейся въ литературномъ произведеніи. Новая моя драма, правда, не трагедія въ старинномъ значеніи этого слова, но я старался въ ней описать существа человѣческія и не позволилъ имъ говорить языкомъ боговъ».

Займствуя темы изъ обыденной жизни, Ибсенъ развиваетъ въ нихъ вопросы общественной нравственности, отчасти уже поставленные въ философскихъ поэмахъ «Пасторъ Брандъ» и «Пееръ Гинтъ». Первой соціальной драмой, рельефно и ярко выражающей взглядъ автора, является пьеса «Столпы Общества», обличающая ту атмосферу компромисса, которую мы уже встрѣчали въ двухъ предыдущихъ поэмахъ.

Консуль Берникъ, герой драмы—знакомый намъ типъ общественнаго дѣятеля. Онъ—первое лицо,—ось, вокругъ которой вращается вся окружающая жизнь. Онъ талантливъ, уменъ, предприимчивъ. Въ качествѣ владѣльца корабельной верфи, онъ нашлъ себѣ большое состояніе и приобрѣлъ возможность разливать

вокругъ себя свѣтъ просвѣщенія: ему городъ обязанъ учрежденіемъ школы, организаціей водопровода и газоваго освѣщенія. Рабочіе на его верфи относятся къ нему съ благоговѣйнымъ уваженіемъ, товарищи предъ нимъ заискиваютъ, — всѣ стараются предупредить всякое его желаніе. Словомъ, консуль Берникъ—краеугольный камень, столпъ, на которомъ зиждется вся мѣстная общественная жизнь.

Но всѣ исчисленныя качества—лишь внѣшняя сторона медали. Авторъ постепенно открываетъ намъ интимный міръ этого человѣка—тотъ міръ, который въ дѣйствительности часто до конца остается скрытымъ. Внутренніе мотивы, управляющіе поступками консула Берника, весьма не высокой пробы, сущность ихъ резюмируется словомъ *эгоизмъ*: узкій, безпощадный эгоизмъ, пробирающій себя путь ложью. Богатства его нажиты благодаря обману. Унаслѣдовавъ разстроенное состояніе, онъ, для поддержки своей фирмы, предательски поступилъ относительно друга, Йоганна Тёнзена: слухи обвинили послѣдняго въ похищеніи капитала дома Берникъ, и консуль, чтобы придать разстроеннымъ дѣламъ характеръ временнаго затрудненія, не опровергъ клеветы. Поправивъ дѣла, онъ наживаетъ состояніе окольными путями, ловкими оборотами. Съ такимъ образомъ дѣйствій вполне гармонируетъ и частная жизнь Берника. Прославляемый общественнымъ мнѣніемъ за семейныя добродѣтели, онъ, въ дѣйствительности, женился ради состоянія, измѣнивъ при этомъ любимой дѣвушкѣ. Отношенія его къ семьѣ проникнуты эгоизмомъ. Сынъ для него лишь наслѣдникъ дома Берникъ, удовлетвореніе его тщеславія. Горячо его любящая жена—предметъ удобства и комфорта, вдалекѣ стоящій отъ всѣхъ его интересовъ. Иного къ ней отношенія онъ и не понимаетъ. «Неужели это тебя интересуешь» восклицаетъ онъ, когда жена пытается коснуться его дѣла. Такъ же относится онъ и къ живущей въ его домѣ сестрѣ, совершенно не подозревая, что у нея могутъ быть свои личные интересы и запросы. И когда онъ слышитъ сожалѣніе, что ея трудовая доля не освящена никакими личными радостями, онъ выражаетъ наивное изумленіе. «Она живетъ съ нами», замѣчаетъ онъ... «Средствъ у нея достаточно, чтобъ одѣться. Чего же еще нужно одинокой женщинѣ?... Люди не должны прежде всего думать о себѣ. Женщины менѣе всѣхъ». Примѣняя къ окружающимъ альтруистическія требованія, Берникъ себя почитаетъ центромъ—фокусомъ, въ которомъ собираются всѣ лучи.

Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ отрицательныхъ качествахъ, Берникъ не безнадежно-потерянный человѣкъ. Въ молодости у него были хорошіе порывы и стремленія; по уму, талантамъ и энергіи, онъ выше окружающей среды. Но его сгубила страсть—безмѣрное честолюбіе, охватившее все его существо и толкнувшее его на путь лжи и компромисса. Подъ вліяніемъ стремленія къ почету, славы—онъ всю жизнь катился по наклонной плоскости, изъ порядочнаго человѣка превращаясь въ карьериста. Но хорошія его

свойства не вполне утрачены, они лишь дремлют. Подъ вліаніемъ любимой имъ нѣкогда дѣвушки, задавшейся цѣлью воскресить героя своей юности, спасти его отъ нравственной гибели, онъ постепенно приходитъ къ самосознанію. Къ этому присоединяются и личныя испытанія, побуждающія его нравственно встряхнуться. И вотъ въ минуту искренняго раскаянія консулъ Берникъ, въ присутствіи собравшейся емо чествовать толпы, приноситъ покаяніе въ своей жизни. Нельзя при этомъ не замѣтить, что просвѣтленіе его совершается нѣсколько внезапно, ex abrupto — безъ того внутреннего подготовительнаго процесса, который во «Власти тьмы» дѣлаетъ понятнымъ публичное покаяніе Никиты. Тѣмъ не менѣе, сцена исповѣди Берника производитъ сильное впечатлѣніе. Но толпа относится къ его рѣчи несочувственно. Консулъ приноситъ покаяніе не въ единичномъ проступкѣ, а во всей своей жизни, основанной на угожденіи общественному мнѣнію; осуждая себя, онъ тѣмъ самымъ осуждаетъ и все общество. Прежніе его поклонники и соучастники въ предпріятіяхъ съ негодованіемъ отъ него отвертываются, обвиняя въ измѣнѣ. Толпа съ недоумѣніемъ выслушиваетъ признаніе консула и расходится недовольная, разочарованная. Отнынѣ авторитетъ Берника поколебленъ, престижъ его утраченъ. Но онъ уже не сожалѣетъ о прежнемъ блескѣ съ его фальшивой мишурой. «Я чувствую», говоритъ онъ, «какъ будто пришелъ въ себя послѣ медленнаго отравленія».

Драма «Столпы Общества» съ новой стороны раскрываетъ вопросъ общественной морали, поставленный въ «Пасторѣ Брандѣ» и «Пеерѣ Гинтѣ». Разоблачая тайныя пружины, руководящія лучшими представителями общества—его *столпами*, авторъ произноситъ приговоръ надъ цѣлымъ обществомъ.

Въ то же время, онъ указываетъ на тотъ элементъ, который, по его мнѣнію, призванъ побороть подтачивающія общественную жизнь лицемѣріе и ложь. Консулъ Берникъ прозрѣваетъ благодаря Лонѣ, своей прежней невѣстѣ, поставившей себя задачей возвратить его на путь истины. Лона—типъ современной американки, дѣятельной, энергичной, самостоятельно пролагающей себѣ дорогу въ жизни. Стоя на твердой почвѣ, она равнодушно относится къ свѣтскимъ пересудамъ: для нея важнѣе лишь судъ собственной совѣсти. Не менѣе симпатичный и благородный образъ, хотя очерченный болѣе мягкими штрихами, представляетъ Марта, сестра Берника. Учительница народной школы, она отдаетъ другимъ все свободное отъ занятій время; вся ея жизнь—полное самоотреченіе.

Эти двѣ женщины создаютъ нравственную атмосферу, благотворно воздѣйствующую на Берника.

«Я узналъ великую истину», говоритъ онъ, отрѣшившись отъ своей прежней ложной жизни, «вы женщины—настоящія столпы общества».—Лона поправляетъ его: «Нѣтъ», возражаетъ она, «правда и свобода—вотъ истинные столпы общества».

Драма «Столпы Общества» представляетъ новую стадію въ

отношеніи Ибсена къ женщинѣ. Въ прежнихъ произведеніяхъ его идеальныя женскіе образы являются какъ бы свѣтлыми отблескомъ любимаго человѣка. Кроткая и безответная Дагни въ «Викингахъ Гельгоганда», Агнесса въ «Пасторѣ Брандѣ», всецѣло жертвующая собою для мужа; Сольвейгъ, отдавшаяся душой Пееръ Гинту и ради него отказавшаяся отъ всякой личной жизни: всѣ эти женскіе образы, при всей своей нравственной чистотѣ, лишены самостоятельнаго значенія: и Дагни, и Агнесса, и Сольвейгъ — не болѣе какъ придатки къ чужому существованію. При всей блѣдности ихъ изображенія, мы узнаемъ въ нихъ черты, характеризующія любимыхъ героинь гр. Толстого: Китти и Долли въ «Аннѣ Карениной», отчасти Наташи въ «Войнѣ и мирѣ» — характеры родственные героинямъ перваго періода творчества Ибсена. У всѣхъ, при нѣкоторыхъ индивидуальных особенностяхъ, преобладаетъ отсутствіе самостоятельности, узость и ограниченность взглядовъ. Заключившись въ тѣсномъ кругу семейныхъ понятій, онѣ закрываютъ глаза на остальной міръ и обращаются въ пассивныя существа — въ отголосокъ мнѣній и взглядовъ любимаго человѣка. Кротость, смиреніе, самоотверженность — отличительныя черты Агнессы и Сольвейгъ; но при пассивномъ характерѣ, эти прекрасныя качества оказываются мертворожденными. Агнесса погибаетъ въ молодости жертвой фанатическихъ взглядовъ Бранда; Сольвейгъ отдаетъ всю жизнь мечтѣ, воплотившейся въ образѣ покорившаго ея сердце Пееръ Гинта.

Въ зрѣломъ періодѣ творчества Ибсенъ созналъ односторонность своихъ воззрѣній. Такъ называемый женскій вопросъ привлекаетъ его горячія симпатіи. «Какъ истый поэтъ», замѣчаетъ Брандесъ, «Ибсенъ способенъ воодушевиться идеей, къ которой вначалѣ относился холодно, и сдѣлаться апостоломъ ея, убѣдившись въ современности и жизненности этой идеи».

Взглядъ Ибсена на женскій вопросъ всего ярче и рельефнѣе выразился въ драмѣ «Кукольный домъ». Излишне будетъ останавливаться на содержаніи этой пьесы, болѣе или менѣе известной каждому изъ насъ. Интересъ ея сосредоточивается на героинѣ. Нора — на первый взглядъ — одно изъ тѣхъ легкомысленныхъ, но чарующихъ созданій, которыя привлекаютъ къ себѣ всеобщія симпатіи. Изящная, граціозная, живая и веселая, какъ птичка, она является царицей въ свѣтѣ, такъ же, какъ и въ семейномъ кругу. Веселое щебетанье ея наполняетъ и оживляетъ весь домъ. Всякіе печальные, серьезныя вопросы какъ бы невольно ступеньваются въ присутствіи этой очаровательной маленькой феи. Никто не повѣритъ, что ей уже 30 лѣтъ — столько въ ней дѣтской безпечности, легкомыслія и беззаботности. Дѣти ее обожаютъ, какъ веселаго старшаго товарища; мужъ души въ ней не чаётъ... Но въ любви Гельмера проглядываетъ оттънокъ снисходительнаго эгоизма; Нора для него — прелестная, дорогая игрушка, которой онъ развлекается въ часы досуга. Онъ не подозреваетъ, что подъ внѣшней поверхностной оболочкой скрываются серьезные

задатки — жажда правды, стремленіе къ широкой, плодотворной дѣятельности, стремленіе, временно заглушаемое той атмосферой эгоистической любви и ласки, которой она окружена съ самаго дѣтства. Легкое разочарованіе проглядываетъ въ отношеніи Гельмера къ женѣ, когда вмѣсто развлекавшей его куклы, онъ видитъ передъ собой сознательное, мыслящее существо, съ самостоятельными, серьезными запросами. Для Норы уясненіе взаимныхъ отношеній является въ трагическомъ свѣтѣ. Убѣдившись, въ минуту тяжелаго испытанія, какъ поверхностно и эгоистически любить ее мужъ, она теряетъ уваженіе къ нему и, въ то же время, связывавшее ее съ нимъ чувство глубокой привязанности. Вмѣстѣ съ престижемъ мужа, утрачивается весь смыслъ ея прежняго существованія; ей кажется, какъ будто она 8 лѣтъ замужества прожила съ чужимъ человѣкомъ, заслонявшимъ отъ нея свѣтъ Божій. Прозрѣвъ, Нора чувствуетъ невозможность продолжать прежнюю жизнь. Она рѣшаетъ покинуть семью, чтобъ на самостоятельной почвѣ «дать себѣ отчетъ въ собственномъ я и въ окружающемъ мірѣ». А когда Гельмеръ напоминаетъ ей о семейномъ долгѣ, она возражаетъ, что у нея не менѣе священный долгъ — къ самой себѣ. «Прежде всего», говоритъ она, «я человѣческое существо, такъ же, какъ ты... Я знаю, большинство людей будутъ на твоей сторонѣ... но я должна попытаться сама во всемъ дать себѣ отчетъ». — Не совсѣмъ ясна развязка драмы. Нора, покидая семью, стремится выработать въ себѣ самосознаніе и твердые принципы. Но какимъ путемъ? И вернется ли она впоследствии къ семьѣ, или предоставитъ дѣтей на произволь судьбы? — Авторъ не разрѣшаетъ этихъ вопросовъ.

Взгляды Ибсена на роль женщины въ современномъ обществѣ возбудили величайшій интересъ во всей Сѣверной и Западной Европѣ. Въ Норвегій полемика по поводу «Кукольнаго дома» приняла настолько обостренный характеръ, что въ продолженіе цѣлаго сезона приглашительныя карточки въ Стокгольмѣ разсылались съ припиской: «Просить не говорить о «Кукольномъ домѣ». «Драма» «Кукольный домъ», говоритъ Брандесъ, произвела потрясающее впечатлѣніе. Цѣлыя столѣтія общество въ лицѣ своихъ поэтовъ видѣло вѣрную пристань въ бракѣ, заключенномъ по любви, который и не нарушается 3-мъ лицомъ... Теперь увидали, что эта пристань полна подводныхъ камней и мелей. И казалось, будто Ибсенъ погасилъ въ ней маяки...

Въ тѣсной связи съ «Кукольнымъ домомъ» стоитъ драма «Призраки». Мрачный колоритъ выдѣляетъ ее изъ всѣхъ произведеній Ибсена. «На этотъ разъ», замѣчаетъ Брандесъ, «можно было подумать, что Ибсенъ погасилъ самня звѣзды. Ни одной свѣтлой точки!» Драма «Призраки» вводитъ насъ какъ бы въ могильный склепъ, населенный фантомами. Эти призраки-фантомы олицетворяютъ собой мертвыя традиціи, отжившія понятія и идеи, которыя воскресаютъ въ живыхъ людяхъ и ведутъ ихъ къ гибели.

Въ драмѣ разсказывается жизнь немолодой уже женщины, г-жи Альвингъ: разсказывается, какъ въ юности ее выдали замужъ за грубаго и развратнаго человѣка; какъ, оцѣнивъ его по достоинству, послѣ года брака, она пыталась бѣжать отъ мужа но возвратилась на путь такъ называемаго долга, благодаря увѣщаніямъ ея друга, пастора Мандерса. Съ тѣхъ поръ жизнь ея стала сплошнымъ лицемеріемъ и ложью. Покорившись ходячей общественной морали, требующей, чтобъ жена до конца оставалась вѣрной своему долгу, хотя бы цѣной величайшихъ униженій, г-жа Альвингъ дѣлается рабой этой морали. Всѣ ея старанія направлены къ тому, чтобъ замаскировать и скрыть свое униженіе, поддержать въ глазахъ свѣта внѣшнее благоприличіе. Ей это удается. Ей удается не только скрыть отъ постороннихъ пороки мужа, но даже приписать ему совершаемыя ею дѣла благотворительности. Всѣ считаютъ капитана Альвинга образцовымъ семьяниномъ и общественнымъ дѣятелемъ. И послѣ его смерти г-жа Альвингъ строитъ въ память его дѣтскій пріютъ, который долженъ увѣковѣчить его ложную добрую славу. Но ложь не даетъ добрыхъ плодовъ. Надъ пріютомъ, созданнымъ имени Альвинга, какъ бы тяготѣетъ проклятіе: онъ сгараетъ наканунѣ торжества его открытія. Роковой судьбѣ обречено и все, что дорого г-жѣ Альвингъ. Послѣ несчастнаго замужества, вся любовь ея, всѣ мечты и надежды сосредоточились на сынѣ: воспитать его въ атмосферѣ чистоты и невинности, въ невѣдѣніи отцовскихъ грѣховъ—задача всего ея существованія. Но неумолимый рокъ отнимаетъ у нея послѣднее утѣшеніе. Въ тотъ моментъ, когда начинается дѣйствіе драмы, сынъ ея, Освальдъ, послѣ многихъ лѣтъ пребыванія за границей, возвращается къ матери съ именемъ извѣстнаго художника, во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, чтобъ погибнуть жертвой неумолимаго закона наслѣдственности. Въ потрясающей своимъ трагизмомъ сценѣ Освальдъ сходитъ съ ума на глазахъ убитой горемъ матери.

Въ драмѣ «Призраки» Ибсенъ выводитъ послѣдствія рабскаго подчиненія устарѣвшимъ принципамъ и догмамъ. Г-жа Альвингъ—женщина выдающагося ума и характера, способная къ величайшимъ подвигамъ самопожертвованія. И между тѣмъ всѣ ея лучшія стремленія приводятъ лишь къ отрицательнымъ результатамъ. Почему? Потому что она не имѣла мужества отрѣшиться отъ призраковъ прошлаго—отъ предрасудковъ и отжившихъ традицій, отъ ходячей общественной морали. «Наша душа», говоритъ г-жа Альвингъ, слишкомъ поздно сознавъ свое заблужденіе, «сохраняетъ съ прошлымъ неразрывныя связи. Суевѣріе—это тысячеглавая гидра, которую не легко истребить... Въ насъ течетъ не только кровь нашихъ родителей, въ насъ живутъ отжившія идеи, мертвыя вѣрованія... и никогда не удастся намъ отъ нихъ отдѣлаться».

Въ прямомъ контрастѣ съ «Призраками» стоитъ драма «Врагъ народа». И здѣсь выводится эгоистичная, лживая среда, стремя-

щаяся поработить независимую индивидуальную личность. И тѣмъ не менѣе, драма производитъ свѣжее, бодрящее, жизненное впечатлѣніе. Между тѣмъ какъ въ предыдущихъ пьесахъ мы видѣли послѣдователей ложной морали или ея жертвъ, здѣсь центральное лицо является воплощеніемъ духа протеста. Герой драмы, докторъ Штокманъ, принадлежитъ къ той аристократіи — аристократіи таланта, ума и характера — которой, по идеямъ Ибсена, суждено спасти міръ. Масса этихъ людей не понимаетъ: она осмѣиваетъ ихъ насмѣшками и презрѣніемъ, преслѣдуетъ своей ненавистью, какъ враговъ народа. Въ концѣ концовъ, непризнанные пророки, они подвергаются остракизму, гоненіямъ своихъ согражданъ. Но они не унываютъ и неуклонно идутъ по намѣченному пути: цѣль ихъ лежитъ неизмѣримо выше мелкихъ личныхъ интересовъ. Они мужественно и стойко борются съ окружающей стихіей: вдали передъ ними мерцаетъ свѣтъ маяка — свѣтъ истины и добра.

Такимъ апостоломъ правды является докторъ Штокманъ, выражающій отчасти субъективные взгляды автора. — Подобно послѣднему, Штокманъ долгіе годы провель въ изгнаніи, вдали отъ родного края. Возвратившись изъ ссылки, онъ дѣлается главнымъ врачомъ при морскихъ купаньяхъ и, благодаря своимъ дарованіямъ, достигаетъ виднаго положенія. Но мирныя отношенія его съ согражданами продолжаются недолго. Открывши, что морскія купанья построены на нездоровой мѣстности и служатъ, поэтому, источникомъ заразы, Штокманъ требуетъ, чтобы они были временно закрыты, до производства необходимыхъ поправокъ. Требованіе это возбуждаетъ противодѣйствіе акціонеровъ морскихъ купаній, первыхъ властей города, не желающихъ поступиться матеріальными выгодами; и Штокманъ, вступая съ ними въ борьбу, открываетъ, какое лицемѣріе и узкій эгоизмъ господствуетъ между лучшими представителями окружающей среды. Въ то же время онъ въ новомъ свѣтѣ видитъ и все общество: одни безцеремонно и беззастѣнчиво преслѣдуютъ личныя цѣли и выгоды, прикрываясь громкими фразами; другіе, отъ природы отзывчивые и способные на хорошія побужденія, мало по малу поддаются вліянію большинства и постепенно съ нимъ сливаются. Эгоистическая и живая среда поглощаетъ всѣ здоровыя соки жизни: подобно топкому болоту, она постепенно въ себя втягиваетъ всѣ живые общественные организмы. Чувство глубокаго негодованія овладѣваетъ Штокманомъ при видѣ окружающаго его нравственнаго ничтожества. Наивный оптимистъ, честный и прямой, съ дѣтски довѣрчивой душой, онъ задается цѣлью открыть глаза своимъ согражданами, въ убѣжденіи, что самосознаніе есть вѣрный путь къ духовному исцѣленію. Въ рѣши, съ которой онъ обращается къ своимъ согражданами на публичномъ собраніи, онъ обличаетъ ложныя основы соціальной жизни. Во имя свободы и истины онъ возстаетъ противъ массы, придерживающейся рутинной морали и вращающейся, какъ бѣлка въ

колесѣ. Подобно плотинѣ, задерживающей течение рѣки, стадное большинство тормазитъ развитіе мысли, ставитъ преграды всякому духовному прогрессу. «Большинство никогда не право», говоритъ Штокманъ... «Какія истины собираетъ оно вокругъ себя? Истины, обветшавшія втеченіе вѣковъ — настолько обветшавшія, что уже скоро обратятся въ ложь. Да, хотите вѣрить мнѣ или нѣтъ,—но истины не походятъ на долговѣчныхъ Маеусайловъ... Всѣ истины большинства подобны прошлогодней копченой ветчинѣ: эта ветчина прогоркла, покрылась плѣсенью; она производитъ тотъ нравственный скорбуть, который разрушаетъ общество»...

«Истина такъ же, какъ право — всегда на сторонѣ большинства», возражаютъ Гофстадъ и Пиллингъ, типическіе представители этого большинства. «Нѣтъ», возражаетъ Штокманъ, — «большинство никогда не право... На сторонѣ большинства, въ сожалѣнію, сила, но не право. Правъ я и очень немногія индивидуальныя личности, усвоившія себѣ юныя, плодотворныя истины, слишкомъ еще новыя для массы... Люди эти стоятъ далеко на аванпостахъ общества»...

Штокманъ выступаетъ обличителемъ пороковъ общества, практически опровергая пословицу «одинъ въ полѣ не воинъ»: во имя свободы онъ борется противъ мнимо-либеральныхъ взглядовъ, прикрывающихъ деспотизмъ большинства. Въ результатѣ все общество отступаетъ отъ Штокмана и объявляетъ его врагомъ народа. Всѣ прежніе друзья отвертываются отъ него — «изъ уваженія къ общественному мнѣнію».

Всѣми покинутый, Штокманъ намѣревается разстаться съ роднымъ краемъ, внушающимъ ему глубокое презрѣніе; вмѣстѣ съ семьей, горячо сочувствующей его взглядамъ, онъ думаетъ переселиться въ Америку или даже на какойнибудь необитаемый островъ. Но минутный порывъ раздраженія проходитъ; одумавшись, Штокманъ отказывается отъ своего намѣренія. Бѣжать съ поля битвы было бы недостойной трусостью и малодушіемъ; нѣтъ, онъ останется на мѣстѣ, чтобъ бороться за правду и на дѣлѣ отстаивать свои взгляды. «Здѣсь поле битвы», говоритъ онъ; «здѣсь буду я бороться и здѣсь одержу побѣду». — Враждебное отношеніе къ нему окружающей среды ни мало его не смущаетъ; въ сознаніи правоты своего дѣла онъ почерпаетъ непобѣдимую нравственную силу.

Боевымъ кликомъ кончается драма — призывомъ къ борьбѣ — къ борьбѣ во имя свободы, истины и прогресса.

Разсматривая литературную дѣятельность Ибсена, мы убѣждаемся, какъ трудно подвести ей итоги: столько поднято авторомъ вопросовъ первостепенной важности, этическихъ и психологическихъ! Правда, не всѣ вопросы разрѣшаетъ намъ Ибсенъ; но уже то важно, что, ставя ихъ, онъ пробуждаетъ мысль.

Быть можетъ также, его упрекнуть въ крайности и рѣзкости нѣкоторыхъ взглядовъ. Безъ сомнѣнія, въ немъ нѣтъ той спокойной выдержки, невозмутимаго хладнокровія, которыя характеризуютъ произведенія Гете.

Ибсенъ съ страстнымъ негодованіемъ относится къ общественнымъ порокамъ, беспощадно ихъ бичуетъ и, отвергая всякіе нравственные компромиссы, требуетъ полного преобразованія всего соціального строя.

Проповѣдая индивидуальное самоусовершенствованіе, Ибсенъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій 60-хъ и 70-хъ годовъ, быть можетъ, слишкомъ мало значенія придаетъ политическимъ реформамъ. Тѣмъ не менѣе, въ ученіи его заключается зерно плодотворной истины. Убѣждая людей въ необходимости внутренняго духовнаго преобразованія, онъ, въ то же время, призываетъ ихъ воздѣйствовать на общество, самостоятельно и твердо проводить въ немъ нравственные принципы. Переворотъ въ духовномъ мірѣ человѣка, переворотъ, въ которомъ призванъ участвовать каждый изъ насъ, безъ различія націи и соціального положенія, по убѣжденію Ибсена, приведетъ къ преобразованію всей нашей соціальной жизни.

Н. Мировичъ.

Современное англійское воспитаніе.

Ф. Маллесонъ, Первоначальное воспитаніе дѣтей. Перев. съ 3-го англійскаго изданія Бошнякъ. Изд. магазина «Книжное дѣло». Стр. 142. Ц. 50 к. Москва, 1897.

М. Корелли, Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. Перев. съ англійскаго. Е. А. Изд. Побѣдоносцева. Москва, 1897 г. Стр. 246. Ц. 1 р.

Въ нашемъ обществѣ имѣется весьма опредѣленное представленіе объ англійскомъ воспитаніи, многіе стараются ему подражать, воспроизвести его на русской почвѣ, такъ какъ признають за англійской системой существенныя достоинства. Къ нимъ относятся самыя серьезныя и широкія заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, ихъ играхъ и прогулкахъ на свѣжемъ воздухѣ, ихъ питаніи; тщательное попеченіе о развитіи самостоятельности, твердаго стойкаго характера, для него признается необходимымъ, съ одной стороны, представлять дѣтямъ значительную долю свободы, а съ другой—подчинять ихъ вполне опредѣленной и твердой дисциплинѣ; возбужденіе и укрѣпленіе въ дѣтяхъ семейныхъ чувствъ и привязанностей, нравственныхъ христіанскихъ началъ, набожности и религіозности. Такимъ рисуется англійское воспитаніе.

Въ настоящее время, судя по произведеніямъ двухъ вышепоименованныхъ писательницъ, въ англійскомъ воспитаніи совершается переворотъ: старыя начала слабѣютъ, такъ сказать, разлагаются, а на ихъ мѣсто являются такія новыя, которыя даютъ англійскому воспитанію совершенно особый видъ, совершенно непохожій на прежнее англійское воспитаніе. Ф. Маллесонъ указываетъ въ англійскомъ обществѣ на роковой недостатокъ воспитательныхъ идеаловъ, на ряду съ не менѣе роковою неспособностью примѣнять педагогическія средства къ дѣламъ воспитанія, на нежеланіе и неумѣніе родителей самимъ вести дѣло первоначальнаго воспитанія своихъ дѣтей. Семейное воспитаніе дѣтей въ Англии въ настоящее время, по словамъ Маллесонъ, такъ плохо, что слѣдуетъ заключить о полномъ отсутствіи настоящаго воспитанія.

Родители не даютъ себѣ труда выяснить, какое воспитаніе

ихъ наиболѣе удовлетворяетъ; они не проникнуты сознаниемъ важности предстоящаго имъ дѣла. Слѣдуя принятой модѣ, родители набираются распространенныхъ въ настоящее время ходячихъ идей о воспитаніи и съ ними сообразуютъ свои дѣйствія. Не умѣя сами взяться за дѣло, не имѣя никакихъ педагогическихъ идеаловъ, родители отказываются отъ исполненія своихъ воспитательскихъ обязанностей, вслѣдствіе чего возникла необходимость выдѣлать особый классъ людей для отправленія родительскихъ обязанностей и проявленія родительскихъ чувствъ. Появились профессиональные отцы и матери, вслѣдствіе чего Маллесонъ вынуждена настаивать, какъ на самомъ первомъ и существенномъ условіи правильного воспитанія — на постоянной личной заботѣ матери о ребенкѣ. «Можетъ показаться страннымъ, замѣчаетъ она, что приходится останавливаться на столь очевидной обязанности; но какъ Руссо въ концѣ прошлаго вѣка долженъ былъ настаивать на обязанности французскихъ матерей самимъ вскармливать и нянчить своихъ дѣтей, такъ и въ концѣ нынѣшняго вѣка является необходимость протестовать противъ обычаевъ и «требованій общества», заставляющихъ многихъ матерей передавать въ чужія руки личныя заботы о ребенкѣ».

Къ дѣтямъ приставляются «опытныя няньки». Но въ противоположность другимъ служащимъ, для этой должности обыкновенно не выбираютъ специально такія лица, которыя извѣстны особеннымъ умѣньемъ обращаться съ дѣтьми. Поэтому няни обыкновенно оказываются совершенно неспособными имѣть дѣло съ такой сложной жизнью, которая ввѣряется ихъ попеченіямъ. Онѣ биваютъ даже настолько слѣпы и невѣжественны, что не сознаютъ трудностей своей задачи. Онѣ управляютъ дѣтьми, какъ придется: мягко, если у нихъ доброе сердце, сурово — въ противномъ случаѣ. Ихъ завѣдываніе дѣтской состоитъ главнымъ образомъ въ подавленіи дѣятельности, въ сглаживаніи индивидуальностей, въ вынужденіи послушанія какою бы то ни было дѣной, если оно вообще возможно, и въ поощреніи тщеславія и соревнованія. Поэтому жизнь въ дѣтской, по словамъ Маллесонъ, представляетъ обыкновенно картину скуки, тоски и угнетенія.

Жизнь въ классной, смѣняющая жизнь въ дѣтской, устраивается по тому же образцу. Приглашается гувернантка, обязанная преподавать два иностранныхъ языка, помимо отечественнаго, а также музыку, ариметику, исторію и всѣ другіе предметы, считающіеся необходимыми въ школьномъ обиходѣ. Съ мальчиками гувернантка справляется обыкновенно плохо, и ихъ отдають въ школу, а дѣвочкамъ предоставляется, смотря по обстоятельствамъ, или покорно подчиниться режиму классной, или возмущаться противъ него и при этомъ пріобрѣтать немногія познанія, возможныя при данной обстановкѣ. То же отсутствіе руководящихъ принциповъ обнаруживается и при выборѣ школы. Немногіе родители тщательно освѣдомляются о правилахъ воспитанія дѣтей и о ме-

тогдах преподаванія, существующихъ въ избираемой ими школѣ; немногіе спрашиваютъ себя, насколько школьная жизнь будетъ содѣйствовать цѣлямъ, преслѣдуемымъ ими самими; немногіе руководствуются въ своемъ выборѣ педагогическими преимуществами той или другой школы.

Нѣкоторые изъ указанныхъ недостатковъ принимаютъ, по словамъ Маллесонъ, еще большіе размѣры въ семьяхъ менѣе состоятельныхъ, но отличающихся такимъ же невѣжествомъ въ дѣлѣ практическаго воспитанія; у нихъ и няни грубѣе, и гувернантки менѣе способныя, и школы завѣдомо болѣе низкаго уровня. А между тѣмъ нѣтъ и не должно быть возможности избѣжать выполненія священныхъ родительскихъ обязанностей. Отъ однихъ только родителей можно ожидать коренныхъ улучшеній въ системѣ семейнаго воспитанія; къ нимъ однимъ мы можемъ обращаться съ призывомъ о болѣе справедливыхъ отношеніяхъ къ тѣмъ, кто не по своей волѣ поставленъ въ зависимость отъ нихъ. «Когда родители придутъ къ болѣе высокому понятію о своемъ долгѣ по отношенію къ потомству, они увидятъ, что, прежде всего должны надлежащимъ образомъ подготовиться къ выполненію родительскихъ обязанностей».

Идеаль, къ которому должны стремиться англійскіе родители при воспитаніи своихъ дѣтей, по мнѣнію Маллесонъ, есть образованіе, насколько то окажется возможнымъ, совершеннаго мужчины или совершенной женщины. Такъ какъ указываемая цѣль недостаточно ясна и опредѣлена, то она поясняется слѣдующими частными указаніями: обезпеченіе дитяти здоровья и полной физической крѣпости, развитіе точности и остроты внѣшнихъ чувствъ, проникательности и силы ума, любви къ труду, правдивости, сосредоточеннаго вниманія. «Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы воспитать ребенка для жизни, для жизни полезной и благородной, полной достойныхъ дѣлъ, начинающейся въ мирѣ смертныхъ, но простирающейся, какъ мы по крайней мѣрѣ надѣемся, далеко за предѣлы его».

Г-жа Маллесонъ отмѣчаетъ недостатокъ искренности и серьезности въ религіозныхъ убѣжденіяхъ своихъ соотечественниковъ и утверждаетъ, что это вредно отзывается на воспитаніи. Родители маловѣрующіе или совсѣмъ не заботятся о религіозномъ воспитаніи своихъ дѣтей, или же заставляютъ усвоить ихъ господствующіе религіозные взгляды, считая это полезнымъ для развитія характера. Но нельзя научить тому, во что не вѣришь самъ. Независимо отъ широты или ограниченности нашей вѣры, она дастъ намъ религіозное вліяніе на дѣтей въ той мѣрѣ, въ какой будетъ дѣйствительна и искренна въ насъ. Вообще въ дѣтяхъ необходимо развивать скромность и почтительность, ребенокъ долженъ быть полонъ «восхищенія» предъ людьми. Не нужно разбирать предъ дѣтскими чужихъ недостатковъ, особенно же остерегаться критиковать въ ихъ присутствіи тѣхъ лицъ, которыя приносятъ имъ какую либо пользу, напримѣръ, слугъ или учите-

лей. Напротивъ, постоянно слѣдуетъ указывать дитяти на доброту и другія симпатичныя черты знакомыхъ ему лицъ.

Такимъ образомъ, по наблюденіямъ вполне компетентнаго лица, современное англійское воспитаніе представляетъ довольно значительныя изъяны: безъидейность, равнодушное отношеніе родителей къ своимъ воспитательскимъ обязанностямъ, слабость религиозно-нравственныхъ началъ, порученіе дѣтей лицамъ мало-подготовленнымъ. Семейное воспитаніе дѣтей—это тягость, повинность, которую кое-какъ нужно отбыть, поставивъ для выполненія ея наемника.

Болѣе любопытное, новое и рѣшительное направленіе въ области современнаго англійскаго семейнаго воспитанія изобразитъ намъ г-жа Корелли.

Родитель, м-ръ Велискуртъ, желаетъ сдѣлать изъ своего сына ученаго человѣка. Онъ не справляется съ наклонностями и силами сына и заучиваетъ его до изнеможенія. Сына спозаранку начинаютъ пичкать всевозможною книжною мудростью, и чѣмъ больше мальчикъ ее поглощаетъ, тѣмъ больше и больше ее предлагаютъ ему. Мальчика заставляютъ по цѣлымъ днямъ сидѣть за обязательными уроками, за всякими книгами, дѣлать замѣтки, извлеченія, переводы, комментаріи. Мальчикъ худенькій, блѣднощяпый, слабенькій; онъ крайне усталъ, ему хочется отдохнуть, выспаться, онъ впадаетъ въ обморочныя состоянія, а между тѣмъ его не освобождаютъ отъ занятій и въ лѣтнее время, на каникулахъ. Напротивъ, родитель нанимаетъ дачу въ уединенной деревушкѣ, въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, чтобы не было помѣхъ для занятій сына въ лѣтнія каникулы, и выписываетъ ему въ воспитатели много-ученаго, строгаго и сухого профессора. Нѣтъ у мальчика товарищей, онъ все одинъ да одинъ съ своими книгами и уроками. «Что же это за диво? Дождь прошелъ, воздухъ чудный, цвѣты благоухаютъ, небо залито свѣтомъ, вся природа радуется и ликуетъ,—а тутъ живое Божіе созданіе (мальчикъ) сидитъ надъ какой-то книгой, тоскуетъ и томится, и точно не понимаетъ даже, что такое радость!» Словомъ, мы читаемъ какъ будто о воспитаніи не въ Англии, этой странѣ дѣтской свободы, живыхъ и шумныхъ дѣтскихъ игръ, а въ Германіи, гдѣ ученость и книга имѣютъ такое громадное значеніе». Все это что-то очень медленно запоминается, говорятъ мальчикъ про уроки. Конечно, я самъ виноватъ, но не могу не находить, что это все очень скучно, а главное—такъ не нужно. Напримѣръ, зачѣмъ мнѣ знать, сколько въ Англии платили налога нѣкоторымъ епископамъ въ 1054 году? Право, мнѣ все равно и думается, что всегда будетъ все равно!»

Отъ такихъ занятій м-ръ Велискуртъ не давалъ мальчику ни отдыха, ни срока. Онъ находилъ, что въ Англии слишкомъ много мѣста отведено атлетическимъ играмъ, и не желалъ, чтобы весь мозгъ его сына сосредоточивался въ его мускулахъ. Поэтому онъ энергично заботился о развитіи умственныхъ способностей Ліонела,

и мальчикъ въ 11 лѣтъ владѣлъ такими знаніями и умомъ, какими многіе не владѣютъ и въ 20 лѣтъ. Но за то онъ имѣлъ совершенно старческой видъ, плавную, степенную рѣчь взрослого человѣка, удивительно зрѣлыя сужденія. Онъ не прочиталъ ни одной волшебной сказки и не имѣлъ никакого представленія о волшебномъ мірѣ. Неестественность такого развитія не возбудила ни въ комъ изъ взрослыхъ опасеній, и только маленькая дѣвочка Жесмина, съ которой мальчикъ случайно познакомился, говорила ему: «Лиля, что съ тобой? Какой ты бѣлый, совсѣмъ бѣлый, ты точно такой, какимъ была мама, когда она ушла на небо». Впрочемъ нужно оговориться: прежній воспитатель Лионеля, уволенный м-ромъ Великуртомъ, прямо обвинялъ его въ дѣтубійствѣ. Вся система воспитанія мальчика, съ отсутствіемъ товарищей, развлеченій, съ непомѣрными умственными упражненіями представлялась воспитателю медленнымъ, но несомнѣннымъ убійствомъ.

Другая выдающаяся черта воспитанія, изображаемаго г-жею Корелли, есть полное отсутствіе въ немъ христіанской вѣры и христіанскихъ чувствъ и представленій. М-ръ Великуртъ ни въ Христа, ни въ Бога не вѣровалъ и никакихъ путей Промысла не признавалъ. Лица, вѣровавшія въ міеъ христіанства, въ какого-то легендарнаго Бога, Создателя вселенной, и въ безсмертіе души представлялись этому почтенному джентльмену вполнѣ отсталыми и суевѣрными, а взгляды ихъ дикими, могущими вызвать лишь смѣхъ. За такую отсталость взглядовъ м-ръ Вилекуртъ и уволилъ прежняго воспитателя своего сына. Религіозное воспитаніе мальчика было ведено въ такомъ духѣ: ему сообщалась исторія вѣрованій разныхъ древнихъ и новыхъ народовъ, въ томъ числѣ и исторія христіанскаго міеа. Послѣдовательность занятій по этому предмету была такая:

1. Фта и египетская міеологія.
2. Брама, Вишну и индусскіе міеи.
3. Халдейскія и финикійскія вѣрованія.
4. Греческіе и римскіе боги.
5. Будда и буддизмъ.
6. Конфуцій и китайскія секты.
7. Мексиканская міеологія.
8. Одинъ и скандинавскія вѣрованія.
9. Магометанство и Коранъ.
10. Талмудъ и еврейскія преданія.
11. Христось и постепенное развитіе христіанскаго міеа на обломкахъ греческаго и римскаго язычества.
11. Позитивизмъ и чистый разумъ, съ доказательствами, что всѣ эти вѣрованія никакихъ положительныхъ основъ не имѣютъ, а только тормозятъ ходъ интеллектуальнаго развитія человѣчества.

Такому конспекту было отведено самое первое мѣсто въ учебно-воспитательныхъ занятіяхъ Лионеля. Ему тщательно объясняли, что въ наше время лишь одно грубое невѣжество еще вѣритъ въ божественное начало, что люди интеллектуальны давно пришли къ заключенію, что Бога нѣтъ, что «первая причина» и есть атомъ, порождающій другіе атомы, которые, вращаясь непрестанно, безсознательно, безъ мышленія, одною силою матеріи созидаютъ міръ.

Всего вѣроятнѣе, что Христа никогда не было, а Его придумали сами Петръ и Павелъ. Все это мальчикъ и усвоилъ.

На ряду съ отсутствіемъ религіознаго чувства, въ воспитаніи Лιονеля отсутствовало и всякое другое гуманное, нѣжное чувство. Отецъ относился къ сыну холодно и строго, не любилъ его, травилъ и мучилъ маленькаго мальчика. Тѣлеснаго наказанія онъ не допускалъ, но одиночное заключеніе и голодъ считалъ лучшими средствами для обузданія непокорныхъ, строптивыхъ характеровъ, къ которымъ причислялъ и характеръ звоего замученнаго ученъемъ и всей воспитательной системой, сына. Онъ морилъ его голодомъ и запиралъ въ комнатѣ. Замѣчательно, что и многоученый профессоръ-воспитатель раздѣлялъ эти взгляды. О развитіи самостоятельности въ сынѣ отецъ не заботился, онъ хотѣлъ опредѣлить его судьбу безъ всякаго вниманія къ его склонностямъ, по одному лишь своему желанію. «Мальчикъ мой, рассуждалъ нѣжный папенька, онъ отъ меня не уйдетъ! Изъ него я сдѣлаю, что хочу!» Отличаясь честолюбіемъ, м-ръ Велискуртъ намѣревался выработать изъ сына нѣчто необыкновенное по развитію ума и обширности знаній и ни въ какіе сантименты не вдавался. Въ отношеніяхъ отца къ сыну, по его взгляду, нѣтъ мѣста чувствамъ. Когда мальчикъ умеръ, и отецъ къ нему, мертвому, проявилъ обычную черствость и сухость, тогда не выдержалъ даже старый профессоръ, сотрудникъ родителя по воспитанію сына, а по внѣшности представлявшій, по характеристикѣ мистриссъ Велискуртъ, «нѣчто среднее между старой мартышкой и верблюдомъ», и далъ такую аттестацію папенькѣ: «да у васъ, видно, и сердца нѣтъ... Во всю его жизнь вы ничѣмъ не порадовали его,—кроткій, послушный, онъ безпрекословно исполнялъ всѣ неимовѣрныя ваши требованія—даже я, который извѣстенъ всей Англій строгостью дисциплины моей системы воспитанія, я былъ пораженъ суровостью предписаній, вошедшихъ въ планъ воспитанія вашего сына, и счелъ ихъ невыполнимыми... Велискуртъ, вы никогда не любилъ своего сына». Ну, а что же мать? Была ли жива у этого мальчика мать? А если была жива, то она какъ относилась къ своему сыну? Неужели такъ же холодно и безчувственно, какъ и отецъ?

Мать мальчика была жива, но она бросила мужа и сына и ушла съ любовникомъ. Сначала, когда мальчикъ былъ совсѣмъ маленькій, онъ принадлежалъ вполнѣ матери. Та страстно его любила и не могла допустить мысли, чтобы наемная чужая женщина ходила за ея мальчикомъ. Ничья рука, кромѣ руки матери, не прикасалась къ нему. Мать мечтала о прекрасной будущности своего «бэби», рѣшила долго не начинать его учить, чтобы тотъ совсѣмъ подросъ и окрѣпъ. Она хотѣла, чтобы ея мальчикъ весь живо рѣзвился и игралъ. Ей самой было съ нимъ такъ весело, такъ радостно. Но отецъ рѣшилъ иначе: онъ задумалъ сдѣлать изъ сына ученаго и отнял его у матери. Сначала мать тосковала, мучилась, видя, какъ ея дорогой сынъ, изо дня

въ день, становится все блѣднѣе и грустнѣе; но подѣлать ничего не могла, измѣнить систему воспитанія сына было не въ ея власти. Всякое вмѣшательство ея въ воспитаніе сына лишь раздражало мужа. Мало по малу она сдѣлалась равнодушной, со знала себя совершенно лишней для сына. А затѣмъ она влюбилась и бросила мужа. Мальчикъ любилъ мать, но отецъ не замедлилъ разъяснить сыну поведеніе матери. «Ваша мать, кричалъ въ бѣшенствѣ м-ръ Велискуртъ своему сыну, узнавъ о побѣгѣ жены, презрѣнное созданіе! Ваша мать—низкая тварь, развратная женщина! Она опозорила и меня, и васъ... Никогда не вспоминайте о ней, никогда не произносите ея имени! Запомните: съ этого дня у васъ нѣтъ больше матери!»

Мальчикъ не выдержалъ такого большого нравственнаго потрясенія и серьезно заболѣлъ. Его увезли въ другое мѣсто, дали ему отдохнуть, и онъ помаленьку поправился. Но когда умерла отъ дифтерита его знакомая дѣвочка, маленькая Жесмина, которую онъ очень полюбилъ, тогда у мальчика не оказалось ничего дорогаго въ жизни: нѣтъ матери, нѣтъ товарищей и друзей, нѣтъ вѣры въ Бога и въ людей, одинъ холодный и черствый отецъ, одни безконечныя занятія—неизвѣстно для чего. Сердце мальчика окаменѣло, туманъ окружилъ его умъ, безнадежное отчаяніе закралось въ его душу, и онъ повѣсилъ.

Трудно судить, насколько распространено въ современной Англии то воспитаніе, которое описываетъ Корелли. Во всякомъ случаѣ, судя по тону книги, по задачамъ автора, по его тенденціозности, оно нерѣдкое явленіе. Авторъ хочетъ бороться своей книгой съ изображенной имъ системой воспитанія, хочетъ предупредить родителей, раскрыть имъ глаза. Правда, г-жа Корелли главнымъ образомъ борется противъ безбожія родителей и борется, надо признаться, крайне плохо. Ея знанія въ этомъ отношеніи настолько скудны, и горизонтъ ея настолько тѣсенъ, что она считаетъ для себя возможнымъ прямо утверждать, что Франція, изгнавъ религію изъ всѣхъ своихъ школъ, «быстро превращается въ какой-то питомникъ, выращающій дѣтей—воровъ, убійцъ, негодяевъ»...(?). Г-жа Корелли, должно быть, никогда не слыхала, что въ американскихъ школахъ давнымъ давно устранено религіозное обученіе.

Раскрывъ въ своей книгѣ нѣсколько весьма серьезныхъ причинъ, приведшихъ Ліонеля къ печальному концу, г-жа Корелли, на одной изъ послѣднихъ страницъ книги, въ видѣ заключительнаго вывода, совершенно нелогично утверждаетъ: «отсутствіе религіознаго начала въ воспитаніи, а не что иное, довели до гибели эту молодую жизнь». Но сама же она во всей своей книгѣ и опровергаетъ свой заключительный выводъ, указывая множество серьезныхъ причинъ этого явленія, выше нами отмѣченныхъ.

Но плохо или хорошо сражается г-жа Корелли съ родителями, воспитывающими своихъ дѣтей въ безбожіи—это дѣло больше касается г-жи Корелли, чѣмъ насъ. Для насъ важно то, что

она сражается, слѣдовательно, по ея мнѣнію, нужно сражаться, что подобное воспитаніе не исключительное, не единичное явленіе.

Другія черты описаннаго ею воспитанія также изображаются встрѣчающимися довольно часто. Такъ, по поводу разлада между м-ромъ и м-ссъ Велискуртъ и бѣгства послѣдней, замѣчено, что, «къ несчастію, эти семейныя драмы теперь нерѣдко случаются»... А по поводу «пичканья» дѣтей книжною мудростію авторъ далъ слѣдующую тираду: «такова часто судьба даровитыхъ, способныхъ дѣтей—чѣмъ быстрее они схватываютъ, тѣмъ больше ихъ «пичкаютъ», и, въ концѣ концовъ, ни мозгъ, ни сердце не выдерживаютъ, неудачи слѣдуютъ за неудачами и приводятъ къ окончательному пораженію всего организма... Счастливъ, въ эти дни ложнаго прогресса, мальчикъ тупой, который хорошо учиться не можетъ, который засыпаетъ за книгой, срѣзывается на экзаменахъ и получаетъ розги—что много лучше «пичканья». По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ впоследствии превзойдетъ во всемъ того перваго ученика, нагруженнаго наградами, который теперь относится къ нему презрительно, будетъ лучше его, пожалуй даже и умѣе. Молодой сорванецъ, котораго мать-природа смаливаетъ въ рощи и луга, когда онъ долженъ бы сидѣть за книгой, который имѣетъ дерзновеніе находить лишнимъ прилежное изученіе мертвыхъ языковъ, разъ онъ никогда на нихъ говорить не будетъ, который, не переставая быть жизнерадостнымъ, безропотно переноситъ заслуженное наказаніе—способенъ выработать изъ себя человѣка, покажетъ себя сильнымъ и на полѣ брани, сокрушая враговъ, и на полѣ жизни, въ борьбѣ съ препятствіями, которыя сумѣетъ превозмочь! Ученье, какъ оно нынѣ ведется, убиваетъ всякую самобытность въ человѣкѣ: ни ясность мысли, ни силы физическія не могутъ быть достоинствомъ несчастныхъ жертвъ «пичканья».

Нужно замѣтить, что и г-жа Маллесонъ указываетъ, въ сравнительно умѣренной степени, тѣ же почти недостатки въ современномъ семейномъ воспитаніи англичанъ, какіе въ рѣзкой формѣ такъ энергично выставляетъ на видъ г-жа Корелли.

Если же дѣйствительно правда то, что согласно говорить объ англійскомъ воспитаніи названныя двѣ писательницы, то слѣдуетъ признать, что характерныя черты стариннаго англійскаго воспитанія, указанныя нами въ началѣ статьи, начинаютъ исчезать и замѣняться противоположными. Слѣдовательно, семейное воспитаніе въ Англии вступаетъ въ новый періодъ своего бытія, а чѣмъ и какъ этотъ періодъ закончится—покажетъ будущее.

П. Каптеревъ

Наши модныя увлеченія въ области народнаго образованія.

Россія, какъ страна позже другихъ европейскихъ государствъ вышедшая на культурную дорогу, шла, разумѣется, позади Европы и въ педагогическихъ вопросахъ, какъ и во всемъ прочемъ.

Возникавшія въ западно-европейскихъ государствахъ педагогическія теоріи пересаживались и на нашу родную почву; при чемъ, конечно, излишне прибавлять, что теоріи эти, при пересадкѣ въ нашъ вертоградъ, предварительно очищались отъ чуждаго намъ «духа» и пропитывались своимъ собственнымъ столь извѣстнымъ «русскимъ духомъ», отчего часто и процвѣтали, «яко кринъ сельный».

Такъ западно-европейская идея о воспитаніи челоуѣка-гражданина отразилась весьма своеобразно въ нашемъ первомъ училищномъ уставѣ 1786 г., носившемъ названіе «Общій уставъ о народныхъ училищахъ главныхъ и малыхъ». При составленіи этого устава принято было въ руководство австрійское общее училищное положеніе о нѣмецкихъ нормальныхъ, главныхъ и тривіальныхъ (или начальныхъ) школахъ, имѣвшее въ виду установленіе «христіанско-гражданскаго воспитанія и образованія народа». Написанная съ этой цѣлью педагогомъ Фельбигеромъ книга «Объ обязанностяхъ и правахъ челоуѣка - гражданина», предназначавшаяся для объяснительнаго чтенія во второмъ классѣ народныхъ училищъ, переведена была и на нашъ языкъ подъ названіемъ «О должностяхъ челоуѣка и гражданина». Содержаніе этой книги согласовано было съ тогдашними официальными возрѣніями на обязанности русскаго гражданина.

Книга эта также предназначалась для объяснительнаго чтенія въ народныхъ школахъ.

Въ «Училищномъ Наставленіи» и въ «Инструкціи» было прямо сказано, что чтеніе и изученіе этой книги въ училищѣ должно привести къ тому, чтобы каждый вѣроподданный зналъ свои права и обязанности, какъ православный христіанинъ и гражданинъ.

Въ послѣдующіе годы, вплоть до конца 50-хъ годовъ (за исключеніемъ первыхъ годовъ царствованія Александра I), застой общественной мысли отразился и на педагогическихъ воззрѣніяхъ: солдатская муштра тѣла и духа сдѣлалась основной цѣлью нашего образованія.

Съ наступленіемъ же весны общественной жизни наступила весна и народной школы.

Конецъ 60-хъ годовъ и всѣ 70-е были временемъ горячей работы по устройству и выработкѣ типа народной школы. Да, это была чудная, цвѣтущая весна народной школы! Всякому культурному человѣку хотѣлось совлечь съ себя «ветхаго Адама» крѣпостнической эпохи и послужить хоть чѣмъ нибудь великому дѣлу освобожденія народа отъ облежавшей его вѣковой тьмы невѣжества.

Но скоро наступила реакція, отразившаяся, разумѣется, прежде всего на дѣлѣ народнаго образованія.

Замедлилось, почти прекратилось открытіе новыхъ школъ, установилась схоластичность въ преподаваніи. Объяснительное чтеніе, предметные уроки, наглядное обученіе отошли въ область «забытыхъ словъ», появились соответствующіе духу времени учебники въ родѣ «книги для чтенія» г. Баранова и сдѣлались почти обязательными въ народныхъ училищахъ.

Въ это же время, вѣроятно, благодаря сильному увлеченію идеей «опрощенія», въ основаніи которой лежала идеализація «физическаго» труда, все «физическое» вошло у насъ въ моду и въ педагогической области.

Такъ, въ противовѣсъ переутомленію учащихся, о которомъ тогда только что заговорили, въ учебныхъ заведеніяхъ появилась знаменитая гимнастика, доведенная во многихъ школахъ переусердствовавшими педагогами до размѣровъ истинно-солдатской муштры.

Въ это то время проникаетъ къ намъ и идея школьнаго ручнаго труда, сначала только въ формѣ школьныхъ садовъ и огородовъ (взятыхъ подъ покровительство министерствомъ народнаго просвѣщенія), а потомъ и въ видѣ ремеслъ, главнымъ образомъ столярныхъ, токарныхъ и слесарныхъ. Съ начала 80-хъ годовъ начинается у насъ усиленное насажденіе ремесленныхъ классовъ при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, съ 1880 по 1884 г. число училищъ съ ремесленными классами возросло съ 56 до 104, т. е. почти удвоилось. Эти ремесленные классы, благодаря тому обстоятельству, что чаще всего открывались не по инициативѣ самого населенія, а по желанію учебнаго начальства, лишены были всякой связи съ мѣстными промыслами. То же самое можно сказать и о школьныхъ садахъ и огородахъ. Полный неуспѣхъ школьныхъ садовъ и огородовъ и ремесленныхъ классовъ при общеобразовательныхъ заведеніяхъ—теперь фактъ, признанный официально.

Опытъ западно-европейскихъ государствъ въ этомъ направленіи далъ также отрицательные результаты, и тамъ идея о необходимости обособленія профессиональнаго образованія отъ общаго еще въ 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія успѣваетъ уже вполне назрѣть.

Но прежнія идеи живучи. Отвергнутыя, признанныя ошибочными, онѣ еще долго живутъ въ умахъ людей, стараясь приспособиться къ современнымъ требованіямъ и часто измѣняясь вслѣдствіе этого до неузнаваемости, такъ что только тщательный анализъ въ состояніи бываетъ возстановить ихъ генеалогію.

То же случилось и съ идеей профессионализаціи общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Побитая на почвѣ утилитаризма, идея эта нашла себѣ убѣжище подъ крылышкомъ общей педагогій. Понятіе ручной трудъ получило тогда новую квалификацію—ремесла, приспособленнаго къ чисто-педагогическимъ цѣлямъ, и чисто-утилитарныя задачи, которыя преслѣдовались ими прежде, замѣнились теперь «чисто-педагогическими». Ручной трудъ становится теперь не *целью* преподаванія, а *средствомъ* воспитанія и образованія.

Педагогическая цѣль его заключается, по мнѣнію сторонниковъ «ручного труда» *), въ развитіи у дѣтей ловкости рукъ, вѣрности глаза, внимательности, аккуратности, настойчивости и любви къ физическому труду вообще, а также и въ укрѣпленіи ихъ физическихъ силъ. Увлеченіе новой, вѣрнѣе, подновленной идеей начинается постепенно разливаться въ педагогическихъ кругахъ разныхъ странъ.

Въ 1884 году проникаетъ это увлеченіе и къ намъ.

Ближайшая его исторія у насъ такова:

Въ 1884 г. министерство народнаго просвѣщенія командировало покойнаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго бывшаго тогда еще членомъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ Швецію для ознакомленія съ шведскими промышленными училищами. Ознакомившись съ идеей «ручного труда», трактовавшагося тамъ въ это время извѣстнымъ директоромъ Нэской семинаріи «ручного труда» Саломономъ, какъ общеобразовательный предметъ, и съ практической его постановкой въ Нэской учительской семинаріи, И. А. Вышнеградскій обратилъ вниманіе министерства народнаго просвѣщенія на желательность введенія «ручного труда» и въ русскихъ школахъ. Съ этой цѣлью дѣломъ 1884 г. министерство командировало въ Нэскую семинарію «ручного труда» для ознакомленія съ теоріей и практикой этого предмета двухъ учителей, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ—К. Ю. Цируля и

---

*) Слово, обозначающее понятіе «ручной трудъ», какъ ремесло, приспособленное къ педагогическимъ цѣлямъ, мы будемъ ставить въ вычехахъ, какъ мы это сдѣлали сейчасъ, чтобъ отличить это понятіе отъ понятія, обозначающаго обменованный ручной физическій трудъ.

Н. В. Касаткина. Кромѣ этого, директору этого института К. К. Сентъ-Илеру было дано порученіе ознакомиться съ постановкой того же дѣла заграницей.

По возвращеніи изъ Швеціи, К. Ю. Цируля, который еще раньше прошелъ курсъ «ручного труда» подъ руководствомъ датчанина Клаусонъ-Кааса, этого поистинѣ международнаго апостола «ручного труда»,—поручено устроить и руководить занятіями въ классѣ «ручного труда», открытомъ той же осенью при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ. Лѣтомъ 1885 г. министерство командировало К. Ю. Цируля вторично въ Швецію и Германію для окончательнаго усовершенствованія и практическаго изученія дѣла.

Съ 1885 г. С.-Петербургскому учительскому институту на обученіе «ручному труду» стало ежегодно отпускатся изъ средствъ Государственнаго Казначейства по 3,000 руб.

Но несмотря на такія благопріятныя внѣшнія условія; несмотря на тогдашнее настроеніе общества, начавшаго отерпѣваться отъ разныхъ «мечтаній» и склонившаго свои симпатіи въ сторону всякаго рода физическихъ упражненій до кулачныхъ боевъ и борьбы атлетовъ включительно; несмотря, наконецъ, на энергичныя старанія г. Цируля, руководившаго 12 курсами «ручного труда» (изъ 41 устроенныхъ съ 1888 по 1895 г. включительно) въ различныхъ мѣстностяхъ—идея «ручного труда» за 10 лѣтъ набрела на себя довольно незначительное число послѣдователей; увлеченіе этой идеей вглубь не пошло. Ко времени I-го Сѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, собравшагося въ С.-Петербургѣ въ 1889—90 году, «ручной трудъ» представлялся предметомъ мало извѣстнымъ даже среди учителей и учительницъ, такъ что нѣкоторыми членами организаціоннаго комитета Сѣзда высказывались серьезныя опасенія за успѣхъ самаго вопроса на Сѣздѣ. На образованномъ на I-мъ Сѣздѣ самостоятельномъ отдѣленіи (V) «ручного труда» присутствовало лишь 146 человекъ. Всего засѣданій было 7. Много споровъ было о томъ, какія ручныя работы слѣдуетъ причислять къ «ручному труду» и какія не слѣдуетъ.

Такъ какъ новая квалификація «ручного труда», какъ общеобразовательнаго предмета, была извѣстна немногимъ членамъ V отдѣленія Сѣзда, то, разумѣется, разногласіе между ними было полное, и нѣкоторые весьма интересныя вопросы, касающіеся существенныхъ сторонъ «ручного труда» остались неразрѣшенными I-мъ Сѣздомъ. Такъ, напр., неразрѣшеннымъ остался даже такой важный вопросъ, какъ вопросъ о томъ, «можно ли работы по сельскому хозяйству (огородничеству, садоводству и т. п.) считать видомъ «ручного труда». Но несмотря на это, V отдѣленіе I-го Сѣзда постановило резолюцію, выясняющую задачи «ручного труда», какъ общеобразовательнаго предмета. Резолюція эта вполнѣ отвѣчала официальнымъ взглядамъ на «ручной

трудъ». И. А. Вышнеградскій, инициаторъ введенія въ школьную программу общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній «ручного труда», такъ говоритъ о немъ въ своемъ «Проектѣ общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи»: «ручной трудъ» представляетъ собою вообще сильное орудіе развитія для юношества и потому является не только не вредящимъ, но и способствующимъ успѣху общаго образованія, «ручной трудъ» долженъ имѣть преимущественно и существенно педагогическое и воспитательное значеніе, преслѣдуя практическія цѣли настолько, насколько онѣ находятся въ полномъ согласіи съ этимъ основнымъ его назначеніемъ».

Далѣе, разсуждая о значеніи «ручного труда» для школъ общаго образованія, И. А. Вышнеградскій говоритъ еще, что «если развитіе глаза и руки на ряду съ умственными способностями имѣеть существенное значеніе въ воспитаніи вообще, то оно пріобрѣтаетъ постепенную важность для тѣхъ училищъ, которыхъ цѣль заключается въ общемъ образованіи людей, преимущественно подлежащихъ заниматься въ своей жизни ручнымъ трудомъ. На этомъ основаніи *правильное образованіе глаза и руки посредствомъ «ручного труда» должно составлять одну изъ важнѣйшихъ задачъ народной школы (курсивъ подлинника)*».

Практическая же важность введенія «ручного труда» въ наши учебныя заведенія для государства и всего народа И. А. Вышнеградскимъ усматривается «въ доставленіи промышленности рабочихъ съ *тѣрпимъ глазомъ и ловкой рукой*» (курсивъ нашъ *).

У отдѣленіе I-го Свѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію постановило: возбудить передъ министромъ народнаго просвѣщенія слѣдующія ходатайства:

- 1) объ обязательномъ введеніи обученія «ручному труду» во всѣхъ учительскихъ институтахъ и школахъ.
- 2) о допущеніи учительницъ на курсы «ручного труда»,
- 3) объ учрежденіи при Постоянной Комиссіи по техническому образованію особой секціи для разсмотрѣнія вопросовъ, касающихся преподаванія «ручного труда» и
- 4) объ устройствѣ самостоятельныхъ мастерскихъ «ручного труда», въ которыхъ могли бы обучаться ученики различныхъ учебныхъ заведеній.

Всѣ эти ходатайства въ настоящее время или уже осуществлены, какъ, напр., ходатайство объ образованіи особой Комиссіи по «ручному труду» при Постоянной Комиссіи по техническому образованію Императорскаго Русскаго Техническаго общества и о допущеніи учительницъ на курсы «ручного труда» или же находятся на пути къ осуществленію, какъ ходатайство о

---

*) Цитируемъ по оттиску изъ IV вып. «Сборника матеріаловъ по техническому и профессиональному образованію», Изд. Отд. промыш. учил., стр. 14—15.

введеніи обученія «ручному труду» во всѣхъ учительскихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ.

Законъ 21 января 1896 г. призналъ «ручной трудъ» въ 10 учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ не только равноправнымъ съ прочими предметами, но существованіе его обезпечено постояннымъ, опредѣленнымъ бюджетомъ. При этомъ министерствомъ народнаго просвѣщенія заявлено официально, что эти 10 педагогическихъ заведеній представляютъ лишь первую очередь въ заботахъ правительства о подготовкѣ учителей «ручного труда».

Кромѣ этого въ маѣ мѣсяцѣ 1895 г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ разосланъ попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляръ съ извѣщеніемъ объ организациі при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ временныхъ курсовъ «ручного труда» два раза въ годъ (лѣтнихъ и зимнихъ) и предложеніемъ командировать на нихъ учителей своего округа.

По самому скромному расчету для введенія обученія «ручному труду» въ 57 учебныхъ заведеніяхъ (учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ), содержимыхъ на счетъ Государственнаго Казначейства, потребуется 60, 721 р. 35 к. единовременнаго (на приспособленіе помѣщеній и оборудованіе мастерскихъ) и 77950 р. ежегоднаго ассигнованія.

Вотъ въ какомъ положеніи въ официальныхъ сферахъ находится теперь у насъ вопросъ о введеніи «ручного труда» въ курсъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній.

На послѣднемъ, 2-мъ сѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію «ручной трудъ» былъ выдѣленъ въ особую секцію (XIII-ю).

При открытіи этого послѣдняго сѣзда вотъ какъ характеризовалъ въ своей рѣчи управляющій отдѣленіемъ промышленныхъ училищъ въ Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія И. А. Аноповъ современное положеніе у насъ вопроса о «ручномъ трудѣ».

«Если обученіе ремесламъ, сказалъ онъ, въ общеобразовательныхъ школахъ не получило дальнѣйшаго движенія, то нельзя не порадоваться быстрому распространенію въ нашемъ отечествѣ обученія «ручному труду».

Ко времени I-го сѣзда это дѣло было еще въ зародышѣ, а въ настоящее время «ручной трудъ» введенъ уже въ 200 учебныхъ заведеніяхъ и имѣется на лицо до 2000 подготовленныхъ учителей сего предмета». Впрочемъ, г. Касаткинъ въ своемъ докладѣ «о ручномъ трудѣ въ общеобразовательныхъ школахъ...», читанномъ въ засѣданіи Постоянной Комиссии 9 декабря 1896 г., насчитываетъ такихъ учебныхъ заведеній, гдѣ введенъ «ручной трудъ», даже свыше 400. «Въ этомъ числѣ свыше 400 учебныхъ заведеній, говоритъ онъ, есть и гимназіи, и реальныя училища, кадетскіе корпуса, училища глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, дѣтскіе пріюты, ремесленныя училища, въ которыхъ «ручной трудъ» введенъ въ

младшихъ классахъ, какъ пропедевтика настоящему ремеслу, учительскіе институты и семинаріи, но, главнымъ образомъ, городскія, по положенію 1872 г., училища. Въ нихъ «ручной трудъ» введенъ уже теперь въ $\frac{1}{4}$ части общаго числа ихъ *). Но не слѣдуетъ обольщаться этими относительными успѣхами «ручного труда». Во первыхъ, по правдѣ сказать, для десятилѣтняго юбилея результаты эти и въ количественномъ отношеніи далеко не блестящи, въ особенности если принять во вниманіе обширность территоріи Русскаго государства, такъ и усиленное покровительство «ручному труду» со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія. Во вторыхъ, кромѣ этого, не надо забывать еще, что въ большинствѣ изъ этихъ 200 или даже 400 учебныхъ заведеній преподаваніе «ручного труда» лишь *значится* въ программѣ учебныхъ предметовъ, фактически же или отсутствуетъ совсѣмъ, или такъ дурно поставлено, что не даетъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Намъ не разъ приходилось и слышать и быть очевидцами того, какъ дурно поставлено преподаваніе «ручного труда» и въ городскихъ училищахъ, и въ учительскихъ институтахъ и особенно въ учительскихъ семинаріяхъ. Все дѣлалось исключительно для проформы, чтобъ выполнить предписаніе учебнаго начальства.

Такъ, въ одной изъ учительскихъ семинарій преподаватель «ручного труда», вынужденный педагогическимъ совѣтомъ семинаріи произвести оцѣнку успѣховъ воспитанниковъ въ «ручномъ трудѣ» по пятибальной системѣ, наставилъ двойки почти всѣмъ воспитанникамъ. И этотъ фактъ далеко не единиченъ.

XIII-я секція «ручного труда» на 2-мъ Съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію по примѣру V Отдѣленія I-го Съѣзда продолжала трактовать «ручной трудъ», какъ общеобразовательный предметъ, развивающій уваженіе къ физическому труду вообще и воспитывающій волю. Относительно утилитарнаго значенія «ручного труда» секція высказалась въ томъ смыслѣ, что она «ничего не имѣетъ противъ утилитарнаго значенія (но не цѣли) предметовъ въ программѣ «ручного труда» въ томъ случаѣ, если это не будетъ мѣшать методическому преподаванію общихъ предметовъ». Поднимался также вопросъ и о томъ, можно ли продавать издѣлія «ручного труда». Н. В. Касаткинъ, дѣлавшій докладъ по этому вопросу, находитъ, что продавать издѣлія «ручного труда» не слѣдуетъ, вслѣдствіе только одного экономическаго мотива, такъ какъ мотивъ этотъ стоитъ въ противорѣчій съ тѣмъ вопервыхъ, что издѣлія учащихся продаются обыкновенно ниже дѣйствительной ихъ стоимости, во вторыхъ, съ тѣмъ, что *эти издѣлія не имѣютъ внутреннихъ признаковъ товара* (?) (курсивъ и знакъ вопроса

*) Ручной трудъ въ общеобразовательныхъ школахъ, какъ первая степень техническаго образованія. Докладъ Н. В. Касаткина, читанный въ засѣданіи постоянной комиссіи 9 дек. 1896 года, стр. 10.

нашъ), а могутъ разсматриваться только какъ упражненія и, въ третьихъ, съ тѣмъ, что продажа издѣлій можетъ оказывать временное нравственное вліяніе какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея. Первый аргументъ, конечно, справедливъ, потому что машинный способъ производства и разившіеся пути сообщенія понизили цѣну на предметы подобнаго кустарнаго производства до крайняго минимума, такъ что она не можетъ окупить затрачиваемаго на нихъ труда. Что же касается второго аргумента, что будто бы ручныя издѣлія не имѣютъ внутреннихъ признаковъ товара, то аргументъ этотъ находится прежде всего въ противорѣчій съ первымъ, такъ какъ если издѣлія учащихся продаютъ, хотя бы и по очень низкой цѣнѣ, то они являются уже товарами; они представляютъ собой полезные предметы, могущіе быть обмѣниваемыми на другіе товары, сообразно количеству затраченнаго на нихъ общественно-необходимаго труда. Если же они обезцѣнились чуть не до нуля, такъ это произошло не вслѣдствіе того, что издѣлія эти *не имѣютъ внутреннихъ признаковъ товара*, а потому, что они не могутъ конкурировать съ издѣліями машиннаго производства.

По вопросу о томъ, можно ли продавать издѣлія «ручного труда» въ настоящее время, секція высказалась противъ продажи издѣлій, допустивъ ее только для дѣтскихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учебныхъ заведеній.

Въ соединенномъ засѣданіи XIII и IX *) секцій происходили очень оживленные дебаты по вопросу о желательности введенія обученія «ручному труду» въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Члены IX секціи дружно указывали на несовмѣстимость обученія «ручному труду» съ прямыми общеобразовательными задачами народной школы. Доказывалось также, что введеніе въ курсы народныхъ школъ обученія «ручному труду» на принесетъ ученикамъ никакой пользы, лишь обременитъ учителя, отвлечетъ его отъ главныхъ задачъ, которыя онъ долженъ преслѣдовать при обученіи въ народной школѣ; говорилось, что загромождать, осложнять программу начальныхъ народныхъ училищъ не слѣдуетъ, что при правильной постановкѣ учебнаго дѣла времени на занятія «ручнымъ трудомъ» ни у учениковъ, ни у учителя совсѣмъ не останется, что лучше, наконецъ, практичѣе и разумнѣе, средства, ассигнуемыя Министерствомъ народнаго просвѣщенія на опыты съ «ручнымъ трудомъ», употребить на достиженіе всеобщаго обученія и т. д. Защитники же «ручного труда» (главнымъ образомъ гг. Касаткинъ и Канаевъ) произносили на этомъ соединенномъ засѣданіи громовыя рѣчи, стараясь привить профанамъ IX секціи новый взглядъ на «ручной трудъ», какъ на общеобразовательный предметъ, предсказывая чуть не погибель народной

*) Секція общихъ вопросовъ по профессиональному и техническому образованію.

школы, если она не послушается ихъ и не введетъ у себя «ручного труда», призывая на помощь великихъ и славныхъ педагоговъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ; но профаны упорно стояли на своемъ, отстаивая чистоту типа общеобразовательной школы, считая «ручной трудъ» не за общеобразовательный предметъ, а лишь за пропедевтику ремесла, обучать которой умѣстно въ профессиональной школѣ, а не въ общеобразовательной.

Вѣроятно, подъ влияніемъ этихъ горячихъ дебатовъ XIII-я секція по вопросу о введеніи «ручного труда» въ народныхъ сельскихъ школахъ, въ своемъ засѣданіи 4 января 1896 г., приняла слѣдующую, весьма сдержанную и умѣренную резолюцію:

«Относительно введенія ручного труда въ сельскихъ одноклассныхъ школахъ XIII-я секція, признавая всю теоретическую желательность введенія этого предмета по примѣру западно-европейскихъ государствъ, полагаетъ, однако, что ни экономическое положеніе этихъ школъ, ни возрастъ учащихся не позволяетъ въ настоящее время надѣяться на повсемѣстное его распространеніе въ этихъ школахъ. Но, принимая во вниманіе практику какъ западно-европейскихъ училищъ, такъ и успѣшную практику нѣкоторыхъ одноклассныхъ школъ, XIII-я секція полагаетъ, что представители учебнаго вѣдомства должны идти на встрѣчу желаніямъ тѣхъ мѣстныхъ обществъ, которыя предлагаютъ средства на введеніе «ручного труда», гдѣ есть возможность устроить классы «ручного труда» и гдѣ учитель можетъ взять на себя руководство этимъ дѣломъ» *).

Такимъ образомъ даже самые ярые приверженцы идеи «ручного труда» должны были согласиться, что затрачивать государственныя средства на введеніе преподаванія «ручного труда» въ сельскихъ народныхъ училищахъ, когда у насъ грамотныхъ числится всего лишь 20—25%, когда число учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ составляетъ только 3% всего нашего населенія, болѣе чѣмъ непрактично. И за это спасибо.

И такъ, вотъ въ какомъ положеніи находится у насъ теперь модный вопросъ о «ручномъ трудѣ».

Положеніе, какъ видите, все же довольно устойчивое, благодаря тому обстоятельству, что увлеченіе это поддерживается специальнымъ правительственнымъ органомъ, вѣдающимъ дѣла нашего народнаго образованія.

Думаемъ, не лишнимъ будетъ привести здѣсь нѣсколько справокъ изъ исторіи увлеченія идеей *профессионализации* общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ западно-европейскихъ государствахъ; а это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что и самое увлеченіе перешло къ намъ съ Запада, да и сторонники его у насъ любятъ постоянно ссылаться на примѣръ западныхъ государствъ.

Начало увлеченія школьнымъ ручнымъ трудомъ должно быть

*) Дневникъ 2-го Съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію, стр. 363.

отнесено къ концу прошлаго и началу нынѣшняго столѣтія. Особенно сильно увлекались ручнымъ трудомъ въ Германіи, Англіи и Швеціи.

Во многихъ нѣмецкихъ школахъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, по почину извѣстныхъ педагоговъ-филантропистовъ Франке и Базедова, введено было обученіе разнымъ подѣлкамъ по дереву, а также садоводству и огородничеству. А король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III 19 августа 1799 года издалъ даже указъ, которымъ повелѣвалось во всѣхъ гарнизонныхъ школахъ обучать кантонистовъ вязанью, плетенью, приденью, подѣлкамъ по дереву, садовымъ работамъ и т. п. Тѣмъ же указомъ рекомендовалось подобныя ручныя работы ввести и во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Въ Англіи, въ концѣ прошлаго столѣтія, введеніе въ курсъ начальныхъ народныхъ училищъ обученія разнымъ ремесламъ, садовымъ и прочимъ сельско-хозяйственнымъ работамъ также было встрѣчено довольно сочувственно. Родители аккуратно посылали дѣтей въ такія школы и охотно вносили установленную за ихъ обученіе плату. Сельскія общины и городскіе магистраты назначили даже ежегодныя субсидіи спеціально на обученіе ручнымъ ремесламъ въ школахъ.

Но скоро эти опыты привели къ отрицательнымъ результатамъ. Уже черезъ 12 лѣтъ въ Пруссіи при составленіи въ 1861 г. министромъ народнаго просвѣщенія Альтенштейномъ подробно общаго положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ курсъ этихъ училищъ долженъ былъ состоять лишь изъ Закона Божія, чтенія, письма, четырехъ правилъ ариметики, свѣдѣній изъ отечественной исторіи, географіи и естественной исторіи (по «Книгѣ для чтенія») и церковнаго пѣнія, подготовительное же обученіе ремесламъ и разнымъ домашнимъ работамъ было *исключено* изъ школьной программы. Въ положеніи было сказано относительно этого пункта, что «двѣнадцатилѣтній опытъ не только не привелъ къ какимъ либо полезнымъ практическимъ результатамъ, но ручныя работы въ школѣ были *сильной помѣхой общему обученію религіи, грамотѣ и счисленію*».

Въ Англіи сами родители просили о прекращеніи обученія разнымъ ремесламъ въ школахъ, такъ какъ дѣти ихъ *не только не научились хорошо ремесламъ, но приучались портить матеріалы и баловать тѣмъ трудомъ, который долженъ былъ доставлять имъ въ будущемъ вѣрный кусокъ хлѣба* *).

Во Франціи къ этому времени увлеченіе обученіемъ ручнымъ работамъ въ общеобразовательныхъ школахъ также значительно ослабѣваетъ.

Особенно хорошо на первыхъ порахъ идея профессионализаціи общеобразовательной школы прививалась въ тѣхъ странахъ, гдѣ

---

*) Факты заимствованы у г. Весселя изъ его доклада 2-му Съезду русск. дѣят. по техн. и пр. обр. «Профессиональное Образование».

было на всемъ ходу натуральное хозяйство съ неизбѣжными при этомъ экономическомъ строѣ кустарными промыслами или домашними ремеслами (нѣмецкими Hausarbeiten, финляндскими — Husetöjds или Handslöjds шведскими — slöjds и т. п.).

Такъ, въ Финляндіи, гдѣ кустарная промышленность сильно развита, въ «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 11 го мая 1866 г.» извѣстнымъ Уно Цигнеусомъ, составителемъ этого Положенія, было включено обученіе «ручному труду».

Сначала обученіе дѣтей ручнымъ домашнимъ работамъ было введено въ финляндскихъ школахъ лишь въ свободное отъ классныхъ занятій время и *только по желанію родителей*. Къ тому же обученіе ручному труду производилось не даромъ, а за особую, хотя и незначительную плату. И только Цигнеусъ, который былъ большимъ сторонникомъ распространенія и улучшенія способовъ производствъ домашнихъ ручныхъ работъ, включилъ ручной трудъ въ свой проектъ новаго положенія о начальныхъ народныхъ финскихъ училищахъ и учительскихъ семинаріяхъ, какъ обязательный предметъ обученія.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Цигнеуса только по недоразумѣнію считаютъ отцомъ «ручного труда» въ современной его квалификаціи, какъ общеобразовательнаго предмета, вводимаго въ учебный курсъ исключительно съ педагогическо-образовательными цѣлями. Цѣль введенія обученія дѣтей «ручному труду» въ финляндскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ была чисто-утилитарная: *оказать возможное содѣйствіе улучшенію и распространенію мѣстныхъ кустарныхъ крестьянскихъ промысловъ*.

Въ Швеціи на школьный «ручной трудъ» такъ же смотрѣли, какъ на подготовительный курсъ къ изученію ремесла. Шведскій министръ народнаго просвѣщенія Карльсонъ задался было мыслью ввести обязательное обученіе «ручному труду» въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ училищахъ, но вполне осуществить своей мысли ему не удалось. Преподаваніе «ручного труда» было введено въ видѣ опыта лишь въ двухъ семинаріяхъ. Тогда Карльсонъ обратился къ фабрикантамъ и заводчикамъ съ приглашеніемъ оказать денежную поддержку для введенія обученія «ручному труду» въ народныхъ школахъ. На этотъ призывъ откликнулся богатый фабрикантъ Августъ Абрагамсонъ, уже имѣвшій въ своемъ имѣніи Нэссъ, близъ Готенбурга, мужскую частную школу «слэйда» (Slöjd), т. е. подѣлокъ изъ дерева домашняго изготовленія и изготовляющихся каждымъ для собственнаго употребленія. Школы эти открыты имъ были въ 1872 г. Въ этомъ же году была открыта школа «слэйда» и для дѣвочекъ, а въ 1877 году и ремесленное училище. Изъ всѣхъ этихъ школъ и возникла извѣстная Нэсская учительская семинарія для приготовленія особыхъ учителей «ручного труда» съ учрежденными при ней лѣтними временными курсами «ручного труда» для учителей народныхъ училищъ». Содержится семинарія на средства Августа Абра-

гамсона. Во главѣ Нэсской учительской семинаріи «ручного труда» сталъ племянникъ Абрагамсона Отто Саломонъ.

Сначала всѣ эти школы, изъ которыхъ и образовалась впоследствии Нэсская учительская семинарія, преслѣдовали ремесленно-утилитарныя цѣли, но такъ какъ развитіе промышленности и путей сообщенія окончательно обезцѣнили предметы домашняго употребленія, то производить эти предметы въ названныхъ училищахъ съ утилитарными цѣлями оказалось излишнимъ. Тогда то за ручнымъ трудомъ и фиксировали однѣ лишь педагогическія цѣли. Тогда то и всѣ другіе виды «слѣйда», какъ столярныя, токарныя, рѣзные по дереву, слесарныя, кузнечныя, переплетныя, картонажныя, выпилочныя, по обработкѣ холоднаго металла и другія работы, носившія явно промышленный характеръ, были откинута. Оставлены лишь простѣйшія работы по дереву, которыя и были систематизированы Саломономъ, согласно педагогическому требованію перехода отъ простаго къ сложному.

Изъ Швеціи школьное преподаваніе «ручного труда» перешло черезъ уже упомянутого нами Клаусонъ-Кааса въ Данію, Германію и къ намъ въ Россію (сначала въ Прибалтійскій Край).

Клаусонъ-Каасъ тоже смотрѣлъ на «ручной трудъ», какъ на пропедевтику къ изученію ремеселъ различнаго рода. Теперь въ Даніи ручнымъ занятіямъ обучаются въ 50 школахъ домашняго производства, *совершенно независимыхъ отъ народныхъ школъ* и преслѣдующихъ *исключительно* цѣли утилитарныя. За послѣднее время, впрочемъ, и здѣсь наблюдается замѣна цѣлей утилитарныхъ чисто-педагогическими. Въ Даніи Клаусонъ-Каасомъ основано было еще «Датское общество домашняго трудолюбія».

Дѣятельность свою Клаусонъ-Каасъ не ограничилъ Даніей. Онъ предпринималъ неоднократныя поѣздки въ главные города Германіи, гдѣ читалъ публичныя лекціи, мысль которыхъ, разумѣется, заключалась въ требованіи обученія различнымъ ручнымъ работамъ какъ въ школахъ, такъ и дома. Отсутствіе этихъ занятій, по мнѣнію Клаусонъ-Кааса, составляетъ большой пробѣлъ въ воспитаніи юношества, семьи и цѣлаго народа. Онъ первый, между прочимъ, ввелъ въ употребленіе временныя учительскіе курсы съ цѣлью подготовить учителей къ «ручному труду» и черезъ нихъ привить ручныя работы въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Подъ вліяніемъ проповѣдей Клаусонъ-Кааса въ Берлинѣ въ 1876 г. также образовалось подобно Датскому «Главное Нѣмецкое общество ручного труда». Общество это открыло въ 1877 г. въ Лейпцигѣ свою спеціальную учительскую семинарію «ручного труда» подъ руководствомъ доктора В. Гетце, а съ 1888 г. издаетъ даже и свой спеціальныя органъ «Листокъ ручного труда», посвященный исключительно разработкѣ вопросовъ «ручного труда». Въ программу ручныхъ работъ въ Лейпцигской семинаріи включены, между прочимъ, садоводство и огородничество.

Организаторомъ «ручного труда» во Франціи явился нѣкто

Салисисъ, сдѣлавшійся впоследствии генеральнымъ инспекторомъ «ручного труда». Благодаря его энергіи и трудамъ въ 1882 г. въ Парижѣ была основана «Высшая учительская семинарія ручного труда». Она служила для подготовки учителей «ручного труда» для учительскихъ семинарій, въ которыхъ и было прежде всего организовано новое обученіе. Взгляды Салисиса на «ручной трудъ» являются какъ бы переходной ступенью отъ чисто-утилитарныхъ къ чисто-педагогическимъ. Онъ уже смотритъ на обученіе «ручному труду» не только какъ на средство проведенія въ рабочую массу улучшеннаго способа собственноручнаго приготовленія тѣхъ или другихъ предметовъ, полезныхъ для домашняго обихода, но такъ же и какъ на средство, могущее развить съ ранняго возраста въ ребенкѣ любовь къ труду, ручной навыкъ и точность, а также вкусъ, необходимые ему, какъ будущему *профессиональному работнику*.

Отсюда остается одинъ только шагъ до окончательнаго обособленія «ручного труда» отъ его профессионально-утилитарныхъ цѣлей въ сторону чисто-педагогическую. Шагъ этотъ и сдѣланъ былъ Отто Саломономъ, этимъ истиннымъ отцомъ «ручного труда» въ современной его квалификаціи, «какъ общеобразовательнаго предмета». Всѣ, принявшіе систему Саломона, съ этихъ поръ начинаютъ величать «ручной трудъ» *миш* общеобразовательнымъ предметомъ и сердятся, когда его смѣшиваютъ, по старой памяти, съ простымъ ремесломъ или называютъ пропедевтикой профессиональныхъ умѣній.

Увлеченіе «ручнымъ трудомъ» благодаря временнымъ курсамъ этого предмета, устраиваемымъ въ Нэсской и Лейпцигской учительскихъ семинаріяхъ, на которыхъ перебивали люди различныхъ національностей, проникло и въ другія страны, даже въ Японію, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ.

Сторонники «ручного труда», въ цѣляхъ широкаго распространенія патронируемаго ими предмета, естественно всегда стремились достигнуть введенія *обязательно* обученія этому предмету въ курсъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Уно Цигнеусу въ Финляндіи, какъ мы видѣли, удалось достигнуть своей цѣли; въ Швеціи же Карльсонъ принужденъ былъ отказаться отъ подобной мысли. Французы, какъ увлекающаяся нація, съ жаромъ набросились на новинку и закономъ 28 марта 1882 г. ввели «ручной трудъ» и ознакомленіе съ инструментами, употребляемыми въ главнѣйшихъ ремеслахъ, въ число обязательныхъ учебныхъ предметовъ въ начальной народной школѣ.

Не то въ Германіи. Когда «Главное Нѣмецкое общество ручного труда» обратилось въ 1880 г. съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о введеніи «ручного труда» въ государственныхъ народныхъ школахъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ, то министръ сначала послалъ четырехъ педагоговъ, изъ которыхъ двое были рекомендованы самимъ Обществомъ, въ Швецію и Да-

нію для подробнаго ознакомленія съ возникновеніемъ и развитіемъ «ручного труда» и съ достигаемыми имъ практическими результатами. Отчеты этихъ лицъ разсматривались особо назначенной съ этой цѣлью комиссіей, въ составъ которой входили и два члена отъ Общества. На основаніи заключеній этой комиссіи прусское министерство народнаго просвѣщенія *не признало полезнымъ и возможнымъ введеніе ручного труда въ государственныя начальныя школы и средне-учебныя заведенія.*

Мотивомъ этого отрицательнаго отношенія къ «ручному труду» служили слѣдующія соображенія:

«... 1) народныя училища учреждены для распространенія признаннаго необходимымъ и потому установленнаго правительствомъ *общаго начального образованія въ народъ*; но эта цѣль до сихъ поръ еще не достигается вполне удовлетворительно; 2) хотя бюджетъ народныхъ училищъ весьма значителенъ и, по мѣрѣ возможности, увеличивается, но еще далеко недостаточенъ для обезпеченія содержанія школъ и учителей въ надлежащей мѣрѣ; 3) представленные отчеты показываютъ, что преподаваніе «ручного труда» ни въ Даніи, ни въ Швеціи еще не дало никакихъ практическихъ результатовъ, между тѣмъ *значительно мѣшаетъ успѣшному ходу общаго начального обученія*; 4) преподаваніе ручного труда въ видѣ пропедевтики къ послѣдующему настоящему изученію разныхъ ремеслъ является крайне искусственнымъ нововведеніемъ, что увеличивается еще совершенно искусственно придуманною методою преподаванія «ручного труда», практикуемою въ Даніи и въ Швеціи. Эта метода не оправдывается никакими серьезными научными логическими и психологическими основаніями, а потому и занятія «ручнымъ трудомъ» по такой искусственной методѣ не могутъ имѣть никакого полезнаго педагогическаго значенія» *).

Такимъ образомъ прусское министерство народнаго просвѣщенія благоразумно уклонилось отъ раззорительныхъ для государства опытовъ съ моднымъ «ручнымъ трудомъ», опытовъ, которые, подобно ремесленнымъ классамъ при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, должны были неизбежно рано или поздно окончиться неудачей. вмѣстѣ съ тѣмъ министерство предоставило обществу право безпрепятственно распространять въ семействахъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе «ручного труда», разумѣется, за свой собственный страхъ и средства безъ всякихъ со стороны государства субсидій.

Примѣръ, какъ видите, весьма поучительный.

Такимъ образомъ историческая справка, приведенная здѣсь, обязываетъ насъ какъ можно осторожнѣе отнестись къ этому модному увлеченію въ области народнаго образованія. Область народнаго образованія, какъ наиболѣе важную изъ всѣхъ, слѣ-

* Цитировано по докладу Н. Весселя «Профессиональное образованіе», стр. 14.

дуетъ особенно старательно оберегать отъ ненужныхъ, тормозящихъ правильный ходъ развитія, а иногда даже прямо вредныхъ для этого дѣла, увлеченій.

Попробуемъ же, на самомъ дѣлѣ, безпристрастно обсудить всѣ выгоды и невыгоды, могущія прозойти отъ введенія «ручного труда» въ программу нашихъ народныхъ общеобразовательныхъ училищъ.

Теперь «ручному труду» придается другое значеніе, чѣмъ прежде, и въ настоящее время возникаетъ вопросъ, можетъ ли «ручной трудъ» воспитать въ молодомъ поколѣннн волю, вниманіе и творческую фантазію? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать условно.

Въ «ручномъ трудѣ», какъ и въ умственномъ, какъ и во всякомъ трудѣ вообще, несомнѣнно, заключаются воспитательные элементы. Его сторонники утверждаютъ, что при изученіи «ручного труда» въ ученикахъ воспитывается воля, возбуждается чувство уваженія къ физическому труду, прививается привычка къ порядку и опрятности, наконецъ, развивается художественный вкусъ, вѣрный глазъ и твердая рука.

Но это достигается и при обученіи общеобразовательнымъ предметамъ и даже лучше достигается.

Приведу примѣръ. Чтобъ выполнить, напр., задачу по черченію или рисованію, потребуется отъ ученика и вниманіе, и волевое усиліе, и творческая фантазія, и чистоплотность, и художественный вкусъ, и вѣрность глаза, и твердая рука, словомъ, всѣ тѣ навыки, которые должны получиться при обученіи «ручному труду», по словамъ его сторонниковъ.

Возьму другой примѣръ. Чтобъ написать сочиненіе, ученику необходимы также и творческая фантазія, и волевое усиліе, и аккуратность, слѣдовательно, опять тѣ же способности и навыки. Точно то же найдемъ мы и въ другихъ работахъ по чисто-образовательнымъ предметамъ.

А развѣ можетъ сравниться развивающее значеніе, напр., сочиненія или даже рисованія и черченія съ таковымъ же при обученіи «ручному труду»? Тутъ широкое раздолье для творческой мысли, неисчерпаемая красота слога, а тамъ ограниченность формъ, въ которыя можетъ вылиться творчество, и мертвящій механизмъ самаго процесса выполненія работы.

Что же касается воспитанія посредствомъ «ручного труда» чувства уваженія къ физическому труду вообще, то не думаемъ, чтобы такой игрушечный трудъ, если онъ и будетъ исполняться дѣтми охотно, могъ развить въ нихъ уваженіе къ физическому труду и его представителямъ. Вѣдь, не мало барчать таскаютъ въ дѣтствѣ на игрушечныхъ тачечкахъ и носилочкахъ землю, песокъ и камни и добросовѣстно продѣлываютъ всѣ фрбелевскія затѣи, однако, нельзя сказать, чтобы въ богатомъ классѣ много было лицъ, дѣйствительно, неліцемерно относящихся къ представителямъ физическаго труда. Привилегированные классы чаще

всего третируютъ рабочихъ, какъ людей недостойныхъ, относятся къ нимъ пренебрежительно и свысока.

Къ тому же очень поучителенъ примѣръ Англіи и Германіи, гдѣ ручной трудъ въ концѣ прошлаго вѣка не привился потому, что дѣти, по словамъ ихъ родителей, *отучались отъ полезнаго физическаго труда* и привыкали въ школѣ баловать этимъ физическимъ трудомъ и портить матеріалъ.

Наконецъ, нашъ собственный неудачный опытъ съ ремесленными классами при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ ученики, «если не успѣвали какъ нибудь отлынивать отъ работы, то портили только дерево». Примѣры эти, говоря, заставляють скорѣе опасаться, что такое небрежное отношеніе къ ручнымъ работамъ можетъ подорвать уваженіе къ физическому труду, отбить охоту даже когда нибудь имъ заниматься. Да и немислимо воспитать чувство уваженія къ физическому труду посредствомъ одного только обстругиванія колышковъ или долбленія ложекъ, социальный строй самый счастливый педагогъ: изъ всего того, чему онъ поучаетъ, очень мало пропадаетъ даромъ для его учениковъ.

Посмотримъ теперь, что можетъ дать «ручной трудъ» въ сельской народной школѣ. Соображенія относительно воспитанія чувства уваженія къ физическому труду и относительно развитія дѣтскихъ физическихъ силъ въ примѣненіи къ начальной сельской народной школѣ совершенно отпадаютъ, такъ какъ экономическая маломощность нашихъ крестьянъ вынуждаетъ ихъ рано эксплуатировать физическія силы своихъ дѣтей. Физической работы, и не игрушечной, вдоволь приходится на долю малышей 7—8 лѣтъ, не говоря уже о 12—13 лѣтнихъ ребятишкахъ, которые часто въ эти годы ужъ пахутъ и боронятъ вмѣстѣ съ своими отцами. Слѣдовательно, приучать этихъ ребятишекъ, этихъ мужичковъ съ ноготокъ, уважать физическій трудъ было бы по меньшей мѣрѣ смѣшно, «физическаго же развитія» у нихъ хоть отбавляй: переутомленіе, болѣзнь городскихъ учениковъ, не знакомо въ такой степени здоровымъ крестьянскимъ ребятишкамъ. Остается развитіе воли, творческой фантазіи, навыка къ методичности, аккуратности и точности при выполненіи работъ. На приведенныхъ мною раньше примѣрахъ мы видѣли, что развитіе навыковъ эти можно и на общеобразовательныхъ предметахъ, слѣдовательно, необходимости введенія «ручного труда» съ этими цѣлями въ начальныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно не существуетъ.

Правильная постановка обученія общеобразовательнымъ предметамъ въ начальной школѣ будетъ не только воспитывать, но и развивать дѣтей. Я нарочно подчеркиваю слово *правильная*, такъ какъ постановка обученія въ современной народной школѣ съ ея изсушающими душу и мысль разборами, диктантами, механическими чтеніями—не можетъ, разумѣется, назваться пра-

вильной, такъ какъ «науки эти» не могутъ ни воспитывать, ни развивать. Прибавить къ этой схоластической постановкѣ еще одинъ механическій предметъ это значить послужить не дѣлу развитія народа, а дѣлу его отупленія.

Приверженцы «ручного труда» ссылаются на примѣры другихъ европейскихъ государствъ, но ссылка эта не убѣдительна. Въ Германіи и Даніи правительства, какъ мы уже знаемъ, отказались отпустить суммы на введеніе «ручного труда». Въ этихъ государствахъ, а также и въ Швеціи, это дѣло находится въ рукахъ частныхъ обществъ. Если во Франціи и Финляндіи «ручной трудъ» и получалъ сравнительно широкое распространеніе, такъ это случилось единственно лишь благодаря обязательности обученія этому предмету. Къ какимъ результатамъ привели тамъ опыты введенія «ручного труда» въ общеобразовательныя заведенія, мы пока не можемъ судить за неимѣніемъ данныхъ. Примѣръ же Англіи и Пруссіи, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія пытавшихся ввести въ школы «ручной трудъ», показалъ, что онъ *«не только не привелъ къ какимъ либо полезнымъ практическимъ результатамъ, но былъ сильной помѣхой общему обученію ремлю, грамотѣ и счисленію.»*

Теперь остается разрѣшить послѣдній вопросъ, вопросъ чисто экономическаго характера; вопросъ о томъ, можемъ ли мы позволить себѣ роскошь введенія «ручного труда» въ свои учебныя заведенія?

Вѣдь, западно-европейскимъ государствамъ можно дѣлать опыты въ этомъ направленіи. У нихъ, вѣдь, за небольшими исключеніями, почти все населеніе грамотное, да и бюджеты то ихъ по народному образованію не нашему чета, такъ и блещутъ громадными числами. Кроме того, и самая постановка обученія въ ихъ народныхъ школахъ съ курсомъ отъ 6—8 лѣтъ (при чемъ обученіе «ручному труду», обыкновенно, начинается только съ 4-го года обученія) не оставляетъ желать ничего лучшаго. Намъ же—съ нашимъ 80—75% безграмотныхъ, съ 4-хъ миллионнымъ (т. е. только 0,3 всего бюджета) ассигнованіемъ собственно на народныя школы, съ трехлѣтнимъ обученіемъ (и какимъ обученіемъ!) въ этихъ холодныхъ, темныхъ и тѣсныхъ школахъ; намъ, смѣемъ думать, не приходится дѣлать такіе обременительные для нашего школьнаго бюджета опыты, опыты, благіе результаты отъ которыхъ еще весьма и весьма гадательны.

Вотъ что говоритъ, напримѣръ, г. Вессель въ своемъ обстоятельномъ докладѣ 2-му Съѣзду русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію подъ заглавіемъ «Профессиональное образованіе» докладъ, изъ котораго мы уже приводили нѣкоторыя цѣнныя данныя въ настоящей своей работѣ:

«У насъ крестьянскія дѣти ходятъ въ школу не болѣе трехъ лѣтъ и, не смотря на всѣ постановленія, приказанія и инструкціи училищнаго начальства, болѣе или менѣе аккуратное посѣщеніе сельской школы начинается съ Покрова (1 октября) и про-

должается до вешняго Егорія (23 апрѣля), за исключеніемъ еще установленныхъ рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій».

При такомъ крайне ненормальномъ положеніи нашего школьнаго дѣла, по мнѣнію г. Весселя, *«всѣ денежныя средства, которыя могутъ удѣлять правительство, земство, городовыя управленія, сельскія общины и пр. слѣдуетъ употреблять до послѣдней копейки на учрежденіе хотя бы только школъ грамотности и на приготовленіе начальныхъ учителей и учительницъ... Вводить же въ настоящее время въ нашихъ народныхъ школахъ преподаваніе какихъ нибудь новыхъ утилитарныхъ предметовъ, особенно моднаго пресловутаго и, прямо говоря, совершенно бесполезнаго «ручного труда» и тратить на это относительно не малія деньги, въ настоящее время *положительно ирривино*». Указавъ, далѣе, на то, что «производить подобныя эксперименты еще простительно въ Швеціи, Даніи, Германіи и вообще въ тѣхъ странахъ Западной Европы, гдѣ уже существуетъ достаточно первоначальныхъ народныхъ училищъ и хорошо подготовленныхъ начальныхъ учителей и учительницъ, гдѣ уже нѣсколько поколѣній грамотны», г. Вессель добавляетъ: «кромѣ того, исторія западно-европейскихъ и нашихъ народныхъ училищъ представляетъ не мало крупныхъ примѣровъ подобныхъ и временныхъ, и болѣе или менѣе продолжительныхъ, увлеченій разными утилитарными школьными экспериментами, на которые потрачены были значительныя деньги и которые на практикѣ оказались не только бесполезными, но положительно вредными, потому что такіе эксперименты сильно мѣшаютъ правильному устройству народной школы и задерживали успѣшное развитіе распространенія общаго начального народнаго образованія» *).*

Другой авторитетный педагогъ, г. Рачинскій, не отрицая несомнѣнной пользы распространенія среди крестьянства техническихъ свѣдѣній и умѣній, а, въ особенности, сельско-хозяйственныхъ знаній, рекомендуетъ для этого устройство специальныхъ училищъ, говоря, что *«усвоеніе прочной грамотности, при краткости нашихъ учебныхъ сроковъ, требуетъ всего времени и силъ ребенка*. Возрастъ, самый благоприятный для этого усвоенія, долженъ предшествовать тому, въ которомъ физическія силы позволяютъ ему приняться производительно за трудъ ремесленный или земледѣльческій. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, для того, чтобы привить ребенку дѣйствительныя умѣнья, *долженъ сдѣлаться главнымъ, преобладающимъ его дѣломъ*. Занятія ремеслами по одному часу въ день, какъ это практикуется въ нашихъ министерскихъ училищахъ, могутъ имѣть значеніе развѣ лишь гігіеническое, наряду съ гимнастикой, но научить ребенка какому либо мастерству не могутъ, и желательно было бы ихъ совсѣмъ отмѣнить, какъ лишнюю трату времени и денегъ, которая съ

*) Вессель, «Профессиональное образованіе», стр. 9—10.

гораздо большею пользою могли бы быть обращены на прочія учебныя нужды этихъ заведеній» *).

Въ «Объясненіи Министерства народнаго просвѣщенія на сдѣланныя разными вѣдомствами замѣчанія по проекту общаго плана промышленнаго образованія» приведены слѣдующія соображенія одного изъ Министерствъ противъ пользы введенія «ручного труда» въ курсъ народныхъ училищъ:

1) Дѣти будутъ въ школахъ терять много времени на обученіе «ручному труду», вслѣдствіе чего будутъ оказывать мало успѣховъ въ общеобразовательныхъ предметахъ.

2) Если признать, что «ручной трудъ» развиваетъ глаза и ловкость руки, приучая въ то же время ко внимательности, порядку и терпѣнью, то эти качества развиваются и всякимъ правильно поставленнымъ школьнымъ обученіемъ, особенно черченіемъ и рисованіемъ, которыя содѣйствуютъ въ то же время умственному развитію и сверхъ того развиваютъ вкусъ.

3) Необязательность занятій «ручнымъ трудомъ» отнимаетъ у нихъ значительную долю ихъ педагогическаго значенія.

4) При необязательности «ручной трудъ» встрѣтитъ мало сочувствія въ населеніи.

5) У насъ нѣтъ достаточно педагогическихъ силъ, которыя сразу могли бы поставить это дѣло на твердыхъ началахъ; учителя же, подготовленные не только на лѣтнихъ курсахъ, но даже и въ учительскихъ институтахъ, не будутъ руководителями достаточно опытными, чтобы ученики могли относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ.

6) Признавая, что польза и возможность «ручного труда» проблематическая, а въ школахъ для рабочихъ она еще сомнительнѣе, Министерство рекомендуетъ обратить большее вниманіе на развитіе общаго образованія и включить въ него графическія искусства.

7) Вопросъ о введеніи «ручного труда» въ школы за границею еще не разрѣшенъ: въ Англіи вопросъ о «ручномъ трудѣ» не возбуждался; въ Даніи правительство не даетъ денегъ на это дѣло; въ Швеціи это дѣло частныхъ лицъ и богатыхъ фабрикантовъ; въ Германіи нѣкоторые създы учителей высказались противъ «ручного труда», и, если въ послѣднее время и произошелъ поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу «ручного труда», то онъ не такъ рѣшителенъ, чтобы можно было на немъ основывать окончательное заключеніе. Къ тому же за границей школы устроены лучше, ученіе продолжительнѣе и по числу лѣтъ, и по числу мѣсяцевъ въ каждомъ году, и школа посѣщается исправнѣе; у насъ же, при совершенно противоположныхъ условіяхъ, отдѣленіе на «ручной трудъ» двухъ-трехъ часовъ изъ времени,

---

*) Рачинскій. «Замѣтки о сельскихъ школахъ». С.-Петербургъ 1883 г. стр. 78—81.

назначаемаго на общеобразовательные предметы, нанесетъ школѣ чрезвычайный вредъ» *).

Сдѣлаемъ теперь конечные выводы изъ всего нами сказаннаго. И такъ, принимая во вниманіе неудавшіеся предыдущіе опыты съ ручнымъ трудомъ въ западно-европейскихъ государствахъ и полную неизвѣстность, къ какимъ результатамъ пришли нѣкоторые изъ этихъ государствъ въ своемъ настоящемъ опытѣ съ «ручнымъ трудомъ», а также — осторожность другихъ правительствъ при возбужденіи ходатайствъ о введеніи «ручного труда» въ программы общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, принимая все это во вниманіе, по нашему мнѣнію, намъ, русскимъ, слѣдуетъ воздержаться отъ такихъ раззорительныхъ для нашего микроскопическаго народно-школьнаго бюджета опитовъ. Къ тому же кратковременный курсъ нашихъ народныхъ училищъ не позволяетъ намъ отрывать отъ учебнаго времени 2—3 лишніхъ часа на какія бы то ни было постороннія занятія. Учебнаго времени недостаточно бываетъ у насъ даже на прохожденіе общеобразовательнаго курса (при условіи правильной его постановки). Въ цѣляхъ гигиеническихъ, въ интересахъ физическаго развитія учащихся «ручной трудъ» съ большимъ успѣхомъ и цѣлесообразностью можетъ быть замѣненъ подвижными играми на вольномъ воздухѣ. Вводитъ же «ручной трудъ» въ программу общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній съ исключительно педагогическими цѣлями излишне, такъ какъ при преподаваніи общеобразовательныхъ предметовъ еще съ большимъ успѣхомъ могутъ разрѣшаться тѣ же педагогическія задачи, какія намѣчаются при обученіи «ручному труду». Введеніе «ручного труда» въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ съ цѣлями утилитарными также не имѣетъ за собой ни малѣйшихъ основаній, такъ какъ во 1) общее образованіе, въ особенности на первыхъ его ступеняхъ, въ цѣляхъ успѣшнаго выполненія прямыхъ его задачъ, не должно осложняться никакими посторонними утилитарными задачами, а во 2) и сами утилитарныя задачи не могутъ быть выполнены удовлетворительно за недостаткомъ учебнаго времени. Соображенія экономическаго характера также не основательны, такъ какъ развивающееся у насъ машинное производство сильно понизило цѣну на издѣлія «домашняго производства». «Ручной трудъ» вполнѣ умѣстенъ, по нашему мнѣнію, лишь въ низшихъ профессионально-техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ долженъ преподаваться, какъ пропедевтика ремеселъ. Главныя же задачи нашей общеобразовательной народной школы должны состоять въ воспитаніи человѣка-гражданина, способнаго по-человѣчески, разумно выполнять свои гражданскія и общественныя обязанности.

---

*) Сборникъ матерьяловъ по техническому и профессиональному образованію Министерства Народнаго Просвѣщенія, выпускъ 2-й, стр. 85—105.

Особенно беспомощенъ въ отправленіи своихъ гражданскихъ обязанностей нашъ крестьянинъ.

Общественное самоуправленіе и судъ требуютъ его сознательнаго участія и въ качествѣ общественника, и въ качествѣ судьи, а онъ между тѣмъ имѣетъ часто самыя фантастическія понятія и о законѣ, и о различныхъ формальностяхъ судопроизводства, играющихъ въ наше бюрократическое время не малое значеніе.

Отъ распространенія образованія среди народныхъ массъ въ значительной мѣрѣ зависитъ будущее всякаго общества и государства. Индифферентизмъ къ общественнымъ дѣламъ—это признакъ застоя, разложенія общества. Надо развитъ критическое сознаніе у народа, надо дать ему возможность отличать зло отъ добра, шуйцу отъ десницы, а какъ устроить свое хозяйство или какъ скорѣе научиться тому или другому нужному ему ремеслу, онъ, повѣрьте, самъ тогда сумѣетъ научиться.

Задача нашей школьной политики не должна заключаться въ накладываніи заплатъ на наше техническо-профессіональное образованіе путемъ той или другой професіонализаціи общаго образованія. Нѣтъ, это дешевый палліативъ, который ни къ чему, кромѣ бесполезной траты средствъ и времени, не приведетъ. Органическую задачу нашей школьной политики должно составлять стремленіе къ осуществленію всеобщаго обученія въ широкомъ значеніи этого слова. И на этомъ благомъ пути правительство, навѣрно, найдетъ себѣ не мало усердныхъ помощниковъ, какъ въ средѣ земскихъ и общественныхъ учрежденій, такъ и среди частныхъ лицъ, преданныхъ дѣлу народнаго образованія.

В. Василевичъ.

Клерикально-антисемитское движение и народная школа в Австрии.

Verträum' die Zeit, verlern' das Denken!
Und mache stets ein Schafsgesicht,
Lass' Dich von jedem Ochsen lenken,
Und stösst er Dich—so muckse nicht!

Bauernphilosoph *Konrad Deubler.*

II *).

За последние три года в общественной жизни Австрии, особенно же в сферах народного образования, все сильнее чувствуется дух реакции. Мы ограничимся указанием двух главных причин этого усиления «понятных» тенденций. С одной стороны, генеральная реакция является «побочным продуктом» австрийского рабочего движения, громадный рост которого за последние 10 лет заставляет «охранительные» элементы серьезно призадуматься над укреплением своих позиций, сплотиться и мобилизовать индифферентные слои населения—крестьянство, мещанство и ремесленников на защиту средневековых привилегий феодально-клерикальной аристократии. А особенно пышный расцвет реакции за последние три года объясняется небывалым обострением национальной вражды австрийских немцев и славян, чем всегда пользовались реакционные партии как орудием для усиления своего влияния. Самым верным показателем роста общевострийской реакции может служить небывалый расцвет клерикальной партии и громадные успехи ее нижнеавстрийской разновидности—антисемитского движения. Главнейшими этапами победного шествия клерикально-антисемитских партий за эти годы служат: 1) выборы в венскую городскую думу, 2) клерикальный съезд в Зальцбург, 3) выборы в провинциальные сеймы Австрии и наконец 4) выборы в австрийский парламент. Думские выборы 1895 г. были решительной битвой венских либералов с антисемитами. Но либералы были окончательно дискредитированы к тому времени коалицией с феодально-клерикальными партиями при министерствах Виндшигретца, антисемиты-же ловко

*) См. „Образование“ № 5—6.

№ 7—8. Отд. I.

пользовались безтактностью своихъ враговъ и успѣли соединить подъ своимъ знаменемъ всѣхъ недовольныхъ либеральнымъ режимомъ въ городскомъ хозяйствѣ. Избирательная борьба велась обѣими партіями съ небывалымъ ожесточеніемъ.

Она началась въ самый разгаръ школьной борьбы клерикаловъ и либераловъ Бельгіи, когда на клерикальный законопроектъ реформы народной школы вся передовая часть бельгійскаго народа отвѣтила грандіозными протестами.

Австрійскіе либералы не преминули воспользоваться случаемъ исправить свою репутацию чужими добродѣтелями, превознося заслуги бельгійскихъ прогрессистовъ. Антисемитская и клерикальная пресса отвѣтила рѣзкой критикой школьныхъ порядковъ Австріи за время господства либераловъ. Такимъ образомъ вопросъ о народной школѣ сдѣлался предметомъ жаркой полемики. Ободренные успѣхами своихъ единомышленниковъ въ Бельгіи австрійскіе клерикалы возобновили свои нападки противъ новой школы, антисемиты вторили имъ. Ярко отражаетъ настроеніе того времени и характеризуетъ эти нападки передовица учительской газеты «Freie Lehrerstimme» отъ 15 августа 1895 г., въ которой между прочимъ говорится: «Мораль въ опасности, юношество дичаетъ, разрушаются всѣ основы благочестія, существованіе общества въ опасности—если безбожная новая школа не будетъ скоро замѣнена чудодѣйственной клерикальной школой. Такъ кричатъ и къ этому стремятся мужи чернаго легіона и хотятъ снова подчинить народную школу своему мертвящему вліянію. Въ Бельгіи они уже на пути къ тому, чтобы навязать странѣ клерикальное школьное законодательство, у насъ пока еще дѣло ограничивается благими пожеланіями въ томъ-же родѣ. Но все болѣе настойчиво стремятся эти господа къ водворенію школьныхъ порядковъ временъ Конкордата, и если австрійскій народъ не будетъ на сторожѣ, то клерикалы заберутъ у него всю школу — вплоть до расходовъ, нести которые они всегда охотно предоставляли народу».

Вѣнскіе либералы, успѣвшіе «всѣмъ въ деревнѣ насолить», и въ сферѣ народнаго образованія были плохими защитниками школъ отъ клерикально-антисемитскихъ нападокъ. Ложность ихъ положенія въ этой роли мѣтко характеризовала тогда статья «Arbeiter-Zeitung», посвященная школьному вопросу: «Либеральная пресса сообщаетъ о бельгійскомъ движеніи противъ клерикальнаго школьнаго закона съ большимъ сочувствіемъ: обыкновенно она бываетъ враждебна каждому народному движенію, и массовыя демонстраціи на улицахъ и площадяхъ производятъ на нее удручающее впечатлѣніе. Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о клерикалахъ, да еще въ чуждеальной странѣ. Здѣсь надо воспользоваться случаемъ, распустить либеральный павлиній хвостъ и блеснуть предъ удивленными соотечественниками въ роли защитниковъ школьной свободы. А какія еще покушенія на школу должны сдѣлать австрійскіе клерикалы, чтобы выгнать на улицу нашихъ либеральныхъ героев? Бельгійскіе либералы сознаютъ по крайней мѣрѣ свои классовые интересы по отношенію къ средневѣковой силѣ клерикализма, грозятъ пе-

реворотомъ, если школьный законопроектъ будетъ принятъ. А либералы въ Австріи смотрѣли-бы на себя какъ на героев и благодѣтелей народа, если-бы умѣли добиться хоть того уровня школы, на который ее хотятъ свести теперь бельгійскіе клерикалы. Въ другихъ странахъ либералы отстаиваютъ по крайней мѣрѣ независимость народной школы, а въ Австріи они вступаютъ въ коалицію съ клерикалами и выдаютъ имъ школу чрезъ посредство сеймовъ и администраціи. Въ кругу собственной дѣятельности наши либералы импотентны и чувствуютъ себя ужасно польщенными и обрадованными, если ихъ однофамильцы за границей дѣйствуютъ мужественно».

Несмотря на свою рѣзкость, этотъ приговоръ безусловно справедливъ. Дерзновенность клерикальныхъ покушеній на школу и усибшность ихъ напр. при измѣненіи въ реакціонномъ духѣ школьныхъ законовъ въ 1883 г., по вопросу о введеніи обязательныхъ для школьниковъ католическихъ церемоній, бюрократическихъ стѣсненіяхъ учителей, допущеніи произвола администраціи въ школьномъ дѣлѣ и т. д. обуславливались главнымъ образомъ неспособностью австрійскаго бюргерства къ энергичному отпору феодально-клерикальнымъ притязаніямъ.

Думскіе выборы 1895 г. закончились побѣдой вѣнскихъ антисемитовъ и разгромомъ либеральной партіи. Феодально-клерикальная пресса всей Австріи привѣтствовала побѣду своихъ «братьевъ по духу» какъ начало новой эры въ общественной жизни страны. И дѣйствительно безпримѣрное торжество антисемитизма въ умственномъ центрѣ страны было сигналомъ къ рѣшительному повороту на путь реакціи. Съ этого момента начинаютъ все болѣе учащаться и «знаменія времени», свидѣтельствующія объ усиленіи клерикальныхъ тенденцій и въ области школьнаго дѣла. Уже фактъ назначенія барона Гауча, этого «иезуита во фракѣ», министромъ народнаго просвѣщенія, было однимъ изъ такихъ знаменій, за которыми вскорѣ послѣдовало и второе—пзданный по инициативѣ новаго министерства «циркуляръ-намордникъ», стѣсняющій гражданскія права учителей: свободу публичной критики промаховъ школьнаго начальства, правъ петціи и т. д.

Наконецъ полное выясненіе «новаго курса» принесли парламентскіе дебаты о народной школѣ, бывшіе въ мартѣ 1896 г. Застрѣльщикомъ со стороны клерикаловъ явился польскій ксендзъ Хотковскій, который выступилъ съ требованіемъ включенія католической религіи въ число обязательныхъ предметовъ всѣхъ профессиональныхъ, ремесленныхъ и коммерческихъ училищъ, а также увеличенія обязательныхъ для учениковъ народныхъ школъ религіозныхъ упражненій. Въ своей рѣчи онъ привелъ «невѣроятный случай», что въ одной краковской школѣ «еврей обучалъ сообща христіанскихъ и еврейскихъ дѣтей библейской исторіи». Онъ жаловался и на существованіе запрещенія школьникамъ поступать членами іезуитскихъ конгрегацій, «какъ будто особое благочестіе вредно школьному юношеству». Достойный членъ польскаго клуба закончилъ свою рѣчь словами: «Многочисленные самоубійства школьниковъ служатъ Мене

tekel, что для народа необходимѣ всего религиозное воспитаніе, особенно въ такія времена, какъ переживаемое нами». Министръ культа и народнаго просвѣщенія Гаучъ предупредительно отвѣтилъ программною рѣчью, послѣ которой не могло быть сомнѣній о направленіи его школьной политики. Прежде всего онъ констатировалъ фактъ, что дѣйствующее школьное законодательство и безъ того ставитъ нравственно-религиозное воспитаніе главной цѣлью народной школы, что правительстве также стремится къ введенію преподаванія религіи въ ремесленныхъ и коммерческихъ училищахъ. Если, по мнѣнію клеруса для школьниковъ мало существующихъ религиозныхъ упражненій, то пусть епископаты предпишутъ ихъ умноженіе, и завѣдывающіе школами доведутъ объ этомъ до свѣдѣнія учениковъ. Министрство не видитъ къ этому препятствій. Если хотятъ увеличить число часовъ для преподаванія религіи, то управленіе народнымъ образованіемъ будетъ всегда охотно содѣйствовать осуществленію этихъ желаній. Понятно, что заявленіе барона Гауча было съ восторгомъ привѣтствовано австрійскими клерикалами. При этихъ-же дебатахъ впервые открыто выступили съ клерикальнымъ требованіемъ вѣроисповѣдной школы и вѣнскіе антисемиты, ораторъ которыхъ—монсиньоръ Шайтеръ заявилъ: «Если-бы нашъ клубъ былъ такъ-же силенъ и многочислененъ, какъ польскій, то я безъ всякихъ колебаній внесъ-бы предложеніе: дѣти католическихъ родителей должны воспитываться въ духѣ католицизма». Пока антисемиты не были увѣрены въ своей побѣдѣ, они старательно избѣгали показной дружбы съ клерикалами и во время избирательной борьбы опровергали такого рода утвержденія въ прессѣ и на собраніяхъ. Но фактически и тогда самыми дѣятельными помощниками антисемитовъ были клерикалы. Вѣнскіе патеры агитировали за антисемитскихъ кандидатовъ не только въ прессѣ и на домахъ, но и съ церковныхъ кафедръ, а нѣкоторые комитеты устраивали даже общія молитвы школьниковъ за успѣшный для антисемитовъ исходъ выборовъ. Теперь антисемиты чувствовали себя господами положенія въ Нижней Австріи и не нуждались больше въ фиговыхъ листьяхъ.

Но усиленіе реакціи въ сферѣ народнаго образованія и новый походъ имерикально-антисемитскихъ партій противъ современной школы встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны австрійскихъ народныхъ учителей. Какъ и слѣдовало ожидать, первыми забили тревогу вѣнскіе учителя. Среди нихъ уже весною 1895 г. возникъ союзъ «молодыхъ», органъ котораго «Freie Lehrerstimme» повелъ систематическую борьбу съ реакціонными тенденціями въ школьной области. А въ концѣ того-же года образовался центральный союзъ нѣмецкихъ учителей Австріи, который объединяетъ 14,000 членовъ, разсѣянныхъ по всей странѣ. Органъ этого союза «Deutsch-Österreichische Lehrer-Zeitung» имѣетъ 12,000 подписчиковъ и является самой распространенной учительской газетой не только въ Австріи, но и въ Германіи. Мобилизовались и учителя славянскихъ народностей: въ Чехіи, Галиціи и Штирії. Въ виду общаго врага народной школы—клерикальной реакціи—среди учителей отступили на задній планъ

различія направленій и національностей. Для защиты независимости школы и самихъ учителей соединились всѣ передовые элементы учительства, которые дѣятельно боролись противъ усиленія клерикальныхъ тенденцій, агитируя въ своей прессѣ, на собраніяхъ, путемъ личнаго воздѣйствія и т. д. Всюду они пользовались сочувствіемъ и энергичной поддержкой рабочей партіи, которая въ свою очередь вела борьбу съ феодально-клерикальной реакціей во всѣхъ ея проявленіяхъ. Такимъ образомъ съ самаго начала опредѣлилась группировка партій въ новой фазѣ школьной борьбы, оставшаяся неизмѣнной и до сихъ поръ.

На сторонѣ противниковъ свободной школы стоятъ клерикально-антисемитскія партіи, пользующіяся союзничествомъ австрійскихъ феодаловъ, а защитниками новой школы являются народные учителя и передовая часть рабочаго народа, жизненно-заинтересованная въ процвѣтаніи народной школы.

Констатируя фактъ усиленія клерикально-реакціонныхъ тенденцій въ Австріи за послѣдніе годы, мы не указывали до сихъ поръ тѣхъ конкретныхъ формъ воздѣйствія и средствъ, которыми пользуются здѣшнія клерикально-антисемитскія партіи для расширенія своего вліянія специально въ области народнаго образованія.

Здѣсь прежде всего необходимо указать на возрастающее стремленіе австрійскаго клеруса открывать свои учебно-воспитательныя заведенія: монастырскія школы, пріюты, дѣтскіе сады, пансіоны, гимназіи, учительскія семинаріи и т. д., находящіяся въ полномъ завѣдываніи членовъ іезуитскихъ орденовъ, или добиваться рѣшающаго вліянія на воспитаніе юношества въ уже существующихъ частныхъ школахъ. Интересныя данныя на эту тему содержитъ книга іезуита Пангальцера «Католическія учебно-воспитательныя заведенія въ Австріи» *). Она издана вѣнскимъ «обществомъ папы Льва», представляетъ описаніе заведеній «съ *рѣшительно*-католическимъ характеромъ», которое должно служить для руководства родителямъ, патерамъ и учителямъ». «Въ описаніе занесены всѣ заведенія, начиная съ университетовъ и кончая дѣтскими яслями, которые или прямо обязаны своимъ возникновеніемъ органамъ клеруса и находятся подъ ихъ управленіемъ, или безусловно слѣдуютъ основамъ католической церкви при воспитаніи и образованіи юношества». При этомъ надо имѣть въ виду, что, по заявленію самого автора, списокъ не полный и что дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о нѣмецкихъ заведеніяхъ. Но и приведенныхъ въ книгѣ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, какъ широка и разнообразна дѣятельность австрійскихъ клерикаловъ, направленная къ подчиненію воспитанія и образованія юношества своему вліянію.

Приведемъ общія данныя о клерикальныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ Австріи, зарегистрированныхъ въ названной книгѣ Пан-

*) Panholzer: «Die katholischen Erziehungs und Unterrichts-Anstalten in Oesterreich». Von I. Panholzer, Sv. Heiligkeit geheimer Kämmerer. Wien. 1894.

гольцера. Мужских заведений къ 1894 г. было: теологических факультетовъ 8, епархіальныхъ учительскихъ институтовъ, духовныхъ семинарій и іезуитскихъ коллегій—77, школъ для монашескихъ кандидатовъ—122, гимназій и семинарскихъ общежитій—72, 2 учительскихъ семинаріи и 10 общежитій для кандидатовъ на учительскія должности, 16 народныхъ школъ, 2 земледѣльческихъ, 39 сиротскихъ домовъ и убѣжищъ для дѣтей, 13 исправительныхъ заведений и 5 пріютовъ для ремесленныхъ учениковъ.

Женскихъ заведений насчитывалось къ тому же времени: 153 школы для дѣвицъ, готовящихся въ монахини, 4 монастырскихъ института и 11 семинарій учительницъ, 173 учебно-воспитательныхъ заведений съ интернатами, 87 сиротскихъ и исправительныхъ домовъ, 193 школы рукодѣля, домашнихъ занятій и для прислуги, наконецъ, 298 дѣтскихъ садовъ и пріютовъ для мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 2 до 6 лѣтъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ статистики «католическихъ воспитательныхъ и учебныхъ заведений Австріи» видно, что уже къ 1894 г. австрійскіе клерикалы имѣли въ своихъ рукахъ большое число такихъ заведений. Излюбленнымъ типомъ являются «*воспитательно-учебныя*» заведения съ интернатами, семинарскія и школьныя общежитія, пріюты, рукодѣльныя школы и дѣтскіе сады. При отсутствіи женскихъ гимназій въ Австріи (лишь года три открыта первая гимназія въ Вѣнѣ) воспитаніе дочерей болѣе состоятельныхъ родителей находится до сихъ поръ цѣликомъ въ рукахъ клеруса—этимъ объясняется существованіе массы воспитательно-учебныхъ интерналовъ при женскихъ монастыряхъ. Клерикалы приспособляютъ формально программы своихъ заведений къ программамъ свѣтскихъ школъ соответствующаго типа, чтобы добиться права публичности, которое за послѣднее время охотно предоставляется ихъ гимназіямъ, учительскимъ семинаріямъ, пансіонамъ и «воспитательно-учебнымъ» заведениямъ. Но въ установленныя формы клерикалы влагаютъ совершенно иное содержаніе. Преподаваніе въ ихъ школахъ ведется главнымъ образомъ сдавшими экзаменъ монахами и монахинями іезуитскихъ орденовъ, вносящими специфическій духъ во всю систему воспитанія и образованія юношества, что особенно успѣшно достигается въ закрытыхъ заведеніяхъ. За послѣдніе годы съ ростомъ клерикализма шло и быстрое возрастаніе числа монастырскихъ школъ, объ основаніи которыхъ писали изъ всѣхъ провинцій Австріи, клерикальный школьный ферейнъ открылъ новую учительскую семинарію въ Вѣнѣ, которая теперь уже получила право публичности, нѣкоторыя изъ существующихъ клерикальныхъ прогимназій преобразованы въ гимназій и т. д.

Но этого мало. Не ограничиваясь господствомъ въ своихъ школахъ, клерикалы стремятся захватить публичныя народныя и городскія школы, не дожидаясь соответствующаго измѣненія школьныхъ законовъ, такъ сказать, домашнимъ образомъ. И это удастся тамъ, гдѣ они имѣютъ рѣшающій голосъ въ сеймахъ и учлищныхъ совѣтахъ, т. е. главнымъ образомъ въ альпійскихъ провинціяхъ. Уже

Пангольцеръ въ своей книгѣ сообщаетъ о томъ, что 195 женскихъ народныхъ и городскихъ училищъ находились такимъ образомъ подъ руководствомъ монахинь. Въ Тиролю «милосердныя сестры» руководили 25 публичными народными школами, въ Зальцбургѣ—24, Форальбергѣ — 36, въ Триестѣ — 29 школами. Теперь число такихъ школъ значительно увеличилось, клерикалы успѣли завоевать въ послѣдніе три года Верхнюю Австрію и антисемиты— Нижнюю Австрію.

Такъ постепенно клерикалы забираютъ въ свои руки дѣло воспитанія молодого поколѣнія, въ обходъ существующихъ школьныхъ законовъ, гарантирующихъ интерконфессиональный характеръ народного образованія и свободу его отъ клерикальнаго вліянія. Они прекрасно знаютъ всю правоту истины: «кто имѣетъ на своей сторонѣ юношество, за тѣмъ будущее». Тамъ, гдѣ полный захватъ народной школы пока невозможенъ, клерикалы добиваются непосредственнаго участія въ школьномъ надзорѣ. Мы уже говорили, что по закону 1868 г. клерусъ былъ лишенъ права участвовать въ мѣстныхъ училищныхъ совѣтахъ. Но въ альпійскихъ провинціяхъ клерикалы добились чрезъ сеймы отмены этого неудобнаго для нихъ ограниченія, и теперь въ Тиролю, Верхней Австріи, а съ нынѣшняго года и въ Нижней Австріи,—здѣсь благодаря усиліямъ антисемитовъ—мѣстные патеры и катехеты состоятъ членами училищныхъ совѣтовъ. На практикѣ это ведетъ къ подчиненію совѣтовъ вліянію клеруса, а патеры оказываютъ давленіе на депутатовъ изъ крестьянъ и постепенно забираютъ дѣла въ свои руки, послѣ чего начинается обыкновенно травля несогласно-мыслящихъ учителей и т. п. Въ Альпахъ клерикалы добились и возможности назначать католическихъ патеровъ инспекторами народныхъ училищъ, чѣмъ они и пользуются, какъ новымъ средствомъ господства надъ школой.

За послѣдніе три года клерикально-антисемитскія партіи усердно работаютъ надъ привлеченіемъ въ свой лагерь народныхъ учителей. И здѣсь борьба ведется на два фронта. Съ одной стороны дѣятельно культивируется молодое поколѣніе клерикальныхъ учителей въ Тирольской и Вѣнской клерикальныхъ учительскихъ семинаріяхъ и въ разбросанныхъ по разнымъ провинціямъ общежитіяхъ для семинаристовъ, а съ другой—вербуются солдаты клерикальной арміи среди народныхъ и городскихъ учителей. Наряду съ этимъ клерикалы ведутъ систематическую атаку противъ существующихъ учительскихъ семинарій, дискредитируютъ ихъ въ глазахъ населенія, требуютъ реформы образованія учителей въ своемъ духѣ. Долгое время «бѣльмомъ на глазу» клерикаловъ былъ Вѣнскій педагогумъ, который, подъ руководствомъ знаменитаго педагога Фридриха Диттеса и его послѣдователей, былъ расадникомъ передовыхъ идей въ учительской средѣ и воспиталъ генерацию дѣйствительно-просвѣщенныхъ педагоговъ для народныхъ школъ Австріи. Теперь, когда господами положенія въ Вѣнѣ сдѣлались антисемиты, педагогумъ приобрѣлъ иную физиономію, и его новая дирекція сильно подчинена клерикальному вліянію. Поэтому главнымъ объектомъ антисемитскихъ нападокъ сдѣ-

лались два учительских института Нижней Австріи—въ Нейштадтѣ и С.-Польтенѣ, которые по увѣренію антисемитскихъ ораторовъ и прессы являются очагами невѣрія, зловредныхъ идей, безнравственности и т. д. Такъ путемъ грубой лжи подкапываются клерикально антисемитскія партіи подъ уже существующія учрежденія, чтобы добиться ихъ реформы въ своемъ духѣ, а пока дискредитировать въ глазахъ населенія. Убѣдившись на практикѣ, что просвѣщенное и независимое учительство является непреодолимымъ препятствіемъ росту клерикальнаго вліянія въ народной школѣ, клерикалы всѣми средствами добиваются пониженія образовательнаго уровня учителей и подчиненія ихъ своему господству. За послѣдніе годы въ большинствѣ австрійскихъ провинцій организованы клерикальныя общества учителей, а въ 1896 г. возникъ и центральный общеавстрійскій союзъ этихъ обществъ. Цѣль общества такова: 1) поднятіе католическаго сознанія въ народѣ, утвержденіе его въ католической вѣрѣ, защита ея и клеруса отъ нападокъ, *настоящее* образование народа; 2) истиннокатолическое, дояльное и патриотическое воспитаніе юношества и, наконецъ, уже поднятіе духовнаго и матеріальнаго положенія учителей.

Вербовка членовъ для этихъ обществъ производится, обыкновенно, мѣстными патерами, которые зондируютъ почву, агитируютъ и доносятъ инициаторамъ, къ кому изъ учителей можно обратиться, не рискуя получить отказъ. Такія общества состоятъ подъ протекторатомъ бисхофовъ, пользуются симпатіями окружныхъ начальниковъ и многихъ инспекторовъ. Въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ клерикалы имѣютъ силу, они прибѣгаютъ къ заманиванію въ члены общаниемъ лучшихъ мѣстъ и угрозамъ мести по адресу «строптивыхъ», уже не разъ приводимымъ въ исполненіе.

Особенно усердствуетъ по этой части вождь клерикаловъ Верхней Австріи, Эбенгофъ. Но несмотря на всѣ происки «черныхъ братьевъ», имъ до сихъ поръ не удалось завлечь въ свой лагерь и двадцатой части народныхъ учителей Австріи. Идутъ къ нимъ старомодные, отстаые и забытые учителя, а изъ молодыхъ лишь отъявленные карьеристы. При такихъ условіяхъ неудивительно, что клерикальныя общества учителей являются центрами систематическихъ интригъ и доносовъ, слѣпыми орудіями въ рукахъ клерикальной партіи для борьбы противъ новой школы и свободомыслящихъ учителей. Въ этомъ отношеніи поучительна рѣчь окружнаго начальника графа Шаоргога, произнесенная имъ въ ноябрѣ 1876 г. при открытіи Форальберскаго общества клерикальныхъ учителей. Между прочимъ онъ сказалъ: «уже изъ фамильныхъ традицій я сочувствую главной цѣли общества—вѣроисповѣдной школѣ на основѣ католицизма». Хотя въ ближайшемъ будущемъ католическій ферейнъ и не можетъ достигать своей цѣли законнымъ путемъ, но обходами онъ всетаки сможетъ достичь ее и я могу увѣрить присутствующихъ, что правительство, какъ и прежде, не отнесется къ нимъ враждебно». Но главной организаціей борьбы клерикаловъ съ новой школой является «католическій школьный союзъ», отдѣленія котораго покрываютъ густою

сѣтью города и села Австріи. По мѣрѣ роста клерикально-антисемитскаго движенія, за послѣдніе годы выростали, какъ грибы, и отдѣленія «школьнаго союза», къ 1 января 1897 г. ихъ насчитывалось 246. А число членовъ союза за трехлѣтіе 1894—97 гг. возрасло съ 20,000 до 37,800, т. е. почти удвоилось. Союзъ и его отдѣленія, во главѣ которыхъ стоятъ мѣстные патеры, и ведутъ систематическую борьбу противъ современной школы и «несогласно-мыслящихъ» учителей. При этомъ союзъ пользуется могущественнымъ содѣйствіемъ клерикальной и феодальной аристократіи, которая помогаетъ деньгами и своимъ политическимъ вліяніемъ.

На учредительныя собранія приходскихъ отдѣленій союза обыкновенно пріѣзжаетъ кто-либо изъ клерикально-антисемитскихъ «примадоннъ»—Эбенгофъ, «патерь»-Гесманъ, «народный учитель» Мозеръ и т. д. Мѣстные патеры и капланы заранѣе агитируютъ среди крестьянъ и вербуютъ членовъ «всѣми правдами и неправдами»; чтобы привлечь больше народа, собранія устраиваются съ музыкой. Клерикальные ораторы на этихъ собраніяхъ всегда пользуются агитаціонными «жупелами» въ родѣ слѣдующихъ: новая школа разоряетъ крестьянство, отнимая у него работниковъ-дѣтей на цѣлыхъ 8 лѣтъ, возлагаемая на общины непосильные расходы; крестьянамъ достаточно и шести лѣтъ ученія; современная школа служить рассадникомъ невѣрія, превратныхъ идей, неповиновенія законамъ; она виновата въ умноженіи дѣтской преступности, ростѣ самоубійствъ, общей безнравственности, разрушительныхъ стремленій и т. д. За цѣлымъ рядомъ жестокихъ и совершенно бездоказательныхъ обвиненій противъ новой школы слѣдуютъ подобныя-же нападки по адресу народныхъ учителей: что громадное большинство ихъ (понятно за исключеніемъ горсти клерикальныхъ) безбожники и туевые дѣды, имъ-бы только на боку лежать да получать большое жалованье, они развращаютъ юношество и т. д. Ergo необходимы: вѣроисповѣдная школа, католическія семинаріи, клерикальный надзоръ, а пока что!.. поступленіе въ «союзъ». Чтобы не быть уличенными въ клеветѣ и прямой лжи, клерикально-антисемитскіе демагоги тщательно избѣгаютъ называть имена и приводить конкретные факты, ихъ рѣчи—сплошной наборъ общихъ мѣстъ и голыхъ фразъ. А когда въ собраніи найдется противникъ, напр. мѣстный учитель, и потребуетъ доказательствъ, то присутствующіе крестьяне удивленно слушаютъ завѣренія оратора, что у нихъ все обстоитъ благополучно, школы хороши, учителя то-же, за то молъ въ другихъ мѣстахъ господствуютъ ужасные порядки. За кулисами отъ патера крестьяне слышали совсѣмъ другой разговоръ, онъ говорилъ какъ-разъ про здѣшнюю школу и учителей. Такъ клерикалы, прижатые къ стѣнѣ въ Нижней Австріи, «киваютъ на Петра» въ Богеміи на тамошнихъ учителей и школьные порядки, а богемскіе «союзники» поступаютъ наоборотъ. Но эти увертки не всегда удаются, и теперь клерикалы, наученные горькимъ опытомъ, совершенно не допускаютъ къ участию въ мистеріяхъ «школьнаго союза» народныхъ учителей, которые не разъ разстраивали всѣ іезуитскія махинаціи клерикальныхъ демагоговъ правди-

вой опѣнкой ихъ клеветническихъ рѣчей. А такъ какъ и среди крестьянъ находятся «козлы», которыхъ опасно пускать въ клерикальный «огородъ», то за послѣднее время, на собранія и въ члены «школьнаго союза» допускаются лишь вполне надежныя «овцы» клерикальнаго стада. Оградивъ себя отъ неудобной критики противниковъ и гласности, клерикалы ведутъ планомерную борьбу противъ современной школы съ чисто иезуитскою неразборчивостью въ средствахъ; 246 отдѣленій католическаго «школьнаго союза» играютъ при этомъ роль укрѣпленій, изъ которыхъ дѣлаются вылазки. Но этимъ далеко не исчерпываются средства борьбы клерикально-антисемитскихъ партій за восстановление своего господства надъ школой. Въ каждой провинціи имѣются десятки всевозможныхъ организацій этихъ партій: союзы мастеровъ, подмастерьевъ и ремесленныхъ учениковъ, «народныя» женскія и потребительныя общества, библіотечныя и газетныя кружки и т. д. Предъ нами лежитъ брошюра «900 христіанскихъ обществъ Австріи», составленная антисемитомъ И. Гюртлеромъ, въ которой между прочимъ приводится списокъ 144 «христіанско-рабочихъ» обществъ, 143 католическихъ союза подмастерьевъ, 156 «католическо-народныхъ» обществъ, 43 союза «католическихъ юношей» и ремесленныхъ учениковъ, 35 католическихъ читальныхъ обществъ, 53 «женскихъ», «материнскихъ и дѣвичьихъ» общества католичекъ. И у всѣхъ клерикально-антисемитскихъ организацій такого рода на ряду съ политическими, «католическо-научными» и другими цѣлями одной изъ главныхъ задачъ является борьба противъ ненавистной «новой школы», стремленіе реставрировать школьные порядки времени конкордата.

Еще болѣе могущественнымъ орудіемъ борьбы въ рукахъ враговъ свободной школы является клерикально-антисемитская пресса: газеты, брошюры и листки, которые распространяются въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и проникаютъ во всѣ уголки Австріи. Въ каждой провинціи имѣются по нѣсколькѣ клерикальныхъ органовъ и спеціальныя «общества прессы», заботящіяся о распространеніи клерикальныхъ газетъ и журналовъ среди населенія. Главными ловцами абонентовъ являются католическія патеры, которые уговариваютъ сельскихъ рестораторовъ выписывать для публики клерикальныя газеты, вербуютъ подписчиковъ изъ крестьянъ, пропагандируютъ органы своей партіи не только въ частныхъ разговорахъ, но и съ каедръ, выставляя чтеніе клерикальныхъ газетъ душевспасительнымъ дѣломъ и рисуя мрачными красками пагубность либеральной и рабочей прессы. Пользуясь субсидіями богатыхъ иезуитскихъ орденовъ, клерикалы могутъ издавать свои газеты дешевле и раздавать крестьянамъ массы бесплатныхъ экземпляровъ. Въ газетахъ, предназначенныхъ для болѣе образованной публики, клерикалы воздерживаются отъ слишкомъ грубыхъ нападокъ противъ школы, «чтобы заполучить въ партію учителей», какъ откровенно заявилъ одинъ Каринтскій патерь. За то въ дешевыхъ газеткахъ для крестьянъ, выходящихъ обыкновенно разъ въ недѣлю—по воскресеньямъ и распространяемыхъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, клери-

калы ужъ не стѣсняются въ выборѣ средствъ борьбы противъ новой школы и независимыхъ учителей. Всѣ эти «Пилигримы», «Христіанскіе Отдыхи», «Воскресные Вѣстники» и т. д. заполнены грубѣйшими выходками по адресу «несогласомыслящихъ» учителей, инсинуациями противъ болѣе дѣятельныхъ изъ нихъ, недѣльными сказками про ужасы, которые творятся въ «безбожной новой школѣ». Нѣтъ такой лжи, возмутительнаго пасквиля и грязнаго анекдота, которые не нашли-бы мѣста на страницахъ этихъ «органовъ», разъ есть надежда уронить въ глазахъ населенія современную школу и загрязнить честь прогрессивныхъ дѣятелей въ сферѣ народнаго образованія. Недавно въ рабочихъ газетахъ сообщались даже подлинныя документа, которые доказываютъ существованіе форменныхъ «бюро пасквилей» къ услугамъ клерикальной прессы. Многочисленныя школьныя памфлеты клерикаловъ въ родѣ брошюръ: «Чортъ въ школѣ» іезуита К. Боландена, *Der Umsturz in der Schule* Босбауэра и т. п.—полны ядовитой лжи, систематически отравляющей довѣрчивыхъ читателей. Ту-же роль играютъ клерикальныя «посланія» и листки, распространяемые бесплатно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Наконецъ, клерикалы не останавливаются предъ злоупотребленіемъ каедрой для борьбы со школой и достиженія своихъ партійныхъ цѣлей. Вотъ типичный образецъ клерикальной полемики изъ поученія католическаго патера въ Силезіи: «Это просто неслыханная вещь, что теперь выдумываютъ учителя, особенно вѣнскіе молокососы отъ восемнадцати до двадцати лѣтъ, у которыхъ еще и усовь-то нѣтъ—эти сопливые мальчишки! Не знаютъ, что съ ними дѣлать, они разыгрываютъ изъ себя важныхъ господъ. О божественномъ вовсе не учатъ въ школѣ, учителя хотятъ окончательно уничтожить въ ней религію. Вы, бѣдныя матери, приводите въ школу дѣйствительно хорошихъ дѣтей, воспитанныхъ вами съ громадными жертвами и трудностями. Да что въ этомъ толку? Учителя вырываютъ изъ сердца дѣтей то, что родители вложили съ такими лишеніями, развращаютъ ихъ окончательно... На поворотъ къ лучшему мы не можемъ надѣяться до тѣхъ поръ, пока существуютъ теперешніе проклятыя школьныя законы, а потому—долой ихъ!» Пользуясь неограниченной свободой слова и гарантіей отъ возраженій присутствующихъ, католическіе патеры безцеремонно раздѣляются при этомъ со своими противниками. Положимъ, теперь учащаются случаи возбужденія учителями судебныхъ преслѣдованій патеровъ за клевету или оскорбленіе чести, есть даже факты, когда крестьяне цѣлымъ обществомъ протестовали противъ злоупотребленія каедрой въ партійныхъ цѣляхъ, но въ общемъ австрійскіе клерикалы безнаказанно пользуются этой привилегіей. Они вносятъ элементъ раздора и въ стѣны школы. Комитеты всячески стараются подорвать у школьниковъ довѣріе къ учителямъ, нерѣдко раздають дѣтямъ клерикальныя брошюры и газеты для передачи родителямъ и т. д. Все это портитъ школьную атмосферу и страшно вредитъ успѣшности преподаванія. А клерикаламъ это на руку, они приобретаютъ новые аргументы въ пользу негодности современной школы.

Таковы главные пути воздействия на массы, орудия и методы борьбы клерикально-антисемитских партий, деятельность которых является воплощением процесса реакции в общественной жизни Австрии и специально в сферах народного образования. Теперь нам остается познакомить читателя с результатами этой деятельности, конкретными проявлениями реакционных тенденций в школьной борьбе последних лет.

Мы уже сказали, что решительная победа нижнеавстрийских антисемитов при городских выборах 1895 г. была первым крупным проявлением усиливающейся реакции и послужила сигналом к новому походу клерикально-антисемитских партий для завоевания народной школы. Последовавшее затем назначение барона Гауча министром народного просвещения и его заявление в парламент о готовности содействовать исполнению клерикальных требований были открытым провозглашением «нового курса» в школьном деле. Открывшийся поход против свободного образования не ограничился народной школой, он распространился и на частные учреждения и общества высшего образования народа. Почин в этом отношении принадлежит венским антисемитам, которые в роли победителей явились застрельщиками реакции, уменьшив 25 июня 1896 г. в пять раз и без того ничтожную субсидию городской думы венскому «обществу народного образования». Это общество является самым крупным и симпатичным проявлением частной инициативы в сферах народного образования. За 10 лет существования оно успело открыть в разных округах Вены 25 бесплатных библиотек для народа и выдать 2½ милл. книг, организовать 1500 публичных лекций и 500 народных концертов, оно же было главным инициатором народного университета в Вене. А если прибавить к этому, что вся деятельность «Общества» носит строго-прогрессивный характер и пользуется громадной популярностью, то будет понятна враждебность к нему антисемитского большинства городской думы, которое избрало это просветительное учреждение первой жертвой своих реакционных замыслов. Но уже эта первая вылазка «перереяженных клерикалов» против свободного народного образования вызвала бурю негодования и решительный протест учителей и рабочего населения Вены, которые опфнили по заслугам эту реакционную мфру в прессе и делом ряд протестующих народных собраний. Особенно грандиозно было собрание в самом большом концертном зале Вены, созванное по инициативе лучших профессоров венского университета. На призыв мужей науки явилось до 10,000 рабочих и сотни народных учителей, чтобы выразить свой протест реакционной выходке антисемитов. Громадный зал мог вместить лишь половину желающих. Надо было присутствовать хоть на одном из этих собраний, слышать, каким искренним, глубоким негодованием дышали рчи народных учителей и простых рабочих, видеть ненависть и презрѣние многотысячной толпы к «слугѣ иезуитовъ» Люэгеру и его антисемитской братии, чтобы понять, каких надежных защитников имѣет на-

родное просвѣщеніе въ лицѣ учителей и рабочихъ, жизненно заинтересованныхъ въ его свободномъ развитіи.

Новымъ «господамъ Вѣны» было очень непріятно рѣшительное выступленіе противъ нихъ громаднаго большинства народныхъ учителей. И вотъ съ этого времени начинается систематическая травля передовыхъ учителей антисемитами въ прессѣ, на собраніяхъ и въ городской думѣ, отъ которой зависитъ назначеніе учителей. До выборовъ 1895 г., когда антисемиты еще надѣялись заполучить учителей на свою сторону, они были не прочь прикинуться друзьями школы и учительскаго сословія. Но уже тогда расчеты антисемитскихъ демагоговъ оказались невѣрными. Теперь они вполне убѣдились въ этомъ и рѣзко перемѣнили тактику по отношенію къ учителямъ—маску долой, а вмѣсто заигрываній—преслѣдованія и месть. Началось съ мелкихъ прижимокъ въ родѣ отказа городской управы лѣтомъ 1896 г. дать залъ ратуши для общеавстрійскаго съѣзда нѣмецкихъ учителей, въ чемъ никогда не отказывали вѣнскіе либералы и даже выдавали субсидіи на торжественный приемъ иногороднихъ делегатовъ. Антисемиты предпочитали субсидировать клерикальный «школьный союзъ», католическія общества ремесленныхъ учениковъ и другія учрежденія иезуитскихъ орденовъ. Какъ разъ въ это время клерикальной учительской семинаріи въ Вѣнѣ было предоставлено право публичности. Эта новая любезность барона Гауча должна была отчасти смягчить непріятное сознаніе клерикальныхъ антисемитовъ, что теперешніе воспитатели юношества враждебны ихъ тенденціямъ.

Въ альпійскихъ провинціяхъ, гдѣ клерикалы давно уже играютъ первую скрипку, преслѣдованія независимыхъ учителей практиковались и раньше. Но за послѣдніе годы они значительно усилились. Чаше стали практиковаться перемѣщенія болѣе дѣятельныхъ учителей на худшія мѣста—въ глухія деревеньки, уменьшенія жалованья и дисциплинарныя взыскапія за участіе въ антиклерикальныхъ манифестаціяхъ. Циркуляръ-«намордникъ» для учителей, изданный по инициативѣ барона Гауча, сдѣлался въ рукахъ клерикаловъ орудіемъ партійной мести. Въ Тироли, Форальбергѣ и Верхней Австріи клерикальные училищные совѣты пытались даже преслѣдовать за участіе въ общеавстрійскомъ союзѣ нѣмецкихъ учителей и абонированіе союзнаго органа «Deutsch Oesterreichische Lehrerzeitung», но получили энергическій отпоръ. Антисемиты Нижней Австріи находились въ положеніи «и радъ бы въ рай, да грѣхи не пускають»; при всемъ желаніи подражать клерикальнымъ собратьямъ въ Альпахъ, имъ приходилось пока воздерживаться отъ слишкомъ рѣзкихъ мѣръ: «на носу» были выборы въ сеймъ и окончательно вооружать противъ себя учителей было не безопасно.

Клерикальной прелюдией къ выборамъ въ провинціальныя сеймы и парламентъ былъ Зальцбургскій «съѣздъ католиковъ» всей Австріи, созванный въ сентябрѣ 1896 г. Этотъ съѣздъ, бывшій очень многочисленнымъ, представлялъ генеральный смотръ клерикальной арміи предъ выступленіемъ въ походъ на ловлю избирателей. Среди участ-

никовъ было много знатныхъ феодаловъ съ графомъ Сильвой Гарукой во главѣ, чѣмъ лишній разъ документировалась общность феодально-клерикальныхъ цѣлей. Главную массу членовъ составляли высшій и низшій клерусъ. Вѣнскіе антисемиты не присутствовали по тактическимъ соображеніямъ и ограничили присылку сочувственныхъ телеграммъ. На сѣздѣ была выработана общая программа дѣйствій: тактика избирательной борьбы и клерикальныя требованія. Главный интересъ представляютъ рѣшенія сѣзда по вопросамъ народнаго образованія. Принятая на немъ «школьная программа» австрійскихъ клерикаловъ содержитъ слѣдующія требованія:

- 1) Основаніе католическаго университета въ Зальцбургѣ.
- 2) Введеніе Закона Божія обязательнымъ предметомъ испытаній на аттестатъ зрѣлости среднихъ учебныхъ заведеній.
- 3) Право католическихъ епископовъ посылать своихъ комиссаровъ для присутствованія на экзаменахъ среднихъ школъ по свѣтскимъ предметамъ.
- 4) Недопущеніе къ экзаменамъ зрѣлости учениковъ, извѣстныхъ своею безнравственностью и антирелигиозностью.
- 5) Возстановленіе вѣроисповѣднаго характера народной школы и недопущеніе протестантовъ или евреевъ къ обученію католическихъ дѣтей.
- 6) Участіе клеруса въ надзорѣ за школою и законодательное назначеніе патеровъ мѣстными инспекторами народныхъ школъ. Наконецъ,
- 7) Чтобы въ учебникахъ и объясненіяхъ преподавателей не держалось ничего, противорѣчащаго духу католицизма.

Можно быть несогласнымъ съ этой программой по существу, но нельзя обвинить ее въ неясности и... скромности. Ясно, какъ день, что австрійскіе клерикалы хотятъ забрать въ свои руки не только народную, а и среднюю школу, прихвативъ кстаті и университетъ. При другихъ условіяхъ можно бы посмотрѣть на эту программу, какъ на «благія пожеланія», которыхъ не слѣдуетъ «брать трагично» — какъ говорятъ нѣмцы. Но въ этомъ случаѣ дѣло обстояло иначе. Клерикально-антисемитское движеніе представляло уже такой могущественный факторъ въ политической жизни Австріи, что правительство графа Бадени сочло нужнымъ открыто заявить полное сочувствіе его стремленіямъ. На сѣздѣ явился намѣстникъ Зальцбурга графъ С. Тунъ и отъ имени правительства заявилъ: «Какъ представитель императорскаго правительства въ герцогствѣ Зальцбургъ имѣю честь сердечно привѣтствовать это высокоуважаемое собраніе. Я дѣлаю это съ искреннимъ желаніемъ, чтобы высокія цѣли, которыя поставилъ себѣ католическій сѣздъ, нашли свое осуществленіе на благо католическаго и всего населенія государства».

Это заявленіе было официальнымъ констатированіемъ факта, что правительство гр. Бадени вполне раздѣляетъ приведенныя выше школьныя требованія и другія «высокія цѣли» клерикальной партіи, провозглашеніемъ «новаго курса» въ союзѣ съ воинствующимъ клерикализмомъ.

Съ этого времени ростъ клерикальнаго вліянія становится еще болѣе замѣтнымъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни страны, особенно же въ области народнаго образованія. Ближайшимъ результатомъ сѣзда клерикаловъ было значительное увеличеніе обязательныхъ для школьникова католическихъ церемоній.

Народные учителя Австріи, поддерживаемые рабочей партіей и прогрессивной частью бюргерства, вели по всей странѣ планомерную агитацію противъ новыхъ покушеній клерикальной реакціи на свободную школу, въ прессѣ, на собраніяхъ и учительскихъ сѣздахъ выясняли дѣйствительный смыслъ «высокихъ цѣлей» клерикализма въ сферѣ народнаго просвѣщенія. Изъ многочисленныхъ протестовъ народныхъ учителей приведемъ типичную резолюцію учительскаго сѣзда въ Линцѣ: «Учителя Верхней Австріи заявляютъ въ отвѣтъ на рѣшенія католическаго сѣзда въ Зальцбургѣ, относящіяся къ народной школѣ, что они непреклонно стоятъ за тѣ основы нашего школьнаго дѣла, которыя даны школьными законами 14 мая 1869 г. и рѣшительно протестуютъ противъ всѣхъ стремленій, направленныхъ къ введенію вѣроисповѣдныхъ школъ и клерикальнаго надзора за народными школами».

Рѣшительный отпоръ клерикальнымъ замысламъ со стороны учителей Верхней Австріи, этой «крѣпости клерикализма», вызвалъ страшное озлобленіе реакціонеровъ. Феодально-клерикальная «Vaterland» писала тогда: «Манія величія этихъ господъ, собравшихся въ Линцѣ, превосходить всѣ границы. Намъ интересно только, когда же, наконецъ, министерство народнаго просвѣщенія сократитъ ихъ въ подобающія, очень скромныя границы».

Но такіе доносы и званія къ полицейскимъ мѣрамъ лишь еще болѣе доказывали учителямъ необходимость борьбы съ клерикализмомъ. Вождь клерикаловъ В. Австріи Эбенгофъ мстилъ въ другой формѣ: онъ заявилъ публично, что въ виду оппозиціи учителей онъ не внесетъ въ сеймъ уже готоваго законопроекта о повышеніи учительскаго жалованья. Приближались выборы въ провинціальныя сеймы, и клерикально-антисемитскія партіи вели дѣятельную агитацію противъ «масоновъ» и «антихристовъ», т. е. всѣхъ несогласномыслящихъ. Прелюдией къ избирательной борьбѣ въ клерикальномъ лагерѣ была тайная конференція католическихъ епископовъ, на которой были выработаны: избирательный манифестъ подъ видомъ «пасторскаго посланія» и тактика клеруса. По отношенію къ народной школѣ манифестъ содержалъ требованія, аналогичныя принятымъ на Зальцбургскомъ сѣздѣ. Эти «пастырскія посланія» распространяются клерикалами по всей Австріи въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, читаются и комментируются съ церковныхъ кафедръ. И на этотъ разъ независимая пресса указывала многіе случаи клерикальных злоупотребленій кафедрой и школой въ партійныхъ видахъ. Исходъ выборовъ былъ новой побѣдой клерикализма въ цѣломъ рядѣ провинцій. Не говоря уже о Тиролѣ, Зальцбургѣ, Форальбергѣ и Верхней Австріи, гдѣ клерикалы и раньше занимали господствующее положеніе, они завоевали цѣлый рядъ новыхъ позицій въ Моравіи, Штирии и

других провинціяхъ. Наконецъ «переряженные клерикалы»—анти-семиты окончательно завоевали всю Нижнюю Австрію. Теперь клерикально-антисемитскій союзъ чувствовать себя господиномъ положенія и думалъ, что настало время нанести рѣшительный ударъ свободной школѣ. До сихъ поръ «черная братія» вела закудскую работу: агитировала, организовала, старалась разрушить довѣріе населенія къ новой школѣ и учителямъ, добивались обхода школьных законовъ и усиленія клерикальнаго вліянія административнымъ путемъ, проявляя при всемъ этомъ чисто іезуитскую неразборчивость въ средствахъ. Теперь настала пора открыто выступить на политическую арену съ требованіемъ *законодательнаго* измѣненія существующей организаціи школьнаго дѣла. Сомнительная честь этого покушенія реакціи на свободную школу выпала на долю антисемитовъ. Обыкновенно въ роли палачей фигурируютъ бывшіе преступники, здѣсь тоже выборъ палъ на «честнаго» Эрнста Вергани, не повпашаго своевременно въ тюрьму по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. Въ бытность городскимъ головою Мюльбата онъ присвоилъ себѣ общественныя деньги, это неопровержимо доказано и на судѣ, но *за давностью* преступления «почетный гражданинъ Мюльбата» разгуливаетъ на свободѣ, издаетъ центральный органъ антисемитской партіи «Deutsches Volksblatt» и внесъ 25-го января 1897 г. свое «школьное предложеніе» въ нижеавстрійскій сеймъ, гдѣ антисемиты располагаютъ теперь значительнымъ большинствомъ. Проектъ школьной реформы «честнаго» Вергани сводится къ сокращенію обязательнаго курса народныхъ школъ съ 8 до 7 лѣтъ, введенію полудневныхъ занятій въ сельскихъ школахъ, удаленію «излишняго баласта» въ видѣ естествознанія изъ программы народныхъ училищъ, увеличенію числа уроковъ катехета, расширенію его вліянія на школу и къ введенію розогъ и другихъ «исправительныхъ» наказаній для учениковъ народныхъ школъ. Предъ нами «весь какъ нама-леванный» клерикальный планъ школьной «реформы», хотя еще и въ уменьшенномъ масштабѣ. Предложеніе Вергани должно было сыграть роль клерикальной удочки, которую антисемиты забросили, чтобы посмотреть, клюетъ-ли. Но на этотъ разъ антисемитскіе демагоги ошиблись въ расчетахъ.

Новая антисемитско-клерикальная вылазка противъ школы вызвала единодушный протестъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ не только въ Нижней Австріи, но и во всей странѣ. И теперь на защиту свободной школы отъ посягательства тайныхъ и явныхъ іезуитовъ встали первыми народные учителя и организованные рабочіе. По всей Австріи, а главнымъ образомъ въ Вѣнѣ ими велась широко организованная борьба противъ клерикально-антисемитскихъ замысловъ. Отличаясь вообще мастерскимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, на этотъ разъ они превзошли себя. Они забили такую тревогу въ прессѣ и многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ, что сумѣли поднять на ноги противъ антисемитскихъ козней буквально всѣхъ, способныхъ рассуждать. О размѣрахъ агитации можно судить по тому, что въ одинъ день—31 января 1897 г.—въ Вѣнѣ было

созвано для протеста 9 народных собраній, на которыхъ присутствовало 30,000 рабочихъ и до 1,000 учителей. На собраніи центральнаго союза вѣнскихъ учителей, бывшемъ 20 февраля въ Колосеумѣ, присутствовало болѣе 2,000 народныхъ учителей и учительницъ. Всюду единогласно принимались резолюціи, выражающія осужденіе и рѣшительный протестъ реакціоннымъ замысламъ клерикальных антисемитовъ противъ народной школы. Общеавстрійскій союзъ вѣмецкихъ учителей издалъ подробно мотивированный протестъ, который былъ распространенъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Почувявъ, что вѣтеръ дуетъ не въ ихъ сторону, такія старья лица, какъ оберъ-демагогъ Люэгеръ, монсеньоръ Шейферъ, «патеръ» Гесманъ и «черный принцъ» Лихтенштейнъ поторопились выйти сухими изъ воды и заявить, что «наше дѣло сторона», что школьный проектъ былъ личнымъ дѣломъ Вергана, а не всей антисемитской партіи. Но этотъ жалкій маневръ могъ удался лишь по отношенію къ такой политически-неразвитой массѣ, изъ которой рекрутируются антисемитскіе избиратели.

Энергичная борьба народныхъ учителей противъ реакціонныхъ плановъ господствующей клики вызвала страшное озлобленіе клерикаловъ и антисемитовъ. Люэгеръ «предостерегалъ» «заносчивыхъ» учителей, осмѣлившихся стать во враждебныя отношенія къ антисемитской партіи. «Честный» Верганъ грозилъ въ «**Deutsches Volksblatt**»: Во всякомъ случаѣ эти господа получаютъ надлежащее возмездіе, «несравненный» Грегорику ораторствуетъ въ нижнеавстрійскомъ сеймѣ, что учителя и профессора—нанятые слуги, которые должны учить то, что прикажетъ антисемитское большинство городской думы или сейма. «Если господинъ профессоръ Филипповичъ выступаетъ противъ насъ, то пусть онъ не забываетъ, что состоитъ профессоромъ католическаго университета Вѣны, къ сожалѣнію превращеннаго теперь въ еврейскій мавзолей. Эти господа должны вообще помнить, что они получаютъ жалованье изъ нашихъ денегъ. «Эту ученую спѣсь необходимо поубавить». Феодално-клерикальная «**Vaterland**» ратуетъ за стачку родителей противъ несогласномыслящихъ учителей. Но пока все ограничилось злобствованіемъ и угрозами. Близость парламентскихъ выборовъ мѣшала приведенію угрозъ въ исполненіе. Съ началомъ избирательной агитаціи «**Vaterland**» находила даже вылазку антисемитовъ противъ школы несвоевременной и потому безтактной. Никогда еще избирательная борьба въ Австріи не носила такого ожесточеннаго характера, какъ въ этотъ разъ. На политическую арену впервые выступали двѣ трети австрійскихъ гражданъ, бывшихъ до сихъ поръ безправными. Для клерикально-антисемитскихъ партій открывалось широкое поле дѣятельности. И они съ обычной неразборчивостью въ средствахъ уловляли новыхъ избирателей: злоупотребленія «пастырскими письмами», каедрой и народной школой для цѣлей клерикально-антисемитской агитаціи никогда не практиковались въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ этотъ разъ. Со всѣхъ концовъ Австріи доходили вѣсти, что комитеты раздають школьникамъ для передачи родителямъ избирательныя воз-

званія, грязные памфлеты противъ кандидатовъ другихъ партій и даже прямо подговариваютъ дѣтей вліять на своихъ родителей въ желательномъ для клерикаловъ направленіи, вооружаютъ дѣтей рабочихъ противъ ихъ отцовъ, если узнаютъ, что тѣ принадлежатъ къ социаль-демократической партіи и т. д., и т. п.

Требованія независимой прессы о прекращеніи этихъ злоупотребленій оставались безрезультатными, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія Гаучъ не только сочувствовалъ, а открыто содѣйствовалъ успѣху клерикальной партіи.

Между прочимъ за время избирательной борьбы вѣнскіе антисемиты сумѣли мобилизовать въ партійныхъ цѣляхъ женщинъ— «матерей противъ учителей». Тысячи столичныхъ мѣщанокъ, лавочницъ, рестораторшъ, женъ ремесленниковъ и т. п. стекались послушать, а больше посмотреть «красавца Карла» Люэгера. Чисто-демагогическій характеръ антисемитской агитаціи среди женщинъ, возбужденіе самыхъ низкихъ инстинктовъ, расовой ненависти и религіозной нетерпимости, буквальное «науськиваніе» матерей противъ учителей и теперешнихъ школъ, представляетъ громадную опасность дѣлу народнаго образованія. Въ общемъ неразвитая толпа женщинъ слѣпо фанатизируется, у ней въ корень подрывается довѣріе къ школъ и учителямъ, создаются ненормальныя отношенія въ семьѣ—между родителями и дѣтьми, или въ школъ—между преподавателями и учениками. Трудно даже представить себѣ всю громадность вреда, который причиняетъ эта отравленная партійной ненавистью школьная атмосфера.

Благодаря специфическимъ особенностямъ избирательной реформы графа Бадени, парламентскіе выборы 1897 г. были новой побѣдой клерикально-реакціонныхъ партій. Клерикалы побѣдили въ Тиролѣ, Зальцбургѣ, Штиріи, Форальбергѣ, Крайнѣ и Верхней Австріи, антисемиты завоевали все округа Нижней Австріи. Всюду антисемиты шли рука объ руку съ клерикалами. Вождь антисемитовъ и школьный референтъ сейма Гесманъ въ тайномъ посланіи благодарилъ послѣ выборовъ нижнеавстрійскихъ патеровъ за дѣятельную поддержку кандидатовъ антисемитской партіи и приглашалъ на борьбу съ учителями. Нѣмецкая клерикально-консервативная фракція парламента возросла съ 29 до 43 членовъ, антисемитская увеличилась въ три раза—съ 10 до 30, далѣе образовался клерикальный союзъ южныхъ славянъ съ 35-ю членами. А если прибавить, что могущественные клубы польской шляхты (59) и чешскихъ феодаловъ (31) носятъ рѣзко клерикальный характеръ, младочехи же (59) потворствуютъ клерикальнымъ планамъ изъ національныхъ видовъ, то станетъ яснымъ реакціонный характеръ теперешняго парламента какъ вообще, такъ и въ сферѣ народнаго образованія. Австрійскіе клерикалы не преминули воспользоваться этимъ для новаго покушенія на свободную школу. Опираясь на коалицію феодально-клерикально-антисемитскихъ партій и рассчитывая на поддержку славянъ-націоналистовъ, клерикалы внесли 4-го мая, какъ разъ наканунѣ дебатовъ объ отдахѣ министерства Бадени подѣ судъ, предложеніе объ измѣненіи школьныхъ законовъ 1869 г. въ «автономно»-клерикальномъ духѣ.

На этотъ разъ палачомъ народной школы явился вождь верхне-австрийскихъ клерикаловъ Альфредъ Эбенгофъ, низкопробный карьеристъ. Какъ извѣстно, теперешнее реакціонное большинство австрийскаго парламента стремится къ «автономіи» и «расширенію компетенціи сеймовъ «королевствъ и земель согласно древнимъ историческимъ традиціямъ». Неограниченно господствуя въ цѣломъ рядѣ провинціальныхъ сеймовъ, благодаря допотопности избирательнаго права, феодально-клерикальная и антисемитская партіи добиваются передачи школьнаго дѣла въ полное завѣдываніе сеймовъ. Практически это было-бы равносильно выдачѣ народнаго образованія клерикаламъ во всѣхъ такихъ провинціяхъ. Предложеніе Эбенгофа и преслѣдуетъ главнымъ образомъ эту цѣль. Вопросъ объ интерконфессіональномъ или вѣроисповѣдномъ характерѣ народной школы онъ предоставляетъ рѣшенію мѣстныхъ сеймовъ, т. е. въ Альпахъ, Верхней и Нижней Австріи волѣ клерикально-антисемитскаго большинства.

Задачей школы по Эбенгофу должно быть «воспитаніе дѣтей по ученію ихъ религіи», значитъ, все преподаваніе должно носить вѣроисповѣдный характеръ. Исполненіе этого требованія необходимо предполагаетъ клерикальный надзоръ за школами, по Эбенгофъ по іезуитскому обычаю не высказываетъ этого прямо, а говоритъ членамъ парламента: «сами догадайтесь».

Но клерикалы не ограничиваются требованіемъ вѣроисповѣдной школы и клерикальнаго надзора за ней, они стремятся захватить въ свои руки все преподаваніе. Оставляя повидимому неприкосновенной программу народныхъ училищъ, предложеніе Эбенгофа требуетъ, чтобы рѣшеніе вопроса о томъ, въ какомъ *объемѣ* должны проходить различные предметы школьнаго курса, зависѣло отъ провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ по соглашенію съ исполнительными комитетами сеймовъ. Ясное дѣло, что клерикально-антисемитскіе сеймы не замедлили-бы свести «на нѣтъ» объемъ ненавистнаго имъ естествознанія. За это ручается предложеніе антисемита Вергана въ Нижнеавстрийскомъ и аналогичное предложеніе клерикала Кырлопа въ Штирійскомъ сеймахъ. Не только объемъ курса, но и всѣ *учебники* должны опредѣляться при участіи сеймовъ. Раньше допущеніе учебниковъ зависѣло отъ министра народнаго просвѣщенія «по выслушаніи провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ», теперь клерикалы требуютъ, чтобы это дѣлалось по соглашенію съ комитетами сеймовъ, а въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ дѣйствуютъ соотвѣтствующіе законы—съ предварительнаго согласія высшаго клеруса. Такого рода «соотвѣтствующіе законы» могутъ быть проведены во всѣхъ сеймахъ, гдѣ имѣется феодально-клерикально-антисемитское большинство, и тогда клерикалы имѣли-бы полную возможность «соглашаться» только на учебники, проникнутые клерикальными тенденціями.

Даже выборъ между дозволенными учебниками долженъ зависѣть по Эбенгофу отъ согласія комитетовъ сейма, тѣмъ совершенно исключается вліяніе учителей, имъ снова отводится подчиненное положеніе. За то комитеты выдвигаются на первый планъ, ихъ препо-

давательская дѣятельность совершенно изымается отъ контрольно-свѣтской инспекціи. Только для нихъ гарантируетъ Эбенгофъ законодательный минимумъ учебныхъ часовъ, а опредѣленіе максимума предоставляется сеймамъ и клерусу отдѣльныхъ провинцій. Наконецъ, послѣднее «вождедѣіе» клерикаловъ заключается въ требованіи сократить обязательный курсъ народной школы съ 8 до 6 лѣтъ, предоставивъ заботу о дополнительныхъ курсахъ провинціальнымъ сеймамъ. Такимъ образомъ предложеніе Эбенгофа было покушеніемъ клерикальной братіи разрушить главныя основы современной организаціи австрійской народной школы. Въ виду этого понятна буря страшнаго негодованія, которая разразилась по всей Австріи съ опубликованіемъ школьнаго предложенія Эбенгофа. Невозможно перечислить той массы протестовъ учителей, рабочихъ, демократическихъ бюргеровъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, которые были направлены противъ новой вылазки клерикаловъ.

Протестовали въ многотысячныхъ народныхъ собраніяхъ, на съѣздахъ, вся независимая пресса вела жестокую атаку противъ клерикаловъ и ихъ соперниковъ. Учителя всѣхъ національностей объединились на защиту свободной школы. Чешско-національные учителя грозили младочехамъ перейти на сторону рабочей партіи, если они осмѣлятся поддерживать школьные планы клерикаловъ. Въ стѣнахъ парламента клерикальные планы были разрушены энергіей оппозиціонныхъ партій, тактика которыхъ парализовала дѣйствія реакціоннаго большинства.

«Несолоно хлебавши», клерикально-антисемитскимъ врагамъ народной школы снова пришлось «благородно ретироваться» подъ напоромъ могучей волны народнаго движенія, выросшаго на защиту свободной школы. Въ безсильной злобѣ они начали систематически преслѣдовать передовыхъ учителей, проявившихъ особую энергію въ борьбѣ съ клерикализмомъ.

Начались массовыя перемѣщенія, дисциплинарныя слѣдствія и наказанія. Предлогомъ служили: подписи учителей подъ антиклерикальными воззваніями, участіе въ протестахъ Эбенгофу и т. п. Особенно снрѣпствовали вѣнскіе антисемиты, какъ-бы желая показать, что они клерикальнѣе самихъ клерикаловъ. Подвергнувъ дисциплинарному взысканію нѣсколько десятковъ учителей за участіе въ антиклерикальныхъ протестахъ, они набросились на учителей-редакторовъ газеты «*Freie Lehrerstimme*» («Свободный голосъ учителя»),—органа «молодыхъ».

Наконецъ 15-го сентября 1897 г. антисемитскій училищный совѣтъ Вѣны, по командѣ Люэгера, уволилъ, совершенно не имѣя на это законныхъ основаній, пять руководителей «молодыхъ», въ томъ числѣ редактора «*Freie Lehrerstimme*» Александра Тейблера. Этотъ грубый актъ партійной мести открылъ глаза на реакціонный характеръ антисемитизма даже тѣмъ изъ учителей, которые до сихъ поръ относились къ нему нейтрально, онъ въ громадной степени содѣйствовалъ еще большому объединенію народныхъ учителей для защиты свободной школы. Теперь антисемитскіе демагоги уже открыто.

заявляли въ прессѣ и на своихъ собраніяхъ, что будутъ всеми средствами преслѣдовать непокорныхъ учителей. Наиболѣе могущественнымъ изъ этихъ средствъ были обходы такихъ учителей при назначеніяхъ, переводы на худшія мѣста и отказы въ справедливыхъ требованіяхъ объ увеличеніи жалованья. Все это дѣлается съ цинично-покорнымъ нарушеніемъ дѣйствующихъ правилъ, благо училищный совѣтъ, городская дума и управа Вѣны, а также сеймъ Нижней Австріи находятся въ рукахъ антисемитской партіи, хозяйничанье которой въ школьномъ дѣлѣ представляетъ образецъ возмутительнаго злоупотребленія властью для узко-партійныхъ цѣлей.

Осенью въ Вѣнѣ началась широкая агитація со стороны учителей и рабочаго населенія противъ новаго благодѣянія антисемитскаго режима—уменьшенія на 50,000 гульденовъ (съ 150 до 100 т. г.) суммъ, ассигнуемыхъ городомъ на безплатныя учебныя пособія недостаточнымъ ученикамъ народныхъ школъ. Она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и антисемитскіе «господа Вѣны» вынуждены были уступить. Съ открытіемъ новой сессіи парламента, Эбенгофъ не преминулъ внести опять свое предложеніе, но въ перелицованномъ видѣ.

Для уловленія славянскихъ націоналистовъ и главнымъ образомъ младочеховъ онъ включилъ слѣдующее требованіе: «О необходимости раздѣленія дѣтей по ихъ принадлежности различнымъ фронтсповѣданіямъ и національностямъ рѣшаютъ провинціальныя сеймы». Теперь ужъ онъ не посмѣлъ выступать открыто съ требованіемъ 6-ти лѣтняго курса, предложеніе говорить, что «въ общемъ» обязательный курсъ народныхъ школъ — 8-ми-лѣтній но... провинціальныя сеймы могутъ сократить его до 7 и 6 лѣтъ. Въ виду тогдашнихъ парламентскихъ отношеній вторичное внесеніе предложенія Эбенгофа имѣло лишь демонстративный интересъ, клерикалы хотѣли показать «твердость характера».

Попытка клерикально-антисемитскихъ партій разрушить основы современной школы законодательнымъ путемъ окончилась на этотъ разъ полной неудачей, но не надо думать, что они сложили оружіе. Нѣтъ, они только перемѣнили тактику и снова работаютъ закулиснымъ образомъ.

Достаточно услышать самодовольное заявленіе Люэгера въ парламентѣ, 7-го октября, что «я для моей персоны совершенно не нуждаюсь въ измѣненіи школьныхъ законовъ, такъ какъ если дѣйствовать съ умомъ, то можно и при теперешнихъ законахъ достигнуть всего желательнаго», чтобы убѣдиться въ этомъ и понять ихъ теперешнюю тактику. Между прочимъ къ этому времени появилась интересная брошюра д-ра Песнера, «школьнаго референта» антисемитской партіи, въ которой указывается и на главную причину враждебности клерикальныхъ антисемитовъ широкому образованію народа: «Скотницы и кучера должны быть, а они будутъ чувствовать себя тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ болѣе они образованы». Наконецъ-то дѣло разъяснилось. Антисемиты противъ современной школы «по филантропическимъ соображеніямъ». «Ende gut—Alles gut», говорятъ нѣмцы.

П. Теплоуъ.

Научное образованіе въ женскихъ профессиональныхъ школахъ.

Если жизнь—борьба, и кусокъ хлѣба, по выраженію великаго поэта, заслуживаетъ только тотъ, кто самъ ежедневно его завоевываетъ, то задача школы состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать своихъ питомцевъ готовыми къ этой борьбѣ, вооружить ихъ для нея наилучшимъ образомъ; иначе же, вину своего пораженія на жизненной аренѣ они припишутъ тѣмъ, кто не позаботился снабдить ихъ надлежащими средствами для защиты себя и своихъ соотечественниковъ. И такъ, наставники, «хранящіе юность», должны постоянно имѣть въ виду грядущую судьбу вѣрноподданной имъ молодежи, помнить, что передъ ними будущіе дѣятели на томъ или другомъ поприщѣ.

Лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе является знаніе, такое знаніе, которое даетъ возможность окончившему курсъ немедленно по выходѣ изъ школы приобрести себѣ честный кусокъ хлѣба. Начальная школа, разумѣется, не должна задаваться цѣлями утилитарными: она даетъ элементы общаго образованія, но въ школѣ профессиональной, какъ показываетъ самое ея названіе, на первомъ планѣ должна стоять профессія, ремесло. Необходимо, чтобъ ея воспитанники и воспитанницы вынесли изъ нея возможно полное знаніе этого ремесла. Хорошіе ремесленники и ремесленницы, работающіе прочно, добросовѣстно и изящно, и въ столицѣ встрѣчаются не часто: поэтому такое знаніе своей профессіи всегда обезпечить бѣдной дѣвушкѣ хорошей заработокъ, и это *vis desideria* всей экономической науки. Здѣсь можно перефразировать извѣстное изреченіе: «работайте хорошо, и все остальное приложится вамъ». На обязанности профессиональной школы лежитъ выпускать ученицъ, способныхъ работать самостоятельно, безъ чужой указки, безъ посторонняго руководства. Такое знаніе требуетъ долгой предварительной практики; поэтому въ профессиональной школѣ и приходится отводить не мало часовъ для практическихъ занятій. Не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что такія школы не мастерскія, и если въ мастерскихъ ученицы иногда

до поздней ночи сидятъ за работой, то въ школѣ это явленіе невозможно и недопустимо. Одна изъ задачъ подобныхъ школъ—поставить ученицъ въ лучшія условія, чѣмъ тѣ, которыя мы видимъ въ обыкновенныхъ мастерскихъ, гдѣ съ одной стороны масса времени пропадаетъ для дѣвочки даромъ, тратится ею на бѣготню съ утюгами, разноску заказовъ и т. п., а съ другой стороны тамъ же не щадятъ ея юныхъ силъ, заставляя ее въ страдную пору (т. е. передъ Рождествомъ, передъ Пасхой и передъ лѣтними каникулами) работать до изнеможения. Профессиональная школа избѣгаетъ этихъ обѣихъ крайностей: она устраиваетъ такъ, что все время, проводимое ученицами въ ея стѣнахъ, служитъ именно дѣлу обученія, а не какимъ-нибудь постороннимъ цѣлямъ, и, кромѣ того, она старается создать и лучшую обстановку обученія, возможно болѣе удовлетворительную въ гигиеническомъ и въ педагогическомъ отношеніяхъ. Профессиональныя школы умножаются съ каждымъ годомъ, и позволительно надѣяться, что не далеко то время, когда прежнія мастерскія съ сердитой мадамой, развращенными мастерицами и утомительной ночной работой отойдутъ въ область преданій; пока же это не преданіе, а печальная дѣйствительность, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ газеты, гдѣ не рѣдко читаешь объ истязаніяхъ дѣвочекъ въ мастерскихъ и даже ихъ самоубійствахъ. Чтобъ раздѣлаться съ этимъ печальнымъ явленіемъ русской жизни, необходимо посодѣйствовать увеличенію числа профессиональныхъ школъ.

И такъ, ставя на первый планъ изученіе профессиональнаго дѣла при возможно лучшей для учащихся обстановкѣ, профессиональная школа не можетъ задаваться матеріальными выгодами: то обиліе заказовъ, о которомъ мечтаетъ каждая портниха, недоступно школѣ, какъ бы ни довѣряли заказчицы ученической работѣ, проходящей потомъ черезъ цензуру учительницъ: дѣвочки не могутъ безъ вреда для здоровья такъ усидчиво работать, какъ взрослыя мастерицы, да и на дѣлѣ обученія это отозвалось бы вредно—спѣшное исполненіе заказовъ мѣшаетъ усиленному наблюденію за успѣхами каждой отдѣльной ученицы. Здѣсь еще разъ оправдывается старая, какъ міръ истина, что нельзя служить одновременно двумъ господамъ, непременно окажешься нерадивымъ относительно одного изъ нихъ. Конечно, профессиональныя школы поставлены иногда въ невозможность существовать иначе, какъ съ помощью заказовъ: вотъ тогда правительство и общество и должны придти на помощь частной инициативѣ (если, разумѣется, инициаторы этого заслуживаютъ), такъ какъ они заинтересованы въ дѣлѣ уменьшенія женскаго пролетаріата.

Недостаточно еще, впрочемъ, дать ученицамъ полное знаніе ихъ ремесла. Необходимо, чтобъ онѣ уважали свой трудъ: пренебрежительное отношеніе къ своей спеціальности портитъ многое, и профессиональнымъ школамъ приходится вести борьбу съ нашимъ мало культурнымъ обществомъ, въ которомъ честный трудъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ еще далеко не цѣнится такъ, какъ

слѣдуетъ. Поэтому далеко не рѣдки такіе факты, что дѣвочка изъ среды мелкаго чиновничества считаетъ чуть не позоромъ быть портнихой или бѣлошвейкой и долго еще по поступленіи въ профессиональную школу сохраняетъ обиженный видъ, какъ будто стараясь показать всѣмъ своимъ небольшимъ существомъ, что ей здѣсь не мѣсто, и она имѣетъ право рассчитывать на лучшую участь. Она, пожалуй, не прочь выучиться шитью для домашняго обихода и для того, чтобъ самой умѣть освѣжать свои наряды, но сдѣлать изъ него профессію ей кажется иногда чѣмъ-то ужаснымъ, тогда какъ ея же товаркѣ, дочери простого рабочаго и ученицѣ той же школы, подобная участь представляется весьма завидной, потому что иначе ей бы грозила черная работа прислуги. Большинство ученицъ этихъ школъ дѣвушки бѣдныя, которыя сейчасъ же по выходѣ изъ школы очутятся лицомъ къ лицу съ суровыми уроками жизни. Родители мечтаютъ объ окончаніи ими курса, какъ о маннѣ небесной, и вотъ дочь кончаетъ ученье и съ неохотой берется за свое шитье, завидуя старшей сестрѣ, которой посчастливилось попасть въ гимназію, такъ что хотя она ходитъ ежедневно на край города давать уроки за 10 руб. въ мѣсяцъ, но все же она не «портниха», а «учительница». Такіе взгляды воспитало само общество. Слѣдуетъ надѣяться, однако, что разъ портнихи будутъ принадлежать къ интеллигенціи, такой взглядъ измѣнится и станетъ анахронизмомъ. Вотъ почему я повторяю, что необходимо выработать въ ученицахъ руководѣльных школъ трезвое отношеніе къ ихъ будущей профессіи, а оно можетъ быть только слѣдствіемъ умственнаго развитія. Такимъ образомъ мы переходимъ теперь къ главной задачѣ нашей статьи, постановкѣ учебнаго курса въ женскихъ профессиональных школахъ. Поднимался вопросъ, необходимъ ли, вообще, такой курсъ въ подобныхъ школахъ. Многія прямо ставили ребромъ такой ультиматумъ: «учить или шить»; но, по нашему мнѣнію, объ этомъ и спора быть не можетъ. Дѣвочки поступаютъ въ профессиональную школу въ возрастѣ 12, 13 лѣтъ и лишь съ тѣми знаніями, которыя онѣ могли пріобрѣсти въ начальныхъ городскихъ училищахъ (наибольшій и самый желательный контингентъ даютъ эти училища, наименьшій и худшій—различные пріюты; къ послѣднему разряду, впрочемъ, относятся и тѣ ученицы, которыя до тѣхъ поръ безуспѣшно странствовали по гимназіямъ и пансіонамъ и только, какъ неудачницы, попали въ проф. школу). Жестокое было бы оставить ихъ съ этими крупницами духовнаго хлѣба и не подумать о ихъ дальнѣйшемъ общемъ образованіи. Наконецъ исключительное занятіе руководѣлемъ можетъ подѣйствовать угнетающимъ образомъ на ихъ умственные способности, и учебные предметы внесутъ сюда освѣжающій элементъ. Самое же важное соображеніе въ пользу общеобразовательнаго курса въ профессиональной школѣ заключается въ томъ, что образованная ремесленница всегда добросовѣстнѣе отнесется къ своему дѣлу. Чѣмъ скромнѣе и уже кругъ дѣятельности человѣка, тѣмъ труднѣе иногда

бываетъ отбыть его съ честью. Вспомнимъ басню Крылова «Орелъ и Пчела» и согласимся, что легче работать тамъ, гдѣ насъ видятъ и оцѣниваютъ каждую нашу удачу, чѣмъ кропотливо трудиться день за днемъ въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ, живя той однообразной жизнью, съ которой не легко мирится молодость.

Полученное въ школѣ развитіе скраситъ дѣвушкамъ ея жизнь: послѣ работы она будетъ отдыхать за книгой, причемъ, однако, благодаря развитому вкусу, не возьметъ въ руки такихъ аляповатыхъ романовъ, какъ излюбленные швейками «Тайны Мадридскаго двора» или «Приключенія Рокамболя». Интеллигентная ремесленница скраситъ жизнь не только себѣ, но и другимъ. Многія изъ нихъ, окончивая курсъ, только и мечтаютъ о томъ, какъ бы открыть мастерскую на новыхъ началахъ и, собравъ вокругъ себя дѣвочекъ, обучать ихъ рукодѣлію, обращаясь съ ними кротко и ласково и стараясь развивать ихъ и умственно. Въ этихъ мечтахъ нѣтъ ничего неосуществимаго, и мы можемъ назвать нѣсколько такихъ профессиональныхъ школокъ, возникшихъ въ провинціи, въ уѣздныхъ городахъ и даже въ селахъ. Ихъ юнныя учредительницы, питомицы столичныхъ профессиональныхъ школъ, не нарадуются на своихъ ученицъ, счастливы и гордятся своей миссіей. Дай имъ Богъ успѣха!

Но необходимое для хорошихъ результатовъ развитіе не дается двумя или тремя годами обученія. Враги общеобразовательнаго курса говорятъ даже, что оно ведетъ лишь къ вредному полубразованію, развивающему и вышеупомянутый ложный взглядъ на свою профессію, и крайнее самолюбіе. Если же продлить курсъ обученія и расширить программу, является другая опасность — остается слишкомъ мало времени на профессиональное дѣло, и главная цѣль не можетъ быть достигнута. Какъ же слѣдуетъ лавировать между этими Сциллой и Харибдой? Намъ кажется, что при существующихъ условіяхъ невозможно расширить программу и продлить общеобразовательный курсъ, а надо приложить всѣ усилія къ тому, чтобъ втеченіе учебнаго времени развить въ дѣвочкахъ жажду знанія и любовь къ чтенію. Слѣдуетъ также постараться, чтобъ эти драгоценныя и съ трудомъ, можетъ быть, усвоенныя ими стремленія не угасли и потомъ, а для этого необходимо, чтобъ между alma mater и ея бывшими воспитанницами поддерживалась постоянная духовная связь. О способахъ поддерживанія этихъ отношеній мы скажемъ ниже, а пока вернемся къ тому же важному для насъ вопросу о нормальномъ общемъ курсѣ въ женскихъ профессиональныхъ школахъ. Лица компетентныя высказываются за строгую обособленность научнаго и ремесленнаго отдѣленій. Всего желательнѣе было бы, конечно, чтобъ ученицы принимались за изученіе своей профессіи, уже покончивъ съ общимъ образованіемъ: тогда одно не мѣшало бы другому, и всѣ бы не нагибались въ ту или другую сторону. Такъ, вѣроятно, и устроится со временемъ, но пока этотъ порядокъ вещей невозможенъ въ интересахъ самихъ

учащихся и ихъ родителей: для бѣдной семьи каждый грошъ дорогъ, и для нихъ слишкомъ трудно держать дочь въ профессиональной школѣ не 3 или 4 года, какъ теперь, а лѣтъ 6 или 7; родители ждутъ не дождутся того времени, когда дочь станетъ наконецъ полезнымъ членомъ семьи, начнетъ вносить въ нее свой заработокъ. Часто и теперь, не давъ дѣвчкѣ еще доучиться, какъ слѣдуетъ, они заставляютъ ее брать заказы и пропускать для этого уроки или же прямо берутъ ее изъ школы до окончания курса, чтобъ поскорѣе воспользоваться ея трудами. Если за такой эгоизмъ нечего хвалить родителей, то и осуждать ихъ нельзя: за нихъ говорить ихъ нищета. Хорошо и то съ ихъ стороны, что, не довольствуясь городской школой, они помѣстили дѣвочку затѣмъ и въ другое училище; а всего же чаще бываетъ, что по окончаніи дѣвочкой элементарнаго курса, отецъ и мать и не думаютъ отдавать ее въ другое учебное заведеніе: она нужна для семьи въ настоящемъ, какъ помощница матери, даровая кухарка и нянька, а о будущемъ ея родители и не заботятся. «Почему вы берете вашу дочь изъ школы?» спрашиваетъ начальница у отца дѣвочки, простого рабочаго: что она будетъ дѣлать у васъ дома?» «Матери сподручнѣй», отвѣчаетъ онъ. «А что потомъ-то съ ней будетъ?»—А что Богъ дастъ, заканчиваетъ отецъ, по коренной русской привычкѣ живя только нынѣшнимъ днемъ.

Для блага ученицы, конечно, было бы желательнѣе начинать изученіе профессиональнаго дѣла лѣтъ съ 14, но это опасно въ томъ отношеніи, что родители, привыкнувъ въ это время къ ея домашнимъ услугамъ, не захотятъ потомъ разстаться съ этимъ удобствомъ, когда дѣвочка достигнетъ названнаго возраста; да, наконецъ, если это время будетъ проведено ею дома, то безъ всякой пользы для нея: напротивъ того, кончивъ начальную школу лѣтъ 12, она къ поступленію въ профессиональную успѣетъ забыть все, что знала, и отвыкнетъ также отъ школьныхъ порядковъ.

И такъ въ ожиданіи того, пожалуй, еще далекаго времени, когда всѣ наши учебныя заведенія будутъ составлять своего рода лѣстницу, причѣмъ переходъ изъ одного въ другое ничѣмъ не будетъ затрудненъ, и ученица начальной школы, окончивъ тамъ курсъ, получить возможность перейти безъ особыхъ издержекъ для родителей въ училище съ болѣе широкой программой, а послѣ этого и выбрать себѣ профессию, возвратимся къ занимающему насъ вопросу. Очевидно, пока надо устроить такъ, чтобъ оба курса, и общеобразовательный, и профессиональный шли параллельно, но не мѣшали другъ другу: ученица, которой плохо даются учебные предметы, можетъ быть задержана изъ-за нихъ въ младшемъ классѣ, но это не должно служить ей препятствіемъ для перехода въ слѣдующій профессиональный классъ, если по руководствію она идетъ удовлетворительно. Такое явленіе можетъ повториться и въ обратномъ порядкѣ.

Если общеобразовательный курсъ въ профессиональной школѣ

ограничивается часто тремя годами, то необходимо позаботиться о томъ, чтобъ эти учебные годы проходили съ возможно большей пользою для ученицъ и, не сообщая имъ никакого лишняго, загромождающаго память балласта, дѣйствительно бы готовили ихъ къ жизни. Надо, чтобъ эта духовная пища была въ самомъ дѣлѣ питательна и существенна и могла бы переработаться въ плоть и кровь учащихся. Твердо стремясь къ своей главной цѣли, школа не должна нигуда уклоняться по пути; но ограничиваясь въ дѣлѣ общаго образованія строго необходимымъ, она должна сдѣлать такъ, чтобъ этотъ минимумъ хорошо усваивался бы дѣвочками и велъ къ извѣстному умственному развитію.

Вотъ какъ мы себѣ представляемъ этотъ курсъ. По Закону Божию важное мѣсто отводится, конечно, объясненію богослуженія и чтенію Евангелія по-славянски, потому что дѣвушки въ церкви слышатъ славянскій текстъ Св. Писанія, и если онѣ будутъ знакомы съ нимъ заранѣе, онѣ отнесутся къ нему съ полнымъ пониманіемъ. Намъ нечего и говорить о томъ, что уроки Закона Божія должны въ то же время быть уроками морали: это разумѣется само собою.

Что касается родного языка, то его преподаваніе должно носить утилитарный характеръ, давать то, на что предъявляетъ спросъ сама жизнь. Важно поэтому сообщить дѣвушкамъ навыкъ къ правильному письму, и изъ курса грамматики выбирается только то, что служить для этой цѣли, лишнія же тонкости отбрасываются. Но и на слогъ слѣдуетъ обращать вниманіе, такъ какъ дѣвушкамъ-ремесленницамъ придется вести и семейную, и дѣловую переписку. Главное же, надо приучить ее къ чтенію, такъ чтобъ оно сдѣлалось для нея органической потребностью, необходимой, какъ воздухъ и пища. Одна эксцентричная англичанка воскликнула разъ: «Дайте мнѣ чашку хорошаго чая, и я справлюсь со всякой непріятностью». Если для чашки чаю это ужъ слишкомъ много чести, то съ большимъ правомъ, я полагаю, можно это сказать о хорошей книгѣ. Привычка читать спасетъ и впоследствии дѣвушку отъ многихъ проявленій житейской пошлости. Имѣя всегда въ виду эту сторону, преподавателю русскаго языка въ профессиональной школѣ приходится помнить и о томъ, что большинство дѣтей только въ школѣ слышатъ хорошую правильную рѣчь, дома же они снова засоряютъ свой языкъ неправильными выраженіями и грубыми словами. Поэтому здѣсь особенно важно упражнять ученицъ въ чтеніи и изложеніи отрывковъ изъ нашихъ лучшихъ писателей и отнюдь не стоять за пересказъ ихъ пресловутыми «своими словами» и не пугаться, если ученицы часть отрывка почти заучатъ наизусть.

Что за бѣда! Вѣдь такимъ образомъ онѣ приобретутъ запасъ новыхъ словъ и красивыхъ оборотовъ, а своихъ словъ у нихъ такъ же мало, какъ у ихъ родителей «своихъ средствъ». Другое дѣло послѣ подробнаго разсказа заставить ихъ сжато резюмировать его содержаніе: это приучить ихъ отдѣлять главное отъ

второстепеннаго. Такого краткаго пересказа прочитаннаго можно потребовать отъ учащихся дѣвочекъ и послѣ выѣкласнаго чтенія. Мы уже говорили объ огромной роли этого чтенія въ проф. школѣ; отсюда видна необходимость имѣть при каждой такой школѣ хорошо составленную ученическую бібліотеку, такъ какъ дѣти бѣдныхъ родителей могутъ доставать книги только благодаря училищу. (Это иногда можно сказать и о дѣтихъ достаточныхъ родителей: часто бываетъ, что семья охотно сдѣлаетъ ребенку лишнее платье, но откажется приобрести рекомендованную учителемъ книгу); ни купить для нихъ книгъ, ни подписаться въ бібліотеку родители не въ состояніи. Важно также, чтобъ чтеніе было сознательнымъ, почему со стороны преподавателя русскаго языка долженъ быть извѣстный контроль за нимъ: всегда интересно для изученія характера дѣвочекъ и ихъ умственныхъ способностей провѣрить, какое впечатлѣніе произвела на нихъ та или другая книга. Такія наблюденія приводятъ иногда къ очень важнымъ выводамъ. Въ послѣдній годъ обученія можно давать дѣвушкамъ, кромѣ беллетристическихъ произведеній, и научно-популярныя сочиненія, выбирая изъ нихъ наиболѣе занимательныя. Опытъ показываетъ, что и такое сравнительно серьезное чтеніе можетъ привиться въ профессиональной школѣ.

Въ тѣсной связи съ русскимъ языкомъ стоитъ и преподаваніе родной исторіи: этотъ предметъ не только даетъ учащимся необходимыя свѣдѣнія о прошломъ, объясняющія имъ и настоящее ихъ страны, не только расширяетъ ихъ умственный горизонтъ, но и, требуя постоянного разсказа, образуетъ слогъ. Исторія не представляетъ много матеріала для письменныхъ работъ; но для того, чтобъ она не принимала скелетообразной формы и не обратилась въ сухой перечень именъ, событій и годовъ, надо оживлять ее чтеніемъ тѣхъ статей и стихотвореній, которыя относятся къ извѣстному отдѣлу курса: такъ, проходя начала русской исторіи, можно познакомить ученицъ и съ народными былинами объ Ильѣ Муромцѣ, и съ художественными былинами Алексѣя Толстого; при изученіи же эпохи Іоанна Грознаго дѣвочки читаютъ извѣстную повѣсть «Князь Серебряный» и т. п. Такое чтеніе, если вести его систематически, дастъ тотъ хорошій результатъ, что при каждомъ историческомъ имени въ умѣхъ учащихся будетъ возникать опредѣленный, знакомый имъ образъ, съ которымъ онѣ ужъ нѣсколько сроднились. То, что интересно, всегда запоминается; эта старая педагогическая истина вѣчно нова.

Къ сожалѣнію, тѣ учебники исторіи, къ которымъ приходится прибѣгать въ подобныхъ школахъ, далеко неудовлетворительны: они или представляютъ собою крайне сухое перечисленіе фактовъ въ ихъ хронологической связи (учебники Пупыковича и Сальникова), или же рядъ анекдотическихъ, давно устарѣвшихъ разсказовъ (такова книга Рождественскаго, гдѣ нѣсколько стра-

ницъ посвящено повѣствованію о странностяхъ Суворова) Преподавателю исторіи приходится пополнять своимъ рассказомъ недостающее въ учебникѣ или, наоборотъ, вычеркивать цѣлыя страницы въ немъ, чтобъ не засорять дѣтской памяти ненужными историческими эпизодами. Замѣтимъ, кстати, что строго систематическій курсъ русской исторіи едва ли возможенъ въ профессиональной школѣ въ виду необходимости и съэкономить время и заинтересовать ученицъ предметомъ. Поэтому удѣльно-вѣчевой періодъ слѣдуетъ пройти по возможности кратко, давъ понять имъ только главнѣйшія его особенности, и не за чѣмъ останавливаться на отдѣльной исторіи Литвы и затруднять память учащихся трудными именами литовскихъ князей (не забудемъ, что, вообще, нерусскія слова съ трудомъ запоминаются дѣтскими изъ неинтеллигентной среды, почему и надобно быть осторожнымъ въ этомъ отношеніи), тогда какъ достаточно назвать одного Ягелло. Точно также можно пропустить нѣкоторые изъ многочисленныхъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка.

Очевидно, нѣкто не станетъ оспаривать того положенія, что преподаваніе родного языка должно стоять въ тѣсной связи съ уроками родной исторіи; но такую связь можно до известной степени установить и между другими учебными предметами. Въ профессиональныхъ школахъ преподается обыкновенно географія Россіи, и вотъ здѣсь-то желательно иллюстрировать пройденное чтеніемъ интересныхъ географическихъ очерковъ и параллельнымъ заучиваніемъ на урокахъ русскаго языка подходящихъ стихотвореній. Ученица получить болѣе ясное представленіе о живописной Малороссіи, если, ознакомившись съ этой страной по учебнику географіи, выучитъ еще прекрасную пьесу Толстого: «Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ»; и суровая красота Финляндіи станетъ ей понятнѣе, благодаря известному стихотворенію Баратынскаго. Преподавателямъ надо непременно приложить всѣ старанія къ тому, чтобъ эти разнородныя, разбросанныя ученическія знанія слагались мало по малу въ одно стройное цѣлое—это одна изъ важнѣйшихъ задачъ обученія. Черченіе картъ по недостатку времени не должно имѣть мѣста въ профессиональной школѣ, и по той же причинѣ изъ номенклатуры выбираются только важнѣйшія названія.

Что касается естествовѣдѣнія, то ради развитія въ дѣтяхъ сознательнаго отношенія къ окружающему надо познакомить ихъ съ наиболѣе распространенными животными и растеніями, свойственными нашему климату, но не останавливаться на этомъ, т. е. далекое интересуетъ дѣтскій умъ сильнѣе близкаго. Вотъ почему, не теряя изъ виду связи естествовѣдѣнія съ географіей, можно при чтеніи географическихъ очерковъ рассказывать ученицамъ о животныхъ и растеніяхъ чуждыхъ намъ странъ. Математической географіи, которая представляетъ неизмѣримныя трудности для дѣтей, только что кончившихъ городскую школу, слѣдуетъ касаться только слегка ради знакомства съ сѣткой. Будемъ,

помнить, что главное для насъ пробудить въ дѣтяхъ прочный интересъ къ знанію. Слѣдуетъ давать поменьше теоріи и побольше наглядности и не заботиться о мертвящей классификаціи флоры и фауны на особые отряды. Краткія свѣдѣнія по анатоміи и физиологіи могутъ проходиться въ связи съ гигиеной и будутъ лучше всего усвоены въ старшемъ классѣ школы.

Въ профессиональной школѣ можетъ быть пройденъ полный курсъ ариметики (за исключеніемъ, конечно, сложныхъ процентовъ и учета векселей), но преподаватель, имѣя всегда въ виду тотъ минимумъ времени, который находится въ его распоряженіи, не долженъ увлекаться. Онъ прибѣгаетъ лишь къ такимъ задачамъ, которыя, развивая извѣстную гибкость соображенія, содѣйствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ усвоенію какого-нибудь правила; задачъ же фокусныхъ и всякихъ даже не сложныхъ по замыслу, но затруднительныхъ по обилію условій и данныхъ слѣдуетъ избѣгать: это своего рода математическія западни и капканы, въ сѣти которыхъ уловляютъ малыхъ сихъ. По нашему мнѣнію, онѣ нигдѣ не могутъ быть умѣстны, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ за краткимъ срокомъ учебнаго времени на первомъ планѣ стоятъ простота и практичность обученія. Нельзя не одобрить введенія въ курсъ большинства женскихъ профессиональныхъ школъ бухгалтеріи, предмета необходимаго для дѣвушекъ, которыя могутъ впоследствии сдѣлаться и содержательницами мастерскихъ, и кассиршами въ модныхъ магазинахъ. Имъ придется вести и книги, почему и чистописаніе должно проходиться. Въ такой же мѣрѣ важно и черченіе, которое облегчитъ учащимся предстоящій имъ курсъ кройки.

О важности рисованія въ профессиональной школѣ распространяться не будемъ, такъ какъ это признано всѣми компетентными людьми; рисованіе не только развиваетъ у будущей ремесленницы вкусъ и приучаетъ ее глазъ къ правильнымъ и красивымъ линиямъ, но и прямо оно служитъ техническимъ цѣлямъ, даетъ дѣвушкѣ умѣніе составлять мѣтки, узоры для вышивокъ, располагать гармонично тѣни и цвѣта.

Конечно, такой общеобразовательный курсъ довольно бѣденъ, и жаль, что по многимъ отдѣламъ науки придется только скользить, но вѣдь приходится постоянно помнить, что ученицы профессиональной школы, въ возрастѣ 12—15 лѣтъ, вслѣдствіе условій окружающей ихъ среды и домашней обстановки далеко отстоятъ въ умственномъ отношеніи отъ гимназистокъ того же возраста. Съ этимъ явленіемъ надо считаться, и въ цѣляхъ пользы преподаванія слѣдуетъ изгнать изъ него сухость и теоретичность. Пробудите молодой умъ и развейте въ немъ живой интересъ къ окружающему и сознательное къ нему отношеніе и для этого уклонитесь отъ шаблонныхъ учительскихъ приемовъ. Наиболѣе благодарными для цѣлей развитія являются русскій языкъ и исторія, и здѣсь особенно опасно изсушить дѣтскій умъ одними фактами. Мы говорили уже объ этихъ важныхъ предметахъ, но теперь при-

бавимъ, что иногда ихъ преподаватели упускаютъ изъ виду такую важную вещь, какъ знакомство съ историческими памятниками столицы. Между тѣмъ бываетъ и то, что дѣвочка изъ интеллигентной семьи, ежедневно проходя по Невскому, не знаетъ, однако, чьи памятники стоятъ передъ Казанскимъ соборомъ, что это за статуя въ Екатерининскомъ скверѣ и т. д. Указавъ на историческое значеніе тѣхъ или другихъ памятниковъ и старинныхъ зданій, учитель не только обогатитъ умы дѣвочекъ новыми знаніями, но и научитъ ихъ любознательности, какъ основному свойству образованнаго человѣка, и тѣмъ сдѣлаетъ невозможнымъ для нихъ то убійственное равнодушіе, съ которымъ русскіе способны относиться ко многимъ достойнымъ удивленія вещамъ.

Повторяю, при такомъ короткомъ курсѣ многого придется только коснуться слегка. Такъ говоря о занятіяхъ русскимъ языкомъ, мы ничего не сказали о курсѣ теоріи словесности и исторіи русской литературы, потому что ни время, ни уровень развитія ученицъ не позволяютъ пройти то и другое въ стройной системѣ, но можно познакомить учащихся съ біографіями нашихъ лучшихъ писателей и нѣкоторыми ихъ произведеніями (хотя бы въ отрывкахъ). Очень важно, если у нихъ и послѣ явится желаніе узнать все это подробнѣе; такъ что вліяніе школы, какъ звучное эхо, отзовется и тогда, когда преподаватель уже лишится возможности непосредственно воздѣйствовать на ученицъ. Какъ мы уже говорили, подобно связанному курсу исторіи русской литературы, невозможенъ и такой же курсъ теоріи словесности, но ничто не мѣшаетъ попутно сообщать дѣтямъ свѣдѣнія по этому предмету, такъ чтобъ потомъ, встрѣчая въ книгахъ такія слова, какъ *баллада*, *элегія*, *идиллія* они бы связывали съ ними опредѣленные представленія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что дома имъ такъихъ словъ не объяснить.

Но вотъ общеобразовательный курсъ пройденъ, и ученицы перешли въ послѣдній классъ школы, гдѣ предполагаются только практическія занятія. Слѣдуетъ ли теперь совершенно оставить научные предметы? Нѣтъ, это невозможно, иначе мы встрѣтимся скоро съ рецидивомъ незнанія, да и ученицы, войдя во вкусъ духовной пищи, не захотятъ отъ нея отказаться. Къ тому же, онѣ теперь вступаютъ въ такой возрастъ, когда просыпается настоящая жажда знанія. Было бы жестоко не дать ей утоленія. Поэтому и здѣсь надо время отъ времени собирать ученицъ для чтенія имъ и лучшихъ вещей изъ нашихъ классиковъ, и различныхъ статей по исторіи, географіи и естественнымъ наукамъ. Можно и задавать имъ изрѣдка письменныя упражненія, чтобъ онѣ не отвыкли отъ письма. Опытъ показываетъ, что дѣвушки, много часовъ проводящія за рукодѣліемъ, съ особенной радостью берутся за эти умственные занятія и смотрятъ на нихъ, какъ на желанный отдыхъ и лучшее развлеченіе.

Но ученѣ кончилось, и ученицы очутились за дверями школы. Здѣсь не должна прекращаться забота учащихся о нихъ. Надо

помнить, что если въ такихъ школахъ дѣти и требуютъ отъ преподавателей больше труда и силъ, то зато и даютъ больше: они сильнѣе привязываются къ своимъ учителямъ и учительницамъ; смотрятъ на нихъ часто съ какимъ-то благоговѣніемъ, которое рѣдко можно встрѣтить у гимназистовъ и гимназистокъ. Для нихъ школа и преподаватели свѣтлый уголокъ, представляющій рѣзкій контрастъ съ той нищетой и нерѣдкою грязью, которыя они видятъ дома; учительскій персоналъ для этихъ дѣтей единственная знакомая имъ интеллигенція. Вотъ почему и по выходѣ изъ школы большинство этихъ дѣвушекъ охотно ее посѣщаютъ въ часы досуга и постоянно готовы обратиться за совѣтомъ къ бывшимъ учителямъ и учительницамъ.

Но и школа не должна оставаться у нихъ въ долгу, не забывать ихъ и не платить за любовь равнодушіемъ: можетъ быть, это теплое отношеніе къ школѣ лучшее что есть въ сердцахъ дѣвочки, выросшей въ грязномъ подвалѣ между сердитой и грубой матерью и вѣчно пьянымъ отцомъ. Плохъ тотъ пахарь, который, воздѣлывая новъ, оставитъ старую ниву заростать сорной травой и не будетъ больше проходить по ней своимъ плугомъ. Школа развила въ дѣвочки потребность въ духовной пищѣ и должна поддерживать ее и потомъ. Хорошо было бы устраивать въ профессиональныхъ школахъ вечерніе или воскресные курсы для бывшихъ ученицъ, теперь уже взрослыхъ дѣвушекъ. Мы увѣрены, что онѣ съ радостью откликнулись бы на призывъ знакомыхъ наставниковъ. Эти курсы могли бы исполнять двойную задачу: и закрѣплять, упрочивать въ умахъ ученицъ прежній школьный курсъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пополнять ихъ образование. Пусть такія лекціи и не составляютъ систематическаго курса; но онѣ должны служить живой водой для труженицъ, проводящихъ цѣлыя дни среди тряпокъ и утомительнаго шитья. Мы бы прибавили, что школа можетъ позаботиться и объ улучшеніи матеріальныхъ условій своихъ бывшихъ ученицъ, доставляя бѣднѣйшимъ изъ нихъ занятія, для чего должно существовать особое бюро. Этимъ укрѣпится драгоценная во многихъ отношеніяхъ связь ученицъ съ ихъ alma mater. Онѣ принадлежатъ къ такой средѣ, что школѣ особенно важно не терять ихъ изъ виду, руководить ими и направлять ихъ, служа маякомъ и не давая имъ пойти ко дну въ житейскомъ мірѣ.

Н. Леонтьева.

Эволюція економіческаго строя и ея дѣленіе на періоды.

Максима Ковалевскаго.

(Переводъ съ французскаго).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Съ 1895 года при брюссельскомъ *Université Nouvelle* функционируетъ особое образовательное учрежденіе *Institut des Hautes Etudes*, поставившее себѣ цѣль, при посредствѣ вечернихъ публичныхъ курсовъ, восполнять одностороннее образованіе и развитіе, получаемое студентами на отдѣльныхъ факультетахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространять соціальныя знанія во вѣтуниверситетской массѣ. Всеобщая исторія и исторія науки, теорія и исторія философій, политическая и соціальная экономія, наконецъ, социологія—вотъ предметы, доставляющіе основное ядро знаній, проповѣдуемыхъ *Institut des Hautes Etudes*. Въ числѣ его лекторовъ мы находимъ нѣсколько именъ, пользующихся вполне заслуженной широкою извѣстностью, какъ напр.: Элизе Реклю, де Греефъ, Энрико Ферри, М. Ковалевскій, Гумшловичъ, Эли Реклю, Вандервельдъ и т. д. Извѣстный русскій ученый М. М. Ковалевскій ежегодно читаетъ тамъ курсы по теоріи и исторіи экономіи. Въ прошломъ году имъ былъ читанъ курсъ, посвященный эволюціи экономическаго строя. Предлагаемая статья представляетъ собою вступительную лекцію этого курса, впоследствии напечатанную въ парижскомъ журналѣ «*le Devenir Social*».

Съ тѣхъ поръ какъ Огюсть Контъ установилъ основные принципы соціальной динамики, всѣ элементы, изъ которыхъ слагается современная культура, стали предметомъ изученія и научнаго изслѣдованія въ отношеніи ихъ генезиса и ихъ эволюціи. Развитіе точныхъ наукъ, морали, права, промышленности, искусства и т. п. тотчасъ послужили точками отправленія для многочисленныхъ научныхъ

изслѣдованій. Дѣло дошло даже до изученія эволюціи столь сложно обусловленныхъ общественныхъ явленій, какова напр. литература. Имѣется, однако, одно исключеніе изъ общаго правила, проповѣдующаго, что все подвержено эволюціи и все развивается въ этомъ мірѣ. Это исключеніе, какъ мнѣ кажется, скорѣе молчаливо признано всѣми, чѣмъ обосновано. Я говорю о нѣкоторыхъ сторонахъ современнаго промышленнаго строя. Большинство экономистовъ привыкли считать современнѣйшій *status quo* производства, распредѣленія и обмѣна за нѣчто устойчивое, постоянное и навсегда подчиненное естественнымъ, а слѣдовательно и неизмѣннымъ законамъ спроса и предложенія, законамъ, участіе которыхъ въ жизни должно въ концѣ концовъ привести cadaque изъ насъ къ богатству и благоденствію.

Въ силу того, что человѣчество видитъ исполненіе этой послѣдней надежды все болѣе и болѣе запаздывающимъ, многимъ приходитъ въ голову, что нашъ современный экономическій строй представляетъ такую же преходящую фазу экономической эволюціи, какъ и всѣ предыдущія. Это предположеніе подтверждается историческимъ изученіемъ. Бросивши взглядъ на древніе и средніе вѣка, равно какъ и на условія жизни тѣхъ многочисленныхъ народностей, которые почти не имѣютъ исторіи и слѣдовательно входятъ не въ область социологіи, а въ область этнографіи, мы неминуемо должны придти къ выводу, что и производство и распредѣленіе богатствъ на всегда совершались современнымъ образомъ. Извѣстно, напр., что обмѣнъ вовсе не входилъ въ расчеты первобытныхъ охотниковъ, пастуховъ и земледѣльцевъ: всѣ они ограничивались удовлетвореніемъ своихъ собственныхъ несложныхъ нуждъ и таковыхъ же нуждъ своей небольшой общины. Ничто ихъ не побуждало къ индивидуальному овладѣнію землей или къ накопленію капиталовъ; среди нихъ были совершенно неизвѣстны проценты и рента, а единственной признанной цѣнностью была цѣнность потребительная.

Вмѣсто того, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ экономистовъ, разсыпаться въ сожалѣніяхъ по адресу этихъ печальныхъ народовъ, не знавшихъ выгодъ обмѣна и удобствъ монеты, попытаемся отдать себѣ отчетъ въ причинахъ подобнаго порядка вещей, а равно и въ причинахъ, создавшихъ современный экономическій *status quo*.

Долговременное изученіе экономическихъ явленій, въ ихъ современности и исторіи, привело меня къ убѣжденію, что всѣ измѣненія въ экономическомъ строѣ обусловливаются наростаніемъ народонаселенія.

Первый вопросъ, долженствующій предстать предъ социологомъ, желающимъ изучить характерныя черты опредѣленнаго экономическаго режима, есть вопросъ о томъ, какова густота народонаселенія данной страны и тѣхъ, которыя ее окружаютъ. Достаточно народонаселенію въ странѣ сдѣлаться гуще, чтобы народъ пересталъ быть изолированнымъ и волей-неволей побудилъ сосѣдей служить интересамъ его собственнымъ: производства и потребленія. Вообще, повторяю еще разъ, для меня главный двигатель экономической эволюціи заключается въ прогрессивномъ ростѣ народонаселенія.

Эта точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ теоріей Ах. Лорія. Для него эволюція экономическаго строя обуславливается прогрессивнымъ исчезновеніемъ дѣйственныхъ земель. Онъ полагаетъ, что *res nullius*, о которыхъ такъ часто идетъ рѣчь у римскихъ юристовъ, существовали въ дѣйствительности. Можно думать, что ему остался неизвѣстнымъ тотъ, вполне установленный общей исторіей права, фактъ, что земля раньше чѣмъ сдѣлаться предметомъ частной собственности, являлась нераздѣльной собственностью клана, коммуны, а иногда и цѣлаго народа, и что первыя попытки индивидуализаціи земельного владѣнія могли имѣть мѣсто только съ согласія родичей, сосѣдей или лица, являющагося представителемъ власти, т. е. царя, выборнаго правителя или феодала. Изъ этого института общаго земельного владѣнія вѣдѣнаго сомнѣнія зародились многочисленные обычаи, позволявшіе сосѣдямъ по владѣнію землей протестовать противъ поселенія гдѣ либо среди нихъ иностранца. Весьма вѣроятно, что отсюда же зародилось обыкновеніе, при дальнѣйшемъ теченіи жизни, смотрѣть на главу государства какъ на единственнаго владѣльца почвы въ той или другой странѣ.

Теорія Лорія грѣшитъ въ самомъ своемъ основаніи. Точкой своего отправленія она признаетъ выдуманный фактъ, который вѣроятно не пришелъ бы на умъ Лорія, если-бы въ своихъ изслѣдованіяхъ знаменитый падуанскій профессоръ не увлекся желаніемъ отыскать аналогію между овладѣніемъ землею у американскихъ колонизаторовъ и тѣмъ, которое происходило въ эпоху переселеній германскихъ народовъ. Если первые колонисты, прибывшіе въ Новый Свѣтъ изъ Европы, захватывали полныя права владѣнія землею, то это только потому, что они рѣшительно старались не признавать прежнихъ земельныхъ правъ мѣстнаго населенія. Въ періодъ германскихъ переселеній дѣло происходило совершенно иначе: германцы основывались на мѣстахъ, уже занятыхъ славянскими, римскими или кельтскими поселеніями и на нихъ всегда и всюду смотрѣли, какъ на гостей тѣхъ племенъ, которыя овладѣли землею раньше. Имъ обыкновенно уступали часть культурныхъ полей, пастбищъ и лѣсовъ, но такимъ образомъ, что ни одинъ изъ прежнихъ владѣльцевъ не лишился вполне своей собственности.

Лорія приводитъ тѣмъ не менѣе нѣсколько вполне истинныхъ данныхъ и выводовъ. Онъ вполне правильно подмѣтилъ, что обѣ формы принудительнаго труда, именно рабство и крѣпостничество исчезли въ то же время, какъ и послѣдніе остатки незанятыхъ и свободныхъ отъ культуры земель, но оба эти явленія отнюдь не находятся между собою въ причинной связи; они только обладаютъ общимъ генезисомъ, обусловленнымъ ростомъ народонаселенія. Увеличеніе густоты народонаселенія требуетъ болѣе полнаго, почти безусловнаго владѣнія землею, равно какъ и болѣе интенсивной работы, возможной только при условіи все большаго и большаго освобожденія труда.

Моя теорія, выдвигающая на первое мѣсто вліяніе въ экономической эволюціи увеличенія числа жителей, можетъ и должна быть

принята только при условии доставить доказательства своей жизненности и справедливости. Она это может сделать, давши научное объяснение различных явлений, подготовивших современный экономический строй и характеризующих его.

Много раз различными авторами устанавливался и обосновывался тот общеизвестный факт, что народы, живущие охотой и рыбной ловлей, не могут обойтись без значительных пространств земли. Они могут придерживаться своего образа жизни только до тех пор, пока соседняя страна остается для них открытой. Всякое увеличение народонаселения соседних стран производит тот же результат, что и увеличение народонаселения в среде самой охотничьей трибы. Их экскурсий в соседние страны должны прекратиться, развѣ только они попробуют обратиться къ сплѣ и по праву побѣдителей заставить соседей уступить имъ свою страну. Во всякомъ случаѣ увеличение народонаселения играетъ могущественную разлагающую роль въ средѣ тѣхъ первобытныхъ обществъ, которыя не знали другихъ средствъ существованія, кромѣ дикихъ животныхъ или морскихъ, рѣчныхъ и озерныхъ обитателей. Приручение животныхъ и закрѣпощеніе военно-плѣнныхъ составляютъ въ такомъ случаѣ единственное средство избѣгнуть голодной смерти и создать себѣ сносное существованіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда пограничными соседями являются трибы, одинаково воинственныя.

Прежде чѣмъ первобытные охотники переживутъ естественный переходъ въ пастушеское состояніе, среди нихъ начинается организоваться институтъ частной собственности, но не на землю и ея продукты, съ которыми они еще не знаютъ что дѣлать, но на оружіе и одежду, вначалѣ весьма несовершенныя. Недвижимой собственности они еще не знаютъ и вслѣдствіе этого зачаточныя формы производства, наблюдающіяся въ ихъ жизни, носятъ совершенно особый характеръ. Иногда производство принимаетъ коммунистическую форму, напр. въ охотѣ на крупныхъ животныхъ, въ которой принимаютъ участіе члены одной народной группы, сошедшей изъ различныхъ мѣстъ. Продуктъ этихъ общественныхъ предпріятій дѣлится только въ рѣдкихъ случаяхъ; въ большинствѣ же случаевъ мясо убитыхъ животныхъ съѣдается на мѣстѣ всѣми участниками. Для дѣлежа откладывается только то, что можетъ сохраняться болѣе или менѣе долгое время: жиръ, кожи, рога. Самые разнообразныя обычаи регулируютъ способъ производства дѣлежа, такъ что, напр. рога достаются тому изъ участниковъ, чья стрѣла первая попала въ сердце убитаго звѣря, а всѣ другіе предметы дѣлежа распределяются между остальными участниками, сообразно участію каждаго въ работѣ и т. под.

И такъ, коллективный трудъ, потребление сообща и распредѣленіе нѣкоторыхъ результатовъ труда на доли, неравной величины— вотъ принципы, регулирующіе экономическій строй охотничьихъ народовъ и отличающіеся въ значительной мѣрѣ отъ принциповъ пастушескихъ народовъ.

Всѣ они происходятъ отъ одной и той же причины—большого

протяженія поверхности, населенной данной охотничьей трибой, а, слѣдовательно, незначительной густоты населенія.

По мѣрѣ увеличенія густоты населенія происходитъ переходъ въ новую фазу экономического развитія, характеризующуюся прирученіемъ и воспитаніемъ животныхъ. Скотоводство требуетъ менѣе обширной площади земли, чѣмъ охота, но зато болѣе безопасной отъ вторженія сосѣдей. Чтобы обезопасить свои пастбища отъ всякихъ посягательствъ сосѣдей, пастушескимъ народамъ приходится защищать свои границы военной силой. Какъ только ихъ стада становятся слишкомъ многочисленными, точно такъ же какъ и въ случаѣ недостатка дождей или сильныхъ холодовъ, губящихъ траву, пастушескіе народы покидаютъ свои становища и занимаютъ зеленѣющія вершины горъ или лѣса, почти всегда въ этомъ періодѣ остающіеся въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ племенъ. Кто не находитъ пастбищъ въ достаточномъ количествѣ, тотъ обращается къ сосѣдямъ и силой или какими либо другими способами заставляеть ихъ принять часть скота на выкормъ. На Кавказѣ, еще въ недавнее время, габардинцы съ равнины употребляли такой образъ дѣйствія по отношенію къ горцамъ, татарскаго происхожденія (извѣстныхъ подъ именемъ балкарцевъ). Политическая зависимость этихъ послѣднихъ отъ первыхъ обуславливается такимъ образомъ чисто экономическими причинами.

То же явленіе наблюдается въ отношеніяхъ между нѣсколькими племенами, населяющими Кахетію. Только въ этомъ случаѣ политическая независимость потеряна жителями долины къ выгодѣ горцевъ. Весьма вѣроятно, что много фактовъ древней исторіи, какъ напр. вторженіе гиксовъ въ Египетъ объясняется тѣми-же причинами, т. е. недостаточностью пастбищъ и лежащимъ въ ея основаніи увеличеніемъ населенія и стадъ. Въ условіяхъ существованія ирландскихъ кельтовъ легко найти также яркій и убѣдительный примѣръ весьма сложныхъ отношеній, создавшихся на почвѣ недостатка пастбищъ и богатства въ скотѣ, съ одной стороны, и богатства въ пастбищахъ и недостатка въ скотѣ, — съ другой. Въ большинствѣ аналогичныхъ отношеній можно видѣть воспроизведеніе въ большихъ и нѣсколько удаленныхъ размѣрахъ того добровольнаго рабства, ярмо котораго согласился надѣть на себя ветхозавѣтный Іаковъ по отношенію къ Лавану. Читатель, конечно, помнитъ, что имъ руководили при этомъ экономическіе расчеты, весьма естественные въ пастушеской средѣ.

Подобно Іакову, пастушескіе народы очень часто видѣли себя въ концѣ концовъ принужденными къ установленію — я не скажу рабства — но особыхъ отношеній зависимости между отдѣльными кланами и цѣлыми народами.

Попытаемся теперь подвести нѣкоторые итоги тѣмъ разрозненнымъ чертамъ первобытнаго существованія, которыя мы только что привели и которыя такъ необычайны для насъ.

Частной земельной собственности въ это время еще не имѣется ни малѣйшаго слѣда, и вся почвенная поверхность принадлежитъ народу, клану или патриархальной семьѣ, вообще тѣмъ общественнымъ

единицамъ, которыя «Комментаріи» Цезаря именуютъ: «*consanguinitates hominum, qui una caierunt*». Рабы и домашній скотъ также пока не являются объектомъ частной собственности. И то, и другое принадлежить семейству, дому, иногда даже совокупности семейныхъ очаговъ, образующихъ вмѣстѣ одинъ кланъ или одну трибу. Нѣсколько иначе обстоитъ вопросъ по отношенію къ продуктамъ скотоводства напр. къ шерсти, которая можетъ составить предметъ частной собственности, ограниченной, однако, предѣлами личной нужды.

Вообще въ этой области пастушескіе народы на первый взглядъ едва отличаются отъ охотничьихъ народовъ. Но при болѣе внимательномъ анализѣ можно подмѣтить существенную разницу. Вотъ въ чемъ она состоитъ. Занятіе скотоводствомъ гораздо болѣе нежели занятіе охотой способно создать богатства и установить между различными кланами и семьями цѣлую лѣстницу ступеней различной обеспеченности. Наиболѣе обеспеченные не преминутъ воспользоваться своимъ богатствомъ, какъ средствомъ возложить на менѣ обеспеченныхъ заботы о благоденствіи болѣе богатаго, а слѣдовательно и болѣе могущественнаго клана. Правда, эти принудительныя отношенія еще значительно отличаются отъ крѣпостническаго и рабскаго труда, такъ какъ производительный трудъ вообще пользуется реальнымъ почетомъ и уваженіемъ въ этой средѣ и въ эту эпоху.

Переходъ чисто пастушескаго быта въ земледѣльческій совершается весьма медленно и постепенно, точно такъ же, какъ и предыдущій. Занятіе скотоводствомъ не требуетъ въ качествѣ необходимаго условія прекращенія занятій рыболовствомъ или охотой. Эти послѣднія только мало по малу занимаютъ второстепенное и даже третъестепенное мѣсто. Нѣчто аналогичное замѣчается и при переходѣ пастушескаго быта въ земледѣльческій. Еще задолго до его окончательнаго совершенія пастухи могутъ собирать зерна дико растущаго ячменя, ржи, овса, маиса и риса. При открытіи Нового Свѣта испанцы видѣли, что краснокожіе употребляютъ для куренія табачные листья, но ничто не доказываетъ, чтобы они занимались искусственной культурой табака.

Подобное проникновеніе одного быта въ другой имѣло мѣсто въ исторіи почти повсюду. Юлій Цезарь констатируетъ его у одного изъ германскихъ народовъ, который онъ называетъ свевами. У этихъ послѣднихъ типъ быта далеко не отличался чистотой и опредѣленностью: половина свевовъ занималась земледѣліемъ, другая охотой и войной. Ежегодно обѣ половины мѣнялись занятіями: земледѣльцы обращались въ воиновъ и охотниковъ и наоборотъ. Этнографія доставляетъ намъ много подобныхъ же примѣровъ народовъ, у которыхъ женщины занимаются земледѣліемъ, а мужчины остаются охотниками, пастухами и воинами. На Кавказѣ еще въ самое недавнее время черкесы и сванеты возлагали на своихъ женъ заботы о земледѣліи, а сами ограничивались охотой и наблюденіемъ за стадами.

Побуждающимъ мотивомъ къ переходу пастушескихъ народовъ къ преимущественному занятію земледѣліемъ является обыкновенно

увеличеніе числа жителей въ мѣстности, занимаемой пастухами. Это увеличеніе представляетъ значительную преграду для частыхъ переселеній, необходимыхъ при пастушескомъ образѣ жизни и обуславливаетъ замѣну преобладающаго до сихъ поръ кочевого элемента осѣдлымъ! Разумѣется, эта замѣна происходитъ не внезапно, а незамѣтными переходами. Земледѣльческія занятія отличаются первое время особенной чертой, состоящей въ томъ, что поля обрабатываются всегда въ течение нѣсколькихъ лѣтъ, затѣмъ забрасываются, а распахивъ подвергаются другія поля, еще дѣвственные и обѣщавшія болѣе обильный урожай. Нѣмецкій терминъ *Feldlgrosswirthschaft* и русскій «подѣльное хозяйство» до нѣкоторой степени опредѣляютъ указанную нами характерную черту первобытнаго земледѣлія, зачастую прибѣгающаго, кромѣ переселеній, еще и къ уничтоженію лѣсовъ посредствомъ огня. Американскіе колонисты практиковали оба эти способа въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ. Въ Сибири лѣсные пожары и переселенія съ истощенной почвы на дѣвственную еще и до сихъ поръ практикуются во многихъ мѣстахъ. Говоря о древнихъ германцахъ, Тацитъ передаетъ, что они изъ года въ годъ переходили съ однихъ полей на другія—«*mutando arva per annos*»,—употребляя такимъ образомъ тотъ приемъ, который былъ въ ходу у всѣхъ первобытныхъ народовъ, переходившихъ отъ скотоводства къ земледѣлію.

Но достаточно, чтобы численность народонаселенія въ данной мѣстности увеличилась на столько, чтобы мѣшать періодическимъ переселеніямъ, и въ условіяхъ существованія тотчасъ-же должно произойти радикальное измѣненіе.

Увеличеніе народонаселенія естественно прекращаетъ возможность занимать какое угодно количество земли и притомъ гдѣ угодно. Весь народъ возстаетъ противъ захватовъ все новой и новой земли, такъ какъ это наноситъ ущербъ большинству его членовъ. Тогда наступаетъ періодъ воздѣлыванія земли общиннымъ образомъ и притомъ такъ, что большая часть земель отдыхаетъ въ то время, когда остальное пространство засѣвается. Это уже наступаетъ періодъ того аграрнаго коммунизма, который этнографы и историки констатируютъ въ прошедшемъ или въ настоящемъ самыхъ различныхъ народовъ, начиная съ краснокожихъ и среди нихъ, въ особенности, аптековъ и инковъ, затѣмъ у кельтовъ Ирландіи и Галліи, у германцевъ, временъ Цезаря и Тацита, у малайскихъ народностей, населяющихъ островъ Яву, у нѣкоторыхъ арійскихъ и туранскихъ трибъ Индіи, у древнихъ китайцевъ и кончая столь извѣстнымъ примѣромъ русской общины или русскаго міра, который отличается болѣе сложной конструкціей и недавнимъ происхожденіемъ.

При началѣ земледѣльческаго періода частная земельная собственность бываетъ въ видѣ общаго правила ограничена опредѣленнымъ, обыкновенно очень короткимъ, періодомъ времени. Собственно говоря, частной собственности не существуетъ, и владѣть землею можетъ лишь семья. Цезарь категорически говоритъ о свехахъ: «*sed privati ac separati agri apud eos nihil est*». Въ этомъ обычай древ-

нихъ германцевъ вполне аналогичны тѣмъ, которые регулируютъ отношенія къ землѣ большинства русскихъ крестьянъ *).

Земля представляла собою не только коллективную собственность, но даже ея обработка производилась общиною. Въ древнемъ Перу крестьяне, распределенные на отряды по двѣнадцати человѣкъ, работали надъ общей землею подъ руководствомъ выбраннаго изъ своей среды лица. Точно также сообща они засѣвали поля, начиная съ тѣхъ, продукты которыхъ предназначались царю, и кончая тѣми, которые должны были служить ихъ собственнымъ нуждамъ. Сборъ хлѣбовъ производился подобнымъ же образомъ, но при этомъ каждый имѣлъ право получить только продукты, собранные на его клочкѣ **). Русскіе крестьяне до сихъ поръ сохраняютъ еще одну черту общиннаго труда, обрабатывая сообща поля, продуктъ съ которыхъ долженъ послужить для наполненія общественныхъ магазиновъ. Эти земли извѣстны въ Россіи подъ названіемъ: «мірскія запашки».

Еще одинъ пережитокъ древняго общиннаго строя, примѣняемый въ производствѣ земледѣльческаго продукта, заключается въ *soi-disant*, добровольной взаимной помощи членовъ одной и той же земельной общины во время жатвы. Въ Россіи она извѣстна подъ названіемъ «общественныя помочи». Ихъ существованіе тѣмъ болѣе любопытно отмѣтить, что въ среднихъ вѣкахъ мы ихъ находимъ примѣняемыми подъ различными названіями у самыхъ различныхъ народовъ, въ отношеніяхъ между крестьянами и ихъ феодаломъ, котораго обычай заставлялъ угощать своихъ помощниковъ ***).

Но если земледѣльческій бытъ и обходится въ теченіе нѣкотораго времени безъ института частной земельной собственности, то даже въ первые моменты своей жизни онъ обнаруживаетъ за то ясную тенденцію къ апроприаціи человѣческаго труда. Въ эпоху развитія земледѣльческаго быта замѣчается интенсивный ростъ рабства и крѣпостничества въ средѣ земледѣльческихъ народовъ. Мы находимъ рабство даже у такихъ народовъ, которые, какъ напр. арійцы Пенджаба владѣли землею на общинныхъ началахъ ****).

Я не нахожу основательнымъ мнѣніе авторовъ, отрицавшихъ существованіе института коллективной собственности у древнихъ германцевъ только на томъ основаніи, что послѣдніе, по словамъ Тацита, имѣли рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Въдѣ общинный порядокъ не помѣшалъ славянамъ въ полной мѣрѣ извѣдать всѣ ужасы рабства и крѣпостничества. Исторія гласитъ даже, что и у германцевъ и у славянъ въ число невольныхъ рабочихъ попадали зачастую людсвободнаго происхожденія. Нуждаясь въ рабочемъ скотѣ для обработки полей, эти послѣдніе мнѣняли свою независимость на возможность хотя въ будущемъ обладать нужнымъ живымъ инвентаремъ

*) Heinrich Cunow. Die Soziale Verfassung des Inkareichs; Stuttgart 1698.

**) Ibid, стр. 70.

***) Vinogradov, Villenage in England, и Geschichte der Frohnhöfe Маурера.

****) Tuper, Pundjab customary law.

Ихъ рабство было временнымъ и продолжалось до тѣхъ поръ, пока необходимое число воловъ для плуга оказывалось заработаннымъ *).

Эволюція рабства на Руси особенно поучительна въ этомъ отношеніи, такъ какъ она до очевидности ясно доказываетъ недостаточность теоріи, по которой рабство зародилось единственно изъ пораженія во время войны и подтверждаетъ, что генезисъ рабства отмѣченъ главнымъ образомъ экономическими причинами. Рядомъ съ настоящимъ рабомъ—холопомъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ, мы видимъ въ Россіи свободнаго человѣка, временно отдающагося въ рабство, въ надеждѣ заработать необходимое количество скота, и земледѣльца, обремененнаго долгами (*серебренникъ*, *серебро*—взятыя въ долгъ деньги) и не могущаго уплатить ихъ иначе, какъ запродавши свою собственную личность.

Этимъ я закончу обзоръ продолжительной эволюціи, совершившейся, можно сказать, за предѣлами исторіи и во всякомъ случаѣ задолго до того момента, пока кому либо пришло въ голову изучить природу производства и распределенія у народовъ, еще дѣйственно лишенныхъ инстинкта собственности и накопленія богатствъ.

Тѣ, кто подобно Brentano, называютъ только что очерченный нами періодъ именемъ: *Haus* или *Familienwirtschaft*—говорять противъ фактовъ, такъ какъ и въ этомъ періодѣ производство—потребленіе принадлежитъ собственно не обособленной семьѣ, а ордѣ, клану или трибѣ. Это подтверждается показаніями этнографовъ, и извѣстный мюнхенскій профессоръ совершенно напрасно атакуетъ ихъ, рискуя при этомъ обнаружить недостаточность своей социологической начитанности. Даже не придерживаясь никакой теоріи и довольствуясь только данными сдѣланнаго мною анализа, все же придется признать, что терминомъ «*Haus* или *Familienwirtschaft*» нельзя обозначить періодъ, въ который семья, въ качествѣ строго опредѣленной совокупности родичей, не играла замѣтной роли. Поэтому мнѣ кажется болѣе соответствующимъ истинному положенію вещей ассоціировать первобытную фазу экономической эволюціи съ идеей орды, трибы или клана и, употребляя нѣмецкій терминъ, назвать ее: «*Geschlechtsverfassung der Wirtschaft*».

II.

Исторія экономической литературы признаетъ нѣсколько экономическихъ строевъ, предшествовавшихъ нашему. Среди нихъ чаще всего различаютъ слѣдующіе три періода: эпоху натурального хозяйства, эпоху денежнаго хозяйства и эпоху хозяйства на кредитѣ (*Naturalwirtschaft*, *Geldwirtschaft* и *Creditwirtschaft*). Главное возраженіе, которое можно сдѣлать этому раздѣленію исторіи на три періода, заключается въ отсутствіи замѣтнаго и опредѣленнаго различія между двумя послѣдними эпохами. Разумѣется, безспорно, что кредитъ, неизвѣстный въ томъ историческомъ періодѣ,

*) См. многочисленные комментаріи Русской Правды:

когда производство служило интересамъ немедленнаго потребленія, представляет собою образованіе, сравнительно поздняго времени. Но тѣмъ не менѣ существуютъ факты, доказывающіе, что даже у столь отсталыхъ народовъ, какъ русскіе XI столѣтія и современные кавказскіе осетины, существовали и существуютъ финансовыя операціи, основанныя на вѣрѣ. Предметомъ, отдаваемымъ въ долгъ на одинъ годъ или нѣсколько лѣтъ, служить скотъ, проценты на который составляетъ естественный приплодъ скота за данный періодъ времени. Такъ какъ корова, напр., можетъ телиться ежегодно, то поэтому осетинскій обычай устанавливаетъ, что лицо, взявшее корову въ долгъ, обязано возвратить ее, черезъ годъ,—съ однимъ теленкомъ, а черезъ два года—съ другой взрослой коровой, такъ какъ теленокъ вырастаетъ почти вполнѣ въ одинъ годъ. Такимъ образомъ капиталокъ удваивается въ теченіе двухъ лѣтъ, что составляетъ 50%. Осетины, исходя изъ того же самаго расчета, примѣняютъ его въ настоящее время и къ деньгамъ, считая вполнѣ законнымъ требованіе кредитора, чтобы должникъ уплатилъ ему въ концѣ года половину взятой суммы въ качествѣ процентовъ. То же самое явленіе не чуждо и другихъ народовъ. Древній кодексъ индусовъ признавалъ за кредиторомъ право на приплодъ отданныхъ въ долгъ рабынь и скота. Древній русскій законъ (Русская Правда Ярослава XI стол.), говоря о займѣ, вычисляетъ проценты также, повидимому, на томъ же основаніи, такъ какъ величина ихъ можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что проценты на деньги вычислялись по аналогіи съ осетинскими вычисленіями процентовъ на скотъ *).

Во всѣхъ древнихъ законодательствахъ можно найти намеки не только на простые, но и на сложные проценты. Случай рабства, подъ которое попадали въ древней Греціи и Римѣ бѣдные классы населенія, за долги, заключенные у эвпатридовъ и патриціевъ, являлись бы необъяснимыми, если бы кредиторы довольствовались полученіемъ простыхъ процентовъ. Въ участія сложныхъ процентовъ нельзя было бы объяснить факта, указываемаго древними кодексами индусовъ, именно, что за время жизни должника сумма, взятая въ долгъ, можетъ увеличиться наросшими процентами въ восемь разъ (Vichnou, VI, 14). Высчитываніе сложныхъ процентовъ — настолько трудное и сложное ариѳметическое дѣйствіе, что его трудно было бы предположить въ эту отдаленную эпоху, и надо полагать, что древніе кредиторы пользовались конкретнымъ примѣромъ геометрически прогрессивнаго умноженія скота. Кавказскіе горцы, татарскаго происхожденія, извѣстные подъ именемъ Кара-чай и населяющіе мѣстность, нѣкогда занимавшуюся осетинами, и до нашихъ дней производятъ вычисленіе сложныхъ процентовъ, основываясь на естественномъ размноженіи коровъ **).

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что кредитъ въ его

*) См. Ковалевскій, — Современный обычай и древній законъ, стр. 140.

**) Ibid. стр. 141.

первоначальной формѣ, сталъ извѣстенъ, лишь только наступилъ періодъ обмѣна и производство продуктовъ для продажи.

Съ другой стороны, противъ выдѣленія особеннаго періода кредита (принимаемаго какъ извѣстно Бруно Гильдебрандомъ) можно возразить, что хотя дѣйствительно, съ расширеніемъ всемірнаго обмѣна, кредитъ беретъ явный верхъ надъ денежной уплатой, но нельзя представить себѣ положенія, при которомъ деньги сдѣлались бы рѣшительно лишними. Слѣдовательно, третій періодъ, указанный Гильдебрандомъ, обоснованъ не въ достаточной степени солидно: при своемъ зарожденіи, онъ проникается денежнымъ хозяйствомъ, а его будущій триумфъ не произнесетъ смертельнаго приговора современному періоду денежнаго хозяйства.

Я полагаю, что три періода исторіи экономическихъ отношеній, намѣченные Гильдебрандомъ, можно свести къ двумъ, причемъ первый періодъ будетъ характеризоваться производствомъ для немедленнаго потребленія (Гильдебрандъ опредѣляетъ его терминомъ: натуральное хозяйство), а второй—производствомъ мѣнновыхъ цѣнностей для все болѣе и болѣе расширяющагося рынка.

Терминологія Гильдебранда мнѣ совсѣмъ не нравится. Терминъ: *натуральное хозяйство*, на мой взглядъ, вовсе не обрисовываетъ характерныхъ чертъ хозяйства, имѣющаго цѣлью немедленное потребленіе. Съ другой стороны, не деньги, не кредитъ, а обмѣнъ образуетъ отличительную, бросающуюся въ глаза, черту современнаго экономического строя. Мнѣ кажется поэтому, что было бы гораздо правильнѣе и удобнѣе употреблять термины: *хозяйство для немедленнаго потребленія и хозяйство для обмѣна*, при опредѣленіи двухъ великихъ періодовъ, образованныхъ до сихъ поръ экономической эволюціей. Замѣчу кстати, что терминъ хозяйство употребляется здѣсь въ смыслѣ экономического строя.

«Хозяйство для немедленнаго потребленія» далеко не имѣетъ смысла «домашняго хозяйства», такъ какъ оно можетъ вестись всякой отдѣльной трибой, ордой, деревней или городской корпораціей. Я имѣлъ уже случай обрисовать нѣсколькими штрихами хозяйство для немедленнаго потребленія, производимое деревней или трибой. Объ аналогичномъ хозяйствѣ, функционировавшемъ среди городскихъ корпорацій и вообще въ городахъ, я еще поговорю нѣсколько позже. Сейчасъ является необходимость опредѣлить отличие моей доктрины отъ теорій, пропагандируемой съ недавняго времени нѣсколькими нѣмецкими учеными и особенно Бюхеромъ. На стр. 15 его книги «происхожденіе народнаго хозяйства» можно найти раздѣленіе экономической исторіи на слѣдующіе три періода:

1) *Періодъ хозяйства домашняго очага* (Hauswirtschaft) т. е. хозяйства, потребляющаго продукты своего собственнаго производства, не прибѣгая къ обмѣну.

2) *Періодъ городского хозяйства*, когда обмѣнъ ограниченъ болѣе или менѣе узкимъ кругомъ постоянныхъ покупателей, потребляющихъ купленные продукты, не уступая ихъ никому другому, т. е.

когда продукты переходят непосредственно отъ производителей къ потребителямъ.

3) *Періодъ національной экономіи*, когда на первое мѣсто выступаетъ производство товаровъ для широкой циркуляціи, т. е. когда одинъ и тотъ же продуктъ проходитъ цѣлую цѣпь хозяйствъ, прежде чѣмъ сдѣлаться предметомъ потребления *). Такимъ образомъ Бюхеръ, раньше національнаго хозяйства, признаетъ только хозяйство отдѣльной первобытной семьи или группы. Какъ поступаетъ онъ съ хозяйствомъ трибы, деревни, клана или хозяйствомъ феодальнаго владѣльца? Въ его сочиненіи я не нахожу отвѣта на этотъ вопросъ и не вижу, чтобы имъ были указаны промежуточные стадіи между хозяйствомъ домашняго очага и городскимъ хозяйствомъ.

Это является тѣмъ болѣе неудобнымъ, что исторія доказываетъ возможность одновременнаго сосуществованія домашняго хозяйства, хозяйства деревни или трибы и городского хозяйства. Эти различные виды хозяйствъ представляютъ собою въ такихъ случаяхъ отдѣльные органы производства — потребления, охватывающаго значительное число жителей данной мѣстности. Хозяйство домашняго очага остается долгое время неподвижнымъ или вѣрнѣе предѣлы его суживаются при переходѣ отъ обширной патриархальной семьи къ семьѣ болѣе позднихъ образованій; въ то же время кругъ, въ области котораго происходитъ потребление продуктовъ, напротивъ, съ теченіемъ времени расширяется и переходитъ отъ клана, состоящаго изъ нѣсколькихъ родственныхъ семей, къ цѣлой деревнѣ, связанной только сосѣдскими отношеніями и, наконецъ, къ нѣсколькимъ поселеніямъ, подчиняющимся власти одного феодальнаго владѣльца. Черезъ нѣкоторый періодъ времени, нѣсколько феодальныхъ имѣній или независимыхъ деревень могутъ образовать городъ, и это можетъ повториться въ нѣсколькихъ мѣстахъ страны. Отсюда остается уже всего одинъ шагъ до организаціи той національной экономіи, о которой говоритъ Бюхеръ, такъ какъ среди нѣсколькихъ городовъ и деревень, непоглощенныхъ городомъ, можетъ организоваться взаимный обмѣнъ.

Уничтоживши всѣ промежуточные стадіи между экономіей домашняго очага и экономіей города, извѣстный лейпцигскій профессоръ не только принялъ ошибочную отправную точку при своемъ объясненіи экономической эволюціи, но и вдвинулъ всю экономію древнихъ въ одну изъ двухъ категорій, предшествующихъ, по его теоріи, періоду національной экономіи. По его произволу хозяйство феодальнаго владѣнія и хозяйство деревенской общины, эти двѣ формы, столь характеристичныя для среднихъ вѣковъ, появляются у него подъ маской «хозяйства домашняго очага» или «городскаго хозяйства». Это ошибочное воззрѣніе опровергнуто на франкфуртскомъ конгрессѣ нѣмецкихъ историковъ въ блестящей рѣчи Эдуарда Мейера, доказавшаго, что обмѣнъ былъ извѣстенъ и въ древности и что потребление выходило далеко за предѣлы ограниченнаго круга производителей. По его словамъ, Родбертусъ былъ первымъ авторитетомъ, оши-

*) Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft, стр. 15.

бочно полагавшимъ, будто хозяйство древнихъ было изолпрованнымъ (*eine oiken oder autonome Wirthschaft*), довольствовавшимся самимъ собою. Такое представленіе объ античной жизни настолько противорѣчило всѣмъ установленнымъ историческимъ знаніямъ объ ней, что историки Греціи и Рима отрицали за нимъ всякое значеніе. Далекъ не такъ отнеслись къ обобщенію Родбертуса—экономисты. Оно встрѣтило прежде всего страстнаго защитника въ лицѣ профессора Карла Бюхера, предположившаго даже, что національная экономія родилась только одновременно съ современнымъ государствомъ *). Періодъ хозяйства, не знавшаго обмѣна, тянулся по его мнѣнію съ момента рожденія человечества вплоть до среднихъ вѣковъ, такъ что вся античная древность цѣлкомъ входила въ этотъ періодъ.

Э. Мейеръ безъ труда установилъ, что картина экономіи древнихъ, нарисованная Родбертусомъ и вслѣдъ за нимъ Бюхеромъ, самымъ недостаточнымъ образомъ обрисовываетъ разнообразіе хозяйственныхъ строевъ древности и ихъ продолжительную естественную эволюцію по направленію къ современному экономическому режиму, основанному на обмѣнѣ. И Родбертусъ, и Бюхеръ представляютъ, какъ извѣстно, античное хозяйство основаннымъ исключительно на принудительномъ трудѣ и примѣняютъ ко всей древности извѣстное изреченіе Петронія и Варрона о бесполезности купли - продажи и о необходимости производить все нужное въ стѣнахъ своего собственнаго дома (*omnia domi nascuntur*). Все, что Фукидидъ рассказываетъ о свободныхъ египетскихъ крестьянахъ, обрабатывавшихъ свои собственные земли, равно какъ и всѣ безспорные историческіе документы, говорящіе о широко развитой торговлѣ египетскихъ фараоновъ, все это остается за предѣлами картины, нарисованной Родбертусомъ и Бюхеромъ. Точно такая же судьба постигаетъ ассирійцевъ, персовъ, финикянъ, евреевъ, карагенянъ, греческихъ колонистовъ въ Малой Азіи, обитателей Коринѳа, Лакедемона и Аттики. Картина, нарисованная Родбертусомъ и принятая серьезно Бюхеромъ, гораздо правильнѣе рисуетъ не античный хозяйственный строй, а эпоху упадка Римской имперіи, когда стали образовываться огромныя частно-владѣльческія имѣнія (*massal*), которыя дѣйствительно до нѣкоторой степени уничтожили свободу труда; но даже и въ то время можно было найти остатки общинъ свободныхъ крестьянъ, какъ это показали Schulten въ своей книгѣ: «*Communautés rurales dans l'Empire romain*».

Потребленіе данной мѣстности могло ограничиваться производствомъ той же мѣстности только въ эпоху широкаго развитія латифундій, обрабатывавшихся трудомъ рабовъ и колонистовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, такъ какъ всѣ окрестныя латифундіи, производя одни и тѣ же продукты, не могли предложить другъ другу ничего для взаимнаго обмѣна. Однако, и тутъ возможны были исключенія, именно когда латифундіи находились вблизи такихъ крупныхъ и на-

*) Eduard Meyer, Die wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums Iena 1895, стр. 2.

селенныхъ центровъ, какъ Римъ, которые, разумѣется, доставляли материалъ для обмѣна.

Я не буду дольше настаивать на очевидности ошибки у Бюхера и ограничусь указаніемъ только того факта, что классификація, принятая послѣднимъ, не позволяетъ слѣдить за прогрессомъ и регрессомъ (я употребляю здѣсь термины, пущенные въ ходъ Греефомъ) экономического строя у народовъ древности.

То же самое я повторю и по отношенію къ среднимъ вѣкамъ. Мнѣ уже часто случалось доказывать ложность теоріи, по которой въ средніе вѣка будто бы существовали всего двѣ формы хозяйства: «хозяйство въ стѣнахъ города» и «хозяйство домашняго очага». По этой теоріи выходитъ, будто бы средніе вѣка не знали производства мѣновыхъ цѣнностей и циркуляціи богатствъ. Между тѣмъ, въ тѣ же средніе вѣка процвѣтали международныя ярмарки и совершались грандіозныя коммерческія операціи генуэзцевъ, каталонцевъ, фламандцевъ, жителей дивной Венеціи и т. д. Какъ, наконецъ, согласовать эту доктрину съ существованіемъ въ средніе вѣка многочисленныхъ кредитныхъ учрежденій и фактомъ международныхъ займовъ, наиболее яркій примѣръ которыхъ составляетъ до сихъ поръ неуплаченный долгъ англійскаго короля Эдуарда III—флорентійскому дому Перуцци?

Съ своей стороны, я не нахожу возможнымъ установить точную хронологическую дату перехода «хозяйства для потребленія» въ «хозяйство для обмѣна», и довольствуюсь установленіемъ колеблющейся незамѣтной границы, которую разные народы могли переходить на разстояніи сотенъ и даже тысячъ лѣтъ. Такой взглядъ согласуется, какъ нельзя лучше, съ моей общей теоріей, усматривающей въ увеличеніи народонаселенія прямой факторъ эволюціи экономического строя.

Выгоды моей классификаціи заключаются прежде всего въ извѣстномъ порядкѣ, позволяющемъ шагъ за шагомъ прослѣдить общее развитіе экономического строя, по мѣрѣ того какъ государство растворяло въ своемъ организмѣ всѣ прежнія хозяйственныя единицы: независимое домашнее хозяйство, хозяйство клана, деревни, феодальнаго имѣнія, города, которыя, то по одиночкѣ, то сообща, долгое время препятствовали восторжествовать современному государству. Затѣмъ моя теорія даетъ возможность искать зачатки различныхъ элементовъ, изъ которыхъ составляется современное національное хозяйство въ эпохѣ, предшествовавшей организаціи регулярнаго обмѣна между производителями одного или нѣсколькихъ государствъ.

Слѣдуя моей теоріи, нѣтъ надобности насиловать исторію, какъ это, напр., дѣлаетъ Лоріа, предполагающій, что рента и заработная плата могли установиться только послѣ того, какъ вся земля, въ данной мѣстности оказалась занятой; по его же мнѣнію, рабство и крѣпостничество представляютъ собою единственный режимъ, способный удержать рабочихъ отъ массовой эмиграціи на свободныя земли, чтобы такимъ образомъ силой положить конецъ феодальному строю. Съ моей точки зрѣнія, не существуетъ никакихъ основаній отрицать,

что рента и заработная плата могли появиться въ эпоху феодализма и «хозяйства для немедленнаго потребленія», такъ какъ съ увеличеніемъ народонаселенія легко могла зародиться потребность въ свободномъ трудѣ, вмѣсто мало продуктивнаго и дорого стоящаго рабскаго труда.

Земельный владѣлецъ могъ, пожалуй, найти выгоду въ освобожденіи рабовъ безъ земли, съ цѣлью давать имъ впослѣдствіи эту же самую землю въ вѣчную или временную аренду. Если случайно или благодаря освобожденію число крѣпостныхъ и рабовъ дѣлалось меньше необходимаго, то феодальному владѣльцу поневолѣ приходилось прибѣгать къ свободному труду, сначала урывками и безъ системы, по случаю жатвы и крупныхъ земледѣльческихъ работъ, а затѣмъ и постоянно. Подтверженіе этого можно видѣть въ томъ фактѣ, что законодательство XIII и XIV вѣковъ уже занималось вопросомъ о заработной платѣ. Задолго даже до среднихъ вѣковъ мы находимъ въ Греціи и Римѣ наемъ земель свободными людьми и наемъ свободныхъ рабочихъ владѣльцами.

Заработная плата и рента зародились еще раньше въ городахъ, благодаря тѣмъ случаямъ, когда приходилось вознаграждать свободную работу ремесленниковъ, не принадлежавшихъ къ корпораціямъ. Что касается ренты, то въ томъ смыслѣ, какой ей придаетъ Рикардо, т. е. въ смыслѣ вознагражденія владѣльца за качества почвы, вознагражденія, которое увеличивается только по мѣрѣ того, какъ культура распространяется на худшія земли, то она дѣйствительно можетъ родиться только въ моментъ замѣны вѣчной аренды арендой на срокъ. Подобный переходъ одной формы аренды въ другую былъ яснымъ послѣдствіемъ увеличенія народонаселенія и обусловленнаго послѣднимъ повышенія земельныхъ цѣнъ: владѣльцу въ своихъ собственныхъ интересахъ приходилось заботиться о замѣнѣ вѣчнонаслѣдственной аренды болѣе выгодной краткосрочной.

Заработная плата въ качествѣ вознагражденія труда, высота котораго опредѣляется отчасти спросомъ и предложеніемъ, окончательно установилась только съ момента, когда правительства отказались отъ идеи регулировать максимумъ заработной платы страхомъ разнообразныхъ взысканій. Это произошло сравнительно въ недавнюю эпоху, такъ какъ еще законъ Елизаветы о заработной платѣ исходилъ изъ тѣхъ же идей, которыя въ XIV вѣкѣ внушили рабочее законодательство Эдуарда III и его современниковъ во Франціи, Испаніи и Италіи.

Резюмировать все сказанное въ этой статьѣ можно слѣдующимъ образомъ:

Экономическая эволюція представляетъ, съ моей точки зрѣнія, два главныхъ періода:

- 1) Періодъ хозяйства для немедленнаго потребленія;
- 2) Періодъ хозяйства для обмѣна.

Каждый изъ нихъ подраздѣляется въ свою очередь, при чемъ главнымъ факторомъ, происходящихъ при этомъ измѣненій является, какъ я уже много разъ это повторялъ, увеличеніе народонаселенія.

Благодаря ему человечество перешло от хозяйства орды и трибы къ хозяйству деревни, феодальнаго имѣнія и города, для того чтобы достигнуть въ наши дни стадіи національнаго хозяйства, уже начинающей эволюціонировать въ свою очередь. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать въ недалекомъ будущемъ наступленіе всемірнаго хозяйства, которое навѣрное пойдетъ другими путями, нежели наше.

Народныя чтенія, картины и волшебный фонарь.

Однимъ изъ главныхъ средствъ для внѣшкольнаго образованія народа являются публичныя чтенія съ туманными картинами. Въ послѣдніе годы на это средство обратило серьезное вниманіе земство: оно выписывало цѣлыя коллекціи картинъ и фонарей и разослало ихъ по всѣмъ уѣздамъ, учреждая постоянные или временные, такъ называемые передвижныя, пункты для народныхъ чтеній. Волшебный фонарь странствовалъ изъ одного села въ другое, изъ одного въ третье, собиралъ въ школы и волостныя правленія цѣлыя толпы слушателей, затѣмъ возвращался назадъ. Такимъ образомъ фонарь проникалъ въ самыя глухіе медвѣжьи углы и будилъ мысль.

Большія надежды возлагаются на чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, и эти надежды дѣйствительно могутъ оправдаться, но только не при такой постановкѣ дѣла, въ какой онѣ находятся теперь. На первый взглядъ, пожалуй, и вѣрно, что достаточно прочитать нѣсколько чтеній, показать картины, вотъ дѣло и сдѣлано, польза принесена, удовольствіе доставлено. Но чаще всего читающіе и завѣдующіе чтеніями берутъ отъ волшебнаго фонаря и отъ чтенія самое меньшее, что они даютъ, и не берутъ *всего*, что они могутъ дать, и въ этомъ-то кроется ненормальность постановки дѣла народныхъ чтеній и относительная скудость приносимой ими пользы.

Съ введеніемъ винной монополіи болѣе чѣмъ въ 25-ти губерніяхъ, дѣло народныхъ чтеній расширилось. Въ каждомъ губернскомъ городѣ, въ каждомъ уѣздномъ образовались такъ называемыя попечительства о народной трезвости, состоящія болѣею частью изъ мѣстнаго бюрократическаго элемента, который главной своей дѣятельностью въ борьбѣ съ пьянствомъ считаетъ организацію публичныхъ народныхъ чтеній. Эти либеральныя благожеланія—дѣло хорошее, но только, когда оно правильно поставлено. На дѣлѣ же мы видимъ, что эти попечительства повторяютъ тѣ же ошибки, какія до

спускало земство. Ошибки эти и неправильности заключаются прежде всего въ отсутствіи всякой системы. До начала прошлаго 1897 г. каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для публичныхъ народныхъ чтеній, представлялъ изъ себя лишь нѣсколько, немногимъ больше сотни, брошюръ, очень скучныхъ, малосодержательныхъ, неинтересныхъ, но за то очень тенденціозныхъ, написанныхъ преимущественно по рецепту Постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Только въ прошломъ году каталогъ этотъ значительно расширился, такъ какъ въ него вошли всѣ книги, допущенныя въ ученическія бібліотеки низшихъ школъ. Потомъ Министерство Народнаго Просвѣщенія допустило въ ученическія бібліотеки всѣ книги, разрѣшенныя для публичныхъ народныхъ читаленъ и такимъ образомъ каталогъ для публичныхъ чтеній еще больше расширился. Правда, въ этихъ каталогахъ есть много книгъ, давно вышедшихъ изъ продажи, приобрести которыя теперь почти невозможно, тѣмъ не менѣе матеріала для систематизаціи чтеній достаточно. Несмотря на обиліе у насъ разныхъ просвѣтительныхъ обществъ, несмотря на усилія земствъ, нпкто до сихъ поръ не занялся не только систематизаціей чтеній, но даже основательнымъ просмотромъ ихъ. Всякій беретъ для чтенія, что ему въ данную минуту понравится, какъ говорится «какъ Богъ на душу положитъ», благо есть картинки. И читаются эти десятки однѣхъ и тѣхъ же книжекъ во всѣхъ углахъ земли русской, читаются изъ года въ годъ, и дальше этого никто не идетъ. Сегодня прочтутъ св. Симеона Столпника, завтра про Ивана Царевича и сѣраго волка, послѣзавтра о горѣ Араратъ или святыняхъ города Вильно и т. д. и т. д. Развѣ это нормально? Много ли пользы отъ такой мизерной, чисто случайной программы?

Иное дѣло, когда чтенія эти приведены въ систему. Система въ данномъ случаѣ—это то, чего тщательно стараются избѣгать всѣ, лишь потому, что здѣсь требуются нѣкоторыя усилія, настойчивость и трудъ. Только система можетъ поставить народныя чтенія на серьезную почву, придать имъ образовательное значеніе, а не то игрушечно-казуистическое, какое они имѣютъ теперь. Изъ разрѣшеннаго матеріала можно составить цѣлый рядъ чтеній по какому-нибудь отдѣлу, можно объединить эти чтенія какой-нибудь идеей и дать слушателямъ не обрывки знаній, а развернуть передъ ними цѣлую картину и такимъ образомъ открыть путь къ болѣе широкому знанію. Очень широкой программы, охватывающей всѣ отрасли знаній, такой, въ которой одно цѣплялось бы за другое и, послѣдовательно развиваясь, шло впередъ и впередъ, такой программы, конечно, нельзя выработать въ виду недостаточности разрѣшеннаго матеріала; но все то, что даетъ этотъ матеріалъ, разработать и примѣнить къ дѣлу, было бы вполне возможно.

Мы не будемъ развивать самой программы—это заняло бы слишкомъ много мѣста—ограничимся лишь указаніемъ на необходимость упорядоченія дѣла народныхъ чтеній и на возможность этого упорядоченія.

Такъ какъ народныя чтенія чаще всего сопровождаются показы-

ваніем картинъ для волшебнаго фонаря, то необходимо также упорядочить и подборъ картинъ. Если вы подчинитесь готовымъ подборамъ, составленнымъ разными комиссіями или мастерскими картинъ для волшебнаго фонаря, то можете очутиться въ очень неудобномъ положеніи, такъ какъ будете показывать картины, часто не имѣющія прямого отношенія къ темѣ, а самыхъ главныхъ вы не покажете, потому что ихъ не получите. Вамъ нужны картины напр. къ чтенію о Франціи. Существуютъ на эту тему три книжки: можно взять «О Франціи и французяхъ», изд. Постоян. комисс., можно взять «Французы», составлен. Пуцыковичемъ, наконецъ, можно взять что-нибудь изъ Водовозовой. Запасаетесь вы каталогами мастерскихъ и смотрите, какія есть картины къ этому чтенію. Прежде всего вы приходите въ недоумѣніе, потому что большая часть картинъ относится не къ Франціи, а къ Россіи. Здѣсь есть портретъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича, православный храмъ въ Ниццѣ, Петръ Великій и малолѣтній Людовикъ XV, Въѣздъ Александра I въ Парижъ, высадка французскихъ войскъ въ Крымъ, французская выставка въ Москвѣ, молебствіе въ Парижѣ, чествованіе русской эскадры въ Брестѣ, французская эскадра въ Кронштадтѣ, русскіе въ Тулонѣ и т. д. Есть здѣсь портреты трехъ королей, три картины къ Жаннѣ Д'Аркъ, затѣмъ остальные картины изображаютъ разныя зданія Парижа. И это все. Въ этомъ *икографическомъ* чтеніи нѣтъ ни одного типа француза, горожанина или поселянина, нѣтъ ни одного вида ни деревни, ни фабрики, ни промышленныхъ городовъ, ни гавани, нѣтъ ни одной картины, относящейся къ общественной, промышленной и бытовой жизни народа. Земледѣліе, винодѣліе, шелководство, разные другіе промыслы, которыми такъ богата Франція, все, что составляетъ жизнь народа, цѣлой страны—все это отсутствуетъ, взята лишь одна казовая сторона. То же самое можно сказать и про другіе подборы географическихъ картинъ съ тою лишь разницею, что въ однихъ чтеніяхъ картинъ, относящихся къ Россіи, больше, въ другихъ—меньше.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ показывать картины при чтеніяхъ, необходимо упорядочить подборъ картинъ.

Это дѣло очень серьезное, и довѣрить его слѣдуетъ не магазинамъ, руководящимся лишь рутинной и шаблономъ, а людямъ, получившимъ педагогическое образованіе; оно всецѣло лежитъ на нашей интеллигенціи или на земствѣ. Необходимо также, чтобы картины были достовѣрныя, а не гадательныя, тѣмъ болѣе не ложныя. Недавно въ одной изъ петербургскихъ аудиторій показывалась, между прочимъ, картина, изображающая бурю, относящаяся къ чтенію «Архангельскіе китоловы». Эта картина оказалась переснятою съ гравюры Дорэ изъ поэмы Кольриджа «Старый морякъ», а такъ какъ поэма эта относится къ XVII вѣку, то и корабль нарисованъ на ней того же времени, съ прямымъ передомъ; такихъ кораблей въ наше время даже на нашемъ сѣверѣ ни въ какомъ случаѣ нѣтъ. Вотъ и еще одинъ примѣръ гадательности содержанія картинъ. Одинъ пріѣхавшій изъ Владивостока сибирякъ хотѣлъ купить виды горо-

довъ, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ, и спросилъ г. Бомбей съ моря. Ему показали. На дощечкѣ стояло «Бомбей».—Но вѣдь это не Бомбей!—Какъ вѣтъ, я сейчасъ справлюсь. Справились.—Увѣрю васъ, что это настоящій Бомбей.—А я увѣрю васъ, что не настоящій, потому что настоящій я видѣлъ три недѣли тому назадъ!!!

Такимъ образомъ интеллигенціи есть около чего поработать.

Увеличившійся въ послѣднее время спросъ на картины для волшебнаго фонаря вызвалъ довольно широкую частную инициативу въ дѣлѣ приготовленія этихъ картинъ. Въ печати появилось нѣсколько руководствъ для приготовленія картинъ *); нѣсколько кружковъ и частныхъ лицъ принялись за изготовленіе картинъ, съ цѣлью упорядоченія ихъ и удешевленія. Эта инициатива не дала еще широкихъ результатовъ, но несомнѣнно то, что она подвинетъ дѣло впередъ, такъ какъ въ нее вложена не афера, а идейное отношеніе. Прежде всего она удешевила картины вдвое и втрое (вмѣсто 2—3 р. за 1 руб.), во вторыхъ она вывела дѣло изъ состоянія рутинны и поставила на новый путь. Дорого стоющій процессъ раскрашиванія масляными красками, сравнительно очень грубый, замѣненъ болѣе дешевымъ способомъ, анилиновымъ, дающимъ сочныя богатые тона, отъ самыхъ нѣжныхъ до самыхъ яркихъ. Окружающая картину деревянная рамка, отъ которой за границей давно уже отрѣшились, какъ отъ анахронизма, и которую тамъ дѣлаютъ лишь специально по русскимъ заказамъ, теперь упраздняется и замѣняется одной передвижной рамкой, служащей для всѣхъ картинъ, очень удобной для работы и значительно удешевляющей картины. Самые діапозитивы дѣлаются не на желатинномъ или коллодонномъ, а на альбуминномъ или платиновомъ слоѣ, дающемъ замѣчательно утонченныя изображенія. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о прогрессѣ, достигнутомъ интеллигенціей въ противовѣсъ той ремесленной рутинѣ, которую отличаютъ нѣкоторыя мастерскія и магазины. Благодаря этой инициативѣ дешевизна доведена почти до минимума и въ этомъ отношеніи можетъ конкурировать съ заграницей, гдѣ картины стоятъ на мѣстѣ: во Франціи 2—3 франка, въ Германіи 3—4 марки. Но какъ мы уже упоминали, усилія интеллигенціи пока не дали широкихъ результатовъ, по той простой причинѣ, что эти усилія довольно таки единичны.

Если въ одномъ случаѣ дешевизна желательна и полезна, то въ другомъ случаѣ она можетъ быть явленіемъ ненормальнымъ, когда она приноситъ явный ущербъ дѣлу. Бываютъ случаи, когда погоня за дешевизной можетъ принести неисправимый вредъ дѣлу, въ особенности такому дѣлу, какъ народное образованіе. Благожелатели и

*) 1) А. W. S. Приготовленіе картинъ для волшебнаго фонаря, перев. Давилова, 1896 г. Ц. 80 к.

2) Г. Фуртье. Волшебный фонарь и туманныя картины, 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

3) М. Кружковскій. Самоучитель фотографіи и изготовленіе картинъ для волшебн. фонаря. Руководство для начинающихъ и для сельск. учит. 1898 г. Ц. 60 к.

радѣтели часто провозглашаютъ принципъ: лучше хоть что-нибудь, нежели ничего. Этотъ принципъ, рекомендующій спеціально дешевыя средства, тѣмъ нехорошъ, что во 1-хъ, даетъ права гражданства этимъ дешевымъ, ненормальнымъ средствамъ, во 2-хъ, подрываетъ кредитъ нормальныхъ средствъ и, замѣняя его не качествомъ, а дешевизной, противодѣйствуетъ правильной постановкѣ дѣла. Публикуются дешевые фонари. Называютъ ихъ для большаго распространенія «школьными». Давайте намъ «школьные» фонари. И покупаются эти фонари съ плохими объективами, маленькими конденсаторами, дающіе $1\frac{1}{2}$ —2 арш. довольно тусклаго круга и показываютъ, показываятъ картины до изнеможенія цѣлые года, не задаваясь вопросомъ: а прокъ то отъ этого какой? Производитъ ли фонарь должное впечатлѣніе? Не будутъ ли тѣ же самыя картины значительно лучше, не будетъ ли впечатлѣніе и наглядность несравненно сильнѣе, еслибъ къ затраченнымъ на фонарь 30 руб. прибавить еще 15—20 и купить хорошій фонарь заграничной работы. Но не всегда лекторы бываютъ удовлетворены дешевой—это, пожалуй, и лучше—и часто горько сѣтуютъ на неудачи и неудовлетворительность фонарей. Такъ было напр. съ фонарями для непрозрачныхъ картинъ. Не надо болѣе громадныхъ издержекъ на стекляныя картины, покупайте фонарь для непрозрачныхъ картинъ! Ставьте въ него какую угодно гравюру, рисунокъ, портретъ, получите идеальное изображеніе. Газеты полны лестныхъ отзывовъ. Покупатели хлынули. Вотъ гдѣ дешевизна-то! Иностранцы—тѣ вотъ не додумались, а мы взяли и соорудили новый фонарь. Но какъ скоро покупатели хлынули, такъ скоро и отхлынули, наказанные за свое легкомысліе. Фонарь стоилъ дорого, давалъ самое небольшое изображеніе, притомъ тусклое, передавалъ всѣ штрихи и зерна не только рисунка, но и бумаги. Были и другіе случаи. Многіе читали и слышали про «самодѣльный волшебный фонарь». На этотъ разъ изобрѣтателемъ явился сельскій учитель. Онъ написалъ брошюрку, выдавъ идею этого фонаря за свою *). Впослѣдствіи оказалось, что идея такого фонаря принадлежитъ французамъ, и чертежъ такого фонаря—планъ его—былъ помѣщенъ въ одномъ изъ французскихъ журналовъ лѣтъ десять тому назадъ, затѣмъ перепечатанъ въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Тогда же и опыты были произведены надъ нимъ. Идея такого фонаря до нельзя проста. Самому можно сдѣлать широкую и длинную трубу изъ картона или жести, вставить въ нее обыкновенную столовую лампу, а противъ свѣтильни ея прорѣзать въ трубѣ окошечко, къ которому придѣлать призму; съ одной стороны призмы вставить объективъ, съ противоположной ему—картинку, на экранѣ и получится изображеніе. Французы предлагали такой фонарь, какъ игрушку, для развлечения дѣтямъ и для техническихъ упражненій, хотя даже и для развлечения такой фонарь не годился, потому что лишенъ былъ рефлектора, конденсатора и дѣйствовалъ отраженнымъ свѣтомъ; у насъ же этотъ утопическій фо-

*) Изданіе Чит. Нар. Шк. 1896 г.

наръ вызвалъ цѣлую сенсацію, всѣ ухватились за него, какъ за спасеніе, а одно изъ сѣверныхъ земствъ закупило цѣлую партію линзъ и лампъ для того, чтобы учителя могли сами устранивать себѣ волшебные фонари. Что земство сдѣлало дальше съ линзами—неизвѣстно, но хорошо уже то, что такихъ фонарей въ школахъ этого просвѣтительнаго земства не появлялось.

Не меньшую сенсацію вызвали такъ наз. пеликулярныя на промасленной бумагѣ картинки. Правда, эта идея принадлежала убѣжденному человѣку французу Ларуссу, извѣстному дѣятелю, и на нее стоило обратить вниманіе. Бумажныя, прозрачныя картинки Ларусса *до нѣкоторой степени* могли быть пригодны, но пригодны, такъ сказать съ горя, за неимѣніемъ ничего лучшаго. Въ сущности этотъ способъ *не серьезный* и можетъ служить для пріятнаго препровожденія времени, но никакъ не для серьезныхъ научныхъ цѣлей. Стоитъ онъ въ томъ, что на тонкой папиросной бумагѣ печатается обыкновеннымъ типографскимъ способомъ картинка; бумажка промасливается какимъ-нибудь лакомъ (копайскимъ) и приобрѣтаетъ прозрачность; края ея обклеиваются картономъ, и картинка готова. Непригодность этихъ картинъ состоитъ въ томъ, что бумага, какъ бы ни была она тонка или плотна, въ силу чисто техническихъ особенностей приготовленія бумаги, всегда имѣетъ клѣтку; эта клѣтчатость бумаги, будучи увеличенною на экранѣ, даетъ некрасивыя зерна, портящія всякій рисунокъ. Кромѣ того, прозрачность, въ особенности при частомъ нагрѣваніи картины, ослабѣваетъ, при малѣйшемъ стибѣ картина даетъ некрасивую линію преломленія, а самое главное то, что на такихъ картинкахъ никогда нельзя получить рѣзкихъ свѣтовъ и тѣней, полутѣни отсутствуютъ, и весь рисунокъ получается очень монотонный, вялый. Правда, раскрашенные картинки Ларусса сравнительно лучше, краска придаетъ имъ нѣкоторую контрастность и плотность, но по зернистости своей и другимъ причинамъ и онѣ мало пригодны. Желатинный, альбуминный и платиновый способы, доведенные до совершенства, между прочимъ тѣмъ хороши, что они даютъ на экранѣ рельефность рисунка, не только предметную, но даже перспективную; этого драгоцѣннаго качества на промасленныхъ картинкахъ никогда нельзя получить, потому что изображенія на нихъ совершенно плоскія и такими же появляются на экранѣ. А между тѣмъ промасленными картинками у насъ увлекаются, сулятъ имъ будущее, выхваляютъ въ газетахъ, даже «въ виду важности дѣла» полемизируютъ по поводу ихъ.

Всѣ эти увлеченія разными дешевками объясняются: или назначеніемъ физическихъ и техническихъ особенностей дѣла волшебнаго фонаря и туманныхъ картинъ, или ложнымъ взглядомъ на задачи народнаго образованія, которое будто бы можно поддержать и развивать дешевыми, хотя и несовершенными, средствами, преслѣдующими количественную, а не качественную сторону дѣла. Если существующіе теперь фотографическіе способы воспроизведенія картинъ и дороги, то все таки—это самое лучшее и пригодное для цѣлей образовательныхъ. Со временемъ способы эти значительно упро-

стятся и тогда картины будутъ дешевле. Но существуютъ еще два способа, которымъ принадлежитъ будущее. Первый способъ—цвѣтная фотографія, которая находится теперь въ зародышевомъ состояніи: въ свое время она произведетъ цѣлый переворотъ въ учебномъ дѣлѣ,—второй способъ—способъ старый, но еще мало разработанный—это способъ хромолитографическій (деколькамани). Уже теперь за границей производится множество картинокъ для перевода на стекло, картинки эти въ большомъ распространеніи. Въ особенности извѣстны нюрнбергскія (въ Германіи) и парижскія декалькомани. Эти картинки дѣйствительно дешевы, одна стоитъ 3—5 коп., и всякій не только учитель, но и ученикъ легко можетъ перевести его на стекло. Но, повторяемъ, этотъ способъ, къ сожалѣнію, мало разработанный, и красочныя картинки получаются довольно грубыя. Кромѣ того, сюжеты чисто случайныя, подборы картинъ къ нашимъ чтеніямъ приходится заказывать, что стоитъ въ общей суммѣ не дешево. Картины къ великимъ явленіямъ природы, виды городовъ и пр. встрѣчаются и теперь вполне пригодныя для чтеній и расходятся у насъ въ большомъ количествѣ, но этого мало. Необходимы картины ко всѣмъ чтеніямъ, а ихъ то и нѣтъ. И тѣмъ не менѣе мы утверждаемъ, что этому способу принадлежитъ ближайшее будущее. Года два тому назадъ къ журналу *Après l'école* были приложены образцы новаго способа декалькомани, кажется, спиртоваго, при которомъ бумажка и рисунокъ приклеивались къ стеклу только посредствомъ воды. Рисунокъ и краски получались необыкновенно нѣжныя и прозрачныя. Мы не знаемъ, исполняютъ ли французы свое обѣщаніе — дать цѣлый рядъ коллекцій такихъ картинъ, не знаемъ, усовершенствовали они этотъ способъ или нѣтъ, но если такія картинки выйдутъ въ продажу, онѣ несомнѣнно убьютъ фотографическое воспроизведеніе картинъ, потому что это дѣйствительно будутъ самыя дешевыя серьезныя картины.

М. Круковский.

Что такое юмор?

«Язык, говорить одинъ нѣмецкій психологъ, необычайно пластиченъ и годенъ для всяческаго примѣненія». Благодаря подчасъ прямой путаницѣ словоупотребленія, принятый въ языкѣ символъ далеко отходить отъ своего первоначальнаго значенія. У насъ, въ Россіи, гдѣ, волею судебъ, мы посейчасъ пользуемся позаимствованными, иноземными терминами, дѣло тутъ иногда доходитъ до настоящихъ нелѣпостей и злоупотребленія словомъ. Напримѣръ, изданія, посвященныя самому плоскому балагурству и грубой карриатурѣ, мы зовемъ *юмористическими*. Уличныя газетки у насъ, случается, возводятъ въ «юморъ»—простое, довольно дикое зубоскальство, а не то и какое-нибудь низменно злобное издѣвательство. Нѣмцы, все тѣ же обстоятельные и ученые нѣмцы, разумѣется, и толкованію «юмора» удѣлили у себя чуть не цѣлую специальную литературу. Поводомъ къ настоящему нашему очерку и послужилъ одинъ новый трактатъ «Сущность юмора», изданный въ Мюнхенѣ (*Das Wesen des Humors—von J. Müller*). Въ ст. о Д. В. Григоровичѣ *) мы указывали что у сатирика, а не у юмориста—скорѣе возможна болѣе устойчивая, къ иному довольно равнодушная, настроенность; что юморъ всегда полнѣе и шире выдаетъ личность писателя. Сатирикъ борется со зломъ дня, съ господствомъ враждебнаго текущаго. Сатира всегда до извѣстной степени односторонняя, не каждому «по нраву» и подъ силу и стѣсняетъ художественную натуру, «дающую на все и свой откликъ», по выраженію Пушкина, Гоголь—болѣе юмористическій темпераментъ, нежели убѣжденный сатирикъ—бросаетъ одно *отрицательное* живописаніе русскихъ людей и хватаетъ, хотя и неудачно, за воссозданіе *положительныхъ*, «добродѣтельныхъ» лицъ. Чистая и строго выдержанная литературная сатира и вообще, впрочемъ, утомительная работа. И люди, обладающіе полнотою данныхъ для подобнаго творчества, временами словно тяготеютъ имъ. Замѣчательный нашъ сатирикъ Салтыковъ, заставлявшій смѣяться всѣхъ и все, друзей и враговъ, видимо уставалъ отъ напряженій «особаго» смѣха и языка и искалъ какого-то болѣе мно-

*) «Образовніе» 1897 № 7—8.

госторонняго удовлетворенія въ сказкахъ, въ иныхъ отступленіяхъ, (которыми прославился и Гоголь) въ творчествѣ на другой ладъ—въ «Мелочахъ», въ «Пошехонской старинѣ» и т. д. Сатира, вдобавокъ, одинъ изъ наиболѣе неблагодарныхъ родовъ въ литературной дѣятельности. Нѣкоторый критикъ, изъ болѣе просвѣщенныхъ даже нашихъ критиковъ—сравнительно недавно, въ «толстомъ» журналѣ—собрался было уже совѣмъ развѣять прахъ покойнаго писателя. Его, говорить, скоро позабудутъ: а для прочтенія станутъ требовать обширныхъ комментарий. Тутъ вѣрно только то, что сатира, и дѣйствительно, изъ всѣхъ родовъ литературы наименѣе доступна для не современниковъ (но и вообще въдѣ литературный языкъ крайне измѣнчивъ и подвиженъ. И было бы большимъ лицемеріемъ отрицать, что и для Пушкинскихъ, напр., твореній, и теперь еще столь содержательныхъ и красивыхъ намъ иногда весьма желателенъ комментарий. Говорится обыкновенно: исторія не повторяется и языкъ вмѣстѣ съ нею!)

Однако, къ сожалѣнію, пожалуй, для самого общества и къ чести для благороднаго сатирика нашего — его произведенія не только не устарѣли, но болѣе того: вполне цѣнить и понимать, духовно насыщаться ими станутъ у насъ только современемъ!

Сатира, наконецъ, — литературная форма, наиболѣе близкая къ публицистикѣ, къ общественной проповѣди, къ ораторству.

Писатель, съ ярко выраженною духовною личностью и убѣжденіями, съ разнообразными дарованіями, живой и субъективный до нельзя, не отличавшійся и узкимъ доктринерствомъ, Салтыковъ, тѣмъ не менѣе, такъ сказать, не пошелъ въ «свободные» юмористы. Онъ, какъ бы выполняня принятый на себя долгъ, оставался многие годы на своемъ специальномъ—*сатирическомъ* посту. А сатира обязываетъ. Сатира въ силу своего назначенія ставитъ извѣстныя границы и литературному выраженію; сатирикъ непрестанно совершаетъ козни надъ своими недругами; онъ не мѣняетъ жесткаго тона и твердо держится условнаго языка. Никогда онъ не вскрываетъ передъ читателемъ своей духовной личности—во всю. Сатирикъ несетъ однѣ тяготы проповѣдника и оратора—безъ ихъ радостей—радостей высказавшагося человѣка. Названная книжка нѣмецкаго автора раздѣляется на двѣ части: въ первой разбираются чужія мнѣнія—*критическій* отдѣлъ, вторая часть—*положительная*.

Прежде и больше всего—нѣмецкій писатель останавливается на взглядахъ стараго юмориста Жана Поля Рихтера, личностью и сочиненіями котораго за самое послѣднее время усердно занимаются и германскіе и французскіе критики. Если не ошибаемся, и у насъ были сдѣланы нѣкоторыя попытки переводить Жанъ Поля, который вообще-то можетъ быть отнесенъ къ числу такъ-называемыхъ непереводаемыхъ писателей, какимъ прежде признавали было и нашего Гоголя (Мюллеръ и цитируетъ его и ставитъ на ряду съ знаменитыми европейскими юмористами). Своеобразный языкъ Жанъ Поля, постоянные самые рѣзкіе переходы и отступленія, оригинальное перемѣшваніе разсказа съ разсужденіями, описанія съ діалогами

пожалуй, даже прозы съ поэзіей и т. д. сильно затрудняютъ читателя. Между тѣмъ это, несомнѣнно, крупный и передовой романтикъ былыхъ временъ, богатый и художественностью и идейнымъ содержаниемъ, предтеча въ своемъ родѣ возвышенной «тенденціозности» Шпицгагена и «психологія» Жоржа Зандъ. У насъ наводняютъ журналы многократными переводами твореній *молодого* Бурже, напр. А переводъ, хотя бы нѣкоторыхъ сочиненій, *старого* Ж. Поля, право былъ бы болѣе цѣннымъ подаркомъ для большой русской публики.

Опредѣленіе юмора Жана Поля не обходится безъ устарѣлыхъ метафизическихъ и эстетическихъ терминовъ и сопоставленій, но въ корнѣхъ и тутъ вполнѣ здоровыя и разумныя мысли. Комическое, юмористическое,—это контрастъ *возвышенному*, контрастъ *конечнаго* и *бесконечнаго*. вмѣсто того, чтобы тѣшиться *отдѣльными* комическими настроеніями жизни, духъ нашъ созерцаетъ совокупную *конечность* черезъ зеркало вѣчнаго идеала. Получаемыя скорбно-горькія впечатлѣнія просвѣтляются и облагораживаются въ возвышенной настроенности юмора, того смѣха, гдѣ нѣтъ и грусть и величіе». Для юмора нѣтъ «отдѣльной глупости, отдѣльнаго глупца; но существуетъ только глупость и міръ безумныхъ». Въ концѣ концовъ, этотъ юморъ Жана Поля все та же формула «смѣха» сквозь тайныя «слезы», осмѣиваніе злого «конечнаго», на подкладкѣ гуманности и любви. Юморъ, въ отличіе отъ сатиры, направляющей свои язвительныя стрѣлы противу ненавистныхъ ей частныхъ—постоянно имѣетъ въ виду все человѣчество вообще и не можетъ питаться одною злобою, иначе въ ней-бы онъ и совсѣмъ задохся. По выраженію Ж. Поля, «только тотъ въ правѣ осмѣивать *людей*, кто *ихъ* отъ сердца *любитъ*». Не человѣкомъ, а только *инымъ людскимъ*—подчасъ занявъ сатирикъ и ему приходится, дѣйствительно, не любить, а ненавидѣть!

Общеизвѣстный, столь модный и нынѣ философъ Шопенгауеръ замѣчаетъ: *Юморъ*, это — спрятавшееся за шутку серьезное, между тѣмъ какъ иронія — шутка, напустившая на себя серьезный видъ. Иронія начинается серьезно и кончается смѣшливо. Юморъ—наоборотъ. Юморъ порождается глубоко-серьезнымъ, даже возвышеннымъ настроеніемъ, благодаря которому нельзя ни уклониться отъ борьбы съ обыденнымъ *чуждымъ* вѣшнимъ міромъ, ни отдаться ей—и вотъ застѣнчиво прибѣгаютъ къ шуткѣ, въ которой однако таится серьезное». И тутъ, конечно, высказано не мало вѣрныхъ соображеній. *Иронія*, напримѣръ, опредѣлена очень ярко, это скорѣе орудіе сатиры, которая нарочно изображаетъ серьезнымъ то, что хочетъ ядовито принизить и опозорить. *Юмористъ* специально ни на кого не нападаетъ, непосредственно ни съ кѣмъ не вступаетъ въ борьбу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не относится и «съ спокойнымъ духомъ» ко всему окружающему. Но по обыкновенію, Шопенгауеръ не преминулъ освѣтить дѣло въ своемъ мрачномъ, пессимистическомъ тонѣ. Для юмориста, видите ли, весь обыденный, т. е. попросту человѣческій міръ совсѣмъ *чужой*.

Мюллеръ знакомитъ насъ и съ мнѣніемъ новѣйшаго автора, нѣ-

кого доктора **Backhaus'a**, который издалъ въ Лейпцигѣ сочиненіе— «Сущность юмора». Нѣмецкій писатель, очевидно, вдохновляется самымъ «послѣднимъ словомъ» текущихъ теорій и вѣяній. Съ увлеченіемъ, напр., толкуетъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего разсужденія: «Представимъ себѣ человѣчество единымъ *коллективнымъ существомъ*, и намъ ясно будетъ, что въ немъ господствуетъ ни горе, ни радость, ни какіе-либо другіе отгѣнки этихъ основныхъ человѣческихъ ощущеній; но всегда *одно чувство*, которое нельзя назвать ни блаженствомъ, ни скорбью, ни шутивымъ, ни серьезнымъ. Но и это все заключается въ такомъ единомъ чувствѣ; здѣсь по истинѣ *совершенная смѣсь*—разнородныхъ отдѣльныхъ душевныхъ проявленій. И высоко надъ всѣми этими частными чувствами и стремленіями возсѣдаетъ юморъ—на своемъ тронѣ властелина, обнимая всѣхъ съ одинаковою любовью, сглаживая повидимому непримиримыя противорѣчія, утишая вражескія насилия, обращающа и трагедію и комедію у людей—въ особую *divina commedia*—безконечной продолжительности и съ неисповѣдимыми дѣлами. Юморъ—неуготимый посредникъ, вѣчный князь мира, непогрѣшимый мастеръ гармоніи, всеобѣднѣй царь человѣческаго духа!» Для нашего времени, кажется, характерно это «единеніе» мыслей въ духѣ «науки» и старой «метафизики»!

И все же и въ основу приведеннаго отрывка положена та-же справедливая идея о всесторонности юмора. Мюллеръ рѣзко осуждаетъ «детерминизмъ» автора и его манеру выражаться. А, быть можетъ, настоящая эпоха естественнымъ образомъ склонна къ юмору по преимуществу. (Самъ Мюллеръ слишкомъ недображелательно смотритъ на позднѣйшую литературу). Съ прогрессомъ всяческихъ знаній человѣчество гораздо скромнѣе опредѣляетъ свое «господство во вселенной» и, такъ сказать, снисходительнѣе оцѣниваетъ ближняго. Разумный «детерминизмъ» весьма убѣдительно указываетъ на предѣлы, съ которыми невольно приходится считаться человѣчеству. И всяческіе герои «старой» трагедіи и сатиры гнѣздятся теперь главнымъ образомъ въ произведеніяхъ пессимистовъ, этихъ, дѣйствительно, худшихъ представителей современности. Наши же русскіе лучшие и сатирики и юмористы никогда не были пессимистами: не испытавъ въ своей исторіи большихъ очарованій, мы не дожили еще до нормальной разочарованности, наши Онегины, Печорины, Рудины—и еще кто хотите, въ сущности, горевали о своей безпомощности: *вправа идеалы* ими не уничтожались. Лацарусъ въ своей «Жизни души» (*Leben der Seele*) не только, чрезмѣрно даже, расширяетъ значеніе юмора, но и выдѣляетъ ему какое-то совсѣмъ особое мѣсто. По словамъ его, «глубина юмора—глубина всего человѣка, тутъ соединяется глубина философа съ глубиной мистика, юморъ—это философія, религія, наука, искусство, это не просто особый видъ комическаго, это самостоятельный *третій* родъ (поэзія?)—наряду съ *возвышеннымъ* и *комическимъ*—соединеніе обоихъ». Научное поясненіе юмора, какъ известнаго душевнаго настроенія и соотвѣтственнаго творчества, какъ психофизиологическаго факта, если хотите—разумѣется, весьма интересная задача, которая доставила-бы много полезнаго ма-

теріала и для литературной критики. Къ сожалѣнію, Лацарусъ и многіе другіе (извѣстный историкъ искусства Каррьеръ и пр.) на ней не останавливаются, а ограничиваются, по преимуществу крайне общими, довольно вычурными, вдобавокъ, опредѣленіями въ родѣ вышеуказаннаго. Но и изъ нихъ мы, лишній разъ, заключаемъ, что склонность къ юмористическому творчеству, юмористическій талантъ и юмористическое произведеніе—понятія осязательно конкретныя—и одного приравниванія «юмора» къ «смѣху», что-ли, слишкомъ недостаточно. «Веселый, пріятный человѣкъ», «душа общества»—такія прозвища намъ хорошо знакомы изъ жизни. Подобнымъ образомъ часто называютъ людей, свободно—и вызывающихъ смѣхъ, и предающихся ему. Юмористы-ли это? Припомнимъ и слѣдующее. Какъ франц. слово *humeur*, такъ и англ. *humour* значить между прочимъ «дурное расположеніе духа». Это одно уже мѣшаетъ представлять юморъ—легкимъ смѣхомъ.

Выдающійся старый нѣмецкій философъ Куно-Фишеръ (многія сочиненія котораго имѣются и въ русск. хорошемъ переводѣ), говоря о юморѣ, цѣнить въ немъ главнѣйше здоровую, жизненную непосредственность и свободу порывовъ. «Юморъ находитъ чудесный міръ не въ книгѣ со сказками, а въ дѣйствительности. Это не искатель приключеній, который безъ толку бродитъ тамъ и сямъ и мечтаетъ, что гдѣ-то, въ туманной дали есть страна—и въ ней мигомъ выполняются желанія сердца. *Вездѣ* отыщеть юморъ радости, незамѣченныя поверхностнымъ наблюдателемъ». «Мимолетное расположеніе духа, капризъ претворяется въ юморъ въ характеръ, въ художественно-сознательную настроенность». «Смѣшливый по формѣ—юморъ идеалистиченъ по тенденціямъ и направленію». Здѣсь, однако, какъ бы отдѣлена только одна свѣтлая сторона юмора. Но, вѣдь и небудучи угрюмыми обличителями и безпощадными сатириками, и тотъ-же Жанъ Поль, напримѣръ, и Стернь, и Диккенсъ и т. д. не только радовали читателя, но и заставляли его проливать слезы. И *преходящія* минуты не всегда ясны и бодрящи. А какъ пріятно, содержательно и интересно подчасъ рисуются эти вовсе нерадостныя настроенія именно юмористами—вспомните, напримѣръ—Беранже, Гейне, М. Твэна. Джерома-Джерома и т. д. и т. д. (не касаясь русской беллетристики, которая чуть-ли не вся—сплошной юморъ)

Послѣ изложенія и разбора нѣкоторыхъ выдающихся сужденій о юморѣ, Мюллеръ выставляетъ собственныя положенія и оговаривается, что при неразработанности «психологій юмора», авторъ въ силахъ дать только приблизительный очеркъ этого «важнѣйшаго феномена искусства». По мнѣнію Мюллера—юморъ не какое-нибудь опредѣленное міровозрѣніе, метафизика; это настроенность, предполагающая два основныхъ условія: 1) жизнерадостность и 2) нравственно-благородное направленіе души. Дабы выразить такое свое содержаніе, юморъ пускаетъ въ ходъ не доктринерство или патетичность, а средства—*комическаго*. Но такое, опять черезъ чуръ общее, опредѣленіе сводится въ сущности къ формулѣ: юморъ это комическое, создаваемое въ духѣ *оптимизма*. *Второй* пунктъ у Мюллера—ни чуть не

расширяетъ и не пополняетъ характеристики. Ибо само собою разумѣется, что все дѣйствительно низкое, неблагородное, какъ таковое находится внѣ области всяческаго *нормальнаго* искусства и эстетики. Циническія сцены и т. п. входятъ въ область искусства, поскольку онѣ воспроизводятъ носившіеся въ воображеніи художника образы, помимо какой-либо его *душевной расположенности* къ... грязи. Ни картины въ ювеналовскихъ сатирахъ, ни эпизоды изъ «Власти тьмы» Толстого не подразумеваютъ развращенности создателей. И Мюллеру понадобился этотъ пунктъ только благодаря его крайне пессимистическому отношенію къ современной (правда, неблестящей) литературѣ. Своего рода *пессимизмъ* какъ-бы неизбеженъ и натураленъ въ сатиру, гдѣ изобличаются не человекъ или общество вообще, но личныя уродства или общественныя непорядки въ данную эпоху. Но пессимизмъ, какъ система — нѣчто вовсе жизневраждебное. Чистый пессимизмъ даже невозможенъ: кто-же изъ *нормальныхъ* людей — ни во что не вѣритъ и все отрицаетъ? Глашатаи яраго пессимизма, нагнавъ на человека какъ можно болѣе тоски и скуки — обыкновенно затѣмъ — самоуслаждаются или крайнимъ мистицизмомъ или прямымъ идолопоклонствомъ — собственной личности. Таковъ — пессимизмъ. Но и обязательность *оптимизма* въ юморѣ — трудно признать. Мюллеръ отыскиваетъ, напр., юморъ у Шекспира и у Гейне. Согласитесь, что рискованно объявить оптимистомъ того, кто могъ создать устрашающій образъ Шейлока и т. д. И Гейне является оптимистомъ кажется только въ иныхъ, и то очень рѣдкія, минуты свиданія съ фантастической возлюбленной. И мы бы удовольствовались однимъ отсутствіемъ въ юморѣ рѣзкаго пессимизма. А когда, какъ напр. у Байрона, въ Донъ Жуанѣ что-ли, встрѣчаются такія признанія о нашемъ ближнемъ, что постигнѣ «за человека страшно становится», мы объясняемъ это взрывомъ *сатирическаго* вдохновенія. И, если хотите, находимъ противоядіе этимъ злымъ сарказмамъ въ другихъ мѣстахъ глубокохудожественной лирики того-же Байрона!

Сатирическій элементъ, скажемъ, преобладаетъ у Тэккерея, у Диккенса — больше юмора. И это не потому вовсе, что Диккенсъ склоненъ къ исключительно *оптимистическому* освѣщенію рисуемаго. Какъ извѣстно, у него весьма много и ужасающаго и горестнаго. Дѣло въ томъ только, что изображая зло, Диккенсъ представляетъ таковое скорѣе простымъ извращеніемъ *нормы*, видимо не теряя *впры въ жизнь*, какъ нѣчто — здоровое и свѣтлое. Можно приходить въ мучительное отчаяніе, сохраняя однако на днѣ души надежду. А иногда бываетъ, что люди весело, въ своемъ родѣ оптимистически, относятся ко всему окружающему — при полномъ безвѣрїи, при *смертельной* для настоящей жизни — апатїи. Писатели, съ такою настроенностью, оказываютъ подчасъ немалыя услуги обществу въ качествѣ выдающихся сатириковъ; но прогрессирующаго въ жизни, истиннаго духовнаго наслѣдства они обыкновенно за собою не оставляютъ. Словомъ, въ юморѣ, думается, дорога не *жизнерадостность* или *оптимизмъ*, а именно *идеалистичность*, которая всегда открываетъ въ жизни — способность къ развитію, къ расширенію горизонтовъ, какъ

говорится. По мнѣнію Мюллера, юморъ сочувственно присматривается ко всѣмъ мелочамъ жизни, замѣчаетъ даже и «дальней лозы прозябанье», углубляется въ самые тайники души у личности; въ немъ сильно и утонченное *чувство природы*, онъ проникаетъ и во внутрь *мировой символики*. Такая психика чужда древнимъ—почти нигдѣ не встрѣчаемъ мы у нихъ юмора. Гомеръ, напр., вовсе далекъ отъ такой настроенности. Его сравненія, эпитеты поразительно красивы, мѣткі, но на этомъ и кончаются всѣ прикрасы разсказа. Ни слѣда «рефлексія», реторики, символическаго развитія и представленія темы.

Указавъ на эти отрицательныя достоинства древняго творчества, Мюллеръ весьма кстати оговаривается, что, молъ, въ такой простотѣ и свѣтломъ мастерствѣ разсказа и заключается величіе Гомеровской поэзіи. И, дѣйствительно, «рефлексированіе» еще можетъ быть признано извѣстнымъ поступательнымъ шагомъ въ процессъ развитія человѣческаго сознанія: съ ослабленіемъ духовной жизни—естественнымъ образомъ растутъ и душевныя сомнѣнія и «головныя» терзанія. Но символика и реторика—сами по себѣ—давно уже не считаются признаками истинной поэзіи. Чистая символика и реторика (въ новыя идеи и движенія) породила въ наше время напр., декаденство—направленіе антипоэтическое.

Трагедія древнихъ, говоритъ далѣе Мюллеръ, величественна и возвышенна; характеры въ ней всегда значительны, хотя только въ христіанствѣ открылись впервые глубины человѣческаго духа. Древняя трагедія не даетъ ровно никакого мѣста *комическому*. Такое терпится только какъ-бы въ свѣтѣ трагедій, въ цѣляхъ *сатирической* забавы, въ собственнаго содержанія пьесы. Древніе не имѣли понятія о смѣшеніи элементовъ—трагическаго и комическаго—и о разительныхъ контрастахъ, отсюда вытекающихъ, какъ-то мы видимъ у Кальдерона, Шекспира. И чистая комедія у нихъ вращалась по преимуществу въ области политическихъ и личныхъ отношеній. Все это очень занимало древнихъ; но искать здѣсь настоящаго юмора—намъ не приходится, по мнѣнію Мюллера. «Только важное», продолжаетъ онъ,—міровыя событія, исторію, преданія признавали древніе достойнымъ матеріаломъ, и обрабатывали его—или въ идеальныхъ чертахъ—въ эпосѣ, пѣснѣ, драмѣ—или *въ комическомъ* освѣщеніи, но «безъ снисхожденія» и «смягченій». «Снисхожденія» и «смягченія» или лучше сказать, *настоящее правдивое* изображеніе личности въ комедіи началось только съ той эпохи, когда сильнѣе заинтересовались реальнымъ, конкретнымъ человѣкомъ, поставляемымъ всею окружающею жизнью. Тогда сказался и истинный юморъ. По словамъ Мюллера, безпримѣнный пафосъ серьезной музы не всегда проложить себѣ дорогу, проповѣдника, разъ онъ прямо объявляетъ себя таковымъ, многіе не захотятъ и видѣть и терпѣть. Юморъ, подъ прикрытіемъ заманчивой своей маски, распространяется и въ болѣе веселыхъ кругахъ, не переставая служить и возвышенному. Рѣзкій тонъ моралиста часто не по вкусу людямъ; доброжелательная, удачная шутка, заключающаяся въ себѣ и важную мысль—находить доступъ вездѣ. Постоянная сдержанность «высокаго стиля» подъ ко-

нецъ утомляетъ, и мы благодарны художнику, когда, послѣ патетическихъ напряженій, отдыхаемъ, пользуясь плодами его здороваго юмора. Всѣ эти соображенія, по нашему мнѣнью, справедливы постольку, поскольку они характеризуютъ юморъ, порожденный позднѣйшей европейской *художественной* литературой, когда она отошла далеко отъ какихъ-бы то ни было религіозныхъ, политическихъ и др. миссій и сдѣлалась непосредственнымъ отраженіемъ *общественной* жизни во всей ея цѣлокупности. Юморъ вовсе не какой-то сантиментальный утѣшитель и миротворецъ, замѣщающій правдивую проповѣдь и острую сатиру. Юморъ просто развился сильнѣе въ *художественной* литературѣ, когда всяческіе моралисты и зонлы нашли себѣ наиболѣе подходящія аудиторіи и органы. Юморъ—не искусственный компромиссъ въ литературѣ; а органическій продуктъ общаго культурнаго повышенія въ европейской жизни.

Мюллеръ между прочимъ отводитъ мѣсто среди крупнѣйшихъ классическихъ юмористовъ и Раблѣ, автору знаменитыхъ «песторій» Гаргантюа и Пантагрюэля. А между тѣмъ на сочиненіяхъ этого стараго писателя особливо замѣтно, насколько сильно измѣнились теперь наши требованія отъ художественнаго творчества. Остроуміе Раблѣ подчасъ заключается въ одномъ наборѣ цѣлой массы безсмысленныхъ выраженій—ради напр. издѣвательства надъ схоластикой. «Люди отъ Бурдо въ Бри хотѣли купить ихъ (колокола, украденные Гаргантюа) изъ за субстантивнаго качества элементарной комплексіи, интроинфицированной внутри терестритета ихъ квиддитативной природы и пр. Это—слова «искуснаго» оратора, посланнаго къ Гаргантюа. Стрѣлы насмѣшекъ Раблѣ направляются столь энергично, что перелетаютъ цѣль, теряясь въ самомъ грубомъ балагурствѣ. Въмѣсто сатирическихъ урагановъ получается одна—нелѣпая фантастика. «Свѣтлые» моменты «юмора» отзываются иногда дѣланностью и будто даже сантиментализмомъ. Словомъ, это далеко не поэтическій смѣхъ сквозь слезы—это мѣстами необузданный хохотъ, а не то отчаянный вой или дикое причитыванье, что-ли. Если юморъ знаменіе болѣе новаго времени, онъ отмѣченъ прежде всего утонченностью—и не у Раблѣ искать тутъ образцовъ!

Негодую на мрачную настроенность и яко-бы матеріализмъ современныхъ писателей и ища, во что-бы то ни стало, оптимизма въ юморѣ, Мюллеръ тяготеетъ по преимуществу къ старинѣ, гдѣ, въ сущности при желаніи, мы теперь все можемъ находить. Но свѣтлыя полосы, думается, присущи творчеству всѣхъ настоящихъ содѣлательныхъ талантовъ. Своего рода идилліи, съ большою, однако, художественной силой и правдой, попадаются и у перечитываемаго опять Манцони, и у Альфонса Доде, и у Ренана даже и у нашего Достоевскаго. Не исключительный оптимизмъ, а *жизненность* юмора ведетъ къ тому, что для окраски образовъ не довольствуются однимъ чернымъ цвѣтомъ. Но основною примѣтою юмора все-же остается *смѣхъ* и не *отъ радости* въдь этотъ смѣхъ! Очень часто Мюллеръ упоминаетъ имя Сервантеса. Разумѣется, не злыми сарказмами обличаетъ своего героя авторъ Донъ Кихота. Но въдь и не веселился.

онъ, рассказывая о приключеніяхъ бѣднаго рыцаря. Мюллеръ приводитъ также слова Эразма, что «басни учатъ добронравію, браняся и смѣясь». Эразмъ тоже, несомнѣнно, не является оптимистомъ, Мюллеръ, впрочемъ, и Свифта помѣщаетъ между юмористами. А связать *оптимизмъ* съ творчествомъ сатирика Свифта—особливо затруднительное дѣло.

Принявъ во вниманіе всѣ эти доводы и факты, мы вправдѣ, кажется, совсѣмъ отринуть формулу Мюллера въ томъ родѣ, что юморъ есть комическое въ духѣ оптимизма. Едва ли не вѣрнѣе будетъ опредѣлять юморъ просто, какъ художественно-комическое воспроизведеніе *жизни*, при наиболѣе широкомъ и вдумчивомъ къ ней отношеніи. Эволюція общества и литературы отодвигаетъ на второй планъ всякую дидактическую поэзію, басню, сатиру, обличительную комедію, и вноситъ въ новыя художественныя формы большую дозу—сложнаго, такъ сказать, многодумнаго и тонкочувствительнаго *юмора*. Смѣялись люди во всѣ вѣка (мы говоримъ, конечно, не о чисто физиологическомъ смѣхѣ). И нынѣ смѣется человѣкъ по своему. Смѣхъ, въ общемъ, вызывается ощущеніемъ невѣданнаго, противорѣчиваго. Въ нашъ оригинальный вѣкъ всевозможныхъ осложненій и противорѣчій и смѣхъ долженъ носить соотвѣтственный тому характеръ. Теперь смѣется человѣкъ, безъ сомнѣнія, не оптимистически; но изъ-за большого пониманія, опытности, быть можетъ, болѣе снисходительно что-ли, мягко по отношенію къ отдѣльной личности. При нормальныхъ условіяхъ, не къ приниженію личности и не къ пессимизму это ведетъ, а къ упроченію жизни въ отграниченномъ своемъ человѣческомъ мірѣ, къ совершенію «всего земнаго» «въ предѣлахъ земли».

Довольно любопытны замѣчанія Мюллера о самыхъ внѣшне литературныхъ особенностяхъ юмористическаго творчества. Нѣмецкій авторъ оспариваетъ мнѣніе, будто юмору свойственна манера какого-то спутаннаго, сбивчиваго, причудливаго изложенія. Это случайная прихоть, писательская шалость нѣкоторыхъ юмористовъ—главнѣйше Стерна и отчасти Жанъ Поля. У Сервантеса, Диккенса не имѣется ничего подобнаго. Для выраженія своей мысли Мюллеръ прибѣгаетъ къ помощи музыкальнаго термина; юмору присущъ, говоритъ онъ, полифоническій (многозвучный) стиль въ поэзій. Въ юморѣ какъ-бы проходятъ передъ читателемъ одновременно многія событія и ряды мыслей, съ одной стороны—*комическаго*, съ другой *патетическаго* характера. Въ «Дав. Коперфильдѣ» Диккенса—въ моментъ объясненія въ любви—ласть собаченка. Во время самаго раздражительнаго монолога Лира на сценѣ—кошка. Своему «Гесперусу» Жанъ Поль предпосылаетъ—описаніе путешествія—и сюда-же примѣшиваетъ самыя трогательныя изліянія и рѣзкія нападенія по адресу рецензентовъ, читателей публики и т. д. Собственно *патетическому*, по словамъ Мюллера, обыкновенно сильнѣе всего вредитъ что-нибудь побочное, постороннее, нестоявшее въ программѣ. Цѣльность-же юмора отъ того не страдаетъ. Въ контрастахъ его своеобразіе.

Несомненно, что въ наше время особливо усилилась въ человѣчествѣ *сознательность*. Отсюда нерѣдко заключаютъ, что теперь господствуетъ холодный разумъ, въ ущербъ чувствамъ и волѣ. Но подобныя чрезмѣрные обобщенія годны скорѣе для расположенія болѣе или менѣе меланхолическихъ фразъ, нежели для толкового освѣщенія порядка вещей. По прежнему человѣкъ не только ѣсть и пьетъ, но трудится, радуется, печалится и пр. и пр. Нѣтъ никакихъ оснований утверждать, что жизнь современнаго человѣка подразумеваетъ какія-то новыя физиологическія и психологическія понятія; что моль, чуть-ли не совсѣмъ въ ней упраздняются и чувства и воля. Одно ясно: съ ростомъ *сознанія* -- нѣсколько по другому сказывается и *материальная* дѣятельность. Человѣческое сознание проявляется все усложняющимися желаніями, стремленіями; воля какъ-бы затрудняется массою разнородныхъ побужденій; чувства спутываются подъ многообразными вліяніями; умъ заваленъ все прибывающими матеріалами (какъ извѣстно, современная наука даже не признаетъ слишкомъ рѣзкаго разграниченія трехъ «заповѣдныхъ» областей — «ума», «чувства» и «воли»). Но безъ этихъ словесныхъ символовъ мы, однако, не можемъ обойтись. Они всѣмъ понятны и ничѣмъ прочно не замѣнены).

Сознание не умерщвляетъ чувства; а даетъ, напротивъ, лишніе поводы къ ихъ зарожденію. «Волевыя опредѣленія», какъ выражается извѣстный нѣмецкій философъ Паульсенъ, «на высшей ступени развитія», не только не исчезаютъ, а даже упрочиваютъ свою самостоятельность. «Разумная воля можетъ опредѣлять дѣятельность мыслями о цѣли, безъ непосредственныхъ чувственныхъ побужденій и даже вопреки имъ». Вѣчно дѣйствующимъ сознаниемъ подстрекается и современный юморъ. Онъ смѣется зачастую вовсе не благодушно, ибо отлично *сознаетъ* все злое и черное въ окружающемъ. Но *многосторонность* и *гуманность* вырабатываются тѣмъ-же сознаниемъ: ими проникнутъ и юморъ. Сознание-же ставитъ передъ нами и *высшіе идеалы*. Безъ нихъ самый всесторонній деликатный юморъ обращается въ эстетическую игрушку второго разряда. Лучшіе юмористы дороги для насъ именно постольку, поскольку они сознательно смѣялись надъ поправіемъ идеальныхъ *нормъ*, которымъ, однако, по вѣрѣ нашей, принадлежитъ и будущее, и побѣда.

Александръ Налимовъ.

Исторія позитивной философіи *).

Проф. Г. Гефдингга

в. Критическая философія.

Въ томъ же самомъ году (1829), когда появился «Analysis» Джемса Милля, свидѣтельствовавшій о новомъ энергичномъ возобновленіи работы англійской опытной философіи, въ «Эдинбургскомъ Обзорѣніи» было помѣщено изслѣдованіе *Вилльяма Гамильтона*, именно—его *Philosophy of the Unconditioned*, которое пересадило критическую философію на англійскую почву. Гамильтонъ родился въ 1788 г. въ Глазговѣ и получилъ свое образованіе здѣсь и въ Оксфордѣ. Когда появилось его знаменитое изслѣдованіе, онъ былъ профессоромъ исторіи при Эдинбургскомъ университетѣ, пробывъ предварительно цѣлый рядъ лѣтъ адвокатомъ. Въ своей философіи онъ отправляется отъ основанной Ридомъ шотландской школы, представляющей собою реакцію противъ скептическихъ и отрицательныхъ выводовъ Юма. Ридъ и его послѣдователи хотѣли провѣрить эти выводы болѣе точнымъ психологическимъ наблюденіемъ, но, въ пылу своего рвенія, выставили цѣлый рядъ первичныхъ способностей и инстинктовъ. Они отбрасывали слишкомъ часто результаты анализа и критики, ссылаясь на «здравый человѣческій смыслъ»—ссылка, вызвавшая мѣткое замѣчаніе Канта: здравость человѣческаго смысла доказывается его употребленіемъ, а не ссылкой на него, и человѣческій смыслъ Юма могъ быть столь же здравъ, какъ и у Рида. Кантъ выступаетъ здѣсь (въ «Введеніи къ Прологоменамъ») адвокатомъ Юма, которому онъ былъ вѣдь столь многими обязанъ. Но онъ старался опровергнуть Юма своими собственными приемами и имѣлъ поэтому дѣло въ лицѣ своего противника съ тѣмъ же философомъ, какъ Ридъ и его ученики. Вилльямъ Гамильтонъ и пытается соединить ученіе Рида съ ученіемъ Канта. Свои своеобразныя воззрѣнія, представляющія значительный интересъ какъ для теоріи познанія, такъ и для философіи религіи, онъ развивалъ въ выше названномъ сочиненіи и въ цѣломъ рядѣ слѣдовавшихъ за нимъ статей, появившихся также въ «Эдинбург-

*) См. № 5.
№ 7—8. Отд. I.

скомъ Обзорѣніи», изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ *Philosophy of perception* (1830). Эти статьи были собраны имъ въ послѣдствіи и изданы подъ заглавіемъ *Discussions on Philosophy*. Въ 1836 г. онъ сдѣлался проф. философіи въ Эдинбургѣ и читалъ здѣсь вплоть до своей смерти (1856) лекціи по психологіи и логикѣ, которыя усиленно посвѣщались и имѣли большое значеніе для развитія философскихъ знаній въ Шотландіи. Эти лекціи вышли въ послѣдствіи подъ заглавіемъ *Lectures on Metaphysics* (2 тома) и *Lectures on Logic* (2 тома). Гамильтонъ былъ остроумный мыслитель, ревностный искатель истины, родственникъ—несмотря на свою шотландскую натуру—Лессингу, кромѣ того, онъ обладалъ широкой ученостью въ области исторіи философіи.

Въ своемъ изслѣдованіи о философіи безусловнаго, представляющемъ критику Шеллинга и Кузена, отчасти также Канта, Гамильтонъ старается указать, что предметомъ познанія можетъ быть только условное и ограниченное и что попытки создать философію безусловнаго невыполнимы. Онъ даетъ однако не одну только критику, онъ рисуетъ сверхъ того планъ цѣлой теоріи познанія, проведенный имъ въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ дальше въ отдѣльныхъ пунктахъ. Его основное положеніе гласитъ: *мыслить—значитъ обуславливать* (to think is to condition). Этимъ онъ хочетъ сказать, что все, подлежащее нашему обсужденію и доступное нашему пониманію, опредѣляется для насъ его отношеніемъ къ другому, обуславливающему и ограничивающему его. Абсолютно цѣлое было бы недоступно нашему пониманію; всякое цѣлое есть для насъ всегда часть большаго цѣлаго. Мы не могли бы постичь точно также безконечнаго цѣлаго; это значило бы привлечь безконечное время, пробѣжать всѣ его части. Слѣдовательно, ни абсолютно-ограниченное, ни абсолютно-безграничное не могутъ быть предметомъ познанія. Наше познаніе имѣетъ дѣло съ условно-ограниченнымъ. Философія безусловнаго, мнящая себя способной построить научное понятіе безусловнаго, которое было бы одновременно абсолютно цѣлымъ и абсолютно безконечнымъ, грѣшитъ противъ природы нашего познанія. Въ позднѣйшемъ прибавленіи къ этому изслѣдованію (*Discussions*—стр. 577 и д.: *Conditions of the Thin-Kable*) развивается мысль, что всякое познаніе состоитъ изъ сужденія, связывающаго два члена: такимъ образомъ дается относительность всякаго мышленія. Кромѣ того, всякое познаніе покоится на отношеніи между субъектомъ и объектомъ; подняться надъ этой антитезой мы не можемъ, если только не захотимъ совершить вмѣстѣ съ Шеллингомъ мистическое погруженіе въ абсолютное единство, исключаящее всякое познаніе. Другое отношеніе, играющее важную роль въ нашемъ познаніи, есть отношеніе между вещью и свойствомъ: вещь и свойство познаются исключительно въ своемъ взаимномъ отношеніи. Болѣе близкое опредѣленіе вещей дается по времени (протенсивно) или по пространству (экстенсивно) и по степени ихъ качества (интенсивно); но всѣ эти опредѣленія относительны; каждое опредѣленіе—временное, пространственное и количественное—предполагаетъ

другое. Понятіе причинности подчиняется также у Гамильтона закону, который можно было бы назвать теоретико-познавательнымъ закономъ относительности (*law of relativity*). Въ томъ, что вещи становятся понятны намъ только тогда, когда мы откроемъ ихъ причины, онъ видитъ признакъ ограниченности нашего познанія. Мы не въ силахъ мыслить безусловное начало. Начало явленія можетъ быть для насъ только кажущимся. Столь же мало въ состояніи мы мыслить безусловное прекращеніе. Исчезновеніе явленія можетъ быть для насъ тоже только кажущимся. Когда мы доискиваемся до условій явленія, то это значить, что мы связываемъ его съ другими явленіями, разсматриваемъ его, какъ членъ отношенія—въ силу нашей полной неспособности мыслить безусловное! Всякое бытіе для нашего познанія относительно, связано съ бытіемъ предшествующимъ. Мы становимся лицомъ къ лицу съ непонятнымъ всякій разъ, какъ скоро къ налично существующему прибавляется что-нибудь такое новое, что представляетъ нѣчто большее простого превращенія стараго въ новую форму, или какъ скоро отъ налично существующаго отнимается что-нибудь такое, что бы не возвращалось вновь въ новой формѣ. Причина и дѣйствіе покрываютъ другъ друга, и одно можно вновь отыскать въ другомъ. Понятіе причинности не есть, слѣдовательно, самостоятельное, изолированное понятіе, какъ это допускали Ридъ и Кантъ—каждый по своему. Это понятіе есть только специальная форма общаго способа дѣятельности нашего сознанія, специальный примѣръ основнаго закона, согласно которому наше познаніе можетъ постигать по своей природѣ только условно ограниченное.

Этимъ теоретико-познавательнымъ закономъ относительности Гамильтонъ освѣтилъ важную сторону нашего познанія. вмѣсто ссылокъ Рида на инстинкты здраваго человѣческаго смысла и вмѣсто схоластической таблицы категорій Канта онъ произвелъ анализъ основныхъ формъ познающаго сознанія и указалъ ихъ общій признакъ. Психологія составляетъ для него основную философскую науку. Сознаніе для философа то же, что библія для теолога; первичныя показанія сознанія должны быть признаны истинными, такъ какъ они лежатъ въ основаніи всего нашего познанія. Въ этомъ пунктѣ воззрѣнія Гамильтона совпадаютъ съ взглядомъ Рида. «Ложь не можетъ быть корнемъ нашей природы»,—поэтому допущеніе антитезы сознанія и его объектовъ, обнимаемыхъ, по Гамильтону, непосредственнымъ сознаніемъ въ своей сферѣ, должно быть истинно. Такъ просто рѣшается Гамильтономъ проблема о существованіи міра, независимаго отъ сознанія. Онъ едва даетъ ей только показаться. «Естественный реализмъ» имѣетъ въ его глазахъ право на своей сторонѣ.

Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ психологическихъ и логическихъ вопросовъ, которые разрабатывались Гамильтономъ съ большимъ остроуміемъ и ученостью *). Но мы

*) Въ своей статьѣ *O восприимчивости и т.д.* (*Vierteljahrchr. f. wissensch.* 9*

должны остановиться нѣсколько дольше на тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя выводятся Гамильтономъ изъ ограниченности познанія. Значеніе философіи не можетъ для него, само собой разумѣется, покоиться на томъ, что она должна открыть намъ абсолютную истину. Значеніе ея заключается вообще не въ готовыхъ рѣшеніяхъ, но въ неустанномъ освобожденіи духовной энергіи для дѣйствія и стремленія. Умозрѣніе упражняетъ наши духовныя силы. Правъ Лессингъ, ставя вѣчное исканіе выше обладанія истиной. Бодрствующее заблужденіе лучше дремлющей истины. Философія не теряетъ своего значенія, если приходитъ въ конечномъ итогѣ—на основаніи знакомства съ условіями нашего познанія—къ признанію нашего невѣдѣнія (къ *docta ignorantia*, какъ называетъ его Гамильтонъ, слѣдующа Кузанскому). Прежде чѣмъ достигъ этого заключенія, она развила лучшія духовныя силы и дала имъ упражненіе.

Это невѣдѣніе относительно абсолютной сущности бытія зависитъ отъ того, что наше мышленіе упирается въ дилемму, оба члена которой равно непостижимы. Если бы намъ дано было познать безусловное, то оно должно было бы предстать передъ нами или какъ безусловно ограниченное, абсолютно цѣлое, или же какъ безусловно безграничное, безконечное во времени, пространствѣ и по своимъ качествамъ; но ни того, ни другого мы не въ силахъ постичь, такъ какъ то и другое противорѣчитъ закону относительности. Гамильтонъ не думаетъ однако же, чтобы мы могли или были обре-

---

Phil XIV), стр. 189 я упомянулъ о томъ, что Гамильтонъ оказалъ большія услуги ученію объ ассоціаціи, установивъ законъ воспроизведенія по цѣлостности акта познанія). Totalitätsgesetz—law of redintegration). Изъ прежнихъ писателей здѣсь слѣдуетъ назвать, кромѣ Канта и Фриза, также *Бенке*: *Psychol. Skizzen*. I Стр. 382 и д., и уже *Хр. Вольфа*: *Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen*. § 238. Оба эти сочиненія могли быть извѣстны Гамильтону. Въ моемъ сочиненіи *Einleitung in die englische Philosophie unserer Zeit* (Нѣмецк. перев. Leipzig 1889) данъ подробный обзоръ философіи Гамильтона.—Среди учениковъ и критиковъ Гамильтона часто обсуждался вопросъ о томъ, какъ онъ понимаетъ познаніе такъ называемыхъ первичныхъ качествъ (протяженія и формы): опредѣляются-ли и эти качества субъектомъ, или же мы познаемъ здѣсь вещи въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ. *Стюартъ Милль* (въ своемъ *Examination of Sir William Hamilton's Philosophy*) находилъ здѣсь противорѣчіе съ ученіемъ Гамильтона, что все познаніе относительно, обусловлено отношеніемъ субъекта и объекта. *Манселъ* (*Philosophy of the Conditioned*. London and New-York. 1866 стр. 84) и *Вейль* (*Hamilton. Edinburgh and London*. 1882, стр. 179) излагаютъ своего учителя такъ, что онъ признаетъ относительное познаніе первичныхъ качествъ (первичныхъ якобы только по сравненію съ вторичными качествами, называемыми обыкновенно чувственными). *Георгъ Гротъ* (*Minor Works* стр. 293) полагаетъ, что Гамильтонъ мнѣялъ въ этомъ вопросѣ свою точку зрѣнія, такъ что въ тѣхъ статьяхъ, которыя находятя въ его изданіи произведеній Рида, онъ допускаетъ познаніе первичныхъ качествъ самихъ въ себѣ, между тѣмъ какъ прежде допускалъ только относительное познаніе ихъ.—Не могу высказать по этому вопросу своего мнѣнія, такъ какъ слѣдующаго Гамильтономъ изданія произведеній Рида нѣтъ въ бібліотекахъ Копенгагена.

ченъ увязнуть въ этой дилеммѣ; потому что въ силу логическаго принципа исключеннаго третьяго между двумя противоположными возможностями одно изъ двухъ предположеній *должно* быть истинно. Вѣра здѣсь, слѣдовательно, не только умѣстна, но и необходима даже. Съ одной стороны намъ было показано, что познаніе не есть мѣрило бытія, съ другой мы убѣдились, что намъ надлежитъ сдѣлать выборъ. Идея безусловнаго не есть, какъ думалъ Кантъ, положительная идея, которая имѣла бы свой естественный корень въ природѣ нашего познанія; напротивъ, она обозначаетъ отрицаніе всякаго познанія. Въ то время какъ Колбриджъ примыкалъ къ Кантовскому ученію объ идеяхъ, Гамильтонъ именно въ этомъ пунктѣ уклоняется отъ Канта. Возможность и необходимость вѣры объясняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что относительно идеи безусловнаго предъ нами двѣ возможности, которыя обѣ равно непостижимы и между которыми мы должны тѣмъ не менѣе съ логической необходимостью сдѣлать выборъ.

Выборъ опредѣляется по Гамильтону практическими, нравственными мотивами. Мы нуждаемся въ безусловномъ существѣ, которое могло бы предохранить нашъ духъ отъ уничтоженія и обезпечить его сохраненіе. Въ своемъ представленіи объ этомъ существѣ мы опираемся на аналогію съ нашимъ собственнымъ существомъ. Гамильтонъ не можетъ согласиться съ Кантовскою критикою спиритуалистической психологіи. Сознаніе, говоритъ онъ (*Lectures on Metaphysics I. стр. 158*), есть необходимое условіе всѣхъ внутреннихъ явленій; но само оно только явленіе; за нимъ должно лежать нѣчто, свойство чего оно составляетъ, и это нѣчто должно быть чѣмъ-то такимъ, что отлично отъ носителя, лежащаго за матеріальными явленіями. Между тѣмъ безусловнымъ духовнымъ существомъ, въ которое мы вѣруемъ, и тѣмъ міромъ относительностей, который открываетъ намъ наше познаніе, мы представляемъ себѣ—по аналогіи—такое же отношеніе, какое существуетъ между нашимъ духомъ и нашимъ тѣломъ. При помощи этой аналогіи Гамильтонъ совершаетъ переходъ изъ философіи въ богословіе. Конецъ философіи есть начало богословія. Но въ то же время онъ говоритъ, что въ богословіи не возникаетъ никакихъ такихъ трудностей, которыя не являлись бы уже въ философіи. И его собственное ученіе подтверждаетъ это. Дѣйствительно, то безусловное существо, которое должно быть предметомъ вѣры, устанавливается при помощи заключенія по аналогіи и должно, какъ сказано, *относиться* къ міру такъ же, какъ душа къ тѣлу; но вѣдь въ такомъ случаѣ оно условно, относительно! Гамильтонъ не показалъ, чтобы переходъ къ вѣрѣ давалъ возможность разрѣшить тѣ теоретико-познавательныя затрудненія, которыя были подняты самимъ имъ съ такою энергіей. Онъ согласенъ съ Фихте въ томъ, что Богъ, котораго можно было бы постичь, былъ бы условнымъ существомъ; но Богъ, котораго ставить въ отношеніе къ міру, былъ бы условнымъ существомъ даже при своей непостижимости, и если бы пришлось отстаивать безусловность его естества, то его понятіе содержало бы въ себѣ вну-

треннее противорѣчіе. Что касается содержанія вѣры, то приведенныя воззрѣнія Гамильтона подтверждаютъ—и это можно констатировать на цѣломъ рядѣ мыслителей, начиная съ Лейбница,— что всякій опытъ умозрительнаго или религіознаго міросозерцанія долженъ опираться сознательно или бессознательно на заключеніе по аналогіи. Вся позіція Гамильтона, характеризующаяся его психологической точкой отправленія, его критическимъ анализомъ условій и границъ познанія вмѣстѣ съ принятіемъ хода мыслей Канта и при внесеніи въ него въ то же время поправокъ и, наконецъ, его философія религіи, основанная на аналогіи, напоминаетъ такихъ нѣмецкихъ изслѣдователей, какъ Фризъ и Бенеке.

Два года спустя послѣ смерти Гамильтона его ученикъ *Генри Мансель* прочелъ рядъ лекцій, изданныхъ подъ заглавіемъ *Limits of Religious Thought*. Здѣсь онъ выводитъ слѣдствіе изъ ученія Гамильтона, что научно-обоснованное богословіе невозможно, потому что наше познаніе не можетъ простираться до безусловнаго. Но въ то же время онъ утверждаетъ, что научное мышленіе не можетъ выставлять возраженія противъ Откровенія. И примыкая къ «*Analogy*» Юсіфа Бутлера—сочиненію, имѣвшему вообще большое значеніе въ Англіи въ текущемъ столѣтіи въ дѣлѣ обсужденія религіозныхъ вопросовъ,—онъ утверждаетъ, что тѣ затрудненія и противорѣчія богословскихъ мнѣній, которыя можно указать, возникли бы при всякой попыткѣ построить законченное міросозерцаніе, даже если оно не будетъ подыматься съ почвы природы и разума. Отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе, что затрудненія вытекаютъ не изъ откровенія, но изъ ограниченности разума. Слѣдовательно, въ то, понять чего мы не въ силахъ, мы должны вѣрить. Наша обязанность вѣрить въ личнаго Бога, хотя утвержденіе, что безусловное существо можетъ имѣть личность, кажется намъ самопротиворѣчивымъ, такъ какъ личность предполагаетъ противоположность и ограниченіе. Въ догматы искупленія и вѣчныхъ наказаній мы должны были бы вѣрить и тогда, если бы даже эти догматы противорѣчили нашимъ представленіямъ о любви и справедливости. Что въ нашихъ глазахъ есть любовь и справедливость, то въ глазахъ Бога есть что-нибудь другое, быть можетъ! Мы видимъ только часть, но не цѣлое. Если бы нашъ горизонтъ расширился, то все представилось бы намъ въ другомъ видѣ! Подобно тому, какъ уже Гамильтонъ училъ, что наше пониманіе вещей въ формѣ причинъ и слѣдствій зависитъ отъ несовершенства нашей природы, такъ и Мансель учитъ, что человѣческая этика стоитъ въ связи съ ограниченной человѣческой природой; поэтому по этикѣ людей нельзя заключать объ этикѣ Божества. Человѣкъ, напр., обязанъ прощать, такъ какъ его эгоизмъ требуетъ узды; но это основаніе для необходимости прощенія не можетъ имѣть силы по отношенію къ Богу!! — Слѣдовательно, какъ человѣческой совѣсти, такъ и человѣческому мышленію отрѣзана всякая возможность вліять на оцѣнку религіозныхъ представленій. Безъ руля и безъ компаса долженъ пуститься человѣкъ, по ученію Манселя, въ от-

крытый океанъ религіи. Лучше-ли совершать теологическое мореплаваніе такимъ образомъ, это еще можетъ быть вопросомъ—пока не будутъ удостовѣрены сверхчеловѣческое мышленіе и сверхчеловѣческая совѣсть, стоящая выше всѣхъ логическихъ и этическихъ затрудненій. Философія религіи Манселя была принята сначала съ большимъ сочувствіемъ, какъ хорошее оружіе противъ раціонализма и умозрѣнія. Однако послѣ перваго воодушевленія настало, повидимому, нѣкоторое охлажденіе *), такъ какъ открылось, что это оружіе легко можетъ ранить того, кто его употребляетъ.

Кромѣ Гамильтона и его учениковъ должно назвать еще одного изслѣдователя, который плодотворнымъ образомъ проводилъ въ Англіи теорію познанія Канта. Вильямъ Юэль (1795—1866), дѣйствовавшій при Кембриджскомъ университетѣ сначала въ качествѣ естествоиспытателя (минералога), а позднѣе въ роли философа, издалъ въ 1837 г. свое сочиненіе *History of the Inductive Sciences*, за которымъ нѣсколько лѣтъ спустя (1840) послѣдовала *Philosophy of the inductive Sciences, founded upon their history*. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ старался исторически подтвердить правильность основныхъ мыслей Канта, которыя онъ не всегда понималъ, разумѣется, съ достаточной отчетливостью и ясностью. Утверждая, что все познаніе развивается на основаніи опыта, онъ стоитъ на почвѣ англійской школы. Гуманитарныя науки и естествознаніе для него равно индуктивныя науки. Но индукція не значитъ простое собраніе и сопоставленіе фактовъ; она означаетъ также группировку фактовъ во кругъ руководящей мысли, сведеніе ихъ къ общему закону. И исторія индуктивныхъ наукъ доказываетъ, что эта группировка и сведеніе выполнимы только тогда, если у изслѣдователя установятся предварительно такія мысли и точки зрѣнія, которыя даютъ возможность открыть законъ связи фактовъ. Факты должны связываться при помощи психическаго акта, возможность котораго должна лежать въ природѣ духа. Каждый изслѣдователь исходитъ поэтому изъ предположеній, которыхъ нельзя вывести изъ отдѣльныхъ фактовъ самихъ по себѣ. Эту теорію индуктивнаго метода Юэль разъясняетъ болѣе детально ближайшимъ разсмотрѣніемъ того пути, которымъ великіе изслѣдователи, Кеплеръ и Ньютонъ, напр., дошли до своихъ открытій. Понятіе эллипсиса было уже заранѣе у Кеплера точно такъ же, какъ Ньютонъ имѣлъ заранѣе понятіе силы притяженія, и только благодаря тому, что эти понятія были уже предварительно знакомы имъ, они могли сдѣлать свои открытія. Юэль не думаетъ, чтобы подобнаго рода понятія должны были лежать въ духѣ въ совершенно готовомъ видѣ, но онъ того мнѣнія, что нельзя сдѣлать никакого открытія безъ участія слѣдующей собственнымъ законамъ духовной дѣятельности. Еслибы даже спеціальныя идеи (въ родѣ идеи эллипсиса и силы притяженія) и развивались подъ

*) Cp. Masson, *Recent British Philosophy*. 3 изд. London. 1877. стр. 252 и д.—*Edinburgh Review*. July 1834, стр. 218.

вліяніємъ опыта, всетаки въ концѣ концовъ мы дошли бы до основныхъ понятій, выражающихъ не что иное, какъ именно законы познавательной способности, проявляющіеся во всей области опыта, отъ простѣйшаго чувственного воспріятія до самаго широкаго наведенія. Наблюдая тотъ способъ, какимъ наше познаніе проявляетъ свою дѣятельность, можно найти рядъ формъ или основныхъ понятій, — понятія времени и пространства, какъ основаніе математики, понятіе причинности, какъ основаніе механическихъ наукъ, понятіе цѣли, какъ основаніе органическихъ наукъ, и понятіе долга, какъ основаніе этики, — понятія, которыхъ нельзя ни свести къ простѣйшимъ формамъ, ни вывести изъ воспріятія. Юэль ограничивается тѣмъ, что выстраиваетъ ихъ въ рядъ, не подвергая болѣе близкому разсмотрѣнію, и его концепція принимаетъ благодаря этому сходство съ теоріей Рихта, между тѣмъ какъ Гамильтонъ, какъ мы видѣли, предпринялъ интересную попытку представить различныя основныя понятія, какъ различныя проявленія теоретико-познавательнаго закона относительности. Его взглядъ на отношеніе философіи и теологіи не проявляетъ также той критической пронипательности, которая отличаетъ Гамильтона. Значеніе его заключается въ исполненныхъ имъ подготовительныхъ работахъ къ теоріи индукціи. Этими очень важными работами онъ освѣтилъ индуктивный методъ, какъ *методъ открытій*, между тѣмъ какъ методъ наведенія въ качествѣ *метода доказательства* — какъ показалъ сильный противникъ его, Стюартъ Милль — не былъ оцѣненъ имъ по достоинству. Исследователь, занимавшійся преимущественно исторіей индуктивныхъ наукъ, долженъ былъ, вполне естественно, сильно выдвигать на передній планъ ту самую точку зрѣнія, которую такъ энергично отстаивалъ Юэль.

2. Джонъ Стюартъ Милль.

а. *Біографія и характеристика.*

Джонъ Стюартъ Милль, сынъ Джемса Милля, родился въ Лондонѣ 20-го мая 1806 г. Онъ служилъ примѣромъ ранняго умственного развитія, происходившаго однако подъ такимъ высокимъ давленіемъ умственного вліянія со стороны, которое едва-ли вынесла бы другая менѣе сильная и оригинальная натура и которое оставило на долгое время и на немъ слѣды, — какъ на направленіи его духа, такъ и на его физическомъ здоровьѣ. Отецъ училъ его самъ. Съ трехъ лѣтъ онъ началъ изучать греческій языкъ, а вскорѣ затѣмъ ариметику; въ то же время онъ изучалъ, разумѣется, англійскій языкъ и грамматику. Изученіе латинскаго языка началось съ восьми лѣтъ. Всеобщую исторію онъ проходилъ самостоятельно по подробнымъ сочиненіямъ и отдавалъ затѣмъ отчетъ въ прочитанномъ отцу на прогулкахъ. Послѣ того какъ значительная часть греческой и римской литературы была пройдена, онъ съ жаромъ принялся за логику, которую онъ читалъ

также самостоятельно и затѣмъ проходилъ и штудировалъ ее на прогулкахъ. Затѣмъ слѣдовали чтеніе по политической экономіи и тщательное изученіе Демосоена и Платона, причемъ особенное вниманіе обращалось на аргументацію и методъ. Уже очень рано мальчикъ долженъ былъ преподавать своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ, что давало ему случай упражняться въ овладѣніи выученнымъ и въ его примѣненіи. Не было однако и рѣчи о томъ, чтобы вдавливать проходимое. Отецъ старательно заботился о томъ, чтобы пониманіе шло рука объ руку съ сообщеніемъ свѣдѣній, и даже скорѣе предвѣряло послѣднее: «О выводахъ, къ которымъ можетъ привести размышленіе, рассказываетъ Стюартъ въ своей автобіографіи, отецъ никогда не говорилъ мнѣ прежде, чѣмъ я не истощалъ своихъ силъ, чтобы отыскать ихъ».—Милль рекомендуетъ подражать тому приему, которымъ велось его собственное обученіе. Онъ думаетъ, что все исполненное имъ могло бы быть сдѣлано всякимъ здоровымъ мальчикомъ или дѣвочкой среднихъ способностей. Хотя требованія и превышали сплошь и рядомъ способности ребенка, однако Милль считаетъ педагогически правильнымъ предъявлять подобныя требованія: «Ученикъ, отъ котораго никогда не требуется ничего такого, чего онъ не въ силахъ исполнить, никогда не дѣлаетъ столько, сколько онъ можетъ!» Онъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы это воспитаніе, позволившее ему, по его словамъ, обогнать своихъ сверстниковъ на четверть вѣка *), могло оказать вредное вліяніе на его развитіе и здоровье. Но тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тотъ духовный кризисъ, который онъ впоследствии пережилъ, и та слабость нервовъ, которую онъ страдалъ съ тридцати лѣтъ въ продолженіе всей своей жизни, были въ значительной степени послѣдствіями односторонняго и ускореннаго развитія въ дѣтскіе годы. Таково во всякомъ случаѣ мнѣніе его друзей (см. A. Bain: John

*) Въ числѣ ихъ былъ однакоже одинъ, раннее развитіе и скоро созрѣвшая ученость котораго столь же, по крайней мѣрѣ, поразительны, именно—Вильгельмъ Роуэнъ Гамильтонъ (род. 1805, ум. 1865, не слѣдуетъ смѣшивать съ философомъ Вильямомъ Гамильтономъ), прославившійся впоследствии своими оптическими и математическими открытіями. Трехъ лѣтъ отъ роду онъ умѣлъ читать и считать; четырехъ лѣтъ онъ былъ свѣдущъ въ географіи; годъ спустя онъ могъ переводить съ латинскаго, греческаго и еврейскаго и былъ хорошо знакомъ съ Гомеромъ, Мильтономъ и Драйденомъ; восьми лѣтъ онъ читалъ по-итальянски и по-французски и импровизировалъ латинскія стихотворенія; арабскій языкъ и санскритъ онъ изучилъ раньше, чѣмъ ему исполнилось десять лѣтъ, а по тринадцатому году имъ была составлена сирийская грамматика. И все это безъ вреда для физическаго и духовнаго здоровья. Все усвоивалось имъ безъ труда и съ полнымъ пониманіемъ. Онъ обладалъ тонкимъ поэтическимъ чувствомъ, былъ другомъ Вордсворта и самъ писалъ прекрасныя стихотворенія. Уже съ девяти лѣтъ онъ былъ искуснымъ пловцомъ, такъ что физическое развитіе не было въ забросѣ. Nature. 3 мая 1883.—Если сравнить его развитіе съ развитіемъ Милля и воспитаніе ихъ обоихъ съ воспитаніемъ другихъ дѣтей, то бросается въ глаза огромное различіе видовъ первоначальнаго грунта, на которомъ совершается работа воспитанія.

Stuart Mill. A Criticism. London 1882). Никогда также не хотѣлъ допустить Милль, чтобы работа могла приносить вредъ. Будучи ревностнымъ эмпирическимъ философомъ, онъ несмотря на это былъ такой большой спиритуалистъ, что не признавалъ важнаго вліянія за фізіологическими склонностями и состояніями. Поэтому онъ былъ не только того мнѣнія, что можно безъ вреда для здоровья ускорять духовное развитіе, но и не признавалъ никакого изначальнаго различія между индивидуумами. Въ основаніи надеждъ, которыя онъ возлагалъ на будущее человѣчества, лежала всегда мысль, что всѣ свойства характера суть слѣдствія воспитанія и внѣшнихъ, социальныхъ отношеній, такъ что путемъ педагогическихъ и социальныхъ реформъ можно видоизмѣнять человѣческіе характеры въ неопредѣленной степени и въ одномъ и томъ же направленіи. Въ этомъ отношеніи онъ всегда оставался сторонникомъ ученія Гельвеція, нашедшаго себѣ такихъ ревностныхъ послѣдователей въ лицѣ его отца и Бентама. Помимо физическихъ послѣдствій ускореннаго развитія, оно страдало также и тѣмъ недостаткомъ, что развивался только одинъ разумъ, чувство же и воображеніе оставались безъ развитія. Всякое произвольное развитіе настроеній и образовъ подавлялось во время этого строго рационалистическаго воспитанія. Въ то время какъ въ старости онъ рекомендовалъ въ своей автобіографіи подражать тому методу, какимъ онъ воспитывался, въ болѣе ранней стадіи онъ самъ сознавалъ его опасность. Въ одномъ разговорѣ, который относится къ 1840 г. и приводится у квакерши Каролины Фоксъ въ ея дневникѣ, онъ прямо говоритъ, что не можетъ совѣтовать раннее интенсивное напряженіе при воспитаніи всѣхъ дѣтей, такъ какъ оно легко вредитъ живости дѣтскаго возраста и благопріятствуетъ развитію рефлексіи на счетъ дѣятельности. «Я никогда не былъ ребенкомъ, говорилъ онъ, никогда не игралъ въ крокетъ; лучше всѣтаки предоставлять природѣ идти ея собственными путями».

Другой пунктъ, въ которомъ автобіографія Милля должна быть также исправлена показаніями другихъ источниковъ объ его развитіи, касается разсказа объ его религиозныхъ представленіяхъ въ пору дѣтства. Въ своей автобіографіи онъ заявляетъ, что никакого религіознаго воспитанія онъ не вкусилъ, такъ какъ его отецъ давно уже будто бы потерялъ всякую религіозную вѣру. Бѣнъ (въ своей біографіи Джемса Милля), опираясь на опредѣленные воспоминанія нѣкоторыхъ членовъ семьи, показалъ, что память обманула Стюарта Милля относительно измѣненія религіозной точки зрѣнія отца. Во время дѣтства Стюарта Милля отецъ посѣщалъ еще съ сыномъ церковь, а остальное семейство продолжало эти посѣщенія и послѣ. Сохранились опредѣленные заявленія Стюарта Милля, когда онъ былъ мальчикомъ, показывающія, что онъ читалъ съ восторгомъ Библию. Но уже очень рано отецъ началъ обсуждать съ мальчикомъ религіозные вопросы. Онъ поучалъ его, что никогда не слѣдуетъ изъ религіозной набожности обрывать ходъ мыслей и отказываться отъ проблемы, прежде чѣмъ не узнаешь

по опыту, разрѣшима она или нѣтъ. Онъ старательно показываетъ ему, что, какъ ему казалось, составляетъ крайнее затрудненіе не только для церковнаго исповѣданія, но и для вѣры въ благого и всемогущаго Творца: невозможность совмѣстить съ подобной вѣрой реальность физическаго и моральнаго зла въ мірѣ. Къ той чисто отрицательной точкѣ зрѣнія, какую Джемсъ Милль занялъ въ религиозномъ отношеніи въ зрѣлыя годы, привела его «Analogy» Бутлера. Это не первый и не единственный случай, въ которомъ апологетическое сочиненіе производитъ вліяніе, противоположное его намѣреніямъ,—здѣсь однако благодаря его глубинѣ и послѣдовательности. Этотъ порядокъ мыслей, къ которому Стюартъ Милль былъ приведенъ такъ рано, сыгралъ рѣшающую роль въ его позднѣйшемъ отношеніи къ религиозной проблемѣ, даже и тогда, когда онъ, послѣ духовнаго кризиса, занялъ болѣе положительную точку зрѣнія; и даже еще въ оставленныхъ имъ послѣ себя статьяхъ по философіи религіи можно найти слѣды бесѣды отца съ своимъ сыномъ.

Одинъ годъ своей первой юности (1820—21) Стюартъ Милль прожилъ въ Южной Франціи у брата Бентама, у котораго было здѣсь имѣніе. Этому пребыванію во Франціи онъ приписываетъ большое вліяніе на свое развитіе. Оно именно пробудило въ немъ любовь къ Франціи и интересъ къ французской литературѣ и политикѣ, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни. Французскіе историки имѣли вполнѣ вѣрно, во время важнаго періода его развитія, большое вліяніе на него; у французовъ онъ нашелъ способность воодушевленія и самообновленія, которыхъ онъ не находилъ сплошь да рядомъ у своихъ собственныхъ соотечественниковъ. Вернувшись на родину, онъ отдался занятіямъ юридическими науками и углубился въ сочиненія Бентама. У послѣдняго онъ нашелъ мысль, способную установить связь всѣхъ представленій и стремленій. Ближе познакомившись съ «принципомъ пользы» Бентама, онъ почувствовалъ себя новымъ человекомъ. Самъ онъ говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи слѣдующее:

«Этотъ принципъ сообщилъ единство моимъ представленіямъ о вещахъ. Теперь я обрѣлъ убѣжденіе, вѣру, ученіе, философію, даже религію въ лучшемъ смыслѣ слова, распространеніе и вкорененіе которой должно было составить главную задачу моей жизни. Я представлялъ себѣ массу перемѣнъ въ житейскихъ отношеніяхъ людей, которыя предстояло провести при помощи этого ученія... Открытый для меня Бентамомъ видъ на усовершенствованіе былъ достаточно широкъ и блестящъ, чтобы прояснить мою жизнь и придать опредѣленную форму моимъ стремленіямъ».

Съ жаромъ прикнулъ Милль къ кружку юношей, стремившихся ратовать за философскія и политическія идеи Бентама и Джемса Милля. Психологія Гертля, политическая экономія Мальтуса и мораль Бентама служили почвой, на которой они работали; «Вестминстерское Обозрѣніе» было ихъ органомъ, въ которомъ были напечатаны первыя болѣе значительныя статьи Стюарта Милля;

свобода мнѣній и расширеніе права голоса были главнѣйшими цѣ-
лями ихъ борьбы. Они чаяли, что если бы только просвѣщеніе и
знаніе сдѣлались совершенно доступными, можно было бы разрѣ-
шить всѣ соціальныя проблемы. Путемъ разумнаго добровольнаго
воздержанія рабочіе могли бы помѣшать сильному приросту наро-
донаселенія, составляющему главный факторъ въ паденіи зараб-
отной платы. Господство классовъ было бы сломлено расшире-
ніемъ права голоса. Представленія людей измѣнились бы, а при
посредствѣ ихъ, опять-таки въ силу ученія Гертли о нерасторжи-
мыхъ ассоціаціяхъ, и характеръ людей. Не смотря на все то
рвеніе, съ какимъ отстаивались эти идеалы и виды на будущее,
Милль замѣчаетъ тѣмъ не менѣе, что выраженіе—«мыслящая ма-
шина», часто несправедливо примѣнявшееся къ сторонникамъ Бен-
тама, дѣйствительно опредѣляло его состояніе въ этотъ періодъ.
Подобно тому, какъ возрожденія человѣческаго рода онъ ожидаетъ
не отъ безкорыстной любви къ справедливости, но «отъ просвѣщен-
наго вліянія образованнаго разума на корыстныя чувства», такъ и
имъ самимъ руководилъ главнымъ образомъ разумъ. «Мое рвеніе»,
говоритъ онъ въ своей автобіографіи, «было въ эту пору моей
жизни, въ сущности, не что иное, какъ рвеніе къ умозрительнымъ
взглядамъ. Не въ дѣйствительной благожелательности или симпатіи
къ человѣческому роду коренилось оно, хотя эти качества занимали
въ моей этической теоріи подобающее имъ мѣсто. Не стояло оно
ни въ какой связи и съ возвышенными идеалами. И несмотря на
это мое воображеніе было очень воспримчиво къ этимъ чувствамъ;
но въ то время у меня былъ недостатокъ въ естественной для
него пищѣ, повѣтискомъ образованіи, между тѣмъ какъ его антаго-
нисты, логика и анализъ, имѣлись въ избыткѣ. Прибавьте къ этому,
что преподаваніе моего отца имѣло склонность цѣнить слишкомъ
низко чувство». Въ этомъ воспитаніи Стюарта Милля сказанъ ра-
ціонализмъ 18-го вѣка, простершій свое вліяніе далеко въ новое
столѣтіе, благодаря непрестанной борьбѣ съ предрасудками и сен-
timentальными декламаціями, дававшей ему пищу и будившей его.

Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Милль пережилъ духов-
ный кризисъ, принесшій ему другое въ существенныхъ пунктахъ
міросозерцаніе. Фундаментъ всей его духовной жизни моментально
рухнулъ. Онъ впалъ въ удрученное состояніе, причемъ самъ задалъ
себѣ вопросъ, почувствовалъ-ли бы онъ дѣйствительно себя счаст-
ливымъ, если бы осуществилось все, чего онъ ожидалъ отъ умствен-
наго и политическаго прогресса, и онъ долженъ былъ отвѣтить
отрицательно. Жизнь стала ему теперь въ тягость и опустѣла. Чи-
сто механически выполнялъ онъ свою работу, источникъ же духов-
ной жизни, казался ему, изсякъ у него. Непрерывный анализъ
навѣвалъ для него холодъ на все. Психологія, согласно которой онъ
былъ воспитанъ, знала, конечно, что чувства находятся подъ влія-
ніемъ развитія представленій и видоизмѣняются имъ, но ей не было
извѣстно, что глубокія и сильныя чувства можно вызывать и под-
держивать этимъ путемъ только тогда, если произвольные опыты

и постоянно свѣжее и непосредственное воздѣйствіе будутъ давать имъ достаточную пищу. Теперь онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе въ самомъ началѣ плаванія, съ хорошо снаряженнымъ кораблемъ и съ рулемъ—но безъ вѣтрилы!—Это было реакціей противъ сильнаго напряженія въ годы дѣтства и особенно противъ односторонняго развитія разсудка. Это была въ то же время реакція противъ строя мысли 18-го вѣка, реакція, которая должна была естественно произойти въ молодомъ человѣкѣ, воспитанномъ въ мысляхъ стараго времени и стоявшемъ среди идей новаго времени, хотя бы онъ еще и не далъ имъ переступить къ себѣ порога. Новые опыты, новыя идеи и новое отношеніе къ людямъ побороли духовный кризисъ Милля.—Онъ почувствовалъ, что одно трогательное мѣсто въ одной биографіи глубоко захватило его, и это показало ему, что не изсякъ у него источникъ чувства. «Я не былъ уже болѣе въ состояніи безнадежности; я чувствовалъ, что не кусокъ дерева и не камень я». Это вселило въ него новую отвагу. Онъ углубился въ произведенія поэтвъ, среди которыхъ большое значеніе получилъ для него преимущественно Вордсвортъ. Онъ убѣдился, какую необходимую для духа пищу можетъ дать поэзія; до сихъ поръ онъ былъ склоненъ, подобно Бентamu, опасаться, чтобы она не сообщила людямъ ложныхъ представленій. Онъ учился отдавать должное въ жизни безсознательному и произвольному и позналъ, какъ важно не смотрѣть на свое собственное счастье, какъ на послѣднюю цѣль, но ставить себѣ болѣе высокую цѣль; счастье будетъ дано стремленіемъ осуществить эту цѣль. «Счастливы тѣ только, кто устремляетъ свои взоры не на свое собственное счастье, а на что-нибудь другое... Спроси самого себя, счастливъ ли ты—и ты перестанешь быть счастливымъ!»—Къ этому присоединились новыя занятія, особенно чтеніе французскихъ историковъ (Гизо, Мишле, Токвиль), отъ которыхъ онъ узналъ, что учрежденія и законы развиваются, слѣдуя естественнымъ правиламъ, что они естественно соотвѣтствуютъ ступени развитія общества и возрѣній и что совершенство ихъ слѣдуетъ оцѣнивать, въ сопоставленіи съ этой ступеню, а также и то, что порядокъ, которому слѣдуетъ прогрессъ, можетъ видоизмѣняться путемъ произвольнаго вмѣшательства только въ извѣстной степени. Особенно большое вліяніе произвели на него сочиненія Конта и сенъ-симонистовъ. Онъ познакомился съ различіемъ критическихъ и органическихъ періодовъ, а произведенія Карлейля дѣйствовали на него, какъ захватывающая поэзія личности. Онъ убѣдился, что людскихъ отношеній нельзя обсуждать чисто дедуктивнымъ путемъ, какъ онъ думалъ до сихъ поръ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и Бентamомъ, и что вѣншимъ отношеніямъ нельзя приписывать исключительное рѣшающее вліяніе. Онъ былъ склоненъ возвратитъ опыту его полныя права, что и было, впрочемъ, самымъ послѣдовательнымъ для сторонника эмпирической философіи. Этотъ кризисъ и его разрѣшеніе повліяли также и на его религіозныя представленія, хотя подробнѣе объ этомъ онъ не упоминаетъ въ своей автобиографіи.

фии и говорить только, что теперь онъ увидалъ значеніе развитія внутренняго человѣка. Основаніе религиозныхъ воззрѣній, развитыхъ имъ въ оставленныхъ послѣ себя статьяхъ, было заложено, какъ будетъ показано ниже, въ эти годы. Друзья Бентама считали его отступникомъ, между тѣмъ какъ въ другихъ кругахъ его принимали, какъ человѣка, порвавшаго съ сектантскими предрасудками, чтобы постичь истину. Джонъ Стерлингъ, другъ Милля, говорить о немъ (слова эти записаны Каролиной Фоксъ), что онъ покинулъ безопасный постъ предводителя сильной партіи, чтобы служить простымъ рядовымъ въ воинствѣ истины, и его сочиненія, надѣется Стерлингъ, будутъ содѣйствовать тому, чтобы чувству почтенія отводилось мѣсто, въ какомъ ему отказали бы очень многіе. Но что было внесено движеніемъ чувства и самозабвеніемъ и развито болѣе широкимъ историческимъ взглядомъ и религиознымъ чувствомъ, получило въ его жизни надлежащую полноту только благодаря знакомству съ женщиной, которая сдѣлалась впоследствии его супругой и которой онъ самъ приписываетъ крайне властное вліяніе на свое духовное развитіе, считая ее вообще человѣкомъ очень недюжиннаго ума. Своими чрезмѣрными панегириками этой женщинѣ онъ задалъ своимъ друзьямъ, а въ своей автобіографіи и своимъ читателямъ, загадку, приписывая ей, повидимому все, сдѣланное имъ. Секретъ заключается, конечно, въ томъ, что Эросъ оказался здѣсь, какъ это столь часто бываетъ, великимъ учителемъ, который открылъ ему глаза на идеалы, далъ сердцу чутье къ внутреннимъ, личнымъ качествамъ и привелъ въ движеніе чувство, не оставивающее у предмета, вызвавшего его. Этимъ объясняется, что родные и друзья Милля не могли замѣтить ничего особеннаго въ той, которая представлялась ему гениемъ высшаго ранга. Одинъ изъ братьевъ, знавшій ее очень хорошо, говорилъ обыкновенно, что это талантливая и замѣчательная женщина, «не имѣющая однако ничего общаго съ тѣмъ, за что ее считаетъ Джонъ». Тамъ, гдѣ Милль разъясняетъ болѣе подробно, чѣмъ онъ ей обязанъ, онъ исключааетъ изъ сферы ея вліянія свои чисто научныя работы (логику и теоретическія части политической экономіи), характеризуя ее зато, какъ женщину, которая ясно и смѣло чувствовала идеалъ и представляла возможное содержаніе будущаго, обладала сверхъ того большимъ чутьемъ къ конкретнымъ, фактическимъ отношеніямъ и способностью живо и наглядно представлять ихъ себѣ и другимъ и умѣла также вѣрно схватывать относительное значеніе различныхъ точекъ зрѣнія *). Милль нашелъ въ ней очевидно то, чего ему не хватало въ его предшествующей жизни и къ чему онъ былъ менѣе воспримчивъ благодаря своему воспитанію до тѣхъ поръ,

*) Ср. Автобіографію Стюарта Милля.—Бэнъ (John Stuart Mill. A Criticism. London 1882 стр. 163—174) даетъ интересную характеристику отношеній между Миллемъ и его супругой, основанную на различныхъ показаніяхъ и на психологическомъ изслѣдованіи.—Теодоръ Комперцъ (John Stuart Mill. Ein Nachruf. Wien 1889, стр. 18)

пока не столкнулся съ этимъ въ личной дѣйствительности. Подобно Контю онъ нашелъ свою Беатриче.

Въ очень еще молодыхъ лѣтахъ Милль началъ практическую дѣятельность, будучи опредѣленъ уже семнадцати лѣтъ на службу въ Остъ-Индской компании; на этой службѣ онъ поднялся постепенно до очень высокаго поста, который занималъ до него его отецъ. Нѣкоторое время онъ завѣдывалъ учебной частью, затѣмъ велъ корреспонденцію между правительствомъ Индіи, ея князьями и иностранными государствами и, наконецъ, въ должности Chief Examiner of the Indian Cogrespondance, имѣлъ главный контроль надъ всѣмъ управленіемъ. Дѣятельность его въ этихъ должностяхъ высоко цѣнилась компетентными людьми и при упраздненіи Остъ-Индской компании ему было предложено мѣсто въ новомъ «индійскомъ совѣтѣ», которое однако онъ отклонилъ по соображеніямъ своего здоровья. Въ свободное время онъ продолжалъ свои занятія. Очень молодымъ человѣкомъ онъ былъ ревностнымъ членомъ общества преній, въ которомъ ученики Бентама вели горячіе дебаты по философскимъ, литературнымъ и политическимъ вопросамъ съ молодыми людьми другихъ круговъ, частью съ торійскими юристами, частью съ послѣдователями Кольриджа. Его литературная дѣятельность ограничивалась нѣкоторое время участіемъ въ журналахъ и газетахъ. Свои наиболѣе значительныя статьи онъ собралъ въ рядѣ томовъ подъ заглавіемъ *Dissertations and Discussions*. Его воззрѣнія по философскимъ вопросамъ окончательно сложились около 1830 г. Изъ числа вліяній позднѣйшаго времени слѣдуетъ отмѣтить то вліяніе, какое имѣли на него Контъ и Карлейль. Въ упомянутыхъ статьяхъ обнаруживается необычайная уравновѣшенность и поразительная всесторонность, отличающія мышленіе Милля. Пройдя въ годы своего дѣтства строгую школу яснаго мышленія, восполненную болѣе богатымъ опытомъ, онъ сознавалъ въ себѣ силу признать справедливость за кое-чѣмъ многимъ и пролить свѣтъ во многія стороны.

Реакція противъ строя мысли 18-го вѣка и именно противъ воззрѣній, шедшихъ отъ Бентама и Джемса Милля, сильнѣе повліяла на социальныя, литературныя и религиозныя взгляды Милля, чѣмъ на его общую философскую точку зрѣнія (теоретико-познавательную и этическую). Записки Каролины Фоксъ рисуютъ намъ его въ кругу выдающихся людей, обычныхъ посѣтителей дома талантливаго квакерскаго семейства *). Милль ѣздилъ въ Корн-

---

описываетъ посѣщеніе Стюарта Милля. «Супруга Милля принимаетъ участіе въ разговорѣ, именно—вставляетъ «блестящую остроу», и даже когда разговоръ перешелъ на чисто философскую почву, почти благоговѣнно слушавшій ее супругъ спрашивалъ ея мнѣнія, которое она высказала ясно и складно».

*) См. *Memories of Old Friends from the Journals of Caroline Fox*. Edited by Horace S. Pym. (Tauchnitz Edition. Leipzig 1881). I. стр. 150 и д. II. стр. 218 и д. (ср. 77, 143). Эти ежедневныя записки открываютъ крайне интересную картину духовной жизни дѣлаго

валлисъ для ухода за чахоточнымъ братомъ, и передаваемые разговоры съ послѣднимъ носятъ задушевный, личный характеръ и показываютъ, какъ глубоко захватывала его жизнь и ея задачи. Онъ говоритъ сильно въ духѣ Карлейля, и окружавшіе его въ то время лица едва-ли сознавали, что находятся въ обществѣ одного изъ самыхъ радикальныхъ людей вѣка. Впослѣдствіи, когда появилась его книга «О свободѣ», усердная слушательница его нашла ее очень предосудительной (такъ же впрочемъ, какъ она находила предосудительной и книгу Карлейля—«Life of Sterling»). Для Милля не было противорѣчія между философіей личности, къ которой онъ былъ приведенъ, и строго рациональнымъ взглядомъ на познаніе и жизнь, который онъ примѣнялъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Его значеніе состоитъ, въ существенной доли, именно въ томъ, что онъ очистилъ философію личности отъ того романтическаго характера и чужанія знанія, каковой она имѣла у Карлейля. Онъ считалъ возможнымъ совмѣстить личныя задушевные чувства и воодушевленіе съ неустаннымъ искаиіемъ логическихъ основаній и причиннаго объясненія. Онъ убѣдился—послѣ кризиса—что можно имѣть широкій взглядъ на жизнь, не боясь и не презирая еще въ силу этого мышленія. Въ головѣ Карлейля это никакъ не хотѣло умѣститься. «Бѣдный малый, говорилъ онъ о Миллѣ, ему пришлось выкарабкиваться изъ бентанизма, и тѣ душевныя волненія и страданія, которыя онъ пережилъ, помогли ему дойти до мыслей, какихъ никогда не приходило въ голову Бентаму. Но тѣмъ не менѣе у него слишкомъ велико стараніе все доказывать. Попади Джонъ Милль на небо, онъ, вѣроятно, не успокоился бы до тѣхъ поръ, пока не уяснилъ бы себѣ, какъ тамъ все устроено. Что меня касается, я не особенно тревожился бы относительно механизма того свѣта и даже совсѣмъ не задавался бы вопросомъ, существуетъ-ли среди ангеловъ рабочее сословіе или рабочій классъ». (Memories of old Friends from the Journals of Caroline Fox. I, стр. 268. Tauchn. Ed). Въ этой юмористической формѣ Карлейль указалъ очень мѣтко различіе между самимъ собой и Стюартомъ Миллемъ.

Стюартъ Милль приписывалъ крайне большое практическое значеніе чисто теоретическимъ спорамъ, которые велись въ новѣйшее время между эмпиризмомъ и умозрѣніемъ. Всѣ ложныя воззрѣнія и направленія въ моральной, религіозной и соціальной сферахъ останутся, по его мнѣнію, неуязвимы до тѣхъ поръ, пока не будетъ опровергнуто утвержденіе, что можно обрѣтать истины путемъ непосредственнаго усмотрѣнія и чистаго мышленія, независимо отъ опыта и наблюденія. Это утвержденіе допускаетъ дѣйствительно, чтобы какое-нибудь мнѣніе служило доказательствомъ самому себѣ. Никогда не было придумано лучшаго и болѣе вѣрнаго

ряда выдающихся англійскихъ мыслителей, поэтовъ и людей науки. Каролина Фоксъ записывала много лѣтъ подъ рядъ каждый вечеръ все, что запоминала изъ разговоровъ выдающихся гостей въ домѣ ея родителей.

средства для поддержанія всѣхъ закоренѣлыхъ предрасудковъ. Этому Милль противопоставляетъ попытку вывести все познаніе изъ опыта и объяснить всѣ умственные и нравственные качества при помощи законовъ ассоціаціи представленій. На этомъ пути достаточно задачъ для рѣшенія. между тѣмъ какъ интуитивная философія, представляющая реакцію 19-го вѣка противъ 18-го. потакаетъ мирному покою людей и даетъ въ то же время охрану всякимъ консервативнымъ предрасудкамъ. Этотъ ходъ мыслей лежалъ въ основаніи его работъ надъ двумя главными философскими сочиненіями *System of Logic* (1843) *Examination of Sir William Hamilton's Philosophy* (1865).—Въ своей логикѣ онъ далъ впервые теорію наведенія, систематизирующую экспериментальные методы, подобно тому, какъ Аристотель систематизировалъ тѣ методы, которыми слѣдуетъ дедуктивное разсужденіе. Предшественниками Аристотеля были греческіе философы и софисты, а почвой ему служили тѣ горячіе дебаты, которые происходили въ Афинахъ, главнымъ образомъ въ сократическихъ школахъ. Стюартъ Милль опирался на исторію современнаго естествознанія за послѣднее трехсотлѣтіе и на анализъ тѣхъ формъ, въ которыхъ двигалась его работа. Его трудъ представляетъ самое послѣдовательное проведеніе эмпиризма въ теоріи познанія изъ всѣхъ когда-либо дѣлавшихся попытокъ, подобно тому какъ его отецъ провелъ въ своемъ «*Analysis*» эмпиризмъ въ области психологіи. Въ основаніи логики Милля сказалось очевидное и неискоренимое вліяніе психологической теоріи его отца, отъ которой онъ повиднѣ (частію въ примѣчаніяхъ къ новому изданію «*Analysis*», частію въ обзорѣ философіи Гамильтона) отказывается, не сознавая, какое вліяніе именно на теорію знанія имѣетъ это отступничество. Его горячая любовь къ истинѣ сказывающаяся въ томъ, что онъ неутомимо и тщательно обсуждаетъ всякое возраженіе, чтобы дать проявить ему его полную силу, открыла ему глаза и на такія истины, какихъ въ началѣ своего жизненнаго поприща онъ не постигалъ еще. Въ 1830 г. онъ началъ работать надъ своей логикой, а въ послѣднемъ изданіи своего обзора философіи Гамильтона онъ вноситъ, уже наклонѣ лѣтъ, измѣненія въ свою теорію, вызванныя постояннымъ занятіемъ философскими и психологическими проблемами. Исходя сначала изъ теоріи Юма и Джемса Милля, что сознаніе есть только рядъ или собраніе самостоятельныхъ элементовъ, вступающихъ въ связь другъ съ другомъ чисто внѣшнимъ и собственно непонятнымъ образомъ по законамъ ассоціаціи, онъ призналъ въ концѣ концовъ единство и связь сознанія за основной психологической фактъ. Милль призналъ теперь краугольнымъ камнемъ то «объединяющее начало», которое Юмъ хотѣлъ совершенно устранить. Этимъ отмѣчается разрывъ съ прежней англійской школой, значенія котораго Милль не сознавалъ.

Кромѣ названныхъ чисто философскихъ произведеній (къ числу которыхъ слѣдуетъ присоединить еще интересную работу объ Огюстѣ Контѣ), у Милля есть цѣлый рядъ важныхъ сочиненій

этического, социального и политического содержания. Сюда относятся его *Principles of Political Economy* (1848); в этом труде он рассматривает политическую экономию, как часть социологии в ее целом, и проводит отделение законов производства от законов распределения, позволяющее ему признать все, что есть справедливого в социалистических системах. Идя по стопам отца и Бентама, он ратовал до сих пор против господства классов за личную свободу, между тем как теперь ему стало ясно, что за политической эманципацией кроется гораздо более серьезный, социальный вопрос. Сенъ-симонисты открыли ему раньше еще глаза на этот последний. Что он не потерял сознания значения личной свободы, показывает его *Essay on liberty* (1859). В трактате *Utilitarianism* он защищает этику утилитаризма от ее противников, а в *Considerations on representative government* (1860) дает свою политическую теорию.

Отъ 1865—1868 г. Милль был членом нижней палаты, где его цѣнили за ясность и знаніе дѣла, хотя онъ говорил преимущественно по самым непопулярнымъ вопросамъ. Гладстонъ отозвался въ одномъ письмѣ (отъ 19 дек. 1888, цитируется у Ко мперца: *John Stuart Mill. Ein Nachruf. Wien 1889, стр. 46*) о парламентской дѣятельности Милля слѣдующимъ образомъ: «Выдающіяся способности Милля были очень хорошо извѣстны всемъ намъ, прежде чѣмъ онъ вступилъ въ парламентъ. Что касается его дѣятельности здѣсь, то она показала намъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, необычайное благородство его характера. Я называлъ его обыкновенно въ разговорахъ въ это время... святымъ рационализма... Онъ былъ совершенно недоступенъ и стоялъ неизмѣримо выше всехъ побужденій и мотивовъ, влияющихъ обыкновенно на парламентскихъ дѣятелей черезъ посредство ихъ эгоизма. Его рѣчи и образъ дѣйствій дѣйствовали въ этомъ отношеніи, какъ проповѣдь. Съ другой стороны, хотя онъ и былъ философъ, но рѣшительно безъ всякихъ причудъ. По моему мнѣнію, онъ соединялъ здравый смыслъ и практической тактъ государственнаго человѣка съ высокой самостоятельностью мыслителя-отшельника. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что я съ радостью привѣтствовалъ его появленіе въ парламентѣ и глубоко сожалѣлъ объ его исчезновеніи—въ интересахъ всей палаты общинъ. Его дѣйствіе на всехъ насъ было спасительно. Такіе люди—долженъ, къ сожалѣнію, признаться—рѣдки во всякой партіи, во всякомъ политическомъ направленіи». Причина, почему Милль не былъ избранъ вторично, заключалась отчасти въ томъ, что противъ него воспользовались его религиозными воззрѣніями, отчасти въ томъ, что его радикальныя политическія воззрѣнія шли слишкомъ далеко даже и для того класса избирателей, которые подали голосъ за него.

5 мая 1873 г. Милль умеръ во время пребыванія въ Авиньонѣ. Съ нимъ отошелъ одинъ изъ самыхъ великихъ, правдивыхъ и благородныхъ умовъ нашего вѣка, одинъ изъ тѣхъ, кого можно

сопоставить съ великими людьми древности. Его жизненное поприще, какъ онъ его самъ описалъ, можетъ служить всякому ищущему источникомъ для поученія, а его сочиненія проливаютъ новый свѣтъ на нѣкоторые важные предметы человѣческаго мышленія *).

Пер. Д. Викторовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очеркъ соціального развитія Англіи до XVIII вѣка.

Что нѣтъ на свѣтѣ ничего вѣчнаго и постояннаго, что «все течетъ, все измѣняется»,—стало въ наше время банальной истиной. Теперь всякому и «не учившемуся въ семинаріи», извѣстно, что когда то, въ сѣдую старину, люди жили далеко не такъ, какъ теперь, что вся политическая и экономическая структура обществъ съ того времени совсѣмъ измѣнилась, что даже общій внѣшній видъ любой страны представляетъ теперь совсѣмъ иную картину.

Напримѣръ, смѣлому аэронавту 19-го вѣка, поднявшемуся надъ Британскими островами, прежде всего бросятся въ глаза огромные города, густо разсѣянные по всей странѣ и переполненные населеніемъ, кишачимъ на улицахъ; потомъ, сейчасъ же поразитъ его взоръ наброшенная на всю страну густая и причудливо сплетенная сѣтка—это линіи желѣзныхъ дорогъ; онѣ соединяютъ нервныя узлы страны—города. Наконецъ, изъ-подъ этой сѣтки станутъ выдѣляться мѣстами зеленыя пятна—это помѣстья лордовъ и фермы арендаторовъ. Если сюда присоединить еще массу фабричныхъ и заводскихъ грубъ, сотни тысячъ церковныхъ колоколенъ, всевозможныхъ башенъ, мостовъ, получится довольно пестрая и занимательная картина.

Совсѣмъ не то увидѣлъ бы воздухоплаватель среднихъ вѣковъ. Тогдашняя Англія не могла бы надолго привлечь его взоры: ужъ слишкомъ все пустынно и однообразно. Не было ни большихъ городовъ, ни роскошныхъ построекъ, ни желѣзныхъ дорогъ. Прибли-

*) Критика нѣкоторыхъ воззрѣній Милля, на которой я и теперь настаиваю, побудила меня употребить въ моей книгѣ *Den engelske Filosofii vor Tid* по отношенію къ Миллю выраженія, умаляющія его значеніе, которыхъ я не употребилъ бы теперь и которыя были вычеркнуты уже въ нѣмецкомъ переводѣ (Введение въ англійскую философію нашего времени. Пер. Д-ра Н. Kugella. Leipzig 1889). Ихъ опровергаютъ, вромѣ того, оставленныя послѣ себя Миллемъ статьи по философіи религіи, не появившіяся еще въ то время. Нѣсколько разъ возобновлявшіяся занятія Миллемъ и его сочиненіями еще болѣе увеличили мое къ нему уваженіе.

зительно на равномъ разстояніи другъ отъ друга были разбросаны небольшія деревушки, очень похожія одна на другую. И только мѣстами, словно оазисы, попадались болѣе населенныя деревни, окруженныя стѣной или валомъ, это были города. Такова Англія до 12-го вѣка. Вся жизнь того времени сосредоточивалась въ деревнѣ; въ ней находился жизненный нервъ тогдашняго общества. Поэтому, къ ней мы и обратимся сейчасъ.

По большей части, деревня тогда совпадала съ «маноромъ», этой экономической, юридической и административной составной единицей средневѣковаго общества. *Маноръ* въ X, XI и XII вѣкахъ состоялъ изъ помѣщика-лорда, виллановъ—крѣпостныхъ и очень незначительнаго числа свободныхъ держателей. Вся земля *манора* дѣлилась на барскую, на которой хозяйничалъ самъ помѣщикъ, и зависимую, на которой уже сидѣли крестьяне, *всѣ* зависимые отъ лорда, но не въ одинаковой степени. Вотъ *основныя* составныя части манора. Дѣлаю удареніе на словѣ «основныя», такъ какъ тутъ было много видоизмѣненій, но я беру для ясности пока лишь крупныя дѣленія.

Все населеніе манора составляло въ экономическомъ отношеніи общину. Земля была уже только во владѣніи общинномъ, пользованіе же ею сдѣлалось чисто индивидуальнымъ. Это, впрочемъ, не мѣшало крестьянамъ часто обрабатывать свои поля совмѣстно. Дѣло въ томъ, что и тогда уже былъ довольно многочисленный классъ хозяевъ безъ достаточнаго количества рабочаго скота. Имъ волей неволей приходилось складываться съ своими сосѣдями и пахать совмѣстно. Но общимъ правиломъ была самостоятельная обработка земли. Каждый вилланъ сидѣлъ на особомъ участкѣ, приблизительно въ 30 моргеновъ, и хозяйничалъ на немъ, какъ хотѣлъ. Надѣльная система носила замѣтный фискально-административный характеръ. Хотя при раздѣлахъ и стремились не только къ количественному, но и къ качественному равенству надѣловъ, но это далеко не удавалось, такъ какъ приходилось принимать во вниманіе и количество рабочаго скота, т. е. степень надежности хозяйственныхъ силъ надѣляемаго виллана. Для поддержанія равномѣрности надѣловъ прибѣгали часто къ передѣламъ. А передѣлы и отъ дифференціаціи не спасли деревни, создали странную черезполосицу. Система хозяйства повсюду, за самыми незначительными исключеніями, была трехпольной. Объ интенсивности и какихъ-либо успѣхахъ въ сельскомъ хозяйствѣ и говорить нечего: для этого непреодолимымъ тормазомъ были принудительный сѣвооборотъ и черезполосица.

Кромѣ надѣла, у виллана были еще лѣсъ, луга, выгоны и торфяныя болота. Всѣ эти угодья находились еще въ общемъ пользованіи. Когда-то это пользованіе было безгранично, а если и ограничивалось, то только потребностями крестьянина. Теперь же оно ограничено величиной надѣла, такъ что даже самъ лордъ не можетъ пасти произвольное число скота на общинныхъ выгонахъ.

Лордъ сперва былъ тоже членомъ общины, только членомъ привилегированнымъ, благодаря своей большей экономической силѣ и благодаря данной ему впоследствии юридической и административной

власти. Усадьба его стояла на окраинѣ деревни, но пашня была перепугана съ крестьянскими надѣлами, и общиннымъ настоящемъ пользовался онъ наравнѣ съ другими общинниками.

Слѣдовательно, о большихъ преимуществахъ помѣщика въ веденіи своего полевого хозяйства не можетъ быть и рѣчи: онъ также былъ стѣсненъ и принудительнымъ сѣвооборотомъ, и даже черезполосицей. Все его полевое и домашнее хозяйство велось, конечно, при помощи крѣпостного труда. Руководилъ всѣмъ самъ лордъ при содѣйствіи своихъ «министеріаловъ», дворовыхъ слугъ. Изъ числа этихъ министеріаловъ онъ назначалъ одного управляющимъ. Управляющій, всегда назначаемый помѣщикомъ, и староста, по большей части, избираемый сельскимъ сходомъ, были центромъ управленія въ каждомъ *манорѣ*. Староста, выбранный всей общиной на сельскомъ сходѣ, былъ представителемъ села передъ баринимъ и государствомъ. Онъ наблюдалъ за работами на барской землѣ, такъ какъ вся община была связана по отношенію къ помѣщику круговой порукой, и раскладка повинностей происходила на сходѣ. Онъ же, какъ представитель общины, участвовавшей въ судебно-политической жизни страны, являлся въ земскіе и королевскіе суды. Вотъ, въ общихъ чертахъ, *маноръ* въ хозяйственномъ отношеніи. Перейдемъ теперь къ его полицейской и судебной сторонѣ.

Прежде всего, бросается въ глаза очень самостоятельная и независимая роль общины въ отправленіи судебной и полицейской жизни *манора*. «Хотя сеньеральная власть была не ограничена, но она была скорѣе средоточіемъ, около котораго располагаются различныя собранія, управляющія общиной». Помѣщику просто невыгодно было разрушать корпоративный союзъ общины, такъ какъ его «министеріалы» преслѣдовали больше свои собственные интересы, чѣмъ интересы сеньера, и полагаться на нихъ уже нельзя было.

Собранія въ *манорѣ* были троякаго рода. Компетенція собраній перваго рода простирается на всѣ дѣла, подлежащія въ настоящее время вѣдѣнію полиціи и уголовной юрисдикціи; собранія второго и третьяго рода устанавливаютъ хозяйственные распорядки въ предѣлахъ *манора*, свидѣтельствуютъ гражданскія сдѣлки, разбираютъ гражданскія претензіи, судятъ нѣкоторые проступки и т. д... Провести точное различіе между вторымъ и третьимъ собраніями невозможно. Являться на всѣ эти собранія не только имѣли право, но должны были всѣ сельчане, кромѣ дѣтей, женщинъ, рабовъ, бывшихъ личными слугами у сеньера и пастуховъ. Такого широкаго самоуправленія крѣпостной общины на континентѣ мы не находимъ. Это представляетъ оригинальное явленіе англійскаго феодализма. Въ общемъ же, англійскій феодализмъ представляетъ почти полную параллель континентальному. Всѣ существенныя черты континентальнаго феодализма находите и въ Англійи. И тамъ, и тутъ, говорятъ г. Виноградовъ: «мы имѣемъ, во первыхъ въ территориальномъ отношеніи бенефиции—пожалованія за службу, т. е. связь между землевладѣніемъ и службой; во вторыхъ, видимъ иммунитетъ, отчужденіе государственныхъ правъ въ пользу частныхъ лицъ: въ англійскомъ феодализмѣ развивается

право «*saca at soca*», право помѣщика на судъ въ своемъ помѣстьѣ; наконецъ, въ третьихъ, мы видимъ патронатъ: сильные феодалы являются патронами для мелкихъ людей, которые прибѣгаютъ къ ихъ зашитѣ, не надѣясь на помощь разложившагося государства». Развитие феодализма въ Англии, значитъ, было такое же, какъ и въ другихъ странахъ, но результаты, уже завершенныя формы этого развитія носятъ нѣсколько иной характеръ. «Въ Англии разложеніе не достигло такой полноты, какъ, напримѣръ, во Франціи», говорятъ г. Виноградовъ. «Провинціальное разложеніе въ Англии не пошло такъ далеко, какъ во Франціи, и феодализмъ выразился болѣе въ слабости государственной власти, чѣмъ въ распаденіи государства на самостоятельныя части», говорятъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ.

Въ Англии не было такихъ самостоятельныхъ княжествъ, которыя были бы вполне независимы отъ государственной власти, какъ, напримѣръ: Бургундія и Нормандія во Франціи или Баварія и Саксонія въ Германіи. Доказательствомъ этого можетъ служить постоянное существованіе и развитіе общегосударственнаго сейма—*Witenagemot'a*. Также и по отношенію къ мѣстному населенію сеньеральная власть въ Англии не носила такого абсолютистическаго характера, какъ на континентѣ. Это видно хотя бы изъ того, что сохранилось еще довольно самостоятельное сельское и областное самоуправленіе. Чего больше, когда представители отъ села принимали участіе даже въ «*Folkmot'ъ*», высшемъ судебномъ и административномъ учрежденіи области! Мѣстными же дѣлами завѣдывалъ «*Hundertmot'*», состоявшій изъ мелкихъ помѣщиковъ, а также и изъ представителей отъ селъ. Такова, въ общихъ чертахъ, англійская деревня въ эпоху расцвѣтшаго феодализма.

Теперь возникаетъ вопросъ: какъ же произошла феодально-крѣпостная община, какимъ образомъ, вообще, развился феодализмъ? Определеннаго и яснаго отвѣта на этотъ вопросъ мы еще не получили. Историки держатся двухъ противоположныхъ взглядовъ: одни выводятъ средневѣковую сельскую общину изъ крѣпостной римской или, вѣрнѣе говоря, изъ римскаго колонатнаго хозяйства; другіе же объясняютъ ея происхожденіе путемъ перерожденія древне-германской родовой общины. Слѣдовательно, первые полагаютъ, что крѣпостническія отношенія—вторая стадія развитія рабства, вторые же считаютъ крѣпостного потомкомъ не раба, а члена свободной родовой общины.

Мнѣ кажется, объясненія историковъ второй школы болѣе удовлетворительны. Они фактически показываютъ, какъ еще въ 7-мъ вѣкѣ въ Германіи свободныя села становились крѣпостными, благодаря переходу судебной власти помѣщика въ земледѣльческую. Сначала, моль, помѣщикъ былъ только судьей, поставленнымъ отъ государства; потомъ же, когда центральная власть стала слабѣть, онъ сдѣлался и вотчинникомъ, владѣльцемъ крестьянскихъ земель. Если же предположить, что феодальная община произошла изъ крѣпостной римской, то какъ тогда объяснить присутствіе въ ней, еще въ очень раннее время, свободныхъ элементовъ? Что такіе элементы были,

тому проф. Виноградовъ, напримѣръ, приводитъ документальныя доказательства. Да на это, наконецъ, указываетъ большая самостоятельность средневѣкового села по отношенію къ помѣщику. А разъ были свободны въ общинѣ, то откуда же они могли взяться, если бы прежде община не была свободной родовой?

Вотъ какъ говоритъ проф. Виноградовъ на этотъ счетъ: «Дѣло въ томъ, что община въ своемъ хозяйственномъ и юридическомъ развитіи вездѣ завершается сельскимъ сходомъ и судомъ, которые завѣдуютъ хозяйственными и мелкими судебными дѣлами гражданскаго характера. Судъ и сходъ поставлены иногда чрезвычайно самостоятельно по отношенію къ помѣщику, и послѣдній очень часто занимаетъ только положеніе предсѣдателя. Это самостоятельное положеніе сельской куріи не можетъ быть отнесено къ тому времени, когда фактическая власть сосредоточилась въ рукахъ помѣщиковъ, а должно восходить къ вѣчевому устройству свободной общины».

Относительно Англій г. Виноградовъ представляетъ дѣло такъ:

Вся саксонская эпоха англійской исторіи, по его мнѣнію, характеризуется смѣшеніемъ римскихъ элементовъ съ германскими. Поэтому то, молъ, и трудно разобратъ въ экономическихъ порядкахъ этого періода. Римская система основана на частномъ землевладѣніи, германская же — на общинно-родовомъ; перемѣшавшись между собой, онѣ и дали нѣчто среднее. Но такъ какъ германскаго элемента вошло гораздо больше, то и во всемъ англо-саксонскомъ строѣ преобладаетъ принципъ свободы.

Землевладѣніе, напримѣръ, за исключеніемъ незначительныхъ римскихъ остатковъ, было родовымъ владѣніемъ — «*folkland*'омъ». Его г. Виноградовъ такъ характеризуетъ: «*Folkland* есть древнѣйшая форма земельного владѣнія, ограниченнаго правомъ рода и утверждаемаго не грамотой, а народнымъ обычаемъ и свидѣтельствомъ». Изъ этого *folkland*'а съ теченіемъ времени стала развиваться частная земельная собственность, называвшаяся тогда «*bockland*». Еще въ 7-мъ вѣкѣ началъ выдѣляться изъ тогдашняго однороднаго общества аристократическій элементъ; но пока вся разница между нимъ и остальной свободной массой состояла только въ имущественномъ неравенствѣ. Составными частями населенія, значитъ, были *свободные*, носившіе кличку «керли», и родовая болѣе зажиточная правительствующая аристократія, называемая «ерли». Сюда же нужно присоединить незначительное число полусвободныхъ и рабовъ, какъ римское наслѣдіе. Итакъ, преобладающею частью населенія были свободные.

Въ IX вѣкѣ начинается сильная дифференціація населенія и быстро развивается имущественное неравенство.

Одна часть общества растетъ въ числѣ и богатѣтъ, другая же постоянно бѣднѣетъ и начинаетъ терять свою экономическую самостоятельность. *Керли*, бывшіе раньше совсѣмъ свободными, въ X и XI вѣкахъ попадаютъ въ земельную зависимость отъ своего богатаго соседа, крупнаго землевладѣльца. Главной причиной возникновенія этой зависимости была задолженность экономически слабыхъ хозяевъ.

Хотя личной свободой они еще пользуются, но безъ экономической она стала фикціей. А немного погодя, лишились и личной свободы. «Постепенно ухудшаясь, положеніе саксонскихъ керлей переходить въ положеніе норманнскихъ виллановъ: договорная зависимость замѣняется подчиненіемъ волѣ землевладѣльца».

Слѣдовательно, уже въ X и XI в. «общество перестраивается на феодальныхъ началахъ» и принимаетъ «приблизительно тѣ формы, которыя извѣстны намъ изъ быта норманнской эпохи».

Слѣдовательно, процессъ феодализаціи общества совершался постепенно и развивался органически изъ разложенія прежней родовой общины. Когда-то были всѣ равны и въ имущественномъ, и въ правовомъ отношеніи. Съ теченіемъ времени, еще на почвѣ самого родового строя, образуется неравенство имущества. Болѣе богатые постепенно приобрѣтаютъ себѣ административную и юрисдикціонную власть, не пользуются никакими особыми привилегіями. Имущественное неравенство продолжаетъ прогрессировать. Слабымъ хозяевамъ, обремененнымъ долгами и всякими общественными повинностями, становится не въ моготу, и они начали искать помощи и защиты у представителей общеннаго могущества и становились подъ покровительствомъ сильнаго сосѣда. Это имъ, конечно, даромъ не обошлось: сперва они потеряли имущественную самостоятельность, а впослѣдствіи и личную. Уже въ XI в. считается 10,000 свободныхъ, 23,000 семействъ сокменовъ и 200,000 крѣпостныхъ.

Итакъ, не норманнское завоеваніе создало феодальный строй. Въ основныхъ своихъ чертахъ феодализмъ развился еще въ англо-саксонскую эпоху. Норманнское завоеваніе только довершило его. Напримѣръ, земли, которыми когда-то владѣли свободные люди, перешли при Вильгельмѣ Завоевателѣ въ видѣ бенефіцій въ руки его сподвижниковъ-норманновъ, а прежніе свободные собственники стали крѣпостными. Повинности мелкаго люда стали увеличиваться, и личная независимость крестьянъ стала уже переходить въ область преданій.

Вильгельмъ Завоеватель ничего новаго не ввелъ, а только узаконилъ то, что уже было, постановивъ: «*Nulle terre sans seigneur*», т. е. вся земля объявляется отнынѣ феодальной.

Послѣ этого отличить въ феодальной деревнѣ свободныхъ отъ крѣпостныхъ становится трудно. Всѣ стоятъ въ той или иной зависимости отъ сеньера, и только по различнымъ степенямъ этой зависимости можно отличить бывшихъ свободныхъ отъ крѣпостныхъ *).

Раньше я раздѣлялъ населеніе *манора* на три части: сеньерь, свободные и вилланы.

---

*) Отсюда то и возникаетъ разногласіе между историками относительно свободныхъ крестьянъ, существованіе которыхъ въ древне-феодальной общинѣ въ которыхъ учеными совершенно отрицается; отсюда и различіе въ терминологіи разныхъ составныхъ группъ населенія. Напримѣръ, терминъ «сокмены» примѣняется одними къ свободнымъ, другими къ полусвободнымъ, третьими къ такой группѣ, которая ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ крѣпостныхъ.

Теперь читатель видитъ, что свободнаго послѣ 1066 г. уже трудно отличить отъ обыкновеннаго крѣпостнаго виллана. Эти двѣ категоріи постоянно смѣшиваются. Свободнаго въ современномъ смыслѣ этого слова въ то время не могло быть, такъ какъ всѣ крестьяне еще сидѣли на землѣ, а земли свободной не было, благодаря введенному норманнами правилу: «*Nulle terre sans seigneur*». Свободный отличался отъ виллана только тѣмъ, что онъ стоялъ въ меньшей личной зависимости отъ феодала. За пользованіе землей онъ платилъ помѣщику оброкъ и несъ личную службу только въ экстренныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, во время жатвы, сѣнокоса, уборки хлѣба и т. д. Вилланъ же или обыкновенный крѣпостной находился въ полной личной и имущественной зависимости отъ помѣщика. Кромѣ того, что онъ наравнѣ съ свободнымъ зависѣлъ отъ сеньера по суду, онъ долженъ былъ еще нести правильную барщину. Все его хозяйство и всѣ члены его семьи эксплуатировались сеньеромъ до послѣдней степени возможности. Мало того, что крѣпостной несъ барщину, онъ еще платилъ помѣщику за землю и скотъ, за право держать овецъ и имѣть собственные загоны, за право варить пиво, молоть и печь хлѣбъ у себя на дому, за пользованіе лѣсомъ, за охоту, за покровительство, за право продажи чего бы то ни было; платилъ онъ съ очага, съ косы, за приростъ членовъ своей семьи, за приростъ живого инвентаря и т. д... Словомъ, въ хозяйствѣ крѣпостнаго не было даже пустяка, за что бы онъ не долженъ былъ платить или чѣмъ бы не долженъ былъ подѣлиться съ своимъ баринномъ.

Права сеньера были ограничены только обычаемъ. Свободный человѣкъ тоже не имѣлъ права ни распоряжаться, ни бросать земли, на которой сидѣлъ; но онъ былъ, по крайней мѣрѣ, юридически защищеннымъ лицомъ. Вилланъ же былъ въ полной зависимости отъ помѣщика. Онъ не имѣлъ права безъ вѣдома помѣщика даже дочь выдать замужъ или сына послать въ ученіе. Для этого необходимо было разрѣшеніе, а оно, конечно, не давалось даромъ. Итакъ, ясно, что существовала большая разница между правовымъ положеніемъ свободныхъ и крѣпостныхъ виллановъ. Группа виллановъ, впрочемъ, тоже не представляла изъ себя однородной величины. И въ ней произошло огромное экономическое неравенство. Такъ, кромѣ полнонадѣльныхъ и полунадѣльныхъ, была уже особая категорія крестьянъ, такъ называемыхъ «*bordars*», сидящихъ на клочкахъ земли, величиной въ 2 или 3 *morgen*'а, и не имѣющихъ ни плуга, ни быковъ. Имъ приходилось заниматься огородничествомъ или батрачествомъ. По сообщеніямъ Эшли, въ XI в. ихъ насчитывается уже 32% всего населенія, въ то время какъ надѣльныхъ крестьянъ — 38% и рабовъ — 9%.

Рабы въ это время сохранились только въ помѣщичьихъ имѣніяхъ въ качествѣ личной дворовой прислуги. Позднѣе они стали называться «министеріалами» и служили посредниками между феодалами и массой населенія. Часть ихъ достигла высшихъ ступеней дворовой службы, такъ что впоследствии среди рыцарей можно было найти не

мало бывших «министеріаловъ». Часть же превратилась въ хозяйствъ небольшихъ участковъ земли, подобныхъ «*bordars'амъ*», только находящихся еще въ большей зависимости отъ помѣщика.

И такъ, въ *маноръ* подъ владѣльческой и судебно-административной властью феодала, былъ ли то лордъ, епископъ, прелатъ или монастырь, находилось не совсѣмъ однородное населеніе. Различныя части его стояли въ разной степени зависимости отъ помѣщика.

Ну, а феодалы представляли изъ себя однородную величину? Нѣтъ, далеко нѣтъ. И они различались между собой и по своему имущественному положенію и по степени близости къ королю. Всѣхъ ихъ въ XI в. насчитывается около 10,000. Изъ этого довольно почетнаго числа, составляющаго почти 1% всего населенія, только 600 держали земли непосредственно отъ самого короля и составляли центръ самаго крупнаго и знатнаго рыцарства. Остальные же держали имѣнія уже отъ этихъ болѣе крупныхъ феодаловъ. Наиболѣе знатные и приближенные короля владѣли иногда по 500 и 900 имѣній, но имѣнія каждого были не сконцентрированы, а разбросаны по всей странѣ. Вотъ это обстоятельство и было главнымъ препятствіемъ въ Англии для образованія отдѣльных, независимыхъ отъ центральной власти, областей, т. е. для развитія политическаго феодализма. Иногда «владѣнія одного сеньера располагаются сразу въ десяти графствахъ... Имѣнія свѣтскихъ магнатовъ входили въ общую систему, входили въ составъ сотенъ и графствъ и не могли обосноваться на самостоятельныхъ началахъ».

Всего-на-всего свѣтскимъ феодаламъ принадлежало около 15,000 имѣній.

Вассалы за свои лены, конечно, обязаны были службой королю и, по его первому требованію, должны были являться съ вооруженнымъ войскомъ. Они были, наконецъ, администраторами и судьями въ своихъ провинціяхъ и округахъ; но никакими сословными привилегіями не пользовались: подати платили такъ же, какъ и всѣ, судились тѣмъ же судами, что и всѣ и т. д... Если и имѣли какія нибудь привилегіи, то только почетнаго характера. За то англійская аристократія, за бѣдность ея сословныхъ преимуществъ, была награждена большими политическими правами.

Какъ ни богаты и обширны были владѣнія свѣтскихъ феодаловъ, всегакъ духовенство ихъ перецегаляло. Церковь была въ то время наикрупнѣйшимъ земельнымъ собственникомъ: въ распоряженіи ея была $\frac{1}{3}$ англійской территоріи. Само собой разумѣется, что, благодаря такимъ громаднымъ владѣніямъ, духовенство въ средніе вѣка имѣло огромную силу, прежде всего, экономическую, а затѣмъ уже политическую и культурную. Вліяніе его отражалось на всѣхъ сторонахъ тогдашней общественной жизни и вліяніемъ этимъ оно обязано не тому, что проповѣдывало Евангеліе и служило обѣдни по церквамъ, но всецѣло своей экономической силѣ, своей экономической роли въ народномъ хозяйствѣ.

Роджерсъ и Каутскій указываютъ, что монастыри имѣли громадное вліяніе на населеніе уже въ силу того, что вели на своихъ зем-

ляхъ образцовое хозяйство и обучали сосѣдей и лучшимъ приемамъ хозяйства, и разнымъ ремесламъ. Кроме того, монахи были въ то время единственными учителями, врачами, юристами, архитекторами, писцами, учеными и т. д... Духовенство тоже было не однородной величиной. Оно дѣлилось на аристократическую часть — крупные духовные феодалы, въ родѣ епископовъ, прелатовъ, аббатовъ и проч., — и демократическую — бѣдное сельское духовенство. Миръ и согласие между обѣими частями бывали только тогда, когда приходилось сообща защищаться отъ королевскихъ посягательствъ на церковное имущество.

Наконецъ, завершеніемъ всей феодальной системы былъ король, власть и полномочія котораго въ началѣ среднихъ вѣковъ были довольно значительны. На континентѣ, по крайней мѣрѣ, въ этотъ періодъ короли не играли такой роли. Здѣсь король былъ только самымъ крупнымъ феодаломъ, «первымъ между равными». Въ Англіи же, какъ мы сказали, феодализмъ въ политическомъ отношеніи не доразвился: всегда чувствовалась сильная организація центральной власти. Сила короля обуславливалась отчасти вышеупомянутой раздробленностью феодальныхъ владѣній, отчасти образованіемъ англійскаго государства путемъ завоеванія, способствующаго централизаціи и усилению власти, и отчасти его экономическимъ превосходствомъ. Не нужно забывать, что англійскій король былъ крупнейшимъ землевладѣльцемъ въ государствѣ: въ его личномъ распоряженіи въ XI в. было 1500 имѣній. Кроме этихъ имѣній, постояннымъ источникомъ его доходовъ были еще: подати со всѣхъ подданныхъ, таможенные пошлины, конфискованныя имѣнія, земли, оставшіяся безъ хозяевъ, судебные налоги при передачѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія и т. д... Все это доставляло въ королевскую казну несмѣтные богатства. Въ то время государственное хозяйство отождествлялось съ королевскимъ: король считался собственникомъ всей территоріи. Поэтому, всѣ государственные доходы считались собственностью короля и шли въ единственно существующую кассу — королевскую.

И такъ, вотъ общая картина Англіи въ первые два вѣка послѣ Норманнскаго завоеванія.

Во главѣ всей страны стоитъ довольно сильная и независимая королевская власть. Король является центромъ всей судебной и административной дѣятельности.

Посредствующимъ звеномъ между нимъ и стремящимися къ независимости феодалами былъ общегосударственный сеймъ «Witenagemot». Но этотъ остатокъ англо-саксонской эпохи скоро заглохъ, и осталась одна только традиція о немъ. Затѣмъ, слѣдовалъ рядъ учреждений мѣстнаго характера. Самоуправленіе графства выливалось въ форму «Folkmot'a», самоуправленіе сотни — въ форму «Hundertmot'a» и самоуправленіе *манора* или общины — въ форму сельского схода. Вся территорія Англіи считалась собственностью короля. Король же, за различнаго рода заслуги, за военную, судебную и административную службу, раздавалъ земли въ лены дворянамъ, считавшимся королевскими вассалами, а эти, въ свою очередь,

имѣли своихъ вассаловъ и т. д..., пока, наконецъ, эти держанія не достигали мельчайшаго дѣленія — надѣловъ крѣпостныхъ крестьянъ. Всѣ королевскіе вассалы дѣлились на духовныхъ и свѣтскихъ. Обѣ эти группы были почти равны какъ экономически, такъ и политически. Представители и свѣтскихъ, и духовныхъ вассаловъ находились въ различной степени близости къ королю и ихъ зависимости отъ него. За духовенствомъ и дворянствомъ слѣдовала крестьянская масса, уже и въ то время далеко неоднородная, какъ по своему экономическому такъ и правовому положенію.

Прoslѣдимъ теперь дальнѣйшую экономическую эволюцію Англии и дальнѣйшую исторію ея социальныхъ группъ.

Я уже раньше сказалъ, что норманнское завоеваніе въ 1066 г. только завершило въ Англии органически развивавшійся феодализмъ. Свободные элементы деревни и въ англо-саксонскую эпоху уже постепенно исчезали. Съ 1066 г. этотъ процессъ закрѣпощенія сталъ только интенсивнѣе.

Но, параллельно этому процессу постепеннаго исчезновенія свободныхъ группъ населенія, уже въ XI в. начинался другой процессъ, именно — раскрѣпленіе крестьянъ.

Читатель помнитъ, что господское хозяйство было раньше тѣсно связано съ крестьянскимъ. И помѣщикъ, и крѣпостной хозяйничали тогда при равныхъ общественныхъ условіяхъ: и тотъ, и другой занимались производствомъ сельскихъ продуктовъ не на рынокъ, а для собственнаго потребленія. Помѣщикъ не велъ тогда крупнаго хозяйства: у него не было ни рынка для сбыта товара, ни свободныхъ рабочихъ рукъ. Самъ онъ обрабатывалъ при помощи крѣпостного труда лишь столько земли, сколько нужно было для удовлетворенія потребностей его домашняго хозяйства. Остальную же часть своихъ владѣній отдавалъ въ аренду.

«Въ XII в. площадь обрабатываемой территоріи раздвинулась незначительно; зато распределеніе отдѣльныхъ ея частей сильно измѣнилось. Барскія земли и земли свободныхъ крестьянъ сократились, крѣпостныя же, наоборотъ, расширились». Это и понятно. Подъ влияніемъ роста населенія надѣлы крестьянъ уменьшались. Дифференціація въ деревнѣ продолжала сильно прогрессировать. Многія хозяйства были уже на пути къ разоренію. Чтобы поддержать ихъ чтобы не допустить до окончательной гибели, надо было имъ дать земли.

Благодаря этому, часть свободныхъ общинныхъ земель и часть доменіальныхъ, т. е. помѣщичьихъ, переходятъ въ руки крестьянъ за различнаго рода обязательства, часто въ видѣ аренды. Такъ что, уже «въ эпоху полнаго господства феодализма, аренда была въ ходу; помѣщикъ сдавалъ земли какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ сельскимъ обществамъ!» Крестьяне, пользующіеся этими арендованными землями, были уже лично свободнѣе, чѣмъ крѣпостные.

Новый свободный элементъ нарождается еще путемъ выкупа вилланскихъ земель и повинностей. Такимъ путемъ могли приобрести свободу только болѣе богатые; поэтому-то и видимъ, что выкупались крѣпостные, преимущественно, полнонадѣльные.

Но главнымъ факторомъ раскрытошенія сельскаго населенія былъ переходъ отъ барщины къ оброку. Еще въ періодъ исключительнаго господства натурального отбыванія повинностей, всѣ роды этихъ повинностей были выражены и въ денежной формѣ. Разъ крѣпостной сдѣлалъ какое нибудь упущеніе: не явился на работу во время или не угодилъ барину, онъ платилъ обыкновенно штрафъ деньгами. Условія сельскаго хозяйства сами по себѣ такого свойства, что они заставляли часто крестьянина предпочесть заплатить барину штрафъ, чѣмъ бросать собственную работу и идти къ тому на барщину. Но это обстоятельство и непроизводительность крѣпостного труда еще не были главными причинами перехода къ оброку.

Крѣпостной трудъ былъ и раньше непроизводителенъ, но почему-то не чувствовалось въ этомъ особой бѣды. Только на извѣстной степени развитія, только въ опредѣленные моменты становится чувствительной эта непроизводительность, и общество переходитъ къ другимъ, болѣе рациональнымъ, системамъ хозяйства, къ болѣе усовершенствованнымъ орудіямъ производства. Бываетъ это обыкновенно при переходѣ отъ натуральныхъ къ денежнымъ повинностямъ. А это вызывается особымъ напряженіемъ экономическихъ силъ страны, что бываетъ всегда во время войнъ. Національныя войны вызываютъ ростъ общественныхъ потребностей и, благодаря этому, усовершенствованія въ техникахъ и производствѣ. Итакъ, говоря словами проф. Зомбарта, въ основѣ общественнаго развитія лежитъ не только *классовая*, но и *національная* борьба, не только борьба *за средства къ жизни*, но и борьба за территорію, гдѣ произрастаютъ эти средства (Futtermittel).

Подтвержденіе этой новой мысли проф. Зомбарта я, по крайней мѣрѣ, нахожу въ исторіи Китая послѣ войны съ Японіей,—Турціи послѣ 78 года,—Россіи послѣ 56 г. и вотъ еще—Англии. За недостаткомъ мѣста, не могу подробнѣе развить здѣсь свою точку зрѣнія.

Основная причина перехода къ денежному хозяйству—напряженіе всѣхъ экономическихъ силъ страны въ борьбѣ съ Франціей. Война Англии съ Франціей продолжалась почти непрерывно съ 1066 г. по 1453 г. и ложилась тяжелымъ бременемъ, какъ на крестьянъ, такъ и на дворянъ. Послѣдніе несли военную службу покорно до тѣхъ поръ, пока она не требовала большихъ жертвъ и не вырывала ихъ надолго изъ собственныхъ помѣстій. Со времени же войны съ Франціей пришлось дѣлать очень далекіе и трудные походы за предѣлы Англии. Это было очень невыгодно для дворянъ помѣщиковъ, такъ какъ на слишкомъ долгое время отрывало ихъ отъ своихъ хозяйствъ. Поэтому, уже въ XII в. бароны отказались отъ непосредственной военной службы. Они предпочли лучше откупиться отъ своихъ повинностей и, вмѣсто непосредственной службы, стали платить «Schildgeld»—военную подать, ставшую въслѣдствіи постоянной и получившую названіе «Hilfssteuer». Натуральныя повинности, подъ вліяніемъ государственныхъ нуждъ, обратились въ денежные, и миліція была замѣнена постояннымъ наемнымъ войскомъ—вотъ первые результаты *національной* войны съ Франціей.

Наемническое войско имѣло громадное значеніе въ экономической и сословно-политической жизни Англій. Сперва оно усилило королевскую власть, такъ какъ было покорнымъ орудіемъ короля въ борьбѣ съ непокорными подданными; но оно же было влослѣдствіи причиной и ограниченія королевскаго абсолютизма. На содержаніе наемнаго войска нужны были большія деньги, которыя король могъ получать, только облагая все населеніе новыми податями. Подданные терпѣли сперва, но, когда становилось не въ моготу, единодушно требовали ограниченія права короля облагать военными податями. Въ замѣнѣ личной воинской повинности денежной Роджерсъ видитъ даже зародышъ парламентаризма.

Какъ королю, такъ и баронамъ съ этого времени нужно было добывать побольше денегъ: королю для содержанія войска, а вассаламъ его и всему народу для уплаты военныхъ податей. У короля и помѣщиковъ теперь явилась потребность даже выжимать деньги у своихъ крѣпостныхъ, для чего и перевели барщину на оброкъ. Что нужды казначейства въ деньгахъ были существенной причиной перехода отъ натуральныхъ къ денежнымъ повинностямъ, на это, между прочимъ, указываетъ и то обстоятельство, что подобнаго рода переходъ совершился прежде всего (въ 12 в.) на земляхъ государственныхъ, т. е. какъ разъ тамъ, откуда доходы непосредственно шли въ казну и прямо служили удовлетворенію государственныхъ нуждъ. Въ началѣ XIV в. оброкъ сталъ общимъ правиломъ на земляхъ помѣщичьихъ, лишь въ XV в.—на монастырскихъ, на которыхъ лежало всего меньше государственныхъ повинностей.

Итакъ, нужды государства—первая причина появленія оброка. Второй существенной причиной были хозяйственные соображенія помѣщиковъ, или интересы частновладельческіе.

Дѣло въ томъ, что въ концѣ XIII в. въ деревнѣ, влсдствіе роста населенія и разившейся дифференціаціи, явился цѣлый классъ людей, которые сидѣли только на клочкахъ земли, и которымъ поэтому, ничего не оставалось дѣлать, какъ идти на заработки. Словомъ, явился классъ поденщиковъ, явились свободныя дешевыя руки, ищущія работы. А тутъ барщинный трудъ сталъ обходиться уже дорого, такъ какъ продукты вздорожали*); поэтому, содержаніе крѣпостного во время барщины сплошь да рядомъ не окупалось. Само собой, землевладельцамъ стало выгоднѣе прекратить барщину и такимъ образомъ освободиться отъ раззорительной необходимости прокармливать цѣлую массу работающихъ на него крѣпостныхъ. Гораздо выгоднѣе стало обрабатывать поля при помощи наемныхъ рабочихъ, которые продавали свой трудъ очень дешево и которыхъ не нужно было землевладельцу содержать на свой счетъ. Затѣмъ, барщина дѣлалась и излишней: помѣщики уже успѣли часть своихъ земель раздать въ аренду. Наконецъ, даже самимъ крестьянамъ было выгоднѣе платить оброкъ, чѣмъ нести барщину: плетя барину извѣстную

*) За кварталъ шеницы платили въ 1287 г.—2 sh. 10 $\frac{1}{2}$ d, въ 1316 г.—16 sh.

сумму, крѣпостной свободно располагалъ своимъ временемъ и имѣлъ возможность во время производить всѣ необходимыя работы въ собственномъ хозяйствѣ.

Этотъ процессъ замѣны барщины оброкомъ, завершившійся на помѣщичьихъ земляхъ въ первой четверти XIV в., и былъ началомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Конечно, оброкъ еще не принесъ съ собой полной личной свободы крѣпостному, но онъ, по крайней мѣрѣ, избавилъ крестьянина отъ всякаго рода личныхъ унижительныхъ и тяжелыхъ службъ. Если онъ аккуратно вносилъ свой оброкъ, то помѣщику нечего было вмѣшиваться въ его хозяйство. Вообще, благодаря разрыву личныхъ сношеній съ бариномъ, крѣпостной сталъ гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе. Все-таки личная служба на барскомъ дворѣ еще не окончательно прекратилась. Какъ оброчные, такъ и свободные крестьяне, получившіе свои надѣлы въ вѣчное или наследственное пользованіе, еще должны были въ исключительныхъ случаяхъ являться на барскій дворъ для службы. Но это было только въ исключительныхъ случаяхъ, въ самый горячій періодъ сельскаго хозяйства.

Въ общемъ же, крестьянинъ, со времени перехода къ оброку, сталъ себя чувствовать гораздо свободнѣе; а случилось это, какъ мы видѣли, единственно благодаря экономическому росту Англїи, благодаря экономическимъ потребностямъ страны.

Но это не мѣшало и въ то время человѣколюбивымъ писателямъ приписывать себѣ заслугу раскрѣпощенія крестьянъ. Тогдашніе господа идеологи тоже твердили, что они дѣлаютъ это во имя высшихъ велѣній совѣсти, человѣчности и пр... Теперь же мы видимъ, что и тогда всѣ эти высшіе принципы удивительно совпадали съ матеріальными интересами ихъ носителей.

Итакъ 13 и 14 вѣка были временемъ освобожденія крестьянъ. Много посядѣствовало этому голодъ и моръ на скотъ въ 1315 и 1316 годахъ. Съ этого времени, именно, оброкъ сталъ общимъ явленіемъ. Кромѣ того, вслѣдствіе дороговизны продуктовъ, помѣщики стали отпускать на волю своихъ дворовыхъ.

Роджерсъ на основаніи хроникъ говоритъ: «*Wegen der allgemeinen Noth sind viele Knechte und Bediente entlassen worden*». Всеобщая нужда, голодъ и тяжесть денежныхъ повинностей заставили крестьянъ массами бѣжать съ своихъ участковъ или къ другимъ помѣщикамъ, или въ города. Удержать ихъ не было возможности. Вернуть назадъ бѣглецовъ тоже трудно, такъ какъ помѣщикъ долженъ былъ сперва поймать виновнаго, а главное—доказать суду, что бѣглець—его холопъ. Ну, а доказать это было нелегко, въ виду сходства положенія крѣпостныхъ и свободныхъ. Крѣпостному, значитъ, только бы найти убѣжище у другого ли помѣщика, въ городѣ ли, или въ рядахъ наемнаго войска, а тамъ онъ уже почти обезпеченъ отъ притязаній своего барина. Само государство покровительствуетъ ему: королю нужны свободные люди для войска и, главное—деньги.

Раскрѣпощенію еще и то содѣйствовало, что помѣщики имѣли обыкновеніе отпускать своихъ людей на заработки для занятія ре-

меслами и торговлей. Здѣсь опять побудительными мотивами были не добрыя чувства, а голые интересы феодаловъ: стало очень невыгодно держать при себѣ много дворовыхъ, такъ какъ продукты сильно вздорожали; вотъ помѣщикъ и сталъ ихъ посылать на сторону добывать себѣ хлѣбъ, за что еще получалъ отъ отпущеннаго извѣстную часть его барыша. А разъ крѣпостному удавалось ускользнуть изъ-подъ непосредственнаго наблюденія своего барина, его уже почти невозможно было вернуть назадъ—онъ становился свободнымъ.

Подъ влияніемъ роста фискальныхъ потребностей, податныя тягости росли неимоვნно; продукты начали дорожать, а тутъ подошлы голодъ, надежъ скота и, наконецъ въ 1348 г.—чума, унесшая съ собою цѣлую треть населенія Англіи. Конечно, послѣ этого экономическое благосостояніе населенія еще ухудшилось. Зато заработная плата сельскихъ рабочихъ сильно поднялась, такъ какъ всюду чувствовался недостатокъ рабочихъ рукъ.

Послѣ чумы настали тяжелыя времена для землевладѣльцевъ. Поля оставались иногда неспаханными, хлѣбъ неубранный гниль въ полѣ, стада паслись безъ пастуховъ, цѣны на всѣ продукты повысились, арендаторы не въ силахъ выплачивать аренды, а оброкъ сталъ понижаться, пока окончательно прекратился, и крѣпостные стали свободными. Моръ, значить, тоже сыгралъ значительную роль въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права.

«*Mit einem Worte, der schwarze Tod machte die überlebende Hörige fast völlig frei*», говоритъ Роджерсъ. Что положеніе помѣщиковъ въ XIV в. значительно ухудшилось, что въ то время они, очевидно, не въ силахъ были получать большіе барыши отъ своихъ имѣній, видно хотя бы изъ духа тогдашняго законодательства. Правительство употребило всѣ мѣры для поддержки помѣщиковъ. Законодательство Эдуарда III всецѣло продиктовано интересами феодаловъ. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего и удивительнаго: феодалы-землевладѣльцы вѣдь были тогда господствующимъ классомъ.

Цѣль этихъ статутовъ ясна: поддержать помѣщиковъ, создать имъ искусственнымъ путемъ дешевыя свободныя руки. Но и правительство съ своими покровительственными законами не въ силахъ было обезпечить землевладѣльцамъ ихъ прежніе доходы. Послѣдніе уменьшились почти въ 4 раза. Помѣщики бросали хозяйство и сдавали въ аренду свои имѣнія. Англійскія тюрьмы стали переполняться рабочими, отказавшимся работать за старыя цѣны. Рабочимъ ничего не оставалось дѣлать, какъ подчиниться, или же оказать сопротивление, но не по одиночкѣ, а сообща. Имъ пришлось противъ организованнаго самимъ правительствомъ насилія работодателей противопоставить тоже сплу. И вотъ среди сельскаго населенія начали развиваться тайныя организаціи. Посредниками между многочисленными и обособленными сельскими тайными кружками были священники Виклефа.

Въ этотъ періодъ всеобщаго броженія, повсемѣстнаго недовольства, нищенствующіе священники, послѣдователи Виклефа, нашли живой откликъ на свою проповѣдь въ деревняхъ. Они знакомили на-

селеніе съ Ветхимъ завѣтомъ, исторіей человѣчества, первобытными временами, когда всякій жилъ «трудами рукъ своихъ»... Общимъ содержаніемъ ихъ пропаганды былъ религіозный социализмъ на почвѣ мѣстныхъ нуждъ.⁴ Проповѣди этихъ нищенствующихъ «еретиковъ» имѣли огромный успѣхъ. Рабочіе организовались повсюду. Что подобныя организаціи были очень распространены, показываетъ вспыхнувшее въ одно время во всей Англіи крестьянское возстаніе. Во всѣхъ концахъ государства 10-го іюня 1381 г. крестьяне дружно поднялись, очевидно, для защиты своей свободы.

Дѣло въ томъ, что помѣщики, вслѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ, старались опять закрѣпить крестьянъ. Крестьяне оказали дружное и успѣшное сопротивленіе этимъ притязаніямъ. Они побѣдносно добрались до самаго Лондона; даже Лондонъ принужденъ былъ сдаться. Въ плѣнъ попалъ самъ король, которому ничего не оставалось дѣлать, какъ войти въ переговоры съ непокорными подданными. На вопросъ короля: «Чего хотите?»—крестьянскіе депутаты отвѣтили: Мы хотимъ, чтобы ты навсегда освободилъ насъ, нашихъ наслѣдниковъ и нашу землю, и чтобы мы больше не назывались крѣпостными и не считались ими. Король (Ричардъ II) обѣщалъ все сдѣлать, но сейчасъ подавилъ возстаніе вооруженной силой и велѣлъ казнить вождей. Всетаки, въ концѣ концовъ, правительство вынуждено было уступить требованіямъ массы.

Итакъ, общая тенденція сельскаго экономическаго развитія Англіи конца XIV в. привела, наконецъ, крестьянъ къ полной свободѣ и заставила помѣщиковъ сдавать свои имѣнія въ аренду. Издержки производства въ сельскомъ хозяйствѣ страшно поднялись, вслѣдствіе вздорожанія рабочихъ рукъ и орудій производства, а производительность почвы осталась прежней. А тутъ еще съ помѣщикомъ конкурировалъ мелкій землевладѣлецъ. Этотъ, хотя и бѣдствовалъ, но былъ довольно устойчивъ въ борьбѣ; ему вѣдь не нужно было ни рабочихъ нанимать, ни орудій производства покупать; кромѣ того, онъ еще имѣлъ поддержку въ подсобныхъ промыслахъ.

Въ этотъ критическій моментъ для крупнаго землевладѣнія сдѣлалось, говоритъ Роджерсъ, рано или поздно необходимымъ или достать рабочихъ по прежнимъ цѣнамъ или же перейти къ новой системѣ хозяйства. Начинаютъ переходить къ такой системѣ хозяйства, гдѣ наименьшую роль играетъ трудъ, гдѣ меньше всего требуются рабочія руки. И вотъ съ 15 в. начинается въ Англіи эра овцеводства и скотоводства. Пахать землю стало невыгодно—дохода нѣтъ, и вотъ пашни обращаются въ пастбища. Переходу къ овцеводству содѣйствуетъ еще и то обстоятельство, что для шерсти явился огромный рынокъ въ Голландіи. Голландія въ то время славилась обработкой шерсти. Англія же стала первой поставщицей сырья: ея шерсть наиболѣе цѣнилась голландскими фабрикантами.

Скотоводство въ Англіи благодаря этому стало дѣлать огромные успѣхи. Размѣры его прежде лежали въ границахъ (собственнаго) личнаго потребленія производителей, почему не было внѣшняго стимула для расширенія этой отрасли хозяйства.

Съ появленіемъ же рынка, съ обращеніемъ продуктовъ скотоводства въ товаръ, такой стимулъ явился—барышъ. Отсюда и вытекаетъ то, что въ продолженіе 2-хъ вѣковъ овцы крупныхъ землевладѣльцевъ безжалостно вытѣсняють крестьянъ изъ ихъ деревень. Деревня разоряется окончательно. Начинаются безпрестанныя огораживанія общинныхъ земель и пустошей; прежніе общинники лишаются права пользоваться общинными лѣсомъ и пустошью; крестьяне обезземеливаются, и надѣлы ихъ переходятъ въ руки арендаторовъ. Съ одной стороны, растетъ въ числѣ сельскій пролетаріатъ, съ другой—развивается крупное фермерство. Владѣнія «*йоменовъ*», или крупныхъ арендаторовъ, расширяются на счетъ земель раззорившихся крестьянъ и бросившихъ сельское хозяйство помѣщиковъ. Образовались фермы съ огромнѣйшими стадами овецъ и рогатаго скота. По мнѣнію М. Ковалевскаго, въ XVI в. уже половина территоріи Англіи обратилась въ пастбища.

Теперь помѣщики нисколько не заинтересованы въ судьбѣ крестьянъ, какъ это было при крѣпостномъ правѣ. Даже наоборотъ, благоденствіе крестьянина сдѣлалось тормазомъ для округленія владѣній крупнаго землевладѣльца. Впрочемъ, послѣдній не стѣснялся, и, гдѣ медленно дѣйствовалъ законъ конкуренціи, губящій мелкаго собственника, пускалъ въ ходъ свою политическую власть: крестьяне просто силой прогонялись съ своихъ участковъ, которые потомъ присоединялись къ имѣнію помѣщика и обращались въ пастбище.

Понятно, во всѣхъ концахъ Англіи вспыхиваетъ масса возстаній. Озлобленные крестьяне, прогнанные съ своихъ земель, не соглашаются безропотно помирать съ голоду, собираются толпами и съ яростью набрасываются на главный предметъ ихъ ненависти—изгороди, которыми помѣщики или фермеры окружали присвоенныя общинныя поля и пастбища. Относительно этихъ огораживаній находимъ у Мора въ «Утопія» слѣдующее мѣсто, довольно ярко характеризующее насильственность этого процесса: «*Es kann wohl vorkommen, das ein gieriger und unzufriedener Nimmersatt viele Tausend acres mit einem Zaune oder einer Hecke umfriedigt, und dass die Bauersleute aus ihrem Besitz vertrieben und entweder durch Hinterlist und Betrug oder durch gewaltsame Unterdrückung von Haut und Hof verjagt werden, oder aber der Kränkungen und Unbilden müde, sich gezwungen sehen, all ihre Habe zu verkaufen*». Этотъ процессъ раззоренія крестьянъ, присвоенія ихъ участковъ помѣщиками, огораживанія общинныхъ земель послѣдними, продолжался вплоть до нынѣшняго вѣка, но въ разные періоды съ различной интенсивностью. Почти революціоннымъ характеромъ онъ отличался съ 1470 по 1530 г. и съ 1760 по 1830 г. Въ 16 в. огороженную землю обращали въ пастбища, въ 18-же в. заводили на ней интенсивное хозяйство. А какъ быстро росли луга и выгоны насчетъ пашни, можно судить по отзыву Eden'a: который говоритъ, что въ XIV и въ большей части XV ст. 1 акръ пастбища приходился на 2, 3 и даже 4 акра пашни, въ срединѣ XVI ст. 2 акра пастбища на 2 пашни, затѣмъ на

1 акръ пашни, пока, наконецъ не установилась правильная пропорція: 3 акра пастбища на 1 пашни.

Одинъ современникъ замѣчаетъ: «Гдѣ прежде жило и находило себѣ занятія 200 человекъ, теперь на томъ же мѣстѣ находишь лишь 2 или 3 пастуховъ». Гдѣ прежде было нѣсколько десятковъ земледѣльцевъ, спустя нѣсколько времени на томъ же участкѣ земли сидитъ всего лишь нѣсколько арендаторовъ.

Какимъ образомъ было возможно такое быстрое обезземеливаніе крестьянъ?

Очевидно, здѣсь, кромѣ экономической слабости мелкаго собственника, была и другая причина, содѣйствующая ускоренію этого процесса, именно: политическая власть помѣщиковъ, юридическія нормы римскаго права *). Помѣщики не нанимали, не покупали крестьянскихъ земель, а просто прогоняли съ нихъ владѣльцевъ. Они распоряжались сельскими угодьями и землями, какъ собственностью.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ же это было возможно, какъ это не вызвало всенародной революціи, когда половина населенія самымъ грубымъ насиліемъ была лишена своей собственности? Для насъ такое явленіе просто непонятно: оно противорѣчитъ существующему праву, противорѣчитъ всѣмъ нашимъ представленіямъ о собственности.

Но совсѣмъ инныя юридическія понятія, совсѣмъ инныя правовыя нормы были въ Англіи XVI вѣка. Тогда прогнать крестьянина съ его земли не считалось даже беззаконіемъ. Большинство крестьянъ, хотя давно уже избавилось отъ крѣпостнаго права, всетаки продолжало находиться въ зависимости отъ помѣщика, продолжало считаться не *собственникомъ* обрабатываемой имъ земли, а лишь *наслѣдственнымъ арендаторомъ*. По обычному праву крестьянинъ считался владѣльцемъ своей земли по волѣ барина, который можетъ его въ любую минуту прогнать. Крестьянину некуда жаловаться: законъ предоставляетъ ему право только просить помѣщика о разрѣшеніи опять сѣсть на свою землю (Эшли). Здѣсь, въ интересахъ помѣщиковъ, большую роль сыграло римское право. Оно дало готовые формы для разившейся частной собственности на землю, окончательно вытѣснившей общинное землевладѣніе. 16-й вѣкъ въ Англіи былъ эпохой наиболѣе рѣшительной борьбы между общиннымъ и частнымъ землевладѣніемъ.

На этой экономической почвѣ образовалось два теченія въ правѣ: съ одной стороны, старое *римское право*, съ своими уточненными формами собственности, утверждавшее, что земля—собственность дворянъ; съ другой стороны, *обычное право*, признававшее право наслѣдственнаго пользованія землей за крестьянами, сидящими на ней, а право собственности на нее—за всей общиной. Первое выражало интересы дворянъ, земельныхъ собственниковъ, второе — интересы

*) Цитата изъ Маркса I т. «Die Gewalt ist der Geburtshelfer jeder alten Gesellschaft, die mit einer neuen Schwanger geht. Sie selbst ist eine ökonomische Potenz».

крестьянъ. А такъ какъ на сторонѣ дворянъ была и экономическая, и политическая сила, то, само собой разумѣется, и право толковалось въ ихъ интересахъ: римское право вытѣснило обычное. Земля была признана собственностью дворянъ, такъ что послѣдніе на «законномъ» основаніи могли прогнать крестьянъ съ участковъ, наследованныхъ ими отъ отцовъ.

Обычное право уступило римскому, такъ какъ исчезъ экономическій фундаментъ, на которомъ оно было построено—развалилась община.

Община же уступила индивидуальной собственности потому, что перестала соответствовать требованіямъ (и частнаго, и національнаго) хозяйства. Объяснимся. Выше мы указали, что во времена чистаго натурального хозяйства среди общинныхъ крестьянскихъ земель находились и помѣщичьи участки. Это въ то время нисколько не мѣшало ни крестьянамъ, ни помѣщикамъ: и тѣ и другіе вели совершенно одинаковое хозяйство. Но когда развилось денежное хозяйство, когда продукты земледѣлія нашли себѣ рынокъ, у землевладѣльцевъ естественно явилась потребность получать большіе доходы, больше товару производить, т. е. потребность въ расширеніи своего хозяйства. Теперь помѣщикъ уже сталъ не только выгораживать свои участки изъ общинныхъ полей, а, по мѣрѣ возможности, и загораживать, т. е. присваивать крестьянскія земли, чтобы на нихъ вести болѣе доходное хозяйство.

Даже крестьянинъ, если у него было 2 или 3 акра земли, разбросанныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, находившихся въ одномъ мѣстѣ, предпочиталъ этотъ участокъ извлечь изъ общиннаго хозяйства и огородить. Такія огораживанія, были, конечно, губельны для маломощнаго крестьянства, недовольство котораго особенно возбуждали огораживанія помѣщиками выгоновъ; крестьянинъ, лишенный выгоновъ, лишался возможности держать скотъ, а безъ скота ему и существовать нельзя. Наконецъ, огороженные участки, разбросанные среди общинной земли, нарушали установленные порядки сельскаго хозяйства, дѣлали невозможной старинную трехпольную систему, а между тѣмъ перейти къ болѣе рациональнымъ системамъ у большинства крестьянства не было никакой экономической возможности: для этого не было ни земли въ достаточномъ количествѣ, ни капитала, ни знаній. Земля для большинства крестьянъ уже перестала служить источникомъ средствъ къ жизни; она стала бременемъ, отъ котораго отдѣлаться стало завѣтной мечтой крестьянина. И такъ, одни крестьяне гонятся съ своихъ земель, другіе сами ихъ бросаютъ.

Такимъ образомъ отъ земли удалился классъ «не умѣющій и, главное, не имѣющій средствъ для интенсивнаго хозяйства». Его мѣсто заняли крупные фермеры, подъ нечистой, но сильной и опытной рукой которыхъ земледѣліе стало дѣлать большіе успѣхи. По свидѣтельству М. Ковалева и Роджерса, земля даетъ теперь уже въ 2 и даже въ 3 раза больше, чѣмъ въ XIII в. Это и неудивительно: тѣ огромные капиталы, которые фермеры получили отъ торговли шерстью и скотомъ и которые они вложили въ земледѣліе, способны были произвести и большія чудеса.

Община окончательно умерла. Она оказалась совсѣмъ непригодной для новаго хозяйства. Объ этомъ свидѣтельствуеъ самъ Роджерсъ, сторонникъ общиннаго владѣнія. Или вотъ миѣніе Plattess'a, современника тогдашнихъ событій: «Ein Acre eingezäumtes Land ist besser, als vier Acres Gemeineland».

И въ Англіи въ XVI и XVII в.в. были «народники», которые проливали слезы при видѣ разваливавшейся общины. Но и тогда они были безпомощны, такъ какъ сила экономической эволюціи, ведущая все къ болѣе раціональнымъ системамъ хозяйства и соотвѣтственно съ этимъ измѣняющая формы владѣнія, сказалась непреодолимой и безсердечной. Общинное землевладѣніе стало тормазомъ экономического прогресса, не выдержало и лопнуло.

Но куда же дѣлись крестьяне, частью добровольно бросившіе, частью прогнанные со своихъ земель?

Имъ ничего не осталось дѣлать, какъ продавать свою рабочую силу. Они хлынули въ города, такъ какъ въ нихъ были главные рынки для сбыта всякаго рода товаровъ, между прочимъ, и рабочей силы, какъ особой разновидности товара. Въ половинѣ 17-го вѣка, по миѣнію Роджерса, уже половина населенія Англіи живетъ наемнымъ трудомъ. Всего населенія въ то время онъ считаетъ 4 милліона, и изъ нихъ «по крайней мѣрѣ половина жила наемной платой». Такое обиліе свободныхъ рукъ, съ одной стороны, и появленіе значительныхъ свободныхъ капиталовъ, съ другой, дали сильный толчокъ промышленности и росту городовъ. XVI и XVII вв. въ исторіи Англіи — періодъ «первоначальнаго накопленія», начало современнаго капитализма. Съ этихъ поръ узелъ экономической жизни Англіи быстро передвигается изъ деревни въ городъ. Съ этихъ поръ Англія вступила въ новый фазисъ своего развитія: изъ деревенской, земледѣльческой она становится городской, промышленной. Прослѣдимъ теперь вкратцѣ развитіе городовъ и промышленности до этой критической эпохи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Дрелингъ.

Англійскіе писатели XIX вѣка.

IX *).

Чарльзъ Диккенсъ.

Нѣтъ никакой надобности пересказывать въ подробностяхъ исторію жизни Чарльза Диккенса. Она была изложена съ такой любовью и полнотой другомъ его, Джономъ Форстеромъ, что не осталось ни одной неизслѣдованной подробности. Кромѣ того, индивидуальность Диккенса рѣзко отпечатлѣлась на каждомъ изъ его произведеній; они тѣсно связаны съ его личностью и заключаютъ въ себѣ множество отдѣльныхъ чертъ его жизни; на каждомъ шагу въ нихъ разсказываются происшествія, героемъ которыхъ былъ самъ авторъ. То, что Диккенсъ писалъ въ одномъ письмѣ своему биографу относительно «Давида Копперфильда», примѣнимо и къ другимъ его писаніямъ. «О, дорогой Форстеръ», писалъ онъ, «если бы я передалъ хотя бы половину того, что я чувствую сегодня (онъ только что закончилъ послѣднюю главу «Давида Копперфильда»), я оказался бы передъ вами съ обнаженной до дна душой! Мнѣ кажется, что большая часть меня самого отправляется теперь въ далекій туманный свѣтъ!»

Чарльзъ Диккенсъ родился 7-го февраля 1812 г. на югѣ Англии, около Портсмута, гдѣ отецъ его служилъ чиновникомъ морского вѣдомства. Всѣ слабости и причуды отца Диккенсъ описалъ впоследствии въ лицѣ м-ра Микобера. Это былъ хорошій человекъ, но чрезвычайно непрактичный. Онъ никогда не унывалъ и былъ увѣренъ, что когда приходится совсѣмъ плохо въ жизни, то обстоятельства какъ то сами собой поправляются. Онъ съ легкимъ сердцемъ переносилъ всѣ невзгоды, увѣренный, что на слѣдующій день непременно случится что нибудь хорошее. «Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ болѣе я считаю его хорошимъ человекомъ», сказалъ однажды про него его сынъ, и, въ самомъ дѣлѣ, несмотря на непростительное легкомысліе и безпечность отца Диккенса, къ нему нельзя не отнестись съ уваженіемъ и симпатіей.

---

*) См. «Образованіе» № 4.

Мать романиста была сестрой Томаса Барроу, состоявшаго на государственной службѣ. У нея была необычайно благородная, возвышенная душа. «Мнѣ рѣдко случалось читать про великаго чловѣка», пишетъ Диккенсъ, «у котораго бы не было хорошей матери». У матери Диккенсъ началъ учиться англійскому и латыни; она же пробудила въ немъ раннюю любовь къ чтенію, предоставивъ мальчику свободно пользоваться небольшою бібліотекою его отца. Такимъ образомъ онъ уже въ девятилѣтнемъ возрастѣ былъ хорошо знакомъ съ Шекспиромъ, Фильдингомъ, Смоллетомъ и Гольдсмитомъ и могъ бы блестящимъ образомъ сдать экзаменъ по «Донъ-Кихоту», «Жиль-Блазу» и «Тысячѣ и одной ночи». Нѣкоторые изъ этихъ книгъ считаются строгими педагогами не совсѣмъ удобнымъ чтеніемъ для дѣтей, но самъ Диккенсъ говорилъ впоследствии, что онѣ не причинили ему вреда: «то, что въ нихъ могло быть вреднаго, для меня не существовало, оставаясь непонятнымъ». Отецъ его вскорѣ получилъ мѣсто въ Четэмскихъ докахъ, и вся семья переселилась въ Лондонъ. Диккенсъ, любившій съ дѣтства много ходить пѣшкомъ, дѣлалъ частыя долгія прогулки то по окрестностямъ, то по бѣднымъ кварталамъ Лондона. Несмотря на свою крайнюю юность, онъ уже тогда умѣлъ наблюдать, и въ памяти его накапливались пригодившіяся впоследствии наблюденія надъ странными и любопытными людьми и надъ разнообразными сторонами жизни. Однажды,—узнаемъ мы изъ его біографіи—онъ брелъ пѣшкомъ изъ Рочестера, возвращаясь домой; по пути ему встрѣтился господинъ, ѣхавшій въ коляскѣ. Пораженный странной внѣшностью мальчика, онъ предложилъ ему мѣсто около себя. Мальчикъ принялъ предложеніе. Проѣзжая мимо *Gadshill House'a*, мальчикъ сказалъ:—«Вотъ мѣсто, откуда Фальстафъ отправился грабить прохожихъ и удралъ».—«Ты знаешь развѣ чтонибудь про Фальстафа?» спросилъ господинъ.—«Конечно», отвѣтилъ мальчикъ, «я уже большой, мнѣ девять лѣтъ, и я читаю всякія книги. А этотъ домъ», прибавилъ онъ, «будетъ когданибудь моимъ». Это ты откуда знаешь? со смѣхомъ спросилъ его спутникъ. «Отецъ сказалъ мнѣ, что можно всегда добиться чего желаешь, если только очень къ этому стремиться».—Какъ извѣстно, это предсказаніе исполнилось. Последніе годы жизни Диккенсъ провелъ именно въ *Gadshill House'ѣ*.

Дѣла семьи въ это время были настолько плохи, что мать рѣшила открыть школу и этимъ хоть немного увеличить свои доходы. Но планъ ея оказался неудачнымъ. «Я разнесъ по всему околотку объявленія», рассказываетъ Диккенсъ, «гдѣ обращалось вниманіе на преимущества новаго учрежденія. Но никто къ намъ не явился послѣ этого, и я не припомню, чтобы кто либо хотя бы собрался поступить въ нашу школу, или чтобы сдѣланы были какія либо приготовленія къ приему могущихъ явиться учениковъ. Но я помню, что у насъ бывали непріятности съ мясникомъ и булочникомъ, что часто у насъ не было чѣмъ пообѣдать—и наконецъ, отца моего арестовали». Всѣ, читавшіе «*Давида Копперфильда*», помнятъ описаніе того, какъ Давидъ приносилъ изъ дома ѣду бѣдному заклю-

ченному, который страшно пугалъ своего сына, говоря ему глухимъ, замогильнымъ голосомъ, что «солнце навсегда закатилось для его несчастной семьи». Однажды отецъ послалъ его попросить ножъ и вилку у нѣкоего капитана Портера, занимавшаго комнату этажомъ выше. «Въ его маленькой комнатѣ я засталъ очень грязную даму», рассказываетъ Диккенсъ, «и двухъ чахлаыхъ дѣвушекъ, дочерей капитана; у нихъ были такія пыльные всклокоченныя копны волосъ, что я подумалъ, какъ непріятно было бы одолжить у капитана Портера гребень».

Наконецъ, главнымъ образомъ благодаря самоотверженности и бережливости матери Диккенса, долги отца были уплачены. Сынъ получилъ мѣсто въ большомъ торговомъ складѣ съ платой по шести шиллинговъ въ недѣлю. Работа была однообразная и тягостная, и до конца жизни Диккенсъ съ ужасомъ вспоминалъ объ этомъ времени; онъ утратилъ тогда всякую надежду научиться чему нибудь полезному или составить себѣ положеніе въ жизни. Обязанности его по службѣ были томительныя; одинъ день былъ безотраднымъ повтореніемъ другого. Съ начала недѣли и до конца его единственнымъ занятіемъ было закрывать извѣстное количество банокъ съ черной краской «сначала бумагой, пропитанной масломъ, потомъ кускомъ синей оберточной бумаги, и затѣмъ обвязывать ихъ бичевкой и аккуратно обертывать бумажкой. Когда одна партія банокъ была упакована, нужно было приступать къ другой». Много лѣтъ спустя, когда онъ составилъ себѣ громкое имя въ литературѣ и достигъ большей популярности, чѣмъ самые талантливые изъ его современниковъ, онъ говорилъ о началѣ своего жизненнаго пути съ болѣзненнымъ чувствомъ. Видно было, какъ много онъ выстрадалъ отъ униженности своего тогдашняго положенія. «Все это время», говорилъ Диккенсъ, «у меня не было никого, къ кому я могъ бы обратиться за совѣтомъ или утѣшеніемъ, не было поддержки ни въ комъ!». Есть особая горечь въ его словахъ: люди съ художественнымъ темпераментомъ чувствуютъ—подобно дѣтямъ—съ большой остротой невзгоды жизни, между тѣмъ какъ другіе могутъ равнодушно отряхнуть отъ себя воспоминанія о минувшихъ страданіяхъ. Во всякомъ случаѣ нельзя читать объ отчаяніи Диккенса, не чувствуя глубокаго состраданія.

Конечно, даже въ эти мрачныя дни у бѣднаго, покинутаго мальчика были свои, хотя и рѣдкія, радости и развлечения. Торговый складъ находился слишкомъ далеко отъ дома родителей Диккенса, такъ что онъ долженъ былъ жить отдѣльно отъ семьи. Ему наняли маленькую комнату у нѣкой м-ссы Ройландсъ, которая описана въ «Домѣ и сынѣ» подъ именемъ м-ссы Пипчинъ. Только по субботамъ онъ возвращался къ роднымъ и проводилъ съ ними воскресные дни. По дорогѣ домой, гордый сознаніемъ, что у него въ карманѣ своихъ собственныхъ шесть шиллинговъ, онъ часто заходилъ въ хорошій ресторанъ и заказывалъ себѣ съ важнымъ видомъ порцію жаркого. «Что думалъ слуга о странномъ маленькомъ посѣтителѣ, являвшемся безъ провожатаго», пишетъ Диккенсъ,—«этого я не знаю.

Но я помню, съ какимъ изумленіемъ онъ глядѣлъ на меня, пока я ѣлъ обѣдъ, и какъ онъ звалъ смотрѣть еще другого слугу. Я давалъ ему полъ-пени на чай и внутренно надѣялся, что онъ откажется брать; но онъ каждый разъ бралъ».

Къ счастью для Диккенса отецъ его поссорился съ владѣльцемъ торговаго дома и рѣшивъ, что пора мальчику получить какое нибудь образованіе, помѣстилъ его въ частную школу, носившую громкое имя Веллингтонской Академіи. Директоръ школы, м-ръ Джонсъ, котораго Диккенсъ описалъ въ лицѣ д-ра Блумбера, былъ невѣжественный человѣкъ, совершенно не годившійся для своего дѣла. Онъ занималъ за жалкое вознагражденіе бѣднаго учителя, которому полагалось совмѣщать въ своей особѣ преподавателя латыни, англійскаго, математики и правописанія. Отецъ Диккенса такъ неаккуратно вносилъ плату за ученіе, что мальчика скоро исключили изъ школы; онъ получилъ мѣсто клерка въ конторѣ м-ра Блэкмора, ходатая по дѣламъ, который аттестовалъ своего служащаго «умнымъ и веселымъ юношей». У Диккенса было мало работы въ конторѣ и онъ главнымъ образомъ занимался изученіемъ стенографіи; полное и совершенное знаніе ея онъ считалъ столь же труднымъ, какъ научиться въ совершенствѣ шести языкамъ. Стенографія ему вскорѣ очень пригодилась; на девятнадцатомъ году онъ сдѣлался репортеромъ въ «Morning Chronicle» и давалъ отчеты о засѣданіяхъ парламента. Около того же времени напечатанъ былъ въ «Monthly Magazine» его первый рассказъ «A Dinner at Poplar Walk». Только тѣ, которые испытали волненія ожиданій и разочарованія начинающихъ писателей, поймутъ, почему Диккенсъ, увидѣвъ свой рассказъ напечатаннымъ, «ушелъ на полчаса въ Вестминстерское аббатство: глаза его были огуманены гордостью и радостью и не могли выносить вида улицы, такъ же какъ и взглядовъ другихъ людей на себя». Восемь или девять другихъ очерковъ появились въ томъ же самомъ журналѣ за подписью «Бозъ» (Boz). Псевдонимъ этотъ Диккенсъ избралъ въ память шуточнаго прозвища своего маленькаго брата Мозеса (Моисея), который не умѣлъ произносить буквы *m* и называлъ себя Бозесомъ; отсюда сокращенное Бозъ.

1836 годъ былъ памятнымъ и полнымъ событій для Диккенса. Въ этомъ году онъ женился на миссъ Гогартъ сестрѣ одного товарища по газетѣ, издалъ свою первую книгу «Очерки Боза» и началъ «Записки Пикквикскаго клуба». О необычайномъ успѣхѣ этой книги, и о томъ какъ этотъ успѣхъ увеличивался съ каждымъ изъ дальнѣйшихъ произведеній Диккенса, будетъ еще сказано далѣе.

Теперь же дос таточно упомянуть объ одномъ фактѣ, о которомъ Диккенсъ говорилъ съ грустью; фактъ этотъ показываетъ, какъ скоро имя Диккенса стало извѣстнымъ далеко за предѣлами Англии. Онъ однажды получилъ письмо изъ заграничи съ выраженіемъ глубокой благодарности «великому англійскому писателю», произведенія котораго—«Пикквикскій Клубъ» и «Оливеръ Твистъ»,—уладили тяжкіе часы одиночества изгнаннику, живущему въ далекой сибирской деревушкѣ. Часто послѣ этого письма, когда съ Диккенсомъ слуша-

лись какія нибудь неприятности, онъ со смѣхомъ говорилъ, что слѣдуетъ сложить вещи и поѣхать въ Сѣверную Сибирь, гдѣ его больше понимаютъ и любятъ, чѣмъ на родинѣ.

Въ 1841 г. Диккенсъ поѣхалъ въ Америку. Его приняли тамъ съ величайшимъ радушіемъ. Впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ о самой странѣ и ея населеніи, составляютъ содержаніе его «Американскихъ записокъ для всѣхъ» и еще болѣе пространно переданы въ «Мартинѣ Чезлевитѣ». Нужно прзнать, что въ обоихъ этихъ произведеніяхъ Диккенсъ несправедливо отнесся къ Америкѣ. Онъ слишкомъ довѣрился своимъ поверхностнымъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ съ предвзятой мыслью. Внѣшніе недостатки дѣловыхъ людей въ Америкѣ, ихъ преклоненіе передъ долларомъ, ихъ грубая жадность и вульгарныя манеры представлены какъ типичныя черты всей націи. Достоинства же американцевъ, пуритански серьезное отношеніе къ жизни, безпредѣльная энергія, съ которой они завоевали себѣ видное мѣсто среди народовъ—все это забыто Диккенсомъ. Ни въ «Запискахъ», ни въ «Мартинѣ Чезлевитѣ» не обнаруживается психологическое чутье, безъ котораго всякое изученіе національнаго характера становится пристрастнымъ и теряетъ цѣну. вмѣсто этого у Диккенса разсказывается масса забавныхъ анекдотовъ о надувателяхъ и мошенникахъ, которые водятся далеко не въ одной только Америкѣ, а во всякомъ крупномъ промышленномъ городѣ въ Европѣ. Точно также можно считать Ионаса типичнымъ англійскимъ купцомъ или полагать, что всякій хозяинъ банкирской конторы подобенъ Скруджу до его перерожденія. Но съ великодушіемъ, достойнымъ великой націи, американцы забыли обиду, нанесенную имъ Диккенсомъ, который предоставилъ имъ нежелательную монополію пороковъ и недостатковъ, свойственныхъ общественной жизни всѣхъ странъ. Много лѣтъ спустя, когда Диккенсъ еще разъ поѣхалъ въ Америку для ряда чтеній изъ своихъ произведеній въ главнѣйшихъ американскихъ городахъ, ему устранивали повсюду торжественныя встрѣчи. Его успѣхъ подтвердилъ слова одного изъ выдающихся американскихъ журналистовъ того времени. «Даже въ Англій», писалъ этотъ журналистъ, «Диккенсъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ въ Америкѣ, и изъ милліона читателей, благоговѣнно внимающихъ каждому его слову, десятки тысячъ готовы многимъ пожертвовать, чтобы увидѣть человека, доставившаго имъ столько отрадныхъ часовъ».

Кончивъ «Мартина Чезлевита», Диккенсъ рѣшилъ отдохнуть нѣсколько времени и отправился въ Италію съ женой и семействомъ. Очень характерно, что при всемъ своемъ восхищеніи Италіей, картинными галереями, музеями, дворцами, церквями и произведеніями искусства, Диккенсъ не былъ въ состояніи ничего писать, находясь такъ далеко отъ Лондона. Онъ тосковалъ безъ своихъ обычныхъ ночныхъ блужданій по знакомымъ лондонскимъ улицамъ, и даже не могъ придумать удачнаго заглавія для рождественской сказки, надъ которой работалъ. Въ письмѣ къ Форстеру онъ говоритъ о своемъ затрудненіи, но черезъ недѣлю пишетъ ему слѣдующее: «мы слушали колокольный звонъ въ полночь. Пусть это колокола генуэзскихъ церк-

вей и монастырей,—но мой умственный взоръ видитъ только старинную лондонскую колокольню, и звонъ мнѣ слышится лишь отсюда».

Вернувшись изъ Италіи, Диккенсъ принялъ предложенное ему за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ мѣсто редактора новой либеральной газеты «Daily News». Было заблужденіемъ съ его стороны, какъ онъ самъ потомъ это признавалъ, отвлечься отъ своего настоящаго призванія; къ счастью перерывъ былъ недолгій, и уже черезъ четыре мѣсяца онъ отказался отъ редакторства. Впрочемъ его кратковременное участіе въ газетѣ, которая втеченіи пятидесяти лѣтъ отъ своего основанія до нашего времени защищала религіозную, политическую и общественную свободу, не осталось безплоднымъ. Въ «Daily News» напечатаны были его пѣсмы, въ которыхъ онъ возставалъ противъ публичности смертной казни. Его протестъ противъ безнравственности такихъ зрѣлищъ оказался не напраснымъ, и двадцать лѣтъ спустя запрещенъ былъ доступъ зрителямъ на мѣсто казни: это сравнительно короткій срокъ для проведенія реформы въ странѣ, управляемой по системѣ проволочекъ, какъ это изображено въ «Холодномъ домѣ», гдѣ достойными представителями старой административной системы является семья Барнадовъ.

Въ то время, какъ онъ писалъ свой послѣдній большой романъ, — «Нашъ общій другъ», Диккенсъ путешествовалъ однажды по желѣзной дорогѣ, и поѣздъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, сошелъ съ рельсъ, причемъ многіе пассажиры были убиты или тяжело ранены. «Я присутствовалъ при вчерашнемъ крушеніи поѣзда въ Стэпплгерстѣ», пишетъ онъ Форстеру, «и провелъ нѣсколько часовъ среди раненныхъ и убитыхъ. Самъ я находился въ вагонѣ, который не опрокинулся, а только сошелъ съ рельсъ и повисъ надъ мостомъ какимъ то непонятнымъ образомъ. Это была неопикуемая сцена». Слѣдствіемъ пережитаго испуга было у Диккенса сильное нервное потрясеніе, отъ котораго онъ уже не могъ никогда вполне оправиться. Онъ съ трудомъ могъ приводить въ исполненіе свои литературные замыслы и хотя продолжалъ публичныя чтенія, но они стоили ему громаднаго напряженія, превасходившаго его силы. Къ тому же у него начались домашнія непріятности и волненія, которыя кончились тѣмъ, что въ апрѣлѣ 1858 г. жена Диккенса ушла отъ него, и они жили съ этихъ поръ врозь.

Не удивительно поэтому, что въ «Нашемъ Общемъ Другѣ» и есть слѣды тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ романъ былъ написанъ. И все-таки, несмотря на недостатки, многія сцены и отдѣльныя лица носятъ отпечатокъ прежняго мастерства; ханжа Подснэпъ и Женни Ренъ, портниха для куколъ, нарисованы съ яркостью и силой, отличавшими Диккенса въ лучшую пору его творчества. А въ трогательномъ эпизодѣ жизни и смерти Бетти Гайдень чувствуется та же глубокая жалость къ бѣднымъ и къ покинутымъ, какъ и въ «Оливерѣ Твистѣ», въ «Рождественскихъ разсказахъ» и въ художественномъ образѣ Джо, чистильщика улицъ. Диккенсъ продолжалъ работать до самой смерти, издавалъ еженедѣльный журналъ «Household Words», продолженный впоследствии подъ заглавіемъ «All the

year Round», и кромѣ того принялъ живое участіе въ основаніи и открытіи школъ для оборвышей, проэктированныхъ герцогомъ Шафтсбюри. Онъ напечаталъ уже шесть главъ «Эдвинъ Друда», когда работа его была прервана внезапно и навсегда: съ нимъ сдѣлался ударъ во время обѣда; онъ впалъ въ безсознательное состояніе, изъ котораго уже не выходилъ. Вечеромъ слѣдующаго дня, 9-го іюня 1870 г., въ пятую годовщину желѣзнодорожной катастрофы онъ спокойно вздохнулъ и умеръ. Согласно выраженному имъ желанію, его похоронили безъ всякой пышности, но, по общему требованію англійской націи, тѣло его было перенесено въ Вестминстерское аббатство, гдѣ покоятся лучшіе люди Англии.

Прошло болѣе четверти вѣка послѣ смерти Диккенса и популярность его книгъ далеко не уменьшилась. Каждый годъ появляются новыя изданія, и ежегодная продажа его произведеній доходитъ, по достовѣрнымъ источникамъ, до изумительной цифры 350 тысячъ экземпляровъ въ одной только Англии. Въ другихъ же странахъ ни одинъ англійскій писатель не находилъ столькихъ читателей; въ Россіи, по свидѣтельству одного изъ крупныхъ петербургскихъ книгопродавцевъ, Диккенсъ продается гораздо болѣе другихъ англійскихъ романистовъ: Скотта, Теккерея, Джоржъ Эліотъ, слѣдующихъ за Диккенсомъ въ указанномъ порядкѣ. Возможно, конечно, что многое изъ того, что теперь въ разсказахъ Диккенса кажется намъ безконечно забавнымъ или трогаетъ насъ до слезъ, покажется будущимъ поколѣніямъ балаганнымъ или сантиментальнымъ. Но до сихъ поръ по крайней мѣрѣ Диккенсъ не утратилъ своего обаянія, и едва ли можно представить себѣ время, когда имена Пикквика, Сама Уэллера, м-съ Гемпъ, Дика Свивиллера, Микобера, Джо, Давида Кошперфильда, молодого человѣка по имени Гуппи и множества другихъ перестанутъ быть хорошо извѣстными въ каждомъ домѣ, гдѣ читаются англійскія книги. Еще одна особенность славы Диккенса заключается въ томъ, что онъ достигъ ея несмотря на недоброжелательное къ нему отношеніе многихъ вліятельныхъ критиковъ. Еще при жизни романиста, когда вышли въ свѣтъ только три его большихъ романа, одинъ критикъ изъ *Quarterly Review* увѣрялъ читателей, что Диккенсъ истощилъ свой юморъ и, по его мнѣнію, даже не обладая пророческимъ даромъ, можно было предсказать, что, вспыхнувъ, какъ ракета, Диккенсъ также быстро потухнетъ. Джоржъ Льюисъ доказывалъ въ «*Fortnightly Review*», что «Пекснифъ, Сара Гамбъ, Микоберъ, Самъ Уэллеръ и другіе невозможныя въ жизни фигуры, что они говорятъ невозможнымъ языкомъ и путаются въ повѣстяхъ какъ заведенныя машинки, что это куклы, а не живые люди, каррикатуры, искаженія человѣческой природы». Тѣмъ въ любопытной статьѣ о Диккенсѣ говорятъ объ обычномъ употребленіи слова «governor» (старина), выражающемъ почтительное отношеніе къ отцу въ англійскихъ семьяхъ, а не намѣшку, которую вкладываетъ въ это названіе отца авторъ Пикквика. Онъ отрицаетъ въ Диккенсѣ юморъ, осуждаетъ его склонность къ «самымъ грубымъ пошлостямъ» и сводитъ все его творчество къ «безсилному манерничанью болѣзненнаго воображенія» *mièvreries*

fréles d'une imagination maladive). Если вѣрять нѣмецкимъ педантамъ, нашедшимъ какъ это ни странно, послѣдователей среди англійскихъ критиковъ, то распаденіе англійской литературы совпадаетъ съ появленіемъ «Рождественскихъ» разсказовъ, пагубное вліяніе Диккенса, по ихъ мнѣнію, породило манерность, сентиментальность и эксцентричность, замѣнившія въ Англии настоящее искусство.

Конечно, были и есть до сихъ поръ люди, которые находятъ «Экскурсію» Вордсворта скучной и не чувствуютъ возвышеннаго паѳоса «*Sartor Resartus*» Карлейля. Они имѣютъ право держаться своего мнѣнія и выказываютъ нравственную стойкость, отказываясь признавать то, что другіе находятъ прекраснымъ. Но эти люди насъ мало интересуютъ. Зоилонъ много во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Ничто имъ не доставляетъ столько наслажденія, какъ развѣнчиваніе боговъ. Къ счастью, имъ никогда не удается достигъ своей цѣли,—иначе полки нашихъ библіотекъ замѣтно порѣдѣли бы. Самыя злостныя ихъ нападки такъ же мало беспокоятъ великихъ писателей и почитателей ихъ, какъ визги и кулаки капризной жены силача рабочаго на извѣстной каррикатурѣ въ *Punch*'ѣ. Когда его спрашиваютъ, почему онъ позволяетъ царапать и бить себя маленькой злючкѣ, онъ спокойно отвѣчаетъ: «Богъ съ ней. Это ей доставляетъ удовольствіе, а мнѣ никакого вреда не причиняетъ». Интересно однако взглянуть въ смыслъ этого разлада между критикой и читателями Диккенса. Въ чемъ тайна того, что Диккенсъ умѣлъ болѣе чѣмъ кто либо изъ современныхъ ему писателей возбуждать интересъ и симпатію и трогать сердца людей всѣхъ классовъ общества, начиная отъ истинныхъ любителей искусства и кончая людьми, едва доступными литературнымъ вліяніемъ? Лучшимъ отвѣтомъ на это можетъ служить одно очень извѣстное мѣсто «*Давида Копперфильда*», гдѣ герой—выражая, какъ и повсюду въ этомъ романѣ, убѣжденія автора,—говоритъ, что онъ всегда руководился въ жизни «двумя завѣтными правилами: никогда не дѣлать какого нибудь дѣла одной рукой, если я могу отдать ему всего себя, и никогда не относиться пренебрежительно къ своему собственному труду, каковъ бы онъ ни былъ».

Диккенсъ отдавалъ всю душу созданіямъ своей фантазіи. Онъ жилъ и двигался среди нихъ, принималъ участіе въ ихъ волненіяхъ и горестяхъ, въ ихъ маленькихъ радостяхъ и удовольствіяхъ, умилялся передъ ихъ скромными добродѣтелями, возмущался ихъ лицемеріемъ и обманомъ. Все его существо проникнуто было ихъ жизнью. Онъ страдалъ, когда горе касалось ихъ, и былъ самымъ веселымъ гостемъ на ихъ именинныхъ вечерахъ или рождественскихъ обѣдахъ. Когда онъ писалъ главу, гдѣ рассказывалось о смерти маленькаго Павла, онъ рыдалъ, какъ будто бы оплакивалъ смерть собственнаго ребенка. Послѣ окончанія главы онъ бродилъ цѣлую ночь по улицамъ въ глубокой печали, и должно было пройти много времени прежде, чѣмъ онъ могъ опять взяться за перо и закончить повѣсть. Извѣстны слова Джоржъ Эдліотъ, которая рассказывала одному приятелю, что начала писать «*Рамулу*», будучи еще молодой женщиной, и кончила романъ старухой. То же самое было и съ Диккенсомъ.

«Изъ за этой книги», пишетъ онъ изъ Генуи послѣ окончанія «Колокольнаго Звона», я сталъ блѣднымъ въ чужой странѣ. Щеки мои, которыя только что начали полнѣть, снова провалились; глаза расширились, волосы порѣдѣли; кромѣ того, у меня постоянныя головокруженія. Прочтите дважды сцену въ концѣ третьей части. Я бы ни за что въ мірѣ не написалъ ее дважды». Писатель, который вкладываетъ столько сосредоточеннаго чувства въ свои произведенія, приобрѣтаетъ неограниченную власть надъ сердцами читателей. Будучи настолько рабомъ свой фантазіи, Диккенсъ обнаруживаетъ иногда недостатокъ художественнаго чутья; чувство мѣры часто отсутствуетъ въ его характеристикахъ и описаніяхъ, но отъ этого его воздѣйствіе на читателя только усиливается. Онъ никогда не видитъ и не чувствуетъ чего либо на половину. Онъ не описываетъ сценъ и не рисуетъ портретовъ общими штрихами, а входитъ въ самыя мелкія подробности, отмѣчаетъ каждую мелкую черту и фантазія его наслаждается откатываніемъ и воспроизведеніемъ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ. Ничто отъ него не ускользаетъ. Его описанія снѣжнаго поля, лондонскаго тумана, заунывнаго ночного вѣтра, стонущаго вокругъ старой колокольни, обнаруживаютъ огромную наблюдательность и великій даръ живописать словами. Многие испытывали жуткое чувство, которое наводитъ завываніе вѣтра, потрясающаго съ какимъ то неземнымъ рыданіемъ одинокія стѣны старинныхъ церквей, но никогда это чувство ужаса не было изображено съ большей яркостью, чѣмъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«У ночного вѣтра есть особое мрачное обыкновеніе кружиться съ глухимъ стономъ вокругъ подобныхъ зданій; онъ стучится невидимыми руками въ окна или двери; пытается силой открыть ихъ, выскиваетъ щели, черезъ которыя можно было бы проникнуть во внутрь. Наконецъ онъ очутился въ церкви. Но и тамъ, какъ бы не находя того, чего онъ ищетъ,—что бы это ни было—онъ стонетъ и рыдаетъ и снова ищетъ выхода. Ему мало носиться вдоль длинныхъ стѣнъ, скользить вокругъ колоннъ, раскачивать органъ; онъ поднимается вверхъ, пытается разнести кровлю, потомъ падаетъ въ изнеможеніи и отчаяніи внизъ, на плиты, и пробирается съ ропотомъ подъ мѣдные своды. Потомъ онъ снова робко поднимается вверхъ, скользитъ вдоль стѣнъ, какъ бы читая шопотомъ надписи, священныя для мертвецовъ. Около нѣкоторыхъ онъ какъ бы заливается хохотомъ, у другихъ стонетъ и рыдаетъ, какъ бы оплакивая кого то. Страшны звуки вѣтра, когда онъ пробирается въ алтарь; тамъ онъ поетъ дикую пѣсню о злодѣяніяхъ и убійствахъ, о поклоненіи ложнымъ богамъ, вопреки повелѣніямъ священныхъ книгъ, которыя расположены въ такомъ порядкѣ и такъ красиво, но на самомъ дѣлѣ разорваны и забыты. У-у-у! Господь да хранитъ насъ, уютно сидящихъ у камина! Страшенъ голосъ вѣтра, когда онъ поетъ въ полночь въ старой церкви».

Въ изображеніи людей Диккенсъ обнаруживаетъ тѣ же особенности, которыя мы уже отмѣтили въ описаніяхъ внѣшнихъ предметовъ и событій. Онъ подмѣчаетъ какую нибудь смѣшную черту ха-

рактера или какуюнибудь внѣшнюю странность и на ней основываетъ характеристику даннаго лица. Иногда, въ особенности въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, онъ слишкомъ подчеркиваетъ эксцентричность своихъ героевъ. Но, какъ мы видимъ изъ одного его письма къ лорду Литтону, онъ сознавалъ этотъ недостатокъ въ себѣ и старался исправить его. «Мнѣ доставляетъ такое безконечное удовольствіе», пишетъ онъ, «видѣть вещи въ смѣшномъ видѣ, что я вожусь съ моими чудаками, какъ съ балованными дѣтьми». Но въ худшемъ случаѣ, этотъ недостатокъ является только избыткомъ таланта. Его дѣйствующія лица, благодаря нѣкоторому шаржу, становятся болѣе живыми и яркими. Въ каждомъ изъ его романовъ есть нѣсколько лицъ, врѣзывающихся до того въ память, что одно ихъ имя вызываетъ воспоминаніе о всѣхъ особенностяхъ ихъ рѣчи и образа дѣйствій. Мы не можемъ вспомнить о нихъ, не вспоминая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ жестовъ, ихъ манеры говорить. Баркисъ вспоминается намъ всегда на все согласнымъ, Маркъ Папли веселымъ, когда только обстоятельство это позволяютъ, Багнетъ до смерти вѣрнымъ своему принципу, что необходимо поддерживать дисциплину въ домѣ, а Снагсби всегда подъ страхомъ опасенія, что онъ сдѣлалъ слишкомъ тонкое замѣчаніе. Какъ смѣшно напр. м-ръ Мульдъ, гробовщикъ, выдаетъ свою профессію, когда онъ прощаетъ Іонасу его злодѣянія, вспомнивъ его щедрость при заказѣ гроба старику Антону; въ этомъ гробовщикѣ виднѣть доказательство того, «что все ведетъ къ добру, какъ замѣтилъ оплакиваемый всѣми сочинитель драмъ изъ Страдфорда». Тотъ же приемъ, хотя и не доведенный до такой крайности, мы замѣчаемъ у всѣхъ великихъ мастеровъ, рисующихъ человѣческую душу; всѣ они изображаютъ общія всѣмъ намъ свойства, объединяя ихъ какойнибудь особенностью индивидуальнаго характера. Это и дѣлаетъ ихъ созданія безсмертными, и можно съ полной увѣренностью сказать, что многія изъ дѣйствующихъ лицъ въ романахъ Диккенса также не могутъ исчезнуть изъ нашей памяти какъ геніальные образы Тома Джонса или Санхо-Пансы или дядюшки Тобіа. У Диккенса нѣтъ тонкаго психологическаго анализа, который такъ чаруетъ при изученіи шекспировскихъ типовъ, но въ изображеніи такихъ характеровъ, какъ Іонасъ Чезлевитъ, отецъ крошки Дорритъ, сэръ Лестеръ Дедлокъ или Сидней Картонъ, есть цѣльность, которая указываетъ на гораздо большую выдержанность и обдуманность романиста, чѣмъ предполагаютъ въ немъ нѣкоторые критики. Съ великимъ мастерствомъ, стоящимъ выше всякихъ похвалъ, онъ дѣлаетъ каждое слово значительнымъ; каждая подробность усиливаетъ мрачный колоритъ въ страшній повѣсти о постепенномъ паденіи и окончателъной гибели Іонасы, начиная отъ его ранняго дѣтства, когда первымъ словомъ, которому его научили, было «выгода» и вторымъ, когда онъ сталъ читать по слогамъ, «деньги»,—и до того дня, когда, сдѣлавшись самъ жертвой выгоды и денегъ, оно совершилъ низкое, безчеловѣчное убійство. Столь же поразительно изображеніе безсознательнаго эгоизма, изображеннаго имъ въ отцѣ крошки Дорритъ, который пользуется для своей пользы любовью и самоотверженностью

своей дочери; онъ вполне увѣренъ, что цѣль всего на свѣтѣ сводится къ удовлетворенію его личныхъ желаній. Гораздо выше его стоитъ сэръ Лестеръ Дедлокъ, хотя и онъ такой же эгоистъ. Мы смѣемся надъ его грубымъ самоувѣреніемъ и его безконечными панегириками дому Дедлоковъ, обладающихъ щедро оплачиваемыми государственными синекурами и держащихъ поэтому въ своихъ рукахъ благополучіе и даже самое существованіе Англии. Но насъ трогаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его фанатическая любовь къ преступной женѣ, которая убѣждала, чтобы скрыть свой позоръ отъ людей. Его привязанность остается неизмѣнной до смерти. Парализованный и безпомощный, онъ проситъ, чтобы его кровать придвинули къ окну для того, чтобы онъ первый услышалъ звукъ колесъ, когда его жена вернется въ оставленный домъ; а онъ увѣренъ, что это случится въ ту же ночь или, самое позднее, на слѣдующее утро. Мы уже не смѣемся, читая это, надъ его высокопарной защитой семейной чести и рады проявленію природнаго благородства, не заглушеннаго еще окончательно рутиной свѣтской жизни: «Я хочу еще прибавить», говоритъ гордый потомокъ Дедлоковъ, «что этотъ припадокъ паралича случился одновременно съ легкой размовкой между милади и мною. Я не говорю, что мы повздорили—никакого раздора не было, но вышло нѣкоторое недоразумѣніе относительно обстоятельствъ, имѣющихъ значеніе только для насъ лично; и это лишаетъ меня на нѣсколько времени общества милади. Она сочла необходимымъ сдѣлать путешествіе, но я полагаю, она скоро вернется». Но ни въ одномъ изъ выведенныхъ имъ типовъ Диккенсъ не достигъ такой высоты, какъ въ изображеніи Сиднея Картона, и всякій читатель «Повѣсти о двухъ городахъ» согласится съ похвалами Грандъ Вайта, который говоритъ, что «въ исторіи и литературѣ не было болѣе высокаго и привлекательнаго образа, чѣмъ загубившій себя самолюбивый Сидней Картонъ». Исторія его полна такого благородства, рассказана такъ художественно, и проникнута такимъ глубокимъ и простымъ паѳосомъ, что заслуживаетъ занять и навѣрное займетъ мѣсто среди лучшихъ произведеній художественнаго творчества».

Высшее качество таланта Диккенса — его юморъ, составлявшій столь неотъемлемую часть его существа, что онъ всегда готовъ былъ всецѣло отдаться его внушеніямъ. Подобно Гоголю, съ которымъ изъ всѣхъ юмористовъ онъ имѣлъ наибольшее сходство, онъ проводилъ черезъ самыя эксцентричныя осложненія столь фантастическіе, дикіе замыслы, что менѣе смѣлый, чѣмъ онъ, писатель никогда не пытался бы возбуждать ими нашъ смѣхъ. Искры его юмора вспыхиваютъ самымъ неожиданнымъ образомъ, и онъ самъ всегда первый забавляется непринужденной игрой своей фантазіи, заражая этимъ самаго неотзывчиваго читателя и обезоруживая критику. Въ самомъ дѣлѣ, если юморъ состоитъ въ отыскиваніи взаимоотношеній между явлениями и предметами, въ которыхъ, казалось бы, нѣтъ ничего общаго и въ объединеніи идей, которыя кажутся по существу противоположными одна другой, то нельзя назвать произведеній, къ которымъ бы болѣе подходило это опредѣленіе, чѣмъ къ рассказамъ Диккенса.

Примѣры такого рода юмора можно найти въ каждой его повѣсти. Какъ забавно, напр., то, что Пекснифъ приводитъ въ свое оправданіе, очутившись въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ въ гостиной своей добродѣтельной хозяйки, м-съ Поджерсъ: «Я мужчина, дорогая м-съ Поджерсъ», сказалъ Пекснифъ, проливая слезы и произнося слова не совсѣмъ твердымъ голосомъ, «но я также отецъ. Я также вдовецъ. Мои чувства, м-съ Поджерсъ, нельзя совсѣмъ задушить, какъ молодыхъ принцевъ въ Тоуэрѣ. Они завлѣаютъ о себѣ, и чѣмъ болѣе я стараюсь придавить ихъ, тѣмъ упорнѣе они врутся наружу». Кто не припоминаетъ съ истиннымъ удовольствіемъ неожиданннй проблескъ юмора въ сценѣ, гдѣ Давидъ Копперфильдъ не можетъ болѣе сдержатъ своего негодованія на Урію Гипа и, ударивъ негодія въ лицо, выталкиваетъ его изъ комнаты. «Я захопнулъ дверь за нимъ такъ, какъ расщелкиваютъ большой орѣхъ между дверьми, и вышелъ изъ дома».

Опасно однако выписывать остроумныя подробности изъ Диккенса; его повѣсти преисполнены заразной веселостью, которая настолько привязываетъ къ Диккенсу, что даже справедливыя нападки на него вызываютъ недовольство въ читателѣ. Но есть одно несравненное мѣсто, которое было бы грѣшно пропустить; оно дѣлаетъ Диккенса достойнымъ продолжателемъ Фильдинга и Гольдсмита: это письмо милѣйшей миссъ Сквирсъ, которая рассказываетъ о расправѣ Никльби съ ея отцомъ, школьнымъ учителемъ: «Папа проситъ меня написать вамъ, такъ какъ доктора сомнѣваются въ томъ, что онъ сможетъ снова владѣть ногами, что и мѣшаетъ ему встать за перо. Мы всѣ въ непостижимомъ состояніи духа, а мой папа покрытъ маской синихъ и зеленыхъ сняжковъ. Потому я и мой братъ сдѣлались жертвами его бѣшенства, послѣ чего мы много страдали; это приводитъ насъ къ страшной мысли, что мы получили внутрення поврежденія, тѣмъ болѣе, что внѣшнихъ знаковъ насилія нѣтъ. Я все время, пока пишу, громко вскрикиваю, и мой братъ также, и это отвлекаетъ мое вниманіе и, надѣюсь, меня извинятъ за ошибки».

Но конечно, Диккенсъ заслуживаетъ нашу любовь не эксцентричными фразами, комическими характерами и смѣхотворными сценами. Его творчество задается болѣе высокими цѣлями, и виртуозное изображеніе комическихъ чертъ жизни не исчерпываетъ его таланта. Другіе писатели тоже вызываютъ смѣхъ, изображая приключенія комичныхъ людей, но у Диккенса болѣе благородная цѣль, чѣмъ возбуждать пустой смѣхъ. Его повѣсти никогда не были дешевымъ исканіемъ популярности, произведеніями плодовитаго писателя, который пишетъ для быстрого рыночнаго успѣха. Ему можно простить нерѣдкія погрѣшности стили и шаржъ, въ который онъ иногда впадаетъ, потому что эти уклоненія отъ классической сдержанности происходятъ у него отъ слишкомъ увлекающагося сердца. Человѣкъ, который спльно чувствуетъ, можетъ иногда поступиться строгостью литературной формы. Онъ завоевываетъ наши симпатіи своимъ братскимъ чувствомъ къ бѣднымъ, своимъ широкимъ сочувствіемъ къ страдающимъ и угнетеннымъ, своимъ теплымъ признаніемъ скром-

ныхъ добродѣтелей, незамѣтно распускающихся среди самыхъ жестокихъ лишеній въ грязныхъ и бѣдныхъ жилищахъ. Онъ горячо отстаиваетъ всякія реформы, имѣющія цѣлью загладить вину себялюбивыхъ богачей передъ милліонами ихъ братьевъ, погибающихъ отъ голода. Онъ презираетъ и клеймитъ лицемѣріе, съ которымъ люди притворяются не знающими настоятельныхъ нуждъ бѣдняковъ и съ которымъ они приводятъ единственное удобное библейское изреченіе о томъ, что всегда будутъ бѣдные на свѣтѣ. «Колокольный звонъ» Диккенсъ написалъ съ цѣлью сказать что нибудь рѣшительное въ пользу бѣдныхъ; онъ хотѣлъ произвести такой же поворотъ къ болѣе нормальнымъ отношеніямъ людей между собой, какъ сдѣлалъ это по отношенію къ отдѣльной человѣческой душѣ въ своей «Рождественской пѣснѣ». Кто не читалъ исторіи Скруджа? Кто, читая ее, не благословлялъ, подобно Джеффри, автора книги, направившей такъ много людей на путь милосердія и благотворительности? Теккерей считалъ этотъ рассказъ благодѣяніемъ для націи.

Съ самаго начала своей писательской дѣятельности Диккенсъ началъ заступаться за бѣдныхъ; до конца жизни онъ вѣрилъ въ то, что если въ большихъ городахъ есть страшные углы, куда никогда не заглядываетъ солнечный свѣтъ и гдѣ скучены мужчины и женщины въ невозможно жалкихъ условіяхъ существованія, то это происходитъ вслѣдствіе того, что люди болѣе достаточные ничего объ этомъ не знаютъ. Онъ поэтому поставилъ себѣ задачей поднять завѣсу и показать намъ безотрадную жизнь этихъ выброшенныхъ изъ общества людей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказываетъ, что въ наиболѣе павшихъ и низкихъ изъ этихъ созданій живетъ божественное сѣмя добра, требующее только ухода и тепла, чтобы дать роскошные спѣлые плоды. Онъ не судитъ и не осуждаетъ тѣхъ, которые устаютъ по пути и падаютъ, утративъ всякую надежду, у многихъ изъ нихъ отнята была всякая возможность исправленія, съ дѣтства ихъ заставляли «убираться скорѣе» и укрывать свои лохмотья въ погребахъ и сараяхъ, и они убѣждались, подобно Тоби Веку, что родились только для того, чтобы «ихъ затоптали» и что «на ихъ долю ничто не выпадетъ ни въ старомъ, ни въ новомъ году».—«У меня большая вѣра въ бѣдныхъ», писалъ Диккенсъ, «и я стараюсь, насколько хватаетъ у меня силъ и умѣнія, представить ихъ богатымъ въ выгодномъ свѣтѣ». Повѣсти Диккенса имѣютъ такимъ образомъ опредѣленную цѣль: онъ выступаетъ защитникомъ общественныхъ мѣръ, которыя должны приблизить насъ къ золотому вѣку, когда милліоны людей будутъ пользоваться тѣмъ, что теперь составляетъ удѣлъ отдѣльныхъ счастливецъ. Въ «Пикквикѣ» онъ выступилъ защитникомъ несчастныхъ должниковъ и много содѣйствовалъ отмигнѣннѣ тюремнаго заключенія за денежную несостоятельность—кромѣ злостнаго банкротства. Въ «Николаѣ Никльби» онъ обличалъ невѣжество, обманъ и жестокость, которые безпрепятственно царили въ его время въ частныхъ школахъ Англій, и способствовалъ закрытію такихъ воспитательныхъ заведеній, какъ Dotheboys Hall. Въ «Оливерѣ Твистѣ» онъ выставилъ на показъ всему свѣту жестокость и варварство англійскихъ

законовъ для неимущихъ и добился болѣе гуманной и справедливой организаціи рабочихъ домовъ и пріюговъ. Въ «Холодномъ Домѣ» онъ указалъ на горе и нищету, создаваемыя безконечными проволочками судебного производства. Повесть его имѣетъ факгическую основу въ одномъ процессѣ, который начатъ былъ въ половинѣ XVIII вѣка и еще не закончился, когда Диккенсъ писалъ свой романъ, причемъ расходы по веденію его уже поглотили болѣе двухсотъ тысячъ ф. ст.

Диккенсъ по своимъ цѣлямъ и замысламъ является такимъ же общественнымъ дѣятелемъ, какъ Рескинъ, Моррисъ и Карлейль. Къ послѣднему Диккенсъ относился веегда съ величайшимъ сочувствіемъ и ставилъ его очень высоко. Между этими двумя писателями естг много общаго. Оба они создали себѣ совершенно обособленный стиль, столь оригинальный и естественный для нихъ самихъ, что даже его странности и эксцентричности представляютъ особую прелесть, хотя, слѣдуетъ прибавить, у послѣдователей и учениковъ ихъ тѣ же стилистическія особенности становятся томительными и раздражающими. Легко привести много страницъ изъ Диккенса, напоминающихъ Карлейля. Удивительное описаніе смерти Джо, чистильщика улицъ, читается какъ сцена изъ Карлейлевской «Исторіи французской революціи»: «Становится темно, сэръ», сказала Джо: «будетъ ли свѣтъ? «Скоро будетъ, Джо», отвѣтила Алленъ. Скоро. Повозка вся разбита на куски, и тяжелая дорога кончается. «Джо, милое дитя!»— «Я слышу васъ, сэръ, въ темнотѣ; я пробираюсь ощупью—помогите мнѣ добраться до вашей руки!»—«Джо, можешь ты повгорять то, что я говорю?»—«Я повторю все, что вы скажете, сэръ; я знаю, что это будетъ только хорошее».—«Отче Нашъ».—«Отче Нашъ! О да, это очень хорошо, сэръ».—«Иже еси въ небесахъ».—«Еси въ небесахъ! А скоро свѣтъ, сэръ?»—«Совсѣмъ ужъ близко: Благословенно имя Твое.»—«Благословенно—имя—Твое».—Свѣтъ просіялъ на мрачномъ тяжкомъ пути. Умеръ! Умеръ, милорды и джентльмены. Умеръ, ваши преподабія и господа пасторы. Умеръ, о люди, мужчины и женщины, рожденные съ небеснымъ милосердіемъ въ сердцахъ. И такъ умираютъ ежедневно вокругъ насъ». Диккенсъ и Карлейль относятся съ одинаковымъ нетерпѣливымъ негодованіемъ ко всему неблагородному и несправедливому и одинаково необузданны въ своемъ обличеніи несправедливыхъ законовъ и лицемерія. Оба они одинаково искренни и проницательны въ розыскваніи вѣрныхъ средствъ противъ открываемыхъ ими золь, и оба, быть можетъ, слишкомъ нетерпѣливо требуютъ немедленнаго исполненія своихъ требованій. Миръ былъ бы счастливѣе, если бы управлялся тѣми высокими принципами, которые они проводятъ въ своихъ произведеніяхъ. Но жизнь движется медленно, а реформъ можно добиться лишь долгими, упорными усиліями. Трудно сказать, который изъ двухъ писателей болше способствовалъ тому, чтобы приблизить насъ къ возможности полнаго осуществленія всѣхъ требованій справедливости.

Прежніе критики Диккенса имѣли обыкновение сравнивать его съ Теккереемъ, очевидно съ намѣреніемъ превозносить одного на счетъ другого. Такого рода сравненія столь же праздно, какъ и неизбѣжно

односторонни и пристрастны. Творчество Теккерея во всёхъ отношеніяхъ иное. Диккенсъ оптимистъ, и произведенія его полны свѣта и вѣры въ будущее, между тѣмъ какъ Теккерей чрезвычайно сдержанъ въ проявленіи добрыхъ чувствъ, и тонъ его повѣстей болѣе мрачный. Юморъ Диккенса широкій и сердечный и обращенъ къ лучшимъ сторонамъ души; сатира же Теккерея, даже вызывая у насъ улыбку, оставляетъ въ душѣ осадокъ печали и раздумья. Диккенсъ рисуетъ низшіе классы населенія; Теккерей остается всегда въ рамкахъ свѣтлаго круга. Стилъ Диккенса небреженъ и часто мелодраматиченъ и сентименталенъ. Теккерей же пишетъ со вкусомъ и изысканностью ученаго писателя, но въ то же время проявляетъ иногда житейскую практичность, результатъ тяжелаго жизненнаго опыта. Оба писателя совершенны каждый въ своемъ родѣ, и мы можемъ восхищаться обоими, памятуя слова Гете: «Въ теченіе двадцати лѣтъ шли споры о томъ, кто выше, Шиллеръ или я, и слѣдуетъ только радоваться, что есть такихъ два молодца, о которыхъ стоитъ спорить».

Къ какому же заключенію можно придти, разобравшись въ произведеніяхъ Диккенса? Отвѣтомъ на это могутъ служить прекрасныя слова, произнесенныя съ проповѣднической каедрой Вестминстерскаго аббатства, куда въ каждую годовщину смерти Диккенса стекаются сотни людей, чтобы поклониться праху самаго благороднаго, чистаго и достойнаго представителя англійской литературы XIX вѣка: «Тотъ, кого мы оплакиваемъ, занималъ въ сердцахъ англичанъ за послѣдніе тридцать три года больше мѣста, чѣмъ какой либо другой писатель. Мы читаемъ его, говоримъ о немъ, поступаемъ по его указаніямъ. Мы смѣялись съ нимъ, онъ пробуждалъ въ насъ сочувствіе къ страданіямъ людей и пониманіе человѣческой жизни: Художественныя произведенія являются косвеннымъ образомъ великими воспитателями общества, и мы должны быть глубоко благодарны писателю, который научилъ насъ относиться сочувственно къ добрымъ, искреннимъ и правдивымъ людямъ, встрѣчающимся въ будничной жизни и смѣяться надъ эгоизмомъ и лицемерной добродѣтелью людей разныхъ профессій. Про другого великаго юмориста, похороненнаго здѣсь, въ аббатствѣ, сказано было, что съ его смертью исчезаетъ веселье народовъ. О томъ же, кто утраченъ нами недавно, я скажу болѣе смиренно, что никого такъ не любили и не оплакивали, какъ его».

Же.

Чарльсъ Эдвардъ Тернеръ.

Пер. съ рукописи Э. Венгеровой.

Историческое освѣщеніе комедіи «Горе отъ ума» *).

Историческій моментъ, въ который зародилась идея комедіи «Горе отъ ума», относится къ знаменательной эпохѣ общественно-политическаго движенія въ Россіи въ царствованіе Александра I. Это особенное броженіе политической мысли, какъ въ высшей правительственной сферѣ, такъ и въ средѣ самого общества, явилось результатомъ соприкосновенія нашего государства съ Западной Европой послѣ отечественной войны 1812 г. Западное вліяніе освѣжающей струей стало врывать въ русскую жизнь усиленно еще со времени Петра В., «прорубившаго окно въ Европу». Царствованіе Павла I было рѣзкимъ разрывомъ съ тѣмъ умственнымъ и общественнымъ переворотомъ, который пропавела французская революція на Западѣ и коснулась послѣдними отзвуками образованной части русскаго общества.

Вступленіе на престолъ Александра I, воспитавшагося подъ вліяніемъ швейцарца Лагарпа въ чувствахъ идеалистической любви къ свободѣ и гражданскимъ добродѣтелямъ, сопровождалось необыкновеннымъ возбужденіемъ либеральныхъ идей. Само правительство Александра I не мало способствовало развитію этого политическаго броженія. Конституція, дарованная Польшѣ, планы Сперанскаго, слухи о предполагаемомъ освобожденіи крестьянъ увѣряли общество въ томъ, что само правительство сознаетъ ненормальность существовавшаго положенія вещей и идетъ навстрѣчу назрѣвшимъ государственнымъ потребностямъ. Событія 1812 года дали сильный толчокъ, неопредѣлившемуся направленію мыслей лучшихъ людей, — ихъ смутныя предчувствія стали складываться въ опредѣленные понятія. Новое поколѣніе, видѣвшее европейскую борьбу и воспринявшее западные идеалы, прониклось горячимъ чувствомъ общаго блага, человѣческаго достоинства и общественной свободы. Тѣ люди этого направленія, въ которыхъ сплѣтые были возбужденныя стремленія къ

*) Изъ рѣчи, произнесенной на литературномъ вечерѣ 7 февраля въ память А. С. Грибоедова въ женской гимназій Л. Э. Ржевской въ Москвѣ.

дѣятельности, составили тѣсный кружокъ, получившій, благодаря духу времени и особеннымъ условіямъ русской жизни, форму тайнаго общества.

Первая мысль о тайномъ обществѣ, въ послѣдствіи осмѣянномъ А. С. Грибоѣдовымъ, возникла около 1815 г. подъ наплывомъ новыхъ идей, проникшихъ съ Запада, и въ виду необходимости облечь нѣкоторую замкнутостью мнѣнія организовавшагося либеральнаго кружка. Извѣстно, что конецъ XVIII и начало XIX в. были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ. За масонскими ложами, члены которыхъ стремились къ нравственно-общественной дѣятельности, возникли кружки литературные, мистическіе и наконецъ, политическіе, первый изъ которыхъ носилъ названіе «Союза спасенія» или «Союза истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества». Нѣмецкій союзъ благоденствія, итальянское карбонарство, воплощеніемъ котораго Фамусовъ считалъ Чацкаго, и греческія гетеріи смѣшивались въ одинъ всеобщій заговоръ либераловъ. Но чѣмъ интенсивнѣе пробуждалась молодежь (въ особенности гвардейскіе офицеры), воодушевленная благородными стремленіями, тѣмъ нерѣшительнѣе становилось правительство Александра I. Было замѣчено, что по возвращеніи въ Петербургъ изъ Тильзита, Государь сталъ выказывать холодность къ русскимъ дѣламъ, которыя вскорѣ очутились въ рукахъ Аракчеева. Крестьянскій вопросъ, возбуждавшій въ началѣ царствованія столько надеждъ у либераловъ и столько опасеній у крѣпостниковъ, вызвалъ недружелюбное отношеніе правительства. Въ управленіи продолжали господствовать тотъ же старинный произволъ, казнобродство, взяточничество, подававшіе поводъ къ горячимъ выраженіямъ негодованія въ тайныхъ обществахъ. Впрочемъ, вся дѣятельность «обществъ» либераловъ ограничивалась бесѣдами, поглощавшими это возбужденіе умовъ. Цѣль-же наиболѣе извѣстнаго изъ нихъ кружка «Союза благоденствія» заключалась лишь въ нравственной поддержкѣ членамъ въ служеніи общему благу. Наконецъ въ доказательство идеалистическаго характера тайныхъ обществъ, не проникнутыхъ духомъ заговора, можно указать на то обстоятельство, что бесѣды происходили и безъ секрета отъ людей знакомыхъ, но не принадлежавшихъ къ союзу. Нѣкоторые изъ членовъ этихъ кружковъ, въ родѣ Репетилова, искажая серьезныя сужденія умныхъ людей, безтолково и громко говорили въ англійскомъ клубѣ «о камерахъ присяжныхъ, о Байронѣ, о матеряхъ важныхъ», какъ свидѣлствуютъ современники—Тургеневъ, Якушкинъ и др.

Вопросы, на которыхъ останавливались эти идеалисты, были, однако, очень реальныя, дѣйствительно вызываемыя русской жизнью. Русскіе патриоты тайнаго общества возставали противъ подражаній иноземному, стремились дать просторъ русскому народному началу. Вигель говорить о Н. И. Тургеневѣ, одномъ изъ представителей тогдашнихъ обществъ, что онъ искренно любилъ своихъ соотечественниковъ и много скорбѣлъ о томъ, что «чужеземцы распространяются въ Россіи, какъ дома». Сравните съ приведеннымъ мнѣніемъ слова Чацкаго, проникшагося негодованіемъ противъ господства фран-

цуско-нѣмецкихъ обычаевъ и языка: «Я возсылалъ желанья,—говорить онъ,—чтобы истребилъ Господь этотъ нечистый духъ пустого, рабскаго, слѣпотаго подражанья... Ахъ,—увлекаясь до крайности, продолжаетъ онъ,—если рождены мы все перенимать, хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!»

Этотъ поворотъ къ національному сознанию былъ вторымъ слѣдствіемъ войны 1812 г. въ связи съ распространіемъ либеральныхъ идей Западной Европы. Война съ Наполеономъ I вызвала ненависть къ иностранцамъ—французамъ и нѣмцамъ, которые составили главный контингентъ нашествия. Озлобленіе противъ иноземцевъ достигло такихъ размѣровъ, что чернь въ Москвѣ избивала ихъ, по авторитетному свидѣтельству Волковой въ извѣстныхъ письмахъ къ г-жѣ Ланской. Стали обвинять французовъ во всѣхъ бѣдствіяхъ, причиненныхъ «тигромъ»—Наполеономъ русскому народу. «Французамъ,—говоритъ Волкова,—мы обязаны развратомъ; подражая имъ, мы приняли ихъ пороки и заблужденья. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними... Кто можетъ болѣе насъ ненавидѣть французовъ, этихъ каннибаловъ», какъ она въ пылу негодованія называетъ носителей западной утонченной цивилизаціи. Это двойное настроеніе русскаго общества—стремленіе къ свободѣ и пробужденіе народнаго духа выразилось въ проектъ преобразованій, представленномъ Александру I Сперанскимъ, и въ запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи.

Планъ Сперанскаго и Записка Карамзина являются крайними пунктами, до которыхъ дошелъ общественный вопросъ въ первую половину царствованія Александра I: планъ былъ крайнимъ пунктомъ того, что думало правительство, стоявшее въ тѣ годы во главѣ либеральнаго меньшинства, а «Записка» высказывала настроеніе большинства, главнымъ образомъ дворянства, недовольнаго нововведеніями, грозившими крѣпостному праву. Москва и Петербургъ стали выразителями этихъ двухъ противоположныхъ теченій въ русск. обществѣ. «Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, говоритъ Волкова, что Петербургъ вправѣ ненавидѣть Москву. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу для того, чтобы сносить другъ друга». Эту разность настроенія двухъ столицъ русской и иноплеменной—она иллюстрируетъ въ другомъ письмѣ, говоря, что «жители Петербурга (гдѣ въ шесть мѣсяцевъ разъ услышишь русскій языкъ и гдѣ министры лучше пишутъ по французски, чѣмъ на родномъ языкѣ), вмѣсто того чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаются безбожною г-жей Сталь; они давнымъ давно выпадаютъ изъ одной крайности въ другую, доказательство—приверженность петербургскихъ дамъ къ католицизму». Москва сдѣлалась центромъ недовольной знати, ожидавшей въ добровольномъ изгнаніи новаго призыва на служебное поприще. Эти «прямые канцлеры въ отставкѣ по уму» питали убѣжденіе Фамусова, что «безъ нихъ не обойдется дѣло» и что, съ паденіемъ Сперанскаго со

всѣми либеральными совѣтниками Александра I, кормиломъ правленія снова овладѣють «столбовые дворяне»—замкнутый міръ, связанный узами родства, свойства, дружбы и сплетень. Озлобленіе, воцарившееся между представителями вѣка настоящаго и вѣка минувшаго, либералами и приверженцами старыми», подогрѣвалось европейскимъ реакціоннымъ движеніемъ и его влияніемъ на русское правительство.

Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собою рѣзкій переломъ въ ходѣ русской общественной жизни, предшествовавшая эпоха была отрѣзана, тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе прежняго времени, жизнь была вдвинута въ новую колею. Чацкій, отправляясь въ заграничное путешествіе, оставилъ на родинѣ отголоски обновленія, произведеннаго въ обществѣ наполеоновскими войнами; возвращаясь, онъ засталъ начало сумрачнаго періода двадцатыхъ годовъ. На эту неожиданную смѣну настроенія онъ намекаетъ въ бесѣдѣ съ Софьей: «Есть на землѣ такіа превращенія и климаты, и нравовъ, и умовъ»...

А. С. Грибоѣдовъ, по прїѣздѣ изъ Персіи на родину, былъ вполне въ положеніи Чацкаго. Примкнувши вмѣстѣ съ извѣстнымъ Одоевскимъ къ либеральному движенію, распространившемуся по всѣмъ концамъ Россіи, и разставшись въ теченіе пяти лѣтъ съ пробуждавшимся обществомъ, Грибоѣдовъ, по возвращеніи въ Москву, точно былъ перенесенъ въ переродившуюся среду. Реакція торжествовала; Магницкіе и Аракчеевы процвѣтали, а навстрѣчу имъ усиливалось броженіе мысли. Планъ сатиры на руководящія сферы, дѣлѣмый авторомъ «Горе отъ ума» съ 1816 г., оживился при видѣ контраста настоящаго съ прошедшимъ.

А. Чацкій—самъ безбоязненный и прямодушный А. Грибоѣдовъ—по увѣренію Пушкина—выступаетъ не только съ ядовитымъ обличеніемъ, но и съ горячимъ воззваніемъ остановиться на губельномъ пути къ застою и безличности. Слѣдя изъ Тавриза за тѣмъ движеніемъ, къ которому онъ примкнулъ еще въ Москвѣ, онъ вѣрнѣе понималъ значеніе возбуждавшихъ умы вопросовъ русской жизни. Печальныя вѣсти о новыхъ успѣхахъ реакціи усиливали мрачность взгляда поэта на оставленную имъ среду и обостряли его сатиру въ мірѣ Фамусовыхъ, куда его «въ невинномъ возрастѣ» вводила чопорная и тщеславная мать. Среди реально срисованнаго общества, гдѣ на всемъ лежалъ «московскій отпечатокъ», поэтъ поставилъ выразителемъ надеждъ и либерализма первыхъ лѣтъ царствованія Александра I фигуру Чацкаго, черты которой представлялись уже рѣдкими и исключительными явленіями въ эпоху окончательной отдѣлки «безсмертной комедіи». Въ глазахъ тогдашней Москвы Чацкій могъ имѣть одну реальную черту, какъ нечадѣ мало національнаго Петербурга и его развращенности. Чацкій и Фамусовскій кружокъ стали художественными портретами русскаго общественнаго строя первой четверти текущаго столѣтія. Чацкій, проникнутый просвѣтительными стремленіями, и Фамусовскій кружокъ, съ его обветшалыми преданіями старины, низкою страстью къ призракамъ жизни—чинамъ, орденамъ,

деньгамъ, сплетнямъ и униженію человѣческаго достоинства, становятся двумя непримиримыми мірами, противоположными полюсами общественнаго организма. Все московское общество въ лицѣ его представителей отразилось въ скорбной картинѣ «Горе отъ ума», и прежде всего были намѣчены протреты тѣхъ, которые были ближе другихъ къ негодующему сатирику: кичливый его дядя деспотъ Алексѣй Теодоровичъ, ближайшій попечитель по его воспитанію, возившій поэта «къ нестору негодяевъ знатныхъ» сталъ Павломъ Афанасьевичемъ Фамусовымъ, а дочь его—благовоспитанной Софіей. Реальная личность дяди послужила яркимъ фономъ къ созданію Фамусова, типически дорисованнаго художественными чертами изъ непосредственныхъ наблюденій надменной московской знати. Многія черты собирательнаго типа Скалозуба сняты впервые съ натуры во время пребыванія А. С. Грибоѣдова адъютантомъ въ Брестѣ при командирѣ кавалерійскихъ резервовъ, генералѣ Кологривовѣ. Въ лицѣ Скалозуба поэтъ воплотилъ безошадный протестъ противъ стараго военнаго поколѣнія, при ненависти къ просвѣщенію боготворившаго фронтовую службу и дисциплину. Не мало мелкихъ чертъ, характеризующихъ Репетилова, подмѣчено авторомъ у своихъ сослуживцевъ по гусарскому полку. Добродушный Платонъ Михайловичъ является воспроизведеніемъ родственника Грибоѣдова, Ильи Ивиновича Огарева; темная личность Загорѣцкаго носить признаки нѣсколькихъ извѣстныхъ особъ современнаго общества, въ Хлестовой, свояченицѣ Фамусова, угадываютъ тогдашнюю законодательницу большого свѣта—Офросимову, а въ Наталіи Дмитріевнѣ—племянницу самого поэта. Въ лицѣ кн. Тугоуховской съ шестью князьями можно усмотрѣть упоминаемую г-жей Волковой кн. Шаховскую, которая, имѣя 7 дочерей и незначительное состояніе, старается пристроить «хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ» (письмо отъ 1814 г. 14 декабря). Сильная и высокопоставленная дама, Прасковья Юрьевна Кологривова, послужила оригиналомъ Татьяны Юрьевны, къ которой Молчалинъ совѣтуетъ Чацкому съѣздить для снисканія покровительства.

Не останавливаясь на именованіи другихъ живыхъ лицъ, подавшихъ поэту краски для бурнаго изліянія громового негодованія при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей, достаточно прибавить въ доказательство реальности комедіи, что многіе изъ знатныхъ происхожденіемъ, съ громкой фамиліей, успѣли узнать въ смѣлыхъ потретахъ Грибоѣдова себя или своихъ и поднять злобный ропотъ за честь Москвы и русскаго имени. Такимъ образомъ ядовитая стрѣла попала въ намѣченную цѣль,—зашевелилось стоячее болото, вызвавъ дружный натискъ встревоженнаго барства противъ печатанія и допущенія на сцену той пьесы, которая, по словамъ Бѣлинскаго, является благороднѣйшимъ созданіемъ гениальнаго человѣка.

Впервые отрывки изъ «Горе отъ ума» были напечатаны въ 1825 г. въ альманахѣ «Русская Талія» Ѳ. Булгарина; первое изданіе зсей комедіи относится къ 1832 г., а первое представленіе въ Петербургѣ, съ пропусками впрочемъ многихъ стиховъ ея, совпало съ бенефисомъ Брянскаго 28 января 1831 года. Но автору не суждено было

не только самому видѣть на сценѣ свое задушевное произведеніе, но даже слышать о немъ: онъ былъ убить въ Персіи за два года передъ тѣмъ.

А. Хахановъ.

Воскресная школа въ деревнѣ.

Пос вѣщается автору «Вѣшкольнаго образованія народа» В. П. Вахтерову.

«Въ глухомъ и отдаленномъ уголкѣ Ковенской губерніи въ истекшемъ году открылась воскресная школа при народномъ училищѣ, успѣвшая привлечь громадное число учащихся. Школа эта находится въ мѣстечкѣ Попелянахъ и составляетъ единственное учрежденіе въ губерніи, даже въ цѣломъ округѣ; ей суждено будетъ сыграть роль первой разсадницы въ селахъ и деревняхъ воскресныхъ школъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ частной инициативѣ, которая, вообще говоря, можетъ оказать большую услугу въ дѣлѣ образованія въ Ковенской губерніи, гдѣ ощущается недостатокъ въ начальныхъ училищахъ».

Такъ сообщалось о нашемъ воскресномъ классѣ въ новогоднемъ обзорѣнн мѣстной газеты перваго января 1897 года. Съ 12 ноября начался второй годъ существованія этой школы. Ея фвізіомія уже достаточно опредѣлилась, выяснилось отношеніе къ ней населенія, явились результаты работы. Живо встаютъ предъ глазами различные моменты въ жизни воскресной школы, хорошо помнится и длинный годъ тревогъ и волненій въ ожиданіи ея открытія, понятны и дороги личности взрослыхъ учащихся съ ихъ запросами и желаніями. Вотъ эту внутреннюю жизнь сельской литовской школы въ ея характерныхъ чертахъ хотѣла бы я передать въ настоящемъ очеркѣ.

Ни въ одной школѣ не приходится въ такой мѣрѣ считаться съ личностью учащихся, какъ въ школѣ воскресной, куда установившіеся взрослые люди сознательно несутъ опредѣленные запросы; это сообщаетъ особую жизненность такому типу общеобразовательныхъ учреждений и является одной изъ его симпатичныхъ сторонъ. Поэтому прежде, чѣмъ говорить о воскресномъ классѣ, я попытаюсь дать представленіе о характерныхъ сторонахъ мѣстной жизни, которая то и дѣло напоминаетъ о себѣ школѣ, вливаясь въ нее постоянной свѣжей волной. На выставкѣ Комитета Грамотности *) въ картограммахъ и таблицахъ о под-

*) Въ 1895 году въ Москвѣ при сельско-хозяйственной выставкѣ былъ интересный отдѣлъ Комитета Грамотности.

готовленности мѣстностей Россіи ко введенію всеобщаго обученія наша Ковенская губернія не только не была забыта, но и обращала на себя всеобщее вниманіе: она оказывается самой неподготовленной въ данномъ случаѣ и занимала послѣднее мѣсто по народному образованію въ Россіи; а такъ какъ наше отечество (показывали діаграммы) въ свою очередь было самымъ отсталымъ изъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, то на долю Ковенской губерніи выпала печальная извѣстность быть едва ли не безграмотнѣйшей мѣстностью въ цивилизованномъ мірѣ.

Но столкнувшись при открытіи воскресной школы съ кореннымъ крестьянскимъ населеніемъ края—литовцами (или жмудинами), я увидала, что взрослыхъ грамотныхъ на мѣстномъ жмудскомъ языкѣ здѣсь не мало, гораздо больше, чѣмъ въ русскихъ деревняхъ средней Россіи. Большинство умѣло читать, хоть *единственной* книгой народа служилъ молитвенникъ. Обучалось населеніе дома, такъ какъ жмудскія школы строго преслѣдуются тутъ начальствомъ. Умѣть читать и не имѣть, совсѣмъ таки не имѣть книгъ—равносильно полнѣйшей безграмотности, и народъ, повидимому, сознаетъ это. — «Умѣешь читать?»—спрашиваетъ крестьянина. — «Нѣтъ». — «И по своему не умѣешь?»—«Что по своему!»—говоритъ онъ тономъ, выясняющимъ, какъ мало ему толку отъ этого знанія. — «По своему умѣю. По русскому хочу!» Даже единственная книга — небольшихъ размѣровъ молитвенникъ — недоступна народу по цѣнѣ, потому что ее нельзя печатать въ Россіи, вслѣдствіе запрещенія употреблять жмудскія письмена; поэтому печатаніе самыхъ необходимыхъ книгъ развелось за границей, и населеніе за привезенные контрабандой молитвенники переплачиваетъ огромныя деньги (2 р. и 2 р. 50 к.). Пока на мѣстномъ языкѣ нѣтъ своей литературы, русская грамота и школа являются единственнымъ теперь средствомъ приобщить мѣстное населеніе къ общечеловѣческой культурѣ, сдѣлать литовскій народъ причастнымъ къ высокимъ, воспитывающимъ и мыслямъ, и чувство наслажденія черезъ посредство художественныхъ произведеній Толстого, Пушкина, Тургенева, Достоевскаго, а чрезъ русскія популярно-научныя книги дать ему необходимыя знанія въ области права, хозяйства, естествознанія. При современныхъ условіяхъ литовцу нужна русская грамота, ему необходимо выучиться говорить по-русски: иначе страдаютъ его насущныя интересы. Жизнь настоятельно и неотложно выдвигаетъ необходимость широкаго распространенія школы. Въ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ народъ, незнакомый съ русской рѣчью, говоритъ о своихъ печалаяхъ и нуждахъ не иначе, какъ черезъ переводчика, одинаково равнодушнаго и къ животрепещущимъ наболѣвшимъ вопросамъ литовцевъ и къ стремленію судей и правящихъ лицъ быть въ курсѣ дѣла, проникнуть въ его излучины и рѣшить по правдѣ и справедливости. Неграмотный людъ, не умѣя разобраться въ своихъ правахъ, знакомится съ русскими

законами при посредствѣ деревенскихъ «аблакатовъ», которые плодятъ тучами кляузы и прошенія, безбожно эксплуатируютъ народную темноту и незнакомство съ русской рѣчью, прививаютъ сутяжничанье крестьянамъ до такой степени, что «человѣкъ съ процессомъ» какъ бы вырастаетъ въ глазахъ жмудина, и постоянство въ кляузахъ пріобрѣтаетъ видъ спорта. Бдутъ два литовца мимо корчмы другъ другу на встрѣчу, зацѣпились колесами, ужъ они не разминуются благополучно: сейчасъ подскочить кабацкій завсегдатай, «аблакатъ» и тутъ же за стойкой настроичить за полштофъ и одному, и другому по безграмотнѣйшему прошенію участковому судѣ.

Да, здѣсь еще не скоро воплотится симпатичная мечта генерала Косича, чтобъ поросла травой дорога народа къ судамъ и тюрьмамъ и сдѣлалась торной къ школѣ, не скоро ужъ по одному тому, что школъ здѣсь до отчаянія мало и еще меньше людей, сознающихъ весь вредъ народнаго невѣжества, и активно, не платонически только, сочувствующихъ дѣлу просвѣщенія безграмотной массы.

Литовцы (или жмудины) коренные обыватели края; они, за исключеніемъ помѣщичьяго класса, почти всѣ землепашцы — крестьяне или дворяне, ничѣмъ ни по умственному развитію, крайне недостаточному, ни по имущественному состоянію не отличающіеся другъ отъ друга. Но составъ населенія не исчерпывается литовцами. Въ этнографическомъ отношеніи наша окраина очень оригинальна и разнообразна. Здѣсь смѣсь національностей, вѣроисповѣданій, нарѣчій. Тутъ, перѣдко въ антагонизмъ между собой, обусловленномъ не личными свойствами, а враждебностью національностей, бока-о-бока живутъ русскій, полякъ, вѣмецъ, литовецъ (жмудинъ), еврей и латышъ. Въ то время, когда жмудины разбрасываютъ по полямъ свои односелья (здѣсь деревень, какъ у насъ на Руси, почти не встрѣчается) еврей биткомъ набиваютъ мѣстечки и города, занимаясь частью ремеслами, но въ огромномъ большинствѣ — торговлей и маклачествомъ.

Почти въ каждомъ домѣ мѣстечка есть неизрѣнно лавка, такъ что новому человѣку невольно приходится въ голову вопросъ: «Да кто же тутъ покупатель, если каждый изъ нихъ торговецъ, и не все-ли существуютъ эти захудалые ларцы съ заплѣсневѣлыми товарами? Что можетъ дать такая усиленная конкуренція, кромѣ разоренія и безъ того бѣдныхъ, скученныхъ семей?» И невольно всплываетъ въ памяти несчастная жена Великаго Самсона (изъ разсказа Э. Оржешко), промышленящая на хлѣбъ своему многочисленному потомству и идеалисту-мужу, съ ея таинственными операціями надъ товарами и вѣчной погоней за недающимся покупателемъ.

Относительно обученія русскому языку въ своихъ хедерахъ (школахъ) у меламедовъ (учителей) еврей стѣснены менѣе литовцевъ: если учебное начальство находитъ такую школу безъ разрѣшенія, учитель-еврей платится за это дорого. Поэтому, наплывъ евреевъ въ

воскресную школу былъ громаденъ, и половинѣ желающихъ было откавано за недостаткомъ мѣста. Я, опираясь на этотъ фактъ, обратилась къ раввину съ совѣтомъ помочь народной нуждѣ въ грамотѣ открытiемъ начальнаго еврейскаго училища.

— Гдѣ же у насъ? Кому открывать?—отвѣчали мнѣ:—Каждый отсюда въ Америку или въ Африку норовить. Тамъ гешефтъ большой, а здѣсь совсѣмъ лавочку закрыть надо. Ой! много народу отъ насъ въ Африку уходятъ, — каждый день на вокзалѣ переселенцевъ провожаемъ... Много и денегъ изъ Африки они привозятъ. А здѣсь монополія даже корчмы закрываетъ. Чѣмъ жить? Правда, составятъ евреи въ Африкѣ гешефтъ, и опять сюда. Тяжело тамъ: тамъ вѣры нѣтъ, тамъ нѣтъ субботы, однѣ тамъ деньги... Вы говорите про школу: да, вѣдь, тутъ только и остаются, что женщины и дѣти, а изъ взрослыхъ, чуть кто сколотитъ грошъ на билетъ, сейчасъ въ Африку. Оттого еврей о русской грамотѣ и не думаетъ: въ Россiи ему нечѣмъ жить. Нѣтъ, какая ужъ намъ школа, — дорога она! Вотъ только чему въ хедерахъ у меламедовъ научатся киндеры (дѣти) — и довольно!»

Русское населенiе края состоитъ, главнымъ образомъ, изъ чиновниковъ, но встрѣчаются и русскiя фермы съ переселенными сюда послѣ возстанiя крестьянами. Они усвоили мѣстный жмудскiй языкъ, но держатся въ сторонѣ отъ Литвы и проявляютъ свое русское происхожденiе свойственнымъ русачеу пристрастiемъ къ чарѣ.

Латыши составляютъ здѣсь пришлый элементъ и въ большинствѣ случаевъ не понимаютъ ни по-русски, ни по-жмудски.

Собственно поляковъ въ воскресной школѣ встрѣчалось мало, и тѣ были обѣднѣвшiе шляхтичи, сравнявшiеся съ народной массой и тяжелымъ трудомъ добывавшiе себѣ хлѣбъ свой.

На такой почвѣ возникла наша школа.

Открыть сразу воскресную школу, рассчитывая на однѣ свои силы, здѣсь, среди не говорящихъ по-русски литовцевъ, казалось мнѣ сначала слишкомъ смѣлымъ, рискованнымъ шагомъ и я не сразу на него рѣшилась. Внушительный примѣръ харьковской воскресной школы Алчевской со ста учащими, съ поразительнымъ богатствомъ учебныхъ пособiй стоялъ у меня предъ глазами и говорилъ: какъ же идти на это дѣло съ единичными силами? И вотъ я пустилась въ обходъ, обратившись къ директору народныхъ училищъ съ просьбой назначить меня бесплатной помощницей народнаго учителя съ тѣмъ, чтобы, какъ таковая, я (въ силу § 48 инструкцiи учителямъ Виленскаго округа) могла вести при школѣ чтенiя для дѣтей и взрослыхъ. Эти чтенiя служили бы подготовительнымъ шагомъ къ открытiю школы, къ ознакомленiю съ народомъ, его развитiемъ и запросами. Но на мое письмо о развивающемъ и воспитывающемъ значенiи народныхъ чтенiй, поддерживающихъ въ этомъ краѣ связь населенiя со школой, о нравственной обязанности деревенской интеллигенцiи придти

на помощь учителю и считать интересы народного образования близкими себѣ вопросами, а равно и на прошеніе о назначеніи бесплатной помощницей учителя, получила официальная бумага съ сообщеніемъ, что чтенія можетъ устраивать только священникъ... А мое стремленіе открыть воскресную школу все росло. Въ мѣстечкѣ, кромѣ учителя, къ сожалѣнію, намѣревавшагося перейти на службу въ акцизъ, былъ еще слѣдователь, докторъ, акцизный чиновникъ. Одни отмахивались руками, когда заговаривали съ ними о школѣ, другіе согласились подписаться подъ прошеніемъ. Горачѣе всѣхъ отнесся къ идеѣ открытія воскресной школы учитель.

— Ну, будемъ вдвоемъ работать,—говорилъ онъ, не рассчитывая на помощь другихъ участниковъ. Оставалось убѣдить жившаго верстъ за 20 священника, чтобъ прошеніе было ужъ «по всей формѣ». Батюшкѣ разъяснили, что его активное участіе не понадобится; школа, вѣдь, иновѣрческая. Онъ съ охотой подписался, усердно твердя: «Святое дѣло, святое дѣло!»

Въ отвѣтъ на прошеніе отъ директора получила бумага, въ которой предлагалось воспользоваться помѣщеніемъ училища, но за разрѣшеніемъ рекомендовалось обратиться въ епархіальный училищный совѣтъ; а тотъ въ свою очередь отсылалъ насъ въ дирекцію, сообщая, что воскресныя школы при народныхъ училищахъ находятся въ вѣдѣніи министерства народного просвѣщенія. Вопросъ о школѣ долгое время оставался на точкѣ замерзанія, а сердце сжималось страхомъ и болью, что мечты о воскресномъ классѣ бесполезно замрутъ. Бумага директора съ запросомъ, чья инициатива этого дѣла, какова программа и пр., блеснула яркимъ лучомъ надежды въ эти долгіе, томительные мѣсяцы ожиданія. На другой день было отправлено все требуемое. Оставалось «ждать у моря погоды». Прошелъ мѣсяцъ, другой, третій. Дѣло началось въ разгарѣ зимы, а ужъ кончилась весна, настало лѣто,—о разрѣшеніи ни слуху, ни духу. Напоминая евангельскую вдову, надоѣдавшую неправедному судѣ просьбами, и бомбардирую письмами инспектора народныхъ училищъ и знакомыхъ, навожу всюду справки и... не узнаю ровно ничего. Къ концу лѣта стали долетать недобрыя слухи. «Миѣ тяжело писать вамъ, что школа, какъ я узнала отъ одного изъ инспекторовъ, по всей вѣроятности, не будетъ разрѣшена», сообщаетъ наконецъ знакомая учительница женской гимназіи въ Ковно.

Все мѣстное общество почему-то съ каждымъ днемъ все неодобрительнѣе и недружелюбнѣе стало относиться къ затѣянной школѣ. Трудно даже было разобраться во враждебныхъ мнѣніяхъ.

— Попомните мое слово, не будетъ школы, не будетъ, не будетъ!—съ азартомъ говорить одинъ.

— Глухая затѣя!—вставляетъ другой:—Ну, зачѣмъ жмудякамъ грамота? Кляузы только разводять: больше грамотныхъ, больше прошеній. Вотъ увидите, на всѣхъ и на все жаловаться пойдутъ!»

«На что школа, когда есть семья?» недоумѣваютъ обывательницы, смотрящія на вещи съ точки зрѣнія «куриного насѣста». Нѣкоторымъ мысль объ открытіи воскреснаго класса казалась просто безмысленной. Осенью вновь пришлось обращаться къ инспектору съ просьбами вывести изъ ужаснаго невѣдѣнія на счетъ школы. На этотъ разъ получается успокоительный отвѣтъ: дѣло давно уже поступило въ округъ къ попечителю на окончательное его разрѣшеніе, а онъ ждетъ совѣта, собирающагося при округѣ въ октябрѣ, чтобы передать вопросъ о школѣ на его разрѣшеніе. Пришелъ ужъ ноябрь. Въ отчаяніи я пишу письмо попечителю, прося о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла, въ виду удобнаго для крестьянъ времени воспользоваться услугами школы, а также въ виду переполненія мѣстныхъ училищъ и все возрастающей потребности населенія въ грамотѣ. Наконецъ тревоги, сомнѣнія и муки ожиданія кончены: мечты о воскресной школѣ, вопреки всѣмъ грознымъ пророчествамъ, вступили на почву дѣйствительности. Но враждебное настроеніе къ вновь возникавшему учрежденію не разсѣивалось. Стали ходить слухи о непріязненномъ отношеніи къ школѣ ксендзовъ. Надо было идти напрямикъ, выяснить недоразумѣніе: вліяніе ксендза на крестьянъ слишкомъ серьезно, чтобы можно было игнорировать его мнѣніе и не считаться съ нимъ. Мы разъяснили ксендзу, что воскресная школа не посягаетъ ни на религіозныя, ни на національныя чувства народа, она идетъ на помощь его ежедневной настоятельной нуждѣ въ знаніи грамоты и русскаго языка, безъ котораго онъ безпомощенъ и беззащитенъ. «Я не противъ школы», говорилъ намъ ксендзъ-настоятель на просьбу «о просвѣщеніи намъ содѣйствіи и участіи». «Я только повторялъ вслѣдъ за всѣми, что она не удастся. Но, вѣдь, это же было общее мнѣніе. А дѣлу мѣшать я не стану». И онъ, дѣйствительно, исполнилъ свое обѣщаніе. Средства школы были такъ ограничены, что о напечатаніи объявленій мы и не думали. Пришлось самой писать ихъ, а учитель развѣшивалъ эти листки бумаги у костела, въ волости и другихъ мѣстахъ народныхъ сборищъ. Потомъ стали устно сообщать обывателямъ объ открытіи бесплатнаго воскреснаго класса и приглашать ихъ записаться. За недѣлю набралось 77 подписей. Рѣшено было не устраивать молебна въ день открытія занятій (12 ноября), чтобы показать иновѣрцамъ, что школа не думаетъ затрогивать религіозныхъ чувствъ учащихъся. На помощь намъ пріѣхала изъ города жена слѣдователя О. М., симпатизировавшая этому дѣлу. Къ 9-ти часамъ утра мы явились въ училище. «Есть уже 15 человекъ!» привѣтствовалъ насъ учитель. Въ классѣ были все евреи и еврейки. Мы принялись ихъ экзаменовать, подходя къ каждому съ книгой и заставляя читать, а потомъ отдѣляя грамотныхъ отъ неграмотныхъ. Мы едва успѣвали это дѣлать: дверь ужъ не затворялась, и въ нее густой толпой входили все «дѣти Израіля». Вотъ взрослыя дѣвушки-портнихи идутъ несмѣло, держась за руки, а тутъ сгорбленная старушка-еврейка ведетъ внука

и внучку и все кланяется, пока учитель записывает ихъ. «Мой ужъ и читать, и писать умѣетъ», заявляетъ съ гордостью одна изъ матерей съ мальчикомъ, а въ тонѣ слышится приглашеніе отнестись къ нему съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ говорить объ этомъ сама неграмотная мать.

«Я бы просила указать мнѣ изъ грамматики, я ужъ имя существительное, и глаголъ, и все, все знаю», говоритъ взрослая дѣвушка, лѣтъ 18-ти и вынимаетъ изъ платка какія-то засаленныя книги: «вотъ посмотрите!» Но намъ некогда удивляться своею любовью, мы только ведемъ ее къ группѣ хорошихъ грамотныхъ евреевъ и евреекъ (отъ 14 до 22-хъ лѣтъ), въ которой слышатся заявленія, что одинъ ужъ изучалъ географію, другой умѣетъ писать диктантъ. Такихъ набралось человекъ 14; они заняли три парты, едва помѣстившись на нихъ. А рядомъ стоялъ другой рядъ партъ, на нихъ усаживались слабо-грамотные, главнымъ образомъ, взрослые евреи и еврейки. Это отдѣленіе оказалось самымъ многочисленнымъ, и никогда, кажется, сельдямъ въ бочкѣ не было такъ тѣсно, какъ имъ: на небольшой партѣ, почти сидя другъ на другѣ, помѣщалось до 6 человекъ. Третье отдѣленіе составили вовсе неграмотные, по большей части маленькія дѣти, въ началѣ смиренныя, точно кролики, и несмѣлыя, а къ концу занятій отвѣчавшія непремѣнно дѣлымъ кагаломъ и совершенно игнорировавшія окрики: «тише, тише, не всѣ сразу!». По мѣрѣ того, какъ классъ наполнялся евреями, изрѣдка перемежавшимися небольшими группами литовцевъ, мы радовались, видя, какъ живо откликнулись желающіе на нашъ призывъ учиться. Учитель едва успѣвалъ записывать, а мы вдвоемъ—распредѣлять на группы. Занятія велись очень оживленно, но дисциплина рѣшительно отсутствовала. Среднему отдѣленію О. М. диктовала отдѣльныя слова и читала съ ними. Я занималась съ младшей группой, а потомъ, давъ имъ писать на доскахъ только что показанную букву «и», перешла къ старшему отдѣленію, прочла съ ними «Робинзона» и стала диктовать коротенькія фразы. Но въясненіе этого, дѣлали грубѣшія ошибки и настойчиво путали буквы Ш и С, Ж и З, а слова «щетка» и «еще» ни одинъ изъ грамотнѣе не написалъ вѣрно. Задачи рѣшали хорошо, выказывая свойственную евреямъ замѣчательную смекалку въ вычисленіяхъ. Въ классѣ стоялъ невообразимый шумъ и гамъ. Заинтересованные ученики и ученицы съ разгорѣвшимися отъ жары и волненія лицами не мигаючи смотрѣли на учительницъ своихъ группъ, боялись пропустить хоть слово, поминутно спрашивая разъясненія, а отвѣчать спѣшили вмѣстѣ, читать разомъ. Такъ оживленно, бойко, горячо и беспорядочно шло дѣло до обѣда. Всѣмъ было интересно: усталости не замѣчалъ никто, хоть о перемѣнахъ не было и рѣчи, одинъ предметъ занятій непосредственно смѣнялъ другой. На партахъ не оказывается ни одного свободнаго мѣста, а народъ все идетъ. Положеніе становится затруднительнымъ: куда

же мы дѣнемъ столькожъ учениковъ? Надо раздать евреямъ книжки изъ народной библіотеки—рѣшаемъ мы—и отпустить ихъ, чтобы очистить мѣста прибывающимъ къ 2-мъ часамъ католикамъ, такъ какъ единственная комната уже переполнена.

«Мы не можемъ помѣстить всѣхъ желающихъ, надо часть исключить», говоритъ учитель собравшимся въ его квартирѣ участникамъ дѣла. Страшное слово «исключить» рѣзкимъ диссонансомъ врывается въ радостное настроеніе по случаю открытія томительно долгожданной школы и такого полнаго сочувствія къ ней населенія. Положимъ, классъ не вмѣщаетъ сразу всѣхъ желающихъ, но, вѣдь, возможенъ выходъ изъ этого положенія: стоитъ только устроить двѣ смѣны занятій: 1) разрѣшенную съ 2 часовъ пополуудни до 5-ти и 2) вторую съ утра до обѣда. Тогда будутъ удовлетворены всѣ являющіеся къ намъ. Но на это предложеніе посыпались возраженія. «Заниматься въ праздникъ до обѣдни!» говорилъ акцизникъ, который во все время существованія школы посѣтилъ ее только единственный разъ въ этотъ день открытія, а больше ужъ и не являлся на занятія: «Да развѣ мы не христіане?! Мы по утрамъ въ праздникъ учить—не товарищи!»

«Да и что скажетъ учебное начальство, если заниматься въ неположенные часы?»

Будущее, однако, показало, что начальство, съ удовольствіемъ отмѣтивъ фактъ единодушнаго стремленія народа къ грамотѣ, ничего не имѣло противъ двухъ смѣнъ занятій, впоследствии таки установленныхъ. И свѣтлый день открытія школы не былъ омраченъ позорнымъ актомъ изгнанія изъ училища. Въ первомъ часу грамотнымъ евреямъ было объявлено, что по утрамъ до обѣда въ праздники я стану имъ раздавать книги, спрашивать прочтенныя и давать на домъ письменныя работы по грамматикѣ, къ которой они чувствуютъ такую большую склонность.

Къ часу начали собираться взрослые католики по выходѣ изъ костела. Парты, на которыхъ только что учились распущенные по домамъ евреи, быстро стали заполняться прибывавшими литовцами. Вотъ нерѣшительно вошелъ и сталъ у дверей, теребя шапку, пожилой 42-хъ-лѣтній столяръ-жмудинь. Съ особеннымъ участіемъ занялся мы съ этимъ робкимъ, большимъ ученикомъ въ группѣ неграмотныхъ подростковъ и юношей отъ 15 до 20 лѣтъ. Скоро къ пожилому литовцу присоединился другой, лѣтъ 30-ти, болѣе смѣлый, чѣмъ его старшій товарищъ. Столяръ мучительно старался запомнить буквы и всякій разъ нервно вздрагивалъ, когда вмѣсто *A* говорилъ *O* или что-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ въ смущеніи не отрывалъ глазъ отъ книжки, а когда показывалась буква развѣзной азбуки, то приходилось подставлять ее подъ его опущенный взоръ, а то онъ не смѣливался поднять глазъ. Этотъ самый старшій ученикъ былъ въ то же время и самый робкій. Каждый изъ учащихся являлся, правда, со смутнымъ запросомъ къ школѣ: одному нужно было поскорѣе выучиться читать, другой—кожевникъ по профессіи—выразилъ желаніе по-

знакомиться съ цифрами, чтобы записывать количество поступавшаго къ нему товара, третій нуждался въ матеріалъ для чтенія, четвертый желалъ найти въ насъ людей, которые разъяснятъ ему все непонятное въ книгахъ, но во всѣхъ этихъ заявленіяхъ слышался, несмотря на кажущееся разнообразіе, одинъ общій мотивъ: въ школу этихъ взрослыхъ людей привело желаніе научиться грамотѣ, потребность умственного развитія. Это уже были запросы не утилитарнаго или профессиональнаго характера, а общечеловѣческіе запросы на образование; это было стремленіе расширить свой умственный горизонтъ, приобрести въ грамотѣ оружіе для саморазвитія.

Классъ наполнился вторично. Все новыя, все интересныя лица. Вотъ входитъ пожилая 38-ми лѣтняя русская женщина въ платочкѣ и смущенно кланяется. — «Здравствуйте, сдѣлайте милость, научите грамотѣ, хочется читать умѣть: ужъ заставьте за себя Бога молить».

Мы принимаемъ ее съ распростертыми объятіями. Женщина радостно улыбается, все кланяется и благодаритъ. Она исполнена во всѣмъ такой признательности, такъ исключительно вѣжлива, что становится даже какъ то совѣстно передъ ней.

Въ старшее отдѣленіе поступаетъ 26-лѣтній ученикъ съ блестящими пуговицами: это мѣстный почтальонъ, нѣмецъ по происхожденію, явившійся въ школу, очевидно, послѣ нѣкоторой борьбы съ собой: онъ нѣсколько разъ прошелъ мимо оконъ училища прежде, чѣмъ несмѣло вошелъ въ классъ. Онъ объясняетъ свое намѣреніе поступить въ школу желаніемъ усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ и нуждой въ книгѣ. «Люблю очень читать, но многія слова совсѣмъ мнѣ непонятны, хотѣлъ бы выучиться грамотѣ писать», говорилъ намъ этотъ ученикъ: «да не къ кому было за помощью обратиться». Онъ съ поразительнымъ усердіемъ занялся данною ему самостоятельной работой и попросилъ на домъ свою исписанную тетрадку.

А вотъ и П., русская, 40-лѣтняя женщина, мать взрослыхъ дѣтей, которыя учатся въ Ковно: ее привело въ школу трогательное желаніе матери научиться самой писать сыну и дочкѣ и лично читать получаемыя отъ нихъ письма. «Сама съ какою бы радостью прочитала, что они пишутъ, а теперь каждый разъ другимъ кланяться, проси; иное, вѣдь, и не хотѣла-бы чужимъ показывать да рассказывать. Только гдѣ мнѣ выучиться!..» вдругъ безнадежно прибавляетъ она: «стара ужъ, — съ молодю не выучилась, подъ старость и подавно»...

— «Ну, дай Богъ, дай Богъ!» говоритъ П. въ отвѣтъ на обычное увѣреніе, что «была-бы охота, а научится навѣрно», и радостнымъ блескомъ надежды зажигаются ея быстрые, темные глаза.

Классъ представлялъ пеструю картину людей всевозможныхъ профессій и различныхъ національностей, наложившихъ свою характерную печать на внѣшній обликъ учащихся.

Крестьяне литовцы, входя, тянулись, по мѣстному обычаю, щѣловать «господамъ» руки, ставя насъ, сами того не подозрѣвая, въ глубѣйшее и жалкое положеніе и заставляя испытывать чувство глухого стыда за созданную пропасть между простолюдиномъ и интеллигентомъ; русскіе—степенно раскланивались съ нами и внимательно присматривались къ окружающему; бывшіе уже утромъ взрослые слабограмотные евреи (учащихся въ другихъ группахъ на этотъ день за недостаткомъ мѣста распустили совсѣмъ) держали себя, какъ люди вполне освоившіеся съ нами; латыши, не говоряще по русски, не умѣя словами привлечь на себя вниманіе, безпрестанно дергали учительницъ за рукавъ, спрашивая глазами, такъ-ли пишутъ они указанныя буквы.

На партахъ сидятъ крестьянки - литвинки въ обычныхъ вольныхъ, шерстяныхъ кофтахъ, собственноручно сотканныхъ съ неизбѣжными бѣлыми коленкоровыми и батистовыми платочками на головкахъ, а рядомъ неряшливо, хоть и франтовато по модѣ наряженныя еврейки; одѣтыя въ разноцвѣтныя ситцевыя платья русскія дѣвушки изъ деревни - фермы; взрослые крестьяне въ толстыхъ пиджакахъ изъ домашняго сукна; на ихъ сѣромъ фонѣ рельефно выдѣляется свѣтлыми пуговицами новенькій мундиръ почтальона. Эта вторая аудиторія, въ противоположность утренней, слишкомъ подвижной и шумной, солидна и сдержанна. Тутъ ужъ нѣтъ хоровыхъ отвѣтовъ, никто не стремится выскочить съ своими познаніями, каждый держится торжественно и чинно. Огвѣты учащихся застѣчивы и робки. Увѣренно, смѣло и бойко звучитъ только рѣчь 22-лѣтней дѣвушки изъ старшаго отдѣленія Татьяна Ш. Она пришла къ намъ изъ русской фермы, миловидная, стройная, весело улыбающаяся, съ яснымъ, умнымъ, открытымъ взглядомъ. «Книжки очень люблю», объясняла она свое появленіе, «а достать совсѣмъ негдѣ; кое что удавалось прочесть, но рѣдко. На каждый вопросъ учительницы, обращенный къ ихъ группѣ, она давала толковые отвѣты, прочтенную статью передала живо, красиво, съ огонькомъ. Ее заслушивались учащіеся и учительница. Впродолженіе четырехъ послѣдующихъ мѣсяцевъ она не пропустила ни одного праздника, доставляя намъ своимъ появленіемъ въ классѣ высшее эстетическое наслажденіе, какое можетъ дать только рвущаяся къ свѣту и знанію талантливая, отзывчивая дѣвушка изъ народной среды, которую она далеко опередила по своему развитію. Ея вопросы будили мысль, оживляли бесѣду съ учащимися о прочитанномъ, внося нерѣдко новыя взгляды въ міросозерцаніе ея товарищей. Этой дѣвушкѣ доступно и средно было чувство поэзіи. Всякій разъ, когда послѣ уроковъ, по обыкновенію читалось классу какое-нибудь стихотвореніе, звучныя пѣсни поэта глубоко западали въ ея впечатлительное, воспримчивое сердце, вызвали на ея глаза чистыя, хорошія слезы. Волнуясь и торопясь, забывая свое обычное стремленіе выразиться складчѣе, спѣшила она передать захватившее ее стихотвореніе и всегда передавала его нервно, сильно, прочувствованно.

Не забыть мнѣ той глубокой тоски, съ какой она пересказывала драму «Жены ямщика» Никитина. Изъ народной библіотеки она брала по нѣскольку книгъ на недѣлю и, возвращая, говорила: «Можетъ быть, больше дадите? Вечера теперь длиннее—этихъ не хватило». Сильнѣе другихъ книгъ (выборъ у насъ былъ ничтоженъ и слабъ) нравились ей «Катакомбы». Все передаваемое ею вставало, точно картина, ярко, образно; ея идеаломъ былъ «Архангельскій мужикъ», ушедшій за обозомъ въ Москву учиться. Эту ученицу, «красу и гордость школы», какъ мы ее за глаза называли, черезъ четыре мѣсяца судьба забросила въ Либаву. Что-то стало тамъ съ пытливой, жадно-рвущейся къ свѣту душой? Перехожу отъ воспоминаній о яркой звѣздочкѣ, недолго мелькавшей на нашемъ горизонтѣ, къ общей картинѣ школы, къ галлерей другіхъ лицъ, въ первый день появившихся въ воскресномъ классѣ и аккуратно до сихъ поръ посѣщающихъ ихъ.

Свѣтло-русые подростки-католики (литовцы любятъ называть себя этимъ словомъ) углублены въ разсматриваніе картинокъ только что разрѣзанныхъ Букварей Вахтерова; эти ученики, не понимая смысла, сносно читали и писали. Они повторяли про себя названія картинокъ, потомъ прилежно писали ихъ на доскахъ. Группа «звуквиковъ»-бородачей, несмысленныхъ, сначала сконфуженныхъ, стала понемногу осваиваться. Вслѣдствіе того, что большинство знало жмудскую грамоту, русскія буквы легко запоминались, и успѣхъ, видимо, окрылялъ ихъ. Подходя записываться въ число учениковъ, они говорили безнадежнымъ тономъ: «Гдѣ ужъ выучиться! Старъ я. Такъ только попытаюсь». Вначалѣ приходилось искусственно возбуждать падавшую энергію этихъ сомнѣвающихся въ себѣ людей. Но страница букваря, пройденная до конца, подняла ихъ настроеніе скорѣе, чѣмъ наши слова. Письмо въ этотъ первый урокъ потерпѣло полнѣйшее фіаско въ группѣ взрослыхъ неграмотныхъ. Грубныя, закорузлиныя руки черно-рабочихъ, удачно справлявшіяся съ плугомъ, топоромъ и любой тяжелой работой, спасовали передъ хрупкимъ грифелемъ. Одинъ 40-лѣтній плотникъ, отецъ семейства, которое онъ кормить трудами своихъ рукъ, въ первый разъ въ жизни вознегодовалъ на эти самыя руки, когда вложили ему въ нихъ грифель, и на доскѣ, вмѣсто буквъ, выходили какіе-то іероглифы.

Старшая группа учениковъ составила изъ давно окончившихъ сельскую школу и явившихся сюда повторить ея курсъ. Тутъ пришлось констатировать фактъ рецидива безграмотности, которому столько простору именно здѣсь: кончившіе школу забывали не только читать, какъ слѣдуетъ, но и въ значительной степени утрачивали пріобрѣтенное раньше знакомство съ русской рѣчью, такъ какъ изъ училища они возвращались въ жмудскую семью, гдѣ говорятъ лишь по-литовски. У нихъ осталась только привычка къ школьной дисциплинѣ: это—единственная группа, гдѣ ученики вставали, отвѣчая, поднимали руки, давая знать, что понимаютъ вопросъ учительницы. Во всѣхъ другихъ.

отдѣленіяхъ учащіеся говорили съ нами сидя, и мы поощряли эту непринужденность въ обращеніи, желая сдѣлать какъ можно меньше разницу между ихъ домохъ и классомъ. Довольно ужъ было и того неудобства, что школьныя парты, непривычная для крестьянъ мебель, оказались вдобавокъ приноровленными только для дѣтей, а взрослые плотные люди едва помѣщались на нихъ. Въ старшемъ отдѣленіи насчитывалось нѣсколько 20-лѣтнихъ крестьянъ изъ русской фермы. Ихъ появленіе въ школѣ было особенно дорого и симпатично: фермерскіе мужики составили себѣ репутацію пьяницъ, и передъ школой стояла задача завербовать молодое поколѣніе этой деревеньки. Одинъ изъ парней говорилъ такимъ густымъ басомъ, что покрывалъ жужжавшіе кругомъ голоса, и особенно интересовался цѣною раздаваемыхъ книжекъ. — «Ого! полтинникъ!» прогудить вдругъ ни съ того, ни съ сего его удивленный возгласъ: «недешевая!»

По окончаніи занятій оказалось 120 записанныхъ въ школу учениковъ. Изъ этого числа мы отобрали дѣтей богатыхъ евреевъ, а также тѣхъ, чьи годы еще не ушли для поступленія въ училище, и предложили имъ остаться за порогомъ школы. Такихъ дѣтей оказалось 20 человекъ. Осталось 100 учащихся (изъ нихъ 61 человекъ мужского пола и 39 женскаго), которыхъ мы распредѣлили на группы, предполагая присоединить къ нимъ взрослыхъ, которые могутъ явиться въ слѣдующія воскресенія. По вѣроисповѣданіямъ они раздѣлялись такъ: православныхъ — 13 человекъ, католиковъ 51, іудеевъ 32, лютеранъ 4. Учащихся въ возрастѣ отъ 12 до 15-ти лѣтъ — 27 человекъ; отъ 15 до 20-ти лѣтъ — 48 ч., отъ 20 до 30-ти 18 ч., отъ 30-ти до 43-хъ — 7 человекъ. Они были раздѣлены на 4 группы: 1-ю составили поступившіе неграмотными (41 человекъ); вторую — слабограмотные, умѣющіе читать и писать, но не говорящіе по-русски (17 человекъ); третью — слабограмотные, знающіе русскій языкъ (20 человекъ); четвертую группу образовали ученики и ученицы, давно окончившіе начальное училище (22 человека). По роду занятій учащіеся принадлежать къ различнымъ профессіямъ: тутъ есть столяры, сапожники, портные, временно проживающіе здѣсь кожевники, торговцы, кухарки, но преобладающій элементъ составляютъ крестьяне — пастухи и работники. По мѣсту жительства учащіеся были и Попелянскіе обыватели, и изъ селеній, лежащихъ нѣрѣдко очень далеко (версть 7—10) отъ школы, были и пріѣзжавшіе съ товарнымъ повозомъ ученики изъ сосѣднихъ станцій. Воскресная школа наглядно выяснила, что и въ глухихъ деревенькахъ, у насъ на окраинѣ ощущается настоятельная, неотложная потребность школы и книжки, чувствуется непреодолимое стремленіе къ грамотѣ, которое надо интенсивно удовлетворять.

Я не стану утомлять вниманіе читателя ни подробнымъ пересказомъ прожитыхъ въ школѣ дней, ни цифровыми данными, тѣмъ болѣе, что статистическая часть дѣла находилась у насъ

въ хаотическомъ состояніи. Не потому, чтобы не придавалось ей значенія, напротивъ, такая неурядица тяжело ложилась на душу и возбуждала угрызенія совѣсти. Но всѣ силы и время брали у насъ живые люди и на долю цифръ ужъ не оставалось ничего. Нерѣдко единственнымъ мѣриломъ количества учащихся служила биткомъ набитая комната, а сосчитать, сколько же здѣсь народу, кто явился и кого нѣтъ, кому и какая выдана книга, положительно не хватало времени. Что пройдено съ каждой изъ группъ, работа дана на домъ, что усвоено и что осталось неразъясненнымъ, какая часть намѣченной раньше программы занятій *) исполнена и что изъ педагогическихъ соображеній разбивалось прахомъ—обо всемъ этомъ ничего не знали наши школьные журналы, въ которыхъ много было бѣлыхъ страницъ и положительно оазисомъ въ пустынѣ выглядят недописанныя по торопливости слова лаконическихъ замѣтокъ.

Дѣло въ томъ, что нашъ учительскій кружокъ являлся фикціей, и заниматься съ массой народу въ сто человекъ, въ двѣ смѣны наполнявшему классъ, нерѣдко приходилось мнѣ одной. Положимъ, затѣвая школу въ деревнѣ, гдѣ интеллигентными русскими людьми являются только занятые службой чиновники, я шла на то, чтобы вести дѣло своими силами и не рассчитывала на поддержку. Дѣйствительность оправдала мой пессимизмъ.

До Рождества мнѣ помогаль учитель, а послѣ святокъ онъ долженъ былъ забросить не только воскресную, но и нормальную школу, потому что усиленно занимался народной переписью. Затѣмъ, имъ былъ рѣшенъ переходъ въ акцизное вѣдомство, и интересы воскресной школы стали, видимо, ему чужды: по крайней мѣрѣ, онъ въ нее уже не показывался.

Въ эту-то горячую пору, когда приходилось заниматься одной съ утра до вечера съ двумя смѣнами учащихся, биткомъ наполнявшихъ классъ, на помощь откликнулась жившая въ мѣстечкѣ интеллигентная дѣвушка С. А. Ч. Она тоже отдавала весь день школь со свойственнымъ ей серьезнымъ и усерднымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Мнѣ хочется сказать ей горячее, сердечное спасибо за дѣятельное, живое участіе, хоть она сама всегда чуждалась и стыдилась всякаго спасибо.

Къ сожалѣнію, она не поименована въ спискѣ лицъ, которымъ разрѣшалось вести школу, потому что не имѣла необходимаго свидѣтельства на званіе народной учительницы. Говорю—къ сожалѣнію, потому что въ нашемъ обществѣ настолько укоренилась канцелярская регламентація, что буква закона часто замѣняетъ истинный смыслъ его.

---

*) Въ субботы старательно намѣчались планы работъ на воскресенье, но дѣйствительность нерѣдко неумолимо находила ихъ неподходящими, и конспекты будущихъ работъ оставались большею частью не приведенными въ исполненіе.

— Какъ? Вы будете допускать къ преподаванію лицъ, не поименованныхъ въ бумагѣ директора? — ужасался слѣдователь:— Вѣдь, это беззаконіе. Всякое нарушеніе закона есть вредъ, и никакое предписаніе начальства не можетъ быть обойдено.— На возраженіе, что незачѣмъ огораживать китайской стѣной «разрѣшенное» дѣло, которое надо популяризировать, онъ заявилъ тонкомъ неумолимаго оракула:— Ну, такъ ваша школа будетъ закрыта.— Но «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ»: воскресный классъ посѣтилъ инспекторъ народныхъ училищъ и, пораженный массой учащихся, еще самъ давалъ совѣты, какимъ образомъ увеличить контингентъ учащихся безъ всякихъ свидѣтельствъ на учительское званіе, подготовивъ помощниковъ изъ учениковъ старшей группы.

У человѣка, побывавшаго на Московской и Нижегородской выставкахъ при мысли о воскресной школѣ прежде всего всплываетъ въ памяти Харьковская школа Алчевской. Богатства этой школы, собранныя любящей рукой съ большимъ вниманіемъ и тщательностью, географическіе, зоологическіе, историческіе атласы, коллекція минераловъ, роскошный музей наглядныхъ пособій по естественной исторіи, наконецъ, поразительныя цифровыя данныя, въ школѣ съ 500 учащимися—100 учащихся, принимающихъ обязательство не пропускать уроковъ, какъ гласятъ напечатанныя правила для преподающихъ,—все это выдѣляетъ Харьковскую школу изъ скромнаго ряда другихъ воскресныхъ школъ; въ нихъ нѣтъ такого обилія учебныхъ пособій, невеликъ контингентъ преподавателей, нѣтъ просторныхъ, прекрасно обставленныхъ классовъ, но и въ этихъ школахъ преданныя просвѣщенію люди, вдохновленные сознаніемъ святости своего дѣла, достигаютъ не меньшихъ, подчасъ изумительныхъ, результатовъ съ своими учениками, о чемъ свидѣлствуютъ представленныя на выставкахъ учебныя работы различныхъ воскресныхъ школъ. Стало быть, можно и со скромными средствами сдѣлать многое. Я думаю, что даже тамъ, гдѣ найдется лишь одинъ или два человѣка грамотныхъ, ужъ можетъ быть и безплатная воскресная школа, являющаяся на помощь взрослымъ трудящимся людямъ, обойденнымъ въ дѣтствѣ грамотой и желающимъ свой праздничный досугъ занять книжкой. Популярная Харьковская школа должна служить идеаломъ, яркой путеводной звѣздой разбросаннымъ по лицу русской земли культурнымъ одиночкамъ, но она не можетъ запугивать робкія начинанія въ захолустныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества, въ такихъ заброшенныхъ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ лицъ, искусившихся въ дѣлѣ преподаванія, имѣющихъ время и готовыхъ вести точные, какъ математика, отчеты о ходѣ школьнаго дѣла, гдѣ невозможны учительскія собранія, такъ какъ сочувствующихъ школѣ лицъ въ округѣ можетъ быть всего на всего двое, гдѣ матеріальныя средства могутъ заключаться въ какихъ нибудь 30-ти рубляхъ, но гдѣ также, не смотря ни на что, эти двое-трое преданныхъ просвѣщенію народа лицъ могутъ создать

школу съ сотней и болѣе учащихся и неграмотнымъ дать доступъ къ книгѣ. Такая школа, какъ Харьковская, одна, а намъ для осуществленія важнѣйшей задачи нашего времени—демократизація знанія—нужны многія тысячи воскресныхъ школъ, польза которыхъ будетъ вѣдъ всякаго вопроса даже тогда, когда введется всеобщее обязательное обученіе. Если дальнѣйшее прогрессивное движеніе дѣла воскресныхъ школъ достигнетъ широкаго распространенія въ городахъ, гдѣ легко организовать кружки людей, подготовленныхъ къ преподаванію, это будетъ лишь частью выполненной задачи. Воскресная школа должна поставить своей цѣлью вывести къ свѣту и знанію темную косную массу крестьянскаго взрослого люда. И пусть не смущаются интеллигентные люди, живущіе по деревнямъ, недостаткомъ педагогическихъ силъ и скудостью матеріальныхъ средствъ, пусть примѣры школъ съ большимъ контингентомъ преподающихъ не запугиваютъ начинающаго сельскаго обывателя: передъ глазами деревни стоитъ народная школа, переполненная учениками, гдѣ съ массой въ сто человѣкъ, раздѣленныхъ, въ силу необходимости, на много группъ, занимается одинъ учитель. Мы знаемъ примѣръ въ Ковенской губерніи, гдѣ народный учитель занимается со 150 учениками и хорошо ведетъ всѣ группы, отъ младшей до старшей. Вотъ чей примѣръ долженъ вдохновить на работу въ деревнѣ, вотъ у кого можно получить указанія, какъ вести дѣло. И я убѣждена, что эти неутомимые труженики-учителя откликнутся на призывъ желающихъ работать вмѣстѣ съ ними на нивѣ народной и помогутъ совѣтомъ и дѣломъ каждому, кто съ энергіей и любовью рѣшится взяться за обученіе взрослого населенія деревни. Да, и одинъ человѣкъ можетъ вести воскресную школу, не смотря на различіе возрастовъ, познаній, степени успѣшности, не смотря на смѣсь національностей, не смотря даже на такое чрезвычайное неудобство, какъ незнакомство нѣкоторыхъ учащихся съ русскимъ языкомъ, словомъ, не смотря ни на что. Такая школа не дастъ всѣмъ ученикамъ широкаго развитія, какъ Харьковская и другія, но все же она сдѣлаетъ кое-что. Въ такой школѣ многія группы учениковъ чаще сидятъ за самостоятельной работой: 1) незнакомые съ русской рѣчью, но уже грамотные, пишутъ, что изображено на данныхъ имъ картинкахъ *) 2), старшіе по познаніямъ работаютъ по данному имъ плану надъ пересказомъ прочтенной статьи или рѣшаютъ письменныя задачи и примѣры, или пишутъ самостоятельно грамматическія упражненія на объясненное правило, или производятъ письменный разборъ предложеній, или письменно отвѣчаютъ на вопросы, выясняющіе, насколько поняты были ими устные бесѣды, иллюстрированныя картинками; 3) группа слабо-грамотныхъ, но знающихъ русскій языкъ, упраж-

---

*) Картинки «Бугаяра» Вахтерова исключаютъ возможность писать безграмотно, потому что точками подъ ними изображено число буквъ въ словѣ и вставлены сомнительныя буквы.

няется въ ореографіи, или пишетъ отвѣты на вопросы, или производитъ письменно дѣйствія надъ числами перваго десятка, а потомъ и надъ десятками. Въ нашей школѣ учительница преимуществу занята съ четвертой группой—звуковиковъ, младшей группой по познаніямъ и старшей по возрасту (въ настоящее время въ ней учатся 52-лѣтніе рабочіе), а пока даются объясненія другимъ группамъ, неграмотные пишутъ пройденныя буквы и коротенькія слова, составляя ихъ иногда изъ разрѣзныхъ азбукъ. Пусть въ такой школѣ почитать вслухъ удастся не каждому ученику старшихъ отдѣленій, но они возьмутъ себѣ изъ бібліотеки книжку на домъ, а, возвращая, отдадутъ учительницѣ отчеты въ прочитанномъ; написанныя картинки не сотрутся изъ памяти учащихся; данный имъ въ школѣ методъ работы поможетъ имъ дома надъ книжкой поработать; разговоръ о картинкахъ со всѣмъ классомъ (родъ предметной бесѣды), ведущійся въ концѣ занятій, когда всѣ устали писать, будетъ служить имъ необходимымъ упражненіемъ въ русскомъ языкѣ; чтенія для говорящихъ по-русски легонькихъ статей по исторіи, географіи и естествовѣдѣнію возбуждаютъ ихъ любознательность; картины волшебнаго фонаря, иллюстрирующія художественныя произведенія, внесутъ струю поэзіи и красоты въ сѣрую жизнь деревенскихъ учениковъ и будутъ не разъ вспоминаться съ удовольствіемъ въ неприглядныхъ и тѣсныхъ квартиркахъ евреевъ; вопросы учительницы о прочитанныхъ книгахъ заронятъ въ головы учащихся новыя мысли, разъяснятъ непонятое, вызовутъ охоту читать и знать больше и больше; словомъ, общеніе со школой не пройдетъ ни для кого изъ нихъ безслѣдно: школа дастъ имъ толчокъ, возбудитъ энергію къ умственной работѣ, и по силѣ возможности дома, при помощи школьныхъ книгъ ученики станутъ учиться. Правда, перебѣгая отъ группы къ группѣ, слѣдя за самостоятельной работой здѣсь и тамъ, напоминаешь подчасъ того солдата, который одинъ защищалъ батарею отъ натиска турокъ: онъ заряжалъ и выпаливалъ изъ одной пушки въ непріятеля, потомъ бросался къ другой, отъ нея—къ третьей, вводя турокъ въ полное заблужденіе, что тамъ, за валомъ не одинъ человекъ работаетъ, а множество. Но за то, сколько счастья въ сознаніи, что неумѣвшіе прежде читать взрослые люди увѣренно и радостно перерачиваютъ страницы буквари и, хоть спотыкаясь, а разберутъ каждую фразу, написанную и напечатанную, хоть съ ошибками, а «напишутъ письмо своимъ дѣтямъ» и «не пойдутъ ужъ просить cadaго встрѣчнаго подписаться по неграмотству его въ волости». И работа въ воскресной сельской школѣ, такая же сложная, какъ трудъ учителя въ начальномъ училищѣ, имѣетъ, однако, большое преимущество предъ нимъ: у учителя въ классѣ—малыши, чье вниманіе онъ долженъ возбуждать и удерживать; а аудиторія воскресной школы взрослые, солидные люди—лицетвореніе вниманія, усердія и прилежанія, люди, не признающіе не-

ремьнъ *). не поднимающіе головы отъ книги, люди тяжелаго труда и неустанной борьбы съ житейскими невзгодами, видящіе сознательно въ книжкѣ и грамотѣ одно изъ могучихъ средствъ для этой борьбы: иначе бы они не пришли сюда, поборовъ предразсудки, пожертвовавъ *единственнымъ* днемъ свободы въ непрерывной вереницѣ трудныхъ дней, когда они терпѣливо несутъ тяжелое ярмо изъ за куска насущнаго хлѣба.

Эта аудиторія можетъ вдохновить на трудъ для нея, даже если-бъ онъ казался издали и непосильнымъ. При описанныхъ условіяхъ занятій съ переполненнымъ классомъ мудро было бы по всеѣмъ правиламъ вести статистику. Но, можетъ быть, именно вслѣдствіе захватывающей, интенсивной работы исключительно и безраздѣльно только надъ обученіемъ этихъ людей, и стоитъ такъ живо передъ глазами во всеѣхъ стадіяхъ своего умственнаго роста за этотъ годъ интересная и дорогая мнѣ галерея портретовъ и типовъ, навсегда врѣзавшаяся въ память.

Можетъ быть, вслѣдствіе общей дружной работы, они мнѣ кажутся лучше, чѣмъ постороннимъ наблюдателямъ, которые, можетъ быть, не замѣтятъ и не почувствуютъ ихъ хорошихъ свойствъ и симпатичныхъ чертъ. Но ужъ тотъ одинъ фактъ, что они пришли, не смотря на предразсудки, въ непривычную школьную обстановку, значить, хотять учиться, ищутъ чего-то, выдѣляютъ ихъ изъ общей косной среды, даетъ имъ право на вниманіе, какъ выдающимся личностямъ изъ народа. Поэтому я позволю себѣ подробнѣе остановиться на ихъ портретахъ и буду счастлива, если кто-нибудь заинтересуется ими и не откажетъ имъ въ своей симпатіи.

Ярче другихъ встанутъ въ памяти полныя интереса и мысли лица взрослыхъ учащихся, людей трудящагося класса, съ установленными взглядами, предъявлявшихъ школѣ опредѣленные запросы, съ которыми приходилось считаться. Не мало было въ воскресномъ классѣ и дѣтей, но всмотрѣться пристальнѣе въ эту рѣзвую, подвижную, веселую группу, вызывавшую всегда своей жизнерадостностью отвѣтную улыбку, изучить и понять дѣтскія души не хватало времени и силъ, потому что вниманіе поглощалось, главнымъ образомъ, старшими по возрасту учащимися, для которыхъ преимущественно предназначалась школа: для нихъ она являлась толчкомъ, направляющимъ ихъ въ самостоятельныхъ работахъ, возбуждающимъ и поддерживающимъ ихъ самодѣятельность. По этому въ настоящемъ очеркѣ, какъ и въ дѣйствительной жизни школы, преобладающее мѣсто займутъ эти именно взрослые люди изъ народа.

Самымъ выдающимся лицомъ въ нашей школѣ является мѣстный почтальонъ, котораго привлекло въ училище стремленіе

---

*) У насъ не существуетъ перерывовъ въ занятіяхъ, потому что, когда таковые устранялись, учащіеся не вставали съ мѣста и не бросали работы, дорожа каждой минутой, проведенной въ школѣ.

къ умственному труду, жажда развитія, потребность въ книгѣ. Невысокій, плотный, съ вдумчивымъ, серьезнымъ, умнымъ взглядомъ онъ аккуратно каждый праздникъ съ часу дня являлся въ школу. Я уже говорила, что въ день открытія воскреснаго класса онъ долго нерѣшительно ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, прежде чѣмъ отважился войти въ училище. Но его пугало не опасеніе смѣшать тамъ свой чиновничій мундиръ съ самодѣльными крестьянскими пиджаками, останавливала не гордость, а скромность, боязнь привлечь на себя вниманіе, потому что самоиѣнія въ немъ вовсе не было: сидя съ батраками, онъ обращался къ нимъ всегда со словомъ «товарищъ». Чѣмъ больше приходилось всматриваться въ этого скромнаго, сдержаннаго человѣка, тѣмъ яснѣе становилась его душевная красота: горячая отзывчивость на доброе, честное чувство, идеальное стремленіе къ книгѣ и знанію, потребность все понять, до всего додуматься, выработанное жизнью, полной лишеній, изумительное трудолюбіе. Онъ родился въ бѣдности, какъ самъ рассказываетъ въ своемъ сочиненіи «Моя жизнь». Къ ученюю съ малолѣтства имѣлъ большую охоту, поступилъ въ сельское училище, но, по окончаніи курса, долженъ былъ бросить книги и взяться за заработокъ куска хлѣба тяжелымъ трудомъ каменщика. Такъ безъ книгъ, но съ затаеннымъ и неудовлетвореннымъ стремленіемъ къ нимъ, когда жизнь давала ему буквально камень, вмѣсто духовнаго хлѣба, провелъ онъ отрочество и юность. Потомъ судьба ему улыбнулась: въ мѣстечко, гдѣ жилъ Э., пріѣхалъ новый народный учитель, сошелся, подружился съ молодымъ каменщикомъ, сталъ давать ему книги, а потомъ объяснять, помогать въ изученіи русскаго языка. Въ эту пору открылось на почтѣ мѣсто помощника почтальона. Э. былъ назначенъ на эту вакансію, потомъ переведенъ къ намъ въ Попеляны уже почтальономъ. Онъ получаетъ 12 руб. въ мѣсяцъ, живетъ за перегородочкой въ самой же почтовой конторѣ и работаетъ, такъ работаетъ, что его появленіе въ в. школѣ есть своего рода героизмъ. Э. ведетъ всю канцелярскую часть почтоваго дѣла, встаетъ утромъ въ пятомъ часу, а вечеромъ въ семь отвозитъ почту на вокзалъ, беретъ полученную и затѣмъ въ конторѣ разбираетъ и выдаетъ письма. Слѣдовательно, въ будни онъ занятъ сплошь весь день, обязанный вставать въ 4 часа утра. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не выдерживалъ такой тяжелой жизни больше двухъ - трехъ мѣсяцевъ, а Э. служитъ здѣсь уже 2 года и доволенъ своимъ положеніемъ. Свободно у него съ часу дня до 6-ти вечера одно воскресенье, и онъ эти единственные въ недѣлю 5 часовъ отдыха проводитъ въ воскресной школѣ.

Насъ поражаля своимъ отношеніемъ къ дѣлу 36-ти - лѣтній ученикъ—жмудинъ Ягелло, дворянинъ по происхожденію, какъ очень многіе изъ пролетаріевъ - литовцевъ, шерстобойщикъ—по профессіи, плотный, широкоплечій, съ бритымъ задумчивымъ, немного наивнымъ лицомъ. Книги и тетрадки, выданныя ему въ

школѣ, онъ бережно складывалъ за поношеннымъ пиджакомъ у себя на груди и осторожно, точно съ хрупкой вещью, обращался съ ними. Онъ съ особенной добросовѣстностью готовилъ заданные на домъ уроки и всегда слово въ слово выучивалъ русскія стихотворенія, разобранныя въ классѣ. Не желая увеличивать смущенія взрослыхъ и безъ того сильно конфузящихся своей ролью учениковъ, мы упразднили обычай вставать при отвѣтахъ. Поэтому и Ягелло передавалъ прочитанное или декламировалъ стихи, сидя, но, тѣмъ не менѣе, обращалъ на себя всеобщее вниманіе чрезвычайно оригинальной манерой держаться при этомъ. Онъ откидывался къ спинкѣ тѣсной дѣтской парты, гдѣ неудобно было его ширококостной фигурѣ и, задумчиво глядя передъ собою, съ выраженіемъ человѣка, прислушивающагося къ музыкѣ, или увлеченнаго пѣніемъ, начиналъ довольно сильнымъ басомъ декламировать выученное стихотвореніе. Глядя на него, думалось, что онъ унесся въ какой-то свой особый міръ и забылъ, что сидитъ въ классѣ съ толпой другихъ мужчинъ, дѣтей и женщинъ. Базалось, что, глядя впередъ самоуглубленнымъ взглядомъ, онъ говоритъ стихи не по просьбѣ учительницы, а для самого себя, какъ въ костелѣ, когда онъ поетъ по книжкѣ молитвы для одного себя, хоть и вмѣстѣ съ другими. Такое торжественно-задумчивое выраженіе, когда онъ, видимо, переживалъ то, что декламировалъ, вызывало всякій разъ въ сосѣднихъ ученикахъ насмѣшливыя улыбки, кивки и подталкиванье локтемъ, но въ душѣ учительницы оно поднимало волну благодарнаго чувства къ этому ученику за его хорошее отношеніе къ школѣ, гдѣ его охватывало настроеніе, близкое къ религиозному. Этотъ ученикъ — нашъ собратья по профессіи: кромѣ работы въ шерстобойнѣ, онъ занимается обученіемъ малолѣтнихъ жмудяковъ чтенію и письму, хотя самъ поступилъ въ группу слабограмотныхъ, говорящихъ по-русски. Но дѣльный Ягелло, страстно желавшій выучиться, съ удовольствіемъ читавшій книги географическаго и естественно-историческаго содержанія (ему особенно нравились «Грозныя явленія и чудеса природы» Рубакина), исписывавшій дома одну тетрадь за другой, скоро былъ переведенъ въ старшую группу и отставалъ отъ нея только по ариметикѣ, туго имъ усвоиваемой. Не разъ случалось наблюдать, какъ сидя за самостоятельной письменной работой, онъ подолгу и внимательно слѣдилъ глазами за занятіями съ неграмотными, стараясь постичь звуковой методъ обученія, и однажды попросилъ для себя разрѣзную азбуку.

Однимъ изъ типичныхъ учениковъ евреевъ, знавшихъ при поступленіи въ школу «и имя существительное, и глаголь, и все, и все», былъ высокій брюнетъ Самуилъ З. Онъ, дѣйствительно, зналъ «все» и однажды поразилъ нашу школьную аудиторию никому неизвѣстнымъ словомъ «дѣепрічастіе». Кажется, и ему самому значеніе этого слова было темно и неясно, по крайней мѣрѣ, оно неожиданно вырвалось у З. при разборѣ по частямъ простого и притомъ краткаго предложенія, куда дѣепрічастіе не

могло входить даже какъ часть рѣчи. Но такихъ терминовъ, безъ представленія ихъ значенія, изумлявшихъ классъ, у него былъ въ головѣ непочатый уголь. Первое время они очень тормозили дѣло.

Съ какой стати будетъ онъ выписывать изъ статьи въ тетрадь названія предметовъ, которые мы видимъ въ полѣ, на улицѣ, въ лѣсу, на дворѣ, когда онъ знаетъ даже «нарѣчье»? Но въ результатѣ его работа оказывалась менѣе другихъ удовлетворительной и полной ошибокъ. Тогда онъ смирился духомъ, внимательно слушалъ объясненія и, отрѣшившись отъ убѣжденія въ своемъ всевѣдѣнн, дѣйствительно, на лету схватывалъ всякую мысль. Насъ особенно поражала его способность къ рѣшенію задачъ, къ устному счету, вообще, къ ариметикѣ. Впрочемъ, это было характернымъ свойствомъ всѣхъ евреевъ, учившихся въ воскресной школѣ. Прекрасной чертой въ немъ является проснувшееся стремленіе къ знанію. Когда я былъ еще мальчикомъ», пишетъ онъ въ своемъ сочиненіи «Моя жизнь»; «и мела медъ сказалъ мнѣ, чтобъ шель учиться, я говорилъ: «На что это ученье? никакой отъ него пользы!» и думалъ только о томъ, какъ играть съ мальчишками на улицѣ. Потомъ я долго учился въ хедерахъ. Теперь я чувствую полезность школы, когда нашлись хорошіе люди и сдѣлали воскресное училище, и я ходилъ въ это училище и многому научился. Я хочу дальше ходить въ него и читать книги и слушать учительницу, но не позволяеть отецъ, говоритъ: «Гешефтомъ занимайся!» Вотъ когда мнѣ стало плохо! И нѣтъ мнѣ времени учиться, и жалко мнѣ, и принужденъ я стоять въ лавкѣ. Школа, оказывается, ведетъ споръ съ «гешефтомъ» и приобретаетъ преобладающее значеніе въ сердцѣ еврейскаго юноши: не знаю ужъ, какъ повелъ онъ дѣло съ отцомъ, кого поставилъ вмѣсто себя за прилавкомъ, но изъ воскресеній онъ не пропустилъ ни одного, и по буднямъ часто навѣдывается въ мою квартиру «книжечку перебѣнить», такъ какъ взятую въ школѣ онъ прочитываетъ чуть-ли не на другой день по полученіи.

Въ младшей группѣ невольно приковывалъ къ себѣ вниманіе 52 лѣтній литовецъ, желѣзнодорожный рабочій.

Помню, какъ трудно ему было придти въ школу. Весною онъ заявилъ доктору о своемъ желаніи поучиться, спрашивая, примутъ ли его. Тотъ прислалъ въ школу записку, что къ намъ желаетъ «поступить пожилой жмудинъ, рѣдкій экземпляръ въ этомъ краю, потому что—брюнетъ». Настаетъ праздникъ, брюнетъ не является въ училище. Вмѣсто него приходитъ высокая полная 45-лѣтняя женщина, его жена, и приводитъ учиться 25-лѣтнюю дѣвушку, живущую у кого-то въ прислугахъ. «Ученицу вамъ привела», говоритъ пожилая женщина, а сама не уходитъ. «Можетъ быть и вы захотите учиться?» спрашиваютъ ее.—«Нѣтъ, что вы?! Старауха-то!» восклицаетъ она, а въ тонѣ слышится желаніе, чтобъ ее переубѣдили. Но у меня нѣтъ времени возражать ей: набралось много новыхъ звуковиковъ, и они съ интересомъ слѣдятъ

глазами за комбинаціей нѣсколькихъ показанныхъ имъ буквъ разрѣзной азбуки. А высокая пожилая женщина, стоя возлѣ парты, шепчетъ вслѣдъ за другими: уа, ау, сор, рос... На предложеніе садиться она ужъ не возразила ничего, охотно взяла букварь, доску и грифель и стала заниматься со всѣми. На слѣдующее воскресенье она пришла въ качествѣ ученицы. Къ концу занятій вошелъ рослый, широкоплечій брюнетъ съ сѣдвующей бородой и застѣнчиво заявилъ, что «хочетъ посмотрѣть, какова эта школа».

— «Неправда, неправда!» вдругъ весело на весь классъ сообщаетъ его жена: «онъ такъ же, какъ и я, учиться пришелъ. только сказать стыдится... Иди, садись сюда! Чего тамъ?! Я ужъ читать начала, гляди-ка». Выданный головой брюнетъ поневолѣ поступаетъ подъ команду своей супруги, уже вполне освоившейся въ училищѣ. Въ первый же день онъ сталъ убѣдительно просить выучить его подписывать имя и фамилію — Францъ Шимковичъ — и очень огорчился, когда ему сказали, что сразу это сдѣлать трудно. Да вы мнѣ только напишите, а я какъ-нибудь срисую», умолялъ онъ такъ настойчиво, что пришлось, отложивъ въ сторону всѣ педагогическія соображенія, написать ему на грифельной доскѣ имя и фамилію... Онъ бережно унесъ изъ школы драгоценную строчку и къ слѣдующему воскресенью уже «вырисовалъ» эти два слова, не пропуская ни одной буквы и повторяя съ чувствомъ удовлетворенія: «Теперь, слава Богу никому кланяться не буду: самъ за себя подпишусь». Въ настоящее время мужъ и жена прошли букварь, и Францъ Шемковичъ съ гордостью заявлялъ въ классѣ: «Сколько я разъ ужъ въ волости подписывался! А при расчетѣ за работу даже цифру обозначилъ на бумагѣ: на грамотныхъ у насъ все лучше смотрятъ». «Эхъ, кабы мѣсяцъ одинъ на готовыхъ хлѣбахъ поучиться, пошелъ-бы по книжкѣ такъ бойко читать, какъ горохъ сыпать; а теперь только и займешься когда ночью, да и то — усталый: какое уже тутъ чтеніе, коли весь день горбъ гнешь», говоритъ этотъ желѣзнодорожный рабочій, котораго я часто встрѣчаю то за починкой шпалъ на «полотнѣ», то за косьюбой на участкахъ желѣзнодорожныхъ начальниковъ, то за работой надъ насыпью «на линіи». Свою жену онъ прозвалъ «бабушкой», и какъ необыкновенно скоро привилось къ ней это прозвище, совсѣмъ не подходящее къ сильной и бодрой фигурѣ Викторіи Шимковичъ.

— «Ну - ка, бабушка, достань мою табличку (доску)», говоритъ ей Францъ Ш. и добродушно улыбаясь, объясняетъ сосѣдямъ: «Она у меня съ табличками и съ букваремъ въ костель ходитъ, схоронить ихъ подъ шалью, никто и не догадается, что мы съ ней учениками на старости лѣтъ стали».

На дняхъ онъ проситъ меня продиктовать ему: «За неграмотнаго по его личной просьбѣ подписался» и провѣрить написанное. «Зачѣмъ вамъ?» спрашиваю. — «До сихъ поръ за меня все подписывались, а теперь и я другимъ услужу: мало-ли у насъ неграмотныхъ-то!»

Пусть эта фраза 52-лѣтняго рабочаго, только что выучившагося жое-какъ писать буквы и ужъ считающаго своей нравственной обязанностью выводить изъ затрудненія другихъ неграмотныхъ, послужитъ упрекомъ образованному обществу въ нашихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ нѣтъ воскресныхъ школъ, чтобы эти интеллигентные люди за одно съ Францемъ Шимкевичемъ сказали себѣ:

«Мало-ли у насъ неграмотныхъ!» и помогли бы имъ.

Рядомъ съ этой четой «старичковъ» сидитъ А. пожилая дѣвушка 38 лѣтъ, русская, съ ласковой улыбкой на увядшемъ, но дѣтски наивномъ лицѣ, скромная, простодушная, разговорчивая, съ сильной склонностью къ лиризму. Она никогда не поздоровается молча при входѣ въ классъ, а постоянно, учащенно кивая головой и радостно улыбаясь, непремѣнно съ чѣмъ нибудь поздравить васъ.—Здравствуйте, съ великимъ постомъ васъ, съ душе-спасеньемъ!—неожиданно говоритъ она учительницѣ, которая, при входѣ А., всегда невольно задаетъ себѣ вопросъ, съ чѣмъ-то она теперь поздравить. Читая, она попутно довърчиво рассказываетъ своимъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ о домашнихъ обстоятельствахъ. Дашь ей писать, а она добавляетъ: «Вотъ бы мнѣ какъ слѣдуетъ выучиться, письмо бы сестрицѣ Августѣ написала: у насъ, вѣдь, ея дочка, Сашенька, маленькая еще, живетъ; все бы ей про дочку описала: веселая дѣвочка, игрунья, каждый разъ со мной въ школу просится».—«Пишите вотъ такъ», съ сожалѣниемъ, въ силу необходимости прерываетъ учительница это «лирическое отступленіе».—«А! Хорошо! Благодарю, благодарю!» востепененъ она: «Бѣда вотъ только: руки отъ стирки какія-то опухшія стали, грифель все не тѣми пальцами беру... Стирки, знаете, много,—безперечь каждый день мою бѣлье», продолжаетъ А., убѣжденная, что я съ интересомъ слѣжу за всѣми перипетіями ея жизни. Она страстно жаждала выучиться грамотѣ, «какъ сказалъ пастухъ, что тутъ по воскресеньямъ взрослыхъ учать, инда меня въ сердце кольнуло. И говорю своимъ: пойду попытаю, можетъ выучусь. И вправду выучилась. Счастье-то какое!» Она долго, отчаянно боролась съ собственной неспособностью, съ природнымъ недостаткомъ языка, вслѣдствіе чего первое время неизмѣнно путала нѣкоторыя буквы. Она положительно съ бою взяла себѣ книгу. Теперь А. завоевала букварь и въ состояніи одолѣть всякую напечатанную строчку. Съ письмомъ, однако, дѣло идетъ еще очень туго, но несомѣнно, ея исключительное, неослабѣвающее рвеніе побѣдитъ и недающіяся буквы. Окрыленная успѣхомъ въ чтеніи, А., заваленная дома тяжелой работой (на ея рукахъ лежитъ большое хозяйство плюсъ ежедневная стирка) урываетъ вечеромъ часокъ, чтобы забѣжать ко мнѣ и лишній разъ попытать счастья въ трудной борьбѣ съ большими буквами. Замѣчательно, что, желая выучиться читать и писать, она безучастно относилась къ сообщаемымъ классу свѣдѣніямъ изъ быта народовъ или изъ царства животныхъ. Упорно цѣпляясь

за букварь, А. разсѣянно слухала мои разсказы изъ естественной исторіи и географіи. Она охотиѣе всего упражнялась въ механизмѣ чтенія и письма и, видимо, считала потерей времени эти бесѣды. И мнѣ казалось, что она права, когда ея взглядъ, разсѣянно скользнувъ по показываемой классу картинѣ, иллюстрирующей сообщаемыя свѣдѣнія, падалъ на доску и азбучку, рука тянулась къ наливованнымъ строчкамъ и А., уступая желанію писать, переставала принимать участіе въ нашихъ экскурсіяхъ въ область природы, вовсе не слухала сообщенія о бытѣ и жизни туeroxъ и нисколько не интересовалась тѣмъ, какіе еще народы и страны есть на бѣломъ свѣтѣ: каждое лишнее написанное ею слово, прочтенная, хотя бы даже механически, строчка вѣрнѣе веда ея къ цѣли—стать на собственныя ноги, овладѣть грамотой и книгой, изъ которой она ужъ безъ чужой помощи, самостоятельно почерпнетъ гораздо больше интересныхъ знаній, чѣмъ даю ихъ я въ эти краткія бесѣды съ классомъ. Но возможно, что виною ея безучастія къ сообщаемымъ свѣдѣніямъ была и невоспримчивость ея натуры, потому что такой разсѣянности я не замѣчала, кромѣ ея, ни въ въ одномъ изъ звуковиковъ, товарищей А. по группѣ.

42-хъ-лѣтній литвинъ столяръ С.—одно изъ интересныхъ лицъ въ нашей школѣ. Онъ является въ классъ всегда прифранченный, гладко выбритый, съ шапкой на бокрень, такъ что и не узнаешь въ немъ перепачканнаго красками мастерового, какимъ нерѣдко встрѣчаешь его на улицѣ въ будніе дни. Воскресный классъ онъ посѣщаетъ съ большими перерывами, отвлекаемый своимъ ремесломъ. Жизнь постоянно отбиваетъ его отъ школы: столяръ часто берутъ на работы въ уѣздъ на цѣлые мѣсяцы. Но исчезнувъ надолго, онъ вдругъ вновь вынырнетъ съ своимъ букваремъ, доской и грифелемъ, вдѣланнымъ въ собственноручно смастеренный футлярчикъ. Благодаря частымъ отлучкамъ, С. все еще находится въ младшей группѣ, хоть его товарищи считаются ужъ слабограмотными, а вновь поступившіе, начавъ вмѣстѣ съ нимъ, уходятъ отъ него далеко впередъ. Передъ каждымъ словомъ онъ неизмѣнно повторитъ нѣсколько разъ букву И.; потому ли что ему всюду мерещится эта излюбленная буква, или онъ просто пыхтитъ отъ усилій назвать звуки въ указанномъ словѣ. Несомнѣнно одно, что столяръ тратитъ очень много силъ, напрягая слабую память и неповинующійся языкъ и при чтеніи отъ непривычныхъ умственныхъ усилій скоро утомляется: на вискахъ выступаетъ потъ, и онъ начинаетъ громко и судорожно позѣвывать. С. всегда радъ прислушаться къ общей классной бесѣдѣ о прочитанной статейкѣ, съ удовольствіемъ остается смотрѣть туманныя картины, показываемыя послѣ уроковъ, любитъ чтеніе беллетристическихъ вещей и вставляетъ оригинальныя замѣчанія.

У С. много малолѣтокъ-дѣтей, изъ которыхъ старшаго онъ недавно привелъ къ намъ въ школу: «пускай попытаетъ — по-

учится: необразованному плохо», заявилъ онъ, усадилъ рядомъ съ собой парнишку и съ удовольствіемъ поправлялъ и ободрялъ робкаго мальчика. Онъ любитъ школу, гдѣ его всегда радостно встрѣчаетъ послѣ долгихъ отлучекъ группа «старичковъ».

— А! наконецъ-то! Слава Богу! Что давно не были! — говорятъ ему пожилые сосѣди, тѣсясь и давая подлѣ себя мѣстечко на партѣ.

Какъ контрастъ столыарю, который одинъ изъ всей группы не кончилъ въ концу года азбуки, вспоминается мнѣ способная русская ученица — 40-лѣтняя Е., съ своей страстной жаждой, какъ можно скорѣе выучиться, съ поразительной настойчивостью и энергіей, благодаря которымъ она, не смотря на множество домашнихъ работъ, достигла бѣглаго чтенія и умѣнья писать подѣ диктовку цѣлыя фразы. Она явилась въ школу съ небольшимъ запасомъ знаній, который мы всѣми силами старались стереть изъ ея памяти, но такъ и не успѣли въ этомъ. Е. знала ерѣ, есъ и емъ, служившіе намъ камнями претенновенія при сліяніи звуковъ. Но, не смотря на тормозившіе дѣло ненавистные намъ есъ, ерѣ и емъ, она скорѣе другихъ взрослыхъ неграмотныхъ (подростки, однако, опередили ее) прошла азбуку. Книжкѣ она приносила въ жертву даже свое здоровье: «Все по вечерамъ при ночникѣ читаю, глазынки разболѣлись, а не могу оторваться: хочется до смерти скорѣе читать выучиться». Ее начали одновременно учить и письму, но Е. рѣшительно воспротивилась этому. «Я и читать не выучусь, а гдѣ ужъ писать!» говорила она, не доводя своимъ силамъ, и упорно не брала въ руки ни доски, ни грифеля. Но вотъ, хоть и разболѣвшимися глазами, а Е. читаетъ очень недурно; страницы букваря быстро переворачиваются одна за другой, и нерѣшительная ученица становится самоувѣреннѣе и предприимчивѣе. «Видите, всякое слово разберете, а говорили — никогда не выучусь! Давайте писать начинать, еще скорѣе удастся, чѣмъ чтеніе». Конфузливо и счастливо улыбаясь, побѣжденная Е. протягиваетъ руку за доской и пишетъ весь день, не отрываясь, каракули, а уходя просить указать нѣсколько буквъ на домъ: «До воскресенья—выучусь». Симпатично было въ ней это возвышенное стремленіе къ книгѣ, которая матеріальнаго значенія для нея не имѣла. Е. была обезпечена, не служила, жила своимъ хозяйствомъ и грамота для домашняго обихода не нужна была ей. «Выучусь, думаю, все по вечерамъ мнѣ не такъ скучно и страшно будетъ одной-то; день за работой не видишь, какъ идетъ, а въ длинный вечеръ не знаешь ужъ куда и дѣваться отъ тоски».

Е. являлась въ классъ изъ первыхъ, уходила послѣдней и всегда оставалась на чтенія съ туманными картинами, какъ бы поздно они не назначались.

— Ахъ, батюшки! — говорила она: — скотина-то у меня не поена, домой пора, а послушать чтенія съ картинами страхъ хочется: послѣ онѣ мнѣ все дома представляются.

И Е. досиживала до конца чтеній. Она съ прежней аккуратностью посѣщаетъ школу и теперь, когда уже достигла своей опредѣленной цѣли — научилась сносно читать и писать. Е. съ увлеченіемъ поетъ въ нашемъ только что образованшемся хорѣ.

При мысли о дѣтяхъ, посѣщающихъ нашу школу, мнѣ вспоминаются ихъ веселыя, задорныя лица, любовь ребятишекъ къ книжкамъ, тетрадямъ, грифелямъ и доскамъ только, какъ къ вещамъ, безъ ихъ значенія учебныхъ пособій. Малолѣтки вообще нежелательный элементъ въ воскресной школѣ, которая принимаетъ ихъ только потому, что они остались за порогомъ переполненнаго сельскаго училища, въ которое поступать, когда освободится вакансія. Нѣкоторые изъ шалуновъ посѣщаютъ воскресный классъ исключительно ради новыхъ грифелей, по полученіи которыхъ подходятъ ко мнѣ съ откровеннымъ заявленіемъ: «Я хочу домой. Ты мнѣ позволишь?» Былъ даже одинъ прискорбный случай на этой почвѣ — присвоенія учебныхъ вещей. 11-ти-лѣтній мальчуганъ, сынъ нищенки, продалъ въ корчмѣ за пятакъ грифельную доску воскресной школы. Негодовавіе цѣлаго класса на такой поступокъ, повидимому, образумило ребенка. Онъ послѣ этого печальнаго инцидента не посѣщалъ училища мѣсяца два, а явившись снова, сталъ возвращать мнѣ послѣ занятій даже обломки исписанныхъ грифелей.

Около часу подвижная группа дѣтей обыкновенно тихо и усердно пишетъ названія картинокъ, потомъ въ ней слышится шопотъ, наклоненныя бѣлокурыя головенки поднимаются отъ работы, и вскорѣ ватага надолго исчезаетъ въ холодномъ корридорѣ, откуда къ намъ въ классъ доносятся веселые возгласы и звонкія смѣхъ. На этомъ фонѣ беззаботнаго, безпечнаго и шумнаго дѣтства рисуется мнѣ тихая, всегда молчаливая дѣвочка Г. съ выразительными, говорящими глазами. Эти печальныя, глубокіе глазки худенькой, блѣдной ученицы рассказываютъ о тяжеломъ дѣтствѣ, какое выпадаетъ на долю ребятишекъ въ бѣдныхъ семьяхъ, гдѣ малолѣтки несутъ на себѣ тотъ же трудъ взрослыхъ. Лѣтомъ я видѣла, какъ дѣвочка за одно со старшими полола гряды; осенью копала картофель, таскала тяжелыя корзины; круглый годъ она нянчить младшихъ братьевъ, носить воду. Непосильная работа стерла съ ея лица беззаботность, свойственную дѣтямъ, и дѣвочка выглядить пришибленной птичкой. Тѣмъ трогательнѣе въ ней ея отношеніе въ школѣ, гдѣ она занимается съ такимъ же усердіемъ, какъ и наши взрослые учащіеся, не отрываясь отъ доски и книжки, не принимая никогда участія въ шумномъ бѣгствѣ ребятишекъ изъ класса въ корридоръ, въ ихъ рѣзвомъ смѣхѣ. Какъ ученица, она идеальна, но почему же при взглядѣ на нее всегда такъ больно сжимается сердце? Не потому-ли, что школа не въ силахъ измѣнить выраженіе этого дѣтскаго лица безъ улыбки?.. Я помню Г. на нашей воскресной елѣ. Ея выразительныя глазки были широко раскрыты, но въ нихъ сквозило скорѣе удивленіе, чѣмъ радость...

А между тѣмъ, этотъ, экспромптомъ устроенный праздникъ доставилъ много радости, веселья и оживленія всѣмъ ученикамъ, — взрослымъ, какъ и дѣтямъ. Рождественская елка, обычное явленіе въ сосѣднихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, совсѣмъ неизвѣстна на Жмуди, поэтому немудрено, что наше деревцо, не изобиловавшее богатыми украшеніями и блестящими бездѣлушками, не смотря на свою простоту и скромность, доставило огромное удовольствіе учащимся. Столяръ С. привелъ своихъ малолѣтнихъ ребяташекъ, и трудно было рѣшить, кто изъ нихъ — отецъ или дѣти больше восхищался этой незатѣйливой елкой. Радостное настроеніе толпы было такъ велико, что всѣмъ хотѣлось принять участіе въ пѣніи, довольно нестройномъ, какъ и самый праздникъ, безъ всякихъ подготовокъ, но очень оживленномъ; каждому хотѣлось сказать стихотвореніе, декламировать басню. Простыя это были пѣсни: «Посмотрите, во своей-то мастерской, наши плотнички трудятся день-денской»... «Ахъ, ты воля, моя воля»... и др., немудренныя стихотворенія: пожилые 37-лѣтніе рабочіе декламировали «Румяной зарю покрылся востокъ»; читали въ лицахъ басню «Два мужика», «Стрекоза и муравей»; ученики старшаго отдѣленія говорили «Кто онъ?», «Бѣда-проповѣдникъ», «Бородино». Вокальная и литературная часть праздника оставляла желать многого въ смыслѣ художественности исполненія, но зато сами исполнители были чрезвычайно довольны. Только и слышалось: «И скажу!», «Ахъ, позвольте мнѣ!». Всѣхъ желающихъ удовлетворить было невозможно: елка затянулась-бы очень долго, а между тѣмъ пришлось торопиться съ ея окончаніемъ: многіе пришли издалека, верстъ за десять. Красивую картину представляла пестрая, оживленная, какъ улей, гудящая толпа вокругъ потухшей елки, освѣщенной бенгальскимъ огнемъ. Долгое время потомъ въ восторженныхъ выраженіяхъ вспоминался учащимся этотъ нашъ первый праздникъ. «Точно бы сказка какая была эта елка!» «Вѣдь, вотъ, простое дерево, а какъ красиво!» «И пѣли тоже хорошо!» восхищались нетребовательные слушатели исполнители.

Съ сентября въ училище явился новый учитель Г. Можейко, который не смотря на тяжелый трудъ въ нормальной школѣ (у него сто учениковъ, большею частью, поступившихъ неграмотными) съ увлеченіемъ и умѣло занимается въ воскресномъ классѣ. Онъ ввелъ въ программу занятій рисованіе, очень заинтересовавшее учащихся.

Съ нынѣшней осени писмоводитель мирового судьи, бывшій учитель, С. И. Ч. взялся со скрипкой преподавать у насъ пѣніе; желающихъ обучаться откликнулось много: жмудяки любятъ русскую пѣсню.

За все время занятій, которыя не прекращались и лѣтомъ (пропущенъ былъ одинъ только іюнь мѣсяцъ), въ воскресномъ классѣ перебивало 140 человекъ, считая въ томъ числѣ и бывшихъ по разнымъ причинамъ, переѣхавшихъ въ городъ, выучившихся грамотѣ и оставившихъ школу за недосугомъ, отвлекаемыхъ

«гешефтомъ»,—33-хъ человѣкъ. Обучающіеся теперь по возрастамъ распредѣляются такъ: отъ 11-ти до 15 ти лѣтъ—20 человѣкъ; отъ 15-ти до 20-ти—48 человѣкъ; отъ 20-ти до 52-хъ лѣтъ—39 человѣкъ.

Я не стану вспоминать на страницахъ этого затянушагося очерка характерныхъ личностей остальныхъ взрослыхъ, наполняющихъ нашу школу по воскресеньямъ. Каждый изъ нихъ, какъ типъ, и интересенъ, и рѣзко отличается отъ другихъ; но всѣ они сливаются въ одномъ общемъ всякому желаніи: научиться поскорѣе грамотѣ, овладѣть книгой и, достигнувъ цѣли, одинаково считаютъ себя счастливыми.—«Господи! Ужъ какъ я рада, что и читать и писать теперь умѣю! Точно мнѣ сто рублей подарили!» горячо и искренно говоритъ 24-лѣтняя М., живущая за 2 рубля въ прислугахъ и бѣдная, какъ многострадальный Іовъ. Такихъ радостныхъ возгласовъ приходится слышать много: изъ 63 неграмотныхъ, поступавшихъ къ намъ въ продолженіи прошлаго года, не кончилъ азбуки пока одинъ С., а не выучилась вполнѣ писать только А.

«Тутъ, что ни лицо, то интереснѣйшій типъ. Жаль, что нѣтъ фотографическаго аппарата снять группу», говорилъ намъ директоръ народныхъ училищъ, недавно посѣтившій школу и отнесшійся къ ней съ горячимъ, искреннимъ сочувствіемъ, на которое живо откликнулись взрослые учащіеся, разговаривая съ нимъ, точно это былъ ихъ давнишній знакомый.

Въ нашемъ преподаваніи не мало ошибокъ, а недостатокъ учителей дѣлаетъ ихъ еще болѣе чувствительными; достигнутыми результатами школа обязана не учащимъ, а исключительно и единственно только учащимся, которые просиживаютъ ночи за книжками до порчи зрѣнія, отрываютъ часы отъ своего сна и отдыха послѣ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ, занимаются съ увлеченіемъ чтеніемъ и письменными работами въ будни, учась, правда, урывками, но тѣмъ интенсивнѣе и горячѣе.

Я непоколебимо убѣждена, что неудержимое стремленіе народа къ знанію вызоветъ наконецъ въ сельской интеллигенціи, вскорѣмленной этимъ народомъ, желаніе помочь рвущемуся къ свѣту темному рабочему человѣку, что проснувшаяся въ простолюдинѣ страстная жажда умственнаго развитія поддержитъ неопытныхъ, робкія начинанія культурныхъ одиночекъ на Руси и упрочитъ воскресныя школы въ деревнѣ, которая глубоко сознаетъ бѣдность интеллектуальнаго содержанія своей жизни.

Екатерина Урсыновичъ.

На Западѣ.

(Изъ Австріи).

Новыя теченія въ искусствѣ.

Въ нынѣшнемъ году въ Вѣнѣ заставила о себѣ очень много говорить пьеса одного молодого, совершенно почти неизвѣстнаго, автора, на котораго эта первая его пьеса обратила всеобщее вниманіе. На слѣдующій день послѣ постановки его пьесы вѣнскія газеты говорили уже о немъ, какъ о «восходящей звѣздѣ» въ области драматическаго искусства, призваннаго насадить новую форму драмы; его сравнивали съ Гауптманомъ, съ пьесою котораго («Ткачи») пьеса молодого австрійскаго писателя имѣетъ нѣсколько сходныхъ чертъ, при чемъ одинъ изъ здѣшнихъ серьезныхъ журналовъ нашелъ даже, что у него есть нѣкоторыя преимущества передъ Гауптманомъ. Проживающій временно въ Вѣнѣ извѣстный американскій писатель, Маркъ Твенъ, нашелъ необходимымъ познакомить своихъ соотечественниковъ именно съ этой пьесою и перевелъ ее на англійскій языкъ. Словомъ успѣхъ пьесы была необыкновенный, и она уже выдержала множество представленій.

Что еще болѣе должно поражать въ виду успѣха этой пьесы, это то, что высказанныя въ ней мысли несомнѣнно противорѣчатъ ходячимъ представленіямъ большинства посѣтителей платныхъ зрѣлищъ, и тѣмъ не менѣе послѣдніе, повидимому, не могутъ устоять противъ обаянія искренняго и глубокаго сочувствія, которое вызываютъ сѣрые герои этой пьесы.

Нужно думать поэтому, что пьеса затрагиваетъ какой нибудь особенно сильно наболѣвшій нервъ общества, если она въ состояніи оказывать такое воздѣйствіе на публику, ибо именно драматическому произведенію всего труднѣе воздѣйствовать на непривычныя чувства.

Драматическую литературу не безъ основанія принято считать наиболѣе яркимъ воплощеніемъ «духа времени», господствующихъ идей, теченій, взглядовъ даннаго общества. Такое предположеніе или положеніе вытекаетъ не только изъ общаго взгляда на литературу и на драматическія произведенія, какъ на одну изъ областей художественнаго твор-

чества, но находитъ себѣ объясненіе въ тѣхъ спеціальныхъ условіяхъ, въ какія поставлена сцена.

Автору драматическаго произведенія не приходится спрашивать себя, «гдѣ мой читатель?» и гадать о впечатлѣніи, которое произвело его произведеніе. Онъ находится въ непосредственномъ общеніи со своимъ читателемъ — слушателемъ и, выступая со своимъ произведеніемъ на сценѣ, онъ чувствуетъ себя какъ бы говорящимъ съ общественной трибуны къ каждому собранію, — а здѣсь, какъ извѣстно, всякая недомолвка, всякое недоразумѣніе ставится въ строку, и отъ оратора требуютъ немедленнаго, категорическаго и яснаго разъясненія: тысячеголовая толпа не анализируетъ, а поддается непосредственному импульсу и немедленно реагируетъ на воспринятое впечатлѣніе.

Въ книгѣ авторъ можетъ еще надѣяться убѣдить своего читателя, какъ-бы экстравагантна ни была его мысль; онъ имѣетъ возможность обращаться къ нему съ логическими доводами. На сценѣ авторъ имѣетъ дѣло съ иною аудиторію и раньше всего ему приходится считаться съ психологіей массъ, а не отдѣльныхъ личностей. Здѣсь онъ дѣйствительно оказывается передъ судомъ общественнаго мнѣнія и имѣетъ возможность лично видѣть восторгъ умиленія или скрежетъ ярости, смотря потому, какъ и какія изъ уже *существующихъ* у его аудиторіи чувства и понятій онъ затронулъ. Эти уже *существующія* понятія и чувства, съ которыми авторъ долженъ считаться, какъ съ поставленными ему данными, являются основнымъ фономъ среды, на которую его произведеніе должно воздѣйствовать.

И такъ какъ аудиторія реагируетъ непосредственно, подъ вліяніемъ сейчасъ только пережитой эмоціи, и выносить тутъ-же свой судъ произведенію и автору, то сцена является наименѣ удобною ареною для новыхъ словъ, для новыхъ понятій, такъ какъ произнесенныя въ первый разъ отсюда эти слова рискуютъ либо совершенно не дойти до ушей слушателей, либо встрѣтить энергичный отпоръ, который дается всему новому, непривычному.

«Новое» въ драмѣ должно быть повтому всегда уже достаточно старо; иначе говоря, необходимо, чтобы для новыхъ идей, новыхъ взглядовъ, новыхъ формъ мысли прошелъ извѣстный инкубаціонный періодъ; необходимо, чтобы это новое уже вибрировало въ общество, чтобы послѣднее пропиталось имъ, для того чтобы это новое при своемъ возвѣщеніи со сцены, не наткнулось на слишкомъ непривычный строй мыслей и не раздалось гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Въ этомъ смыслѣ драматическая литература дѣйствительно является прекраснымъ показателемъ общественнаго настроенія, ибо объ идеяхъ и понятіяхъ, выраженныхъ въ этой области литературы, можно съ большою увѣренностью сказать, что они составляютъ именно общественное состояніе, т. е. достаточно созрѣвшій и легко перевариваемый всѣмъ обществомъ или, по крайней мѣрѣ, значительною частью его плодъ, а

не мечту, можетъ быть, и благородную, мечту отдѣльной избранной группы.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Новаго Слова» появилась весьма кстати для переживаемаго въ настоящее время разброда мыслей въ вопросахъ о дѣлахъ и задачахъ искусства статья проф. Овсяннико-Куликовскаго: «Къ вопросу о приемахъ и задачахъ художественной критики». Авторъ этой весьма интересной во всѣхъ отношеніяхъ статьи, если и не приходитъ къ какимъ нибудь новымъ выводамъ, то защищаетъ во всякомъ случаѣ старыя положенія, высказанныя противниками теоріи искусства для искусства, весьма оригинально и весьма убѣдительно, а главное разсматриваетъ вопросъ о художественномъ въ искусствѣ подъ новымъ угломъ и освѣщаетъ его новымъ свѣтомъ.

Мнѣ еще придется вернуться къ этой статьѣ, а пока я ограничусь только небольшою цитатою въ рендантъ къ вышесказанному. Давъ опредѣленіе художественному, какъ «мысленному ощущенію», г. Овсяннико-Куликовскій говоритъ далѣе: «одной наличности образа, хотя-бы это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ возбудителей, еще недостаточно для того, чтобы ваша мысль была въ самомъ дѣлѣ возбуждена имъ въ направленіи художественномъ. Во первыхъ, *необходима личная подготовка* (въ смыслѣ умственнаго развитія, извѣстной суммы знаній, опыта жизни) *для воспріятія образа*. Во вторыхъ, необходимо, чтобы вы отнеслись къ образу..., какъ къ умственному стимулу, который долженъ направить вашу мысль въ извѣстную сторону. («Нов. Слово» Сент. 1897 г. стр. 40).

Въ другомъ мѣстѣ (ibid стр. 37) онъ высказываетъ какъ бы парадоксальную на первый взглядъ мысль: «Въ дѣйствительности, замѣчаетъ онъ, ни образъ, ни объектъ сами по себѣ не могутъ быть красивы или прекрасны ни въ какомъ смыслѣ и менѣе всего въ художественномъ. Ни въ природѣ, ни въ картинѣ Рафаэля, ни въ трагедіи Софокла, ни въ драмѣ Шекспира, ни въ стихотвореніи Пушкина никакой «красоты» нѣтъ. Но она есть, какъ представленіе и понятіе, въ сознаніи художественно-мыслящаго человѣка, для котораго эти образы явились стимулами мысли, и пока онъ мыслить ими».

Если вы вспомните, что въ картинѣ Рафаэля дикарь дѣйствительно не увидитъ никакой красоты, что драмами Шекспира не вѣзмъ доступно наслаждаться, то сдѣлается понятнымъ, что хочеть сказать этими словами г. Овсяннико-Куликовскій. Всѣ эти произведенія искусства способны оцѣнить, восторгаться ими, видѣть ихъ красоту лишь тотъ, въ комъ они вызываютъ извѣстную симпатію чувства, а для этого необходимо, чтобы они ударили по какой-нибудь струнѣ, способной вибрировать въ унисонъ съ художникомъ, создавшимъ эти произведенія; необходимо, чтобы между вызывающимъ эмоцію и подвергающимся его воздѣйствію существовало извѣстное духовное средство.

И съ этой точки зрѣнія представляютъ особый симптоматическій инте-

ресь нѣкоторыя новыя драматическія произведенія, которыя за послѣдніе годы проложили себѣ путь къ сценѣ; но я буду говорить только о тѣхъ изъ нихъ, которыя были поставлены въ нынѣшнемъ году на различныхъ сценахъ вѣнскихъ театровъ.

Въ Вѣнѣ функционируютъ четыре драматическихъ театра, и каждый изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ поставить въ теченіе сезона нѣсколько новинокъ; по этому одному можете уже судить, что въ количественномъ отношеніи Вѣна даетъ въ этомъ смыслѣ не мало. И дѣйствительно, новыхъ пьесъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ этого сезона было поставлено очень много, чуть ли не по двѣ новинки на каждой недѣлѣ.

Однако, говорить о себѣ и много говорить заставили только 3 пьесы, это «Die Bürgermeisterswahl» Бурггарда, директора Императорской—драматической сцены, затѣмъ пьеса молодого неизвѣстнаго автора, Филиппа Лангмана, носящая скромное заглавіе «Бартель Туразеръ» и наконецъ «Новое Гетто» апостола сіонистскаго движенія, Теодора Герцля. И что всего замѣчательнѣе, это то, что во всѣхъ этихъ 3 пьесахъ нѣтъ ни слова о любви, и драма разыгрывается совсѣмъ не на почвѣ любовной коллизіи.

Три пьесы безъ любовной интриги и во всѣхъ трехъ случаяхъ шумный успѣхъ,—фактъ, какъ хотите, весьма рѣдкій и способный остановить на себѣ вниманіе! Публику такъ долго приучали къ тому, что нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ, чѣмъ повѣсть о «Ромео и Джульеттѣ», что эта повѣсть должна составлять альфу и омегу всякаго драматическаго произведенія, что нарушеніе этого правила считалось еще менѣе допустимымъ, чѣмъ во время оно нарушеніе института «трехъ единствъ» ложно-классической драмы, да никто и не отваживался нарушать его, хотя всѣ и сознавали, что необходимо найти какой нибудь другой живой родникъ, изъ котораго могло-бы питаться драматическое творчество.

Всѣ—и критики, и сами драматурги—сознавались въ томъ, что драма хирѣетъ, что мѣсто драматурговъ, вносящихъ живое слово и живую мысль, заняли драмодѣлы, но что и послѣдніе не могутъ уже изобрѣтать новыхъ ситуаций и продолжаютъ воспѣвать то, что ужъ «давно описано, воспѣто».

Исканіе новыхъ путей, развѣтвляясь въ разныя стороны, создало множество теченій, изъ которыхъ наиболѣе замѣтными и властными оказались три: «должно все сказать, надо договаривать до конца!» — Это, было лозунгомъ одного теченія, которое считало, что родникомъ искусства должна оставаться все таки жизнь. Но подъ жизнью это направленіе все таки понимало только ограниченную область, въ которой главнымъ моментомъ считается все та же «печальная повѣсть», и они въ этой области сказали, пожалуй, «все», сдѣлали все, что могли.

Другое направленіе, также не желавшее порвать съ жизнью, предложило расширить понятіе «жизнь», напомнило, что есть повѣсти еще болѣе печальныя на свѣтѣ, чѣмъ повѣсть о Ромео и Джульеттѣ, что есть

милліоны, для которыхъ другіе интересы застилаютъ интересъ этой повѣсти, что есть и въ этой повѣсти жизненныя коллизіи и ситуаціи, вызывающія не менѣе сильное напряженіе чувствъ и страстей. Это направленіе выдвинуло на первый планъ социальную среду, ея воздѣйствіе на жизнь отдѣльныхъ лицъ, ея вліяніе на появленіе такихъ или иныхъ общественныхъ типовъ, на характеръ и чувства индивидуумовъ, живущихъ въ этихъ условіяхъ. Картины, которыя пришлось при этомъ рисовать, оказались, однако, слишкомъ мрачными и слишкомъ нарушали покой и ясность духа тѣхъ, которые эти картины покупали. Они привыкли смотрѣть ясно на Божій міръ, считать его лучшимъ ихъ міровъ, и вдругъ имъ начали подносить картины, въ которыхъ этотъ міръ рисовался мрачнымъ, жестокимъ, а главное виновниками этой мрачности оказывались именно они, считавшіе себя дотогѣ благодѣтелями, ниспосланными въ міръ съ неба.

Эти «сильные міра» подняли громкій протестъ противъ такого направленія въ искусствѣ! «Я беру книгу или отправляюсь въ театръ не для того, чтобы плакать или разстраивать себя, а чтобы доставить себѣ удовольствіе, подавайте мнѣ поэтому какойнибудь «веселящій газъ», а не грузную, тяжелую матерію!» кричали они.

И ихъ крики нашли откликъ. Нашлись поставщики этого «веселящаго газа», которые провозгласили, что разъ жизнь можно рисовать только мрачными красками, то должно искусству совершенно порвать съ жизнью, такъ какъ искусство призвано культивировать только красоту.

Имъ показалось не достаточнымъ и неудобнымъ выступить подъ старымъ флагомъ «искусства для искусства», т. е. индифферентизма, равнодушія къ жизни, и они провозгласили новый принципъ полного отреченія отъ земной «юдоли плача и печали» и созданія новой «красоты», новыхъ чувствъ и ощущеній, какого то надземнаго міра, въ которомъ и люди, и вещи, и интересы, и чувства супра-натуральны.

«Ахъ! Не все же слезы лить намъ о бѣдствіяхъ существенныхъ, — позабудемъ въ краснобайствѣ сладкихъ вымысловъ!» — Это сдѣлалось ихъ лозунгомъ, и они измыслили новый міръ, въ которомъ царствуетъ «бѣлая скука, синяя грусть, зеленый гнѣвъ, красные вздохи» и т. д. Для выраженія странныхъ чувствъ этого страннаго міра они измыслили совершенно новую теорію искусства, состоящую въ особомъ сочетаніи словъ и звуковъ, а въ послѣднее время даже особыхъ писменъ.

Въ одномъ изъ номеровъ журнала «Cosmopolis» какъ-то приводилось одно изъ стихотвореній Меттерлинка, оригинальность котораго, помимо его полной непонятности, заключается еще и въ томъ, что оно написано на особый ладъ; одно слово пишется жирными буквами въ центральномъ пунктѣ страницы, другое курсивомъ въ правомъ углу, третье петитомъ вкось страницы и т. д. Этотъ, повидимому, понялъ à la lettre замѣчаніе Бодлера, который говорилъ, что для полученія декадентскаго стихотворенія должно подбросить къ верху типографскій шрифтъ

и вчитаться въ то, что получится, когда этотъ шрифтъ упадетъ на бумагу.

Этотъ безсвязный лепетъ о «черныхъ лебедяхъ грусти, переплетенныхъ съ блѣдными летаніями на лазоревыхъ стѣнахъ» провозвѣстники «новаго искусства» считали наилучшимъ цѣлебнымъ средствомъ противъ того «смятенія души», которое составляетъ болѣзнь современнаго человѣка, «смятенія души», заставляющаго его говорить о банкротствѣ науки, о крахѣ цивилизации, такъ жестоко обманувшихъ своихъ самыхъ горячихъ поклонниковъ. Ей не могутъ простать того, что она, давъ представителямъ одной части общества «право говорить о себѣ какъ о «внѣшнѣ» созданія, царѣ земли, поставила другую часть въ такое положеніе, въ которомъ она должна сказать о себѣ: «Я—рабъ, я—червь».

Ни «внѣшнѣ созданія», если онъ только задумывается надъ жизнью, ни «рабъ и червь» не могутъ помириться съ этимъ положеніемъ и чувствуютъ себя неудовлетворенными.

И вотъ вмѣсто того, чтобы сообща искать средства противъ этого недомоганія, эти своеобразные «учители жизни» задумали совершенно отвлечь человѣка отъ этихъ неприятныхъ мыслей. Они ему будутъ говорить о другомъ мірѣ, гдѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, земной печали и земныхъ воздыханій. И началась оргія этого своеобразнаго искусства, которая проникла во все отрасли его. Антокольскій гдѣ-то замѣчаетъ объ этомъ времени:

«Искусствомъ овладѣла какая-то галлюцинація, которая разразилась выставкою Сара Пеладана. Я былъ на этой выставкѣ, и мнѣ показалось, что я попалъ въ сумасшедшій домъ, въ отдѣлъ помѣшавшихся художниковъ». Эти, какъ онъ ихъ удачно окрестилъ, *фальшивые монетки искусства*—импрессионисты съ началомъ безъ конца и декаденты безъ того и другого—могли появиться только какъ симптомъ болѣзни, связанной съ извѣстнымъ общественнымъ настроеніемъ», замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ области драматической литературы эти пѣвцы неестественныхъ и даже антиестественныхъ чувствъ создали цѣлую плеяду чудовищно-нелѣпныхъ произведеній, и даже самые талантливые ихъ нихъ достигли лишь того, что вмѣсто драматическихъ произведеній создавали какія-то волшебныя фееріи, которыя подъ-часъ бывали и красивы, но ничего общаго съ серьезнымъ искусствомъ, съ истинно художественнымъ не имѣли, такъ какъ между этою «красотою» и художественною красою лежитъ такая же пропасть, какъ между хорошо сработанною вещицею, вышедшею изъ рукъ ловкаго мастера, и вещью, явившеюся изъ-подъ рѣзца ваятеля.

«Все, что «ласкаетъ» зрѣніе и слухъ, говорить цитированный уже мною проф. Овсяннико-Куликовскій, не возбуждая мысли, можетъ вызывать въ насъ сильныя эстетическія эмоціи и вмѣстѣ съ ними представленіе красоты, но только эти эмоціи и эти представленія не будутъ

художественными. Мало того, возможно предполагать даже, что между ними и художественными эмоціями нѣтъ психологическаго сродства, что это явленія разнаго порядка и происхожденія. Напротивъ, внутреннее психологическое сродство художественной эмоціи и красоты съ научною и философскою бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ анализѣ. И тутъ, и тамъ безусловно необходима работа мысли, и пути этой мысли оказываются аналогическими процессами психики прежде всего тѣмъ, что они самостоятельны, неспособны, если можно такъ выразиться, къ самостоятельному зарожденію, но всегда являются *спутниками художественнаго мышленія*.

Г. Буликовскій считаетъ возможнымъ разрѣшить недоразумѣнія, вызванныя между сторонниками чистаго, свободнаго искусства и сторонниками, такъ сказать, содержательнаго искусства, указаніемъ на глубокую разницу, отличающую *художественную* эстетическую эмоцію и *художественную* красоту, для которой необходима извѣстная работа мысли, отъ другихъ видовъ эстетическихъ эмоцій и понятій «красоты», которыя вызываются пріятнымъ для глазъ сочетаніемъ красокъ, свѣта и тѣни, «изящнымъ» орнаментомъ, «красивымъ» лицомъ, гармонически стройнымъ тѣлосложеніемъ и т. д.

Я позволю себѣ привести еще одну выдержку изъ этой статьи, которая прекрасно уясняетъ мысль г. Буликовскаго, очень удачно поставившаго вопросъ объ этомъ старомъ спорѣ въ искусствѣ.

«Вы можете цѣлыми часами любоваться моремъ, какъ таковымъ, и при этомъ испытывать специфическое чувство наслажденія, но это наслажденіе будетъ чисто органическимъ и элементарно-психологическимъ: вамъ легко дышется..., вамъ пріятно смотрѣть на синѣющую гладь моря, на пѣнящіяся волны, шумъ которыхъ ласкаетъ вашъ слухъ, но во всемъ этомъ нѣтъ ничего художественнаго, и представленіе красоты, возникающее въ вашемъ сознаніи, ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ представленіемъ красоты художественной, о которой мы говорили выше. Въ данномъ случаѣ образъ является самодовлѣющимъ, а не служитъ представленіемъ чего-то другого, т. е., тутъ нѣтъ важнѣйшаго признака художественнаго процесса. Но возьмемъ другой случай. Пусть море или иная картина природы служитъ для васъ образомъ, возбуждающимъ работу мысли въ какомъ угодно направленіи, но только не въ направленіи къ «тайнамъ» психики человѣческой. Пусть, напр, картина моря вызываетъ на размышленія географическаго и геологическаго характера или же на такія, которыя, имѣя отношеніе къ человѣку, не поднимаютъ вопросовъ о его психологии, напр., хотя бы размышленія на тему о моряхъ, какъ путяхъ сообщенія... Совершенно излишне распространяться о томъ, что художественный процессъ мысли тогда не осуществится. И дѣло тутъ не «въ *содержаніи* мыслей: великіе поэты «поэтично» мыслятъ о самыхъ «прозаическихъ» вещахъ»... а въ томъ, что «недоставало обращенія къ идеѣ человѣка, какъ существа мыслящаго и чувствующаго. Введите

эту идею въ кругъ вашихъ размышленій, хотя-бы на тему торгово-промышленную..., пусть въ далекой перспективѣ идей явятся вамъ неясныя очертанія картины человѣчества... Нѣтъ сомнѣнйя, работа вашей мысли получить характеръ художественный, поэтический... Искусство есть такой процессъ мыслей, который въ своихъ результатахъ и стремленіяхъ направлень *на человека, на все человеческое...* Высшія созданія искусства—это тѣ, въ которыхъ возбудитель наиболѣе конкретенъ (опредѣленное лицо, индивидуальность, какъ образъ въ драмѣ, романѣ и т. д., опредѣленное настроеніе,—въ лирикѣ), а возбужденныя мысли наиболѣе широки, общечеловѣчны...

Съ этой точки зрѣнія задача художника оказывается совсѣмъ не такою легкою; эта точка зрѣнія не можетъ признать художественнымъ такое произведеніе, въ которомъ отсутствуетъ мысль. И какія сочетанія словъ и строфъ выдумали-бы декаденты и символисты, будутъ ли они писать стихи зѣбевидно или рондо, треугольникомъ или параллелипипедомъ, создадутъ-ли они слова, напоминающія запахъ и цвѣтъ описываемаго предмета, стануть-ли они рисовать деревья красными, а людей синими, — все таки имъ будетъ до искусства, какъ до звѣзды небесной далеко.

Можно даже допустить, что они, специализировавшись въ этой области и сдѣлавшись ловкими ремесленниками искусства, перестанутъ создавать свои уродливыя произведенія и представлять публикѣ что-нибудь красивое, нѣчто ласкающее слухъ и взоръ, но это, какъ мы видѣли, не будетъ имѣть никакого отношенія къ тому истинному искусству, которое озаряетъ міръ новымъ свѣтомъ, уясняетъ человѣчеству оставшіяся неясными ему дотола стремленія, воплощаетъ въ образы его «нѣмую мысль», не находившую выраженія, концентрируетъ въ одномъ сильномъ, великомъ образѣ, какъ Фаустъ всѣ духовныя стремленія человѣчества въ извѣстный періодъ.

Этого не можетъ дать то искусство, которое «обрабатываютъ» тѣ, къ кому особенно примѣнимы слова Гете:

Sans Souci слыветъ нашъ кругъ
Весело межъ нами:
Отказались ноги вдругъ,—
Ходимъ вверхъ ногами.

На обыденномъ языкѣ, на которомъ въ одномъ и томъ же смыслѣ употребляются выраженія: «Ахъ! это была прелесть!» и это было художественное зрѣлище», гдѣ подъ художественнымъ зрѣлищемъ понимается и красиво разставленные статисты въ фееріи, и разноцвѣтный фонтанъ, и блестящая кавалькада, можетъ быть, и можно говорить объ этихъ произведеніяхъ, какъ о художественныхъ, но серьезно этого понимать нельзя.

Истинное искусство не можетъ существовать безъ руководящей идеи, которая служитъ ему единственной путеводною звѣздою, и жалобы на паденіе искусства оказываются въ замѣчательномъ совпаденіи съ жалобами

на отсутствіе руководящихъ идей въ общественной жизни, на отсутствіе опредѣленныхъ общественныхъ теченій:

' «Одно изъ главныхъ несчастій литературнаго творчества современной Германіи — говоритъ англійскій критикъ Джонъ Робертсонъ въ своемъ обзорѣ литературы въ Германіи,—это отсутствіе руководящихъ философскихъ идей; ему недостаетъ твердаго философскаго основанія, авторитетнаго идеала, эстетическаго сredo... Германія теперь кипитъ талантами, но они большей частью безплодно блуждаютъ или разбиваются на мелочи и начинаютъ создавать тривіальную анекдотическую литературу»...

Какovy должны, какovy могутъ быть эти идеи-идеалы, чѣмъ они опредѣляются?

Я прибѣгну еще къ одной цитатѣ изъ статьи проф. Куликовскаго, который въ весьма точныхъ выраженіяхъ формулируетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

«Подобному тому какъ, напр., пейзажъ представится зрителю въ весьма различномъ видѣ и освѣщеніи—сообразно тому, съ какого пункта смотреть этотъ послѣдній, такъ и созерцанія художника-творца... будутъ весьма различны соотвѣтственно тому, съ какого *соціального пункта* смотреть онъ на разстилающуюся передъ нимъ картину челоувѣчества. Этотъ «соціальный пунктъ» опредѣляется преимущественно тѣмъ, что можно назвать *классовымъ или сословнымъ самочувствіемъ* челоувѣка. Принадлежность къ извѣстному сословию, въ особенности тамъ, гдѣ *слова психологически* рѣзко разграничены, уже съ самаго дѣтства, съ первыхъ воспріятій ребенка опредѣляетъ ту сумму впечатлѣній и самый ихъ характеръ, ихъ своеобразную окраску, и тотъ порядокъ настроеній, изъ которыхъ въ годы зрѣлости составитса одно изъ важнѣйшихъ наслоеній «подпочвы» художественной мысли. Такимъ образомъ, сословное самочувствіе входитъ, какъ одна изъ дѣйствующихъ силъ, въ составъ «молекулярной» стороны процесса. Это «сословное» или «національное» самочувствіе г. Овсяннико-Куликовскій строго отличаетъ отъ сословныхъ или національных *тенденцій*, которыя, говоритъ онъ, слишкомъ сознательны, слишкомъ программны, чтобы быть «подпочвенными» элементами художественнаго процесса мысли.

«Участвуя въ художественномъ процессѣ, онѣ (эти тенденціи) поэтому выступаютъ тамъ въ роли идей и идеаловъ, т. е., въ его сознательной сферѣ. И чтобы въ этой роли онѣ не испортили всего процесса, онѣ должны быть въ гармоніи съ какими-нибудь общечелоувѣческими стремленіями. *Если за даннымъ національнымъ и сословнымъ идеаломъ скрывается нѣчто общечелоувѣческое, если эти идеалы выдвигаются на очередь историческимъ ходомъ вещей, то, очевидно, ихъ выраженіе или проявленіе въ художественной работѣ мысли не будетъ находиться въ противорѣчьи съ тою общечелоувѣчностью художественныхъ созерцаній, съ тѣмъ исканіемъ высшей челоувѣчности, о которыхъ мы говорили выше, какъ о характерной*

и необходимой особенности искусства. Въ противномъ случаѣ художественный процессъ не осуществится.

Какъ извѣстно, въ прошломъ столѣтїи исторїя выдвинула въ качествѣ носителя этихъ общечеловѣческихъ идеаловъ такъ называемое третье сословіе. Борясь за свое освобожденіе, оно, отчасти сознательно обманывая другихъ, отчасти бессознательно обманывая и себя, и другихъ указывала на себя, какъ на борца за человѣческую свободу вообще, за права человѣка и гражданина безъ различїя происхожденїя, за свободу, равенство и братство всѣхъ безъ исключенїя. Это сословіе принесло съ собою освободительныя тенденціи, вдохнуло новую жизнь въ разлагавшееся общество и поставило новыя формы жизни на мѣсто «ancien régime».

Идеологи этого сословія явились самыми яркими ратоборцами за самыя дорогія права человѣка, страстными поборниками свѣта и противниками обскурантизма, пламенными защитниками благородныхъ идей и свѣтлыхъ идеаловъ, творцами новыхъ, можно сказать, формъ человѣческой мысли, не только новыхъ формъ человѣческаго общежитїя.

Извѣстно, какой толчекъ дало выступленїе на сцену этого сословія и философской мысли, и художественному творчеству. Въ области научной мысли созданъ цѣлый рядъ блестящихъ философскихъ системъ, имѣвшихъ такое обаяніе на все современное общество, что этому вѣку дано названїе «вѣка мыслителей», «просвѣтительной эпохи». Въ искусствѣ ложноклассицизмъ, который считалъ ниже своего достоинства говорить о лицахъ, не записанныхъ въ книги родовой аристократїи, долженъ былъ уступить мѣсто новымъ направленїямъ, которыя признали, что и юркій Фигаро—достойный драматическаго обсужденїя сюжетъ.

Понадобилось не мало времени, раньше чѣмъ обнаружилось воочїю, что торжество третьяго сословія далеко еще не обозначало торжества человѣка вообще, что побѣда освободительныхъ теченїй освободила только одинъ классъ общества, оставивъ въ томъ же и если не въ худшемъ, то и не въ лучшемъ положенїи миллионныя массы населенїя, боровшіяся съ тѣмъ же рвенїемъ за торжество этихъ теченїй. Въ концѣ концовъ это обнаружилось однако, и обнаружилось съ такою силою, что столь во-слѣваемый нѣкогда «буржуазный либерализмъ» теперь сдѣлался бранною кличкою, что «чистымъ либераломъ» т. е., сторонникомъ теорїи, признающею за сильнымъ право свободного распоряженїя своею силою, право пригнетать слабого, а за послѣднимъ только право быть недовольнымъ этимъ, — теперь уже считается нѣсколько зазорнымъ провозглашать себя.

Такихъ «чистыхъ либераловъ», можно сказать, нѣтъ болѣе, и тѣ, которые не сдѣлали уступокъ, требуемыхъ указанїями жизни, не хотѣли подѣлиться частью не одними только ими завоеванныхъ благъ въ пользу исключенныхъ изъ числа допущенныхъ къ пользованїю благами жизни, перестали быть участниками прогресса. Они заняли мѣсто прежняго привилегированнаго сословія, превратились въ касту, которая ревниво охраняетъ свои привилегїи и готова съжечь все, чему поклонялась,

лишь бы отстоять тѣ условія, которыя обезпечиваютъ имъ такое привилегированное положеніе. Ихъ идеалы оказались въ противорѣчій съ общечеловѣческими идеалами, и потому ихъ идеологи не могутъ быть сужителями истиннаго искусства.

Опытъ вѣковъ показываетъ намъ, говоритъ тотъ же авторъ, что всѣ исключительныя тенденціи, стоящія въ противорѣчій съ общечеловѣческимъ идеаломъ, — національныя (шовинизмъ, китайщина), сословныя (кастовый духъ), религіозныя (напр. религіозная исключительность ислама) и всякія иныя убиваютъ истинное искусство, искажаютъ процессъ художественной мысли, которой лозунгъ «идти дорогою *свободной*, куда влечетъ *свободный умъ*».... Для осуществленія художественнаго процесса мысли необходимо, чтобы сословіе (понимается сословіе, изъ котораго вышелъ поэтъ или съ которымъ сроднился душою поэтъ), во первыхъ, было доступно освободительному дѣйствію знанія, чтобы оно не было сковано броней какой-либо догмы и, во вторыхъ, чтобы оно не было кастою съ исключительными тенденціями и отвращеніемъ ко всѣмъ прочимъ смертнымъ. Это—элементарныя условія, безъ которыхъ невозможно осуществленіе самаго процесса художественной мысли.

Есть-ли теперь на-лицо такое сословіе?

Сдѣлалось уже триумфомъ, что на долю конца нашего вѣка выпала гигантская задача рѣшенія соціального вопроса. Слово «соціальный» потеряло свой грозный характеръ и встрѣчается не только въ ученыхъ трактатахъ и соціальныхъ изслѣдованіяхъ, а перешло въ обыденную рѣчь и употребляется по всякому поводу. О чемъ-бы ни поднимался вопросъ, разрѣшенія его ищутъ въ данныхъ соціальныхъ отношеніяхъ и каждый разъ приходятъ къ критикѣ этихъ отношеній.

Самые закоснѣлыя сторонники стараго, сохранившагося, съ отвращеніемъ думающіе о самыхъ невинныхъ нововведеніяхъ, признаютъ, что старое нуждается въ подпоркахъ, что оно еле держится и грозитъ рухнуть, если не озаботятся привести его въ порядокъ. И сознаніе этой необходимости такъ глубоко, что они не останавливаются передъ самыми крайними мѣрами, которыя отличаются отъ тѣхъ, что называются радикальными, лишь тѣмъ, что одни вычитываютъ свои средства изъ старыхъ книгъ, а другіе заглядываютъ въ будущее и черпаютъ изъ жизни.

Но и тѣ, и другіе сознаютъ, что мы «на ущербѣ», что необходимо удумать какія-нибудь мѣры, что всѣ—и политическіе, и національные, и этические—вопросы, волнующіе наше время, коренятся въ соціальныхъ отношеніяхъ, что послѣднія выдвигаются каждый разъ, какъ неслучайный моментъ, при всякой попыткѣ разрѣшенія этихъ вопросовъ, и этою думою озабоченъ всякій мыслящій человѣкъ.

Гдѣ-то мнѣ пришлось прочесть очень живо изображенную картинку процесса, который заставляетъ задуматься надъ соціальнымъ вопросомъ чловѣка, который, повидимому, нисколько не призванъ думать о немъ, художника, поэта.

Пока «священные жертвы Аполлону» приносили только отпрыски знатных фамилий, посвящавших этому своей обеспеченный досугъ, материальная сторона этой дѣятельности дѣйствительно не составляла вопроса. Теперь это вопросъ очень важный, и каждый поэтъ не разъ задаетъ себѣ вопросъ, почему однимъ искусство доставляетъ дворцы, а другимъ лачуги и необезпеченное существованіе.

Этотъ вопросъ непосредственно наталкиваетъ его на стоящій рядомъ вопросъ: «кто моя публика! кто мой читатель?» И съ этого момента онъ вступаетъ въ лабиринтъ социальнаго вопроса. Моя публика, публика отъ которой зависитъ мой матеріальный успѣхъ, это та избранная часть общества, которая можетъ позволить себѣ роскошь покупать книги, картины—долженъ онъ себѣ отвѣтить.

Какковы вкусы этой публики? На этотъ вопросъ онъ находитъ быстрый и рѣшительный отвѣтъ въ произведеніяхъ тѣхъ писателей, которымъ отдается предпочтеніе, потому что они льстятъ вкусамъ и привычкамъ этой публики. Отчего зависятъ эти вкусы? будетъ слѣдующій его вопросъ, и отвѣтъ на это подниметъ передъ нимъ завѣсу надъ еще одною изъ сторонъ социальнаго вопроса.

Итакъ, та публика, долженъ онъ сказать себѣ въ концѣ концовъ, которой мои слова проникаютъ глубоко въ сердце, которая меня оцѣнила, эта публика не въ состояніи поддержать своего поэта. Истинное искусство, долженъ онъ признаться себѣ, во всякомъ случаѣ страдаетъ отъ того, что кругъ его цѣнителей ограниченъ группою избранныхъ. Оно, можетъ быть, носило-бы иной характеръ, если-бы цѣнителемъ его было все общество, а не часть его. Это путь къ критикѣ существующихъ отношеній, который приводитъ его послѣдовательно къ наиболее яркой, наиболее выпуклой формѣ этой критики, сдѣланной защитниками именно той многомилліонной массы, которая исключена изъ всѣхъ благъ цивилизованной жизни и не въ состояніи вліять на характеръ этихъ благъ.

Впрочемъ, путь, можетъ быть, и не такой длинный. Контрастъ между казовою и обратною стороною цивилизаціи такъ рѣзокъ, что одного желанія задуматься надъ этимъ, одного толчка, заставляющаго задуматься надъ этимъ, достаточно для того, чтобы направленная въ эту сторону мысль пришла къ выводамъ, не дающимъ возможности успокоиться...

И чѣмъ можетъ отвѣтить себѣ и обществу на осаждающіе ихъ обояхъ вопросы тотъ, которому дано въ удѣлъ быть *porte-parole* этого общества, которому дана способность еще больше чувствовать, еще сильнѣе проникаться этими вопросами?

Старая, осмѣянная формула «торжества добродѣтели» въ произведеніяхъ искусства имѣетъ, собственно говоря, свое глубокое психологическое основаніе и отвѣчаетъ вполне одной изъ самыхъ сильныхъ человѣческихъ потребностей. Смѣшная сторона этой формулы заключалась только въ аляповатости проведенія ея въ жизнь, а не въ идеѣ ея, такъ какъ въ искусствѣ всѣ идеалы сводятся къ вопросу о счастьѣ.

Въ идеалѣ, къ воплощенію котораго стремится искусство, имѣется въ виду извѣстная гармонія, представляющая разрѣшеніе вѣчнаго диссонанса, преслѣдующаго насъ въ жизни, и дающая наконецъ удовлетвореніе. Искусство и находится всегда въ поискахъ этого идеала.

Было время, когда искусство, говоритъ одинъ нѣмецкій критикъ Бѣльше, отказывалось искать этотъ идеалъ на землѣ и отводило ему мѣсто въ другомъ мірѣ, по ту сторону бытія. Здѣсь только устанавливалась полная гармонія духа, когда человѣкъ освобождался отъ своихъ ошлябокъ, отъ раскаянія и мукъ сомнѣнія.

Но съ торжествомъ рационализма, явившимся въ результатѣ вѣковыхъ усилій мысли и накопленія знанія, такое символизированіе этого идеала оказалось мало отвѣчающимъ запросамъ и мало удовлетворяющимъ любопытныхъ. Въ теченіе всего этого времени совершается процессъ перенесенія этого идеала съ метафизическихъ высотъ на землю и исканіе этой гармоніи на землѣ. И не находя этой гармоніи въ существующихъ отношеніяхъ, больше того, не видя, какимъ образомъ, при существующихъ отношеніяхъ, могла-бы установиться гармонія, искатели идеала старались приподнять завѣсу надъ будущимъ человѣчества, и здѣсь, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, но все таки на землѣ, помѣщали искомый идеалъ. Онъ долженъ былъ служить утѣшеніемъ и наградою за переживаемую теперь человѣчествомъ скорбь, но эстетика реализма не разрѣшала такого романтическаго изображенія идеала въ видѣ апопееоза, въ которомъ мѣсто существующаго диссонанса и борьбы интересовъ занимаетъ гармонія интересовъ, въ которой человѣчество примиряется. Реализмъ не хотѣлъ сойти съ почвы существующихъ отношеній, и потому вмѣсто искусственнаго апопееоза онъ прибѣгалъ къ удачнымъ противопоставленіямъ, въ которыхъ сквозилъ и просвѣчивалъ этотъ идеалъ. И для того чтобы *прожить* этотъ идеалъ, ему необходимо было ввести въ кругъ дѣйствующихъ лицъ тотъ общественный элементъ, который является носителемъ этого идеала.

Подобно тому какъ въ концѣ прошлаго вѣка носителемъ, воплотителемъ общечеловѣческаго идеала было третье сословіе; какъ тогда изъ одного сопоставленія волнующихъ его идей и выставляемыхъ имъ требованій, основанныхъ на справедливости, съ идеями и требованіями жившихъ привилегіями классовъ, уже становился яснымъ общечеловѣческій идеалъ, такъ и теперь боржомъ за права человѣка вообще за устраненіе несправедливости и за торжество гармоническаго человѣческаго общежитія пришлось выставить представителя народа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ только онъ не нуждается въ привилегіяхъ, его освобожденіе тѣсно связано съ усвоеніемъ обществомъ и проникновеніемъ его отношеній одними только началами простой справедливости, и своєю высшею привилегією онъ долженъ считать устраненіе всякихъ привилегій.

Въ такомъ облаченіи и выступилъ на сцену «народъ»: страшныя

тирады въ защиту человѣческой личности, человѣческихъ правъ, человѣческаго общества оказывается возможнымъ произносить только становясь на точку зрѣнія его интересовъ. И такъ какъ вдохновеніе возможно только при этой «человѣчной» идеѣ, то онъ и явился наиболѣе сильнымъ вдохновителемъ.

Нѣсколько времени тому назадъ здѣсь, въ Вѣнѣ, состоялся интересный литературный вечеръ, на который приглашены были изъ Берлина въ качествѣ референтовъ двѣ пользующіяся въ Берлинѣ большою популярностью фигуры, д-ръ Швеннинггеръ и журналистъ Гарденъ, редакторъ журнала «Zukunft»; оба они извѣстны какъ въ высокой степени талантливый и одаренный натуры, оба большіе оригинала и оба питаютъ какой то культъ Бисмарка. Первый—врачъ, имѣющій очень своеобразный взглядъ на медицину,—второй—высокообразованный журналистъ боець. Для насъ теперь интересно, однако, что онъ—непримиримый противникъ современныхъ теченій въ литературѣ. Объ этомъ ему пришлось говорить и въ Вѣнѣ, и вотъ здѣсь, подвергнувъ молодую литературу очень злой критикѣ, онъ въ концѣ концовъ заявилъ: «Вѣрно одно, что ближайшее будущее литературы — это социальный характеръ ея. Она не можетъ быть иною, потому что социальные вопросы слишкомъ часто и слишкомъ сильно даютъ себя знать всякому. На сколько это уже отразилось на современномъ искусствѣ, видно изъ того, что литературными событіями въ послѣдніе годы считалось, не смотря на громкіе побѣдные крики декадентовъ, именно появленіе такихъ произведеній, какъ пьесы Ибсена или Гауптмана, задѣвавшія ту или иную сторону социального вопроса, а появленіе «Ткачей» послѣдняго сочтено было «eroschenmachend», т. е., ставящимъ новую грань въ исторіи развитія драмы.

Замѣчательно, что и въ Вѣнѣ самымъ крупнымъ событіемъ театральнаго года считается также пьеса, аналогичная пьесѣ Гауптмана. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что пьеса эта принадлежитъ перу совершенно неизвѣстнаго, молодого автора, что была она поставлена на второстепенной сценѣ, и тѣмъ не менѣе о ней говорили больше, чѣмъ о всѣхъ другихъ новинкахъ сезона, ей посвящено было больше всего статей, и всѣ признавали появленіе ея крупнымъ событіемъ для театра.

Пьеса эта, носящая названіе «Бартель Туразеръ», принадлежитъ перу начинающаго автора, Филиппа Лангманна, о которомъ въ Вѣнѣ до вечера постановки его пьесы врядъ-ли знали даже хваленые критики Вѣны, тѣмъ болѣе что онъ провинціалъ, занимаетъ очень скромное положеніе служащаго въ отдѣлѣ страхованія рабочихъ и не имѣлъ еще возможности проникнуть въ литературные кружки.

Лангманнъ дебютировалъ нѣсколькими новеллами изъ жизни пролетаріата, которую онъ, благодаря своему положенію, могъ изучить во всѣхъ деталяхъ. Но онъ, повидному, не только знакомился съ этою жизнью, не только изучалъ ее, какъ изслѣдователь, а проникался ею,

сроднился съ радостями и горемъ окружающихъ его людей, сталъ понимать ихъ стремленія, ихъ надежды, сокрытыя пружины ихъ поступковъ. Въ этомъ лежитъ еще одна черта его сходства съ Гауптманомъ, дѣдъ котораго самъ былъ однимъ изъ тѣхъ ткачей, которыхъ онъ впоследствии съ такою потрясающею силою изобразилъ и у котораго впечатлѣнія этой жизни также сдѣлались «подпочвою» въ бессознательномъ процессѣ художественнаго творчества.

Я сказалъ, что Лангманнъ былъ неизвѣстною величиною даже для записныхъ критиковъ, но тѣ, которые случайно натолкнулись на его новеллы, сразу угадали въ немъ мощный талантъ. Критикъ Отто Бирбаумъ, отмѣчая въ 1896 г. его повѣсти, говоритъ: «Это настоящій поэтъ. Я не знаю никого, кто описывалъ бы такъ поэтически на нѣмецкомъ языкѣ жизнь пролетаріата. У многихъ, даже у Гауптмана, сильное вліяніе на читателя оказываетъ самый предметъ описанія и вызываемое имъ социальное состраданіе, а не поэтичность описанія сама по себѣ. У Лангманна вліяніе оказываетъ самъ поэтъ . . . Онъ еще не искусенъ въ своемъ дѣлѣ. Но когда онъ овладѣетъ и искусствомъ поэтическимъ, мы можемъ ждать отъ него романа изъ жизни пролетаріата, можетъ быть, и драмы изъ этой жизни.

Лангманнъ не обманулъ этихъ надеждъ и написалъ драму, которая вполне соответствуетъ короткой характеристикѣ его критика. Въ этой драмѣ эффектъ опять таки заключается не въ специальныхъ условіяхъ жизни его героя, взятаго изъ рабочей среды, а въ той внутренней красотѣ и тонкой поэзіи, которою пропитана эта драма. Въ ней конечно есть и специфическія картинки быта этой среды—стачка, сходка, но зритель чувствуетъ, что дѣло не въ этомъ, а въ изображеніи тѣхъ душевныхъ движеній его героевъ, которыя только и могутъ быть изъявлены, что въ эти моменты сильныхъ душевныхъ подъемовъ.

Въ высшей степени удаченъ въ этомъ смыслѣ первый аккордъ этой драмы, который глубоко проникаетъ въ душу зрителя и сразу заставляетъ его сродниться съ героемъ; однимъ мѣткимъ штрихомъ авторъ сразу беретъ власть надъ зрителемъ, котораго онъ заставляетъ видѣть въ своемъ невзрачномъ героѣ человѣка, а не просто чернорабочаго, котораго нанимаютъ за плату, съ которымъ живутъ рядомъ, котораго прогоняютъ, ни разу не заинтересовавшись его духовнымъ міромъ, вопросомъ о томъ, что заполняетъ его душу. Авторъ однимъ движеніемъ устраняетъ эту рознь двухъ міровъ, выдвинувъ въ первый-же моментъ то общечеловѣческое, которое служитъ еще послѣднею связью общества, какъ-бы сильно ни сталкивались внутри его противоположные интересы.

Сцена открывается надъ убогимъ рабочимъ жильемъ, въ которомъ все говорить о нуждѣ. Комната уставлена большою, некрашеною деревянною кроватью, простымъ столомъ, грубою желѣзною печью, покрывшеюся и, видимо, давно уже не топившеюся, тремя колченогими

стульями и еще одною дѣтскою кроватью, на которой лежитъ блѣдный изможденный ребенокъ, Бартель; другую кровать для грудного ребенка замѣняетъ одноколесная деревянная тачка, въ которой вывозится на фабрикахъ соръ или мелкая кладь. Въ этой колыбелькѣ и укачиваютъ ребенка, толкая ее взадъ и впередъ, и одной этой «колыбели» на сценѣ достаточно, чтобы глубоко потрясти зрителей, въ особенности зрителей, у которыхъ есть дѣти и которые знаютъ, сколько ужаса и тяжелаго горя заключаетъ въ себѣ необходимость укладывать нѣжно любимаго ребенка въ эту грязную тачку, замѣняющую колыбель.

Этотъ символъ—всѣмъ символамъ символъ, и совсѣмъ не нужно выспирать изъ себя «черныхъ лебедей тоски, чтобы ощутить эту тоску».

По сценѣ рассказываетъ изъ угла въ уголъ большой мужчина съ загрубѣлымъ лицомъ, съ загрубѣлыми руками, на которыхъ онъ убаюкиваетъ ребенка; когда ребенокъ начинаетъ сильно кричать, онъ подогрѣваетъ какую-то кашипу и суетъ ему въ ротъ. Это Туразеръ, рабочій, который теперь лишень возможности работать и долженъ замѣнять дома жѣну, уходящую куда-то на цѣлый день, чтобы заработать на хлѣбъ, для всей семьи. А между тѣмъ именно теперь деньги болѣе нужны Туразерамъ, чѣмъ когда-либо. Ихъ нѣжно-любимый сынъ, Бартель, недавно только вынесъ тяжкую болѣзнь, и врачъ сказалъ, что спасти его можно лишь хорошимъ, здоровымъ питаніемъ; а между тѣмъ въ домѣ нѣтъ ничего, не только соотвѣтствующаго улучшенной діетѣ, но и прежней скудной пищи, такъ какъ на фабрикѣ стачка, и Туразеръ уже нѣсколько недѣль не работаетъ.

Отецъ каждый разъ съ грустью взглядываетъ на своего дорогого мальчика, который читаетъ свой учебникъ, нѣжно гладитъ его по лицу и старается развлечь ребенка, который засыпаетъ его вопросами. «Бѣлка—это животное»... читаетъ ребенокъ и сейчасъ же обращается къ отцу: «А ты видѣлъ когда-нибудь бѣлку? Въ лѣсу? А хорошо въ лѣсу? А можно купить бѣлку?»—«Можно, конечно! За деньги все можно купить!»—«И лѣсъ можно купить?»—«И лѣсъ!»—«И доктора? и здоровье можно купить, раіі?»—«Можно, можно, дорогой мальчикъ!»

Ахъ, какъ хорошо было бы имѣть деньги, чтобы купить здоровье дорогому Бартелю; не разъ уже думалъ Туразеръ, но положеніе все ухудшается. Рабочіе не соглашаются возобновить работу на фабрикѣ, а Туразеръ менѣе всего можетъ ихъ убѣждать въ этомъ, такъ какъ онъ—главное лицо въ этомъ дѣлѣ, дѣло вполне правое, а онъ считается среди рабочихъ честнымъ человѣкомъ.

Рабочіе должны выиграть это дѣло, такъ какъ иначе жизнь не въ моту болѣе. Главный мастеръ, Кленпль, эксплуатируетъ ихъ самымъ немилосерднымъ образомъ, но еще хуже то, что онъ издѣвается надъ ихъ женами, дочерьми, сестрами. Нѣсколько времени назадъ онъ прогналъ съ работы одну дѣвушку, которая не хотѣла уступить его вожделѣніямъ; потомъ, когда сестра ея, Марія, начала просить мастера не

лишать послѣднюю насущнаго хлѣба, онъ самымъ циничнымъ образомъ указалъ условія, на которыхъ онъ снова приметъ ее на фабрику. Туразеръ какъ разъ слышалъ этотъ разговоръ, и рабочіе заявили, что они прекратятъ работу, если мастеръ не будетъ удаленъ. Дирекція потребовала, чтобы мастеръ доказалъ свою правоту и привлекъ Марію къ суду за клевету. Все теперь зависитъ отъ исхода процесса; но рабочимъ уже и теперь очень трудно; безработица и нужда обезсилили ихъ; у одного больна жена, у другого мать, третій и самъ уже валится съ ногъ. Вотъ и теперь они тоже собрались у Туразера. Старики на этотъ разъ еще болѣе настойчиво убѣждаютъ, что ничего изъ всего этого не выйдетъ, что ничего горячія головы не сдѣлаютъ; такъ было споконвѣку, такъ оно и останется; надо подчиниться и терпѣть. Побѣду, однако, одерживаютъ молодые протестанты, вѣрящіе въ свою силу, и стачку рѣшено продолжать.

По уходѣ товарищей, къ Туразеру является главный мастеръ съ цѣлью подкупить его. Онъ сулитъ ему повышенную заработную плату и предлагаетъ немедленно 200 гульд. за то, чтобы онъ на судѣ не подтвердилъ словъ Маріи. Въ первую минуту Туразеръ указываетъ ему на дверь со словами: «подлецомъ ты меня не можешь сдѣлать!», но мастеръ продолжаетъ убѣждать его, доказываетъ, что онъ своею измѣною принесетъ только пользу рабочимъ, что прогнанная дѣвушка совсѣмъ не стоитъ того, чтобы изъ-за нея страдало столько человѣкъ, что наконецъ онъ, Туразеръ, вѣдь, и не слышалъ собственно всего разговора.

Слова эти зароняютъ въ Туразерѣ нѣкоторыя сомнѣнія, но у него всетаки хватаетъ еще рѣшимости выгнать мастера.

— Почему ты прогналъ этого человѣка, рарі?—спрашиваетъ маленький Бартель. Вѣдь, онъ такъ хорошо говорилъ съ тобою и даже предлагалъ тебѣ деньги. А много это денегъ, 200 гульденовъ, рарі?

— О, да! Это много денегъ, это цѣлое богатство, о которомъ не смѣетъ мечтать Туразеръ.

— А можно на эти деньги купить доктора и здоровье, рарі?

— Молчи, Бартель, не говори мнѣ про эти деньги!

Прибѣгаетъ жена Туразера. Она измучена отъ работы, но не перестаетъ бѣгать отъ импровизированной колыбели къ постели больного ребенка; одною рукою она подаетъ высохшую грудь маленькому, другою гладитъ больного.

— Ну, что, принималъ ты лѣкарство, Бартель?

— Да, мама, но ты мнѣ обѣщала принести за это сосиски.

— Да! она обѣщала, но забыла, за то завтра, завтра она уже не забудетъ!

— Но что будетъ завтра, что будетъ послѣзавтра?

Она уныло глядитъ на мужа, но послѣдній не можетъ дать отвѣта. Туразеръ, находящійся еще подъ вліяніемъ посѣщенія мастера и не могущій преодолѣть обуявшихъ его сомнѣній, старается выпытать у жены

ея мнѣніе объ этомъ обстоятельстве. Онъ рассказываетъ ей, будто мастеръ предложилъ одному изъ свидѣтелей 200 гульденовъ за ложное показаніе. «И тотъ взялъ? Ахъ, негодяй какой! Безстыдный! Но почему мастеръ пошелъ къ нему? Вѣдь, ты главный свидѣтель! Вѣдь, вотъ, какъ мошеннику всегда везетъ! Небось, къ тебѣ не пришелъ? Какъ-же? подождешь! Ты, вѣдь, честный, тебя не подкупишь! Зачѣмъ же онъ къ тебѣ придетъ? 200 гульденовъ! Шутка ли, что можно сдѣлать съ такимъ капиталомъ!»

— Ну, хорошо, мастеръ пришелъ не къ тому рабочему, а ко мнѣ и мнѣ предложилъ 200 гульденовъ.

— И ты...

Она угадала его рѣшеніе, она и сама понимаетъ, что это рѣшеніе хорошее, и, тѣмъ не менѣе, она теперь, спрятавъ на его груди свое лицо, не можетъ удержаться отъ рыданій и адресуетъ ему эту нѣмую просьбу спасти ребенка и всю семью.

На всѣ доводы Туразера она находитъ уничтожающіе его отвѣты «Такъ поступилъ бы подлець? Кто подлець однако? Тотъ ли, который дѣлаетъ все, чтобы спасти свою семью, или тотъ, который позволяетъ на своихъ глазахъ умирать ребенку, нуждающемуся въ хорошей пищѣ, сознательно толкаетъ его въ могилу? Это еще большій грѣхъ, Туразеръ! Ты хочешь остаться честнымъ? Но честность это — недоступная для бѣдняка роскошь. Ее могутъ разрѣшить себѣ только богатые. Что ты сдѣлаешь со своею честностью? Дастъ ли тебѣ пекаръ подъ залогъ ея хоть одну булку, когда твой ребенокъ умираетъ съ голоду? Оставь это! посмотри на умирающаго Бартеля, посмотри на меня! Ты можешь всѣхъ спасти, всѣмъ помочь. Директору фабрики ты окажешь услугу, мастеру — услугу, рабочимъ, — и тѣмъ ты окажешь услугу, такъ какъ они смогутъ наконецъ приняться за работу, себѣ окажешь услугу, мнѣ, дѣтямъ... А кому ты повредишь? Никому! Къ тому же ты и не слышалъ, вѣдь, всего разговора. Тебѣ теперь кажется, что ты слышалъ, потому что Марія прибѣжала и натараторила тебѣ... Этотъ потокъ словъ новѣйшей леди Макбетъ, съ такою же настойчивостью и съ такою же женскою изворотливостью идущей къ своей цѣли, какъ и первая, обезоруживаетъ Туразера, голову котораго и безъ того гвоздитъ мысль объ этихъ 200 гульденахъ. Воля его ослабѣваетъ, но онъ все еще колеблется; но когда въ комнату входитъ снова мастеръ, слышавшій послѣднія слова жены Туразера и подбадриваемый послѣднею, раскладываетъ на столѣ свои 200 гульденовъ, Туразеръ окончательно загипнотизированъ этимъ богатствомъ. Онъ хватаетъ одну изъ бумажекъ и суетъ ее женѣ: «Вотъ! Ступай въ городъ и купи лучшаго мяса. Не у насъ въ предмѣстьѣ, а въ городѣ купи!»

Во второмъ дѣйствіи происходитъ сходка рабочихъ, обсуждающихъ свое положеніе. Большая часть уже сильно упала духомъ, и старики снова выступаютъ со своими убѣжденіями. «Не зачѣмъ напрасно биться,

такъ какъ ничего не передѣлаешь. Кто хочетъ больше имѣть, долженъ больше работать. Всякій долженъ думать только о себѣ!». Всякій и думаетъ только о себѣ, отвѣчаютъ молодые, но что дѣлать, когда нельзя помочь себѣ, не соединившись и не помогая другъ другу? Развѣ это вѣрно на дѣлѣ, что тотъ, кто больше работаетъ, больше и имѣетъ. Посмотрите на себя!»

Лангманнъ нисколько не идеализируетъ эту толпу. Во время раздачи денегъ изъ стачечнаго фонда онъ позволяетъ разыгаться самымъ грубымъ сценамъ, въ которыхъ проявляются дурные инстинкты этихъ людей. Во время этихъ сценъ прибѣгаютъ лица, бывшія на судѣ и передающія сенсационную вѣсть о томъ, что Туразеръ отрекся отъ своихъ словъ и погубилъ все дѣло.

Прибѣгаетъ и сама Марія, сообщающая, что Туразеръ далъ подъ присягою ложное показаніе, благодаря которому ее осудили за клевету; въ ея словъ становится яснымъ, что Туразеръ подкупленъ, и въ сердцахъ всѣхъ закипаетъ злость. Никто не хочетъ больше слушать жену Туразера, которая клеветаетъ на Марію и всякими изворотами и навѣстами старается набросить на нее тѣнь и облить мужа. Черезъ нѣсколько минутъ врывается и самъ Туразеръ, преслѣдуемый разсвирѣпѣвшею толпою; въ догонку ему летятъ камни, которыми вышибаютъ окна въ его квартирѣ. Онъ убитъ и чувствуетъ свой позоръ. Онъ старается найти утѣшеніе въ своемъ ребенкѣ, котораго онъ хватается на руки и танцуетъ съ нимъ по комнатѣ, стараясь заглушить муки совѣсти бравурною пѣсенкою. «Говори, чего ты хочешь, Бартель? Сосисокъ? Купи ему пару сосисокъ, купи ему двѣ пары!»

Въ началѣ третьяго дѣйствія изъ квартиры Туразера выносятъ два гробика. Дѣти не перенесли непривычно-роскошной пищи. Теперь только, когда утеряна и цѣль, ради которой онъ себя обезчестилъ, Туразеръ принимаетъ всю тяжесть своего позора и своего преступленія. Онъ жаждетъ искупленія и самъ доноситъ на себя прокурору. Послѣдній предлагаетъ ему хорошенько размыслить, такъ какъ за ложное показаніе подъ присягою ему грозитъ долгое тюремное заключеніе, но онъ проситъ освободить его отъ грѣха. «Прощай! обращается онъ къ женѣ, послѣ тюрьмы мы заживемъ новою жизнью!»

На зрителей эта безхитростная пьеса производитъ ошеломляющее впечатлѣніе именно своею безхитростностью. Это—не исключительная по своей обстановкѣ трагедія; не нужно какого-либо особаго стеченія обстоятельствъ, чтобы очутиться въ центрѣ такой трагедіи: каждый пережилъ такую коллизію въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, и потому каждому понятны чувства, волнующія Туразера. Если они ему были не ясны, когда онъ переживалъ ихъ самъ, то онъ переживаетъ ихъ теперь вмѣстѣ съ героемъ пьесы; если онъ еще не имѣлъ случая пережить такой моментъ, то онъ знаетъ, что каждый день можетъ его поставить въ такое положеніе. И потому всѣ зрители съ момента поднятія заван-

вѣса до конца слѣдятъ за всѣми перипетіями этой драмы съ затаненнымъ дыханіемъ.

На первыхъ двухъ представленіяхъ публика въ началѣ дѣйствія еще подчеркивала отдѣльныя мѣста пьесы; партеръ, подозрѣвая въ пьесѣ враждебную публикѣ партеровъ тенденцію, шикалъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, вызывавшихъ аплодисменты верхней публики; но скоро и тѣ, и другіе забыли о тенденціи и видѣли только страданія родного имъ по крови и духу человѣка, одинаково близкаго, не смотря на свою заскорузлую виѣшность, и элегантно публикѣ партера, и простой публикѣ верховъ.

Пьеса, какъ я уже сказалъ, заставила о себѣ много говорить, но о ней было бы сказано еще больше и болѣе серьезнаго, если бы она принадлежала перу какого-нибудь уже извѣстнаго писателя.

Я не могу уже съ достаточною подробностью остановиться на двухъ другихъ пьесахъ этого же направленія, на пьесахъ Теодора Герцля и директора вѣнскаго казеннаго сцены Буркгарда.

Пьеса первая «Новое Гетто», несмотря на свою специальную тенденцію—борьба съ огульными обвиненіями цѣлой націи—также не могла обойти социальный вопросъ и затрагиваетъ его въ лицѣ владѣльца угольныхъ копей и его рабочихъ.

Еще болѣе интересна судьба пьесы Буркгарда, успѣху которой онъ обязанъ потерю своего поста директора казеннаго драматическаго сцены. Она интересна потому, что показываетъ, съ какими трудностями пробиваютъ себѣ дорогу новыя теченія.

Буркгардъ былъ большимъ новаторомъ на своемъ посту и рѣшился показать веселонравной публикѣ фешенебельнаго Burgtheater пьесы Ибсена, Гауптмана и др. Этого одного было уже достаточно, чтобы посятители этого театра, принадлежащіе къ тѣмъ, которые говорятъ, что отправляются въ театръ не для того, чтобы плакать и волноваться, а чтобы весело провести время, сильно роптали на докучающаго новатора. На него стало смотрѣть косо и театральное интенданство, которое искало случая избавиться отъ него.

Случай этотъ представился, когда на сценѣ другого вѣнскаго театра была поставлена пьеса «Die Bürgemeister Wahl». Рѣзкая критика судейской корпораціи и областной администраціи, къ которой принадлежалъ раньше самъ Буркгардъ, была встрѣчена очень хорошо публикою, но сдѣлала совершенно неудобнымъ его положеніе въ официальныхъ кругахъ, и его попросили удалиться, въ надеждѣ, что съ его уходомъ репертуаръ казеннаго сцены, обремененный разными «Гантеле», произведеніями Гальбе, Ибсена и другихъ неудобоперевариваемыхъ авторовъ, возвратится къ счастливымъ временамъ господства Фульдовъ и другихъ поставщиковъ пріятныхъ пьесъ. Авторамъ «непріятныхъ» пьесъ придется долго еще бороться за допущеніе ихъ «ко двору», но отъ этой борьбы не было избавлено ни одно изъ новыхъ теченій, тѣмъ болѣе теченіе, знаменующее послѣдній, т. е., самый напряженный актъ борьбы.

Какъ въ жизни, такъ и въ искусствѣ представителямъ этого теченія приходится выдержать несравненно болѣе трудную борьбу, чѣмъ восторжествовавшему въ концѣ прошлаго вѣка теченію. Тогда борьба была направлена противъ явно узурпированныхъ привилегій, составлявшихъ грубое правонарушеніе по отношенію ко всему обществу со стороны небольшой группы его; классъ, который тогда выступалъ на сцену, опирался на весь народъ; онъ представлялъ силу не только въ количественномъ отношеніи, но имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства, которыя могли способствовать его торжеству.

Выступающій теперь на сцену классъ имѣетъ противъ себя все остальное общество, которому служить и сила, и наука, и искусство, и все это онъ долженъ только перетянуть на свою сторону...

II. Звѣздичъ.

(Изъ Англии).

«Новая женщина» Англии.

Отъ насъ совѣтъ еще не далека та эпоха, когда на женщину въ Англии (да и вездѣ, впрочемъ), смотрѣли не иначе, какъ съ сентиментальной точки зрѣнія. Одинъ изъ англійскихъ поэтовъ, современникъ нашихъ бабушекъ, сказалъ, что «стыдно смотрѣть на женщину, которая ѣсть,»... , ибо поэтическому ореолу, которымъ мы окружаемъ женщину, не соответствуетъ столь прозаическое занятіе... Современникъ же нашихъ матерей, Ипп. Тэнъ, по поводу фантазіи Теннисона «Принцесса», писалъ: «Нѣтъ шутки болѣе романтичной и нѣжной... Нельзя не улыбаться, слушая суровыя, ученые слова, срывающіяся съ розовыхъ губокъ дѣвушекъ... Въ шелковыхъ роскошныхъ платьяхъ, съ золотыми поясами, слушаютъ онѣ историческія тирады, общанія возрожденія общества».

Въ эту сентиментальную эпоху литературныя развлеченія дѣвицъ и дамъ заключались, главнымъ образомъ, если не единственно, въ чтеніи модныхъ журналовъ, альманаховъ и спеціальныхъ романовъ «для дѣвицъ», которыми прославился англійскій книжный рынокъ и на которыхъ до сихъ поръ воспитываются наши кузины изъ grand mond'a... По словамъ Виктора Гюго, въ эту эпоху «женщина находилась въ состояніи оцѣпенѣнія жизни кончавшейся, но не начинавшейся»...

Всему бываетъ, однако, конецъ, эпоха эта прошла, женщина теперь спокойно ѣсть при благородныхъ свидѣтеляхъ, не боясь утратить свой поэтическій ореолъ, а «романтичная и нѣжная шутка» поэта-лауреата, Теннисона, сдѣлалась дѣйствительностью, съ тою лишь разницей, что дѣвушки Англии не «въ шелковыхъ платьяхъ съ золотыми поясами» слушаютъ тирады о возрожденіи общества, а въ удобныхъ рабочихъ блузахъ уже возрождаютъ его.

Блаженной памяти гувернантки вытѣснены высшими школами и университетами, а football, теннисъ, гребной спортъ и клубы заняли мѣсто прогулокъ подъ присмотромъ семи глазъ въ Гайдъ-Паркѣ и чтенія сновторно-сладкихъ и добродѣтельныхъ романовъ.

Въ ясный день Баттерси-Паркъ переполненъ исключительно велосипедистами, Темза оживлена лодками съ гребцами прекраснаго пола, число женскихъ клубовъ растетъ и въ Лондонѣ, и во всей Англии. Въ университетахъ тоже, въ лондонскомъ въ особенности, число слушательницъ соперничаетъ съ числомъ слушателей, а женскія общества и ассоціаціи...

благотворительныя, литературныя, научныя и политическія, занимають видное мѣсто въ жизни Англіи.

Теорія, вознесившая женщинъ на высоту ангеловъ, спустила прекрасный полъ на общій уровень и постепенно уступаетъ болѣе здоровой идѣ равенства половъ. Не такъ давно еще англичане любили повторять слѣдующую аксіому: «Нашъ парламентъ всемогущъ, онъ не можетъ лишь сдѣлать мужчину изъ женщины».

Сдѣлаться мужчиной и новая женщина Англіи не пытается, но, сознавъ свою индивидуальность, она сознала и свои права и требуетъ ихъ признанія со стороны мужчинъ.

Всѣ эти перемены, которыхъ не можетъ не замѣтить самый поверхностный наблюдатель, служатъ лишь вѣшными признаками той глубокой внутренней перемены, которая совершается не въ Англіи одной, а во всемъ мірѣ, въ Англіи же проявляется и рѣзче и своеобразнѣе, благодаря, во-первыхъ, особенностямъ національнаго характера, а во-вторыхъ, тому обстоятельству, что перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ въ Англіи выражается сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и неустанно прогрессируетъ. Въ 1831 г. этотъ перевѣсъ равнялся 500,000, нынѣ значительно превышаетъ миллионъ. Эмиграція ли тому причиною, или что-либо другое, но этотъ избытокъ женскаго населенія, вынужденнаго на свой страхъ бороться за существованіе, несомнѣнно составляетъ одну изъ главныхъ причинъ независимости и съ каждымъ днемъ растущей индивидуальности женщинъ Англіи.

Въ переписи 1831 года не упоминается ни одной профессіи, принадлежащей женщинамъ, кромѣ... профессіи домашней прислуги, причемъ и въ ней цифры не показано,—перепись же 1881 года даетъ намъ 331 различную профессію женщинъ. Имъ не стыдно теперь сознаться, что онѣ сами зарабатываютъ свой хлѣбъ, и молодыя дѣвушки тысячами оставляютъ семейства свои ради свободныхъ профессій, торговли и педагогическаго дѣла.

Въ наше время съ увѣренностью можно сказать, что женщина, не имѣющая работы или излюбленнаго ею занятія, составляетъ рѣдкое исключеніе въ Англіи. Ищутъ и находятъ себѣ дѣло всѣ,—однѣ въ борьбѣ за существованіе, другія въ борьбѣ за независимость свою и сестеръ своихъ. Въ данную минуту женщинъ Англіи открыты всѣ профессіи, всѣ роды дѣятельности, закрыты лишь парламентъ.

Бѣдныя работаютъ ради куска хлѣба, богатые—группируются въ благотворительныя общества, политическія лиги и ассоціаціи, и всѣ, смотря по роду дѣятельности и имущественному классу къ которому принадлежатъ, собираются въ своихъ клубахъ, на которыхъ мы въ одной изъ слѣдующихъ главъ остановимся подробнѣе.

Словомъ, въ той или другой формѣ, но сфера вліянія женщины начинается въ Англіи распространиться далеко за предѣлы семейнаго очага, отчего впрочемъ, послѣдній ровно ничего не потерялъ, если не приобрѣлъ.

Революція эта совершилась безшумно, но отъ этого не уменьшаются ея сила и значеніе.

По мѣрѣ эмансипаціи женщины Англій, естественны были реформы законовъ и учрежденій страны, какъ слѣдствія этой эмансипаціи; бѣглый, ретроспективный взглядъ на эти перемѣны показываетъ намъ, насколько 25—30 лѣтъ тому назадъ еще женскій вопросъ въ Англій былъ мало развитъ—и какъ онъ быстро шагнулъ впередъ! — Только въ 1867 году раздался въ защиту женщинъ мощный голосъ Джона Стюарта Милля, и только съ этой поры начинаются здоровыя реформы въ Англій. Далеко не всѣ женщины Англій согласны съ спеціальной цѣлью защиты женщинъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ, но всѣ единодушно признаютъ, что почти всѣ уступки въ ихъ пользу сдѣланы благодаря той агитаціи, которую вызвалъ великій писатель Англій.

До 1870 года женщина Англій не пользовалась никакими правами собственности,—ее приравнивали къ малолѣтнимъ, умалишеннымъ и преступникамъ, и единственнымъ администраторомъ ея имущества являлся мужъ. Съ 1870 года сократились функціи этого опекуна, а съ 1882 года лишь замужняя женщина въ Англій имѣетъ безконтрольное право владѣнія имуществомъ и заработкомъ. До 1886 года замужняя женщина въ Англій не имѣла никакого права на своего ребенка. Отецъ, какимъ бы онъ недостойнымъ субъектомъ ни былъ, оставался единственнымъ распорядителемъ судьбы дѣтей, даже послѣ своей смерти... Какъ при жизни своей, такъ и путемъ завѣщанія, онъ имѣлъ право отнять ребенка у его естественной воспитательницы и отдать чужой женщинѣ. Подобные факты были зауряднымъ явленіемъ 12 лѣтъ тому назадъ. Нынѣ матери дали ея законныя права, и на случай смерти она можетъ назначать кого ей угодно соопекуномъ съ ея мужемъ. До того же 1886 года замужняя женщина, дабы не обращаться къ общественному призрѣнію, не могла требовать отъ мужа содержанія ея и дѣтей своихъ,—парламентскимъ актомъ ей дано теперь это право, причемъ цифра содержанія ограничена двумя фунтами въ недѣлю maximum. До извѣстной степени разрѣшено теперь и «la recherche de la paternité», и дѣвушка-мать можетъ иногда добиться у судьи признанія отца своего ребенка и приговора, по которому отецъ будетъ выплачивать на воспитаніе 5 шиллинговъ въ недѣлю... Немного, но и это шагъ впередъ.

Въ особенности крупный прогрессъ въ ту эпоху сдѣлало покровительство несовершеннолѣтнимъ дѣвушкамъ. Кто не читалъ о процессѣ В. Стэда? Соблазнить и воспользоваться невинностью 12-лѣтней дѣвочки еще не такъ давно въ Лондонѣ такъ же было легко и безнаказанно, какъ стаканъ элю выпить; чтобы доказать это обществу, В. Стэдъ, предупредивъ о планѣ своемъ такихъ именитыхъ лицъ, какъ архіепископъ лондонскій, сэръ В. Гаркуръ и др.—продѣлалъ все, что нужно было для этого, кромѣ самого преступления и... попалъ на скамью подсудимыхъ. Стэдъ доказалъ и легкость и доступность преступления, и возмущенное

общество наказало... Стэдъ. Талантливый публицистъ два года отсидѣлъ въ тюрьмѣ; погрязшее въ септ'ъ *) общество нашло своего козла отпущенія.— Стэдъ сдѣлалъ, однако, свое дѣло и вызвалъ рядъ биллей, покровительствующихъ малолѣтнимъ дѣвушкамъ, предѣльный возрастъ которыхъ съ 13 повышенъ былъ до 16. Стэдъ, конечно, правовъ Англiи не измѣнилъ, и судебная хроника Лондона чрезвычайно богата процессами въ этомъ жанрѣ, но теперь, по крайней мѣрѣ, современные Фальстафы въ тюрьмахъ отсиживаютъ за тѣ преступленія, на которыя раньше смотрѣли какъ на шалости, какъ на *simples histories de galanterie*... Эти стороны жизни своей Джонъ Буаль обязательно опредѣляетъ французскими выраженіями,—по его мнѣнію и самый грѣхъ противъ 7-й заповѣди есть «французскій грѣхъ»..., а французы съ достаточнымъ основаніемъ отвѣчаютъ, что «далѣе лицемѣріе ждти не можетъ»...

Одна изъ первыхъ побѣдъ одержана была «новыми женщинами» Англiи въ 1886 году,—я говорю объ уничтоженіи «закона о заразительныхъ болѣзняхъ», по которому въ Англiи, въ городахъ съ военными гарнизонами, институты безъ древнихъ языковъ не терпѣлись, а поощрялись. Женщина доведена была буквально до положенія рабыни, а красные мундиръ жила сатрапами и приговаривали «дай Богъ здоровья начальству!» М-рс Жозефина Бутлеръ, предсѣдательница «Общества женщинъ, заботящихся объ искорененіи проституціи», при помощи профессора Стюарта, повела дѣятельную пропаганду, и сотни женскихъ митинговъ добились своего,—правительство уничтожило совѣтъ въ Англiи дома терпимости.—Черезъ четыре года, однако, женщинамъ пришлось опять возстать на защиту своихъ униженныхъ и оскорбленныхъ сестеръ. Въ началѣ 90-хъ годовъ въ Лондонѣ усиленно циркулировали слухи о томъ, что, не смотря на парламентскій актъ 1886 года, правительство, заботясь о здоровьи нижнихъ чиновъ англо-индiйской арміи, допустило правильную организацію публичныхъ домовъ при полкахъ и батальонахъ. «Общество женщинъ» съ Ж. Бутлеръ во главѣ, съ одной стороны, и негласная, пока, парламентская коммиссія съ другой, командировали для производства секретнаго дознанія на мѣстѣ доктора-женщину M-rs Kate Bushneel и миссіонершу M-rs Andrews.

Дознаніе этихъ двухъ женщинъ—настоящій романъ «съ приключеніями»; одушевленные благородной цѣлью двѣ мистриссъ выстрадали очень много, но за то онѣ добыли свѣдѣнія, которыя положительно возмутали общество, въ особенности, когда, 24 мая 1893 г. на публичномъ митингѣ вышеназваннаго общества тотъ-же В. Стэдъ, съ документами въ рукахъ (отчетъ M-rs Bushneel и M-rs Andrews), ярко обрисовалъ деморализацію британской арміи въ Индiи. Парламентомъ назначено было официальное слѣдствіе, которое и выяснило не только, что односторонняя заботливость правительства имѣла мѣсто, но что вошю-

*) Септ—лицемѣріе.

щія детали, сообщенныя M-rs Bushneel и Andrews, ничуть не грѣшили противъ истины *).

Только благодаря энергіи новой женщины Англіи шакласы при полкахъ и батальонахъ въ Индіи были закрыты.

Эти двѣ побѣды ободрили женщинъ Англіи на новыя; благодаря ихъ пропагандѣ, въ парламентѣ прошелъ «билль о каменноугольныхъ копяхъ», коимъ въ копияхъ воспрещается совмѣстная работа мужчинъ и женщинъ, совершавшаяся при условіяхъ возмутительныхъ, и изданъ законъ, ограничившій работу женщинъ на фабрикахъ до 10 часовъ, давшій имъ полдня отдыха въ субботу и все воскресенье, что, въ свою очередь, повліяло на сокращеніе часовъ работы мужчинъ.

Въ 1870 году женщины Англіи добились правъ избранія въ муниципальные совѣты, въ 1890—въ County Councils, приблизительно соотвѣтствующіе нашимъ губерскимъ земствамъ, а съ 1894 года избираются и въ «комитеты попечителей», т. е. несутъ службу по общественному призрѣнію, официально въ Англіи.

---

*) Изъ представленной парламенту Blue Book было видно, что устроителями публичныхъ домовъ при воинскихъ частяхъ являлись чиновники индійскаго правительства, на обязанности которыхъ лежала забота о постоянномъ достаточномъ количествѣ проститутковъ для нижнихъ чиновъ, отправленіе которыхъ въ Индію съ женами (какъ это практикуется у насъ относительно Туркестана и В. Сибири) правительство считало выше своихъ средствъ. Въ Индіи при каждомъ полку или батальонѣ,—какъ у насъ чайная комната для солдатъ, имѣлся свой шакласъ, находившійся подъ высшимъ наблюденіемъ начальства и въ непосредственномъ завѣдываніи матроса, почтенныхъ женщинъ, получавшихъ за усердіе аттестаты. Какъ Blue Book, такъ и дознаніе M-rs Kate Bushneel представляютъ возмутительныя детали организаціи шаклас'овъ и положенія въ нихъ женщинъ (нерѣдко моложе 10 лѣтъ), прогонявшихся, когда онѣ переставали быть привлекательными, а Blue Book, кромѣ того, богатъ официальными документами, рапортами, отношеніями, въ которыхъ воинскія части, «принимая во вниманіе непривлекательность имѣющихся женщинъ и основываясь на... имѣютъ честь просить свѣжихъ»... Мы не будемъ останавливаться на этихъ деталяхъ, но цитируемъ ходившій въ свое время по рукамъ въ Лондонѣ, въ копіи, циркуляръ главнокомандующаго британской арміей въ Индіи отъ 17 іюня 1886 года, скрѣпленный генераль-маіоромъ Чейманъ: «Въ расположеніи штабъ-квартиры каждаго полка должно быть достаточное количество женщинъ, причѣмъ слѣдуетъ заботиться, дабы онѣ были привлекательными»...

Нынѣ, вотъ уже третій годъ гг. антиаболіціонисты, съ корреспондентомъ «Times'a» (изъ Симлы) во главѣ, бьютъ тревогу и доказываютъ, что, благодаря закрытію шаклас'овъ, 70 проц. арміи въ Индіи болны сифилисомъ и требуютъ возвращенія правительства къ его отеческой заботливости. Вопросъ этотъ въ данную минуту обострился, назначена новая парламентская коммиссія, съ цѣлью выяснить дѣйствительное положеніе вещей, и нѣтъ сомнѣнія, что шаклас'ы снова воцарятся въ Индіи, если вновь не возстанутъ женщины Англіи, движеніе среди которыхъ уже началось, по почину Леди Генри Сомерсетъ.

Не мало было споровъ о томъ, имѣютъ-ли право быть избираемыми и вообще отправлять извѣстныя административныя функціи женщины *замужнія* *),—большинство писавшихъ по этому поводу раздѣляло мнѣніе нашего соотечественника М. Острогорскаго («*La femme au point de vue du droit public*») и отвѣчало отрицательно, но закономъ 1894 года допущены были и женщины замужнія.

Такъ, или иначе,—участіе женщины въ администраціи общественнаго призрѣнія въ Англіи принесло уже очевидную пользу: онѣ оказываютъ крупныя услуги дѣлу не одними совѣтами въ комитетахъ,—онѣ замѣчательно добросовѣстно производятъ дознанія, посѣщаютъ лично бѣдныхъ, а добывая для нихъ работу, даютъ имъ возможность не пользоваться общественнымъ призрѣніемъ, каковое пользованіе въ Англіи налагаетъ на челоуѣка до извѣстной степени позорное пятно. Зачастую онѣ одновременно состоятъ членами частныхъ благотворительныхъ обществъ, чѣмъ устанавливаютъ живую связь между благотворительностью оффиціальной и частной, которыя, такимъ образомъ, дополняютъ другъ друга. Установить эту связь мужчины были неспособны. Нечего говорить, что детальная ревзія довольно-таки сложныхъ хозяйствъ *Workhous'овъ* (рабочихъ домовъ) и назначеніе въ нихъ персонала служащихъ по найму (кухарокъ, прачекъ и т. д.) производится ими гораздо лучше, чѣмъ нашими братьями. Участіемъ въ городскихъ совѣтахъ, совѣтахъ графства и комитетахъ попечителей женщины Англіи не могли ограничиться,—женщина прежде всего мать, а значитъ воспитательница, и потому область педагогиче- ская есть ея область, и начиная съ 1870 года, когда закономъ Форстера въ Англіи введено всеобщее обязательное первоначальное образованіе, женщины заняли почетное мѣсто въ *schoolboards*, т. е. въ школьныхъ комиссіяхъ. Нужно-ли говорить, какую онѣ пользу здѣсь могутъ принести?

Быстро идетъ впередъ и образованіе самихъ женщинъ Англіи. Имѣются уже два коледжа при Оксфордскомъ и два при Кембриджскомъ университетахъ, но хотя дѣвушками экзамены держатся вмѣстѣ съ мужчинами, женщинамъ дипломовъ, а по здѣшнему «ученыхъ степеней», не даютъ. Только молодой (сравнительно) Лондонскій университетъ является въ этомъ отношеніи исключеніемъ.

Въ Англіи имѣется уже медицинская школа для женщинъ и спеціальный госпиталь въ Лондонѣ, гдѣ весь персоналъ состоитъ исключительно изъ женщинъ, но изъ общихъ госпиталей только одинъ пока открылъ свои двери женщинамъ. Въ этомъ отношеніи Англія отстала отъ Западной Европы, и въ скоромъ времени отстанетъ и отъ насъ, если гг. авторитеты не поведутъ дѣятельно начатую ими кампанію въ пользу жен-

---

*) Право избранія въ вышеупомянутые совѣты принадлежитъ лишь дѣвушкамъ и вдовамъ.

щинъ-врачей,—такowymi дипломированными здѣсь являются пока лишь тѣ, которыя окончили курсъ въ Парижѣ, Брюсселѣ или Цюрихѣ.

Нынѣ женщины Англiи работаютъ на слѣдующихъ поприщахъ: юриспруденція, бухгалтерiя, биржа, книготорговля, журналистика, зубоврачебное искусство, архитектура, декоративное искусство, фармацевтика, и т. д., и т. д., кромѣ такихъ поприщъ, какъ литература, живопись, музыка и скульптура, которыя имъ давно принадлежать, сотни же тысячъ дѣвушекъ, средняго образованiя, работаютъ въ качествѣ клерковъ въ почтово-телеграфныхъ учрежденiяхъ и банкахъ. Женщины имѣютъ въ Англiи и свои организаціи: «Общество воздержанiя», насчитывающее свыше 400,000 членовъ, «Primrose League», членовъ которой свыше полумилліона и «Лига Политической Эмансипаціи»,—всѣ они играютъ громадную роль,—первая социальную, вторыя двѣ политическую. Чего же хотятъ женщины Англiи, если для нихъ открыты чуть ли не всѣ поприща человѣческой дѣятельности?

Да,—женщины Англiи многого уже добились; имъ открыты почти всѣ поприща человѣческой дѣятельности, по не *всѣ*, онѣ во многихъ правахъ сравнены съ мужчинами, но не во всѣхъ, и прежде всего нѣтъ для нихъ равенства передъ закономъ въ бракоразводномъ вопросѣ и семейной жизни вообще.

По закону 1857 года, сейчасъ функционирующему въ Англiи, мужъ получаетъ разводъ въ случаѣ доказанной неврѣности жены, жена же лишена этого права, хотя бы фактически доказала, что у мужа дюжина наложницъ. Этого одного довольно, казалось бы. На звѣрское обхожденiе мужей съ женами британскіе законы смотрять замѣчательно милостиво. Не такъ давно одна изъ лондонскихъ газетъ приводила недурной фактъ:—въ полицейскомъ судѣ Сити обвинялся нѣкій супругъ въ нанесенiи страшныхъ побоевъ своей женѣ и приговоренъ былъ къ одному фунту стерлинговъ штрафа, послѣ чего судился субъектъ за поломку стула, принадлежащаго муниципалитету, и приговоренъ былъ къ штрафу въ два фунта. И такъ. въ глазахъ англійскаго судьи думскій стулъ стоитъ двухъ женщинъ Англiи... Не даромъ англійская пословица говоритъ: «женщина, собака и грѣшникъ: чѣмъ ихъ больше бьютъ, тѣмъ лучше они становятся».

Новая женщина Англiи создала и пословицу новую: «предѣлы женскихъ правъ заключаются въ способности женщинъ ихъ добиться»... и—онѣ развиваютъ эти способности и добиваются большихъ и большихъ правъ, ищутъ и требуютъ дарованiя имъ правъ политическихъ, правъ участiя въ парламентскихъ выборахъ, правъ, которыми обладаютъ уже женщины той-же англосаксонской расы въ нѣкоторыхъ Штатахъ Сѣв. Америки, въ Новой Зеландiи и Южной Австралии.

Пропаганда въ пользу «распространенiя правъ голосованiя на женщинъ» (Extension to Women) ведется давно уже, и намъ кажется излишнимъ подробно останавливаться на аргументахъ за и противъ дарованiя

женщинамъ этихъ правъ.—достаточно привести резюме дебатовъ Палаты Общинъ 3-го февраля 1897 года, возникшихъ при второмъ чтеніи билля «Extensіon to Women», чтобы ясно представить себѣ, въ какомъ положеніи въ Англии находится этотъ вопросъ.

По странному совпаденію, дебаты по этому вопросу открылъ рѣчью молодой членъ парламента Беггъ, и эта рѣчь была первою въ его парламентской каррьерѣ, такъ называемою *maiden speech* т. е. дѣвственной рѣчью... что не жѣлало ей быть рѣчью зрѣлой и основательной, хотя, быть можетъ, и не столь остроумной, какъ рѣчь противника билля Лабушера.

М-ръ Беггъ началъ рѣчь свою просьбой о снисхожденіи, которое даруется парламентомъ всѣмъ ораторамъ—новичкамъ и которое необходимо теперь въ особенности, такъ какъ трактуемый вопросъ, хотя и не партійный, очень щекотливъ и не безъ шиповъ... Билль состоитъ лишь въ установленіи *принципа* распространенія правъ участія въ парламентскихъ выборахъ на женщинъ и содержитъ только *minimum* ихъ требованій. Говорятъ, что если билль этотъ пройдетъ, онъ дастъ права 500 тысячамъ женщинамъ, но м-ръ Беггъ считаетъ расчетъ этотъ не точнымъ. Говорятъ, что билль этотъ не ясно редактированъ и умалчиваетъ о женщинахъ замужнихъ,—въ томъ положеніи, въ которомъ вопросъ находится въ данную минуту, на этомъ пунктѣ останавливаться бесполезно, но м-ръ Беггъ все же заявилъ, что замужнія женщины въ билль *включены*. Относительно qualificacіи замужнихъ женщинъ слѣдуетъ сказать, что нынѣ онѣ вполне располагаютъ своими заработными деньгами, наследованнымъ отъ родныхъ имуществомъ и дарами лицъ постороннихъ, а потому дабы имѣть возможность управлять имуществомъ своимъ онѣ должны пользоваться и правомъ голосованія, а между тѣмъ въ данную минуту интеллигентныя женщины, въ этомъ отношеніи, поставлены въ одну категорію съ нищими, сумасшедшими и преступницами мужчинами... (Крики одобренія: *hear! hear!*). На послѣднихъ общихъ выборахъ вотировало болѣе 73 тысячъ неграмотныхъ мужчинъ... Можетъ ли служить къ славѣ нашей цивилизаціи тотъ фактъ, что интеллигентныя женщины лишены привилегіи, дарованной тѣмъ, кто не умѣетъ подписать своего имени? Что касается до qualificacіи женщинъ относительно вотированія, то м-ръ Беггъ доказалъ, что на женщинъ смотреть, какъ на способныхъ владѣть имуществомъ и платить налоги, по принципу же конституціи, кто платитъ налоги и владѣетъ имуществомъ, тотъ имѣетъ и право голоса. Женщины уже могутъ вотировать въ совѣтахъ графствъ (*County Council*), въ муниципальных совѣтахъ, въ школьныхъ совѣтахъ, избираются членами королевскихъ комиссій и даже вызываются свидѣтелями въ парламентскихъ слѣдствіяхъ. Въ послѣдніе годы имъ дарованы большія облегченія въ дѣлѣ образованія и мы видимъ, что женщины достойно отличаются во многихъ уже профессіяхъ. Около 500 женщинъ уже получили степень зрѣлости (*B. A.*) при

Лондонскомъ университетѣ. Около 400 женщинъ сдали экзамены на высшія степени при Кембриджскомъ университетѣ, а около 300—въ Оксфордскомъ. (Hear! Hear!). Статистика преступлений показываетъ, что женщины являются гражданами болѣе повинующимися законамъ, чѣмъ мужчины,—такъ напримѣръ, въ прошломъ году, на 8426 мужчинъ, приговоренныхъ въ ассызныхъ судахъ, приходится лишь 1267 женщинъ... (Hear! Hear!).

Говорятъ, что женщины не понимаютъ политики, но всё ли мужчины ее понимаютъ? (Hear! Hear! браво!).—Парламенту извѣстно, что по поводу билля въ Англіи циркулируетъ замѣчательное воззваніе, подписанное многими женщинами, занимающими выдающіяся положенія, къ которымъ онѣ поднялись благодаря исключительно ихъ талантамъ. Тѣмъ не менѣе воззваніе это не представляетъ въ полной мѣрѣ общественное мнѣніе,—въ послѣдніе годы многочисленныя представительныя собранія неоднократно постановляли резолюціи въ пользу принципа этого билля, а только что выпущенное общее воззваніе, подписанное 257 тысячами женщинъ, живущихъ въ различныхъ областяхъ Соед. Королевства, рѣшительно показало, что общественное мнѣніе расположено въ пользу предлагаемой мѣры. Подобные билли прошли въ Новой Зеландіи въ 1893 году и въ Южной Австраліи въ 1894 году, причѣмъ результаты законодательной мѣры этой оказались въ высшей степени удовлетворительными.

М-ръ Аторлей Джонсъ, поддерживая предложеніе м-ра Бегга, заявилъ, что вопросъ объ участіи женщинъ въ парламентскихъ выборахъ является однимъ изъ тѣхъ, которые въ послѣдніе годы сдѣлали громадный прогрессъ въ Англіи (Hear! Hear!).

Инициаторы билля настаиваютъ лишь на принципѣ билля, предоставляя палатѣ изучить детали этого билля и мѣры его распространенія на женщинъ. Противъ женскихъ правъ употребляются до сихъ поръ такіе грубые аргументы, какъ напримѣръ тотъ, что женщины не способны носить оружіе... Я хотѣлъ бы знать, много ли изъ насъ, ответственныхъ за войны, объявляемыя Англіей, способны съ оружіемъ въ рукахъ защищать ее? (Hear! Hear!).

Ни одного, я думаю, ни здѣсь, ни въ другой палатѣ... Нѣтъ сомнѣнія, однако, что благородные представители Галифорда и Нортгемптона (Лабушеръ), не способные въ арміи быть даже барабанщиками, подымутся сегодня здѣсь и заявятъ, что женщинамъ нельзя дать правъ политическихъ, ибо онѣ не способны драться съ непріятелемъ (хохотъ). Если женщины не способны на это, онѣ несутъ ответственность за войну, ея невыгоды, и аргументъ такого рода не можетъ быть поддерживаемъ передъ просвѣщеннымъ собраніемъ. Скажутъ также, что большинство женщинъ индифферентно относятся къ вопросу и не заботятся о правахъ голосованія, но развѣ рабочіе классы Англіи высказывали когда-нибудь за замѣчательное рвеніе къ полученію подобныхъ правъ? Цѣлыя столѣтія они

мирились съ ихъ исключеніемъ... Были временныя агитаціи, поднимаемыя лидерами партій, но въ общемъ, въ эпоху распространенія правъ голосованія рабочими классами адресовался одинъ упрекъ, что они забываютъ въ высшей степени свои права вотированія... рабочихъ нужно было разыскивать при баллотировкахъ...

Также легко разбивъ и другіе ожидаемые аргументы, которые въ дѣйствительности затѣмъ приведены были гг. Кукомъ и Лабушеромъ, м-ръ Аторлей Джонсъ закончилъ рѣчь свою словами: «Когда я былъ молодъ— я былъ противъ женскихъ правъ,—теперь я стою за нихъ!».

«Желаю вамъ какъ можно скорѣе вступить въ періодъ второй молодости», началъ рѣчь свою м-ръ Кукъ, и съ этого момента, въ теченіи двухъ часовъ, въ парламентѣ не превращался хохотъ.

Съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, гг. Кукъ и Лабушеръ острили во всю, забавляя народныхъ представителей, стараясь помстинѣ зубы заговорить имъ.

Ничто не помогало, однако. И послѣ вялой рѣчи, по обязанности произнесенной лидеромъ палаты серомъ Уильямомъ-Гаркуромъ противъ билля, таковой все-таки былъ принятъ парламентомъ большинствомъ 228 голосовъ противъ 157.

Казалось бы, за женщинъ Англій можно было порадоваться, но... гг. консерваторы, обязанные успѣхомъ выборовъ своихъ почти исключительно женщинамъ, за что и обѣщанъ имъ былъ этотъ билль, рѣшили, что второго чтенія достаточно... Принятіе билля во второмъ чтеніи оказалось злою и тупою шуткою,—когда наступила очередь третьяго чтенія, для его обсужденія въ деталяхъ, народные представители отложили его до англійскихъ календъ, которыя могутъ оказаться не короче греческихъ. Парламентъ предпочелъ... *замолчать* женскій билль.

Видѣвъ съ нимъ на очереди стоялъ вопросъ объ «одержимыхъ нечистотными насѣвомыми» и парламентъ такъ подробно занялся этимъ интереснымъ вопросомъ, что на чтеніе женскаго билля не оказалось времени... То же повторится, быть можетъ, и въ эту сессию, ибо вопросы, подобные только что приведенному, всегда найдутся въ распоряженіи парламента, но такъ продолжаться долго не можетъ, и рано или поздно женщины Англій восторжествуютъ.

Ударъ этотъ тяжело было перенести имъ, но энергія ихъ не ослабѣла, и продолжая пропаганду въ пользу своихъ политическихъ правъ, онѣ дѣятельно продолжаютъ работать на поприщахъ, ими уже завоеванныхъ.

Какъ мы говорили, дѣятельность «новой женщины» Англій чрезвычайно разнообразна и выражается въ многочисленныхъ и различныхъ ассоціаціяхъ, обществахъ и лигахъ, центрами же этой дѣятельности являются обществія («Womens building's или Bachelor's Home») и клубы женщинъ, на которыхъ мы здѣсь и остановимся.

Намъ известно уже, какой громадный процентъ женщинъ Англій не выходитъ замужъ благодаря тому, что въ Англій «слишкомъ мало муж-

чинъ». Мужъ, до известной степени, это рѣдкость здѣсь, и предоставивъ «ототу за дикимъ гусемъ», какъ въ Англии называютъ охоту за мужемъ, женщинамъ, ни на что другое неспособнымъ, новая женщина, отдавшись той или другой профессіи, живетъ одинокою. Жизнь одинокой нигдѣ не красна, и безотрадность ея въ Англии въ особенности сказывается сильно, но нашлись люди (женщины, конечно, состоятельны), которыя подумали объ одинокихъ, нашлись и необходимые капиталы, и въ Лондонѣ начали строиться специальные дома для одинокихъ женщинъ по типу такихъ же домовъ въ Сѣв. Америкѣ.

Тамъ это дѣло поставлено широко, и не такъ давно еще въ Нью-Йоркѣ открытъ Women's building, стоящій свыше милліона долларовъ.—

Въ немъ въ rez-de-chaussée устроены бани, парикмахерскія, почтовое и телеграфное бюро и т. д.; въ первомъ этажѣ имѣется клубъ, библиотека съ читальной залой, салоны, въ остальныхъ же этажахъ свыше полуторы тысячи квартиръ. Въ Лондонѣ дома эти значительно скромнѣе, и пока ихъ только четыре (строятся еще два): «Oakley Flats» въ кварталѣ Chelsea «Chenies Chambers» въ Chenies Street, «Tork Chambers» въ Tork Street и «Sloane Gardens» въ Sloane Street. Для насъ, жителей континента, дома эти постройкой своей не представляютъ ничего особеннаго, какъ и вообще имъ подобныя «Mansions»ы, постройка которыхъ въ Лондонѣ послѣднее время развивается, но для англичанъ они необычны, такъ какъ ⁹⁹/₁₀₀ домовъ Лондона имѣютъ 3—4 этажа съ 2—3 окнами по фасаду и съ двумя комнатами въ этажѣ, съ одной кухней въ подвалѣ на весь домъ, съ однимъ параднымъ подъездомъ, безъ двора, и съ однимъ почтовымъ ящикомъ на всѣхъ квартирентовъ. Women's building» и, какъ и Mansions»ы (для семействъ) являются, попросту, домами европейскаго типа въ 5—6 этажей съ нѣсколькими подъездами и фасадами въ 12—18 оконъ, съ квартирантами, имѣющими каждая переднюю (въ обыкновенныхъ лондонскихъ домахъ ихъ нѣтъ), 3—5 и болѣе комнатъ въ одномъ этажѣ (что здѣсь и называется «Flats» и цѣнится такъ страшно дорого), свой кабинетъ уединенія и свой ящикъ для писемъ. Удобство въ Лондонѣ неоцѣнимое, но являющееся предметомъ специальной ненависти почтальоновъ, которые въ этихъ новыхъ домахъ должны подниматься въ квартиры, а не бросать почту въ общій ящикъ внизу. Въ противоположность всѣмъ домамъ Лондона, отличающимся тоску наводящей казарменной архитектурой, Mansions»ы и Women's buildings»ы красивы и веселы на видъ. «Oakley Flats» имѣетъ прекрасный садъ и, какъ особнякъ, окруженъ красивой чугунной рѣшеткой, всѣ же прочіе представляютъ все то, что дорого английскому сердцу,—комфортъ, независимость, декорумъ и солидность, ту пресловутую respectability, которую англичане, къ сожалѣнію, нертѣдко утратываютъ до чрезвычайности.

Попастъ квартиранткой въ такой домъ очень трудно,—дома эти биткомъ набиты и въ бюро дамскихъ обществъ, построившихъ эти

дома, ведутся списки кандидатовъ въ нѣсколько тысячъ. Очищается квартира только въ случаѣ смерти или замужества квартирантки, — событія случающіяся не особенно часто. О прежней жизни квартирантки собираются точнѣйшія свѣдѣнія, производится настоящее слѣдствіе, и только доказавъ свою безусловно честную жизнь, можетъ попасть туда одинокая женщина, благодаря чему въ домахъ этихъ царитъ миръ и тишина, и живущія въ немъ могутъ прекрасно работать.

Миръ и тишина въ «Bachelor's Home»-ахъ значительно зависятъ отъ добрыхъ и правильныхъ отношеній квартирантокъ между собою, и для поддержанія этихъ отношеній устроительницами общежитій, кажется, все было предусмотрено. Правила общежитій весьма пространны и, на первый взглядъ, очень стѣснительны; квартирантка, напримѣръ, не смѣетъ играть на фортеціано долѣе трехъ часовъ въ сутки, *) не должна бросать завядшіе цвѣты въ сточную трубу и чистить ботинки въ вестибюль, не имѣетъ право жарить у себя «пахучую» рыбу, не смѣетъ держать у себя ни птицъ, ни звѣрей **), и т. д. и т. д.

Было бы ошибочно, однако, думать, что подобныя правила стѣсняють индивидуальную свободу, — они предназначены лишь для устраненія столкновеній, столь грозныхъ между квартирантками, лишенными мужей, которые могли бы переносить ихъ скверное расположеніе духа и для того, чтобы сдѣлать общую жизнь одинокихъ возможно пріятною. При соблюденіи условій этихъ, или за ихъ исключеніемъ, жизнь квартирантокъ совершенно независима и свободна, свободна «до дикости», по мнѣнію многихъ англичанъ, которые не могутъ примириться съ мыслью, что одинокая изъ Bachelor's Home'a дѣлаетъ что ей угодно и возвращается домой даже поздно ночью, такъ какъ имѣетъ свой ключъ отъ входной съ улицы двери. — Каждый порядочный лицемѣръ видитъ страшную опасность въ распоряженіи женщины ключемъ... Что ей дѣлать внѣ дома послѣ 10—11 часовъ вечера, когда во всѣхъ порядочныхъ домахъ двери запираются? — спрашиваютъ эти господа, но устроительницы общежитій думали иначе: «мы соберемъ всѣ свѣдѣнія о нашей будущей жилищѣ ранѣе, чѣмъ принять ее, но разъ свѣдѣнія эти хороши и мы приняли ее, — мы не беспокоимся о ней», говорятъ онѣ. Словомъ, кромѣ собственной совѣсти за жилищами «Women's Buildings»-овъ нѣтъ другого контроля. Въ насмѣшку дома эти нерѣдко называются монастырями, но съ послѣдними здѣсь нѣтъ ничего общаго, ибо, прежде всего, въ Bachelor's Home'ы мужчинамъ входъ не воспрещается... Они даже являются

*) Прекрасное правило, къ сожалѣнію, не распространенное на всѣ лондонскіе дома, гдѣ нѣтъ квартиръ безъ убѣжденной піанистки. Съ прогрессомъ велосипеда число послѣднихъ, впрочемъ, сокращается замѣтно.

**) Исключеніе дѣлается для глухихъ, которые не слышатъ дверныхъ звонковъ и которымъ поэтому разрѣшается имѣть собаку, какъ болѣе громкій «звонокъ».

bienvenus въ домахъ одинокихъ женщинъ, а въ «Chenies Chambers», напримѣръ, для сей okazji имѣется специальная столовая, «парадная», роскошно декорированная, всегда въ цвѣтахъ, гдѣ принимаются мужчины, родные и просто знакомые, и гдѣ, хотя и не часто, совершаются свадебные пиры. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ три четверти обитательницъ этихъ Home'овъ составляютъ молодыя дѣвушки или учащіяся, или зарабатывающія свой хлѣбъ, *) остальная же четверть состоитъ изъ вдовъ, женъ, почему-либо не уѣхавшихъ (чаще всего въ виду воспитанія дѣтей) со своими мужьями въ далекія колоніи и... нѣсколькихъ разведенныхъ супруговъ.

Забота о независимости рѣзче всего выражается въ «Oakley Flats», гдѣ нѣтъ ни одной общей для жилищъ комнаты, благодаря чему этотъ Home и походитъ менѣе другихъ на клубы,—наоборотъ, въ «Sloane Gardens» множество общихъ залъ, занятыхъ читальнями «художественнымъ клубомъ», «музыкальнымъ клубомъ» и т. д.

Смотри по удобствамъ, этажу и др. условіямъ, плата за квартиру въ этихъ общежитіяхъ колеблется отъ шести шиллинговъ (въ недѣлю) за двѣ комнаты, до фунта пяти шиллинговъ—за три комнаты,—цѣны для Лондона крайне дешевыя, какъ дешево все и въ общей столовой.

Впрочемъ, чтобы оцѣнить всѣ блага этихъ Home'овъ для одинокихъ трудящихся женщинъ краткаго описанія общежитій недостаточно,—нужно знать лондонскую жизнь, видѣть «Women's buildings'ы» и послушать восторженные о нихъ отзывы ихъ жилищъ, къ сожалѣнію не многихъ пока въ общей массѣ трудящихся женщинъ Англіи.

Если объ одинокихъ женщинахъ, трудомъ живущихъ, позаботились ихъ болѣе состоятельныя сестры, то женщины замужнія и дочери семействъ живущія трудомъ-ли, или состоятельныя, позаботились сами о себѣ, и съ легкой руки миссъ Элизы Ормъ, оторывшей 16 лѣтъ тому назадъ первый въ Англіи «Sommerville Club», женскіе клубы по лицу земли Англіи, а въ Лондонѣ въ особенности, растутъ, какъ грибы, и въ данную минуту рѣдная женщина или дѣвица Лондона не состоитъ членомъ того или другого клуба.

Если мы можемъ констатировать въ Англіи движеніе въ пользу клубовъ, являющихся здѣсь не столько учрежденіями увеселительными, сколько центрами женской дѣятельности, то не можемъ обойти молчаніемъ и движенія противъ этихъ клубовъ; если не попавшая еще членомъ въ какой-нибудь клубъ дѣвушка или женщина служитъ предметомъ атакъ этихъ клубовъ и получаетъ ежедневно циркуляры, отчеты, прокламаціи

---

*) «Sloane Gardens» населенъ почти исключительно учащимися въ консерваторіяхъ и художественныхъ школахъ и посвятившими себя музыкѣ, живописи, литературѣ и журнализму. Въ «Chenies Chambers» живутъ представительницы такихъ профессій, какъ клерки банковъ, бухгалтеры и т. п.

чи просто приглашенія, то попавшая уже является предметом нападеній, не менѣе энергичныхъ, своего мужа, отца, братьевъ или матери, если таковая культивируетъ еще старыя традиціи.

Не такъ давно еще противъ женскихъ клубовъ пропаганда была очень сильна. Передо мною любопытное письмо, напечатанное въ Daily Chronicle, нѣкоего господина, подписавшагося «оскорбленнымъ мужемъ» и зывающаго къ обществу, ибо лично онъ безсиленъ бороться съ своей женой, проводящей дни и ночи въ одномъ изъ женскихъ клубовъ Лондона. Письмо этого безсильнаго супруга не первое и, вѣроятно, не послѣднее, живое-ли это лицо, или фикція, — это вопросъ другой, но положеніе этого супруга бесспорно печально и характерно именно тѣмъ, что рисуетъ тѣ безобразныя условія семейной жизни, которую пересоздать и хотятъ новыя женщины Англїи. Ненормально положеніе этихъ мужей, но отъ ненормальности общей жизни и бѣгутъ ихъ жены въ клубы, и если онѣ послѣдними черезчуръ увлекаются, то увлеченіе и ошибки свойственны каждому молодому движенію.

Собственно говоря, въ положеніи оскорбленнаго мужа смѣшного не много, но врядъ ли въ этомъ положеніи виновата жена, которая хочетъ видѣть свѣтъ не изъ одного кухоннаго окошка.

Но что привлекаетъ женъ и дочерей этихъ господъ въ клубы? — Заглянемъ въ нихъ *).

Прототипомъ англїйскихъ женскихъ клубовъ, зародившихся въ Лондонѣ 17 лѣтъ тому назадъ, послужили женскіе клубы Нью-Йорка и Бостона, хотя и старѣйшему изъ нихъ тоже не болѣе 25 лѣтъ, и потому женскіе клубы вообще учрежденія новыя, но усилїя, направляемыя къ достиженію какой-либо цѣли, въ Англїи всегда практичны и цѣлесообразны, а потому женскіе клубы Лондона буквально процвѣтаютъ. До сихъ поръ прелестью свободы и комфорта, вдали отъ домашнихъ дразгъ, пользовались только мужчины, теперь этимъ правомъ рѣшили воспользоваться и женщины, съ тою только разницею, что время въ женскихъ клубахъ убивается не за картами, а... осмысленнѣе. Клубы женщинами основывались и основываются, однако, не ради одной «преlestи свободы и комфорта» и далеко не для однихъ дамъ, могущихъ претендовать на эти прелести... Хотя во главѣ движенія, во имя социальнаго возрожденія женщины въ Англїи, стали [первоначально женщины богатыя и высокопоставленныя, но онѣ, заботясь о себѣ, не забывали меньшихъ своихъ сестеръ, а потому и женскіе клубы на лондонской почвѣ не сдѣлались прїютомъ женщинъ исключительно богатыхъ. Правда, въ Лондонѣ не мало аристократическихъ женскихъ клубовъ, поражающихъ своей роскошью, гдѣ членами состоятъ исключительно титулованныя леди, но здѣсь гораздо

*) Считаю долгомъ замѣтить, что я даю описанія лишь клубовъ, лично посѣщенныхъ не разъ, о клубахъ же мнѣ не знакомыхъ я лишь упоминаю.

больше клубовъ, гдѣ послѣ дневныхъ трудовъ отдыхаютъ женщины среднихъ имущественныхъ классовъ, а еще болѣе клубовъ рабочихъ женщинъ и дѣвушекъ, т. е. фабричныхъ, модистокъ, прачекъ, швей и т. д.

Я не буду останавливаться на описаніи такихъ аристократическихъ клубовъ, какъ «Alexandra» «New-Victoria», «Green-park klub» и имъ подобныхъ, куда герцогини и леди между визитами и посѣщеніями магазинновъ заѣзжаютъ выпить рюмку портвейна и поболтать о послѣднихъ новостяхъ. Мы поведемъ рѣчь о клубахъ, существованіе которыхъ имѣетъ общественный смыслъ и значеніе, хотя и таковые по своей виѣшней обстановкѣ очень различны, такъ какъ, несмотря на единство идей «новыхъ женщинъ», участвующихъ въ движеніи,—имущественное положеніе ихъ различно. Есть клубы, члены которыхъ по характеру дѣятельности всѣ принадлежатъ къ одной и той же профессіи, какъ, напримѣръ, «Wrieter's Club», (клубъ писательницъ), но дѣятельность участницъ, какъ членовъ клуба, весьма разнообразна; есть клубы, члены которыхъ принадлежатъ, наоборотъ, къ разнообразнымъ профессіямъ и группирующіяся для той или другой коллективной дѣятельности въ самомъ клубѣ лишь. Остановимся сперва на только что названномъ «Wrieter's Club'ѣ».

Около Странда, на которомъ расположены почти безъ исключенія всѣ редакціи многочисленныхъ лондонскихъ періодическихъ изданій, на «Норфолькъ Стритъ», въ двухъ шагахъ отъ набережной Темзы, вы входите въ подъездъ многоэтажнаго дома и... спускаетесь въ подвалъ, гдѣ примутися клубъ писательницъ. Ни бронзы, ни пушистыхъ ковровъ изъ фешенебельныхъ клубовъ вы здѣсь не найдете, ибо среди членовъ клуба богатыя женщины на перечесть,—литературный и журнальный трудъ въ Англіи такъ же не сладокъ, какъ и вездѣ, и если часто рассказываются басни и легенды о колоссальныхъ въ Лондонѣ гонорарахъ, то они предполагаются для тѣхъ избранныхъ, которыхъ такъ же мало, какъ много званыхъ... Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что далеко не всѣ члены «Wrieter's Club'a принадлежатъ безусловно къ писательскому цеху,—на долю работающихъ исключительно на томъ или другомъ поприщѣ литературы изъ 600 членовъ клуба приходится не болѣе сотни, но почти всѣ члены клуба принадлежатъ въ то же время къ «Women's Lecturer's Association», т. е. къ ассоціаціи женщинъ, читающихъ лекціи (даровыя и популярныя), иначе распространяющихъ въ народѣ свѣтъ и правду, если не путемъ печати, то устнаго слова.

Изъ большой, электричествомъ освѣщенной, передней вы попадаете въ громадную, нѣсколько узкую залу, часть которой заставлена столами съ газетами и журналами (библіотека имѣетъ свою комнату), часть же маленькими столиками, на которыхъ члены завтракаютъ, обѣдаютъ, пьютъ чай, словомъ, клубъ не имѣетъ даже особой столовой, какъ вовсе не имѣетъ мягкой мебели... Членскій взносъ, тѣмъ не менѣе, здѣсь высокъ,—фунтъ стерлинговъ въ годъ и столько же платится единове-

менно при вступленіи и, при такомъ взносѣ, члены могли бы требовать большаго комфорта,—если бы онъ былъ имъ нуженъ; но имъ нужна хорошая бібліотека и читальная зала, на которыя и уходятъ значительныя суммы *). За то здѣсь на столахъ и полкахъ вы найдете до двухсотъ газетъ и журналовъ англійскихъ, континентальныхъ, [колоніальныхъ и американскихъ, за то въ сосѣдней съ читальной, рабочей комнатѣ, гдѣ царствуетъ строгая тишина, вы найдете всѣ справочныя книги, какія вамъ могутъ понадобиться, всѣ энциклопедіи, карты, небольшіе удобные столы, письменныя принадлежности словомъ, все для спокойной работы.

Здѣсь мнѣ молча указали, а потомъ въ читальной познакомили съ журналисткой M-rs F., которая въ теченіе восьми лѣтъ не написала ни одной статьи внѣ рабочаго клуба. «Здѣсь такъ хорошо! И дома тихо,—но... тоскливо, а здѣсь»... улыбнулась она, проводя рукой, точно показывая свое царство. Царствомъ своимъ и въ то же время уютнымъ угломъ считаютъ свой клубъ и всѣ рабочіе члены его, раздѣляя время свое между клубомъ и Британскимъ музеемъ, гдѣ эти женщины собираютъ матеріалы, пишутъ, готовятся къ лекціямъ, тогда какъ въ клубѣ, главнымъ образомъ, распредѣляютъ между собою занятія, обсуждаютъ различные вопросы, преимущественно литературы, художества и педагогики, а вечерами читаютъ лекціи въ многочисленныхъ залахъ для конференцій во всѣхъ кварталахъ Лондона **).

Главная задача членовъ клуба (или ассоціаціи)—распространеніе полезныхъ знаній путемъ бесплатныхъ публичныхъ лекцій для бѣдняковъ, не имѣющихъ возможности вносить даже и ничтожную плату, которая требуется въ «Народномъ дворцѣ» и другихъ, ему подобныхъ, учрежденіяхъ, и устройство новыхъ клубовъ для дѣвушекъ - работницъ, равно какъ и поддержка словомъ и дѣломъ уже имѣющихся такихъ клубовъ, самыхъ полезныхъ и интересныхъ женскихъ клубовъ Англій.

Ниже, когда у насъ будетъ рѣчь о типахъ «новыхъ» женщинъ Англій, я принужденъ буду возвратиться къ нѣкоторымъ членамъ Wrieter's Club'a, теперь же обратимся къ Sommerville Club'у, основанному, какъ мы сказали миссъ Элизой Ормъ въ 1881 году, а потому старѣйшему въ Лондонѣ.

*) Слѣдуетъ замѣтить, что клубъ имѣетъ нѣсколько комнатъ—спальню, предназначенныхъ для членовъ, живущихъ въ провинціи и пріѣзжающихъ въ Лондонъ на нѣсколько дней. Пользованіе этими комнатами бесплатно, цѣны же въ клубной столовой баснословно дешевы, ибо по уставу столовая не должна доставлять выгодъ клубу.

Существующій въ Лондонѣ «Викторія клубъ» устроенъ специально для женщинъ, не живущихъ въ Лондонѣ, но пріѣзжающихъ сюда работать.

**) По большей части Hall'ы эти принадлежатъ приходамъ и отдаются для лекцій бесплатно (ибо лекціи бесплатныя), но иногда «Ассоціаціи» приходится и деньги за нихъ платить, ибо далеко не всѣ приходы имѣютъ помѣстительныя Hall'ы и надо обращаться къ частнымъ владѣльцамъ.

Идея миссъ Элизы Ормъ, известной популяризаторши естественныхъ наукъ, была такова: «за нѣсколько шиллинговъ въ годъ дать возможность интеллигентнымъ небогатымъ женщинамъ собираться вмѣстѣ для отдыха, общѣна мыслей, обсужденія вопросовъ, интересующихъ женщинъ, и здоровыхъ развлеченій». Эта идея, внесенная въ уставъ клуба, встрѣчена была въ 1879 году настоящей бурей оппозиціи, передъ которой блѣднѣетъ настоящая немощная уже пропаганда противъ женскихъ клубовъ, и какъ инициаторшѣ, такъ и присоединившимся къ ней миссъ Е. Хедлемъ, Ричардсонъ и Резенъ пришлось долго и энергично бороться. Два года, чуть ли не изо-дня въ день, пришлось имъ на митингахъ въ различныхъ кварталахъ города пропагандировать идею перваго клуба среди женщинъ, поневолѣ мирившихся съ безотраднѣйшей семейной обстановкой, увлекать ихъ новыми горизонтами болѣе осмысленной жизни и дѣятельности и защищать свою идею противъ ярыхъ оппонентовъ, кандидатовъ нынѣшнихъ «оскорбленныхъ мужей». Наконецъ, въ 1881 году, миссъ Ормъ набрала такое число членовъ-учредительницъ, что при взиманіи съ каждой по пяти шиллинговъ въ годъ можно было окупить необходимые на содержаніе клуба расходы. Въ 1881 году «Сомервилъ клубъ» насчитывалъ *свыше 1500 членовъ.*

Почему клубъ названъ именемъ Сомервилъ? Одной изъ первыхъ женщинъ Англіи, отстаивавшей права сестеръ своихъ, была миссъ Мери Сомервилъ, шотландка, которая не примыкала ни къ одной политической партіи или религіозной сектѣ, по уставу же клуба члены его хотя и могутъ принадлежать къ различнымъ партіямъ, но клубъ не долженъ служить дѣлу какой-либо одной политической партіи или общества и не занимается религіозными вопросами; такимъ образомъ, имя «Сомервилъ» является какъ бы символомъ или девизомъ политической и религіозной независимости клуба. Тѣмъ не менѣе, помимо порядочности женщины (въ нравственномъ отношеніи), обязательнымъ условіемъ для поступленія въ этотъ клубъ является интересъ женщины къ политическимъ и социальнымъ вопросамъ, имущественнаго же и родового ценза «Сомервилъ-клубъ» не требуетъ, почему члены его представляютъ очень смѣшанное общество, соединенное лишь духомъ клуба.

Благодаря открытію въ 1883 году «Pionners Women Club'a», а за нимъ и другихъ, дѣла «Сомервилъ-клуба» въ періодъ 1883—86 годовъ значительно пошатнулись, и число членовъ уменьшилось до 800, такъ какъ въ новые клубы перешло не мало членовъ, не желавшихъ оставаться нейтральными въ политикѣ и религіи. Пришлось увеличить членскій взносъ до 10 шиллинговъ, на время закрыть клубъ и вновь его открыть нѣсколько преобразованнымъ, съ лучшей обстановкой и въ болѣе обширномъ помѣщеніи (Оксфордъ Стридъ, 232). Нынѣ взносъ увеличенъ уже до 12 шиллинговъ 6 пенс., при количествѣ членовъ въ 700, каковое число нельзя не считать значительнымъ, принимая во вниманіе

число самихъ клубовъ, которыхъ въ Лондонѣ въ январѣ 1897 года было свыше 100 *).

Три раза въ мѣсяць на сообщенія и конференціи, и столько же разъ на вечера, собираются около 500 членовъ, ежедневно же вечеромъ бываетъ очень рѣдко менѣе 50 человекъ. Въ дебатахъ на сообщеніяхъ, дѣлаемыхъ нерѣдко извѣстными политическими и общественными дѣятелями профессорами университетовъ и выдающимися лектрисами, участвуютъ и мужчины, приглашенные членами клуба, что придаетъ особый интересъ всегда, впрочемъ, живымъ дебатамъ. Насколько разнообразенъ составъ членовъ клуба, настолько же различны вопросы, ихъ интересующіе и дебатруемые.

Обстановка «Сомервилъ клуба» комфортабельна, но не роскошна; кромѣ залы для конференцій, столовой, гостиной, бюро, уборной и т. д. клубъ имѣетъ «комнату молчанія», составляющую вмѣстѣ съ тѣмъ бібліотеку, 24000 томовъ и читальную съ массою англійскихъ газетъ и журналовъ. Не принадлежа (активно) къ политическимъ партіямъ, члены «Сомервилъ клуба» входятъ въ составъ такихъ обществъ, какъ «Союзъ матерей», «Общество пріюта для молодыхъ дѣвушекъ» и др. Однимъ же (главнымъ) проявленіемъ дѣятельности самого клуба является опредѣленіе на различныя мѣста образованныхъ дѣвушекъ и отыскиваніе для нихъ отвѣчающихъ ихъ способностямъ и наклонностямъ занятій, причѣмъ до присканія таковыхъ, дѣвушкамъ оказывается помощь и словомъ и дѣломъ. Члены клуба «Сомервилъ», какъ и «Pionners Women Club'a» принимаютъ участіе и въ дѣятельности «клуба писательницъ» по устройству клубовъ для дѣвушекъ рабочихъ.

«Клубъ женщинъ пионеровъ» («Pionners Women Club»), члены котораго вмѣсто брошки носятъ эмблему клуба—топоръ, которымъ онѣ «должны вырубать лѣсъ общественныхъ предрассудковъ»,—является однимъ изъ самыхъ типичныхъ и полезныхъ по своей дѣятельности клубовъ.

Членскій взносъ въ этомъ клубѣ довольно значителенъ, и потому число членовъ не велико (рѣдко превышаетъ 300), но хотя такимъ образомъ существуетъ нѣчто вродѣ имущественнаго ценза, общественное положеніе членовъ очень разнообразно,—здѣсь вы встрѣтите женъ и дочерей паровъ Англій, и женъ коммерсантовъ, и офицеровъ, и даже актрисъ. На дверяхъ роскошнаго салона пионеровъ, имѣется слѣдующая надпись: «They say! What do they say? Let them say!» Иначе: «Онѣ говорятъ! Что говорить онѣ? Не мѣшайте имъ говорить!»

Клубъ помѣщается въ домѣ основательницы его въ Bond Street. Свѣтлыя, высокія комнаты, быть можетъ, слишкомъ оригинально и роскошно декорированы, но пионерки утверждаютъ, что роскошь и изысканный комфортъ не мѣшаютъ ихъ высокимъ задачамъ, такъ же какъ помѣщеніе

*) Въ особенности много клубовъ различныхъ протестантскихъ сектъ и «Арміи Спасенія», задачи которыхъ широкими нельзя назвать.

«Writers Club'a» въ подвальномъ этажѣ не мѣшаетъ ему высоко держать свое знамя... Правы или нѣтъ пионерки, но у нихъ кромѣ двухъ салоновъ, кромѣ «Silence Room» (комната молчанія), кромѣ залы для конференцій, имѣется даже курительная комната,—образецъ восточной роскоши, — въ которой есть все для куренія, но гдѣ я не нашелъ ни малѣйшаго слѣда куренія.. Въ этомъ новаторствѣ видна несомнѣнно та характерная черта англичанокъ, о которой намъ впослѣдствіи придется говорить,—вѣчное исканіе всего того, что необыденно, не *common*, утонченно, бьетъ на нервы... Взгляните на эти блѣдно-желтыя стѣны залы, панели которой расписаны громадными присама; этогъ шелкъ портьеръ цвѣта умирающей зелени, или на эту символическую картину: въ морѣ пламени заходящаго солнца исчезаетъ, точно таетъ, утомленная, съ закрытыми глазами женщина, слѣва же подымается другая, молодая и мощная, съ звѣздой на лбу,—«женщинѣ прошлаго уступаетъ мѣсто женщина будущаго, которой мы прокладываемъ дорогу», говорятъ пионерки.

Въ этой залѣ, гдѣ «говорять» много о такихъ предметахъ, какъ борьба съ пьянствомъ, бракъ, проституція, право голосованія и т. д., началась та пропаганда, о которой мы говорили выше, и которая привела къ отмінію «бѣлаго невольничества», т. е. къ закрытію въ Англіи домовъ терпимости.

На стѣнахъ залы красуются, между прочимъ, девизы клуба: «Люби себя послѣднимъ»,—«Въ великихъ дѣлахъ—единство, въ малыхъ—свобода, во всѣхъ—любовь и милость» и др. Члены «Pioneer Women Club'a» свято слѣдуютъ имъ и ихъ дѣятельность, какъ мы увидимъ дальше, высоко-благотворную благословляютъ тысячи обездоленныхъ женщинъ Англіи.

Л. Б.

Изъ жизни и литературы.

Быль ли Бѣлинскій чуждъ русскому народу?

«А судьи кто?»
Грибоѣдовъ.

Газетныя извѣстiя о предположенiяхъ и планахъ чествованiя памяти В. Г. Бѣлинскаго появлялись отовсюду, когда въ Тамбовѣ объ этомъ еще никто и не заикался. Члены тамбовскаго просвѣтительнаго общества со дня на день ждали, что правленiе созоветъ для этого общее собранiе, но правленiе безмолствовало. Наконецъ, дальше ждать становилось бессмысленнымъ, и вотъ явилась мысль созвать общее собранiе независимо отъ правленiя, пользуясь § устава, по которому экстренное собранiе всегда можетъ быть созвано по требованiю не менѣе трети общаго числа (100 съ чѣмъ-то) членовъ общества. Быстро набралось около 40 подписей, во главѣ которыхъ стояли мѣстный уѣздный предводитель дворянства В. М. Петрово-Соловово, предсѣдатель земской управы М. П. Колобовъ, тов. предсѣдателя окр. суда С. И. Комсинъ и др.*). Собранiе было созвано.

Предсѣдатель правленiя С. Н. Чичеринъ открылъ его рѣчью слѣдующаго содержанiя, «Настоящее собранiе созвано по иниціативѣ нѣкоторыхъ членовъ общества, для обсужденiя вопроса, слѣдуетъ или не слѣдуетъ чествовать память В. Г. Бѣлинскаго **). Само правленiе, при всемъ своемъ уваженiи къ памяти Бѣлинскаго, оставившаго глубокой слѣдъ въ исторiи русской цивилизации, не рѣшилось однако взять эту иниціативу на себя, такъ какъ Бѣлинскій не имѣетъ никакого отношенiя къ народному образованiю, а, слѣдовательно, и къ задачамъ нашего общества. Вопросы, относящiеся къ кругу этихъ задачъ, тогда совершенно не поднимались и даже, можно сказать, не существовали». Въ отвѣтъ

*) Характерно то, что среди этихъ четырехъ десятковъ подписей было только *три* фамилии нашихъ официальныхъ педагоговъ.

***) Уже и въ этомъ заключалась маленькая неточность: просили созвать собранiе лишь для обсужденiя вопроса о *способѣ* чествованiя, совершенно не предполагая споровъ по существу.

на протесты нѣкоторыхъ членовъ, предѣдатель еще разъ настойчиво и даже раздраженно повторилъ, что Бѣлинскій «не занимался вопросами, которые касаются насъ, какъ членовъ общества народныхъ чтеній, ничего не сдѣлалъ собственно для народа и чисто-народнаго образованія: эти вопросы въ эпоху Бѣлинскаго даже и не поднимались».

И вотъ (о, святая провинція!) начались пренія о томъ, «чужой» или «не чужой» Бѣлинскій для дѣла народнаго просвѣщенія, и стало быть была ли въ немъ «хоть капля крови, общая съ народомъ», ради которой современные «просвѣтители» народные могли бы почтить его память....

Цѣлый рядъ лицъ: А. Н. Слетова-Чернова, А. Я. Тимофеевъ, Д. И. Тимофеевъ, Е. М. Киншина, В. И. Протасовъ, П. П. Смирновъ приняли участіе въ этихъ глубоко характерныхъ для провинціи дебатахъ.

Правленію вкратцѣ напомнили, что уже съ 30-хъ гг. начинаются попытки созданія разумной литературы для народа; что существовалъ въ 40-хъ гг. цѣлый журналъ подъ редакціей кн. Одоевскаго «Сельское чтеніе», при участіи цѣлага ряда интеллигентныхъ силъ; что всегда существовала литература «англійскихъ милордовъ» и гадательныхъ книгъ, противъ которыхъ В. Г. Бѣлинскій поднималъ свой голосъ, вызывая къ замѣнѣ ея болѣе рациональнымъ чтеніемъ, къ созданію для народа серьезной, здоровой умственной пищи; что Бѣлинскій не былъ удовлетворенъ даже существовавшими интеллигентными попытками, строго относясь къ ихъ слабостямъ и требуя ихъ улучшенія... Такъ что если даже стоять на узкой точкѣ зрѣнія, требуя самаго непосредственнаго отношенія къ народно-просвѣдательной дѣятельности, Бѣлинскій заслуживаетъ чествованія...

Противъ фактовъ, говорятъ, не спорять, но предѣдатель тамбовскаго просвѣдательнаго общества пробовалъ было спорить, ссылаясь на неизвѣстно откуда почерпнутую истину, что во времена Бѣлинскаго даже и не существовало, даже и не поднималось вопросовъ, относящихся къ общественной народно-просвѣдательной дѣятельности...

Дѣлать нечего, надо начинать съ азовъ...

«Какъ бы отголоскомъ западнаго движенія, отголоскомъ тѣхъ же философскихъ идей, которыя требовали для каждаго народа своего собственнаго, самостоятельнаго индивидуальнаго развитія, мы видимъ пробужденіе у насъ въ 30-хъ гг. интереса къ народу, заботу о немъ—пишетъ г-жа Некрасова въ своей работѣ о *писателяхъ для народа изъ интеллигенціи*». Это народническое движеніе выступаетъ во всей своей силѣ собственно въ 40-е годы. Въ 30-е годы же видны пока проблемски этого движенія, оно выступаетъ въ лицѣ нашихъ лучшихъ общественныхъ представителей, писателей, къ числу которыхъ всецѣло слѣдуетъ отнести и кн. Одоевскаго.—«Имя князя Одоевскаго хорошо извѣстно въ нашей литературѣ (къ сожалѣнію только литература эта не всѣмъ извѣстна), какъ имя выдающагося писателя первой половины нашего столѣтія и какъ высокогуманнаго, развитаго и добрѣйшаго человѣка»..

Одновременно съ Одоевскимъ выступилъ на путь популяризаціи въ народъ научныхъ знаній также не безъизвѣстный профессоръ М. А. Максимовичъ *). Сотрудниками Одоевского по журналу былъ цѣлый рядъ лицъ: его соиздатель А. П. Заблоцкій, писатели: А. Ѳ. Вельгманъ, Н. С. Волковъ, С. С. Гадуричь, В. И. Даль, П. И. Ивановъ, М. Н. Загоскинъ, П. И. Побѣдинъ, К. Ѳ. Энгельке.

Что же? Былъ-ли чуждъ Бѣлинскій этому движенію? Нѣтъ, онъ былъ первымъ публицистомъ-проповѣдникомъ этого движенія; онъ является духовнымъ отцомъ, прародителемъ нынѣшнихъ просвѣтителей «народа»...

Не кто иной, какъ Бѣлинскій, первый провозгласилъ ту войну противъ «лубочной литературы», которую до сихъ поръ ведутъ всѣ просвѣтительныя общества. «Бѣдна наша учебная литература, писалъ онъ въ 1843 г., бѣднѣе ея наша дѣтская литература, и мы сказали бы, что бѣднѣе всѣхъ ихъ наша престонародная литература, если бы только у насъ существовала какая нибудь литература для простого народа. Цѣлыя горы бумаги ежегодно печатаются для него подъ названіемъ «Похожденій Георга Аглицкаго Милорда», «Похожденій Ваньки Каина», «Анекдотовъ о Балакиревѣ» и сбро-бумажныхъ книгъ, вродѣ «Разгуляя купеческихъ сынковъ въ Марьиной Рощѣ», «Козла-бунтовщика» и т. п. Всѣ эти пошлости расходятся: стало быть, ихъ покупаютъ и читаютъ. Но какая же польза отъ этихъ книгъ? Пользы никакой, а вредъ можетъ быть: отъ нихъ только грубѣютъ и безъ того грубыя понятія простолюдина, тупѣетъ и безъ того не изощренная его мыслительная способность **)... Еще раньше, въ 1839 г., онъ указывалъ на огромное распространеніе лубочной литературы по поводу *десятаго* изданія «Англійскаго Милорда» и *четвертаго* изданія «Чудеснаго гадателя», а также «Гадательной книжки». «Неистовый Виссаріонъ» не можетъ даже говорить равнодушно объ этихъ книжкахъ: «онъ заставили насъ неволью отвести въ сторону оскорбленные взоры. И кто бы не оскорбился, кто не отвернулся, взглянувъ хоть на начальные листы этихъ приторныхъ по своей пошлости тетрадей?» Ему даже «стыдно, что онъ разговаривалъ было по поводу ихъ такъ серьезно»... ***). Въ 1841 г. онъ снова указываетъ на то, что «московскія и петербургскія типографіи ежегодно въ большомъ числѣ экземпляровъ оттискиваютъ такъ называемыя народныя сказки. Эти жалкія книжонки, вмѣстѣ съ пѣсенниками, помадой, икрой, сапогами, каленкоромъ и солеными огурцами развозятся, Богъ знаетъ, въ какіе концы царства русскаго, куда не залетааетъ, можетъ быть, ни одна порядочная печатная книга, и, вѣроятно, находятъ себѣ усердныхъ чита-

*) Онъ же—первый ректоръ Кіевскаго Университета.

**) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ 12 т., 1891 г., т. VII, стр. 241—242.

***) Соч. В. Г. Бѣлинскаго, т. III, стр. 245—254 (разборъ народныхъ книгъ).

телей. Но эти книжонки не только не полезны, но даже рѣшительно вредны...» *).

Дважды, въ 1843 и 1845 г., Бѣлинскій указываетъ на архангелскій «Письмовникъ» Курганова, какъ на предтечу народной научно-популярной литературы и примѣръ, до известной степени, достойный подражанія. «Быль вѣкогда на Руси почтенный человекъ, профессоръ Николай Кургановъ; издавалъ онъ книжицу, или, лучше сказать, книжицу: «Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку російскаго языка, со многими присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія, съ присовокупленіемъ книги «Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты русскихъ». «Онъ былъ изданъ, какъ книга веселая, съ разказами и анекдотами, и полезная, съ тѣмъ то вродѣ энциклопедическаго изложенія нѣкоторыхъ знаній; онъ былъ больше вульгаренъ, нежели народенъ, и потому успѣлъ необычайно и принесъ много пользы» **). «Еще въ 1796 г. книга эта была напечатана уже шестымъ изданіемъ и до сихъ поръ еще перепечатывается такъ, какъ была, безъ измѣненій, только развѣ съ выпускомъ кое гдѣ смысла. Для своего времени эта книга—просто золото, теперь она никуда не годится. И не нашлось на Руси ни одного литератора, который бы издалъ для народа такую же книжку, только сообразную съ требованіями нашего времени, въ отношеніи къ языку и къ выбору статей!» ***).

Возвращаясь къ тому же вопросу въ 1845 г., Бѣлинскій вновь напоминаетъ о насущной потребности въ новомъ «письмовникѣ» или энциклопедическомъ альманахѣ: «онъ долженъ быть изданъ для мало образованныхъ, полуграмотныхъ, но въ будущемъ образованіи которыхъ не предполагается никакихъ опредѣленныхъ границъ. Здѣсь разумѣются люди, которымъ не столько нужна ученость, сколько образованность, и которые, по неизвѣстной средству, не иначе могутъ образоваться, какъ черезъ собственныя усилія, посредствомъ чтенія. И цѣль такого новаго письмовника должна состоять не въ томъ, чтобы образовать этихъ людей, но въ томъ, чтобы помочь имъ образоваться, направивъ ихъ вкусъ въ чтеніи, оторвать ихъ отъ «Еруслана Лазаревича» и романовъ Орлова, познакомивъ ихъ съ произведеніями литературы, на первый случай, по содержанію доступными уму неразвитому, но въ то же время отличающимися высокимъ литературнымъ достоинствомъ. Это долженъ быть огромный альманахъ, раздѣленный на двѣ части: *энциклопедію наукъ, искусствъ, ремеслъ, открытій* и т. д., и на беллетристику—повѣсти, сказки, разказы, стихотворенія, анекдоты и т. п. Все это должно быть ни слишкомъ высоко, не слишкомъ низко: тутъ не должны быть сочиненія вродѣ «Фауста», «Манфреда», «Моцарта и Сальери», «Цыганъ» и

*) Тоже, т. V, стр. 312.

**) Соч. Бѣлинскаго, т. X, стр. 170.

***) Тоже, т. VII, стр. 242.

т. п., но почему бы не войти туда, напр., «Полтавъ» и «Русалкѣ» Пушкина? Энциклопедія должна быть изложена языкомъ самымъ простымъ и яснымъ, но столько же не простонароднымъ, сколько и не «книжнымъ» и рекомендовать «призвать на помощь полиграфы—это могущественное средство для распространенія популярнаго образованія *).

Трудно повѣрить, что все это писалось полвѣка назадъ. Филиппики Бѣлинскаго противъ лубочной литературы и теперь могли бы съ равнымъ правомъ появиться на страницахъ любого журнала: у Пругавина, напр., можно найти сколько угодно совершенно аналогичныхъ мѣстъ. Народная литература, правда, нарождается, но «Милорды», «Гуаки», «Францызль-Венеціаны» и т. п. образцы литературной фальсификаціи продолжаютъ издаваться и переиздаваться десятки разъ. А что касается до популярно-научной энциклопедіи, то годъ или два тому назадъ о ней мечтала издательская комиссія вольно-экономическаго общества, и ея мечты до сихъ поръ остаются мечтами...

Если мы возьмемъ въ руки министерскій каталогъ книгъ для бесплатныхъ библиотекъ и читаленъ, то увидимъ, что $\frac{1}{10}$ содержащихся въ немъ собственно-народныхъ книгъ или крайне неудачныя попытки поучать народъ, приставая къ нему съ узкимъ, кисло-сладкимъ морализированіемъ, или грубыя и смѣшныя поддѣлки подъ народность, или вещи совершенно для народа «невразумительныя», и, наконецъ,—бездна чисто дѣтскаго сказочнаго матеріала. Бѣлинскій точно предвидѣлъ все это. Еще тогда онъ протестовалъ противъ того, чтобы народный книжный рынокъ не запружался сказочками и т. п. произведеніями, совершенно чуждыми реальному міру, реальнымъ интересамъ жизни; протестовалъ онъ и противъ кисло-сладкихъ поученій, свысока расточаемыхъ народу городскими умниками, требовалъ, чтобы для народа писали серьезно, понятно и просто, безъ всякихъ искусственныхъ, натянутыхъ поддѣлокъ подъ крестьянское міросозерцаніе и крестьянскій жаргонъ.

Особенно сильно доставалось отъ него славянофиламъ, экскурсіи которыхъ въ область народной литературы сводились къ вульгарно-разухабистымъ упражненіямъ на патріотическія темы. Большинство пытавшихся писать для народа славянофильскихъ авторовъ въ своихъ поискахъ за исконно-народной, чисто-русскою «подоплекой» поддѣлывались, въ сущности, подъ самыя грубыя, самыя некультурныя черты и привычки русскаго простонародья. Выѣсто того, чтобы путемъ популяризаціи знаній поднимать народъ до уровня образованнаго люда, они сами опускались до народа и его понятій. «Можно подумать—желчно писалъ по этому поводу Бѣлинскій—что мы, русскіе, близки къ реформѣ, которая должна снова совершенно переимѣнить насъ въ нашихъ обычаяхъ и вкусахъ, и которая должна состоять въ томъ, что мы снова замѣнимъ воду квасомъ, шампанское—пѣнникомъ, портеръ—брагою, сюр-

*) Бѣлинскій, т. X, 170—171.

туки и фраки—зипунами, сапоги—лаптями, романы Вальтеръ-Скотта—сказками о Ерусланѣ и Бовѣ, образованную литературу—издѣліями блаженной памяти суздальскихъ типографій... Словомъ, современный разрывъ съ лукавымъ Западомъ и коренное обращеніе къ сермяжной народности!» Всю фальшь этой барско-славянофильствующей затѣи Бѣлинскій видѣлъ насквозь («нѣтъ, это не народность, а жеманныя, приторныя поддѣлки подъ народность!» восклицалъ онъ), насмѣхался надъ ея моралью, сводившейся, по его словамъ, къ доказательству «вліянія александрійской рубахи съ косымъ воротомъ на добродѣтель и стремленіе къ разнымъ гражданскимъ подвигамъ» и доказывать ея близкое родство «съ кваснымъ и кулачнымъ патриотизмомъ» *).

На томъ же основаніи онъ горячо возставалъ противъ пичканья мужика сказочками и т. п. пустяками: «Грамотный мужикъ ищетъ въ печатной книгѣ дѣла, а не сказокъ, на которыя онъ смотритъ, какъ на пустяки, недостойныя печати... Долго ли еще литература наша будетъ ѣздить верхомъ на палочкѣ, въ пестрой шапкѣ съ бубенчиками?» **). «Мужичокъ уважаетъ грамоту и не поддастся ни купцу, ни барину, который вздумаетъ потчивать его печатными пустяками»... «Поддѣлки подъ тонъ и манеры народныхъ сказокъ всегда болѣе или менѣе приторны; сверхъ того, у мужиковъ много и своихъ сказокъ... Русскій мужикъ сѣръ, а умъ у него чортъ не съѣлъ—говоритъ пословица: у русскаго мужика много природнаго ума, много разумнаго чутья, которое заставляеть его смотрѣть на сказки, какъ на пустяки, и уважать только то, что, будучи доступно его разумѣнію, въ то же время можетъ сдѣлать его умнѣе и поставить выше понятій его сословія и быта, а не то, что только держитъ его въ кругѣ его же ограниченной жизни, или еще толкаетъ ниже этого круга...» ***).

Иное отношеніе встрѣтили у Бѣлинскаго басни Крылова. Со свойственной ему пронизательностью онъ оцѣнилъ ихъ серьезное значеніе именно для народа и провозгласилъ, что «Иванъ Андреевичъ Крыловъ больше всѣхъ нашихъ писателей кандидатъ на никѣмъ еще не занятое мѣсто «народнаго поэта»; онъ имъ сдѣлается тотчасъ же, когда русскій народъ весь сдѣлается грамотнымъ народомъ ****). «Такъ же сочувственно встрѣтилъ онъ изданіе кн. Одоевскимъ журнала «Сельское чтеніе». «Его великое достоинство» видѣлъ Бѣлинскій въ томъ, что «оно назначено для крестьянъ-земледѣльцевъ и приурочено къ ихъ быту и потребностямъ. Были и прежде «Сельскаго чтенія» опыты для такого рода изданій; но люди, бравшіеся за нихъ, не имѣли никакого понятія о

*) Соч. Бѣлинскаго, т. IX, 158—159 и 162—163.

***) Тамъ же, 163.

***) Соч. Бѣлинскаго, т. VI, стр. 416—417.

****) Тамъ же, т. IX, стр. 84. Врядъ ли думалъ Бѣлинскій, что черезъ полсголѣтія всеобщая грамотность въ Россіи будетъ такимъ же «благочестивымъ пожеланіемъ», какъ и въ его время.

низшихъ классахъ, и потому* опыты ихъ не имѣли никакого успѣха. Нѣкоторые, взманенные успѣхами «Сельскаго чтенія», начали издавать книжки въ этомъ родѣ, думая, что вѣдь барину легко учить мужика; но вышло иначе... *). Причина этого очень проста: она лежитъ въ узкомъ, елейномъ морализированьи: «въ книгахъ такого рода обыкновенно думаютъ, что дѣло въ шляпѣ, если наговорили съ три короба правдоученій». Дѣлу не помогло и поддѣльванье подъ мужицкій жаргонъ; да оно оказалось и лишнимъ. «Избѣгая книжнаго языка, не должно слишкомъ гоняться и за мужицкимъ нарѣчьемъ. Простолудины обыкновенно недовѣрчивы къ собственному способу выраженія и думаютъ, что бары смѣются надъ ними, говоря «по печатному» ихъ глупымъ языкомъ. Простота языка должна въ этомъ случаѣ быть только выраженіемъ простоты и ясности въ понятіяхъ и въ мысляхъ» **).

Народъ умственно растетъ, онъ уже не ребенокъ, съ нимъ смѣло можно начинать разговаривать вполне серьезно—этотъ мотивъ звучитъ въ статьяхъ Бѣлинскаго постоянно. Въ журналѣ кн. Одоевскаго и Заблоцкаго онъ видѣлъ тотъ же взглядъ на крестьянина и потому горячо привѣтствовалъ это изданіе. Но не такова была натура Бѣлинскаго, чтобы успокаиваться на чемъ нибудь въ блаженномъ удовлетвореніи. Ему была свойственна въ высшей мѣрѣ порывистая, кипучая жажда лучшаго, высшаго, то ничѣмъ неутолимое стремленіе впередъ, которому Некрасовъ далъ мѣткое имя—«святое недовольство, то недовольство, за которымъ нѣтъ нисамообольщенья, нисастья... И вотъ почему Бѣлинскій особенно внимателенъ, особенно строгъ былъ именно къ «Сельскому Чтенію», предъявляя ему все высшія и высшія требованія, указывая ему все нова и новыя темы. Такъ, на примѣръ, при критическомъ разборѣ третьей книжки журнала, въ 1845 г., онъ восклицалъ: «А сколько еще сторонъ нетронутыхъ: на примѣръ, отношенія, въ которыхъ женскій полъ находится въ простомъ быту къ мужскому, и наоборотъ! Русскій человекъ вообще не умѣетъ уважать женщину, а у крестьянъ женщина—раба, скотъ, нѣчто въ родѣ домашняго животнаго... Вообще, семейный бытъ долженъ быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ «Сельскаго Чтенія» ***); въ другой разъ требовалъ, чтобы крестьянина ввели «въ мѣръ естествознанія», и т. п.

Всѣ эти замѣчанія Бѣлинскаго не утратили своего значенія и до настоящаго времени. Тѣмъ болѣе не утратили своего значенія его общіе призывы пробудить народъ отъ умственной спячки, идти къ нему со свѣточемъ знанія въ рукахъ; тѣмъ болѣе не потеряли значенія его филиппики противъ апостоловъ мракобѣсія и мраколюбія.

«Есть люди (какихъ людей не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!), которые

*) Соч. Бѣлинскаго, т. X. стр. 171.

***) Соч. Бѣлинскаго, т. XII. стр. 243.

***) Соч. Бѣлинскаго, т. X, стр. 176.

отъ души убѣждены, что крестьянину нужны щи да каша, а грамота бесполезна. Слава Богу, время начинаетъ обнаруживать ту великую истину, что безъ ума не будетъ и щей съ кашей, а умъ родитъ грамота. Сверхъ того, нѣтъ ничего труднѣе, какъ вразумлять дикаря: вы хлопчете о его же благѣ, а онъ... онъ, если даже не можетъ оказать вамъ прямого сопротивленія, такъ упрямствомъ своимъ и равнодушіемъ, безъ явнаго противодѣйствія, разрушаетъ самые лучшіе ваши планы, для выполненія которыхъ вы жертвовали и сномъ, и спокойствіемъ... Но если на свѣтѣ такъ много глупыхъ умниковъ, ханжей и изувѣровъ, которые смотрятъ съ ненавистью на всякое преуспѣяніе, на всякій шагъ впередъ, то утѣшимся мыслью, что на томъ же бѣломъ свѣтѣ бываютъ и люди, твердые волею, свѣтлые умомъ... И да будутъ честны и славны изъ рода въ родъ имена такихъ людей!» *)

И прежде всего, конечно, имѣетъ право на эту «честь и славу изъ рода въ родъ» самъ Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, про котораго нашъ «поэтъ мести и печали» глубоко-вѣрно сказалъ:

Онъ насъ гуманно мыслить научилъ,
Едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ..

II.

Я привелъ довольно большую коллекцію выписокъ изъ Бѣлинскаго. Признаться, мнѣ даже было немножко стыдно подбирать эти выборки и систематизировать ихъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ нужно это? Неужели мы еще такъ мало знакомы съ первымъ великимъ русскимъ критикомъ, неужели мы еще не знаемъ и безъ того наизусть, изъ доски въ доску, его произведеній?

Тамбовскіе дебаты о томъ, «чужой» или «не чужой» Бѣлинскій для народно-просвѣтительныхъ учрежденій и обществъ, показываютъ, что—увы! дѣйствительно мы не знаемъ, мы забыли Бѣлинскаго. И развѣ Тамбовъ — какое то исключительное явленіе, единственное въ своемъ родѣ, такое, про которое обыкновенно говорится: «въ семьѣ не безъ урода»? Не вѣрнѣ ли, что и въ другихъ провинціальныхъ углахъ можно, не зажигая Диогенова фонаря, легко найти «образованныхъ» людей, считающихъ, вѣроятно, себя уже «выше» чтенія сочиненій Бѣлинскаго и на этомъ основаніи освобождающихъ себя отъ докучнаго труда ваяться за 12 томовъ его сочиненій...

Говорятъ, что Бѣлинскій устарѣлъ. Но говорятъ это чаще всего господа изъ того разряда людей, для которыхъ сплошь и рядомъ «новое есть лишь основательно позабытое старое». Такъ, напр., правленіе Тамбовскаго просвѣтительнаго общества, полагавшее, что Бѣлинскій—чужой для его дѣла, изъ чтенія сочиненій Бѣлинскаго могло бы почерпнуть для себя много полезныхъ свѣдѣній, которыя бы предохранили его отъ

*) Соч. Бѣлинскаго, т. VII, стр. 245.

нѣкоторыхъ важныхъ промаховъ. Почитавши Бѣлинскаго, господа завѣдующіе разсылкою бібліотекъ, быть можетъ, измѣнили бы свой взглядъ на сочиненія Хераскова, «Душеньку» Богдановича, повѣсти Марлинскаго и т. п. произведенія добраго стараго времени, вылотъ до прошлаго столѣтія включительно, и не стали бы разсылать ихъ по бесплатнымъ народнымъ бібліотекамъ и читальнямъ. Почитавши Бѣлинскаго, они, быть можетъ, не стали бы пичкать въ тѣ же бібліотеки такое количество книгъ совершенно дѣтскихъ или сказочно-фантастическихъ, что крестьяне изъ нашихъ мѣстъ начинаютъ обращаться съ заказами къ Харьковскому обществу грамотности, минуя Тамбовское общество народныхъ чтеній, и мотивируя это тѣмъ, что оно угощаетъ крестьянъ больше «Котомъ въ сапогахъ» и т. п. вещами.

Вотъ до какой степени еще не устарѣлъ Бѣлинскій и вотъ до какой степени не «чужой» онъ для нынѣшнихъ народно-просвѣтительныхъ обществъ. Нечего и говорить, что, разбирая классическіе образцы изящной литературы, онъ также даетъ не мало матеріала для всѣхъ, трудящихся на пользу народнаго просвѣщенія, если только они не рѣшили, подобно главамъ тамбовскаго общества народныхъ чтеній, что «произведенія нашихъ классическихъ писателей непонятны народу», и не предпочитаютъ имъ «устарѣвшихъ и утратившихъ значеніе произведеній XVIII вѣка».

Многое, очень многое еще можно было бы сказать въ назиданіе правленію тамбовскаго просвѣтительнаго общества. Но довольно и сказаннаго, тѣмъ болѣе, что въ этомъ вопросѣ правленіе и безъ того было сбито на всѣхъ пунктахъ, и состоялось *единогласное* рѣшеніе чествовать память Бѣлинскаго. Собраніе перешло къ обсужденію вопроса о *способахъ* этого чествованія.

Прежде всего, отъ лица подписавшихъ заявленіе о созывѣ собранія А. Я. Тимофеевъ предложилъ ходатайствовать о включеніи въ каталогъ книгъ, допущенныхъ въ бесплатныя бібліотеки и читальни, всѣхъ сочиненій Бѣлинскаго, и о разрѣшеніи для публичныхъ народныхъ чтеній одной изъ біографій великаго критика.

Еще давно, очень давно Некрасовъ мечталъ о томъ свѣтломъ времени, «когда мужикъ не Блюхера и не «Милорда» глупаго — Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ». Теперь, съ нарожденіемъ на свѣтъ Божій новаго типа сельскихъ бесплатныхъ бібліотекъ-читаленъ, задача приближенія къ народу лучшихъ произведеній нашей литературы упростилась. Въ эти бібліотеки-читальни министерствомъ народнаго просвѣщенія уже допущены произведенія многихъ литературныхъ критиковъ, для чтенія не менѣе трудныхъ, чѣмъ сочиненія Бѣлинскаго. Здѣсь вы найдете и неудобочитаемаго Страхова, и Аполлона Григорьева, и Ореста Миллера, и А. Незеленова, и П. Анненкова, и С. Шевырева, и П. Полевого... Только Бѣлинскій до сихъ поръ еще ждетъ чести стать рядомъ съ перечисленными, признанными и непризнанными, критиками. Казалось бы, не можетъ быть и рѣчи, о томъ, заслуживаетъ или не заслу-

живасть онъ этой чести. И для болѣе развитыхъ крестьянъ, и для деревенской интеллигенціи, которой не откуда взять почитать хорошей книги, включеніе сочиненій Бѣлинскаго въ министерскій каталогъ было бы радостнымъ и желаннымъ событіемъ. Кроме того, каталогомъ бесплатныхъ читаленъ министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило пользоваться при составленіи учительскихъ библіотекъ низшихъ нар. школъ. Такимъ образомъ, сочиненія Бѣлинскаго тѣмъ самымъ были бы даны въ такія руки, въ которыхъ видѣть ихъ было бы всего желательнѣе— въ руки народныхъ учителей.

И однако, правленіе общества народныхъ чтеній и его сторонники приложили всѣ усилія для того, чтобы не допустить общее собраніе до какого нибудь положительнаго рѣшенія по этому вопросу, они требовали, чтобы въ такъ называемую «редакціонную комиссію» было сдано не порѣшенное уже въ принципѣ ходатайство для подробной мотивировки, а и самый «вопросъ о ходатайствѣ»; они наивно воцѣляли о неподготовленности своей рѣшать вопросъ о Бѣлинскомъ тотчасъ; во имя свободы мнѣній требовали, чтобы заранѣе принятое рѣшеніе не отрѣзывало всякую возможность для комиссіи слышать принципиальныя возраженія противъ самаго ходатайства. Имъ возражали, что желающимъ никто не мѣшаетъ высказаться противъ ходатайства сейчасъ же, въ общемъ собраніи. Но, конечно, это возраженіе никого не убѣдило,— да и не могло убѣдить. Это во первыхъ. А во вторыхъ, «принять предложеніе безъ всякихъ поправокъ и оговорокъ, въ томъ видѣ, какъ оно внесено, значитъ «доставить побѣду оппозиціи», отсюда упорная борьба, въ результатѣ которой 28 голосовъ высказалось за мнѣніе правленія и 25 противъ него. Итакъ, намъ еще предстоитъ удовольствіе познакомиться съ грядущими работами редакціонной комиссіи по многосложному и многотрудному вопросу, слѣдуетъ или не слѣдуетъ сдѣлать сочиненія Бѣлинскаго всенароднымъ достояніемъ, помѣстивъ ихъ въ общедоступныя бесплатныя библіотеки-читальни.

Тѣмъ же правиломъ руководились «правленцы» и при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о чествованіи памяти Бѣлинскаго: всюду ставить возраженія или, по крайней мѣрѣ, словесныя придирки, чтобы постановленія собранія не получили характера побѣды оппозиціи. Такъ, напр., даже предложеніе послать въ день пятидесятилѣтія сочувственную телеграмму или адресъ г. Пензѣ, родинѣ Бѣлинскаго, устраивающей торжественное, трехдневное чествованіе его памяти, проходитъ не сразу.

Предложеніе третье—прочестъ въ общемъ собраніи рефератъ одного изъ членовъ о жизни и дѣятельности В. Г. Бѣлинскаго, принимается также съ поправкой, чтобы этотъ рефератъ былъ отправленъ на предварительный просмотръ директора народныхъ училищъ и начальника губерніи, т. е. постановлено подвергнуть его процедурѣ, установленной для публичныхъ лекцій, а никакъ не для докладовъ общему собранію. Наконецъ, «предварительно» просмотрѣть такой рефератъ, если онъ будетъ пред-

ставленъ со стороны, или даже составить его поручено «специалистамъ», т. е., педагогамъ - словесникамъ, подъ предѣдательствомъ В. К. Вязлинскаго!

Очень интересенъ былъ эпизодъ съ бумагой «об-ва приказчиковъ», изъявившихъ желаніе также чествовать память В. Г. Бѣлинскаго и приглашавшихъ об-во народныхъ чтеній взять на себя инициативу этого дѣла. Собранію бумага эта не была доложена, такъ какъ въ концѣ концовъ ея ни у кого не оказалось — вѣроятно, она была затеряна. О самомъ существованіи этой бумаги собраніе узнало лишь изъ урѣчи одного изъ своихъ сочленовъ, предложившаго устроить чествованіе Бѣлинскаго совместно съ др. учрежденіями, въ томъ числѣ и съ об-вомъ приказчиковъ, организующимъ лекцію о Бѣлинскомъ г. Алферова *).

Итакъ, правленіе нехотя согласилось чествовать память Бѣлинскаго; программа чествованія урѣзана, елико возможно. . . . .

. . . . .

Викторъ Черновъ.

71

*) Кстати будетъ отмѣтить здѣсь характерный для Тамбова фактъ. Давно назрѣлъ у насъ вопросъ объ организаціи общеобразовательныхъ лекцій; предложенія въ этомъ духѣ не разъ дѣлались отдѣльными членами об-ва нар. чтеній, но большинство его упорно признавало, что это «не ихъ дѣло». Тогда за организацію такихъ лекцій взялось «Общество приказчиковъ», уже организовавшее лекцію приватъ-доцента г. Зыкова и теперь организующее лекцію Г. Алферова. Общество народныхъ чтеній уступаетъ свою аудиторію для этихъ лекцій «за умѣренную плату».

Письма изъ провинціи.

(Изъ Тулы).

Дѣятельность Чернскаго земства по народному образованію.

Кто теперь не знаетъ «знаменитаго» Чернскаго земства Тульской губ. Своимъ постановленіемъ прошлаго года о передачѣ земскихъ школъ въ вѣдѣніе духовенства оно получило всероссійскую извѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, повсюду уѣздныя и губернскія земства напрягаютъ всѣ усилія къ введенію всеобщаго обученія; вездѣ ходатайствуютъ о сложеніи съ земства разныхъ обязательныхъ повинностей, чтобы такимъ путемъ получить больше средствъ на народное просвѣщеніе,—и только Чернское земство, выслушавъ докладъ особой комиссіи «объ изысканіи средствъ для расширенія народнаго образованія» и согласившись съ этимъ докладомъ, говоритъ: сложимъ съ себя заботу о просвѣщеніи народа, передадимъ школы духовенству и при этомъ мы получимъ болѣе 1000 р. экономіи. А вѣдь было время, когда Чернское земство еще въ 70-хъ годахъ ходатайствовало предъ правительствомъ о введеніи не только всеобщаго, но даже *обязательнаго обученія дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ*; было время, когда то-же земство послѣ своего перваго постановленія (въ 1886 г.) о передачѣ школъ въ вѣдѣніе духовенства давало торжественное обѣщаніе *никогда не закрывать своихъ школъ*. Вообще много было шаткаго, неустойчиваго и даже страннаго въ дѣятельности Чернскаго земства по народному просвѣщенію, а потому намъ кажется будетъ не лишнимъ познакомить интересующихся лицъ съ краткой исторіей этой дѣятельности.

Чернскій уѣздъ Тульской губ. занимаетъ площадь, которая въ былое время освѣщалась духовнымъ свѣтомъ 4 школъ, содержимыхъ государственными крестьянами, въ то-же время помѣщичьи крестьяне были въ болѣе худшемъ положеніи: у нихъ не было ни одной школы. Таковы были образовательныя средства у 75-ти тысячнаго населенія до 1861 г. Но вотъ подулъ свѣжій, свободный вѣтеръ: крѣпостныя отношенія пали, жизнь стала предъявлять новыя требованія, которыя легче могли быть удовлетворены грамотнымъ человѣкомъ, чѣмъ неграмотнымъ. Стали

открываться школы самими крестьянами: не смотря на свои скудные средства, крестьяне въ періодъ времени 1861—1865 гг. открыли 76 школъ, въ которыхъ обучалось болѣе 2000 дѣтей. Расходъ на эти школы составлялъ въ годъ около 2000 рублей. Неудовлетворительность этихъ самобитныхъ школъ будетъ понятна сама собою, если вспомнить, что въ то время не было ни подходящихъ учебниковъ, ни учителей, сколько-нибудь удовлетворяющихъ своему назначенію. Полуграмотные солдаты, писаря, дьячки, пономари—вотъ первые народные учителя. Правда, Законъ Божій въ нѣкоторыхъ школахъ преподавали сами священники, но они небрежно относились къ своимъ обязанностямъ: это неоднократно удостовѣрили впоследствии гласные на земскомъ собраніи. Вполнѣ понятно, что крестьяне скоро стали охлаждать къ школамъ, которыя очень часто не могли научить ихъ дѣтей даже чтенію и письму. Школы стали закрываться...

Въ концѣ 1865 года въ Чернскомъ уѣздѣ было открыто земство, которому пришлось констатировать указанныя выше печальные факты и принять мѣры «къ развитію дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ и постановкѣ его въ возможно непродолжительномъ времени на болѣе твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ». Таковы были пожеланія молодого земства, но, должно быть, и тогда печальный рокъ тяготѣлъ надъ Чернскимъ земствомъ: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вплоть до 1873 года, ассигновка земства на народное образованіе не превышала 300 рублей, да и изъ этой суммы земство ухитрилось дѣлать экономію. Въ то-же время Чернское земство возбуждаетъ передъ правительствомъ ходатайство объ обязательномъ обученіи дѣтей, находящихся въ возрастѣ 8—14 лѣтъ. Понятно, это ходатайство успѣха не имѣло. Между тѣмъ число школъ все падало и падало, дойдя въ 1875 г. до 27. Такова была «просвѣтительная» дѣятельность земства за первое десятилѣтіе. И нельзя сказать, чтобы недостатокъ средствъ вынуждалъ земство быть болѣе чѣмъ индифферентнымъ къ народной школѣ: нѣтъ, въ то-же самое время земство бралось за такія предпріятія, которыя были и очень дороги, и весьма бесполезны. Такъ, въ 1874 году земство открыло въ г. Черни сиротское женское училище, которое обошлось въ 25.000 руб. и чрезъ 4 года закрылось.

Второе десятилѣтіе въ жизни Чернскаго земства было самымъ лучшимъ въ исторіи чернской народной школы: дѣятельность земства постоянно прогрессировала и ни разу не повернула назадъ. Несомнѣнно, что на развитіе школьнаго дѣла въ уѣздѣ за это время имѣлъ благотворное вліяніе училищный совѣтъ (по положенію 25 мая 1874 г.), который постоянно побуждалъ земство увеличивать расходы на народное образованіе. Очень скоро традиціонная 300-рублевая ассигновка земства повысилась до 2.500 руб., а къ концу второго десятилѣтія (въ 1876 г.) дошла до 7000 руб., т. е. достигла того maximum'a расходовъ, которые производились земствомъ за все время его дѣятельности по

народному образованію. Въ теченіе второго десятилѣтія земство участвуетъ въ ремонтѣ школьныхъ зданій, снабжаетъ школы учебными пособиями, увеличиваетъ жалованье учителямъ, выдаетъ имъ по 10 руб. за каждаго ученика, сдаващаго экзаменъ на льготу по воинской повинности, и т. п. Последняя мѣра сразу повысила число оканчивающихъ въ школахъ: въ 1874 г. только одинъ ученикъ кончилъ курсъ со свидѣтельствомъ, а въ 1880 г. уже 43.

Изъ постановленій земскаго собранія за этотъ періодъ нужно особенно отмѣтить одно—о порядкѣ открытія и содержанія школъ. Въ 1882 г. земство по этому вопросу постановило: «общества или частныя лица, желающія открыть училища, вносятъ въ земскую управу по 75 р. въ годъ; если по количеству учащихся требовалось приглашеніе помощника учителя, то должно быть вносимо еще 40 руб. Таковымъ обществамъ и частнымъ лицамъ *выдается вспомошествованіе отъ земства на содержаніе школы*—сумма вдвое большая противъ ассигнованной по приговору или заявленію; при этомъ до 25 руб. приблизительно отдѣляется училищнымъ совѣтомъ на приобретеніе учебниковъ и учебныхъ пособій на каждое училище». Школьное помѣщеніе и содержаніе его должны быть за счетъ учредителей. Смыслъ этого постановленія ясенъ: *школы учреждаются и содержатся частными лицами, а земство даетъ только вспомошествованіе на содержаніе училищъ*. Естественно, при такой постановкѣ школьнаго дѣла земство не имѣетъ никакого права (ни нравственнаго, ни юридическаго) распоряжаться чужою собственностью, передавая школы въ другое вѣдомство.

Призывъ къ частной инициативѣ, заключающійся въ указанномъ постановленіи, принесъ большую пользу: въ теченіе 1882—1884 гг. частныя лица и крестьянскія общества затратили на начальное образованіе почти 7 тысячъ рублей. Число школъ повысилось до 40 съ 1600 учащимися. Можно было думать, что народное образованіе въ Черномъ земствѣ встало на прочную почву и будетъ развиваться въ третьемъ десятилѣтіи такъ же, какъ и во второмъ, но тутъ выступилъ на сцену «злой рокъ»: въ 1886 г. земство, разсмотрѣвъ расходы на народное образованіе, рѣшило, что *затраты, дѣлаемая на этотъ предметъ, не производительны*, такъ какъ каждый изъ окончившихъ въ 1885 г. «обошелся земству въ 368 р. 14 коп.». Какимъ математическимъ путемъ добыта послѣдняя цифра, мы не знаемъ, но безусловно вѣрно то, что эта цифра ошибочна. Въ самомъ дѣлѣ, ежегодный расходъ на школы составлялъ 7000 руб., а въ годъ кончало отъ 90 до 140 дѣтей; слѣдовательно, каждый окончившій обходился земству не выше 50—80 рублей. Но «экономному» земству было не до математическихъ выкладокъ: оно рѣшило передать школы (это—чужія-то?) въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства съ ежегоднымъ пособиемъ въ 3000 руб. вмѣсто 7000 р. Выгодная операція,—но земцамъ пришлось разочароваться: передача школъ на этихъ условіяхъ не состоялась.

Непринятія духовнымъ вѣдомствомъ и оттолкнутыя земствомъ школы стали умирать: вслѣдъ за постановленіемъ 1886 г. изъ 40 школъ осталось только 12, изъ которыхъ только четыре пользовались субсидіей земства, а остальные содержались исключительно на частныя средства. Въ то же время земство удѣляетъ 2,000 руб. въ пособіе духовному вѣдомству на церковно-приходскія школы (по 35 р. на школу). Не проходитъ послѣ этого и 3 лѣтъ, какъ земству приходится констатировать свою ошибку. Въ 1889 г. въ собраніи раздаются голоса, что нужно или увеличить пособіе духовному вѣдомству, или отказаться совсѣмъ отъ него и открыть свои школы, такъ какъ 2,000 руб. недостаточно, и эти деньги «погибаютъ бесплодно». Въ результатѣ восторжествовало мнѣніе защитниковъ земской школы, и земство, въ отмѣну своего прежняго постановленія о передачѣ школъ духовенству, согласилось выдавать пособіе тѣмъ частнымъ лицамъ и крестьянскимъ обществамъ, которыя обяжутся въ теченіе не менѣе 3 лѣтъ уплачивать отъ себя ежегодно по 75 р., не считая содержаніе помѣщенія, которое должно быть выстроено также учредителемъ школы. Черезъ 3 года послѣ этого (въ 1892 г.) земство идетъ еще далѣе и даетъ торжественное обѣщаніе: *обученіе* въ тѣхъ школахъ, гдѣ учредители «будутъ уплачивать установленные взносы по 75 р. въ годъ, въ теченіе 3 лѣтъ сряду, *принять на земскія средства навсегда*». Параллельно съ этимъ земство принимаетъ мѣры къ улучшенію учительскаго персонала и съ этою цѣлью въ 1895 г. постановило прибавлять къ жалованью по 5 руб. въ мѣсяцъ тѣмъ учителямъ, которые прослужатъ въ земствѣ не менѣе 5 лѣтъ, а затѣмъ выдавать еще единовременное пособіе черезъ каждые 3 года. Всѣ эти мѣры очень скоро оказали свое благотворное вліяніе. Число школъ съ 12, бывшихъ въ 1887 г., возрасло въ 1896 г. до 30 съ 1,496 учащимися, причемъ въ этомъ году окончило курсъ 140 дѣтей, и, слѣдовательно, каждый окончившій обошелся земству въ 50 р. при общемъ расходѣ въ 7,000 рублей.

Въ то же время и духовенство по мѣрѣ силъ заботилось о народномъ образованіи, доведя къ 1896 г. число церковно-приходскихъ школъ до 38 и школъ грамоты до 49 съ 1546 учащимися. Такимъ образомъ къ 1896 г. въ уѣздѣ существовало всего 117 школъ, въ которыхъ обучалось болѣе 3,000 дѣтей. Кромѣ того земство открыло народную бібліотеку, на которую рѣшило ассигновывать ежегодно по 200 руб. Такова была дѣятельность земства въ теченіе третьяго десятилѣтія (1885 — 1895 г.). Земство, повидимому, оправилось отъ тяжкаго недуга, бывшаго въ 1886 г., и въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи приближалось къ тому уровню, до котораго дошло въ 1885 году..

Въ это время, совершенно неожиданно для друзей свѣта, появилась тучка на ясномъ и безоблачномъ небѣ. Въ собраніи 1896 г. снова поднялся вопросъ о передачѣ школъ въ духовное вѣдомство, и вмѣстѣ съ тѣмъ была образована комиссія «объ изысканіи средствъ для расши-

ренія народного образованія». Комиссія думала цѣлый годъ и въ концѣ концовъ къ собранію 1897 года изготовила проектъ о передачѣ земскихъ школъ въ вѣдѣніе духовенства съ пособіемъ отъ земства въ размѣрѣ 6.000 руб. Осеннее собраніе 1897 г. было необыкновенно бурное, но въ результатѣ продолжительныхъ дебатовъ противники земской школы побѣдили большинствомъ 19 голосовъ противъ 13. Подавая голосъ противъ земской школы, они позабыли, что содержаніе нѣсколькихъ школъ земство приняло на свои средства *навсегда*; они забыли, что не имѣли права распоряжаться *чужими* школами, которымъ оказывали лишь извѣстное *вспомоществованіе*; наконецъ, они не сдержали передъ учителями тѣхъ обязательствъ, которыя приняли въ 1895 году...

На постановленіе земскаго собранія о передачѣ школъ духовенству были поданы въ Тульское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе два протеста: одинъ—чернскимъ предводителемъ дворянства П. И. Левицкимъ, а другой—дирекціей народныхъ училищъ, но оба протеста были оставлены безъ послѣдствій, хотя такъ недавно министерство народного просвѣщенія разъяснило, что подобная передача можетъ быть совершена лишь съ утвержденія училищнаго совѣта, чего въ данномъ случаѣ не было.

Сергій Сонинъ.

(Изъ Новгорода).

Общество взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Новгородской губерніи.

Уставъ Общества былъ утвержденъ 20 марта 1893 года; открытіе происходило 5 сентября того же года въ присутствіи многочисленной публики. Послѣ торжественнаго молебствія открыто было первое собраніе, подѣ председательствомъ директора народныхъ училищъ Ѳ. Н. Павлинскаго, одного изъ членовъ-учредителей Общества. Въ своей рѣчи къ присутствующимъ председатель выяснилъ значеніе Общества для успѣховъ народного образованія; затѣмъ, обращаясь къ присутствовавшимъ при открытіи сельскимъ учителямъ и учительницамъ, приглашалъ ихъ къ дѣятельному участию въ дѣлахъ новаго Общества, справедливо указывая на то, что дѣйствительные члены—это они сами, посторонніи же почтенныя лица—только члены-соревнователи.

Общество, какъ гласитъ о томъ § 1 устава, поставило цѣлью—помогать нуждающимся учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Новгородской губерніи денежными пособіями и другими видами матеріальной помощи. Цѣль прекрасная, если прмнять во вниманіе крайнюю необезпеченность сельскаго учителя въ настоящемъ и полное отсутствіе надежды на лучшее въ будущемъ. Поставивъ цѣлью борьбу именно

съ этимъ зломъ, матеріальною необеспеченностью народнаго учителя, Общество не могло уже на первыхъ порахъ ограничиться только денежными пособиями, одновременными и постоянными. Пособія, при ограниченнхъ средствахъ Общества, очевидно, не могли быть настолько значительными, чтобы чувствительно облегчить положеніе вѣдомствуемыхъ, да и число этихъ послѣднихъ такъ велико, что удовлетворить всѣхъ—дѣло невозможное для новорожденнаго Общества. Болѣзнь учителя, требующая значительныхъ расходовъ, неспособность къ службѣ, отнимающая и тотъ кусокъ хлѣба, какой давало учительство, наконецъ, смерть труженника, ставящая близкихъ родственниковъ въ безвыходное положеніе—вотъ тѣ случаи, на которые Общество рѣшило обратить свое вниманіе и направить помощь. Кромѣ того, однимъ изъ несчастій для учителя, при его матеріальной необеспеченности, служить семья, ибо, кромѣ большихъ расходовъ на содержаніе, она вноситъ еще и заботу о подроставшихъ дѣтяхъ. «И по собственнымъ понятіямъ, и по своему общественному и экономическому положенію учитель долженъ давать своимъ дѣтямъ образованіе, между тѣмъ отдать ихъ въ городъ учиться для него нѣтъ никакой возможности». На необходимость помощи въ этомъ направленіи и было указываемо въ первый же годъ существованія Общества. На второмъ очередномъ общемъ собраніи 16 октября 1894 г. былъ прочитанъ и принятъ докладъ члена Правленія Я. И. Дущечкина объ открытіи интерната для дѣтей учителей въ городахъ со средними учебными заведеніями. Дать дѣтямъ учителей возможность по окончаніи курса начальной школы получить дальнѣйшее образованіе, говорилось въ докладѣ, это первое по очереди солидное дѣло для Общества, на него должно направить всѣ главныя силы. Наиболѣе удобная и выгодная практическая постановка этого дѣла достигалась устройствомъ интернатовъ. Этихъ послѣднихъ предлагалось открыть два: для юго-западной части губерніи въ Новгородѣ и для сѣверо-восточной—въ Череповцѣ. Устройство второго откладывалось до болѣе благоприятнаго времени, относительно же новгородскаго интерната докладчикъ настаивалъ на открытіи къ августу мѣсяцу учебнаго 1895—96 года. Устройство такого учрежденія требовало отъ молодого Общества значительныхъ затратъ. По предложенной г. Дущечкинымъ сметѣ первоначальное обзаведеніе и годовое содержаніе интерната обходилось до 1,300 рублей. На запросы о желаніи отдать дѣтей въ среднія учебныя заведенія г. Новгорода и о размѣрѣ платы, какую могутъ предложить родители за содержаніе дѣтей въ интернатѣ, были получены отвѣты отъ 7 учителей, желавшихъ помѣстить 9 человекъ, причемъ на содержаніе ихъ могло поступить до 600 рублей въ годъ со стороны родителей. Въ первое время предполагалось отдавать предпочтеніе дѣтямъ тѣхъ учителей, которые могутъ вносить большую плату, съ развитіемъ же дѣла пансіонеры могли быть принимаемы и безъ платы по постановленію Правленія. Такимъ образомъ, на долю Общества, какъ видно изъ доклада, оставался расходъ въ 1,000 рублей на ежегодное со-

держаніе и до 300 рублей на скромную, но приличную первоначальную обстановку интерната. Плата за пансіонеровъ могла быть употреблена на наемъ квартиры и на жалованье за веденіе хозяйства и надзоръ за дѣтьми. Расходъ Общества составлялъ меньше половины всѣхъ поступленій его въ первый годъ существованія. «Цифра эта съ перваго взгляда можетъ показаться обременительной для Общества и навести на мысль объ одностороннемъ направленіи дѣятельности его, говорилось въ докладѣ, но стоить немного вдуматься въ значеніе требующейся ассигновки, и мы увидимъ ея полную практичность и разумность... Открывая интернатъ, Общество тѣмъ самымъ сразу снимаетъ тяжесть заботъ о судьбѣ дѣтей со всѣхъ семейныхъ учителей губерніи, оно расширяетъ также свободу и неженатыхъ учителей, уменьшая страхъ при представленіи матеріальной необезпеченности въ случаѣ перехода къ семейной жизни». При этомъ было указано на возможное уменьшеніе расходовъ въ качествѣ одновременныхъ пособій, такъ какъ послѣдними пользуются, главнымъ образомъ, учителя, обремененные семействомъ. Помѣщеніе дѣтей такого учителя въ интернатъ представляетъ рациональнѣйшее пособіе, направленное на самый корень матеріальной необезпеченности. «Полная опредѣленность, постоянство и важное значеніе помощи въ видѣ интерната, говорилъ Я. И. Душечкинъ, даетъ больше шансовъ надѣяться на серьезныя пособія съ спеціальнымъ назначеніемъ отъ земствъ, городскихъ обществъ губерніи и даже отъ правительства; пожертвованія со стороны частныхъ лицъ также скорѣе могутъ быть привлечены дѣломъ конкретнымъ, открытымъ, чѣмъ мало замѣтнымъ и допускающимъ существенныя измѣненія въ себѣ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ лицъ... Съ открытіемъ интерната Общество пуститъ первый здоровый корень въ самую глубь той почвы, на которой оно посажено». Какъ выше сказано, докладъ этотъ былъ принятъ общимъ собраніемъ, и устройство интерната къ августу 1895 года было возложено на Правленіе. Второй вопросъ, поставленный на очередь, касался измѣненій въ уставѣ, вызванныхъ существующею процедурою вспомоствованія. Для полученія помощи учитель долженъ написать прошеніе въ Правленіе Общества, которое наводитъ справки о дѣйствительной нуждѣ его; затѣмъ уже въ Правленіи или экстренномъ собраніи Общества разрѣшается вопросъ о выдачѣ пособія. Если принять во вниманіе, что сообщеніе между Новгородомъ и нѣкоторыми мѣстностями губерніи довольно затруднительно, и почта идетъ цѣлую недѣлю, то станетъ очевидно неудобство такой организаціи: когда помощь нужна больному учителю, то онъ успѣетъ нѣсколько разъ умереть въ ожиданіи пособія. Въ виду этого Я. И. Душечкинъ была предложена докладная записка 2-му общему собранію 16 октября 1894 года о желательныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ Общества. Въ видахъ возможно болѣе успѣшнаго выполненія своего назначенія, Обществу предлагалось отерывать отдѣленія въ различныхъ пунктахъ губерніи, при томъ, однако, условіи, чтобы въ районѣ каждаго отдѣленія числилось не менѣе 15 дѣй-

ствительныхъ членовъ. Дѣятельность отдѣленій и мѣстныхъ собраній была бы сходна съ дѣятельностью центральныхъ, но лишь въ предѣлахъ инструкціи, утвержденной Общимъ Собраніемъ.

Какъ ни очевидна цѣлесообразность и несомнѣнно громадное плодотворное значеніе для Общества устройства интерната и филиальныхъ отдѣленій, однако, защитникамъ этихъ учрежденій пришлось выдержать упорную борьбу, прежде чѣмъ удалось достигнуть цѣли. Главнымъ противникомъ былъ избранный председателемъ Правленія директоръ училищъ г. Павлинскій, т. е. тотъ, кому изъ членовъ-соревнователей должны быть всего ближе интересы и преуспѣяніе Общества. Началось съ того, что въ засѣданіяхъ Правленія проекты Я. И. Душечкина объ учрежденіи интерната и желательныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ Общества подъ давленіемъ директора было рѣшено не представлять отъ имени Правленія въ Общее собраніе. Не смотря на то, докладъ объ интернатѣ былъ принятъ на Общемъ собраніи 16 октября 1894 г.; тогда же Правленію было поручено составить подробную смѣту согласно докладу и представить на утвержденіе экстреннаго собранія. Вопросъ объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ уставѣ былъ тоже порученъ разсмотрѣнію Правленія въ ближайшихъ засѣданіяхъ. Въ экстренномъ собраніи 12 марта 1895 года и были разсмотрѣны: проектъ измѣненій и дополненій устава Общества; проектъ правилъ для поступленія въ общежитіе и смѣта на учрежденіе интерната. Проекты за незначительными исключеніями были приняты Общимъ собраніемъ, но первый изъ нихъ, касавшійся, главнымъ образомъ, устройства филиальныхъ отдѣленій Общества по губерніи, не былъ затѣмъ утвержденъ подлежащимъ начальствомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Смѣта на учрежденіе интерната была отклонена; но Правленію поручено было составить новую. Въ экстренномъ собраніи 9 апрѣля того же года смѣта, сокращенная противъ прежняго, была принята собраніемъ въ такомъ видѣ: на первоначальное обустройство 250 рублей (вмѣсто прежнихъ 350 р.) и на содержаніе въ теченіе года—1,300 р. (вмѣсто 1,600 р.). Не смотря на тормазы, ставившіеся живому дѣлу, оно нашло откликъ въ сердцахъ лучшихъ людей, горячо преданныхъ дѣлу просвѣщенія родного народа и заботящихся объ обездоленныхъ дѣтяхъ на нивѣ народной. Интернатъ былъ открытъ въ началѣ 1895—96 учебнаго года въ присутствіи мѣстныхъ членовъ Общества. Были составлены правила для общежитія и избрано изъ среды членовъ Правленія лицо для наблюденія за хозяйственною частью. Въ это время въ интернатѣ состояло 6 мальчиковъ, обучавшихся въ Новгородскомъ реальномъ училищѣ. Директоръ училищъ г. Павлинскій отказался отъ должности председателя Правленія. Въ слѣдующемъ году мы опять видимъ г. Павлинскаго председателемъ Правленія. На экстренномъ собраніи 2 іюня 1896 года онъ снова выступилъ противъ интерната. Въ своей докладной запискѣ объ этомъ предметѣ онъ старался доказать, что Правленіе по недостатку денежныхъ средствъ находитъ затруднительнымъ дальнѣйшее

содержаніе интерната по той причинѣ, что расходъ на его содержаніе якобы превосходитъ приходъ. При обсужденіи доклада было указано на неточность приводимыхъ въ немъ цифръ, а именно: въ приходъ не были внесены считавшіяся въ недомѣхъ за родителями содержимыхъ въ интернатѣ дѣтей—175 руб. Фактически этой недомѣки быть не могло, ибо за нѣкоторыхъ учителей деньги вносились уѣздными управами, удерживающими изъ ихъ жалованья определенную сумму, которая и перечислялась потомъ въ депозитъ Общества сразу; а другіе платили непосредственно Правленію и были заинтересованы въ своевременной уплатѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣти ихъ исключались изъ интерната. На запросы, почему земства отказали въ пособіи Обществу на текущій годъ, г. Павлинскій объяснилъ, что отказы въ пособіяхъ вызваны учрежденіемъ интерната. Изъ прелій же выяснилось, что это предположеніе не имѣетъ никакихъ фактическихъ основаній. Выяснилось, напротивъ, что Правленіе само было виновато въ этомъ невнимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу собранія средствъ для Общества. Собраніемъ было постановлено—оставить интернатъ на прежнемъ основаніи. Послѣ этой неудачной попытки закрыть интернатъ г. Павлинскій снова отказался отъ званія председателя Правленія Общества, на этотъ разъ, кажется, окончательно. Послѣ этого дѣла Общества пришли въ норму, и спокойное теченіе ихъ въ желательномъ направленіи служить лучшимъ ручательствомъ успѣха и во всѣхъ другихъ начинаніяхъ. Никакое нововведеніе не удастся провести въ жизнь безъ борьбы, но въ данномъ случаѣ борьба консервативной партіи была, что говорится, борьбою противъ рожна. Г. директоръ народныхъ училищъ, какъ видно, поставилъ цѣлью сломить упрямство новаторовъ, на сторонѣ которыхъ была большая часть общества.

Теперь прослѣдимъ вкратцѣ дѣятельность Общества за 4 года его существованія. Средства Общества состоятъ изъ ежегодныхъ и единовременныхъ членскихъ взносовъ, пожертвованій и доходовъ съ публичныхъ лекцій, спектаклей, концертовъ, вечеровъ, даваемыхъ въ пользу Общества. Для молодого Общества изысканіе средствъ—вопросъ насущный, поэтому дѣятельность Правленія была главнымъ образомъ направлена на распространеніе большей извѣстности объ Обществѣ и его задачахъ и на приобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ. Были заведены квитанціонныя книжки для собранія взносовъ и пожертвованій, причемъ изъ среды частныхъ лицъ самыя крупныя пожертвованія были сдѣланы о. Иоанномъ Ильичемъ Сергіевымъ (Кронштадтскимъ) чрезъ посредство А. А. Герке. Этотъ послѣдній оказалъ большую пользу Обществу привлеченіемъ пожертвованій. Пожертвованія поступили даже отъ 15 крестьянскихъ Обществъ Череповецкаго и Устюжнскаго уѣздовъ Новгородской губерніи. Сочувствіе земствъ Обществу выразилось въ постановленіяхъ девяти земскихъ управъ объ отпускѣ единовременныхъ пособій въ размѣрѣ отъ 50 до 200 рублей. Жаль, что земства, особенно губернскае, оказываютъ очень незначительную помощь Обществу, между тѣмъ оно преслѣдуетъ въ отношеніи сель-

скихъ учителей именно тѣ цѣли, которыя не осуществлены земствомъ. Принимая на себя исполненіе нѣкоторыхъ обязанностей губернскаго земства, Общество въ правѣ, кажется, рассчитывать и на болѣе участливое отношеніе къ себѣ со стороны послѣдняго. За время отъ 1893 года до 96 г. одновременныхъ пособій учителямъ или ихъ родственникамъ было выдано 20. на сумму 600 рублей. Число членовъ отъ 241 чел. дѣйствительныхъ и 180 сореvнователей въ первый годъ возрасло чрезъ четыре года до 354 дѣйствительныхъ членовъ и 218 сореvнователей. Основной капиталъ увеличился до 2,977 р. 70 коп., расходовалось же ежегодно до 1,300—1,500 рублей, включая сюда и расходы на содержаніе интерната.

Въ настоящее время, дѣла Общества идутъ хорошо, хотя въ организаціи никакихъ измѣненій не послѣдовало. Правленіе относится къ своимъ задачамъ вполне серьезно и съ полной преданностью дѣлу. Старательно заботится оно и о привлеченіи средствъ въ Общество посредствомъ устройства спектаклей и вечеровъ съ благотворительной цѣлью; такихъ предпріятій было нѣсколько въ текущемъ году. Въ интернатѣ содержится 11 человекъ; завѣдуютъ имъ надежные люди, вообще устройство вполне отвѣчаетъ своему назначенію. Въ послѣднее время явилась мысль выстроить собственный домъ для интерната, и надо полагать, что эта мысль получить осуществленіе, такъ какъ исходить отъ людей энергичныхъ, сочувствующихъ дѣлу народнаго просвѣщенія, имѣющихъ вліяніе въ Обществѣ и способныхъ довести дѣло до конца.

П. А.

(Изъ Самары).

Общество поощренія образованія.

О бѣдственномъ положеніи нашей учащейся молодежи извѣстно всѣмъ и каждому. Скитаніе по чердакамъ и каморкамъ, отсутствіе чистаго бѣлья и сносной одежды, хроническое недоѣданіе, а подчасъ и прямое голоданіе—такова грустная картина, которую вы можете наблюдать повседневно не только въ столицахъ, но и во многихъ губернскихъ университетскихъ городахъ. Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному беремъ первую попавшуюся подъ руку газетную замѣтку объ этомъ предметѣ. «Я могу насчитать, пишетъ нѣкто г. И., сотню извѣстныхъ мнѣ студентовъ, которые живутъ въ такихъ антисанитарныхъ и антигигиеническихъ каморкахъ, что дѣлается страшно за нихъ. Не имѣя возможности часто стирать бѣлье, они носятъ по два, по три мѣсяца одну смѣну, носятъ сапоги безъ пятъ, сюртукъ засаленный и ветхій до того, что страшно къ нему прикоснуться. Все ихъ имущество состоитъ изъ худощавой подушки, узелка, лампы да связки книгъ по своей специальности, и вы можете какъ-нибудь полюбоваться, какъ переѣзжаетъ студентъ съ квар-

тиры на квартиру. Хорошо тѣмъ, кому посчастливится найти урокъ какимъ-нибудь случаемъ, такъ какъ публикаціи—это только пустая трата денегъ. Большинство такихъ студентовъ не имѣетъ ни уроковъ, ни литературныхъ талантовъ, и живетъ, какъ птицы небесныя. Есть еще другіе способы жалкаго заработка, напримѣръ, конторская работа, статистика, но достать такую работу очень трудно; нужны и случай, и протекція. Многие, можетъ быть, подумаютъ, что я преувеличиваю, что такъ прожить невозможно. Въ отвѣтъ я укажу на многихъ извѣстныхъ мнѣ студентовъ, которые *почти никогда не обѣдаютъ*, питаюсь только молокомъ, вѣсовымъ хлѣбомъ, чаемъ и изрѣдка колбасой. И, разумѣется, такъ жить было бы невозможно, если бы въ крайнихъ случаяхъ не помогали такіе же бѣдняки-товарищи, надѣясь на то, что и имъ помогутъ, если они будутъ въ подобномъ же положеніи». Но бываетъ и еще хуже,—бываетъ такъ, что, по недостатку средствъ, студентовъ цѣлыми массами исключаютъ изъ учебныхъ заведеній; раза два въ годъ во всѣхъ газетахъ вы можете читать краткія, но въ то же время ужасныя извѣстія, что «154 студента уволены изъ университета за невзносъ платы за слушаніе лекцій», «324 студентамъ грозитъ исключеніе, если они не заплачатъ во время установленной платы за второе полугодіе» и проч., и проч. въ томъ же родѣ и духъ.

И правда, въ большинствѣ случаевъ отыскиваются добрые люди, которые жертвуютъ болѣе или менѣе значительныя суммы, и такимъ образомъ выручаютъ нѣкоторыхъ счастливецъ студентовъ изъ самаго критическаго положенія. Но такія пожертвованія всегда носятъ характеръ случайный.—это во-первыхъ; во-вторыхъ, на время исключеннымъ студентамъ приходится переживать самые томительныя, тревожныя дни и пропускать лекціи. Не лучше ли, поэтому, сдѣлать помощь недостаточнымъ студентамъ болѣе или менѣе правильною, постоянною и цѣлесообразною. Намъ думается, что такимъ условіямъ какъ нельзя лучше могутъ удовлетворять и *общества поощренія высшаго образованія*. Правда, ихъ у насъ такъ немного, они еще только зарождаются въ провинціи; но тѣмъ настойчивѣй, смѣлѣй и чаще слѣдуетъ говорить о нихъ въ печати и въ обществѣ. Въ настоящемъ письмѣ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей съ однимъ изъ такихъ симпатичныхъ учрежденій въ провинціи, именно, съ Самарскимъ обществомъ поощренія образованія, недавно отпраздновавшимъ 25-лѣтіе своего существованія.

Исторія возникновенія Самарскаго общества поощренія образованія очень несложна и проста. 12 января 1871 года, какъ гласитъ отчетъ, въ годовщину московскаго университета, въ залѣ самарскаго дворянскаго собранія былъ устроенъ обѣдъ бывшихъ воспитанниковъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. А. И. Смирнитскій произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на отсутствіе солидарности между студентами, на недостатокъ взаимопомощи и поддержки другъ друга, столь необходимыхъ на трудномъ жизненномъ пути. Одинъ изъ способовъ достиженія такой со-

лидарности ораторъ полагалъ въ слѣдующемъ: «поставить правиломъ собираться всѣмъ студентамъ каждый годъ 12 января, знакомиться между собою и съ положеніемъ каждаго изъ насъ и, въ случаѣ надобности, оказывать поддержку нравственную и матеріальную», причѣмъ, для послѣдней цѣли, образовать капиталъ». Предложеніе А. И. Смирнитскаго имѣло большой успѣхъ; тутъ же, на обѣдѣ, была устроена подписка на пользу одного или двухъ лучшихъ воспитанниковъ очереднаго выпуска самарской гимназіи, для выдачи имъ пособія при поступленіи въ университетъ, и собранные 223 рубля рѣшено было передать въ распоряженіе А. И. Смирнитскаго.

Мысль, высказанная въ застольной рѣчи оратора, была подхвачена другими интеллигентными людьми; потомъ, какъ то само собой образовался кружокъ наиболѣе энергичныхъ и сочувствующихъ предложенію Смирнитскаго лицъ, составленъ «Уставъ самарскаго общества поощренія высшаго образованія» и отправленъ, куда слѣдуетъ, на утвержденіе. Наконецъ года черезъ полтора уставъ былъ утвержденъ, и 25 февраля 1873 года считается днемъ открытіе этого симпатичнаго общества.

Первоначальный уставъ ставилъ общество въ довольно тѣсныя рамки: оно могло помогать лишь однимъ бывшимъ воспитанникамъ самарской мужской гимназіи и притомъ только тѣмъ изъ нихъ, которые обучались въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ университетахъ, медико-хирургической академіи и технологическомъ институтѣ.

Но вотъ въ 1880 году въ Самарѣ открывается реальное училище; естественно, что многіе изъ членовъ Общества поощренія высшаго образованія сочли нужнымъ выдавать пособія и недостаточнымъ ученикамъ вновь открывшагося учебнаго заведенія; а на общемъ собраніи, происходившемъ 3 октября 1882 г., «большинство голосовъ высказалось за распространеніе дѣятельности общества на высшіе женскіе курсы и за необходимость соотвѣтственнаго дополненія устава Общества и измѣненія нѣкоторыхъ параграфовъ его, согласно указаніямъ 10-лѣтняго опыта». При переработкѣ стараго Устава особой редакціонной комиссіей, однимъ изъ членовъ ея (С. О. Лавровымъ) рѣшено было ввести въ уставъ отдѣльный пунктъ, а именно: лица, пользующіяся помощью Общества, нравственно обязаны, по окончаніи курса, возвратитъ ему, по мѣрѣ возможности, хотя бы часть полученнаго ими пособія.

Переработанный въ этомъ смыслѣ уставъ Общества былъ отправленъ на утвержденіе къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, откуда и возвратился черезъ 20 мѣсяцевъ. Съ тѣхъ поръ (съ 7 іюля 1886 года) прежнее «Общество поощренія высшаго образованія» превратилось въ «Общество поощренія образованія», т. е. задачи Общества, по смыслу новаго устава, были теперь уже гораздо шире прежнихъ. И, такимъ образомъ, въ настоящее время Общество оказываетъ матеріальную поддержку нуждающимся учащимся мѣстныхъ мужской и женской гимназіи и реальнаго училища, «студентамъ, слушателямъ и слушательницамъ высшихъ

учебныхъ заведеній, по воспитанію или семейному положенію имѣющимъ связь съ Самарской губерніей».

Теперь обратимъ вниманіе на состояніе кассы Самарскаго Общества поощренія образованія, а также на то, откуда оно почерпало въ эту кассу денежныя средства.

Въ 1-му октябрю 1897 года наличнаго капитала въ кассѣ состояло 26,697 руб. 15 коп.; за всѣ же истекшія 25 лѣтъ на приходѣ Общества числилось 103,940 руб. 83 коп.

По статьямъ прихода эта сумма распредѣляется такъ:

	Руб.	Проц.
Пожертвованія	40,739	или 39
Спектакли, концерты и проч.	22,649	» 22
Ежегодные членскіе взносы .	21,093	» 20
Проценты съ капиталовъ .	6,710	» 6
Карточный сборъ отъ Самарскаго Благороднаго собранія	6,030	» 5,80
Возвратъ пособій	3,723	» 3½
Пожизненные членскіе взносы.	2,810	» 2,70
Возвратъ ссудъ	175	» 0,17

Изъ частныхъ лицъ крупныя пожертвованія сдѣлали: М. З. Бурлина—13,000 руб., А. В. Дунаева—2,000 руб., А. Ф. фонъ-Вакано—1,800 руб., И. Д. Ковригинъ—1,200 руб., М. И. Моргуновъ—1,000 р., Е. И. Кириллова—1,000 руб. Изъ учрежденій особенно сочувственно отнеслись къ Обществу губернское земство, пожертвовавшее до 6,000 р., Самарское Общество Взаимнаго Кредита внесло въ кассу Общества свыше 2,000 руб., Благородное собраніе—6,030 р. (карточный сборъ), Общество врачей Самарской губерніи—564 руб.; зато Самарское городское самоуправленіе за все 25-лѣтіе не расщедрилось ни на ломаный грошъ, если не считать того, что оно обязало антрепренеровъ театра давать ежегодно одинъ спектакль въ пользу Общества.

Нельзя пройти молчаніемъ крупной статьи дохода Самарскаго общества отъ спектаклей, концертовъ и др. зрѣлищъ; такимъ путемъ, какъ мы видѣли, Общество выручило 22,649 р. или 22% всей суммы прихода. Ежегодные и пожизненные членскіе взносы выражались еще въ болѣе крупной цифрѣ, а именно, они равнялись 23,903 р. или 23%. Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о той статьѣ, которая фигурируетъ въ отчетѣ въ самомъ концѣ подъ рубрикой: «возвратъ пособій и возвратъ ссудъ». Оказывается, что за всѣ 25 лѣтъ Обществу было возвращено—пособій 3,723 р. или 3½%, ссудъ же все лишь 175 р. или 0,17%! Выдано же было за это время 76,035 руб. 759 лицамъ, изъ коихъ 271 училось, при поддержкѣ Общества, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но только 27 человекъ или 3½% сочли своей «нравственною обязанностью» возвратитъ полученное ими отъ Общества пособіе; впрочемъ, и это не все: изъ 27 лишь 8 человекъ возвратили оказанную имъ ма-

теріальную помощь *сполна*, остальные же 19 уплатили только часть, и притомъ самую незначительную.

Исторія Самарскаго Общества поощренія образованія, съ одной стороны, свидѣтельствуесть о глубокомъ вниманіи интеллигенціи къ нуждамъ учащейся молодежи, съ другой, краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ мало у насъ развито сознаніе нравственнаго долга въ людяхъ, получающихъ поддержку отъ подобныхъ Обществъ. Казалось, какъ было бы просто и легко выплачивать тѣ небольшія суммы, которыя обыкновенно ссужаются учащейся молодежи,—и однако мы видимъ, что эта молодежь совершенно забываетъ о всякихъ обязательствахъ, едва только вступить въ жизнь и «пристроится». Какъ это печально! Вѣдь каждая копейка, не возвращенная въ кассу Общества, этимъ самымъ непременно отнимается у другого недостаточнаго юноши, стремящагося получить высшее образованіе.

Мы полагаемъ, что Самарскому Обществу слѣдуетъ глубоко задуматься надъ тѣмъ, какими способами заставить молодыхъ людей помнить о своихъ долгахъ и по мѣрѣ силъ выплачивать ихъ.

А. В. Пан—ъ.

Критика и библиографія.

С. Н. Южаковъ. Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. Спб. 1898. in-8-го. Стр. VIП + 234. Ц. 1 руб. 50 коп.

Книжка г. Южакова—рядъ статей, печатавшихся на страницахъ журнала „Русское Богатство“. Рѣчь идетъ о реформѣ средняго и высшаго образованія, о гимназическихъ учебникахъ, о женскомъ образованіи и всенародномъ обученіи. Темы—довольно избитыя, но вѣчно юныя; трактуетъ ихъ авторъ съ интересомъ и тепло, но безъ достаточной живости для большой публики и безъ солидной эрудиціи для серьезнаго читателя. Положеніе науки и просвѣщенія у насъ таково, что невольпо надо подумать о серьезной и основательной борьбѣ съ его вопіющими недостатками. Я не думаю, чтобъ въ наши дни и даже въ нашей литературѣ слѣдовало тратить порохъ въ защиту такихъ аксіомъ, что женщины надобно высшее образованіе, что лже-классическая основа средней школы есть зло, а классическая давно устарѣла, что средняя школа должна быть общеобразовательной, что общее образованіе должно предшествовать всякому

№ 7—8. Отд. II.

б

специальному и быть основательнымъ, практичнымъ, чуждымъ грубыхъ тенденцій и т. д. Все это—высшія истины, которыя давно и хорошо известны всякому хоть немного мыслящему, хоть чуть-чуть образованному человеку...

Рѣчь можетъ идти лишь о возможности и способахъ примѣненія на практикѣ тѣхъ высшихъ истинъ, о которыхъ мы много шумимъ, но въ пользу которыхъ рѣшительно ничего не дѣлаемъ.

Прискорбно сказать, но вопросы просвѣщенія, дѣйствительно, интересуютъ у насъ больше публицистовъ, чѣмъ педагоговъ, которые, подобно всѣмъ вообще недоученнымъ профессионалистамъ, легко привыкаютъ къ окружающей ихъ грубой дѣйствительности. Такой представляется эта дѣйствительность и нашему автору. Останавливаясь на главахъ «Основы средне-учебной реформы», «О задачахъ и системахъ высшаго образованія», «Вопросы академической организаціи», «Переходные экзамены», «Просвѣтительная утопія» и наконецъ «Женщина и просвѣщеніе» не буду; главы эти прочтутся безъ труда, натолкнутъ на нѣкоторыя хорошія размышленія и только.

Практическій интересъ ихъ слабъ, станешь писать о нихъ съ похвалой, скажутъ, что г. Южаковъ публицистъ, что въ вопросахъ школы онъ де ничего не понимаетъ, пусть пойдетъ самъ поучить и т. д.; сочувственное же отношеніе рецензента объяснять чѣмъ угодно, исключая его искренности. Вотъ почему предпочтительнѣе сказать пару теплыхъ словъ по адресу той главы его книги, которая представляетъ наибольшее практическое значеніе и написана всего удачнѣе и живѣе: я имѣю въ виду главу подъ заголовкомъ *Наши гимназическіе учебники (по русскому языку, географіи и исторіи)*. Глава эта производитъ сильное впечатлѣніе; если читатель еще сохранилъ въ себѣ искру чуткаго отношенія къ современности, то она оставитъ въ немъ мучительное по себѣ чувство. И есть отъ чего страдать! Общеупотребительные учебники по русскому языку, географіи и исторіи, оазисы, если и могутъ чему нибудь учить, то никакъ не тѣмъ предметамъ, которымъ они посвящены, а либо невѣжеству, либо искусству торговать гнилемъ и такимъ путемъ наживать деньги. Северно отпечатанные на северной бумагѣ съ опечатками и опибками они стоятъ дорого и стоятъ подъ охраной самаго невѣроятнаго протекціонизма, если выражаться благородно. Авторъ все время говоритъ фактами, выуженными изъ учебниковъ разныхъ изданій и авторовъ, но преимущественно тѣхъ, которые доминируютъ въ средней школѣ...

Учебники по русскому яз., какъ показываетъ изслѣдованіе г. Южакова, грѣшатъ безграмотностью, примѣровъ этой безграмотности г. Южаковъ набралъ не мало и на основаніи ихъ справедливо заключаетъ (стр. 126—127) „о совершенной непригодности учебниковъ русскаго языка, общепринятыхъ въ нашей средней школѣ“ и ихъ способности лишь «разучивать русскихъ дѣтей родному языку и отучать ихъ отъ правильнаго пользованія богатыми и разнообразными средствами родной рѣчи». Такое заключеніе уже потому не можетъ подвергаться какому либо сомнѣнію, что проверка его всѣмъ доступна:

1) по многимъ произведеніямъ современной прессы легко усмотрите сильный упадокъ знанія русскаго языка;

2) отчеты ревизоровъ, просматривающихъ письменныя испытанія зрѣлости оканчивающихъ среднюю школу учениковъ, далеко не чужды такихъ же указаній...

Прибавлю и еще маленькое наблюденіе: за послѣдніе годы мнѣ пришлось пересмотрѣть не мало студенческихъ прошеній, и въ нихъ не какъ рѣдкое исключеніе удавалось наблюсти не только страннѣйшій строй рѣчи, но и просто неумѣнье или непривычку бережно обращаться съ предательской въ русскомъ алфавитѣ буквой ѣ. Язвы, наносимыя общепринятыми учебниками по русскому языку, можно, скажутъ, дѣлать обширнымъ чтеніемъ лучшихъ произведеній отечественной литературы. Это справедливо, но не совсѣмъ, и я очень сожалею, что г. Южаковъ не пересмотрѣлъ учебниковъ по исторіи русской словесности: на какія бы вопіющія пошлости онъ тамъ наткнулся!

Что касается учебниковъ географіи, то г. Южаковъ постарался оцѣнить ихъ абсолютно, и относительно.

Констатируя невѣжественность ихъ составителей, авторъ говоритъ, что за послѣдніа тридцать лѣтъ учебники географіи постепенно ухудшаются, превращаясь въ скверные каталоги. „Если, говоритъ г. Южаковъ (стр. 162—163), назначить премію за худшій учебникъ географіи, то едва ли бы нашелся другой, болѣе достойный преміи, нежели учебникъ г. Смирнова“.

Однако знаменитое имя географа Смирнова блѣднѣетъ предъ болѣе громкимъ именемъ историка Иловайскаго. Кто не знаетъ этого громкаго имени, кто не читалъ его учебниковъ исторіи и, надо прибавить, кто не смѣялся надъ ними! Но этотъ смѣхъ дорого обошелся русскому обществу: по мѣрѣ того какъ историкъ Иловайскій превращался въ крупнаго оптоваго торговца историческимъ товаромъ и капиталиста, исторія все болѣе и болѣе ускользала изъ средней школы: или совсѣмъ бросали ознакомленіе съ исторіей, или же начинали учиться ей по книжкамъ, наиболѣе противнымъ для направленія г. Иловайскаго. Цѣль не была достигнута: хотѣли посредствомъ учебниковъ г. Иловайскаго опекавъ русское юношество отъ напора историческаго знанія, а вышло наоборотъ: русское юношество, отказавшись отъ усвоенія учебниковъ г. Иловайскаго, или совсѣмъ переставало смотрѣть на исторію, какъ на нѣчто серьезное, или начинало путемъ самообразованія углубляться въ историческое изученіе. Углубляясь же въ это изученіе, молодые люди приходили къ выводамъ совсѣмъ не того сорта, какого хотѣлось опекавъ. Учебники г. Иловайскаго поэтому оказали громадную услугу въ томъ смыслѣ, что они заставили ученика читать по ст о р о н н е е и окончательно дискредитировали въ его глазахъ то направленіе, которому выгодно служить для автора. Перечитайте превосходныя страницы книги г. Южакова, посвященныя учебникамъ г. Иловайскаго, и вы испытаете прямо тяжкое чувство. Да неужели же все это правда, что говоритъ г. Южаковъ? Къ несчастію, правда... Вѣдь учебники г. Иловайскаго, говоритъ авторъ и говоритъ совершенно справедливо, поразительны не однимъ только невѣжествомъ, но и самой грубой тенденціозностью, въ нихъ встрѣчаемъ „неприличную и недостойную полемику, столько же неприличную по тону, сколько недостойную по содержанию“ (стр. 198).

Авторъ заканчиваетъ главу объ учебникахъ нападками на ту инстан-

цію, которая разсматриваетъ и одобряетъ учебники. Это немножко смѣло и не совсѣмъ справедливо: 1) учебниковъ навѣрняка никто не разсматриваетъ, ибо это никому не нужно, ихъ только одобряютъ, точнѣе выдаютъ патентъ на право монополіи, а 2) если у насъ живутъ и дѣйствуютъ плохіе учебники, то только потому, что они исполнѣ по плечу дурно развитому обществу и лишеннымъ научнаго образованія педагогамъ. Поэтому, если и надо на кого гнѣваться, то не на авторовъ плохой учебной макулатуры, не на инстанцію, которая учебниковъ не видитъ, а лишь на самихъ себя и на нашихъ педагоговъ, которые позволяютъ себѣ терпѣть „подобные учебники-монстры“. Гнѣваясь на стр. 200 на инстанцію, разбирающую учебники, г. Южаконъ совершенно забываетъ, что реформа учебника невозможна безъ общественныхъ инициативы и протеста, а если общество и педагоги молчатъ и терпятъ, стало быть они довольны, лучшаго имъ не надо, а для инстанціи (хоть совсѣмъ не будь учебниковъ и просвѣщенія).

- Надо всетаки думать, что г. Южаконъ не даромъ потрудился надъ разборонъ учебниковъ, который слѣдовало бы повести дальше и въ ширину, и въ глубину. Авторъ ничего не сказалъ о планѣ и приемахъ, которыми руководятся наши учебники, и программахъ-монстрахъ, на которыхъ они основаны: если бы заговорить о программахъ, то пришлось бы ополчиться немножко въ защиту г. Иловайскаго: если въ его учебникахъ исторіи явно съезозитъ тенденція и ложь, то именно это, а не что либо другое даровало имъ популярность и патентъ на право монополіи.

Василій Сторожевъ.

Гевлокъ Эллисъ, Мужчина и женщина. Этюдъ о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человека. Пер. съ англ. Николаева и Шмурло. СПб. 1898. Стр. 312. Ц. 1 р. Изд. Ф. Павленкова.

Всякаго рода книгъ, брошюръ и статей по, такъ называемому, женскому вопросу пишется и издается много. Между этими произведеніями есть умныя, есть и глупыя; есть содержащія болѣе или менѣе остроумныя теоріи, а есть съ стремленіемъ къ строго фактическому изложенію обсуждаемаго предмета. Перечитывая обширную литературу по женскому вопросу, серьезный, вдумчивый читатель будетъ чувствовать въ ней одинъ весьма важный пробѣлъ—отсутствие строго научнаго свода фактическихъ данныхъ о всѣхъ, по возможности, органическихъ отличіяхъ мужчины и женщины. Многія остроумныя теоріи прекрасны; но прежде, чѣмъ рѣшительно судить о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человека, прежде чѣмъ составлять объ этомъ самыя прекрасныя теоріи, нужно ознакомиться съ фактами. Нужно имѣть подъ рукой тщательно составленный списокъ болѣе или менѣе характерныхъ органическихъ особенностей мужского и женскаго типовъ. Такой работы въ европейской литературѣ не было, и ее то и предпринялъ и выполнилъ Эллисъ въ вышеназванномъ трудѣ.

Заинтересовавшись некоторыми социальными вопросами и убѣдившись, что въ основѣ ихъ лежатъ вторичные половые признаки человека, Эллисъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ началъ собирать точныя данныя объ основ-

ныхъ различіяхъ между мужчиною и женщиною. Отыскавъ ихъ общее значеніе и, такимъ образомъ, найдя личное удовлетвореніе по данному вопросу, Эллисъ продолжалъ собирать матеріалъ, разбираться въ немъ, оцѣнивать достоинство добытыхъ данныхъ въ той увѣренности, что не мало мужчинъ и женщинъ ищутъ рѣшенія тѣхъ же вопросовъ и съ удовольствіемъ встрѣтятъ работу на подобную тему. «Читатель найдетъ въ моей книгѣ», говоритъ Эллисъ, «антропологическій и психологическій этюдъ тѣхъ вторичныхъ половыхъ различій, существованіе которыхъ у человѣческихъ цивилизованныхъ расъ доказано новѣйшими изслѣдованіями».

Если кому нибудь нужно получить свѣдѣнія о томъ, какія особенности у мужчинъ и женщинъ представляетъ какой либо органъ или часть тѣла, напримѣръ, мозгъ, черепъ, тазъ, рука, нога, зубы, печень, селезенка, сердце, почки, какъ происходитъ обменъ веществъ въ мужскомъ и женскомъ организмѣ, какова воспримчивость половъ къ ядамъ, какова сравнительная рождаемость и смертность мальчиковъ и дѣвочекъ, чѣмъ отличаются отъ мужскихъ органы внѣшнихъ чувствъ женщины, т. е. зрѣніе, слухъ, осязаніе и пр., каковы особенности ихъ ума, чувства, къ какому болѣзненнымъ душевнымъ явленіямъ преимущественно склонны мужчины и къ какому женщины и пр. за фактическими свѣдѣніями по всѣмъ этимъ вопросамъ, насколько они выяснены и установлены современной наукой, слѣдуетъ обращаться къ труду Эллиса. При такомъ строго фактическомъ характерѣ разсматриваемаго этюда, передать его содержаніе трудно. Для ознакомленія читателей съ книгой Эллиса, мы укажемъ лишь нѣкоторыя главнѣйшія данныя и затѣмъ отмѣтимъ общіе выводы и взгляды автора.

Весьма интересно, конечно, знать, у кого больше мозгъ: у мужчинъ или женщинъ, такъ какъ мозгъ есть органъ душевной жизни и отъ величины этого органа и его устройства находится въ зависимости душевная жизнь. Изслѣдованія нервной системы съ этой точки зрѣнія еще недостаточны, чтобы дать вполне удовлетворительные результаты. А вообще высокорослые обладаютъ большимъ абсолютнымъ количествомъ мозга, чѣмъ низкорослые; самымъ большимъ мозгомъ обладаютъ въ среднемъ замѣчательные великаны и замѣчательные толстяки, а на увеличеніе вмѣстимости черепа вліяютъ два великихъ фактора: большіе размѣры тѣла и умственная дѣятельность. По относительному количеству мозговой массы мужчины не стоятъ выше женщинъ, а если здѣсь и есть какая либо разница, то въ пользу женщинъ; однако разница эта отнюдь не выражаетъ умственнаго превосходства женщинъ, а лишь является чертой, характерной для дѣтей и малорослыхъ людей. Въ распредѣленіи нервныхъ элементовъ также отсутствуютъ какія либо половыя различія, на основаніи которыхъ можно было бы отдать преимущество тому или другому полу. Большая величина темныхъ долей у мужчинъ, пожалуй, представляетъ такой признакъ, но перевѣсъ на сторонѣ мужчинъ въ этомъ отношеніи является столь ничтожнымъ, что его сначала приписывали женщинамъ. Съ современной точки зрѣнія анатоміи и физиологіи мозга, нѣтъ никакого основанія приписывать одному полу превосходство надъ другимъ. Величайшій французскій антропологъ Брока въ 1861 году высказалъ мнѣніе, что интеллектъ женщины естественно и въ силу мозговой ея организаци

немного уступает интеллекту мужчины. Это мнѣніе цитировалось не разъ; однако, менѣе извѣстно, что, при дальнѣйшемъ изученіи предмета. Брока измѣнилъ свое прежнее мнѣніе и склоненъ былъ думать, что вся разница здѣсь—лишь дѣло воспитанія, причемъ надо брать во вниманіе воспитаніе не только ума, но и мускулатуры; онъ полагалъ дальше, что мужчина и женщина, оставленные на волю собственныхъ импульсовъ стремились бы стать похожими другъ на друга, какъ это мы находимъ у дикарей.

У кого лучше и тоньше органы внѣшнихъ чувствъ,—у мужчинъ или женщинъ? Всегда существовало широко распространенное мнѣніе, что женщины обладаютъ болѣе тонкимъ чувственнымъ воспріятіемъ, чѣмъ мужчины. Это мнѣніе повторялось многими учеными, но оно неправильно. Органы обонянія наибольшею тонкостью отличаются у мужчинъ, органы вкуса—у женщинъ. Въ области различенія цвѣтовъ женщины стоятъ ниже мужчинъ по силѣ ощущеній, но въ обыкновенныхъ предѣлахъ, общихъ для обоихъ половъ, женщины, быть можетъ, обладаютъ нѣсколько болѣе тонкой распознавательною способностью. Относительно другихъ органовъ, твердыхъ несомнѣнныхъ результатовъ трудно достигнуть, хотя въ области осязанія перевѣсъ болѣе склоняется на сторону мужчинъ. Вообще же нужно замѣтить, что у животныхъ: щупальцы насѣкомыхъ, волосы, глаза почти всегда сильнѣе развиты у самца. Въ концѣ концовъ Эллисъ считаетъ возможнымъ высказать такое заключеніе, что органы внѣшнихъ чувствъ мужчины и женщины могутъ быть одинаково изощрены, но органы женщины воспитываются обыкновенно менѣе основательно и потому остаются часто до извѣстной степени въ болѣе рудиментарномъ состояніи.

Чрезвычайно важный вопросъ въ физиологій и психологій женщины—вопросъ о легкой возбудимости или раздражимости женщинъ. Большая раздражимость женщинъ и болѣе тонкая чувствительность мужчинъ представляетъ важное половое различіе. На него обратилъ вниманіе Гальтонъ. Сначала, замѣчаетъ онъ, благодаря тому, что я смѣшивалъ чувствительность съ нервною раздражимостью, я воображалъ, что женщины съ вѣжкою нервною системою, у которыхъ нервное разстройство вызывается шумомъ, солнечнымъ свѣтомъ и т. п., обладаютъ въ высокой степени способностью опредѣлять разницу ощущеній. Въ дѣйствительности оказалось не то: мужчины обладаютъ болѣе тонкою распознавательною способностью, чѣмъ женщины, и практической жизненный опытъ, вынесенный изъ различныхъ дѣловыхъ предпріятій, подтверждаетъ это заключеніе. Женщины же только легче возбудимѣе мужчинъ, т. е. на физическіе и психическіе стимулы женщина реагируетъ быстрѣе мужчины. У женщины, напримѣръ, лицо выразительнѣе, подвижнѣе, чѣмъ у мужчины, иначе—нервно-мускульная система женщинъ отличается болѣе легкою возбудимостью. Д-ръ Франсисъ Юрнеръ, изслѣдовавшій въ школахъ 60.000 дѣтей, нашелъ, что признаки излишней нервной подвижности чаще встрѣчаются у дѣвочекъ, чѣмъ у мальчиковъ; недостаточная же выразительность ученицъ замѣчается гораздо рѣже, чѣмъ у учениковъ. На улицахъ большихъ городовъ легко подмѣтить большую выразительность и подвижность фізіономій у женщинъ сравнительно съ мужчинами:

На всё возбужденія, внѣшнія и внутреннія, женщина реагируетъ легче мужчины, на чемъ и основывается, такъ называемый, женскій тактъ. Эллисъ сообщаетъ свое наблюденіе такого рода, какъ угрюмое лицо одной молодой женщины, у которой только что умеръ ребенокъ, моментально сложилось въ пріятную автоматичную улыбку въ отвѣтъ на улыбку одного изъ знакомыхъ. Что либо подобное едва ли бы случилось съ мужчиной. Вспыльчивость, раздражительность, въ тѣсномъ смыслѣ слова, есть форма легкой возбудимости, которая вполнѣ справедливо приписывается женщинамъ всѣхъ возрастовъ и временъ. Въ больницахъ для душевнобольныхъ женскія отдѣленія всегда несравненно шумнѣе и безпокойнѣе мужскихъ. Женщины, по выраженію Фере, предрасположены отъ природы потреблять быстро всю свою силу; у нихъ, какъ у дѣтей, дикарей и нервныхъ субъектовъ движенія и эмоціи—коротки и сильны, приближаясь такимъ образомъ къ рефлексу. Легкая возбудимость и предрасположеніе къ быстрому утомленію—явленія до нѣкоторой степени тождественныя.

Изъ двухъ типовъ человѣческаго организма, мужской болѣе склоненъ къ измѣняемости. И физическія и умственные особенности мужчинъ измѣняются въ болѣе значительныхъ предѣлахъ, чѣмъ такія же особенности женщинъ. Уроды чаще бываютъ мужского, чѣмъ женскаго пола. Если мы на удачу возьмемъ сто мужчинъ и сто женщинъ, то найдемъ обыкновенно, что женщины болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ мужчины. Всевозможныя аномаліи чаще наблюдаются у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ. Формы полового извращенія распространены среди мужчинъ сильнѣе, чѣмъ среди женщинъ. Гениевъ несравненно больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Но зато и идиотизмъ также чаще наблюдается среди мужчинъ. Феноменально быстрыхъ счетчиковъ извѣстно: 22 мужчины и 1 женщина. Мужчины въ органической эволюціи играютъ роль элемента менѣе устойчиваго и болѣе прогрессивнаго; женщины—болѣе устойчиваго и консервативнаго. Между животными самцы также больше измѣняются, чѣмъ самки. И въ своемъ развитіи женскій организмъ быстрѣе мужского достигаетъ зрѣлости: ростъ женщины отличается и болѣе скорымъ ходомъ и болѣе ранней обстановкой, вслѣдствіе чего женскій типъ пріобрѣтаетъ много общихъ чертъ съ типомъ малорослаго мужчины и, до извѣстной степени, ребенка.

Въ общемъ, по мнѣнію Эллиса, мужской типъ по своимъ характернымъ признакамъ приближается къ старческому типу, а женскій—къ дѣтскому *). Всѣ характерныя черты истинно человѣческаго типа: большая голова и мозгъ, небольшое лицо, отсутствіе волосатости, нѣжная костная система—все это ярко выступаетъ у ребенка и съ измѣненіями повторяется у женщины. Весь процессъ роста у человѣка, начиная приблизительно съ третьяго года, до извѣстной степени идетъ въ направленіи старости и вырожденія и приближаетъ человѣка къ обезьянѣ. Мужской

*) Отличительные признаки обезьяны, дикаря и старика: сравнительно большіе размѣры головы, большое свирѣпое лицо, длинныя конечности, волосатость, морщинистая кожа, общее тяготивіе къ рутинѣ и пр.—чаще стрѣчаются у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ.

тищ—старчески обезьянный типъ. Общими и характерными чертами типичнаго человека являются дѣтскія черты—большой мозгъ и небольшой ростъ; общее выраженіе лица генія и его темпераментъ напоминаютъ также ребенка.

Въ общемъ оба пола дополняютъ другъ друга, ихъ достоинства и недостатки уравниваются: присущая женщинамъ склонность поддаваться незначительнымъ недугамъ уравнивается свойственною имъ организму способностью съ большимъ упорствомъ сопротивляться серьезнымъ заболѣваніямъ; впечатлительности женщинъ нужно противопоставить ихъ неуязвимость. Большая склонность мужчинъ къ измѣняемости, служа источникомъ многихъ блестящихъ и чудныхъ явленій, въ то же время обуславливаетъ среди нихъ появленіе въ большей пропорціи ненужныхъ и даже вредныхъ уклоновъ и, такимъ образомъ, равновѣсіе устанавливается болѣе устойчивымъ женскимъ типомъ. Въ интеллектуальной области мужчины выказываютъ больше умѣнья обращаться съ болѣе удаленными и абстрактными интересами жизни; женщины же оказываются, по крайней мѣрѣ, очень искусными въ рѣшеніи непосредственно практическихъ интересовъ жизни. Женщины, правда, остаются ближе, чѣмъ мужчины, къ дѣтскому типу, но, съ другой стороны, мужчины приближаются болѣе женщинамъ къ старческому и обезьянообразному типу.

Книга Эллиса очень богата содержаніемъ. Но нельзя не замѣтить, что анатомо-физиологическая часть разработана въ ней гораздо шире и основательнѣе, чѣмъ психологическая. Что касается утвержденія Эллиса, что женскій типъ—дѣтскій, а мужской—старческій и обезьянный, то оно можетъ встрѣтить серьезныя возраженія. Впрочемъ Эллисъ оговаривается, что указаніемъ на то, что мужчина или женщина по тому или другому признаку приближается къ ребенку или къ обезьянѣ, онъ вовсе не желаетъ унижать тотъ или другой полъ, а только выяснитъ характеръ свойствъ.

П. Каптеревъ.

Э. Бемэ. Воспитаніе сына. Педагогическія письма къ молодой матери. Перев. съ нѣм. Н. Федоровой. Спб. 1898 г. Стр. 141. Ц. 35 к.

Если не ошибаемся, брошюра Бемэ о воспитаніи сына была переведена у насъ въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ въ концѣ шестидесятыхъ или въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Переводчица ничего не говоритъ объ этомъ, равно ничего не сообщаетъ, съ какого изданія она переводитъ, когда вышло подлинное сочиненіе, гдѣ, какъ его заглавіе въ подлинникѣ. Между тѣмъ такія свѣдѣнія рѣшительно необходимы. Какъ провѣрять переводъ, когда переводчица не сообщаетъ даже подлиннаго заглавія переводимаго сочиненія, хотя и присоединила къ своему переводу предисловіе?

Если сочиненіе Бемэ является у насъ въ переводѣ и во второй разъ, то бѣды отъ этого нѣтъ никакой. Книжка не дурна. Она имѣетъ практическій характеръ—дать полезныя указанія молодой матери при выполненіи ея многосложныхъ воспитательскихъ обязанностей. Поэтому въ книжкѣ отсутствуютъ всякія теоретическія разсужденія—о задачахъ и средствахъ

воспитанія и т. п., книжка не отличается строгою систематичностью и полнотою въ обсужденіи затронутыхъ вопросовъ, въ ней почти совсѣмъ нѣтъ психологическаго элемента. Но не смотря на все это, книжка далеко не бесполезна для нашихъ матерей, такъ какъ написана просто, только и практично. Въ книжкѣ много мѣста удѣлено разсужденіямъ объ источникахъ, причинахъ, формахъ и средствамъ для искорененія весьма распространеннаго дѣтскаго недостатка—лжи. Совершенно справедливо авторъ указываетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ дѣтской лжи въ лживости самого общества, въ томъ, что взрослые лгутъ походя, и сами часто того не замѣчаютъ. Какъ же не лгать при этомъ дѣтямъ? Какъ требовать отъ нихъ правдивости? «Всѣ условія нашей цивилизаціи, къ сожалѣнію, такъ исполнены неправды, что мы не должны удивляться, если ребенокъ дѣлается лгуномъ». Для успѣшной борьбы съ ложью дѣтей родителямъ и вообще взрослымъ нужно сначала уничтожить эту ложь въ самихъ себѣ, а сдѣлать это, конечно, не легко. Какъ же скоро родители, окружающіе дитя взрослые и все общество будутъ лгать, то, очевидно, требовать отъ дѣтей правдивости невозможно, дѣти очень скоро и хорошо замѣтятъ, что родители требуютъ отъ нихъ того, чего не исполняютъ сами. Вообще все разсужденіе Бемэ о дѣтской лжи очень здраво и поучительно и заслуживаетъ полнаго вниманія родителей и воспитателей.

Точно также совершенно справедливы замѣчанія нашего автора о томъ, что родители и воспитатели сами прививаютъ своимъ дѣтямъ разные пороки и дурныя качества и затѣмъ начинаютъ за нихъ наказывать дѣтей. Неумѣнье обращаться съ дѣтьми, отсутствіе выдержки и послѣдовательности встрѣчаются у родителей на каждомъ шагѣ, а все это порождаетъ недостатки у дѣтей.

Заслуживаютъ вниманія указанія Бемэ о подготовкѣ дѣтей къ школѣ. Авторъ резонно объясняетъ молодой матери, что главное дѣло заключается здѣсь не въ знаніяхъ, а прежде всего въ хорошемъ предварительномъ нравственномъ воспитаніи, отсутствіе котораго заставляетъ учителей терять много времени на исправленіе дурныхъ привычекъ дѣтей. Дитя оказывается въ школѣ беспорядочнымъ, неуживчивымъ съ товарищами, родители жалуются, что школа не приучаетъ дитя къ порядку и общительности, а между тѣмъ сами не могли приучить къ нимъ дитя въ цѣлыя 7 — 8 лѣтъ. Точно также важно развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ дѣтей и умѣнье правильно и свободно говорить. Собственно же сообщеніе свѣдѣній имѣетъ второстепенное значеніе.

Въ книжкѣ мы замѣтили лишь слѣдующія сужденія сомнительной справедливости. «Второе ложное мнѣніе ваше», пишетъ авторъ матери: «будто ребенокъ можетъ имѣть такіе природные недостатки, противъ которыхъ воспитаніе рѣшительно окажется безсильнымъ». Развѣ не бываетъ такихъ недостатковъ?—Затѣмъ авторъ утверждаетъ, что въ первые дни жизни ребенокъ не имѣетъ вкуса и одинаково глотаетъ молоко матери или какой-либо горькій настой. Это совершенно не вѣрно, вкусовыя ощущенія съ значительною опредѣленностью выражаются съ первыхъ дней жизни.

П. Каптеревъ.

Кн. Ек. Кудашева. Умственные способности женщины. Екатерино-
славъ, 1897. Стр. 121. Ц. 70 к.

Заглавіе этой брошюры не совсѣмъ отвѣчаетъ ея содержанію и по-
тому не вполне точно. По заглавію ждешь анализа умственныхъ способ-
ностей женщины; на дѣлѣ встрѣчаешь пространное изложеніе и доказа-
тельства того положенія, что женщины способны къ высшему образова-
нію и что оно и имъ и всему обществу было бы очень полезно. А эти
два положенія, конечно, соприкасаются, но далеки отъ того, чтобы быть
тождественными.

Способность женщинъ къ высшему образованію, польза его для жен-
щинъ и общества—въ настоящее время на столько ясны и понятныя
вещи, что едва ли нужно ихъ доказывать. Конечно, еще очень долгое
время между учеными нѣмцами будутъ встрѣчаться такіе, какъ Рейнертъ
(съ нимъ полемизируетъ сочинительница), которые съ помощью всевоз-
можныхъ, якобы, научныхъ данныхъ будутъ доказывать меньшія умствен-
ныя способности женщинъ сравнительно съ мужчинами и ненадобность
для женщинъ высшаго образованія. Съ такими учеными спорить не
стоитъ, ихъ не переубѣдишь. Противъ подобныхъ ученыхъ, въ опровер-
женіе ихъ возраженій, достаточно сослаться на капитальное изслѣдова-
ніе такого ученаго, какъ Гевлокъ Эллисъ (Мужчина и женщина. См. выше
объ этомъ сочиненіи).

Полезнѣе было бы, вмѣсто мало кому нужныхъ доказательствъ не-
обходимости высшаго женскаго образованія, разсмотрѣть вопросъ о его
организациі въ связи съ среднимъ или общимъ женскимъ образованіемъ.
Это большой вопросъ, который очень мало разрабатывается. Все дока-
зываютъ, что высшее женское образованіе необходимо. Въ этомъ спору
нѣтъ. Ну, а какъ его устроить? Какъ теперь устраиваютъ, или какъ-либо
иначе?

Между прочимъ, сочинительницѣ слѣдовало бы обратить вниманіе на
одну мысль, которую она бросаетъ, какъ доказанную, но которая рѣ-
шительно ни чѣмъ не доказана въ ея брошюрѣ. На стр. 26 сочини-
тельница говоритъ: «изложивъ такимъ образомъ массовые примѣры, гово-
рящіе *за тождественность способностей обоихъ половъ*» и пр. О тождествен-
ности способностей обоихъ половъ приведенные примѣры ровно ничего
не говорятъ, они говорятъ просто о способностяхъ. Даже въ приведен-
ныхъ примѣрахъ есть говорящіе прямо и рѣшительно противъ тож-
дественности способностей. Въ отвѣтъ на нѣкоторые сомнѣнія, выска-
занныя президенту Оберлинской коллегіи Фэрчайльду, относительно ум-
ственныхъ способностей молодыхъ дѣвушекъ, онъ отвѣтилъ, что препо-
давалъ въ коллегіи въ теченіи 8 лѣтъ языки греческій, латинскій и ев-
рейскій, преподавалъ математику высшую и прикладную, преподавалъ
мораль и философію. По всѣмъ этимъ отраслямъ наукъ у него учились
молодые люди и молодыя дѣвушки, и онъ не замѣчалъ между ними «ни-
какой разницы» въ смыслѣ успѣховъ, потому что между ними было оди-
наковое количество слабыхъ и сильныхъ. «Я не хочу этимъ сказать, при-
бавляетъ Фэрчайльдъ, *чтобы не было никакой разницы между умомъ жен-
скимъ и мужскимъ,—я думаю, что они одарены природой разными наклоно-*

стями и разными способностями,—я хочу только сказать, что всякій разъ, когда тѣ или другія работали надъ одинаковыми предметами, они достигали и одинаковаго успѣха. Тѣ и другія одинаково умѣютъ понимать и высказывать истину» (стр. 13). А это мысль весьма важная, на которую слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе при организаціи женскаго образованія.

П. Каптеревъ.

Д. И. Шрейдеръ. Нашъ Дальній Востокъ. (Три года въ Уссурійскомъ краѣ), съ 36 рис. и картой Уссурійскаго края. 468 стр. ц. ?

Странное впечатлѣніе производитъ книга г. Шрейдера! Авторъ добросовѣстно и интересно изложилъ все, что онъ успѣлъ узнать и лично обследовать въ этомъ любопытномъ краѣ за время своего трехлѣтняго пребыванія въ немъ. Съ одной стороны поражаетъ картина значительныхъ естественныхъ богатствъ этой новой окраины Россіи, съ другой—поразительное неумѣнье воспользоваться ими. Уссурійскій край присоединенъ въ Россію не болѣе 38 лѣтъ тому назадъ. Эта страна представляетъ узкую полосу суши вдоль побережья Японскаго моря; хребетъ Сихэтэ-Алинь тянется вдоль него почти съ с. на ю., отдѣляя берегъ отъ впадины озера Ханка и долины р. Усури, текущей на с. и впадающей въ Амуръ. Невысокій водораздѣлъ отдѣляетъ рѣчки, текущія съ ю. въ озеро Ханка отъ рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ на ю. и ю. з. въ бухты залива Петра Великаго. Множество короткихъ рѣчекъ струится съ горнаго хребта Сихэтэ-Алинь на з. и ю. з. въ Японское море. Климатъ этой области удивительный въ своемъ родѣ. На з. лежатъ высокія нагорія срединной Азіи с. Монголія), подымающіяся нѣсколькими уступами (Б. и М. Хинганъ); къ в. простирается обширный Тихій океанъ съ своимъ теплымъ теченіемъ Куро-Сиво. Результатомъ этого является ежегодное перемѣщеніе областей высокаго и низкаго давленія. Лѣтомъ въ степяхъ и пустыняхъ Азіи устанавливается сравнительно нивкое давленіе, зимою низкое давленіе господствуетъ въ с. части Тихаго океана. Въ результатъ происходитъ та годовая смѣна воздушныхъ теченій, которая извѣстна въ географіи подъ именемъ муссона. Зимою съ нагорія Азіи къ морю дуетъ сухой морозный воздухъ, лѣтомъ теплый и очень влажный воздухъ устремляется съ моря на материкъ. Отсюда два рѣзкихъ момента въ климатъ Уссурійскаго края: холодъ и сушь зимой и весною, относительное тепло и влажность лѣтомъ, сильные туманы въ морѣ и по берегу его осенью. Во флорѣ и фаунѣ страны подобный климатъ создаетъ удивительный контрастъ: растенія и животныя юга встрѣчаются здѣсь съ представителями сѣверной флоры и фауны—тигръ и соболь, орѣшникъ и сибирская лиственница; въ долинахъ непроходимая тайга, на высотахъ чуть не покрытая мохомъ тундра. Дожди выпадаютъ главнымъ образомъ осенью, оттого и разливы рѣкъ совершаются въ августъ—и какіе разливы! Сколько разъ скошенное на лугахъ сѣно поселенцевъ унеслось бѣшенными водами: на родинѣ русскіе привыкли къ весеннимъ разливамъ, а здѣсь рѣки разливаются осенью, на родинѣ другая почва, другія растенія, другой климатъ, чѣмъ здѣсь. Можно было бы приспособиться ко всему, но дѣло въ томъ, что рус-

скій колонистъ рутинеръ—онъ не въ состояніи отстать отъ прежнихъ пріемовъ и усвоить новыя, болѣе соответствующіе условіямъ новой страны, хотя легко могъ бы воспринять ихъ у живущихъ на мѣстѣ манъ. Населеніе въ краѣ еще довольно рѣдкое: большинство его составляютъ манзы — китайцы, переселившіеся по разнымъ причинамъ съ родины; на границѣ живетъ нѣсколько деревень корейцевъ, есть манджуры, а на остальномъ обширномъ пространствѣ бродитъ рѣдкое туземное населеніе края—орочины, племя тунгусскаго корня; они живутъ охотой за пушнымъ звѣремъ и рыбой.

Въ краѣ найдены залежи каменнаго угля, есть и золото, которое манзы потихоньку добываютъ въ тайгѣ. Большую цѣну представляютъ обширныя лѣса разнообразныхъ породъ деревьевъ. По берегамъ моря существуютъ разные промыслы, которыми занимаются главнымъ образомъ китайцы и отчасти японцы — таковы: ловля трепанга и добываніе морской капусты—особой водоросли, которую на крайнемъ востокѣ охотно ѣдятъ въ консервированномъ видѣ. Кромѣ того въ лѣсахъ Уссурійскаго края занимаются еще цѣннымъ промысломъ добычи «пантовъ», — олени рога, содержимое которыхъ, если только животное убито въ надлежащее время, представляетъ большую цѣнность, такъ какъ по мнѣнію китайцевъ вещество это обладаетъ возбуждательными свойствами. Далѣе добывается корень жень-шень, тоже обладающій въ глазахъ китайцевъ какими то особенными цѣлебными и иными свойствами. Панты и жень-шень сбываются въ Китай, туда же направляются грузы морской капусты и трепанга. Лѣса изобилуютъ всевозможною дичью — особенно много фазановъ, — но охотникъ, неосторожно углубившійся въ чащу, рискуетъ наткнуться на тигра. Странно, что эта полосатая кошка, свойственная тропическимъ джунглямъ Индіи, ходитъ по глубокому снѣгу Уссурійской тайги, пробираясь къ деревнѣ, откуда за неимѣніемъ другой добычи таскаетъ собакъ и даже людей. Впрочемъ тигръ при появленіи бѣлаго поселенца уходитъ далѣе въ тайгу, такъ какъ опытъ показалъ ему, что бѣлый человѣкъ даетъ всегда отпоръ, и изъ стычки съ нимъ звѣрь, если и выходитъ побѣдителемъ, то всегда съ большимъ или меньшимъ урономъ. Китайцы, наоборотъ, питаютъ суевѣрный ужасъ къ этому звѣрю и при встрѣчѣ съ нимъ покорно ложатся на землю.

Почва Уссурійскаго края плодородна и въ орошеніи не нуждается, по берегамъ р. Усури и ея притоковъ есть поемныя луга.

Такимъ образомъ Уссурійскій край, хотя и не представляетъ того Эльдорадо, каковымъ его описывали первые изслѣдователи вскорѣ послѣ присоединенія его къ Россіи, однако представляетъ мѣстность вполне годную для обитанія и даже процвѣтанія человѣка. Природа, какъ бы она ни была скудна, всегда благосклонна къ человѣку, она даетъ ему все, что имѣеть и никогда не вредитъ и не преслѣдуетъ его систематически. Постыднаго рода зло человѣкъ причиняетъ себѣ самъ.

Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, стало быть лѣтъ 50 тому назадъ Санъ-Франциско представлялъ еучку жалкихъ дачугъ; Калифорнія была дикая почти необитаемая страна. Посмотрите на штатъ и на городъ теперь! А по другую сторону Тихаго океана г. Владивостокъ и Уссурійскій край развиваются болѣе чѣмъ туго. А между тѣмъ какихъ мѣръ не

принимало правительство, сколько было затрачено денег, сколько человеческих жертвъ, въ видѣ переселенныхъ туда изъ Забайкалья казаковъ, солдатъ, угодныхъ по службѣ изъ Россіи, наконецъ каторжниковъ, которые заступами и лопатами воздвигали насыпи желѣзной дороги!

Почему же дѣло заселенія и процвѣтанія идетъ такъ туго?

На это даетъ отвѣтъ книга Шрейдера, хотя авторъ, повидимому, дѣлаетъ это безсознательно и самъ не отдаетъ себѣ отчета въ ясности этого отвѣта.

Дѣйствительно, во всякомъ вновь заселяемомъ краѣ хозяйство должно идти экстензивно, и дѣятельность человѣка не должна встрѣчать никакихъ преградъ. Это представляется парадоксомъ, но на дѣлѣ иначе быть не можетъ. Кого и для чего привлекаетъ къ себѣ дикій пустынный край? Чаще всего онъ привлекаетъ отбросы человеческого общества, которымъ нѣтъ мѣста среди его; онъ привлекаетъ далѣе безпкойныхъ людей или людей, которымъ въ отечествѣ почему либо стало тошно жить. Если на новомъ мѣстѣ человѣкъ можетъ пропитаться и жить, какъ ему хочется, онъ доволенъ. Природныхъ богатствъ такъ много, что онъ можетъ не церемониться съ ними и эксплуатировать ихъ самымъ хищническимъ образомъ. Затѣмъ населеніе понемногу прибываетъ. Дикіе своевольные люди должны уже подчиняться социальнымъ условіямъ: они устраиваютъ тѣ или иные распорядки, которые, обезпечивая свободу ихъ дѣятельности, устанавливаютъ извѣстныя нормы общаго мирнаго сожитія. Затѣмъ по мѣрѣ дальнѣйшаго роста населенія и истощенія богатствъ наступаетъ постепенно пора благоразумной эксплуатаціи даровъ природы. Таковъ естественный ходъ вещей, и противиться ему значитъ работать противъ природы. Что говорить, и тутъ можно достигнуть цѣли, но это достиженіе мнимое: дѣло заселенія всетаки идетъ своимъ порядкомъ, т. е. описаннымъ путемъ, оно лишь преодолеваетъ значительное треніе, вносимое этими пересаженными изъ отечества нормами; а когда преодолеетъ, одинъ Богъ знаетъ. У насъ въ Уссурийскомъ краѣ все шло не такъ или почти не такъ. Китайцы, корейцы, манджуры, русскіе бродяги положительно лѣзли въ Уссурийскій край, потому что въ лѣсахъ здѣсь имъ было привольно и легко существовать, не то что въ китайскомъ отечествѣ, гдѣ невыносимые поборы и притѣсненія китайскихъ чиновниковъ дѣлали существованіе прямо невозможнымъ.

Дѣвственная тайга постепенно оживлялась. Тамъ и сямъ появлялись фанзы (хижины) этихъ поселенцевъ; одинъ таскается по оврагамъ въ поискахъ за жень-шенемъ, другой промышляетъ потихоньку золотомъ, а третій выжегъ лѣсъ и засѣялъ его будой (корейскій хлѣбный злакъ), пшеницей или овощами. Другіе соединились въ артель и добываютъ морскую капусту или трепангъ. Казалось бы, чего лучше? Надо бы только радоваться и не мѣшать. А такъ какъ г. Владивостокъ въ то же время имѣетъ важное военное значеніе, то привезите солдатъ, постройте укрѣпленія и позаботьтесь, чтобы нарастающее населеніе въ состояніи было снабжать этихъ вынужденныхъ колонистовъ мѣстнымъ запасомъ. Если угодно вызывайте и переселенцевъ, хотя это и не особенно въ прокъ. Переселеніе должно быть естественно. Главный контингентъ колонистовъ *долженъ* состоять изъ переселенцевъ изъ смежныхъ областей, ибо только въ такомъ случаѣ переселенецъ не потратитъ много силъ на приспособленіе къ по-

вымъ условіямъ. А не все ли равно кто этотъ переселенецъ—китаецъ, ворець, японецъ, русский, бродяга, бѣглый каторжникъ или кто другое? Первое условіе лиль бы край скорѣе заселился. Дурной элементъ вѣдь не всегда дуренъ и не навѣки останется дурнымъ. Предоставленный своей свободѣ, онъ въ громадномъ большинствѣ выправится современемъ.

Условія жизни въ колоніи всегда таковы, что не подходятъ вполне точно къ порядкамъ метрополіи. И эти особенности колоніальной жизни должны свободно и естественно сложиться на мѣстѣ, потому что они суть естественное приспособленіе человѣка къ новой средѣ. При излишней вліяніи метрополіи, эта кристаллизація не совершится, какихъ бы стараній, какихъ бы средствъ ни прилагали. Наши колоніи, Сибирь и Уссурийскій край,—живые свидѣтели тому. Въ Сибири не меньше золота въ нѣдрахъ земли, чѣмъ въ Америкѣ и въ Австраліи, но стѣснительныя условія добычи его сдѣлали то, что Сибирь не только не усѣяна большими городами, не изрѣзана желѣзными дорогами, пароходными линиями и телеграфомъ, но что, наоборотъ, населеніе ея растетъ сравнительно медленно, и страна настолько бѣдна, что желѣзную дорогу принуждено строить правительство на средства населенія Европейской Россіи. Споры вѣтъ, что эта дорога оживитъ нашъ азіатскій сѣверъ и востокъ, но если-бы не усиленіе Японіи, не корейскія дѣла и новый восточный вопросъ, завязавшія около большого, дряхлаго тѣла «недвижнаго» Китая, то врядъ ли Сибирь и побережье Тихаго океана дождались этой дороги. Какъ мало русскихъ изслѣдователей привлекъ этотъ край, столь любопытный въ географическомъ и естественно-историческомъ отношеніи? И кто его изслѣдовалъ? Маакъ, Шренкъ, Шперкъ, теперь написалъ о немъ книгу г. Шрейдеръ. Что же дѣлаютъ русскіе люди на мѣстѣ? Еще въ недавнее время «въ карты играли, пили... много пили, какъ вездѣ на окраинахъ. Но это не все—съ видимою неохотою протянулъ мой собеседникъ» (стр. 43). Это «не все» оказывалось игрой «въ тигра»: «Мы тушили огни, закрывали циновками окна, назначали когонибудь тигромъ... положимъ меня... Товарищи и сочлены вооружались заряженными револьверами... стрѣляли... «по шороху», т. е. въ ту сторону, гдѣ слышался шумъ шаговъ тигра, т. е. моихъ... Ну а я, понятно, *смазъ* сапоги, въ однихъ лишь чулкахъ пробирался по стѣнамъ, стараясь ступать такъ мягко, неслышно, какъ пантера... Да однажды не выдержалъ роли: спотенулся, ну и получилъ пулю въ руку... Хорошо, что не въ сердце...» (стр. 44).

Разными такими развлеченіями занимался во Владивостокѣ особо организованный клубъ. А между тѣмъ тигры на самомъ дѣлѣ таскали людей на улицахъ, въ тайгѣ бродили хунхузы, грозя мирному населенію разбоями, карты побережья не были составлены, страна не изслѣдована. А кругомъ лежали столь интересныя страны, какъ Китай, Корея, Японія. Въ результатъ оказалось, что торговля на *нашемъ* же Востокѣ въ рукахъ нѣмцевъ, американцевъ и англичанъ, хлѣбъ надо привозить кружнымъ путемъ изъ Россіи, жѣзьзо изъ Америки, разные прочіе товары доставляютъ англичане, нѣмцы, японцы и китайцы. Сосѣдняя Японія сдѣлала за тотъ же промежутокъ времени, что и наша колонія, гигантскій скачекъ впередъ и стала на Востокѣ великой державой.

Простые водолазы и ловцы морской капусты, оказывается, прекрасно знают обстановку, среду и условия своей работы. Японец собеседник г. Шрейдера читал книгу Гартвига о морѣ (переведена на японскій языкъ), читалъ и много другое; «онъ грамотенъ (въ Японіи нѣтъ неграмотныхъ—съ гордостью добавилъ онъ) и любитъ читать; а въ странѣ, гдѣ книги такъ дешевы, гдѣ «онѣ издаются не для того, чтобы лежать на полкахъ и служить только богатымъ людямъ, которымъ и безъ нихъ хорошо живется на свѣтѣ»; въ странѣ, гдѣ всякій нищій знаетъ цѣну знанія и образованія, гдѣ «образование одинаково доступно, притомъ и даймиосу (бывшій феодалъ) и гяшко (крестьянинъ):—нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что въ такой странѣ и онъ «объднй водолазъ» пожелалъ и имѣлъ возможность» познакомиться изъ книгъ («вѣдь и для водолазовъ тамъ кое что найдется») съ тѣмъ миромъ, въ которомъ ему приходится работать всю свою жизнь» (стр. 262).

Книга г. Шрейдера заключаетъ слѣдующія главы: 1) На 'дальній востокъ, 2) Первые впечатлѣнія, 3) Страничка изъ недавняго прошлаго, 4) Манзы, 5) Русско-китайскій диалектъ, 6) Въ гостяхъ у Ли-хун-чу, 7) Бѣлый мѣсяцъ, 8) Амурскимъ заливомъ, 9) Южнымъ берегомъ, 10) Въ корейской деревнѣ, 11) Безпримѣрный походъ, 12) На корейско-китайской границѣ, 13) Въ пограничныхъ урочищахъ, 14) Хемп и хунхузы, 15) На морскихъ промыслахъ, 16) Японскимъ моремъ, 17) Въ тайгѣ, 18) У старожиловъ, 19) Паль, 20) По Сучану, 21) Въ долинѣ Воцзи, 22) Въ долинѣ Суйжуна, 23) «Зеленый Клыкъ», 24) Угасающее племя 25) Экскурсія на каторгу.

Хотя книга написана не безъ длиннотъ и повтореній, но въ общемъ даетъ чрезвычайно интересную картину жизни на нашей далекой окраинѣ. Очень жалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ дольше остановиться на множествѣ вопросовъ, затронутыхъ книгой г. Шрейдера. Вопросы эти очень важные. Намъ окружаютъ разные сосѣди, не всегда относящіеся къ намъ дружелюбно; между ними и нами простирается поясъ колоній и областей съ иноземнымъ элементомъ (Финляндія, Польша, Кавказъ, Туркестанъ, ю. Сибирь, Уссурийскій край), и чрезвычайно важно разобрать, какія условия необходимы для ихъ процвѣтанія, что препятствуетъ ихъ росту и развитію и какъ всего благоразумнѣе и цѣлесообразнѣе слить ихъ съ центромъ нашей обширной родины, съ которой они спаяны географически и исторически.

Н. Березинъ.

Ө. Ө. Пуцыковичъ. Изъ народовѣдѣнія. Чтеніе для народа. Болгары, Сербы. Черногорцы. Чехи. Хорваты. Русины. Англичане. Китайцы. Абиссинцы. Французы. Нѣмцы. Итальянцы. Персы. Арабы. Египтяне. Сѣверо-американцы. Негры. Отдѣльныя брошюры, каждая 16 стр., нѣкоторыя съ картой, ц. каждой 5 к., на заглавномъ листѣ 1 рис.

Г. Пуцыковичъ задался очень хорошей цѣлью составить для народнаго чтенія описанія разныхъ народностей. Дѣйствительно, подобнаго рода изданій у насъ немного, а польза ихъ несомнѣнна. Итакъ, цѣль хороша, но исполненіе... Еслибы намъ была предложена задача описать важ-

дух народности непременно на 16 страницахъ, все равно будутъ ли то русины или англичане, хорваты или нѣмцы, то проще всего по нашему мнѣнію было бы поступить такъ.

Взять напр. «Всеобщую географію» Реклю, главнымъ образомъ отдѣлы ея, гдѣ описывается народъ каждой страны, взять книги Е. Н. Водовозовой «Жизнь европейскихъ народовъ» и нѣкоторыя другія, затѣмъ вооружиться карандашикомъ и отмѣчать въ скобки главныя фразы, по возможности короткія,—затѣмъ перефразировать ихъ, чистенько переписать, кое что откинуть, кое что прибавить и вставить отъ себя. Если окажется больше 16 страницъ, то выбросить нѣкоторыя, если меньше—то прибавить еще. Напр. въ книжкѣ о черногорцахъ совсѣмъ не трудно прибавить, что «утромъ обыкновенно говорятъ: *«доброе утро или добрый день, въ полдень—Богъ въ помощь, вечеромъ — добрый вечеръ, а къ ночи — доброй ночи»*. (Черногорцы стр. 15). Такимъ образомъ получится книжка, въ которой будетъ все: свотоводство, рыболовство, одежда, нѣкоторыя анекдоты. Вотъ наилучшій рецептъ для составленія брошюры съ наименьшей затратой энергіи. Онъ вромѣ того почти гарантируетъ отъ ошибокъ. Немножко скучно будетъ читать, ну да ничего.

Мы отнюдь не хотимъ сказать, что г. Пуцковичъ поступилъ именно такимъ образомъ. Но чтеніе его отмѣнно скучныхъ описаній, составленныхъ изъ короткихъ фразъ, навело насъ на мысль, что эту работу было бы удобнѣе всего совершить описаннымъ выше способомъ, ибо результатъ получился бы тотъ же. «Кукуруза американскій хлѣбъ по преимуществу» (сѣверо-американцы стр. 6) и у Реклю (Соединенные штаты, изд. Ильича) на стр. 517 стоитъ то же самое, «избытки собранныхъ плодовъ употребляются даже для откармливанія свиней» (тамъ же стр. 7), и у Реклю на стр. 521 сказано тоже. «Но баранина вывозится и потребляется внутри страны мало» (тамъ же 9), и Реклю подтверждаетъ то же самое на стр. 10 своего обширнаго труда. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что г. Пуцковичъ въ своихъ брошюрахъ не погрѣшаетъ противъ правды. Дѣйствительно, почти все, что онъ говоритъ въ своихъ описаніяхъ, найдеть себѣ подтвержденіе въ томъ или другомъ научномъ трудѣ. Несмотря на то, брошюры г. Пуцковича необыкновенно скучно читать. Прочитавъ Негровъ, Черногорцевъ, Египтянъ, Сѣверо-американцевъ, Англичанъ, Абиссинцевъ, мы отложили остальные до болѣе благопріятнаго для чтенія ихъ настроенія. Прочитаннаго было вполне достаточно, чтобы придти къ заключенію, что брошюры г. Пуцковича сухія, нанизанныя другъ на друга описанія того, что нужно, и того, что не нужно и неумѣстно (напр., много или мало потребляется баранины внутри страны); а такъ какъ всѣ они построены по одному плану и написаны съ одинаковой деревянной сухостью, то въ концѣ концовъ получается такая рябь, что невозможно разобрать, чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ одинъ народъ отличается отъ другого. При этомъ невыносимо надоедаетъ отношеніе автора къ различнымъ народамъ, хотя въ этомъ случаѣ авторъ умѣетъ быть краснорѣчивымъ и доходить порою даже до паюса. Но и здѣсь у г. Пуцковича есть своя система, вѣрнѣе не система, а шаблонъ патристическихъ газетъ: англичанъ слѣдуетъ ругать, ибо Англія «особенно косится на Россію, такъ какъ быстро возрастающая мощь нашего отечества, по убѣжденію англичанъ,

грозить опасностью ихъ вездѣ сущимъ интересамъ. Поэтому Англія всегда была нашей соперницей и всюду старалась тайно и явно вредить намъ». Нѣмцамъ тоже достается. Зато дневрамъ Франціи занимаетъ цѣлую страницу и заканчивается такимъ образомъ: «Поэтому каждый русскій, искренно желая этой прекрасной странѣ возможно большаго развитія, отъ души можетъ сказать: *да здравствуетъ Франція!* Не одобряетъ Пудыковичъ даже итальянцевъ, а о венграхъ отзывается весьма дурно, но абиссинцы и черногорцы снова вызываютъ у него по полстранничѣ теплыхъ словъ. Точно также авторъ вездѣ подчеркиваетъ религиозность, причемъ, конечно, смѣшиваетъ ее съ обычной обрядностью.

Нѣтъ, не такыя должны быть «чтенія изъ народовѣдѣнія». Не сухой перечень занятій, частей костюма, пищи, обычаевъ и т. п., а живая и умѣло объясненная картина главныхъ особенностей каждаго народа въ ихъ цѣломъ, картина, не лишенная указаній на дурныя стороны, но и не одобренная вульгарной и пошлой политикой. Напротивъ, слѣдуетъ помнить, что всѣ люди одинаковы, что каждый народъ заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ и дурное и хорошее, и что процентъ простыхъ, работающихъ и честныхъ людей неизмѣримо превосходитъ дурные элементы, количество которыхъ въ средѣ каждаго народа подъ влияніемъ тѣхъ или иныхъ условій колеблется въ довольно скромныхъ предѣлахъ. Народовѣдѣніе одна изъ отраслей знанія, которая, наряду съ расширеніемъ нашихъ представленій о чуждыхъ народностяхъ и племенахъ, вноситъ въ свои писанія духъ единенія и симпатіи. Зачѣмъ же при первомъ знакомствѣ нанвнаго ума съ чужимъ народомъ, чужими правами и порядками, подносить ему эти элементарныя свѣдѣнія то подъ соусомъ вражды, то подъ соусомъ чрезмѣрной, порою ничѣмъ особенно не оправдываемой, симпатіи? Къ идеалу чтеній изъ народовѣдѣнія болѣе всего приближается серія книгъ Е. Н. Водовозовой «Какъ люди живутъ на бѣломъ свѣтѣ», которыя мы и рекомендуемъ читателямъ взамѣнъ брошюрь г. Пудыковича размѣромъ въ 16 стр., цѣною въ 5 к. и съ очень плохими картами, ибо напр. на картѣ Африки стоятъ разныя неизвѣстныя въ географіи названія, вродѣ Адель (Аденъ), Ажанъ (?), Кагланъ (Капендъ) и проч.

Н. Березинъ.

Е. Ловичъ. Прогрессъ и педагогика. Одна изъ новыхъ педагогическихъ теорій. Изъ журнала „Вѣстникъ Воспит.“ 1897.

Новая педагогическая теорія—это разсужденія нѣмецкаго профессора Бергманна, автора статьи „Эволюціонная этика, какъ основа научной педагогикѣ“. Съ возрѣніями этого «философа и педагога» и знакомитъ насъ г. Ловичъ, съ своей стороны довольно широко и тщательно распространяясь о значеніи «среды и наслѣдственности» (т. е. тѣхъ жизненныхъ факторовъ, безъ признанія которыхъ и немислима *эволюціонная* система—сама по себѣ). «Какъ и природу, мы можемъ сравнивать человѣчество, (читаемъ въ изложеніи г. Ловича) съ *организмомъ*; и подобно тому, какъ жизнь природы слагается изъ все болѣе полнаго, всесторонняго и гармоническаго развитія силъ общемірового организма, такъ же

№ 7--8. Отд. II.

точно и жизнь человѣчества должна представлять собою процессъ все болѣе совершеннаго развитія силъ, изъ проявленія которыхъ слагается общественно-человѣческая жизнь, т. е. развитія умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ силъ *коллективной души* человечества».

«Самоотверженный, сильный и умѣлый борецъ за общественно-культурное развитіе—таковъ, по мнѣнію Бергеманна, тотъ идеальный образъ, въ воплощенію котораго въ своей личности долженъ стремиться всякій членъ общества. Воспитаніе именно такихъ борцовъ за культуру—вотъ задача педагога».

Въ подобныхъ общихъ положеніяхъ и выводахъ достаточно умѣло и краснорѣчиво эволюціонная терминологія прицѣпляется къ педагогической области. Но воспитывать человѣка, быть духовнымъ акушеромъ при немъ (какъ выразился еще Сократъ)—т. е. помогать ему безболѣзненно *выразить* изъ себя умственную и нравственную личность—это одно. И совсѣмъ другое—подготовлять якобы сознательныхъ «борцовъ», которые въ отдѣльности предназначены, однако, составлять часть «коллективной души» или служить, что ли, орудіемъ произвольныхъ дѣйствій въ «общемъ организмѣ». И еще... авторъ обращаетъ взоръ воспитателей не на интересы индивида, а на задачи *соціальныхъ организмовъ*, общества и человѣчества; онъ зоветъ въ той работѣ, которая совершается *не личными* усиліями, а коллективной дѣятельностью поколѣній, въ рядахъ общественныхъ группъ и цѣлыхъ обществъ. Міросозерцаніе автора идетъ такимъ образомъ въ *полный разрѣзъ* съ господствующими педагогическими теоріями. И всетаки онъ надѣется на побѣду дорогихъ ему началъ. Бергеманнъ вѣритъ, что *смертный часъ* индивидуалистическихъ доктринъ уже недалекъ, индивидуализмъ отжилъ свой вѣкъ». И тутъ, мы бы сказали даже—*игра* чисто научными обозначеніями прямо затемняетъ «новую» педагогическую теорію.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, говорить дагѣ авторъ, что молодымъ людямъ придется отказаться отъ своей индивидуальности въ смыслѣ развитія индивидуальныхъ способностей. Вѣдь однимъ изъ условий культурнаго прогресса является также раздѣленіе труда, при которомъ личныя дарованія находятъ бы широкое поле для своего приложенія и развитія. Но вотъ чего не должны забывать молодые люди: свои индивидуальные силы они должны развивать не для личнаго благополучія, а для работы надъ общественнымъ прогрессомъ; и отъ такого направленія ихъ индивидуальность только выиграетъ, потому что лишь подъ живительнымъ свѣтомъ гуманныхъ идей развиваются тѣ высшіе дары индивидуальнаго духа, которые надѣляютъ человѣческую личность внутренней красотой и силой». Совершенно справедливо. Но что здѣсь новаго?

А. Налимовъ.

Начальное народное образованіе въ Тульской губерніи въ 1896—97 учебномъ году. Изданіе Тульского губернскаго земства. Тула 1898 г.

Въ 1895 году сельскохозяйственная коммисія Тульского губернскаго земства, рассматривая вопросъ о нуждахъ сельскаго хозяйства и о мѣ-

рахъ къ удовлетворенію ихъ, пришла къ заключенію, что первымъ препятствіемъ, стоящимъ на пути развитія сельскаго хозяйства, является недостатокъ просвѣщенія въ народѣ, а потому первую по важности нуждою признала народное образованіе и народную школу. Поэтому въ губернскомъ земствѣ былъ поднятъ вопросъ о введеніи въ губерніи всеобщаго обученія населенія. Предварительно до разрѣшенія такого вопроса, необходимо было всесторонне изучить существующее положеніе народнаго образованія въ губерніи, для чего и избрана была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Р. А. Писарева. Результатомъ трудовъ этой коммиссіи и является настоящее изслѣдованіе, весьма обширное и обстоятельное, съ большимъ количествомъ всякаго рода статистическихъ таблицъ.

Положеніе Тульской губерніи по части народнаго образованія характеризуется слѣдующими данными. Если принять показатель образованія для Россіи (безъ Финляндіи) 2,01, то въ Тульской губерніи онъ составляетъ 4,2. Такимъ образомъ показатель образованія въ Тульской губерніи значительно выше, чѣмъ въ среднемъ въ Россіи вообще. По общему количеству школъ (830) Тульская губернія занимаетъ 8 мѣсто среди другихъ земскихъ губерній, по количеству квадратныхъ верстъ (23,93) на 1 школу она стоитъ на второмъ; по расчету числа школъ на населеніе она занимаетъ 8 мѣсто (1 школа на 1344 жит.), а по количеству жителей (275) на 1 учащагося 9-е. Въ послѣдніе годы число школъ быстро растетъ, какъ земскихъ, такъ и церковно-приходскихъ; но онѣ не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться. Для доставленія возможности обучаться всѣмъ желающимъ среди сельскаго населенія губерніи необходимо открыть вновь 670 организованныхъ и 127 школъ грамоты, что потребуетъ отъ земства ежегоднаго расхода на содержаніе ихъ 140,254 р.

Народъ получаетъ образованіе не только въ школахъ, но и внѣ школъ. Внѣшкольное образованіе — дѣло не менѣе важное, чѣмъ и школьное. Поэтому, чтобы составить понятіе о положеніи народнаго образованія въ какой либо губерніи, кромѣ свѣдѣній о школахъ, необходимо имѣть еще свѣдѣнія о средствахъ внѣшкольнаго образованія, т. е. о народныхъ и школьныхъ бібліотекахъ, читальняхъ, народныхъ чтеніяхъ, складахъ для продажи книгъ, воскресныхъ школахъ, повторительныхъ классахъ. Коммиссія, обозрѣвъ и тщательно изучивъ всѣ эти средства, пришла къ такому общему заключенію: «дѣло внѣшкольнаго образованія, этого важнѣйшаго въ настоящее время фактора просвѣщенія широкихъ слоевъ народа, находится еще въ зачаточномъ состояніи». Приводитъ какія либо частныя данныя по этому предмету излишне. Очевидно, Тульской губерніи какъ и Россіи вообще, необходимы самыя энергическія усилія, чтобы выбиться изъ облегающей ее тьмы невѣжества на Божій свѣтъ.

Въ связи съ изслѣдованіемъ положенія начальнаго образованія въ Тульской губерніи находится докладъ тульскому очередному губернскому земскому собранію 1898 г., составленный губернскимъ гласнымъ кн. Г. Е. Львовымъ, о способахъ и степени участія губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія.

Участіе губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ дѣлѣ народнаго образованія закономъ не разграничено. Фактически все дѣло народнаго образо-

ванія находилось въ рукахъ уѣздныхъ земствъ, какъ стоящихъ къ дѣлу непосредственно. Но вотъ теперь поднялся вопросъ о введеніи всеобщаго начального обученія, зло народнаго необразованія въ экономическомъ и нравственномъ отношеніяхъ сознается все живѣе и глубже. Дѣла предстоитъ очень много, не сидѣть же губернскому земству сложа руки, занимаясь созерцаніемъ, что дѣлаютъ по народному образованію уѣздныя земства. Въ то же время вполнѣ нежелательно подрывать или стѣснять автономію уѣздныхъ земствъ. Словомъ, губернскому иуѣзднымъ земствамъ нужно размежеваться въ работѣ по народному образованію. Гласный Львовъ предлагаетъ это размежеваніе произвести слѣдующимъ образомъ: оставляя, по прежнему, устройство школъ и завѣдываніе ими на обязанности уѣздныхъ земствъ, губернское земство должно взять на себя: 1) собраніе свѣдѣній и составленіе ежегодныхъ обзоровъ и сводовъ дѣятельности уѣздныхъ земствъ по народному образованію; 2) на ряду съ уѣздными земствами, попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія и 3) заботу объ усиленіи нравственно-воспитательнаго значенія народной школы и съ этою цѣлью созданіе прямой постоянной организациі нравственнаго вліянія на учителей и подѣла ихъ образовательнаго уровня. Дозволенными законами средствами къ тому являются устройство учительскихъ семинарій, педагогическихъ курсовъ, учебно-педагогическихъ выставокъ и библиотекъ съ общей и педагогической литературой, съ журналами и газетами.

Такъ или иначе размежуются губернская и уѣздныя земства въ дѣятельности по народному образованію, одно имъ нужно помнить твердо и постоянно: народное невѣжество—великое экономическое и нравственное зло, культурное бѣдствіе, горшее холеры; это—духовная чума, это жестокой врагъ жизни, стоящій не у стѣнъ города, но уже вошедшій въ стѣны и овладѣвшій его жителями. И такъ *saveant, consules!*

П. Каптеревъ.

Басни И. А. Крылова съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. О. Кеневичу и 5 этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. Спб. 1897.

Въ предисловіи г. П. Смирновскаго, извѣстнаго составителя многихъ учебниковъ по русскому языку, читаемъ: «предпринимая изданіе басенъ Крылова, главнымъ образомъ, для учащейся молодежи, г. Панафидинъ обратился ко мнѣ съ просьбой снабдить его изданіе матеріаломъ, освѣщающимъ произведенія нашего баснописца». Въ «матеріалѣ», предложенномъ г. Смирновскимъ новаго весьма немного. Примѣчанія къ баснямъ принадлежатъ покойному лучшему у насъ комментатору Крылова, В. О. Кеневичу. Очеркъ П. А. Плетнева почти единственная и, дѣйствительно, недурная біографія баснописца. Но и она не можетъ же, наконецъ, быть, такъ сказать, вѣчно юной. А «этюды» г. Смирновскаго—чисто компилятивныя—взяты чуть не цѣликомъ изъ давно уже перендающагося «По-

собія при изученіи исторіи русской словесности г. Смирновскаго съ небольшими вариациями и дополненіями.

Характеръ „освѣщенія“ г. Смирновскимъ басень Крылова довольно рельефно рисуется, напр. въ такомъ замѣчаніи по поводу басни „Водолазъ“. — «Слѣдовательно, много ли, мало ли, но все же въ нашемъ обществѣ было знакомство съ западными философскими системами, затрогивающими «высшіе, неумомъ, а вѣрою и совѣстью постигаемые законы»; были и толки объ этихъ системахъ. Отсюда выводъ, что Крыловъ могъ имѣть въ виду предостережеть отъ увлеченія ими, а стало быть и басня его не лишена извѣстнаго отношенія къ современному ему русскому обществу“. Басня «не лишена» «отношенія» къ обществу—такіе выводы едва ли не «лишены» значенія для «учащейся молодежи». Какъ *справочный* сборникъ, совмѣщающій въ себѣ многое, разбросанное по различнымъ другимъ книжкамъ—изданіе г. Панафидина могло бы сослужить свою полезную службу; но при условіи достаточной дешевизны. Къ сожалѣнію, обозначенія цѣны книги—мы нигдѣ не нашли. Выѣшность изданія—прилична.

А. Налимовъ.

Ясное солнышко и другіе повѣсти и рассказы для дѣтей средняго возраста. Клавдіи Лукашевичъ. Москва 1898. Стр. 263.

Повѣсти и рассказы г-жи Лукашевичъ занимаютъ не послѣднее мѣсто среди произведеній современныхъ дѣтскихъ писателей и не разъ уже были удостоены премій С. П. Фребелевскаго Общества. Дѣятельная и энергичная сотрудница многихъ дѣтскихъ журналовъ и въ особенности журнала «Игрушечка», г-жа Лукашевичъ посвящаетъ свои труды преимущественно дѣтямъ младшаго и средняго возраста, съ которыми она отлично умѣетъ бесѣдовать, выбирая для своихъ бесѣдъ всегда интересныя и вполне подходящія для нихъ сюжеты. Впрочемъ, выборъ сюжета не составляетъ еще главнаго достоинства произведеній этого симпатичнаго автора; мало найти интересную фавбу, надо умѣть ее передать живымъ и образнымъ языкомъ, и вотъ съ этой то стороны рассказы г-жи Лукашевичъ и обращаютъ на себя особенное вниманіе. Хорошо изучивъ дѣтскую душу и природу, авторъ знаетъ, какъ взяться за дѣло и незамѣтнымъ образомъ безъ всякихъ наставленій и поученій, столь нетерпимыхъ дѣтьми, направляетъ ихъ мысли на все доброе и хорошее. Передъ глазами юныхъ читателей встаютъ образы живые и естественные, другіе «настоящіе» дѣти и взрослые со всеми ихъ достоинствами и недостатками, а не дѣти куклы, читающія имъ мораль.

Вотъ почему мы увѣрены, что предлагаемая книга будетъ прочтена ими съ большимъ удовольствіемъ и, несмотря на преобладающій грустный тонъ заключающихся въ ней повѣстей и рассказовъ, оставитъ по себѣ не тяжелое, но отрадное и хорошее впечатлѣніе.

О чемъ куковала кукушка. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній для маленькихъ дѣтей. Москва 1898 стр. 93.

Составитель этого сборника пожелалъ остаться неизвѣстнымъ, и рассказы, вошедшіе въ книгу, не носятъ ничьей подписи, а потому мы ли-

шени возможности узнать, принадлежать ли они перу одного лица, или же, подобно нѣсколькимъ помѣщеннымъ въ сборникѣ стихотвореніямъ. А. Плещеева, А. Толстого, Пушкина и др., сочинены различными авторами. Во всякомъ случаѣ сборникъ носить на себѣ компилятивный характеръ и по внѣшнему виду очень напоминаетъ собой англійскія изданія для маленькихъ дѣтей съ литографированными картинками; намъ сдается даже, что и содержаніе нѣкоторыхъ сказочекъ заимствовано изъ иностранныхъ журналовъ или книгъ. Всѣхъ разсказовъ въ книгѣ двадцать два и многіе изъ нихъ—премиленькіе; предназначены они для дѣтей самаго младшаго возраста, для которыхъ составить что нибудь подходящее очень и очень трудно, но этой книжкѣ малыши должны остаться довольны, потому что она придется имъ и по вкусу и по силамъ.

Особенно намъ понравились: «Новые часы» (Маленькихъ дѣтей очень занимали новые часы съ кукушкой, и они рѣшили встать среди ночи, чтобы посмотреть, какъ птичка ночью вылетитъ изъ своего домика, чтобы подобрать насыпанныя для нея ими крошки). «Разсказъ корзинки» (Ивовая корзинка разсказываетъ, какъ слѣпой мальчикъ сплелъ ее для своей маленькой сестры) «Дядя», «За владомъ» и многіе другіе. Очевидно авторъ или авторы ихъ хорошо знакомы со вкусомъ и требованіями читателей малютокъ.

Выборъ стихотвореній менѣе удаченъ: такія вещи какъ «Эхо» Пушкина, «Весна» А. Толстого, «Дитя—цвѣтокъ» Величко въ пору лишь читателямъ средняго возраста.

Виньетки и рисунки за немногими исключеніями весьма недурно исполнены, но раскрашенныя картинки оставляютъ желать лучшаго. Печать и бумага вполне приличны.

О. Лорисъ-Меликова.

Ил. Смирновъ. *Изъ дѣтской жизни.* Разсказы для дѣтей съ рисунками Литвиненко. Цѣна 40 к., въ папкѣ 55 коп.

Добрый души. Чтеніе для дѣтей и для народа. Утро. Разсказъ съ рисунками. № 1. Ц. 5 коп. Москва. Изд. книгопродавца Клюкина. 1898 г.

Когда намъ случалось говорить о сочиненіяхъ г. Ил. Смирнова, мы не разъ отмѣчали ихъ отличительную черту — блѣдность и безкolorитность рисунка—такіе разсказы забываются сейчасъ же по прочтеніи, и даже симпатичная тенденція не спасаетъ ихъ отъ этого забвенія. Авторъ выбираетъ преимущественно сѣренныя, не выдающіеся жизненные эпизоды и такъ же сѣро, хотя и старательно, передаетъ ихъ. Чтобъ изъ немногаго сдѣлать многое, нуженъ яркій талантъ, котораго у г. Смирнова нѣтъ; поэтому сборникъ разсказовъ „Изъ дѣтской жизни“ оставляетъ впечатлѣніе чего-то неопредѣленнаго и безцвѣтнаго. Изъ чувства справедливости мы должны, впрочемъ, сказать, что разсказъ „Утро“, принадлежащій перу того же писателя, написанъ гораздо лучше. Сюжетъ здѣсь такъ простъ.—Маленькій мальчикъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, проснулся раньше всѣхъ въ домѣ и, плѣненный чуднымъ дѣтнимъ утромъ, выбѣжалъ на прогулку. Но вотъ онъ ужъ нагулялся вдоволь и даже заскучалъ, почти жалѣя о томъ, что всталъ такъ рано, какъ вдругъ

неожиданно нашелъ себѣ дѣло. Во дворѣ вѣхалъ мужикъ съ возомъ купленнаго хозяевами сѣна, и такъ какъ всѣ еще спятъ, то волей-неволей мальчику приходится взять на себя роль взрослого и помочь мужику убрать сѣно на сѣноваль. Маленькій работникъ удачно справился съ этой задачей, одушевленный желаніемъ дать возможность дядѣ Савелію вернуться поскорѣе домой, гдѣ семья его сидитъ безъ хлѣба, ожидая денегъ, вырученныхъ за сѣно. Бесѣдуя съ своимъ помощникомъ, Савелій рассказываетъ ему и о недавней смерти своего младшаго сына, ушибленнаго лошадыю. Савелій ухалъ, но мальчикъ все еще находится подъ впечатлѣніемъ его печальнаго разсказа. Однако, усталость отъ непривычной работы взяла свое, мальчикъ прилегъ на свѣжее сѣно, крѣпко заснулъ и проспалъ до обѣда.—Какъ видите, содержаніе разсказа незатѣливо, но въ немъ есть *что-то*, онъ не такъ прѣсентъ, какъ повѣсти «Изъ дѣтской жизни». Весьма возможно, что онъ навѣялъ автору воспоминаніями его собственнаго дѣтства, а потому пронянутъ искреннимъ чувствомъ. Дѣтямъ этотъ разсказъ понравится, но для читателя изъ народа здѣсь мало содержанія.

Н. Леонтьева.

Журнальное обозрѣніе.

«Тяга» Боборыкина.—«Лиза» Гр. Е. В. Т.—«Прелюдія Шопена» Гр. Толстого-сына.

Давно уже въ нашей литературѣ не появлялось крупнаго беллетристическаго произведенія, тема котораго съ общественной точки зрѣнія была бы столь глубоко интересной и важной, какъ тема послѣдняго романа Боборыкина «Тяга», появившагося въ первыхъ пяти книжкахъ «Вѣстника Европы» за нынѣшній годъ.

Въ «Тягѣ» (тягѣ изъ деревни на фабрику) Боборыкинъ пытается изобразить типы представителей русскаго рабочаго класса, пытается уловить существующія среди нихъ направленія и попутно дать сравнительную характеристику деревни и фабрики.

Опытный бытописатель отнесся къ трудной задачѣ старательно, и «Тяга» является едва ли не лучшимъ его произведеніемъ.

Разумѣется, и здѣсь Боборыкинъ остался Боборыкинымъ и не превратился въ Толстого, Тургенева или Достоевскаго. И «Тяга», какъ всѣ произведенія Боборыкина, представляетъ изъ себя фотографію, правда, фотографію живую, движущуюся, сопровождаемую фонографомъ, но все же эта фотографія сѣра, лишена яркихъ жизненныхъ красокъ, а, главное, значительно порочена неумѣлой и произвольной ретушью; фонографъ передаетъ записанныя имъ слова вѣрно, но рѣчь нерѣдко прерывается на самомъ интересномъ мѣстѣ, оставляя въ слушатель величайшую неудовлетворенность. Та же неудовлетворенность и отъ движущейся фотографіи, потому что, не смотря на массу моментальныхъ снимковъ, она даетъ не цѣльное, а прерывистое впечатлѣніе. Боборыкинъ, видимо, не въ силахъ объединить и оживить массу быстро схваченныхъ наблюденій творческимъ вдохновеніемъ, отличающимъ великихъ художниковъ отъ полезныхъ писателей. Оттого-то, читая произведенія Боборыкина, чуткій читатель заинтересо-

ывается ими, но не увлекается и не сживается съ судьбою дѣйствующихъ лицъ. Самъ авторъ, когда пишетъ свои романы, врядъ ли страдаетъ, любить, ненавидитъ, онъ лишь симпатизируетъ или не симпатизируетъ. То же отношеніе передается и читателю.

Но намъ кажется невѣрнымъ мнѣніе многихъ рецензентовъ, что главными дѣйствующія лица «Таги» не типичны, выдуманы, невозможны въ той средѣ, куда ихъ помѣщаетъ авторъ. Они не *наибольше* типичные представители рабочей среды — это можетъ быть и такъ, но все же и они — снимки съ дѣйствительности, но повторяемъ, къ сожалѣнію, нѣсколько искаженые произвольной ретушью.

Центральными фигурами, около которыхъ вертится все дѣйствіе, являются два рабочихъ — ткачъ Иванъ Спиридоновъ и рисовальщикъ Андрей Меньшовъ.

Спиридоновъ съ раннего дѣтства работаетъ на фабрикѣ. Фабрика — его кормилица и воспитательница. Она дала ему хорошій заработокъ, сдѣлала изъ него человѣка, сознающаго свое достоинство, расширила его умственный кругозоръ, научила наслаждаться Толстымъ, Шпильгагеномъ, Зола и др., но она не освободила его окончательно отъ деревни, которая отбираетъ большую часть его заработка и ограничиваетъ его личную свободу, она не вполне вытравила и его «*мужицкую* натуру». Въ столкновенияхъ этой «*мужицкой* натуры» съ воспринятыми на фабрикѣ новыми привычками и понятіями — трагизмъ жизни Спиридонова. Онъ женится рано, не по собственному влеченію, а, какъ полагается въ деревнѣ, по указанію матери-крестьянки. Жена ему попадаетъ вздорная, истеричная. Она быстро дѣлается ему постылой, но онъ продолжаетъ съ ней жить, потому что разойтись съ женой «*засорно*». Онъ неистово бьетъ ее *мужицки* и чувствуетъ потомъ угрызения совѣсти *по-интеллигентному*.

Его жизнь сложилась, какъ рабочаго-пролетарія, но онъ не можетъ стать вполне на пролетарскую точку зрѣнія, не можетъ слить свои интересы съ интересами товарищей — рабочихъ, въ немъ постоянно пробивается желаніе быть хозяиномъ, живущимъ въ своемъ *собственномъ* домѣ на своемъ *собственномъ* клочкѣ земли. Онъ — представитель труда, но чувствуетъ особое уваженіе къ представителямъ капитала. Гордость интеллигентнаго рабочаго въ немъ нерѣдко перевѣшивается рабствомъ услужливаго двороваго. Самымъ ужаснымъ преступленіемъ представляетъ ему преступленіе противъ собственности. Онъ лучше готовъ быть «*душегубомъ*», чѣмъ воромъ. Онъ толкуетъ о правахъ рабочихъ, но его раздражаютъ тѣ, кто отстаиваютъ свои права особенно энергично.

Авторъ, видимо, очень симпатизируетъ Спиридонову и, проведя его черезъ рядъ тяжелыхъ мытарствъ, устраиваетъ въ мирной, идиллической пристани. Постылую беременную жену Спиридоновъ такъ избиваетъ, что она умираетъ во время родовъ. Покаявшись, онъ выбираетъ себѣ въ жены трудолюбивую и почтительную фабричную дѣвушку Пашу, которая не прочь и хорошую книжку почитать, и въ деревнѣ пожить. Отъ отдѣльнаго дома въ фабричной слободкѣ онъ отказывается, но строить себѣ просторную избу въ деревнѣ, собираясь проводить въ ней лѣтніе мѣсяцы, фабрика должна служить ему лишь «*подспорьемъ*». Они съ Пашей собираются работать на ней только зимніе мѣсяцы, при этомъ онъ готовъ

отказаться отъ положенія «смотрителя», до котораго онъ дослужился, и снова сдѣлаться простымъ ткачомъ. Его «коробить въ званіи смотрителя». неловко присматривать за своимъ товарищемъ-рабочимъ, который, укажемъ мы отъ себя, оказывался иногда по отношенію къ Спиридонову дерзкимъ и строптивымъ. Въ деревнѣ,—по его словамъ «дѣло чистое». Приходится, конечно, нанимать батрака и присматривать за нимъ, но этотъ батракъ,—«умственно» разъясняетъ Спиридоновъ—*хоть и крестьянинъ, однако не мой (его) прямой товарищъ, не такой же рабочий, какъ и я (онъ)*.

Проповѣдь Спиридонова о неловкости быть «набольшимъ» надъ своими товарищами встрѣчаетъ возраженіе со стороны его односельчанина Филата.

«Одначе, Иванъ Прокофьевичъ»—говоритъ Филатъ—«никто отъ своего добра не откажется.

Въ присучальникахъ и хоть бы и въ ткачахъ лямеу таянутъ или въ смотрителяхъ—небось разнища будетъ не малая? Изъ поповъ въ дьяконы никто не пойдетъ по доброй волѣ, Иванъ Прокофьевичъ!»

«Пустое дѣло»—отвѣчаетъ Спиридоновъ—«коли совсѣмъ деревню забросить и только къ одной фабрикѣ пригнѣться. А коли здѣсь свой домикъ имѣть, хозяйство, корову, дѣтей воспитывать на просторѣ, а не въ каморкѣ казарменной—*пускай фабрика останется не главнымъ деломъ, а подспорьемъ*».

Въ подчеркнутыхъ словахъ Боборыкинъ, вѣроятно, видитъ разрѣшеніе одного изъ трудныхъ социальныхъ вопросовъ—примиреніе деревни съ фабрикой, крестьянина съ фабричнымъ. Мы говоримъ—Боборыкинъ, а не Спиридоновъ. Спиридонову до такой утопической мудрости не додуматься, въ его головѣ навѣрное возникли бы возраженія, и онъ не сумѣлъ бы съ ними справиться.

Кто же будетъ работать на фабрикѣ съ Пасхи до Михайлова дня, когда всѣ толковые рабочіе уйдутъ крестьянствовать, чтобы черезъ полгода снова исвать «подспорья» въ фабричныхъ мастерскихъ? Не станеть же фабрика ради заключенія мира съ деревней закрываться на полгода. Да будетъ ли и деревня удовлетворена этими полу-фабричными, полукрестьянами, ослабленными стояніемъ за станками, приобрѣтшими новыми культурными привычки? А сами Спиридоновы? Многіе ли изъ нихъ смогутъ «обзавестись скотомъ и наладить полевое хозяйство», какъ мечтаетъ Иванъ Прокофьевичъ? Не оттого ли они и «тянутъ» на фабрику, что въ деревнѣ имъ не наладить полевого хозяйства и не удержать скота, околающаго съ голода и продаваемого за недомки?

Не знаемъ, приходили ли г-ну Боборыкину эти возраженія и какъ онъ на нихъ отвѣтилъ? Во всякомъ случаѣ Иванъ Спиридоновъ, навѣрное знаетъ, что очень немногіе фабричные превращаются въ полуфабричныхъ-полукрестьянъ и очень многіе изъ этихъ примирителей деревни съ фабрикой становятся настоящими фабричными, мечтающими не о заведеніи полевого хозяйства, а объ освобожденіи отъ тяготящей надъ ними власти сельскаго «общества». Эта зависимость отъ сельскаго «общества» особенно гнететъ такихъ выдающихся рабочихъ, какъ другой герой «Тяги»—Андрей Меньшовъ.

Меньшовъ свободенъ отъ «мужицкой закваски», по уму и развитію оныхъ головой выше Спиридонова.

Меньшовъ—рабочій-«нигилизмъ» въ первоначальномъ значеніи этого слова. Меньшовъ—Базаровъ русскаго пролетаріата. Онъ, правда, выглядитъ слабѣе, ничтожнѣе Базарова, но это потому, что Боборыкинъ слабѣе и ничтожнѣе Тургенева, это оттого, что Боборыкинъ не могъ отнестись къ Меньшову съ тѣмъ же объективнымъ уваженіемъ, съ каковымъ Тургеневъ отнесся къ Базарову.

Во всякомъ случаѣ у Меньшова съ Базаровымъ много общихъ чертъ. То же смѣлое отрицаніе авторитетовъ и иллюзій. Та же плебейская гордость и неудовлетворенное самолюбіе. Та же внѣшняя рѣзкость; то же личное отношеніе къ женщинамъ простенькимъ, незамѣтнымъ, каковы сожительница Кирсанова—отца и Феничка Потапова, то же тяготѣніе къ женщинамъ блестящимъ, каковы Одинцова и учительница Лаврская. И конецъ жизни Меньшова также печаленъ, какъ конецъ жизни Базарова. Меньшовъ, безнадежно больной, сокращаетъ свои страданія ударомъ ножа въ большое сердце. Сцена смерти Меньшова не производитъ такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ сцена смерти Базарова, но здѣсь опять таки вина не Меньшова, а Боборыкина.

Боборыкинъ не симпатизируетъ Меньшову и старательно вырисовываетъ всѣ его отрицательныя стороны, но онъ все же не рѣшается совершенно затушевать стороны положительныя. Впрочемъ, быть можетъ, не все, что намъ кажется «положительнымъ», считаетъ таковымъ и г-нъ Боборыкинъ. Положительной чертой Меньшова мы прежде всего считаемъ его сознательное, критическое отношеніе къ окружающей средѣ, умѣние анализировать общественныя явленія до самого ихъ корня, умѣние правильно взвѣшивать ихъ съ точки зрѣнія своего класса. Меньшовъ отзывается о рабочей массѣ презрительно, называетъ ее «стадомъ», но это не мѣшаетъ ему понимать ея интересы гораздо лучше, чѣмъ ихъ понимаетъ Иванъ Спиридоновъ. Лучше Спиридонова понимаетъ онъ и значеніе «деревни».

«Ты, братъ»—говоритъ онъ ему—все еще деревню твою обсахариваешь. Я, молъ, и фабричнымъ буду, и мужика изъ себя желаю изобразить, міру радѣть, землю свою, коровушку жалѣть. Ха, ха! Все это, милый другъ, надо бросить. По моему, коли людей потянуло на фабрику—эта тяга и должна его привести къ чему-нибудь почище твоей паршивой деревни. Ты что на меня глаза таращишь, Иванъ Прокофичъ? Я вѣдь тоже крестьянинъ, и никакого въ этомъ благополучія нѣтъ! Совсѣмъ напротивъ! Ежели меня деревня держитъ, такъ для того единственно, чтобы изъ меня сокъ выжимать, чтобы я на нее работалъ, въ крѣпости у ней находился.

— «Ты не въ счетъ!»—совсѣмъ слабо парируетъ Спиридоновъ.

— «И ты въ такой же крѣпости у твоего міра»,—резонно отвѣчаетъ Меньшовъ.

«Откупаешься деньгами да водкой—больше ничѣмъ... И ничего то твоя деревня, сама по себѣ, не можетъ выдумать, начать, по человѣчески начать. мозгами тряхнуть и найти средство и способы выгнать изъ нищенства. Ну хоть лаховцы твои... чѣмъ они прежде держались? Землей что ли? Извозомъ

да бурлачествомъ. А настроили здѣсь фабрику—потянуло васъ сюда и вы жить стали.

«Это точно!» соглашается Спиридоновъ.

— И никакого подспорья вамъ деревня не даетъ, а только тянетъ изъ васъ не меньше, чѣмъ кабакъ. Ты это не хуже меня знаешь».

Но выясняя истинное значеніе «деревни», Меньшовъ далеко отъ «обсахариванья» фабрики.

Въ минуты горечи и раздраженія положеніе фабричнаго кажется ему хуже положенія крѣпостныхъ.

«Каждый ткачъ, подъ хмѣлькомъ, воображаетъ, что онъ «вольная птица». Какъ бы не такъ! Хуже крѣпостныхъ, въ миллионъ разъ хуже!

Въ чемъ его воля? По гудку ложится, по гудку встаетъ, спитъ по собачьи, когда придется ѣсть мерзость, ни семьи, ни своего угла, ни покою! Ни одной ниткой не можетъ онъ распорядиться, ни единымъ гвоздикомъ. Ни временемъ, ни руками, ни головой. Крѣпостной-то оброкъ представилъ разъ въ годъ—дѣлай, что хочешь, живи хоть въ Царьградѣ. И на барщинѣ—отработалъ на барина—мудри съ своимъ добромъ: какъ душѣ твоей угодно у себя въ избѣ—ты владыка!»

Отъ общественной дѣятельности Меньшовъ сторонится, хотя минутами онъ на себя за это негодуетъ и оправдывается своею болѣзнью, которая держитъ его на краю могилы.

И въ этомъ онъ... правъ. Для дѣятельности нужно больше здоровья, больше жизнерадостности. Но врядъ-ли Меньшовъ, если бы онъ даже и былъ здоровъ, всѣмъ сердцемъ и душой отдался бы общественной дѣятельности. Онъ для этого слишкомъ нигилистъ. Нигилисты (въ первоначальномъ значеніи этого слова), нигилисты чистой крови рѣдко бываютъ хорошими дѣятелями. Ихъ роль не та, но эта роль во всякомъ случаѣ не роль «гасителя», какъ называетъ себя Меньшовъ.

Дѣйствуютъ такіа натуры, какъ Бобровъ, къ сожалѣнію, очерченный авторомъ очень блѣдно и неполно. Они меньше разбираются въ окружающихъ условіяхъ, чѣмъ Меньшовы, но за то больше увлекаются.

Бобровъ—повторяемъ—автору не удался: возможно, что Боборыкину не пришлось въ удобный моментъ навести на него свой фотографическій аппаратъ. За то другія второстепенныя лица, какъ, напр., кожаныи Благомѣрный, «добрый баринъ», учительница Лаврская, схвачены чрезвычайно живо.

Обстановочная сторона романа выписана очень хорошо. Передъ читателемъ проносится длинный рядъ сценъ фабричной жизни—одна интереснѣе другой. . . . .

Насколько нова и оригинальна тема «Тяги», настолько стара тема «Лиды», романа Гр. Е. П. Т., помѣщеннаго въ двухъ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы». Дѣвушка-ребенокъ, по наивности выходящая замужъ за богатаго старика-аристократа, не способна быть мужемъ. Циничный и блестящій молодой князь, превращающій мачиху въ свою пикантную любовницу. Благородный докторъ изъ разночинцевъ, безнадежно влюбленный

въ пустынную женщину, помогающей ей скрыть послѣдствія незаконной связи, привязывающей къ ея ребенку отъ неизвѣстнаго ему мужчины. Какъ все это старо! какъ все это знакомо! Сколько разъ встрѣчали мы это во французскихъ романахъ! И между тѣмъ «Лидя» захватываетъ, захватываетъ больше, чѣмъ оригинальная «Тяга». Неизвѣстный авторъ, написавшій «Лиду», въ моментъ творчества, навѣрное больше чувствовалъ, больше страдалъ и увлеклся, чѣмъ Боборыкинъ. Лидя чуткаго читателя затроветъ почти съ тою же силой, какъ Ивэттъ Гюк-де-Мопассана. Не надо забывать, конечно, что «Ивэттъ» написана раньше, и навѣрно, съ увлеченіемъ прочитана Гр. Е. П. Т. Что означаютъ эти «Гр.»? Графъ или графиня? Если графъ, то графъ... съ женственной душой.

Простота и искренность, съ которыми написанъ романъ Гр. Е. П. Т. совсѣмъ иного рода, чѣмъ «простота и искренность» разсказа графа Льва Толстого-сына, помѣщеннаго въ №№ 7696, 8002 и 8009 «Новаго Времени».

Редакція сопровождала этотъ разсказъ слѣдующей характерной «замѣткой» подписанной А. П-ій. «Я прочиталъ въ корректурѣ продолженіе повѣсти графа Л. Л. Толстого «Прелюдія Шопена». Графъ Л. Л. Толстой сынъ нашего знаменитаго писателя, и «Прелюдія Шопена» проповѣдуетъ совершенно противоположное тому, что проповѣдывалъ графъ Л. Н. въ «Крейцеровой Сонатѣ». Отецъ смотритъ такъ, сынъ смотритъ иначе. Два поколѣнія, отрицающія другъ друга въ самомъ важномъ вопросѣ жизни и отрицающія радикально, безъ всякихъ уступокъ. Проповѣдь эту Л. Л. вложилъ въ уста студента Комкова. Это что-то необыкновенно искреннее. Если у васъ нѣтъ времени прочесть всю повѣсть, прочтите только то, что говоритъ Комковъ. Оно того стоитъ по своей новизнѣ и искренности, а искренность не боится той провѣи, на которую всѣ мы такъ падали».

Мы послѣдовали совѣту г-на А. П-ій, прочли разсказъ Толстого-сына. Разсужденія Комкова, вѣроятно, дѣйствительно искренни, но «новизны» въ нихъ ни одного слова. Все, что говоритъ Комковъ о необходимости ранняго брака съ первымъ встрѣчнымъ или съ первой встрѣчной много разъ говорилъ Толстой-отецъ вплоть до «Сонаты Крейцера». Толстей-отецъ въ своихъ проповѣдяхъ всегда стремился и стремится разрѣшить самые сложные вопросы самымъ простымъ способомъ. Онъ хочетъ сразу уничтожить все зло, всѣ страданія, хватаясь за каждое старое слово, которое въ первую минуту кажется ему новымъ и всемогущимъ. Онъ съ увлеченіемъ разводитъ чужую бѣду руками и съ симпатичной наивностью пытается открыть дверь въ небо. Массу зла и страданій, связанныхъ съ половымъ влеченіемъ, онъ думалъ сперва устранить бракомъ во что бы то ни стало, бракомъ обязательнымъ и *нераспоржимымъ*. Но вскорѣ онъ понялъ неэффективность этого средства и провозгласилъ другое, опять-таки чрезвычайно простое, но болѣе радикальное—полное безбрачіе. Зло и страданія, происходящія отъ полового влеченія и его удовлетворенія, прочувствованы были имъ такъ сильно, что онъ, какъ и его герой Позднышовъ, которому половая страсть разбила душу, не останавливается передъ мыслью о прекращеніи рода человѣческаго, лишь бы стряхнуть кошмаръ кровавой ревности, проституціи, растлѣнія...

Толстой-сынъ идетъ по тому пути, который уже пройденъ очень мно-

гими въ томъ числѣ и Толстымъ-отцомъ. Удивительно, что онъ самъ не замѣчаетъ этого и воображаетъ, что можетъ побить Толстого періода «Сонаты Крейцера» слабымъ перепѣвомъ Толстого періода «Семейнаго счастья» и «Анны Карениной». А что Толстой-сынъ вызываетъ на бой Толстого-отца, это видно хотя бы изъ слѣдующихъ тирадъ Комкова.

— Есть люди сильные, большіе, которые хотятъ увѣрить насъ, что бракъ это мерзость, что идеаломъ нашимъ должно быть безбрачіе. Голосъ Комкова вдругъ упалъ, точно онъ не находилъ въ себѣ больше силъ говорить.

— Идеаломъ и цѣлью жизни должна быть смерть,—насилу выговорилъ онъ, какъ-то подавившись отъ охватившаго его волненія.

— Знаете, я просто не понимаю этого, въ моей бѣдной головѣ не умѣщается такая премудрость!

— Идеаломъ нашимъ должно быть уничтоженіе,—продолжалъ онъ глухо и гнѣвно—прекращеніе рода человѣческаго, потому что такъ-де думали всегда всѣ умные люди, Будды, Шопенгауэры, Гартманы, мы! и, т. д. и т. д.

Комковъ долго еще злобствуетъ противъ «умныхъ людей» и затѣмъ переиначивъ тонъ, съ грустью говорить о «трапкахъ и глупцахъ», увлекающихся „высокими ученіями“ и гибнущихъ подъ вліяніемъ «повѣсти» (разумѣется «Сонаты Крейцера»), построенной на основѣ этихъ ученій.

— Почему же гибнуть?—спрашиваетъ Комкова его товарищъ Крюковъ,—я думаю, напротивъ, повѣсть, о которой ты говоришь, принесла много пользы людямъ.

— Можетъ быть, но она принесла еще больше вреда, страданій и зла,—опять почти вскрикнулъ Комковъ,—я знаю это по многимъ (?) при-мѣрамъ.

— Да чѣмъ же? удивлялся Комковъ.

— Тѣмъ, что люди не женились и не женятся во время, прочтя эту повѣсть, а хотятъ быть чистыми, совершенными,—съ ироніей отвѣтилъ Комковъ,—тѣмъ, что они хотятъ быть цѣломудренными, проповѣдуютъ безбрачіе, а сами, силою да рядомъ, въ то же время въ тихомолку развратничаютъ и разжигаются мысленно, во сто разъ хуже самыхъ откровенныхъ развратниковъ. Тѣмъ, что они доводятъ себя до болѣзни, до сумасшедшаго дома, до кладбища, если на самомъ дѣлѣ хотятъ побѣдить въ себѣ плотскую жизнь и ея потребности. Тѣмъ, что они бесплодно убиваютъ въ себѣ силы, молодость, жизнь, все лучшее, что послано имъ отъ Бога, ради нелѣпой идеи!

Въ замѣнъ этой «нелѣпой идеи» Комковъ предлагаетъ поклоняться «браку, чистому, честному браку»... «Только бракомъ и только имъ однимъ можно правильно разрѣшать половой вопросъ. И не бракомъ многоженствомъ или многожествомъ и несвободной любовью—это разумѣется само собой, а строгимъ и сознательнымъ единобрачіемъ».

Этому «настоящему уму-разуму» Комкова научилъ Западъ. Только побывавъ за границей, онъ понялъ значеніе брака.

Ясно, что Комковъ въ Россіи плохо читалъ сочиненія гр. Толстого.

отца, сочиненія, въ которыхъ онъ нашелъ бы тотъ же «настоящій умъ-разумъ».

И неужели онъ не слышалъ, что гр. Толстой-отецъ поощрялъ браки среди своихъ учениковъ, браки, иногда приводившіе къ драмамъ, напоминающимъ «Сонату Крейцера», правда, безъ ея трагическаго конца.

Неизвѣстно, чѣмъ больше повредилъ Толстой-отецъ проповѣдью ли ранняго брака или проповѣдью безбрачія? Мы полагаемъ, что и отъ этой и отъ другой вредъ былъ незначительный, такой незначительный, что изъ-за него не стоитъ волноваться. Что же касается «Сонаты Крейцера», какъ *художественнаго произведенія*, то заключенная въ ней жизненная правда и тонкій психическій анализъ могутъ принести одну только пользу.

«Прелюдія же Шопена», ни какъ проповѣдь, ни какъ художественное произведеніе, не можетъ, думается намъ, принести ни пользы, ни вреда. Ей не заставитъ пережениться все московское студенчество, какъ мечтаетъ Комковъ. Кѣ не пробратъ ни тѣхъ студентовъ, которые заняты балами, картами и домами терпимости, ни тѣхъ, которые увлекаются «разными идеями» и устраиваютъ беспорядки. А если бы студенты, послушавшись Комкова-Толстого, дѣйствительно пережились на первыхъ встрѣчныхъ дѣвушкахъ, лишь бы онѣ были «молоды, здоровы и не противны», то отъ этого «человѣчество» нисколько бы не пострадало, а только развѣ прибавилось бы нѣсколько новыхъ «сонатъ Крейцера».

Въ доказательство спасительности ранняго брака Комковъ-Толстой ссылается на животныхъ и крестьянъ. Первую ссылку оставимъ лучше въ сторонѣ, что же касается крестьянъ, которые подобно животнымъ, по мнѣнію автора, ближе стоятъ «къ правдѣ, менѣ запутавъ и затемнивъ ее», то мы напомнимъ лишь о самомъ ужасномъ, специфически-крестьянскомъ развратѣ—*снохачествѣ*.

Нѣтъ, половой вопросъ не такой простой, какъ кажется онъ Толстому-сыну и какъ казался Толстому-отцу! Онъ не разрѣшается проповѣдями, подобными комковскимъ уже по одному тому, что онъ связанъ со многими другими вопросами, съ которыми не мѣшало бы получше ознакомиться г. Комкову.

Страданія, связаннаго съ половымъ влеченіемъ, врядъ ли когда-нибудь исчезнутъ, врядъ-ли когда-нибудь исчезнетъ муза несчастной любви и злая муза ревности. Но мы убѣждены, что исчезнетъ проституція, снохачество, насиліе, болѣзненный развратъ...

Вмѣстѣ съ прогрессомъ исчезаетъ зло въ его грубой формѣ, но страданія, страданія *облагороженнаго* скорѣе увеличиваются, чѣмъ уменьшаются. Безъ страданій нѣтъ истинныхъ наслажденій, нѣтъ развитія, нѣтъ человеческой жизни...

В. Поссе.

В. Вагнеръ. Университетъ и средне-образовательная школа. Русская мысль № 2. 1898.

Позволю себѣ обратить вниманіе читателей на основную идею вышесказанной замѣтки. Громадное большинство преподавателей нашихъ средне-учебныхъ заведеній получаетъ образование въ университетѣ. Допустимъ, что они достаточно подготовлены со стороны знанія предмета. Хотя и въ этомъ отношеніи нужно сдѣлать оговорку. Нынѣ дѣйствующія правила государственныхъ экзаменовъ, какъ извѣстно, допускаютъ при окончаніи курса имѣть изъ одного предмета, хотя-бы изъ главнаго, неудовлетворительную отмѣтку. Поэтому, иногда случается, что экзаменующійся, будучи обезпеченъ удовлетворительными отмѣтками на предыдущихъ экзаменахъ проситъ экзаменатора поставить ему неудовлетворительную отмѣтку, не утруждая ни его, ни себя спрашиваніемъ. Слѣдовательно, легко можетъ случиться, что будущій преподаватель зоологій или ботаники въ свое время имѣлъ неудовлетворительную отмѣтку именно поего предмету. Говорятъ, что такіе случаи были. Но въ данное время для насъ интересна другая сторона вопроса. Учительница все таки проходитъ въ гимназій курсъ педагогики, для учительницъ есть педагогическіе курсы, однимъ словомъ въ женскомъ образованіи на эту сторону такъ или иначе, но все таки обращено нѣкоторое вниманіе.

Иначе обстоитъ дѣло въ университетахъ: университетъ можетъ дать натуралиста, филолога, историка, но онъ не можетъ дать педагога по той простой причинѣ, что педагоги въ университетѣ не читаются. А между тѣмъ *de facto*—университетъ даетъ этихъ педагоговъ безъ знанія педагогики и они составляютъ главный контингентъ нашего средне-учебнаго персонала.

Не трудно, конечно, предугадать результаты такой постановки вопроса. Я говорю не о тѣхъ эпизодахъ полуневротическаго характера, съ которыми каждый изъ насъ знакомъ частью изъ собственнаго опыта, частью по рассказамъ и которые иногда давали поводъ къ циркулярнымъ внушеніямъ со стороны министерства. То преподаватель наставитъ полсотни единицъ въ одинъ урокъ, то «изъ принципа» не ставитъ балловъ, когда ученики или ученицы отвѣчаютъ хорошо, но ставитъ аккуратно неудовлетворительныя отмѣтки и т. п. Всѣ эти явленія, какъ ни мало желательны, но все же остаются одиночными явленіями. Я говорю о другомъ. Возьмемъ наши классическія гимназій. Если оставить въ сторонѣ древніе языки, то программу ихъ вовсе нельзя назвать особенно обширной. Тѣмъ не менѣе, приходится помириться съ фактомъ, что въ нашихъ гимназіяхъ ученикъ среднихъ способностей, если онъ не находитъ помощи дома со стороны родителей, репетиторовъ и т. п., идти не можетъ. Это программа, въ сущности далеко не обширная, оказывается непосильной ученику средняго уровня, для котораго она и должна быть приурочена. Означенное обстоятельство, очевидно, зависитъ не отъ программы, а отъ приѣмовъ ея примѣненія. Надо думать, что неумѣлость примѣненія программы имѣетъ своей главной причинойъ почти полную

неподготовленность большинства учительского персонала въ педагогическомъ отношеніи.

В. Вагнеръ приводитъ въ примѣръ нѣкоторые американскіе университеты, гдѣ имѣется иногда по нѣскольку кафедръ педагогики: теоріи воспитанія, исторіи воспитанія и методовъ обученія. В. Вагнеръ проектируетъ по крайней мѣрѣ двѣ кафедры при нашихъ университетахъ: одна—по методикамъ физическихъ и биологическихъ наукъ на физико-математическомъ факультетѣ, другая, ей аналогичная, на историко-филологическомъ. Въ этой или въ какой либо другой формѣ долженъ быть осуществленъ этотъ проектъ—это вопросъ, требующій разработки. Но нельзя не согласиться съ основной идеей статьи: если университетъ de facto сталъ рассадникомъ учителей, то, конечно, въ немъ должна найтись себѣ мѣсто и педагогика. Чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ скорѣе наша школа вступитъ на путь примиренія и дружнаго содѣйствія съ обществомъ, такъ какъ главной причиной, порождающей недоразумѣнія между школой и обществомъ, была не столько самая сущность программъ, положенныхъ въ основу нашей средней школы, сколько непедагогическіе приемы прирѣшенія этихъ программъ.

Если-бы принципиально учрежденіе такихъ кафедръ было-бы признано полезнымъ, то, конечно, надо начать съ подготовки людей для ихъ замѣщенія, чтобы не повторилась та же исторія, что и съ кафедрами географіи, изъ коихъ нѣкоторыя не заняты до сихъ поръ, а нѣкоторыя замѣщены были людьми совершенно иной спеціальности.

Проф. В. Шимкевичъ.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. исправляющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Брошюру: «*Rud Menge*». Исаака. Переводъ съ нѣмецкаго Августы Ветнемъ. Съ картою о. Исаакъ. Изданіе ж. «Гимназія». Ревель. 1898. 34. Цѣна 25 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Русскій рыболовъ-удильщикъ. Наставленіе къ ужению рыбы для начинающихъ и справочное руководство въ разныхъ случаяхъ рыболовнаго спорта для занимающихся уженіемъ рыбы. Составлено по Аксакову, Веньяминову, Виноградову, Висковатову, Домбровскому, Львову-Радкевичу, Сабанѣеву и другимъ русскимъ ихтиологамъ Ф. Орѣшниковымъ, Съ 485 иллюстраціями въ текстѣ. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ»

С.-Пб. 1895. 26 стр. in folio. Цѣна 50 коп. — одобрить для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книжку: «Д. Менро. Очеркъ электрическихъ явленій и ихъ примѣненій къ практической жизни. Переводъ съ англійскаго. («Популярно-научная библиотечка». Изданіе А. С. Суворина). С.-Пб. 1898. 194. Цѣна не обозначена» — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, среднего и старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: «Иллюстрированный словарь общепользныхъ свѣдѣній. Подъ редакціей Эалье. Съ 1708 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. С. Суворина. V+1684. Цѣна 8 р.» — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библиотекъ городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: «Прямолінейная тригонометрія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній съ собраніемъ задачъ. Составилъ А. Воиновъ, исправляющій обязанности инспектора Корочанской гимназій. 2-е изданіе. М. 1897. 100. Цѣна 70 коп.» — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Фотогелиотипію: «Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ 14-го мая 1896 г.» (Цѣна въ частной продажѣ 15 р., для лицъ и учреждений вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, выписывающихъ черезъ книжный и географическій магазинъ Главнаго Штаба—10 р. безъ пересылки) — допустить къ приобрѣтенію тѣми учебными заведеніями, коихъ средства позволяютъ этотъ расходъ.

— Книгу: «А. Пеликанъ. Прогрессирующая Японія. С.-Пб. 1895. VII+295. Цѣна 2 р.» — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Изданіе: «Письма Иннокентія, митрополита Московскаго и Коломенскаго. 1828—1855. Собраны Иваномъ Парсуновымъ. Книга первая. С.-Пб. 1897. XIV+480. Цѣна 2 р. 50 коп. Книга вторая. С.-Пб. 1898. VI+496. Цѣна 2 р. 50 коп.» — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Д. И. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Разказы о японцахъ. С.-Пб. 1898. 60. Цѣна 20 к.» (Изданіе О. Н. Поповой. «Разказы о разныхъ странахъ и народахъ») — одобрить для ученическихъ, средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Изданіе: «М. Вилькоммъ. Ботаническій атласъ. Текстъ подъ редакціей М. Раевскаго. Съ 124 раскрашенными таблицами. С.-Пб. Изданіе Ф. А. Битепажа. 1898. XII+180+124 табл. Цѣна 7 р.» — одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній № 7—8. Отд. II.

и для бесплатных народных библиотек и читателей, а также для употребления в качестве класснаго учебнаго пособия в реальных и городских училищах, для каковой цѣли названное изданіе должно быть приобретаемо не учениками, а самими училищами на спеціальныя средства

— Книгу: «Нашъ дальній Востокъ. (Три года въ Уссурийскомъ краѣ)». Съ 36 рисунками въ текстѣ и картою Уссурийскаго края. Д. И. Шрейдера. С.-Пб. Изданіе А. Девриена. 1897. XI+468. Цѣна 3 р. 50 коп.»—рекомендовать для учительскихъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читателей.

— Книжку: «Л. Фигье. Пять вѣдшихъ чувствъ. Перевелъ и дополнилъ д-ръ Ю. Малисъ. Съ 20 рисунками. («Полезная библиотека». Изданіе П. П. Сойкина). С.-Пб. 1894. 149+II. Цѣна 50 коп.» — допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библиотеки городскихъ училищъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго народнаго просвѣщенія, утвержденными г. исправляющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книги, составленныя преподавателемъ С.-Петербургскаго Патриотическаго института и Земской учительской школы П. К. Соколовымъ: 1) «Методика ариметики съ приложеніемъ сборника задачъ въ предѣлахъ первой сотни. С.-Пб. 1898. IV + 136. Цѣна 60 коп. безъ приложенія». — 2) «Задачи по ариметикѣ въ предѣлахъ первой сотни. Приложение къ методикѣ ариметики. С.-Пб. 1898. IV+208. 40 коп.» — одобрить первую для учительскихъ семинарій, вторую для всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ пособія.

— Книжку: «Свѣтлый Христовъ Праздникъ Пасха. Сборникъ статей. (Съ рисункомъ—«Воскресеніе Христово»). Изданіе Ив. Преображенскаго. С.-Пб. 1898. 104. Цѣна 30 коп., въ переплетѣ 35 коп.»—одобрить для учительскихъ библиотекъ всѣхъ низшихъ училищъ, для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читателей и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Периодическое изданіе: «Городской и сельскій учитель, педагогическій журналъ, издаваемый А. И. Анастасевымъ. Годъ IV-й. 1897. Казань. Выпуски 1 — 6. Цѣна съ пересылкою и доставкою 3 р.» — допустить въ учительскія библиотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и городскихъ училищъ.

— Книжку: «А. Анастасіевъ. Русская начальная народная школа. (Изъ бесѣды съ начальными учителями). Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Городской и сельскій учитель». Казань. 1897. 65. 25 коп.» — допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, въ библиотеки учительскихъ

семинарій и институтовъ и въ бесплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы авторомъ, при слѣдующемъ изданіи брошюры, были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Учебникъ: «Сокращенная грамматика церковно-славянскаго языка (новаго періода). Для низшихъ классовъ духовныхъ училищъ и высшихъ классовъ церковно-приходскихъ школъ. Составилъ М. Григоревскій. Изданіе второе. С.-Пб. 1898. 45. 25 коп.»—одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книгу: «Пчеловодный атласъ. Томъ I. Медоносныя растенія, ихъ время цвѣтенія, мѣстонахожденіе, польза, размноженіе и краткое ботаническое описаніе. 100 раскрашенныхъ рисунковъ въ 50 таблицахъ. Выпускъ I-й. Составилъ Г. Парадѣевъ. Ставрополь. 1896. XVII+90+50 таблицъ»—одобрить для библиотекъ тѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ ведутсязанятія по пчеловодству, а равно допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «Изъ жизни народныхъ училищъ. Очерки и характеристики училищъ, попечителей ихъ, законоучителей, учителей, учительницъ и дѣтей. Составилъ инспекторъ народныхъ училищъ В. Раевскій. Нижній-Новгородъ. 1896. 112. Цѣна не обозначена»—одобрить для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ.

— Сочиненія Клавдіи Лукашевичъ, изданныя М. М. Ледерле: 1) «Изъ деревни. (Акуля). Повѣсти для дѣтей. Рисунки Т. И. Никитина. 61. Цѣна 40 коп.»—2) «Восходящая команда. Повѣсть изъ недавняго прошлаго. Рисунки Т. И. Никитина. С.-Пб. 1896. 82. Цѣна 75 коп.»—3) «Няня. Повѣсть для дѣтей. Рисунки Т. И. Никитина. С.-Пб. 1894. 47. Цѣна 50 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ начальныхъ школъ.

— Книжку: «Природа и люди. Разсказы о землѣ и о небѣ Александра Иванова (Стронина). Съ рисунками въ текстъ. Изданіе пятое, исправленное. С.-Пб. Изданіе книжнаго склада А. М. Калмыковой. 1894. Цѣна 15 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: «Зима. Новыя повѣсти и разсказы преимущественно изъ русскаго быта. В. Чистякова. Изд. 3-е. М. О. Вольфа. С.-Пб. Стр. 403. Цѣна 2 р. 50 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ таковыя-же младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: Полное собраніе басенъ Ивана Андреевича Крылова. Въ восьми систематически распределенныхъ отдѣлахъ, съ алфавитнымъ указателемъ басенъ. Съ приложеніемъ краткаго очерка жизни и литературной дѣятельности И. А. Крылова. Басни иллюстрированы 40 политипажными рисунками. Собрано и составлено подъ редакціей И. Ф. Грязнова. Изданіе 2-е, книгопродавца Г. Бриллиантова. М. 1897. VIII+128. Цѣна 12 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ (3-мъ) ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета и цѣна ея (12 коп.) была напечатана на обложкѣ.

— Брошюру: «Очерки изъ жизни растений. Г. Карабинова. Изд. 1-е. М. 1897. 35. Цѣна 5 коп. (Издание Общества распр. полезн. книгъ № 789)». — одобрить для ученическихъ библиотекъ городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ, а также и для бесплатныхъ читателей.

— Брошюру: «Докторъ Дженнеръ, изобрѣтатель оспопрививанія. Биографическій очеркъ В. Коровина. Издание второе. М. 1896. 64. Цѣна 10 коп. (Издание Общества распр. полезн. книгъ № 707)». — одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для публичныхъ народныхъ чтеній и бесплатныхъ библиотекъ-читаленъ.

— Книгу: «Какъ поживешь—такъ и прослывешь. Повѣсти и рассказы П. Самойловичъ. Издание 3-е, Товар. М. О. Вольфъ. С.-Пб. 449. Цѣна 2 р. 40 к.»—допустить въ ученическія библиотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а также въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Издание: «Бетъ-Микра. Руководство къ изученію древне-еврейской грамоты по наглядно-звуковой методѣ съ рисунками въ текстѣ. Составилъ М. В. Шнейдеръ. Выпускъ I. Букварь. Варшава. 1897. XXI+53. Выпускъ II. Варшава. 1898. 90. Цѣна за оба выпуска 60 коп.»—допустить къ употребленію въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ его изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его превосходительствомъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру: К. В. Бѣлевича: «Лѣсное хозяйство. О сбереженіи лѣса и разведеніи лѣсныхъ деревьевъ, Москва, 1894 г., 132 стр., цѣна 10 коп.»—допустить въ школы министерства народнаго просвѣщенія, а равно въ сельскія и городскія библиотеки и читальни.

— Книгу, составленную М. Р. Рытовымъ, подъ заглавіемъ: «Братній учебникъ огородничества и плодоводства, въ 2-хъ частяхъ. Часть I—Огородничество—С.-Пб., 1896 г., 114 стр., въ 8-ку; часть II—Плодоводство—С.-Пб. 1896 г., 140 стр. въ 8-ку. Цѣна за обѣ части 1 р.»—одобрить для библиотекъ учебныхъ заведеній министерствъ: народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ и земледѣлія, при чемъ въ тѣхъ изъ заведеній, въ коихъ проходитъ спеціальнй курсъ садоводства и огородничества, книга эта могла бы быть употребляема въ качествѣ учебнаго пособия.

— Составленное преподавателемъ чистописанія Печинскимъ: «Руководство для изученія англійскаго курсивнаго шрифта, состоящее изъ 10-ти тетрадей, С.-Пб. 1897 г., издание картографическаго заведенія Ильина, цѣна каждой тетради 10 коп.»—одобрить для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Хроника.

Какъ улучшить положеніе народныхъ учителей.

Рядъ изслѣдованій о положеніи народныхъ учителей сельскихъ школъ на основаніи цифровыхъ данныхъ и статистическихъ выкладокъ подтвердилъ полную основательность господствовавшего среди общества мнѣнія о томъ, что положеніе это крайне печально. Лица, внимательно слѣдящія изъ года въ годъ за дѣятельностью правительственныхъ органовъ и общественныхъ учрежденій въ области народнаго образованія, этотъ выводъ могли бы пополнить констатированіемъ другого не менѣе печальнаго явленія: крайней медлительности и какъ будто осторожности, съ какою у насъ проводятся даже самыя незначительныя мѣропріятія въ области улучшенія обстановки, окружающей народнаго педагога. Въ вопросѣ объ обезпеченіи труда народныхъ учительницъ и учителей, какъ вообще въ вопросѣ объ увеличеніи расходовъ на народное образованіе, чаще всего приходится слышать одинъ и тотъ же припѣвъ, твердо усвоенный: «не позволяютъ средства», «нѣтъ наличныхъ средствъ». Въ послѣднее десятилѣтіе этотъ мотивъ сдѣлался моднымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ бюджету на начальное народное образованіе. Какъ бы то ни было, но съ отпѣченнымъ традиціоннымъ для нашего десятилѣтія мотивомъ приходится весьма и весьма считаться при выработкѣ тѣхъ или иныхъ мѣропріятія, могущихъ внести существенныя улучшенія въ современное положеніе народнаго педагога.

Если вообще качества труда находятъ въ непосредственной связи съ тѣми условіями, въ которыя онъ ставитъ работающаго, то существованіе такой связи становится вполнѣ очевиднымъ по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ о насущныхъ нуждахъ народнаго учителя, остающихся неудовлетворенными. Земство создало группу такихъ работниковъ, которые, съ одной стороны, находятся въ крайне неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, съ другой, обречены урѣзывать до полного минимума и свои духовныя потребности. Въ такомъ положеніи находятся земскіе учителя, учительницы, фельдшерицы, фельдшера и акушерки. Разбросанные по всѣмъ закоулкамъ уѣзда, эти незамѣтные труженики

поставлены въ необходимость испытывать не только различнаго рода матеріальныя невзгоды, но прежде всего выносить полное отчужденіе и изолированіе отъ той среды, общеніе съ которой могло бы до извѣстной степени дать удовлетвореніе умственнымъ потребностямъ. Замѣнить это общеніе путемъ самообразования, путемъ систематическаго чтенія эти скромныя труженики земскоя нивы не имѣютъ никакой возможности: скуднаго обезпеченія едва-едва хватаетъ для удовлетворенія физическихъ потребностей, не говоря уже про приобрѣтеніе изъ этихъ ресурсовъ книгъ. Между тѣмъ и степень полученнаго развитія и сущность исполняемыхъ обязанностей самымъ реальнымъ образомъ свидѣтельствуеетъ, насколько необходимо земскимъ работникамъ этихъ группъ поработать надъ пополненіемъ своего образованія, какъ общаго, такъ и профессиональнаго. Нельзя отрицать, что огромное большинство и акушеровъ, и учительницъ, и фельдшеровъ, и учителей на первыхъ порахъ, пока жизнь и матеріальныя невзгоды не засосали ихъ или по крайней мѣрѣ не наложили на ихъ молодыя, честныя, исполненныя высокаго альтруизма стремленія своего безобразнаго отпечатка, искренно ищеть умственной пищи, усиленно добивается увеличить свое развитіе и восполнить далеко незаконченный цѣль знаній. Но эти стремленія только увеличиваютъ горечь существованія людей, разбросанныхъ по разнымъ угламъ и закоулкамъ уѣздовъ, искренно желающихъ работать и дать окружающей ихъ средѣ наибольшей вкладъ. Многие не выдерживаютъ этой внутренней борьбы, этой постоянной необходимости урѣзывать всѣ свои потребности, начиная съ блага хлѣба и кончая стремленіемъ почитать, поучиться, знать, что дѣлается на свѣтѣ,—и не выдержавъ, спѣшатъ переселиться въ болѣе культурные центры, хотя бы въ губернской городъ. Многие обезсиливаютъ въ этой борьбѣ, слабѣютъ силы, гаснутъ стремленія къ осмысленной дѣятельности, и человекъ обращается въ самую заурядную механическую силу.

Насколько же это выгодно для земства и его дѣятельности?

Земство своею дѣятельностью приобрѣло себѣ рѣдкое реномѣ. Реномѣ это создано не только усиліями однихъ членовъ и предсѣдателей управъ. Управъ много и раньше существовало, и въ различные періоды дореформенныхъ потемокъ многія изъ нихъ были одушевлены «благими» намѣреніями. Но реномѣ ихъ печально.. Въ созданіи реномѣ земства принимали участіе и тѣ скромныя работники, которыхъ обыкновенно именуемъ сообразно присвоеннымъ имъ окладамъ *маленькими* тружениками. Они проводили въ жизнь благія начинанія управъ, они нивелировали всѣ тѣ шероховатости, которыя обыкновенно бываютъ незамѣтными на гладкой поверхности бумаги, но которыя своими углами нерѣдко задѣваютъ и цѣпляются за неровности нашей дѣйствительности, они практической работой способствовали проведенію часто въ еще очень темную среду лучшихъ идей, державшихся въ головахъ или на лучшей концѣ въ бумагахъ земскихъ управъ, они реализовали эти идеи и

способствовали распространению сознания въ пользу и благотворности послѣднихъ. И правъ былъ орловскій губернский предводитель дворянства М. А. Стаховичъ, отказавшись допустить сравненіе земской Россіи «съ тѣми моллюсками, у которыхъ подвижная голова и прибрѣщенное неподвижное туловище».

Такимъ образомъ часть вопроса объ улучшеніи положенія народныхъ учительницъ и учителей именно та, которая объемлетъ духовныя потребности указанныхъ нами группъ земскихъ работниковъ, находится въ самой тѣсной и неразрывной связи съ интересами и прямыми выгодами непосредственно самого земства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ расходы, которые потребуются со стороны земства на удовлетвореніе умственныхъ запросовъ и духовныхъ потребностей народныхъ учительницъ и учителей, фельдшерницъ, фельдшеровъ и акушерокъ, вовсе не такъ велики, чтобы опасаться ихъ. Однимъ изъ средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей безспорно можетъ служить учрежденіе при каждомъ уѣздномъ земствѣ по библиотекъ для земскихъ служащихъ. Открывать подобныя библиотеки земство имѣетъ право *), при томъ на основаніи правилъ, которыя существуютъ для библиотекъ, организуемыхъ клубами и частными обществами. Преимущества этихъ правилъ между прочимъ заключаются въ томъ, что они не ограничиваютъ каталогъ такихъ библиотекъ никакими временными изъятіями книгъ, къ числу которыхъ, какъ извѣстно, отнесены напр. сочиненія Н. Н. Златовратскаго, Г. И. Успенскаго и др., положительно необходимыя для лицъ, работающихъ въ деревнѣ. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ существуетъ земская почта, доставка книгъ можетъ производиться вполне правильно и аккуратно, но и отсутствіе земской почты далеко еще не дѣлаетъ учрежденіе земскихъ библиотекъ несообразнымъ: та часть земскихъ служащихъ, которая разбросана по уѣзду, можетъ получать книги хоть разъ въ мѣсяцъ,—въ тотъ день, когда посылается ей жалованье; конечно, въ этомъ случаѣ вмѣсто двухъ-трехъ книгъ цѣлесообразнѣе посылать каждому читателю по четыре, по пяти книгъ. Для практическаго осуществленія того или другого мѣропріятія имѣютъ важное значеніе расходы, требуемые послѣднимъ. И съ этой стороны организація библиотекъ для земскихъ служащихъ не можетъ быть признана неосуществимой: расходы на первоначальное обзаведеніе весьма не велики. Вполнѣ достаточно приобрести въ первый годъ книгъ на 500 руб., а въ слѣдующіе годы ассигновывать на пополненіе библиотеки по 100—150 рублей. Конечно, это минимальныя цифры, но какъ ничтожны онѣ по отношенію къ десяткамъ тысячъ или сотнямъ тысячъ рублей всего годового бюджета уѣздныхъ земствъ! Ежегодные расходы по завѣдыванію библиотекой точно также настолько незначительны,

---

*) Ниже мы приводимъ недавнее разъясненіе по этому вопросу Правительствующаго Сената.

что совершенно незамѣтны для общаго годового бюджета. Практика уже существующихъ при нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ библиотекъ выработала такую форму завѣдыванія ими: выдача и пріемъ книгъ производится въ теченіе двухъ часовъ въ день однимъ изъ служащихъ канцеляріи управы; за этотъ излишекъ работы служащій получаетъ добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ 5—8 рублей въ мѣсяць.

Повторяемъ, организація библиотекъ для земскихъ служащихъ исполнѣ сильна и исполнѣ осуществима для уѣздныхъ земствъ. Но что особенно важно, такіа библиотеки, не требуя чрезмѣрныхъ затратъ или замѣтнаго напряженія бюджета, съ одной стороны, вносятъ нѣкоторую долю улучшенія въ положеніе учительницъ, учителей и другихъ «маленькихъ» дѣятелей земства, съ другой—подвигая впередъ ихъ развитіе и постепенно возвышая ихъ, онѣ бесспорно могутъ оказать влияние и на качества работы, въ чемъ заинтересовано уже непосредственно само земство. Въ виду этого организацію подобныхъ библиотекъ мы считаемъ одной изъ прямыхъ и ближайшихъ задачъ нашего земства.

Разсматривая матеріалы по вопросу о положеніи народныхъ учительницъ и учителей, получавшіеся непосредственно отъ учительскаго персонала земскихъ училищъ различныхъ районовъ, чаще всего приходится встрѣчаться съ указаніями,—особенно подчеркиваемыми авторами отвѣтовъ,—на то, что при современныхъ условіяхъ труда народныхъ учителей дать своимъ дѣтямъ болѣе или менѣе правильное и законченное образованіе является дѣломъ совершенно невозможнымъ. Невозможность эта угнетаетъ учителя и гонитъ его вонъ изъ школы, отъ той дѣятельности, которой онъ былъ преданъ и съ которой сжилась и сроднилась его душа. Ненормальность такого положенія доходитъ до очевиднѣйшей нечлѣпости: учитель, научившій сотни чужихъ дѣтей, не можетъ дать собственнымъ дѣтямъ ничего большаго, кромѣ жалкихъ клочковъ и обрывковъ первоначальной грамоты. Въ настоящее время вопросъ о мѣропріятіяхъ, въ которыя должно вылиться содѣйствіе общественныхъ организацій обученію дѣтей земскихъ учителей и учительницъ, назрѣлъ и настойчиво требуетъ разрѣшенія. Наиболѣе правильное, цѣлесообразное и наиболѣе осуществимое разрѣшеніе этотъ вопросъ долженъ получить, по нашему мнѣнію, тогда, когда его нѣсколько расширять. Совсе не слѣдуетъ выдѣлять дѣтей учителей или учительницъ. Насколько невозможно для учителя дать своимъ дѣтямъ серьезное образованіе, настолько же не возможно это и для многихъ категорій земскихъ работниковъ, разбросанныхъ по уѣздамъ или вынужденныхъ жить вдали отъ губернскихъ городовъ, гдѣ, какъ извѣстно, сосредоточиваются главнымъ образомъ среднія учебныя заведенія. Земскія фельдшерницы и акушерки, фельдшера точно также въ значительной степени лишены этой возможности; врачи, секретари уѣздныхъ управъ, бухгалтеръ и т. д., если и не лишены ея окончательно, то въ значительной

степени съ трудомъ и съ весьма большимъ могутъ дать своимъ дѣтямъ желаемое образованіе.

Разсматривая такимъ образомъ поставленный вопросъ, мы конечно прежде всего должны будемъ придти къ выводу о необходимости устройства въ губернскихъ городахъ общежитій для дѣтей земскихъ служащихъ, живущихъ въ уѣздахъ. Расходы по содержанию какъ общежитій, такъ и живущихъ въ нихъ дѣтей должны быть разложены на уѣздныя земства и губернскія. Часть этихъ расходовъ можетъ быть пополнена установленіемъ извѣстной платы. Вопросъ о платѣ долженъ быть разработанъ особенно тщательно: всякая ошибка можетъ погубить первоначальную цѣль и погубить основную идею, и вмѣсто ожидаемыхъ облегченій можетъ создать лишь затрудненія. Прежде всего группы такихъ служащихъ, какъ учителя, учительницы, фельдшерицы, фельдшера и акушерки, должны быть или совершенно освобождены отъ платы или плата для нихъ не должна превышать 25—30 руб. въ годъ за каждаго подростка, помѣщающагося въ общежитіи. Плата съ дѣтей другихъ категорій земскихъ служащихъ, напр. врачей, бухгалтеровъ, секретарей и т. п., пользующихся большими окладами, конечно должна быть значительно выше. Указанныя общежитія должны пользоваться пособіемъ отъ общества взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительницамъ; кромѣ того, возможно учредить и новыя общества для содѣйствія полученію образованія дѣтямъ земскихъ учителей, фельдшерицъ и т. д. Но если все же значительная часть расходовъ по содержанию учащихъ дѣтей наименѣе обеспеченныхъ служащихъ падеть на земства, то во-первыхъ, ничего несправедливаго въ этомъ не будетъ, во вторыхъ, земство можетъ часть этихъ расходовъ вернуть, установивъ для своихъ воспитанниковъ извѣстныя обязательства въ видѣ ли обязательной службы въ земствѣ по окончаніи полнаго (считая и университетскій) курса ученія, въ видѣ ли частичнаго возврата потраченной земствомъ суммы, послѣ того какъ воспитанникъ займетъ извѣстное служебное положеніе и слѣдовательно болѣе или менѣе прочно встанетъ на ноги. Если принять все это во вниманіе, то расходы на общежитія для дѣтей земскихъ служащихъ вовсе не будутъ страшны. Правда, земству на первыхъ порахъ придется сдѣлать извѣстные расходы, но впоследствии они цѣликомъ вернуться въ ту же земскую кассу, а земство между тѣмъ будетъ въ выигрышѣ, такъ какъ съ улучшеніемъ условій труда идутъ рука объ руку улучшенія качествъ послѣдняго. Не будутъ бѣжать лица, дѣйствительно желающія работать въ земствѣ, но вынужденныя бросать начатое дѣло вслѣдствіе невыносимо-дурнаго обезпеченія. А пока нельзя не бросить земству и другимъ нашимъ учрежденіямъ горькаго упрека: что они дали своимъ труженикамъ взаимнѣ взятаго? Голодь и нищету подъ старость да мучительныя думы объ участи собственныхъ дѣтей!..

Въ вопросѣ объ обезпеченіи общественными учрежденіями своихъ

служащихъ, кромѣ того, есть и глубокая моральная сторона. Земство, какъ общественное учрежденіе, являясь работодателемъ, должно быть примѣромъ для частныхъ работодателей, хотя бы въ вопросѣ объ обезпеченіи тѣхъ рабочихъ рукъ, которыми живъ, славенъ и богатъ всякій работодатель. Вотъ еще одно основаніе къ тому, чтобы земства скорѣе приступили къ осуществленію мѣропріятій для улучшенія тяжелаго положенія земскихъ учительницъ, учителей, фельдшерницъ и проч., мѣропріятій, легко осуществимыхъ, если только серьезно въ нихъ разобраться или перейти къ нимъ съ искреннимъ желаніемъ сдѣлать все возможное своимъ работникамъ и труженикамъ на общественное благо.

Простое рѣшеніе этого вопроса.

Въ дополненіе къ только что сказанному умѣстно будетъ здѣсь коснуться только что появившейся въ «Русскомъ Обзорѣнн» статьи извѣстнаго педагога и писателя С. Рачинскаго «Учителя и учительницы», такъ какъ въ ней точно также затрагивается вопросъ о томъ, «какъ могло бы быть обезпечено безбѣдное существованіе нашихъ быстро размножающихся сельскихъ учителей и упроченъ нравственный строй слагающагося изъ нихъ сословія». Рѣшеніе этого вопроса, «самаго существеннаго и важнаго изъ всѣхъ вопросовъ школьныхъ» дается авторомъ весьма простое, даже слишкомъ простое. Единственное разрѣшеніе «общественнаго вопроса, надвигающагося на насъ съ разростаніемъ школьнаго дѣла» проф. С. Рачинскій видитъ въ увеличеніи числа причетниковъ во всѣхъ приходяхъ. Чтобы нѣсколько объяснить читателю, какимъ образомъ авторъ пришелъ къ столь простому и какъ будто благополучному рѣшенію этого важнаго вопроса, необходимо прослѣдить ходъ его мыслей. «Какъ всѣмъ извѣстно, говоритъ Рачинскій, школьныхъ бюджетовъ земскихъ не хватаетъ, за предѣлами губерній столичныхъ, (замѣтимъ мимоходомъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ школьный бюджетъ далеко выше, чѣмъ въ С.-Петербурск.) на достаточное вознагражденіе учителей, и настоятельная нужда въ умноженіи количества школъ не позволяетъ надѣяться на близкое повышеніе этого вознагражденія. Устраиваемыя земствами пенсіонныя кассы несомнѣнно спасутъ отъ голодной смерти выбывающихъ изъ строя учителей, но не позволятъ имъ сдѣлать чего либо для образованія своихъ дѣтей... Возрастающія внѣ сферы сельскаго труда (почему?), лишеныя возможности какого либо профессиональнаго или научнаго образованія (не слишкомъ-ли категорично?), эти несчастныя дѣти обречены на самую печальную участь—на участь пролетаріевъ, абсолютно бездомныхъ и безрукихъ». Между тѣмъ мы видимъ, продолжаетъ авторъ, что наши діаконъ и псаломщики пользуются существованіемъ хотя скуднымъ, но безбѣднымъ, и притомъ имѣютъ возможность дать своимъ дѣтямъ прочное (?) образованіе, доводящее ихъ, по крайней мѣрѣ, до должности причетника или званія учителя... Всякій діаконъ или псаломщикъ, получающій, сверхъ обычныхъ доходовъ, хотя бы самое скромное вознагражденіе за труды

школьные, уже оказывается въ положеніи вполне удовлетворительномъ. Діаконъ при священникѣ, относящемся къ школѣ съ должнымъ вниманіемъ, можетъ учительствовать, не пропуская ни единого учебнаго часа. Нельзя сказать того же объ единственномъ при церкви причетникѣ. Этому мѣшаетъ участіе его въ требохъ и т. д. «Для того чтобы пользоваться услугами псаломщика въ качествѣ учителя, церковь должна имѣть не одного причетника, а *двухъ*. «Утверждаю, говоритъ въ другомъ мѣстѣ, нашъ авторъ, «что и для учителей школъ министерскихъ и земскихъ переходъ на положеніе вторыхъ псаломщиковъ былъ бы громаднымъ выигрышемъ въ смыслѣ экономическомъ и нравственномъ».

Итакъ, вотъ какое простое средство найдено проф. Рачинскимъ для «разрѣшенія надвигающагося на насъ общественнаго вопроса». Проф. Рачинскій задается вопросомъ, какъ улучшить положеніе учителей и при этомъ указать на значительно лучшія условія существованія членовъ причта. А такъ какъ ему «хотѣлось бы видѣть учителей во всемъ сравненными съ младшими членами причтовъ: и въ надѣленіи земель, и въ участіи въ причтовыхъ доходахъ, и въ льготахъ по воспитанію дѣтей», то вмѣсто того чтобы остановиться на выясненіи того, какъ это сдѣлать, онъ предпочелъ сдѣлать заключеніе о необходимости обратить всѣхъ учителей въ членовъ причта. Выводъ довольно прямолинейный, но едва ли правильный. Едва ли выиграетъ и церковь и школа, если на служеніе церкви обратятся всѣ желающіе быть учителями, а школьному дѣлу посвящать себя всѣ причетники и только потому, что ихъ жизнь легче и обеспеченнѣе. Такая точка зрѣнія, конечно, слишкомъ односторонняя; нельзя явленія нравственнаго порядка мѣрять мѣрой выгоды, нельзя забывать, что всякое дѣло для своей успѣшности требуетъ людей призванныхъ къ нему и видящихъ въ немъ цѣль жизни. И наконецъ, далеко нерѣшенный вопросъ, насколько соответствовало бы интересамъ народнаго образованія объединеніе всего дѣла начальной школы въ рукахъ духовнаго вѣдомства, при каковомъ условіи, по мнѣнію проф. Рачинскаго, и возможно осуществленіе его желаній. Нашъ авторъ, конечно стоитъ за это объединеніе и вотъ какъ онъ его мотивируетъ. «Громадная повсемѣстная численность начальныхъ школъ, необходимость сообразовать ихъ строй съ безчисленными мѣстными бытовыми особенностями и отгѣнками обуславливаютъ необходимость постоянной инициативы, мѣстной и личной, мѣстнаго же надзора постоянного и умѣлаго. Ни одно гражданское вѣдомство въ мірѣ не въ силахъ создать армію чиновниковъ, потребную для руководства дѣломъ на мѣстахъ въ живой дѣятельности, а не путемъ бумажнымъ. Обладаетъ же искони такой арміей церковью, и организація этой арміи осуществляется вѣдомствомъ духовнымъ...», слѣдовательно, народное образованіе надо передать въ руки духовенства. Дѣйствительно, быть можетъ, трудно создать армію чиновниковъ для руководства такимъ живымъ и жизненнымъ дѣломъ, какъ народное образованіе, а главное бесполезно, какъ едва ли полезно передать его въ руки

арміи, осуществляемой вѣдомствомъ духовнымъ, и именно потому, что, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Рачинскій, это дѣло требуетъ *постоянной инициативы, мѣстной и личной*. Эту инициативу можетъ проявить другая армія, о которой совершенно позабылъ или не хотѣлъ вспомнить нашъ авторъ, — именуемая *обществомъ*. Дайте просторъ частной инициативѣ, откройте доступъ общественнымъ элементамъ, и тогда, при содѣйствіи правительства, у насъ двинется народное образованіе такъ же, какъ оно двинулось гигантскими шагами въ Германіи, во Франціи, въ Америкѣ и др. странахъ. Дѣятельность земства, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ его работы въ области народнаго образованія, лучшее тому доказательство. И, какъ это много разъ уже указывалось, дальнѣйшее развитіе у насъ народнаго образованія зависитъ отъ оказанія правительствомъ матеріальной поддержки и допущенія самаго широкаго притока общественныхъ силъ, а не отъ передачи его въ то или иное вѣдомство. Никакому вѣдомству при отсутствіи этихъ условій съ этимъ дѣломъ не справиться, а духовенству въ особенности, потому что на немъ лежатъ другія сложныя самостоятельныя обязанности. Такого мнѣнія держатся не только люди, школьному дѣлу чуждые, церковному элементу въ школѣ и жизни враждебные, а именно представители нашей столичной прессы, какъ заявляетъ проф. Рачинскій, но и «Церковный Вѣстникъ», какъ это видно изъ ниже приводимой цитаты (стр. 110).

Существованіе большого числа церковныхъ школъ, на которое ссылается проф. Рачинскій, для насъ не можетъ еще служить доказательствомъ того, «что сельское наше духовенство способно къ широкой школьной дѣятельности». Мы всегда указывали, что критеріемъ успѣховъ народнаго образованія слѣдуетъ считать не *количество* школъ, а ихъ *качество*, что дешевизна обученія не есть вовсе нѣчто желательное, къ чему бы стоило стремиться. Но осуждая качества школьной дѣятельности духовенства (именно въ виду бѣдности церковныхъ школъ и недостаточности въ нихъ самостоятельныхъ, спеціально себя посвящающихъ этому дѣлу учителей), мы, по крайней мѣрѣ, да и смѣемъ думать, и другіе представители столичной прессы никогда не «отрицали наличность, въ его рядахъ, достаточнаго количества дѣятелей, нравственно благонадежныхъ». А что среди духовенства нѣтъ достаточнаго количества «педагогически умѣлыхъ, къ школьному дѣлу усердныхъ» — этого, думается намъ, отрицать нельзя. Всякое дѣло, а особенно педагогическое, требуетъ своей спеціальной подготовки, которой до недавняго времени у духовенства и не могло быть; а усердія къ школьному дѣлу не можетъ быть у духовенства, потому что усердіе требуетъ свободнаго времени, а его у духовенства за многочисленностью лежащихъ на немъ обязанностей и необходимостью заботиться о своемъ матеріальномъ состояніи, нѣтъ. Быть можетъ, все это съ теченіемъ времени измѣнится, дай Богъ, тѣмъ лучше будетъ для дѣла; чѣмъ больше будетъ на нивѣ работниковъ, тѣмъ она лучше возрастетъ, мы стоимъ только за свободу дѣятельности, пусть зем-

ство, министерство, духовенство и кто угодно открывает школы, но пусть эта работа, под контролем правительства и общества, идет безпрепятственно и с пользой для дѣла.

Необходимая мѣра.

Много разъ въ печати поднимался вопросъ о предоставленіи права преподаванія Закона Божія въ народныхъ школахъ учителямъ, не принадлежащимъ къ духовному званію. Вопросъ этотъ весьма важный и давно требуетъ разрѣшенія въ интересахъ самой школы. Какъ часто приходится слышать жалобы на манкированіе священниками лежащихъ на нихъ уроковъ Закона Божія; объ этомъ неоднократно заявляютъ официальные отчеты; и о томъ, что это явленіе не единичное свидѣтельствуется хотя бы тотъ фактъ, что нѣкоторые земства рѣшили установить для священниковъ поурочную плату за занятія Закономъ Божиимъ въ надеждѣ побудить ихъ къ болѣе аккуратному посѣщенію уроковъ. Священнослужители слишкомъ заняты своимъ непосредственнымъ дѣломъ, чтобы еще имѣть возможность нести и учительскія обязанности. Читателю хорошо извѣстны всѣ своеобразныя условія русской сельской жизни и особенности быта нашего духовенства, которыя не позволяютъ ему брать на себя кромѣ всего еще и школьно-учебное дѣло,—мы неоднократно указывали на протекающія отсюда неудобства и невыгоды для самого дѣла.

И въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, было бы весьма желательно, чтобы преподаваніе Закона Божія не оставалось на обязанности одного духовенства; жизнь весьма часто требуетъ отступленія отъ этого порядка: тамъ, гдѣ по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ нельзя возложить преподаванія Закона Божія на священника, оно должно поручаться учителю. Отъ этого могутъ только выиграть интересы учебнаго дѣла: кому, какъ не учителю, ведущему подрастающее поколѣніе къ свѣту знанія, насаждать въ нихъ начала вѣры и любви къ своему ближнему. Намъ думается, что большинство нашихъ учителей къ этому вполне способно. Мы коснулись теперь этого вопроса какъ въ виду наступленія учебнаго года, когда разрѣшеніе его было бы весьма кстати, такъ и потому, что встрѣтили недавно подтвержденіе нашей мысли въ такомъ авторитетномъ органѣ, какъ «Церковный Вѣстникъ». Вотъ что онъ говоритъ по вопросу о преподаваніи Закона Божія въ школахъ свѣтскими лицами:

«Такой порядокъ,—по мнѣнію журнала,—послужитъ началомъ школьнаго единенія, подъ которымъ разумѣется не сосредоточеніе всего школьнаго дѣла въ рукахъ духовенства, а только объединеніе въ цѣли, въ средствахъ обученія, т. е. единеніе духовное. Взять духовенству на себя все дѣло было бы слишкомъ рискованно. Это значить подвергаться безконечнымъ обвиненіямъ, укоризнамъ въ томъ, что школы поставлены плохо, встрѣчать на каждомъ шагѣ и со всѣхъ сторонъ противодѣйствія. Пусть же

этого не будетъ. «Пусть земство, министерство и еще кто угодно открываютъ школы, пусть онѣ работаютъ самостоятельно на громадномъ полѣ невѣжества, но пусть эта работа имѣетъ одну цѣль, одно направленіе—воспитаніе учащихся въ духѣ православной церкви, подъ ея водительствомъ, въ чемъ и выразится единеніе».

Разъясненіе Сената о бібліотекахъ для учителей.

Недавно Правительствующимъ Сенатомъ слушалась жалоба воронежскаго земства на постановленіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которое отмѣнило постановленіе земскаго собранія относительно устройства бібліотекъ для учителей.

Дѣло въ томъ, что губернское земское собраніе въ 1896 году постановило:

«Для снабженія учителей начальныхъ школъ книгами для чтенія и образованія устриваются бібліотеки при уѣздныхъ управахъ или же это дѣло поручается уже существующимъ въ уѣздѣ частнымъ общественнымъ (клубскимъ и т. п.), земскимъ и инымъ бібліотекамъ. Бібліотеки, взявшія на себя снабженіе учителей книгами, получаютъ пособие отъ губернскаго земства, причемъ субсидируемыя учрежденія должны имѣть не только общій отдѣлъ, но и специально педагогическій по первоначальному образованію».

Губернаторъ, усмотрѣвъ въ такомъ постановленіи собранія противорѣчіе съ § 19 Высочайше утвержденной 29 октября 1871 года инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, согласно которой учительскія бібліотеки изъ педагогическихъ книгъ должны находиться при народныхъ училищахъ, передалъ его на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которое признало организацію проектируемыхъ бібліотекъ незаконною и не соответствующею назначенію такихъ бібліотекъ, такъ какъ земство не обязываетъ частныя бібліотеки имѣть педагогическій отдѣлъ, а только признаетъ учрежденіе его желательнымъ, и постановленіемъ отъ 12 февраля 1897 года его отмѣнило.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ жалобу воронежской губернской земской управы на такое постановленіе губернскаго присутствія, нашелъ, что: 1) п. X, ст. 2 полож. о зем. учрежд. на земскія учрежденія возложены заботы о развитіи средствъ народнаго образованія, причемъ не содержитъ (этотъ параграфъ) ограничительныхъ указаній относительно средствъ дозволенныхъ и недозволенныхъ; 2) условіемъ развитія средствъ народнаго образованія является устройство бібліотекъ для школьныхъ учителей и полученіе книгъ для чтенія изъ существующихъ бібліотекъ, потому что это способствуетъ развитію учителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ народнаго образованія; 3) устривая бібліотеки гдѣ бы то ни было, не касаясь школьныхъ бібліотекъ, воронежское земское собраніе не нарушаетъ § 19 инструкціи: 4) ни въ § 19, ни гдѣ въ иномъ

мѣстѣ не находится требованія, чтобы учителя народныхъ училищъ не имѣли права пользоваться книгами изъ другихъ библиотекъ, помимо библиотекъ народныхъ школъ. Признавая поэтому постановленіе воронежскаго губернскаго земскаго собранія, отъ 17 декабря 1896 г., вполне правильнымъ и жалобу управы заслуживающей уваженія, Правительствующій Сенатъ постановилъ отмѣнить вышеозначенное постановленіе воронежскаго губернскаго присутствія.

Письмо въ редакцію.

(О матеріальномъ положеніи учителей женскихъ гимназій).

Въ мартовской книжкѣ «Образованія» помѣщена замѣтка о «неприглядныхъ условіяхъ матеріальнаго обезпеченія учителей нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній». Въ этой замѣткѣ говорится только объ учителяхъ мужскихъ учебныхъ заведеній. Сравнивъ жалованье учителя мужской гимназій съ тѣмъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, которое получается при другихъ либеральныхъ профессіяхъ, авторъ замѣтки приходитъ къ «безотрадному заключенію, что у насъ всего ниже цѣнится трудъ самый высокій». Хотѣлось бы здѣсь же прочитать о матеріальномъ положеніи еще болѣе обездоленныхъ труженниковъ на томъ же поприщѣ народнаго просвѣщенія. Рѣчь идетъ объ учителяхъ женскихъ гимназій, которые имѣютъ тотъ же образовательный цензъ, какъ и учителя мужскихъ гимназій «Нормальный окладъ жалованья преподавателя мужской гимназій слишкомъ ничтоженъ», говорится въ упомянутой замѣткѣ: «въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ службы штатный учитель получаетъ 750 р. за 12 ур., а затѣмъ—900 р. и, наконецъ, послѣ многолѣтней службы окладъ можетъ быть повышенъ до 1250 р. Жить и дѣйствовать при такомъ вознагражденіи челоуѣку съ университетскимъ образованіемъ и съ повышенными духовными потребностями не представляется никакой возможности». Какъ же приходится жить и дѣйствовать учителю женской гимназій, если за тѣ же 12 уроковъ онъ получаетъ въ продолженіи всей своей службы (не 5—10 лѣтъ, а и 20—25 лѣтъ) всего 420—540 р. Въ женскихъ гимназійхъ не существуетъ окладовъ; въ одной платятъ за каждый недѣльный урокъ 30—35 р. въ годъ, въ другой—40—45 р. Срокъ службы нисколько не улучшаетъ матеріальнаго положенія учителя женской гимназій, тогда какъ преподаватель мужской гимназій на 6-омъ году службы получаетъ уже 900 за 12 уроковъ. «Есть еще, такъ называемые, добавочные уроки, изъ которыхъ каждый урокъ въ мужской гимназій оплачивается 60 р. въ годъ. Тѣ же добавочные уроки въ женской гимназій оплачиваются отъ 30 р. до 45 р. Сдѣлаемъ сопоставленіе. Допустимъ,

учитель женской гимназии и учитель мужской гимназии имѣютъ по 30 недѣльныхъ уроковъ. При вознагражденіи по 35 р. за урокъ учитель женской гимназии получаетъ въ годъ 1050 р., а при 45 р. вознагражденія—1350 р. Преподаватель же мужской гимназии при окладѣ въ 900 р. получаетъ за 30 уроковъ 2000 р. въ годъ. Сюда слѣдуетъ присчитать еще вознагражденіе за класное наставничество, котораго нѣтъ у преподавателей женскихъ гимназій. Въ общемъ учитель мужской гимназии, при одинаковомъ трудѣ съ учителемъ женской гимназии, получаетъ почти на 1000 р. въ годъ больше послѣдняго. Въ этомъ фактѣ кроется причина того, что учителя женскихъ гимназій стараются при первой возможности перейти въ мужское учебное заведеніе: рѣдки случаи, чтобы учитель женской гимназии прослужилъ въ ней 5—6 лѣтъ. Результаты «бѣгавья» учителей женскихъ гимназій, кажется, очевидны. Лучше остановимся еще на одномъ сопоставленіи. Изъ двухъ кандидатовъ одинъ поступаетъ въ мужскую гимназію на 30 недѣльныхъ уроковъ, другой—въ женскую на то же число уроковъ. Первый получаетъ въ годъ около 2000 р., второй—1050 р. (при 35 р. за урокъ). За поступленіе на службу изъ жалованья того и другого въ продолженіи трехъ первыхъ мѣсяцевъ производятся вычеты; есть только разница въ этихъ вычетахъ: вычетъ съ учителя мужской гимназии распространяется только на его окладъ, т. е. на 750 р.; вычетъ съ учителя женской гимназии производится изъ всей суммы, получаемой имъ, т. е. съ 1050 р. Такимъ образомъ, на долю преподавателя мужской гимназии придется вычетъ (въ три мѣсяца) около 63 р., съ учителя женской гимназии (при меньшемъ жалованіи)—88 р. За вычетомъ учитель мужской гимназии получаетъ первые три мѣсяца около 150 р. въ мѣсяць, а учитель женской—58 руб. Эти цифры не требуютъ поясненій; рѣдко только даютъ преподавателю на первое время 30 уроковъ. Но учитель мужской гимназии всегда можетъ рассчитывать на свои 12 законныхъ уроковъ; преподаватель женской гимназии одинъ годъ имѣетъ 20 ур., другой 10 ур., въ иныхъ случаяхъ и того меньше. Не трудно высчитать, какія крохи придутся на долю несчастливца съ 10 недѣльными уроками въ женской гимназии. Если «неприглядныя условія матеріальнаго положенія учителей мужскихъ гимназій» заставляютъ желать улучшенія ихъ матеріальнаго обезпеченія, то обезпеченіе учителей женскихъ гимназій требуетъ радикальныхъ измѣненій.

Р. Д. П.

Брошюры и статьи,

одобренная Редакціоннымъ Комитетомъ, состоящимъ при Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній для произнесенія въ аудиторіяхъ Коммисіи (съ 1898 года).

Джоржъ Вашингтонъ. Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. 2-е изд. Спб. 1892.

Сказаніе о Зосимѣ и Савватіи—преподобныхъ старцахъ Соловецкихъ. Н. Н. Филипова. Спб. 1892.

Гансъ Эгедѣ, проповѣдникъ христіанства въ Гренландіи. Изв. Феоктистова. Спб. 1893.

Жизнь миссіонера отца Даміана Вейстеръ. Съ англійскаго. По книгѣ А. Кригенъ. Сост. С. А. Э. Спб. 1892.

Веньяминъ Франкинъ. Разсказъ Мунтъ-Валуевой. Спб. 1892.

Первые подвижники земли русской. Е. А. Разной. 2-е изд. 1893. Спб.

Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. А. П. Валуевой. Спб. 1892.

Псалтырникъ. Повѣсть изъ Галицко-Русской народной жизни протоіерея І. Наумовича. Редакція В. И. Шемякина. М. 1894.

Уральцы рыболовы и о нашемъ рыболовномъ хозяйствѣ. Изд. А. М. Калмыковой. Спб. 1893.

Трофимъ болящій. Разсказъ. Н. И. Познякова. Спб. 1892.

Воръ. Разсказъ. К. А. Лебедева. Спб. 1892.

На мертвой стражѣ. Разсказъ. Юрія Якшича. Переводъ съ сербскаго. Н. Н. Филипова. Спб. 1892.

Петръ Пахтусовъ. П. А. Борцова. Біографическій очеркъ. Спб. 1894.

Нефтяныя богатства въ Америкѣ и Россіи. В. М. Краузе. Спб. 1894.

Оспа и докторъ Дженнеръ. Изъ журнала «Народная Читальня».

Арапы. Д. Коропчевскаго. Изъ журнала «Народная Читальня».

Дерево здоровья. Изъ журнала «Народная читальня».

Князь Серебряный. Графа А. Толстого (съ выпусками).

Старый звонарь. Разсказъ В. Короленко.

Іоаннъ Воинъ. Разсказъ изъ времени первыхъ христіанъ. М. 1888.

Подвигъ. Восточное сказаніе. М. 1888.

№ 7—8. Отд. II.

8

Побѣдители бури. Разсказъ о томъ, какъ спасаютъ погибающихъ людей на морѣ. М. 1896.

Св. Дѣвица Евлалія. Изд. В. И.

Св. Великомученица Варвара. Изд. В. И. 1897.

Житіе Филиппа Митрополита Московскаго. Изд. В. И. 1897.

Подвигъ дикарки. Барыковой. Изд. В. И. 1897.

Бѣдные люди. Барыковой. Изд. В. И.

Бородино. Лермонтова. Изд. В. И.

Между своими, или смерть на кораблѣ. Станюковича. Сборн. «Правда» № 10. Стр. 1—27. М. 1891.

Болѣзни и смерть отъ дурного воздуха. Сборн. «Правда» стр. 28—53, № 10. М. 1891.

Чужая голова—потемки. Сборн. «Правда» № 19. Стр. 1—27. М. 1891.

Добрый панъ Боченокъ. Сборн. «Правда» № 19. Стр. 28—42. М. 1891.

Лѣшій. Сборн. «Правда» № 31. М. 1891.

Въ потемкахъ. Сборн. «Правда» № 2. М. 1891. Стр. 1—89. Выкинуть: на стр. 15 двѣ строки, на страницѣ 16 девятнадцать строкъ, на стр. 30 двадцать одну строку и на стр. 31 двѣ строки.

Счастливое открытіе. Сборн. «Правда» № 47. М. 1893. Стр. 1—23.

Польза и вредъ крестьянской бани. Сборн. «Правда» № 47. М. 1893. Стр. 45—54.

Морозное утро. Разсказъ. Сборн. «Правда» № 42. М. 1891. Стр. 1—49.

Выселокъ. Разсказъ. Сборн. «Правда» № 42. М. 1891. Стр. 50—89.

Иванъ Афанасьевичъ Дмитріевскій. Первый русскій знаменитый актеръ. Сборн. «Правда» № 49. М. 1893. Стр. 1—36.

Столяръ. Сборн. I «Пчелка». М. 1891. Стр. 30—89.

Домашнія животныя. Сборн. I «Пчелка». М. 1891. Стр. 104—142.

Плюшкинъ. Н. В. Гоголя. Сборн. II «Пчелка». М. 1891. Стр. 1—36.

Власъ. Сборн. II «Пчелка». М. 1891. Стр. 39—43.

О неизмѣримо малыхъ. Сборн. II «Пчелка». М. 1891. Стр. 72—87.

Сестра Шура. Изъ сборн. «Незгоды людей и страшныя чудеса природы». М. 1891. Стр. 23—26.

Землетрясенія и огнедышащія горы. Изъ того же сборника. Стр. 56—144.

Старецъ Зосима. По Достоевскому. Изъ брошюры «Волны жизни». М. 1891. Стр. 1—27.

Федоръ Григорьевичъ Волковъ. Устроитель перваго народнаго театра въ Россіи. М. 1896. Стр. 1—36.

Рубка лѣса. Изъ собранія сочиненій графа Л. Н. Толстого. Разсказъ юнкера.

Дифтеритъ или гнилая жаба. Женщ.-врача Рашковичъ. Изд. «Посредника».

О работахъ, вредныхъ для здоровья и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ. Врача Рахманова. Москва. Изд. «Посредника».

Царь Алексѣй съ соколомъ. Данглевакаго. Спб.

Не въ богатствѣ сила.

На праздниѣ у древнихъ римлянъ. Изд. А. М. Калмыковой.

Изъ жизни растений. Курочкина.

Много ли человѣку земли нужно. Л. Н. Толстого.

Батраки. Шевченко. Изд. С.-Петербур. Комит. Грамотности. 1894.

Въ турецкой неволѣ. Изд. 2-е. А. М. Калмыковой.

Зимовье на рѣкѣ Студеной. Мамнина-Сибиряка.

Бирюкъ. Тургенева.

Гибель Иерусалима. Мордовцева.

Въ дополненіе къ названному списку приводимъ вновь разрѣшенныя чтенія для произнесенія въ народныхъ аудиторіяхъ. Особымъ отд. ученаго Комитета Мин. Нар. Просв.

А. Кругловъ. Геніальный поморъ. Ломоносовъ. Москва. 1897 г. Ц. 25 к.

А. Александровъ. Черногорка въ жизни частной и обществ. Изд. Казан. Общ. Трезвости. 1897 г.

Д. Ломанъ. Достопримѣчательности Петербурга. 1898 г. ц. 30 к.

Д. Садовниковъ. Наши землепроходцы (разказы о заселеніи Сибири) 1581—1712 г. Изд. 1848 г. ц. 1 р.

В. Колокольниковъ. Ломоносовъ. Москва. 1897 г. Ц. 10 к.

А. Пушкинъ. Мѣдный всадникъ. Березовскаго.

Извѣщеніе.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденного 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлю содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи — одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первые должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ не премированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ прислать ихъ по адресу: г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

17. Письма изъ провинціи. (Изъ Тулы).— Дѣятельность Чернскаго земства по народному образованію. С. Соники. (Изъ Новгорода).—Обще- ство взаимнаго вспомошествованія учащимъ въ Новгородской губ. П. А. (Изъ Самары).—Обще- ство поощренія образованія В. Панъ-ъ.	52— 65
18. Критика и библиографія. 1. С. Н. Южаковъ. Вопросы просвѣщенія. Публицисти- ческіе опыты. Вас. Сторожева. 2. Гейлозь Эллисъ. Муж- чина и женщина. Этюдъ о вторичныхъ половыхъ при- знакахъ у человѣка. 3. Э. Бемэ. Воспитаніе сына. Пе- дагогическія письма къ молодой матери. 4. Кн. Ек. Ку- дашеви. Умственныя способности женщины. П. Каптерева. 5. Д. И. Шрейдеръ. Намъ Дальній Востокъ. 6. Э. Э. Пуцыковичъ. Изъ народовѣднія. Н. Березина. 7. Е. Ло- вичъ. Прогрессъ и педагогика: Одна изъ новыхъ педа- гогическихъ теорій. А. Налимова. 8. Начальное народное образованіе въ Тульской губерніи въ 1896—97 учебн. году. П. Каптерева. 9. Басни И. А. Крылова. А. Налико- ва. 10. Ясное солнышко и другіе повѣсти и рассказы для дѣтей средняго возраста. Клавдіи Лукашевичъ. 11. О чемъ вуквала кукушка. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній для маленькихъ дѣтей. О. Лориса-Мели- ковой. 12. Ил. Смирнова. Изъ дѣтской жизни рассказы Добрыя души Чтенія для дѣтей и для народа. Утро. Рассказъ Н. Леонтьевой.	65— 87
19. Журнальное обозрѣніе. «Тяга» Боборы- кина. — «Лиза» Гр. Е. В. Т.—«Прелюдія Шопена» Гр. Толстого сына (В. Поссэ). (Университетъ и сре- днеобразовательная школа В. Вагнера). проф. В. Шимкевича.	87— 96
20. Книжный листокъ	96—100
21. Хроника. Какъ улучшить положеніе народныхъ учителей.—Простое рѣшеніе этого вопроса.—Необ- ходимая мѣра.—Разъясненіе Сената о библиотекахъ для учителей	101—111
22. Письмо въ редакцію (О положеніи учителей женскихъ гимназій) Р. Д. П.	111—112
23. Брошюры и статьи, допущенныя для произне- сенія въ народныхъ аудиторіяхъ.	113—115
24. Извѣщеніе отъ Харьковскаго Университета . . .	116
25. Объявленія	

Продолжается подписка на 1898 годъ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОБРАЗОВАНИЕ.

Съ 1896 года журналъ издается подъ новой редакціей, по значительно расширенной программѣ и въ увеличенномъ объемѣ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній, путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ, достойныхъ вниманія, фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ удовлетворенію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы:

Изъ области знаній (Научныя бесѣды). На Западѣ. (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей.—Письма изъ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Америки отъ постоянныхъ корреспондентовъ журнала). Новости иностранной литературы. (Подробные отзывы оновѣйшихъ явленій въ области литературы и науки за границей). Изъ иностранныхъ журналовъ. (Пересказъ наиболѣе интересныхъ статей). Критика и библиографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, учебникахъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи. Сообщенія специальныхъ корреспондентовъ о различныхъ явленіяхъ въ сферѣ народнаго образованія).—Хроника.—Текуція замѣтки о важнѣйшихъ фактахъ русской общественной жизни, преимущественно въ отношеніи къ народному образованію).—Статистика образованія въ Россіи и за границей.

Журналъ допущенъ въ народныя бібліотеки-читальни.

Цѣна за годъ 5 р. съ перес.—полгода—3 р.
за границу 7 р.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Загородный пр. д. 28.), а также въ магазинахъ: Нов. Времени, Карбасникова и др. Въ Москвѣ, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и книжн. магаз. «Трудъ» (Тверская ул., д. Спиридонова). *Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору.*

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

печк
ул., д. д.
адресоооооо

Реданція, контора и книжный складъ журнала «Образованіе»
переведены на Загородный пр. д. 28.

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

СЕНТЯБРЬ.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разгъвзжая 15
1898.

СОДЕРЖАНІЕ № 9.

	Стран.
1. Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова. <i>А. Коллонтай.</i>	1— 15
2. Метафизика и наука <i>прив.-доц. В. Вагнера.</i>	16— 34
3. Гр. Джакомо Леопарди (Къ столѣтїю со дня рож- денія). <i>П. Когана.</i>	34— 50
4. О гражданскомъ воспитаніи <i>Н. Дружинина.</i>	51— 55
5. Историческіе романы Генрика Сенкевича <i>проф.</i> <i>Л. Шепелевича.</i>	57— 76
6. Исторія позитивной философіи <i>проф. Г. Геффа-</i> <i>динга.</i> (Продолженіе), перев. съ нѣмецк. <i>Д. Вик-</i> <i>торова.</i>	77— 94
7. Что такое городскія училища по положенію 1872 года? <i>С. Бобровскаго.</i>	95—107
8. Изъ воспоминаній сельскаго учителя. <i>П. Шестер-</i> <i>нина.</i>	107—116
9. Неудача съ преміей Петра Великаго (Письмо въ редакцію) <i>Е. Зялинцева.</i>	116—120
10. На Западѣ. I. Газетная индустрія въ Германіи <i>В. Турковскаго.</i> II. Бисмаркъ и Гладстонъ. (Срав- нительная характеристика). <i>В. Поссе.</i>	1— 22
11. Новости иностранной литературы. Henrik Ibsen— <i>З. Венеровой.</i> —R. Eucken. Die Lebensanschauungen der grossen Denker.—M. Des- soir. Geschichte der neueren deutschen Psychologie <i>П. Кантерева.</i>	23— 29
12. Изъ жизни и литературы. Итоги «дней Вѣлинскаго». <i>А. Е.</i>	30— 40
13. Письма изъ провинціи. 1. Изъ Рязани (Просвѣтительное движеніе). <i>Чужою.</i> 2. Изъ Ир- кутска. (О положеніи народнаго образованія) <i>И. К.</i>	41— 49

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Сентября 1898 г.

Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова.

ВВЕДЕНИЕ.

Выработать правильныя основы развитія гуманной и разумной человѣческой личности, опредѣлить значеніе всѣхъ условій, «кружающихъ» чловѣка съ колыбели, оцѣнить строго и безпристрастно вліяніе каждаго отдѣльнаго фактора въ дѣлѣ воспитанія—вотъ задача, представляющая не только серьезный интересъ, но и высокую цѣну для всего человѣчества, такъ какъ въ умѣніи наилучшимъ образомъ развить всѣ способности чловѣка—высшая гарантія будущаго прогресса народовъ. Обществу приходится, поэтому, прислушиваться къ каждому разумному слову, улавливать каждую почти случайно брошенную мысль, тщательно собирать всѣ отрывочныя взгляды гуманныхъ, серьезныхъ мыслителей. И тѣмъ обиднѣе становится, когда случается найти гдѣ-нибудь въ прошломъ богатый и цѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ, который почему-то остался сначала словно незамѣченнымъ, а потомъ просто забытымъ. Такимъ цѣннымъ матеріаломъ являлись мысли о воспитаніи нашего талантливаго критика Н. А. Добролюбова. Въ этомъ вопросѣ, еще болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, отразилась его въ высшей степени гуманная личность, его послѣдовательныя, сознательныя взгляды на идеаль чловѣка.

Русской читающей публикѣ Добролюбовъ мало знакомъ или, лучше сказать, совсѣмъ почти неизвѣстенъ, какъ педагогъ: ир-кость-ли его таланта, какъ критика, заслонившая собою это побочное проявленіе его литературной дѣятельности, вообще ли недостаточное вниманіе публики къ вопросамъ педагогіи, неумѣнье ли по достоинству оцѣнить всю глубину, гуманность и разумность педагогическихъ принциповъ Добролюбова, или какія-нибудь иныя причины вызвали такое чисто случайное явленіе, но только до сихъ поръ почему-то имя Добролюбова слишкомъ мало связано въ сознаніи общества съ вопросами воспитанія и образованія. По-ложимъ, дѣйствительно, педагогическіе взгляды Добролюбова не сведены имъ въ какую-нибудь систему; всѣ они были высказываемы по частямъ, въ разное время, почти случайно; однако, про-

слѣдивъ внимательно, до мелочей, за всѣми учебно-воспитательными идеями Добролюбова, разбросанными по разнымъ его статьямъ, мы получаемъ не только весьма полную, яркую и широкую картину его убѣждений въ области педагогикѣ, но цѣльную, строгую и разумную систему воспитанія, находящуюся въ полномъ соотвѣтствіи съ взглядами наиболѣе извѣстныхъ педагоговъ даже самаго послѣдняго времени. Не задаваясь цѣлью строить законченную систему воспитанія, Добролюбовъ далеко не одинаково разрабатывалъ матеріалъ, касающійся этого вопроса; тѣмъ интереснѣе возсоздать этотъ матеріалъ въ цѣльномъ видѣ, привести его въ стройный систематическій порядокъ. Воспроизведение взглядовъ Добролюбова имѣетъ, слѣдовательно, двойкій смыслъ: съ одной стороны, смыслъ чисто историческій,—желаніе отдать должную дань человѣку, высказавшему 40 лѣтъ тому назадъ такіа разумныя идеи, которыхъ и до сихъ поръ еще многими не усвоены; съ другой стороны, смыслъ болѣе близкій большинству читателей,—желаніе построить до нѣкоторой степени опредѣленную систему воспитанія, основываясь на взглядахъ Добролюбова, на его завѣтахъ лицамъ, принимающимъ на себя великое и отвѣтственное дѣло—нравственнаго и умственнаго развитія послѣдующихъ поколѣній.

Поставивъ себѣ задачей воспроизвести взгляды Добролюбова на цѣли воспитанія, мы въ послѣдующемъ изложеніи сопоставляемъ его мнѣнія съ взглядами другихъ педагоговъ и лицъ, причастныхъ къ педагогической литературѣ,—съ одной стороны, для большей цѣльности и полноты очерка его воспитательныхъ идей, съ другой же стороны, изъ желанія уяснить и подтвердить словами признанныхъ авторитетовъ всю глубину и разумность убѣждений Добролюбова въ дѣлѣ воспитанія.

Вотъ тѣ условія и задачи, съ которыми приступаемъ мы къ возсозданію воспитательныхъ идей нашего симпатичнаго и гуманнаго критика въ одну общую систематическую картину.

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на развитіе характера.

Два фактора этого развитія: 1) органическія особенности человѣка; 2) вліяніе среды, общества, условій окружающей жизни.

Основной взглядъ Добролюбова на развитіе и образование человѣческой личности тотъ, что человѣкъ формируется окружающими условіями, средой, т. е., что человѣкъ—продуктъ общества. Прирожденныхъ душевныхъ свойствъ за человѣкомъ Добролюбовъ не признаетъ; наследственно могутъ передаваться только нѣкоторыя органическія особенности въ строеніи тѣла и темпераментъ, зависящій отъ устройства артерій и потому являющійся тоже чисто

«физиологической особенностью *); въ самой же природѣ чело­вѣка не преобладаютъ ни добрыя, ни злыя начала. Таково основное мнѣніе Добролюбова и, если въ своей статьѣ «О значеніи авторитета въ воспитаніи» онъ и высказывается за преобладаніе въ дѣтяхъ добрыхъ склонностей, то это лишь невольное увлеченіе, вызванное горячей защитой дѣтской природы отъ возводимыхъ на нее напраслинь.

Добролюбовъ самъ затѣмъ опровергаетъ эту невольную край­ность всѣми своими послѣдующими взглядами, высказанными по вопросу о воспитаніи. Мнѣніе о преобладаніи въ дѣтяхъ добрыхъ началъ несомнѣнно такъ же ошибочно и односторонне, какъ и убѣж­деніе Спенсера, будто въ дѣтской природѣ преобладаютъ злыя, эгоистическія склонности, которыя пропадаютъ только вмѣстѣ съ образованіемъ ея культурныхъ сторонъ.

Гораздо болѣе обоснованъ взглядъ Ушинскаго, считающаго, что по существу дѣти ни добры, ни злы, что добро и зло понятія отвлеченныя, и до нихъ ребенокъ доходитъ только путемъ опыта и разсужденій. Разъ у ребенка нѣтъ еще понятія о томъ, что такое добро и что такое зло, откуда же можетъ явиться у него наклонность къ добру или злу?

Добролюбовъ, придерживаясь въ основѣ такихъ же взглядовъ на природу чело­вѣка, ставитъ преобладаніе въ характерѣ ребенка дурныхъ или хорошихъ склонностей въ зависимость отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя приходится ему воспринимать и усваивать отъ самой колыбели. Среда, обстановка, весь окружающій ре­бенка міръ, изъ котораго онъ почерпаетъ матеріалъ своихъ впе­чатлѣній—вотъ главные факторы, создающіе то или иное направ­леніе его характера.

Прослѣдимъ вмѣстѣ съ Добролюбовымъ, какъ отзывался строй современной ему жизни на образованіи характеровъ.

Гнетъ самодурства, мракъ окружающаго невѣжества, какъ это обрисовано въ статьѣ Добролюбова «Темное Царство», вырабаты­ваетъ два типа: самодуровъ и рабски забытыхъ людей. Даже на натуры болѣе мягкія и по своему симпатичныя (каковъ, наприм., Русаковъ въ комедіи «Не въ свои сани не садись»), растлѣваю­щее вліяніе произвола и самодурства наложило свою безотрадную печать, толкая ихъ подчасъ на грубыя и безобразныя выходки.

Не менѣе пагубно отзывалось на дѣтяхъ и привилегирован­ное положеніе дворянъ временъ крѣпостного права. Въ обществѣ, окружавшемъ большинство дворянскихъ дѣтей, царила безсодер­жательность, пустота, отсутствіе высшихъ интересовъ, праздность, привычка властвовать, повелѣвать надъ толпой покорныхъ, без­гласныхъ существъ.

Откуда могло явиться у ребенка сознаніе законности, права, уваженіе къ личности другого, если кругомъ то и дѣло попирали чело­вѣческое достоинство подвластныхъ существъ, не основываясь

*) Лесгафтъ «Семейное воспитаніе ребенка».

ни на какихъ правахъ, кромѣ личнаго произвола? Немудрено, если при такихъ условіяхъ развивались въ дѣтяхъ деспотическія наклонности, и вотъ, почему во времена крѣпостнаго права такъ часто встрѣчались характеры деспотовъ-самодуровъ. Въ производѣ и неумѣньѣ уважать въ другомъ человѣческую личность сходились люди самыя разныя по характеру, но выросшіе при одинаковыхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ.

Крѣпостное право отжило свой вѣкъ, слѣдовательно, и условія, порождающія подобныя характеры, исчезли, и можетъ казаться излишнимъ останавливаться на нихъ, но, при современныхъ взглядахъ на прислугу, дѣти въ сущности оказываются въ такомъ же ненормальномъ положеніи, какъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ, среди условій крѣпостнаго права, и на этотъ фактъ нельзя не обратить вниманія родителей, желающихъ воспитать въ своихъ дѣтяхъ не деспотическія наклонности, а гуманныя понятія.

На образованіе характера дѣтей вліяетъ не только обстановка, близко соприкасающаяся съ ребенкомъ, но и вся современная общественная атмосфера, духъ времени, строй государства.

«На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія», говоритъ Добролюбовъ, «но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая мирныя наклонности, иная раздражаетъ, другая убаюкиваетъ». (томъ III, стр. 278, изданіе 1885 г.).

Данный общественный строй, государственныя учрежденія, преобладаніе тѣхъ или иныхъ общественныхъ теченій—отзывается даже на самомъ строѣ семейной жизни, а, слѣдовательно, и на дѣтяхъ *).

Замѣчено вообще, что событія современной жизни отражаются даже въ играхъ дѣтей: такъ, во время войнъ въ дѣтскихъ играхъ преобладаютъ сраженія, походы и т. п.

Но если состояніе современной атмосферы и условія домашней жизни даютъ то или другое направленіе характеру, отчего же дѣти, выросшія при одинаковыхъ условіяхъ, такъ часто оказываются совершенно не похожими другъ на друга?

На это есть двѣ причины. Во первыхъ, трудно предположить, чтобы два ребенка, даже выростая въ одной и той же семьѣ, получали совершенно одинаковый матеріалъ впечатлѣній, — въ мелочахъ всегда будетъ встрѣчаться разница, а всѣ эти мелочи въ совокупности очень замѣтно отзовутся на формированіи характера. Во вторыхъ, усвоеніе впечатлѣній совершается въ мозгу, мозгъ же у людей неодинаковъ. Поэтому одни и тѣ же впечат-

---

*) Разбирая вліяніе семьи на воспитаніе, Шелгуновъ говоритъ: «Но надъ школой и семьей стоитъ высшій руководитель, и этотъ руководитель есть существующій общественный порядокъ, обусловленный учрежденіями, законами и всѣмъ гражданскимъ строемъ страны.» (Письма о воспитаніи, стр. 83б, изданіе 1895 года).

лѣнія отражаются различнымъ образомъ въ мозгу разныхъ людей, и представленіе объ одномъ и томъ же предметѣ или явленіи получается различное.

Различіе мозга—это уже органическое свойство человѣка, безспорно оказывающее вліяніе на образованіе характера. Ушинскій, подобно Добролюбову, отрицающій врожденность душевныхъ свойствъ человѣка, однако точно также признаетъ, что въ людяхъ существуетъ органическое различіе, но только Добролюбовъ видитъ это различіе въ мозгѣ, Ушинскій же въ устройствѣ нервной системы. Впрочемъ, мозгъ и нервная система такъ тѣсно связаны, что подобное различіе во мнѣніяхъ несущественно. Ушинскій, по поводу такого органическаго различія въ нервной системѣ, говоритъ слѣдующее: Одинъ ребенокъ легче воспринимаетъ впечатлѣнія, другой обладаетъ способностью дольше ихъ удерживать (въ немъ преобладаетъ такъ называемая «памятливость» нервной системы); третій, наконецъ, легче реагируетъ на получаемыя впечатлѣнія (онъ обладаетъ большей раздражительностью нервной системы).

Преобладаніе того или другого свойства, говоритъ Ушинскій, однако, еще совсѣмъ не опредѣляетъ будущаго направленія характера ребенка; это лишь почва, на которой характеръ разовьется. Самый же складъ его возникаетъ подъ совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ: 1) на почвѣ комбинаціи вышеприведенныхъ особенностей нервной системы и 2) подъ вліяніемъ того матеріала впечатлѣній, который приходится ребенку усваивать. Пояснимъ это положеніе примѣромъ. Ребенокъ впечатлительнъ и воспримчивъ. Это органическое свойство можетъ послужить ему либо на пользу, либо на вредъ въ зависимости отъ прочихъ условій; если впечатлительность ребенка не соединена со способностью удерживать впечатлѣнія (съ памятью нервной системы), то ребенокъ быстро, на лету, будетъ схватывать всякое впечатлѣніе, но ничего глубоко не западетъ ему въ душу, потому что онъ тотчасъ же будетъ переходить къ новому впечатлѣнію. Такимъ образомъ, въ ребенкѣ легко можетъ развиться поверхностность, и воспитатель, замѣтившій въ своемъ воспитанникѣ подобное органическое свойство нервной системы, долженъ возможно бережливѣе относиться къ воспримчивости ребенка и не обременять его черезчуръ обильными и разнообразными впечатлѣніями; такому ребенку, напротивъ, полезно дольше перерабатывать матеріалъ впечатлѣній, избѣгая частой ихъ смѣны. Кромѣ того, чѣмъ ребенокъ воспримчивѣе, тѣмъ сильнѣе отразится на немъ окружающая обстановка, такъ какъ онъ быстрѣе вялаго и тупого ребенка усвоитъ окружающія впечатлѣнія; въ зависимости же отъ полученныхъ впечатлѣній, характеръ ребенка приметъ то или иное направленіе. Если обстановка неблагоприятна, воспримчивый ребенокъ исказится гораздо скорѣе апатичнаго, при благоприятной же обстановкѣ наоборотъ. Этими положеніями Ушинскій лишь подтверждаетъ мнѣніе Добролюбова о томъ, что матеріалъ впечатлѣній, усваивае-

мый ребенкомъ съ колебелн, имѣеть огромное вліяніе на формированіе и направленіе его характера. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается такой психологъ-педагогъ, какъ Селли, признающій даже наследственную передачу душевныхъ свойствъ. «Хотя врожденныя особенности натуры или характера», говоритъ Селли въ своей книгѣ «Основы общедоступной психологіи» играютъ значительную роль въ индивидуальномъ развитіи, онѣ являются не единственною дѣйствующею силой. Различіе обстановки физической и еще болѣе соціальной имѣють большое вліяніе на различіе въ способностяхъ и въ характерѣ, которые мы находимъ у разныхъ индивидуумовъ».

Итакъ, въ образованіи характера человѣка участвуютъ два фактора: 1) органическія особенности человѣка (мозгъ, нервная система, темпераментъ) и 2) окружающая обстановка, дающая матеріаль впечатлѣній и ощущеній. Послѣдній факторъ Добролюбовъ считаетъ болѣе важнымъ, такъ какъ онъ собственно даетъ направленіе характеру и вліяеть на измѣненіе самыхъ органическихъ задатковъ человѣка. Можетъ случиться, что человѣкъ съ хорошо организованной нервной системой и болѣе развитымъ мозгомъ—будеть получать очень скудный и однообразный матеріаль впечатлѣній и ощущеній, а другою—съ худшими органическими задатками попадетъ въ условія, благоприятствующія его развитію; въ такомъ случаѣ, первый въ концѣ концовъ окажется эсетаки ниже по развитію, чѣмъ второй.

«Геніальнѣйшій человѣкъ по крѣпости своихъ душевныхъ основъ выйдетъ среди пауасовъ только геніальнымъ пауасомъ, потому что жизнь не даетъ ему матеріала, чтобы вырости до европейской геніальности» *).

ГЛАВА II.

Основныя условія развитія характера и ихъ относительное значеніе.

а) Вліяніе органическихъ свойствъ ребенка и значеніе въ дѣлѣ воспитанія здороваго ихъ состоянія. Необходимость гармоничнаго развитія душевныхъ и тѣлесныхъ способностей.

Основной почвой, на которой, подъ вліяніемъ окружающихъ впечатлѣній, закладывается фундаментъ будущаго характера человѣка, является совокупность его органическихъ свойствъ, каковы: мозгъ, нервная система и темпераментъ. Нормальное, здоровое состояніе и гармоничное развитіе этихъ органическихъ особенностей человѣка, до извѣстной степени, гарантируютъ и правильное усвоеніе того матеріала впечатлѣній, изъ котораго складывается духовная, внутренняя жизнь человѣка. Поэтому, Добролюбовъ и ставитъ непремѣннымъ условіемъ нормальнаго развитія ребенка

*) Шелгуновъ. «Письма о воспитаніи» (стр. 632).

здоровое состояніе всего организма или, короче, «здоровье», подъ которымъ подразумѣваетъ правильное, гармоничное развитіе физическихъ и духовныхъ силъ человѣка.

Отрицая дуализмъ, Добролюбовъ признаетъ душу и тѣло, какъ нѣчто нераздѣльное, не могущее существовать одно безъ другого; душа и тѣло неразрывно связаны между собою, они не дѣйствуютъ по разнымъ законамъ, а составляютъ одно цѣлое; вотъ, почему подъ гармоничнымъ развитіемъ Добролюбовъ понимаетъ равномѣрное развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ и доказываетъ, что между этими силами должно существовать соотвѣтствіе, а не антагонизмъ.

«Наука увидала въ душѣ ту силу, которая проникаетъ собою и одушевляетъ весь тѣлесный составъ человѣка. На основаніи такого понятія, наука уже не разсматриваетъ нынѣ тѣлесныя дѣятельности отдѣльно отъ духовныхъ и обратно. Напротивъ, во всѣхъ самыхъ ничтожныхъ тѣлесныхъ явленіяхъ наука видитъ дѣйствіе той же силы, участвующей бессознательно въ кровото- реніи, пищевареніи и т. п. и достигающей высоты сознанія въ отправленіяхъ нервной системы, преимущественно мозга». (Томъ II, стр. 27).

Въ данномъ случаѣ, Добролюбовъ существенно расходится съ психологами-педагогами, въ томъ числѣ съ Ушинскимъ, признающими существованіе отдѣльнаго духовнаго начала.

Въ подтвержденіе этого положенія приводится, между прочимъ, у Ушинскаго слѣдующій примѣръ. Не смотря на истощеніе тѣла человѣка болѣзнію или продолжительнымъ голодомъ, дѣятельность души не только не прекращается, а, наоборотъ, усиливается. Добролюбовъ же въ этомъ самомъ фактѣ видитъ подтвержденіе полной гармоніи, полного соотвѣтствія, существующаго между тѣлеснымъ и духовнымъ началами человѣка. Всякая болѣзнь, по мнѣнію Добролюбова, есть «нарушеніе правильнаго отношенія частицъ, входящихъ въ составъ нашего организма», и поэтому, при болѣзненномъ состояніи однихъ органовъ возбуждается усиленная дѣятельность другихъ»; извѣстно, что ослабленіе тѣла вслѣдствіе продолжительнаго голода оканчивается бредомъ, и, вообще, бредъ всего чаще является въ болѣзняхъ, истощающихъ организмъ». (Добролюбовъ, томъ II, стр. 29).

Природа всегда какъ бы старается вознаградить недостатокъ однихъ органовъ большимъ совершенствомъ другихъ; «такъ, слѣпые бывають одарены хорошимъ слухомъ и осязаніемъ; напротивъ, глухіе часто отличаются остротою зрѣнія. То же самое должно произойти и въ дѣятельностяхъ, совершающихся при непосредственномъ участіи мозга. Онѣ могутъ развиваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе развиваються прочія дѣятельности» (Добр., томъ II, стр. 28).

Если бы не существовало полного единства, гармоніи между тѣлесной и духовной дѣятельностью человѣка, то усиленіе одной не шло бы въ ущербъ другой, а между тѣмъ мы видимъ у лю-

дей, посвятившихъ себя исключительно физическому труду, болшую тупость понятій, чѣмъ у насъ; точно также, видимъ мы «такъ много лихорадочнаго, судорожнаго въ дѣятельности энтузіастовъ, у которыхъ сила чувства и воображенія преобладаютъ надъ разсудкомъ» (т. II, стр. 28). Все это явленія ненормальныя, отклоненія отъ гармоничнаго развитія человѣка. Нельзя назвать здоровымъ того организма, въ которомъ одна какая нибудь сторона, духовная или физическая, развивается въ ущербъ остальнымъ. Работа мозга, поглощающая собою всѣ другія отправленія человѣка, точно такое же ненормальное, болѣзненное явленіе, какъ и дѣятельность однихъ мускуловъ, заглушающая развитіе мозга.

«Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, какъ блѣдныя истощенныя дѣти, такъ и дикари, обладающіе страшной физической силой, но грубые и необразованные, развиты одинаково односторонне, и односторонность эту можно назвать недостаткомъ полнаго здоровья организма. Недостатокъ этотъ нисколько не мѣшаетъ правильной дѣятельности тѣхъ органовъ, которые хорошо развились, хотя онъ и мѣшаетъ водворенію полной гармоніи въ организмѣ» (томъ II, стр. 28). Добролюбовъ по этому поводу указываетъ на огромную ошибку воспитателей, подразумѣвающихъ подъ здоровьемъ развитіе однихъ физическихъ силъ. Одно животное здоровѣе недостаточно человѣку, у котораго помимо тѣлеснаго есть еще и духовное начало; человѣку нужно такое здоровье, «которое не мѣшало бы развитію души, а способствовало ему»; если же въ ребенкѣ развивать одни физическіе органы, мозгъ будетъ бездѣйствовать, а вслѣдствіе этого развитіе станетъ одностороннимъ, ненормальнымъ. Однако, одинаково вредно и презрѣніе къ физическому труду, господствующее въ современномъ воспитаніи. Физическіе органы безъ упражненія не развиваются; безъ правильно развитыхъ органовъ и душевная дѣятельность не можетъ правильно совершаться, такъ какъ безошибочное воспріятіе и точная передача впечатлѣній происходитъ только при посредствѣ здоровыхъ органовъ; при болѣзненномъ же состояніи органовъ возникаютъ ошибочныя впечатлѣнія, а вслѣдствіи впечатлѣнія перерабатываются въ представленія; слѣдовательно, и послѣднія получаютъ ошибочными.

Безъ воспріятія впечатлѣній не могутъ образоваться понятія, при неполномъ или не точномъ воспріятіи и понятія получаютъ ошибочными; такъ, извѣстно, что у глухого нѣтъ представленія о звукѣ, у слѣпого—о свѣтѣ и т. п.; если органы зрѣнія или слуха повреждены съ дѣтства, у человѣка не можетъ развиваться ни музыкальныхъ, ни художественныхъ наклонностей, и, наоборотъ, онъ разовьется, если, вслѣдствіе физиологической наследственной передачи, органы зрѣнія или слуха окажутся особенно воспримчивыми. Изъ одного этого видно, какъ важно здоровое состояніе органовъ человѣка, т. е. всего его организма для правильного усвоенія впечатлѣній, перерабатываемыхъ въ понятія,

и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тѣсно связана та или иная духовная дѣятельность съ физической организаціей человѣка. Психологи, признающіе существованіе дуализма, указываютъ еще на одно явленіе въ подтвержденіе своихъ взглядовъ: если бы не существовало въ человѣкѣ отдѣльнаго душевнаго начала, то всякое ощущеніе, отражаясь въ мозгу, переходило бы въ сознаніе; между тѣмъ замѣчено, что, когда наша душа поглощена посторонней, усиленной работой, мы часто не воспринимаемъ даже тѣхъ впечатлѣній, которыя дѣйствуютъ на насъ непосредственно, напр. не видимъ предмета, находящагося передъ глазами.

Добролюбовъ объясняетъ это явленіе исключительно мозговой работой. Дѣятельность органовъ зрѣнія, слуха и прочихъ органовъ чувствъ состоитъ въ томъ, что нервы наши, воспринявъ ощущеніе, передаютъ ее мозгу; при всякой же усиленной работѣ мозгъ не ощущаетъ слабыхъ раздраженій. Однако, когда раздраженіе усилится, мозгъ на него реагируетъ, и тогда наше вниманіе обязательно привлечется къ предмету. Всего сказаннаго достаточно, чтобы показать, что Добролюбовъ, отрицая существованіе отдѣльнаго душевнаго начала, выводитъ всѣ духовныя отправленія человѣка изъ мозговой дѣятельности. Поэтому, въ дѣлѣ воспитанія онъ и совѣтуетъ обратить главное вниманіе на правильное развитіе и укрѣпленіе мозга.

«Но для того, чтобы мозгъ былъ здоровъ и развился правильно, необходимы нѣкоторыя особенныя условія. Въ организмѣ человѣка нѣтъ ни одной части, которая существовала бы сама по себѣ, безъ всякой связи съ другими частями; ни одна изъ частей нашего тѣла не связана такъ существенно со всеми остальными, какъ головной мозгъ. Не входя ни въ какія подробности, довольно сказать, что въ немъ сосредоточиваются нервы движенія и чувствованія. Понятно, поэтому, въ какой близкой связи находится дѣятельность мозга съ общимъ состояніемъ тѣла. Очевидно, что всякое измѣненіе въ организмѣ должно отражаться и на мозгѣ, если не въ мыслительной, то въ чувствительной его части». (Добролюбовъ, т. II, стр. 37).

Итакъ, чтобы дѣятельность мозга совершалась правильно, необходимо прежде всего, чтобы мозгъ былъ здоровъ, т. е. получалъ бы здоровое питаніе; питаніе же свое мозгъ получаетъ изъ крови; слѣдовательно, необходимо, чтобы процессы кровообращенія, кровотоверенія и кровоочищенія совершались въ строгой правильности, а стало быть, чтобы и весь организмъ былъ здоровъ. Вотъ, почему Добролюбовъ и ставитъ основною воспитанія здоровье всего организма, находящееся въ такой тѣсной связи съ духовной или мозговой дѣятельностью человѣка.

в) Значеніе правильного воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, какъ важный факторъ въ образованіи характера. Постоянное упражненіе мозга воспріятіемъ впечатлѣній и переработкой ихъ въ понятія и представленія.

Здоровое состояніе организма, по мнѣнію Добролюбова, существенная гарантія правильного развитія духовныхъ качествъ ребенка, но есть еще и другой факторъ, отъ котораго собственно зависитъ самый ходъ развитія, именно—воспріятіе и усвоеніе впечатлѣній, окружающихъ ребенка съ колыбели. Добролюбовъ утверждаетъ, что одного здороваго состоянія мозга недостаточно: это—лишь надлежащая, плодородная почва, самый же посѣвъ всецѣло зависитъ отъ совокупности внѣшнихъ окружающихъ впечатлѣній. Стало быть, мало одного здороваго питанія мозга, а требуется еще и правильная, постоянная работа, служащая еѣ его укрѣпленію и развитію; работа эта состоитъ въ воспріятіи впечатлѣній, путемъ ощущений, и переработкѣ ихъ въ понятія и представленія. Здѣсь-то и выступаетъ важная роль того матеріала впечатлѣній, надъ которымъ приходится мозгу работать, ради общаго развитія человѣка.

«Здоровый мозгъ», говоритъ докторъ Боккъ: «долженъ развить свои умственные способности постепенно, съ помощью пяти чувствъ и внѣшнихъ впечатлѣній. На этомъ основывается весь процессъ воспитанія. Человѣкъ, котораго тотчасъ по рожденіи удалили бы совершенно отъ общества людей, не имѣлъ бы и слѣда человѣческаго разума, а окруженный при тѣхъ условіяхъ одними животными, онъ непремѣнно усвоилъ бы себѣ всѣ ихъ привычки, разумѣется, настолько, насколько это позволяетъ ему человѣческая организація».

Эта выписка, приведенная самимъ Добролюбовымъ, утверждаетъ его во мнѣніи, что сложный человѣческій организмъ складывается изъ того матеріала впечатлѣній, который воспринимается нашими внѣшними органами и, при посредствѣ сознанія, перерабатывается въ понятія и представленія. Такой взглядъ Добролюбова прямо противоположенъ довольно распространенному мнѣнію о томъ; будто дѣти рождаются съ готовыми качествами и понятіями.

Человѣческій организмъ, при появленіи своемъ на свѣтъ, слишкомъ далекъ отъ совершенства, чтобы можно было допустить существованіе въ немъ уже опредѣленныхъ свойствъ и качествъ. По изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ наше время профессоромъ Преиеромъ, дѣти рождаются даже менѣе приспособленными къ жизни, чѣмъ животныя; только путемъ опыта и пробуждающагося сознанія научаются они даже тѣмъ актамъ, которые у животныхъ являются дѣйствіями инстинктивными, прирожденными, переходящими по наслѣдству и въ которыхъ сознаніе не играетъ никакой роли.

Животныя, при появленіи своемъ на свѣтъ, сразу видятъ, слышатъ, ощущаютъ и т. п.; дѣти же научаются этимъ простымъ дѣйствіямъ только постепенно на опытѣ, при содѣйствіи пробуждающагося

и развивающагося сознанія, безъ помощи котораго самыя эти дѣйствія остаются чисто автоматическими, рефлекторными, бессознательными. Трудно приписать существованіе какихъ-нибудь духовныхъ стремленій или качествъ такому несовершенному существу, какимъ является младенецъ, не только не обладающему представленіемъ о добрѣ, злѣ и другихъ подобныхъ отвлеченныхъ понятіяхъ, но даже самого-то себя научающагося распознавать отдѣльно отъ вѣшняго міра лишь съ большимъ трудомъ, при помощи долгаго опыта.

Добролюбовъ въ новорожденномъ ребенкѣ не видитъ сознательной жизни, въ головномъ мозгу новорожденнаго не отражаются впечатлѣнія; чувства въ немъ тупы, движенія бессознательны, автоматичны; самыя ощущенія пробуждаются постепенно; однако, достаточно ребенку испытать два противоположныхъ ощущенія одного и того же свойства, напримѣръ, жаръ и холодъ, голодъ и сытость, боль и отсутствіе боли и т. п., чтобы въ немъ пробудились первые проблески сознанія, явилась возможность сравнивать, а вѣдь сознаніе и есть не что иное, какъ умѣнье распознавать сходство и различіе. Понятно, что, благодаря противоположнымъ ощущеніямъ, сознаніе и возникаетъ, и совершенствуется.

Въ первое время глаза ребенка совершенно недѣйствительны, но «уже на пятой недѣлѣ», говоритъ Добролюбовъ *): «ребенокъ начинаетъ всматриваться въ окружающіе его предметы, вслѣдствіе чего въ мозгу его происходятъ первыя чувственныя впечатлѣнія, т. е. создаются умственные образы, постепенно все болѣе прясняющіеся. Мало-по-малу они доходятъ до такой степени ясности, что могутъ представляться сознанію ребенка даже и тогда, когда самыхъ предметовъ нѣтъ передъ глазами». Съ этого момента начинается «дѣятельная способность представленія», т. е. уже опредѣленный актъ сознанія.

Признавая такой ходъ образованія и развитія сознанія въ ребенкѣ, замѣчаемъ, что сознательная жизнь его начинается гораздо раньше, чѣмъ это принято думать, и вотъ въ это-то время, когда сознаніе постепенно пробуждается и начинаетъ работать, очень легко создать ребенку массу лишнихъ потребностей и привычекъ: тѣ и другія очень легко усваиваются воспримчивымъ мозгомъ младенца, не засореннымъ безчисленными слѣдами впечатлѣній, и, чѣмъ скорѣе какое-нибудь дѣйствіе или привычка удовлетворяютъ потребностямъ или чувствованіямъ ребенка, тѣмъ, вообще, скорѣе онъ ихъ восприметъ.

«Вслѣдствіе привычки къ впечатлѣніямъ извѣстнаго рода», говоритъ Добролюбовъ: «развиваются и всѣ остальные чувства; слѣдовательно, въ это время легко произвести въ ребенкѣ много привычекъ и потребностей, которыя могутъ впослѣдствіи укорениться въ немъ». (Томъ II, стр. 40).

*) По Прейеру—черезъ нѣсколько дней.

Поэтому, если удовлетворять чувствованиямъ ребенка съ помощью «прибавочныхъ раздраженій», какъ ихъ называетъ Лесгафтъ, напимѣръ, укачивать ребенка передъ сномъ, прибавлять сахаръ въ молоко и т. п., онъ очень скоро усвоитъ эти привычки и не захочетъ обходиться безъ нихъ, а такъ какъ отъ повторенія впечатлѣннй чувства притупляются, то, чтобы «прибавочное раздраженіе» всегда дѣйствовало съ одинаковой силой, пришлось бы его постоянно увеличивать. По мнѣнію Лесгафта, главные привычки и способы дѣйствія ребенка устанавливаются въ младенчествѣ, вотъ, почему слѣдуетъ очень осторожно обходиться съ младенцами, чтобы не привить имъ излишнихъ привычекъ требованій и даже склонностей. Многое изъ того, что кажется намъ врожденнымъ, собственно идетъ отъ періода безсловеснаго младенчества, усвоено нами еще тогда, когда сознание наше только что пробуждалось и легко воспринимало всякое новое впечатлѣніе и ощущеніе. Ушинскій прибавляетъ, что мнѣніе, будто злость кормилицы передается черезъ молоко, не такъ ужъ безосновательно—злая кормилица своимъ обращеніемъ (конечно, не молокомъ) съѣтъ сѣмена злости и трусости въ ребенкѣ. «Замѣчено, что дѣти», говоритъ Добролюбовъ: «съ которыми мать или кормилица весело болтала и шутила первые мѣсяцы жизни, получаютъ нравъ добрый и веселый. Многія дѣти, которыхъ долго водили на помочахъ, не позволяя имъ ходить безъ посторонней помощи, навсегда сохраняютъ въ характерѣ нерѣшительность и недовѣріе къ своимъ силамъ. Дѣти, которыя въ первый годъ жизни привыкли только къ пріятнымъ ощущеніямъ и отъ которыхъ при первомъ ихъ крикѣ удалили все непріятное, съ большимъ трудомъ и впоследствии переносятъ неудовольствія и злятся при малѣйшей неудачѣ». (Т. II, стр. 41).

Изъ этой выписки видно, какое важное значеніе придаетъ Добролюбовъ первымъ впечатлѣніямъ, получаемымъ ребенкомъ. Взглядъ этотъ совершенно основателенъ, такъ какъ начальныя впечатлѣнія, перерабатываемыя въ мозгу ребенка въ понятія, являются какъ бы основой его характера; опираясь на нихъ, ребенокъ и въ дальнѣйшей своей жизни будетъ перерабатывать въ томъ или иномъ направленіи весь остальной матеріалъ впечатлѣній. Это положеніе подтверждается и психологіей; человекъ по ассоціаціи идей, представленій, чувствъ и т. д. легче усваиваетъ тѣ впечатлѣнія, которыя оставили слѣдъ въ его душѣ; поэтому, далеко не безразлично, что видѣть, что слышать, что учить, что читать дитя, а также что оно чувствуетъ и переживаетъ,—все это оставляетъ слѣдъ, а изъ этихъ маленькихъ слѣдовъ, «черточекъ», какъ выражается Ушинскій, постепенно образуются ассоціаціи, изъ ассоціацій же слагаются со временемъ такія страсти и наклонности, съ которыми не можетъ совладать даже взрослый человекъ. По этому же поводу, Бенеке предостерегаетъ родителей, которые, не зная, какъ предохранить свое дитя отъ вредныхъ вліяній, предоставляютъ этимъ вліяніямъ

идти своимъ ходомъ и воображаютъ, что стоитъ имъ захотѣть, чтобы уничтожить всѣ послѣдствія дурныхъ воздѣйствій, забывая, что даже самое незначительное изъ этихъ вліяній уже запечатлѣлось въ душѣ ребенка и оставило тамъ свой неизгладимый слѣдъ.

Ошибочныя первоначальныя понятія могутъ подчасъ совершенно исказить нормальный ходъ развитія ребенка, здѣсь снова видна важная роль всего того матеріала впечатлѣній, который непосредственно дѣйствуетъ на ребенка, такъ какъ понятія дитяти складываются именно изъ впечатлѣній, почерпаемыхъ въ окружающей жизни. Стоитъ вспомнить, какъ выработывались понятія и слагался характеръ несчастной Зиночки въ повѣсти Марка Вовчка «Игрушечка», разобранной въ статьѣ Добролюбова: «Черты для характеристики русскаго народа».

Отъ природы Зиночка—дѣвочка впечатлительная и пытливая, въ ней замѣтно стремленіе къ справедливости, уваженіе къ чужой личности, но, казалось, окружающіе сдѣлали все возможное, чтобы исказить ея понятія и извратить лучшіе порывы дѣтской природы. Зиночкѣ, какъ дочери состоятельнаго помѣщика, нѣтъ ни въ чемъ отказа, для ея потѣхи отнимаютъ дѣвочку, названную самой же Зиночкой «Игрушечкой», отъ ея матери; ради удовольствія маленькой барышни заставляютъ «Игрушечку» забавляться и веселиться, когда той грустно, и грустить, когда Зиночка не въ духѣ; когда у Зиночки естественно рождается вопросъ: что заставляетъ Игрушечку подчиняться подобнымъ несправедливымъ требованіямъ? ей внушаютъ, что она существо высшаго разряда, и что Игрушечка и ей подобныя созданія существуютъ только для удобства и развлеченія Зиночки. Понятно, послѣ подобныхъ разъясненій отношенія Зиночки къ ея подругѣ теряли свою первоначальную простоту и естественность; понятіе о равенствѣ, о справедливости, объ уваженіи къ человѣческой личности искажалось, деспотическимъ наклонностямъ давалась благодатная почва. Однако пытливый ребенокъ самостоятельно схватывалъ и перерабатывалъ мимолетныя жизненныя впечатлѣнія иного характера, чѣмъ тѣ, которыя окружали его въ семьѣ. Насиліе, бѣдность, чужое горе мучили, тревожили Зиночку, въ душѣ ея поднимался разладъ, и кончилось тѣмъ, что пытливая, богато одаренная отъ природы дѣвочка, не найдя ни отклика, ни отвѣта, ни пониманія въ тревожившихъ ея умъ сомнѣніяхъ, потеряла, наконецъ, рассудокъ.

Подобное явленіе, конечно, встрѣчается рѣдко, но за то часто бываетъ, что ошибочныя первоначальныя понятія, слагаясь изъ неблагоприятныхъ впечатлѣній окружающей жизни, даютъ ошибочное направленіе всему дальнѣйшему складу характера. Это явленіе прослѣжено Добролюбовымъ въ его статьѣ «Обломовщина». Когда ребенка съ колыбели приучаютъ къ тому, что за него все дѣлаютъ другіе, какъ это было съ Обломовымъ, что за него и на него работаетъ толпа людей, что о немъ всѣ заботятся и

ему не остается дѣлать ничего другого, какъ только требовать и повелѣвать, когда близкіе люди, его окружающіе, проводятъ время въ полной праздности и къ трудящемуся классу относятся пренебрежительно, у ребенка невольно складывается представленіе, что сидѣть сложа руки гораздо почтеннѣе, чѣмъ трудиться. Можно ли послѣ того удивляться, если въ дальнѣйшей жизни чело-вѣкъ будетъ ошибочно искать счастья въ покоѣ? Однако, полное бездѣйствіе, покой не свойственны чело-вѣку, основная черта природы котораго, говоря словами Ушинскаго, есть вѣчное стремленіе къ дѣятельности, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Бездѣйствіе, какъ физическое, такъ и духовное, тягостно чело-вѣку, и вотъ, личности, подобныя Обломову, избѣгая жизненной плодотворной работы, ищутъ удовлетворенія своимъ душевнымъ запросамъ въ безплодныхъ мечтаніяхъ. Они стараются заполнить душевную пустоту наиболѣе легкой формою труда—игрою воображенія, забывая, что только та дѣятельность даетъ истинное удовлетвореніе, которая сопряжена съ постояннымъ преодоленіемъ препятствій, съ извѣстнаго рода усиліемъ, напряженіемъ и которая ведетъ къ опредѣленной, точной цѣли.

Ошибочно составивъ себѣ понятіе о счастіи въ покоѣ и стремясь къ этому счастью, Обломовъ не только не развился духовно, но, напротивъ, отъ бездѣйствія душевная сфера его все больше и больше суживалась, и онъ нравственно и умственно опускался все ниже и ниже.

Здѣсь ясно видно, какъ ошибочныя понятія, сложившіяся въ дѣтствѣ, благодаря окружающимъ впечатлѣніямъ, повліяли на весь дальнѣйшій складъ характера.

Случается тоже часто, что новыя взгляды, образовавшіеся благодаря инымъ впечатлѣніямъ, въ дальнѣйшей жизни вступаютъ въ противорѣчіе съ прежними понятіями; въ такомъ случаѣ, на разрушеніе всего ошибочно сложившагося духовнаго міра тратится такое огромное количество силъ и энергій чело-вѣка, что уже на новую плодотворную, созидающую дѣятельность подчасъ не хватаетъ духу. У насъ, въ Россіи, гдѣ господствуетъ еще столько ложныхъ понятій, суевѣрій, предрассудковъ, подобныя явленія не рѣдкость.

Замѣтимъ вмѣстѣ съ Компера, что загроможденіе памяти отжившими понятіями сплошь и рядомъ мѣшаетъ воспріятію новыхъ идей. («Умственное и нравственное развитіе ребенка»). Ребенокъ, выросшій среди отжившихъ понятій, въ душевной атмосферѣ, омраченной предрассудками, отрѣшится отъ нихъ съ трудомъ, даже послѣ того, какъ знакомство съ наукой и иными жизненными формами откроетъ ему глаза на ошибочность усвоенныхъ имъ представленій; слѣды подобныхъ ложныхъ впечатлѣній никогда окончательно не изгладятся въ душѣ чело-вѣка.

Вотъ, потому-то Добролюбовъ и ставитъ краеугольнымъ камнемъ воспитанія: образованіе правильныхъ основныхъ понятій въ головѣ ребенка. Все будущее направленіе характера чело-

вѣка зависитъ отъ тѣхъ первоначальныхъ понятій, которыя легли въ основу его міросозерцанія.

Съ этимъ взглядомъ Добролюбова вполне согласуется и мнѣніе Ушинскаго, который доказываетъ, какъ важно внушить ребенку правильное понятіе о томъ, что такое «человѣкъ»—для направленія всего его характера въ лучшую сторону.

Не должно забывать, что первыя понятія о человѣкѣ, говоритъ Ушинскій, которыя впоследствии закрѣпляются словомъ, образуются въ безсловесный періодъ жизни, и что на образование этого понятія имѣютъ рѣшительное вліяніе тѣ первыя человѣческія личности, которыя отразятся въ душѣ ребенка и лягутъ въ основу его будущихъ отношеній къ людямъ, — и счастливо дитя, если первое человѣческое лицо, отразившееся въ немъ, полное любви и ласки, есть лицо матери». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», страница 23, изданіе 1894 года *).

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Колонтай.

«Родители! если вы хотите создать изъ своихъ дѣтей членовъ общества и истинныхъ гражданъ, прежде всего формируйте въ нихъ гуманное генеральное понятіе о человѣкѣ. Человѣкъ не врагъ для человѣка, онъ для него не предметъ для эксплуатаціи, онъ для него равноправное существо, орудіе взаимной солидарности». — Шелгуновъ. «Школа «воспитанія» стр. 782.

Метафизика и наука:

I.

Въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу эти двѣ сферы дѣятельности человѣческой мысли: наука и метафизическая философія. Есть ли между ними точки соприкосновенія или сходство, и въ чемъ заключается различіе?

Таковы вопросы, которые выдвинуты на очередь очень давно, и которые до сихъ поръ далеко еще не получили своего окончательнаго рѣшенія.

Поучительную картину въ смыслѣ выясненія этихъ вопросовъ представляетъ, на нашъ взглядъ, взаимоотношеніе метафизической и научной мысли наканунѣ двухъ столѣтій кончающагося XIX-го, и будущаго XX-го.

Съ лучезарными надеждами, съ громомъ пушекъ и побѣдныхъ кликовъ во имя свободы, братства и равенства вступило человѣчество въ XIX вѣкъ, воздвигнувъ на его порогѣ монументальный храмъ Разуму, для накопленныхъ предшествовавшими поколѣніями сокровищъ знанія. Богиня мудрости, — метафизическая философія, — почтительно сопровождаемая сонмомъ жрецовъ, стояла во главѣ и руководила торжествомъ шествія. Вѣрою въ непогрѣшимость своихъ путеводныхъ звѣздъ, несокрушимой энергіей дышала эта величественная картина исторіи, на которую золотистымъ багрянцемъ легла заря первыхъ дней новой эпохи.

Прошло сто лѣтъ.... и вотъ наблюдатель, самый поверхностный, не можетъ не замѣтить признаковъ глубокаго безпокойства, которое смѣнило первоначальную увѣренность интеллектуальнаго міра. Храмъ, имъ созданный и гордо высившійся на рубежѣ XIX вѣка, далъ трещины до глубины фундамента; собранныя въ него сокровища знанія выбрасываются за бортъ чуть не съ такою же беспощадной жестокостью и энергіей, съ какой происходило сокращеніе огромной библіотеки легендарнаго Халифа, послѣ того какъ наскучивъ возить ее за собою въ походахъ, онъ поручилъ ученымъ, сокративъ число книгъ, и самыя книги, оставить лишь самое важное, и какъ эти ученые, за сокращеніемъ баласта, сохранили для библіотеки лишь.... одно изреченіе: великъ Аллахъ и Магометь, пророкъ его!

Что же случилось въ этотъ короткій, поразительно короткій, періодъ исторіи?

Почему потерялъ человѣкъ свою энергію, свою увѣренность и взволнованный стоять на порогѣ наступающаго XX вѣка? Изъ какого источника черпалъ онъ свою силу какихъ нибудь сто лѣтъ назадъ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, разумѣется, что такимъ источникомъ не могло быть знаніе природы и ея законовъ. Естественныя науки стояли тогда на высотѣ точнаго знанія лишь въ такихъ отдѣлахъ, которые для вопросовъ, считавшихся самыми важными и капитальными, не могли имѣть почти никакого значенія.

Тотъ отдѣлъ этихъ наукъ, который одинъ могъ-бы повліять на міросозерцаніе интеллектуальнаго европейца—отдѣлъ біологіи былъ тогда въ такомъ еще состояніи, въ которомъ лучшимъ и самымъ плодотворнымъ его дѣломъ было накопленіе научнаго матеріала *).

И такъ не въ знаніи законовъ природы вообще и не въ пониманіи природы человѣка, въ частности, покоилась увѣренность его вначалѣ XIX вѣка, и не въ нихъ черпалъ онъ свою силу.

То и другое своимъ источникомъ имѣло вѣру въ путеводную звѣзду прошлой, сходящей съ исторической сцены, эпохи—вѣру въ могущество человѣческаго разума, вѣру въ духовную мощь человѣка, какъ центръ вселенной.

Метафизика была кумиромъ, окруженнымъ тайною; въ ея «святая святыхъ» допускались только избранники. Она никогда не пропускала случая указать рубежъ, до котораго «допускались обыкновенные смертные и специалисты по разнымъ отраслямъ знанія», за этимъ рубежомъ находились только жрецы. Она сниходила до толпы лишь въ томъ смыслѣ, что великодушно давала указанія и постановленія съ ея недосыгаемыхъ для массы высотъ въ формѣ краткихъ и туманныхъ изреченій.

Учителя, правда, не отличались единствомъ воззрѣній, но это представлялось дѣломъ временнымъ и легко исправимымъ въ горнилѣ чистой мысли, которой жрецы метафизики единодушно поклонялись....

Самыя ихъ безчисленныя противорѣчія, какъ безчисленныя философскія системы, служили къ усилецію этой вѣры, такъ какъ, по за-

*) *Исидоръ Жоффуа Сентъ-Илеръ*, говоря объ успѣхахъ естествознанія въ XVIII столѣтіи (См. его «Общая Біологія» рус. пер. А. П. Богданова Т. I ст. 69 и слѣд.) справедливо утверждаетъ, что фокусами, изъ которыхъ исходятъ эти успѣхи, являются два имени: *Линней* и *Бюффонъ*. Ихъ онъ считаетъ великими естествоиспытателями прошлаго вѣка. Заслуга перваго заключается въ составленіи системы растений и животныхъ, для своего времени замѣчательно остроумной, и установленіи двойной номенклатуры; заслуга втораго: естественная исторія млекопитающихъ и описаніе образа жизни животныхъ другихъ классовъ.

Понятно поэтому, что всякій разъ когда біологъ XVIII вѣка пытался говорить объ общихъ вопросахъ, онъ немедленно изъ ученаго превращался въ метафизика. Такъ *Бюффонъ* въ своей *Histoire naturelle générale et particulière* разсуждаетъ о томъ, что субстанція природы есть въ то же время двигательная сила; *Т. Б. Робинъ* доказываетъ, что простѣйшія частицы вещества одарены чувствительностью и считаетъ минералы тѣлами одушевленными, и т. д. и т. д.

мѣчанію Фихте, «каждый могъ выбирать себѣ свою философію сообразно съ своимъ характеромъ». Суть въ томъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ школъ и всѣхъ этихъ системъ лежалъ одинъ краеугольный камень, одинъ символъ вѣры: нѣтъ Бога, кромѣ Бога и человѣка—его истолкователя, снабженнаго для этого всемогущимъ разумомъ, и не нуждающагося для рѣшенія задачи ни въ чемъ, кромѣ свободнаго полета мысли. На основахъ этой вѣры и покоилась сила человѣка конца XVIII вѣка. Ея источникомъ служили такимъ образомъ тѣ особенности философскаго міросозерцанія, которыя сближаютъ его съ міросозерцаніемъ теологическимъ, такъ какъ оба они покоятся на вѣрѣ: послѣднее въ сверхъестественную силу, первое — въ силу разума и привилегированнаго положенія человѣка во вселенной. Эти міросозерцанія кореннымъ образомъ отличаются отъ міросозерцанія научнаго, требующаго знанія, основаннаго на опытѣ и наблюденіи.

Не проини Монтэня, конечно, который подшучивалъ надъ наивною увѣренностью человѣка въ томъ, что все создано для него, что для него и солнце свѣтитъ, что для него и всѣ созданія природы, что онъ цѣль всѣхъ стремленій вселенной *), ни плохо свѣдующимъ скептикамъ, какимъ былъ напримѣръ Ж. Ж. Руссо, метавшій громы въ современное ему человѣчество, его знанія, его науку и взамиъ этого предлагавшій вернуться къ естественному состоянію, къ счастливой жизни дикарей, о которыхъ къ сожалѣнію не имѣлъ никакого понятія **),—не имъ было поколебать эту мощную вѣру и эту силу! Ея противвосомъ должно было явиться нѣчто противоположное ей по своимъ свойствамъ, и не менѣе, а гораздо болѣе, прочное и могущественное.

Такою новою силою на порогѣ XX-го вѣка является наука, еще очень новая, но уже съ первыхъ дней своего расцвѣта оказавшаяся такою могучей, что мимоходомъ, вовсе объ этомъ не заботясь, а лишь слегка коснувшись того величественнаго храма, который былъ воздвигнутъ гениемъ минувшихъ поколѣній, потрясла его до основанія...

Итакъ, смѣна двухъ міросозерцаній: метафизическаго и научнаго представляетъ собою главные моменты и главное содержаніе огромной исторической картины кануна двухъ столѣтій; въ ней, въ этой

*) Посмотрите реестръ того, что говорили философы о небесныхъ дѣлахъ, «читаемъ мы въ его «Essais»; боги дѣйствовали и говорили только для человѣка, у нихъ нѣтъ другого призванія. То они съ нами на войнѣ, то они вмѣшиваются въ наши смуты, то вся ихъ власть ограничена: одинъ дѣлать лошадей, другой—людей, кто чуму, кто кашель, кто иную какую болѣзнь, и т. д. Почему-бы и итидѣ не сказать: всѣ вещи въ природѣ созданы для меня: земля служить мнѣ для прыганья, солнце—чтобы меня согрѣвать, звѣзды—чтобы «вліять» на меня; для меня всѣ удобства вѣтровъ и водъ; небесный сводъ тоже для меня. Лишь на меня онъ смотритъ милостиво. Развѣ и человѣкъ также не служить мнѣ: онъ свѣтъ и жнеть».

***) Вольтеръ, какъ извѣстно, на поляхъ книги Ж. Ж. Руссо „Discours sur l'origine et les fondamens de l'inegalité parmi les hommes“ дѣлалъ свои помѣтки; въ одномъ мѣстѣ противъ соображеній Руссо о томъ, что первобытныиъ человѣкъ не зналъ промысловъ, не имѣлъ языка и дома, не чувствовалъ необходимости наносить вредъ ближнимъ, и т. д. Вольтеръ пишетъ: «C'est conclure un bien mauvais roman».

смѣнѣ, лежитъ и ключъ къ уразумѣнію картины; такъ какъ она доказываетъ намъ, во-первыхъ, что философія во всемъ своемъ объемѣ, поскольку она является метафизикой, философія, которая составляла основу знанія предшествующей эпохи, по существу своему кореннымъ образомъ отличается отъ науки; во-вторыхъ, что она сказала свое послѣднее слово и въ наши дни, ликвидируя счеты, передаетъ свои дѣла въ вѣдѣніе точнаго разума; и, наконецъ, въ-третьихъ, что разработка вопросовъ о «мировомъ устройствѣ», о «бытіи», о «данныхъ для условій и гарантіи политической свободы», объ «основахъ этики» и другихъ элементахъ знанія, накануне XIX вѣка составлявшихъ исключительное достояніе метафизической философіи и только ею одною вершившихся, — къ концу столѣтія выскользнули изъ ея рукъ и къ кануну XX вѣка почти вся область этихъ знаній перешла въ вѣдѣніе науки.

Само собою разумѣется, что эти положенія отнюдь не раздѣляются ни крайними сторонниками метафизики, все еще полагающими, что она занимаетъ вершину знанія, ни тѣми, которые, не отрицая значенія науки, полагаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что метафизическая философія не можетъ ей противопоставляться, потому что съ одной стороны нѣкоторые метафизики уже «отказались отъ возможности познания сущностей» и «цѣлей существующаго», или стоятъ на пути къ этому; а съ другой — въ области естествознанія не только минувшаго времени, но и настоящаго, мы можемъ встрѣтить воззрѣнія, которыя ничѣмъ не отличаются отъ воззрѣній метафизиковъ на сущность вещей, какъ, напримѣръ, ученіе Геккеля о душѣ атомовъ, одаренныхъ тѣмъ-то вродѣ любви и ненависти другъ къ другу.

Что же касается различія въ методѣ, то, говорятъ они, противоположность науки и философіи въ этомъ отношеніи только кажущаяся и скорѣе представляетъ недоразумѣніе, чѣмъ фактъ, такъ какъ есть философы, которые отвергаютъ законность всякаго *творчества* и сами держатся въ своихъ изслѣдованіяхъ индуктивнаго метода; съ другой стороны, творчество не только встрѣчается въ научныхъ изслѣдованіяхъ, но и считается необходимымъ для успѣха науки.

Такимъ образомъ, наиболѣе скромные защитники метафизики поддерживаютъ ее путемъ сближенія съ наукою и доказываютъ, что метафизика не отличается отъ науки и не можетъ быть ей противопоставляема ни по содержанию, ни по методу, вслѣдствіе того, что и въ философіи, и въ наукѣ мы можемъ встрѣтить какъ однородное содержаніе, такъ и одинаковый методъ.

Вѣрны ли, однако, эти соображенія?

Мы полагаемъ, что нѣтъ, и вотъ почему: «Пусть многіе философы, — говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ талантливыхъ русскихъ натуралистовъ, хорошо знакомый съ философскими ученіями, въ своей статьѣ «Отношеніе между философіей и наукой» *), — стоятъ за познаваемость вещей самихъ въ себѣ, тогда какъ въ наукѣ укоренился взглядъ, что сущностей мы знать не можемъ, но *предположимъ*, что философы

*) «Вопросы философіи и психологін» 1890 г., т. 2.

въ скоромъ времени придуть къ тому же заключенію, именно о познаваемости однихъ явленій и непознаваемости существей, вещей въ себѣ, — и различіе между философіей и наукой исчезнетъ. Равнымъ образомъ такое противоположеніе философіи и науки было невозможно, когда и въ наукѣ высказывались еще убѣжденія въ познаваемости существей вещей или, по крайней мѣрѣ, существованіи такихъ существей; когда въ учебникахъ химіи и физики не говорилось на первыхъ же страницахъ, что атомы — простыя отвлеченія, а не вещи въ себѣ, а, напротивъ, атомы считались за нѣчто всего болѣе реальное; когда тепловыя явленія объясняли флогистонномъ, явленія магнитныя и электрическія — магнитными и электрическими жидкостями и т. под.; когда на ученіи о жизненной силѣ — *vis vitalis* — зиждилась едва ли не вся физиологія, и т. д., и т. д. Да и теперь не представляетъ большого труда отыскать въ наукѣ кое-какіе глубоко укоренившіеся остатки ученій о существяхъ; таково, напр., общераспространенное понятіе о силѣ и т. под., таково, — правда, нынѣ весьма рѣдкое, — представленіе о какихъ-то органическихъ силахъ, дѣйствующихъ по цѣлямъ и т. д.». Что же доказываютъ, однако, эти и другія подобныя имъ соображенія? По нашему мнѣнію, не совсѣмъ то, что за ними предполагаетъ авторъ.

Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что философы отказались, наконецъ, подъ давленіемъ опытнаго знанія, отъ возможности познавать вещи въ себѣ. Какое заключеніе должно вывести изъ этого факта? По нашему мнѣнію — одно, а именно, что метафизической философіи больше *не стало*, что она вытѣснилась наукой, и только!

То же скажемъ мы и по поводу указываемыхъ авторомъ объясненій, напримѣръ, тепловыхъ явленій — флогистономъ, а въ физиологіи соответствующихъ явленій — жизненной силой, и т. п. Изъ этого обстоятельства, думается намъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы *наука занималась метафизическими вопросами о существяхъ*, а слѣдуетъ лишь, что наука не знала и до сихъ поръ не знаетъ объясненія причинъ очень многихъ явленій, и что авторы безъ прочнаго научнаго міросозерцанія, вмѣсто того, чтобы открыто заявить объ этомъ, какъ того требуетъ наука, включили въ свои книги кусочки метафизическихъ трактатовъ, не понимая принципиальной ошибки, которую тѣмъ самымъ они дѣлали. Однаково мало убѣдительными представляются намъ соображенія и по отношенію къ методу въ метафизикѣ, философіи и наукѣ. Различіе между ними, говорятъ намъ, не можетъ быть установлено потому, съ одной стороны, что философскія соображенія и построенія встрѣчаются у естествоиспытателей, а съ другой — признаніе опыта единственнымъ источникомъ знанія встрѣчается у метафизиковъ. Фактъ этотъ справедливъ, но выводъ изъ него по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и по отношенію къ содержанию науки, мы считаемъ очень спорнымъ. По нашему мнѣнію, факты подобнаго рода доказываютъ лишь то, что ученый, прибѣгавшій къ метафизическимъ построеніямъ, былъ въ смыслѣ метода недостаточно послѣдовательнымъ и сдѣлалъ ошибку, а съ другой стороны, метафизикъ, отрицавшій иной путь познанія, кромѣ опыта,

былъ вовсе не метафизикомъ, а настоящимъ ученымъ постольку, поскольку онъ держался этого метода.

Геккель, напримеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливыхъ ученыхъ нашего вѣка, оставляетъ методъ изслѣдованія и начинаетъ заниматься чисто философскими умозрѣнiями по вопросу о причинахъ явленiй живой природы; когда онъ такимъ образомъ выходитъ за предѣлы науки, начинаетъ *строить* природу на основанiи чистаго умозрѣнiя, то онъ дѣлаетъ грубую принципиальную ошибку и становится метафизикомъ, а не ученымъ, какимъ является въ своихъ морфологическихъ изслѣдованiяхъ. Наоборотъ, когда *Юмъ*, *Ламеттри*, *Гольбахъ*, *Кантъ* высказываютъ идеи, въ основѣ которыхъ лежатъ наблюденiе и опытъ (внѣшнiй или внутреннiй — все равно), они являются тогда учеными, а не метафизиками. Такое смѣшанное мiросозерцанiе, такое смѣшиванiе методовъ, при которыхъ научная точка зрѣнiя и выводы, построенные путемъ индуктивнаго метода, укладываются бокъ-о-бокъ съ метафизическими, антинаучными воззрѣнiями, поэтому едва ли можетъ служить аргументомъ для доказательства тождества науки и философи. Оно является вполне естественнымъ и съ исторической точки зрѣнiя неизбежнымъ, причѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такое смѣшенiе касается вопросовъ второстепенныхъ, антагонизмъ отъ разности и противоположности мiросозерцанiя не чувствуется; въ противномъ же случаѣ онъ ведетъ къ тяжелой внутренней борьбѣ, иногда непосильной и гибельной для ея носителя.

Все сказанное даетъ намъ основанiе считать ту часть аргументацiи въ защиту тождества метафизики и науки, которая основывается на фактѣ существованiя натуралистовъ, занимающихся философскими построенiями, и философовъ, держащихся индуктивнаго метода и отрицающихъ возможность познанiя сущности вещей, — недостаточно убѣдительною. Аргументацiя эта въ нашихъ глазахъ скорѣе доказываетъ обратное тому, что она была призвана доказать, а именно, что различiе между метафизикой и наукой такъ глубоко и такъ существенно, что мы можемъ во всякое время безъ труда указать ихъ даже тогда, когда онѣ смѣшаны между собою, когда обѣ входятъ въ составъ мiросозерцанiя не только человѣчества, но и отдѣльнаго индивидуума. Различiе это такъ очевидно, что мы съ полною ясностью отмѣчаемъ у философа *Канта* его научныя положенiя и научный методъ, какъ ясно видимъ у натуралиста *Геккеля* его метафизическiя, ненаучныя, построенiя. Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о томъ соображенiи, по которому наука и философи оказываются тождественными, вслѣдствiе наличности *творчества*, которое необходимо и для той, и для другой области знанiя. Объ этомъ вопросѣ трактовалось очень много и очень многими; но такъ какъ сущность соображенiй вездѣ и у всѣхъ приблизительно остается одной и той же, то мы, чтобы не ходить далеко, приведемъ аргументацiю изъ той же статьи, на которую только что ссылались. Вотъ что мы въ ней читаемъ по этому предмету:

«Существеннѣйшую часть всякой науки, — ту часть, которая и

дѣлаетъ науку наукой, — составляютъ выводы, обобщенія. Эти выводы въ большинствѣ случаевъ гипотетичны. Теоріи также почти всегда возникаютъ первоначально въ видѣ гипотезъ. Но всякая гипотеза есть творческое построеніе. Этого не отвергаютъ даже самыя крайніе реалисты». Совершенно справедливо, скажемъ мы въ свою очередь. Но дѣло въ томъ, что творчество въ наукѣ не совсѣмъ то же, что творчество въ метафизикѣ, и гипотезы научныя не тождественны гипотезамъ метафизическимъ. Какъ на примѣръ, имѣющій доказать, что творчество въ наукѣ и метафизикѣ совершенно однородны по своему характеру, обыкновенно указываютъ на извѣстный въ исторіи науки фактъ возникновенія теоріи черепа, который передаютъ со словъ самого ея автора — Лоренца Окена. Вотъ какъ онъ рассказываетъ о возникновеніи у него этой идеи. «Въ августѣ 1806 года я путешествовалъ по Гарцу. Я быстро спускался по южному склону его, лѣсомъ, и вдругъ увидѣлъ у своихъ ногъ прекрасный, чисто отбѣлившійся черепъ оленя. Поднять его, повернуть, взглянуть было дѣломъ одной минуты и — свершилось! Вдругъ, какъ молнія, блеснула у меня мысль: это позвоночникъ! и съ тѣхъ поръ черепъ сталъ позвоночникомъ». Авторы, приводящіе этотъ рассказъ, забываютъ, однако, добавить, что научныя идеи натурфилософовъ, которыхъ представляемъ мыль Окенъ, постольку, поскольку эти идеи имѣли цѣну, всегда являлись слѣдствіемъ наблюденія. Этимъ и объясняется, конечно, что гомологичность черепа и позвоночника признается теперь всѣми, и если гомологичными оказались не тѣ части, которыя предполагалъ Окенъ, а потомъ Гете, такъ это объясняется тѣмъ, что имъ не были извѣстны тѣ факты, которые стали извѣстны позднѣе. Правда, подъ влияніемъ духа времени (метафизика въ началѣ нашего вѣка, какъ сказано выше, была конечной вершительницей всѣхъ вопросовъ знанія и руководительницей въ изысканіи путей къ рѣшенію этой задачи) натурфилософы скрывали эту часть работы: уразумѣть природу путемъ *чистаго мышленія, возсоздать, строить, а не изучать ее*, считалось тогда за *высшій, раціональный*, единственный научный. путь къ пониманію природы. Вслѣдствіе этого идеи, явившіяся несомнѣннымъ плодомъ наблюденія, ученые кануна XIX вѣка умышленно выдавали за результатъ интуиціи, за выводъ изъ положеній, невѣсть откуда взятыхъ.

Въ высшей степени характеристично для Окена, какъ естествоиспытателя, то обстоятельство, что непосредственно за этими вступительными изреченіями чисто метафизическаго характера, слѣдуетъ совѣтъ студентамъ начинать съ того, чтобы *изучать* въ натурѣ черепъ овцы и дается наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать при его разсматриваніи. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя Окенъ, какъ натурфилософъ, самъ и говорилъ тономъ оракула, черпающаго свои воззрѣнія изъ глубины своего «я», но, какъ естествоиспытатель, онъ сознавалъ, что на дѣлѣ прежде всего слѣдуетъ начинать съ непосредственнаго наблюденія.

Мы полагаемъ поэтому, что видѣть въ рассказѣ Окена о томъ, какъ ему пришла мысль о гомологіи черепа костямъ позвоночника,

доказательство однородности научнаго и метафизическаго творчества едва ли возможно. Напротивъ, чѣмъ ближе всматриваешься въ процессъ этого творчества, тѣмъ рѣзче выступаетъ различіе между ними, и соображенія самихъ метафизиковъ по этому предмету, строго отличающихъ творчество науки отъ творчества метафизики, представляются гораздо болѣе близкими къ истинѣ.

Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ по интересующему насъ вопросу у одного изъ нашихъ современныхъ философовъ *). Есть два рода творчества и два рода гипотезъ, — говоритъ онъ. — Есть гипотеза, такъ сказать, механическая и есть гипотеза органическая. «Первая строго держится почвы фактовъ и ограничивается лишь ихъ обобщеніями, всегда, конечно, неполными и незаконченными; вторая, напротивъ, смѣлымъ интуитивнымъ воззрѣніемъ переступаетъ за предѣлы фактовъ и возвращается къ нимъ лишь для того, чтобы придать своимъ интуиціямъ и концепціямъ плоть и кровь, облечь ихъ въ общепонятную и конкретную форму. Для первой—точкой отправления и опоры служитъ механическая необходимость, строгая законосообразность, связывающая желѣзнымъ закономъ явленія близкой къ намъ видимой дѣйствительности; для второй точкой отправления являются запросы и постулаты нашего идеальнаго самосознанія, нашей внутренней свободы, которую мыслитель и проэцируетъ внѣ себя и предполагаетъ въ основѣ міра и міроваго процесса».

Такое опредѣленіе различія между гипотезами научными и метафизическими представляется намъ гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе, по которому научное и метафизическое творчество являются будто-бы совершенно тождественными по своему существу. Мы присоединили-бы къ приведенной выдержкѣ изъ статьи г. А. Введенскаго лишь слѣдующія замѣчанія. Во первыхъ, что построенія, точкою отправления которыхъ являются «запросы идеальнаго самосознанія, нашей внутренней свободы, которую мыслитель проэцируетъ внѣ себя», безусловно антинаучны; что же касается, во вторыхъ, до того: могутъ ли вообще имѣть какое-нибудь значеніе построенія такого рода, то въ статьѣ того же г. Введенскаго, на стр. 129, мы читаемъ: «когда мысль свободна, то она приступаетъ къ философскимъ проблемамъ *храбро и рѣшительно*, и ничѣмъ не стѣсняемая *набрасываетъ смѣлымъ гипотезы*», а на стр. 136, что «царство истины не берется силой и не завоевывается храбростью». Справедливость обоихъ этихъ замѣчаній едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Этимъ, по крайней мѣрѣ, всего проще объясняется, почему гипотезы, «съ изумительной храбростью и рѣшительностью» набросанныя воспалившю за облака мыслью Шеллинга, лѣтъ черезъ 20 превратились въ мусоръ. Истины храбрымъ полетомъ за облака,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Введенскій—не получишь; а метафизику получить можно, и въ этомъ-то именно и заключается коренное различіе между творчествомъ въ наукѣ и метафизикѣ.

*) А. Введенскій: «О задачахъ современной философіи». «Вопросы философіи и психологіи» 1893 г., кн. 5, стр. 136.

II.

Этимъ кореннымъ различіемъ между наукой и метафизикой, ихъ органической противоположностью, скажемъ даже враждебностью другъ къ другу, объясняется интереснѣйшее явленіе, происходящее на глазахъ современнаго намъ человѣчества: фактъ крушенія метафизическихъ ученій частью въ зависимости отъ успѣховъ естествознанія, частью независимо отъ нихъ подъ давленіемъ внутренняго разложенія.

Признаками этого крушенія являются: во 1-хъ, рядъ компромиссовъ, путемъ которыхъ метафизика пытается слиться съ наукой, «возводя послѣднюю до высоты, которую сама занимаетъ», или, говоря другимъ языкомъ,—рядъ компромиссовъ, путемъ которыхъ метафизика пытается сохранить себя, пристегивая подъ тѣмъ или другимъ видомъ, въ томъ или другомъ объемѣ, свои построенія къ выгодамъ науки; во 2-хъ, заявленіе самихъ представителей метафизической философіи, что все, что могла она сказать, ею уже сказано, и роль ея окончена, и наконецъ, въ 3-хъ, тѣ самые аргументы послѣднихъ мюгиканъ метафизики, которыми они пытаются доказать, что часъ ея крушенія далеко еще не пробилъ, что напротивъ: значеніе ея растетъ, а въ близкомъ будущемъ сдѣлается огромнымъ... Скажемъ нѣсколько словъ по поводу каждаго изъ этихъ признаковъ разложенія метафизики.

Компромиссы, о которыхъ мы упомянули, сводятся къ стремленію слить метафизическую философію съ наукой, сдѣлавъ первую изъ нихъ синтезомъ всѣхъ наукъ, какъ науку въ ея цѣломъ. Стремленіе это, какъ извѣстно, представляетъ собою форму компромисса наиболѣе распространенную. Философская задача нашего времени, говорятъ намъ, заключается въ возведеніи науки на степень философіи, съ которою она въ широкомъ смыслѣ слова уже совпадаетъ. Вотъ, что мы читаемъ у Рилля по этому поводу: «Отличительною задачею философіи», говоритъ онъ, «почитали обоснованіе ея міросозерцательнаго ученія или общаго взгляда на міръ. Философія должна, какъ говорили, быть такимъ ученіемъ, и дѣло ея должно состоять въ высшемъ обобщеніи частныхъ научныхъ обобщеній до высшихъ результатовъ своихъ собственныхъ обобщеній».

Нѣтъ спору, что обоснованіе и выполненіе научнаго міровоззрѣнія составляютъ общую цѣль всей совокупности наукъ; но именно потому, что это цѣль всѣхъ наукъ въ совокупности, оно и не можетъ быть задачею одной только отдѣльной науки. Съ справедливостью этого соображенія нельзя не согласиться; а изъ него уже само собою слѣдуетъ, что такая новая философія, т. е. философія въ смыслѣ высшаго обобщенія частныхъ научныхъ обобщеній по малой мѣрѣ не нужна, такъ какъ выводы и обобщенія наукъ ровно ничего не приобрѣтутъ отъ того, что мы эти самые выводы и обобщенія назовемъ не наукой, а философией. Они даже проиграютъ отъ этого въ смыслѣ точности и опредѣленности. Правда—предлагаемый компро-

мысль очень выгодна для сторонников метафизики, которые, отказываясь от научных задач, оставляют за собой задачи «философии в тѣсномъ смыслѣ этого слова», въ составъ которыхъ, между прочимъ, входятъ: «самобытное своеобразное произведеніе человѣческаго духа, имѣющее своею цѣлью учить человѣчество, вѣрить въ человѣчество и добро, которое должно твориться. Оборонять вѣру эту противъ нѣкоторыхъ ложныхъ заключеній, выведенныхъ изъ науки, и принимать участіе въ выработкѣ человѣческихъ идеаловъ». (Риль) Путемъ предлагаемаго компромисса метафизическія построенія на сказанныя темы включаются въ сферу научныхъ изслѣдованій. Это, повторяемъ, очень выгодно для сторонниковъ метафизики, но совершенно не нужно для науки.

Что же касается до идеи (Риль) о томъ, что къ полученной послѣ такой реорганизации науки и философіи, къ этой *единой* области знанія вполнѣ будто бы подойдетъ древній терминъ «*метафизики*», на томъ основаніи, что по своему первоначальному значенію она была тѣмъ, что слѣдовало за физикой, то на этомъ соображеніи, едва ли стоитъ останавливаться долго. Довольно сказать во 1-хъ, что Аристотелю терминъ «метафизика» вовсе не былъ извѣстенъ, что онъ принадлежитъ одному греческому грамматнику (Андронику Родосскому), который приводилъ въ порядокъ сочиненія Аристотеля и поставилъ его изслѣдованія о «первой философіи» (метафизики) *послѣ* сочиненій по вопросамъ физики, съ цѣлями чисто дидактическими; изъ чего, разумѣется, слѣдуетъ, что заглавіе, которое было дано Андроникомъ «первой философіи» Аристотеля «*Τὰ μετὰ τὰ φυσικά*» отнюдь не имѣло того смысла, который ему хотя бы навязать сторонники компромисса; а во 2-хъ, совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что терминъ «*метафизика*» сохранить необходимо, мы полагаемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, что сохранить его надо исключительно лишь какъ историческій памятникъ; для этого же нѣтъ надобности измѣнять его первоначальнаго значенія и подводить подъ него то, что всегда лежало за его предѣлами. Никогда не слѣдуетъ забывать при этомъ, что типическій метафизикъ Гегель въ его «*Encyclopädie der Philos. Wissenschaften*» (§ 37), говоря о наукѣ, выражается такъ: «*вмѣсто того, чтобы искать истину въ самой мысли—эмпирики отыскиваютъ ее, копошась въ области внутренняго и внѣшняго опыта*»...

Эта мысль выражаетъ истинное опредѣленіе метафизики, которая никогда не слѣдовала за *опытомъ*, которая презирала высшее судилище науки: наблюденіе и экспериментъ; съ этимъ кореннымъ ея признакомъ она должна и остаться въ исторіи умственнаго развитія человѣчества.

Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что какую бы попытку сдѣлать метафизику съ наукой мы ни взяли, всегда окажутся одни и тѣ же непреодолимые затрудненія, вытекающія изъ кореннаго различія этихъ двухъ родовъ умственной дѣятельности человѣка. Какой бы покровъ плаща ни изобрѣли искатели компромисса путемъ слиянія метафизики съ наукой, итогъ будетъ получаться одинъ и тотъ же: прикросте этимъ плащомъ голову, ноги будутъ торчать на-

ружу; прикроете ноги, голова останется открытою. Въ лучшей формулѣ, которой, повидимому, сполна удалось объединить метафизику съ наукой,—тотчасъ же обнаруживается, что помимо необходимыхъ для этого натяжекъ, нѣкоторая часть метафизики все же оказывается не объединенной и для нея приходится изобрѣтать новую формулу. Изобрѣтите другую, въ которую можно было-бы включить эту не объединенную часть, оказывается, что тѣмъ самымъ отнимается отъ науки ея существеннѣйшіе и основные признаки.

Мы не будемъ поэтому останавливаться на многочисленныхъ попыткахъ компромисса метафизики съ наукой путемъ ихъ сліянія. Всѣ они, какъ бы ни казались разнородными, доказываютъ одно и то же, а именно: во 1-хъ, что такое сліяніе невозможно и, такимъ образомъ, присоединяютъ одинъ новый аргументъ къ тѣмъ, которыми устанавливается коренное различіе между метафизикой и наукой; а во 2-хъ, что самый фактъ компромисса такого рода, самое стремленіе метафизиковъ слиться съ наукой служить тѣмъ болѣе очевиднымъ свидѣтельствомъ крушенія метафизики, что онъ является очень распространеннымъ и представляетъ картину, прямо противоположную той, которая имѣла мѣсто въ началѣ XIX вѣка. Тогда нарождающаяся наука со своими слабыми представителями, смутно понимаемыми ея громадное значеніе и ея силы, для преданія ей нѣкотораго престижа драпировалась въ уголки безгранично огромнаго плаща метафизики, снисходительно удѣляемаго имъ этой всеобщей руководительницей и наставницей; а теперь, наканунѣ XX вѣка дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ: метафизика пытается приспособить себя суровую тогу науки, которую ей не предлагаютъ, но и не отнимаютъ, потому что она все равно придется ей не по плечамъ.

Не всѣ метафизики, конечно, идутъ на компромиссы съ наукой. Одни изъ нихъ, наиболѣе свѣдущіе, и потому наиболѣе скромные—признали фактъ паденія когда-то могущественнаго кумира.

Другіе и въ наши дни продолжаютъ утверждать, что никакого паденія не «произошло», что Метафизика, какъ была, такъ и осталась источникомъ мудрости и знанія. Первые изъ нихъ, придя къ убѣжденію, что всевозможныя рѣшенія философскихъ вопросовъ уже испытаны, сводятъ ея задачу къ изученію своей исторіи, а въ самомъ фактѣ преобладанія историческихъ изслѣдованій въ наше время видятъ подтвержденіе своему мнѣнію. Фактъ безусловнаго преобладанія историческихъ изслѣдованій въ области метафизической философіи надъ всѣми остальными, фактъ появленія самостоятельныхъ журналовъ, посвященныхъ исключительно ея исторіи,—представляетъ дѣйствительно знаменательный симптомъ и, разумѣется, не можетъ имѣть другого значенія, кромѣ того, которое даетъ ему, напримѣръ, Эрдманъ, утверждающій, что философіи не осталось ничего другого, какъ заниматься своей исторіей. Ни въ одной области естествознанія—астрономіи, физики, химіи и біологіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго: у нихъ нѣтъ ни одного спеціальнаго органа, который посвящался бы изученію исторіи этихъ наукъ. Оно и понятно—все это науки живыя; у нихъ есть и настоящее и будущее; исклю-

чительно же мемуарами о прошлых днях занимаются, как известно, только под старость, когда кромѣ этого заниматься уже нечѣмъ. У метафизики нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго, хоть послѣдніе могикиане и обѣщаютъ намъ подъ самыми тяжкими клятвами ея непремѣнное возрожденіе. Такъ г. Лютославскій, напримѣръ, на страницахъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» вопросъ о преобладаніи изученія *исторіи* философіи надъ всѣми остальными отраслями дѣятельности философовъ рѣшаетъ иначе, чѣмъ г. Эрдманъ; почтенный авторъ полагаетъ, что *такъ* какъ это преобладаніе свойственно только современной эпохѣ, то оно должно (*sic*) имѣть совершенно временныя причины».

Очевидно, однако, что такая «истина» ничѣмъ не отличается отъ того, какъ если бы какой нибудь историкъ XVII вѣка сказалъ намъ, что *такъ какъ* преобладаніе бѣлой расы въ Америкѣ и параллельное вымираніе туземцевъ получило мѣсто только въ современную эпоху, *то оно должно* имѣть совершенно временныя причины; что пройдетъ еще столѣтіе и американцы должны исчезнуть, а туземцы возродиться. Можетъ быть, такіе толкователи дѣйствительно были въ свое время; весьма вѣроятно, что многіе индѣйцы даже нашихъ дней рѣшаютъ этотъ капитальный вопросъ именно въ этомъ смыслѣ, только мы не послѣдуемъ вглубь соображеній, коими развиваются и доказываются подобнаго рода истины.

Послѣднюю группу доводовъ въ удостовѣреніе того, что метафизика пала, представляютъ, какъ было сказано, аргументы небольшой горсти защитниковъ «чистой философіи». Аргументы этихъ послѣднихъ могикианъ за жизненность своего дѣла едва ли, однако, не болѣе всѣхъ остальныхъ данныхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что оно умерло.

Они, конечно, продолжаютъ держать свое знамя по прежнему недостигаемо высоко: «метафизическая философія должна всегда, и прежде всего, остаться сама собою», «она должна стремиться къ той полнотѣ и совершенству знанія, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ обладалъ *правильными и твердыми* критеріями дѣятельности», «она даетъ общія начала поведенія, даетъ идеалы разумной человѣческой дѣятельности, даетъ руководящія принципы не только въ познаніи, но и творчествѣ»: «она порождаетъ и возрождаетъ науки и искусства». Г. Лютославскій, въ статьѣ «о значеніи и задачахъ исторіи философіи», утверждаетъ даже, что рѣшеніе метафизическихъ вопросовъ для человѣка несравненно важнѣе, чѣмъ самое подробное (?) познаніе физическаго міра, а г. А. Введенскій присовокупляетъ, что нѣтъ на свѣтѣ вопросовъ болѣе интересныхъ, какъ вопросы метафизики и т. п. Словомъ, для нихъ, послѣднихъ могикианъ прошлой, отходящей въ вѣчность, эпохи, метафизика остается окруженною чуть-чуть не такимъ же ореоломъ величія, какимъ стояла на рубежѣ XIX вѣка. Но... прислушайтесь прежде всего къ тону этихъ философовъ, все еще держащихся за древко знамени, древняго какъ самъ человѣкъ, и въ свое время сослужившаго ему, надо отдать справедливость, добрую службу. Мажорные тона непо-

грѣшимаго владыки перешли въ минорныя; законодатель правилъ добраго поведенія, какимъ долженъ быть философъ по девизу, значущемуся на его знамени, онъ на дѣлѣ жалуется на притѣсненія и клевету, которой враги метафизики ее потопили; призванный породить и возродить науку, на дѣлѣ онъ, если не протягиваетъ руку къ этой наукѣ за помощьюъ, то выражается о ней не иначе, какъ съ должнымъ почтеніемъ, а о себѣ и своихъ задачахъ, какъ о задачахъ человѣка, «которому выпала на долю защита оклеветанной и поруганной области знанія — дѣло болѣе трудное, чѣмъ задача защиты угнетеннаго и убитаго клеветой человѣка»... Сопоставьте, читатель, высокопарныя девизы метафизики съ картиной ея дѣйствительнаго положенія, такъ опредѣленно намѣчаемаго жалобами и сѣтованіями ея представителей, и вы получите истину.

И знаете-ли, кто поколебаль значеніе и роль метафизики? Ихъ поколебаль... *одинъ человекъ*, да еще такой, который былъ знакомъ съ нею «изъ третьихъ рукъ». Этотъ человекъ—Огюстъ Контъ! Припомнимъ кстати, что ученый этотъ писалъ о всѣхъ областяхъ человѣческой мысли, что онъ не зналъ и не могъ ихъ знать, поэтому, какъ слѣдуетъ, что его сужденія въ области астрономіи, физики, зоологіи, поражая удивительной проницательностью и глубиной мысли геніальнаго человѣка, не рѣдко оказываются не менѣе поверхностными и ошибочными, чѣмъ и въ вопросахъ метафизики; ни одной изъ нихъ, однако, онъ не нанесъ своими ошибками ни же малѣйшаго вреда, никому изъ ученыхъ нашего времени, кромѣ тѣхъ развѣ, которые послѣ того уже, какъ ошибки Конта были указаны, желали показать, что и у нихъ есть копыта,—не придетъ въ голову защищать отъ несправедливостей Конта свою науку,—которая вообще ни въ чьей защитѣ не нуждается, а всего менѣе въ защитѣ отъ погрѣшностей того, преданность котораго и вѣра въ науку создали исполнѣ заслуженную репутацію выдающагося ума нашего столѣтія. Одна метафизика—эта бѣдная, покинутая вдова кануна XX вѣка, оказывается оклеветанной и обиженной Контомъ въ такой мѣрѣ и силѣ, что «оправдать ее труднѣе, неизмѣримо труднѣе, чѣмъ оправдать поруганнаго и оклеветаннаго человѣка!» За тысячи лѣтъ своего существованія она не собрала себѣ того, что науку въ короткій, изумительно короткій, срокъ сдѣлало недоступной ни для какихъ нападокъ!

Само собою понятно, разумѣется, что теперь мы уже не слышимъ голосовъ, которые еще такъ недавно говорили съ презрѣніемъ о копошавшихся гдѣ-то тамъ, далеко, въ области виѣшняго и внутренняго опыта; такъ далеко, что съ вершинъ метафизики и разсмотрѣть ихъ было трудно. Теперь изученіе природы уже не предлагается толпѣ, которая неспособна подняться до высоты занимаемой жрецами мудрости,—теперь намъ говорятъ, что нужно безпристрастное и спокойное отношеніе «*ко всѣмъ пріемамъ познанія*». Этого мало: намъ говорятъ, что изученіе явленій опыта внутренняго и виѣшняго *необходимо*; что науки должны стремиться къ положительному и точному знанію, и т. д., и т. д. Къ этому присоединяютъ лишь, что

такимъ путемъ не исчерпываются «всѣ формы познанія» и что *одною изъ нихъ* является метафизика. Но и это еще не все: метафизикѣ рекомендуютъ отказаться отъ отвѣтовъ на всѣ вопросы, какъ она это дѣлала въ началѣ нашего столѣтія, когда съ непоколебимою увѣренностью принималась за рѣшеніе *a priori* вопросовъ всѣхъ наукъ, до естествознанія включительно, а совѣтуютъ удовольствоваться рѣшеніемъ лишь тѣхъ вопросовъ, которые доступны ея средствамъ.

Не правда ли, какъ огромна разница въ тонѣ послѣднихъ могиканъ метафизики сравнительно съ тѣмъ, который держали «любители мудрости» какихъ нибудь сто лѣтъ назадъ? Какъ мало соотвѣтствуетъ теперешній ея тонъ тѣмъ широкоѣщательнымъ девизамъ, которые по традиціи продолжаютъ еще красоваться на ея знамени!

Перейдите отъ общаго тона къ аргументаціи, посмотрите, что выставляется защитниками метафизики въ качествѣ орудій, имѣющихъ отстоять ту скромную позицію, которую она продолжаетъ еще считать своею,—и вы увидите, что аргументы эти гораздо скромнѣе даже ея меланхолически-минорнаго общаго тона.

Исходя изъ того положенія, что конечная цѣль знанія — «дать человѣку строго обоснованные, для всѣхъ одинаково достовѣрные и обязательные, принципы дѣятельности», признавая *теперь*, что эта цѣль не можетъ быть достигнута иначе, какъ познавъ предварительно природу міра и человѣка, метафизика полагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ виду *бессилія науки* дать въ настоящее время такое полное міросозерцаніе, которое требуется нашимъ умомъ, и необходимости указанія принциповъ разумной дѣятельности, ея задача: дать такое міросозерцаніе и такіе принципы — является столько же необходимой, сколько и достижимой.

Необходимость въ рѣшеніи такой задачи вытекаетъ изъ свойствъ самой природы человѣческаго духа; достижимость слѣдуетъ изъ того, что кромѣ органовъ ощущенія (необходимыхъ для изученія явленій опыта) и логическихъ функцій мысли (необходимыхъ для критики и упорядоченія выводовъ и заключеній) — въ своей совокупности служащихъ средствомъ для одного изъ пріемовъ познанія, человѣкъ обладаетъ «для проникновенія въ природу вещей» еще и другими средствами:

1) чувствомъ и 2) воображеніемъ.

Эти то средства «*проникновенія въ природу вещей*» метафизики считаютъ пріемомъ равноцѣннымъ тѣмъ, которыми пользуется наука. Чувство, схватывая то, что «неспособно уловить и раздѣльно опредѣлить мысль путемъ детальнаго расчлененія ощущеній и логической обработки мысли» (по просту говоря — наука), а «воображеніе или творчество, часто упреждая логическую работу мысли, такъ какъ даетъ возможность цѣлымъ рядомъ безсознательныхъ и недоступныхъ логическому анализу процессовъ (по просту — недоступныхъ наукѣ) построить общую формулу, или отвлеченный принципъ, проливающихъ неожиданный свѣтъ на множество непонятныхъ донныѣ явленій, на цѣлый рядъ сложныхъ и запутанныхъ фактовъ, — представ-

ляютъ пріемъ, дающій возможность соперничать въ цѣнности результатовъ съ аналитическою мыслью».

Просматривая исторію наукъ, мы, однако, за весь періодъ ея существованія едва-ли найдемъ хотя-бы *одного* ученаго, который поставилъ свою задачу развить ту или другую догадку метафизики, хотя-бы одно научно установленное положеніе, для котораго исходнымъ пунктомъ служило «упредившее логическую работу воображеніе».

Правда, г. Лютославскій рассказываетъ намъ, что Платонъ, «который относился къ естествознанію съ удивительнымъ преобреженіемъ», высказалъ въ своихъ сочиненіяхъ много *истинъ, доказанныхъ и развитыхъ* естествоиспытателями въ *последнія столѣтія*, «но это уже очевидный *lapsus calami*, болѣе чѣмъ слѣдуетъ откровеннаго и преданнаго, чѣмъ осторожнаго друга метафизики. Г. Лютославскій не можетъ не знать, что высказанная Платономъ идея о томъ, напримѣръ, что «существуютъ сперматозоиды, невидимые для нашихъ глазъ вслѣдствіе ихъ чрезвычайной малости» — нельзя называть «истиной», ибо сперматозоиды, извѣстные науцѣ, ничего общаго со сперматозоидами, о которыхъ говоритъ Платонъ, не имѣютъ. Не можетъ г. Лютославскій не знать, что всѣ тѣ «истины», которыя онъ извлекъ изъ сочиненій Платона (счетомъ 6) вродѣ приведенной, или того, напримѣръ, что матерія въ нашемъ тѣлѣ постоянно перемѣняется, что наша кровь безпрестанно возобновляется и своимъ круженіемъ доставляетъ цѣлому тѣлу пищу, и т. д., — что всѣ эти истины въ томъ смыслѣ, въ которомъ онѣ разумѣлись Платономъ, представляютъ собою нѣчто, чего никогда ни одному натуралисту не приходило и въ голову развѣивать въ послѣдующія столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могутъ имѣть эти фантастическія изреченія Платона, который самъ ничего не зналъ въ вопросахъ естествознанія, когда, по мнѣнію специалистовъ того времени, по мнѣнію учениковъ Гиппократта головной мозгъ былъ вмѣстилищемъ водяной влаги, которая стекала внизъ носомъ и горломъ, чтобы уменьшить сердечный жаръ? Какой смыслъ могло имѣть соображеніе Платона о кровообращеніи, когда Аристотель — отецъ естествовѣдѣнія, какъ его называютъ, не безъ основанія говоря, что кровь питаетъ организмъ, утверждаетъ въ то же время, что кровеносные сосуды представляютъ собою трубки, наполненныя воздухомъ, и т. д. и т. д.

Ставить поэтому въ связь идею Платона о кровообращеніи съ открытіемъ Гарвея, идею о сперматозоидахъ съ открытіемъ Van-Namh'a, вообще «истины» Платона, который полагалъ, что «чувства получаютъ въ груди, а желанія — въ животѣ», съ истинами, добытыми наукой, — какъ это дѣлаетъ г. Лютославскій, значитъ не имѣть ни малѣйшаго понятія ни о томъ, что такое наука естествознанія вообще, ни объ упоминаемыхъ имъ ученыхъ въ частности. Только при такихъ условіяхъ и возможно говорить о томъ, что вотъ, дескать, Платонъ и не наблюдалъ сперматозоидовъ, какъ Van Namh, а высказалъ свою объ нихъ «истину»; относился къ естествознанію презрительно, не трудился надъ вопросами этой науки, какъ Harvey, а воспарилъ умомъ, да и открылъ цѣлый рядъ «истинъ» въ области

физиологии, и т. д. Авторъ, утверждая все это, очевидно, упускаетъ изъ виду, что эти истины, если ихъ изложить не такъ кратко, какъ это дѣлаетъ г. Лютославскій, и вложить въ нихъ не тотъ смыслъ, который онѣ получаютъ въ глазахъ человѣка нашего времени, когда нѣкоторые элементарныя свѣдѣнія о природѣ сдѣлались уже общимъ достояніемъ всѣхъ грамотныхъ людей, а тотъ, который имѣли въ виду мудрецы Греціи, — то вмѣсто научныхъ «истинъ» получится нѣчто, чего и г. Лютославскій не рискнулъ бы назвать этимъ терминомъ. Онъ забылъ также и про то обстоятельство, что рядомъ съ 6-ю такого сорта истинами есть тысячи такихъ, которыхъ не облить никакими сокращеніями и подъ которыя никакъ не подведешь истины настоящей.

Таковы главные — увы! очень мало убѣдительные, аргументы, имѣющіе доказать, что метафизика не сказала своего послѣдняго слова.

Къ нимъ остается присовокупить кое-какіе второстепенные, однако, всегда, при разсмотрѣніи этого вопроса, выставляемые на видъ защитниками будто-бы доминирующаго въ наши дни, какъ и во всѣ вѣка, прошлые и будущіе, — положенія метафизики.

Однимъ изъ нихъ является указаніе на фактъ возникновенія новыхъ періодическихъ изданій метафизической философіи въ Европѣ и Америкѣ за послѣднія 20—25 лѣтъ. Списки этихъ изданій и ихъ итоги, къ сожалѣнію, скорѣе доказываютъ, однако, какъ разъ обратное тому, что ими стараются доказать.

Не говоря о томъ, что многія изъ этихъ изданій занимаются, какъ мы упоминали выше, по преимуществу, а нѣкоторыя исключительно, исторіей метафизической философіи, самые итоги вовсе не годятся для того употребленія, которое изъ нихъ дѣлаютъ, прежде всего потому, что нѣтъ отрасли печатнаго слова, которая за послѣднія 25 лѣтъ не сдѣлала бы успѣха въ количественномъ отношеніи, доказывая этимъ, конечно, отнюдь не увеличивающееся значеніе той или другой отрасли знанія, а исключительно одно возрастаніе числа читающей публики образованной и необразованной.

А во вторыхъ, и это самое существенное, сравнивая успѣхи этихъ «отраслей», не трудно видѣть, что журналы по метафизической философіи, далеко отстали въ этомъ отношеніи не только отъ журналовъ модъ, отъ журналовъ по кулинарному искусству, но даже отъ такихъ изданій, которыя рассчитаны на самые потемки общества, какъ журналы спиритовъ, напримѣръ, которые въ одной Западной Европѣ имѣютъ такую массу обществъ и массу періодическихъ изданій, передъ которою общества метафизиковъ съ ихъ изданіями меркнуть, какъ въ деревенской иллюминаціи меркнетъ салъная плошка передъ пылающимъ дегтярнымъ боченкомъ...

Другое соображеніе — аргументъ — наставленіе — все вмѣстѣ, заключается въ томъ, что метафизика умереть *не можетъ*, потому что нѣтъ знанія болѣе важнаго и болѣе интереснаго, чѣмъ то, которое она доставляетъ.

«Возможно ли допустить что нибудь болѣе интересное, чѣмъ вопросы о матеріи, о духѣ, о происхожденіи и назначеніи міра?»

«Развѣ эти глубокіе философскіе вопросы бесплоднѣ вопросовъ какойнибудь (sic.) соціальной статки, рациональной механики или хотя бы даже астрономіи?» спрашиваетъ, напрямѣрь, г. А. Введенскій и отвѣчаетъ: «едва ли!» Ясно такимъ образомъ, что то, что принимается за паденіе метафизики есть вовсе не паденіе, а это вотъ что: *).

«Бываютъ», видите ли, «въ жизни человѣчества», говоритъ онъ, «какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, загадочныя настроенія—состоянія—какого-то непостижимаго ослѣпленія. Точно что застигаетъ человѣку глаза, и будучи не въ силахъ смотрѣть въ даль, онъ суживаетъ по необходимости свои перспективы и останавливается мыслью лишь на предметахъ близкихъ, вопросахъ полезныхъ, рѣшеніяхъ документальныхъ и осязательныхъ». Мысль о томъ, что изученіе предметовъ близкихъ, разработка вопросовъ полезныхъ, стремленіе къ рѣшеніямъ этихъ вопросовъ, документальнымъ и осязательнымъ—представляетъ собою, «состояніе непостижимаго *ослѣпленія*», конечно, оригинальная, я бы сказалъ даже единственная въ своемъ родѣ, если бы рядомъ съ нею не стояло соображеніе г. Введенскаго о томъ, что рѣшеніе философскихъ вопросовъ отнюдь не «бесплоднѣ» рѣшенія вопросовъ какойнибудь рациональной механики»...

Серьезно трактовать о такого рода идеяхъ и соображеніяхъ мы не считаемъ возможнымъ, но припомнить здѣсь картину, которую намъ предлагаетъ самъ г. Введенскій, не лишнее. «На памятникахъ Персеполиса доселѣ можно видѣть одно очень оригинальное изображеніе», сообщаетъ авторъ, «передъ царемъ персидскимъ стоятъ его данники, которые пришли къ нему съ поклономъ, каждый въ своемъ національномъ костюмѣ, каждый съ своими произведеніями и съ продуктами своей страны».

Вотъ, говоритъ г. Введенскій, наглядное изображеніе исторіи! Каждый народъ долженъ предстать на ея судъ съ тѣми особенностями и тѣми дарами, которыми его надѣлила природа. Конечно, это очень красивое и много говорящее сравненіе. Но оно не совсѣмъ точно выражаетъ смыслъ историческаго процесса и «судъ исторіи». Народы должны предстать на этотъ судъ, не только сохранивъ вѣренныя имъ таланты, но и приумноживъ ихъ путемъ экономическаго и цѣлесообразнаго употребленія. Повторенія и дубликаты», заканчиваетъ г. Введенскій, «исторіи не нужны!»

Картинка хороша, скажемъ мы въ свою очередь, аналогія поучительна, поправки г. Введенскаго прекрасны! Предположимъ теперь, однако, передъ такимъ «судомъ исторіи» плеяду наукъ, зародившихся 2,000 лѣтъ тому назадъ, каждую съ своими дарами, но при условіи, выставляемомъ г. Введенскимъ, т. е., чтобы на судъ исторіи могли явиться только тѣ изъ нихъ, которыя «не только сохранили вѣренныя имъ таланты, но и приумножили ихъ». Всѣ науки предстали бы на судъ исторіи, каждая съ дѣлами своими, у иныхъ

*) См. статью «О задачахъ современной философіи». А. Введенскаго.

малыми, у других огромными; только одной метафизикѣ пришлось-бы блистать своимъ отсутствіемъ, такъ какъ исторіи науки еще менѣе, чѣмъ общей исторіи, нужны дубликаты и повторенія. Шопенгауеръ по поводу санскрито-арійскихъ упанишадъ, какъ извѣстно, высказался такъ: читатель, выкнувшій въ Веды и такимъ образомъ посвященный въ тайны древне-индійской премудрости, *вполнѣ подотселѣмъ* къ тому, чтобы выслушать и понять современную философію. Такимъ образомъ за 3,000 лѣтъ, по его мнѣнію, не было сказано ничего такого, что было бы необходимо для уразумѣнія истины современнаго метафизическаго ученія!

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что новаго сказалъ самъ Шопенгауеръ, но рѣшительно утверждаемъ, что въ области точнаго знанія нѣтъ отдѣла науки, современный представитель котораго осмѣлился бы сказать, что для уразумѣнія его книги достаточно прочесть сочиненія Аристотеля, наприимѣръ, игнорируя все, что заполняетъ періодъ времени, отдѣляющій жизнь этого мудреца Греціи отъ нашихъ дней. Могъ это сказать только метафизикъ; могъ потому, что метафизики вообще, «паря на орлиныхъ крыльяхъ за грани тучъ», видѣли дѣйствительность туманной, вслѣдствіе чего воспроизводили ее не такую, какою она есть на самомъ дѣлѣ, а такую, какою она *казалась* парящему на крыльяхъ метафизику. Ясно, что итоги изображеній могли имѣть, и дѣйствительно имѣли, только субъективное значеніе, являясь всегда сомнительными, всегда спорными, иногда только миражами. Кто говоритъ, миражи—вещь красивая и способная вызвать настроенія возвышенныя, только... при наблюденіи ихъ изъ покойныхъ кресель, а не заблудившемуся въ пустынѣ каравану безъ капли воды и съ пошатнувшимися надеждами на спасеніе! Въ такихъ случаяхъ средство угадать источникъ ключевой воды въ миллионъ разъ цѣннѣе, а стремленіе дать эти средства въ миллионъ разъ гуманнѣе и плодотворнѣе разговоровъ о томъ, какая изъ двухъ цѣлей бытія: та ли, которую предлагаетъ Леопарди, по зрѣломъ размысленіи открывшій, что эта цѣль—въ смерти, или та, которую тоже по зрѣломъ размысленіи и, разумѣется, послѣ «паренія въ горныхъ высяхъ открылъ Пеладонъ, заявивъ, что «высшая цѣль человечества—слушать музыку Ричарда Вагнера»—ближе къ истинѣ...

А г. Введенскій рекомендуетъ современной метафизикѣ «сбросить всякія узы, могущія стѣснить полетъ свободной мысли, и воспарить на орлиныхъ крыльяхъ за грани тучъ къ лазурной дали»!

Впрочемъ, какія бы рекомендаціи ни дѣлались метафизикѣ, какъ бы ни были грандіозны ея надежды въ отдаленномъ будущемъ, вопросъ о томъ, что канунъ XX вѣка совпадаетъ съ ликвидаціей ея дѣла, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, едва ли не составляетъ очевидности.

По мѣрѣ того, какъ почва, въ которой заключены были корни прежнихъ вѣрованій, измѣняется и качественно, и количественно; по мѣрѣ того, какъ вынужденные силою вещей, защитники уцѣлѣвшихъ участковъ, когда-то огромной, территоріи метафизики не только

отступаютъ по всей демаркаціонной линіи, но и самыя знамена вожаковъ носятъ девизы, за которыми бы не пошли ихъ бывше союзники,—точное знаніе ростеть, захватывая все большія, и большія области, шагъ за шагомъ оттѣсняя соперниковъ, и охватываетъ, наконецъ, весь кругозоръ человѣческой мысли.

Владиміръ Вагнеръ.

Графъ Пжіакомо Леопарди.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

I.

...Al canto
Del secolo i bisogni omai non penso
Materia far.
Leopardi, Palinodia.

Поэзія пессимизма имѣетъ продолжительную исторію, и первыя проблески ея не трудно отыскать въ глубокой древности. На протяженіи многовѣковой жизни человѣчества никогда не покидала его тоскливая мысль о ничтожествѣ земного существованія въ сравненіи съ вѣчнымъ идеаломъ, живущимъ въ душѣ человѣка. Человѣкъ не могъ заглушить въ себѣ страстнаго желанія заглянуть въ трансцендентальный міръ и разрѣшить вѣковой вопросъ о конечной цѣли нашего жизненнаго пути. И убѣдившись въ своемъ безсиліи, онъ проникался скорбью, проклиналъ существованіе свое и окружающихъ, такъ какъ не могъ отыскать въ немъ никакой цѣлесообразности.

Въ этомъ разладѣ между идеаломъ и реальнымъ міромъ кроется главный источникъ пессимизма, и съ особенно мучительной ясностью разладъ этотъ выступалъ въ тѣ эпохи, когда высшій умственный подъемъ общества совпадалъ съ неблагоприятными историческими условіями, когда окружающая дѣйствительность была особенно печальна, а запросы человѣка были особенно высоки.

Если историческія условія создаютъ благопріятную обстановку для полезной дѣятельности, то общество, болѣе или менѣе удовлетворенное ею, легче забываетъ о неразрѣшимыхъ вопросахъ. Но если силы человѣка не находятъ себѣ примѣненія, тогда въ душѣ его невольно рождаются вопросы: «Къ чему эти силы? Къ чему

наши радости и страданія, если нѣтъ никакого порядка и смысла въ ихъ распредѣленіи?»

Едва ли какой-нибудь моментъ представлялъ болѣе благоприятныя условія для развитія поэзіи «міровой скорби», какъ эпоха, стоящая на грани двухъ послѣднихъ вѣковъ. Сантиментальный скорбникъ Вертеръ открываетъ собою длинную галерею страдалцевъ. Цѣлая вереница печальныхъ образовъ безцѣльно блуждаетъ по мрачному небосклону, нависшему надъ Европой въ первой половинѣ XIX вѣка. Здѣсь и болѣзненный, унылый Рене, и гордый и несчастный въ своемъ одиночествѣ, пресыщенный жизнью, Чайльдъ Гарольдъ, подъ знаменитымъ плащомъ котораго бьется равнодушное и эгоистическое сердце. Здѣсь и трагическая фигура Каина съ его презрѣніемъ къ людямъ, съ его титаническими притязаніями. Полныя отчаянья пѣсни Ленау и негодующіе стихи Гейне сливаются въ стройную гармонию съ рѣчами скорбниковъ.

Этому тоскливому хору мѣсто подъ темными сводами средне-вѣкового готическаго храма, гдѣ все напоминаетъ о непрочности и тягости земной жизни. А между тѣмъ онъ служитъ вступительной увертюрой къ нашему столѣтію, разнообразными успѣхами котораго такъ гордится человѣчество!

Историческія условія объясняютъ причины этого страннаго явленія.

Идеалы, провозглашенные французской революціей въ предшествовавшемъ столѣтіи, не осуществились. Началась реакція. Священному союзу и неутомимой полиціи Меттерниха удалось восстановить кое-гдѣ старыя формы жизни, но апологеты реакціи не могли отнять у человѣческаго разума сдѣланныхъ имъ завоеваній. Общество, воспитанное на идеяхъ Руссо и революціи, впало въ отчаяніе, когда увидѣло крушеніе всѣхъ своихъ упованій. Стоитъ прислушаться къ рѣчамъ скорбниковъ, и мы увидимъ, что всѣ они далеко опередили свое время, всѣ они изъ печальной современной дѣйствительности черпаютъ доказательства для оправданія своего пессимистическаго міровоззрѣнія. Одни изъ нихъ, подобно Шатобріану, стараются вернуться къ прошлымъ утраченнымъ вѣрованіямъ и гибнуть въ этихъ безплодныхъ усиліяхъ; другіе замыкаются въ самихъ себя и испытываютъ нѣкоторое гордое утѣшеніе въ самомъ сознаніи своего одиночества, въ самомъ презрѣніи къ окружающему; третьи, наконецъ, какъ тѣни бродятъ по міру, все еще ожидая чего-то, тщетно стараясь найти на землѣ удовлетвореніе.

Но какъ ни презрительно въ своихъ пѣсняхъ относились скорбники къ земной жизни, *они жили*, а слѣдовательно сталкивались съ тѣмъ, что презирали, и должны были такъ или иначе проявить свое отношеніе къ окружающему. Они все-таки стремились къ счастью и искали наслажденій. Мало того, въ нихъ не заглохло чувство правды, и какъ люди, превосходившіе своими дарованіями современниковъ, они нерѣдко являлись выразителями

лучшихъ стремленій вѣка. Они не могли оставаться равнодушными зрителями того, что совершалось предъ ихъ глазами, они вмѣшались въ жизнь и во взаимныя отношенія людей. Здѣсь то и обнаружилось глубокое различіе въ мировоззрѣніи отдѣльныхъ пессимистовъ, составлявшихъ вмѣстѣ такое гармоническое цѣлое. Байронъ, устами Каина называвшій жизнь невыносимымъ бѣдствіемъ, признававшій смерть и проклинавшій людей, скинулъ съ себя Чайльдъ-Гарольдовъ плащъ, когда этого потребовало счастье тѣхъ же людей, и сумѣлъ принести свою жизнь въ жертву дѣлу свободы. Гейне, витавшій въ обольстительной области романтической грёзы, вносившій повсюду развѣдающій сарказмъ и накладывавшій печать презрѣнія на все земное, съ чѣмъ ему приходилось сталкиваться, Гейне, не щадившій въ своихъ насмѣшкахъ самыхъ священныхъ чувствъ человѣчества, при первомъ извѣстїи объ Іюльской революціи, простился навсегда съ родиной, умчался въ Парижъ, настроилъ на новый ладъ свою лиру и до конца жизни не покидалъ оружія, поднятаго имъ за освобожденіе человѣчества. Даже жизнь самаго болѣзненнаго изъ скорбниковъ, автора Рене, была сплошной борьбой противъ новыхъ идеаловъ, обманувшихъ человѣчество, призывомъ къ старому мировоззрѣнію и къ отжившему строю.

II.

Поэты мировой скорби жили; жили земной жизнью, ея интересами. Не смотря на свой пессимизмъ, на свое безотрадное мирозерцаніе, каждый изъ нихъ находилъ, за что бороться, къ чему стремиться.

Но вотъ среди этого скорбнаго хора прозвучалъ такой голосъ, въ которомъ не было ни одного утѣшительнаго звука, который былъ однимъ сплошнымъ гимномъ смерти и походилъ на заунывный звонъ погребальнаго колокола. Этотъ голосъ раздался изъ слабой больной груди несчастнаго реканатскаго узника, молодого графа Джіакомо Леопарди. Въ пѣсняхъ этого пѣвца мы не найдемъ обычнаго у скорбниковъ вмѣшательства въ земную жизнь и ея интересы.

Судьба Леопарди тѣмъ трагичнѣе, что сердце его было полно любви и отзывчивости. Онъ также пытался заглянуть въ современную жизнь, отозваться на современные вопросы, но не усмотрѣлъ въ этой дѣйствительности ничего, кромѣ формъ, въ которыя можно было облечь свои скорбныя думы. Жизнь только подтвердила гнѣздившуюся въ умѣ его мысль о безцѣльности міроздавія, только доставила средства обосновать и развить его мрачную философію отчаянія, знаменитую теорію *infelicità*.

Жизнь Леопарди—это исторія сплошныхъ неудачъ и разочарованій, это—цѣлая эпопея страданій, тяжелый конфликтъ между преждевременнымъ умственнымъ развитіемъ и полнымъ физиче-

скимъ безсиліемъ. Какъ бы ни старались нѣкоторые біографы *) умалить значеніе его личныхъ несчастій въ созданіи его мрачнаго міровоззрѣнія, нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ въ данномъ случаѣ первостепенное значеніе. Въ роковомъ разладѣ между духомъ и тѣломъ Леопарди усматриваютъ даже единственную причину его трагической судьбы **). Нѣкоторые философы идутъ еще далѣе: они отказываются признать въ философіи Леопарди систему, созданную свободнымъ умомъ, а видятъ въ пей только автобіографію, «искреннюю и трогательную», воспоминавія «вдохновенныя и патетическія» ***).

Леопарди происходилъ изъ старинной дворянской семьи. Онъ родился въ небольшомъ городкѣ Реканати, куда глухо доносились извѣстія о событіяхъ, волновавшихъ всю Европу. Отецъ Леопарди съ ужасомъ и негодованіемъ прислушивался къ отдаленнымъ раскатамъ французской революціи и строго охранялъ свой семейный очагъ отъ новыхъ вѣяній, поддерживая старинныя дворянскія преданія, не только въ своихъ литературныхъ трудахъ, но даже въ своемъ образѣ жизни вплоть до костюма. Его жена была занята одной заботой — поправить пошатнувшіяся финансовыя дѣла семьи. Повидимому, она не оказала особеннаго вліянія на развитіе своихъ дѣтей. Въ домѣ графа Мональдо, который, не смотря на свои реакціонныя взгляды, былъ человѣкомъ образованнымъ и даже ученымъ, помѣщалась великолѣпная бібліотека.

И въ этой замкнутой семьѣ, гдѣ все отвлекало отъ современной дѣйствительности, уносило въ міръ отвлеченныхъ размышленій или въ область далекаго прошлаго, въ тяжелый для Италіи годъ, родился 100 лѣтъ тому назадъ болѣзненный мальчикъ съ признаками золотушности и съ необыкновенно развитой впечатлительностью. Антонио Раньери, неутомимый ученый и благородный человѣкъ, которому суждено было присутствовать при закатѣ этой несчастной жизни и облегчить послѣднія минуты страдальца, нарисовалъ въ нѣсколькихъ мѣткихъ строкахъ портретъ Леопарди ****). И эти нѣсколько строкъ лучше всего опредѣляютъ несоответствіе между неправильной физической организаціей и какими-то неземными стремленіями. Леопарди былъ небольшого роста, сутуловатый, худой, съ очень блѣднымъ лицомъ, съ тончайшими чертами лица, съ голубыми и темными глазами. Устройство головы его отличалось неправильностью: она была велика, лобъ — широкій и квадратный, голосъ — глухой и слабый. Но въ его улыбкѣ было *что-то невыразимое, словно небесное.*

*) F. A. Aulard. Essai sur Giacomo Leopardi. Paris 1877. 14.

***) H. Grimm. Giacomo Leopardi's hundertjähriger Geburtstag. Deutsche Rundschau. Mai 1898. 5. 218.

****) Émile Krantz. Le pessimisme de Leopardi. Revue philosophique. Octobre 1880. 412.

*****) Ant. Ranieri. Notizia intorno agli scritti alla vita ed ai costumi di g. Leopardi, при Opere di g. Leopardi. Leipz. 1877. Стр. 16.

Реканатская обстановка заключала въ себѣ всѣ условія, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему неправильному развитію этой болѣзненной организаціи. Быстрый умственный ростъ и упадокъ физическихъ силъ шли все время рука объ руку. Не встрѣтивъ пониманія и сочувствія среди окружающихъ, молодой Джакомо рано погрузился въ самого себя, и все его вниманіе устремилось на богатую бібліотеку отца. Въ 14 лѣтъ онъ уже владѣетъ древними и новыми языками; черезъ два года создаетъ научныя изслѣдованія, привлекающія вниманіе специалистовъ; на 18-мъ году жизни онъ пишетъ гимны Нептуну и выдаетъ ихъ за найденныя будто-бы произведенія Анакреона; подражаніе оказывается до того гениальнымъ, что Леопарди удается обмануть записныхъ ученыхъ. Въ 22 года онъ приводитъ въ изумленіе своими познаніями знаменитаго Нибура и заставляетъ великаго учителя воскликнуть: «Что за даровитый народъ эти итальянцы!»

Юношескія письма Леопарди переполнены сообщеніями о его занятіяхъ и научныхъ планахъ. То онъ пишетъ, что влюбленъ въ Вергилія *), то сообщаетъ о своихъ занятіяхъ классиками, то вступаетъ въ переписку съ графомъ Франческо Касси по поводу его статьи въ *Spettatore* **). Имена Гомера, Горация, Данте и пр. такъ и пестрятъ его письма изъ Реканати ***). Упоминанія о непосильныхъ занятіяхъ прерываются горькими жалобами на непониманіе со стороны окружающихъ, на отсутствіе умственныхъ интересовъ въ Реканати, гдѣ никто не стыдится имени невѣжды ****). Легко догадаться, каковъ былъ результатъ этой неправильной траты силъ.

III.

Тоска, не допускающая другого объясненія, кромѣ болѣзни, мало по малу совершенно овладѣла молодымъ ученымъ. Въ письмѣ къ Пьетро Джордани *****) отъ 30-го Апрѣля 1817 года Леопарди пишетъ: «Ко всему присоединяется меланхолія непрерывная, мрачная, ужасная и жестокая. Она грызетъ и пожираетъ меня, она питается моими занятіями, а безъ занятій еще болѣе усиливается» *****). Съ другой стороны, Джакомо постоянно жалуется на болѣзнь. Силы его надорваны непрерывными занятіями. Выш-

*) *Epistolario di G. Leopardi raccolto e ordinato da Prospero Viani*. Vol. I Firenze 1892. 40.

**) *Epistolario* I, 51.

***) *Epistolario* I, 61, 62 и слѣд.

****) *Epist.* I, 55.

*****) Разносторонній ученый, воспитанный на идеяхъ французскихъ энциклопедистовъ, либеральный политическій дѣятель, Пьетро Джордани познакомился сначала заочно, а потомъ лично съ Леопарди, былъ руководителемъ въ его первыхъ литературныхъ опытахъ и вообще имѣлъ большое вліяніе на умственное развитіе Джакомо.

*****) *Epist.* I, 57.

ность, — единственное, на чемъ останавливается человѣческой взоръ, загублена на всегда.

Вообще положеніе Джіакомо въ Реканати было очень унизительное, такъ какъ отецъ не могъ понять сына, смотрѣлъ на него, какъ на мальчика, а на его неясное стремленіе къ болѣе возвышенной жизни, какъ на дѣтскій капризъ. Это было тѣмъ болѣе чувствительно, что Леопарди никакъ нельзя было обвинить въ наивномъ непониманіи людей. Онъ слишкомъ мало довѣрялъ имъ и успѣлъ совершенно разочароваться въ нихъ. «Мой отецъ, пишетъ Джіакомо, думаетъ, что я какъ неопытный юноша, не знаю людей. Я хотѣлъ-бы не звать ихъ столь преступными, какъ ны они въ дѣйствительности» *). Въ концѣ концовъ жизнь въ Реканати стала невыносимой для юноши. «Я не хочу жить въ Реканати» **).—Эта мысль во всевозможныхъ варіаціяхъ безчисленное количество разъ повторяется въ его письмахъ.

Полное истощеніе физическихъ силъ, привычка замыкаться въ себя, мысленно искать конечной цѣли совершающихся фактовъ и доискиваться ихъ тайнаго смысла, наконецъ потеря способности къ наслажденіямъ, къ увлеченію земными радостями—вотъ тѣ печальныя данныя, съ которыми послѣ долгихъ усилій Леопарди удалось вырваться изъ Реканати и уѣхать въ Римъ.

Но какъ горько разочаровался онъ въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыя возлагалъ на столицу, центръ умственной жизни!

Слишкомъ рано научился онъ односторонне и теоретически понимать окружающее; слишкомъ мало умѣлъ онъ приспособляться къ жизни и мириться съ ея требованіями. Его не могъ ослѣпить блескъ и видимое превосходство вѣчнаго города, какъ это часто случается съ неопытными провинціалами. Читая римскія письма Леопарди, мы убѣждаемся, что авторъ ихъ недоступенъ никакому увлеченію, не способенъ ни къ какой вѣрѣ. Все земное для него слишкомъ пошло и ничтожно.

Эта способность подъ самой пышной одеждой человѣческой мудрости открывать пустоту; эти титаническія притязанія на раскрытіе вѣчной, абсолютной истины, на разгадку тайны міроздаія, заранѣе предрѣшаютъ невозможность удовлетворенія и трагическую судьбу обладателя этихъ притязаній, заранѣе обрекаютъ его на безысходное страданіе.

Леопарди вернулся изъ Рима въ Реканати совершенно разбитымъ. До поѣздки въ Римъ онъ вѣрилъ, что столица оживитъ и воскреситъ его, что стоитъ вырваться на просторъ, и тоскъ его наступитъ конецъ.

Теперь исчезла и эта послѣдняя надежда.

Въ жизни Леопарди былъ одинъ моментъ, когда онъ готовъ былъ броситься въ объятія счастья и отказаться отъ своихъ жалобъ.

*) Epist. I. 223.

**) Epist. I. 222.

Въ Болонѣ поэтъ познакомился съ графиней Мальвецци, умною и образованной дамой. Судя по письмамъ *), онъ въ первое время знакомства находился словно въ какомъ-то чадѣ, Графиня заинтересовалась даровитымъ поэтомъ и ученымъ, и дни, проведенные ими въ интересныхъ бесѣдахъ, быть можетъ, были немногими счастливыми днями въ жизни Леопарди. Это знакомство, пишетъ онъ своему брату Карло, открыло мнѣ глаза. Оно убѣдило меня въ томъ, что раньше казалось мнѣ невозможнымъ, что мы действительно созданы для счастья. Оно пробудило мое сердце отъ сна или вѣрнѣе отъ смерти, длившейся столько лѣтъ» **).

Но несчастье сторожило своего избранника.

Женщина не долго способна интересоваться мужчиной, единственное преимущество котораго представляютъ оригинальный умъ и поэтический гений. Леопарди принужденъ былъ покинуть графиню Мальвецци, блеснувшую единственнымъ свѣтлымъ лучомъ на мрачномъ небосклонѣ его существованія, и еще яснѣе предстала ему идея, что мы игрушки въ рукахъ случая, что судьбѣ ничего не стоитъ однимъ ударомъ уничтожить наше прочное счастье.

Леопарди тѣмъ тяжелѣе долженъ былъ почувствовать тяжесть удара, что женщина въ его глазахъ являлась всегда высшимъ существомъ, вдохновляющимъ на все высокое. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ прямо говоритъ, что безъ женщинъ трудно найти въ чемъ-нибудь удовлетвореніе. Къ чувству разочарованія должно было присоединиться чувство несправедливости и обиды: Леопарди сознавалъ, что его виѣшность и отсутствіе физическихъ достоинствъ играли не малую роль въ его несчастіяхъ на землѣ, гдѣ умъ и внутреннія качества не находятъ справедливой оцѣнки.

IV.

И въ какую тяжелую для отчизны эпоху пришлось жить этому несчастному человѣку съ разбитымъ сердцемъ, съ гениальными дарованіями, съ надорванными силами, съ неумѣньемъ приспособиться къ жизни и бороться за земные интересы!

Онъ могъ судить о современныхъ событіяхъ только съ точки зрѣнія древняго римлянина, мировоззрѣніе котораго усвоилъ при изученіи классиковъ. Онъ не могъ отрѣшиться отъ уваженія къ умиравшимъ традиціямъ феодализма и къ придворнымъ обычаямъ пышнаго Ренессанса, память о которыхъ свято поддерживалась графомъ Мональдо. А между тѣмъ именно въ это время Италію охватывало вѣяніе новаго времени, и она требовала отъ своихъ сыновъ не отвлеченныхъ размышленій, не безплоднаго унынія, а

*) Epist. II. 138.

**) Epist. II. 140.

мужества и практической дѣятельности; она требовала отъ нихъ силу для разрѣшенія нагнѣвшихъ вопросовъ.

Уже во второй половинѣ XVIII вѣка итальянская литература обнаружила интересъ къ вопросамъ первостепенной важности. Въ политической экономіи ломбардскіе ученые могли стать въ уровень съ лучшими политико-экономами Англій. Реформа уголовного права во всѣхъ европейскихъ странахъ не мало обязана своимъ успѣхомъ сочиненію миланца Беккариа: «Преступленіе и наказаніе». Вопросы воспитанія, торговли и земледѣлія все болѣе и болѣе начинали занимать общество. Стихи и проза Альфиери будили въ итальянцахъ патріотическія чувства, возбуждали въ нихъ стремленіе къ свободѣ и ненависть къ тираннамъ *).

На французскую революцію въ Италіи откликнулись сочувственнымъ эхомъ. Въ городахъ образовывались тайныя общества, молодежь волновалась.

Когда Наполеонъ съ своей арміей вступилъ въ Италію, онъ провозгласилъ себя возстановителемъ итальянской свободы, но въ душѣ смотрѣлъ на Апеннинскій полуостровъ, какъ на заманчивую добычу **). Своими рѣчами и пышными словами, цѣлкомъ заимствованными изъ лексикона первыхъ дней революціи, онъ самъ утвердилъ на полуостровѣ идею свободной и объединенной Италіи, а между тѣмъ предательски ограбилъ ее, съ откровеннымъ цинизмомъ продалъ Австріи при Кампо-Форміо и увелъ лучшихъ сыновъ ея сражаться за интересы Франціи въ Россію, гдѣ они погибли въ снѣгахъ сѣвера ***).

Когда, по низверженіи Наполеона, въ Европѣ воцарился Меттерниховскій режимъ, революціонное движеніе въ Италіи вызвало особенное безпокойство знаменитаго австрійскаго министра. Фердинандъ Неаполитанскій первый заключилъ предательскій договоръ съ Австріей, благодаря которому «шпіоны и полиція Фердинанда были присоединены къ Меттерниховскому полицейскому штабу въ Ломбардіи» ****).

Дальнѣйшая исторія Италіи представляетъ непрерывную борьбу между союзомъ чужеземцевъ и туземныхъ тиранновъ съ одной стороны и революціоннымъ движеніемъ — съ другой. Наполеонъ и его ставленники, несмотря на свою корыстную политику, не мѣшали торжеству новыхъ принциповъ въ Италіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это не противорѣчило ихъ интересамъ. Такъ, напр., въ Неаполѣ во время управленія Іосифа Бонапарта и Мюрата были уничтожены послѣдніе остатки феодальнаго строя; монастыри были закрыты, введенъ новый французскій уголовный и гражданскій кодексъ; налоги распределены болѣе равномерно, различіе

*) Ч. А. Файфъ. Исторія Европы XIX в. т. I. Пер. Лучицкой. М. 1889. Стр. 85.

***) Ibid. I. 88.

****) Ш. Севьбосъ. Политич. истор. совр. Европы. Пер. подъ ред. Трачевскаго Спб. 1898. Стр. 319. См. также Файфъ. Стр. 99 110 и др.

****) Файфъ II. 57.

между сеньорами и крестьянами передъ правосудіемъ исчезло. Наступившая вслѣдъ за тѣмъ реакція не могла уже уничтожить этихъ реформъ. Идея свободы развивалась все сильнѣе, вызвала образованіе тайныхъ обществъ карбонаріевъ *) и привела къ революціи, окончившейся тѣмъ, что Фердинандъ долженъ былъ присягнуть конституціи. Но вслѣдъ за тѣмъ этотъ вѣроломный государь снова измѣнилъ своему отечеству и при помощи австрійскихъ войскъ возстановилъ неограниченность своей власти.

Дорого обошлось Италіи торжество Фердинанда! Гнѣтъ Австріи усилился, а «мученики итальянской свободы исчезали со свѣта, лишались всякаго сообщенія съ людьми и погребались на цѣлне года въ молчаливыя, всѣми забытыя тюрьмы сѣвера» **). Но искра свободы продолжала разгораться и подъ соединеннымъ гнетомъ чужеземцевъ и мѣстныхъ тиранновъ. Карбонарии не прекратили своей дѣятельности, а многочисленные изгнанники поддерживали сношенія съ иностранцами и итальянскими революціонерами ***). Усилія цѣлаго ряда поколѣній привели наконецъ къ желанному результату: для Италіи взошла наконецъ заря свободы и благодарнымъ свѣтомъ озарила могилы борцовъ и страдальцевъ за освобожденіе родины.

Но среди этихъ славныхъ могилъ не было могилы графа Джакомо Леопарди!

Леопарди былъ патріотомъ, но онъ любилъ свою родину, какъ поэтъ и ученый. Онъ любилъ ее за памятники искусства, за былое величіе и славу. Скорбя объ ея несчастіяхъ, онъ, кажется, больше боялся возможной утраты «итальянской рѣчи, царицы между всѣми живущими языками», чѣмъ думалъ о средствахъ къ возстановленію ея политической свободы ****).

Леопарди остался въ сторонѣ отъ всѣхъ броженій времени; и поэзія, и философія его являются скорѣе сатирой на лучшія стремленія эпохи, чѣмъ горячимъ привѣтомъ или ободряющимъ словомъ ихъ поборникомъ.

V.

Надъ всей патріотической лирикой Леопарди можно было бы поставить эпиграфомъ слѣдующія слова: «Итальянцы не избавятся отъ тяжелаго гнета, пока не обратятся къ примѣрамъ своихъ славныхъ предковъ» *****).

Поэтъ точно витаетъ въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго никакъ не можетъ выйти: какъ только онъ заговоритъ объ Италіи и ея бѣдствіяхъ, воображеніе неизбѣжно уноситъ его отъ пе-

*) Сеньобосъ. 322 и слѣд.

***) Файфъ II. 142.

****) Файфъ II. 273.

*****) Epistolario I. 86.

*****) Sopra il monumento di Dante.

чальной дѣйствительности въ область далекаго прошлаго, и онъ остается тамъ, совершенно забывъ о современной страдающей Италіи. Въ одной изъ лучшихъ своихъ патріотическихъ одъ *) поэтъ излилъ чувства, полныя скорби, при видѣ павшихъ твердынь предковъ, при видѣ позорныхъ цѣпей, сковавшихъ его «красавицу—Италію», при извѣстіи о гибели ея сыновъ, сражавшихся «въ чужихъ краяхъ за чужой народъ». Но вмѣсто того, чтобы поддержать поборниковъ освобожденія, онъ переноситъ насъ въ прославленное ущелье Тессалии, усѣянное тѣлами храбрыхъ спартацевъ, воспѣваетъ одинъ изъ величайшихъ моментовъ греческой исторіи и заканчиваетъ свою оду длиннымъ гимномъ въ честь павшимъ грековъ.

Это постоянное напоминаніе о прошломъ, которое Леонарди самъ называетъ задачей своей жизни **), не могло конечно достигнуть цѣли и возродить Италію, и поэтъ, видя тщету своихъ усилій, приходитъ къ печальному выводу, что никогда положеніе высоко одареннаго духа не было столь тиготно, какъ въ его время. Тассо находилъ утѣшеніе хотя въ томъ, что фантазія рисовала ему жизнь въ свѣтлыхъ краскахъ. Благородный человѣкъ нынѣшняго времени, т. е. эпохи, въ которую жилъ поэтъ, лишень даже этой фантазіи. Онъ знаетъ одно, что мы должны страдать ***).

И поэтъ проникается презрѣніемъ къ «жалкому вѣку». Онъ обращается къ Анжело Май, который открылъ трактатъ Цицерона о республикѣ, съ грустными стихами. Онъ сомнѣвается, чтобы «священные пергаменты славныхъ дѣдовъ» могли пробудить современную чернь, лишенную чести и стыда ****). Леонарди отказывается стать на современную точку зрѣнія и требуетъ безусловнаго возврата къ прошлому. То онъ вспоминаетъ, какъ въ день сраженія спартанская жена сама вручала мечъ любимому супругу и приглашаетъ итальянскихъ женщинъ подражать ея героизму *****), то возрождаетъ картины греческихъ игръ и побуждаетъ итальянскихъ юношей проникнуться чувствомъ благороднаго соревнованія, воодушевлявшаго греческихъ атлетовъ *****)).

Кто сумѣетъ воскресить въ себѣ античныя доблести, тотъ обречень на несчастье въ этотъ позорный вѣкъ, который вырылъ непроходимую пропасть между доблестью и счастьемъ. Но неужели несчастье хуже позора, который покрываетъ человѣка, усвоившаго современное міросозерцаніе. И вотъ Леонарди невольно обращается къ смерти, какъ къ единственному исходу изъ этой неразрѣшимой дилеммы. Если человѣку предстоятъ выборъ между

*) All' Italia.

***) Sopra il monum. di Dante.

****) O. Plümacher. Pessimismus in Vergang. u. Gegenwart. Heidelberg 1888. 16.

*****) Ad Angelo Mai.

*****) Nelle nozze della sorella Paolina.

*****) A un victore nel pallone.

постыднымъ примиреніемъ и доблестной смертью, онъ долженъ предпочесть послѣднюю. Древніе умѣли вонзати въ грудь остріе кинжала, когда чувствовали свое безсиліе передъ судьбою *).

Поэтому его патріотическія стихотворенія, не смотря на возвышенность и силу чувства, не создали бы славы Леопарди. Для Италіи, имѣвшей въ числѣ своихъ поэтовъ Петрарку, эти стихотворенія не могли представить чего-нибудь новаго и поражающаго. Слава великаго лирическаго поэта, не имѣющаго соперниковъ, принадлежитъ Леопарди исключительно, какъ автору элегій. Его пессимистическія стихотворенія, заключающія въ себѣ всю философію «міровой скорби», полны такого искренняго чувства, такой неподражаемой поэзіи, что онѣ долго вліяли и будутъ вліять на всѣхъ поэтовъ подобнаго настроенія, всегда отзовутся сочувственнымъ аккордомъ въ душѣ человѣка, не умѣющаго примириться съ дѣйствительностью и предпочитающаго гордое страданіе такому примиренію. Таково значеніе Леопарди въ исторіи поэзіи.

VI.

Но поэтъ сознавалъ, что онъ долженъ стать въ опредѣленное отношеніе къ тѣмъ дѣятелямъ, которые не въ смерти видѣли спасеніе человѣчества, а въ социальныхъ и политическихъ реформахъ, въ дружной работѣ лучшихъ людей націи. Онъ долженъ былъ отвѣтить на неизбѣжные вопросы, волновавшіе европейское общество, и согласовать новыя идеи съ своими безотрадными пѣснями. Онъ чувствовалъ, что не можетъ не отозваться на *le magnifiche sorti e progressive*, о которыхъ пѣлъ современный ему модный поэтъ.

И Леопарди отозвался!

На Везувіи нѣкогда въ пышной зелени садовъ возвышались величественныя дворцы, красовались города и виллы, и жили сильные міра. Гордая гора, извергшая рѣки огненной лавы изъ своего ужаснаго жерла, поглотила своихъ обитателей вмѣстѣ съ ихъ непочиннымъ счастьемъ. И печальныя руины гласятъ объ измѣнчивости человѣческаго жребія, о жестокости природы: легкимъ толчкомъ разрушаетъ она то, что съ такимъ трудомъ и кичливостью созидаетъ человѣкъ **).

И какъ смѣшно послѣ этого обольщаться наивной вѣрой въ какой-то прогрессъ.

О, гордый и глухой вѣкъ, восклицаетъ поэтъ, ты воображаешь, что идешь впередъ, и не замѣчаешь, что называешь прогрессомъ движеніе назадъ. Ты боишься признать слабость и ничтожество человѣчества, ты превозносишь только тѣхъ поэтовъ, которые

*) *Bruto minore.*

***) *La ginestra o il fiore del deserto.*

лѣстятъ тебѣ и твердятъ о всемогуществѣ людей. Но я не хочу этой дешевой славы, я не настрою своей лиры на ладъ подобныхъ пѣвцовъ, я предпочитаю открыто презирать тебя и сознаться въ нашемъ безсиліи. Я не могу назвать разумнымъ и благороднымъ то существо, которое обречено на смерть, въ потѣ лица добываетъ себѣ пищу, а между тѣмъ сулитъ всѣмъ народамъ какое-то невѣдомое, новое счастье, говорить о томъ, что нашъ удѣлъ—благо. Только тотъ благороденъ, кто гордо признается, что удѣлъ нашъ—страданіе, что природа—нашъ врагъ; онъ побудитъ людей соединиться, прекратитъ взаимную вражду и борется противъ одного общаго врага—природы.

Въ этомъ сознаніи своего безсилія и ничтожества, въ этомъ умѣнши постигнуть отсутствіе смысла въ мірозданіи Леопарди видятъ конечную цѣль человѣческаго развитія.

Пусть человѣкъ пойметъ бесплодность всѣхъ своихъ усилій, пойметъ, что никакія соціальныя реформы, никакія техническія усовершенствованія не доставятъ ему счастья, не водворятъ справедливости на землѣ,—и онъ достигнетъ высшаго предѣла доступнаго ему совершенства.

Желѣзныя дороги, паръ, печать и торговля соединили между собою самыя отдаленныя народы. Могущество ретортъ и машинъ возросло до такой степени, что онѣ объявили войну самимъ небесамъ. Не далеко уже время, когда переѣзды между городами будутъ совершаться еще съ большей быстротой, откроется наконецъ диво искусства, давно ожидаемый новый путь подъ ложемъ Темзы, глухіе переулки будутъ освѣщены, рабочий и земледѣлецъ сбросятъ съ себя грубыя одежды, покроютъ свои стѣны сукномъ и украсятъ предметами роскоши свои жилища.

И сколь жалкими кажутся эти стремленія гордому и непримиримому скорбнику!

Съ какимъ презрѣніемъ отвѣтитъ онъ друзьямъ, которые говорятъ ему: «Перестань рыться въ своемъ сердцѣ. Въ серьезный вѣкъ не до твоихъ чувствъ. Обратись къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Воспой нужды и надежды вѣка—часъ исполненія ихъ близокъ». Леопарди разразится презрительнымъ хохотомъ. «Я не намѣренъ, скажетъ онъ, избирать предметомъ своихъ пѣсенъ нужды вѣка. Пусть растутъ онѣ. Дѣло купцовъ и лавочниковъ заботиться о нихъ» *).

VII.

Классическія занятія отвлекли Леопарди отъ задачъ вѣка. Они содѣйствовали ослабленію его физическихъ силъ и помѣшали ему найти удовлетвореніе въ личномъ счастьи.

Его любовныя пѣсни—таже грустная исторія разочарованій

*) *Palinodia al marchese Gino Capponi.*

Женщина—всесильна. Ласковымъ лучомъ ея привѣтливыхъ глазъ укрощается мечъ и огонь; предъ ея желаніемъ преклоняются герои; награда изъ ея рукъ высшее счастье для мудреца *). Любовь—единственное чувство, нарушающее неизбѣжный законъ страданія. Устами Консальво поэтъ выражаетъ мысль, которую мы уже встрѣтили въ его письмахъ: человѣкъ можетъ и на землѣ достигнуть неземного блаженства; это блаженство—въ любви. Поэтъ, считавшій единственнымъ благомъ смерть, готовъ сдѣлать исключеніе для любви; въ мірѣ есть два блага: любовь и смерть **) Но и любовь, къ сожалѣнію, существовала не для нашего поэта; она выпадаетъ на долю тѣхъ, кто менѣе всего ее заслуживаетъ. Геній и добродѣтель, лира и высокіе подвиги не имѣютъ значенія при оцѣнкѣ людей. Одной лишь блестящей вѣншности предоставлена власть надъ міромъ ***).

Если человѣку приходится испытывать блаженство любви, судьба точно нарочно разрушаетъ его счастье. Въ одномъ стихотвореніи Леопарди ****) изобразилъ муки, которыя онъ испыталъ, когда обстоятельства разлучили его съ предметомъ первой любви. Поэтъ охладѣлъ ко всему. Ни веселье, ни забавы, ни улыбки яркихъ звѣздъ, ни красота зари, ни зелень дубравъ, ни слава не могли увлечь его. Любовь вытѣснила даже страсть къ знаніямъ. И почувствовавъ нѣкоторое презрѣніе къ себѣ, вслѣдствіе своей собственной слабости, поэтъ невольно восклицаетъ: «Deh quanto, in verità, vani siam pur!» Въ другомъ стихотвореніи *****) Леопарди вспоминаетъ о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ со своей возлюбленной, когда прекрасными казались и жизнь, и будущее! Но прежде чѣмъ зима успѣла обнажить цвѣтушіе луга и золотыя нивы, она погибла, «сраженная недугомъ». И обманутый судьбою поэтъ снова восклицаетъ: «О, жизнь! зачѣмъ ты не исполнила того, что обѣщала? Зачѣмъ такъ жестоко насмѣялась надо мной?»

Такъ разсѣялась вѣра въ возможность личнаго счастья, какъ разлетѣлась надежда найти удовлетвореніе въ дѣятельности на пользу родины и человѣчества. И еще охотнѣе унесся поэтъ мысленно въ далекое прошлое, еще въ болѣе обольстительномъ видѣ встали въ его воображеніи тѣ времена, когда людей не покинула еще наивная вѣра, когда фантазія человѣка оживляла и цвѣты, и лѣса, и луга. И вѣтеръ, и солнце были въ общеніи съ человѣческимъ родомъ. Одинокій путникъ въ горахъ пристальнымъ взоромъ слѣдилъ за звѣздою Киприды и твердо вѣрилъ, что она его вѣрная спутница и защитница. Каменные скалы не были равнодушны къ людскимъ страданіямъ. Эхо, звучащее въ глубокихъ пещерахъ, не было только обманчивымъ звукомъ. Оно было душою несчастной нимфы: любовь и злополучная судьба

*) Nelle nozze della sorella Paolina.

**) Consalvo.

***) Ultimo canto di Saffo.

****) Il primo amore.

*****) A Silvia.

удалили ее изъ нѣжнаго тѣла. Это эхо носилось подь небесными сводами, всюду откликаясь на стоны и плачь человѣка. Даже пѣвунья-птичка, какъ гласить старинная легенда, нѣкогда принимала участіе въ человѣческой жизни. А теперь опустѣлъ Олимпъ, населенный когда-то богами; громъ, поражавшій раньше злодѣевъ, одинаково пугаетъ нынѣ и правого и виновнаго, а земля стала чужда своимъ дѣтямъ, вскормленнымъ горемъ *).

Разочарованный жизнью, поэтъ жилъ воображеніемъ и мыслью. Мысль, представленіе о какомъ нибудь предметѣ выше самого предмета. Любовникъ, раненный въ сердце, созерцаетъ не женщину, увлекшую его, а созданіе своей фантазіи, идею, похожую на эту женщину станомъ, лицомъ и голосомъ; и когда онъ сознаетъ свою ошибку, когда пойметъ, насколько земное воплощеніе его идеи низко сравнительно съ самой идеей, тогда онъ несправедливо винитъ эту женщину въ своемъ разочарованіи **).

Особенно ярко выразилъ поэтъ эту любовь къ отвлеченной мысли въ стихотвореніи «*Il pensiero dominante*». Мысль—владычица человѣка. Если жизнь еще имѣетъ какую нибудь пѣну и какое нибудь оправданіе, то этимъ она обязана мысли. Мысль, одна только мысль можетъ оправдать судьбу, бросившую насъ на землю для бесполезныхъ страданій. Только благодаря ей находятъ люди, считающіе жизнь прекраснѣе смерти. И наконецъ, въ одномъ стихотвореніи ***) , напоминающемъ вступительную оду Горация къ Меценату, Леопарди прямо объясняетъ намъ смыслъ того, что привязываетъ его къ жизни. Очертивъ, подобно Горацию, всевозможныя приманки, привлекающія различныхъ людей и облегчающія имъ существованіе, поэтъ восклицаетъ: «Я отдамся другимъ развлеченіямъ и посвящу имъ остатокъ моей жизни. Я начну изучать и изслѣдовать суровую истину и тайныя задачи бытія: зачѣмъ созданъ людской родъ? Почему онъ удрученъ горемъ и несчастіями? Какая конечная цѣль его существованія? Кому доставляютъ удовольствіе его страданія? Какъ, почему и по какимъ законамъ происходитъ движеніе вселенной?»

На эти вопросы должна была дать отвѣтъ его мрачная философія *infelicità*.

VIII.

Самый способъ изложенія своихъ философскихъ идей, къ которому прибѣгъ Леопарди, заключаетъ въ себѣ что-то презрительное къ землѣ и человѣческому роду.

Мы знакомимся съ этими идеями изъ діалоговъ, при чемъ собесѣдниками выступаютъ по большей части духи, планеты, ми-

*) Alla Primavera, o delle favole antiche.

**) Aspasia.

***) Al conte Carlo Pepoli.

эпические гиганты и боги, могуществом и величием которых рѣзко отбѣняется ничтожество человѣческаго рода. Леопарди въ каждомъ діалогѣ напоминаютъ человѣку: вселенная безконечна, земля еле замѣтная песчинка въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ, а люди, воображающіе, что весь міръ созданъ для служенія ихъ интересамъ,—кучка никому невидныхъ атомовъ, жалкія существа, не вѣдающія того, что одинъ поворотъ въ движеніи міровъ можетъ превратить въ ничто и землю, и ея обитателей *).

Жизнь вселенной есть безконечный кругъ возникновенія и разрушенія, соединенныхъ взаимно такъ, что одно постоянно служитъ другому, и оба вмѣстѣ — сохраненію міра, который неминуемо самъ придетъ въ упадокъ въ случаѣ уничтоженія одного изъ этихъ элементовъ **). Такимъ образомъ самое существованіе міра обусловлено разрушеніемъ всего живущаго, и нѣтъ ни одной вещи, которая бы была свободна отъ закона страданія ***).

Человѣкъ не желаетъ и не любитъ ничего, кромѣ собственнаго счастья. Если онъ любитъ жизнь, то настолько, насколько она служитъ ему средствомъ для пріобрѣтенія счастья, такъ что, собственно говоря, онъ любитъ счастье, а не жизнь, хотя часто приписываетъ жизни ту любовь, которую питаетъ къ счастью. Жизнь сама по себѣ не есть благо, только счастливая жизнь есть благо, но какъ счастливая, а не какъ жизнь ****). Наслажденіе существуетъ только въ мышленіи. Если любимая женщина является во снѣ, слѣдуетъ избѣгать на слѣдующій день свиданія съ нею, такъ какъ она не можетъ выдержать сравненія съ образомъ, видѣннымъ во снѣ. Ложь доставляетъ высшее наслажденіе, чѣмъ истина. Наслажденіе не существуетъ въ дѣйствительности. Испытывая наслажденіе, нерѣдко достигнутаго страшными усиліями, человѣкъ никогда не удовлетворяется имъ: онъ всегда ждетъ чего то лучшаго, высшаго, доставляющаго еще болѣе полное наслажденіе. Человѣкъ можетъ сказать: «я наслаждался» или «я буду наслаждаться», но онъ никогда не можетъ сказать: «я наслаждаюсь». Счастье никогда не бываетъ въ настоящемъ; оно всегда въ прошедшемъ или будущемъ. А такъ какъ предметъ и цѣль жизни—счастье, то жизнь является непрерывнымъ несовершенствомъ.

Всѣ промежутки времени между наслажденіемъ и страданіемъ заполнены скукой, подобно тому, какъ всѣ пространства, не занятія вещами, и всѣ поры послѣднихъ наполнены воздухомъ. Скука есть чистое желаніе счастья, не удовлетворенное наслажденіемъ и не возмущенное открыто страданіемъ. Но желаніе это, какъ мы видѣли, никогда не удовлетворяется, а наслажденіе,

*) См. «Il Copernico», «Dialogo della Natura e di un Islandese» и др. діалоги.

***) Для цитатъ мы пользуемся переводомъ А. И. Орлова. Пант. лит. 1888. Сент., Окт.

****) Della Nat. e di un Island.

*****) Di un Fisico e di un Metafisico.

собственно говоря, совѣтъ не существуетъ. Поэтому жизнь человѣческая, такъ сказать, пронизана и переплетена страданіемъ и скукой *).

Всѣ люди несчастны, но тѣмъ болѣе человѣкъ одаренъ духовно, тѣмъ онъ долженъ быть несчастнѣе. Превосходство души обуславливаетъ наибольшее чувство несчастія. Человѣкъ, превосходящій другихъ способностями, быстро опережаетъ ихъ въ самыхъ глубокихъ и трудныхъ познаніяхъ, и тѣмъ не менѣе ему всегда или невозможно, или въ высшей степени трудно усвоить и примѣнить въ жизни множество вещей, которыя совершенно ничтожны сами по себѣ, но являются вещами первой необходимости въ дѣлѣ общенія съ людьми. И тѣмъ тяжелѣе для выдающагося человѣка, что эти вещи безъ труда даются людямъ ничтожнымъ, которые неизмѣримо ниже его во всѣхъ отношеніяхъ.

Таковъ удѣлъ великой души на землѣ. Но за эти страданія ее ждетъ слава и почести **). Здѣсь предъ нами снова аристократъ—не только по рожденію, но и по своей духовной организаціи и въ то же время человѣкъ съ физическими недостатками, ясно сознающій свое умственное превосходство и глубоко страдающій отъ сознанія своего собственнаго безсилія, своей полной непригодности къ жизни.

Философія не могла дать отвѣта на вопросъ, который пытался разрѣшить Леопарди: кому нужны людскія страданія? Кому приносить пользу эта несчастнѣйшая жизнь вселенной, сохраняемая ущербомъ и смертью всего существующаго?

Глубокая иронія и безнадежное отчаяніе проглядываютъ въ неожиданномъ окончаніи діалога: «*Della Natura e di un Islandese*». Когда изстрадавшійся исландецъ обратился къ природѣ съ этими роковыми вопросами, по словамъ поэта, явились два льва, до такой степени слабые и истощенные, что едва были въ силахъ сожрать упомянутаго исландца. Другіе же отрицаютъ достовѣрность этого происшествія и утверждаютъ, что поднялся ужаснѣйшій ураганъ, который повергъ исландца на землю и воздвигъ надъ нимъ великолѣпный мавзолей изъ песку, подъ которымъ исландецъ былъ великолѣпно высушенъ и обратился въ прекрасную мумію. Мумія эта была найдена впоследствии путешественниками и помѣщена въ одномъ изъ извѣстныхъ европейскихъ музеевъ.

Эта мумія является лучшимъ символическимъ предостереженіемъ для всякихъ бесплодныхъ исканій, для всякихъ уклоненій отъ нормальнаго жизненнаго пути. Леопарди, истощивъ свои силы на разрѣшеніе неразрѣшимыхъ задачъ, удалившись отъ земли, прикосновеніе къ которой вливаетъ энергію и новыя силы въ человѣка, впалъ наконецъ въ совершеннѣйшее безсиліе. Въ одномъ

*) Dialogo di Tasso e del suo Genio familiare.

***) Dialogo della Natura e di un' Anima.

№ 9. Отд. I.

изъ предсмертныхъ діалоговъ *) онъ говоритъ устами Тристана: «Книги и занятія, которыя я когда-то любилъ, великіе планы, надежды на славу и безсмертіе—все это вещи, надъ которыми уже прошла пора смѣяться. Не смѣюсь я также надъ планами и надеждами вѣка; желаю ему всевозможныхъ успѣховъ; хвалю и даже уважаю его стремленія, но уже не завидую ни потомству, ни тѣмъ, которымъ остается еще долго жить. Было время, когда я завидовалъ дуракамъ и самохваламъ, даже былъ не прочь помѣняться съ ними положеніемъ. Теперь я не завидую больше ни дуракамъ, ни умнымъ, ни великимъ, ни маленькимъ, ни слабымъ, ни сильнымъ; завидую мертвымъ, и только съ ними я помѣнялся бы жребіемъ: я весь поглощенъ мыслью о смерти. Воспоминаніе о юношескихъ дняхъ и мысль о напрасно прожитомъ прошедшемъ не смущаютъ меня болѣе. Я умру спокойный и довольный, какъ будто ничего другого и не желалъ, ни на что иное не надѣлся».

Леопарди палъ жертвой борьбы между отжившимъ строемъ и идеализмомъ, возникшимъ на болѣзненной почвѣ, съ одной стороны, и наступившимъ промышленнымъ вѣкомъ съ его социальными и политическими стремленіями съ другой.

Вотъ почему въ то время, какъ вся Италия чествуетъ въ настоящемъ году память его, какъ великаго патріота, безпристрастные ученые заняты изученіемъ Леопарди съ психопатологической точки зрѣнія, а послѣднія книжки лучшаго итальянскаго журнала вмѣсто похвальныхъ гимновъ носителю идеи итальянской свободы высказываютъ слѣдующее соображеніе: «Пессимизмъ никогда не можетъ быть результатомъ научнаго или философскаго вліянія, а всегда свидѣтельствуетъ о нѣкоторой неправильности во внутренней организаціи, заставляющей его понимать дѣйствительность или несовершенно или ложно» **).

П. С. Коганъ.

*) Dial. edi Tristano e di un Amico.

**) Nuova Antologia. 16 Apr. 1898. Статя G. Sergi. Le origine psicologiche del pessimismo Leopardino. Стр. 569—579, 602 и др.

О гражданском воспитаніи.

Какъ учить школьниковъ гражданскимъ обязанностямъ? Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена замѣтка въ одномъ изъ номеровъ англійскаго журнала *Review of Reviews* за прошлый годъ*). Авторъ передаетъ въ ней объ опытѣ, сдѣланномъ въ этомъ направленіи въ нѣкоторыхъ нью-іоркскихъ школахъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что за послѣдніе годы вопросъ о гражданскомъ воспитаніи значительно оживился въ англійскомъ обществѣ, что образована особая лига для содѣйствія такому воспитанію, и что въ цѣляхъ его, появились прекрасные опыты изложенія правъ и обязанностей гражданина, принадлежащіе г. Арнольду Форстеру. По мнѣнію автора упоминаемой замѣтки, пособия эти должны находиться въ рукахъ учениковъ всѣхъ англійскихъ общественныхъ элементарныхъ школъ. Но этого мало. Нужны и нынѣ мѣры развитія гражданского воспитанія. Желательно въ частности примѣненіе нью-іорскаго опыта. Послѣдній же, произведенный въ двухъ видахъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ одной школѣ обнаружилия особыя безпорядки, особыя трудности управленія ею. Инспекторъ предположилъ тогда, что къ устраненію этихъ недостатковъ могло бы послужить примѣненіе въ школѣ начала самоуправленія, — возложеніе на самихъ учениковъ обязанностей по поддержанію порядка въ заведеніи. Въ этихъ видахъ, ученики должны были изобразить изъ себя націю—и избрать изъ своей собственной среды конгрессъ, сенатъ и президента. Планъ былъ выполненъ въ точности,—и результаты сказались немедленно. Президентъ, избранный школьниками, успѣлъ произвести быструю и почти чудесную перемѣну въ порядкахъ школы, при содѣйствіи своихъ министровъ и конгресса. Шумная и безпорядочная школа превратилась въ благоустроенное учрежденіе.

Въ свою очередь, столь удачный опытъ подальше мыслъ начальнику другой школы—нѣсколько развитъ идею, положенную въ его основаніе, и замѣнить организацію національнаго управленія въ школѣ организаціею управленія городского. Въ этихъ видахъ, всѣ ученики были объявлены гражданами воображаемаго города. Ни по полу, ни по возрасту, различій между ними при этомъ не было положено.

*) Oct. 15, 1897.

Каждый ученикъ явился избирателемъ съ однимъ голосомъ; каждый же классъ долженъ былъ изображать избирательный округъ. Затѣмъ, на предварительномъ митингѣ и въ собраніяхъ округовъ, были, въ установленномъ порядкѣ, произведены учениками выборы всѣхъ должностныхъ лицъ всего состава американскаго городского управленія. Такъ избранъ былъ и мэръ (городской голова). Новое управленіе приступило послѣ этого къ своимъ обязанностямъ и отправляло ихъ съ 10 іюля по 20 августа, когда школа должна была прекратить свою дѣятельность (рѣчь шла о каникулярной школѣ—vacation-school—въ которой производился опытъ). Въ день же закрытія, мэръ школьнаго города, четырнадцатилѣтній мальчикъ, написалъ письмо нью-іоркскому городскому головѣ; въ письмѣ излагалась просьба о посѣщеніи. Для врученія письма были назначены особые курьеры. Мэръ Стронгъ былъ очень занятъ и сосредоточенъ, когда послѣдніе вручили ему письмо; но прочитавъ приглашеніе, онъ развеселился и тотчасъ же отправился съ визитомъ къ своему коллегѣ. Пронсшедшую затѣмъ сцену одна нью-іоркская газета описываетъ такъ: «Пожавъ руку школьному мэру, нью-іоркскій мэръ выразилъ желаніе познакомиться съ прочими представителями управленія, и освѣдомился объ его устройствѣ, о правилахъ, въ немъ дѣйствующихъ. При этомъ онъ узналъ, что за недѣлю передъ этимъ происходило правильное судебное разбирательство, что суду былъ преданъ начальникъ полиціи, который и былъ осужденъ и уволенъ отъ службы. Мэръ Стронгъ выразилъ тогда желаніе, чтобы ему былъ представленъ и составъ суда. Онъ очень изумился, увидавъ дѣвочку въ числѣ судей. Изумленіе его усилилось еще болѣе, когда ему былъ представленъ составъ полиціи и онъ увидѣлъ, что большую половину полицейскихъ составляли дѣвочки».

Успѣхъ этого втораго опыта сдѣлалъ нью-іоркскаго мэра сторонникомъ движенія въ пользу гражданскаго воспитанія дѣтей. Предположено образованіе подобій городского управленія во всѣхъ общественныхъ школахъ Нью-Йорка. Въ этихъ видахъ, предприняты улучшенія въ первоначальной, получившей примѣненіе въ каникулярной школѣ, организаціи школьнаго городского управленія. Къ выработкѣ же соотвѣтствующихъ предположеній—записокъ, полагающихъ разныя отрасли городского управленія въ примѣненіи къ школѣ—привлечены представители отдѣльныхъ частей нью-іоркскаго городского управленія.

«Я посѣщилъ—говоритъ англійскій авторъ изложенной замѣтки объ американскомъ опытѣ гражданскаго воспитанія—описать все это на пользу своей родины, надѣясь, что сказанное обратитъ на себя вниманіе тѣхъ, кто интересуется у насъ обученіемъ дѣтей и приго-товленіемъ нашихъ будущихъ гражданъ къ исполненію обязанностей передъ городомъ и государствомъ».

Это замѣчаніе англійскаго автора имѣетъ, безъ сомнѣнія, болѣе общее значеніе. Для насъ также представляютъ большой интересъ вопросы гражданскаго воспитанія, хотя эти вопросы и не пользуются у насъ вниманіемъ въ такой мѣрѣ, какъ вопросы воспитанія физическаго...

Вопросъ о томъ, желательно ли и возможно-ли у насъ примѣненіе американскаго опыта гражданскаго воспитанія дѣтей, быть можетъ, возбудить сомнѣнія и затрудненія... Но мысль о необходимости, въ интересахъ гражданскаго воспитанія, широкаго распространенія юридическихъ свѣдѣній, путемъ преподаванія и популяризаціи, пользуется у насъ въ настоящее время достаточнымъ признаніемъ. За нее высказывается цѣлый рядъ лицъ *). Въ настоящей своей формѣ, вопросъ о гражданскомъ воспитаніи замѣтно оживаетъ. Въ такой формѣ это — вопросъ и не новый. Если довольно мало дѣлалось и дѣлается въ смыслѣ популяризаціи права, то преподаваніе права въ русскихъ школахъ имѣетъ свою довольно выразительную исторію. Оно весьма широко примѣнялось прежде и установлено программами почти всѣхъ нынѣшнихъ профессиональныхъ школъ **). И безъ сомнѣнія, опыты, вродѣ американскаго, возможны только на почвѣ и при условіи возможно лучшей и широкой постановки именно преподаванія права въ школахъ. Только широкое преподаваніе права въ школахъ обезпечитъ нашему обществу научное знакомство съ правомъ, — именно необходимое и особенно цѣнное ***). Только оно придастъ цѣну и практическимъ мѣрамъ гражданскаго воспитанія, вродѣ американскаго опыта, если тѣ или иныя мѣры въ этомъ отношеніи получаютъ примѣненіе.

Въ виду же этого, представляется весьма желательнымъ появленіе возможно большаго числа опытовъ составленія юридическихъ учебниковъ какъ для тѣхъ школъ, въ которыхъ право преподается и нынѣ, — но [которыя, большею частію, страдаютъ отъ отсутствія пособій по столь важному и трудному предмету, — такъ и для тѣхъ, въ которыхъ предметъ этотъ будетъ постепенно вводиться (въ чемъ мы не сомнѣваемся, имѣя, между прочимъ, послѣднее ходатайство нижегородскаго дворянства объ учрежденіи новыхъ среднихъ школъ, съ преподаваніемъ законовѣдѣнія).

При такихъ условіяхъ, безъинтересно вспомнить объ одномъ учебникѣ правовѣдѣнія, или собственно права и нравственности, примѣнявшемся почти полъ-столѣтія въ цѣломъ рядѣ нашихъ низшихъ школъ. Это — «О должностяхъ чловѣка и гражданина книга, къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданная по Высочайшему повелѣнію». Она явилась вскорѣ послѣ того какъ Екатерина II, указавъ, въ ст. 158 своего Наказа коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія 1767 г., на необходимость для

*) См. объ этомъ въ предисловіи къ нашей книжкѣ «Общепонятное законовѣдѣніе». (Москва, 1898 г. изд. ред. «Дѣтскаго Чтенія») и въ статьѣ нашей — «О преподаваніи и популяризаціи права», напечатанной въ «Русской Школѣ» за сентябрь—октябрь 1897 г.

**) См. объ этомъ въ нашей книжкѣ — «Общедоступное руководство къ изученію законовъ». Части I и II. Спб., 1891 г. Стр. 90—101.

***) См. о необходимости и возможности научнаго характера въ преподаваніи и популяризаціи права во всѣхъ видахъ и для всѣхъ слушателей и читателей. — въ упомянутой статьѣ нашей: «О преподаваніи и популяризаціи права».

всѣхъ и каждаго знакомства съ законами, высказалась за то, — «чтобы во всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержать» *). «Уставъ народнымъ училищамъ» 5 августа 1786 г. — явно въ виду этого предположенія — и опредѣляетъ преподавать въ учреждаемыхъ училищахъ «книгу о должностяхъ челоуѣка и гражданина» **). То же самое предписывается закономъ 26 января 1802 г. относительно уѣздныхъ училищъ, — здѣсь вводились именно «наставленія въ должностяхъ челоуѣка и гражданина» ***). По книгѣ, названіе которой выписано выше, право и преподавалось до начала сороковыхъ годовъ въ многочисленныхъ уже школахъ, въ программы которыхъ постепенно вводилась «книга о должностяхъ челоуѣка и гражданина». Рѣчь шла притомъ о совершенно опредѣленномъ, имѣвшемся уже пособіи. Повидимому, оно широко и распространилось. Въ настоящее время въ нашихъ рукахъ имѣется «одиннадцатое тисненіе» этой книги, вышедшее въ 1817 г.

Не можемъ не сдѣлать нѣсколькихъ выписокъ изъ этой интересной книги, — съ пожеланіемъ большей — и безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе возможной теперь въ подобныхъ пособіяхъ — смѣлости опредѣленій:

Остановимся, прежде всего, на опредѣленіи «правдоушія», къ развитію котораго направлена книга, по своему существу: «Кто всегда по тому поступаетъ — говорится на стр. 10 — что за справедливое призналъ, тотъ есть правдоушный челоуѣкъ. Правдоушный при дѣлахъ своихъ не испытываетъ, что склонности и желанію его сходно, но что праведно». Извѣстную связь съ «правдоушіемъ» имѣютъ замѣчанія о «титлахъ»: «Титла и похвалы суть суета, — говорится на стр. 35. Разумный не взираетъ на то, каковъ кто титулъ носить: но на достоинства только смотритъ. Когда онъ увидитъ достоинства въ челоуѣкѣ, титлъ не имѣющемъ, то почитаетъ его болѣе всякаго титла имѣющаго, но недостойно оныя носящаго». Послѣ опредѣленія различныхъ болѣе мелкихъ союзовъ, на стр. 87 дается опредѣленіе союза, представляемаго государствомъ: «Четвертый родъ союза есть тотъ, въ который многія семейства, соединившись вмѣстѣ, живутъ подъ одною державою и подъ одинакими законами. Таковыя союзы или общества называются гражданскими или народами. Сія общества произошли различнымъ образомъ, установлены же одинакимъ: иногда начальникъ многочисленнаго племени покорялъ себѣ насильно слабыхъ; иногда превосходныя свойства какого нибудь челоуѣка побуждали другихъ ему подчиниться и ввѣрить ему, учрежденіе ихъ благосостоянія, или попеченіе о ихъ защитѣ, либо на короткое время, либо по смерти его, или и потомкамъ его, съ нѣкоторыми или безъ всякаго изытія. Бывали народы, да и нынѣ еще такіе есть, у коихъ многія особы о благосостояніи гражданъ своихъ пекутся, и ту же власть имѣютъ, какую имѣетъ въ государствѣ Государь. Сія общества называются

*) Первое Полное Собраніе Законовъ № 12949.

**) П. П. С. З., № 16421

***) П. П. С. З., № 20597.

Республиками». «Нѣкоторые думаютъ—говорится на стр. 112—что любовь къ отечеству есть такая гражданская добродѣтель, которая свойственнѣе вольному обществу или Республикѣ, нежели Монархіи, или что въ Республикѣ. по крайней мѣрѣ, болѣе поводовъ и побужденій къ тому находится *). Но все сіе весьма несправедливо; ибо если гдѣ въ нынѣшнее время и окажется меньше любви къ отечеству, нежели въ древности: то сему не образъ правленія, но недостатки въ воспитаніи причиною бывають, которые какъ скоро будутъ уничтожены, то и въ наши времена окажется также великое число истинныхъ сыновъ отечества». «Предложенія—говорится о свойствахъ законовъ на стр. 130—коихъ исполненіе для нѣкоторыхъ только особъ или для нѣкоторой только статьи гражданъ выгодно, не годятся ни къ чему, ежели онѣ большей части людей или статей гражданства вредны. Въ государствѣ должно наблюдать паче всего всеобщее благо, или, по крайней мѣрѣ, большей части людей». Та же мысль развивается дальше (стр. 136): «Любовь къ отечеству требуетъ отъ благородныхъ, чтобы они почитали согражданами себя и нижайшаго состоянія людей. Благородные должны поминуть, что каждая степень подданныхъ въ государствѣ споспѣшествуетъ ко всеобщему благу, и что каждого состоянія люди имѣютъ право участвовать въ выставленныхъ государствомъ выгодахъ всему обществу; и какъ дворяне многоразличными образами пользуются отъ нижайшихъ состояній, такъ должны и они сами стараться быть взаимно имъ полезными».

Н. Дружининъ.

---

*) Въ примѣчаніи дается опредѣленіе республиканскаго и монархическаго образа правленія: «Республикою называется такое государство, въ коемъ многіе, или благородные, или и изъ народа выбранные управляютъ; такое государство называется *солнечнымъ* потому, что свободно оно отъ единодержавія, и что верховная власть раздѣлена во многихъ рукахъ. Монархическимъ же государствомъ называется такая земля, гдѣ верховная власть въ рукахъ единого Государя».

Историческіе романы Генрика Сенкевича *)).

Историческій романъ, судьба котораго весьма интересна, въ послѣднее время переживаетъ фазисъ новаго расцвѣта, яркаго и полнаго, не уступающаго эпохѣ Вальтеръ-Скотта. Въ Германіи, Франціи, Россіи, Испаніи и, наконецъ, польской литературѣ этотъ родъ творчества даетъ превосходные и по учительныя образцы. Отъ обстоятельнаго, ученаго и антикварнаго повѣствованія, въ которомъ археологъ и историкъ не найдутъ ошибки, до фантастической повѣсти, гдѣ за вымысломъ пропадаетъ исторія — всѣ промежуточныя стадіи вы найдете въ современномъ романѣ. Фрейтагъ, Данъ, Эберсъ уживаются рядомъ съ Салиасомъ, Соловьевымъ, Пересомъ Гальдосомъ. И хотя трезвые, можетъ быть, не въ мѣру трезвые критики склонны отрицать законность права на существованіе историческаго романа, послѣдній продолжаетъ процвѣтать, опираясь на многочисленность своихъ приверженцевъ и поклонниковъ. Аргументы, принципиально приводимые противъ историческаго романа, сводятся къ довольно существеннымъ пунктамъ. Наиболѣе вѣскими являются замѣчанія, что въ воспроизведеніе отдаленнаго прошлаго писатель по необходимости долженъ переносить черты современности, особенности собственнаго міросозерцанія. Кромѣ того, автору историческаго романа остаются неизвѣстными, при всей его добросовѣстности и усердіи, многія стороны воспроизводимой имъ жизни.

Въ этихъ и имъ подобныхъ замѣчаніяхъ много правдиваго, но и доза преувеличенія. Безъ сомнѣнія, непосредственныя впечатлѣнія минувшей жизни намъ недоступны; мы съ трудомъ можемъ отмѣчать въ ней типичное и воспроизводить его. Но съ другой стороны, мы имѣемъ дѣло съ болѣе простыми формами жизненныхъ явленій, закрѣпленными въ разнообразныхъ документахъ. Многое мы въ состояніи продумать и прочувствовать.

Конечно, для историческаго романа существуютъ извѣстныя

---

*) Публичная лекція съ благотворительной цѣлью.

предѣлы, переходить ихъ въ высшей степени рискованно. Не въ мѣру субъективное пониманіе прошедшаго, излишняя детальность, переходящая въ археологію, ложная тенденція — вотъ главные враги этого рода романовъ. Съ другой стороны, исторія, оставляя пробѣлы, заполненіе которыхъ весьма желательно въ интересахъ полноты народнаго самосознанія, даетъ фантазіи художника широкій просторъ.

Въ литературѣ историческаго романа польскій занимаетъ выдающееся мѣсто. Рядъ авторовъ и книгъ весьма замѣчательныхъ можетъ заполнить цѣлыя страницы. Но ни польскіе романтики, ни реалисты не пользовались и десятой долей того успѣха, который выпалъ на долю нашего современника—Сенкевича.

Сенкевичъ принадлежитъ къ такого рода художникамъ, которые неоднократно возвращаются къ излюбленнымъ сюжетамъ. Это свидѣтельствуетъ между прочимъ и о томъ, что интересы чистаго искусства у него на первомъ планѣ, и что его творчество не можетъ быть подраздѣлено на рѣзкіе фазисы, сообразно съ процессомъ самосознанія. Есть художественныя организаціи, у которыхъ всякое крупное произведеніе является завершеніемъ извѣстнаго періода внутренней работы мысли. Они отдѣляютъ какъ бы часть своего «я», даютъ рядъ публичнаго признанія—и впослѣдствіи уже никогда не возвращаются къ старымъ сюжетамъ. Такимъ тактикомъ былъ, на примѣръ, Гёте. Нельзя себѣ представить, чтобы этотъ поэтъ могъ когда либо вернуться къ сюжетамъ вродѣ Вертера, Геца, Тасса, Вильгельма Мейстера въ эпоху созданія 2-й ч. «Фауста». Это для него было прошедшее, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто чужое. У Сенкевича художественный сюжетъ стоитъ на первомъ планѣ. Для него онъ имѣетъ абсолютную важность и, такъ сказать, преслѣдуетъ его, пока не выльется въ подобающей скульптурной формѣ. Достаточно указать, какъ преслѣдовалъ Сенкевича человекъ «безъ догмата», пока онъ окончательно не созрѣлъ въ Плошовскомъ.

Кто сколько нибудь знакомъ съ выработанными исторіей данными Польши, нисколько не удивится, что въ первыхъ художественныхъ произведеніяхъ Сенкевича историческаго жанра прославляются представители шляхты. Вспомнимъ, что на этомъ сравнительно немногочисленномъ сословіи, лежали всѣ тягости внутренней и внѣшней государственной жизни. Въ послѣдней первую роль играла упорная борьба съ невѣрными, сперва съ татарами, потомъ, болѣе трудная, съ турками.

Въ одной изъ своихъ новеллъ («Татарскій плѣнъ») Сенкевичъ рисуетъ намъ въ формѣ исповѣди отъ лица героя настроеніе шляхтича, попавшаго въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ и подвергшагося разнообразнымъ искушеніямъ. Противъ всѣхъ ужасовъ соблазна, являвшагося въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, у бѣднаго шляхтича было одно, но надежное оружіе: непредѣльная любовь и преданность Богородицѣ и своему отечеству. Въ этой любви онъ почерпаетъ силы для борьбы и выходитъ изъ

нея побѣдителемъ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что, кромѣ дѣйствительнаго происшествiя, на Сенкевича оказала влiянiе и литературная традицiя: на него воздѣйствоваль Кальдеронъ, въ передачѣ, можетъ быть, Словицкаго. *El principe costante* находитъ родственную душу въ шляхтичѣ Зданоборскомъ. «Татарскiй плѣнъ» и содержанiемъ, и формой краснорѣчиво свидѣтельствуешь о томъ, что Сенкевичъ обладалъ глубокимъ пониманiемъ психологiи давно минувшаго прошлаго и умѣнiемъ воспроизводить столь далекое отъ насъ мiросозерцанiе.

Когда появился въ печати романъ «Огнемъ и мечемъ», польская публика приняла его съ необыкновеннымъ энтузиазмомъ. Романомъ буквально зачитывались всѣ безъ различiя пола и возраста. Успѣхъ его былъ положительно легендарный. Къ автору обращались съ письменными просьбами пощадить того или другого героя. Вымыселъ становился дѣйствительностью. Критика отнеслась необыкновенно сочувственно къ этому роману, и дватри умѣренные отъѣва утонули въ массѣ хвалебныхъ. Въ настоящее время, послѣ ряда прекрасныхъ произведенiй самого Сенкевича, энтузиазмъ, вызванный «Огнемъ и мечемъ», кажется чрезмерно большимъ, но никто никогда не станетъ отрицать необыкновеннаго интереса содержанiя романа, его живости и увлекательности. Неудивительно, что публика и критика изъ за деревьевъ не видѣла лѣса, т. е. не отдавала себѣ отчета въ истинномъ значенiи этого романа.

«Огнемъ и мечемъ» воспроизводитъ исторiю возстанiя Богдана Хмѣльницкаго, печальную братоубийственную войну. Изображенiе этого ряда моментовъ возможно конечно съ различныхъ точекъ зрѣнiя, но, чтобы впечатлѣнiе получилось цѣльное, необходимо, чтобы берущiйся за эту задачу составилъ себѣ опредѣленный взглядъ на сущность и смыслъ изображенныхъ событiй. Здѣсь умѣстно вспомнить объ одномъ изъ самыхъ основныхъ требованiй историческаго романа: пользуясь полнымъ правомъ давать просторъ вымыслу, этотъ романъ долженъ раскрыть читателямъ «духъ» излагаемыхъ фактовъ. Даже неподготовленный читатель долженъ вынести не только опредѣленное, но и вполне правильное представленiе объ историческомъ процессѣ, раскрываемомъ въ рядѣ картинъ. Онъ долженъ понять, каковы были причины и слѣдствiя этого процесса, притомъ такъ же вѣрно, какъ понимаетъ исторiю. Въ противномъ случаѣ историческiй романъ окажется не на высотѣ своего назначенiя и проникнутымъ ложной тенденцiей.

Неизвѣстно, имѣлъ-ли первоначально въ виду Сенкевичъ цѣлую серiю историческихъ романовъ, когда приступалъ къ «Огнемъ и мечемъ», но во всякомъ случаѣ онъ былъ вполне къ этому подготовленъ. Серьезная историческая подготовка, рядъ путешествiй, литературная опытность — все говоритъ въ пользу полнаго успѣха. Не довольствуясь знакомствомъ съ основными монографiями, Сенкевичъ изучилъ и нѣкоторые

мемуары современниковъ Хмѣльницкаго, что мѣстами прямо отражается на языкѣ романа. Нѣкоторыя неточности безъ сомнѣнія сознательно допущены авторомъ. При этихъ условіяхъ можно было ожидать вполне совершеннаго художественнаго произведенія. Оправдались-ли эти ожиданія? Мы вправѣ требовать, чтобы романъ, излагающій важный историческій эпизодъ, далъ и наименѣе подготовленному читателю полное и правильное о немъ представленіе. Вообразимъ себѣ такого читателя и посмотримъ, какую картину онъ увидитъ въ «Огнѣмъ и мечемъ». Авторъ вводитъ его въ разгаръ дѣйствія. Нашъ читатель видитъ мгновенно вспыхнувшее пламя возстанія, геройскіе подвиги отдѣльных лицъ, борьбу въ двухъ направленіяхъ, позорную для Польши съ гетманами во главѣ и побѣдоносную подъ предводительствомъ Іереміи Вишневецкаго. Нашъ читатель шагъ за шагомъ прослѣдитъ за отдѣльными битвами, погрузится въ море крови, будетъ раздѣлять геройскіе подвиги осажденныхъ въ Збаражѣ, и, наконецъ, послѣ несоевѣстнаго отчетливаго описанія битвы при Зборовѣ, прочтетъ эпизодъ о битвѣ подъ Берестечкомъ, заключившей первый актъ кровавой трагедіи. Этотъ неподготовленный читатель не будетъ знать, каковы были причины этой кровавой рѣзни, не сумѣетъ ориентироваться, правильно ли направляются его симпатіи и антипатіи, изъ-за чего ведется столь ужасная война. Ни разсужденія Хмѣльницкаго, ни отвѣты Сяжетусскаго не дадутъ ему прямыхъ указаній,—а окончаніе романа представится ему несвоевременнымъ, какъ бы оборваннымъ и недоказаннымъ. Таково, по моему мнѣнію, будетъ впечатлѣніе неподготовленнаго читателя. Болѣе или менѣе обстоятельно знакомый съ ходомъ историческихъ событій читатель не предъявитъ, конечно, этихъ вопросовъ. Ему будутъ понятны сложныя причины казакскаго движенія. Онъ вспомнитъ, что въ послѣднемъ слѣдуетъ различать политическую и социальную стороны. Король Владиславъ IV, вмѣстѣ съ канцлеромъ Оссолинскимъ замышлявшій объ ограниченіи безпредѣльной свободы шляхетскаго сословія, объ укрѣпленіи и усиленіи королевской власти, пытался вовлечь Польшу въ войну, сначала съ турками, потомъ съ татарами, причемъ казаки, подготовленные надлежащимъ образомъ къ войнѣ, должны были открыть кампанію. Но замыслы короля и его канцлера были открыты, польская шляхта жаждала мира и дала такой дружный отпоръ, что Владиславъ IV оказался обезоруженнымъ и былъ вынужденъ снова вступить на путь компромиссовъ, ведущихъ къ систематическому ограниченію королевской власти. Почти готовое къ походу козачество, которому предстояло обрушиться на голову враговъ христіанства, должно было вернуться въ прежнее подневольное положеніе. Понятно, что богатѣйшіе украинскіе вельможи вымещали свою злобу на сословіи, тяготѣвшемъ къ центральной власти и готовомъ всячески ее поддерживать. Недаромъ Хмѣльницкій заявлялъ, что ведетъ войну съ панами, а не съ королями! Боевая сила, прекрасно дисцип-

линированная, должна была найти исходъ. И этотъ исходъ, вмѣсто войны съ невѣрными, нашелся въ войнѣ, принявшей сословный характеръ. Сначала запорожскіе и реестровые казаки, а потомъ и все годное къ войнѣ населеніе Украины двинулось въ походъ. Дальнѣйшій ходъ событій весьма подробно и точно изложенъ въ романѣ Сенкевича.

Соціальный характеръ казацкаго возстанія довольно слабо отмѣченъ у Сенкевича. Въ чемъ провинилась одна и другая стороны — трудно опредѣлить. Читатель выноситъ лишь убѣжденіе, что мы имѣемъ дѣло съ кровавымъ протестомъ противъ законной власти. О томъ, что одно сословіе систематически нарушало гарантіи и привилегіи другого—мы можемъ лишь догадываться.

Внутренняя сторона тогдашней жизни на Украинѣ остается нераскрытой. Романъ повѣствуетъ о внѣшнихъ событіяхъ, безпрестанныхъ походахъ и сраженіяхъ.

Въ изложеніи ихъ Сенкевичъ стремится къ безпристрастію. Надо отдать полную справедливость его добросовѣстному изученію историческихъ свидѣтельствъ, но непредубѣжденный читатель замѣтитъ нѣкоторую неравномѣрность въ распредѣленіи романистомъ красокъ и тоновъ. Незначительныя битвы, вродѣ столеновѣя Вишневецкаго съ Кривоносомъ, разрослись до крупныхъ размѣровъ. Побѣды надъ казачествомъ изображены яркими чертами. И въ изображеніи пораженій польскихъ войскъ романистъ стремится къ полной безпристрастію. Но, быть можетъ, односторонность историческихъ свидѣтельствъ, извѣстныхъ Сенкевичу, повліяла на ослабленіе общаго впечатлѣнія, производимаго описаніемъ такихъ роковыхъ для Польши битвъ, какъ подъ Жолтыми Водами, Корсунемъ, Пилавцами. Болѣе того, въ изображеніи очень важной битвы подъ Зборовымъ вкралась крупная неточность, обусловленная желаніемъ идеализировать стремленія казацкаго войска: короля Яна Казимира казаки сознательно не берутъ въ плѣнъ, опасаясь, чтобы *христіанскій* государь не попалъ въ руки невѣрныхъ татаръ, тогда какъ причиной сравнительно благоприятнаго для поляковъ исхода этой битвы явился расколъ между казаками и ихъ союзниками татарами, вслѣдствіе переговоровъ Оссолинскаго съ ханомъ.

Центральнымъ событіемъ романа является осада подъ Збаржемъ, эпически описанная Сенкевичемъ. Здѣсь романистъ пользовался превосходными мемуарами одного изъ очевидцевъ и представилъ необыкновенно яркую картину геройской защиты. Вѣрность и художественность описанія Сенкевича подтверждается свидѣтельствами историковъ всѣхъ направленій отъ Шайнохи и Кубали до Костомарова.

Центральной фигурой военныхъ событій «Огнемъ и мечемъ» выступаетъ Іеремія Вишневецкій. Въ изображеніе его Сенкевичъ вложилъ всю силу своего дарованія и всѣ симпатіи историка и поэта. Іеремія Вишневецкій еще при жизни былъ воспѣваемъ поэтами—панегристами. Самуилъ Твардовскій, довольно даровитый

поэтъ, сдѣлалъ Іеремію героемъ поэмы, появившейся вскорѣ послѣ смерти князя («Wojna Domowa»). Въ XIX ст. Карлъ Древецкій идеализировалъ его въ своихъ «Драматическихъ сценахъ XVII ст.». Такимъ образомъ литературная традиція была на сторонѣ Вишневецкаго. Что касается до историческихъ свѣдѣній объ этомъ знаменитомъ князѣ, то они даютъ намъ полное право видѣть въ немъ дѣйствительно замѣчательное лицо, типичнаго представителя магнатскаго сословія юго-западной Руси. Наиболѣе яркими чертами его характера являются: необыкновенное мужество, гордость сословная и личная, нежеланіе подчинять чужой, даже королевской волѣ, свою. Извѣстны вооруженныя столкновѣнія Вишневецкаго съ родичами, многочисленныя на него жалобы королю, немилость, въ которую онъ вслѣдствіе этого впалъ. Во время казацкихъ войнъ Вишневецкій былъ единственнымъ оплотомъ шляхты, неумолимымъ врагомъ казачества, желавшимъ потушить кровью пожаръ возстанія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Сенкевичъ сдѣлалъ храбраго князя центромъ военныхъ событій; таковымъ являлся онъ и въ глазахъ своихъ современниковъ, видѣвшихъ въ немъ единственнаго рыцаря, достойнаго представителя добраго стараго времени.

Исторія не можетъ входить въ разоблаченіе затаенныхъ мотивовъ поступковъ того или другого дѣятеля: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, художнику-романисту представляется полнѣйшая свобода дѣйствія. Сенкевичъ рядомъ съ весьма удачнымъ воспроизведеніемъ особенностей душевнаго склада Вишневецкаго, приводитъ и нѣкоторыя черты, могущія показаться невозможными или по крайней мѣрѣ излишними въ глазахъ историка. Если мы, напримѣръ, вспомнимъ тотъ процессъ внутренней борьбы, который Вишневецкій переживаетъ, прежде чѣмъ поступаетъ своими правами и отдаетъ себя подъ начальство бездарныхъ вождей, то врядъ-ли этотъ процессъ покажется намъ правдоподобнымъ. Во всякомъ случаѣ все то, что мы знаемъ о Вишневецкомъ, не даетъ намъ права предполагать, что онъ былъ способенъ изъ за идеальныхъ представленій о необходимости подчиненія законной власти, изъ-за мотивовъ болѣе подходящихъ къ монаху, чѣмъ къ суровому вонну, отказаться отъ блестящей перспективы неограниченнаго господства, могущаго привести отечество къ весьма благимъ результатамъ (такъ заставляеть Сенкевичъ думать Вишневецкаго). То, что извѣстно о подчиненіи князя региментарямъ, не даетъ ровно никакихъ указаній насчетъ приписываемыхъ ему Сенкевичемъ мотивовъ. Источники объясняютъ дѣло проще и искреннѣе. Да и кто изъ магнатовъ во время Вишневецкаго возвышался до пониманія отвлеченныхъ идей долга и жертвовалъ своимъ самолюбіемъ? Менѣе всего былъ къ этому способенъ знаменитый Іеремія!

Параллельно съ ходомъ военныхъ дѣйствій развивается въ «Огнемъ и мечемъ», какъ извѣстно, романтическая фабула. Скетусскій, геройскій подвигъ котораго записанъ лѣтописью, вос-

кресъ подъ перомъ Сенкевича и пережилъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ перипетій. Сенкевичъ ставитъ его въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Хмѣльницкому, дѣлаетъ его носителемъ идей такъ сказать прогрессивной шляхты, заставляя его находить и терять невѣсту и, что всего важнѣе, сближаетъ его съ интереснѣйшими лицами: Заглобой, Подбиентой, Богуномъ и Володыевскимъ. Яркость этихъ лицъ заставляетъ читателя забывать о самомъ Скшетускомъ и придаетъ роману необыкновенный интересъ. Достаточно вспомнить великолѣпнаго Заглобу, восходящаго къ Фальстафу и Санчо Пансѣ, несравненнаго шутника, воплощающаго все остроуміе старой Польши. Если бы Сенкевичъ не создалъ ничего, кромѣ Заглобы, онъ оставилъ-бы послѣ себя имя. Заглоба, Скшетускій, Подбиентъ, Володыевскій—представители не только извѣстныхъ шляхетскихъ группъ, но и этнографическихъ. Кто не узнаетъ типичнаго литовца въ святомъ Лонгиусѣ Подвиентѣ?

Если-бы я попытался представить полную характеристику романа, отмѣтить даже наиболѣе существенныя его стороны, мнѣ не хватило-бы и двухъ лекцій. Я вынужденъ ограничиться лишь немногими, наиболѣе существенными замѣчаніями. Двойственность фабулы, введенная въ романъ Сенкевичемъ, въ сущности лишь осложнила задачу автора и отвлекла вниманіе читателей, которые не знаютъ, что важнѣе, подвиги Вишневецкаго или Заглобы; но эта же двойственность смягчила суровость общей картины; къ тому же Марсъ и Амуръ нерѣдко уживаются вмѣстѣ. Прекрасная характеристика казака Богуна, который рѣзко выдѣляется и на фонѣ историческихъ свидѣтельствъ, вмѣстѣ съ менѣе отчетливой характеристикой Хмѣльницкаго, не можетъ служить достаточно яркимъ противовѣсомъ блестящей картины шляхетскаго сословія. Въ романѣ мы видимъ не полную картину движенія, а лишь рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Соціальный характеръ казачьихъ войнъ, которому соответствовало, замѣтимъ кстати, движеніе крестьянъ въ центрѣ Польши (напр., Костки Наперстка), не отмѣченъ романистомъ надлежащимъ образомъ. Къ слабымъ сторонамъ романа слѣдуетъ отнести и то, что Сенкевичъ, превосходно изучившій литературу предмета, не побывалъ въ мѣстностяхъ, имъ описываемыхъ и въ изображеніи картинъ природы руководствовался въ значительной степени своими американскими воспоминаніями.

Яркость красокъ, талантливость характеристикъ, воссозданіе типичныхъ представителей разнообразныхъ слоевъ шляхетскаго сословія, неистощимый юморъ, продуманные эффекты, ясный умъ, сквазящій во всякой строкѣ—вотъ данныя для громаднаго успѣха этого романа. Онъ завоевалъ такія симпатіи публики, что успѣхъ «Потопа»—второго романа изъ трилогіи—покажется слабымъ. Между тѣмъ этотъ романъ, на мой взглядъ, не уступаетъ «Огнемъ и мечемъ», а въ смыслѣ исторической достовѣрности превосходитъ его. Мнѣ приходится сослаться на свои личныя впечатлѣнія. При первомъ чтеніи «Потопъ» показался мнѣ хуже

«Огнемъ и мечемъ». Когда я перечиталъ его послѣ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ историческими свидѣтельствами изображаемой ими эпохи—я увидѣлъ много незамѣченныхъ прежде красотъ и призналъ этотъ романъ выше «Огнемъ и мечемъ». Не довѣряя своему впечатлѣнію, я обратился къ В. Д. Спасовичу, глубокое знакомство котораго съ польской литературой и достоинства критики общеизвѣстны. В. Д. согласился съ моимъ мнѣніемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ существующими критическими мнѣніями и сужденіями большій публики. Не смотря на мое очень высокое мнѣніе о «Потопѣ», мнѣ придется ограничиться лишь немногими замѣчаніями. Дѣло въ томъ, что съ той точки зрѣнія, съ какой я разсматривалъ историческіе романы Сенкевича, т. е. со стороны ихъ отношенія къ дѣйствительнымъ фактамъ, закрѣпленнымъ въ историческихъ свидѣтельствахъ, «Потопъ» не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека.

Прежде всего событія, изображаемыя въ «Потопѣ», имѣютъ громадныя преимущества передъ тѣми, которыя рисуются въ «Огнемъ и мечемъ». Тамъ романисту приходилось быть и судьей. Дѣло, которое онъ молчаливо взялъ подъ свою защиту, было по меньшей мѣрѣ спорное. Философія войны была самая печальная. Вся эта борьба, политическая и социальная, не имѣла определенной цѣли. Въ другомъ положеніи находились тѣ войны, которыя велись при Янѣ Казимірѣ со шведами. Польша защищала свою политическую и религіозную свободу отъ иноземнаго вторженія, своихъ измѣнниковъ и внутреннихъ неурядицъ. Религіозное чувство мало по малу сплотило всѣ сословія, всѣ партіи. Крестьяне впервые почувствовали себя гражданами. Государство возвратило свою самостоятельность быстрѣе, чѣмъ потеряло. Рѣшительнымъ моментомъ въ борьбѣ была осада Ченстохова. Геройская защита монастыря спасла всю Польшу. Ее затронули за живую струну—и всѣ отъ мала до велика отозвались на призывъ. Померкла звѣзда шведовъ, и скоро Янъ Казиміръ былъ восстановленъ въ законныхъ правахъ.

Таковъ, въ нѣсколькихъ словахъ, смыслъ событій, излагаемыхъ въ «Потопѣ». Романисту приходилось защищать дѣло правое, безспорное. Литература дала ему массу интереснѣйшихъ документовъ, въ которыхъ ему было легче разобраться, нежели въ свидѣтельствахъ, относящихся къ эпохѣ Богдана Хмѣльницкаго. Притомъ ни одно царствованіе не вызвало такихъ интересныхъ и разнообразныхъ мемуаровъ, какъ эпоха Яна Казимира. Воспоминанія Паска, исторія Яна Казимира безымяннаго автора, масса частныхъ, эпизодическихъ записокъ—все это даетъ обильную пищу внимательному историку. Кромѣ того, дошли до насъ полупоэтическія, полуисторическія стихотворенія самаго разнообразнаго содержанія. Словомъ, Сенкевичъ имѣлъ возможность превосходно познакомиться съ описываемыми событіями. Главныя дѣйствующія лица «Потопа»—историческія. Даже Кмицицъ, подвиги котораго имѣютъ фантастическій характеръ, историческое лицо,

упоминаемое Паскомъ. Превосходны портреты сатирика Опалиньскаго, измѣнившаго вмѣстѣ съ Радзѣвскимъ при первомъ появленіи шведовъ. Послѣдній понятъ довольно своеобразно Сенкевичемъ. Это—холодный циникъ, измѣнникъ, такъ сказать, по профессіи. Въ исторіи Радзѣвскій считаетъ себя оскорбленнымъ въ качествѣ мужа королевы, хотя это ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться доказаннымъ. Великолѣпны характеристики братьевъ Радзивилловъ, вполне совпадающія съ историческими свѣдѣтельствами. Описание военныхъ дѣйствій очень точно и послѣдовательно и не представляетъ никакихъ существенныхъ отклоненій. Самыя смѣлыя сцены находятъ параллели въ дѣйствительныхъ происшествіяхъ. Достаточно вспомнить, какъ Чарнецкій переправлялъ конницу черезъ море, чтобы найти вполне правдоподобными всѣ описанія Сенкевича.

Въ «Потопѣ» мы находимъ прекрасное описаніе осады Ченстохова.

Необыкновенное разнообразіе второстепенныхъ персонажей придаетъ роману нѣсколько хаотическій характеръ. Но интересующіеся разнообразіемъ этнографическихъ элементовъ старой Польши найдутъ въ этомъ много интереснаго. Всѣ ихъ разновидности мелькаютъ передъ очарованнымъ читателемъ. Въ изображеніе внесено много человѣчности, теплаго чувства, такъ что даже отрицательные типы не внушаютъ никакой антипатіи.

Романтическая интрига, судьба отдѣльныхъ лицъ въ «Потопѣ» выдвигаются впередъ больше, чѣмъ въ «Огнемъ и мечемъ». Но во всякомъ случаѣ историческія событія здѣсь на первомъ планѣ, тогда какъ въ «Панѣ Володзевскомъ» Сенкевичъ въ сущности намъ даетъ лишь семейную исторію своего любимца, не находящуюся въ сколько нибудь опредѣленной связи съ ходомъ военныхъ событій. Для этого романа Сенкевичъ пользовался главнымъ образомъ изслѣдованіями извѣстнаго знатока Подолии и Волыни Ролле и рукописными матеріалами (фамильными бумагами) одной семьи, а также поэмой Вацлава Потоцкаго «Wojna Chocimska». Само собой разумѣется, что исторія частнаго лица, хотя бы и очень интересная, не можетъ поглотить нашего вниманія въ такой степени, какъ событія, касающіяся цѣлаго народа; къ тому же въ «Панѣ Володзевскомъ» мы находимъ вымышленные историческіе факты, вродѣ возстанія Азій, могущіе ввести читателя въ ошибку. Осада Каменца была лишена того героизма, который сопровождалъ осаду Збаража и Ченстохова, и геройская смерть горсти защитниковъ не могла искупить преступнаго малодушія и трусости другихъ. Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе романа, въ которомъ историческія событія уступили частнымъ, мы попытаемся сдѣлать два-три замѣчанія самаго общаго характера относительно сравнительнаго достоинства трехъ разсмотрѣнныхъ романовъ.

Съ нашей точки зрѣнія т.-е. со стороны вѣрнаго отраженія историческихъ фактовъ, «Потопу» должно быть отведено первое мѣсто. Исторія наша въ этомъ романѣ всестороннее воспроизве-

деніе и воскресла въ яркой фантастической обстановкѣ. Общій ходъ событій въ «Потопѣ» вполне соответствуетъ дѣйствительности. Освѣщеніе мотивовъ и причинъ, по нашему мнѣнію, вполне правильное. «Духъ» времени понять и оцѣнить надлежащимъ образомъ. Авторъ защищаетъ дѣло правое и воздастъ всякому должное. Факты достаточно краснорѣчиво говорили за себя и въ оцѣнкѣ ихъ не было никакихъ разногласій. «Огнемъ и мечемъ» (съ нашей точки зрѣнія) ниже «Потопа». Я уже указалъ на слабыя стороны этого романа. Что же касается «Пана Володыевского», то въ сущности историческаго въ немъ очень мало, но онъ пополняетъ картину политической Польши XVII вѣка, знакомя насъ съ тѣми областями, которыя оказались незатронутыми въ прежнихъ романахъ.

Что касается техники романовъ, то всякій читатель обратитъ вниманіе на однообразіе романтической интриги. И Скеттусскій, и Кмицицъ ищутъ невѣсть, теряютъ и снова обрѣтаютъ. Кромѣ того въ мотивировкѣ мы можемъ отмѣтить нѣкоторый параллелизмъ. (Ср. напр. размышленія Вишневецкаго и Януша Радзивилла). Уже Вальтеръ-Скотту ставили въ упрекъ, что похожденіи отдѣльных лицъ имѣютъ въ его глазахъ такую же важность, какъ и историческія событія. Этотъ-же упрекъ можно сдѣлать и Сенкевичу. Въ «Потопѣ» на Кмицица приходится обращать слишкомъ большое вниманіе, а въ «Володыевскомъ» исторія почти отсутствуетъ.

Фаантастичность нѣкоторыхъ эпизодовъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ является оригинальной. Но въ нѣкоторыхъ можно подмѣтить вліяніе Дюма, именно его трилогіи. Напр., тотъ эпизодъ, гдѣ Кмицицъ увлекаетъ за собой Богуслова Радзивилла, прямо заимствованъ у Дюма.

Этими замѣчаніями относительно трехъ романовъ изъ исторіи Польши XVII ст. мы должны ограничиться.

Переходъ отъ серіи историческихъ романовъ, изображающихъ различные моменты судьбы Польши въ XVII в., къ роману, описывающему царствованіе Нерона и первые шаги христіанства представляется весьма смѣлымъ. Но Сенкевичъ, какъ истинный виртуозъ, проявилъ всю гибкость и независимость своего дарованія, совершенно свободно вращаясь въ эпохѣ, столь мало общаго имѣющаго съ польской исторіей XVII в.

Исходя изъ конкретнаго факта — легендарнаго сказанія о встрѣчѣ св. Петра у воротъ Рима со Спасителемъ, обусловившей возвращеніе св. апостола на вѣрную смерть, — Сенкевичъ весьма добросовѣстно изучилъ главные историческіе матеріалы, касающіеся царствованія Нерона. Такъ какъ Римъ былъ превосходно извѣстенъ автору (см. его описаніе у Сенкевича), а языческое міросозерцаніе на рубежѣ христіанскаго давно его интересовало (этого вопроса онъ касается и въ прекрасной новеллѣ «Пойдемъ за Нимъ»), то нечего удивляться, что съ первой же страницей читатель чувствуетъ себя на вѣрной дорогѣ, видитъ, какъ авторъ

безъ колебаній, съ полной увѣренностью вводитъ его въ лабиринтъ запутанныхъ римскихъ отношеній I в., ориентируется въ нихъ такъ же хорошо, какъ раньше въ исторіи Польши XVII в.

Я не буду излагать содержанія «*Quo Vadis?*» всѣмъ извѣстнаго. Постараюсь указать на главные моменты въ ихъ отношеніи къ историческимъ свидѣтельствамъ и опредѣлить степень вѣрности и правдоподобія психологическаго процесса, переживаемаго тѣми или другими дѣйствующими лицами тамъ, гдѣ дѣло касается того внутренняго перелома въ языческомъ мірѣ, который изображается Сенкевичемъ въ типичныхъ, на его взглядъ, явленіяхъ.

Самый непривычный глазъ увидитъ въ романѣ два міра, взаимно, повидимому, исключаютъ другъ друга: языческій и христіанскій. Первый полонъ блеска, какой даютъ власть, богатство, утонченная культура, способность къ всестороннему наслажденію и, наконецъ, полное безучастіе къ смерти. Второй міръ является въ видѣ многочисленной, но забытой секты, съ рѣзко демократическимъ характеромъ, пополняемой униженными, обездоленными и оскорбленными, которыхъ ожидаетъ безпредѣльное счастье за гробомъ; къ этому счастью, этому безпредѣльному блаженству стремятся въ вѣчной тоскѣ ихъ страдающія души. Не власть, а подчиненіе, не богатство, а бѣдность, не превосходство одного надъ другимъ, а полное равенство, не наслажденія, а испытанія, не утонченность культуры, а самоотреченіе,—вотъ идеи первыхъ христіанъ въ противоположность языческимъ. Всю пропасть, лежащую между этими двумя мірами, рѣшилъ заполнить романистъ или, вѣрнѣе, показать, какъ заполняла эту бездну сама жизнь. Чтобы достигнуть этой основной цѣли, ему предстояло изобразить римское общество времени Нерона и указать возможные пути обращенія среднихъ людей этого общества въ христіанъ. Что послѣдователь Сенеки или другого философа могъ сдѣлаться приверженцемъ христіанскаго ученія—въ этомъ не было ничего удивительнаго, ибо это ученіе удовлетворяло требованіямъ философа,—но показать, какъ душа простая, не задающаяся никакими отвлеченными вопросами, ясно и поверхностно разсматривающая жизненные явленія, приходитъ къ сознанію тщеты *языческаго* міросозерцанія и правдивости *христіанскаго*—вотъ задача, достойная психолога-романиста. Съ другой стороны: сдѣлать понятнымъ переходъ въ христіанство испорченнаго до мозга костей представителя утонченной цивилизаціи, во всемъ извѣрившагося, все понимающаго, но ничего не чувствующаго, слабого и злобнаго—вторая, не менѣе заманчивая задача. Вы догадываетесь, что въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь объ обращеніи Виниція, во второмъ—о Хилонѣ.

Прежде чѣмъ исполнить эту задачу, въ которой и заключается историко-философскій характеръ книги, Сенкевичъ долженъ былъ нарисовать картину двухъ міровъ, главнымъ образомъ языческаго, котораго роль была основной. Къ этой задачѣ авторъ приступилъ

во всеоружіи, такъ какъ шелъ по единственно правильному пути, соединяя знаніе источниковъ съ обстоятельнымъ знакомствомъ съ искусствомъ и древностями.

Во главѣ язycznego общества стоитъ Неронъ. Существуетъ много попытокъ доставить ключъ къ надлежащему пониманію этого тирана, неистовства котораго превосходятъ все, къ чему способно человѣческое воображеніе. На мой взглядъ, Сенкевичъ далъ превосходную характеристику этого цезаря и уловилъ существенную черту его психи. Онъ имѣлъ возможность, какъ художникъ, свободнѣе обращаться съ матеріаломъ, нежели любой историкъ. Тѣмъ не менѣе весьма интересно, что характеристика Нерона у Сенкевича въ существенныхъ чертахъ совпадаетъ съ превосходнымъ изложеніемъ Тацита съ тѣмъ различіемъ, что польскій романистъ пользуется болѣе сложными средствами, чѣмъ римскій историкъ. Искусство, особенно пластическое, помогло Сенкевичу возсоздать образъ Нерона ярче, чѣмъ у Тацита, но, повторяю, существенныя особенности характера тирана передаются одинаково у обоихъ писателей. Тацитъ сообщаетъ намъ весьма послѣдовательно, какъ постепенно росло артистическое славолубіе цезаря, какъ, не довольствуясь извѣстностью въ Римѣ, онъ стремится въ Грецію, чтобы на классической почвѣ стяжать наемныя рукоплесканія; тотъ же историкъ воспоминаетъ, какъ ревниво относился Неронъ къ артистической славѣ другихъ, погубивъ, напр., Лукана. Тацитъ считаетъ правдоподобнымъ, что для доставленія себѣ эффектнаго зрѣлища, Неронъ приказалъ сжечь Римъ, а потомъ свалилъ вину на христіанъ. На многихъ страницахъ римскій историкъ сообщаетъ факты и черты жизни Нерона, и мы не найдемъ ни одной, не привлеченной Сенкевичемъ въ его характеристикѣ: Какъ искусно, напр., воспользовался художникъ чертой гнуснаго притворства тирана, о которой говоритъ римскій историкъ. Вотъ какъ, по Тациту, заключаетъ Неронъ свою бесѣду съ Сенекой, обреченнымъ на гибель: «За симъ Неронъ обнялъ и поцѣловалъ Сенеку: такъ умѣлъ онъ, по природѣ и по привычкѣ, скрывать ненависть подъ личиной ласки». Другой примѣръ изъ Тацита: Неронъ прощается съ Агриппиной, идущей на вѣрную смерть. «Неронъ такъ ласково ее принялъ, посадилъ ее даже выше себя, не переставалъ говорить съ нею, то съ дѣтскимъ простодушіемъ, то съ глубокомысленнымъ видомъ, какъ бы повѣряя ей важныя тайны, и пиръ затянулся до глубокой ночи. Онъ проводилъ ее, нѣжно цѣлуя въ глаза и прильнувъ къ ея груди; былъ-ли это верхъ притворства, или и его звѣрскій характеръ поколебался при видѣ матери, идущей на смерть?» Сравните эти замѣчанія съ тою прекрасной сценой въ «Quo vadis», гдѣ Петроній, все поставившій на карту, все и проигралъ. Когда придворные требуютъ отъ Нерона, чтобы онъ покаралъ Петронія за оскорбленіе величества, цезарь сказалъ: «Вы хотите, чтобы я покаралъ его, но это мой товарищъ и другъ, и, хотя онъ уязвилъ меня въ сердце, пусть будетъ ему извѣстно, что это сердце мо-

жать только... простить друзьямъ». Я проигралъ и погибъ — подумалъ Петроній.

Слѣдуя всюду въ характеристикѣ Нерона указаніямъ Тацита, Сенкевичъ имѣлъ полное право расширить рамки историка. Онъ не только изобразилъ Нерона, но и далъ ключъ къ пониманію этой на первый взглядъ загадочной натуры. Этотъ ключъ — въ исключительно артистической натурѣ тирана, въ его неудовлетворяемыхъ стремленіяхъ къ художественнымъ эффектамъ. Вотъ какое признаніе вкладываетъ романистъ въ уста Нерону. «Музыка говоритъ мнѣ, что сверхъестественное существуетъ, и вотъ я ищу его со всею силой могущества, которое боги отдали въ мои руки. Иногда мнѣ кажется, что для того, чтобы достигнуть этихъ олимпійскихъ мировъ, нужно сдѣлать что-нибудь такое, чего до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ, нужно превзойти человѣчскій уровень въ добрѣ или злѣ. Я знаю, люди обвиняютъ меня въ томъ, что я безумствую, но я не безумствую, я только ищу, а если и безумствую, то со скуки и отъ злости, что не могу найти. Я ищу—понимаешь меня? — и потому хочу быть больше чѣмъ человѣкъ, ибо только такимъ способомъ могу быть великимъ артистомъ.

Знаешь ли, что поэтому собственно я осудилъ на смерть мать и жену? У вратъ незнаемаго міра я хотѣлъ принести величайшую жертву, какую только можетъ принести человѣкъ. Я думалъ, потому что-нибудь совершится, разверзнутся какія-нибудь двери, за которыми я увижу что-нибудь неизвѣстное. Пусть-бы это удивило или устрашило человѣческое пониманіе, только было бы необычайно и велико... Но этой жертвы было недостаточно. Чтобы отворить олимпійскія двери, очевидно, требуется большая жертва, и пусть будетъ такъ, какъ хочетъ судьба.

... Знай, что живутъ два Нерона: одинъ такой, какимъ его знаютъ люди, другой — артистъ, котораго знаешь одинъ ты и который, если убиваетъ, какъ смерть, или безумствуетъ, какъ Вакхъ, то только потому, что его давить плоскость и ничтожество обычной жизни, и который хотѣлъ бы искоренить ихъ, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ огню или желѣзу... О, какъ пошла бы будетъ этотъ міръ, когда меня не станетъ! Никто еще не постигаетъ, даже ты, дорогой мой, какой я артистъ. Но поэтому-то я и страдаю, и искренно говорю тебѣ, что по временамъ душа моя бываетъ такъ же грустна, какъ тѣ кипарисы, что чернѣютъ передъ нами. Тяжело человѣку одновременно владѣть бременемъ величайшаго могущества и величайшаго таланта».

Можетъ быть этотъ монологъ покажется и слишкомъ глубокомысленнымъ для Нерона, хотя онъ и не былъ лишень дара слова (вспомнимъ его обращеніе къ Сенецѣ, приводимое у Тацита). Но во всякомъ случаѣ славолубіе и страсть къ грандіозному, господствующія въ душѣ Нерона, прекрасно здѣсь отмѣчены. Достаточно вспомнить, что Неронъ пускался на такія кощунства, какъ купаніе въ священныхъ источникахъ, посягательства на первую весталку и пр., чтобы признать мотивы, подчеркнутые Сенкеви-

чемъ, очень вѣроятными. Во всякомъ безуміи есть идея, есть и послѣдовательность. Неронъ производитъ на насъ дѣльное и опредѣленное впечатлѣніе, благодаря замѣчательному историческому чутью романиста. Не менѣе удачны и другія лица языческаго Рима. Возьмемъ для примѣра Пoppею и Петронія.

Пoppея Августа обрисована у Тацита немногими, но превосходными чертами. «У этой женщины, говоритъ историкъ, было все, кромѣ чести. Мать ея въ свое время была первая красавица и передала красоту свою дочери вмѣстѣ съ извѣстностью; богатство соотвѣтствовало знатности рода; разговоръ ея былъ увлекателенъ, умъ довольно острень; скромная наружность прикрывала сластолюбивую натуру; рѣдко показывалась она въ публичныхъ мѣстахъ и всегда при этомъ скрывала подъ вуалью часть лица, для того-ли, чтобы не удовлетворять вполне любопытства тѣхъ, кто ею любовался, или потому, что это ей было къ лицу. Она не щадила своей репутаціи, не знала разницы между мужемъ и любовникомъ; не подчиняясь ни чужимъ, ни своимъ страстямъ, она основывала свои связи на выгодѣ, которую могла изъ нихъ извлечь». Не достаточно-ли здѣсь чертъ, вполне оправдывающихъ ту фигуру Пoppеи, которую нарисовалъ во весь ростъ Сенкевичъ? Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ произведеніями этого романиста, долженъ согласиться, что во всякомъ его романѣ есть центральное лицо, привлекающее общее вниманіе и являющееся такъ сказать любимцемъ автора. Таковы Заглоба и Скетусскій въ «Огнемъ и мечемъ», Кмицицъ въ «Потопѣ», Баська и Володмевскій въ «Попѣ Володмевскомъ», Букацкій въ «Семѣ Полапецкихъ» и, наконецъ, Петроній въ «Quo vadis». Фигура Петронія отдѣлана съ такимъ совершенствомъ, что оставляетъ на заднемъ планѣ всѣ прочія. Прочитайте характеристику этого патриція, поэта и философа, у Тацита *). «Разкажемъ здѣсь кое что о Каѣ Петроніѣ. Днемъ онъ спалъ, а ночь проводилъ въ занятіяхъ и удовольствіяхъ, и составилъ себѣ извѣстность посредствомъ лѣности такъ, какъ другіе составляютъ ее посредствомъ прилежанія; впрочемъ онъ не былъ грязный развратникъ, какъ большая часть мотовъ, но утонченный сластолюбецъ. Его разговоры и жесты, нося на себѣ характеръ какого-то пренебреженія, были просты и пріятны. Будучи проконсуломъ Виеаніи и потомъ консуломъ, онъ даже показалъ себя дѣятельнымъ и способнымъ къ дѣламъ. Но впоследствии онъ предался разврату, по крайней мѣрѣ такъ показалось, и принятъ былъ въ число самыхъ приближенныхъ лицъ къ Нерону. Онъ былъ верховнымъ судьей въ вопросахъ, касающихся изящнаго вкуса, и Неронъ находилъ пріятнымъ и похвалявалъ только то, что одобрилъ Петроній. Это породило зависть въ Тигеллинѣ, видѣвшемъ въ немъ соперника, который лучше его умѣетъ оцѣнивать удовольствія».

*) Теперь не существуетъ уже сомнѣній, что Тацитъ говоритъ объ авторѣ «Сатирикона», т. е. о томъ-же лицѣ, которое фигурируетъ у Сенкевича.

Вотъ какъ Тацитъ описываетъ смерть Петронія, неподобно изображенную Сенкевичемъ.

«Онъ (Петроній) не хотѣлъ спѣшить покончить жизнь. Онъ открывалъ себѣ вены, какъ водится; снова перевязывалъ, опять открывалъ, и между тѣмъ говорилъ съ друзьями, не вдаваясь въ глубокомысленные вопросы и не стараясь блеснуть твердостью. Онъ не хотѣлъ слушать разсужденій о безсмертіи души и о философскихъ правилахъ, а просилъ почитать ему легкіе и пріятные стихи; нѣкоторымъ рабамъ далъ онъ денегъ, другимъ розогъ; прогуливался, потомъ легъ спать, чтобы смерть его, хотя насильственная, казалась естественною. Въ завѣщаніи своемъ онъ не льстилъ, подобно прочимъ осужденнымъ, Нерону, Тигеллину или другимъ сильнымъ людямъ».

Не вполне ли подходитъ эта характеристика къ красивому, изящному, остроумному и находчивому Петронію Сенкевича, этому истинному *arbiter elegantiarum*? Правъ былъ романистъ, когда заставилъ этого всесторонняго эпикурейца быть послѣднимъ могиканомъ языческаго міра, поклонникомъ всесторонняго культа красоты и наслажденія. Какъ хорошо, напр., отмѣчена черта изящной небрежности, о которой упоминаетъ Тацитъ! Не распространяясь относительно этого всѣмъ извѣстнаго изъ романа Сенкевича лица, скажу лишь, что художественное употребленіе, сдѣланное изъ превосходной характеристики Тацита, не оставляетъ ничего желать.

Что касается до фона, на которомъ движутся вызванія къ жизни лица древняго міра, то, при всемъ желаніи, критика можетъ лишь сдѣлать несущественныя поправки. Въ одномъ мѣстѣ, напр., говорится, что римскій народъ любилъ Агриппину — указаніе, котораго нѣтъ въ источникахъ; въ другомъ упоминается лицо, уже умершее къ тому времени. Но эти и тому подобныя замѣчанія могли бы быть умѣстными, если бы шла рѣчь о диссертаціи, а не о романѣ. Но и съ точки зрѣнія школьной учености «*Quo vadis*» удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ. Уже въ «*Безъ догмата*» Сенкевичъ обнаружилъ свое знакомство съ исторіею Рима; къ «*Камо грядеши?*» онъ подготовился добросовѣстнымъ изученіемъ источниковъ и художественныхъ произведеній этого періода, и потому ни историкъ, ни археологъ не сумѣютъ, на мой взглядъ, обличить романиста въ сколько нибудь существенныхъ недочетахъ.

Романъ, какъ мы видѣли, имѣетъ цѣлью изобразить два міра: уходящій — языческій и нарождающійся — христіанскій, показать, въ какія отношенія они могли стать другъ къ другу и — главное — какіе члены перваго могли сдѣлаться связующими ихъ нитями. Для нагляднаго уясненія этого процесса Сенкевичъ останавливается на двухъ различныхъ разновидностяхъ: Виниціи и Хилонѣ.

Само собой понятно, что христіанская община имѣла въ первое время исключительно демократическій характеръ. Она радушно

открывала свои объятія всё́мъ униженнымъ и оскорбленнымъ и, признавая полную личную свободу, полное равенство, общала возмездіе въ загробномъ мірѣ за всё страданія, лишенія, добрыя поступки и помыслы земнаго. Поэтому главнѣйшіе представители христіанской общины у Сенкевича принадлежать къ народной массѣ. Таковы: Криспъ, Главкъ, Урсъ, и многіе другіе, таковы самъ апостоль Петръ, умѣющій ободрять и укрѣплять вѣрныхъ простымъ, но прочувствованнымъ словомъ. Изображенія собраній христіанъ носятъ отпечатокъ большой естественности и вполне правдоподобны. Но мы должны внимательно всмотрѣться въ мотивы, заставившіе Виниція и Хилона принять крещеніе. Сенкевичъ понималъ, что не во всёхъ случаяхъ было достаточно простыхъ мотивовъ для обращенія язычниковъ въ христіанство. Процессъ у сложныхъ натуръ долженъ былъ быть достаточно сложнымъ. Вполнѣ правильно, прибавимъ, романистъ заставилъ Павла потерпѣть неудачу при обращеніи Петронія. Этотъ раг excellense эстетикъ, съ душой неспособной къ экстазу, не считалъ нужнымъ задумываться надъ будущимъ, довольствуясь чашей земныхъ наслажденій. То время, когда философы пополняли ряды христіанъ, привнося сокровища языческихъ знаній и мудрости — еще не наступило. Самодовольные эпикурейцы, подобные Петронію, были непригодной почвой для какой либо агитаціи.

Процессъ, который приводитъ Виниція, воина-язычника, на лоно христіанина, довольно сложный, хотя и упрощенный элементомъ сильной любви къ христіанской дѣвушкѣ. Менѣе талантливый, чѣмъ Сенкевичъ, романистъ далъ бы этому чувству исключительное преобладаніе. Но Сенкевичъ сознавалъ банальность этого приѣма. Любовь Виниція къ Лигіи приводитъ молодого патриція къ познанію основъ христіанскаго ученія, къ разсѣянію предубѣжденій противъ него и открываетъ ему новые горизонты. Нельзя думать, что Виницій сдѣлался христіаниномъ лишь изъ-за обладанія Лигіей, — нъ такомъ случаѣ его обращеніе было бы поступкомъ по меньшей мѣрѣ пошлымъ, но сильное чувство подготовило душу Виниція къ тѣмъ реформамъ, которыя должны были въ ней произойти. Попытаемся прослѣдить основные фазисы постепеннаго превращенія Виниція изъ язычника въ христіанина.

Первые проблески новой для Виниція эры замѣчаются во время его пребыванія въ христіанскомъ домѣ, послѣ того, какъ онъ едва не поплатился жизнью за неудачную попытку похитить Лигію. Съ удивленіемъ онъ видитъ равенство и братство христіанъ между собою, услуги, которыя долженъ принимать отъ лицъ, имъ обиженныхъ. Мало по малу изъ-за Лигіи онъ начинаетъ вдумываться во все, что видитъ и слышитъ вокругъ себя. Если бы дѣвушка досталась ему безъ усилій, мы не видѣли бы Виниція на пути къ христіанству, а скорѣе сама Лигія поколебалась бы въ своей, еще не успѣвшей вполне сформироваться вѣрѣ. Но такъ или иначе Виницій видитъ, что ему слѣдуетъ считаться съ христіанами. Анализируя основныя положенія новаго ученія, онъ замѣчаетъ,

что въ немъ на лицо элементы многихъ ему извѣстныхъ философскихъ ученій. Сначала душа патриція протестуетъ противъ необходимости считать себя равнымъ не только плебея и клиента, но и купленнаго за деньги раба. Однако, когда Лигія не можетъ скрыть своей любви къ нему, Виницій изъ-за нея готовъ на радостяхъ оказывать благодѣянія рабамъ; онъ первый разъ въ жизни испытываетъ, какое удовольствіе можетъ причинить радость другого. Разъ открытая для этого рода наслажденій душа, конечно, окажется доступной и цѣлому ряду другихъ, болѣе высокихъ наслажденій, нежели тѣ, которыя знакомы черствому эгоисту.

Виницій примирился съ христіанами, убѣдившись, что они не враги честной любви, но враги удовольствій и сталъ къ нимъ относиться благожелательно и сочувственно. Онъ готовъ допустить и Христа въ пантеонъ тѣхъ избранныхъ божествъ, которымъ поклонялся, и даже отдавать Ему предпочтеніе. Но отъ этого настроенія до искренняго обращенія—цѣлая пропасть. Романистъ заставляеть Виниція переживать цѣлый рядъ нравственныхъ страданій и этимъ путемъ убѣдиться, что единственный исходъ изъ нихъ, единственное прибѣжище — Христова вѣра, дающая силы къ перенесенію всѣхъ страданій.

Виницій не только теряетъ, благодаря проискамъ Понпей и другихъ, Лигію, но еще вынужденъ присутствовать при ея казни. Всѣ средства спасти дѣвушку исчерпаны; даже Петроній бросилъ послѣднія кости—и проигралъ. Душа Виниція не знаетъ покоя; въ эти минуты полнаго отчаянія, безпредѣльной тоски, передъ молодымъ патриціемъ открывается заманчивая перспектива: ему указываютъ, что только Христосъ можетъ спасти Лигію, что если Онъ и допуститъ смерть Лигіи, то дастъ ей вмѣстѣ съ другими святыми мучениками вѣчное и несказанное блаженство; что раздѣлять съ ней это блаженство только принятые на лоно Христовой церкви. Виницій видитъ, какъ твердо идутъ на казнь сотни и тысячи христіанъ, радостно уповая на свѣтлую загробную жизнь. Въ минуты страшныхъ страданій его душа раскрывается для познанія и воспріятія проповѣди святыхъ апостоловъ; христіанство ему представляется источникомъ жизни, тогда какъ язычество ведетъ лишь смерть за собой. Вся эта сумма любви, отчаянія, надеждъ, смутныхъ чувствъ и чаяній шагъ за шагомъ ведетъ Виниція къ крещенію. Этотъ новый христіанинъ, безъ сомнѣнія, будетъ въ усердіи и глубинѣ вѣры уступать Главку, Криспу и даже Урсу, но и будетъ отличаться большей жизнеспособностью и начнетъ рядъ умѣренныхъ, примиренныхъ съ жизнью христіанъ, изъ которыхъ современемъ составитя большинство. Мы склонны признать процессъ, ведущій Виниція къ крещенію, типичнымъ обращеніемъ, и можемъ лишь удивляться мастерству, съ которымъ авторъ приводитъ эту несложную, неспособную къ сколько-нибудь отвлеченному мышленію душу, къ намѣченному исходу.

Нѣсколько въ иномъ свѣтѣ намъ представляется обращеніе Хилона. Этотъ грекъ великолѣпно обрисованъ Сенкевичемъ. Умъ, начитанность, наблюдательность, хитрость, пронырливость служатъ лишь орудіемъ въ рукахъ до мозга костей испорченнаго, извѣрившагося, стремящагося лишь къ удовлетворенію своихъ низменныхъ потребностей, грека. Въ сущности для опредѣленія нравственныхъ качествъ его души есть лишь одинъ эпитетъ — «подлая».

Прослѣдимъ главные моменты жизни Хилона Хилонида.

Мы застаемъ его уже на склонѣ лѣтъ. Мелкій плутъ по профессіи, Хилонъ къ тому же преданъ пьянству, мѣшающему ему быть послѣдовательнымъ въ своихъ стремленіяхъ; при всей своей наглости, онъ слишкомъ трусливъ для того, чтобы рисковать чѣмъ-либо. Этимъ объясняется нищета Хилона, при всѣхъ его талантахъ и готовности на все. Обезпечить своей старости спокойный пріютъ—вотъ единственная мечта грека. Нервы его слабы, онъ не выноситъ кровавыхъ зрѣлищъ и не можетъ смотрѣть на мученія. Въ этомъ сказывается культурная натура, отвыкшая отъ войны и насилій.

Хилонъ, кромѣ пѣлаго ряда мелкихъ преступленій, шпіонства, обмана, сводничества, запятналъ себя крупнымъ: онъ предалъ Главка, лишилъ его семьи, послѣднихъ надеждъ и посягаль, при посредствѣ гнусной клеветы, на его жизнь. Вотъ этому-то злодѣю, единственной свѣтлой стороной котораго является отвращеніе отъ жестокихъ зрѣлищъ (отвращеніе, обусловленное въ значительной степени трусостью), предстоитъ сдѣлаться не только убѣжденнымъ христіаниномъ, но даже мученикомъ. Посмотримъ, какимъ обстоятельствамъ можно приписать это обращеніе. Хилонъ сталкивается съ христіанами въ слѣдующихъ случаяхъ.

Въ первый разъ онъ познакомился со старымъ невольникомъ-христіаниномъ и за деньги Виниція выкупилъ его сына; отъ этихъ глубоко благодарныхъ ему людей грекъ узналъ о христіанскихъ собраніяхъ и чрезъ нихъ получилъ туда доступъ. Такъ какъ въ Главкѣ Хилонъ видѣлъ главную помѣху своимъ планамъ, то онъ убѣдилъ Урса-Урбана, что Главкѣ—сынъ Иуды, обѣщавшій выдать всѣхъ христіанъ. Случайность спасла безвиннаго христіанина. Далѣе Хилонъ завелъ Виниція, сопровождаемаго глadiatorомъ Кротономъ въ домъ Лигіи. Молодой патрицій едва не сдѣлался жертвой ярости Урса, убившаго Кротона, и отдѣлся лишь благодаря Лигіи сломанной рукой. Хилонъ, въ страхъ убѣжавшій домой, былъ вызванъ Виниціемъ, нашелъ его въ кругу христіанъ, между которыми къ ужасу своему увидѣлъ и Главка. Кромѣ Главка, его узналъ и Урсъ, рассказавшій, какъ Хилонъ убѣждалъ его умертвить этого христіанина. Хилонъ сталъ молить Главка о прощеніи, и послѣдній, склоняясь къ увѣщаніямъ св. Петра, простилъ обидчику. Хилонъ былъ обрадованъ и удивленъ такимъ исходомъ, но ни малѣйшаго раскаянія не испыталъ.

Продолжая слѣдить за христіанами, грекъ имѣлъ неосторож-

ность вызвать гнѣвъ Виниція, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію и поклялся отомстить и трибуну, и всѣмъ христіанамъ, имъ покровительствуемымъ. Случай скоро представился. Неронъ съегъ Римъ и вызвалъ сильный ропотъ. Надо было указать народу жертву, чтобы дать исходъ общему негодованію и жадѣ мести. Хилонъ и евреи обвиняютъ христіанъ во всевозможныхъ преступленіяхъ и поджигательствѣ. Грекъ не испытываетъ ни капли смущенія, возводя снова на несчастнаго Главка свои-же преступленія. Это служитъ завершепіемъ дѣятельности Хилона. Онъ становится обезпеченнымъ человѣкомъ и получаетъ доступъ ко двору. Неронъ, замѣтивъ его трусость, жестоко издѣвается надъ нимъ при всякомъ случаѣ.

Трусливая, мягкая натура Хилона Хилонида не переноситъ кровавыхъ зрѣлищъ. Онъ съ трудомъ присутствуетъ на цирковыхъ играхъ, гдѣ гибнутъ христіане, и часто падаетъ въ обморокъ. Во что бы то ни стало онъ желаетъ уклониться отъ вида крови и ужасовъ пытокъ, но Неронъ и его окружающіе тщательно наблюдаютъ, чтобы ничто не ускользало отъ вниманія грека. Ему предстоитъ присутствовать при торжественномъ шествіи Нерона среди горящихъ факеловъ изъ христіанъ. Въ одномъ изъ нихъ Хилонъ узнаетъ несчастнаго Главка, полный ужаса онъ молитъ несчастнаго мученика о прощеніи—и Главкъ опять, въ послѣдній смертный часъ ему прощаетъ. Тогда Хилономъ овладѣваетъ неистовство. Онъ кажется пьянымъ отъ горя, ужаса, крови, созерцанія мученій. Въ изступленіи онъ всенародно обвиняетъ Нерона въ поджогѣ. Толпа его куда то увлекаетъ, онъ скитается, встрѣчаетъ св. Павла, который обѣщаетъ ему прощеніе и спасеніе, креститъ его и повелѣваетъ дать свидѣтельство о правдѣ. Между тѣмъ преторіанцы ищутъ Хилона. Онъ самъ предается имъ въ руки. Его ведутъ къ Тигеллину. Этотъ кровожадный наперсникъ Нерона требуетъ отъ Хилона всенароднаго признанія въ томъ, что они въ пьяномъ видѣ обвинили цезаря. Но преобразившійся грекъ упорно отказывается. Ему вырываютъ языкъ и осуждаютъ на муку: его отдадутъ на растерзаніе медвѣдью; но обезсиленный старецъ не доживаетъ до этихъ минутъ и умираетъ на крестѣ, прежде чѣмъ звѣрь успѣлъ его коснуться.

Вотъ отношенія Хилона къ христіанамъ. Вы видите, что они распадаются на два фазиса. Въ первомъ грекъ является корыстливымъ и подлымъ плутомъ, готовымъ изъ за наживы предать благодѣтелей, друзей и родныхъ. Его душа не знаетъ ни раскаянія, ни сожалѣнія; онъ боится лишь за свою безопасность. Во второмъ фазисѣ мы видимъ Хилона сперва подавленнымъ кровавыми зрѣлищами, потомъ какъ-бы опьяненнымъ ими и, наконецъ, въ изступленіи умоляющимъ Главка простить его. Въ послѣдніе же часы своей жизни Хилонъ является вѣрующимъ и убѣжденнымъ христіаниномъ-мученикомъ.

Мы не отрицаемъ возможности самыхъ рѣзкихъ душевныхъ переверотовъ: жизнь убѣждаетъ въ ихъ существованіи. Но такіе перевероты всегда подготовляются сложнымъ и продолжительнымъ

историческимъ процессомъ, и задача психолога-романиста — воспроизвести ихъ въ болѣе или менѣе типичной формѣ. Обыкновенно существуютъ въ душѣ человѣка задатки, объясняющіе непонятную въ глазахъ постороннихъ эволюцію. Какое же право мы имѣемъ думать, что Хиловъ, до 60 лѣтъ бывший мелкимъ плутомъ, ознаменовавшимъ себя цѣлымъ рядомъ предательствъ, преобразится въ героя? Единственная черта, на которой Сенкевичъ можетъ строить метаморфозу Хилона—его отвращеніе къ жестокимъ зрѣлищамъ, зависящее, можетъ быть, и отъ трусости. Можно допустить изступленіе Хилона при видѣ жертвы, прощающей ему во имя Христа, можно допустить даже всенародное обвиненіе Нерона въ убійствѣ,—но на чемъ основывать дальнѣйшее упорство жаждущаго жизни философа и его глубокую вѣру въ Христа? Мы вѣдь видѣли, что изъ общенія съ христіанами Хиловъ лишь извлекалъ выгоду для себя, что онъ ни на минуту не поколебался въ своемъ безпредѣльномъ скептицизмѣ и смотрѣлъ на послѣдователей Христа, какъ на полуумныхъ. Гдѣ могла эта душа найти точку опоры для своего превращенія? Скептицизмъ и подлость, безгранично царящія въ душѣ Хилона въ первомъ періодѣ,—это элементы, исключающіе, какъ извѣстно, возможность всякой пропаганды. Если бы авторъ придавалъ болѣе человѣчныхъ чертъ этому скептику, если бы онъ указалъ въ немъ хоть зародыши самой обыкновенной, житейской любви, читатель могъ бы вѣрить въ возможность его обращенія. Но этого Сенкевичъ не сдѣлалъ. Читатель растроганъ въ высшей степени эффектнымъ заключеніемъ земного странствованія Хилона, но недоумѣваетъ, откуда произошла эта перемѣна.

Намъ думается, что во всякомъ случаѣ Хилона нельзя считать связующимъ звеномъ язычества съ христіанствомъ. Остается лишь Виницій, который, при исключительности своихъ мотивовъ, не можетъ заполнить бѣдны, лежащей между двумя мірами. Христіанство и язычество представляютъ въ романѣ Сенкевича двѣ картины, ничего общаго между собой не имѣющія. Въ этомъ случаѣ романиста можно сравнить съ живописцемъ, располагающимъ лишь однимъ моментомъ для изображенія извѣстнаго событія. Къ тому же во время Нерона между официальнымъ язычествомъ и безвѣстной сектой не было ничего общаго, а лучшіе философскіе умы стояли еще довольно далеко отъ христіанскаго ученія.

Изъ всѣхъ романовъ, живописующихъ первый вѣкъ христіанства, «*Quo vadis*» является наиболѣе полнымъ, цѣльнымъ и художественнымъ произведеніемъ. Какъ плодъ добросовѣстнаго изученія исторіи, искусства и археологіи, романъ способенъ выдержать строгую критику. Сочиненія Тацита, Светонія, Плутарха, Плинія, Ювенала и многихъ другихъ изучены романистомъ очень добросовѣстно. Нѣтъ ни одной, скольконибудь важной сцены, выдающегося лица, которые не находили бы оправданія въ источникахъ. Такъ рассказъ, подобный описанію появленія Лигіи на рогахъ

тура мы находимъ у Климента Римскаго, смерть Нерона разсказана по Светонію, подробность о вазѣ Петронія, разбитой имъ передъ смертью, передается Плиніемъ и Плутархомъ, снисходительная критика поэзіи Нерона написана вѣроятно подъ влияніемъ Vossius'a (de Poetis latinis), фигура Хилона напоминаетъ Еумольпуса изъ Сатирикона Петронія, — словомъ, вы не найдете ни въ основныхъ частяхъ, ни въ мелкихъ деталяхъ чертъ необдуманыхъ и непровѣренныхъ по источникамъ.

«Quo vadis» слѣдуетъ считать самымъ художественнымъ романомъ, воспроизводящимъ римское общество при Неронѣ. Пластичность, великолѣпныя характеристики, глубина замысла, — все говоритъ въ его пользу. Авторъ вполне удовлетворяетъ требованіямъ исторіи и поэзіи. Въ немъ намъ особенно дороги его оригинальный талантъ и неувыдаемая любовь къ истинѣ. Грядущія поколѣнія будутъ почерпать изъ этого чистаго источника воодушевленіе и бодрость, знанія и любовь.

Л. Шепелевичъ.

Исторія позитивной философіи *).

Проф. Г. Геофдинга.

б. Индуктивная логика.

Главная сила Милля, какъ мыслителя, состоитъ собственно въ неустанномъ обсужденіи, въ неутомимомъ переворачиваніи проблемъ, чтобы дойти до ихъ послѣднихъ предположеній. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ *Системы логики*, въ которыхъ онъ оговариваетъ возраженія, выставленныя противъ его теорій, его изложеніе принимаетъ діалогическій характеръ. Подобно тому, какъ составитель діалога, если послѣдній дѣйствительно заслуживаетъ своего названія, старается выставить съ возможно большею отчетливостью и въ возможно болѣе характерной формѣ различныя точки зрѣнія, такъ и стараніе Милля направлено на то, чтобы предоставить полное право взглядамъ и возраженіямъ своихъ противниковъ; на своихъ противниковъ онъ смотритъ въ сущности скорѣе, какъ на сотрудниковъ. Его пониманіе чужихъ точекъ зрѣнія имѣло, разумѣется, свою границу; это была та же разница, которую ставили вообще его изслѣдованіямъ его личность и его отправной исторической пунктъ, какъ мыслителя. Эта граница выступаетъ при критической оцѣнкѣ особенно ясно потому, что психологическое основаніе всей его теоріи познанія покосилось у него, чего самъ онъ, повидимому, не замѣчаетъ. Кто хочетъ судить Милля, тотъ долженъ видѣть въ немъ прежде всего великаго искателя. Его заслуга передъ философіей не стоитъ и не падаетъ съ рѣшеніемъ вопроса, удалось-ли ему про-вести эмпиризмъ въ такой абсолютной формѣ, о какой не помышлялъ еще даже самъ Юмъ.

Милль противопоставляетъ логику опыта логикѣ чистаго мышленія, отчасти какъ ея антитезу, отчасти какъ ея расширеніе. Чистое мышленіе не можетъ расширять наше познаніе; оно не можетъ идти дальше того, чтобы поддерживать согласіе нашихъ представленій. Новыя же истины можно пріобрѣтать только путемъ наблюденія и опыта, и поэтому возникаетъ вопросъ, какіе пути существуютъ для доказательства новыхъ истинъ на почвѣ наблюденія. Центръ тяже-

*) См. «Образованіе» № 5—6.

сти Милль сосредоточиваетъ на доказательствѣ, а не на открытіи. Провести всё представленіе черезъ огонь чистилища, прежде чѣмъ они попадутъ на небо истины—вотъ какой интересъ руководить имъ. Его меньше интересуеетъ вопросъ, какимъ образомъ возникаютъ эти представленія первоначально; вопросъ состоитъ для него въ томъ, какъ они обосновываются. Значеніе и практическую цѣну философіи Милль, подобно Карлейлю, видитъ въ томъ, что она есть борьба противъ привычки. Тѣ взгляды, которые образовались у человѣка путемъ непроизвольной ассоціаціи представленій или перешли къ нему по традиціи, должны быть просвѣяны и подвергнуты изслѣдованію, чтобы изгнать такимъ образомъ тормозящіе прогрессъ предрасудки. Большія надежды, которыми Милль возлагалъ на совершенствованіе человѣческаго рода, находили себѣ важную опору въ томъ, что всё представленіе онъ сводилъ къ опыту.

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общее положеніе устанавливается авторитетомъ, какъ то имѣетъ мѣсто по отношенію къ богословскимъ и юридическимъ положеніямъ, всякое общее предложеніе представляетъ собою, по утверженію Милля, только сумму ряда отдѣльныхъ наблюденій. Поэтому дедуктивная логика, начинающая общими предложеніями, предполагаетъ индуктивную, показывающую, какъ мы приходимъ отъ отдѣльныхъ наблюденій къ этимъ общимъ предложеніямъ. Чистое мышленіе всегда предполагаетъ опытъ. Если я, напр., дѣлаю такое умозаключеніе: «Всѣ люди смертны—герцогъ Веллингтонъ (который былъ еще въ живыхъ, когда Милль писалъ свою логику) человѣкъ—слѣдовательно герцогъ Веллингтонъ смертенъ», то очевидно, что для того, чтобы имѣть право выставить первое предложеніе о смертности *всѣхъ* людей, я въ сущности долженъ быть увѣренъ, что герцогъ Веллингтонъ точно также умретъ. Въ дѣйствительности же, говоритъ Милль, я заключаю не отъ смерти *всѣхъ* людей къ смерти Веллингтона, но отъ длиннаго ряда опытовъ относительно смерти отдѣльныхъ людей къ смерти этого отдѣльнаго человѣка, Веллингтона.

Знай я, дѣйствительно, что *всѣ* люди смертны, мнѣ не нужно было дѣлать никакого вывода, такъ какъ смертность *всѣхъ* обнимала бы въ такомъ случаѣ смертность Веллингтона. Собственно говоря, я дѣлаю, слѣдовательно, такое умозаключеніе: Иванъ смертенъ, Ома смертенъ и т. д. и т. д.—слѣдовательно и Веллингтонъ также смертенъ. Итакъ, въ основаніи всякаго силлогизма, верхняя посылка котораго не установлена авторитетомъ, лежитъ въ дѣйствительности *умозаключеніе отъ частнаго къ частному*. Это та форма умозаключенія, изъ которой выводится, какъ индукція, такъ и дедукція,—сначала индукція, а затѣмъ дедукція. Начало всего процесса познанія состоитъ въ томъ, что два явленія (человѣкъ и смерть напр.) представляются мнѣ одновременно. Слѣдующій разъ съ наступленіемъ перваго изъ нихъ является ожиданіе и втораго. Если это ожиданіе подтвердится, то я соединяю всё эти опыты въ одномъ *общемъ* предложеніи, т. е. въ такомъ предложеніи, которое даетъ мнѣ въ краткомъ итогѣ *всѣ мои опыты*. Больше этого оно мнѣ не

можетъ дать, если я не желаю прийти къ незаконному обобщенію.

Всякое умозаключеніе происходитъ поэтому отъ частнаго (или частныхъ) къ частному (from particulars to particulars). Подобныя умозаключенія дѣлаютъ уже дѣти. Когда ребенокъ видитъ свѣчу, о которую онъ уже разъ ожогся, то отнимаетъ руку, не потому чтобы онъ установилъ общее предложеніе, но потому что видъ огня вызываетъ непосредственно представленіе боли. Умозаключать такимъ образомъ могутъ и животныя, потому что не только обжогшееся дитя, но и обжогшаяся собака боится огня. (Logic. Book II Chap. 3. § 3).

Милль ясно видитъ, конечно, что этотъ непосредственный переходъ отъ воспріятія къ представленію или ожиданію есть только ассоціація, законность которой подлежитъ еще разсмотрѣнію. Она принадлежитъ къ ассоціаціямъ того рода, къ которымъ Джемсъ Милль старался свести всякую ассоціацію, именно къ ассоціаціи «по смежности»: мы часто видѣли вмѣстѣ АВ и ожидаемъ теперь В, потому что А наступаетъ вновь. Но какъ *доказать* правомѣрность подобнаго ожиданія? Вѣдь въ логикѣ рѣчь идетъ не о томъ, что мы признаемъ за обоснованное, но о томъ, что мы *должны* признать правомѣрнымъ. (Evidence is not that which the mind does or must yield to, but that which it ought to yield to. Logic. Book. III. Chapt. 21. § 1). По какому же праву мы заключаемъ отъ наступленія одного явленія (А) къ наступленію другого, отъ него отличнаго (В)?

На основаніи исторіи опытныхъ наукъ, пользуясь которой, Милль имѣлъ по собственному признанію предшественниковъ въ лицѣ Конта, Юля и Джона Гершеля (On the Study of Natural Science. London 1830), онъ устанавливаетъ четыре главныхъ метода, при помощи которыхъ можно отличать законныя соединенія представленій отъ незаконныхъ. Очень подробное описаніе этихъ методовъ (главныя черты которыхъ были намѣчены Гершелемъ) составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ частей его труда. Здѣсь мы можемъ остановиться только на главномъ пунктѣ, на томъ значеніи, которое Милль придаетъ отрицательнымъ случаямъ, именно—тѣмъ опытамъ, въ которыхъ явленіе не наступаетъ, несмотря на то, что всѣ условія, за исключеніемъ одного только, тѣ же самыя, какъ и въ опытахъ, въ которыхъ оно наступаетъ. Въ такихъ случаяхъ находить себѣ примѣненіе *методъ различія*, главный индуктивный методъ. (На него намекаетъ уже Бэконъ, какъ на одну изъ самыхъ важныхъ «instansiae solitariae»). Въ отдѣльныхъ условіяхъ, которыми опытъ съ наличнымъ явленіемъ отличается отъ опыта, гдѣ явленіе отсутствуетъ, мы должны въ такомъ случаѣ предполагать что нибудь такое, что стоитъ въ причинной связи съ явленіемъ (или какъ причина или какъ слѣдствіе или же такъ, что оба случая составляютъ слѣдствія одной и той же причины). Поэтому мы тогда только въ правѣ ожидать В послѣ А, когда окажется, что отсутствіе А влечетъ за собой отсутствіе В. И для того, чтобы установить законъ касательно отношенія между А и В, намъ нужно имѣть только два случая, положительный и отрицательный.

Однако только въ очень простыхъ случаяхъ умозаключеніе такъ просто. При сложныхъ отношеніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ совместно много различныхъ элементовъ, мы должны сначала разложить явленіе на его отдѣльные элементы, затѣмъ изслѣдовать при помощи простыхъ индукцій, какъ дѣйствуетъ каждое изъ нихъ, затѣмъ постараться опредѣлить при помощи дедукціи, какого результата достигнетъ совместное дѣйствіе ихъ, и наконецъ удостовѣриться путемъ наблюденія, что наши выводы или расчеты дѣйствительно согласны съ опытомъ. Слѣдовательно, весь процессъ познанія состоитъ изъ трехъ членовъ: изъ индукціи, дедукціи и повѣрки. Милль очень далеко отъ того, чтобы не понимать значенія дедуктивнаго метода; въ той роли, какую дедукція играетъ въ наукѣ, онъ видитъ даже доказательство совершенства этой науки. Онъ старательно подчеркиваетъ только, что всякая дедукція покоится въ конечномъ итогѣ на индукціяхъ и подлежитъ повѣркѣ путемъ согласія ея выводовъ съ опытомъ. Чистое мышленіе онъ отбрасываетъ только въ томъ случаѣ, если оно желаетъ начинать безъ эмпирической подкладки и кончать безъ эмпирическаго подтвержденія.

Методъ различія, на которомъ должно держаться все знаніе познанія, имѣетъ силу доказательности только тогда, — какъ это ясно видитъ Милль, — если мы будемъ исходить изъ предположенія, что связь явленій въ природѣ такова, что разъ случившееся произойдетъ вновь при наступленіи тѣхъ же самыхъ отношеній. Единствообразіе и постоянство природы или закона причинности составляетъ слѣдовательно предположеніе, на которое опираются всѣ наши выводы касательно дѣйствительныхъ явленій. Обсуждая возможность доказать законъ причинности, Милль подвергаетъ вновь разсмотрѣннѣйшую проблему, изслѣдованіемъ которой занимались Юмъ и Кантъ. Онъ даетъ на нее отвѣтъ въ духѣ Юма, но хочетъ при этомъ освѣтить ее съ логической стороны, тогда какъ Юмъ объявилъ ее логически неразрѣшимой, такъ что оставался одинъ только исходъ — психологически объяснить возникновеніе предположенія причинной связи.

Милль оспариваетъ мнѣніе, будто бы начало причинности опирается на непосредственную вѣру, интуицію или инстинктъ. Вѣра и инстинктъ, во-первыхъ, не доказательства. Сильная и крѣпкая ассоціація представленій можетъ породить такую увѣренность, какой нельзя поколебать никакимъ противнымъ доказательствомъ; но сила ея сама по себѣ не составляетъ доказательства. Съ другой стороны, полагаетъ Милль, можно *совершенно откинуть допущеніе* причинности и устранить «инстинктъ». Никто, привычный къ отвлеченію и анализу и свободно располагающій полетомъ воображенія, не сочтетъ невозможнымъ представить себѣ абсолютный хаосъ, въ которомъ явленія слѣдуютъ другъ за другомъ безъ опредѣленнаго закона, въ постоянно измѣняющемся порядкѣ. Да и не всегда, оказывается, люди вѣрили въ законъ причинности, они признавали «случай»; и считали за реальный фактъ «свободную волю». Поэтому для того, чтобы понять правомѣрность опытныхъ наукъ, намъ нѣтъ надобности

допускать, что законъ причинности приложимъ ко всѣмъ явленіямъ, если только мы допускаемъ его приложимость въ тѣхъ областяхъ, на которыя простирается наше изсѣдованіе; движеніе планетъ можетъ быть подчинено, напр., опредѣленнымъ законамъ, если даже вѣтеръ и погода не подчиняются никакимъ законамъ. И мы не имѣемъ никакого права распространять обязательность закона причинности дальше, чѣмъ на извѣстную намъ часть вселенной. Опыты можно подтверждать только опытами; поэтому дѣйствительное основаніе опытныхъ наукъ можно заложить только на почвѣ опыта. Опытъ самъ долженъ намъ сказать, насколько можно довѣрять опыту. Мы должны сдѣлать опытъ масштабомъ его самого. (*We make experience its own test. Logic. III, 4, 2.*)

Законъ причинности долженъ быть, слѣдовательно, самъ обоснованъ на опытѣ и доказанъ индуктивно. Наша увѣренность, что явленіе не наступитъ, если ему не будетъ предшествовать другой извѣстный и опредѣленный опытъ, покоится на томъ, что подобную связь явленій мы познали на опытѣ безчисленного количества разъ. Слѣдовательно, убѣжденіе въ приложимости закона причинности къ отдѣльному явленію имѣетъ ту же самую природу, какъ увѣренность въ томъ, что герцогъ Веллингтонъ умретъ. И здѣсь происходитъ умозаключеніе отъ частнаго къ частному. Законъ причинности опирается однако, по мнѣнію Милля, на такое множество опытовъ, что мы въ правѣ назвать его самымъ широкимъ обобщеніемъ, какимъ мы только владѣемъ. Дѣлая его опорой нашихъ болѣе ограниченныхъ познаній, мы возводимъ ихъ достовѣрность на болѣе высокую ступень.

Но проблема индуктивной логики и состояла именно въ томъ, чтобы оправдать соединеніе на будущее время двухъ представленій (А и В напр.) другъ съ другомъ, потому что раньше они встрѣчались намъ вмѣстѣ; «умозаключеніе» отъ частнаго къ частному есть только ассоціація. Въ дѣйствительности же, узнавъ, что право дѣлать подобное соединеніе представленій опирается на законъ причинности, мы нисколько не приблизились къ доказательству его легальности; такъ какъ оказывается, что этотъ законъ самъ опирается опять таки на «умозаключеніе» отъ частнаго къ частному—на ассоціацію, слѣдовательно, хотя бы и подкрѣпляемую безчисленнымъ повтореніемъ. (Въ отношеніи къ началу причинности А есть «наступленіе явленія», В—«наступленіе другого извѣстнаго и опредѣленнаго явленія»). Милль вращается въ кругѣ *) или, точнѣе говоря, не двигается съ мѣста. Ссылкой на законъ причинности, какъ на послѣднее основаніе отдѣльныхъ индукцій, ему удалось только

*) Кругъ въ этомъ умозаключеніи былъ показанъ съ большой силой и тонкостью *Стэнли Джевонсомъ* въ отрывкахъ его труда «*Examination of I. St. Mills Philosophy*», окончить который ему помѣшала ранняя смерть. См. *Pure Logic and others minor Works. London 1890* стр. 254 и д. Однако изъ своей правильной критики Милля въ этомъ пунктѣ Джевонсъ дѣлаетъ слишкомъ широкіе выводы относительно значенія Милля, какъ мыслителя вообще.—См. Также *Arne Løchen: On Stuart Mills* № 9. Отд. I.

въ сущности установить, что болѣе трудно расторгимыя ассоціаціи могутъ охранять ассоціаціи менѣе крѣпкія и стойкія; новая привычка можетъ быть подкрѣплена старой привычкой родственной природы. Но это не есть доказательство.

Рвеніе, съ которымъ Милль старался искоренить все апіорныя начала, завело его безъ сомнѣнія слишкомъ далеко. Онъ смѣшивалъ—какъ и многіе изъ его противниковъ—допущеніе, что данный принципъ имѣетъ начало въ природѣ сознанія, съ доказательствомъ его реальной правомѣрности. Онъ правъ въ томъ, что какіе бы глубокіе корни ни имѣлъ принципъ въ природѣ нашего сознанія, этимъ еще не доказана его реальная правомѣрность. Но возможно и такое предположеніе, что существуютъ гипотезы, построить которыя насъ побуждаетъ природа нашего сознанія и провѣрять которыя составляетъ въ частности задачу опытныхъ наукъ. Задача научнаго знанія состояла бы тогда частію въ томъ, чтобы вносить большую точность въ произвольно возникающія предположенія, частію въ томъ, чтобы подвергать ихъ провѣркѣ. У Милля сейчасъ же являлось подозрѣніе, какъ только кто-нибудь утверждалъ, что произвольныя предположенія могутъ имѣть значеніе для познанія; у него сейчасъ же являлось опасеніе, не хотять-ли провезти контрабандой какой-нибудь догматъ. Вѣчное топтаніе на одномъ мѣстѣ было той Немезидой, которую его подозрительность навлекла на его собственную теорію познанія.

Въ дѣйствительности умозаключенія отъ частнаго къ частному не существуютъ, если подъ умозаключеніемъ разумѣть такой процессъ, который ведетъ съ *необходимостью* отъ одного предположенія къ другому, и если мы не хотимъ уничтожить различіе между умозаключеніемъ и простой ассоціаціей представленій. Если переходъ отъ одного частнаго къ другому долженъ быть обоснованъ, то это можетъ быть сдѣлано только по сходству перваго частнаго съ ранѣе бывшимъ: такъ какъ A_1 соответствовало B_1 , то я заключаю, что A , соответствуетъ B . Что здѣсь дѣлаетъ возможнымъ переходъ, такъ это аналогія, и отъ оцѣнки состоятельности аналогіи зависить рѣшеніе вопроса, законенъ-ли переходъ. Самъ Милль долженъ признать значеніе, какое имѣетъ отношеніе сходства во всякомъ умозаключеніи (Logic. II, 3, 3 и III, 3, 1); но онъ не замѣчаетъ, что этимъ уничтожается возможность умозаключенія отъ частнаго къ частному, какъ онъ его описалъ, и что начало тождества становится послѣдней предпосылкой, на которой покоится всякій процессъ умозаключенія, въ какой бы формѣ онъ ни совершался—въ индуктивной или дедуктивной. Слѣбое называніе представленій не даетъ

Logic. (О логикѣ Стюарта Милля). Христіанія и Копенгагенъ 1885 стр. 165 и д.—Критика Джевонса была опубликована раньше въ «Contemporary Review» 1877—79, такъ что Löchen могъ пользоваться ею. Трудъ Löchen'a богатъ однако интересными и поучительными замѣчаніями и изслѣдованіями и даетъ хорошую характеристику Милля, его логики и теоріи познанія.

еще логической связи: только тамъ спадаетъ пелена съ глазъ, гдѣ можно констатировать отношеніе тождества *).

Но и самыя логическія начала Милль считаетъ, въ послѣдовательномъ согласіи съ своимъ чистымъ эмпиризмомъ, основанными на опытѣ. Уже рано узнаеть человѣкъ на опытѣ, что свѣтъ и тьма, движеніе и покой, прошедшее и будущее представляютъ собою различные и несовмѣстимые предикаты. Я узнаю на опытѣ, что для меня невозможно вѣрить и не вѣрить чему-нибудь въ одно и то же время. Вѣра и невѣріе — два несовмѣстимыхъ состоянія духа. Отсюда я уже и вывожу путемъ обобщенія положеніе, что не можетъ быть истиннымъ то, что само себя противорѣчитъ. Но это начало не можетъ обладать необходимостью, выходящею за предѣлы познанныя на опытѣ. Если даже мы останавливаемся передъ извѣстными предположеніями, которыхъ не можемъ отвергать, не чувствуя самопротиворѣчія, то мы не имѣемъ еще права заключить отсюда, что они дѣйствительно невозможны. Могутъ существовать ассоціаціи представленій, настолько стойкія, что мы не въ силахъ расторгнуть ихъ. Но тѣмъ не менѣе исторія науки съ избыткомъ показываетъ намъ, что считавшееся нѣкогда немыслимымъ можетъ быть несмотря на это истиннымъ. Если мы видимъ, что непостижимое становится съ теченіемъ времени постижимымъ, то немыслимость того, что противорѣчитъ извѣстному тезису, не можетъ быть доказательствомъ правильности этого тезиса. Только опытнымъ путемъ, а не при помощи субъективныхъ критеріевъ, узнаемъ мы, что возможно и дѣйствительно. — Изъ двухъ вопросовъ, — существуютъ ли внутреннія противорѣчія, представляющія нѣчто больше фактически неразрывныхъ ассоціацій представленій, и имѣемъ ли мы право признать, что самопротиворѣчивое не можетъ существовать, послѣдній интересуеть очевидно больше Милля. Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ (*Examination of sir William Hamilton's Philosophy* 2 ed. стр. 67) онъ колеблется даже въ томъ, насколько несовмѣстимость двухъ противорѣчивыхъ положеній можетъ опираться на изначальную природу нашего сознанія или вытекать изъ опыта; но остается все-таки при томъ, что субъективная необходимость не можетъ обосновывать объективную реальность. Милль упускаетъ однако здѣсь изъ виду стимулирующую и подстрекающую силу противорѣчія. Именно противорѣчіе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ положеній, которыхъ мы выводимъ изъ опыта, ставитъ намъ проблемы и призываетъ насъ къ работѣ, чтобы устранить противорѣчіе. Если бы мы не пользовались постоянно противорѣчіемъ, какъ критеріемъ, то наше мышленіе скоро заснуло бы. Какъ начало причинности даетъ намъ наши гипотезы, такъ начало противорѣчія создаетъ намъ проблемы. И здѣсь подозрительность Милля завела его слишкомъ далеко.

*) На эти соображенія опиралась уже моя прежняя критика теорій познанія Милля. См. *Введеніе въ англійскую философію нашего времени* (Нѣмецк. перев. стр. 44—51).

Начала математики, подобно логическимъ началамъ, представляютъ собою обобщенія по даннымъ опыта. Математика, правда, умозрительная наука, ведущая къ необходимымъ выводамъ путемъ мышленія; однако она опирается на такія основныя начала, которыя могутъ быть получены только изъ опыта. Геометрическія опредѣленія, напр., содержатъ въ себѣ элементы, заимствованные изъ опыта, если даже мы и представляемъ эти эмпирическіе элементы въ болѣе совершенномъ и точномъ видѣ, чѣмъ они даются въ опытѣ. Опредѣленіе круга, напр., содержитъ въ себѣ утверженіе, что всѣ радіусы одинаковой величины, чего однако никоимъ образомъ нельзя доказать относительно радіусовъ дѣйствительнаго круга. Тѣмъ не менѣе всѣ дѣйствительные круги приближаются болѣе или менѣе къ тому идеальному кругу, относительно котораго геометрія доказываетъ свои положенія, и чѣмъ приближеніе больше, тѣмъ больше уполномочены мы примѣнять эти положенія къ дѣйствительности. Мы дѣлаемъ прыжокъ отъ приблизительно равныхъ величинъ къ абсолютно равнымъ, такъ какъ это даетъ намъ возможность выводить слѣдствія, а въ случаѣ примѣненія этихъ слѣдствій мы принимаемъ въ соображеніе степень приближенія. Въ основаніи геометріи лежатъ, слѣдовательно, гипотезы или, если угодно, фикціи. Если геометрія должна имѣть реальную правомѣрность, то приходится предположить, что свойства пространства соотвѣтствуютъ тѣмъ наблюденіямъ, къ которымъ мы прибѣгали, чтобы образовать свои идеальныя гипотезы или фикціи. Но мы не можемъ знать аргіогі, повсюду ли въ мірѣ пространство обладаетъ этими свойствами.— Если бы Милль вошелъ ближе въ разсмотрѣніе той идеализаціи, которая ведетъ къ построенію гипотезъ геометріи, то его теорія познанія получила бы, можетъ быть, другой характеръ, такъ какъ онъ увидалъ бы, что можно свободно допустить апіорный элементъ нашего познанія, не полагая еще поэтому, что на немъ можно обосновывать безъ дальнѣйшихъ разсужденій наши предположенія о свойствахъ бытія.

Итакъ, попытку Милля провести эмпиризмъ и серьезно прикнуть къ ученію о *tabula rasa* нельзя признать удавшейся. Но рѣшившись сдѣлать эту попытку, онъ пролилъ своими остроумными изслѣдованіями, захватывающими весьма различныя области, яркій свѣтъ на природу нашего познанія. На самую попытку можно смотрѣть, какъ на *pendant* къ диалектической методѣ Гегеля: въ то время какъ Гегель хотѣлъ разгадать истину путемъ самораскрытія чистаго мышленія, Милль старался открыть ее путемъ сопоставленія *самостоятельныхъ* представленій, воспринятыхъ извнѣ.

Своеобразную особенность теоріи познанія Милля представляетъ зависимость, въ которой она стоитъ отъ его психологическихъ предпосылокъ. Милль воздвигаетъ свою логику на психологіи своего отца. Ассоціація по смежности, какъ основная форма всякой связи представленій, и нерасторжимая ассоціація, какъ объясненіе кажущагося немислимымъ,— вотъ тѣ средства, которыми онъ оперируетъ. *Психологія* составляетъ для него основную науку.

поддерживающую всё остальныя. Законы ассоціаціи—основныя законы всего нашего познанія.

Самъ Милль не далъ систематическаго изложенія психологіи, но изслѣдовалъ въ своей логикѣ ея методъ, а въ другихъ сочиненіяхъ («Examination», 1865, и въ примѣчаніяхъ къ «Analysis» Джемса Милля) входилъ въ разсмотрѣніе частныхъ психологическихъ вопросовъ. Все это представляетъ большой интересъ. Система психологіи, къ которой онъ примыкалъ ближайшимъ образомъ въ позднѣйшіе годы, принадлежитъ его другу и ученику *Александру Бэню*, изложеніе которой этотъ послѣдній представилъ въ двухъ своихъ главныхъ произведеніяхъ: *The Senses and the Intellect* (1856) и *The Emotions and the Will* (1859). Однако Бэнь покинулъ въ этихъ произведеніяхъ строго ассоціаціонную психологію, какъ ей училъ Джемсъ Милль и призналъ—подъ вліяніемъ Вильяма Гамильтона—за основаніе всякой ассоціаціи представленій, въ томъ числѣ и ассоціаціи по смежности, отношеніе по сходству. На сторону этого взгляда Милль становится въ своихъ примѣчаніяхъ къ «Analysis». Оставаясь послѣдовательнымъ, Милль долженъ былъ предоставить отношенію сходства и въ своей теоріи познанія большее вліяніе, чѣмъ призналъ его въ своей логикѣ, въ которой, какъ мы видѣли, онъ кладетъ въ основу всѣхъ процессовъ умозаключенія ассоціацію по смежности. Онъ считалъ, конечно, уже и въ логикѣ (1, 3, 11; 5, 6) отношеніе сходства и различія особымъ, несводимымъ ни къ чему другому отношеніемъ; однако не изслѣдовалъ ближе той роли, которую играютъ эти отношенія во всякой связи представлений и при всякомъ мышленіи.

Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Милль старается остаться вѣрнымъ пониманію сознанія Юмомъ и Джемсомъ Миллемъ, какъ ряда состояній, но только добавляетъ къ этому:—дѣйствительныхъ или *возможныхъ* состояній. Но онъ встрѣчаетъ затрудненіе, не останавливавшее его предшественниковъ. Воспоминаніе и ожиданіе предполагаетъ, что *я самъ, а не кто-нибудь другой* имѣлъ или буду имѣть въ другое время такое состояніе сознанія, о какомъ я имѣю теперь представленіе. Въ сознаніи должно быть, слѣдовательно, кромѣ отдѣльныхъ звеньевъ, образующихъ рядъ, еще что-то другое. Какъ рядъ можетъ знать, что онъ есть рядъ, что онъ имѣетъ звенья протекшія и будетъ имѣть звенья будущія? Это ясно показываетъ наличность *связи* между отдѣльными звеньями сознанія, отдѣльными ощущеніями и представленіями; связь эта не простой продуктъ мышленія, но столь же реальна, какъ и сами отдѣльныя звенья. Если мы хотимъ дать какое-нибудь имя этому первичному объединяющему началу въ нашемъ сознаніи, то должны назвать его нашимъ *Я* или *Я Самъ*. (Examination. Chap. 12. Наиболее характерныя и рѣшительныя выраженія добавлены только въ позднѣйшихъ изданіяхъ). Въ примѣчаніяхъ къ «Analysis» Милль высказываетъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: «Существуетъ извѣстная связь между всѣми звеньями ряда, которая производитъ то, что я говорю: эти ощущенія принадлежатъ личности, которая

всегда была той же самой личностью... и эта связь образует мое Я». Дальше этого—добавляет Милль—мы не можем пока ни въ какомъ случаѣ идти на пути психологическаго анализа. Такимъ образомъ онъ окончательно покидаетъ ассоціаціонную психологію. По мѣткому замѣчанію кого-то, онъ *открылъ западно въ своей собственной философіи*. Юму «объединяющее начало» должно было казаться, какъ этого требовала послѣдовательность, загадкой, потому что онъ отправлялся отъ ощущений и представленій, какъ единственной реальности. Милль же, признавая объединяющую связь столь же реальной, какъ и отдѣльные элементы, вноситъ существенную поправку въ то понятіе сознанія, отъ котораго отправлялись Юмъ, а послѣ него Джемсъ Милль. Законы ассоціаціи могутъ теперь быть уже только специальными формами «объединяющаго начала», и англійская школа исправила, слѣдовательно, благодаря своему неустанному анализу, свой собственный принципъ *). Констатируя реальность отношенія сходства и указанной связи, но построивъ въ то же время свою логику на чисто внѣшней и случайной ассоціаціи, Милль запутывается въ противорѣчіяхъ. Доходя такимъ образомъ до выводовъ, ведущихъ дальше его собственныхъ первоначальныхъ предположеній, Милль даетъ доказательство своей добросовѣстной правдивости и прозорливости своего исканія.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ примѣненіи законовъ ассоціаціи, которое дѣлаетъ Милль. Онъ старается показать, какъ можно объяснить ими вѣру во внѣшній міръ.—Все, что я знаю о мірѣ, я знаю изъ своихъ ощущений. Но существуетъ-ли дѣйствительно міръ въ томъ смыслѣ, что существуетъ нѣчто отличное отъ

---

*) Въ своихъ *Очеркахъ психологіи, основанной на опытѣ* (2-е нѣм. изд. Лейпцигъ 1893) я сдѣлалъ попытку принять „объединяющее начало“, какъ руководящую точку зрѣнія, и показать, какъ сводятся къ этому началу и законы ассоціаціи и законы ощущений. Это начало было положено въ основу теоріи сознанія уже Кантомъ (подъ именемъ синтеза). Меня удивляло поэтому, что я зачислялся сплошь да рядомъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ ряды сторонниковъ англійской школы. *Поль Кацусъ*, напр., (*Primer of Philosophy*. Чикаго, 1893, стр. 175) ставитъ меня «въ число тѣхъ психологовъ, которые думаютъ, что ассоціаціонное ученіе даетъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ проблемъ душевной жизни». *Вундтъ* (*Physiologische Psychologie*. 4-е изд. Лейпцигъ, 1893, II, стр. 482) причисляетъ меня къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые полагаютъ, что всѣ психическіе процессы могутъ быть выведены изъ ассоціацій». Уже во «Введеніи въ англійскую философію нашего времени» (1874) я подвергъ критикѣ ассоціаціонную психологію, какъ такую концепцію, которая сводитъ реальность сознанія къ ощущениямъ и представленіямъ въ ихъ самостоятельности, а на ассоціацію смотритъ, какъ на внѣшнюю, несущественную для ощущений и представленій самихъ по себѣ, связь ихъ. И черезъ всю мою психологію проходитъ критика этой концепціи, соединенная однако же съ попыткой удержать всѣ тѣ истины, къ открытію которыхъ она привела. Въ то же время я думаю, что ассоціаціонную психологію можно исправить только, отыскавъ ея собственныя скрытыя предположенія, а не вводитъ особую способность мышленія или «апперценціи», которая должна уничтожить или ограничить ассоціаціи. Ср. мою статью *О Восприимчивости* etc. (*Vierteiljahrsschr. f. Wissenschaft. Philosophie* XIII) стр. 410—424 и тамъ же XIV стр. 191—205.

моихъ ощущеній?—Дѣйствительно данное есть тѣ ощущенія, которыя я имѣю въ настоящую минуту. Но кромѣ того, въ своемъ воспоминаніи и ожиданіи я имѣю представленія о возможныхъ ощущеніяхъ и представленіяхъ, могущихъ образовать стойкія, связныя группы благодаря повторенію и ассоціаціи. И эти группы даются намъ въ представленіи всегда въ одномъ и томъ же видѣ, безразлично—будутъ ли они даны въ ощущеніи или же нѣтъ. Такимъ образомъ у насъ получается представленіе о нѣчто, стойко пребывающемъ, независимо отъ того, воспринимаемъ мы его или нѣтъ. Что такое такъ называемый «внѣшній» объектъ, какъ не опредѣляемая извѣстными правилами возможность того, что извѣстныя ощущенія появятся вновь въ томъ же видѣ, въ какомъ я уже имѣлъ ихъ?—Мое предположеніе, что существуетъ нѣчто независящее отъ моего сознанія, подкрѣпляется, когда опытъ показываетъ мнѣ, что другія существа, одаренныя чувствами, имѣютъ рядъ ощущеній, опредѣленный извѣстными правилами, и подобный тому, какой я имѣю самъ. Слѣдовательно, то, что я разумѣю подъ «матеріей», есть не больше, какъ постоянная возможность ощущеній. Стойкія и общія всѣмъ людямъ ассоціаціи представленій побуждаютъ насъ образовать понятіе матеріи. И такъ какъ мы находимъ, что понятіе причинности приложимо въ ряду нашихъ ощущеній и представленій, мы примѣняемъ его произвольно и ко всей совокупности нашихъ ощущеній и представленій и считаемъ матерію за причину ихъ.—Вѣра на практикѣ во внѣшній міръ и сильная склонность предполагать его не есть для Милля доказательство. Въ силу принципа нерасторжимой ассоціаціи подобное предположеніе не необходимо. Нѣтъ надобности предполагать другого сущаго, кромѣ одного сознанія—слѣдуетъ только сверхъ налично данного сознанія допустить также *возможность* новыхъ состояній сознанія. Ясно, что въ этой «возможности» кроется «вещь сама въ себѣ» Канта. Когда Милль говоритъ (Examination. 2 ed. стр. 189). «Не-Я есть, быть можетъ, только форма, въ которой сознаніе представляетъ самому себѣ возможныя модификаціи Я», то спрашивается, въ силахъ-ли само Я осуществить эти возможности, такъ чтобы видоизмѣненія его состоянія были понятны изъ него самого. Если Милль отвѣтитъ на это утвердительно, то окажется, что Я создаетъ свой внутренній міръ изъ ничего; если же онъ отвѣтитъ отрицательно, то придется или отрицать законъ причинности, или допустить реальность, кромѣ Я. Въ разсмотрѣніе этой стороны дѣла Милль не входитъ ближе и вообще слишкомъ мало принимаетъ въ соображеніе связь, въ какой проблема реальности внѣшняго міра стоитъ съ проблемой причинности.

в. Начала этики.

Своеобразность положенія, занятаго Стюартомъ Миллемъ въ исторіи мышленія, нигдѣ не выступаетъ съ такой очевидностью, какъ въ его этикѣ. Воспитанный въ духѣ 18-го вѣка, онъ добросовѣстно ста-

рается усвоить себѣ точки зрѣнія новаго времени; но такъ какъ свои предпосылки онъ заимствуетъ у старой школы, а той цѣлью, достигнуть которой онъ задается, и тѣми точками зрѣнія, которыя онъ признаетъ, онъ обязанъ влиянію новыхъ мотивовъ, то въ строѣ его мыслей возникаетъ по рѣшающимъ вопросамъ двойственность, которую самъ онъ не всегда замѣчаетъ. Въ области этики эта двойственность состоитъ въ томъ, что онъ постоянно и крѣпко держится принципа пользы, которому его научила школа Бентама, но желаетъ во что бы то ни стало исполнить его, стараясь согласовать его съ философіей личности, этика которой носитъ болѣе субъективный характеръ. Онъ ясно видѣлъ, что это — самая важная задача этики будущаго, однако ему не удалось найти ея теоретическое рѣшеніе. Духовный кризисъ, который онъ пережилъ въ извѣстный моментъ своего развитія, былъ вызванъ именно этой проблемой. Что на практикѣ, въ искусствѣ жить, въ своей широкой и важной дѣятельности онъ совмѣщалъ въ рѣдкой степени интересы внутренняго развитія личной жизни съ расчетомъ внѣшнихъ послѣдствій отдѣльныхъ поступковъ,—это доказывается его биографіей. Но дать теорію этого искуства онъ не былъ въ состояніи.

Причина, почему это не удалось ему, заключается безъ сомнѣнія въ его большомъ преклоненіи передъ Бентамомъ и отцомъ. Въ свое время, въ періодъ, слѣдовавшій за извѣстнымъ кризисомъ и богатый тревоженіями въ субъективной жизни, онъ рѣзко выступалъ противъ утилитаризма Бентама, котораго онъ упрекалъ въ томъ, что онъ стоитъ на внѣшней, дѣловой точкѣ зрѣнія. Теперь же онъ думалъ, что реакція противъ тѣхъ взглядовъ, въ которые онъ былъ посвященъ въ періодъ своей ранней юности, прошла у него, и выступилъ защитникомъ ихъ—не представляя себѣ ясно, какъ сильно самъ измѣнилъ ту теорію, ходатаемъ которой хотѣлъ быть. Отъ прежняго утилитаризма онъ не уберегся въ достаточной мѣрѣ, и послѣдній опредѣляетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ его теорію больше, чѣмъ позволяетъ послѣдовательность. Поэтому его трактатъ «Утилитаризмъ» принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ его сочиненій.

Ясный и естественный масштабъ этической оцѣнки мы получимъ только тогда, если будемъ останавливаться на послѣдствіяхъ поступковъ — въ этомъ Милль сохраняетъ неизмѣнное убѣжденіе. Если спрашивается, *почему* данный поступокъ хорошъ, то рѣшеніе этого вопроса будетъ постоянно покоиться въ концѣ концовъ на томъ, порождаетъ-ли онъ въ какомъ нибудь пунктѣ или въ какой нибудь степени чувство удовольствія. Человѣческая природа уже такъ создана, что человѣкъ не желаетъ ничего такого, что не было бы или полнымъ счастьемъ, или частью его, или средствомъ къ нему. Всякій поступокъ обсуждается—и долженъ такъ обсуждаться — по степени, въ какой онъ ведетъ къ тому, что составляетъ такимъ образомъ постоянно послѣдній объектъ человѣческихъ желаній. Въ этомъ состоитъ примѣненіе принципа полезности.

На вопросъ, *чье* счастье должно служить масштабомъ оцѣнки,

Стюартъ Милль отвѣчаетъ такъ: «Не собственное наибольшее счастье совершающаго поступокъ, но наибольшая общая сумма счастья». Это положеніе онъ обосновываетъ не такъ, какъ Бентамъ въ своей «Деонтологіи», ссылаясь на гармонію разумно понятыхъ эгоистическихъ интересовъ, но даетъ психологическое объясненіе возникновенія нравственнаго чувства. Нравственное чувство даетъ намъ возможность стремиться къ тому, чтобы породить счастье, если даже оно будетъ не нашимъ собственнымъ.

Стюартъ Милль не считаетъ нравственнаго чувства прирожденнымъ, но видитъ въ немъ въ высшей степени сложный продуктъ. Важнѣйшіе элементы его суть: симпатія, страхъ, различнаго рода религиозныя чувства, опыты относительно послѣдствій поступковъ, самоуваженіе, желаніе, чтобы уважали другіе. Въ этой крайней сложности моральнаго чувства слѣдуетъ искать причину того мистическаго характера, съ которымъ выступаетъ представленіе нравственнаго долга. Приходится искоренить массу чувствъ, прежде чѣмъ будемъ въ состояніи сдѣлать что нибудь противное тому, что считается за должное. Кромѣ этого, ассоціація различныхъ перечисленныхъ элементовъ столь сильна, что нравственное чувство образуетъ неразложимое единое цѣлое. И такъ какъ законы ассоціаціи—естественныя законы, то и нравственное чувство есть естественное чувство, хотя имѣетъ свою исторію возникновенія. Для человѣка естественно говорить, дѣлать умозаключенія, воздѣлывать землю и строить города, однако же эти способности не врожденныя, а приобрѣтенныя. Если какой нибудь отдѣльный элементъ нравственнаго чувства и врожденъ, такъ это симпатія. Но особенную важность слѣдуетъ придавать тому, что жизнь сообща причааетъ всѣхъ людей работать въ единеніи силъ, постоянно принимать въ соображеніе взаимные интересы. Образуется своего рода инстинктъ, влекущій индивидуумовъ къ солидарности чувствъ и дѣйствій. И чѣмъ больше развивается общественная жизнь, благодаря исчезновенію перегородокъ между различными классами, тѣмъ болѣе растетъ солидарность. Чувство единства можетъ обратиться въ религію, если воспитаніе и порядокъ учреждений будутъ постоянно благопріятствовать ему, а общественное мнѣніе — оттачивать его. Жизнь сообща дисциплинируетъ эгоизмъ, такъ что чужіе интересы, даже если они сначала были только средствомъ, сами становятся загѣмъ цѣлю. Тогда какъ Бентамъ исходилъ—на практикѣ — во всякомъ случаѣ изъ личнаго интереса, какъ универсальнаго мотива, Стюартъ Милль былъ убѣжденъ въ реальности безкорыстныхъ чувствъ. Въ своей интересной статьѣ о Платонѣ онъ дѣлаетъ такое, напримѣръ, замѣчаніе относительно ученія, содержащагося въ «Горгіи» и проводящаго мысль, что терпѣть несправедливость лучше, чѣмъ самому поступать несправедливо: «Прогрессъ, отмѣчаемый «Горгіемъ», принадлежитъ къ числу величайшихъ успѣховъ, достигнутыхъ нравственной культурой, именно—развитіе безкорыстнаго предпочтенія долга ради него самого, такъ что этотъ выборъ служитъ признакомъ болѣе высокаго состоянія,

чѣмъ то, въ которомъ эгоистическія наклонности приносятся въ жертву болѣе отдаленному личному интересу». (Diss. and Discus. III, стр. 340).

Стюартъ Милль держится слѣдовательно теоріи индивидуальнаго развитія, подобно Спинозѣ, Гертли и Джемсу Миллю. Принципъ нерасторжимой ассоціаціи служить ему — какъ и его предшественникамъ — для того, чтобы установить и объяснить внутреннюю основу этики, между тѣмъ какъ принципъ полезности служитъ основаніемъ для сужденій объ отдѣльныхъ поступкахъ. По ясности и простотѣ изложенія онъ не можетъ, однако, сравниться съ Спинозой и Джемсомъ Миллемъ. Въ томъ, что считать врожденнымъ и приобретеннымъ, у него замѣчается нѣкоторое колебаніе, а кромѣ того его опутываютъ затрудненія, неизвѣстныя его предшественникамъ, такъ какъ онъ допускаетъ качественное различіе чувствъ. Одно чувство удовольствія должно быть не только сильнѣе, долговѣчнѣе, съ меньшей примѣсью неудовольствія, плодовитѣе счастливыми послѣдствіями, раздѣляемое большимъ количествомъ людей, чѣмъ другое; оно должно быть, сверхъ того, болѣе высокимъ по своему качеству, доказательствомъ чему должно служить то, что испытавшій его вновь стремится къ нему, если даже достигнуть его можно только, претерпѣвъ большое страданіе, и отдаетъ ему предпочтеніе передъ возможно большимъ количествомъ другого чувства удовольствія. Вопросъ въ томъ, не объясняется-ли устанавливаемое здѣсь Миллемъ «качественное различіе» именно тѣмъ, что извѣстныя чувства удовольствія находятъ себѣ санкцію и покровительство у самого нравственнаго чувства, происхожденіе котораго Стюартъ Милль старался объяснить. Во всякомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ, существуютъ-ли качественныя различія чувствъ, вопросъ слишкомъ сложный, чтобы его можно было рѣшить такъ просто, какъ это дѣлаетъ Милль въ своемъ приведенномъ выше доказательствѣ.

Сильно подчеркивая субъективную основу и допуская различіе чувствъ, Стюартъ Милль значительно удаляется отъ точки зрѣнія Бентама; но въ то же время онъ остается еще слишкомъ ревностнымъ бентамистомъ, проводя различіе между достоинствомъ поступка и достоинствомъ совершающаго его лица и полагая, что этикѣ приходится имѣть дѣло только съ первымъ. Именно съ утилитарной точки зрѣнія это различіе должно быть несостоятельнымъ: такъ какъ каждый мотивъ содержитъ въ себѣ возможность гораздо большаго числа поступковъ, кромѣ того одного, который подлежитъ обсужденію въ данную минуту, то оцѣнка должна простираться слѣдовательно и на самый мотивъ. Даже если отдѣльный поступокъ и не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій, противорѣчащихъ принципу благоумудія, изъ того же самаго мотива могутъ все таки вытекать поступки, которыхъ нельзя допустить, и самый мотивъ становится поэтому во всякомъ случаѣ сомнительнымъ въ этическомъ отношеніи. Послѣдовательно требуется, чтобы оцѣнка вос-

ходила къ источнику. Указанное различіе играетъ также, какъ увидимъ, большую роль въ его опытѣ «О свободѣ».

г. Соціальная этика.

Изъ цѣлаго ряда этическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ, которые разматриваетъ Милль въ своихъ различныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, мы остановимся здѣсь только на нѣкоторыхъ, чтобы освѣтить его этическую точку зрѣнія.

а. *Индивидуумъ и общество* (On liberty. 1859).—Милль ратовалъ за свободу и саморазвитіе. Но онъ пришелъ къ убѣжденію, что политическая свобода не приноситъ настоящей духовной свободы и самостоятельности. Мѣсто физическаго принужденія, все болѣе и болѣе устранимаго, легко замѣняетъ общественное мнѣніе, нравственная полиція. И эта тиранія опаснѣе политической, потому что она оставляетъ меньше выходовъ, врывается въ повседневную жизнь и поработаетъ самую душу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ только о выборѣ удовольствій, человѣкъ плыветъ по теченію вмѣсто того, чтобы слѣдовать личному стремленію и усмотрѣнію.

Именно въ Англіи, по словамъ Милля, ярмо общественнаго мнѣнія тяжело, между тѣмъ какъ иго закона легче, чѣмъ въ другихъ странахъ. Это грозитъ большой опасностью: господствомъ массы, коллективной посредственности. Массой должны руководить конечно всегда отдѣльныя лица, но свои мнѣнія она заимствуетъ всего охотнѣе у такихъ людей, которые стоятъ не особенно выше ея. И тѣмъ не менѣе импульсъ ко всему благородному умному исходить всегда отъ отдѣльныхъ выдающихся людей. Рѣдкіе оригинальные люди—солъ земли!—Милль не хочетъ однако культа великихъ людей. Полная свобода высказывать новыя идеи—вотъ все, чего они могутъ требовать. Власть, дающая возможность принуждать другихъ, испортила бы прежде всѣхъ самихъ великихъ людей. Средство, способное предотвратить эту опасность, заключающуюся въ тирании общественнаго мнѣнія и въ вызываемомъ господствомъ массы пониженіи уровня, есть *свобода*, единственный надежный, никогда неизсякаемый источникъ прогресса, потому что она создаетъ столько же независимыхъ центровъ преобразовательныхъ движеній, сколько существуетъ личностей.

Какъ общій и основной принципъ посторонняго вмѣшательства въ дѣла отдѣльнаго индивидуума Милль выставляетъ такое мнѣніе: свобода дѣйствій индивидуума можетъ быть ограничиваема только тогда, когда необходимо вмѣшательство, чтобы предотвратить вредъ, который его поведеніе можетъ причинить другимъ. Забота о собственномъ благѣ индивидуума не служитъ достаточнымъ основаніемъ для подобнаго вмѣшательства. Единственная область дѣйствія индивидуума, въ которой онъ долженъ дать отчетъ обществу, есть та, которая касается другихъ людей. Подъ вмѣшательствомъ Милль разумѣетъ отчасти физическое принужденіе, отчасти заключающееся

въ сужденіяхъ другихъ людей духовное принужденіе. Въ послѣднемъ отношеніи онъ дѣлаетъ различіе между «нравственнымъ неодобреніемъ или осужденіемъ» и «выраженіемъ неудовольствія или лишеніемъ уваженія». Это однако очень тонкое различіе, потому что, лишая кого-нибудь своего уваженія, я причиняю ему страданіе—поскольку онъ, впрочемъ, придаетъ значеніе моему уваженію; если же онъ не придаетъ ему значенія, то и мое «неодобреніе» не причинитъ ему никакого страданія. Это столь же трудно уловимое различіе, какъ и различіе между поступками, влекущими за собой послѣдствія, касающіяся только насъ самихъ, и поступками, влекущими за собой послѣдствія, касающіяся въ то же время и другихъ. Кто не развиваетъ своей личности или обнаруживаетъ недостатокъ ума и личнаго достоинства, можетъ лишать этимъ другихъ силы, на которую они имѣли законное право. Если утверждать вмѣстѣ съ Миллемъ, что слѣдуетъ сохранить возможно большее число самостоятельныхъ исходныхъ точекъ, то тогда то и невозможно ограничивать область, которой дальше предѣловъ индивидуума не суждено имѣть никакого значенія. Это различіе между тѣмъ, что касается индивидуума, и тѣмъ, что касается другихъ людей, столь же мало существенно, какъ выше упомянутое различіе между достоинствомъ поступающаго и достоинствомъ поступка. Милль же думаетъ, что въ обоихъ этихъ пунктахъ ему удалось достигъ болѣе правильнаго взгляда именно благодаря принципу пользы.

Важность возможно большей свободы Милль подчеркиваетъ какъ относительно мнѣній, такъ и относительно дѣйствій. Если мнѣніе истинно, что вреднаго въ томъ, что оно свободно выражается? Если оно составляетъ только часть истины, то одно свободное изслѣдованіе способно рѣшить, какую долю истины содержитъ оно. И только благодаря тому, что изслѣдованіе не даетъ ему сплунуть, оно оказываетъ вліяніе на характеры и поступки. Наконецъ, если бы мнѣніе могло быть полезно, не будучи истинно, то все-таки и пользу, подобно правильности, нужно было бы показать путемъ изслѣдованія; въ наше время, думаетъ Милль, польза мнѣній играетъ, быть можетъ, большую роль, чѣмъ ихъ вѣрность. Что касается дѣйствій, то имъ нельзя, разумѣется, предоставить свободу въ той же степени, какъ и мнѣніямъ. Милль утверждаетъ однако же, что достоинство различныхъ образовъ жизни должно быть испытано на опытѣ, а это можетъ имѣть мѣсто только тогда, если различія въ характерахъ не будутъ встрѣчать стѣненія, поскольку это возможно безъ вреда для другихъ людей. Условія какъ личнаго счастья индивидуума, такъ и индивидуальнаго и социальнаго прогресса требуютъ, чтобы образъ дѣйствій челоуѣка опредѣлялся его личнымъ характеромъ, а не традиціей и обычаемъ. Сильныя стремленія и желанія—блага; это тотъ матеріалъ, изъ котораго образуются герои, и люди поступаютъ дурно не потому, что ихъ желанія сильны, а потому, что ихъ совѣсть слаба.

Если даже и не такъ легко провести границу, раздѣляющую индивидуума и общество, какъ думаетъ Милль, то все-таки своимъ

ислѣдованіемъ (которое, впрочемъ, вновь воспринимаетъ основныя идеи Кантовскаго «ученія о правѣ») онъ показалъ, что бремя доказательства падаетъ всегда на того, кто требуетъ ограниченія свободы, и что всякое моральное сужденіе сопряжено съ отвѣтственностью.

б. Женскій вопросъ. (Subjection of women. 1869).—Вопросъ о правахъ женщины составляетъ для Милля только отдѣльную сторону великаго вопроса объ освобожденіи. И здѣсь вопросъ состоитъ въ сущности въ борьбѣ противъ злоупотребленія властью, въ устраненіи причинъ, тормозящихъ свободное развитіе личности, въ уничтоженіи права болѣе сильнаго и въ упраздненіи всякаго внѣшняго авторитета тамъ, гдѣ онъ не необходимъ для охраны и воспитанія. Кромѣ того, изслѣдованіе этого вопроса даетъ ему случай примѣнить его излюбленную теорію нерасторжимой ассоціаціи, для объясненія тѣхъ возрѣній, которыя задерживали развитіе. Представленія, сложившіяся относительно природы женщинъ, покоились исключительно на привычкѣ и традиціи, а не на дѣйствительномъ опытѣ. То, что мы называли «природой женщины», есть только продуктъ искусственнаго образованія. Только тогда можно узнать дѣйствительную природу женщины, если раздвинуть тѣ рамки, которыя до сихъ поръ лишали женщинъ возможности развивать свои способности и пользоваться ими. Порядокъ мыслей тотъ же, какъ и въ трактатѣ о свободѣ: принужденіе должно быть устранено, чтобы можно было пользоваться опытомъ. Мы имѣемъ здѣсь случай практическаго примѣненія метода различія. Но Милль думаетъ, что заранѣе знаетъ результатъ; онъ утверждаетъ, что духовныя способности женщины столь же велики, какъ и способности мужчины—мнѣніе, не необходимое, разумѣется, для того, чтобы обосновать равноправность.

в. Вопросъ о народномъ представительствѣ (Considerations on representative government.. 1861).—При разсмотрѣніи этого вопроса Милль также преслѣдуетъ свою главную мысль: какъ предохранить свободу не только отъ деспотіи отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ сословій, но и отъ деспотіи большинства? Онъ разсматриваетъ опасности и преимущества демократіи. Собственно говоря, только два образа правленія могутъ бороться за господство: демократія и бюрократія. Единственно возможное рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы бюрократія состояла на службѣ у демократіи, а послѣдняя удержала за собой только высшій надзоръ и контроль. Парламентъ долженъ былъ бы представлять собою въ государствѣ только волевыя рѣшенія; къ выработкѣ законовъ онъ не способенъ; съ этою цѣлю слѣдовало бы всего скорѣе образовать комитеты изъ специалистовъ. Чтобы обезпечить при рѣшеніяхъ право меньшинства, Милль рекомендуетъ между прочимъ выборы пропорціонально числу избирателей.

г. Соціальный вопросъ. (Principles of political economy. 1848).—По мѣрѣ своего развитія Милль все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что соціальный вопросъ важнѣе политическаго. Онъ никогда не отка-

зывался отъ своихъ демократическихъ убѣжденій; но съ одной стороны, какъ мы видѣли выше, не закрывалъ глазъ на недостатки демократіи, съ другой стороны у него сложился идеалъ будущаго, шедшій гораздо дальше демократической программы. Во всякомъ случаѣ индивидуальная и политическая свобода не пошла бы дѣйствительно всёми впрокъ безъ значительныхъ социальныхъ перемѣнъ.

Уже въ письмѣ, относящемся къ 1842 г. (къ Роберту Берклею Фоксъ, напечатанномъ въ дневникѣ Каролины Фоксъ. II, стр. 272) Милль говоритъ о значеніи социального вопроса слѣдующее: «Мнѣ думается, что послѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя наступили въ правленіи благодаря эманципации католиковъ и парламентской реформѣ. у большей части господствующихъ классовъ, именно у болѣе молодыхъ людей, открылись постепенно глаза, а успѣхъ чартизма заставляетъ, повидимому, ожидать, что правители какъ по чувству долга, такъ и по требованіямъ разсудка должны будутъ въ гораздо болѣе степени, чѣмъ они съ давнихъ поръ привыкли, заботиться о повседневныхъ и духовныхъ интересахъ бѣдныхъ». «Но, прибавляетъ онъ, что касается средствъ для исцѣленія или по крайней мѣрѣ только для смягченія великихъ социальныхъ золъ, мы столь же далеки отъ пристани, какъ и прежде». До окончательнаго рѣшенія Милль не дошелъ и позднѣе. Онъ открыто сознается, что въ этомъ вопросѣ есть двѣ основныхъ мысли, каждую изъ которыхъ онъ долженъ отстаивать, хотя въ своихъ выводахъ онъ, по крайней мѣрѣ съ виду, противорѣчатъ. Это идеи индивидуализма и социализма, стояція, по заявленію Милля, въ діаметральномъ противорѣчій. По его собственному признанію, онъ не знаетъ, какъ можно совмѣстить ихъ; онъ предоставляетъ это будущему. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что до сихъ поръ мы не знали ни того, ни другого въ его возможно лучшей формѣ; намъ не было извѣстно ни то, что можетъ дать свободная самостоятельность на ея высшей ступени и въ высшей формѣ, ни то, какія возможности имѣетъ за себя строго проведенный социальный порядокъ внѣшнихъ житейскихъ отношеній. Высокія качества Милля, какъ мыслителя, нигдѣ не обнаруживаются, можетъ быть, съ такою ясностью, какъ здѣсь. Возлагая большую надежду на будущее, и даже можетъ быть опираясь именно на эту надежду, онъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію различныя возможности, представляемыя опытомъ. Только традиція и обычай не импонируютъ ему; онъ спокойно изслѣдуетъ, подъ какими условіями они существуютъ, и смотритъ, нельзя ли замѣнить этихъ условій другими.

Въ этомъ изслѣдованіи социалистическихъ системъ онъ занималъ гораздо болѣе безпристрастную точку зрѣнія, чѣмъ къ этому привыкли политико-экономы того времени. Это вытекало изъ духа его философіи . . . . .

Пер. Д. Викторовъ.

Что такое городскія по положенію 31 Мая 1872 года училища?

(Къ 25 лѣтнему юбилею ихъ учрежденія).

Sine ira ef studio.

Въ исторіи образованія русскаго юношества начало семидесятихъ годовъ займетъ важное мѣсто. Это была эпоха усиленной дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ руководствомъ графа Д. А. Толстого.

Университетамъ былъ данъ новый уставъ; общеобразовательныя гимназій были преобразованы въ строго-классическія; какъ паліативъ для учениковъ гимназій, не одолѣвшихъ классицизма, черезъ нѣсколько лѣтъ были учреждены реальныя училища съ такимъ преобладаніемъ математики и рисованія, что ихъ, по справедливости, многіе называли *математико-рисовальными училищами*; было издано Положеніе о Городскихъ училищахъ и объ Учительскихъ Институтахъ для подготовки учителей въ эти училища. Въ 1874 г. было издано Положеніе о народныхъ училищахъ, учреждены Дирекціи и Инспекціи ихъ.

Словомъ, вся наша учебная система была «пересмотрѣна», «урегулирована» и разграничена достаточнымъ количествомъ перегородокъ, чтобы каждому «сверчку былъ свой шестокъ»... Какіе плоды принесла эта ломка существовавшей до того времени учебной системы, достаточно извѣстно относительно высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній; что касается низшихъ, то сколько мнѣ извѣстно, до настоящаго времени не была сдѣлана безпристрастная оцѣнка совершившейся реформы.

Въ предлагаемой вниманію читателя статьѣ, я представляю главныя данныя и вытекающія изъ нихъ слѣдствія, на основаніи которыхъ легко сдѣлать выводъ, который и будетъ отвѣтомъ на поставленный въ заголовкѣ вопросъ.

I.

Но прежде всего скажу нѣсколько словъ объ уѣздныхъ училищахъ, не подвергшихся еще преобразованію до настоящаго времени въ количествѣ 115 (преобразовано уже 422).

По уставу 1828 года уѣздныя училища были открываемы съ тою цѣлю, «чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія доставить тѣ свѣдѣнія, кои, по образцу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть наиболѣе полезны».

Для достиженія этой цѣли установленъ слѣдующій курсъ наукъ и искусствъ, распредѣленный на три класса, при чемъ распредѣленіе уроковъ по классамъ опредѣляется слѣдующей таблицей.

Таблица недѣльныхъ уроковъ въ уѣздныхъ училищахъ:

ПРЕДМЕТЫ	Число нед. уроковъ по классамъ.			ВСЕГО	Преподаватели
	I кл.	II кл.	III кл.		
1. Законъ Божій	2	2	2	6	Законоучитель.
2. Русскій языкъ.	4	4	4	12	Учитель русскаго языка.
3. Чистописаніе.	4	4	1	9	Учитель чистописанія.
4. Ариметика.	4	4	1	9	Учитель ариметики.
5. Геометрія.	—	—	5	5	
6. Географія.	2	2	2	6	Учитель географіи и исторіи
7. Исторія.	2	2	2	6	
8. Черченіе и рисованіе.	2	2	3	7	Учитель чистописанія.
Итого уроковъ	20	20	20	60	

«Продолжительность каждаго урока въ сихъ училищахъ въ одинъ часъ, и кромѣ того, перемѣны для отдыха: между первымъ и вторымъ, между третьимъ и четвертымъ по *четверть часа*, а между вторымъ и третьимъ уроками въ полчаса».

Изъ этой таблицы видно, что составители «Устава 1828 года» заботились о томъ, чтобы не обременять урочными занятіями ни учениковъ, ни учителей. Эта забота особенно выражается въ назначеніи опредѣленнаго времени на отдыхъ между уроками. Правда, что въ недѣлю полагается 20 уроковъ въ каждомъ классѣ (4 дня по 3 урока и 2 дня по 4 урока), но въ числѣ этихъ уроковъ въ первыхъ двухъ классахъ полагается по 6-ти, а въ 3-мъ по 4 часа на занятія искусствами, не требующими *домашней подготовки* и вообще умственнаго напряженія. Кромѣ того только 3 дня въ недѣлю ученики обязаны готовить дома по три урока, въ остальные же дни лишь по два урока, на что мальчикъ среднихъ способностей употребляетъ ежедневно не болѣе двухъ часовъ домашнихъ занятій. Для бѣднаго-же населенія

весьма важно, чтобы мальчики свободно располагали въѣдленнымъ временемъ для исполненія различныхъ домашнихъ работъ. Но что особенно важно для бѣдныхъ семей городскихъ обывателей—это краткій срокъ ученія: переходя ежегодно изъ класса въ классъ, мальчики черезъ три года оканчиваютъ курсъ, приобрѣтаютъ познанія, достаточныя для ихъ житейскаго обихода, получаютъ нѣкоторыя права (напр. по воинской повинности, на частную и государственную службу) и становятся полезными членами семьи, зарабатывающими нѣчто для ея бюджета. Съ другой стороны—и учителя уѣздныхъ училищъ, не обремененные занятіями въ училищѣ, имѣютъ много свободного времени для частныхъ уроковъ, дополняющихъ ихъ скудное жалованье, для чтенія, какъ средства дальнѣйшаго образованія и для развлеченій.

Почему-же уѣздныя училища, существовавшія почти полстолѣтія и удовлетворявшія потребности маленькихъ городовъ, (большіе открывали у себя гимназій) подверглись преобразованію? Если они въ то время были неудовлетворительны въ общеобразовательномъ отношеніи, вслѣдствіе плохого состава учителей; если курсъ ихъ не соответствовалъ требованіямъ времени,—всѣ эти существенныя недостатки могли быть легко устранены: стоило-бы только увеличить жалованіе учителей хотя до 615 рублей (съ квартирными), т. е. до той нормы, какая опредѣляется штатами городскихъ училищъ, и эти мѣста пожелали-бы занять молодые люди съ солиднымъ образованіемъ. Самый курсъ уѣздныхъ училищъ могъ бы быть расширенъ введеніемъ въ него очерка русской литературы, практической геометріи, естествовѣдѣнія и физики. Это прибавленіе къ курсу потребовало-бы увеличенія числа уроковъ, примѣрно, по 2 въ каждомъ классѣ, но оно не могло бы затруднить учениковъ. Въ такомъ обновленномъ видѣ уѣздныя училища стали бы еще болѣе цѣнными для уѣздныхъ обывателей. Необходимыя для этого обновленія средства дали-бы городскія общества тѣхъ 422 городовъ, въ которыхъ уѣздныя училища были преобразованы въ городскія: въ огромномъ большинствѣ этихъ городовъ городскія общества (а въ нѣкоторыхъ даже и земства) въ добавленіе къ казенной суммѣ, отпускавшей на уѣздныя училища, ассигнуютъ болѣе или менѣе значительныя суммы.

Но такія мѣры улучшенія уѣздныхъ училищъ были слишкомъ просты; они не могли удовлетворить реформатскихъ стремленій тогдашняго Министерства Народнаго Просвѣщенія.

И вотъ на русской почвѣ появились нѣмецкія бюргерскія школы съ длиннымъ русскимъ названіемъ: «Городскія, по Положенію 1872-го года, училища».

II.

Бюргерскія школы основаны на совершенно другихъ началахъ. Курсъ ихъ восьмилѣтній. Въмѣсто отдѣльныхъ классовъ для каж-

даго года обученія двѣ-три группы (отдѣленія) учениковъ разнаго возраста и разныхъ повнаній учатся въ одномъ классѣ. По числу классовъ училища получаютъ названія: 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ-классныя. Всѣ предметы даннаго класса преподаются однимъ «класснымъ» учителемъ.

Такая система во 1) сокращаетъ расходъ на содержаніе училищъ (а экономія, какъ извѣстно, у нѣмцевъ стоитъ на первомъ планѣ), а во 2-хъ усиливаетъ воспитательное вліяніе учителей, преподающихъ въ одномъ и томъ-же классѣ по 2, 3, 4 года. И эти цѣли въ нѣмецкихъ школахъ вполне достигаются.

Много лѣтъ тому назадъ я посѣтилъ одно изъ берлинскихъ училищъ и провелъ въ одномъ изъ 4-хъ классовъ два часа; слушала преподаваніе извѣстнаго тогда въ нѣмецкомъ педагогическомъ мѣрѣ учителя *Виддемана*, пропагандиста *наглядности* преподаванія и убѣдился, что у него дѣло идетъ очень стройно. Самъ занимался онъ съ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіемъ (одновременно) умственнымъ счетомъ въ предѣлѣ 9 первыхъ десятковъ, а 3 отдѣленіе исполняло самостоятельную работу и дѣйствительно исполняли, а не смотрѣли, что дѣлаетъ учитель, не слушали, что онъ говоритъ; словомъ, они были углублены въ данную работу *).

На мой вопросъ, какъ онъ достигъ такого сосредоточеннаго вниманія учениковъ къ заданной работѣ, онъ отвѣчалъ, что въ дѣтяхъ съ самаго нѣжнаго возраста развивается чувство долга и неуклонное исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ школою; что они это прекрасно понимаютъ, и никакихъ напомнаній со стороны учителя не требуется: дана работа и каждый изъ нихъ долженъ выполнить.—Спрашивается, таковы-ли наши русскія дѣти, чтобы къ нимъ могла-быть примѣнена такая система обученія? Каждый изъ учителей нашихъ школъ (не исключая даже и среднихъ) хорошо знаетъ, сколько труда стоитъ ему поддержать вниманіе класса, въ которомъ никакихъ отдѣленій нѣтъ, и уровень познанія учениковъ почти одинаковъ! Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ наши сельскія школы, гдѣ въ одномъ классѣ сидятъ 3—4 группы съ разными познаніями и гдѣ учитель по необходимости занимается по очереди съ каждой группой, а другимъ даетъ какія-нибудь самостоятельныя работы, которыя въ большинствѣ случаевъ и исполняются.

И это возможно, и съ пользою примѣняется потому, что у деревенскихъ дѣтей въ наше время развито страстное желаніе учиться; они идутъ въ школу съ радостью и заливаются горькими

*) Выставивъ на каедрѣ по 20 оловянныхъ солдатиковъ—краснаго цвѣта—французовъ, синяго—*нѣмцевъ*, онъ предлагалъ вопросы такого рода: «сколько останется въ строю французовъ», «если нѣмцы дали залпъ и: 8 французовъ упали (при этомъ, онъ шелчкомъ сбивалъ съ каедры 8 красныхъ солдатиковъ)?». Это было въ 1871 г. въ октябрѣ; нѣмцы были упоены своими побѣдами и перенесли свою восторженность, по поводу разгрома Франціи, въ школу.

Примѣч. автора.

слезами, если за недостаткомъ мѣста имъ отказываютъ въ приѣмѣ (что, къ сожалѣнію, повторяется ежегодно почти во всѣхъ нашихъ сельскихъ училищахъ).

Вотъ это-то стремленіе къ школѣ, къ образованію вполне замѣняетъ дѣтямъ чувство долга, котораго они не сознаютъ. Съ такими дѣтьми нѣтъ никакой надобности употреблять какія-либо принудительныя мѣры: что учитель дастъ имъ исполнить въ то время, когда онъ занятъ другимъ отдѣленіемъ, то они и исполняютъ, не мѣшая ему.

Совсѣмъ иное представляютъ городскія дѣти, въ большинствѣ выросшія на улицѣ и съ самаго ранняго возраста привязанныя къ ней и ея удовольствіямъ. У огромнаго большинства ихъ отказъ въ приѣмѣ вызываетъ не слезы, а радость; горюють и нерѣдко плачутъ родители при отказѣ въ приѣмѣ дѣтей ихъ. Но реформаторъ никакихъ подобныхъ соображеній не имѣлъ въ виду, да вѣроятно они ему не приходили даже въ голову, а потому и явились у насъ городскія училища съ шестилѣтнимъ курсомъ наукъ, распределеннымъ не по классамъ, а по годамъ обученія; число-же классовъ, какъ и бюргерскихъ школъ, поставлено въ зависимость отъ числа учителей, обязанныхъ преподавать всѣ предметы. Если въ училищѣ, кромѣ законоучителя, имѣется только одинъ учитель, то оно называется *однокласснымъ*. Поступающія въ него неграмотными дѣти (отъ семилѣтняго возраста) обязательно учатся въ немъ, при успѣшности занятій, 6 лѣтъ. Учитель имѣетъ 6 отдѣленій, изъ которыхъ въ первомъ дѣти усваиваютъ только механическій процессъ чтенія и письма, а въ шестомъ изучаютъ русскій синтаксисъ, обстоятельный курсъ геометріи, естественнѣдѣніе, физику и другіе общеобразовательные предметы. На это, по приложенной къ «Положенію» «Таблицѣ», назначено 28 недѣльных уроковъ.

Впрочемъ, во всей Россіи имѣется только одно одноклассное училище, въ Черниговской губерніи, въ г. Суржѣ, да и въ этомъ училищѣ, какъ видно изъ его штата *), кромѣ учителя имѣется еще помощникъ. Вѣроятно шесть отдѣленій этого училища раздѣлены на двѣ группы, размѣщенныя въ двухъ классныхъ комнатахъ, а потому училище это можетъ быть отнесено къ типу двухклассныхъ. Въ настоящее время во всей Россійской Имперіи имѣется 147 двухклассныхъ городскихъ училищъ, въ которыхъ по «Таблицѣ» назначено 52 недѣльных урока, распределенныхъ по классамъ и предметамъ такимъ образомъ:

---

*) См. Слѣду Министерства Народнаго Просвѣщенія «Содержаніе уѣздныхъ и городскихъ училищъ на 1898-ой годъ».

Предметы:	Классы:	
	I	II
Законъ Божій	6	2
Русскій яз. и церковно-слав. чтеніе	22	4
Арифметика		5
Практическая геометрія		6
Черченіе и рисованіе		3
Отечественная исторія и географія		3
Естествовѣдѣніе		4
	28	24

Замѣтимъ кстати, что эта «Таблица» весьма неопредѣленна для 1 класса; изъ нея не видно, на какой предметъ должно быть назначено большее число часовъ? Правда, что черезъ 5 лѣтъ Мин. Нар. Просв. были изданы программы для всѣхъ 6-ти лѣтъ обученія съ точнымъ обозначеніемъ числа уроковъ въ каждомъ отдѣленіи и объема курсовъ по каждому предмету, за исключеніемъ, впрочемъ, геометріи, черченія и рисованія, уроки которыхъ позтому и распредѣлялись педагогическими совѣтами согласно съ числомъ ихъ въ «Таблицѣ».

Такимъ образомъ дѣти отъ 7—8 до 10—11 лѣтъ, учащіяся въ 1 классѣ, должны имѣть четыре дня въ недѣлю по 5 уроковъ, а два дня по 4 урока. Если же прибавить къ этому получасовую перемѣну, да приходъ ихъ въ классъ за 15 минутъ до уроковъ, то выходитъ, что они должны оставаться въ училищѣ 4 дня въ недѣлю по 6-ти часовъ, а 2 дня—по 5 часовъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: сколько времени пользуются они ежедневно непосредственными занятіями съ учителемъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо рассчитать количество времени, которое учитель можетъ ежедневно удѣлять каждому отдѣленію и каждому ученику.

Въ каждомъ классѣ, по инструкціи, полагается 40 учениковъ, но, съ разрѣшенія дирекціи, число это можетъ быть увеличено до 50-ти. Поэтому предположимъ, что въ 1-мъ классѣ 45 учениковъ, распредѣленныхъ на 3 отдѣленія (соотвѣтственно 3-мъ годамъ обученія) по 15 учениковъ въ каждомъ (чего на практикѣ никогда не бываетъ: 1-е отдѣленіе всегда многочисленнѣе 2-го, а 2-е 3-го.).

Каждый урокъ учитель долженъ заняться съ каждымъ отдѣленіемъ и удѣлить ему *20 минутъ*, въ теченіи которыхъ онъ можетъ посвятить каждому изъ 15-ти учениковъ *меньше 2-хъ минутъ*; въ теченіе же дней съ 4-мя уроками менѣе 8 минутъ, что въ недѣлю составитъ всего *48 минутъ*.

Предоставляемъ судить читателю, чего можно достигнуть въ такіе ничтожные промежутки времени въ особенности съ учениками 1-го отдѣленія, которыхъ надо обучать грамотѣ.

Положимъ, что всѣ ученики даннаго отдѣленія очень внима-

тельно слушаютъ объясненія учителя въ теченіи 20 минутъ; въ остальные же 40 минутъ cadaго урока они исполняютъ данную работу, но во 1-хъ какую работу могутъ самостоятельно исполнить ученики 1-го отдѣленія, не усвоившіе еще механизма чтенія и письма? во 2-хъ) самостоятельность работъ въ то время, когда учитель занятъ съ другимъ отдѣленіемъ, очень сомнительна. Какойнибудь бойкій мальчикъ исполняетъ ее, а остальные кое-какъ списываютъ, поглядывая на учителя, а иные просто сидятъ безъ всякаго дѣла и слушаютъ, что говоритъ учитель другому отдѣленію. И это весьма естественно. Вниманіе учениковъ къ данной работѣ развивается, какъ и всѣ другіе навыки, только подъ бдительнымъ наблюденіемъ и непосредственнымъ руководствомъ учителя; своими разясненіями онъ не только устраняетъ небрежность въ работѣ и предупреждаетъ ошибки, но развиваетъ въ ученикахъ вдумчивость, разсудительность, которая замѣтно отсутствуетъ даже въ старшихъ отдѣленіяхъ, въ чемъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ самостоятельныя работы учениковъ какогонибудь отдѣленія и класса.

И въ этомъ нельзя винить учителя, обязаннаго $\frac{1}{2}$ урока обучать грамотѣ, слѣдующую $\frac{1}{3}$, преподавать ариметику, а конецъ урока—географію. Какое надо употребить умственное усиліе, какъ нужно напрягать память, чтобы не запутаться въ этой смѣси учебныхъ клочковъ... И эта путаница повторяется четыре часа каждый день!

Учитель 2-го класса находится въ теченіи учебныхъ часовъ еще подъ болѣе «высокимъ давленіемъ». Его три отдѣленія требуютъ гораздо большаго напряженія, болѣе интенсивной памяти и болѣе обширныхъ познаній. Въ его 3-мъ отдѣленіи 6-ой годъ обученія сидятъ взрослые ученики (16- 17- 18-ти-лѣтніе); это уже молодые люди, для которыхъ нужны не безсвязные клочки, а строго-систематическое изложеніе даннаго предмета, связь урока съ предшествующимъ. Хотя онъ и удѣляетъ имъ по каждому предмету 20 минутъ, но въ теченіи ихъ долженъ быть основательно изложенъ или спрошенъ урокъ.

Правда, занятія могли-бы быть организованы такъ, чтобы каждому отдѣленію посвящался цѣлый часъ, т. е. весь урокъ; но при такой организаціи занятій учитель могъ-бы дать по 4-мъ научнымъ предметамъ только одинъ урокъ, а по 1-му предмету 2 урока въ недѣлю. Чтобы каждое отдѣленіе имѣло опредѣленное «Таблицею» число уроковъ (безъ чего курсъ, опредѣленный программами, пройденъ быть не можетъ) необходимо было-бы не 20, а 60 уроковъ, чтобы заниматься съ каждымъ отдѣленіемъ порознь.

Невозможность достигнуть требуемыхъ программами успѣховъ была очевидна для всѣхъ, вѣдающихъ учебное дѣло, какъ только были обнародованы программы; тѣмъ не менѣе, однако, лишь только учительскіе институты начали выпускать изъ своихъ стѣнъ и собственныхъ воспитанниковъ, и уѣздныхъ учителей, прикоман-

дированныхъ на одинъ годъ для подготовки къ преподаванію *всѣхъ предметовъ* въ городскихъ по Положенію 1872 года училищахъ, началось преобразование уѣздныхъ училищъ въ городскія.

Несомнѣнно, что это преобразование нарушало интересы учителей уѣздныхъ городовъ; они отлично понимали, что дѣтямъ ихъ, вмѣсто 3-хъ лѣтъ, нужно учиться 6, а, по трудности курса, 7 и 8 лѣтъ. Если-бы спросили въ то время городскія общества, желаютъ-ли они преобразованія, то, съ увѣренностью можно сказать, что отвѣтъ былъ-бы отрицательный. Но въ ту эпоху реформъ и высшая, и губернская учебная администрація совершенно игнорировала интересы общества; духъ преобразованія, «ломки» всецѣло овладѣлъ ею.

Многіе изъ читателей, конечно, помнятъ, какъ всѣ наши общеобразовательныя гимназіи моментально преобразовались въ классическія. Говорю моментально потому, что въ то время я служилъ учителемъ въ одной изъ южныхъ гимназій. Въ четвергъ на масляной мѣ, учителя, прекратили занятія въ *общеобразовательной гимназій*, а явились въ понедѣльникъ на 1 ой недѣлѣ поста на уроки, намъ директоръ объявилъ, что гимназія преобразована *въ классическую!*

Правда, мы знали, что на послѣднихъ дняхъ масляницы въ городской думѣ было собраніе гражданъ всѣхъ сословій, на рѣшеніе которыхъ былъ предложенъ вопросъ: какую они желаютъ имѣть гимназію—классическую или реальную? Хотя множество голосовъ кричало: «*Реальную*», но, благодаря энергическому участию мѣстной полиціи, — *классическая* восторжествовала. Съ уѣздными училищами губернская учебная администрація поступала еще проще, безъ соблюденія чего либо подобнаго спросу общества.

Въ виду того, что штатное содержаніе уѣзднаго училища стоитъ отъ 2110 р. — до 2230 р., а содержаніе 2-хъ-классныхъ городскихъ училищъ 2190 руб., Дирекція народныхъ училищъ, съ надлежащаго разрѣшенія начальства, посигнѣнно преобразовывали уѣздныя училища въ 2-хъ-классныя городскія по Положенію 1872 года училища.

Но уже съ первыхъ лѣтъ существованія, учебная часть въ нихъ, организованная согласно «Таблицѣ», оказалась, какъ это нужно было предвидѣть, крайне неудовлетворительной. Это зависѣло, какъ я выяснилъ выше, отъ невозможности учить въ одно и то же время три группы учениковъ съ весьма различной подготовкой. Чтобы устранить это условіе, тормозящее успѣхи, нѣкоторныя дирекціи, по соглашенію съ мѣстными обществами, упразднили 2 первыя отдѣленія, курсъ которыхъ не многимъ превышаетъ курсъ приходскихъ училищъ; учителямъ послѣднихъ и было предложено согласить курсъ 3-го отдѣленія съ требованіями вступительнаго экзамена въ 3-е отдѣленіе городскихъ училищъ. Этою мѣрою значительно упростилось дѣло преподаванія въ 2-хъ-классныхъ училищахъ, учителямъ которыхъ проходило преподавать только 2-мъ группамъ. Не смотря на это улучшеніе, все

же курсъ 2-хъ-классныхъ училищъ проходится съ значительнымъ сокращеніемъ программы, очевидно рассчитанной на особаго учителя для каждаго отдѣленія.

Желая достигнуть лучшаго результата, мѣстные начальники городскихъ училищъ обращались къ городскимъ Думамъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи штатной суммы на содержаніе 3-го учителя, и Думы, въ виду несомнѣнной пользы для учениковъ, удовлетворяли эти ходатайства. Такимъ образомъ постепенно организовывались 3-хъ-классныя городскія училища, въ которыхъ 4 отдѣленія распределяются по классамъ двойнымъ образомъ: или 3 и 4 отдѣленія образуютъ 1-й клас., 5-е—2-й, а 6-е—3-й классы; или 3-е отдѣленіе учится въ 1-мъ кл., 4-е—во 2-мъ, а 5 и 6 въ 3-мъ. Это послѣднее распределеніе гораздо цѣлесообразнѣе: число учениковъ въ этихъ отдѣленіяхъ обыкновенно бываетъ незначительно (особенно въ 6-мъ): разница въ познаніяхъ учениковъ не велика, нѣкоторые предметы могутъ проходиться одновременно въ обоихъ отдѣленіяхъ: въ 5-мъ они проходятся, а въ 6-мъ повторяются.

Прибавленіе 3-го учителя и организація 3-го класса значительно повысили общеобразовательный уровень оканчивающихъ курсъ учениковъ. Такой результатъ вызвалъ общественное довѣріе, и число 3-хъ-классныхъ училищъ въ настоящее время достигло до 202-хъ. Замѣчу, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этого числа 3-хъ-классныя училища организованы по типу 2-хъ-классныхъ: городскія общества закрыли приходскія училища, а суммы, на нихъ ассигнованныя, передали городскимъ училищамъ съ тѣмъ, чтобы на нихъ содержались 1 и 2-е отдѣленія. Такимъ образомъ въ этихъ училищахъ въ каждомъ классѣ по 2 отдѣленія.

Хотя уровень познаній оканчивающихъ курсъ учениковъ въ 3-хъ-клас. училищахъ и повысился, но не достигаетъ нормы, требуемой програмами: чтобы воплотить ихъ требованія, необходимо уничтожить соединеніе 2-хъ отдѣленій въ одномъ классѣ, что достигается прибавленіемъ 4-го учителя, т. е. открытѣмъ 4-го класса. Многія городскія общества, совместно съ земствами, воплотивъ понимая необходимость этой мѣры, ассигновали необходимую для того сумму, и изъ 3-хъ-классныхъ училищъ организовались 4-хъ-классныя, число которыхъ въ настоящее время возросло до 60-ти. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Латчинѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ-на-Дону) открыты 5-ти-классныя, въ 6-ти городахъ открылись 6-ти-классныя городскія училища, представляющія собой образецъ вполнѣ организованнаго 6-ти-лѣтняго начальнаго курса.

Между предметами этого курса рисованіе, черченіе и чистописаніе занимаютъ важное мѣсто, а преподаваніе этихъ искусствъ, требующее особой спеціальной подготовки, лежало на учителяхъ, вѣдь, хотя и учатся этимъ искусствамъ въ Учительскомъ Институтѣ, но далеко не представляютъ собой специалистовъ. Поэтому преподаваніе искусствъ во всѣхъ училищахъ шло не-

удовлетворительно; учителя геометріи, съ которою соединено преподаваніе искусствъ, во многихъ училищахъ отказывались преподавать ихъ какъ отдѣльные предметы. Въ виду важнаго значенія ихъ для подготовки учащихся къ самостоятельному труду, по окончаніи курса, во многихъ училищахъ были назначены частнымъ образомъ, изъ платы по найму, учителя искусствъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ въ рисовальныхъ училищахъ. И дѣло обученія искусствамъ пошло весьма успѣшно.

Въ 1893 году воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе штатной должности учителя черченія, рисованія и чистописанія въ тѣхъ городскихъ училищахъ, которыя располагаютъ достаточными спеціальными средствами на уплату жалованья учителю.

Это, весьма важное, мѣропріятіе привлекло молодыхъ людей съ отличною спеціальною подготовкою къ занятію штатныхъ должностей, увеличило составъ служащихъ, что въ свою очередь значительно улучшило учебно-воспитательное дѣло.

И городскія училища пользуются въ настоящее время полнымъ довѣріемъ общества и его симпатіей, что наглядно доказывается постоянно возрастающимъ числомъ учащихся и открытіемъ параллельныхъ классовъ. Такъ, въ губерніи, гдѣ я живу, есть два 4-хъ-классныхъ училища, въ которыхъ всѣ 4 класса имѣютъ параллельныя отдѣленія и число учащихся доходитъ до 400-хъ учениковъ.

Такимъ образомъ въ 20-ть съ лишнимъ лѣтъ существованія городскихъ училищъ, открывавшихся по *нѣмецкому образцу*, требованія русской жизни постепенно передѣляли ихъ на русский ладъ. Впрочемъ, это предвидѣлось и «Положеніемъ 31-го мая 1872 г.» пункты котораго составлены для 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ-классныхъ училищъ.

III.

Если концентрація нѣсколькихъ отдѣльныхъ классовъ въ одномъ, заимствованная у нѣмцевъ, оказалась въ нашихъ городскихъ училищахъ несостоятельной, то интересно знать, насколько оказалось удачнымъ введеніе въ нихъ второго принципа нѣмецкихъ школъ а именно: *учрежденіе классныхъ учителей*.

Для подготовки такихъ учителей, какъ извѣстно, были учреждены Учительскіе Институты, учебныя заведенія закрытыя, въ которыя, однакожь, дозволяется принимать и приходящихъ воспитанниковъ (§ 2 «Положеніе объ Учительскихъ Институтахъ»). Курсъ институтовъ 3-хъ лѣтній. Въ институтъ принимаются по экзамену молодые люди не моложе 16 лѣтъ, съ познаніями, не превышающими курса городскихъ училищъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ воспитанники приобрѣтаютъ по всѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ достаточно основательныхъ, хотя и не обширныхъ познаній.

Преподаваніе педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ *всѣхъ предметовъ* теоретически подготовляетъ ихъ къ практическимъ занятіямъ въ институтскомъ 2 хъ-классномъ городскомъ училищѣ; этимъ занятіямъ и посвящается 3-й учебный годъ.

Казалось бы, что при учрежденіи институтовъ все предусмотрено, что организація учебной системы ихъ вполне соответствуетъ предначертанной имъ цѣли, то есть, подготовить учителей, могущихъ преподавать въ данномъ классѣ всѣ предметы.

И дѣйствительно, въ теченіи многихъ лѣтъ городскіе учителя исполняютъ эту весьма трудную обязанность, давая еженедѣльно по 20—22 уроковъ по всѣмъ предметамъ. Этотъ энциклопедизмъ, признаюсь, очень интриговалъ меня. По собственному 20-ти-лѣтнему опыту я зналъ, какъ нелегко преподавать даже одинъ предметъ свыше 12-ти уроковъ въ недѣлю; подготовка къ нимъ, просмотръ ученическихъ работъ поглощали почти все свободное время отъ уроковъ. А между тѣмъ нужно было слѣдить за литературою даннаго предмета, освѣжать свои познанія новыми изслѣдованіями, новыми взглядами.

Вѣдь только подобныя внѣурочныя занятія могутъ поддерживать въ учителѣ бодрость, энергію и предохранять его отъ шаблонности, рутинны и превращенія въ ремесленника.

И для меня было совершенно непостижимо, какъ возможно одному и тому же лицу и при томъ въ одномъ и томъ же классѣ преподавать одновременно пять предметовъ. А подготовка къ 4—5 урокамъ? А исправленіе работъ по русскому языку, по ариметикѣ? Вѣдь уже одинъ этотъ трудъ долженъ поглотить все свободное время отъ уроковъ. Чтобы скольконибудь разъяснить для себя эту тайну, я познакомился съ нѣсколькими учителями городскихъ, по Пол. 31-го мая 1872 года, училищъ; настолько сблизился съ ними, что они съ полною откровенностью сообщили мнѣ о своей преподавательской дѣятельности. Резюмируя все сообщенное мнѣ ими, я пришелъ къ заключенію, что дѣло этого интенсивнѣйшаго преподаванія сводится къ одной формѣ, къ тому, чтобы выполнить данное росписаніе уроковъ. И рѣчи быть не можетъ ни о бесѣдахъ съ учениками, уясняющими связь даннаго урока по какому либо предмету съ предшествующими уроками по тому же предмету, ни объ иллюстрированіи урока какими либо учебными пособиями.

«Мы, говорилъ одинъ учитель, сообщаемъ ученикамъ разрозненные клочки познаній; ученики ихъ заучиваютъ по учебникамъ, отвѣчаютъ исправно, а мы выставлемъ отмѣтки: вѣдь вы знаете, что это въ училищѣ самое важное; если у кого либо изъ насъ мало въ журналѣ отмѣтокъ, тотчасъ слѣдуетъ внушеніе со стороны начальника. Какъ бывшій учитель гимназіи, вы и представить себѣ не можете состояніе городского учителя въ учебное время».

«Я классный учитель III класса (6-й годъ обученія); въ иные дни приходится давать уроки по четырремъ предметамъ, не имѣ-

ющимъ между собою никакого самаго отдаленнаго сходства (напр. по исторіи, геометріи, физикѣ, русскому языку). Только что сосредоточилъ всѣ свои способности на историческихъ данныхъ, жилъ, такъ сказать, въ мірѣ былаго, давно минувшаго,— какъ, послѣ пятиминутнаго отдыха (перемѣны), долженъ моментально все это забыть для «треугольниковъ»; затѣмъ черезъ полчаса на сцену выступаетъ «давленіе жидкостей на дно сосудовъ», а въ заключеніи «соподчиненіе придаточныхъ предложений». Словомъ, за 5 учебныхъ часовъ живешь въ какомъ то умственномъ чаду, отъ котораго не освѣжаешься дома: цѣлый ворохъ всякаго рода ученическихъ письменныхъ работъ глядятъ на тебя и отгоняютъ всякую мысль объ отдыхѣ... Иной день приходишь въ такомъ мрачномъ настроеніи, что кажется, вотъ-вотъ съ ума сойдешь. И не думайте, что я одинъ только это испытываю; всѣ мы одинаково чувствуемъ совершенную ненормальность нашего положенія и придумываемъ средства отъ него избавиться».

«Такимъ средствомъ можетъ быть только нарушеніе закономъ установленной системы преподаванія. И въ нашемъ Педагогическомъ Совѣтѣ уже рѣшили возбудить ходатайство о замѣнѣ класснаго преподаванія».

Повидимому, подобныя ходатайства поступали и отъ другихъ совѣтовъ и были уважены.

Замѣна класснаго преподаванія предметнымъ лѣтъ 6 тому назадъ стала разрѣшаться Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и въ настоящее время во многихъ училищахъ введено предметное преподаваніе, этому много содѣйствовало, въ послѣдніе два учебные года, учрежденіе штатныхъ учителей рисованія, черченія и чистописанія при тѣхъ училищахъ, которыя располагаютъ свободными для того средствами. Нельзя сомнѣваться, что эта послѣдняя мѣра послужитъ къ окончательному устраненію классной системы преподаванія, вмѣсто которой будетъ введена повсемѣстно предметная, какъ вполне согласная съ интересами учебнаго дѣла.

Такимъ образомъ реформа уѣздныхъ училищъ черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ закончилась тѣмъ, что постепенно организовались учебныя заведенія по типу *уѣздныхъ училищъ* съ расширеннымъ курсомъ и лучшимъ, педагогически-подготовленнымъ учебнымъ персоналомъ. Чтобы всесторонне разсмотрѣть поставленный въ заголовкѣ вопросъ, мнѣ слѣдовало бы коснуться программъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1877 году; но предметъ этотъ на столько важенъ, что требуетъ подробнаго обсужденія, которымъ я и займусь въ одной изъ слѣдующихъ статей; это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что, какъ я слышалъ, проектируется изданіе новыхъ программъ; сравненіе ихъ съ дѣйствующими въ настоящее время можетъ служить показателемъ взгляда центральнаго вѣдомства на задачи основательнаго начального образованія.

Заканчивая мою статью, не могу не высказать пожеланія, чтобы существующія еще уѣздныя училища и 2-хъ-классныя городскія преобразовались бы хотя въ 4-хъ-классныя съ пріемомъ въ 1-й классъ учениковъ, уже прошедшихъ курсъ 1-го и 2-го года обученія. Матеріальныя жертвы городскихъ обществъ въ этомъ дѣлѣ вполнѣ вознаграждаются солидною подготовкою подрастающихъ поколѣній къ трудовой жизни и дѣятельности въ разныхъ профессіяхъ.

С. Бобровскій.

Изъ воспоминаній сельскаго учителя.

Курсъ окончилъ я въ Тамбовскомъ Е. У. Институтѣ въ 1879 году. Получивъ свидѣтельство на званіе народнаго учителя, я отправился къ одному изъ инспекторовъ узнать, не имѣется ли въ участкѣ его свободнаго мѣста. Оказалось, что прошеніе нужно почему то подавать въ августѣ мѣсяцѣ. Съ нетерпѣніемъ дожидался я августа. Желаніе получить скорѣе учительское мѣсто было такъ велико, при наличности скудныхъ средствъ, что я путешествовалъ къ инспектору въ Тамбовъ чуть не каждую недѣлю, когда съ попутчикомъ на лошади, а когда и просто «на своихъ-на двоихъ». Наконецъ, послѣ многихъ хожденій и тревогъ, я получилъ мѣсто учителя въ селѣ В—вѣ, Тамбовскаго уѣзда. Радость моя была такъ велика, что я пустился домой пѣшкомъ ночью за 35 верстъ отъ города и легъ, какъ говорится, «на всѣхъ парахъ».

И вотъ 27 сентября отправился я на мѣсто своей службы. Вечеромъ уже смерклось, пріѣхалъ я въ В—во и остановился у церковной караулки; вышелъ сторожъ и, на мой вопросъ: «гдѣ школа и квартира учителя?» отвѣтилъ: «Здѣсь. Вамъ что нужно?» Я объяснилъ ему, что я новый учитель, назначенный сюда. Сторожъ мгновенно преобразилъ лицо свое въ сладкую улыбку и проговорилъ: «Пожалуйте, пожалуйте сюда!» и онъ толкнулъ дверь ногой. «Тутъ П. С—чъ живетъ, славный человекъ, насъ не оставляетъ, ну и мы ему тоже услуживаемъ!» Потомъ онъ перетащилъ мои вещи, пустился въ розказни о школѣ и ученикахъ и въ концѣ концовъ выпросилъ «на козуску». Пока я слушалъ сторожа и укладывалъ свои вещи, въ другую половину караулки пришли: дьяконъ, дьячекъ, волостной писарь съ помощникомъ, узнавшіе вѣроятно о пріѣздѣ новаго учителя. Безъ всякихъ представлений мы познакомились. Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ я обратился къ нимъ съ просьбою указать мнѣ домъ, гдѣ бы я могъ столоваться. Дьячекъ, только что воротившійся

съ поминокъ, радушно и за недорогою плату (5 р.) предложѣ мнѣ быть его нахлѣбникомъ. Я былъ очень радъ, что дѣло такъ скоро уладилось, и всѣ въ веселомъ настроеніи, какъ будто давно знакомые, отправились къ нему въ домъ; тамъ былъ поставленъ самоваръ, наварены яйца; всѣ стали поздравлять меня съ должностію и предложили «обмытъ», я не сумѣлъ отказаться и долженъ былъ угостить. Тутъ ужъ скоро пошла совсѣмъ оживленная бесѣда, а къ концу трапезы слышались даже лобзанія...

На другой день я проснулся съ головной болью и съ новымъ состояніемъ духа, до сего времени мнѣ неизвѣстнымъ, такъ какъ водки никогда не пилъ. Хозяинъ приготовилъ ужъ водки и упрасивалъ похмѣлиться. «Ты выпей-ка и голова пройдетъ! говоришь оны. Это съ непривычки, а разокъ другой вкусишь и объ головѣ толковать не станешь!» Но я видѣть не могъ его живительной влаги, не только что пить и наотрѣвъ отказался. «Эхъ молодятина! недовольнымъ тономъ промолвилъ оны, наливая рюмку. Поживешь, скажешь другое!..»

Напившись чаю, я пошелъ осматривать село. День былъ пасмурный и еще болѣе увеличивалъ тоскливое настроеніе.

В—во довольно большое село, бывшее барское, по рассказамъ когда то богатое, расположенное около длиннаго желтаго пруда, представляло теперь ряды плохенькихъ избушекъ съ почернѣвшими отъ времени крышами и горшечными трубами; даже очень мало видѣлось амбаровъ по улицѣ; кое гдѣ торчали вѣтловыя колья часто съ сухими сучьями, да неприятно бросались въ глаза земляныя бани съ проломанными крышами. Въ концѣ порядка, рядомъ съ вагономъ, находился запущенный, съ поломанною во многихъ мѣстахъ плетневою оградой, бывшій барскій садъ. За селомъ видѣлись голыя поля и небольшіе кусты малорослыхъ осинъ. Строекъ гдѣсь находился верстахъ въ пятидесяти. Только и радовала взоръ большая каменная церковь съ садикомъ, обнесеннымъ красивою желѣзною оградой.

Налюбовавшись на село и окрестности, печально побрелъ я въ школу. Собственно школа представляла комнату аршинъ семь въ длину и ширину съ двумя, скудно освѣщавшими ее, окнами и отдѣленною стѣною отъ другой такой же, служившей для помѣщенія караульныхъ и для совершения церковныхъ требъ. Полъ вѣроятно никогда не мылся и былъ покрытъ толстымъ слоемъ грязи. Къ одному углу школьной комнаты было отгорожено тесомъ небольшое мѣстечко—это «комната учителя». Здѣсь стоялъ столъ со стуломъ, кое изъ чего сколоченная кровать и шкафъ съ книгами и учебными принадлежностями; больше и мѣста почти не было! Все это покрыто было пылью. Подъ кроватью, Богъ знаетъ для чего, устроено было что то вродѣ погреба и, сквозь не плотно прихидившуюся крышку, оттуда несло сыростію. Открылъ шкафъ, пылъ такъ и полетѣла въ лицо.

Очень недоволенъ остался я школой и учительскимъ помѣщеніемъ и рѣшился устроиться у кого нибудь изъ сельчанъ на

квартирѣ, но сдѣлать это оказалось не такъ то легко: у крестьянъ очень тѣсно, грязно и ужъ ни малѣйшихъ удобствъ среди поросятъ и телятъ, а у духовныхъ избы тоже полны своими. Поневолѣ пришлось остаться въ караулѣ. Дня три занимался я убраннымъ своего помѣщенія: повытеръ пыль со стѣнъ, снялъ паутину, набралъ въ волостномъ правленіи старыхъ газетъ и заклеилъ трещины перегородки; стало и освѣтлѣй и по уютнѣй, но не надолго; кочующая пыль опять налетѣла, а зашедшіе отъ утрени богомольцы очень искусно продавали нѣсколько дырочекъ и продольныхъ полосъ и разглядывали меня какъ звѣря въ клеткѣ. Еще разъ заклеилъ я стѣны и попросилъ посѣтителей не прорывать бумаги; эта просьба моя была уважена, потому что въ слѣдующее воскресенье продранныхъ мѣстъ было меньше; потомъ я прибилъ крючокъ къ школьной двери и запирался на ночь. Положеніе мое было далеко не изъ пріятныхъ, тѣмъ болѣе, что ни дѣтство мое, ни пребываніе въ Институтѣ никоимъ образомъ не похожи были на такое одиночество и на грязную, душную караулку, да и не думалось почему то, что учителемъ придется жить при такой жалкой обстановкѣ!

До начала ученья я познакомился съ священникомъ-законоучителемъ и съ владѣльцемъ В—аго имѣнія и попечителемъ школы богатымъ купцомъ Р., попросилъ у него соломы на отопленіе школы, въ чемъ онъ не отказалъ. «Сколько угодно! говорилъ онъ, смѣясь. Чего другого, а этого добра много гниетъ у меня на гумнѣ, свозите только пожалуйста!»

Подошло второе октября—начало ученья. Школа В—ая только третій годъ была открыта, а потому учениковъ и вновь пришедшихъ было такъ много, что, за неимѣніемъ свободнаго мѣста, я долженъ былъ нѣкоторымъ отказать; очень равнодушно выслушали они отказъ, да вѣроятно и шли то больше за тѣмъ, чтобы посмотреть на «учителя», потому что изъ принятыхъ въ школу нѣкоторые черезъ три-четыре дня перестали ходить. Это ужъ обычной такой существовалъ тогда въ школѣ сельской: во время пріема новымъ учителемъ или при открытіи школы собирались ребятишки чуть не изъ cadaго двора, а на другой или третій день нѣкоторые изъ этихъ записанныхъ малышей играютъ на улицѣ, когда нужно быть въ школѣ. «Что-жь, Васька, пойдешь въ «училищу» то?» спрашиваетъ какой нибудь мальчуганъ товарища. — «Ну еще!» отвѣчаетъ Васька. — «А видѣлъ учителя то?» пристааетъ другой. — «Видѣлъ!.. сердито говоритъ Васька. А ты видѣлъ?..» Этими и кончались разговоры у мальчуганъ о школѣ. Родители не всегда вмѣшивались въ это дѣло. Нужно сказать, впрочемъ, что такое отношеніе родителей къ школѣ все таки исключеніе; въ большинствѣ случаевъ отецъ или мать сами приводили сына и часто просили учителя «подбучить хорошенько и вихоръ нарвать». Наиболѣе интересующіеся школой крестьяне это тѣ, у которыхъ въ семьѣ есть уже грамотный изъ взрослыхъ

или же у кого мальчикъ учится хорошо. Встрѣчавшееся часто холодное отношеніе крестьянъ къ школѣ можно только тѣмъ и объяснить, что она во многихъ мѣстахъ все таки была новостью для нихъ, безотчетнымъ убѣжденіемъ многихъ крестьянъ, «что не всякому грамота дается» и тѣмъ, что школа съ неподготовленными и случайными учителями еще очень мало давала хорошихъ грамотныхъ крестьянскихъ дѣтей. Когда сельская школа будетъ поставлена въ хорошія условія и учитель не будетъ бѣгать отъ нея изъ боязни остаться подѣ старости безъ куса хлѣба, тогда крестьяне всѣ обратятся къ ней, а учитель будетъ считаться своимъ человѣкомъ... Среди 9—14-лѣтнихъ учениковъ троемъ было по 16 лѣтъ, а одному 17; этотъ послѣдній пересталъ посѣщать школу, когда за него усватали невѣсту, но вечеромъ онъ все таки частенько заходилъ ко мнѣ рѣшать задачи и за книгами.

Ученье началось. Въ школѣ было очень тѣсно и душно. На дворѣ становилось холодно. Послѣ занятій я велѣлъ сторожу топтать печь, а самъ легъ и заснулъ; но отдыхъ мой былъ тревоженъ и непродолжителенъ: во снѣ я почувствовалъ, что меня что то душитъ; я съ испугомъ проснулся. Густой непроглядный дымъ наполнялъ всю комнату; я подумалъ, что пожаръ, вскочилъ, отворилъ дверь и едва могъ разглядѣть у печи сторожа. «Что это такое?» спрашиваю.—«Гдѣ?» говоритъ тотъ спокойно.—«Что это за дымъ? Вѣдь такъ задушить можно!»—«О!.. А я думалъ, вы въ окно то смотрите, что нибудь случилось на улицѣ! Это съ непривычки, а то ничего!.. Топлю!» добавилъ онъ. Дѣйствительно онъ пихалъ солому въ печь и постоянно протиравъ рукавомъ глаза «Что же всегда такъ дымъ идетъ?» спрашиваю. «Дымъ то? Нѣтъ, прежде какъ будто поменьше!.. Труба не чищена давно!» Вечеромъ я послалъ его къ старшинѣ просить трубочиста; старшина велѣлъ сторожу прислать меня самого; пришлось идти самому, хотя никакой надобности въ этомъ не было. Все таки трубочистъ пришелъ скоро, вытащилъ кучи сажн, самъ затопилъ печь, но дымъ опять таки сталъ заходить въ комнату; тогда посмотрѣлъ онъ на печь опытнымъ взоромъ своимъ, стукнулъ по кирпичамъ молоткомъ и сказалъ: «новую надо, ходы попорчены!» и ушелъ. А старшина про новую печь выразился такъ: «ихъ много будетъ учителей, то и перекладывай всякому, денегъ не хватить!»

Зимой въ морозные дни дыму было меньше, но за то пришлось испытывать то холодъ, то угарь. Эти два врага положительно выживали меня вонь. Приходилось по три дня сидѣть безъ топлива. «Отчего же соломы до сихъ поръ нѣтъ?» спросишь сторожа.—«Мужики не ѣдутъ, говорятъ: «холодно, снѣгомъ завалило олому, а изъ новыхъ ометовъ прикащикъ не дастъ! «Новче хотѣли своей съ дворовъ привезть!» И ждешь не дождешься этой благодатной соломы! Въ такихъ случаяхъ я обыкновенно надѣвалъ тулупъ и расхаживалъ по школѣ. Утромъ

собрались ученики, разсѣлись кто на партахъ, а кто, за неимѣніемъ мѣста, на полу. Сначала среди нихъ замѣтно нѣкоторое оживленіе и даже бодрость; слышится скрипѣніе грифелей, шопотъ, отвѣчаютъ бойко, а полчаса спустя уже виднѣются усилившія лица, оживленія какъ небывало; тишину нарушаютъ только носомъ. Жаль становится смотрѣть на эти согнувшіяся фигурки!.. «Распустить нужно! думаешь себѣ. Распустить боязно; скажутъ: не учить, да нажалуются пожалуй!.. Нѣтъ, ужъ лучше дотяну какънибудь до 12, а тогда можно и отпустить, все таки и на душѣ будетъ лучше»... Ну и сидишь, дожидаясь этихъ 12 часовъ; ребятъ то поиграть отпустишь, а то дашь полную волю въ школѣ. Занятія состояли большею частью въ чтеніи; самъ чтонибудь прочитаешь или расскажешь или заставишь лучшаго изъ старшаго отдѣленія, остальные слушаютъ. Писать вслѣдствіе холода нельзя, чтеніе про себя и рѣшеніе устныхъ самостоятельныхъ задачъ тоже какъ то не клеилось: какъ уткнется мальчикъ въ одно мѣсто въ книгѣ, такъ и глядитъ туда, не переворачивая дальше, потому что для этого нужно вытаскивать руки изъ-за пазухи или рукавовъ, а каково это?.. Двѣнадцать часовъ. «Ну, ребята, будетъ вамъ мерзнуть, ступайте домой!» скажешь наконецъ и самъ вздрогнешь, не потому, что въ самомъ дѣлѣ дрожь пробрала (тулупъ у меня былъ очень теплый, голова, правда немного забла)! нѣтъ, а въ оправданіе передъ родителями учениковъ: не по лѣности, дескать, отпускаю, а вслѣдствіе холода... Боязно какъ-то!..

Ушли ребята. На смѣну имъ является сторожъ старикъ и начинаются гимнастическія упражненія: мы размахиваемъ руками и ногами, а иногда и боремся. Славно разогрѣлись, въ потъ даже бросило! Иногда бывали курьезы. Нужно было какъ то отнести письмо, зову сторожа: «Павлычъ, поди-ка сюда?» — «Ну вась!» — отказывается тотъ. Не молоденькій я, вѣдь пятьдесятъ лѣтъ, бока болят!» Ночь подойдетъ, закутаешься бывало въ тулупъ съ головой и лежишь такъ до утра, изрѣдка высовывая голову, чтобы вдохнуть въ себя свѣжаго воздуха. Сторожъ въ такія печальныя времена забирался обыкновенно въ печь и лежалъ тамъ до утра. Въ этой печи онъ однажды едва не задохнулся отъ затлѣвшейся одежды, но повидать не хотѣлъ излюбленное мѣстечко. Такихъ прохладныхъ промежутковъ за зиму у насъ бывало три-четыре. Не могу удержаться, чтобы не помянуть добрымъ словомъ этого старика. Онъ былъ безродный и бездомный, чрезвычайно добродушный и незлобивый, былъ порядочно начитанъ и иногда велъ въ караулѣ духовно-нравственныя бесѣды съ заходившими отъ службъ крестьянами. Я велъ довольно уединенную жизнь, да по близости и не было никого, съ кѣмъ, какъ говорится, можно бы отвести было душу, а потому я былъ весьма радъ обществу этого человѣка, много выдавашаго и испытывашаго на своемъ вѣку.

Вотъ привезли наконецъ соломы. Натопилъ Павлычъ печь жарко.

Хорошо! Но подходит вечеръ и начинаешь чувствовать шумъ въ головѣ,—это угаръ. Въ такихъ случаяхъ я старался уходить и возвращался поздно, но все таки угоралъ. Кажется, всѣ стѣны были пропитаны этимъ ядомъ! Однажды долго не спалъ я, чувствуя, что угорѣлъ, но вставать не хотѣлось, да и тяжело было поднимать больную голову. Вдругъ отворяется дверь моей комнаты, кто то подходит и начинаетъ меня толкать. «Вы спите?» слышу я голосъ Павлыча. — «Нѣтъ, а что?» — «Угарно, вы бы вышли наружу пока!» Насилу поднялся я и, кое какъ одѣвшись, вышелъ въ сѣни; меня тотчасъ же стало тошнить. «Вѣдь у насъ какой случай былъ при П. Ст.!» (при предшеств. моемъ учителѣ) заговорилъ Павлычъ. Лежу это я и чувствую, что угорѣлъ, сильно угорѣлъ! Дай, думаю, провѣдаю пойду П. Ст., какъ онъ тамъ! Прихожу, дверь на крючкѣ; я окликнулъ, не отзывается; я стучать сталъ, не отпираетъ. Ужъ не умеръ ли, думаю, позвалъ товарища, выломали мы рѣшетку вверху, подсадилъ онъ меня, я и пролѣзъ въ комнату то; отворилъ, подхожу къ кровати, а онъ чуть дышетъ! Взяли мы его, да прямо на морозъ, ну отошелъ! Послѣ дня два какъ шальной ходилъ и не училъ! Потому я къ вамъ и зашелъ то теперь: Богъ знаетъ, что можетъ случиться!» Отъ угаровъ этихъ, да отъ холода я заболѣлъ и послѣ Святокъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ этой школы, слишкомъ ужъ тяжело отзвывалась ея обстановка, но семейныя обстоятельства не позволили этого сдѣлать, и я по необходимости возвратился опять въ свою душную караулку. Какой успѣхъ можетъ быть при подобной обстановкѣ? А вѣдь такія школы были вовсе не рѣдкостью въ то время, да и теперь еще онѣ не вывелись! Въ нашемъ же уѣздѣ я зналъ учителя, который послѣ занятій проводилъ почти все время на печи. Или вотъ какая школа рисуется инспекторомъ въ отчетѣ за 1888 годъ: «Въ школьной комнатѣ учительница занимается съ учениками; рядомъ съ партами работаетъ на ткацкомъ станкѣ баба; съ печи, свѣсившись, смотреть сторожъ; передъ дверью входною стоятъ лукошки съ насѣдками и привязанный тележокъ»... Патріархальная, но едва ли желательная простота!

Рядомъ со школьной комнатой помѣщалась, какъ я сказалъ, и комната сторожей, гдѣ совершались не рѣдко церковныя требы и «поминки»; такое сосѣдство представляло то неудобство, что во время занятій было слышно пѣніе духовныхъ и разговоры трапезующихъ. Бывали при этомъ и такого рода случаи: я занимаюсь и употребляю всѣ усилія на то, чтобы отвлечь вниманіе учениковъ отъ разговоровъ по сосѣдству; вдругъ отворяется дверь и входитъ баба съ масляными блинами. «На-ка раздай ребятишкамъ помянуть!» говорить она, обращаясь ко мнѣ. Ребята привстали съ мѣстъ, лѣзутъ впередъ, начался общій переполохъ. Пока я доказывалъ бабѣ неудобство ея посѣщенія, она успѣла роздать блины по рукамъ, а потомъ съ самою любезною улыбкою обратилась и ко мнѣ: «а ты съ нами не выпьешь? Вино

«хорошее!» Чтобы избавиться отъ подобныхъ вторженій я сталъ заператься на крючекъ, но и тутъ не оставали въ покоѣ: слышится стукъ въ дверь; я не обращаю вниманія и продолжаю заниматься; стукъ повторяется громче и поневолѣ приходится прервать занятія. «Кто тамъ»? спросишь нарочно строго.—«Я!» отвѣчаетъ мужской голосъ.—«Что тебѣ нужно?»—«Пусти покурить, а то здѣсь батюшка не вѣдять!».. Еще болѣе неудобствъ было великимъ постомъ, когда говѣльщики набирались въ караулку толпами и разговаривали и даже шумѣли, не стѣсняясь.

Кромѣ неудобствъ и непріятностей чисто школьныхъ были непріятности и другого рода. Въ самомъ В—вѣ находился хуторъ купца Р., которымъ завѣдывалъ приказчикъ. Такъ какъ Р. былъ довольно богатый землевладѣлецъ, то, какъ и повсюду, имѣлъ большое вліяніе на крестьянъ и сельское начальство; приказчикъ тоже конечно пользовался этимъ преимуществомъ и даже въ большей степени, чѣмъ самъ хозяинъ и потому чувствовалъ себя полнымъ властелиномъ малоземельныхъ В—цевъ. При поступленіи учителемъ я не сдѣлалъ ему визита, а познакомился съ нимъ случайно, да и потомъ не водилъ компаніи; это ему не понравилось; онъ хотя былъ и полуграмотный мѣщанинъ, но придерживался этикета и любилъ «уваженіе». Отсюда и начались непріятности. Сторожа бранилъ онъ за то, что много жжетъ соломы, на селѣ говорилъ, что я плохо учу, а старшину настроилъ «пробрать» меня хорошенько, чтобъ не зазнавался, что тотъ вскорѣ и исполнилъ съ полною добросовѣстностію подчиненнаго.

Прихожу однажды въ волостное правленіе получить жалованье; старшина съ двумя судьями сидѣлъ въ это время за столомъ и о чемъ то весело разговаривалъ; при моемъ входѣ онъ вдругъ сдѣлался серьезнымъ и едва отвѣтилъ на поклонъ. Я обратилъ съ просьбой выдать мнѣ жалованье.—«Жалованье то жалованье, а вотъ слухи про васъ нехорошіе ходятъ»:—важно началъ онъ.—«Какіе слухи?»—удивленно и даже нѣсколько испуганно спросилъ я.—«А такіе слухи, что совсѣмъ ребятъ не учите! Я вотъ былъ въ земской управѣ, такъ мнѣ начальникъ и говорилъ:—«передай говорить, своему учителю, чтобъ хорошенько училъ, а то, говорить, смѣшу!»—«Вотъ оно какъ!» Вамъ жалованье плати, а вы и знать насъ не хотите!»—«При этомъ старшина съ важностію посмотрѣлъ на судей; тѣ, въ знакъ согласія, вѣроятно, нашли нужнымъ кашлянуть и взяться за бороды. Не смотря на подозрительныя, грубо наивныя заявленія старшины, слова его всетаки смугили меня. «Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ неопытному, инспекторъ передалъ случайно свое неудовольствіе на меня ему!» Передъ этимъ онъ дѣйствительно былъ въ моей школѣ, но ни въ ревизіонной книгѣ, ни на словахъ не выражалъ, что результаты обученія у меня плохи. Жалованье старшина мнѣ всетаки тотчасъ же выдалъ, хотя и за вычетомъ 15 коп., которыя онъ будто бы отдалъ за услуги сторожу при земской управѣ. За жалованьемъ приходилось ходить не рѣдко

по нѣскольку разъ: то мелкихъ не было, то старшину не заста-
нешь въ правленіи. Опредѣленнаго времени для этого не было.
Для меня это, положимъ, не составляло большихъ неудобствъ, но
для учителя сосѣда, жившаго въ семи верстахъ, было не выгодно,
такъ какъ за каждую поѣздку приходилось платить 40—50 коп.

Къ концу перваго года моего жителства устроилъ я хоръ,
выучилъ обѣдню и сталъ пѣть въ церкви. Сначала дѣло шло хо-
рошо: прихожане были довольны пѣніемъ, а помощникъ церков-
наго старосты всегда давалъ за каждую обѣдню по нѣскольку
коп., но вскорѣ дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ: староста
почему то пересталъ давать обычную плату, а нѣкоторые маль-
чики не стали становиться на клиросъ подѣ предлогомъ «болень
былъ», «некогда было», «батя не пустилъ». Не такъ это, думаю
себѣ, кто то тормозитъ дѣло! И дѣйствительно тормазомъ этимъ
оказался приказчикъ. Онъ напр. не велѣлъ помощнику старосты
давать денегъ, а самъ въ то же время одѣлялъ нѣкоторыхъ пѣв-
чихъ съ тѣмъ, чтобъ не ставились на клиросъ. А старшина
однажды въ церкви мальчикамъ такъ выразился: «Всѣхъ васъ
съ учителемъ то пропороть надо хорошенько, чтобъ не пищали
безъ толку!» Въ концѣ концовъ хоръ мой разстроился, и я при-
нужденъ былъ его бросить.

Хоръ хотя и стоилъ трудовъ, былъ все таки для меня един-
ственнымъ развлеченіемъ, но теперь я лишился и его. Что оста-
валось дѣлать въ моей глуши? Чѣмъ наполнить свободное время?
Самое лучшее въ этомъ случаѣ было бы обратиться къ книгѣ,
но гдѣ ее взять? Библіотека учителейскихъ тогда не существовало,
а выписывать книги изъ города и неудобно, да и не по средствамъ
учителя, получающаго 16 руб. 65 коп. жалованья и имѣющаго
семью. Не было даже такихъ книгъ, которыя необходимы учи-
телю, какъ пособія при обученіи, а такихъ книгъ существовало
не мало и всѣ они написаны были исключительно для народнаго
учителя; о многихъ изъ нихъ сельскіе учителя и понятія не имѣли.
Такимъ образомъ учителю приходилось, за неимѣніемъ болѣе по-
лезныхъ развлеченій, свободное отъ занятій время проводить или
за игрою въ «дурочки», въ жмурки, а то и за выпивкой. А съ
какимъ усердіемъ, съ какимъ искреннимъ желаніемъ принести
посильную пользу принимались многіе изъ насъ за дѣло сначала!
Къ сожалѣнію, всѣ эти добрыя начинанія очень часто разбива-
лись отъ той обстановки, среди которой приходилось жить. Даже
самые трудолюбивые и горячо преданные школѣ учителя и тѣ,
потерявъ въ душной школьной атмосферѣ здоровье, перенесли
многія нравственныя непріятности и не предвидя ничего впереди
за свой тяжелый трудъ, въ концѣ концовъ покидали школу и
искали болѣе благодарныхъ занятій...

Въ совершенно другой обстановкѣ былъ одинъ изъ моихъ
однокурсниковъ. Вотъ какъ писалъ онъ въ письмѣ ко мнѣ въ
концѣ втораго года своего учительства: «Любезный дружище
П. А.! Поселился я въ Ч—нѣ, Козловскаго уѣзда. Живу хорошо.

Школа моя благоустроенная, новая, рядомъ въ двѣ комнаты квартира, небольшой садикъ съ рѣдкими, недавно посаженными кустами и даже цвѣтами! Осенью думаю посадить нѣсколько яблонь. Благодаря г. ***ну, (больше впрочемъ его управляющему), который выстроилъ и содержитъ школу, учебныхъ пособій и дѣтскихъ книгъ порядочно; есть глобусъ, географическія карты, картины по ботаникѣ и зоологіи и нѣсколько педагогическихъ книгъ для учителя. Откровенно говорю тебѣ: съ великою охотою и удовольствіемъ занимаюсь! Одному съ тремя отдѣленіями нашель неудобнымъ заниматься, а потому раздѣлилъ школу перегородкой и пристроилъ, окончившаго курсъ мальчика, къ себѣ въ помощники; за эту услугу я готовлю его въ институтъ. Послѣ Рождества сталъ знакомить старшее отдѣленіе съ исторіей и географіей... Посмотрѣлъ бы ты на меня, какъ я ораторствую и съ какимъ удовольствіемъ и вниманіемъ меня слушаютъ! Не думай, что я просто стараюсь болтать, нѣтъ! Къ каждому уроку я готовлюсь, стараюсь говорить понятно. Былъ инспекторъ и совѣтовалъ не особенно увлекаться. Этотъ совѣтъ меня даже обидѣлъ! Въ ревнѣи онъ отмѣтилъ «весьма удовлетворительно». Праздничное время провожу большею частью у управляющаго и еще у одного маленькаго землевладѣльца, бывшаго семинариста; отъ нихъ же пользуюсь книгами и газетами. Недавно ѣздилъ къ сосѣднему учителю на именины, у себя собиралъ гостей. Вообще же я чувствую себя какъ нельзя лучше»...

Спустя пять лѣтъ этотъ же товарищъ писалъ совершенно въ другомъ тонѣ. Онъ говорилъ, что школа его передана помѣщикомъ въ другое вѣдомство, карты и картины по естественной исторіи сняты, уроки по географіи и исторіи прекратились, да и положеніе его самого рѣзко измѣнилось; явилось новое начальство мелочной контроль котораго часто стѣснялъ его въ преподаваніи и тяжелъ былъ для его самолюбія. «Собираюсь уходить! писалъ онъ въ 1887 году. При такихъ условіяхъ жить мнѣ совсѣмъ не по нутру... До этого трудъ учительскій скрашивался нѣкоторою самостоятельностью, а теперь и того не стало! Думаю поступить въ Бѣлгородскій институтъ»... Въ институтъ онъ не поступилъ, т. е. не былъ допущенъ потому, что въ свидѣтельствѣ о поведеніи была отмѣтка «весьма хорошаго», а требовалось «отличнаго». Пріютилъ его у себя сахарный заводъ въ конторѣ.

Съ крестьянами за все время моего учительства въ В—вѣ я жилъ мирно и никакихъ ссоръ и недоразумѣній у насъ не было, исключая впрочемъ одного печальнаго случая съ дворовой женщиной, о которомъ не хочу умолчать. Оставилъ я однажды безъ обѣда мальчика за то, что тотъ не выучилъ урока; нужно сказать что подобныя наказанія—явленія обычныя въ сельскихъ школахъ и того и теперешняго времени; мальчикъ, какъ оказалось потомъ не пожелалъ отбывать своего наказанія и убѣжалъ домой; что онъ говорилъ дома, я не знаю, но только вскорѣ приходилъ мать, обыкновенная дворовая женщина, жена камень-

щика и начинаетъ читать мнѣ нотацію въ довольно рѣзкой формѣ. «А еще говорить, учитель, а дѣтей голодомъ морить хотите! Вы должны обходиться съ ними съ любовью, да съ лаской! А ежели онъ у меня захвораетъ, кто отвѣчать будетъ?» Защита съ моей стороны была слабая, да и случай то былъ такой рѣдкій!.. По праздникамъ ученики часто приносили мнѣ, добровольно, конечно, ржаныхъ пироговъ и моченныхъ яблокъ, но обычайъ этотъ, во избѣжаніе дурныхъ толковъ, я скоро вывелъ.

Въ 1881 году весной старшина по наущенію все того же прикащика собралъ «стариковъ» и уговаривалъ ихъ подать прошеніе инспектору объ увольненіи меня изъ В—ва, но изъ этого, кромѣ непріятностей для него самого, ничего не вышло. Въ это же время разъяснился и тотъ случай, когда онъ отъ лица начальника читалъ мнѣ нотацію; оказалось, что то было его личной выдумкой; «постращать хотѣлъ». Вскорѣ я самъ добровольно перешелъ въ другую, лучшую школу. И какъ радостно вздохнулъ я тогда! Здѣсь былъ другой учитель; работать было легко; одиночества не было. Много перебивало послѣ меня учителей въ В—вѣ и всѣ они спѣшили убѣжать отсюда...

Вторая половина 80-хъ годовъ неблагопріятна была для насъ учителей. Ходили слухи, что всѣ школы перейдутъ въ вѣдѣніе духовенства и многимъ учителямъ придется остаться безъ мѣста. У всѣхъ настроеніе было какое то тоскливое. Много учителей въ это время ушло въ діаконы, въ псаломщики и на частную службу.

II. Шестериниъ.

Письмо въ редакцію.

Неудача съ преміей имени Петра Великаго.

Въ 1896 году ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія былъ объявленъ конкурсъ на премію Императора Петра Великаго за книгу «Исторія Россіи для народа». Въ 1897 году тѣмъ же комитетомъ было объявлено, что на соисканіе этой почетной и крупной преміи не было представлено ни одного сочиненія *); такимъ образомъ благое намѣреніе министерства постигла полная неудача; ни размѣръ денежной преміи, ни почетъ, ни обезпеченный успѣхъ книги въ смыслѣ распространенія, ничто не соблазнило людей, пишущихъ для большой публики, взяться за благодарное дѣло. Въ настоящее время ежегодно выходятъ въ свѣтъ десятки историческихъ брошюръ и книгъ для народа; нѣкоторыя изъ нихъ пишутся съ большимъ знаніемъ дѣла, отнимая у авторовъ много

*) См. журналъ мин. нар. просв. за 1896—97 гг.

труда и времени; есть авторы, которые пишутъ книжки исключительно для народа. Но ни одинъ изъ нихъ, несмотря на настоятельную потребность, не взялся за трудъ, предлагаемый министерствомъ, хотя этотъ трудъ облегчался подробными указаніями ученаго комитета. Отчего же произошла такая печальная неудача? Быть можетъ, на безуспѣшность конкурса повліяло слишкомъ позднее объявленіе о немъ, и притомъ официально было объявлено о конкурсѣ лишь въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и циркулярахъ учебнаго округа, *перепечатки* же въ педагогическихъ журналахъ появились еще позже **); а въ общей прессѣ о конкурсѣ вовсе почти не было извѣстій. Но главная причина безуспѣшности заключается, по нашему мнѣнію, въ тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявилъ ученый комитетъ къ конкурснымъ сочиненіямъ. Ни общій характеръ этихъ требованій, ни отдѣльныя указанія въ нихъ не даютъ автору возможности стоять на высотѣ современной исторической науки при написаніи книги; правда, одно изъ предъявленныхъ требованій и гласитъ, что предполагаемое сочиненіе «должно оставаться вездѣ строго вѣрнымъ исторической истинѣ, слѣдовать исключительно тѣмъ воззрѣніямъ и толкованіямъ, которыя прочно установились въ наукѣ»; но рядомъ съ такимъ необходимымъ требованіемъ мы видимъ требованія, которыя неизбѣжно ставятъ автора въ безвыходное положеніе. Всѣ условія, каковымъ должно отвѣчать сочиненіе, формулированы въ 12 пунктахъ; кромѣ того, къ этимъ пунктамъ приложена подробная примѣрная программа, изъ которой можно видѣть, въ какомъ родѣ въ каждомъ отдѣльномъ разсказѣ могутъ группироваться историческія событія и на какія стороны русской исторіи подлежитъ обратить преимущественное вниманіе» (п. 7). Мы не будемъ здѣсь говорить о тѣхъ пунктахъ, которые устанавливаютъ порядокъ подачи сочиненія или содержатъ въ себѣ обычныя въ подобныхъ случаяхъ предостереженія, что сочиненіе должно быть свободно отъ поддѣлки подъ прстонародную рѣчь, чуждо риторическихъ украшеній и резонерства и т. п. (п. 9, 10, 11 и 12); пунктъ 1 предъявляетъ требованіе, чтобы «Исторія Россіи для народа» состояла изъ отдѣльныхъ разсказовъ, соотвѣтственно главнѣйшимъ моментамъ въ жизни русскаго народа; пунктъ 6 говоритъ, что въ расположеніи матеріала каждаго отдѣльнаго разсказа необходимо придерживаться правила: начинать съ извѣстнаго и около этого извѣстнаго пункта постепенно расширять область знаній и кругозоръ понятій; въ пунктѣ 8 говорится о необходимости приложить къ сочиненію краткій хронографъ. Мы обратимъ вниманіе лишь на пункты 2—5, которые на нашъ взглядъ совершенно не мирятся съ вышеприведеннымъ заявленіемъ, что желательно сочиненіе «строго вѣрное исторической истинѣ». Вѣрность исторической истинѣ мыслима лишь при всесторонней

---

*) Напр. въ «Русской Школѣ» перепечатано объявленіе о конкурсѣ въ 9—10 книгѣ за 1896 г., такъ что до провинціи эта перепечатка дошла почти одновременно со срокомъ подачи сочиненія (1 ноября 1896 г.)!

разработкѣ всего хода русской исторіи; между тѣмъ во 2 пунктѣ мы встрѣчаемъ существенное ограниченіе содержанія конкурсной работы: оговаривается, въ «Исторіи Россіи» должны «рѣшительнымъ образомъ преобладать событія и дѣянія, въ коихъ обнаружился характеръ какъ всего русскаго народа, такъ и отдѣльныхъ историческихъ лицъ, *надѣ очерками нравовъ и образа жизни, гражданскаго и экономическаго положенія Россіи въ различныя эпохи ея исторіи*»; о томъ же второстепенномъ значеніи внутренней исторіи нашей родины говорится и во второй половинѣ 1 пункта: «Исторія Россія» должна обнимать собой «всѣ важнѣйшіе, доступные народному пониманію, вопросы русской, *преимущественно внѣшней политической или государственной жизни, со всеми вліяніями на нее церковными*». Безъ сомнѣнія, при такомъ ограниченіи не можетъ быть рѣчи о всесторонности книги и тѣмъ болѣе о возможности для нея отвѣчать требованіямъ современной науки; время разработки преимущественно дипломатическихъ и внѣшне-государственныхъ событій прошло; послѣднія десятилѣтія выдвинули на первый планъ культурную и экономическую сторону жизни народной; современная наука утверждаетъ, что нельзя уловить, понять и изображать «характеръ какъ всего русскаго народа, такъ и отдѣльныхъ историческихъ лицъ» внѣ подробнаго разсмотрѣнія и изученія нравовъ и образа жизни, гражданскаго и экономическаго быта народа. Въ пунктѣ же пятомъ мы читаемъ даже предостереженіе по отношенію къ возрѣваніямъ послѣднихъ десятилѣтій въ области исторической науки: изъ предлагаемаго сочиненія, по этому пункту, должны быть «тщательно устраняемы всѣ поспѣшныя, спорныя и еще болѣе тенденціозныя выводы, внесенныя въ историческую литературу въ *позднѣйшее время*»; точно такое же предостереженіе давалось комитетомъ въ руководство авторамъ двадцать два года тому назадъ, когда былъ объявленъ подобный же конкурсъ на составленіе «Исторіи Россіи для народа» (1874—75 гг.) *) и когда объявленіе сопровождалось такими же требованіями. Изъ этого обстоятельства можно видѣть, что подъ позднѣйшимъ временемъ авторы предостереженія разужьютъ не послѣдніе годъ-два или послѣдніе дни, да такое предостереженіе совѣтъ не имѣло бы смысла; очевидно подъ позднѣйшимъ временемъ имѣется въ виду рядъ послѣднихъ десятилѣтій. Возникаетъ естественный вопросъ, о какихъ «поспѣшныхъ, спорныхъ и тенденціозныхъ выводахъ» за послѣднія десятилѣтія идетъ рѣчь? съ какого года начинается это легкомысленное «позднѣйшее время»? Или нужно вовсе не обращать вниманіе на то, что разработано наукой въ послѣднія 30 лѣтъ? Какъ писать рассказы о двухъ прошлыхъ царствованіяхъ при такомъ условіи? Въ объявленіи комитета

---

*) См. Программы для народныхъ училищъ Спб. Уч. Окр.» изд. 3, прил. 3, стр. 23. Спб. 1896 г. Мы не знаемъ, увѣнчались ли тогда успѣхомъ предпріятія Ученаго Комитета, изъ новаго объявленія о конкурсѣ можно предполагать, что неудача была и въ 1875 г., какъ и въ 1897 г.

за 1874 г. это требованіе отъ книги «Исторіи Россіи для народа» развито еще дальше, такъ какъ говорится: «во всёхъ спорныхъ вопросахъ необходимо слѣдовать лѣтописному, а также и народному преданію» *); тамъ же говорится, что заимствованія изъ повѣстной и духовной литературы и народныхъ преданій могутъ быть допускаемы даже тамъ, гдѣ подлинность самаго факта не представляется бесспорною». Подобныя оговорки едва ли возможно совмѣстить съ вышеупомянутымъ желаніемъ о соотвѣтствіи книги исторической истинѣ.

Въ подобномъ же противорѣчій съ этимъ желаніемъ находится и пунктъ 4-й, въ началѣ котораго говорится: «предполагаемое сочиненіе отнюдь не должно возбуждать въ читателяхъ сословной розни, вообще чуждой русскому народу»; если въ этомъ пунктѣ имѣлось въ виду предостеречь составителей отъ тенденціознаго освѣщенія исторіи нашихъ сословій, то совершенно излишне почему-то предполагать тенденціозныя намѣренія именно въ этомъ вопросѣ; какая бы то ни было тенденціозность неумѣстна въ «Исторіи Россіи», слѣдующей «исторической истинѣ». Нужно думать, что требованіе 5 пункта, поставленное рядомъ съ положеніемъ, будто сословная рознь вообще чужда русскому народу, дѣлаетъ новое ограниченіе содержанія конкурснаго сочиненія: пунктъ 5-й исключаетъ изъ него крупную и важную главу объ исторіи нашихъ сословій; и дѣйствительно, если мы посмотримъ въ «примѣрную программу» заданной работы, то не увидимъ тамъ ни исторіи дворянства, ни исторіи крестьянства въ различныхъ эпохи взаимныхъ отношеній этихъ сословій; нѣтъ въ программѣ также и исторіи городовъ; ни звука въ ней нѣтъ также о современной организаціи сословій (хотя «исторія должна быть доведена до кончины Александра III); ни слова нѣтъ о великихъ реформахъ Александра II (кромя крестьянской), хотя приведены политическія соображенія, почему земская реформа не распространена на западныя губерніи. Кромѣ простого упоминанія о земскихъ учрежденіяхъ въ рассказѣ объ освобожденіи крестьянъ мы еще встрѣчаемъ упоминаніе о земствѣ въ программѣ 4-го разсказа: все при немъ (Иванѣ IV) совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось (?) и въ послѣдующія времена; что не удалось—довершено Петромъ I и Екатериною II, и много имъ заведенное возобновляется только нынѣ, конечно, въ лучшемъ видѣ (земство); если мы въ послѣднее утвержденіе о прямой преемственности реформъ Ивана IV, Петра I и Екатерины II и о «возобновленіи» земства попробуемъ вложить конкретное историческое содержаніе, то намъ, конечно, это не удастся; если же такое обобщеніе оставимъ безъ доказательства, то кромѣ ненаучнаго голословнаго положенія ничего не получится. Такая голословность во многихъ случаяхъ неизбѣжна при почти полномъ отсутствіи вопросовъ внутренней исторіи Россіи въ программѣ; при ограниченіи и отсутствіи вопросовъ внутренней исторіи неизбѣженъ и непонятный языкъ поученій

*) Ibid.

и восклицаній, который мы видимъ въ длинномъ окончаніи программы 11-го разсказа. Почти совершенно отсутствуютъ въ программѣ и вопросы государственнаго быта въ различные періоды нашей исторіи, хотя 5-е требование обуславливаетъ, чтобы предполагаемая «Исторія» была пронизана «духомъ патриотизма, то-есть уваженіемъ къ основамъ религіознымъ, нравственнымъ и *государственнымъ*, подѣ влияніемъ которыхъ развивалась историческая жизнь русскаго народа»; можно опасаться, что безъ знакомства съ историческими фактами получится нежелательное «уваженіе», а тотъ сортъ патриотизма, насаждать который вовсе не намѣренъ ученый комитетъ; любопытно, что такая же роль отведена исторіи и въ начальныхъ нар. училищахъ по недавно вышедшимъ программамъ*): «*Кромѣ статей религіозно-нравственнаго* содержанія и относящихся къ изящной словесности, должны быть читаемы статьи по исторіи и географіи Россіи, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ *патриотизма*» **). Трудность и опасность подобной миссіи для народной школы, повидимому, сознаеть Высочайше утвержденное «Положеніе о нач. нар. училищахъ» 25 мая 1874 г.; оно ни слова не говоритъ о специальной задачѣ развитія и распространенія патриотизма; 1 статья означеннаго положенія говоритъ только, что «начальныя народныя училища имѣютъ дѣлю утверждать въ народѣ *религіозныя и нравственныя* понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія». Такимъ образомъ, особая роль развитія патриотизма за школой представляется намъ элементомъ, привнесеннымъ «позднѣйшимъ временемъ».

Таковы характеръ и отдѣльные недосмотры въ требованіяхъ, предъявленныхъ ученымъ комитетомъ къ «Исторіи Россіи для народа»; ими въ значительной степени обезцѣнивается своевременное поощреніе авторовъ для народа со стороны такого авторитетнаго учрежденія; ими же въ значительной степени объясняется фактъ, что авторы совершенно не отозвались на призывъ. Въ самомъ дѣлѣ, если написать «Исторію» согласно предъявленнымъ требованіямъ и приложенной примѣрной программѣ, то какими существенными чертами написанная «Исторія» будетъ отличаться отъ общихъ обзоровъ судебъ нашего отечества, составленныхъ напр. Д. И. Тихомировымъ, Б. Павловичемъ, В. Сиповскимъ и др. и не будетъ-ли она имѣть обычные недостатки, свойственные «сочиненіямъ» различныхъ Пуцуквичей, Е. Тихомировыхъ и т. п.?

Е. Звягинцевъ.

*) «Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ нач. нар. училищахъ вѣдомства Мин. Нар. Пр.» Спб. 1897 стр. 23.

***) Такая роль статьямъ историч. содержанія не указывается въ «Программахъ для народныхъ училищъ Спб. округа».

На Западѣ.

Газетная индустрія въ Германіи.

Что газета—товаръ, что издательство есть предпринимательство, товаропроизводство — это теперь уже не отрицается; но признають это еще не рѣдко съ оговоркой «къ сожалѣнію» или что-либо въ родѣ того: признавая фактъ, считаютъ его «печальнымъ» фактомъ, потому что газета и пресса вообще развивается и формируется не вполне согласно съ составленными понятіями о «высокомъ призваніи», о «долгѣ», о «правахъ и обязанностяхъ» печатнаго слова и т. д. Наряду съ этимъ признають, что производство другихъ товаровъ тоже «печальный» фактъ. Но тогда какъ въ отношеніи товарнаго производства надежды на устраненіе печальныхъ сторонъ его всегда отодвигаются въ неопредѣленно далекое будущее, относительно печатнаго слова еще живутъ надежды отклонить газетное производство съ принятаго имъ товарнаго пути и поставить на «должную высоту», соответственно «назначенію» быть факторомъ просвѣщенія, знанія, культуры въ человѣчествѣ, «свѣточемъ» и т. д. Надежды эти опираются на предположеніе, что если газета теперь и стала товаромъ, то она могла-бы имъ и не быть, что она относится къ совершенно иной области человѣческаго труда и потребленія и на столько иной, что товарная форма, какую приняли при денежно-товарномъ хозяйствѣ все прочіе продукты производства, для продуктовъ такъ сказать литературнаго производства необязательны, что послѣднее стоитъ внѣ общихъ производственныхъ условій, что по крайней мѣрѣ оно можетъ и «должно» остаться предоставленнымъ непосредственно управленію идеальныхъ (не производственныхъ) факторовъ, личностей, самому себѣ, какъ формѣ, въ которой эти факторы проявляются.

Но, останавливаясь лишь на фактической сторонѣ, мы должны признать, что литературное производство есть товарное производство, что газета есть товаръ. Нужно отнести къ пробѣламъ современной экономической науки, что она совсѣмъ или почти совсѣмъ не удостоиваетъ своимъ вниманіемъ и изученіемъ такой, хотя и своеобразной, но цѣлой области общественнаго про-

изводства, при томъ такой области, которая по своей роли въ общественной и хозяйственной жизни, по своему отношенію ко всѣмъ ея областямъ заслуживаетъ серьезнаго научнаго изученія не менѣе, чѣмъ всякая другая, напр. производство предметовъ роскоши, производство металловъ, производство орудій, производство одежды, средствъ питанія и т. д. Было-бы въ высшей степени интересно современное литературное производство, какъ товарное производство подвергнуть анализу, свести его къ составнымъ элементамъ и факторамъ всякаго товарнаго производства—извѣстной общественной потребности, формѣ и организаціи труда и продукту его для удовлетворенія этой потребности. Было-бы не менѣе интересно прослѣдить, какія формы пережило, изъ какихъ формъ развилось литературное производство въ своемъ настоящемъ видѣ, подобно тому, какъ исторія общественнаго хозяйства въ прочихъ областяхъ устанавливаетъ постепенное развитіе товарной формы производства изъ другихъ формъ, прослѣживая его до рабскаго и семейно-общиннаго производства.

Современная газета (*Zeitung*) есть печатное произведеніе, являющееся продуктомъ общаго, раздѣленнаго и специализированнаго между цѣлымъ рядомъ лицъ (редакторъ, корреспондентъ, репортеръ, лица, ведущія разные специальные отдѣлы газеты, наборщики, корректоръ, разсыльные и т. д.) труда, выполняемаго за определенную плату; произведеніе, назначенное на неопределенный кругъ читателей (потребителей), извѣстный въ редакціи только какъ то или другое количество подписчиковъ, то или другое количество собранной съ нихъ подписной платы. По своему содержанію, по своему значенію, привлекающему газетѣ кругъ читателей, платящихъ потребителей, она является средствомъ для сообщенія публикѣ новостей и извѣстій изъ всѣхъ областей человѣческой жизни, интересъ къ которымъ есть въ публикѣ, какъ то: наука, искусство, политика и общественная жизнь, развлеченія и увеселенія всѣхъ сортовъ, промышленность, торговля, трудъ. Будучи, съ одной стороны, органомъ умственнаго и духовнаго общенія для публики, для городовъ, деревень, органомъ для обмѣна извѣстій и мнѣній, газета, съ другой стороны, служитъ органомъ для общенія промышленнаго, хозяйственнаго—для присканія занятій, для обмѣна свѣдѣній между производителемъ и потребителемъ, между работодателемъ и продающимъ рабочую силу, между покупателемъ и продавцемъ. О значеніи газеты въ современной общественной жизни нѣтъ надобности распространяться; можно оораничиться упоминаніемъ о мнѣніи Наполеона I, который выразился однажды, что четыре враждебныхъ газеты могутъ причинить больше вреда, чѣмъ 100 000 солдатъ.

Обращаясь къ прошлому, мы находимъ, что тамъ, естественно, организація собиранія и доставленія интересующимся извѣстій была иная, чѣмъ теперь. Въ средніе вѣка этимъ занималась особая категория лицъ (*Zeitunger, Novellister, gazetanti, scrittori d'avvisi*) преимущественно въ городахъ, служившихъ политическими и торговыми центрами, или

лежащихъ при пересѣченіи путей, по которымъ велись сношенія между разными странами. Такъ Венеція была сборнымъ пунктомъ для извѣстій съ востока и юга; Лионъ, Генуя и Страсбургъ для извѣстій изъ Франціи и Испаніи; Антверпенъ и Кельнъ—изъ Англии и Нидерландіи; Бременъ, Гамбургъ и Любекъ—съ сѣвера; Кенисбергъ и Рига съ сѣв.-востока. Для внутренней Германіи такими пунктами были: Регенсбургъ, Аугсбургъ, Франкфуртъ, а главнымъ, образомъ Нюренбергъ, благодаря своему центральному положенію и широкимъ торговымъ сношеніямъ. Названная категория лицъ, профессиональные газетчики, поставщики новостей, договаривались съ разными лицами и учреждениями, — князьями, государями или ихъ дворами, съ городами и ихъ управленіями, съ епископами, торговыми домами и т. д. — и за условленную плату доставляли своимъ клиентамъ письменныя извѣстія изъ городовъ и странъ своего вѣдѣнія, указываемыхъ въ договорѣ, въ условленные также сроки.*) Словомъ, «газетное производство» носило совершенно ремесленный характеръ. Определенный газетчикъ изготовлялъ каждый отдѣльный экземпляръ извѣстій для определенного лица по заказу, сообразно съ желаніями определенного заказчика.

Заглянемъ еще въ древній Римъ, производственная организація котораго покоилась на рабскомъ трудѣ. Оставляя въ сторонѣ введенную Цезаремъ публикацію протоколовъ сенатскихъ засѣданій и народныхъ собраній (*Acta senatus* и *Acta diurna populi Romani*) въ формѣ нашихъ плакатовъ—на доскахъ, выставившихся на улицѣ,—мы не найдемъ тамъ газетнаго дѣла въ нашемъ смыслѣ. Но политическое и общественное развитіе Рима создало уже довольно значительный кругъ лицъ, которымъ нужно было получать свѣдѣнія о происходящемъ тамъ и сямъ въ предѣлахъ необъятной тогда имперіи и за ея предѣлами, особенно важно было это для тѣхъ, которые жили не въ самомъ Римѣ, а гдѣ-нибудь въ провинціи, часто очень отдаленной. Римлянинъ, отправляясь въ провинцію, оставлялъ въ столицѣ одного или нѣсколько корреспондентовъ, чаще всего своего

---

*) Такъ напр. въ 1609 г. саксонскій курфюрстъ Христіанъ II заключилъ въ Ульмѣ договоръ съ Іоганномъ Рудольфомъ Эгингеромъ контрактъ о доставленіи послѣднимъ извѣстій о событіяхъ въ Швейцаріи, Франціи и Швабіи за гонораръ 100 флоринъ въ годъ. Въ 1618 г. саксонскій дворъ заключилъ подобный же договоръ съ Гансомъ Цейдлеромъ въ Прагѣ, назначивъ 300 флор. годоваго содержанія и 8319 талеровъ на расходы по собиранію извѣстій и ихъ доставкѣ. Епископъ Бамбергскій имѣлъ своего корреспондента, доктора Гугеля, въ Нюренбергѣ. Въ 1625 г. городъ Галле нанимаетъ для себя корреспондента въ Лейпцигѣ Іеронима Тевтюри. Обязанности поставщика извѣстій нерѣдко брали на себя почмейстеры; такъ въ Франкфуртѣ на-М. въ 1615 г. почтмейстеръ Іоганнъ фонъ деръ-Биргенъ, имѣлъ порученія отъ нѣсколькихъ вѣмецкихъ князей и отъ одного двора, получалъ отъ послѣдняго за еженедѣльную посылку извѣстій 60 флор. въ годъ. Dr. Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft).

раба или вольноотпущеннаго, который долженъ былъ сообщать ему не только то, что публиковалось въ *Acta senatus* и *Acta diurna populi Romani*, а и обо всѣхъ происшествіяхъ въ Римѣ, въ сенатѣ, при дворѣ, также въ другихъ провинціяхъ, обо всемъ, что могло интересовать римлянина. *) Наряду съ такими рабами-корреспондентами, служившими своему господину, были нѣкоторые, благодаря извѣстности своего искусства, получавшіе порученія корреспондировать отъ нѣсколькихъ лицъ, но такое явленіе было не на столько частое, при томъ кругъ лицъ, предъявлявшихъ спросъ на правильное снабженіе новостями и имѣвшихъ возможность имѣть его, кругъ интересующихъ вопросовъ и кругъ лицъ, способныхъ и занимавшихся корреспондированіемъ, былъ очень ограниченный.

Возвращаюсь къ современной газетѣ.

Съ технической стороны, какъ необходимое условіе своего возникновенія и развитія, она предполагаетъ книгопечатаніе и правильное почтовое сообщеніе, слѣдовательно начало современнаго газетнаго дѣла, какъ публикаціи извѣстій, не можетъ идти далѣе XVI—XV вв. А другое еще болѣе основное условіе, это — развитіе общественности вглубь и вширь настолько, чтобъ вопросами, событіями и явленіями политической, религіозной, научной, промышленной, торговой и другихъ сторонъ общественной жизни интересовались не государи и правители только, чтобы была публика для газеты. Рядъ географическихъ открытій и изобрѣтеній, оживленіе торговой и промышленной жизни, обостреніе внутреннихъ противорѣчій феодальнаго строя на почвѣ экономическихъ отношеній и церковно-религіозныхъ вопросовъ, реформація, крестьянскія возстанія, тридцатилѣтняя война и т. д. все это, съ одной стороны, вызывало захватывающій всѣ слои населенія интересъ ко всѣмъ вопросамъ тогдашней экономики, политики и церкви. Это было также временемъ изобрѣтенія книгопечатанія, временемъ начала болѣе или менѣе правильнаго почтоваго сообщенія, временемъ особенно оживленнаго обмѣна корреспонденціи (*Zeitung*), почти исключительно еще письменной, такъ какъ примѣненіе только что изобрѣтеннаго печатнаго станка стоило дороже, чѣмъ писаніе.

Первой газетой въ современномъ видѣ, т. е. печатной, частой и періодической публикаціей извѣстій была Страсбургская газета, появившаяся въ 1609 г. и выходившая еженедѣльно **). Въ 1615 г.

*) Напр. Антоній имѣлъ такого корреспондента, который долженъ былъ сообщать ему не только протокольные рѣшенія сената (*Acta senatus*), а и рѣчи и голосованіе отдѣльныхъ сенаторовъ. Цицеронъ, какъ проконсулъ, получалъ отъ извѣстнаго Креста извѣстія о гладиаторскихъ зрѣлищахъ, о судебныхъ засѣданіяхъ и о всякихъ городскихъ новостяхъ (*ibid.*)

***) Въ Австріи первая недѣльная газета явилась въ 1615 г., но составлялась лишь изъ перепечатокъ изъ германскихъ газетъ; первой оригиналь-

такая же недѣльная газета появилась въ Франкфуртѣ на Майнѣ и вслѣдъ за ней тамъ же другая «Frankfurter Oberpostamtszeitung». Въ 20-хъ 30-хъ годахъ столѣтія (XVII) въ разныхъ городахъ Германіи было уже десятка 2—3 газетъ. Съ 1 января 1660 г. стала выходить Лейпцигская газета «Leipziger Zeitung», существующая еще и теперь, сначала 6 разъ въ недѣлю, а потомъ, съ 29 апрѣля того же года 7 разъ въ недѣлю—первая ежедневная газета *).

Дальнѣйшее развитіе газетнаго дѣла шло параллельно съ развитіемъ указанныхъ выше техническихъ условій и условій общественныхъ. при взаимномъ дѣйствіи съ обѣихъ сторонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ росло и значеніе газеты, и вообще печати въ общественной жизни, во всѣхъ ея областяхъ—политики, экономики, религіи, науки, искусства и т. д. Пресса является силой въ рукахъ тѣхъ общественныхъ элементовъ и интересовъ, которые къ ней обращаются. Особенно нужно отмѣтить услуги, оказываемыя ею всякій разъ выступающимъ на арену исторіи новымъ общественнымъ движеніямъ въ ихъ борьбѣ съ наличными общественными отношеніями и ихъ представителями. По своей природѣ, пресса не заключаетъ въ себѣ ничего, чтобы ее дѣлало орудіемъ исключительно новыхъ, реформаторскихъ, оппозиціонныхъ движеній и элементовъ; сама по себѣ она столь же можетъ быть орудіемъ противоположныхъ движеній и интересовъ. Но если, изъ фактовъ исторіи, изъ повторяющагося постоянно успѣха первыхъ движеній именно при помощи печатнаго слова, заключаютъ, что пресса уже сама по себѣ, по своей природѣ односторонняя, что она есть сила, но сила оппозиціонная, «разрушительная», «зловредная» и т. д., то здѣсь за средствомъ, каковыя является печать, не замѣчаютъ дѣйствительной силы, которая этимъ средствомъ пользуется и которая побуждаетъ потому и тогда лишь, когда она выступаетъ съ историческимъ такъ сказать правомъ на жизнь и побѣду; но и для претивной борющающейся стороны она является также средствомъ борьбы, только по мѣрѣ того, какъ сторона эта утрачиваетъ свое историческое право, и пресса теряетъ для нея силу и значеніе. Отмѣченное выше обстоятельство уже издавна создало подозрительное, не рѣдко прямо враждебное, отношеніе къ прессѣ, къ газетѣ, со стороны какъ церковныхъ управленій, такъ и государства. Уже въ XVI в., еще во времена письменныхъ газетъ, издаются въ Римѣ двѣ папскія буллы (Пій V и

вазной газетой былъ «Wiener Blättl» въ 1671 г. Появленіе первой газеты въ современномъ смыслѣ въ Англіи относится къ 1622 г. Во Франціи—къ 1631 г. («La Gazette»).—Относительно газетъ, какъ и многихъ другихъ вещей, приходится отдать честь перваго, обыкновенно очень древняго изобрѣтенія, китайцамъ. И теперь еще существующая китайская правительственная газета «Син и Пао» была уже въ 1366 г. (Ibid. и «Handwörterbuch der Staatswissenschaften 6. Band.).

*) Въ Англіи первой ежедневной газетой была *Daily Courant* (1702 г.); во Франціи—«Journal de Paris» (1777 г.).—Ibid.

Григорій XIII) противъ тогдашнихъ римскихъ газетчиковъ (*novettanti*) или (*gazettanti*), составившихъ изъ себя особый цехъ и имѣвшихъ въ своемъ ремеслѣ большой успѣхъ, не понравившейся Куріи *). Печатныя произведенія съ начала своего появленія подвергаются церковной цензурѣ; печатное произведеніе могло выходить въ свѣтъ лишь послѣ изслѣдованія его и позволенія епископа (въ Бельгѣ 1475 г., въ Майнцѣ 1486 г.). Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ церковныхъ постановленій, папскихъ буллъ, направленныхъ или вообще на контролированіе печатавшихся произведеній, или противъ отдѣльныхъ писателей и произведеній. Свѣтская власть имѣла не менѣе основаній выступить съ такого же рода мѣропріятіями и такъ же рано. Уже съ 1548 г. издается особый законъ о печати (*Reichs-Press-Ordnung*), и даже ранѣе, въ 1524 г., изъ Нюрнберга послѣдовало предписаніе всеѣмъ начальникамъ, чтобы они предупреждали распространеніе нѣкоторыхъ сочиненій и картинъ **). Наряду съ цензурой примѣнялся къ прессѣ рядъ другихъ мѣръ, направленныхъ также къ предупрежденію ея вредныхъ вліяній въ церковномъ, политическомъ, нравственномъ отношеніи, какъ-то: обязательность предварительнаго разрѣшенія на издательство, залоговъ, штемпельная пошлина съ каждаго выходящаго печатнаго экземпляра (въ Австріи еще и теперь это сохраняется) штрафы, запрещенія, конфискаціи и т. д. — все это болышею частью отошло для Германіи въ область прошлаго, а частью и въ Германіи и въ иныхъ мѣстахъ за предѣлами ея еще имѣетъ мѣсто и теперь. Разумѣется, все это не были благопріятныя для свободнаго развитія прессы и газетнаго дѣла условія; они въ нѣкоторой степени сдерживали его, но въ какомъ случаѣ не будучи въ состояніи остановить, тѣмъ болѣе, что въ общемъ это и не имѣлось обыкновенно въ виду. Но о значеніи ихъ для газеты можно судить, напр., по нѣкоторымъ даннымъ изъ исторіи одной изъ солиднѣйшихъ въ Германіи газетъ «*Kölnische Zeitung*». 1848-й годъ уничтожилъ, хотя сначала лишь на время, всѣ бывшія тогда въ Германіи ограниченія прессы. Въ февралѣ мѣсяцѣ того года «*Kölnische Zeitung*» выходила въ 9.500 экземплярахъ; а къ концу апрѣля того-же года уже въ 17.400 экз. Въ слѣдующіе годы, въ годы реакціи, были снова возстановлены мѣры, стѣснительныя для прессы, и въ 1852 г. число подписчиковъ у «*Kölnische Zeitung*» падаетъ до 9.000 ***).

*) *Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Pressgewerbe und Pressrecht, Bd. V.*

**) *Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft.*

***) Аналогичные факты представляетъ исторія прессы и другихъ государствъ Европы. Въ Австріи, напр., въ 1847 г. всѣхъ періодическихъ изданій въ провинціяхъ, имѣвшихъ представительство въ Рейхсратѣ, было 79; а въ 48 году число ихъ поднялось сразу до 388 (изъ нихъ политическихъ 306). Въ слѣдующіе годы вплоть до 1852—53 гг., число ихъ падаетъ до 172 (а политическихъ до 53). При этомъ реакція особенно чув-

Законъ о пресѣ 1874 г. (Reichs-Press-Gesetz) создалъ для прессы въ Германіи прочную, законную почву для свободнаго ея развитія, отъиравъ всякія примѣнявшіяся для ея стѣсненія мѣры, какъ-то разрѣшеніе на издательство, залоговъ, право администраціи и суда закрыть то или другое изданіе; также всякія пошлыны на печатныя произведенія и объявленія въ нихъ. Дѣйствіе этого закона выразилось въ очень быстромъ ростѣ прессы: въ 1873 г., предъ введеніемъ закона, число всѣхъ газетъ, зарегистрированныхъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ было 3241, а въ теченіи слѣдующихъ за введеніемъ закона, 10-ти лѣтъ къ 1883 году число ихъ поднялось до 5922, а въ 1894—7630 періодич. изданій на нѣмецкомъ языкѣ и 2866— на другихъ языкахъ *).

Прежде чѣмъ перейти къ современной газетной индустріи въ Германіи, я коснусь развитія газеты со стороны ея содержанія и внутренней организаціи. Вначалѣ издатель газеты былъ тоже, что издатель какой-нибудь книги или иного отдѣльнаго, представляющаго изъ себя нѣчто цѣльное и законченное, произведенія, къ содержанію котораго онъ не имѣлъ никакого отношенія; доставляемая ему извѣстія онъ печаталъ и выпускалъ на рынокъ. Но уже очень рано газета встала въ живую связь съ разными живыми интересами общественныхъ группъ и классовъ, стала проникаться разными политическими, религіозными или другими опредѣленными тенденціями; газета мало по малу становилась *органомъ* той или другой профессиональной, сословной, религіозной, политической группы, партіи. Издателю газеты уже нельзя было быть равнодушнымъ къ содержанію газеты, къ характеру и степени достовѣрности сообщаемыхъ въ ней извѣстій; потребовалось руководство газетой для того, чтобы ея содержаніе соответствовало тѣмъ интересамъ, органомъ которыхъ она служить. Это вызвало созданіе *редакціи* и выдвинуло ее на первый планъ, отстранивъ издателя. За то съ послѣдняго, при такихъ условіяхъ часть предпринимательскаго риска складывается и переходитъ на правительство, партію или иную организацію, интересамъ которыхъ служить газета. Распространенность и существованіе той или другой газеты стало въ зависимость отъ спроса на нее со стороны публики, отъ того, насколько проводимыя ею тенденціи, представляемые ею интересы встрѣчаютъ въ публикѣ, въ обществѣ, откликъ и сочувствіе. На ряду съ такимъ процессомъ превращенія газеты въ смыслѣ тенденціозности, односторонности, она, съ другой стороны, въ другомъ отноше-

---

ствительно отразилась на политическихъ изданіяхъ: въ 1848 г. они составляли 79%, общаго числа, а въ 1853 г. только 30%. Начиная съ этихъ годовъ, какъ абсолютное число вообще періодическихъ изданій, такъ и въ частности политическихъ и процентное отношеніе числа послѣднихъ къ числу первыхъ поднимается безъ рѣзкихъ скачковъ—до 866 первыхъ и 267 вторыхъ (38%) въ 1873 г.

Jbid. Bd. VI. Zeitungen, Zeitungswesen, Zeitungsanzeigen).

*) Jbid.

ни, все болѣе и болѣе расширяетъ свое содержаніе, захватывая всѣ области человѣческихъ интересовъ — политика, государственное и коммунальное управленіе, правосудіе, искусство во всѣхъ его видахъ, техника, экономическая и социальная жизнь во всемъ ея цѣломъ и частностяхъ: наконецъ изящная литература, наука — и здѣсь газета начинаетъ конкурировать съ книгой и не безъ успѣха.

Совершенно особой не редакціонной частью всякой современной газеты являются *объявленія*, *аннонсы* всевозможнаго характера. Къ такимъ объявленіямъ прибѣгаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ правительственные учреждения; ихъ распоряженія и законы должны быть предварительно опубликованы, прежде чѣмъ получить силу обязательности. Рядомъ съ этимъ нередакціонная часть газеты служитъ интересамъ и надобностямъ частныхъ лицъ и группъ всѣхъ сортовъ и во всевозможныхъ случаяхъ: семейныя извѣстія, объявленія для присканія мужа или жены, преискуранты и реестры разныхъ торговыхъ домовъ и увеселительныхъ и иныхъ заведеній, торговыя и политическія рекламы, политическія, избирательныя и т. д. воззванія и т. п. Эта нередакціонная часть для газеты со стороны дохода обыкновенно гораздо болѣе важна, чѣмъ часть редакціонная; и, при предпринимательскомъ характерѣ газетнаго издательства, она, — служащая частнымъ интересамъ, — не рѣдко соединяется съ приспособленіемъ и редакціонной части къ такимъ же интересамъ. «Газета продаетъ — говоритъ Бюхеръ — новыя извѣстія своимъ читателямъ, и продаетъ своихъ читателей за всякій платящій частный интересъ. Въ той-же самой газетѣ, часто на той-же самой страницѣ, гдѣ защищаются высшіе интересы человѣчества, выступаютъ интересы покупателя и продавца съ ихъ жаждой наживы, — и непосвященному часто бываетъ трудно разобраться, гдѣ кончается общественный интересъ и гдѣ начинается частный». «Каждый номеръ большой ежедневно выходящей теперь газеты есть чудный продуктъ капиталистически организованнаго общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда и машинной техники, способъ для духовнаго и экономическаго сношеній, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединяются всѣ прочіе: желѣзная дорога, почта, телеграфъ и телефонъ. Но и здѣсь, какъ всюду, гдѣ капитализмъ затрагиваетъ духовную жизнь, мы не можемъ испытывать полной радости при видѣ этого приобрѣтенія современной культуры; и не хотѣлось-бы вѣрить, что газета въ современномъ ея видѣ есть высшая и послѣдняя форма организациіи обмѣна извѣстій» — такъ заканчиваетъ Бюхеръ ту главу своей книги, которая посвящена историческому развитію газетнаго дѣла въ связи съ формами общественнаго хозяйства (Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft).

Наконецъ, я перехожу къ болѣе подробному, статистическому, обзору современной германской газетной индустриіи, пользуясь данными статистической работы о ней Шахта, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ Іенскаго журнала «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Пресса, вся въ

дѣломъ, едва-ли можетъ поддаться статистическому изслѣдованію: и упомянутая работа занимается собственно только одной ея областью—газетами (Zeitungen). Да нѣкоторыя изданія и этой категоріи, за своей неуловимостью для статистики или по своему спеціальному отступающему отъ общаго типа газеты характеру, также исключены. По такимъ основаніямъ исключаются: а) беллетристическія, научныя и спеціальныя изданія. По техническимъ основаніямъ: а) такъ наз. газеты-корреспонденціи напр. Korrespondenz des Bundes der Landw. rte, Korrespondenz der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands и т. п.; б) Концертныя, театральныя, актрактныя изданія; в) сезонныя изданія (такъ наз. Saison-Zeitungen); г) изданія, выходящія рѣже, чѣмъ разъ въ недѣлю (Zeitschriften). За всѣми этими исключеніями, въ изслѣдованіе вошло 3405 изданій (газетъ, Zeitungen), а за вычетомъ изъ нихъ не-нѣмецкихъ, 68 изданій.—3337. Большинство не-нѣмецкихъ газетъ—это польскія, 39; затѣмъ 19 датскія, 7 французскія въ Эльзасъ-Лотариніи и наконецъ, 3 литовскія. Всѣ 3405 газетъ издаются въ 1884 мѣстахъ, такъ что на каждый издательскій пунктъ приходится въ среднемъ нѣсколько менѣе 2 газетъ, именно 1,8.

Шахтъ прослѣживаетъ распредѣленіе вошедшаго въ его изслѣдованіе числа газетъ по союзнымъ государствамъ Германіи, а въ Пруссіи кромѣ того и по ея провинціямъ, въ различныхъ отношеніяхъ. Какъ ни интересны приводимыя имъ при этомъ цифры и сопоставленія ихъ въ подробностяхъ съ тѣми или другими особенностями отдѣльныхъ государствъ Германіи и провинцій Пруссіи, но я воздержусь отъ предложенія читателю сложныхъ цифровыхъ таблицъ, какія можно было-бы для полной и подробной характеристики газетнаго дѣла во всѣхъ частяхъ Германіи составить по даннымъ изслѣдованія Шахта, и языкъ цифръ ограничу лишь самымъ общимъ и необходимымъ, именно цифровой характеристикой газетнаго дѣла въ Германіи *вообще*, т. е. итожными цифрами этихъ таблицъ. А) При 540.657 кв. килом. территоріи Германіи и 52.280-тыс. населенія, одна газета въ среднемъ приходится на 159 кв. килом. и 15.354 чел. населенія: 1 издательскій пунктъ на районъ въ 287 кв. килом. и населенія 27.749 чел. Общее число всѣхъ подписчиковъ у нѣмецкихъ (3337) газетъ около 12.192,780, въ среднемъ на каждую газету приходится около 3660; т. е. газету читаетъ въ среднемъ почти $\frac{1}{4}$ населенія (23,9%). Изъ 1884 издательскихъ пунктовъ 1370 (т. е. 62,0%) имѣютъ по 1 газетѣ, 573 (30,4%)—по 2—3 газеты, 122 (6,5%)—по 4—9 и, наконецъ, 19 (1%)—болѣе 9 газетъ. Изъ послѣдней группы три—Берлинъ, Мюнхенъ и Познань—имѣютъ болѣе 20. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ еще одно характерное обстоятельство: 177 издательскихъ пунктовъ изъ 1884, т. е. 9,4%,—это городки или мѣстечки, имѣющія не болѣе 2.000 населенія.

Б) Данные о частотѣ выхода газетъ и рядомъ съ этимъ о ихъ стоимости я соединю въ маленькую таблицу.

Число разъ выход. газетъ. . .	1	2	3	4	5	6	7	11	12	13	14	18	19	Итого
Число газетъ. . .	367	654	1018	88	13	1024	82	1	64	15	1	9	1	3337
въ %/о	11,0	19,59	30,50	2,64	0,39	30,68	2,46	0,03	1,92	0,46	0,03	0,27	0,03	100
Подписная плата за 1/2 г. въ марк.	0,77	1,00	1,77	1,15	1,36	1,61	2,02	1,50	3,80	3,63	7,50	5,73	9,00	1,30
Стоимость 1 номера въ пфен.	5,9	3,8	3,0	2,2	2,1	2,1	2,2	1,0	2,4	2,1	4,1	2,5	3,6	2,8

В) Въ видѣ такой-же таблички я группирую данные о газетахъ въ отношеніи числа ихъ подписчиковъ и рядомъ съ этимъ о стоимости подписки и объявленій въ нихъ.

Число подписчиковъ — до	500	— 900	— 3.000	— 7.000	— 15.000	— 35.000	70.000	100.000	100 000	болѣе	Всего.
Число газетъ въ %/о	5,45	21,45	48,50	14,52	6,68	2,38	0,78	0,16	0,08	100	
Подписная плата за 1/2 г. въ марк.	0,92	1,08	1,28	1,63	1,60	2,22	2,30	2,00	2,55	1,30	

Г) Наконецъ въ отношеніи распределенія по партіямъ газеты Германіи представляютъ такую картину:

партія	правительств.	Конс.	центр.	нац. либер.	либер.	соц. демокр.	безпарт.	газеты для объявл.	Итого.	неизвѣстн.	Итого.
Число газетъ.	486	821	318	800	356	54	900	53	2793	644	3337
%/о	14,6	24,6	9,5	24,0	10,7	1,6	27,0	1,7	83,7	19,3	100
Стоимость подписки за 1/2 г. въ марк.)	1,18	1,44	1,27	1,73	1,74	1,73	—	—	—	—	1,30

Такова общая картина для Германіи. Почти четвертая часть населенія абонируется на газету изъ вошедшихъ въ исслѣдованіе Шахта категорій. Преобладаютъ,—почти въ одинаковой степени,—газеты, выходящія 6 разъ въ недѣлю, т. е. ежеднев. по 1 разу, кромѣ дней послѣ воскресныхъ, и выходящія 3 раза; затѣмъ слѣдуютъ выходящія 2 раза и далѣе 1 разъ.—По числу подписчиковъ почти половину составляютъ газеты въ 901 — 3000 (именно съ 2000) подписчиками, затѣмъ съ 501—900 и далѣе съ 3000—7000. Болѣе 100 тыс. имѣютъ лишь нѣкоторыя берлинскія газеты, болѣе всѣхъ «Berliner-Lokalanzeiger»—до 200 тыс. и «Berliner Morgenzeitung»—до 120 тыс. Въ отношеніи партійнаго характера преобладаютъ газеты безпартійныя, т. е. такія, которыя сами себя обозначаютъ безпартійными, составляющія почти третью часть тѣхъ, партійную принадлежность которыхъ Шахтъ опредѣлилъ. Конечно, по числу газетъ той или другой партіи еще нельзя судить о

силѣ и популярности ея, — для этого гораздо были-бы важнѣе данныя о числѣ подписчиковъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не представлено Шахтомъ. Числомъ же газетъ, — не говоря о категоріи правительственныхъ, — наиболѣе представлена партія либеральная (сюда-же включены газеты демократическихъ партій, какъ напр. южно-германской); затѣмъ консервативная (всѣ отгѣнки консерватизма отъ свободныхъ консерваторовъ, freikonservative, до крайнихъ аграріевъ; сюда-же присоединены анти-семитическія газеты) и центръ (клерикально-католическія газеты); далѣе слѣдуютъ національ-либеральная партія и наконецъ социаль-демократическая. Последняя, впрочемъ, имѣетъ сравнительно съ бюргерскими партіями, представленными болѣе или менѣе одинаково, ничтожное число своихъ органовъ, всего 54 газеты, что составляетъ лишь 1, 6% общаго числа газетъ. Можно было-бы, напротивъ, ожидать, что эта партія, получающая на всеобщихъ выборахъ въ рейхстагъ голосовъ за себя болѣе всѣхъ другихъ партій, до третьей части всѣхъ избирателей, должна-бы имѣть гораздо большее число газетъ. Но эта странность будетъ понятнѣй, если имѣть въ виду, что социаль-демократическая партія имѣетъ своихъ приверженцевъ главнымъ образомъ въ средѣ рабочаго населенія, низшихъ служащихъ и чиновничества, вообще менѣе обеспеченныхъ и не всегда могущихъ подписываться на газету; что, съ другой стороны, для этихъ слоевъ населенія существуетъ рядъ библиотекъ, читаленъ и т. п. учреждений; что значительное число обходится чтеніемъ газетъ въ школахъ и т. п.; и, наконецъ, незначительное количество социаль-демократическихъ газетъ возмѣщается значительнымъ числомъ подписчиковъ у нихъ, особенно напр. у центральнаго органа партіи «Vorwärts». Кромѣ того — какъ замѣчаетъ Шахтъ — очень значительное число газетъ изъ категоріи «неизвѣстныхъ» по своей партійной принадлежности въ дѣйствительности, по своему содержанію, — есть газеты социаль-демократическія, онѣ лишь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ и обстоятельствамъ считаютъ нужнымъ или болѣе удобнымъ не выступать открыто какъ социаль-демократическія; поэтому — прибавляетъ Шахтъ — было-бы ошибкой судить о распространенности газетъ этой партіи лишь по количеству такихъ изъ нихъ, которыя прямо называютъ себя ея органами. Безпартійная пресса размножилась особенно въ послѣдніе годы, въ чемъ надо видѣть отраженіе усилившейся за это время неустойчивости, раздробленности партійной парламентской жизни. «Безпартійность» — замѣчаетъ при этомъ авторъ приведеннаго изслѣдованія — имѣетъ, естественно, своимъ послѣдствіемъ то, что газета занимается болѣе описаніями и сообщеніемъ извѣстій, чѣмъ обсужденіемъ и руководствомъ, и все болѣе и болѣе удаляется отъ идеальной цѣли прессы — дѣйствовать воспитывающимъ образомъ на народъ».

Какъ я уже указывалъ выше, современная газета, по самому своему характеру и условіямъ существованія, хотя и имѣетъ обыкновеніе являться

подъ флагомъ идеальныхъ цѣлей, есть предпріятіе, идущее навстрѣчу извѣстнаго рода *спросу* со стороны публики, при томъ только *платящему* спросу. Размѣръ и характеръ послѣдняго опредѣляютъ судьбу и характеръ разныхъ видовъ и отдѣльных изданій прессы; идеальное имѣетъ мѣсто лишь въ той мѣрѣ, поскольку есть платящій спросъ на него. То же самое относится и къ партійности газеты. Паденіе вліянія той или другой партіи въ публикѣ влечетъ за собой сокращеніе спроса на газеты—органа этой партіи и далѣе сокращеніе числа газетъ ея. Расколы и междоусобія въ средѣ бюргерскихъ партій, особенно рѣзко проявившіяся по поводу текущихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики послѣднихъ лѣтъ, — признакъ все болѣе и болѣе созрѣвающаго процесса внутреннего разложенія этихъ партій, часто объединяющихъ въ себѣ, волею исторіи, элементы населенія съ совершенно противоположными интересами и сохраняющихъ свою цѣлость, пока не выступило сознаніе этой противоположности, пока процессъ дифференцированія классовыхъ интересовъ не достигъ извѣстной степени,—расколы и междоусобія сильно подорвали авторитетъ этихъ партій, тѣмъ болѣе, что они сопровождаются разоблаченіемъ характера ихъ политики и обостреніемъ ея противорѣчій съ интересами тѣхъ самыхъ слоевъ населенія, которые по традиціи считали эти партіи своими партіями, но которые все болѣе и болѣе видятъ, что политика *ихъ* партій не для нихъ и не за нихъ, часто противъ нихъ. Далѣе процессъ этотъ долженъ вести или къ перемѣщенію гражданъ въ другія партіи или къ образованію новыхъ, но какъ переходный моментъ—естественно колебаніе, отстраненіе отъ партійности. Все это мы дѣйствительно и видимъ въ политическомъ настроеніи Германіи, ближайшимъ образомъ изъ результатовъ послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ. Число голосовъ у старыхъ бюргерскихъ партій отъ однихъ выборовъ къ другимъ понижается постепенно и отчасти переходитъ къ социаль-демократіи, отчасти къ новой «крестьянской» партіи (*Вагербунд*), отчасти къ «аграріямъ» (*Bund der Landwirthe*) и отчасти, наконецъ, къ «такимъ» кандидатамъ, т. е. безпартійнымъ, какихъ нынѣшніе выборы дали сравнительно большое число. Возрастающій спросъ на газету вызываетъ на свѣтъ новыя газетныя предпріятія, которыя, часто, въ интересахъ своего дѣла, т. е. доходности ведутся «безпартійно», такъ какъ на партійность спросъ падаетъ. Измѣнится настроеніе спроса,—измѣнится соотвѣтственно и партійный характеръ газетъ.

Перейдемъ теперь къ денежной сторонѣ газетнаго дѣла, къ тому, что постоянно и неразрывно матеріально связываетъ газету съ ея читателемъ. Источникомъ дохода для газеты служитъ прежде всего подписная плата. Какъ мы видимъ изъ приведенныхъ выше табличекъ, она въ среднемъ для германскихъ газетъ составляетъ 1 м. 30 пфен. за четверть года. Для отдѣльных же категорій газетъ она очень различна, повышаясь какъ съ увеличеніемъ числа разъ ихъ выхода отъ 0,77 мар. для газетъ,

выходящихъ разъ въ недѣлю, до 9 мар. за газету, выходящую 19 разъ *), такъ и съ увеличеніемъ числа подписчиковъ—отъ 0,92 мар. за газеты, имѣющія не болѣе 500 подписчиковъ. до 2,55 мар. за имѣющія ихъ болѣе 100 тыс. Это явленіе, что чѣмъ газета распространяемѣе, тѣмъ дороже, нисколько не странно: чтобы быть «хорошей» газетой, т. е. привлекающей къ себѣ спросъ, нужны хорошіе сотрудники, хорошая организація, хорошія средства. По партійной принадлежности, самыми дешевыми являются газеты правительственныя и газеты центра. Дешевизна ихъ, съ одной стороны, обуславливается мелкимъ сравнительно характеромъ, особенно первой категоріи, а съ другой—денежными субсидіями изъ средствъ разныхъ учреждений. Либеральныя, національ-либеральныя и социаль-демократическія газеты стоятъ въ одной цѣнѣ. Въ общемъ, можно признать, что газета въ Германіи не дорога и доступна и для рабочаго населенія, не обременяя чувствительно его бюджета. И дѣйствительно, газета сдѣлалась и для этихъ слоевъ нѣмецкаго народа вещью обиходной, прямо необходимой, требующейся въ интересахъ экономической, гражданской и политической борьбы и самообороны.

Газета—необходимость для всѣхъ классовъ и сословій германскаго народа уже потому, что германская конституція привлекаетъ все населеніе къ рѣшенію вопросовъ внѣшней и внутренней политики, законодательства и управленія. Пользованіе этимъ правомъ требуетъ освѣдомленности во всѣхъ вопросахъ государственной жизни, предполагаетъ по меньшей мѣрѣ способность хотя бы въ общемъ понимать интересы общественности и государственности и сознаніе значенія избирательнаго права. Несомнѣнно, что значеніе газеты для гражданского и политическаго воспитанія, чрезвычайно важно. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что каждый гражданинъ долженъ быть если не подписчикомъ, то читателемъ газеты. И какъ ни громаднымъ можетъ намъ, русскимъ, показаться развитіе газетнаго дѣла въ Германіи, какъ ни отдаленнымъ, можно сказать—верхомъ желаній, кажется намъ достиженіе для Россіи того времени, когда четверть населенія будетъ выписывать газету, для Германіи нужно признать это крайне недостаточнымъ, оставляющимъ желать еще многого. Только тогда, когда все населеніе будетъ читать газеты, можетъ полностью развиться положенный теперь въ основу принципъ общественно-государственной жизни Германіи, принципъ государственнаго самоуправленія—всеобщаго, равнаго, свободнаго и сознательнаго избирательнаго права, какъ выраженіе свободнаго, сознательнаго избирательнаго права, какъ выраженіе свободнаго сознательнаго, личнаго гражданского и политическаго самоопредѣленія.—Возвращаясь къ денежнымъ дѣламъ газетъ, замѣтимъ еще относительно подписной платы ихъ, что въ настоящее время германское населеніе тратитъ на газеты (ограничивая расчеты лишь числомъ 3337 и принимая

*) Эта газета «Frankfurter Zeitung».

среднее число подписчиковъ въ 3,660 а подписную плату за годъ въ 5,2 мар) болѣе 63 мил. марокъ, или на 1 челов. приходится около 1,2м

Какъ источникъ доходовъ, гораздо болѣе, чѣмъ подписная плата, важны для газеты обыкновенно *объявленія*: они даютъ часто въ 10—20 и болѣе разъ, чѣмъ подписка *).

Состояніе отдѣльныхъ частей Германіи въ культурно-бытовомъ, общественно-хозяйственномъ и политическомъ отношеніи представляетъ крайнее разнообразіе, и совершенно не возможно дать одну общую для всей Германіи картину въ этомъ отношеніи, исключая развѣ въ некоторыхъ внѣшнихъ свойства чертъ. Соответственно этому, характеръ и размѣры газетной продукціи также отклоняются отъ общей схематической картины ея, данной нами въ таблицахъ, въ ту и другую сторону, часто очень рѣзко. Сопоставленіе этихъ отклоненій очень интересно и, пожалуй поучительно.

Совершенно особое положеніе по развитію газетнаго дѣла занимаетъ Берлинъ и затѣмъ также вольные города (главн. образ. Гамбургъ). 66 берлинскихъ газетъ (почти 2% общаго числа) и 31 газета (почти 1%) вольныхъ городовъ, составляя всего 2, 9%, даютъ 25% общаго числа экземпляровъ всѣхъ нѣмецкихъ газетъ Германіи (въ томъ числѣ Берлинъ — 20. 9%, вольные города—4,2%). Среднее число подписчиковъ для берлинской газеты (при среднемъ для Германіи 3660)—38.550, для вольныхъ городовъ—16.867 Газетъ съ числомъ подписчиковъ менѣе 900 нѣтъ. Въ Берлинѣ большинство газетъ, 75%, имѣетъ ихъ болѣе 15 тысячъ (главн. образ. съ 35—70 тыс. 30%, и 15—35 тыс. 25%) при среднемъ % этихъ газетъ для Германіи—3,40%; въ вольныхъ городахъ эти категоріи газетъ составляютъ 40%. Только Берлинъ имѣетъ газеты съ числомъ подписчиковъ болѣе 100 тысячъ. Такое-же исключительное мѣсто занимаютъ Берлинъ и вольные города и по частотѣ выхода ихъ газетъ. Только здѣсь газеты, выходящія 6 и болѣе разъ въ недѣлю, составляютъ больше половины, и именно 65,15% и 74,20% при среднемъ по Германіи 35,91%, а газеты, выходящія болѣе 6 разъ, взятыя отдѣльно, составляютъ въ Берлинѣ 28,79% и въ вольныхъ городахъ 32,26%—при среднемъ для Германіи въ 5,23%. Такіе размѣры развитія газетнаго дѣла и столь крупный характеръ его объясняются тѣмъ, что Берлинъ и вольные города—главные въ Германіи центры торгово-промышленной, общественной и умственной жизни. Господство интересовъ торгово-промышленныхъ классовъ, именно индустриальной и банкирской буржуазіи, выражается здѣсь въ преобладаніи либеральныхъ и національ-либеральныхъ газетъ при совершенномъ отсут-

---

*) Выручка Лондонской газеты «Times» отъ объявленій составляла въ 1875 г. 25.000 марокъ въ день, т. е. около 11 мил. въ годъ. Еще гораздо выше доходъ отъ объявленій у газеты «New-York-Herald», дающій ихъ ежедневно 150—180 столбцовъ. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. VI. Zeitungen u. s. w.

ствіи прессы клерикальной (центр). *). Наряду съ этимъ и рабочая, социаль-демократическая пресса этихъ городовъ идетъ впереди другихъ если не числомъ органовъ, то ихъ солидностью и распространенностью. Въ парламентской жизни, при выборахъ въ рейхстагъ, промышленный характеръ этихъ городовъ выражается преобладающей массой социаль-демократическихъ голосовъ.

Въ ту же сторону замѣтно отклоненіе характера газетной индустріи отъ среднихъ для Германіи цифръ въ тѣхъ государствахъ ея, которыя являются болѣе промышленными, гдѣ слабо или совсѣмъ отсутствуетъ вліяніе клерикализма и землевладѣльческаго юнкерства, представителя политической реакціи и культурно-хозяйственного застоя въ современной Германіи. Въ такъ наз. передовыхъ государствахъ ея и газетное дѣло развито въ крупныхъ и широкихъ размѣрахъ. Совершенно обратное представляютъ наиболѣе отсталыя государства. Таковымъ, какъ извѣстно, приходится считать въ Германскомъ Союзѣ Пруссію, не смотря на ея политическое первенство. Впрочемъ это справедливо только въ общемъ, по отношенію ко всей Пруссіи, но не къ отдѣльнымъ ея частямъ. Ея восточныя провинціи представляютъ рѣзкую разницу, до противоположности, по сравненію съ западными. Тогда какъ послѣднія—Рейнская, Вестфалія, Гессенъ-Нассау, Ганноверъ—по своему промышленному, культурно-хозяйственному развитію и характеру стоятъ наряду съ промышленными государствами союза,—восточныя провинціи, по мѣрѣ движенія на востокъ, все болѣе обнаруживаютъ характеръ отсталости, какъ въ области хозяйственной, такъ и общественно-политической и культурной жизни. Восточная и Западная Пруссія, Силезія, Померанія—это гнѣздо прусскаго юнкерства, отсталыхъ хозяйственныхъ отношеній, наиболѣе отсталого въ культурномъ отношеніи населенія; по поводу положенія школъ и народнаго образованія главнымъ образомъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи выражается секретарь общества для народнаго образованія, учитель I. Тевель: «Положеніе образованія въ Пруссіи отчаянное. Внутри хозяйничаютъ клерикалы и опредѣляютъ духъ и содержаніе преподаванія, образованіе учителей и т. д., извнѣ—землевладѣльцы; и тѣ и другіе заинтересованы или считаютъ себя заинтересованными не въ развитіи, а въ задержкѣ народнаго образованія. Пока государство не освободитъ школу отъ этихъ силъ, поднятіе образовательныхъ учрежденій надъ теперешнимъ уровнемъ невозможно... Честь называться страной школъ для Пруссіи потеряна». Состояніе газетнаго дѣла въ Пруссіи вполнѣ соответствуетъ ея общественно-хозяйственнымъ и культурнымъ отношеніямъ; въ частности данныя о газетахъ восточныхъ ея провинцій отклоняются отъ среднихъ для Германіи цифръ въ сторону отсталости, въ такой-же степени, какъ Берлинъ и вольные города въ сторону противоположную. Притомъ только

---

*) Въ Берлинѣ партія центра имѣетъ 3 газеты; но онѣ предназначаются не для берлинской публики, а для Пруссіи главнымъ образомъ.

въ Пруссіи занимають такое доминирующее по числу положеніе газеты правительственныя и консервативныя, особенно въ Восточн. и Западн. Пруссіяхъ, въ Познани и Помераніи: это указываетъ на слабость здѣсь развитія въ населеніи политической жизни и гражданской самостоятельности и самодѣятельности, на сильное значеніе здѣсь правительственной и консервативной, спеціально юнкерской опеки надъ населеніемъ. Въ этихъ провинціяхъ газеты имѣють наименьшее число подписчиковъ на роду съ наибольшимъ числомъ жителей, приходящихся на газету. Малое число подписчиковъ имѣють также газеты прусскихъ провинцій—Гогенцоллернъ, Шлезвигъ Гольштейнъ, изъ остальныхъ государствъ Германіи—Мекленбургъ, Тюрингія, Гессенъ, Липпе и Вальдекъ, Ангальтъ; но здѣсь отношеніе числа газетъ къ населенію совершенно обратное, чѣмъ указанное выше для восточно-прусскихъ провинцій, именно—наименьшее число жителей, приходящееся на одну газету. Такъ что это два совершенно различныхъ явленія: въ одномъ случаѣ, именно во второй группѣ государствъ и провинцій,—широко развитое, децентрализованное газетное дѣло и распространенность, читаемость газеты въ населеніи, тогда какъ въ другомъ —въ восточно-прусскихъ провинціяхъ,—совершенно обратное. Наряду съ этимъ въ одномъ случаѣ довольно часто изданіе газеты въ маленькихъ городахъ, имѣющихъ до 2000 жителей, въ другомъ—или отсутствіе или крайняя рѣдкость такихъ фактовъ. Да и партійно-политическій характеръ газетъ совершенно различный. Не лишнее отмѣтить здѣсь обиліе газетъ, издающихся въ мелкихъ городкахъ, въ Баваріи (53 изъ 231, т. е. 23%) и припомнить, что здѣсь особенно въ послѣдніе годы развивается крестьянско-политическое движеніе, здѣсь основался и на нынѣшнихъ выборахъ впервые выступилъ на парламентскую арену «крестьянскій союзъ» (Bauernbund) со своими кандидатами и не безъ успѣха.

Нѣсколько странными на первой взглядъ кажутся данныя о газетахъ Эльзасъ-Лотарингіи. Несомнѣнно, это одна изъ наиболѣе въ культурномъ и хозяйственномъ отношеніи развитыхъ, передовыхъ частей Германіи; между тѣмъ здѣсь на одну нѣмецкую газету падаетъ большая, чѣмъ гдѣ-бы-то ни было въ Германіи, территория (264 кв. вилом. при 159 въ среднемъ по Германіи) и больше чѣмъ въ другихъ государствахъ Союза, число жителей (29.836 при средн. 15.354); но для Эльзасъ-Лотарингіи это не должно казаться страннымъ, если принять во вниманіе, что это не нѣмецкая въ сущности страна, а французская, что здѣсь гораздо болѣе распространена французская пресса и главнымъ образомъ экспортируемая изъ Франціи. Данныя о размѣрахъ нѣмецкихъ газетъ, по частотѣ ихъ выхода и числу подписчиковъ, а равно и партійный характеръ ихъ, свидѣтельствуютъ, что здѣсь газетное дѣло стоитъ не ниже, чѣмъ въ другихъ чисто нѣмецкихъ государствахъ Союза, а часто даже выше.

Газетное дѣло, въ результатѣ нашего взгляда въ его историческое

прошлое и на современное состояніе въ Германіи, является передъ нами какъ такая область культурно-общественной жизни и отношеній, которая по своей организаціи, по размѣрамъ и характеру, представляетъ отображеніе этихъ отношеній въ цѣломъ. Газетное дѣло есть картина ихъ, картина Германіи, не потому только, что газеты даютъ свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ и явленіяхъ жизни страны,—слѣдовательно, не со стороны содержанія газетъ, а какъ общественно-хозяйственная организація, опирающаяся на специальную область потребностей и спроса, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ общимъ культурно-хозяйственнымъ организмомъ страны.

В. Турковскій.

II.

Бисмаркъ и Гладстонъ,

(Сравнительная характеристика).

Сама судьба навязываетъ сопоставленіе Бисмарка съ Гладстономъ. «Желѣзный канцлеръ» и «великій старецъ» сошли въ могилу почти одновременно; Гладстонъ опередилъ Бисмарка всего на 2½ мѣсяца *). Некрологи о Бисмаркѣ пишутся и читаются потѣ впечатлѣніемъ некрологовъ о Гладстонѣ. Они оба принадлежали къ числу *великихъ удачливыхъ*, и на долю обоихъ выпало не мало восторженныхъ отзывовъ со стороны представителей печати, этой «шестой великой державы»; ихъ могилы засыпаны цвѣтами, присланными со всѣхъ концовъ земного шара, передъ ихъ смертными останками склонились многіе «сильные земли».

Но среди гула восторговъ изрѣдка слышатся отзывы очень сдержанные и обвиненія очень суровыя; послѣднія выпадаютъ, впрочемъ, почти исключительно на долю «желѣзнаго канцлера».

Нѣкоторые органы печати стараются выставить Гладстона гениемъ добра, «лучшимъ гражданиномъ Европы», Бисмарка же изображаютъ кровожаднымъ чудовищемъ, принесшимъ человѣчеству одно лишь зло.

Это дѣлается съ благими намѣреніями, но тѣмъ не менѣе это не совсемъ вѣрно.

При спокойномъ размысленіи не трудно убѣдиться, что Гладстонъ не

*) Гладстонъ умеръ 18 Мая (нов. ст.) 1898 г., Бисмаркъ 50 Юля (нов. ст.) 1898 г.

былъ лучшимъ гражданиномъ Европы, не былъ гениемъ добра, и что Бисмаркъ принесъ человѣчеству далеко не одно зло. Если оцѣнивать общественныхъ дѣятелей по результатамъ ихъ дѣятельности, съ точки зрѣнія ихъ историческаго значенія, то приходится признать, что Бисмаркъ имѣетъ больше правъ на наименованіе «великимъ человѣкомъ», чѣмъ Гладстонъ, уже при жизни прозванный «великимъ старцемъ».

«Желѣзный канцлеръ» оставилъ въ исторіи несомнѣнно болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ «великій старецъ». Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Германія во второй половинѣ текущаго столѣтія жила интенсивнѣе, чѣмъ Англія, и что въ Германіи, какъ въ странѣ съ менѣе развитой общественной жизнью, отдѣльныя крупныя личности выдѣляются ярче, чѣмъ въ современной Англіи съ ея установившимся парламентскимъ строемъ; но нѣкоторую роль при этомъ играетъ и то, что личность «желѣзнаго канцлера» была болѣе прямолинейной, болѣе цѣльной, болѣе *сконцентрированной*, чѣмъ личность «великаго старца».

Если мы говоримъ о результатахъ дѣятельности того или другого историческаго лица, то имѣемъ въ виду эти результаты независимо отъ того, предусматривало ли ихъ данное лицо или нѣтъ. Нерѣдко результаты дѣятельности стоятъ въ противорѣчій со стремленіями, положенными въ ея основу; нерѣдко то, что данное лицо разсматривало, какъ средство для достиженія намѣченной цѣли, приобретаетъ самостоятельное значеніе и вытѣсняетъ изъ жизни то, развитію чего оно должно было способствовать. Съ этою оговоркою мы признаемъ Бисмарка дѣятелемъ прогрессивнымъ, признаемъ, что его силы болѣе, чѣмъ силы Гладстона, способствовали движенію человѣчества впередъ.

Его общественная дѣятельность еще менѣе, чѣмъ общественная дѣятельность Гладстона пропала даромъ, такъ какъ онъ безсознательно повиновался законамъ общественнаго развитія, сущность которыхъ была ему почти такъ же мало ясна, какъ и Гладстону.

Бисмаркъ, впрочемъ, сознавалъ, что онъ не дѣлаетъ исторіи, какъ это думали и многіе его поклонники и враги.

«Мы не дѣлаемъ исторіи», воскликнулъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей; мы не можемъ по своему желанію измѣнить направленіе историческаго развитія».

«Мы не дѣлаемъ исторіи», но исторія дѣлаетъ насъ, могъ бы прибавить «желѣзный канцлеръ».

И исторія не только дѣлаетъ, но и передѣлываетъ общественныхъ дѣятелей, какъ это видно на Бисмаркѣ и Гладстонѣ.

Бисмаркъ съ гордостью заявлялъ, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые не измѣняются, которые съ глазами и опытомъ ничему не научаются. Дѣйствительно, онъ, точно такъ же, какъ и Гладстонъ, многому научился «съ годами и опытомъ».

Они оба были честолюбцами, хотя Гладстонъ въ болѣе высокомъ стилѣ, чѣмъ Бисмаркъ, и обомъ пришлось, что-бы удержаться на гребнѣ

общественной волны и имѣть успѣхъ, измѣнять свои воззрѣнія, обоимъ пришлось значительно одемократизироваться, обоимъ пришлось многое заимствовать у демократовъ, въ ожесточенной борьбѣ съ которыми они начали свою карьеру. И въ Англии, и въ Германіи демократическія идеи безостановочно усиливались, и великимъ оппортунистамъ, каковы были Гладстонъ и Бисмаркъ, поневолѣ приходилось слѣдовать за ними.

Въ Бисмаркѣ, какъ это часто бываетъ, совмѣщался деспотъ съ революціонеромъ.

Въ стремленіи къ власти и успѣху во что бы то ни стало онъ прибѣгалъ къ чисто революціоннымъ средствамъ и легко жертвовалъ тѣмъ, за что, казалось, боролся. «Красный реакціонеръ» *), феодалъ, клерикалъ, сторонникъ меттерниховскаго режима, онъ ввелъ въ Германію всеобщую, прямую и тайную подачу голосовъ, онъ добился полной свободы совѣсти (гражданскаго брака, права не принадлежать ни къ какой церкви и т. д.), онъ, наконецъ, удаленный въ отставку, расшатывалъ императорскій авторитетъ, осыпалъ насмѣшками столповъ трона—«юнкеровъ» и брался съ такими безбожниками и нигилистами, какъ Геккель.

Всеобщее избирательное право, свобода совѣсти, даже объединеніе Германіи съ вытѣсненіемъ Австріи—все это, правда, было для него только средствомъ въ борьбѣ за власть, за успѣхъ.

Таковыми же средствами были поддержка итальянскаго національнаго движенія, война съ Наполеономъ III, борьба съ католиками и социаль-демократами, государственный социализмъ и т. д.

И какіе громадныя результаты, результаты, часто имъ совершенно непредвидѣнные и ему нежелательныя!

Объединеніе Италіи, паденіе Наполеона III, установленіе во Франціи республики, усиленіе католицизма, политическая зрѣлость массъ, ошеломляющій ростъ социаль-демократіи!

Рука великаго честолюбца, деспота—революціонера, для котораго не было «ничего святого», слѣпо напирала на маховое колесо сложнаго общественнаго механизма, и жизнь выливалась въ неожиданныя для него формы.

Но онъ не пугался и не горевалъ: его вліяніе, его слава, его богатства росли непрерывно, пока не наступилъ, наконецъ, моментъ, когда его ослабѣвшая рука соскользнула съ колеса и уже не могла болѣе ухватиться за него: оно двигалось слишкомъ быстро.

Кто-то вѣрно сказалъ, что Бисмаркъ былъ несчастливъ лишь въ одномъ—онъ прожилъ слишкомъ долго.

Въ Гладстонѣ не было ни деспота, ни революціонера. Если для Бисмарка не было ничего святого, то для Гладстона было, пожалуй, слишкомъ много святого, у него было слишкомъ много предразсудковъ, отъ

* Такъ называлъ его въ 1849 г. Король Фридрихъ—Вильгельмъ II.

которыхъ онъ не могъ отдѣлаться до конца жизни. Ему трудноѣ, чѣмъ Бисмарку, было сжигать то, чему онъ раньше поклонялся. Онъ шелъ впередъ съ оглядкой, онъ нерѣдко отступалъ передъ послѣднимъ, рѣшительнымъ шагомъ, онъ больше всего боялся революціонныхъ средствъ.

Сдѣлавшись искреннимъ демократомъ, сторонникомъ народнаго самодержавія, онъ способствовалъ расширенію избирательнаго права, но дѣйствовалъ съ такою постепенностью, что несмотря на двѣ реформы, Англія до сихъ поръ не имѣетъ еще всеобщей подачи голосовъ.

Сознавъ «вѣковую несправедливость англичанъ къ ирландцамъ», онъ только подъ конецъ жизни склонился на сторону «гомъ-руля» (ирландскаго самоуправленія), для проведенія котораго у него однако не хватило силъ. Но у него хватило силъ ослабить ирландскую революціонную партію, устранивъ главу ея—Парнелля.

Революціонная и отчасти деспотическая натура послѣдняго была ненавистна постепеновцу Гладстону, онъ только послѣ долгой борьбы заключилъ съ нимъ союзъ и вновь разорвалъ его въ самый серьезный и критическій моментъ по «моральнымъ» соображеніямъ. Онъ не захотѣлъ идти рука въ руку съ человѣкомъ, обвиняемымъ въ связи съ чужою женой.

Здѣсь сказалось много типичнаго англійскаго лицемерія, которое помѣшало осуществленію «гомъ-руля» не меньше, чѣмъ «палата лордовъ».

Сочувствуя рабочему движенію и принеся англійскому пролетариату не мало пользы не только своими избирательными, но и финансовыми реформами, Гладстонъ не могъ все же окончательно смахнуть съ себя манчестеровскій «предразсудокъ» о невмѣстительствѣ государства въ свободный договоръ между рабочими и хозяевами и отказался поддерживать требованіе законодательной нормировки рабочаго дня *для взрослыхъ мужчинъ*.

Горячій сторонникъ свободы, онъ однако до конца жизни не могъ примириться со всѣми выводами изъ свободы совѣсти и стоялъ за нерасторжимость брака.

Пламенный проповѣдникъ священной миссіи Англіи, какъ защитницы и освободительницы угнетенныхъ націй, онъ дѣлалъ очень мало для осуществленія этой миссіи, когда находился во главѣ правительства, всѣ его горячіе призывы къ защитѣ христіанъ отъ турокъ, повстанцевъ и революціонеровъ отъ деспотическихъ правительствъ совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ находился въ оппозиціи. Какъ министръ-президентъ онъ имѣлъ въ виду, конечно, прежде всего торговые интересы Англіи, а не благополучіе борцовъ и мучениковъ за независимость и свободу.

Но вѣдь, онъ и не могъ иначе!... Разумѣется, но геній добра и «лучшій гражданинъ Европы» и не могъ бы быть министромъ-президентомъ современной Англіи, для этого во всякомъ случаѣ нужно имѣть гибкую совѣсть, и такова была совѣсть «великаго старца».

У Гладстона была гибкая совѣсть, у Бисмарка ея, пожалуй, не было совсѣмъ, но у Бисмарка было больше энергіи, рѣшительности и прямоты.

Оба онѣ опортуниста, оба честолюбца, они были все же совершенно различными враждебными другъ другу натуры.

Бисмаркъ высоко цѣнилъ и уважалъ революціонера Лассала, постепенца же Гладстона презиралъ. «Если бы я»—говорилъ «железный канцлеръ»—«въ теченіе своей жизни доставилъ Германіи хотя бы половину того позора и униженія, какое доставилъ Англій Гладстонъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, у меня не хватило бы мужества взглянуть своимъ соотечественникамъ въ лицо».

Бисмарку были чужды «этическіе мотивы» Гладстона, онъ считалъ необъяснимою глупостью смѣшеніе общественной дѣятельности съ частною жизнью.

«Англичане»—говорилъ Бисмаркъ—«должны быть совсѣмъ глупымъ народомъ, если они въ состояніи устранить одного изъ лучшихъ своихъ людей за проступокъ въ его частной жизни».

Конечно, этическая чувствительность англичанъ и Гладстона, далеко не глупость и заслуживаетъ полного уваженія, пока она не переходитъ въ лицемеріе; къ сожалѣнію, лицемерія въ ней часто больше, чѣмъ искренняго благороднаго негодованія.

Различіе натуръ Бисмарка и Гладстона сказывается между прочимъ въ ихъ ораторскихъ особенностяхъ. Оба въ теченіе своей жизни произнесли массу рѣчей, считавшихся «событіями», оба пользовались славой замѣчательныхъ ораторовъ, но краснорѣчіе «великаго старца» было совершенно иное, чѣмъ ораторское искусство «железнаго канцлера». У Гладстона рѣчь лилась плавно, безъ усилій. Красивый, звучный голосъ его то гремѣлъ негодованіемъ, то нѣжно звенѣлъ призывомъ къ единенію! Спокойное изложеніе фактовъ смѣнялось пламеннымъ пафосомъ, заставлявшимъ дрожать и волноваться друзей и враговъ.

Гладстонъ весь уходилъ въ свою рѣчь; въ ея краснорѣчіи принимало участіе все его существо, и рѣчь всегда сопровождалась чрезвычайно выразительной мимикой и пластичными, красивыми жестами. Бисмаркъ, напротивъ, говорилъ чрезвычайно просто, какъ бы разговаривая съ своими слушателями. Рѣчь его часто прерывалась, онъ спотыкался, «искалъ словъ»...

Къ пафосу онъ почти никогда не прибѣгалъ и только изрѣдка подчеркивалъ выразительнымъ жестомъ или движеніемъ головы ту или другую фразу.

Гладстонъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ въ самомъ пылу парламентской схватки оставался джентльменомъ, Бисмаркъ же нерѣдко прибѣгалъ къ вызывающему и оскорбительному тону, не щадя при этомъ не только своихъ противниковъ, но даже и товарищей - министровъ. Не разъ министрамъ приходилось подавать въ отставку послѣ рѣзкихъ выходокъ противъ нихъ «железнаго канцлера». Но эти рѣзкости были обыкновенно преднамѣренны, заранѣе расчитаны, чтобы вывести изъ терпѣнія того, противъ кого они направлялись. Бисмаркъ никогда не увлекался, Бис-

маркъ всегда былъ насторожѣ и нерѣдко нарочно не понималъ своего противника, чтобы ввести въ заблужденіе слушателей и побѣдоносно разбить возраженія, которыя ему никто не дѣлалъ.

Отсутствіе виѣшнихъ эфффектовъ, виѣшняго краснорѣчія искупалось у Бисмарка оригинальностью стилия и умѣньемъ въ одной фразѣ сконцентрировать суть вопроса.

Съ доводами Бисмарка можно не соглашаться, ими можно возмущаться, но ихъ нельзя пройти безъ вниманія, ихъ нельзя оставить безъ возраженія.

Гладстонъ увлекалъ своихъ слушателей. Бисмаркъ нерѣдко убѣждалъ, но еще чаще раздражалъ своихъ слушателей. Бисмаркъ называлъ краснорѣчіе Гладстона «ядовитымъ», но этотъ эпитетъ подходилъ къ его собственнымъ рѣчамъ.

Въ Бисмаркѣ вообще было много яда, много злобы. Не даромъ онъ, по словамъ его секретаря, нерѣдко говорилъ по утрамъ: «я не могъ спать, я всю ночь ненавидѣлъ». Онъ вѣрилъ въ творческую силу злобы, и онъ былъ до извѣстной степени правъ. Злоба Бисмарка способствовала прогрессивному *) движенію гораздо больше, чѣмъ доброта Гладстона. Будущему историку это будетъ, вѣроятно, яснѣе, чѣмъ намъ, и во всякомъ случаѣ фигура злого Бисмарка займетъ въ исторіи болѣе видное мѣсто, чѣмъ фигура добраго Гладстона.

Судъ исторіи, впрочемъ, далеко не справедливъ; исторія оцѣниваетъ только великихъ удачниковъ и обыкновенно проходитъ молчаніемъ великихъ неудачниковъ, шедшихъ впереди ея колеса, попадавшихъ подъ его удары и ускорявшихъ его движеніе своею мученическою кровью. Кто знаетъ, не болѣе ли «великихъ людей» среди тѣхъ, кого не умѣли оцѣнить ни современники, ни потомство, чѣмъ среди тѣхъ, могилы которыхъ засыпаны цвѣтами и имена которыхъ сверкаютъ на скрижаляхъ исторіи.

В. Поссе.

---

*) Но не слѣдуетъ при этомъ, однако, забывать, что тяжесть милитаризма, угнетающаго до сихъ поръ европейскіе народы, взывалия на нихъ не кто иной, какъ Бисмаркъ.

Ред.

Новости иностранной литературы.

Генрикъ Ибсенъ. — Обзоръніе драматическаго искусства. (*La Revue d'Art Dramatique. Henrik Ibsen. Paris, 1898.*)

Весной текущаго года Генрику Ибсену исполнилось семьдесятъ лѣтъ. По этому поводу во всей Европѣ происходили юбилейныя чествованія скандинавскаго драматурга. Франція одна изъ первыхъ присоединилась къ празднованію Ибсеновскаго юбилея, доказавши такимъ образомъ несправедливость частыхъ обвиненій въ томъ, что все, не имѣющее исключительно національнаго характера, встрѣчается французами съ полнымъ равнодушіемъ. За послѣдніе годы во Франціи замѣтно ослабѣваетъ литературный шовинизмъ; она охвачена космополитическимъ духомъ, объединившимъ литературы всѣхъ странъ, и талантливые иностранные писатели находятъ во Франціи ревностныхъ истолкователей и приверженцевъ.

Отношеніе къ Ибсену показало это очень яркимъ образомъ. Первое знакомство съ произведеніями Ибсена во Франціи относится къ 1887 г., когда появились первыя статьи о немъ (Арведъ Баринъ и Сень-Сера), и о результатахъ ознакомленія съ Ибсеномъ за одиннадцать лѣтъ можно судить по ряду интересныхъ статей, напечатанныхъ въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ *Revue d'art Dramatique* къ семидесятилѣтію Ибсена.

Центральное мѣсто занимаетъ въ сборникѣ описаніе самаго юбилейнаго торжества. На банкетѣ 23-го Марта въ Христианіи Ибсенъ произнесъ рѣчь, любопытную по откровенности, съ которой говоритъ о себѣ и о своемъ творествѣ угрюмый сѣверный гигантъ, извѣстный своей молчаливостью и неприступностью. Странно, что въ Россіи, гдѣ Ибсенъ имѣетъ такъ много почитателей, никто не интересовался его литературнымъ праздникомъ—и въ русскую печать не проникли извѣстія о его рѣчи, заслуживавшей однако несомнѣннаго вниманія. Приводимъ эту рѣчь, какъ она передана хорошо освѣдомленнымъ французскимъ изданіемъ:

«Вы думали, быть можетъ», сказалъ Ибсенъ, выразивъ сначала

свою признательность устроителямъ праздника, «что я буду говорить сегодня о моихъ книгахъ; но я не могу говорить о нихъ, не говоря о всей моей жизни. Это же составить содержаніе обширной книги, которую я собираюсь писать; она объединитъ мою жизнь и мои произведенія и покажетъ ихъ внутреннюю связь. Я полагаю, что имѣю право на небольшой отдыхъ, на годъ, свободный отъ труда. Такая книга будетъ отдохновеніемъ отъ писанія драмъ, утомительнаго и расшатывающаго нервы. Я не позволялъ себѣ отдыха съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Норвегію, тридцать четыре года тому назадъ. Миѣ кажется, что теперь я въ самомъ дѣлѣ нуждаюсь въ отдыхѣ. Не думайте, однако, господа, что я окончательно оставляю «перо драматурга». Нѣтъ, я намѣренъ снова взяться за него и работать до конца. У меня еще есть въ [запасѣ нѣсколько безумій, которыхъ я еще не успѣлъ высказать до сихъ поръ. Когда я освобожусь отъ нихъ, я буду имѣть, миѣ кажется, право отчалить. И какъ легко миѣ будетъ тогда отчалить сравнительно съ днями моихъ первыхъ начинаній».

Бѣгло сравнивъ одиночество, среди котораго онъ началъ свой путь, съ толпой, окружающей его теперь, Ибсенъ продолжалъ:

«Теперь пробудились новыя силы, молодя и увѣренныя въ побѣдѣ. Имъ нѣтъ уже необходимости писать для тѣснаго круга. У нихъ есть обширная толпа слушателей, которымъ они могутъ излагать свои идеи и чувства. Встрѣчаютъ ли они сопротивленіе или сочувствіе—это все равно. Опасно только равнодушіе. Это я знаю по опыту. Я искренно сожалѣю, что имѣлъ такъ мало личныхъ сношеній у себя на родинѣ съ большинствомъ тѣхъ, которые будутъ продолжать мое дѣло. Я не желаю оказывать давленія, но хотѣлъ бы самъ придти къ болѣе полному взаимному пониманію. Я бы воспользовался близостью, чтобы разсѣять нѣкоторыя заблужденія, которыя меня всегда огорчали. Я говорю о людяхъ, которые утверждаютъ, что истинное счастье заключается въ признаніи всѣмъ міромъ своихъ заслугъ.

Конечно, я встрѣчалъ на своемъ пути пламенные сердца и людей, понимавшихъ меня, но истинное внутреннее счастье не есть прирожденный даръ. Оно должно быть добыто цѣной иногда тяжелыхъ усилій, ибо тотъ, кто нашелъ себѣ пріютъ въ многихъ странахъ, не имѣетъ въ сущности нигдѣ родного дома, даже у себя на родинѣ. Но все таки, это можетъ придти со временемъ.

Я буду смотрѣть на сегодняшний день, какъ на отрадное начало, ибо я различаю нѣчто похожее на единеніе. Всѣ разныя точки зрѣнія, разныя манеры сужденій собрались здѣсь вокругъ одного общаго пункта. У меня уже нѣтъ непріятнаго сознанія, что меня считаютъ главой партіи. Нужно, чтобы повѣтъ соединялъ вокругъ себя весь свой народъ, сторонниковъ и противниковъ. Единеніе должно служить самому благородному дѣлу и самымъ возвышеннымъ обязанностямъ. Въ этомъ моя надежда и моя вѣра».

Ибсенъ рѣдко обращался къ публикѣ не черезъ посредство своихъ героевъ, и эти прямыя слова, полныя благодарной вѣры въ себя и глубокихъ мыслей о необходимости конечнаго единенія съ толпой, изъ которой вышелъ поэтъ, производятъ сильное впечатлѣніе. И какъ бодро звучитъ рѣчь этого недоступнаго власти времени старца, у котораго еще голова полна «безумныхъ грезъ». Слушая его, вѣрится въ то, что онъ воплотитъ еще многія изъ этихъ мечтаній въ такія же стройные, незабвенные образы, какъ созданія его прежнихъ лѣтъ.

Въ юбилейномъ сборникѣ участвовали главнымъ образомъ французскіе авторы, которые или даютъ общія заключенія о творчествѣ Ибсена или рассказываютъ о судьбахъ его произведеній во Франціи. Эдуардъ Шюрэ, глубокомысленный авторъ «*Les Grands Initiés*» опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ тайну обаянія Ибсена. Въ статьѣ «*Le secret d'Ibsen*» онъ говоритъ: «Сила Ибсена прежде всего въ искренности съ другими и самимъ собой, и затѣмъ въ томъ, что онъ глубоко вѣритъ въ могущество воли, умѣетъ желать быть собой вполнѣ и до конца; его непосредственная и безсознательная философія заключается въ вѣрѣ въ индивидуальность. Погрузиться въ самого себя—вотъ предполагаемое имъ разрѣшеніе загадки жизни. Вотъ путь, который онъ указываетъ. Сердце наше и есть молодая вселенная, созданная для воспріятія духа божьяго. Этимъ путемъ, по опредѣленію Шюрэ, идетъ Ибсенъ, «создавая новаго человѣка, не аскета, не раскаивающагося грѣшника, а человѣка, проникнутаго свѣтомъ внутреннаго сознанія».—Это краткое опредѣленіе обнаруживаетъ большое пониманіе Ибсена и можетъ быть принято на ряду съ самыми пространными разъясненіями Ибсеновскихъ драмъ критиками всѣхъ европейскихъ странъ.

Люнье-Поэ (Lugné - Poé), молодой директоръ театра «*L'oeuvre*», Феликсъ Дестрезъ и Альберикъ-Дартрезъ, собравшіи мнѣнія французскихъ актеровъ объ Ибсенѣ, рассказываютъ съ интересными подробностями исторію отдѣльных драмъ Ибсена на французскихъ сценахъ. Любопытно, что инициаторомъ «ибсенизма» во Франціи былъ Эмиль Золя. Онъ первый рекомендовалъ Антуану, директору *Théâtre Libre*, «Призраки»—считая эту драму глубоко «натуралистической». Онъ увидѣлъ въ Ибсенѣ своего ученика и заинтересовался представленіемъ драмы, которая должна была содѣйствовать торжеству литературныхъ идей самого Золя. «Глава натуралистовъ», прибавляетъ Э. Винсенъ, рассказывая эту подробность, «самъ» привѣтствовалъ—вступленіе деревяннаго коня въ стѣны Трои». — Послѣ «Призраковъ» представленны были «Эллида», «Нора» «Дикая Утка» и другія пьесы—съ разнымъ успѣхомъ. Наибольшій противникъ Ибсена—Сарсэ, и въ статьѣ «*Ibsen et la critique française*» собраны самые характерные изъ его отзывы объ Ибсенѣ. Каждую вещь Ибсена, появившуюся на французскихъ сценахъ, онъ объявлялъ еще болѣе слабой, чѣмъ предъидущая и съ гордостью заявлялъ, что онъ ничего не понимаетъ, что у этого сѣвернаго Шекспира нѣтъ ни мыслей, ни знанія

театра—что пьесы его темны, потому что онъ—*la bouteille à l'encre* и что тѣ немногія идеи, которыя въ нихъ есть, взяты изъ Дюма и Жоржъ Зандъ. Когда м-мъ Брандесъ, артистка *Théâtre Français*, провалила «Геду Габлеръ», откровенно сознавшись, что не поняла пьесы, Сарсэ обратился къ ней въ одномъ фельетонѣ съ растроганными словами о томъ, что она истинное дитя своего народа, и права, отвергая все туманное. Свое воззваніе Сарсэ закончилъ любопытнымъ моленіемъ объ избавленіи французской сцены отъ экзотической литературы, отъ Метерлинка—бельгійскаго Шекспира, отъ Генриха Ибсена—норвежскаго Шекспира, и даже, говорить онъ, «я прибавилъ бы, еслибы осмѣлился: отъ самого Шекспира».

Эти слова популярнаго критика показываютъ, среди какихъ неблагоприятныхъ условій зародился «ибсенизмъ» во Франціи. Тѣмъ важнѣе его побѣда, наступившая теперь, какъ это видно изъ статей юбилейнаго сборника, гдѣ общимъ хоромъ поется слава великому драматургу.

3. Венгерова.

Рудольфъ Ейкенъ, Взгляды на жизнь великихъ мыслителей. Историческое развитіе жизненной проблемы человечества отъ Платона до настоящаго времени (*Die Lebensanschauungen der grossen Denker. Eine Entwicklungs-Geschichte des Lebensproblems der Menschheit von Plato bis zur Gegenwart. Von Rudolf Eucken. zweite umgearbeitete Auflage. Leipzig, 1897.*)

Современное состояніе культуры характеризуется развитіемъ матеріальныхъ удобствъ жизни, массой техническихъ открытій и усовершенствованій, ускореніемъ сообщеній широкимъ примѣненіемъ машинъ; нравственная, духовная культура не идетъ впередъ такимъ же быстрымъ ходомъ, она отстаетъ отъ матеріальной и даже подавляется ею. Духовные интересы жизни страдаютъ, сравнительно мало привлекаютъ къ себѣ вниманія, жизнь поэтому мельчаетъ и грубѣетъ, ея истинный смыслъ и задачи теряются и забываются. Жизнь представляется множествомъ отдѣльных, безсвязныхъ стремленій, потребностей и дѣятельностей, направленныхъ къ ихъ удовлетворенію. Жизнь, какъ цѣлое, основная суть человѣческаго существованія забыты, не изслѣдуются, жизнь лишилась философскаго смысла, сдѣлалась бездушной. Противъ такого «бездушія человѣческаго существованія» (по выраженію Ейкена—*die Entseelung des menschlichen Daseins*) началось движеніе, и въ немъ видное участіе принимаетъ Ейкенъ.

Онъ уже давно присматривается къ современности, къ ея основнымъ чертамъ и характеру, онъ давно пытается уловить единство духовной жизни, ея содержаніе. Онъ написалъ на эту тему нѣсколько книгъ, изъ которыхъ одну онъ посвятилъ спеціальному изслѣдованію «Основныхъ понятій настоящаго времени» (второе изд. 1893 г.). Не ограничиваясь

этими трудами, онъ рѣшилъ подойти къ тому же вопросу съ другой стороны—исторической, показать, какъ думали о задачахъ и цѣляхъ жизни великіе мыслители различныхъ временъ и народовъ. Настоящее есть дитя прошлаго, мы живемъ идеями и стремленіями своихъ предковъ. Поэтому если мы хотимъ вполне выяснитъ себѣ состояніе своего сознанія, то мы должны подойти къ нему исторической дорогой, посмотрѣть, какъ она постепенно слагалась трудами нашихъ предшественниковъ, какъ элементы вошли въ него, какія стремленія въ немъ преобладаютъ. Такую именно задачу ставитъ себѣ Эйкенъ въ выше названной книгѣ.

Очевидно, его книга имѣетъ самую тѣсную связь съ исторіею философіи вообще и принадлежитъ болѣе всего къ области исторіи нравственной философіи. Самъ Эйкенъ смотрѣлъ на нее, какъ на дополненіе (но не замѣну) къ изложеніямъ исторіи философіи и вмѣстѣ какъ на родъ введенія въ главныя задачи философіи. Онъ вполне основательно груститъ о разрозненности, объ отсутствіи тѣсной связи между философіею и обыкновенною, обыденною жизнью. Образованные люди, образованное общество по большей части относятся съ полнымъ равнодушіемъ къ философіи, а философія, въ свою очередь, замѣнулась въ себѣ, сложилась въ науку, доступную лишь посвященнымъ. Между тѣмъ современная жизнь можетъ быть оздоровлена лишь связью ея съ философіею, а вопросъ о смыслѣ и задачахъ жизни, о жизни, какъ цѣломъ, о сущности человѣческаго счастья и есть такой пунктъ, на которомъ могутъ сойтись и философы, и люди жизни, который можетъ объединитъ и тѣхъ, и другихъ, который равно интересенъ и важенъ обимъ.

Приступая къ историческому изложенію и развитію проблемы жизни, Эйкенъ весьма много заботится о томъ, чтобы изображаемые имъ герои мысли не вышли безжизненными однообразными тѣнями, не имѣющими ни плоти, ни крови, ни опредѣленнаго образа и своеобразнаго характера; онъ хотѣлъ бы изобразитъ ихъ живыми людьми, cadaго съ своего особой духовной физиономіей. Въдъ проблемы жизни и ихъ рѣшеніе были ихъ жизненными задачами, составляли результатъ не только ихъ ума, рефлексіи, но и всей ихъ натуры, всего склада ихъ жизни, всей ихъ личности. При этомъ Эйкенъ много заботился о томъ, чтобы заставить говорить самихъ мыслителей. Конечно, онъ не отказывается отъ собственного обсужденія ихъ взглядовъ и освѣщенія ихъ воззрѣній; но онъ старается сократить свои рассужденія, а мысли великихъ представителей науки и жизни излагать такъ, чтобы они говорили сами за себя. Едва ли нужно упоминать о томъ, что Эйкенъ разсматриваетъ мыслителей въ связи съ временемъ, въ которое они жили, съ современными имъ научными и общественными стремленіями; но при этомъ указаніи исторической обстановки и вліяній нашъ авторъ далекъ отъ того, чтобы всю работу мыслителя, всѣ его идеи и воззрѣнія считать простымъ отраженіемъ общественнаго настроенія, выводитъ изъ условій среды. Эй

кенъ стоитъ за самостоятельное творчество мыслителей, хотя и при вліяніи среды.

Разсматриваемый трудъ дѣлится на три части. Первая часть посвящена древности и содержитъ, послѣ предварительныхъ замѣчаній о греческомъ искусствѣ и развитіи, изложеніе воззрѣній на жизнь Платона, Аристотеля, Эпикурейцевъ, Стоиковъ и Плотина (стр. 12—147). Вторая часть (стр. 148—291) цѣликомъ отведена изложенію христіанскихъ воззрѣній на жизнь. Здѣсь, послѣ общихъ вступительныхъ замѣчаній о христіанствѣ, излагаются воззрѣнія Основателя христіанства, дѣятелей первоначальнаго христіанства (напр. Климента, Оригена, Григорія Нисскаго), воззрѣнія Августина, средневѣковыхъ мыслителей и новыхъ религіозныхъ реформаторовъ—Лютера, Цвингли и Кальвина. Третья часть (стр. 292—482) имѣетъ предметомъ изложеніе взглядовъ на жизнь новыхъ мыслителей: гуманистовъ (напр. Николая Кузы) и философовъ: Бруно, Бакона, Декарта, Спинозы, Лейбница, Юма, Руссо, Канта, нѣмецкихъ идеалистовъ и Шопенгауэра, и позитивистовъ.

Матеріалъ, которымъ пользуется авторъ, громаденъ и разнороденъ. Работа исполнена съ большимъ знаніемъ дѣла и не меньшею къ нему любовью. Изложеніе всюду весьма серьезное и въ то же время одушевленное. Обычнаго недостатка нѣмецкихъ философскихъ книгъ, т. е. невозможнаго языка, съ массой всевозможныхъ терминовъ, сочиненіе Эйкена не имѣетъ, оно назначается для большой образованной публики.

Максъ Дессуаръ, Исторія новой нѣмецкой психологіи. (Max Dessoir, Geschichte der neueren deutschen Psychologie. Zweite Auflage, erster Habbland.) Berlin.

Предъ нами часть обширнаго труда по исторіи новой нѣмецкой психологіи. «Безчисленные нити, то видимыя, то скрытыя, связываютъ сознаніе данной эпохи съ духовнымъ достояніемъ прежнихъ временъ. Въ такой связи и имѣетъ свое основаніе историческая жизнь». Въ виду такого правильнаго взгляда на связь смѣняющихся другъ друга поколѣній, авторъ предпосылаетъ своей исторіи новой нѣмецкой психологіи общій очеркъ развитія психологіи вообще, начиная съ грековъ. Этотъ очеркъ очень краткій (32 стр.) и содержитъ массу именъ психологовъ древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ съ краткимъ указаніемъ на ихъ психологическіе взгляды. Кто знакомъ съ исторіей психологіи, тотъ, по поводу этихъ краткихъ указаній, можетъ припомнить кое-что; незнакому же съ исторіей психологіи очень краткія указанія и притомъ весьма многихъ психологическихъ взглядовъ дадутъ очень мало, почти ничего. Поэтому цѣлесообразность помѣщенія такого бѣлаго очерка весьма сомнительна.

«Съ гордостью мы говоримъ о нѣмецкой психологіи», заявляетъ

авторъ. При такой гордости авторъ набралъ довольно длинный списокъ новыхъ нѣмецкихъ психологовъ, съ воззрѣніями которыхъ онъ считаетъ нужнымъ ознакомить читателей. Можетъ быть, эта длинная вереница малоизвѣстныхъ и никому неизвѣстныхъ нѣмецкихъ психологовъ 18 и начала 19 вѣковъ и льститъ нѣмецкой гордости; но для читателя не нѣмца обременительно, да и не къ чему знакомиться съ ученіями такихъ психологовъ, которые въ наукѣ значенія не имѣли почти никакого. Для иностраннаго читателя было бы пріятнѣе ознакомиться съ развитіемъ собственно психологическихъ идей въ Германіи, чѣмъ съ ученіями отдѣльныхъ психологовъ. Ученія отдѣльныхъ психологовъ должны составлять лишь матеріалъ для картины постепеннаго роста и склада психологическихъ воззрѣній. Въ трудѣ автора мало посвящено вниманія такой исторіи—исторіи психологическихъ идей—и много исторіи отдѣльныхъ психологовъ. Правда, авторъ на своихъ психологовъ налѣпляетъ разные ярлычки: школьные психологи—раціональные и эмпирическіе, психологи—естествовѣды т. е. представители физиологической и ассоціонной психологіи, субъективные аналитики, объективные аналитики и т. п., но всетаки ярлычки, безъ соответственнаго анализа самого существа ученія, его связи съ условіями времени, мало говорятъ уму читателя. Иностранныя вліянія—англійское и французское—на нѣмецкую психологію очерчены недостаточно широко, хотя и не упущены. На долю каждаго отдѣльнаго психолога удѣляется мало мѣста, потому что психологовъ набрано очень много. Наиболѣе подробно изложены ученія Лейбница и Вольфа, т. е. такихъ психологовъ, ученія которыхъ довольно подробно излагаются въ курсахъ исторіи философіи.

Было бы преждевременно дѣлать какія либо общія заключенія о трудѣ Дессуара, такъ какъ онъ только что началъ и обѣщаетъ быть обширнымъ. Авторъ перебралъ психологовъ 18 столѣтія и начала 19 в. и впереди у него еще почти столѣтіе, когда нѣмецкая психологія развилась особенно пышно, когда возникли весьма извѣстныя и вліятельныя направленія въ разработкѣ науки о духѣ. Надо думать, что слѣдующія части работы будутъ интереснѣе настоящей.

П. Каптеревъ.

Изъ жизни и литературы.

Итоги «дней Бѣлинскаго».

Восемнадцать лѣтъ назадъ, когда открывался памятникъ Пушкину, въ отзывѣхъ печати, старавшейся разъяснить смыслъ этого національнаго торжества, не разъ звучала мысль, что подобное заявленіе національнаго чувства къ одному изъ главныхъ представителей національной мысли—нѣчто новое, почти небывалое на Руси. «Доселѣ у насъ еще не случалось»,—говорилось тогда—«чтобы интересу умственному приносима была обществомъ дань уваженія столь гласно и торжественно». Другой чертой, тоже поражающей, какъ новость, былъ неофициальный характеръ торжества. «У насъ не мало было—писалъ «Голосъ» —подобныхъ, по наружнымъ признакамъ, торжествъ, открытій памятниковъ, юбилеевъ, разныхъ чествованій... На всѣхъ нихъ лежалъ большій или меньшій *каземный* отпечатокъ, котораго не было ни малѣйшаго слѣда на пушкинскомъ праздникѣ. Этотъ праздникъ, можно сказать, безъ преувеличенія, свободно и самобытно изшелъ изъ самыхъ нѣдръ русскаго общества, изъ народнаго сердца... Онъ былъ устроенъ по почину частныхъ лицъ, на частныя деньги, безъ всякаго участія правительства, такъ же, какъ возникла и была осуществлена самая идея памятника».

Эти мысли невольно припоминаются, когда оглядываешься на майское чествованіе памяти Бѣлинскаго. Само собою разумется, рѣчь идетъ не о какомъ бы то ни было сравненіи этихъ двухъ торжествъ, а лишь о томъ, что тѣ же черты, которыя останавливали вниманіе наблюдателя въ Пушкинскомъ праздникѣ, составляютъ, быть можетъ, еще болѣе характерную особенность «дней Бѣлинскаго».

Дѣйствительно, здѣсь происходило дѣло, еще болѣе небывалое: гласно и торжественно приносилась обществомъ дань уваженія одному изъ главныхъ представителей не только національной мысли, но критической мысли; открыто признавались крупныя заслуги передъ русскимъ народомъ писателя — критика и публициста. Еще недавно такое признаніе было бы крайне затруднительно, еще на томъ самомъ Пушкинскомъ торжествѣ

изъ всѣхъ говорившихъ и писавшихъ помянули Бѣлинскаго публично добрымъ словомъ только Тургеневъ и Тихонравовъ въ своихъ рѣчахъ, да сочувственно процитировалъ его Церковно-Обществ. Вѣстникъ. Съ другой стороны, чествованіе памяти Бѣлинскаго, какъ ни было оно скромно по своимъ размѣрамъ сравнительно съ Пушкинскимъ, отличалось еще болѣе полнымъ отсутствіемъ *казеннаго* отпечатка и нисколько не въ меньшей степени «изошло свободно и самобытно изъ самыхъ нѣдръ русскаго общества». Насколько широкъ былъ этотъ свободный отзывъ русскаго общества, мы сейчасъ увидимъ.

Сперва два слова о вѣнскихъ условіяхъ чествованія. Оно было обставлено въ одномъ отношеніи очень неблагопріятно. Естественнымъ центромъ всѣхъ выраженій общественного сочувствія должна была служить Пенза, гдѣ предполагалось сперва открытіе памятника Бѣлинскому, а когда стало ясно, что памятникъ не будетъ готовъ, то—закладка его. Но къ 26 Мая не былъ еще утвержденъ и проектъ, такъ что не могла состояться даже закладка; вмѣстѣ съ тѣмъ было найдено, что «торжество, устраиваемое по почину и на средства мѣстнаго общества, не можетъ носить характера всероссійскаго, а потому предназначенное приглашеніе къ участію въ торжествахъ представителей отъ Императорскихъ Университетовъ, Академіи Наукъ, разныхъ литературныхъ и ученыхъ учреждений—неумѣстно» *). Такимъ образомъ праздникъ былъ лишенъ центра, и все, чѣмъ ознаменовался день 26 Мая въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а также всѣ отклики въ Пензу—все это было исключительно дѣломъ свободной инициативы общества. Тѣмъ цѣннѣе было это.

Не будемъ передавать въ подробностяхъ, какъ происходило чествованіе въ столицахъ. Московское Общ. Любит. Словесности, вромѣ торжественнаго засѣданія, устроило прекрасную выставку портретовъ и бюстовъ самого Бѣлинскаго и дѣятелей его эпохи; выставка эта, обязанная своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, богатымъ коллекціямъ П. А. Ефремова, заключала множество интересныхъ и рѣдкихъ портретовъ нашихъ писателей и вызвала такой наплывъ посѣтителей, что пришлось отсрочить ея закрытіе **). На эту выставку заботами Общ. Любит. Слов. была доставлена извѣстная картина Наумова, изображающая Бѣлинскаго передъ смертью; она продавалась, но, къ сожалѣнію, не нашла покупателя. Общество Люб. также организовало посылку всей выставки въ Пензу къ тамошнимъ тор.

*) См. «Саратовскій Дневникъ» № 114.

**) Надо порадоваться, что богатый подборъ портретовъ всѣхъ представителей эпохи 40-хъ годовъ, сдѣланный для этой выставки, не исчезъ вмѣстѣ съ ней для общества: въ маѣ уже вышелъ исполненный г. Фишеромъ альбомъ ея: гдѣ все цѣнное и важное дано болѣе чѣмъ въ сотни прекрасноту удавшихся фототипій. Альбомъ былъ распроданъ страшно быстро, недѣли въ двѣ; теперь, какъ мы слышали, появляется 2 изданіе.

жествамъ, и наконецъ 26 Мая послѣ панихиды привѣтствовало Пензу телеграммой.

Кромѣ того старѣйшее и долгое время единственное въ Россіи педагогическое общество—Учебный Отдѣлъ Общ. Распр. Технич. Знаній—устроило публичное засѣданіе въ Политехнич. Музеѣ съ нѣсколькими рефератами, привлекшее многочисленную публику. Комиссія учителей русскаго языка при Учебн. Отдѣлѣ изготовила и напечатала избранныя сочиненія Бѣлинскаго въ двухъ томахъ съ отдѣльной біографической статьей. Если прибавить, что въ Москвѣ появилось къ 26 Мая новое изданіе полного собранія сочиненій Бѣлинскаго и семь статей его, напечатанныхъ впервые по рукописямъ подъ ред. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина, то будетъ указано все, что сдѣлано было въ Москвѣ.

Петербургъ чествовалъ память Бѣлинскаго почти въ тѣхъ же самыхъ формахъ; инициатива торжественнаго засѣданія, какъ и панихиды на Волковомъ кладбищѣ съ рѣчами послѣ нея, принадлежала здѣсь Союзу писателей; слѣдуетъ отмѣтить, что городское самоуправленіе сочло нужнымъ принести поздравленіе Пензѣ телеграммой, подписанной головой Леляновымъ, чего не сдѣлала Московская дума. Власть Петербурга въ литературу о Бѣлинскомъ была болѣе обилёнъ, чѣмъ въ Москвѣ: вышло три изданія избранныхъ статей критика—въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина, дашнаго между прочимъ за 25 коп. всѣ статьи о Пушкинѣ, затѣмъ изд. О. Н. Поповой въ двухъ большихъ томахъ съ прекрасной статьей Н. Котляревскаго и наконецъ «Избранныя сочиненія Бѣлинскаго для семьи и школы» подъ ред. В. Острогорскаго. Последнее изданіе я отношу къ Петербургскимъ, хотя оно напечатано въ Москвѣ, такъ какъ оно отражаетъ на себѣ воззрѣнія и духъ своего Петербургскаго редактора, и Москва лишь внѣшнимъ образомъ участвовала здѣсь. Затѣмъ вышелъ большой, горячо написанный трудъ г. Е. Соловьева (Скрибы), гдѣ впервые сдѣлана попытка охарактеризовать личность и воззрѣнія Бѣлинскаго на основаніи новаго матеріала, главнымъ образомъ, писемъ появившихся послѣ извѣстной книги Пыпина. Кстати: были слухи, что А. Н. Пыпинъ занятъ переработкой своей книги, давно уже нуждающейся въ переизданіи; этому можно только порадоваться. Упомянемъ также, что книгоиздателемъ Пантелѣевымъ учреждена премія за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ. Наконецъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, кромѣ газетныхъ и журнальныхъ статей (отмѣтимъ большую, еще неоконченную работу С. Венгерова въ Русск. Богатствѣ) появился рядъ брошюръ съ біографіями, оцѣнкой или избранными мыслями Бѣлинскаго: В. Острогорскаго, И. Иванова, Алферова, Ермилова, Балалона, Л. С., Сальникова; заслуживаетъ вниманія попытка журн. «Дѣтское Чтеніе» дать для широкой публики общій популярный очеркъ жизни и дѣятельности критика (брошюра А. Алферова. Ц. 5 к.).

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ остальной Россіи и, прежде всего, въ Пензѣ.

Напомню вкратцѣ, что было задумано. Коммиссія по устройству чествованія, кромя постановки памятника, рѣшила: 1) организовать фондъ имени Бѣлинскаго для открытiя какого либо просвѣдительнаго учрежденiя и положить начало фонду изданiемъ Литературнаго Сборника; 2) присвоить бесплатной народной читальнѣ имя Бѣлинскаго и 3) устроить двухдневное чествованiе съ двумя засѣданiями, выставкой, освященiемъ читальни, обѣдомъ, школьнымъ праздникомъ и параднымъ спектаклемъ. Какъ извѣстно, за исключенiемъ памятника, отложеннаго на будущее, все удалось прекрасно.

Фондъ организованъ, и въ него уже поступаютъ пожертвованiя, Литературный сборникъ, имѣющiй выйти осенью, обѣщаетъ быть очень интереснымъ (см. объявленiе о немъ въ этой книжкѣ «Образованiя»). Выставка привлекла очень много публики, которая охотно раскушала продававшiяся тамъ книги о Бѣлинскомъ; весь наличный запасъ альбомовъ выставки (около 200 экз.) былъ проданъ въ первый же день. Литературные вечеръ и утро, обѣдъ, спектакль—все это было многолюдно, оживленно и искренно*). Церемониальная сторона торжествъ была вполне представительна: присутствовали губернаторъ губернскаго предводитель дворянства и др. высшiя особы города; напр. губернатора мы видѣли въ церкви на панихидѣ, на выставкѣ, въ народной читальнѣ, на литературномъ вечерѣ и на спектаклѣ 27 Мая. Но еще болѣе важнымъ и цѣннымъ было представительство отъ самыхъ различныхъ слоевъ всего русскаго общества, неожиданно сказавшееся такъ широко: мы говоримъ о полученныхъ телеграммахъ, адресахъ и привѣтствiяхъ, число которыхъ доходило до 150. Поздравляли Пензу: Второе отдѣленiе Академiи Наукъ, два университета (Варшавскiй (большимъ адресомъ) и Харьковскiй), нѣсколько ученыхъ и литературныхъ учрежденiй (Филологич. Общество при Харьков. Универс., Филологич. Общество при Нѣжинск. филолог. Институтѣ, Рязанская учен. архивъ, Коммиссія, Императорское Техническое Общество, Пироговское Общ. врачей, Отдѣлъ Педагогич. Музея при военно-учебн. завед. въ Петербургѣ Общ. Любит. Словесности при Моск. Университетѣ, Союзъ писателей, Литературн. фондъ, Литературное артистич. Кружокъ въ Петербургѣ); народно-просвѣдительныя Общества (Высочайше утвержден. Постоянная Коммис. народн. чтенiй, Невское общество народн. развлеченiй, Общество въ помощь чтенiю больнымъ и бѣднымъ, Харьковское Общ. распротр. грамотности, Екатеринбургское Общ. изящн. искусствъ, Елизаветградское Общ. распротр. грамоты и ремеслъ, публичныя и народныя библiотеки въ Воронежѣ, Борсисоглѣбскѣ, Полтавѣ, Кишиневѣ, Екатеринбургѣ, Угличѣ, Якутскѣ, Севастополѣ, Вологдѣ, Калугѣ и Херсонѣ); наконецъ цѣлый рядъ журналовъ и газетъ, нѣсколько городовъ (Петербургъ, Казань, Самара,

*) Наиболѣе полныя описанiя Пензенскихъ торжествъ даны В. Острогорскимъ въ № 7 „Мира Божiя“, П. Н. И. въ Русской Мысли, а изъ газетъ—«Саратовскимъ Дневникомъ» въ №111—116 (статьи Б. М.—ча.).

корпораций (Петербургскіе присяжные повѣренные, земскіе врачи Москов. губ. Тамбовск.-Общ. приказчиковъ), импровизированныхъ группъ (напр. телеграмма изъ Самары, изъ Ялты съ 60 подписями) и отдѣльныхъ писателей, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей. Безъ сомнѣнія, этихъ привѣтствій было-бы въ нѣсколько разъ больше, будь извѣстны заблаговременно подробности готовящагося чествованія, но Пензенскіе устроители, терпя одну неудачу за другою съ наматникомъ и съ официальными ходатайствами и получивъ окончательное утвержденіе программы лишь за девять дней до праздника, не имѣли возможности сообщить публикѣ что либо определенное, и сомнѣнія, что будетъ въ Пензѣ 26 мая и даже будетъ ли что нибудь, навѣрно помѣшали многимъ учрежденіямъ выразить свое сочувствіе. Присоединились также неудобства сезона, когда большинство обществъ прекращало или уже прекратило свои занятія и члены разъѣзжались на лѣто.

Тѣмъ болѣе отраднo, что, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, Пензенскій праздникъ вызвалъ такіе многочисленныя отклики со стороны русскаго общества. Въ печати слышались сожалѣнія, что въ Пензу мало съѣхалось представителей литературы и науки; во первыхъ, это нисколько не удивительно въ виду *мѣстного* характера, который рѣшено было удержать за праздникомъ, а во вторыхъ, это нисколько не помѣшало успѣху, но даже явственно подчеркнуло основную черту всего праздника Бѣлинскаго. Столичнымъ представителямъ литературы и общественной жизни дѣйствительно слѣдовало въ большемъ числѣ пріѣхать въ Пензу, но не для того, чтобы устраивать праздникъ, а чтобы посмотреть на устроенный безъ нихъ праздникъ и вынести рядъ поучительныхъ и освѣжающихъ впечатлѣній, они увидали бы такую дружную и серьезную интеллигентную работу, такую энергію и послѣдовательность, такую сознательность цѣлей и такое—не буди никому въ обиду—отсутствіе «личностей» и самолюбій, какихъ давай Богъ вездѣ побольше. Праздникъ вышелъ «провинциальнымъ» по преимуществу, и въ этомъ его большое значеніе, такъ какъ онъ показалъ намъ провинцію.

Еще болѣе раскрывается эта сторона дѣла, если взглянуть, какъ праздновали 26 мая въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Слишкомъ въ двадцати городахъ былъ тѣмъ либо особо ознаменованъ этотъ день; изъ нихъ въ семи были устроены болѣе или менѣе торжественныя чествованія. Въ Кіевѣ по почину Совѣта Университета въ актовомъ залѣ происходило торжественное собраніе, открывшееся рѣчью профессора государственнаго права Романовича-Славянскаго; сверхъ того литературно-артистическимъ клубомъ было устроено засѣданіе съ рефератами. Изъ Рязани писали въ «Биржевыя Вѣдомости»: Прекрасное зрѣлище представляло торжественное засѣданіе Ученой Архивной Коммиссіи. Собралось до 400 человекъ публики; на эстрадѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Брянчанинова (губернатора), открылось засѣданіе его рѣчью, объявлявшей, что вліяніе Бѣлинскаго настолько широко распространялось въ свое время, что каждая мѣстность

можно считать его своимъ; списки его статей расходились по рукамъ, и въ Рязанской губ., сохранились эти списки и въ библиотекѣ Комиссіи, которая потому, имѣя задачей охранять слѣды и реликвіи мѣстной исторической жизни, сочла долгомъ осмыслить влияние Бѣлинскаго въ день, когда его сочиненія перестаютъ быть частной собственностью наследниковъ его. На эстрадѣ въ группѣ лавровъ и пальмъ висѣла портретъ Бѣлинскаго и подъ нимъ его книги; все это было украшено лавровымъ вѣнкомъ съ надписью на лентахъ: «Бѣлинскому почитатели его таланта». Разказавъ о томъ, какія читались рѣчи (кромѣ мѣстныхъ лекторовъ прислали свои рѣчи проф. Веселовскій и г. Джаншиевъ), корреспондентъ заключаетъ: «Вообще этотъ вечеръ, и многолюдство аудиторіи, и участіе въ средѣ членовъ Комиссіи официальныхъ лицъ,—все это представляло нѣчто выходящее изъ ряда». Одесса чествовала память Бѣлинскаго панихидами въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и литературнымъ вечеромъ въ артистическомъ клубѣ. Въ Томскѣ инициатива исходила отъ «Школьнаго Общества»; «залъ народной библиотeki былъ переполненъ», передаютъ телеграммы. Въ Елизаветградѣ Общ. распростран. грамотности и ремеслъ рѣшило устроить торжественное собраніе и спектакль послѣ лѣтнихъ каникулъ. Но особенно празднично прошелъ день 26 мая въ Саратовѣ и Екатеринбургѣ. Въ Саратовѣ празднество заняло даже два дня; Общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ, кромѣ церковной службы, устроило 26 Мая публичное чествованіе въ городскомъ театрѣ, а 27-го—въ народномъ театрѣ. Заимствуемъ нѣкоторыя подробности изъ Саратовскихъ газетъ. Театръ, вмѣщающій до 900 человекъ, былъ наполненъ сверху до низу; кромѣ рѣчи мѣстнаго лектора г. Немировскаго, были прочитаны рѣчи московскихъ профессоровъ Стороженко и Веселовскаго. затѣмъ читались стихотворенія Некрасова и Плещеева, посвященные Бѣлинскому, была даже музыкальная часть. Наконецъ отъ разныхъ Саратовскихъ учреждений и частныхъ лицъ было возложено на бюста писателя 24 вѣнка. На другой день въ народномъ театрѣ собравшейся въ большомъ количествѣ (не хватило мѣстъ) «сѣрой публикѣ,—какъ сказано въ корреспонденціи «Новостей»—была предложена та же программа съ замѣной рѣчей популярной біографіей Бѣлинскаго. Желающихъ быть на праздникѣ набралось такъ много, что пришлось распредѣлять билеты по предварительнымъ заявленіямъ. Саратовцы предполагаютъ открыть народную читальню имени Бѣлинскаго.

Въ Екатеринбургѣ организаторомъ явилось Общество изящныхъ искусствъ. Оттуда пишутъ, что огромный залъ общественаго собранія не могъ вмѣстить всей публики; было произнесено нѣсколько рѣчей председателемъ общества и членами, прочтены рѣчи профессоровъ Стороженка и Веселовскаго, читались стихотворенія; празднество заключилось увѣнчаніемъ бюста Бѣлинскаго при звукахъ кантаты, написанной къ этому дню мѣстнымъ композиторомъ Ожеговымъ. Въ Тифлисѣ въ залѣ думскихъ засѣданій въ присутствіи городской управы, гласныхъ, городскихъ учителей и учитель-

ницъ и публики была отслужена панихида; городъ постановилъ открыть въ слѣдующемъ году городское училище имени Бѣлинскаго и одну изъ лучшихъ улицъ города назвать улицей Бѣлинскаго.

Наконецъ, въ Казани, Самарѣ, Ялтѣ, Курскѣ, Бишиневѣ и Батумѣ были отслужены панихиды по инициативѣ или городского управленія, или представителей печати, или кружка интеллигенціи.

Приглядываясь къ учрежденіямъ, организовавшимъ чествованія, нетрудно замѣтить, что почти вездѣ это были—частныя общества съ просвѣтительными цѣлями или свободныя корпораціи—врачи, литераторы и т. д.; *жизненный*, такъ сказать, элементъ отсутствовалъ. Но интересно, что представители правительственныхъ учреждений нерѣдко присутствовали въ числѣ публики и на панихидахъ, и на литературныхъ засѣданіяхъ; газеты обыкновенно сообщаютъ: «въ присутствіи властей» или что нибудь въ такомъ родѣ. Мы уже отмѣтили большое вниманіе къ торжествамъ со стороны Пензенскаго губернатора, гр. Адлерберга, который присутствовалъ на всѣхъ отдѣлахъ праздника и не разъ выражалъ удовольствіе по поводу того, что онъ слышитъ и видитъ; въ Рязани губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя архивной комиссіи, самъ открылъ торжество рѣчью. Это все—факты, не лишеныя значенія. Оффиціальныя просвѣтительныя учрежденія наши—учебныя заведенія—которымъ прежде всего надлежало понять праздникъ Бѣлинскаго, какъ свой близкій праздникъ, и дать своимъ питомцамъ истинную оцѣнку крупнаго русскаго писателя и общественнаго дѣятеля, почти не участвовали въ общемъ торжествѣ, еще разъ засвидѣтельствовавъ тѣмъ печальную отчужденность нашей школы отъ общества. Я долженъ сдѣлать нѣкоторую оговорку: экзаменаціонная страда могла помѣшать среднимъ учебнымъ заведеніямъ теперь же присоединиться къ чествованію; если не ошибаемся, въ двухъ учебныхъ округахъ было получено разрѣшеніе почтить память Бѣлинскаго (почему только въ двухъ?), но этимъ почти нигдѣ не успѣли воспользоваться, и приобщенія учащихся къ общерусскому событію надо ждать осенью, о чемъ уже извѣщали газеты. Но никакими соображеніями нельзя извинить того, что изъ нашихъ университетовъ отозвались лишь три провинціальныхъ; особенно странно было полное молчаніе со стороны Московскаго университета, который мы привыкли на протяженіи его почти полуторастолѣтняго существованія видѣть во главѣ или во всякомъ случаѣ на уровнѣ умственной жизни и духовныхъ интересовъ русскаго общества. Московскій университетъ въ свое время не призналъ Бѣлинскаго и счелъ «позоромъ» для себя его горячій протестъ противъ гнусности вѣрнопоставаго права, но теперь не признаютъ Бѣлинскаго однѣ Московскія Вѣдомости; хотя весной въ Москвѣ съ университетской кафедрой было провозглашено, что въ стѣнахъ Московскаго университета чествуется изгнанный изъ него недоучка-студентъ, но это было дѣйствительно только «въ стѣнахъ»; какъ ни тѣсно связано съ университетомъ Общество любителей словесности, но *московскій университетъ промолчалъ 26 мая*, и это особенно обидно.

Возвращаемся къ оцѣнкѣ значенія «дней Бѣлинскаго».

Итакъ, это былъ праздникъ менѣе всего официальный; онъ явился дѣломъ свободной инициативы русскаго интеллигентнаго общества въ самыхъ различныхъ его слояхъ. Столицы сдѣлали здѣсь свое дѣло, но новой и характерной чертой было то, что этотъ праздникъ широко захватилъ провинцію; средній интеллигентный русскій человѣкъ, скромный мѣстный дѣятель въ Екатеринбургѣ, Вологдѣ, даже Якутскѣ счелъ его праздникомъ «на своей улицѣ» и чествовалъ какъ могъ, достойно. Это—важный фактъ.

Интересно одно сопоставленіе. Если вы возьмете описаніе всѣхъ торжествъ при открытіи памятника Пушкину («Вънокъ на памятникъ Пушкина» состав. Ѳ. Б.) и посмотрите, какъ откликнулась на этотъ праздникъ наша провинція, вы убѣдитесь, что теперь, при чествованіи памяти Бѣлинскаго ея участіе выразилось значительно полнѣе и ярче. Не только число городовъ, гдѣ праздновали, было тогда меньше, чѣмъ теперь, но самыя чествованія нынѣшней весной носили болѣе разнообразный и *болѣе общественный характеръ* *) Даже—какъ ни странно это—адресовъ и телеграфныхъ привѣтствій изъ разныхъ мѣстъ Россіи было получено въ Пензѣ больше, чѣмъ въ 1880 г. въ Москвѣ. Все это показываетъ, разумеется, не то, чтобы имя Бѣлинскаго было болѣе популярно, чѣмъ имя Пушкина, а то, что за послѣднія 18 лѣтъ общественные элементы нашей провинціи стали иными.

Чествованіе Бѣлинскаго показало, что къ очень многимъ провинціальнымъ угламъ уже не подходитъ характеристика, которую когда то дѣлалъ Г. Успенскій, говорившій, что безмятежная тишина провинціального города нарушается лишь какими то несуразными событіями: «то Рубинштейнъ ирѣдетъ, те волкъ забѣжитъ и перекусаетъ народъ на улицахъ»; современная провинція лучше характеризуется словами Короленко, сказанными на прощаніи съ Нижнимъ. «Въ ней есть жизнь, живыя весеннія струйки текутъ подъ глыбами мертваго снѣга и пробиваютъ себѣ пути; онѣ точатъ эти массы и растопятъ ихъ, лишь бы горѣло солнце по весеннему».

Для заключенія, небольшой дивертисментъ.

Печать наша удѣляла много вниманія празднику Бѣлинскаго и сильно содѣйствовала оживленію и разъясненію образа великаго писателя въ широкихъ кругахъ общества (интересно и здѣсь отмѣтить живую работу провинціи; лучшее по обстоятельности описаніе пензенскихъ дней появилось въ «Саратовскомъ Дневникѣ»). Всѣ отзывы были дружной хвалой и признаніемъ кружнаго значенія критика въ развитіи русскаго общества; даже В. Розановъ, столь побѣдоносно разносившій и разносящій в Мос-

*) Любопытно, отчасти въ смыслѣ курьеза, сравнить участіе г. Тифлиса. Въ 1880 г. Тифлисская дума *по неимѣнію средствъ* почтила память Пушкина лишь названіемъ одной изъ улицъ его именемъ; теперь она почтила Бѣлинскаго уже не только уличной дощечкой, очевидно, вошедшей въ традицію, но приговоромъ объ открытіи въ будущемъ году училища имени Бѣлинскаго. Въ часъ добрый!

ковскій университетъ, и Гоголя, и Бюля, даже онъ усердно сплелъ вѣнокъ на могилу Бѣлинскаго изъ самыхъ изысканныхъ цвѣтовъ своего красно-рѣчія; не его вина, если цвѣты оказались грубо накрахмаленными и размалеванными тряпками; Бѣлинскій пришелъ бы въ ужасъ отъ фразъ вроде: «Шелуха практическаго бытія своего народа, отбрось его текущихъ дней,—онъ (Бѣлинскій) возвеличилъ, поднялъ, призывалъ всѣхъ вкушать отъ всего, что есть съѣдобнаго въ зернѣ, его такъ мало замѣтившемъ и пріютившемъ». Во всей статьѣ кипитъ какіе то «огоньки, брошенные во всѣ углы человѣческаго обихода», «свѣтлыя и именно практическія усилія ко всему свѣтлому», «впаденіе рабскихъ словъ нашего общества въ вино», «свѣтъ, зажженный въ глыбѣ земли» и т. д. Но Богъ съ нимъ: *ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.* (пусть слабы силы, но достойно похвалы желаніе). Однимъ словомъ, не отсталъ даже «Гражданинъ»; одинъ «Русскій Трудъ» попытался опередить вѣкъ, но позорно палъ, запутавшись въ непривычной школьной премудрости. Онъ, видите ли, желалъ сказать, что Бѣлинскій для нашегo времени—«совершенно пустой, хотя несомнѣнно историческій и милый звукъ». Онъ принадлежалъ видѣе ли, только своей эпохѣ, и потомству ничего отъ него не осталось, и о немъ «довольно узнать изъ исторіи литературы, что это былъ властитель думъ своего времени, совершенно такъ же, какъ *Державинъ*—*твоему* «*Душеньки*», которую теперь никто не читаетъ». Бѣлинскій могъ бы сообщить, если не «нашимъ поколѣніямъ», то «Русскому Труду», что *Державинъ* не былъ пѣвцомъ *Душеньки*. Но оставимъ и эту почтенную газету съ ея совершенно пустыми и несомнѣнно не историческими и нецѣпными звуками; мы еще не сказали главнаго.

Въ древности триумфъ не считался полнымъ, если «за побѣдной колесницей» не бѣжалъ «клеветникъ»; естественно, праздникъ Бѣлинскаго не могъ обойтись безъ хулителя. Нечего говорить, кто взялъ на себя эту благодарную роль, надо полагать, по любви къ классической древности. Роль была мастерски выдержана, очевидно, благодаря глубокимъ познаніямъ въ древностяхъ. Древній хулитель обязанъ былъ изобрѣтать противоположности тѣмъ свойствамъ и поступкамъ триумфатора, за которыя того чествовали; такъ было и здѣсь. Вотъ нѣсколько параллельныхъ выдержекъ.

Императорская Академія Наукъ. Хулитель (Москов. Вѣд. № 198.)

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію великаго критика. Своей литературной дѣятельностью нашъ знаменитый критикъ навсегда связалъ свое имя съ исторіей отечественной словесности,

«Поклонники Бѣлинскаго.. продолжаютъ раздувать его политическое и литературное значеніе». «Онъ нашъ—восклицаютъ одинъ за другимъ преклоняющіеся передъ его «учительнымъ словомъ» либеральныя проповѣдники,—наша слава!».. Ну, и пусть вашъ, но знайте же по крайней мѣрѣ,

развитіемъ которой онъ такъ дорожилъ».

Харьковскій Университетъ.

«Императорскій Харьковскій Университетъ, вспоминая великія заслуги В. Г. Бѣлинскаго въ исторіи развитія русскаго самосознанія, горячо присоединяется къ чтенію его памяти».

Варшавскій Университетъ.

«Онъ не только впервые у насъ оцѣнилъ съ глубиной и мѣткостью цѣлый рядъ произведеній русской словесности, но положилъ пробныя начала самой обработкѣ исторіи русской литературы, какъ особой науки, и намѣтилъ путь позднѣйшаго развитія литературной критики».

Тамъ же.

«Восторгаясь твореніями великихъ русскихъ поэтовъ, Бѣлинскій чутко угадалъ, что истинно гениальное въ области искусства достигается расцвѣтомъ національных особенностей духа... Онъ вѣрилъ въ наше всемірно-историческое назначеніе и часто высказывалъ это въ своихъ сочиненіяхъ. Для него основой такой вѣры было сохраненіе несокрушимой мощи и творческихъ силъ русскаго духа, проявленія которыхъ онъ указывалъ

что эта принадлежность къ вашему лагерю и погубила его литературную славу, низведя его съ высоты, на которой онъ могъ стоять по своему литературному таланту, на степень скромнаго литературнаго импрессиониста».

Хулитель (Моск. Вѣд. № 151).

«Въ нашей литературѣ давно уже упрекаютъ Бѣлинскаго въ томъ, что онъ внесъ смуту въ русское самосознаніе».

Хулитель (Моск. Вѣд. № 198 и 151).

«Пушкина онъ объявилъ исписавшимся, какъ только тотъ, отрѣшившись окончательно отъ всякаго внѣшняго вліянія, вступилъ на почву чисто національнаго художественнаго творчества; въ Лермонтовѣ видѣлъ какого-то спеціальнаго пѣвца «протеста»; Гоголя особенно цѣнилъ за то, что тотъ кого то «обличилъ»; этимъ же протестомъ выдвинулся въ его глазахъ и Достоевскій. Характеризуетъ ли все это дѣйствительное художественное пониманіе?»

«Въ нашей литературѣ давно упрекаютъ Бѣлинскаго въ томъ, что онъ далъ ложное направленіе русской критикѣ и привелъ ее къ упадку, что Гоголя онъ не понималъ»...

Хулитель (Моск. Вѣд. № 198).

«Чѣмъ замѣнить національное чутье при отсутствіи національной опредѣленности, при совершенномъ непониманіи того, что обуславливаетъ жизнь этого національнаго міра? Отсутствіе этого сознанія и составляетъ весь недостатокъ внутренней личности Бѣлинскаго. Онъ былъ не только совершенно чуждъ національнаго духа, что доказалъ всей своей критической дѣятельностью, но... онъ въ основу своей дѣятельности поставилъ борьбу».

то въ нашей народной словесности, то въ историческихъ подвигахъ всего русскаго народа, то въ богатырской дѣятельности отдѣльныхъ русскихъ людей, особенно Петра Великаго, этого яркаго выразителя русскаго національнаго генія».

бу съ національными принципами. Этимъ Бѣлинскій и заслужилъ себѣ ту трizinу, которой ознаменовали его послѣдователи 50-лѣтіе со дня его смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушилъ собственное дѣло, которое съ такой энергіей выдвинулъ въ началѣ своего литературнаго поприща».

Какъ видите, роль «клеветника» была разыграна на славу. Зналъ ли хулиатель, усердно подбирая свои «контрасты», что онъ готовитъ прекрасный черный фонъ свѣтлой личности Бѣлинскаго и такимъ образомъ волей неволей содѣйствуетъ успѣху праздника?

А. Е.

Письма изъ провинціи.

Просвѣтительное движеніе.

(Изъ Рязани).

Отличительной чертой переживаемаго нами времени служить оживленіе въ области народнаго образованія. Въ какой бы глухой уголокъ нашего обширнаго отечества вы ни заглянули, вы вездѣ замѣтите, что вопросы народнаго образованія интересуютъ всѣ слои общества. Они трактуются и на земскихъ и городскихъ собраніяхъ, о нихъ говорятъ и частныя лица, которыя группируясь въ кружки, устраиваютъ и общественныя библіотеки-читальни, и воскресныя школы, и чтенія и т. п. И во всемъ этомъ движеніи частная инициатива играетъ видную, если не сказать, первую роль.

Благодаря ей, вопросъ о народномъ образованіи сталъ на первую очередь, вышелъ изъ узкихъ отводившихся ему рамокъ и сдѣлался общественнымъ достояніемъ; благодаря ей, вопросъ о всеобщемъ обученіи перешелъ отъ платонической мечты въ дѣйствительность, благодаря ей, все большее и большее число лицъ втягивается въ это движеніе и пополняетъ собою кадры добровольныхъ учителей, лекторовъ, библіотекарей и т. п.

Не миновало это движеніе и нашего города, который до этого времени, не смотря на близость такого умственнаго центра, какъ Москва, спалъ непробуднымъ сномъ, какъ и большинство русскихъ провинціальныхъ городовъ. Рязань—городъ отживающій и держится теперь только какъ административный центръ и мѣстожительство губернскаго чиновничества. Населявшіе его въ прежнія времена дворяне-помѣщики теперь совсѣмъ оскудѣли, большинство ихъ покинуло родныя пепелища и отправилось въ отхожіе промыслы, меньшинство вступило въ ряды мѣстнаго чиновничества и тихо тянетъ свою лямку. На смѣну ему никого не явилось: торговля постепенно стала падать, а промышленныхъ заведеній не являлось. Въ настоящее время Рязань имѣетъ 35 тысячъ жителей, да въ пригородѣ, гдѣ расположились депо скрещивающихся здѣсь

Московско-Базанской и Рязанско-Уральской жел. дорогъ. и нѣсколько машиностроительныхъ заводовъ,—тысячъ десять.

Для развлечения мѣстной интеллигенціи существовалъ клубъ, гдѣ усиленнымъ образомъ шла игра въ карты, выпивка и иногда и скандальчики, для простого же народа—положительно ничего. На такой печальной почвѣ и въ нерасполагающей къ просвѣтительной дѣятельности обстановкѣ трудно было проявиться частной инициативѣ, но тѣмъ не менѣе духъ времени давалъ себя знать, и года четыре тому назадъ показалась первая ласточка. Одна барышня выхлопотала разрѣшеніе и открыла воскресную школу, другая—учительница Ш.—народную бібліотеку. Какъ та, такъ и другая быстро завоевали симпатіи простого народа, и въ кліентахъ недостатка не было, нашлись и помощницы у нихъ, и дѣло закипѣло, хотя и продолжалось не долго. Барышнѣ, завѣдывавшей воскресной школой, по семейнымъ обстоятельствамъ, пришлось отказаться отъ завѣдыванія, а съ ея уходомъ дѣла пошли значительно хуже и, хотя школа не погибла, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время еле влечитъ свое существованіе, ощущая сильный недостатокъ какъ въ учительскомъ персоналѣ, такъ и ученикахъ. Судьба второго начинанія оказалась счастливѣе, хотя и плохо отозвалась на его инициаторшѣ. Возникновеніе народной бібліотеки, видимо, не нравилось тѣмъ, кому слѣдуетъ заботиться о просвѣщеніи, и учительницѣ Ш., чуть не на свои крохи создавшей бібліотеку и относившейся къ ней, какъ къ родному дѣтищу, предложили перевестись въ другой городъ, вслѣдствіе чего она оставила службу, а затѣмъ и Рязань. Такъ и погибло бы это симпатичное учрежденіе, если бы на него не обратилъ вниманія одинъ добрый человекъ—членъ уѣздной земской управы А. В. Елагинъ. Онъ взялъ еще неустановившееся дѣло подъ свое покровительство, перевелъ его въ помѣщеніе земской управы и сумѣлъ привлечь къ нему пожертвованія. Но въ то время, когда бібліотека становилась на устойчивую почву и матеріально богатѣла,—составъ ея читателей и количественно и качественно сильно понизился. Первое время главный контингентъ читателей состоялъ изъ настоящаго народа: заводскихъ рабочихъ и городскихъ ремесленниковъ, взрослый читатель также преобладалъ надъ подросткомъ, теперь же большинство читателей учащаяся молодежь, средній классъ, рабочая же чуйка почти отсутствуетъ. Такая перемѣна въ составѣ читателей, но нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что бібліотека, благодаря сокращенію числа книгъ министерскимъ каталогомъ, перестаетъ удовлетворять взрослому читателя, который быстро проглатываетъ весь небольшой запасъ хорошихъ книгъ. Для поднятія ея, намъ кажется, и при валичности существующаго ограниченія, есть только одно средство—реорганизация ея въ общественную. Общественная бібліотека не ограничивается министерскимъ каталогомъ и имѣетъ право имѣть всѣ журналы, газеты, всѣ книги, не запрещенныя общей цензурой, а потому можетъ предлагать читателямъ, съ самыми

разнообразными запросами, {самый разнообразный матеріалъ. Принципъ бесплатности въ данномъ случаѣ не будетъ нарушенъ, такъ какъ и теперешняя наша бібліотека взимаетъ плату за чтеніе, въ матеріальномъ же отношеніи общественная бібліотека много бы выиграла, такъ какъ во первыхъ привлекла бы массу читателей не только по низшему дешевому разряду, но и болѣе дорогому, во вторыхъ, вызвала бы симпатіи и пожертвованія со стороны общества, которое къ народной бібліотекѣ, въ виду ея неопредѣленнаго положенія въ рукахъ частнаго лица, относился довольно равнодушно.

Спрашивается, что же мѣшаетъ этой реорганизациі: средства у бібліотеки для расширенія дѣла есть (у ней болѣе 1000 руб.) лица, желающія работать—также, о потребности населенія въ общественной бібліотекѣ—и говорить нечего. Вотъ тутъ и выплываетъ факторъ, отъ котораго провинція еще долго не отдѣлается. Библіотека многимъ обязана г. Елагину, а потому участники въ ней и жертвователи съ вполне понятнымъ уваженіемъ относятся къ нему, между тѣмъ г. Елагинъ имѣетъ слѣдующій взглядъ на дѣло: бібліотека—«народная», и я хочу служить народу (что главный составъ читателей не изъ народа, на это не обращается вниманія), общественная же бібліотека привлечетъ зажиточный классъ жителей, для котораго служить я не хочу, такъ какъ «расфуфыренной» барынѣ или кавалеру мнѣ задорно служить. Намъ кажется лишнимъ останавливаться на подобномъ опроверженіи взгляда: узость и необоснованность его сама по себѣ ясна: хорошая книга одинаково нужна какъ простолудину, такъ и полунинтеллигенту и интеллигенту, и служить удовлетворенію этой потребности одинаково почетно и полезно. И вотъ благодаря тому, что бібліотека попала въ руки къ человѣку съ подобнымъ узкимъ взглядомъ, на дѣлѣ ей приходится прозябать. Учредить же самостоятельно общественную бібліотеку невозможно, какъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ, такъ равно и средствъ.

Болѣе живой характеръ имѣютъ литературные вечера, которые устраиваются каждое воскресенье. Исторія ихъ возникновенія заключается въ слѣдующемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ небольшая группа лицъ, заручившись разрѣшеніемъ попечителя учебнаго округа устраивать народныя чтенія,—начала свои дѣйствія. Чтенія очень нравились народу и охотно посѣщались имъ. Велись бы они, навѣрно, и до сихъ поръ, если бы возникновеніе ихъ не разогло духа соревнованія въ мѣстномъ духовномъ братствѣ, которое также начало устраивать свои чтенія. Конечно, отъ этого кромѣ хорошаго ничего бы не вышло, если бы вдругъ не рѣшили, что для Рязани вполне достаточно однихъ чтеній, и свѣтскихъ не закрыли. Какъ только прекратились свѣтскія чтенія, такъ сейчасъ же перестали устраивать духовныя, и городъ оставался безъ чтеній нѣсколько лѣтъ вплоть до осени прошлаго года.

Въ ноябрѣ 1897 года нѣсколько человѣкъ обратились къ попечителю учебнаго округа съ просьбой разрѣшить имъ устраивать по празд-

ничнымъ днямъ литературные вечера въ пользу народной библіотеки. Одновременно съ этимъ прошеніемъ была отправлена и программа этихъ вечеровъ, составленная по образцу программы, разрѣшенной для литературныхъ вечеровъ въ г. Боровскѣ, Калужской губерніи. Въ программу эту, кромѣ произведеній почти всѣхъ русскихъ классическихъ авторовъ, вошли многія произведенія Гаршина, Короленки, Щедрина и т. п. писателей, совершенно недоступныхъ для народныхъ чтеній. На первое чтеніе собралось такъ много народа, что небольшая зала городской управы не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть на чтеніе. Читали съ туманными картинами. Чтеніе такъ понравилось, что на слѣдующемъ была такая же масса народа, но за то на послѣдующихъ все менѣе и менѣе, и неизвѣстно, до чего бы дѣло дошло, если бы устроители чтеній не догадались оживить ихъ музыкой и пѣніемъ. Были приглашены военный хоръ и музыка, квартирующіе въ городѣ полки бесплатно предоставили то и другое, и эта новинка до того понравилась, что отъ желающихъ попасть на чтеніе отбою нѣтъ. Большой недостатокъ этихъ чтеній заключается въ томъ, что благодаря затрудненіямъ при достачѣ картинъ, выборъ произведеній для чтенія носитъ случайный характеръ и къ тому же очень однообразный, впрочемъ послѣдній недостатокъ теперь устраненъ, благодаря тому, что попечителемъ учебнаго округа разрѣшена дополнительная программа для научныхъ чтеній.

Съ этой же осени тѣми же лицами начались устраиваться чтенія въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ для арестантовъ. Чтенія эти вызываютъ еще большій интересъ въ слушателяхъ, чѣмъ въ городѣ. Къ сожалѣнію, только нѣкоторыя осложненія мѣшаютъ правильному развитію ихъ. Съ каки мъ интересомъ слушаютъ арестанты — можно судить только по тому гробовому молчанію, какимъ эти чтенія сопровождаются, разговоры же съ ними по поводу прочитаннаго воспрещены.

Нашъ обзоръ просвѣтительнаго движенія въ Рязани былъ бы неполонъ, если бы мы обошли молчаніемъ только что разрѣшенный уставъ общества устройства развлеченій для рабочихъ и то отношеніе, какое выказываетъ рязанское общество къ этому движенію. Отношеніе это нельзя назвать ни доброжелательнымъ, ни недоброжелательнымъ, такъ какъ каждое новое начинаніе вызываетъ сочувственные разговоры, но не болѣе того. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что и въ библіотекѣ, и въ городскихъ, и въ тюремныхъ чтеніяхъ участвуютъ одни и тѣ же лица, и количество ихъ не превышаетъ десятка.

Чужой.

Изъ Иркутска.

(О положеніи народнаго образованія).

Положеніе народнаго образованія въ «столицѣ Восточной Сибири» оставляетъ желать очень и очень многого. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, не было открыто ни одного начальнаго училища и потому число непринятыхъ дѣтей, съ каждымъ годомъ росло все больше и больше.

Уже въ 1895 году, по даннымъ директора народныхъ училищъ, внѣ школы оставалось 251 человекъ, но съ того времени число желающихъ учиться дѣтей возрасло, а школъ не прибавилось.

Если сдѣлать приблизительный подсчетъ остающихся внѣ школы, то получимъ слѣдующія данныя. По даннымъ переписи, въ Иркутскѣ было 51,484 жителя, изъ которыхъ 26,567 мужчинъ и 24,917 женщинъ. Дѣтей школьнаго возраста должно быть: 1.779 мальчиковъ и 1.659 дѣвочекъ, всего 3.439 человекъ. Въ городѣ имѣется 33 школы, въ которыхъ учится 1.557 мальчиковъ и 1.231 дѣвочка, слѣдовательно, внѣ школы должны остаться 222 мальчика и 428 дѣв. или 650 дѣтей обоюго пола. Если считать, что въ каждомъ училищѣ помѣстится 50 учащихся, то придется открыть еще 13 училищъ.

Но вѣдь потребность въ школахъ растетъ съ каждымъ годомъ, и удовлетворять ее становится все труднѣе и труднѣе. Неудовлетворительное же положеніе городскихъ финансовъ даетъ возможность нашимъ гласнымъ совѣтамъ не заботиться о городскихъ школахъ, а только вздыхать и тянуть вѣчную пѣсенку о недостаткѣ средствъ.

Насколько плохо заботятся гласные о школахъ, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что на нихъ затрачивается всего 9% бюджета, а на городское управленіе 17%. Если сравнить расходы на начальныя училища съ расходами на среднія учебныя заведенія, то получимъ слѣдующее отношеніе, прекрасно рисующее направленіе гласныхъ. Въ 1897 году на субсидіи среднеучебнымъ заведеніямъ ассигновано болѣе 40 тыс. и кромѣ того на стипендіи и публичную бібліотеку 12 тыс., т. е. почти вдвое больше ассигновки народныхъ училища.

Не увеличивая расходовъ на городскія училища, городская дума бывала даже пользоваться тѣми капиталами, которые были оставлены спеціально для постройки начальныхъ школъ.

Такъ въ 1883 году купцомъ Пономаревымъ былъ пожертвованъ милнстерству народнаго просвѣщенія капиталъ съ тѣмъ, чтобы на проценты въ Иркутскѣ и его округѣ устраивались начальныя школы. Первоначально капиталъ равнялся 264.750 руб., но въ теченіе десяти лѣтъ возросъ и могъ быть употребленъ по волѣ жертвователя. Въ дѣйствительности, однако, онъ продолжалъ лежать непронизводительно, и только въ 1895 году

сестра жертвователя обратилась въ министерство съ просьбою открыть школу для бѣдныхъ жителей.

Пока по поводу школъ происходила переписка съ мѣстной администраціей, успѣла умереть сестра Пономарева и капиталъ возросъ до 667 тыс. р., причемъ однихъ процентовъ съ него въ 1896 году причиталось 27.704 рубля.

Наконецъ, и дума вспомнила о капиталѣ и рѣшила хлопотать объ открытіи нѣсколькихъ училищъ. Но при этомъ рѣшено было для каждаго училища устраивать нѣсколько каменныхъ зданій, тогда какъ было бы пока выгоднѣе строить деревянные. Такихъ училищъ можно было бы построить до десяти въ теченіе 2—3 лѣтъ и слѣдовательно большинство дѣтей могли бы получить образованіе. Между тѣмъ теперь удастся построить всего два-три училища для 150—200 учениковъ.

Хотя въ нынѣшнемъ году составъ думы значительно измѣнился, но ожидать отъ нея большей заботливости къ школамъ едва ли возможно, такъ какъ большинство гласныхъ купцы. Кромѣ того, и новая управа не отличается ничѣмъ отъ старой, а отъ нея зависитъ очень многое.

Въ виду такого печальнаго положенія народныхъ школъ г. Иркутска, крайне интересно посмотрѣть на тѣ просвѣтительныя учрежденія, при помощи которыхъ населеніе удовлетворяетъ свои духовныя интересы.

Благодаря заботамъ небольшой кучки интеллигенціи, въ городѣ возникли и поддерживаются нѣсколько такихъ учрежденій: воскресныя школы, народныя чтенія, народная бібліотека-читальня. О нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

Въ городѣ существуетъ двѣ воскресныя школы, открытыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Быстрое заполненіе этихъ школъ показало, что онѣ необходимы для населенія, и при томъ для дѣтей, непринятыхъ въ школы. Въ этомъ отношеніи наши школы совершенно отличаются отъ европейскихкихъ, гдѣ слушателями являются исключительно взрослые, тогда какъ у насъ преобладаютъ дѣти школьнаго возраста. Такъ во 2-й женской воскресной школѣ въ 1895-96 году малолѣтнія ученицы составляли половину, подростки $\frac{1}{2}$ и взрослые $\frac{1}{6}$ часть всѣхъ учившихся; въ 1897 году малолѣтніе составляли 17%, подростки—половину и взрослые—33%. Хотя здѣсь число малолѣтнихъ понизилось, но это объясняется тѣмъ, что въ этомъ году отдавалось предпочтеніе взрослымъ и было отказано 60 малолѣтнимъ.

Насколько велика потребность въ грамотѣ среди бѣднаго населенія, показываетъ быстрый ростъ учащихся. Въ первомъ учебномъ полугодіи ученицъ было—61; 1892-93 году—80; въ 1893-94—64, въ 1894/5—114; 1895-96 г.—160. Въ 1896 году желающихъ поступить въ школу было 212, что превышало норму, а потому 35 человѣкъ получили отказъ, въ нынѣшнемъ учебномъ году было отказано въ приѣмъ 60 человѣкамъ. Очевидно, что эта школа уже не можетъ удовлетворять запросъ населе-

нія на грамоту. Это обстоятельство тѣмъ болѣе печально, что большинство учащихся въ школь принадлежитъ къ городской бѣднотѣ. Такъ, изъ нихъ дворянокъ было—2, духовныхъ—2, пот. поч. гр.—1, мѣщанокъ—84, крестьянокъ—29, дочерей поселенцевъ—30, цеховыхъ—2, казачекъ—3, солдатокъ—5, дочерей разночинцевъ—2. Такимъ образомъ болѣе 70% принадлежали къ бѣднымъ классамъ населенія. Точно такой же составъ учащихся былъ и въ другой воскресной школь, какъ мужской, такъ и женской.

Другимъ препятствіемъ къ увеличенію числа учащихся служить недостатокъ учащихся, на который жалуются руководители школы. Большинство преподающихъ въ воскресной школь составляютъ педагоги, занятые уроками въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; свободныхъ же лицъ очень мало. При этомъ нужно замѣтить, что преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній совсѣмъ не принимаютъ участія, а все дѣло ведутъ учащіе городскихъ школь. При томъ ростѣ учащихся, который замѣчается въ школахъ, при разнообразной подготовкѣ учащихся и короткомъ учебномъ годѣ число наличныхъ преподавателей въ школахъ очень мало, а это вредило успѣху дѣла. Такъ, въ ремесленно-свободскихъ воскресныхъ школахъ, благодаря недостатку учащихся, пришлось отказать въ приемъ нѣсколькимъ десяткамъ человекъ.

Несмотря на обращеніе къ обществу, желающихъ пока не нашлось, и число учащихся сильно понизилось.

Недостатокъ познаній, приобретаемыхъ въ школахъ, пополнялся класснымъ и внѣкласснымъ чтеніемъ. Обыкновенно для всѣхъ группъ сразу читались беллетристическія произведенія, а иногда популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знаній.

Для внѣкласснаго чтенія при воскресной школь учреждена библиотека, имѣющая около 600 томовъ.

Въ 1895—96 году было взято 1.129 книгъ; изъ нихъ по беллетристикѣ—589 кн., періодическихъ изданій—383 кн., историческихъ—110 кн. На каждую ученицу приходилось 16 книгъ. Выдача книгъ происходила по группамъ; выдавалось отъ 1 до 3 книгъ, смотря по степени развитія ученицы.

Другимъ воспитательнымъ учрежденіемъ является народная библиотека. Хотя она служитъ только для внѣшкольнаго образованія, но послѣднее является еще болѣе важнымъ, чѣмъ простая грамота. Давно извѣстно, что одна грамотность безъ дальнѣйшаго развитія не имѣетъ никакой цѣны. Поэтому такія учрежденія, какъ библиотеки, народные чтенія могутъ принести населенію значительную пользу.

Мысль объ открытіи бесплатной библиотеки-читальни возникла еще въ 1893 году среди почитательницъ и друзей умершей Потаниной послѣ ея похоронъ. Начались сборы пожертвованій, которыхъ къ 1896 году набралось болѣе 2 тыс. рублей. Городская дума дала для библиотеки помѣщеніе, а 12 іюля 1896 года получено было и разрѣшеніе. Но от-

крыта библиотечка была только 10 ноября, такъ какъ необходимо было выработать правила библиотеки, устроить помещеніе, выписать книги и т. п.

Въ моментъ открытія библиотеки въ ней насчитывалось 703 назв. въ 1.176 т. и 305 т. разныхъ журналовъ. По отдѣламъ они распредѣляются такъ: духовно-нравственныя—7%; беллетристика—54%, исторія 11%, географія—9% и т. д. Въ настоящее время имѣется 1362 тома. Изъ отчета библиотеки за первый годъ видно, что она сразу привлекла къ себѣ читателей. Въ первый мѣсяцъ на каждый день приходилось по 58 посѣщеній, во второй по 47 посѣщеній, что объясняется отчасти сильнымъ холодомъ въ помещеніи библиотеки, отчасти тѣмъ, что для нѣкоторыхъ посѣтителей библиотека потеряла интересъ новинки. И дѣйствительно, въ третій мѣсяцъ число ежедневныхъ посѣщеній дошло до 51.

Всего въ теченіе отчетнаго года записалось 856 абонентовъ, причемъ взрослые составляли—42%, подростки—43%, малолѣтніе—15%. Мужчины среди нихъ составляли 85%, а женщины—только 15%. По возрасту среди мужчинъ преобладаютъ подростки, среди женщинъ—взрослыя. По роду занятія подписчики распредѣляются такимъ образомъ: учащіеся (50,23%), ремесленники (18,34%), служащіе (12,38) лица неопредѣленныхъ занятій (5%) и т. д.

Среди учащихся большинство было изъ городскихъ (41,73%) и приходскихъ (22,61%) училищъ; среди взрослыхъ большая часть получила низшее образованіе (65,25%) и домашнее (17,39%), затѣмъ идутъ съ среднимъ образованіемъ (7,53%). Число подписчиковъ колебалось въ теченіе года и часть изъ нихъ уходила, замѣняясь другими. Въ отчетѣ есть свѣдѣнія о причинахъ ухода 71 читателя. Оказывается, что благодаря отъѣзду вышло 34%, за недостаткомъ времени 21%, по неизвѣстной причинѣ 20%, за невозможностью возобновить поручительство 11%, за отдаленностью 4,5%, по нежеланію 3%, вслѣдствіе экзаменовъ 3% и 3,5% по другимъ причинамъ.

Въ теченіе года было сдѣлано около 7 т. посѣщеній, что даетъ въ среднемъ по 28 человекъ на день и по 7,61 посѣщеній на каждого подписчика. Изъ числа всѣхъ посѣщеній 48,7% приходится на долю учащихся, а 51,3% на долю остальныхъ.

Всего больше посѣщаютъ читальню ученики городскихъ (54,7%) и приходскихъ (11,6%) школъ и прогимназій (9%).

Въ отчетѣ имѣются свѣдѣнія какъ о читающихъ въ читальнѣ, такъ и о берущихъ книги на домъ. Первые составляютъ 30%, вторые 70% всѣхъ посѣтителей, т. е. берущихъ книги на домъ почти въ 2% раза больше читающихъ въ читальнѣ.

Изъ авторовъ больше всего требовались: Ж. Вернь, Л. Толстой, М. Твенъ, Тургеневъ, Данилевскій, Загоскинъ (Юрій Милославскій), Гончаровъ, Соловьевъ. По отдѣлу біографій требовались Смайльсъ, Ирвингъ,

Анненская. По исторіи: Острогорскій, Изъ великихъ преданій, *Костомаровъ*. Богданъ Хмѣльницкій, *Штоль*. Герои Греціи, *Грубе*. Очерки изъ исторіи народныхъ сказаній. По географіи: *Брассей*. Вокругъ Свѣта, *Дарвинъ*. Путешествіе на кораблѣ Бигль, *Корончевскій*. Разказы про дикаго человѣка. Меньше всего спрашивались отдѣлы общественный, медицинскій и педагогическій.

Изъ газетъ больше всего требовались ежедневныя изданія, но ихъ было только двѣ: «Новое Время» и «Восточное Обзоріе». Изъ иллюстрированныхъ: «Нива», «Вокругъ Свѣта», «Сѣверъ», «Живописное Обзоріе». Въ настоящее время совѣтъ библіотеки хлопочетъ о разрѣшеніи выписать сибирскія газеты.

Нельзя между прочимъ не замѣтить, что на нѣкоторыя книги замѣчался особенный спросъ, и ихъ трудно было застать на полкахъ библіотеки. Въ отчетѣ библіотеки есть между прочимъ свѣдѣнія о числѣ неудовлетворенныхъ требованій, и изъ него видно, что по одному только отдѣлу беллетристики въ теченіе одного мѣсяца было 753 неудовлетворенныхъ требованія. Благодаря этому необходимо было выписать вторые экземпляры. Многія изъ требованій можно было бы удовлетворить другими книгами, имѣющимися въ библіотекѣ, но уставъ такихъ читателей не даетъ возможности пользоваться ими. Между тѣмъ въ теченіе одного года въ пользу библіотеки поступило 2,211 книгъ, большая часть которыхъ не можетъ быть выдаваема изъ народныхъ библіотекъ.

Библіотека управляется особымъ совѣтомъ, выбираемымъ общимъ собраніемъ членовъ. Выдача книгъ и веденіе другихъ дѣлъ производится библіотекаршей и нѣкоторыми членами, приходящими ей на помощь. Благодаря имъ въ сравнительно короткое время удалось составить каталогъ и устроить помѣщеніе.

Вообще библіотека пользуется сочувствіемъ общества; по крайней мѣрѣ спектакль, устроенный въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, далъ чистаго сбора больше 700 рублей. На это же сочувствіе общества указываетъ число членовъ библіотеки, доходящее до 222 человѣкъ.

При библіотекѣ предположено устроить книжный складъ, въ которомъ, кромѣ книгъ, будутъ продаваться учебныя пособія. Если складъ будетъ открытъ, то онъ принесетъ несомнѣнную пользу, такъ какъ книжные магазины берутъ слишкомъ высокій процентъ.

И. К.

Критика и библиографія.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣмецкаго. А. Стрехова. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженка. С.-Пб. 1898. Ц. 2 руб. Изд. Л. Ф. Пантелѣва.

Авторъ названной книги не имѣлъ въ виду, по его собственнымъ словамъ, сообщить читателю что-нибудь новое или объявить ему такія вещи, которыхъ онъ не знаетъ. Напротивъ, «авторъ воображаетъ, что совершилъ съ читателемъ занимательную прогулку и теперь хочетъ лишь возобновить общія пріятныя впечатлѣнія и привести ихъ въ стройный видъ». Но кромѣ этой цѣли у автора была еще другая: онъ хотѣлъ убѣдить читателя, что реализмъ и идеализмъ вовсе не составляютъ непримиримыхъ противоположностей; задача истиннаго генія состоитъ въ приведеніи ихъ къ высшему единству. Поэтому Левесъ вооружается противъ нѣмецкой философской критики, старавшейся прежде всего отыскать въ каждой драмѣ Шекспира опредѣленную идею, или вѣрнѣе, навязывавшей таковую великому драматургу. Философствующіе критики при помощи натяжекъ подгоняли всѣ отдѣльныя части произведенія подъ свою собственную идею. Нельзя отрицать, что извѣстные общіе выводы и истины вытекаютъ изъ Шекспировскихъ произведеній, но авторъ «Гамлета» не для ихъ доказательства создавалъ свои гениальныя творенія. Поэтому Левесъ поступилъ вполне правильно, отвергнувъ измышленія нѣмецкой философской критики и стараясь постигнуть психологическій интересъ и поэтическую сторону каждаго типа. Другое достоинство книги составляетъ ея полнота. За исключеніемъ Крессиды и Изабеллы, всѣ сколько-нибудь замѣчательные женскіе образы, созданныя Шекспиромъ, подверглись обстоятельному разбору со стороны автора. Въ глазахъ русскихъ читателей эта полнота обзора имѣетъ большое преимущество, такъ какъ на русскомъ языкѣ, кромѣ остроумныхъ, но случайныхъ характеристикъ Гейне и нѣсколькихъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ женскимъ типамъ, ничего не имѣется.

Но этими двумя достоинствами и исчерпываются положительныя стороны разбираемаго труда. Когда мы приступаемъ къ чтенію самыхъ характеристикъ, мы не можемъ увлечься ими благодаря отсутствію оригинальности и яркости въ изложеніи Левеса; его психологическій анализъ не

отличается глубиной. Приведем напр. характеристику Клеопатры: «Ея страстныя настроенія смѣняются такъ быстро, что мы, прилагая всѣ усилія, рѣшительно не успѣваемъ осудить ихъ нравственное ничтожество. Съ утонченнымъ искусствомъ опытной гетеры, она постоянно поддерживаетъ въ Антоніи чувственное возбужденіе и, сопровождая чашу наслажденій постоянными прекословіями, устраиваетъ однообразіе и пресмыщеніе. Постоянныя кризисы ревниваго недовольства заключаются сценами примиренія, причѣмъ пылкая нѣжность достигаетъ необычайныхъ размѣровъ,—эти маневры постоянно возбуждаютъ и обновляютъ страсть и не даютъ мѣста равнодушію» и т. д. Конечно такая характеристика не напомнитъ читателю о дивномъ образѣ, созданномъ Шекспиромъ, о тонкой организаціи, едва поддающейся анализу, о необыкновенной натурѣ, почти недоступной объясненію. Такая же общая характеристика Корделии: «въ ней Шекспиръ изобразилъ намъ самый трогательный, самый чистый образъ душевной непорочности, самой высокой и самой нѣжной женственности и дочерней любви въ ея *святѣйшихъ* чувствахъ и дѣйствіяхъ». Авторъ какъ бы хочетъ превосходною степенью эпитетовъ возмѣстить недостатокъ ихъ внутренней силы.

Къ числу недостатковъ книги относится отсутствіе исторической перспективы и неудачныя догадки біографическаго характера. Въ пьесахъ перваго періода авторъ считаетъ возможнымъ отыскать слѣды личныхъ огорченій Шекспира, а въ пьесахъ втораго періода—видѣть работу человѣка, живущаго счастливо, достигшаго успѣховъ. Но кромѣ общихъ соображеній Левесъ ничего не приводитъ въ подтвержденіе своихъ догадокъ. Едва ли стоитъ доказывать бесплодность заключеній, подобныхъ, напр., слѣдующему: «Весьма вѣроятно, что поэтъ въ своемъ супружествѣ испыталъ непріятности, породившія въ немъ раздраженіе и вражду къ женщинамъ вообще, и что подобное настроеніе высказалось въ этихъ пьесахъ».

Не смотря на указанные нами недостатки, книга Левеса, по изложеннымъ выше соображеніямъ, является кстати и пополняетъ существенный пробѣлъ въ русской литературѣ о Шекспирѣ. Переводъ сдѣланъ въ общемъ удовлетворительно, хотя мѣстами и чувствуется шероховатость.

П. С. Коганъ.

М. Каррьеръ. Драматическая поэзія. Перев. В. А. Яковлева
СПБ. 1898.

Морицъ Каррьеръ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ нѣмецкихъ писателей по теоріи искусства, и его сочиненіе «Die Poesie, ihr Wesen und Formen» пользуется установившейся и заслуженной репутаціей. Съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе въ русскомъ переводѣ части обширнаго труда Каррьерера, той, гдѣ рѣчь идетъ о драматической поэзіи. Небольшая книга составлена очень тщательно и представляетъ дѣльную теорію драмы, а также краткій, но обстоятельный, очеркъ развитія драматической поэзіи; переводъ прекрасный, и русскій читатель можетъ очень точно ознакомиться по немъ со взглядами нѣмецкаго эстетика; онъ придерживается въ общемъ того пониманія сущности и назна-

ченія искусства вообще и драматической поэзіи въ частности, которое выработано цѣлымъ рядомъ классическихъ нѣмецкихъ писателей отъ Канта и Шиллера до Лессинга, Жана-Поля Рихтера и другихъ.

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи Каррьеръ ставитъ драму наиболѣе высоко, какъ соединеніе эпоса и лирики и выводитъ сущность драмы изъ взаимоотношеній объединенныхъ въ ней субъективнаго и объективнаго начала. Вопросъ о томъ, которое изъ двухъ началъ должно преобладать, различаетъ древнюю драму отъ новой, т. е. греческую трагедію съ ея господствомъ рока отъ драмы, основанной на разработкѣ индивидуальныхъ характеровъ; высшимъ представителемъ послѣдней является Шекспиръ. Каррьеръ отдаетъ предпочтеніе шекспировскому типу драмы и настаиваетъ на необходимости представлять драматическіе характеры въ развитіи, а не только въ моментъ конечной катастрофы, столкновенія, въ которомъ высказывается весь человекъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ въ греческой и въ созданной по ея образцу французской трагедіи. Изъ преобладанія субъективнаго элемента Каррьеръ выводитъ также характеръ драматическаго дѣйствія, исходъ котораго не долженъ быть предрѣшеннымъ, а находиться въ зависимости отъ психологіи героя, отъ его внутренняго міра, оказывающаго воздѣйствіе на внѣшнія событія. «Драматургъ», говоритъ Каррьеръ, «стоитъ въ настоящемъ и смотритъ въ будущее; смотритъ какъ оно, вслѣдствіе свободной воли личности, стремится сдѣлаться настоящимъ». Какъ абсолютное правило эта формула не годится, именно потому, что она не вмѣщаетъ въ себя одного изъ величайшихъ типовъ трагедіи — греческую, гдѣ исходъ совершенно предрѣшенъ величіемъ рока, гдѣ сила обстоятельствъ тяготеетъ надъ человекомъ—и гдѣ все таки индивидуальность отражается съ великой силой именно вслѣдствіе борьбы съ неизмѣннымъ и отношеній свободной воли къ роковому началу жизни.

Въ занимавшемъ драматурговъ всѣхъ временъ вопросѣ объ единствѣ, Каррьеръ справедливо доказываетъ, что Аристотель требовалъ только единства дѣйствія, и не постановлялъ правилъ ни относительно единства времени, ни мѣста. Единство же дѣйствія должно состоять не въ томъ, что поэтъ представляетъ *одно* событіе, а въ томъ, что все событіе развивается изъ воли человека, какъ его цѣль. Это опредѣленіе подтверждается и примѣромъ античной драмы, гдѣ, какъ напр. въ «Антигонѣ» одинъ общій принципъ—столкновеніе вѣчнаго права съ внѣшнимъ о рядкомъ, семейнаго благочестія съ государственнымъ порядкомъ, — оправдывается среди противорѣчивыхъ интересовъ многихъ лицъ, изъ которыхъ каждое преслѣдуетъ свои собственныя цѣли, считая свою цѣль главной.

Также и у Шекспира основная идея каждой драмы проводится черезъ рядъ параллельныхъ дѣйствій и чувствъ высшаго и низшаго порядка.

Говоря о композиціи драмы, Каррьеръ отвергаетъ слишкомъ детальное различеніе моментовъ драматическаго дѣйствія, каковое дѣлаетъ Фрейтагъ въ своей «Техникѣ Драмы». Изъ восьми моментовъ, указанныхъ Фрейтагомъ (вступленіе, возбужденіе, восхожденіе, высшій пунктъ восхожденія, трагическій моментъ, нисхожденіе, моментъ послѣдняго напряженія, катастрофа), Каррьеръ признаетъ необходимость только четырехъ:

1) вступленія (экспозиціи), 2) поднятія дѣйствія, 3) перелома (перипетіи), 4) нисхожденія. Но онъ настаиваетъ на необходимости соблюдать правила композиціи въ этомъ объемѣ—не признавая, очевидно, законности драмъ, не поддающихся правильному расчлененію на эти основныя части. Къ какому же роду поэтическихъ произведеній причислил бы онъ драмы большинства современныхъ драматурговъ, которые, за исключеніемъ Ибсена — классика по своимъ приемамъ — совершенно не соблюдаютъ правилъ композиціи, опускаютъ часто экспозицію и еще чаще не завершаютъ пьесу конечной катастрофой, а оставляютъ положеніе вещей въ концѣ драмы такимъ же, какъ оно было въ началѣ. Такъ построены пьесы Гюнкровъ (*Germinie Lacerteux*), Анри Бека (*Parisienne* и др.); драмы Гауптманна совершенно не соответствуютъ установленнымъ традиционнымъ дѣленіямъ — и все таки необычайно сценичны. Онъ и множество другихъ показываютъ, что для искусства нѣтъ вѣчныхъ правилъ. Каррьеръ излагаетъ теорію построенія древней и новой драмы—и мудрость этой теоріи подтверждается тѣмъ, что она послужила основой величайшихъ произведеній человѣческаго гения. Но тѣмъ не менѣе, она имѣетъ только историческій интересъ; нельзя предрѣшать, исходя изъ нея, будущее драматической поэзіи; новое искусство создаетъ новыя теоріи, и глубокое заблужденіе многихъ критиковъ заключается въ упрямомъ желаніи навязать измѣнившимся формамъ искусства старыя правила.

Каррьеръ заканчиваетъ свою теорію драмы разсмотрѣніемъ трехъ видовъ поэзіи: трагедіи, комедіи и драмы примиренія. Трагедію онъ опредѣляетъ какъ поэтическое выраженіе серьезной стороны жизни: она рисуетъ побѣду божественной воли, идеи или нравственной необходимости надъ всѣми противорѣчіями личнаго произвола и несообразностями нашей жизни; гибелью зла она уготовляетъ торжество добру.

Комедія же, напротивъ, допускаетъ произволь, позволяетъ ему торжествовать призрачную побѣду надъ идеями, причемъ все таки, въ концѣ концовъ, заблужденія должны быть исправлены, противорѣчія разрѣшены въ свѣтлой побѣдѣ добра и правды.

Переходя отъ этихъ двухъ основныхъ драматическихъ родовъ къ драмѣ примиренія, Каррьеръ даетъ послѣдней очень блестящее опредѣленіе, отдавая ей тѣмъ самымъ преимущество передъ другими родами драматической поэзіи. «Въ трагедіи», говоритъ онъ, «господствуетъ необходимость, въ комедіи произволь и случай, а драма примиренія можетъ быть названа истинной поэзіей свободной воли... Въ драмѣ примиренія индивидуальность достигаетъ такой духовной силы, что человѣкъ, преслѣдуя извѣстную цѣль, въ то же время сознаетъ, что онъ могъ бы поступить иначе, сознаетъ себя господиномъ своего ума, сердца и воли и собственнымъ выборомъ умѣетъ привести свою субъективность въ созвучіе съ объективными законами міропорядка. Истинная свобода есть такое благо, которое должно быть непрестанно приобрѣтаемо, котораго достигаемъ мы путемъ самоосвобожденія: драма примиренія представляетъ намъ отдѣльные моменты въ развитіи этого блага. Чѣмъ полнѣе возвышается человѣчество надъ природой и природными наклонностями къ сознательно нравственному образу жизни, тѣмъ соответственнѣе становится съ нимъ форма примирительной драмы. Къ этому разряду

драмъ со свѣтлымъ исходомъ Каррьеръ причисляетъ лучшія созданія драматическаго гевія всѣхъ временъ: «Салунтулу», «Филоктетъ» Софокла «Ифигенію» Эврипида, «Прометея» Эсхила, «Жизнь есть сонъ» Кальдерона, «Бурю» Шекспира, «Сяда» Корнеля, «Натана» Лессинга, «Ифигенію» Гете.

Въ высшей степени интересно и обстоятельно составленъ историческій очеркъ развитія драмы въ книгѣ Каррьера. Говоря о греческой драмѣ, Каррьеръ даетъ яркія характеристики Эсхила, Софокла и Эврипида, причемъ, однако, слишкомъ унижаетъ послѣдняго. Эврипидъ отталкиваетъ его тѣмъ, что онъ индивидуализируетъ характеры и любитъ ненормальное, тѣмъ, что онъ выдвигаетъ психологическія загадки, въ противоположность величавому теченію рока у его предшественниковъ. Но въ этомъ сила Эврипида, необычайно близкаго нашему времени по своей пытливости и сплетенію религіознаго скептицизма съ тяготѣніемъ къ мистицизму. Онъ поднимаетъ самыя сокровенныя вопросы въ своихъ драмахъ, говоритъ въ «Вакханкахъ» о борьбѣ стихійныхъ страстей въ человѣкѣ съ просвѣтленнымъ началомъ разума, обнажаетъ паденія души и вѣчно занятъ разрѣшеніемъ тайны божества; онъ утратилъ твердую вѣру своихъ предшественниковъ, но ищетъ другого исхода и объясненія. Эврипидъ необычайно глубокъ, полонъ контрастовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великій реалистъ — такъ что безусловное приниженіе его передъ величавостью Эсхила и Софокла едва ли справедливо. Каррьеръ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ уже значительно устарѣлому взгляду въ литературѣ о сравнительныхъ достоинствахъ трехъ классическихъ трагиковъ древней Греціи.

Отмѣтимъ въ числѣ яркихъ страницъ очерка Каррьера его сравненіе Эсхилловскаго Прометея и Фауста Гете. «Прометея» Каррьеръ опредѣляетъ какъ «выраженіе сущности человѣческой исторіи со стороны ея нравственнаго смысла и отношенія къ божеству; проступокъ влечетъ за собой страданіе, а примиреніе съ нравственнымъ міропорядкомъ является актомъ свободной воли, которую духъ вырабатываетъ изъ борьбы субъективнаго своевольтва съ объективной необходимостью». Высшимъ проявленіемъ свободы личности является пониманіе того, что только подчиненіе нравственному закону даетъ настоящую свободу, ибо «я» не абсолютно, а составляетъ часть цѣлаго, и потому эгоизмъ, стремящійся къ совершенному обособленію разрушаетъ связь съ общимъ источникомъ жизни и уничтожаетъ самого себя.

Переходя къ новой драмѣ послѣ очерка греческой и латинской трагедіи и комедіи, Каррьеръ разсматриваетъ итальянскую драму Возрожденія, испанскую драму, англійскій и французскій театръ XVI и XVII вѣковъ и переходитъ къ нѣмецкой драмѣ, которую заканчиваетъ разборъ Фауста.

Зин. Венгерова.

Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. (*L'évolution des idées générales*). Перев. съ франц. М. Гольдсмита. С-Пб. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 80 к. — Переводъ Н. Н. Смирдонова. Стр. 333. М., 1898 г. Ц. 80 к.

Рибо далъ такое заглавіе своему труду, которое не отвѣчаетъ вполне

его содержанію. Если судить по заглавію, то нужно думать, что авторъ въ своемъ трудѣ хотѣлъ изслѣдовать развитіе общихъ понятій, каковы о числѣ, пространствѣ, времени, причинѣ, законѣ, видѣ. Авторъ это и дѣлаетъ. Такое изслѣдованіе составляетъ содержаніе второй половины его труда. Въ первой же половинѣ онъ изслѣдуетъ развитіе процессовъ отвлеченія и обобщенія, ихъ разнообразныя виды и степени. Къ этой первой половинѣ труда заглавіе книги совсѣмъ не идетъ, вовсе не выражаетъ ея. Такимъ образомъ задача, которую ставитъ себѣ Рибо въ названной книгѣ, двойная: прослѣдить развитіе основныхъ умственныхъ процессовъ или ума и главнѣйшихъ общихъ понятій или идей, которыя, очевидно, составляютъ результатъ дѣятельности ума.

Умственная дѣятельность, по Рибо, можетъ быть сведена къ слѣдующимъ двумъ процессамъ: съ одной стороны—къ ассоціаціи, соединенію, объединенію, а съ другой—къ разложенію, изолированію, раздѣленію. «Эти двѣ существенныя операции лежатъ въ основѣ всѣхъ формъ познанія, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, и образуютъ единство его состава».

Мы полагаемъ, что такой взглядъ не совсѣмъ правиленъ. Что соединеніе или связываніе есть одно изъ основныхъ умственныхъ отвлеченій—это такъ; но про разложеніе и раздѣленіе нельзя сказать того же. Чтобы разлагать или раздѣлять, для этого нужно различать. Если я не различаю, то я не могу и раздѣлить. Раздѣленіе, разложеніе, изолированіе суть вторичныя процессы, возникающіе на почвѣ различенія. Различеніе и раздѣленіе тѣсно связаны между собою, но не одно и то же. При изслѣдованіи основныхъ умственныхъ процессовъ ихъ перемѣшивать не годится и особенно неудобно вторичный процессъ принимать за первичный. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги Рибо указываетъ на коренное значеніе для развитія нашего ума различеній. Такъ онъ говоритъ: «дѣйствительно, то, что даетъ намъ опытъ внѣшній и внутренній, состоитъ изъ смѣси сходствъ и различій въ крайне разнообразной пропорціи» (стр. 9). Онъ приводитъ слѣдующія слова извѣстнаго естествоиспытателя Агассица: «я взялъ на себя трудъ сравнить между собою нѣсколько тысячъ особей одного и того же вида; въ одномъ случаѣ я проявилъ такую тщательность, что помѣстилъ рядомъ, другъ возлѣ друга, 27,000 экземпляровъ одной и той же раковины (genre Neretina). Я могу увѣрить, что въ числѣ этихъ 27,000 экземпляровъ я не нашелъ двухъ, которые вполне были бы тождественны» (стр. 9—10). Какой главный, основной процессъ совершался въ умѣ Агассица при утвержденіи этого факта? Очевидно, различеніе одной раковины отъ другой, одного вида раковинъ отъ другихъ видовъ и вообще раковины отъ всего прочаго. Невозможно себѣ и представить, какъ былъ бы возможенъ подобный процессъ безъ различенія. А классификація есть собственно работа соединенія, связыванія.

Причины, обуславливающія развитіе въ человѣческомъ умѣ отвлеченія и обобщенія, также выяснены недостаточно. Ихъ Рибо находитъ во вниманіи, въ полезности, въ появленіи изобрѣтателей. Онъ просматриваетъ болѣе глубокія и естественныя причины, лежація въ самомъ организмѣ человѣка, въ строеніи его органовъ внѣшнихъ чувствъ, именно въ томъ, что всякое явленіе мы неизбѣжно разлагаемъ на свойства зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д., а въ послѣднихъ различаемъ еще

частѣйшія: красный цвѣтъ, желтый, громкіе и тихіе звуки, тяжелые и легкіе предметы, твердые и мягкіе и т. д. Для процесса же ассоціаціи и соединенія органической основой служитъ дѣлность нашего организма, взаимная связь и поддержка органовъ.

Въ обсужденіе самой природы отвлеченія и обобщенія Рибо не входитъ, находя это излишнимъ «послѣ столькихъ предшественниковъ». Это напрасно, не мѣшало бы разъяснить хорошенько тѣ явленія, о которыхъ постоянно говорится, изслѣдованіе развитія которыхъ и составляетъ главную задачу труда. Выясненіе природы упомянутыхъ процессовъ представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что вмѣстѣ соединенія и раздѣленія Рибо началъ изслѣдовать отвлеченіе и обобщеніе — процессы нѣсколько иные. Правда, онъ указалъ, что отвлеченіе предполагаетъ раздѣленіе, а обобщеніе—ассоціацію по сходству, но эти указанія слишкомъ кратки и недостаточны.

Прогрессивное развитіе ума обнимаетъ собою три періода: 1) періодъ низшихъ отвлеченныхъ идей, предшествующихъ появленію рѣчи и обходящихся безъ слова, но не безъ всякаго знака. Низшія отвлеченныя идеи суть родовые образы (*images génériques*), занимающіе промежуточное положеніе между чистыми представленіями и общими понятіями въ собственномъ смыслѣ слова; 2) періодъ среднихъ отвлеченныхъ идей, сопровождаемыхъ словомъ, роль котораго, сначала ничтожная, мало по малу приобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. На самой низшей своей ступени эти понятія едва поднимаются надъ уровнемъ родового образца, они сводятся къ неясной схемѣ, для которой почти излишня наличность слова. На болѣе высокой степени роли мѣняются: схематическое представленіе, дѣлаясь все блѣднѣе и блѣднѣе, все болѣе теряется передъ словомъ, которое переходитъ въ сознаніи на первое мѣсто и 3) періодъ высшихъ отвлеченныхъ идей, когда въ сознаніи присутствуетъ только слово, являющееся полнымъ замѣстителемъ представленій. Если и возникаетъ какое либо представленіе въ сознаніи, оно не оказываетъ замѣтной помощи ходу мысли, а иногда даже мѣшаетъ ему.

Нельзя не признать, что указанные три періода въ развитіи ума: низшихъ отвлеченныхъ идей, среднихъ и высшихъ, не отличаются выпуклостью и опредѣленностью. Это что-то сливающееся одно съ другимъ, не дающее сознанію никакой твердой точки опоры. Все, что только развивается, можно раздѣлить на три ступени: низшую, среднюю и высшую, можно раздѣлить прежде изслѣдованія и не ошибиться. Изъ такой характеристики трудно извлечь какія либо цѣнныя указанія. Въ данномъ случаѣ нѣкоторую пользу можетъ оказать совершенно опредѣленный признакъ — значеніе слова въ мышленіи и отношеніе слова къ образу. Слѣдовало бы и всю характеристику построить на основаніи этого признака.

Для изслѣдованія низшихъ формъ отвлеченій Рибо пользуется данными относительно ума животныхъ, дѣтей, глухонѣмыхъ, жестовъ или знаковъ и о развитіи членораздѣльнаго языка въ родѣ человѣческомъ. Для изслѣдованія среднихъ формъ отвлеченія онъ пользуется также языками, счисленіемъ и особенно зоологическими классификаціями. При опредѣленіи высшихъ формъ отвлеченія онъ различаетъ типы умовъ: конкретный, зрительно-типографическій и слуховой. Всѣ эти изслѣдованія довольно бѣглы

и коротки, хотя и поддерживаются значительной начитанностью автора. Онъ даетъ цѣлый рядъ небольшихъ главовъ, въ которыхъ обсуждаемый предметъ не столько разрабатывается, сколько намѣчается. Указанные три типа умовъ онъ характеризуетъ такъ. Типъ конкретный. У этого типа отвлеченное слово почти всегда вызываетъ образъ, иногда точный, иногда неопредѣленный, по большей части зрительный, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ даже образъ мускульнаго чувства. Слово не служитъ здѣсь простымъ знакомъ, оно не является полнымъ замѣщеніемъ, оно не имѣетъ безжизненнаго характера и не ограничено въ самомъ себѣ. Оно немедленно и самопроизвольно превращается въ конкретное представленіе. Конкретный типъ болѣе распространенъ, чѣмъ всѣ остальные. Онъ почти одинъ только и встрѣчается у женщинъ, артистовъ и у всѣхъ лицъ, не привывшихъ къ научнымъ отвлеченіямъ. Зрительно-типографическій типъ характеризуется тѣмъ, что уму представляются печатныя слова и больше ничего. Такой видъ ума встрѣчается между лицами, которыя много читали. Нѣкоторыя лица, принадлежащія къ этому типу, прямо заявляютъ: «я вижу все въ напечатанномъ видѣ».—Слуховой типъ въ своемъ чистомъ видѣ встрѣчается очень рѣдко и характеризуется присутствіемъ въ сознаніи однихъ только звуковъ, т. е. слуховыхъ образовъ, не сопровождаемыхъ ни видомъ напечатанныхъ словъ, ни конкретными образами. Для лицъ этого типа всѣ слова звучать въ ушахъ и сноваидѣнія касаются звуковъ.

Указанные типы, несомнѣнно, важны для распознаванія склада различныхъ умовъ, ихъ преобладающихъ привычекъ, склонностей, направленій; но насколько они могутъ характеризовать ростъ способности отвлеченія и обобщенія вообще—остается еще вопросомъ. Въ намѣченныхъ типахъ умовъ гораздо больше выражается вліяніе обстоятельствъ на способъ представленія и мышленія, чѣмъ ростъ отвлеченнаго разсужденія. Если кто либо, напримѣръ, ученый физиологъ, приводимый Рибо, всѣ понятія представляетъ въ формѣ печатныхъ буквъ, то это еще нисколько не характеризуетъ его способность отвлеченнаго разсужденія. Онъ можетъ разсуждать одинаково хорошо, какъ и лицо «слухового типа», или одинаково худо, превосходить его въ своихъ отвлеченіяхъ и обобщеніяхъ или уступать ему и т. п. Для этихъ лицъ, для распознаванія свойствъ ихъ умовъ характерно, что они все представляютъ въ видѣ печатныхъ буквъ или членораздѣльныхъ звуковъ; но для характеристики развитія отвлеченій и обобщеній въ родѣ человѣческомъ это имѣетъ мало значенія.

Вторая половина книги Рибо посвящена изслѣдованію развитія отдѣльныхъ идей—пространства, времени, числа, причины и т. д. Вопроса о происхожденіи этихъ идей нашъ авторъ совсѣмъ не касается, считаетъ даже возможными въ данномъ случаѣ самыя противорѣчивыя гипотезы; онъ изслѣдуетъ только развитіе идей. Можетъ быть, это очень осторожно, но выходитъ какъ-то неполно, безъ начала; явленіе изслѣдуется, какъ будто съ середины, а про начало разрѣшается думать, какъ угодно, какъ будто начало явленія несвязано съ его средной, какъ будто возникновеніе явленія—это одно дѣло, а его развитіе—совсѣмъ особая статья. Цѣлое явленіе разрывается, что едва ли удобно, логично и мужественно. Нѣкоторые изъ представленныхъ очерковъ весьма недурны, напримѣръ, о развитіи идей о времени и пространствѣ.

Свою теорію о развитіи отвлеченія и обобщенія Рибо почему-то призналъ нужнымъ связать съ теоріей о бессознательной душевной жизни, чѣмъ нисколько ея не укрѣпилъ. Онъ рассуждаетъ такъ: отвлеченное мышленіе есть мышленіе символическое. Символь есть замѣститель и требуетъ дѣйствительнаго существованія замѣщаемаго. Но замѣститель для всей сферы сознанія невозможенъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Рибо, выходитъ, что «психологія отвлеченія и обобщенія въ значительной степени является психологіей бессознательнаго». А между тѣмъ существуютъ ли бессознательныя душевныя явленія—и до сихъ поръ составляетъ спорный вопросъ въ психологіи. Есть весьма серьезныя основанія признавать сознательность однимъ изъ основныхъ и чрезвычайно распространенныхъ свойствъ жизненной дѣятельности вообще, а не только душевной—человѣческой.

Мы далеки отъ того, чтобы низко оцѣнивать новый трудъ Рибо. Недостатки работы обусловлены главнымъ образомъ необычайною трудностью предмета изслѣдованія. Мы это сознаемъ лучше кого либо, такъ какъ въ 1890 году издали изслѣдованіе (Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума.) на ту же тему, которую въ названномъ сочиненіи разрабатываетъ Рибо, и имѣли удовольствіе видѣть, что приемы изслѣдованія, матеріалъ и многія сужденія Рибо существенно сходны съ тѣми, которыми мы пользовались и которыя мы высказали восемь лѣтъ назадъ.

Переводъ книги Рибо сдѣланъ очень внимательно. Позволимъ себѣ только спросить переводчика: отчего французское слово эволюція въ заглавіи не могло быть замѣнено русскимъ словомъ развитіе? Въ самой книгѣ нѣрѣдко слово эволюція передается словомъ развитіе.

П. Каптеревъ.

Р. Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Пер. съ англійскаго. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 1898. ц. 50 коп.

Наши понятія о вымершихъ цивилизаціяхъ Востока, Халдеи, Вавилоніи, древнемъ Египтѣ, Персіи и проч., составленныя на основаніи принятыхъ уже давно и изъ году въ годъ возобновляемыхъ въ прежнемъ видѣ учебниковъ, далеко не отвѣчаютъ дѣйствительному уровню современнаго научнаго пониманія жизни народовъ этихъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1802 году Юнгу и Шампольону удалось разобрать на такъ называемомъ Родетскомъ камнѣ гіероглифическія надписи Египта, а позднѣе были прочтены клинообразныя надписи Ассиріи, изученіе древнихъ цивилизацій далеко подвинуло наши познанія въ этой области. Надписи на скалахъ, разобранныя учеными, дали не мало вкладовъ для изученія исторіи древней Персіи. Эти каменные страницы исторіи отчасти подтверждали то, что извѣстно уже было изъ главныхъ источниковъ, откуда черпала свои свѣдѣнія о погибшихъ цивилизаціяхъ Востока прежняя наука, сочиненій Геродота и Библии, отчасти дополняли уже извѣстное новыми данными, иногда же открывая новыя глубоко интересные и поразительные факты изъ исторіи древняго Востока. Образчикомъ подобнаго рода каменныхъ страницъ лѣтописи древняго міра можетъ служить надпись на «камнѣ Бехистуна»,—на скалѣ, возвышающейся на

1700 футовъ близъ караванной дороги между Багдадомъ и Гомаданомъ. На известковой поверхности одного изъ отвѣсныхъ склоновъ скалы высѣчены написанные клинообразными письменами пять огромныхъ столбцовъ по персидски, по мидійски и по вавилонски; они заключаютъ въ себя генеалогію Дарія до Ахемена, и описаніе побѣдъ, одержанныхъ «Великимъ царемъ». Данныя этого драгоценнаго памятника древности въ общемъ, однако, совпадаютъ съ разсказами греческихъ историковъ.

И вотъ въ результатъ изученія гіероглифическихъ и клинообразныхъ надписей исторія древнѣйшихъ расъ возстаетъ передъ нами съ особенной живостью. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самыя представленія наши объ общей картинѣ древняго міра видоизмѣняются. Самымъ поразительнымъ фактомъ, относящимся къ исчезнувшимъ культурамъ, служитъ открытіе имперіи, носившей имя Хита. О Хитѣ или гиттитахъ имѣются смутныя указанія въ Ветхомъ Завѣтѣ, но ранѣе имъ не придавали особаго значенія. Теперь мы знаемъ, что гиттиты въ теченіи многихъ вѣковъ были воинственной и завоевательной расой, правителями очень обширныхъ земель, заселенныхъ различными народностями, не только значительнѣе и могущественнѣе, чѣмъ когда либо были евреи, но и въ состояніи соперничать съ величайшими правителями Египта и Вавилоніи. Въ зенитѣ своей славы имперія гиттитовъ захватывала сѣверную Сирію, всю Малую Азію, на сѣверѣ достигая Чернаго моря. «Сыны Хета», о которыхъ говорить Библия, были, вѣроятно, колоніей обширнаго союза на сѣверѣ. Не повзднѣе, чѣмъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ до Р. Х. гиттиты были могущественнымъ врагомъ для сосѣдей. Ихъ самостоятельное государственное существованіе закончилось за 700 лѣтъ до Р. Х. Европа во многомъ обязана своей цивилизаціей гиттитами, такъ какъ начатки греческой культуры заимствованы ими у гиттическихъ завоевателей, въ свою очередь почерпавшихъ ее изъ Бактріи или иного неизвѣстнаго центра.

И всѣ эти имперіи—Египетъ, Вавилонія, Хита, Персія и другія, о силѣ и могществѣ правителей которыхъ въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ гласятъ намъ древнѣйшія надписи, теперь исчезли, оставивъ послѣ себя однѣ развалины—нѣкогда богатыхъ и обширныхъ городовъ, засыпанныхъ пескомъ пустынь. Въ ихъ смѣнѣ, взаимныхъ столкновеніяхъ, возвышеніи однихъ и паденіи другихъ прошла исторія древнѣйшаго Востока. Въ чемъ же причина исчезновенія этихъ могущественныхъ государствъ, этихъ настолько развитыхъ культуръ? Это вопросъ, надъ которымъ еще не мало придется поработать историкамъ. Но и теперь главныя причины выступаютъ передъ нами съ достаточной ясностью. Внутренняя слабость, хрупкость этихъ, повидимому, могущественныхъ имперій ярко выступаетъ въ ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ. Эти столкновенія были ужасны по своимъ послѣдствіямъ: дѣлые города разрушались до основанія, чтобы никогда уже не быть болѣе возстановленными, дѣлкія племена были подвергаемы рѣзнѣ, а кто оставался въ живыхъ, уводились въ плѣнъ, чтобы наконецъ болѣе не знать самостоятельнаго государственнаго существованія. Надпись, описывающая, какъ Сенахерибъ разрушилъ Вавилонъ, бывшій дотогѣ соперникомъ его столицы, говоритъ отъ его имени: «Я ломалъ, выкапывалъ, жегъ и разрушалъ крѣпости, башни и храмы, я бросилъ весь мусоръ въ рѣку». Вся внутренняя культура народовъ приносилась

въ жертву завоевательнымъ идеаламъ правителей. Народъ не зналъ самостоятельнаго существованія, ничѣмъ не заявлялъ о себѣ, составляя лишь матеріальный фундаментъ воинской славы царей. Внутренняя культура Востока росла, передаваясь нерѣдко отъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, пока наконецъ не попала на почву болѣе благопріятную для своего дальнѣйшаго развитія, въ руки странъ, желавшихъ болѣе цѣнить личность, общественныя права, трудъ и блага мира.

Однако, чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ изученіе древнѣйшихъ цивилизацій, тѣмъ болѣе приходится убѣждаться въ томъ, насколько современное человѣчество обязано въ богатствѣ своей культуры древнѣйшимъ народамъ. Религія, наука, искусство, техника—все это ведетъ свое начало отъ этихъ вымершихъ народностей, самое имя которыхъ порою намъ едва извѣстно, какъ это можно сказать напримѣръ о гиттитахъ. Когда же по древнѣйшимъ источникамъ мы ознакомимся съ поэзіей тѣхъ отдаленнѣйшихъ временъ, насъ охватываетъ невольное чувство уваженія передъ этими передовыми рядами въ движеніи человѣчества, черезъ трупы которыхъ прошла въ своемъ несокрушимомъ шествіи міровая цивилизація. Что, дѣйствительно, можетъ сравниться въ ихъ чудной поэзіи и мрачномъ величіи со слѣдующими вступительными строками одной изъ поэмъ вавилонскаго эпоса, описывающей, какъ Иштаръ спускалась къ Гадесу, чтобы отнять его отъ его соперницы, злобѣщей Париды Смерти?

«Иштаръ направилась въ ту страну, откуда нѣтъ возврата, обитель тѣна, имѣющаго входъ, но не имѣющаго выхода, на ту дорогу, по которой можно идти впередъ, но не назадъ, въ то жилище, гдѣ сокрытъ дневной свѣтъ, гдѣ голодъ утоляютъ прахомъ и иглою, туда, гдѣ тѣни умершихъ живутъ во мракѣ, одѣтыя перьями, какъ птицы. На порогѣ его входа и на замкѣ лежитъ скопившаяся пыль».

Неутомимый трудъ современныхъ ученыхъ терпѣливо сметаетъ пыль, скопившуюся на замкѣ, которымъ такъ долго было заперто отъ глазъ современныхъ поколѣній отдаленнѣйшее прошлое человѣчества. Книжка Андерсона задается цѣлью популяризировать успѣхи этой работы и, несмотря на нѣкоторую неисправность изложенія, достигаетъ своей цѣли. Внимательный читатель найдетъ въ ней не мало новаго и любопытнаго. Переводъ, несмотря на нѣкоторыя свои неясности, въ общемъ удовлетворителенъ.

М. Плотниковъ.

Л. Купріянова. Современная Бельгія въ связи съ ея историческимъ развитіемъ. Спб. 1898 г. ц. 75 коп.

Бельгія—страна, даже въ физическомъ отношеніи, созданная энергіею своего населенія. Проѣзжая по роскошнымъ равнинамъ Сѣверной Бельгіи, слѣдуетъ помнить, что было время, когда здѣсь господствовала морская стихія, когда города, теперь окруженные рядомъ фермъ и садовъ, были цвѣтущими приморскими городами, когда здѣсь происходили знаменитыя морскія сраженія. Упорный трудъ человѣка остановилъ въ извѣстныхъ предѣлахъ прибрежныя сыпучіе пески; тихую и небольшую рѣчку Шиньду обратилъ съ помощью громаднхъ затратъ и различныхъ сооружений въ

большой судоходный каналъ. Бесплодная мѣстность Фландріи обращена въ цвѣтущій садъ, а болотистая почва ландъ, благодаря осушительнымъ работамъ, питаетъ рядъ богатѣйшихъ фермъ. Съ другой стороны, провинціи средней Бельгіи: Брабантъ, Гайнау и Лимбургъ представляютъ собою царство каменноугольной промышленности, масса труда и затратъ вложена въ ихъ землю ради добыванія угля, вынимаемого иногда изъ глубокихъ ядръ земли черезъ грандіозныя подземныя галереи, напоминающія цѣлыя улицы обширныхъ городовъ.

Эта трудовая энергія жителей Бельгіи—плодъ всего ихъ историческаго и культурнаго развитія. Уже въ раннія эпохи ихъ историческаго существованія, едва выбившись изъ подъ римскаго владычества, население Бельгіи въ городскихъ средневѣковыхъ общинахъ начинаетъ вырабатывать въ себѣ тотъ духъ самодѣятельности и независимости, который не покидаетъ его въ теченіе всей послѣдующей исторіи. Благодаря своей экономической силѣ, добытой путемъ торговли и промышленности, большинство городовъ Бельгіи уже къ концу XII и началу XIII вв. обладало хартіями волностей. Передъ ихъ значеніемъ постепенно отступаетъ могущество феодаловъ. Продолжительный гнетъ иностранцевъ и связанныя съ тѣмъ бѣдствія не подавили въ населеніи стремленія къ независимости и широкой политической жизни. Господство бургундскихъ герцоговъ, религиозныя войны, кровавое владычество испанцевъ разорили Бельгію, но внутренняя энергія населенія дала странѣ силу пережить эти тяжелыя времена и вступить въ періодъ болѣе спокойнаго и разумаго управленія подъ властью австрійскаго дома.

Въ теченіе XVIII вѣка, въ особености во второй половинѣ его, въ связи съ реформами, предпринятыми Маріей Терезіей и Іосифомъ II, торговля, промышленность, земледѣліе и вообще культура страны значительно подвигаются впередъ. Въ періодъ Французской революціи Бельгія становится провинціей Франціи и получаетъ многія прибрѣтенія великой французской революціи: уничтоженіе сословнаго феодальнаго порядка, равенство всѣхъ передъ закономъ, гарантіи личныя правъ. Послѣдовавшее послѣ паденія Наполеона объединеніе промышленной и земледѣльческой Бельгіи съ торговою и богатою флотомъ Голландією, оказавшее благотворное вліяніе на экономическое и духовное развитіе страны, закончилось однако пробужденіемъ національнаго чувства и стремленія къ независимости, которому французская революція въ 1830 г. дала исходъ. Сначала въ Брюсселѣ, затѣмъ въ остальной странѣ вспыхнуло возстаніе, голландскія войска должны были отступить, было провозглашено временное правительство и созванъ національный конгрессъ, провозгласившій независимость Бельгіи, признанную впоследствии и прочими европейскими державами. 4 іюня 1831 г. королемъ Бельгіи былъ избранъ Леопольдъ, принцъ Саксенъ-Кобургскій. Послѣ договора съ Голландіей, состоявшагося въ 1839 году, по которому Бельгія должна была сдѣлать нѣкоторыя уступки, она пользовалась полнымъ спокойствіемъ и, благодаря нейтралитету, не вмѣшивалась въ войны, волновавшія Европу въ послѣднія 50 лѣтъ. Она всецѣло могла направить свои силы на внутреннюю организацію и развитіе своихъ производительныхъ силъ.

Исторія Бельгіи, въ краткихъ словахъ очерченная нами, составляетъ

первую половину рассматриваемой нами книги. Въ изложеніи преобладаетъ описаніе не столько внѣшнихъ фактовъ, сколько внутренней культурной жизни страны, характеристика социальнаго строя и экономическихъ формъ. Изложенію внѣшней исторіи, можетъ быть, отведено мѣстами слишкомъ мало мѣста, напр. такому интересному моменту въ исторіи Бельгіи, какъ эпоха испанскаго владычества, посвящено не болѣе страницы.

Вторая половина книги посвящена описанію современнаго состоянія Бельгіи, ея государственнаго устройства, земледѣлія и промышленности, положенія земледѣльческаго населенія и рабочаго класса, постановки народнаго образованія и общественнаго призванія. Революція 1830 года дала Бельгіи либеральную конституцію, въ которой нуждался наиболѣе богатый и развитой классъ того времени—буржуазія. Но конституціи эта не установила всеобщей поѣдичи голосовъ, и избирательный цензъ былъ настолько высокъ, что преимущество при выборахъ въ палату депутатовъ оставалось за буржуазіей. Это положеніе и вызвало со стороны низшихъ рабочихъ классовъ движеніе въ пользу пересмотра конституціи. Движеніе это закончилось въ 1893 г. тѣмъ, что рабочіе добились пересмотра конституціи и получили всеобщее избирательное право, ограниченное однако въ пользу богатой и образованной буржуазіи. Все же число избирателей вмѣсто 130,000 достигло 1,371,000,—почти 25% всего населенія. Рабочая партія имѣетъ въ настоящее время въ палатѣ 29 представителей и въ 78 общинныхъ совѣтахъ ея представители обладаютъ большинствомъ всѣхъ голосовъ. За этимъ успѣхомъ для трудящагося населенія Бельгіи наступилъ чередъ борьбы за улучшеніе своего экономическаго и социальнаго положенія. Первой ступеню въ тому служило кооперативное движеніе, которому посвящены въ рассматриваемой нами книгѣ однѣ изъ интереснѣйшихъ страницъ. Формы, въ которыя выливается это движеніе, крайне разнообразны: здѣсь и союзы рабочихъ, занятыхъ въ одной отрасли промышленности, и кассы взаимопомощи, производительныя и потребительныя ассоціаціи и проч. Во всемъ этомъ сказывается то же стремленіе къ самостоятельности, которое не оставляло народъ Бельгіи на всѣхъ путяхъ его прошлаго историческаго развитія.

Книга Л. Купріяновой заслуживаетъ широкаго распространенія какъ по достоинствамъ изложенія, такъ и по содержанию. Изданіе снабжено 8-ю рисунками и картою, и цѣна его очень не высока. При этихъ достоинствахъ изданія обращаетъ на себя вниманіе крайняя мѣстами неудовлетворительность корректуры.

М. Плотниковъ.

Ст. О. Гулишамбаровъ. Всемирная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи: Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Означенный трудъ г. Гулишамбарова является плодомъ спеціальнаго изслѣдованія, которое онъ производилъ въ 1898 г. въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ по вопросу о современномъ состояніи въ этихъ странахъ торговли нефтяными продуктами. Работая въ богатыхъ европейскихъ и американскихъ бібліотекахъ для уясненія спеціально интересовавшаго его предмета, авторъ тѣмъ самымъ близко ознакомился съ современными

условіями всемірної торгівлі и характером нашихъ торговельхъ сноше, ній съ другими государствами. Все это дало ему возможность, дополнивъ полученный матеріалъ исторической справкой, издать настоящій трудъ, содержание котораго распределяется по слѣдующимъ главнымъ рубрикамъ: историческая судьба всемірнаго рынка, главнѣйшіе предметы междуна-роднаго обмѣна въ XIX вѣкѣ, обзоръ всемірной торговли въ XIX в. по государствамъ, итоги міроваго хозяйства въ XIX в., современное состо-яніе всемірнаго рынка.

Сводныхъ статистическихъ работъ о всемірной торговлѣ настоящаго столѣтія въ западной литературѣ имѣется не одно: достаточно упомянуть изслѣдованія Мюлгала, Шерцера, Неймана-Шпаларта, но, не говоря о томъ, что въ нашей экономической литературѣ такихъ изслѣдованій до сихъ поръ не было, трудъ г. Гулишамбарова имѣетъ особое значеніе для насъ потому, что обзоръ всемірной торговли произведенъ имъ въ связи со степенью развитія промышленности въ Россіи и участія ея въ между-народномъ обмѣнѣ. Авторъ признаетъ, что вопросъ разработанъ не съ той степенью полноты, которая была бы желательна, но объясняетъ это прежде всего недостаткомъ и неудовлетворительностью статистическаго матеріала, имѣвшагося въ распоряженіи.

Обмѣнъ стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ внутреннимъ производ-ствомъ страны. Послѣднее время у насъ много говорится и пишется о выдающемся промышленномъ ростѣ Россіи. Не отрицая этого роста въ особенности по отношенію къ послѣдному десятилѣтію, нельзя однако не признать, при одномъ сопоставленіи главнѣйшихъ производствъ про-мышленныхъ странъ Запада и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ нашими, что намъ еще очень далеко до послѣднихъ. Въ особенности на-глядно это выступаетъ, если имѣть въ виду территорію Россійской импе-ріи и абсолютную численность ея населенія. Мы гордимся тѣмъ, что въ настоящее время не только громадный спросъ на хлопчато-бумажныя издѣлія удовлетворяется у насъ собственнымъ производствомъ, но имѣется значительный вывозъ. Однако, оставляя въ сторонѣ вопросъ о пошлинѣ на ввозъ издѣлій, достаточно обратить вниманіе на то, что общее число верстень для приготовленія пряжи у насъ достигло 6 мил., тогда какъ въ Великобританіи оно равнялось въ 1895 г. около — 45 мил., въ Соеди-ненныхъ Штатахъ около 17, причемъ, по словамъ автора рассматринае-маго изслѣдованія, что касается роста хлопководства въ странахъ про-изводства, то «здѣсь всѣ шансы на сторонѣ Соединенныхъ Штатовъ; его производство тамъ такъ быстро растетъ, что успѣхи другихъ странъ со-вершенно ступеньваются» (26 стр.). Указывается также у насъ на уве-личеніе выплавки чугуна, но цифры показываютъ, что въ началѣ теку-щаго столѣтія Соединенные Штаты занимали по выплавкѣ чугуна послѣд-нее мѣсто, въ концѣ же его занимаютъ первое, причемъ въ теченіе сто-лѣтія производство его увеличилось въ этой странѣ въ 234 раза; въ Рос-сіи оно увеличилось всего въ 8½, раза. Значительные успѣхи въ томъ же на-правленіи сдѣлала и Германія, далеко опередившая Россію и Францію. И хотя въ Россіи, именно за послѣднія 15 лѣтъ, выплавка чугуна увеличи-лась дѣйствительно съ 27, мил. пуд. въ 1880 г. до 87, мил. пуд. въ 1895 г., но что значатъ эти абсолютныя цифры передъ 585, мил. пуд. чугуна-

выплавленныхъ въ 1895 г. Соединенными Штатами, 489,, мил. пуд. Великобританію, 353,, Германіей (45 стр.).

Въ итогѣ, который даетъ г. Гулишамбаровъ, въ періодъ съ 1891—95 г. наше участіе въ международномъ товарномъ обмѣнѣ выразилось среднимъ числомъ въ годъ въ мил. кред. рублей слѣдующими цифрами: ввозъ 469 м. руб., вывозъ 628 мил., всего 1097 мил. Для 1896 года общіе обороты достигли 1,279 мил. руб., что при населеніи въ 129 мил. чел. составляетъ на душу почти 10 руб. (стр. 175). Въ Великобританіи (безъ колоній) въ 1895 г. при населеніи въ 39,124 тыс. ввозъ равнялся 416,690 тыс. фунт. стерл., вывозъ 285,832 тыс. фунт. стерл., всего 702,522 тыс. фунт. стерл., что составляетъ на душу 18 фунт. стерл. или 118 р. 40 коп. на наши деньги (стр. 64).

Относительное значеніе для Россіи различныхъ отраслей промышленности авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. По приблизительному подсчету, сдѣланному для обѣнки сельско-хозяйственной производительности Россіи въ 1895 г. оказывается, что она (считая здѣсь продукты полеводства, скотоводства, лѣсоводства, рыболовства и проч.) равняется громадной цифрѣ 4,006 мил. руб. Производительность горнаго промысла въ 1894 г. опредѣлялась въ 160 мил. руб., причемъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ чугуны—81347 т. п. на 55½ мил. руб., а на второмъ мѣстѣ золото—2621 п. (около 20 т. руб. за пудъ). Что же касается обрабатывающей промышленности, то, по даннымъ за 1893 отчетный годъ о фабрикахъ и заводахъ, общая производительность ихъ опредѣляется въ 1759 мил. руб., причемъ, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду, что статистика производствъ, необложженныхъ акцизомъ, не отличается достаточной полнотой и точностью.

Обзоръ участія главнѣйшихъ государствъ во внѣшней торговлѣ Россіи говоритъ намъ, что съ первыхъ годовъ разсматриваемаго періода Великобританія занимаетъ въ ней наиболѣе выдающееся положеніе между всѣми другими и только въ послѣдніе годы Германія показываетъ явное стремленіе занять первое мѣсто въ нашихъ внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ, что особенно рѣзко выразилось въ оборотахъ послѣдняго 1896 отчетнаго года, когда на долю Германіи пришлось 29,,%, въ томъ числѣ по ввозу 32,,%, а по вывозу 26,,%, а Великобританіи только 21,,%, въ томъ числѣ по ввозу 18,,%, а по вывозу 23,,%. Такимъ образомъ оказывается, что эти два государства поглощаютъ половину нашихъ оборотовъ по внѣшней торговлѣ, причемъ Германія даетъ намъ больше, чѣмъ сама получаетъ отъ насъ, а Великобританія, наоборотъ, даетъ намъ меньше, чѣмъ получаетъ отъ насъ. Участіе другихъ государствъ не имѣетъ такого важнаго значенія.

Что же именно вывозить Россія въ означенныя страны? Главнымъ образомъ хлѣбъ въ зернѣ, преимущественно пшеницу, но и тутъ, что касается англійскаго рынка, она уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ. Въ Германію въ 1896 г. ввезено въ общемъ хлѣба изъ Россіи на 495,, мил. мар., что составляетъ около 11% всего привоза, но и ввозъ хлѣба въ Германію изъ Россіи въ послѣдніе годы ослабляется, отчасти по причинѣ конкуренціи внѣевропейскихъ странъ, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Индіи, Аргентины, отчасти подъ вліяніемъ нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ въ Россіи.

Наиболѣе общій интересъ представляютъ главы объ исторической

судьбѣ всемірнаго рынка и объ итогахъ міроваго хозяйства въ XIX в. Въ первой изъ нихъ авторъ указываетъ, какъ распредѣлялся всемірный рынокъ въ различныя эпохи между отдѣльными государствами, какъ перемѣщались центры міровой торговли и болѣе подробно объясняется борьба отдѣльныхъ государствъ въ XIX вѣкѣ изъ за господства на всемірномъ рынкѣ. Однако связь между политической исторіей и развитіемъ торговаго обмѣна намѣчена крайне поверхностно, что и не могло быть иначе, когда обойдено значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ такихъ соціальныхъ институтовъ, какъ рабство и крѣпостничество. Для позднѣйшаго періода XIX вѣка—врядъ ли есть основаніе приурочивать, какъ это дѣлаетъ авторъ, главные моменты въ развитіи международнаго обмѣна къ общепринятымъ въ политической исторіи Запада дѣленіямъ на эпохи: 1) эпоху наполеоновскихъ войнъ, 2) эпоху отъ Вѣнскаго конгресса до іюльской революціи 1830 г.; 3) періодъ отъ іюльской революціи до февральской революціи 1848 г.; 4) періодъ отъ 1848 г. до франко-прусской войны 1870 г. и наконецъ 5) отъ образованія Германской имперіи до настоящаго времени. Соответствіе между этими періодами западной исторіи и измѣненіями въ положеніи міроваго рынка, кромѣ развѣ эпохи примѣненія Наполеономъ континентальной системы, строго установить нельзя: несравненно большее значеніе имѣли здѣсь ростъ техники, изобрѣтенія и ходъ въ соціально-экономическомъ развитіи отдѣльныхъ странъ. Любопытно между прочимъ заключеніе автора о возможной въ ближайшемъ будущемъ роли Соединенныхъ Штатовъ въ положеніи міроваго хозяйства и торговли,

«Это небольшое (?) государство, говоритъ онъ въ заключительныхъ словахъ книги, созданное народомъ, не имѣющимъ опредѣленнаго типа (многіе даже не признаютъ его за народъ, называя его конгломератомъ многихъ народностей, не успѣвшихъ еще ассимилироваться въ одно цѣлое), и, строго говоря, не имѣющимъ даже своей исторіи, если такъ можно выразиться, поражаетъ всякаго своими колоссальными успѣхами за послѣднее столѣтіе. Въ политическомъ отношеніи оно даже не причислено къ сонму великихъ державъ, но въ экономическомъ оно рѣшительно господствуетъ въ міровомъ хозяйствѣ и все его кратковременное прошлое служить залогомъ его дальнѣйшихъ преуспѣваній въ этой области. Вліяніе Соединенныхъ Штатовъ на экономическую жизнь Европы особенно рѣзко стало обозначаться съ 1870 года, и съ тѣхъ поръ оно все болѣе и болѣе крѣпнеть; оно теперь настолько сильно и неотразимо, что Европа встрепенулась и надумываетъ о необходимости правильной организаціи для экономической борьбы съ упомянутымъ государствомъ, являющимся въ міровомъ хозяйствѣ какимъ то разночинцемъ среди маститыхъ дѣателей Стараго Свѣта, насчитывающихъ себѣ Маусанлова вѣка и носящихъ въ своихъ гербахъ не мало отличій. Однако, никто изъ старосвѣтскихъ дѣателей не чувствуетъ въ себѣ столько силы, чтобы самостоятельно и единолично выступить противъ новосвѣтскаго разночинца, и поэтому проэктируется небывалая въ исторіи коалиція для экономической борьбы европейскихъ государствъ съ Соединенными Штатами. Старый свѣтъ ополчается на Новый; если бы даже упомянутая коалиція не состоялась, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, то уже одна мысль о ней является характернымъ знаменіемъ времени, которое предвѣщаетъ, что на закатѣ XIX вѣка надъ

всемірнымъ рынкомъ собирается сильная гроза, которая можетъ разразиться колоссальнымъ торгово-промышленнымъ кризисомъ и захватить въ свою сферу всё его закулки» (226 стр.). Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, политическое значеніе Соединенныхъ Штатовъ еще болѣе возвысилось на развалинахъ одного изъ первенствующихъ нѣкогда государствъ Старого Свѣта, подавленного военною и экономическою мощью Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что дѣлаетъ вышеприведенныя слова г. Гулишамбарова еще болѣе значительными.

М. Плотниковъ.

Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихкихъ воспоминаній Фабра. Перев. съ французскаго Е. И. Шевыревой подъ редакціей И. И. Шевырева. Съ 213 рис. С.-Пб. Изданіе А. Маркса (цѣна не обозначена).

На это прекрасное изданіе можно смотрѣть какъ на реваншъ, который далъ Марксъ нашей зоологической литературѣ, столь явно оскорбленной имъ изданіемъ переполненной грубыми ошибками и противорѣчіями, но усердно имъ рекламируемой книги Линдемана. Роскошное изданіе, прекрасный переводъ и умѣлая редакция—дѣлаютъ книгу Фабра желательнымъ и притомъ весьма своевременнымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы. Въ настоящее время очень много трактуются объ инстинктѣ въ нашей литературѣ, но все таки самое понятіе объ инстинктѣ, я думаю, останется довольно туманнымъ въ головѣ читателя не-зоолога, покуда онъ не ознакомится съ фактической стороною вопроса. Книга Фабра поучительна не только для энтомолога, но и для всякаго лица, интересующагося вопросами психологіи животныхъ. Исходная точка зрѣнія Фабра, а именно, что психическая жизнь насѣкомаго исчерпывается сферой инстинкта и лишь нѣкоторой дозой разума—мнѣ кажется вполне вѣрной. Прекрасную характеристику инстинктивной жизни даетъ Фабръ на стр. 224—225.

«Животное ни свободно, ни сознательно въ своей дѣятельности; послѣдняя является въ немъ только внѣшней функціей, ходъ которой регулируется съ такою же правильностью, какъ фазы какой нибудь внутренней функціи, напр. пищеваренія. Оно строитъ, дѣлаетъ тѣяни и коконы, охотится, парализуетъ, жалитъ, точно такъ же, какъ и перевариваетъ пищу, какъ выдѣляетъ ядъ въ свое оружіе, шелкъ для кокона, воскъ для сотовъ—совершенно не отдавая себѣ никогда ни малѣйшаго отчета въ цѣли и въ средствахъ. Оно не сознаетъ своихъ чудныхъ талантовъ, точно такъ же, какъ желудокъ не сознаетъ своей ученой химіи».

Забавно читать (стр. 407—408) описаніе одного опыта, въ коемъ Фабръ, продыравивъ ячейку осы каменщицы, заставляетъ послѣднюю въ теченіи нѣсколькихъ часовъ наполнять эту «бочку данаидъ» медомъ, и оса ни разу не пытается остановить вытеканіе меда изъ ячейки, хотя отлично видитъ это.

Чрезвычайная тщательность, почти кропотливость наблюденія и описанія, дѣлаютъ книгу Фабра хорошимъ пособіемъ для того, кто хотѣлъ-бы самъ продѣлать подобныя же опыты. Прибавьте къ этому страстную лю-

твовъ къ предмету своихъ изслѣдованій, любовь, сквозящую въ каждой строчкѣ — и вы получите довольно вѣрное представленіе о достоинствахъ этой интересной книги. Не менѣе важны, однако, и ея недостатки.

Къ числу такихъ надо отнести нѣкоторую слабость обобщеній. Фабръ признаетъ инстинктъ за нѣчто неизмѣнное, ненарушимое въ теченіи вѣковъ и лишь сознательные акты въ жизни насѣкомаго подлежатъ измѣненіямъ,, по его мнѣнію (стр. 414). Въ этомъ наиболѣе крупная ошибка всей книги. Инстинктъ измѣчивъ, какъ и самая организація животнаго, но это измѣненіе идетъ только путемъ подбора. Этого никакъ не хочетъ признать Фабръ. Редактировавшій книгу И. Я. Шевыревъ вполне основательно ощутилъ анти-трансформистскія тенденціи Фабра, и вполне основательно считаетъ эти мѣста подлинника, при всемъ ихъ многословіи, наиболѣе слабыми. Но нѣкоторая слабость логическихъ приемовъ проглядываетъ у Фабра и въ второстепенныхъ вопросахъ. Напр., на стр. 106—107 рѣшается вопросъ, какимъ образомъ аммофила узнаетъ присутствіе подъ землей гусеницы (озимаго червя), за которыми она охотится. Фабръ отрицаетъ здѣсь роль слуха и обонянія и приписываетъ эту способность *особому чувству*. Не отрицая нѣсколько возможности совершенно особыхъ чувствъ у насѣкомыхъ, все-таки разсужденіе Фабра мы должны признать наивнымъ. Почему онъ отрицаетъ роль обонянія? Не потому, чтобы мы не имѣли подобныхъ примѣровъ чрезвычайно тонкаго проявленія этого чувства у насѣкомыхъ, а потому, что самая гусеница будто-бы ничѣмъ не пахнетъ. Онъ самъ нюхалъ гусеницу и давалъ нюхать «ноздрямъ болѣе молодымъ» — и тѣ не могли открыть въ гусеницѣ ни малѣйшаго слѣда запаха. Не трудно видѣть, что допущеніе у насѣкомыхъ чрезвычайнаго тонкаго обонянія и проверка вопроса о томъ, пахнетъ-ли гусеница чѣмънибудь, при помощи такого грубаго орудія, какъ человѣческой носъ, хотя бы и не особенно старый, стоять въ слишкомъ явномъ противорѣчій. Такого приема не можетъ допустить ни одинъ изслѣдователь, претендующій на точность. А все-таки всему виной эта антропоморфическая тенденція мѣрить все на человѣческой аршинъ. Читая Фабровскія описанія, невольно удивляешься, зачѣмъ человекъ къ вопросамъ и безъ того для всякаго интереснымъ, прибѣшиваетъ различныя антропоморфическія побрякушки: «ученый бандитъ» (стр. 26), «три удара кинжаломъ» (стр. 46), «тахитъ, убійца богомоловъ» (стр. 155).

Когда читаешь строки, посвященныя описанію (на стр. 155) этого тахита, при чемъ познаешь, что онъ имѣетъ *красный поясъ*, какъ и его *коллега*, тахитъ Панцера, что онъ живетъ только въ дѣсахъ Сериньяна, что его *богатая фактами исторія* будетъ изложена со всей обстоятельностью, какой она заслуживаетъ, то начинаешь думать, что дѣло идетъ о какомънибудь бандитѣ и негодяѣ, избравшемъ спеціальностью избіеніе богомольцевъ, какъ и его другой *коллега съ краснымъ поясомъ*, и начинаешь удивляться долготерпѣливости французскаго начальства.

Только прочитавъ, что добыча его состоитъ изъ личинокъ, видишь, что дѣло не такъ страшно, какъ казалось. Къ чему эти побрякушки? Наука отъ нихъ не дѣлается интереснѣе, и онѣ рѣжутъ ухо. Во всякомъ случаѣ книга Фабра — полезная и хорошая книга.

В. А. Варпаховскій. Определитель прѣсноводныхъ рыбъ Европейской Россіи съ 102 рис. въ текстѣ. С.-Пб. Изд. Суворина. 1898 г. (цѣна не обозначена).

Въ странахъ съ болѣе древней культурой и потому болѣе высокой культурой, чѣмъ Россія, изученіе мѣстной фауны быстро подвигается впередъ, благодаря многочисленнымъ провинціальнымъ ученымъ обществамъ и мѣстнымъ музеямъ. Тамъ даже въ небольшихъ центрахъ имѣются мѣстные ученые центры, которые, не увлекаясь широкими задачами, систематически работаютъ надъ изученіемъ родного района. Иногда въ такихъ мѣстныхъ музеяхъ изслѣдователь случайно находитъ объекты, имѣющіе громадный обще-научный интересъ. У насъ провинціальныя музеи только лишь возникаютъ, а мѣстные ученые общества существуютъ по большей части лишь въ университетскихъ центрахъ и естественно болѣе работаютъ надъ обще-научными задачами, чѣмъ надъ изученіемъ мѣстной фауны. Поэтому эта послѣдняя задача главнымъ образомъ достается на долю мѣстныхъ любителей натуралистовъ. Не имѣя специальной подготовки, они являются подчасъ тщательными и добросовѣстными собирателями. Однако, разумное коллектированіе возможно только при нѣкоторомъ знакомствѣ съ тѣмъ, что собираешь. Послѣднее время въ русской зоологической литературѣ стали, наконецъ, появляться пособія для опредѣленія собираемыхъ животныхъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить капитальный трудъ проф. Мензбира: «Птицы Россіи». Теперь благодаря появленію книжки Варпаховскаго мы имѣемъ хорошей и удобной опредѣлитель рыбъ Европейской Россіи (кромѣ Кавказа, кою ихтиологическая фауна мало изучена).

Задача Варпаховскаго значительно легче, чѣмъ проф. Мензбира. Варпаховскому пришлось имѣть дѣло всего лишь съ 88 видами рыбъ. Во всякомъ случаѣ задача эта выполнена вполне добросовѣстно и успѣшно. Сначала дано описаніе внѣшней формы тѣла рыбъ и краткое анатомическое описаніе ихъ. Послѣднее, правда, не имѣетъ большого значенія въ опредѣлитель, но все же можно было прибавить на него странички двѣтри, чтобы познакомить читателя съ вопросами, которые не лишни и для систематика. Почему было не объяснить вкратцѣ, что такое «боковая линія», упоминаемая на стр. 6? Почему, говоря о боковыхъ плавняхъ рыбъ, не добавить, что они соответствуютъ четыремъ конечностямъ высшихъ позвоночныхъ? Точно также на этихъ же немногихъ страницахъ можно было дать болѣе подробныя свѣдѣнія насчетъ физиологій рыбъ. Разъ говорится о вкусѣ рыбъ (стр. 17), то почему не сказать, что нѣкоторые рыбы обладаютъ способностью воспринимать вкусовыя ощущенія всею поверхностью нахожныхъ покрововъ? Но во всякомъ случаѣ, это детали, а главная цѣль—дать возможность человѣку неподготовленному опредѣлить пойманную рыбу—эта цѣль достигнута успѣшно и чрезвычайно облегчена тѣмъ, что даны такъ называемыя дихотомическія таблицы. Кромѣ того присоединены къ опредѣлителю двѣ весьма полезныя главы изъ коихъ одна касается географическаго распространенія русскихъ рыбъ, а другая даетъ обстоятельныя указанія касательно собиранія рыбъ, а равно намѣчаетъ главнѣйшіе вопросы касательно биологій рыбъ и рыбо-

ловства, вопросы, на которые может отвѣтить каждый любитель ихтиолога, если только онъ не пожалѣетъ труда и времени. Наша зоологическая литература, предназначенная для любителей и лицъ, интересующихся зоологіей, богатѣетъ годъ отъ году, чему можно только радоваться.

Проф. В. Шимкевичъ.

М. Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Второе издание, значительно исправленное и дополненное. С.-Пб. ц. 60 коп.

Если вообще составленіе хорошаго учебника — нелегкая и отвѣтственная задача, то составленіе учебника для младшаго возраста имѣетъ еще и свои спеціальныя трудности. Для взрослога ученика учебникъ — лишь вспомогательное средство при усвоеніи классныхъ бесѣдъ преподавателя и чтенія научно-популярныхъ пособій; выдвиганіе учебника на первый планъ можетъ даже повредить занятіямъ старшаго возраста, препятствуя приученію ученика къ умственной самостоятельности. Иное дѣло — занятія младшаго возраста. О болѣе или менѣе самостоятельномъ пользованіи литературой пособій здѣсь конечно не можетъ быть и рѣчи, живое слово преподавателя и въ этомъ случаѣ несомнѣнно должно стоять на первомъ планѣ, но отъ малолѣтнихъ учениковъ нельзя требовать твердаго усвоенія тѣхъ сообщеній, которыя не опираются такъ или иначе на текстъ учебника. Для старшихъ классовъ учебникъ цѣненъ лишь, какъ скелетъ предмета, помогающій систематизировать разнообразный запасъ идей и фактовъ, почерпаемыхъ изъ классной бесѣды и самостоятельнаго чтенія. Напротивъ того, въ младшихъ классахъ учебникъ долженъ представлять сжатую энциклопедію всѣхъ тѣхъ знаний, которыя предполагаются доступными и необходимыми для соотвѣствующаго возраста. Составителю такого учебника необходимо обладать большимъ запасомъ педагогическаго такта, чтобы сумѣть совмѣстить въ своей работѣ сжатость изложенія съ полною содержанія. Эти трудности еще болѣе увеличиваются примѣнительно къ учебнику для младшаго возраста по такому предмету, какъ исторія. Здѣсь сверхъ педагогическаго такта непременно требуется еще и искусство разсказа. Передъ вами дѣти такого возраста, которому не можетъ быть доступна отвлеченная схематизація историческихъ данныхъ, но при этомъ однако же они не вполне удовлетворяются и простой занимательностью отрывочныхъ историческихъ картинокъ. Искусство разсказа, необходимое для плодотворнаго преподаванія исторіи дѣтямъ младшаго возраста, должно состоять въ умѣнн такъ сгруппировать и такъ изложить преподаваемый матеріалъ, чтобы факты говорили сами за себя, чтобы повѣсть о событіяхъ и лицахъ незамѣтно наводила дѣтей на мысль о связности и послѣдовательности историческаго процесса.

Принявъ во вниманіе всѣ отмѣченныя трудности, нельзя не поставить въ особую заслугу г. М. Острогорскому его удачный опытъ по составленію учебника для элементарнаго курса отечественной исторіи III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Г. Острогорскій весьма счастливо разрѣшилъ свою отвѣтственную задачу.

Сознательно избѣгая отвлеченныхъ сужденій и голыхъ обобщеній, авторъ не увлекается и въ сторону, такъ сказать, исторической живописи. Живымъ и легкимъ, и въ то же время простымъ и безпритязательнымъ, языкомъ онъ излагаетъ важнѣйшія событія русской исторіи, но при этомъ моменты не заслоняютъ въ его изложеніи *процесса*, *лица* не заслоняютъ *народа*. Представленные имъ очерки политическаго строя и общественнаго быта разныхъ эпохъ нашей исторіи въ концѣ концовъ вполне удовлетворительно выясняютъ и общія условія развитія русской исторической жизни. Касаясь такихъ серьезныхъ темъ, какъ объясненіе важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, онъ обыкновенно вполне удачно находитъ доступную для пониманія младшаго возраста форму выраженій, не жертвуя однако ради удобопонятности формы точностью вложенной въ нее мысли. Особеннаго одобренія заслуживаетъ также умѣлое введеніе въ текстъ данныхъ по культурной исторіи, сообщающихъ истинную плоть и кровь изложенію учебника. Цѣнность этихъ данныхъ еще увеличивается приложенными къ тексту иллюстраціями, изображающими типичныя постройки, одѣяніе, вооруженіе, утварь, монеты, даже факсимиле скорописныхъ почерковъ стараго времени. Такимъ образомъ, разбираемый учебникъ при сжатости изложенія даетъ ученику разностороннее представленіе и о главнѣйшихъ событіяхъ, и о политическомъ развитіи, и о бытовыхъ особенностяхъ въ русской жизни. Нельзя не привѣтствовать также введеніе въ учебникъ историческихъ картъ, представляющихъ съ помощью красокъ послѣдовательный ростъ русской государственной территоріи. Мы находимъ у г. Острогорскаго карту расселенія древнѣйшихъ обитателей русской равнины въ IX вѣкѣ, карту княжествъ въ половинѣ XIII ст., карту московскаго государства XVI—XVII вв., на которой различными красками отмѣчены послѣдовательныя приращенія московскихъ владѣній и, наконецъ, карту російской имперіи, на которой съ помощью того же приѣма обозначено территоріальное расширеніе имперіи отъ царствованія Петра I до новѣйшаго времени. Нельзя не пожалѣть, впрочемъ, что на эту карту нанесена лишь европейская часть имперіи и такимъ образомъ остался не освѣщеннымъ важный процессъ поступательнаго движенія имперіи на дальній востокъ и вглубь средней Азіи. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о тщательно составленномъ вопросникѣ для повтореній, приложенномъ къ учебнику.

Конечно, автору можно сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній. Такъ напримѣръ, при описаніи торговыхъ и политическихъ связей славянъ съ Византіей авторъ напрасно не воспользовался прекраснымъ и яркимъ рассказомъ Константина Багрянороднаго о снаряженіи и плаваніи торговыхъ каравановъ изъ Кіева въ Константинополь. Ограничившись одной суммарной характеристикой княжескихъ усобицъ, г. Острогорскій отступилъ отъ своего правильнаго принципа живописать фактами. Мы думаемъ, что пересказъ хотя бы эпизода ослѣпленія Василька и его послѣдствій не былъ бы лишнимъ для большей конкретности изложенія. Стѣovalo бы также рельефнѣе отмѣнить различіе жизненныхъ условій кievскаго юга и сѣверо-восточныхъ удѣловъ. Маршрутъ Батыева нашествія на Русь не мѣшало бы пополнить указаніемъ на неудачную попытку татаръ проникнуть въ Новгородскую область: это характерно для изолированнаго поло-

женія Новгорода среди тогдашнихъ областей русской равнины. Въ описаніи состоянія русскаго общества въ половинѣ XVIII ст., исполненномъ вообще весьма удачно, хорошо было бы подчеркнуть позамѣтнѣе вліяніе крѣпостного права на различныя сферы тогдашней жизни. Разсматривая выдающіяся царствованія, авторъ останавливается и на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятеляхъ, образы которыхъ должны сдѣлаться близкими русскому человѣку уже съ ранняго дѣтства. Такъ, авторъ говоритъ о Ломоносовѣ, о Сперанскомъ, помѣщая и портреты ихъ. Вполнѣ сочувствуя этому приему мы сочли бы желательнымъ нѣсколько расширить этотъ элементъ, присоединить сюда, напр., такое характерное для своего времени лицо, какъ Новиковъ, упомянуть и о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ, напримѣръ, о Николаѣ Милютинѣ. Пусть наши дѣти чаще слышатъ эти историческія имена, хотя бы они и не могли еще уразумѣть во всемъ объемѣ значеніе ихъ дѣятельности.

Мы могли бы еще увеличить количество такихъ частныхъ пожеланій, хотя и готовы признать, что отъ осуществленія нѣкоторыхъ изъ нихъ автору пришлось воздерживаться просто ввиду необходимости слѣдовать официальнымъ учебнымъ планамъ.

Во всякомъ случаѣ подобныя замѣчанія не умаляютъ крупныхъ достоинствъ разсматриваемаго учебника, который слѣдуетъ признать несомнѣнно лучшимъ изъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время руководствъ по элементарному курсу русской исторіи.

Ал. Кизеветтеръ.

Д-ръ А. В. Граціанскій. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ свойства, признаки, леченіе и предохраненіе. Руководство для родителей, учителей и духовенства. Ц. 75 к. С.-Петербургъ 1898 г.

Ни въ одной странѣ не распространены такъ заразные болѣзни и нигдѣ онѣ не причиняютъ столько бѣдствій и несчастій, какъ въ Россіи. Смертность отъ нихъ въ Россіи достигаетъ ужасающихъ размѣровъ — напр. въ 1896 году отъ одного дифтерита и крупа умерло 102 т. человѣкъ, отъ скарлатина—87 т. отъ кори—94 т. отъ оспы 45 т. (и въ 92 г. отъ оспы умерло 109 т.), коклюша 81 т. Не перечисляя другихъ заразныхъ болѣзней, можно сказать, что отъ нихъ умираютъ сотни тысячъ. Это ли не страшно! Какая война или голодъ можетъ дать такія ужасающія цифры! Борьба съ этимъ бѣдствіемъ можетъ быть только общая — правительство, общество и каждый изъ насъ совместно будутъ дѣйствовать, и только при этомъ условіи возможна сколько нибудь успѣшная борьба съ заразными болѣзнями. Однимъ изъ способовъ для борьбы съ этими болѣзнями является знакомство съ свойствами этихъ заразъ, признаками ихъ и мѣрами предупрежденія. Такого рода знанія особенно необходимы для интеллигентныхъ лицъ, живущихъ въ провинціи — учителей, духовенства, административныхъ лицъ и т. д. какъ близко стоящихъ къ народу, и не рѣдко имъ приходится даже и подавать первое пособіе, давать совѣты, какъ уберечь себя и другихъ отъ зараженія. Поэтому по-

явленіе такого рода книгъ, руководствъ, въ которыхъ излагались бы краткія свѣдѣнія по этому поводу, крайне желательно. Выше указанная книга именно и предназначается для лицъ образованныхъ, которые съ пользою прочтуть ее и могутъ руководствоваться при распознаваніи различныхъ болѣзней, узнать какъ уберечься отъ нихъ. Къ сожалѣнію, авторъ много отводитъ мѣста лѣчебнымъ мѣрамъ, что не желательно. Между прочимъ авторъ даетъ совѣты и лѣчить болѣзни ушей, если при нихъ появляется течь (22), спринцевать растворомъ борной кислоты; рекомендуется лѣчить носовыя кровотеченія водой съ лимоннымъ сокомъ (23), даже рекомендуетъ опій при нѣкоторыхъ болѣзняхъ (61). Далѣе нельзя не обратить вниманія на слишкомъ уже усиленную рекомендацію авторомъ, при лѣченіи заразныхъ болѣзней, вина различныхъ сортовъ и въ разныхъ количествахъ. При лѣченіи каждой почти болѣзни авторъ совѣтуетъ давать вино (22 38 78 стр.) и даже въ большихъ дозахъ, напримѣръ, при дифтеритѣ для поддержанія силъ на первомъ планѣ рекомендуетъ давать каждый часъ: для дѣтей до 2-хъ л. по $\frac{1}{2}$ —1 чайн. ложки до 10 л.—по десертной ложкѣ (портвейнъ, мадеру, хересь и столовая (78).

Не входя въ дальнѣйшій разборъ этой части книги, остановимся на другихъ. Авторъ даетъ подробныя описанія всѣхъ почти заразныхъ болѣзней, иначе встрѣчающихся въ населеніи и наиболѣе опасныхъ—онъ говоритъ объ оспѣ, корі, скарлатинѣ, тифахъ, дифтеритѣ и т. п. О нѣкоторыхъ изъ этихъ болѣзней даются болѣе подробныя свѣдѣнія, о другихъ краткія, смотря по свойству болѣзни (краткія о вѣтреной оспѣ, краснухѣ, неопредѣленномъ тифѣ); причемъ о каждой изъ нихъ вначалѣ излагаются свойства и симптомы болѣзни, распознаваніе, значеніе, лѣченіе, предохраненіе и предупрежденіе. При описаніи причинъ возникновенія той или другой изъ этихъ болѣзней авторъ держится на строго обоснованныхъ фактахъ и наблюденіяхъ, избѣгая гипотезъ и спорныхъ вопросовъ. Желательно было бы обратить болѣе вниманія на профилактическую сторону названныхъ заболѣваний. Особенно подробно авторъ говоритъ о брюшномъ тифѣ, дифтеритѣ, чохоткѣ, холерѣ. Въ концѣ книги находится небольшая глава о дезинфекціи вообще и средствахъ, которыми она производится (160—170); составлена она очень просто и ясно; въ заключеніе одна глава посвящена вопросу о жилищахъ (170—173), которая какъ то не вяжется съ содержаниемъ книги. Если уже говорить о жилищѣ, его роли вообще и т. д. то это должно быть сдѣлано болѣе обстоятельно, полно, а не въ такомъ видѣ какъ здѣсь (двѣ странички).—Не смотря на указанные недостатки книга д-ра Граціанскаго является хорошимъ пособіемъ и руководствомъ для интеллигентныхъ лицъ въ провинціи въ борьбѣ съ заразными болѣзнями; написана она хорошимъ литературнымъ языкомъ, понятно, безъ употребленія специальныхъ терминовъ, которыми такъ часто грѣшатъ наши якобы общедоступныя книги. Все это даетъ право рекомендовать книжку д-ра Граціанскаго какъ одну изъ хорошихъ по настоящему вопросу.—Изданіе хорошее.

Д. Никольскій.

Кіевское общество грамотности. **О вредѣ сифилиса** и о мѣрахъ къ его предупрежденію. Врача Доценко. Изд. Кульженко, ц. 3 к.

Сифились, занимающій среди заразительныхъ болѣзней въ Россіи одно изъ первыхъ мѣсть, подрываетъ не только здоровье, но крайне не благопріятно отражается и на экономическомъ благосостояніи больного. Никакая другая болѣзнь не дѣйствуетъ такъ губительно на человѣческой организмъ, какъ сифились, который поражаетъ не только самого больного,—но является опаснымъ для семьи и для общества. Для успѣшности борьбы съ нимъ необходимо широкое распространеніе свѣдѣній о сифилисѣ, а также о томъ, какъ уберечься отъ зараженія имъ. Однимъ изъ способовъ ознакомленія съ сущностью этой болѣзни и являются популярныя брошюры, книги, бесѣды и т. д. Но среди этихъ книжекъ не мало есть и такихъ, которыя совсѣмъ не пригодны для распространенія въ населеніи. Названная брошюра врача *Доценко* принадлежитъ къ разряду хорошихъ и можетъ быть рекомендована не только образованному читателю, но и просто грамотному. По своему содержанію, простотѣ изложенія, не смотря на сжатость его, ясность выраженія, литературный языкъ, она производитъ пріятное впечатлѣніе. Повидимому, авторъ хорошо знакомъ съ условіями народной жизни. Краткое содержаніе ея таково. Вначалѣ авторъ въ немногихъ словахъ выясняетъ вредъ отъ сифилиса для больного, затѣмъ вредъ для окружающихъ его потомства; все это иллюстрируетъ примѣрами изъ повседневной жизни, что особенно важно; затѣмъ говоритъ о томъ, какъ *передается сифилитическая зараза* (вполнѣ основательно замѣчаетъ, что болѣзнь эта чаще передается не отъ разврата, но невольнымъ способомъ отъ больныхъ къ здоровымъ, подробно перечисляются способы передачи его), какъ *проявляется* сифились (11—18) и наконецъ какъ *уберечься отъ сифилиса* (15 — 22) съ указаніемъ о лѣченіи сифилиса (не предлагается какихъ нибудь средствъ, а говорится о необходимости лѣченія). Нельзя не указать на нѣкоторую неточность въ книгѣ, въ родѣ того, что «Нѣтъ другой болѣзни, которая бы такъ вѣрно выдѣливалась». (18) какъ сифились. Это вопросъ спорный. Брошюра можетъ быть рекомендована для народныхъ чтеній, библиотекъ и читателей и вообще для распространенія среди народа. Изданіе хорошее.

Д. Н.

Журнальное обозрѣніе.

«Парижъ» Зола.

Каждое новое произведеніе Э. Зола—литературное событіе не только для Франціи, но и для Россіи. Романы Э. Зола одновременно съ печатаньемъ ихъ въ той или другой французской газетѣ появлялись у насъ въ пѣломъ рядѣ періодическихъ изданій и затѣмъ расходились отдѣльными книжками въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Особенно посчастливилось послѣднему роману—«Парижу», который въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго года печатался въ «Новостяхъ», «Недѣлѣ», «Новомъ Времени»,

обоих «журналах иностранной литературы» и во многих провинциальных газетах

Это «счастье» — вполне заслуженное. «Париж», не смотря на то, что замѣчательный художественный талант автора сказался въ немъ не съ тою силою. какъ, напр. въ «Germinal» (Углекобы), «Aussomoi» (Западн) и «La terre» (Земля), представляетъ совершенно особый интересъ, такъ какъ въ немъ съ удивительной полнотою и ясностью вылилось жизнерадостное мировоззрѣніе Зола, вылилась его личность.

Когда Зола писалъ «Парижъ», онъ врядъ ли предвидѣлъ, что ему придется вмѣшаться въ «дѣло Дрейфуса», выступивъ въ новой роли борца-гражданина, но тѣмъ не менѣе между этимъ „романомъ“ и этимъ «дѣломъ» есть тѣсная, внутренняя связь. И въ „романѣ“ и въ „дѣлѣ“ Зола смѣло срываетъ маску съ современныхъ политическихъ Таргюфовъ. съ современныхъ политическихъ лицемѣровъ, здѣсь и тамъ Зола безъ колебаній сбрасываетъ красивыя повязки, скрывающія зіяющія язвы на тѣлѣ буржуазной республики, здѣсь и тамъ Зола является голосомъ общественной совѣсти, пророкомъ разлагающейся буржуазіи, здѣсь и тамъ онъ страстно борется за правосудіе, за справедливость, здѣсь и тамъ въ немъ горитъ пламенный оптимизмъ, пламенная вѣра въ торжество разума и справедливости.

Лицемерные, трусливые „политики“, властолюбивые, хитрые іезуиты, безсовѣстные, продажные журналисты — все это поднялось на Зола не только, какъ на защитника незаконно осужденнаго еврея Дрейфуса, но и какъ на писателя-обличителя, какъ на автора «Парижа».

Ученые и писатели, честные и интеллигентные граждане, всѣ эти „рыцари духа“ самоотверженно применили къ Зола не только, какъ къ защитнику Дрейфуса, но и какъ къ творцу обновленнаго Пьера, героя «Парижа».

«Парижъ» объясняетъ возможность дѣла Дрейфуса-Зола со всѣми его темными и светлыми сторонами. Дѣло же Дрейфуса-Зола подтверждаетъ вѣрность картины современной французской общественной жизни, нарисованной въ „Парижѣ“.

Въ романѣ нѣтъ только героевъ «главнаго штаба», достойныхъ преемниковъ героевъ „разгрома“, героевъ Седана и Меца, — они появятся, вѣроятно, въ одномъ изъ слѣдующихъ произведеній великаго романиста. Но въ «Парижѣ» есть всѣ эти Меллины, Бриссоны, Жюдэ, Друммонны, Дадоны и т. д. въ немъ есть вся та атмосфера темныхъ интригъ, подлоговъ и взятокъ, въ которой произрастаютъ Пати-де-Кламы и Эстергази, въ немъ въ то же время сверкаютъ и яркіе солнечные лучи, яркіе лучи знанія, труда и справедливости, яркіе лучи, разгоняющіе тяжелые, ядовитые пары, въ которыхъ готовы погибнуть «права человѣка», въ которыхъ задыхаются такія личности, какъ Гримо, Дюкло и Жоресъ.

Зола рисуетъ въ своемъ романѣ общественную жизнь современнаго Парижа, Парижа нашихъ дней. Борьба «политиковъ», смѣна министерствъ, подкупы депутатовъ, «Панамы» (подъ видомъ «африканскихъ дорогъ»), анархическія покушенія, католическая пропаганда и т. п.

Въ выводимыхъ авторомъ дѣйствующихъ лицахъ не трудно иногда замѣтить ту или другую *характерную* черту того или другого изъ из-

вѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, но было бы напрасно искать въ романѣ *точныхъ* портретовъ, *точныхъ* снимковъ съ живыхъ и извѣстныхъ лицъ. Зола не фотографируетъ, онъ *теоритъ*. Отвлекая у лицъ одной и той же группы рядъ характерныхъ чертъ, онъ создаетъ изъ нихъ новое живое и *типичное* лицо.

Монсиеньоръ Марта типиченъ для всѣхъ католическихъ патеровъ и прелатовъ, «присоединившихся» къ республикѣ, чтобы подчинить ее папѣ; въ министрѣ Монферранѣ съ его гибкой совѣстью и желѣзнымъ кулакомъ много чрезвычайно характернаго для Констанана, но въ немъ могли бы узнать себя и Дююи, и Рувье; его противникъ Виньонъ очень напоминаетъ Флокэ, но онъ характеренъ и для Бриссона, Буржуа и всѣхъ вообще радикаловъ; въ Саньѣ, издатель «Голоса народа» воплощены черты не только Жюдэ, главнаго сотрудника «Le petit journal», но всѣхъ вообще видныхъ представителей скандальной парижской печати.

Для созданія типовъ анархистовъ—Сальва и Матиса Зола воспользовался Вальяномъ и Анри (Henry). Здѣсь мы имѣемъ дѣло почти съ точными снимками съ оригиналовъ, но это потому, что оригиналы (Вальянъ и Анри) чрезвычайно типичны для французскихъ анархистовъ.

Среди всѣхъ этихъ типовъ современнаго Парижа выдѣляется центральная фигура Пьера Фромана, главнаго героя и двухъ предъидущихъ романовъ Зола—«Лурда» и «Рима».

Пьеръ въ сущности не типъ, онъ—олицетворенное мировоззрѣние самаго автора, взятое въ его постепенномъ развитіи изъ двухъ началъ—любви и разума, сначала борющихся между собою, а затѣмъ примиряющихся въ жизнерадостной *разумной* работѣ, приближающей торжество *справедливости*, стремленіе къ которой вытекаетъ изъ присущаго чело-вѣку чувства *любви*.

Ни въ «Лурдѣ» среди «нищихъ духомъ», ни въ Римѣ у непогрѣшимаго папы не нашелъ Пьеръ отвѣта на терзавшія его сомнѣнія, ни здѣсь, ни тамъ не нашелъ онъ живительнаго содержанія для своей опустѣвшей души.

Это далъ ему Парижъ, дала ему жизнь во всей ея полнотѣ.

Передъ нимъ прошли картины нищеты, онъ видѣлъ семидесятилѣтнихъ стариковъ, изсушенныхъ непосильной работой и умиряющихъ отъ голоду въ смрадныхъ углахъ трущобъ, которыя имъ все же дороже, чѣмъ богадѣльни—тюрьмы, устраиваемыя богатыми филантропами, онъ видѣлъ дѣтей, быстро увядающихъ отъ недостатка свѣта, воздуха и пищи, онъ видѣлъ, какъ постоянная нужда и голодъ близкихъ, горячо любимыхъ существъ доводила людей съ пѣннымъ сердцемъ до отчаянья, до страшныхъ преступленій. И на ряду съ этимъ передъ его глазами развертывались картины роскошной жизни пресыщенной наслажденіями буржуазіи, гибнущей отъ излишествъ.

Онъ видѣлъ, какъ разлагается буржуазная семья, онъ ощущалъ смрадъ самаго низкаго разврата въ роскошныхъ гостинныхъ, убранныхъ душистыми цвѣтами, онъ читалъ на красивыхъ женскихъ лицахъ слѣды низменныхъ страстей, передъ нимъ раскрылась внутренняя сторона богатой буржуазной семьи: отецъ, ползающій у ногъ модной кокетки; дочь, старающаяся отбить любовника у своей матери; сынъ, чувствующій от-

вращение къ здоровой нормальной любви, ищущій неестественных наслаждений...

Передъ нимъ раскрылись всѣ язвы «общественной жизни». Онъ увидѣлъ, какъ подъ покровомъ парламентской борьбы, борьбы принциповъ борются личные интересы «политиковъ»; его взоръ проникъ за кулисы парламентской жизни, онъ увидѣлъ, какъ за шnurки, проведенные къ большинству депутатовъ, дергають богатые банкиры и хитрые иезуиты, низвергая и создавая министерства.

Онъ видѣлъ, какъ для личныхъ цѣлей, пользуются печатью, церковью, судомъ... И онъ пришелъ въ отчаянье, потерялъ вѣру въ прогрессъ, въ совершенствование, когда лучи великаго творца жизни, солнца освѣтили ему скромные уголки труда, здоровья и чистаго семейнаго счастья, когда на ряду съ продажными политиками въ родѣ «панамистовъ», онъ увидѣлъ немногочисленную, но сильную своимъ самоотверженіемъ, своею честностью групу истинныхъ общественныхъ дѣятелей, когда на ряду съ разложившейся, смердящей семьей банкира Дувильера, онъ сжился съ здоровой, чистой семьей своего брата Гильома съ его тремя сыновьями, дышущими физическимъ и духовнымъ здоровьемъ, съ этой чудной старухой «бабушкой», полной юношеской энергій, когда онъ обновился и переродился любовью къ Марин, этимъ воплощеніемъ естественной простоты, нераздѣльной съ духовнымъ здоровьемъ, съ духовной чистотой, когда онъ окунулся въ освѣжительную волну братской и женской любви, когда онъ увидѣлъ первую улыбку своего ребенка.

Въ новомъ свѣтѣ развернулся передъ нимъ Парижъ, и раздѣляющій душу пессимизмъ сѣкнулся вѣрою въ прогрессъ, въ грядущее торжество справедливости, которую художникъ Жаханъ изобразилъ въ видѣ высокой женщины съ удивительной простотой линий обнаженнаго тѣла, простотой, дышащей торжественной величественностью, съ руками, слегка протанутыми впередъ, съ руками, открытыми всѣмъ людямъ.

Парижъ представился Пьеру колоссальнымъ чаномъ, гдѣ бродятъ желанія, насилие, разнузданныя страсти, смѣсь самыхъ острыхъ ферментовъ, откуда широкими чистыми волнами должно вылиться чистое вино будущаго.

«Пьеръ созналъ громадную работу, совершающуюся на днѣ этого чана, на поверхность котораго всплыло столько грязи и отбросовъ...

Что значатъ въ политикѣ всѣ эти отбросы людей, движимыхъ эгоизмомъ и жаждой наслаждений, если своимъ медленнымъ безостановочнымъ шагомъ человечество все же движется впередъ! Что значить эта историческая и разлагающаяся буржуазія, готовящаяся нынѣ умереть по примѣру аристократіи, мѣсто которой она заняла, разъ за ней непрерывно подымается неизсякаемый запасъ людей изъ деревень и городовъ!

Что значить развратъ, испорченность отъ излишка денегъ и власти, искусственная, безнравственная жизнь съ половой извращенностью, когда кажется доказаннымъ, что всѣ столицы, всѣ царицы міра, царили лишь этою цѣною крайней цивилизаціи, религіи красоты и наслажденія.

И что значить даже неизбежная продажность, ошибки и глупости печати, если съ другой стороны она является дивнымъ образовательнымъ орудіемъ, общественною совѣстью всегда открытою, потокомъ, несущимъ

всѣ народы къ широкому братскому морю будущихъ вѣковъ! Человѣческій осадокъ упалъ на дно чана, и нельзя ожидать, чтобы ежедневно и ливо торжествовало добро; ибо часто необходимы годы, чтобы изъ неяснаго броженія родилась осуществленная надежда въ этомъ процессѣ вѣчной материи, снова и снова бросаемой въ колбу для постоянного совершенствованія. И, не смотря на то, что въ глубинѣ душныхъ мастерскихъ заработная плата была лишь иною формою того же древняго рабства, не смотря на то, что Туссены всегда умирали отъ нищеты, какъ искалѣченные животныя, свобода въ бурный день вышла все же изъ огромнаго чана и пронеслась по міру. И почему же въ свою очередь не выйти оттуда и справедливости, созданной волненіемъ элементовъ, освобожденной отъ всѣхъ налетовъ, кристаллически прозрачной и несущей народамъ новую жизнь?»

Приближеніе царства справедливости ускоряется, по мнѣнію Зола, не анархическими покушеніями, а мирной научной работой, облегчающей людямъ пользованіе силами природы.

«Какое ослѣпленіе думать, что разрушеніе, что убійство можетъ быть плодотворнымъ актомъ, сѣменемъ, дающимъ счастливую и обильную жатву.

Тотчасъ же доходятъ до крайнихъ предѣловъ насилія, которое вызываетъ высшее напряженіе чувства солидарности даже у тѣхъ, ради которыхъ совершаются убійства. Народъ, великая толпа возмущается противъ изолированнаго индивидуума, думающаго, что онъ совершаетъ актъ правосудія.

Вулканъ, да, но вулканъ, эта вся земная кора, вся масса населенія, которая подымается подъ непреодолимымъ напоромъ внутренняго пламени, чтобы воздвигнуть Альпы, чтобы возстановить свободное общество. Убійцы всегда останутся убійцами, какъ бы ни великъ былъ героизмъ ихъ безумія, какъ бы ни велика была заразительная жажда мученичества»...

Эти мысли проносятся въ головѣ Гильома Фромана (брата Пьера), хотѣвшаго сначала воспользоваться изобрѣтеннымъ имъ веществомъ страшной разрушительной силы для взрыва церкви „Сердца Иисусова“, но впоследствии примѣнившаго его для устройства особыхъ двигателей, замѣняющихъ ручной трудъ въ разнообразныхъ отрасляхъ производства и въ особенности при мелкой домашней работѣ.

«Я отказываюсь революціонировать міръ», говоритъ онъ знаменитому ученому Бертеру.

«Но вотъ это и есть революція, настоящая, единственная!»—восклицаетъ Бертеру, указывая на изобрѣтенный Гильомомъ двигатель, — этимъ, а не идиотскими бомбами революціонируютъ міръ!

Не разрушая, а создавая, вы совершаете революціонный актъ! И сколько разъ ужъ я вамъ говорилъ, что одна только наука революціонна, она одна, стоя выше хищныхъ жалкихъ политическихъ событій, тщетной агитациі сектантовъ и тщеславныхъ демагоговъ, работаетъ надъ будущимъ челоуѣчествомъ, подготавливая истину, справедливость, міръ!».

Если и нельзя вполне отождествить убѣжденіе этого ученаго сектанта съ убѣжденіями самого Зола, то все же несомнѣнно, что Зола стоитъ на сторонѣ Гильома, изобрѣтающаго мирный двигатель, а не Гильома, подводящаго мину подъ церковь „Сердца Иисусова“.

Зола—противник анархических бомбъ, но онъ и не сторонникъ гильотины. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть сцену казни Сальва. Она говоритъ противъ смертной казни убѣдительное краснорѣчивыхъ рѣчей и ученыхъ трактатовъ.

Къ сожалѣнiю, непреодолимое отвращенiе къ смертной казни раздѣляютъ съ Зола очень немногие изъ его соотечественниковъ. Очень много изъ нихъ поймутъ, что въ каждомъ преступленiи виновато все общество и что казненный преступникъ наказывается за грѣхи своихъ гражданъ, за грѣхи общества въ его прошломъ и настоящемъ.

Зола не рѣдко упрекаютъ, что онъ выводитъ только отрицательные типы, что онъ рисуетъ только темныя стороны жизни. Это невѣрно вообще, но особенно невѣрно по отношенiю къ «Парижу».

Здѣсь скорѣе слишкомъ ярко отѣнена положительная сторона жизни слишкомъ идеализированы нѣкоторые типы, какъ, напр., „бабушки“, соединяющей въ себѣ мужскую ясность ума, твердость воли, отвагу съ женскою привязчивостью и самоотверженiемъ. Она нѣсколько напоминаетъ гончаровскую „бабушку“ изъ „Обрыва“, но стоитъ выше ея на много ступеней. Съ величайшею нѣжностью обрисована и Марiя, сначала невѣста Гильома, а затѣмъ жена Пьера. Марiя напоминаетъ Клотильду изъ „Доктора Паскаля“ по простотѣ и дѣломудренной страстности своей дѣвственной души, но въ Марiи есть своя специфическая и чрезвычайно характерная черта. Она болѣзненно чувствительна ко всякой несправедливости. Несправедливость доводила ее до припадковъ, до обморока. „Нѣтъ человѣчности, есть только справедливость“, говоритъ она въ минуту увлеченiя. „То, что справедливо—справедливо, не смотря ни на что, хотя бы долженъ былъ погибнуть мiръ“. Эта реакцiя на всякую несправедливость вытекаетъ изъ свойственнаго Марiи прямодушiя, не переносящаго лжи даже въ шутку, не переносящаго даже иронiи. Неправда доставляетъ Марiи почти физическое страданiе. Такая абсолютная прямота встрѣчается чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, не смотря на распространенное убѣжденiе, что женщины фальшивы. Надо, впрочемъ, различать отдѣльныхъ личностей отъ массы, отъ средняго человѣка. Въ среднемъ можетъ быть и вѣрно, что женщина живѣе мужчины, но лучшая женщина правдивѣе лучшаго мужчины.

Разумѣется, абсолютная прямота съ острой отзывчивостью на всякую несправедливость встрѣчается и у мужчинъ, яркимъ примѣромъ такого мужчины является самъ Зола. Именно эта благородная черта толкнула его на борьбу съ общественнымъ мнѣнiемъ Францiи въ «дѣлѣ Дрейфуса»; она зажгла въ немъ тотъ яркiй пламень протеста и негодованiя, который привлекаетъ къ нему всѣхъ честныхъ, всѣхъ правдивыхъ и прямыхъ, и который вызываетъ ожесточенную злобу во всѣхъ криводушныхъ и продажныхъ натурахъ. За Зола—прямодушiе немногихъ; противъ Зола—оппортунизмъ большинства.

Противъ Зола съ пѣной у рта выступили антисемиты всѣхъ національностей и не потому только, что онъ заступился за незаконно осужденнаго еврея, а и потому, что между антисемитами всего больше духовныхъ потомковъ Иуды Искарjотскаго.

Сильная армiя лжи, невѣжества и трусости, поднявшаяся противъ

небольшой горсти «рыцарей духа». Но вѣра Зола въ побѣду истины и справедливости такъ сильна и заразительна, что вмѣстѣ съ нимъ видишь Парижъ очищеннымъ отъ дыма и смрада, видишь его залитымъ золотистыми лучами солнца, заходящаго лишь для того, чтобы послѣ недолгой ночи, съ новой силой бросить на землю свой яркій, оплодотворяющій свѣтъ.

В. Поссе.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: «Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ, составленный примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Чтеніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика. Составилъ Бернардь Кленце, преподаватель новыхъ языковъ Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». III-я часть. Курсъ старшихъ классовъ. А. Практическія упражненія. М. 1897. X+198+130. 1 рубль.—Б. Грамматика. М. 1897. XV+216. 75 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: «Проф. Овсяннико-Куликовскій, Д. Языкъ и искусство. («Русская Библиотека», № 8). І. Юровскаго. С.-Пб. 1895. 71. 20 коп.»—допустить въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Кричагинъ, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. 3-е исправленное изданіе. Съ 221 рисунками въ текстѣ. Изданіе К. Л. Ризкера. С.-Пб. 1898. XVI+250. 1 р. 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: «П. Бильдерлингъ. Силы природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Четыре очерка съ 14 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. X+276. 1 рубль.»—допустить въ учительскія библиотеки реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книжку: *Tableau général d'orthographe d'usage. Initiales. — Médiales. — Finales.* Par Z. T. С.-Пб. 1897. Стр. 78 въ 12-ю долю. Цѣна 30 коп.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Вопросникъ къ «Учебному курсу теоріи словесности» В. А. Яковлева (примѣнительно къ 3-му изданію). Составилъ А. Пыльневъ. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1896. 68. Цѣна не обозначена»—одобрить для ученическихъ библиотекъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ теорія словесности изучается по «Учебному курсу» В. А. Яковлева.

— Книжку: «Избранныя сочиненія французскихъ экономистовъ для коммерческихъ училищъ и реальныхъ училищъ съ коммерческимъ отдѣленіемъ. Léon Say. Comptabilité en partie double et Budget de 1883. Леонъ Сэ. Мысли о двойной бухгалтеріи и Рѣчь о бюджетѣ 1883 г. Объяснилъ А. Л. Колле, преподаватель французскаго языка въ Одесскомъ реальномъ училищѣ. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ, біографіей и портретомъ автора. Одесса. XXIII + 169 въ 12-ю долю. 60 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для VI класса коммерческихъ отдѣленій.

— Книгу: «Любимовъ, Н. А., заслуженный профессоръ Московскаго университета. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть первая. Періодъ греческой науки. С.-Пб.: 1892. V+264. 2 р. — Часть вторая. Періодъ средневѣковой науки. С.-Пб. 1894. 206. 1 р. 50 коп.—Часть третья. Физика въ XVII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механической философіи. С.-Пб. 1896. 694. 2 р. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Тальботъ. Старшины Вильбайской школы. Переводъ съ англійскаго М. Шишмаревой. Съ 24 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1898. 344. 1 р.»—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книжку: «Эллитъ. Лѣтомъ въ деревнѣ «Желанная». Для юношества. Въ пользу лѣтнихъ колоній Екатеринославскаго Общества попеченія о дѣтяхъ. Екатеринославъ. 1896. 103. 50 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книги, изданныя Д. Ефимовымъ: 1) «Мясницкій, М. Гостинодворцы. Повѣсть. М. 1896. 584. 2 р.»—2) «Его же. Около милліоновъ. М. 1897. 326. 1 р.»—3) «Арсеній Г. Карьера. Повѣсть. М. 1896. 241. 1 р.»—4) «Апраксинъ, А. Большое мѣсто. Романъ. М. 1896. 294. 1 р.»—5) «Альфонсъ Додэ. Три разказа. М. (безъ означенія года). 111. 50 коп.»—6) «Его же. Прженее и новое счастье. М. (безъ означенія года). 138. 50 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Книгу: «И. Потапенко. Живая жизнь. Романъ. Изданіе Д. П. Ефимова и М. В. Ключкина. М. 1898. 374. 2 р.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) «Генераль-фельдмаршалы русской арміи. Историческій очеркъ Л. Полянова. Съ 62 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 15 въ листѣ. Цѣна 30 коп.» — 2) «1812 годъ. Отечественная война и ея герой. Н. Головина. Съ 203 иллю-

страціями въ текстѣ. Стр. 52 въ листъ. Цѣна 90 коп.—3) «Усыпальница русскихъ государей. Петропавловскій соборъ и его царскія гробницы. Вмѣстѣ Русакова. Съ 23 гравированными видами. Стр. 14 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданія Московскаго отдѣла російскаго общества покровительства животнымъ: 1) «Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія в. в. Быховскаго. М. 1897. 68. 30 коп.»—2) «Школа улицы. Вл. Вагнера. Изданіе 2-е М. 1898. 21. Цѣна не обозначена».—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) «Священное коронованіе и вѣнчаніе на царство русскихъ государей съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Воздвиженскаго. Съ 197 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 159 въ листъ. Цѣна 1 р. 50 коп.»—2) «Императоръ Николай I. Его царствованіе и черты характера. Е. Карновича. Съ 27 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 24 въ листъ. Цѣна 45 коп.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Книги: 1) «Бертольдъ Ауэрбахъ. Дача на Рейнѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ А. В. Перельгиной, просмотрѣнный И. И. Семеновымъ. Томъ I и II. Изданіе Д. П. Ефимова. 1897. Стр. въ обоихъ томахъ 1008. Цѣна за оба тома 4 р.»—2) «Собраніе сочиненій Е. Маршлтъ (Изданіе Д. Ефимова и М. Ключкина). Томъ I. Тайна старой дѣвы. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Б. М. 1898. 486.—Томъ II. Въ домѣ коммерціи совѣтника. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Перельгиной. М. 1898. 443.—Томъ III. Въ домѣ Шиллинга. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Б. М. 1898. 432.—Томъ IV. Совинный домъ. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1898. 362. (Цѣна за отдѣльные томы не обозначена)»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: «В. Г. Бѣлинскій для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Н. Сальниковъ. М. 1898. 402. 1 р. 25 коп.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: «Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣмецкаго А. Страхова. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженко. Съ приложеніемъ статьи Даудена «Женскіе типы Шекспира». С.-Пб. 1898. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. XII+312. 2 р.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ».

— Книги: «Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны покровительствомъ Усачевско-Черныявскаго женскаго училища № 9. Отд. II.

и преподаватель Лазаревского института восточных языковъ В. Соколовъ. Часть I (для низшихъ классовъ). Изданіе 5-е. М. 1898. XIV+426. 1 р.—Часть II (для среднихъ классовъ). Изданіе 2-е. М. 1898. VIII+565. 1 р. 50 коп.—первую часть одобрить, а вторую допустить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Е. Водозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары. Сербы. Черногорцы. С.-Пб. 1898. 209. Цѣна 40 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книги: 1) «Französisches Lesebuch. Mittel-und Oberstufe. Von Karl Kühn. Mit fünfunddreissig Illustrationen, einem Plan und einer Ansicht von Paris. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen und Klasing. 1896. XII+340».—2) «Wörterbuch zum französischen Lesebuch von Karl Kühn. 1896. 64».—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книжку: «Уюаса Ли. Дочери командора. Романъ. Переводъ съ норвежскаго. В. Мосоловой. М. 1896. 287. Цѣна 75 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотекы.

— Сочиненія протоіерея Петра Смирнова: 1) «Исторія христіанской православной церкви. Изданіе 11-е. С.-Пб. 1897. 227+III. Цѣна 1 р.»—2) «Священная исторія Ветхаго Завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 192+IV. Цѣна 60 коп.»—3) «Священная исторія Новаго Завѣта, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 168+IV. Цѣна 40 коп.»—4) «Изложеніе христіанской православной вѣры. Опытъ повторенія катихизиса съ дополненіемъ изъ Богослуженія и указаніемъ разностей инославныхъ вѣроисповѣданій отъ ученія православной церкви. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1898. 132+IV. Цѣна 60 коп.»—5) «Существенныя черты христіанскаго правоученія. Дополнительныя къ катихизису уроки по программѣ VIII класса. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1898. 61. Цѣна 30 коп.»—6) «Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1898. 106+II. Цѣна 30 коп.»—7) «Церковно-приходская школа. Упадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1894. 54. Цѣна 20 коп.»—8) «День въ Черниговѣ (воспоминанія и впечатлѣнія) съ 6-ю рисунками. С.-Пб. 1896. 32. Цѣна 20 коп.»—одобрить №№ 1—5 въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній, № 6 въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ училищъ, № 7 для учительскихъ библиотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній, и № 8 для библиотекъ учебныхъ заведеній, какъ учительскихъ, такъ и ученическихъ, а также для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книги: 1) «Историческое разслѣдованіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустровымъ. С.-Пб. 1875. LXXII+878».—2) «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. А. Н. Неустрова.

С.-Пб. 1898. XVI+806. Цѣны не обозначены—рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки этихъ заведеній.

— Книгу: «Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора Оскара Іегера. Переводъ подъ редакцію профессора П. Н. Полеваго съ многими снимками съ памятниковъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна за все изданіе (въ двѣнадцать выпускахъ) 12 р.»—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія Высочайше утвержденного товарищества М. О. Вольфъ:

- 1) «Святой городъ Іерусалимъ и его окрестности. П. Воздвиженскаго. Съ 39 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 18 въ листъ. Цѣна 40 коп.»—
  - 2) «Монастырскіе острова Валаамъ и Коневецъ. Составлено по новѣйшимъ источникамъ М. А. Аръевымъ. Съ 55 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 24 въ листъ. Цѣна 75 коп.»—
  - 3) «Исаавіевскій соборъ. Исторія постройки храма, его святилища и художественныя достопримѣчательности. П. Преображенскаго. Съ 110 иллюстраціями, планами и фотохимиграфическими воспроизведеніями художественныхъ достопримѣчательностей храма. С.-Пб. Стр. 40 въ листъ. Цѣна 75 коп.»—
  - 4) «Петергофъ. Его паркъ, его дворцы, его фонтаны въ прошломъ и настоящемъ. Н. М. Муханова. Съ 52 гравированными видами и 1 планомъ Петергофа. С.-Пб. Стр. 20 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—
  - 5) «Святая гора Афонская. Описаніе афонскихъ монастырей, скитовъ, храмовъ, мѣстныхъ святыхъ и всѣхъ достопримѣчательностей Афона. М. А. Аръева. Съ 71 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 22 въ листъ. Цѣна 40 коп.»—
  - 6) «Царское село. Его дворцы, парки, сады, памятники, въ прошломъ и настоящемъ. А. Волкова. Съ 28 гравированными видами и 1 планомъ Царскаго села. С.-Пб. Стр. 14 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—
  - 7) «Лондонъ. Описаніе столицы Англій и жизни въ ней. Н. Е. Онуфриева. Съ 150 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 46 въ листъ. 75 коп.»—
  - 8) «Крестьянская республика Трансвааль и его богатства. Н. Корсакова. Съ 67 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 17 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—
- допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ таковыя же библіотеки учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Гартвигъ. Чудеса подземнаго міра. Переводъ съ нѣмецкаго (съ 32 рисунками) третье русское изданіе. («Общепользная библіотека для самообразованія» №№ 19, 20, 21 и 22 изданіе М. В. Ключкина). М. (Годъ не показанъ). IV+651. Цѣна 2 р. 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: «Повторительный курсъ ботаники для натуралистовъ, медиковъ и фармацевтовъ. А. Гамзена, проф. Гиссенскаго университета. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія М. Д. Вахтеля. Изданіе Высочайше утвержденного Южно-Русскаго Общества печатнаго дѣла. Одесса. 1898. XII+207. Цѣна 1 р. 50 коп.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ

реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книгу: «Б. Юзевовичъ. Основы самопознанія. Философскій очеркъ для юношества. С.-Пб. (Годъ не обозначенъ). 91. Цѣна 40 коп.»—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изданія магазина «Книжное дѣло», г. Москва.

Ф. Паульсенъ. Нѣмецкіе Университеты и ихъ историческое развитіе. Переводъ съ нѣмецк. 1898 г. Цѣна 40 к.

Эрнестъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣмецкаго. 1898 г. Цѣна 1 р.

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Переводъ съ англійскаго С. И. Ершова подъ редакціей В. Н. Ивановскаго; выпускъ IV. 1898 г.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальманта выпускъ 5-ый. 1898 г. ц. 75 к.

Жанъ Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Пер. съ франц. В. Н. Линда. 1898 г. ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Цѣна по подпискѣ съ доставкой и пересылкой 12 р. Выпускъ II. Алексѣй Острогорскій. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Выпускъ III. И. О. Фесенко. Городъ и деревня въ дѣтѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Выпускъ IV. П. Ф. Каптеревъ. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Выпускъ V. И. О. Фесенко. Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи. Выпускъ VI. П. Ф. Каптеревъ. О дѣтской подражательности. Спб. 1898 г.

Изданія Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. Одесса 1898 г.

Эдуардъ Дауденъ. Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества. Пер. съ англ. Л. Черновой. Изданіе второе. Цѣна. 2 р.

Д. Чудновская. Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ и его примѣненіе къ англійскому языку. 1898 г. Цѣна 50 к.

Англійскіе рассказы и стихотворенія, собраны **Л. Чудновской.** Цѣна 1 руб.

Н. Ланге. Учебникъ логики г. Одесса 1898 г. Ц. 1 р. Изданіе Е. П. Распопова.

К. С. Славнинъ. Правописаніе, для учащихся въ школѣ и самоучекъ. Изданіе 3-е. Екатеринбургъ. 1898 г. ц. 30 к. съ перес.

К. С. Славнинъ. Сборникъ ариметическихъ задачъ. Въ двухъ выпускахъ. Выпускъ 1-ый. Изданіе 2-ое. Исправленное, Екатеринбургъ 1898 г. Цѣна съ пересылкой 20 к.

Изданія О. Н. Поповой. 1898 г. Спб.

Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Томъ I. Цѣна за 2 т. 5 р.

Чарльзъ Дарвинъ. Собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Томъ I изданіе 2-ое.

Пр. П. Фёрстеръ. Вивисекція съ естественно-научной, медицинской и нравственной точекъ зрѣнія. Перев. съ нѣмецк. Ц. 50 к.

Иоганнъ Шерръ. Комедія всемірной исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго въ двухъ томахъ. Томъ I. Цѣна 3 р. 50 к.

Чемберсъ. Солнечная система. Пер. съ англ. В. Щиглевой. (Образовательная бібліотека. Серія 2-ая № 1). Ц. 40 к.

Парвусъ. Мировой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. Перев. съ нѣмецк. Л. Я. (Образовательная бібліотека. Серія 2-ая № 2). Ц. 40 к.

О. Н. Попова. Фритъофъ Нансенъ. Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ. Ц. 50 к.

Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. Перев. съ англ. З. Н. Журавской. Ц. 1 р. 20 к.

Ө. Ө. Вишневскій. Къ сѣверному полюсу по теченію. Вятка. 1898 г.

Д-ръ Артуръ Каннъ. Нервозность и велосипедная ѣзда. Перев. съ нѣмецк. В. Остермана. Изданіе Я. Е. Кутенко 1898 г. Спб. Ц. 60 к.

Проф. А. П. Павловъ. Морское дно. 1898 г. Спб. Ц. 60 к.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. Перев. съ нѣмецк. И. И. Шитца. 1898 г. Москва. (Научно-образовательная бібліотека). Ц. 35 к.

П. Неждановъ. Нравственность. 1898 г. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

М. И. Демковъ. Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Изданіе К. И. Тихомирова. 1998 г. Москва (Педагогическая бібліотека). Ц. 2 р. 50 к.

Л. Келльнеръ. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Изданіе 2-е 1898 г. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановичъ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Томъ II. Изданіе книжнаго магаз. В. И. Самойлова. Москва 1898 г. Ц. за II тома 2 р. Ц. за I и II томъ 3 р. 50 к.

Общедоступная Богословская Библіотека. Выпускъ 2-ой. Собесѣдательное богословіе. 1898 г. Спб.

С. Ленинъ. Выборъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Вып. 1 съ 88 рис. Ц. 50 к. Спб. 1898 г.

М. М. Захарченко. Историческій очеркъ педагогическихъ классовъ С.-Петербургск. Александровскаго Института 1848—98 г. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Н. И. Позняковъ. По захоlustьямъ. Очерки и рассказы. Изданіе 2-ое дополненное. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

С. М. Дубновъ. Учебникъ Еврейской Исторіи. Ч. I. г. Одесса. 1898 г. Ц. 60 к.

Хроника.

Лѣтніе земскіе педагогическіе курсы.

Въ теченіе лѣта въ разныхъ мѣстахъ Россіи происходили устроенные земствомъ педагогическіе курсы для народныхъ учителей и учительницъ. Число ихъ въ этомъ году замѣтно увеличилось—чему, конечно, нельзя не порадоваться. Читателямъ извѣстны наши взгляды на значеніе педагогическихъ курсовъ. Мы не считаемъ ее формой наилучшаго учительскаго единенія и самообразованія; напротивъ того, она имѣетъ много недостатковъ: какъ извѣстно, на курсы приглашаются наименѣе опытные учителя, слѣдовательно, лучшей элементъ народно-учительской среды отсутствуетъ и тѣмъ самымъ худшіе учителя лишаются вліянія и сношеній съ лучшими. Программа курсовъ напередъ устанавливается, изъ нея выходить нельзя, собственной инициативѣ участвующихъ на курсахъ не предоставлено ни малѣйшаго простора. Поэтому всѣ тѣ вопросы, которые волнуютъ и занимаютъ нашихъ учителей, всѣ недоумѣнія и сомнѣнія, возникающія у нихъ при исполненіи ими своего труднаго и важнаго дѣла, остаются не разрѣшенными, потому что ихъ нельзя возбуждать. Отсюда вся атмосфера, въ которой происходятъ занятія, довольно тяжелая, въ ней слишкомъ много формализму и казенщины. Учителя какъ бы превращаются въ учениковъ, которымъ можно даже дѣлать замѣчанія какъ себя вести*). Такое впечатлѣніе производитъ не одинъ этотъ приводимый фактъ, аналогичный отзывъ мы находимъ въ корреспонденціи изъ Саратова, помѣщенной въ «Тамб. Губ. Вѣд.».

«Нельзя не упомянуть, что нынѣшніе земскіе педагогическіе курсы сравнительно съ прошлогодними отличаются излишнею вѣднкою дисциплиною, а подчасъ даже отождествленіемъ курсистовъ со «школьниками».

---

*) Въ «Сарат. Листѣхъ» въ отчетѣ о занятіяхъ на курсахъ отъ 30 іюня читаемъ:

Бесѣда г. Цвѣтковскаго, проведенная въ хорошемъ приподнятомъ тонѣ, вызвала взрывъ апплодисментовъ со стороны курсистовъ, но г. директоръ предупредилъ ихъ о неумѣстности этого, такъ какъ выражать свое одобреніе (?) или порицаніе руководителямъ курсисты не имѣютъ права...

А это последнее обстоятельство уменьшает оживление, интерес и задушевность бесѣдъ».

Конечно, нежелательныя явленія устранились бы съ замѣной педагогическихъ курсовъ съѣздами учителей, о важности и желательности которыхъ мы говорили въ № 2.

Приведемъ для характеристики происходившихъ минувшимъ лѣтомъ педагогическихъ курсовъ нѣсколько сообщений мѣстныхъ газетъ.

г. *Стародубъ* (Черниг. губ.). Какъ и слѣдовало ожидать, курсы вызвали большой интересъ, не только въ самомъ городѣ, но и въ его уѣздѣ. Явилась масса слушателей, не принадлежащихъ вовсе къ учительскому персоналу, и нѣкоторые изъ нихъ прїѣзжали на день—на два за десятки верстъ, чтобы только посѣтить курсы, послушать лекціи Бунакова. Большой школьный залъ всегда былъ полонъ слушателей и нѣкоторымъ за неимѣніемъ мѣста приходилось все время стоять. И дѣйствительно, Н. Ѳ. Бунаковъ такъ живо и такъ образцово велъ свои занятія съ учениками, его лекціи для учителей всегда были полны захватывающаго интереса, что вполне понятно стремленіе всѣхъ посѣтить его уроки и то вниманіе, съ какимъ они выслушивались. Многіе изъ учителей и учительницъ давали тоже пробные уроки по предметамъ школьной программы.

Изъ г. *Лубень* (Полтавской губ.): «15 іюля открыты у насъ курсы для народныхъ учителей, приглашено болѣе сорока человекъ. Земство въ лицѣ своего представителя И. Н. Леонтовича освободило учителей отъ всякихъ расходовъ на мѣсячное пребываніе въ городѣ. Курсами руководить специально приглашенный изъ Москвы г. Вахтеровъ. За правильностью и законностью преподаванія наблюдаетъ инспекторъ народныхъ училищъ. Занятія на курсахъ происходятъ утромъ и вечеромъ, причемъ утромъ даются руководителемъ и кѣмъ либо изъ учителей пробные уроки, послѣ чего ученики отпускаются и происходитъ совмѣстное обсужденіе достоинствъ и недостатковъ лекціи. Вечеромъ г. Вахтеровъ читаетъ лекціи по методикѣ, педагогикѣ и другимъ предметамъ, необходимымъ для народнаго учителя».

Елецъ. 20-го іюня въ Ельцѣ открылись педагогическіе курсы для сельскихъ и городскихъ учителей и учительницъ первоначальныхъ школъ. Подобные курсы устраиваются въ Орловской губ. въ первый разъ и въ нынѣшнее лѣто будутъ распространены на 3 уѣзда: елецкій, кромской и брянскій. Курсы организованы совмѣстно орловскимъ губернскимъ и елецкимъ уѣзднымъ земствами. Первое взяло на себя расходы по приглашенію гг. руководителей, второе—субсидію прїѣхавшимъ учителямъ и учительницамъ, назначивъ имъ по 50 к. въ сутки. Городъ съ своей стороны, предоставлялъ имъ бесплатное помѣщеніе въ городскихъ школахъ.

Успѣхъ курсовъ превзошелъ всѣ ожиданія устроителей. Черезъ недѣлю число слушателей превысило 80 человекъ, и, несмотря на 40°

жары, на неудобства помещенія, до сихъ поръ не было случая непосѣщенія къмъ-либо занятій или совершеннаго прекращенія. Живая энергія, бодрость и интересъ ни на минуту не ослабѣвали въ слушателяхъ.

Здѣсь кстати будетъ привести то, что сообщалъ «Орл. Вѣстн.» незадолго до открытія курсовъ въ *Брянскѣ*. Намъ извѣстно, напримѣръ, что начальная школка изъ трехъ труппъ, необходимая для практическихъ занятій, безъ которыхъ и самые курсы не имѣли бы должнаго значенія. еще не собрана, не составлена. Неизбѣжны также весьма значительныя недоразумѣнія: по поводу того обстоятельства, что учителямъ и учительницамъ во время слушанія курсовъ не отпущено никакой отдѣльной суммы на прожитіе, какъ это дѣлали и дѣлаютъ всѣ земства, устраивающія подобныя курсы. Наше земство рѣшило, что учителя и учительницы будутъ жить на свое жалованье. Между тѣмъ, это совершенно невозможно, за исключеніемъ незначительнаго меньшинства именно тѣхъ, у кого имѣются въ Брянскѣ родственники, гдѣ можно было бы прожить во время курсовъ. Что же касается большинства, то получая за лѣтніе мѣсяцы всего по 15 руб., нечего и думать прожить на нихъ въ Брянскѣ, гдѣ условія жизни, надо считать, по дороговизнѣ не уступятъ условіямъ любого губернскаго города, къ тому же многіе изъ нихъ семейные. Нашлись добрые люди, которые указали на этотъ промахъ, а также на то, что изъ-за этого могутъ и курсы не состояться... Земская управа спохватилась и рѣшилась предложить учителямъ и учительницамъ отпустить каждому изъ нихъ по ихъ мѣсячному жалованью за мѣсяцъ впередъ съ тѣмъ, чтобы, если земское собраніе въ наступающую очередную сессію согласится, расходы эти были приняты на земскія средства.

2-го іюля въ *Херсонѣ* состоялось молебствіе по случаю открытія повторительныхъ курсовъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ Херсонской губерніи. О разрѣшеніи такихъ курсовъ херсонское земство ходатайствовало предъ подлежащимъ начальствомъ многіе годы и только въ прошломъ году добились разрѣшенія, которое настолько запоздало, что организація курсовъ въ силу необходимости была отложена до текущаго года. Курсы эти, на устройство которыхъ земствомъ ассигнованы 4 тыс. руб., подчинены наблюденію инспектора народныхъ школъ. Число учителей и учительницъ, допущенныхъ на курсы, не превышаетъ 80,—въ опредѣленномъ числѣ отъ каждаго уѣзда пропорціонально существующимъ школамъ. Главнымъ образомъ выборъ въ курсисты падалъ на учителей и учительницъ менѣе опытныхъ и болѣе нуждающихся въ повышеніи уровня преподавательскихъ пріемовъ, хотя среди курсистовъ, правда въ меньшинствѣ, находятся лучшіе и опытные учителя, которые въ общеніи съ младшими товарищами внесутъ желаемое оживленіе. Помимо занятій по русскому языку и арифметикѣ и усвоенія лучшихъ методовъ преподаванія названныхъ предметовъ, въ программу курсовъ входитъ ознакомленіе съ учебно-педагогической литературой обоихъ предметовъ и съ кни-

гами и всякими пособиями, употребляемыми как учебники и руководства въ народных училищахъ.

Въ *Курскѣ* 20-го іюня закончились земскіе педагогическіе курсы, сосредоточивавшіе въ продолженіе мѣсяца на себѣ вниманіе всего мѣстнаго интеллигентнаго общества. Притягательной силой и центромъ на этихъ курсахъ былъ извѣстный въ педагогическомъ мѣрѣ московскій педагогъ Д. И. Тихомировъ, приглашенный земствомъ для руководства занятіями по начальному обученію и русскому языку. Курсы привлекли очень много слушателей, такъ что, вмѣсто 100 человекъ, народныхъ учителей съѣхалось болѣе 200. Помимо лекцій по начальному обученію, читались также лекціи по гигиенѣ и метеорологіи, такъ какъ губернское земство предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ организовать по губерніи сеть метеорологическихъ станцій. Въ настоящемъ году учительскіе курсы устраиваются губернскимъ земствомъ уже второй разъ и, какъ высказался предсѣдатель губернской земской управы при закрытіи ихъ, они будутъ повторяться ежегодно.

Череповецъ. Недавно здѣсь закончились трехнедѣльные педагогическіе курсы, устроенные новгородскимъ губернскимъ земствомъ для учителей Череповецкаго уѣзда. На курсахъ присутствовало до 130 слушателей, причѣмъ были учителя и учительницы изъ сосѣднихъ уѣздовъ: Устюженскаго, Бѣлозерскаго и Весьегонскаго. Мѣсяца за три до открытія курсовъ директоръ учительской семинаріи обратился ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ и издателямъ съ просьбою прислать свои изданія въ виду предполагаемой на курсахъ выставки книгъ для дѣтскаго чтенія и для публичныхъ народныхъ библіотекъ, такъ какъ однимъ изъ вопросовъ, намѣченныхъ въ программѣ занятій на череповецкихъ педагогическихъ курсахъ, стоялъ и вопросъ о составленіи каталога книгъ для передвижныхъ школьныхъ библіотекъ, а также для народныхъ публичныхъ библіотекъ (въ уѣздѣ уже нѣсколько такихъ библіотекъ функционируютъ два года). Большинство издателей очень сочувственно отнеслись къ предложенію директора семинаріи; въ результатѣ на курсахъ явилась богатая выставка книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. Послѣ курсовъ она положитъ прочное основаніе устройству при учительской семинаріи библіотеки для дѣтскаго и народнаго чтенія. Другой особенностью курсовъ явилась выставка письменныхъ работъ учениковъ всѣхъ школъ Череповецкаго уѣзда. Эта выставка дала значительный матеріалъ для разработки вопроса о нормальной постановкѣ письменныхъ работъ въ начальныхъ школахъ по отдѣленіямъ, дала наглядное представленіе о томъ, какихъ результатовъ достигаютъ различныя школы въ одно и то же время.

Открытіе въ *Ст. Русскѣ* педагогическихъ курсовъ для учителей земскихъ училищъ состоялось при крайне ненормальныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что для практическихъ занятій слушателей при курсахъ всегда устраивается школа, соответствующая земской съ 3-хъ годичнымъ бур-

сомъ. Организацию подобной школы приняли на себя инспекторъ народныхъ училищъ г. Бостричинъ (онъ же наблюдатель курсовъ) и секретарь мѣстной земской управы г. Рутковскій, являющійся на курсахъ какъ бы въ качествѣ второго наблюдателя отъ земства. Прежде всего они избрали почему-то помѣщеніемъ для курсовъ церковно-приходскую школу, зданіе тѣсное и вообще не отвѣчающее своему назначенію. Съ этимъ неудобствомъ можно было бы помириться, если принять во вниманіе, что мѣстныя городскія училища помѣщаются въ бывшихъ архивахъ и конюшняхъ гр. Аракчеева. Но гг. организаторы порѣшили набрать во временную школу при курсахъ учениковъ изъ церковно-приходской школы. Такая несообразность дала себя чувствовать въ первый же день по открытіи курсовъ. Когда законоучитель церковно-приходской школы о. Поспѣловъ вызвался на урокахъ ознакомить слушателей съ своими учениками, то послѣдніе и по развитію, и по познаніямъ оказались гораздо ниже учениковъ соответствующихъ отдѣленій земскаго училища. Здѣсь же гг. руководители и слушатели имѣли случай убѣдиться въ различіи приемовъ преподаванія, объема и характера курса двухъ типовъ школъ. По окончаніи занятій рѣшено было отказаться отъ церковно-приходской школы и устоять новую, съ учениками изъ городскихъ приходскихъ училищъ. Но было уже поздно. О. Поспѣловъ, принимавшій дѣятельное участіе въ наборѣ учениковъ, заявлялъ, что такое рѣшеніе можетъ подорвать авторитетъ церковно-приходской школы. (Сынъ Отец.)

Ограничимся этими выписками изъ газетныхъ отчетовъ и не будемъ останавливаться на описаніи курсовъ, происходившихъ во многихъ другихъ городахъ, напр. Ярославль, Казань, Суражъ, Зѣньковъ. Перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ изъ исторіи минувшихъ курсовъ.

Почти всѣ курсы открывались при торжественной обстановкѣ, произносились рѣчи, въ которыхъ прославлялась дѣятельность народнаго учителя. Конечно, все это дѣлалось искренно, и присутствующіе не могли не испытывать нѣкотораго умиленія, но невольна должна была возникать у нихъ мысль, почему же то, что такъ прославляется на словахъ, въ дѣйствительности встрѣчаетъ такъ мало вниманія, почему лица, власть имущія, пріивѣтствуютъ ихъ такъ тепло и сердечно, а въ то же время не всегда оказываютъ имъ хотя бы кой какое содѣйствіе въ борьбѣ съ волостными писарями, старшинами и т. п. господами, столь охотно разыгрывающими изъ себя роль начальниковъ, надъ беззащитнымъ народнымъ учителемъ, почему проявляется такъ мало заботъ къ улучшенію плачевнаго положенія учителей. И поэтому едвали вселяли особенную надежду въ сердца народныхъ учителей Саратовской губ. слова, сказанныя губернаторомъ на прошеніе собравшимся на курсы учителямъ:

«Я предлагаю вамъ во всѣхъ случаяхъ, когда земскія школы не удовлетворяютъ своему назначенію, обращаться за содѣйствіемъ гг. земскихъ начальниковъ, которымъ я уже далъ надлежащія указанія и которые, въ

огромномъ большинствѣ случаевъ, явятся къ вамъ на помощь. Затѣмъ, въ случаяхъ особенныхъ, я позволяю вамъ обращаться непосредственно ко мнѣ, и я всегда буду радъ сдѣлать все, что могу, чтобы побудить общество или земство благоустроить школу. Вотъ въ чемъ состоитъ мое предложеніе, господа. Примите его къ свѣдѣнію и руководству и знайте, что съ нынѣшняго дня учитель, не заявившій о существенныхъ недостаткахъ его школы, будетъ одинъ виновать и передо мной, и передъ обществомъ, и передъ тѣми маленькими людьми, которые ввѣрены вашему попеченію».

Эти слова, сами по себѣ, быть можетъ, очень хорошія, потому могутъ мало помочь учителямъ, что вся обстановка, въ которой имъ приходится жить и дѣйствовать, мало благопріятна. Зависимое положеніе, въ которомъ находится учитель, чувствуется имъ, какъ мы сказали, даже и на курсахъ, которыя устраиваются вѣдь не официально, не по заказу начальства, а при полномъ, надо думать, сознаніи ихъ полезности для учителя. А потому мы не совсѣмъ понимаемъ смысла запрещенія участвующимъ на курсахъ высказывать свои мнѣнія и ставить вопросы, не значащіеся въ программѣ. Слѣдствіемъ этого является вотъ что:

Многіе учителя и учительницы просили насъ, читаемъ мы въ «Сарат. Листкѣ» поставить въ конференціи курсовъ такой вопросъ: при бесѣдахъ обоимъ руководителямъ, наблюдателю за курсами, директору народныхъ училищъ А. П. Карповъ, выражалъ свою полную солидарность съ нѣкоторыми взглядами руководителей по такимъ вопросамъ, которые очень важны для учащихся и начальной школы; по этимъ-же вопросамъ инспектора народныхъ училищъ, нѣкоторые члены училищныхъ совѣтовъ и земскіе начальники (они тоже имѣютъ значительное вліяніе на земскую школу) предъявляютъ совершенно противоположныя требованія. Напримеръ, г. Цвѣтковскій рѣзко осудилъ нѣкоторые учебники и руководства, которые инспектора народныхъ училищъ *обязательно* вводятъ въ сельскихъ и городскихъ школахъ, и рекомендовалъ другія книги, дозволенныя или рекомендованныя для школъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Возникаетъ вопросъ: тѣ учащіе, которые убѣдились доводами руководителя, имѣютъ ли право поступать по своему убѣжденію, вопреки приказаніямъ инспекціи?.. Затѣмъ, по арифметикѣ директор народныхъ училищъ вполне согласился съ г. Шохорь-Троицкимъ по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣющимъ очень важное значеніе для школы: о преимуществахъ синтетическаго метода рѣшенія задачъ передъ аналитическимъ, объ экзаменаціонныхъ требованіяхъ, объ алгебраическихъ задачахъ и т. д. Между тѣмъ, инспектора народныхъ училищъ и отдѣльные члены училищныхъ совѣтовъ предъявляютъ въ школахъ совсѣмъ другія требованія: какъ поступать учащимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и они вполне солидарны съ мнѣніями руководителя и директора народныхъ училищъ? Такихъ вопросовъ наши педагогическіе курсы поставили очень много, и

эти вопросы необходимо разрешить так или иначе, чтобы всё учителя и учительницы знали и *имѣли право* поступать известнымъ образомъ.

Не знаемъ, были ли разрешены всё эти любопытные вопросы, объ этомъ мы ничего не нашли затѣмъ въ цитируемой газетѣ. Но они весьма характерны для всей обстановки и условій педагогическихъ курсовъ. Раздумывая объ этихъ вопросахъ, мы невольно вдалились въ скептицизмъ, не создадутъ ли такія условія положеніе, при которомъ теорія останется теоріей, а практика выйдетъ совсѣмъ «особъ статья»? Тутъ же заслуживаетъ упоминанія еще одинъ фактъ. На тѣхъ же Саратовскихъ курсахъ руководителемъ по ариметикѣ былъ г. Шохоръ-Троцкий. «Говоря о методахъ ариметики, онъ, какъ сообщаетъ «Сар. Листъ», сказалъ, что признаетъ единственно рациональнымъ только свой усовершенствованный методъ, надъ которымъ онъ очень долго трудился». — Не говоря уже о томъ, что мы не думаемъ, чтобы методъ г. Шохоръ-Троцкого, какъ бы долго онъ ни трудился надъ нимъ, былъ *единственно рациональнымъ*, намъ кажется, что такое руководство едвали можетъ быть полезно: учителя нуждаются въ сообщеніи имъ новыхъ свѣдѣній, объективныхъ знаній, оцѣнку же фактовъ нужно предоставить имъ самимъ, а то въ какомъ положеніи окажутся учителя, если въ слѣдующемъ году ими будетъ руководить другой педагогъ, который также много трудился надъ своимъ методомъ, и будетъ имъ рекомендовать свой методъ какъ единственно рациональный? Побольше свободы во мнѣніяхъ и терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ! Какъ бы это было полезно.

Заканчивая нашу замѣтку о педагогическихъ курсахъ для учителей земскихъ школъ, мы можемъ привести слова, сказанныя директоромъ народн. учил. Саратовской губ. на закрытіи тамошнихъ курсовъ. Они довольно точно выражаютъ наше мнѣніе вообще о педагогическихъ курсахъ. «Эти курсы не разрешили и десятой доли возникающихъ среди учителей вопросовъ и сомнѣній, что объясняется программой курсовъ и кратковременностью занятій. Тѣмъ не менѣе, они дали учащимъ много въ педагогическомъ отношеніи и, кромѣ того, имѣли для учителей и учительницъ, живущихъ всегда разрозненно, громадное моральное значеніе, хотя бы на это время объединивши учащихся для взаимнаго обмѣна впечатлѣніями, знаніями, опытомъ».

И на этомъ спасибо!

О женскомъ медицинскомъ образованіи.

Последнее время въ газетахъ весьма часто дебатруется вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи. Поводомъ къ газетнымъ толкамъ послужило воззваніе Кіевскаго Отдѣла Общества Краснаго Креста, по почину его предсѣдателя генерала Косича, о сборѣ пожертвованій на устройство въ Кіевѣ женскаго медицинскаго института. Вслѣдъ за этимъ воз-

званіемъ появилось въ «Нов. Вр.» письмо директора с.-петербургскаго женскаго медицинскаго института, въ которомъ онъ указываетъ, что «мысль создать новые институты, сама по себѣ прекрасная, принесетъ существенный и неизбѣжный вредъ, по своей несвоевременности, упроченію женскаго медицинскаго образованія, только начинающаго пускать корни»; въ подтвержденіе этихъ словъ проф. Анрепъ указываетъ на то, что и существующій с.-петербургскій женскій медицинскій институтъ далеко не обезпеченъ, что «онъ во всемъ весьма стѣсненъ и въ скоромъ времени будетъ нуждаться въ пожертвованіяхъ даже и на ежегодное свое содержаніе».

Эти соображенія вызвали нѣсколько статей въ различныхъ органахъ печати, между прочимъ, противъ необходимости вообще медицинскаго образованія для женщинъ. Конечно, мы не станемъ вступать въ споръ съ такими глубокомысленными взглядами, давно опровергнутыми жизнью. Мы остановимся лишь на письмѣ проф. Анрепа. Совершенно справедливо, что женское медицинское образованіе у насъ только начинаетъ пускать корни (лучшимъ доказательствомъ тому служить хотя бы, положимъ, то, что такая серьезная газета, какъ «Спб. Вѣд.», печатаетъ статьи о неужности женскаго медицинскаго образованія) и что поэтому всѣ силы должны быть объединены и направлены на поддержаніе уже существующаго института. Но съ другой стороны, нельзя не придавать никакого значенія и тому факту, что текущей осенью въ с.-петербургскій институтъ принято только 190 человекъ, а не принято 240! Какъ же не позаботиться обществу о предоставленіи и этимъ 240 возможности получить медицинское образованіе. И какъ не устранить необходимость для всѣхъ жаждущихъ учиться медицинѣ пріѣзжать въ С.-Петербургъ съ разныхъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи; вѣдь помимо матеріальныхъ неудобствъ, это для многихъ, напримѣръ, южанокъ связано съ опасностью для ихъ здоровья. Съ этихъ точекъ зрѣнія желаніе открыть второй женскій медицинскій институтъ въ Кіевѣ имѣетъ за собой много вѣскихъ основаній, и ему можно только симпатизировать. Что же касается опасенія того, какъ бы не произошло отсюда дробленіе средствъ и безъ того небольшихъ, поступающихъ въ настоящее время на поддержаніе и развитіе женскаго медицинскаго образованія, то, конечно, оно не безосновательно, хотя съ другой стороны нельзя упускать изъ вниманія и того, что многіе капиталисты юго-западнаго края, которые бы не пожертвовали ничего на женскій медицинскій институтъ въ С.-Петербургѣ, могутъ сдѣлать значительныя пожертвованія на такой же институтъ у себя въ Кіевѣ. А поэтому, едва ли справедливо смотрѣть на воззваніе Кіевскаго Отдѣла Общества Краснаго Креста, какъ на попытку нежелательную и даже вредную. Само собой разумѣется, что существо дѣла, т. е. громадный недостатокъ у насъ врачей и стремленіе женщинъ къ образованію не требуетъ созданія особыхъ учреждений, дорого стоящихъ и какъ ви-

димъ мало обезпеченныхъ; вопросъ вполнѣ разрѣшился бы открытіемъ для женщинъ дверей университетовъ, но пока это невозможно, пожелаемъ всяческаго успѣха начинанію генерала Косича. Мы слишкомъ много страдаемъ отъ недостатка врачебной помощи. Послѣ борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, это самое важное дѣло.

Куда дѣваться?

Этотъ вопросъ каждый годъ съ неослабѣвающей жгучестью встаетъ передъ множествомъ учащихся, стучащихся въ двери различныхъ учебныхъ заведеній. Прежде съ этимъ печальнымъ явленіемъ приходилось считаться желающимъ поступить въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, но теперь, къ сожалѣнію, этотъ грустный фактъ все чаще наблюдается и въ низшей, и въ средней школѣ. Существующія учебныя заведенія переполнены настолько, что нерѣдко страдаетъ отъ этого весьма чувствительно самое учебное дѣло. А новые рассадники просвѣщенія открываются весьма медленно и туго. По большей части причиной тому приводятъ недостатокъ средствъ — при дѣйствительномъ желаніи часто легко устранимый. Тѣмъ непонятнѣе и печальнѣе тѣ случаи, когда учебное заведеніе не открывается, не взирая на усиленное ходатайство общества и наличность необходимыхъ средствъ. О такихъ фактахъ сообщаютъ часто газеты. Приведемъ на выдержку одно изъ такихъ извѣстій:

Каждый годъ, пишетъ корреспондентъ «Сибирской Жизни» изъ Семипалатинска, наши власти и общества ходатайствуютъ объ открытіи 5 класса мужской прогимназіи, но все безуспѣшно. На будущій 1898—99 академическій годъ уже почему-то всё надѣялись, что V классъ, наконецъ, будетъ разрѣшено открыть. Общество даже дало обязательство принять за свой счетъ (на годъ) тѣ расходы казны, которые могутъ быть вызваны увеличеніемъ персонала педагоговъ. И все оказалось напраснымъ! Получилось увѣдомленіе, что V классъ открыть быть не можетъ.

А зданіе для VШ-классной гимназіи уже оканчивается постройкою.

Нынѣ окончилъ IV классъ 17 воспитанниковъ, они жаждутъ продолжать образованіе. Родители ихъ, заботясь о нихъ для того же и, не будучи увѣрены, что V классъ открыть разрѣшатъ, — такъ какъ примѣры этого представляли уже предъидущіе два года, — телеграфировали и въ Томскъ, и въ Омскъ, прося о принятіи своихъ четырехъ-классниковъ въ тамошнія гимназіи; но изъ обоихъ городовъ получили отвѣты: за переполненіемъ гимназіи, приѣма учениковъ изъ Семипалатинска быть не можетъ.

Куда же дѣваться? Вѣрненская гимназія за 1,000 верстъ отъ насъ, и хотя въ ней всего только около 100 воспитанниковъ, но и зданіе гимназіи какое-то временное и тѣсное, строящееся еще послѣ солидныхъ корпусовъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ 1887 года.

Да и отправлять туда дѣтей, за 1,090 верстъ по дорогомому убійственному тракту, надобно не мало средствъ и мужества.

Но истиннѣ печальное положеніе.

Крупныя мелочи.

Кто то сказалъ, что вся жизнь складается изъ мелочей. Это до извѣстной степени справедливо, вообще, а въ дѣлѣ народнаго образованія въ особенности. Ростъ школьнаго дѣла, его поступательное движеніе, при современныхъ условіяхъ, проявляется довольно незамѣтно. Многія благія мѣры, принимающіяся на его пользу, часто сами по себѣ незначительны, но при отсутствіи широкихъ реформъ и мѣропріятій, захватывающихъ цѣлыя сферы и отрасли школьнаго дѣла, друзьямъ народнаго образованія приходится довольствоваться собираніемъ мелкихъ фактовъ, небольшихъ по своему абсолютному значенію, но приобретающихъ при извѣстныхъ условіяхъ относительно большую важность.

Къ такимъ крупнымъ мелочамъ надо отнести слѣдующія два извѣстія:

Министерство народнаго просвѣщенія нашло возможнымъ допустить къ обращенію въ народныхъ читальняхъ и библиотекахъ тѣ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, которыя признаны будутъ для того пригодными по соглашенію попечителя учебнаго округа съ губернаторомъ и епархіальнымъ начальствомъ.

Много разъ указывалось на крайнюю скудость состава нашихъ народныхъ библиотекъ и читаленъ, на преобладаніе въ ихъ каталогахъ книгъ преимущественно для дѣтей, а не для взрослога населенія, между тѣмъ какъ именно его потребностямъ должны удовлетворять такія учрежденія. Взрослый грамотный крестьянинъ не имѣлъ до сихъ поръ возможности знакомиться съ тѣмъ, что его наиболѣе интересуетъ—интересами роднаго края. Мѣстныя газеты, посвященныя, главнымъ образомъ, нуждамъ и дѣламъ своего города, губерніи оставались для крестьянина плодомъ запретнымъ. Теперь этотъ запретъ снимается, хотя и не вполне—требуется для допущенія періодическаго изданія довольно сложная процедура сношеній. Но важно и то уже, что открыта хотя бы самая возможность появленія въ бесплатной читальнѣ той газеты, которую до сихъ поръ крестьянинъ могъ читать только подписавшись на нее.

Русь сообщаетъ, что нѣкоторыя уѣздныя земскія собранія Петербургской губерніи въ прошломъ году возбудили черезъ инспекторовъ и директора народныхъ училищъ предъ министерствомъ ходатайства объ ассигнованіяхъ отъ казны на содержаніе предполагаемыхъ къ открытію народныхъ училищъ по уѣздамъ. Такія ходатайства полностью удовлетворены по Шлиссельбургскому, Царскосельскому и Лужскому уѣздамъ. По Царскосельскому уѣзду на содержаніе пяти вновь открытыхъ земскихъ училищъ назначено пособіе отъ министерства народнаго просвѣщенія въ размѣрѣ

1,130 руб. въ годъ; по Лужскому уѣзду на содержаніе 14-ти новыхъ земскихъ училищъ будетъ отпускается отъ министерства по 2,800 р. въ годъ. Въ Гдовскомъ уѣздѣ, гдѣ земство новыхъ училищъ не открывало, назначено пособіе въ 226 р. въ годъ на содержаніе Каринскаго сельскаго училища, учрежденнаго мѣстнымъ крестьянскимъ обществомъ, ожидается такое же ассигнованіе отъ министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе двухъ другихъ училищъ въ Гдовскомъ уѣздѣ, учрежденныхъ также крестьянами безъ содѣйствія земства.

Эти ассигнованія, какъ они ни ничтожны, имѣютъ то важное значеніе, что подають надежду на то, что министерство народнаго просвѣщенія, довольно долгое время сохранявшее въ одномъ и томъ же положеніи свой минимальный бюджетъ на начальное образованіе, начнетъ его увеличивать и введетъ въ систему содѣйствіе земствамъ въ распространеніи начального образованія. Въ прошломъ году мы сообщали о дополнительномъ ассигнованіи, сдѣланномъ министерствомъ по Олонецкой губ., теперь мы читаемъ о томъ же для Спб. губ. Будемъ надѣяться, что на этихъ незначительныхъ суммахъ министерство не остановится; эта надежда имѣетъ и нѣкоторыя вѣроятія, такъ какъ по слухамъ министерство народнаго просвѣщенія увеличиваетъ свой бюджетъ на 1899 г. на одинъ милліонъ руб. Конечно, для той громадной нужды, какая существуетъ у насъ въ школахъ, милліонъ значить немного, но само собой лучше хоть что нибудь, чѣмъ ничего.

Церковно-приходскія школы и школы грамоты.

Недавно опубликованъ всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1894 и 1895 годы. Такъ какъ въ настоящую минуту у насъ нѣтъ подъ руками этого отчета, то заимствуемъ интересныя заключающіяся въ немъ данныя о положеніи церковныхъ школъ изъ извлеченія, сдѣланнаго газетою «Русь» (№ 43).

По словамъ отчета, въ 1894—95 г. церковныхъ школъ насчитывалось 31,835 (въ томъ числѣ 18,865 школъ грамоты) съ 981,076 учащими. При этомъ церковныхъ школъ больше всего въ неземскихъ губерніяхъ и всего меньше—въ тѣхъ земскихъ губерніяхъ, гдѣ земства особенно сочувственно относятся къ народному образованію.

Средства на содержаніе церковныхъ школъ получаютъ самыми разнообразными путями: изъ государственнаго казначейства, изъ губернскаго земскаго сбора въ неземскихъ губерніяхъ, отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ, отъ попечителей и благотворителей, отъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, отъ церквей и монастырей, отъ городскихъ управленій и пр. Отчетъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что земства въ отчетномъ году, въ сравненіи съ предыдущимъ, оказали пособія церковнымъ школамъ значительно меньше прежняго: въ 1893—94 учебномъ году было отпущено земствами 455,000 р., а въ 1894—95 году уже только 294,000 р. Судя

по газетнымъ извѣстіямъ, въ послѣдующіе годы (1896 и 1897 гг.) по-собія отъ земствъ должны были еще болѣе понизиться.

Въ 1894—95 г. на церковныя школы было всего израсходовано 4,020,573 руб. 36½ коп., т. е. въ среднемъ, по 116 руб. на каждую школу. Эти 116 руб. не были израсходованы непосредственно на содержаніе школъ. Какъ отмѣчаетъ отчетъ, «значительная часть поступившихъ средствъ была расходуема на постройку новыхъ школьныхъ зданій». Очевидно, что матеріальная сторона церковной школы совсѣмъ не можетъ быть признана удовлетворительной. Около ½ всѣхъ школъ имѣютъ собственные помѣщенія, остальные школы помѣщаются въ наемныхъ, общественныхъ, частныхъ и причтовыхъ домахъ, въ томъ числѣ 3,548 школъ— въ церковныхъ сторожкахъ. Говоря о качествахъ школьныхъ помѣщеній, отчетъ замѣчаетъ, что большая часть помѣщеній «далеко не удовлетворяла школьнымъ требованіямъ».

Успѣхи обученія въ церковныхъ школахъ въ отчетный періодъ времени вообще оказались удовлетворительными. Учебный годъ въ сельскихъ школахъ обычно начинается съ октября или съ ноября мѣсяца и продолжается, большею частью, до конца апрѣля». Принимая во вниманіе такую малую продолжительность учебнаго курса и тѣ незначительныя средства, которыми располагаютъ церковныя школы, нельзя не удивляться тому обстоятельству, что успѣхи этихъ школъ оказались «удовлетворительными», тѣмъ болѣе, что учебный персоналъ школъ, какъ извѣстно, состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ лицъ, не подготовленныхъ къ данному дѣлу. Впрочемъ, понятіе удовлетворительности весьма растяжимое.— Въ отчетномъ году преподавались въ церковныхъ школахъ: 1) Законъ Божій, 2) церковно-славянская грамота (какъ самостоятельный предметъ), 3) церковное пѣніе и 4) русскій языкъ «со стороны грамматической и синтаксической» и «заучиваніе наизусть лучшихъ религіозно-патріотическихъ стихотвореній русскихъ поэтовъ». О другихъ предметахъ преподаванія въ отчетѣ (кромѣ сельскаго хозяйства, ремеслъ и рукодѣлій въ нѣкоторыхъ школахъ) нѣтъ ни слова.

Состояніе воспитательной части, по заявленію отчета, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Церковная школа «стремится къ тому, чтобы пробудить и укрѣпить въ своихъ питомцахъ живое благочестіе въ духѣ православной церкви, расположеніе къ ея установленіямъ и завѣтамъ, насадить и развить любовь къ родителямъ и чувство самоотверженной преданности Царю и Престолу и предохранить отъ дурнаго вліянія среды». Достигается все это всею постановкою дѣла въ церковныхъ школахъ. «Дѣти, при входѣ въ школу, видятъ въ переднемъ углу икону и горящую передъ ней лампаду». Стѣны школы украшены портретами лицъ Императорской Фамиліи и картинами, изображающими событія св. исторіи. Передъ ученьемъ и послѣ ученья читаются молитвы; въ нѣкоторыхъ школахъ совершаются утреннія, а равно и вечернія моленія; въ вологодской епархіи утромъ читается евангеліе. «Во время молитвы, а во

многих школах и во время уроков Закона Божія, передъ классной иконою обычно теплилась лампадка или горѣли восковыя свѣчи». Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ «масло для лампады дѣти покупали по своему желанію на средства, получаемыя отъ родителей». Церковная школа не только предохраняетъ учащихся отъ дурного вліянія среды, но благотворно вліяетъ и на самую среду. «Черезъ дѣтей — благотворное вліяніе школы сказывается и на взросломъ населеніи» (стр. 381). А ставропольскій епархіальный училищный совѣтъ передаетъ слѣдующій отзывъ крестьянъ: «Прежде наши дѣти и спать ложились, и вставали, не молясь Богу, теперь же утромъ и вечеромъ вычитываютъ молитвы, да и шалостей поменьше стало между ними, даже съ животными не позволяютъ себѣ обращаться жестоко. Смотря на своихъ ребятшекъ и слушая ихъ хорошіе рассказы, и мы исправляемся» (стр. 395).

Далѣе отчетъ свидѣтельствуєтъ, что народъ любитъ церковную школу и расположенъ къ ней. Нѣсколько странное впечатлѣніе въ виду этого производятъ слѣдующія сообщенія отчета: «При всемъ своемъ расположеніи къ церковнымъ школамъ, крестьяне въ общемъ далеко не въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ ихъ матеріально» (стр. 397). «Крестьяне нерѣдко отказываются дѣлать ассигновки специально на содержаніе существующихъ у нихъ церковныхъ школъ». «Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ существуютъ такъ называемыя волостныя школы, т. е. содержимыя на средства, собираемыя по раскладкѣ съ крестьянъ всей волости, сельскія общества часто отказываются отъ содержанія церковныхъ школъ», и т. д. Такимъ образомъ, сочувствіе населенія церковно-приходской школѣ оказывается значительно ниже сочувствія того-же населенія земской школѣ, на которую оно такъ охотно даетъ средства.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе церковныхъ школъ, по изображенію отчета.

Допущеніе учительницъ въ мужскія гимназіи.

Какъ сообщаютъ «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости», въ мѣстной мужской гимназіи полученъ циркуляръ попечителя харьковскаго учебнаго округа отъ 7-го августа, за № 5785, сообщающій распоряженіе г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о возможности допускать въ мужскія гимназіи, въ качествѣ преподавательницъ французскаго языка въ младшихъ классахъ, лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ французскаго языка. Необходимость подобной реформы слѣдующимъ образомъ объясняется въ циркулярѣ тайн. сов. Н. П. Богодѣпова.

«Начальства учебныхъ округовъ часто затрудняются въ приисканіи полноправныхъ кандидатовъ для замѣщенія открывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вакансій преподавателей французскаго языка, вслѣдствіе чего учебныя заведенія долго остаются безъ преподавателей сего предмета. Иногда эти вакансии замѣщаются, по недостатку полноправныхъ

кандидатовъ, лицами, не имѣющими надлежащаго образовательнаго ценза педагогической опытности и притомъ плохо владѣющими русскимъ языкомъ. Такіе учителя оказываются не въ состояніи должнымъ образомъ вести преподаваніе французскаго языка, и ученики ихъ по большей части не достигаютъ никакихъ успѣховъ. Крайній недостатокъ учителей французскаго языка вынуждалъ министерство народнаго просвѣщенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускать въ преподаванію этого предмета въ низшихъ классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній лицъ женскаго пола. По отзывамъ начальствъ подлежащихъ учебныхъ округовъ, эти учительницы французскаго языка вели занятія по сему предмету не только удовлетворительно, но и достигали хорошихъ успѣховъ, въ виду чего попечителями округовъ высказываются за цѣлесообразность этой мѣры и желательность примѣненія оной на будущее время».

О пользѣ и цѣлесообразности этого распоряженія нѣтъ надобности распространяться. Всѣ мы знаемъ по личнымъ воспоминаніямъ или по рассказамъ, какіе учителя у насъ имѣются по новымъ языкамъ и въ какомъ плачевномъ состояніи находится ихъ преподаваніе въ нашихъ гимназіяхъ. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ значеніе иностранныхъ языковъ становится все важнѣе и недостатки ихъ школьнаго преподаванія даютъ себя все болѣе и болѣе чувствовать, какъ только учащіяся нашихъ гимназій сходятъ со школьной скамьи. Поэтому допущеніе въ мужскія гимназіи учительницъ, весьма часто прекрасно знающихъ какъ русскій, такъ и иностранные языки, можетъ оказать большую пользу изученію новыхъ языковъ.

Фабричныя школы.

Читателю, конечно, извѣстно, какое вниманіе удѣляется въ наше время крупной промышленности; ея представители старательно выдвигаютъ на первый планъ свои интересы, которые, надо сказать, нерѣдко пользуются преобладающимъ покровительствомъ правительства. Громадные обороты промышленныхъ предпріятій, ихъ крупные барыши все это вмѣстѣ взятое отводитъ крупной промышленности выдающееся мѣсто въ государственной жизни Россіи. Поэтому можно было бы ожидать, что крупная промышленность играетъ крупную роль въ культурной жизни Россіи, что она непосредственно содѣйствуетъ распространенію въ Россіи культуры и образованія. Но, къ сожалѣнію, это не совсемъ такъ, по крайней мѣрѣ, въ одной весьма важной сферѣ—просвѣтительной дѣятельности. Поглощая трудъ рабочаго и его семьи, русская фабрика пока очень немного дѣлаетъ для удовлетворенія его духовныхъ нуждъ. Не говоря о томъ, что организація для рабочихъ читаленъ, библиотекъ, театровъ и т. п. образовательныхъ учрежденій находится въ зачаточномъ состояніи, даже число начальныхъ школъ при фабрикахъ чрезвычайно незначительно, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ данныя, недавно опубликованныя въ «Вѣстникѣ Финансовъ». Изъ 17,645 промышленныхъ заведеній, суще-

ствовавшихъ въ 1894—95 г., школы имѣлись только при 420, что въ процентномъ отношеніи выразится ничтожной цифрой въ 0,4%. Общія расходы на школьное обученіе составляли всего 668,390 руб., что обозначаетъ 0,151% годовыхъ оборотовъ нашей промышленности. Учится въ фабричныхъ школахъ 37,108 дѣтей, изъ которыхъ дѣтей рабочихъ 22,343, остальные постороннія. Къ этому еще надо прибавить, что изъ 19,219 малолѣтнихъ, работавшихъ на фабрикахъ, только 8,259 посѣщаютъ школы. Такимъ образомъ даже изъ тѣхъ дѣтей, трудами которыхъ пользуются наши фабрики, только 42% обучаются въ школахъ, потому что ихъ такъ мало. Но и въ существующихъ при фабрикахъ школахъ изъ малолѣтнихъ, работающихъ на этихъ фабрикахъ, обучались тоже не всѣ, а только 61,2%; это и не мудрено,—послѣ восьми или девяти часовъ работы не всякій малолѣтній найдетъ въ себѣ силы и желаніе еще заниматься въ школѣ. Въ заключеніе еще одно статистическое сопоставленіе: средняя производительность одного рабочаго равняется по тѣмъ же свѣдѣніямъ 1539 руб., а средній расходъ нашихъ промышленниковъ на образовательныя нужды рабочихъ составляетъ 63 коп.

Какой поразительный и печальный контрастъ—остается только замѣтить по поводу всего сказаннаго.

О законоучителяхъ въ народныхъ школахъ.

Въ прошлый разъ въ нашей «Хроникѣ» мы говорили о необходимости допустить въ народныхъ школахъ преподаваніе Закона Божія учителями въ виду невозможности священникамъ, занятымъ своимъ непосредственнымъ дѣломъ, посвящать преподаванію достаточно времени. Въ дополненіе къ сказанному нами мы считаемъ не лишнимъ перепечатать изъ «Тамб. Вѣд.» (28 іюля) слѣд.:

Въ мартѣ текущаго года послѣдовало по тамбовской губерніи распоряженіе училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта комитѣ вмѣняется мѣстнымъ священникамъ въ обязанность преподавать Законъ Божій *прежде всего въ церковно-приходскихъ школахъ*, а потомъ *въ училищахъ*, находящихся въ вѣдѣніи земства, *если есть время*; въ случаѣ же невозможности совмѣщать обязанности законоучителей въ двухъ школахъ предлагается прискивать для земскихъ училищъ или другихъ священниковъ—законоучителей, или діаконъ, получившихъ образованіе по крайней мѣрѣ въ первыхъ четырехъ классахъ духовной семинаріи или имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя, подъ наблюденіемъ священника, или, наконецъ, предлагать земству прискивать для содержимыхъ имъ школъ особыхъ преподавателей Закона Божія изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, съ назначеніемъ имъ приличнаго вознагражденія, и не допускать, чтобы приходскіе священники назначались въ земскія школы законоучителями номинально, для исполненія *лишь формальности*.

ДЕРЖАВНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВѢДѢНІЕ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКТНОСТЬ

УЧЕБНИКОВЪ ПО ПЕДАГОГИКѢ

4. Критика и библиографія.

1. Левесъ. Женскіе типы Шекспира. П. Когана. 2. М. Каррьеръ. Драматическая поэзія. 3. Венгеровой 3. Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. П. Каптерева. 4. Р. Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. 5. Л. Курпріянова. Современная Бельгія. 6. Ст. Гулишамбаровъ. Всемирная торговля въ XIX вѣкѣ М. Плотникова. 7. Фабръ. Инстинктъ и нравы насекомыхъ. 8. В. Варпаховскій. Опредѣлитель прѣсноводныхъ рыбъ Европ. Россіи. Проф. В. Шимкевича. 9. М. Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. А. Низеветтера. 10. Граціанскій. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. 11. Доценко. О вредѣ сифилиса. Д-ра Д. Никольскаго. 12. Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . .

50— 73

5. Журнальное обозрѣніе. («Парижъ» Зола)

В. Поссэ . . . . .

73— 79

6. Книжный листокъ . . . . .

79— 85

7. Хроника. Лѣтніе земскіе педагогическіе курсы.—О женскомъ медицинскомъ образованіи.—Куда дѣваться?—Крупныя мелочи.—Церковно-приходскія школы и школы грамоты.—О допущеніи учительницъ въ мужскія гимназіи.—Фабричныя школы.—О законоучителяхъ въ народныхъ школахъ. . . . .

85—100

18. Объявленія

Новое изданіе редакціи журнала «Образованіе».

ПОПУЛЯРНЫЕ БИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

В. ШИМКЕВИЧА

проф. Спб. университета

Съ 65 рис. и 4 портретами

Ц. 1 р. 25 коп.

Продолжается подписка на 1898 годъ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОБРАЗОВАНИЕ.

Съ 1896 года журналъ издается подъ новой редакціей, по значительно расширенной программѣ и въ увеличенномъ объемѣ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаний, путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ, достойныхъ вниманія, фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ удовлетворенію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы:

Изъ области знаній (Научныя бесѣды). На Западѣ. (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей.—Письма изъ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Америки отъ постоянныхъ корреспондентовъ журнала). Новости иностранной литературы. (Подробные отзывы оновѣйшихъ явленіяхъ въ области литературы и науки за границей). Изъ иностранныхъ журналовъ. (Пересказъ наиболѣе интересныхъ статей) Критика и библиографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, учебникахъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи. Сообщенія специальныхъ корреспондентовъ о различныхъ явленіяхъ въ сферѣ народнаго образованія).—Хроника.—Текуція замѣтки о важнѣйшихъ фактахъ русской общественной жизни, преимущественно въ отношеніи къ народному образованію).—Статистика образованія въ Россіи и за границей.

Журналъ допущенъ въ народныя бібліотеки-читальни.

Цѣна за годъ 5 р. съ перес.—полгода—3 р.
за границу 7 р.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Загородный пр. д. 28.), а также въ магазинахъ: Нов. Времени, Карбасникова и др. Въ Москвѣ, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и книжн. магаз. «Трудъ» (Тверская ул., д. Спиридонова). *Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору.*

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

СО ДЕРЖАНИЕ № 7—8.

	Стран.
1. Что намъ нужно? <i>П. Д.</i>	1— 11
2. Генрикъ Ибсенъ. <i>Н. Мировичъ.</i>	11— 35
3. Современное англійское воспитаніе <i>П. Кантерева.</i>	36— 43
4. Наши модныя увлеченія въ области народнаго образованія <i>В. Василевича</i>	44— 64
5. Клерикально-антисемитское движеніе и народная школа въ Австріи. (Окончаніе). <i>П. Теплова</i>	65— 85
6. Научное образованіе въ женскихъ профессиональ- ныхъ школахъ <i>Н. Леонтьевой</i>	86— 96
7. Эволюція экономическаго строя и ея дѣленіе на пе- риоды <i>Максима Ковалевскаго</i> перев. съ франц.	97—112
8. Народныя чтенія, картины и волшебный фонарь <i>М. Круковского</i>	112—118
9. Что такое юморъ? <i>А. Намимова</i>	119—128
10. Исторія позитивной философіи <i>Проф. Г. Гефф- динга.</i> (Продолженіе), перев. съ нѣмецк. <i>Д. Вик- торова</i>	129—147
11. Очеркъ соціальнаго развитія Англій до XVIII вѣка <i>А. Дрелинга</i>	147—165
12. Англійскіе писатели XIX вѣка.—Чарльзъ Дик- кенсъ. <i>Проф. Ч. Тэрнера</i>	166—180
13. Историческое освѣщеніе комедіи «Горе отъ ума». <i>А. Хаханова</i>	181—186
14. Воскресная школа въ деревнѣ <i>Ек. Урстиновичъ</i>	187—212
15. На Западѣ. I. (Изъ Австріи). Новыя теченія въ искусствѣ <i>П. Звѣздича.</i> II. (Изъ Англій) Но- вая женщина въ Англій. <i>Л. Б.</i>	1— 40
16. Изъ жизни и литературы. Былъ ли Вѣлинскій чуждъ русскому народу? <i>В. Чернова.</i>	41— 51

Редакція, контора и книжный складъ журнала «Образованіе»
переведены на Загородный пр. д. 28.

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 7—8.

ЮЛЬ—АВГУСТЪ.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.

1898.

YC 23069

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000476489

